МАРТИН ГИЛБЕРТ

ЧЕРЧИЛЛЬ

БИОГРАФИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Черчилль» Мартина Гилберта представляет собой не только чрезвычайно ценный исторический труд, но и увлекательное повествование. Перед нами проходит вся жизнь Уинстона Черчилля с самого раннего детства: борьба и неудачи, моменты наивысшего триумфа и горьких поражений, волнения его частной жизни, необычайные способности оратора, политика и даже провидца, проявлявшиеся на протяжении всей его карьеры как в мирные, так и в военные годы.

Мартин Гилберт создает живой портрет, опираясь на личную переписку Черчилля из семейного архива, воспоминания современников – сотрудников, друзей и противников. Читателю открывается подоплека грандиозных политических событий XX века – эпохи, отмеченной двумя мировыми войнами и завершившейся холодной войной и ядерным противостоянием великих держав.

«Моя цель – представить на этих страницах полную и законченную картину политической и частной жизни Черчилля. Его карьера является темой бесчисленного количества книг и статей, в которых его порой судят свысока, а то и резко. Я намерен дать сбалансированную оценку, основанную на его реальных мыслях, поступках, достижениях, убеждениях и опровергающую многие существующие недоразумения.

Огромный массив сохранившихся прижизненных материалов позволил мне предложить читателю практически полное собрание фактов о жизни Черчилля, воспроизвести почти каждый эпизод, к которому он имел отношение, представить его истинные намерения и действия, а также его собственные слова, аргументы и мысли».

Мартин Гилберт

- Мартин Гилберт
  - ○
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ Благодарности
  - ○ Глава 1
  - ○ Глава 2
  - ○ Глава 3
  - ○ Глава 4
  - ○ Глава 5

- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Карты
- Фотоматериалы

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50

- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62

Мартин Гилберт
Черчилль. Биография

Martin Gilbert
Cherchill
A Life

На переплете и суперобложке: Черчилль у входа в Адмиралтейство утром 4 сентября 1939 г. Первый полноценный день работы в этом ведомстве. На цепи ключи, в том числе ключ от хранилища документов, у правой ноги сумка с противогазом.
© Bettmann/Corbis/East News

© Martin Gilbert, 1991
© Бавин С., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015
КоЛибри®

* * *

Посвящается Натали, Дэвиду и Джошуа

Предисловие

Моя цель – представить на этих страницах полную и законченную картину политической и частной жизни Черчилля. Его карьера является темой бесчисленного количества книг и статей, в которых его порой судят свысока, а то и резко. Я намерен дать сбалансированную оценку, основанную на его реальных мыслях, поступках, достижениях, убеждениях и опровергающую многие существующие недоразумения.

Огромный массив сохранившихся прижизненных материалов позволил мне предложить читателю практически полное собрание фактов о жизни Черчилля, воспроизвести почти каждый эпизод, к которому он имел отношение, представить его истинные намерения и действия, а также его собственные слова, аргументы и мысли.

Я прикоснулся к этой тематике в октябре 1962 г., войдя в исследовательскую группу Рэндольфа Черчилля, через год после того, как он – по просьбе своего отца – начал работу над его многотомной биографией и изданием сопроводительных документов. К моменту своей смерти в 1968 г. Рэндольф Черчилль довел историю отца до начала войны 1914 г. Меня попросили продолжить его работу. Мой собственный заключительный том (восьмой) заканчивается смертью Черчилля в возрасте девяноста лет.

Официальная биография, как известно, раскрывает в подробностях историю жизни Черчилля на основе пяти важнейших источников, которые я изучил, работая над этим однотомником. Из них я почерпнул много новых материалов, в особенности о периоде с самых ранних годов Черчилля до Первой мировой войны.

Первый из этих источников – собственный гигантский архив Черчилля, состоящий из политической, литературной и личной корреспонденции, хранящийся ныне в Колледже Черчилля в Кембридже. Эта частная и общественная переписка охватывает почти все девяносто лет его жизни.

Второй – бумаги его жены Клементины, включающие сотни писем, которые муж писал ей всю жизнь. Они хранятся у дочери Черчилля, леди Соамс, и воссоздают личность Черчилля ярко и всесторонне.

Третий источник – государственный архив – заключает два срока пребывания Черчилля на посту премьер-министра и его работу в различных министерствах с декабря 1905 г. по апрель 1955 г., когда он отошел от общественной жизни. Этот массив

находится в государственном архиве в Кью и содержит материалы правительства военного времени, переговоры начальников штабов периода Второй мировой войны, а также документы, связанные с его работой в министерствах и Военном совете, членом которого он был в 1914 и 1915 гг.

Четвертый источник – частные архивы, полные или же фрагментарные, его друзей, коллег и оппонентов, тех, кто контактировал с ним в различные периоды его жизни. Эти материалы можно найти во многих архивах, библиотеках и частных коллекциях как в Британии, так и за рубежом. Они показывают, какое впечатление он производил на современников, что они говорили о нем в частных беседах, свидетельствуют, что некоторые ненавидели его, а другие с самых ранних лет видели в нем человека исключительных качеств и будущего премьер-министра.

Пятый источник, который создавал я сам на протяжении тридцати лет, – личные воспоминания членов семьи Черчилля, его друзей и современников. Это воспоминания людей самых разных, в том числе – летчиков, учивших его пилотированию перед Первой мировой войной, офицеров, служивших вместе с ним на Западном фронте в 1916 г., и многих других. Мне посчастливилось встретиться и познакомиться с его литературными помощниками довоенных и послевоенных лет – с Морисом Эшли, сэром Уильямом Дикином и Денисом Келли, с сэром Гербертом Гриди, работавшим у него в 1919 г., и членами его правительства периода Второй мировой войны сэром Джоном Мартином, сэром Джоном Пеком и сэром Джоном Колвиллом, а также с Энтони Монтегю Брауном, работавшим с ним в 1953–1965 гг.

Как биографу Черчилля мне исключительно повезло: я разговаривал с его секретарями, в том числе с Кэтлин Хилл, сотрудничавшей с Черчиллем в 1936 г., с работавшими с ним во время Второй мировой войны Элизабет Лейтон и Мариан Холмс, а также с Элизабет Джилльет, леди Онслоу, Джейн Портал и Дорин Пью – его сотрудницами в последующие годы. Бульшая часть жизни Черчилля связана с поместьем Чартвелл. Грейс Хэмблин, трудившаяся там с 1932 г., стала, можно сказать, моим проводником по этому периоду жизни.

Из этих пяти источников взята масса материалов, помещенных и прокомментированных в сборниках документов, сопровождающих каждую часть многотомной биографии Уинстона Черчилля.

В этом однотомнике я хотел представить материалы, которые

помогли бы читателям самостоятельно оценить поступки Черчилля и его личность на протяжении всей его удивительной карьеры. Карьеры на редкость долгой, отмеченной многочисленными конфликтами и противоречиями, ведь он был человеком откровенным и независимым и, критикуя тех, кто, по его мнению, был неправ, выражался без обиняков и использовал живой, яркий и доходчивый язык.

Черчилль участвовал в политической жизни более пятидесяти лет. Прежде чем стать премьер-министром, он занимал восемь различных постов в правительстве. К моменту ухода в отставку после второго премьерства (1955) его депутатский стаж составлял пятьдесят пять лет. Диапазон его деятельности необычайно разнообразен. Он получил офицерский чин при королеве Виктории и принимал участие в кавалерийской атаке при Омдурмане; стоял у истоков развития авиации и научился летать перед Первой мировой войной; создавал военно-морскую авиацию; активно внедрял в армию танки; занимался организацией противовоздушной обороны. Черчилль предвидел создание оружия массового поражения, и в последнем выступлении в парламенте уже предлагал использовать атомную бомбу как гарантию сдерживания и всеобщего разоружения.

Поразительный дар Черчилля понимать и предвидеть развитие событий проявился с ранних лет. Он глубоко верил в свою способность внести вклад в улучшение жизни человечества. Его военная служба и природная смекалка дали ему глубокое понимание природы войны и общества. Он обладал мужеством, которое проявлялось и на полях сражений империи на рубеже веков, и на Западном фронте в 1916 г., и в Афинах в 1944 г. При этом он прекрасно отдавал себе отчет в ужасах войны и ее катастрофических последствиях.

Представляя в разные периоды Либеральную или Консервативную партии, Черчилль неизменно оставался радикалом: он был убежден в необходимости активного участия государства в законодательной и финансовой деятельности, в социальном обеспечении всех граждан. Среди различных социальных реформ, в законодательной подготовке которых он играл ведущую роль, можно назвать тюремную реформу, реформу системы страхования, государственные пособия вдовам и сиротам, создание постоянно действующего органа по разрешению трудовых конфликтов, организацию государственной поддержки безработных, сокращение рабочей недели и улучшение условий труда на заводах и фабриках. Он выступал за государственную систему здравоохранения, расширение доступа к образованию, налог на сверхприбыль

и за привлечение рабочих и служащих к участию в прибыли. В первом публичном выступлении в 1897 г., за три года до того, как стать членом парламента, он говорил, что наступит день, когда трудящийся станет «акционером предприятия, на котором работает».

В периоды мировой напряженности Черчилль неизменно выступал сторонником примирения и коалиций. Он по возможности всегда стремился избегать конфликтов и конфронтации. В международных делах он постоянно искал способы урегулирования претензий проигравшей стороны и примирения бывших врагов. После двух мировых войн он выступал за использование силы победителей, чтобы загладить обиды побежденных и сохранить мир. Он первый ввел в употребление слово «саммит», тогда понимаемое как встреча лидеров западного и коммунистического мира. Он делал все возможное для организации подобных встреч, чтобы положить конец холодной войне. Среди соглашений, принятых в результате переговоров, которые он вел терпеливо и вдумчиво, можно назвать конституционные урегулирования в Южной Африке и Ирландии и схемы выплат военных долгов после Первой мировой войны.

Проницательный, рассудительный и осторожный политик, Черчилль при этом всегда был сторонником смелых действий. Одним из его величайших талантов было исключительное владение словом, любовь к языку, что позволяло ему красноречиво и доступно излагать важнейшие вещи, убеждать и вдохновлять людей. Он обладал прекрасным чувством юмора, был душевным, благородным человеком и всю жизнь придерживался либеральных убеждений. Зная его умение находить компромиссы, к нему часто обращались за помощью последующие премьер-министры. Неприятие недобросовестности, несправедливости, дискриминации – как во внутренних, так и в международных отношениях – было краеугольным камнем его убеждений.

Общественная деятельность Черчилля затрагивала все аспекты британской внутренней и внешней политики – от социальных реформ до организации встречи в верхах после Второй мировой. Она касалась отношений Британии с Францией, Германией, Соединенными Штатами и Советским Союзом в самые непростые времена. Его звездным часом стало управление Британией в период, когда она оказалась наиболее изолированной, уязвимой и слабой, когда его мужество, решительность и вера в демократию были особенно востребованы страной.

Мартин Гилберт, Мертон-колледж, Оксфорд

23 января 1991 г.

Благодарности

Я благодарен всем, кто на протяжении трех десятков лет делился со мной своими воспоминаниями о Черчилле. Те, кого я цитирую, щедро уделяли мне свое время. Я должен поблагодарить Валентина Бережкова, Гарольда Борна, Айвона Кортни, сэра Уильяма Дикина, сэра Дональда Макдугалла, Роберта Фокса, Ив Гибсон, Элизабет Джилльет, Грейс Хэмблин, Памелу Гарримэн, Кэтлин Хилл, Мариан Холмс, Патрика Кинна, Элизабет Лейтон, Джеймса Лис-Милна, бригадира Мориса Лаша, Джона Маккоя, Джока Макдэвида, Малкольма Макдональда, виконта Маргессона, сэра Джона Мартина, Тревора Мартина, Энтони Монтегю Брауна, фельдмаршала виконта Монтгомери Аламейнского, сэра Джона Пека, капитана сэра Ричарда Пима, Дорин Пью и леди Уильямс Илвел (Джейн Портал).

Моя самая глубокая благодарность за ценнейшие советы и предоставление материалов детям Черчилля – леди Саре Одли, леди Соамс и Рэндольфу Черчиллю, моему предшественнику в качестве биографа.

Помимо тех, кто делился со мной воспоминаниями, я благодарю всех, дававших мне исторические консультации или снабжавших дополнительными документальными материалами. Благодарю за помощь Патрисию Аккерман – сотрудницу архивного отдела Колледжа Черчилля, Дж. Альбрехта из Швейцарской лиги охраны природы, Ларри Эрна из Клермонтской школы государства и политической философии, Жанну Беркли, Алана Баксендейла, доктора Дэвида Батлера, Джулиан Чаллис, Роберта Крейга, Генри Крукса, Майкла Даймонда, доктора Майкла Даннила, Фелисити Дайер – из Daily Express, Николаса Идона, Линду Гринлик – главного библиотекаря Jewish Chronicle, Айрин Моррисон из Шотландского совета по туризму, Дэвида Пэрри из отдела фотографий Имперского военного музея, Гордона Рэмси, Эндрю Робертса, Джеймса Рашбриджера, Мэттью Сполдинга, Кена Стоуна из Музея истории столичной полиции, Джонатана де Сузу, лорда Тэйлора Хадфилдского, профессора Владимира Трухановского, миссис М. Винелл, административного менеджера из Evening Standard; Фрэнка Уилана, сотрудника Sunday Call-Chronicle, и Бенедикта К. Зобриста – директора Библиотеки Гарри Трумэна в Миссури.

Возможность использовать ранее не публиковавшиеся материалы о Черчилле мне предоставили British Library Manuscript Collections, Christie's Auction Rooms, the Hollinger

Corporation, А. Розенталь, Чаз У. Сэйер, Джон Р. Смитхерст, архив Times, архив Blenheim Palace и The National Trust Collection. Всем им я тоже безмерно признателен.

За помощь и существенные предложения по содержанию я чрезвычайно благодарен сэру Дэвиду Ханту, Адаму О'Риордану и Эдварду Томасу, которые делились со мной своими обширными познаниями и критическими замечаниями. Элен Фрезер, Лаура Бидл и многие другие сотрудники издательского дома William Heinemann, принимавшие участие в подготовке этой книги к печати, всегда оказывали мне помощь и поддержку на различных и порой трудных стадиях производства. Литературное редактирование и корректура были мастерски исполнены Лизой Гласс и Артуром Ньюхаузером, Рейчел Грин помогала в поиске фактов, а Кей Томсон выполнила огромный объем секретарских обязанностей.

И как всегда, я глубоко признателен моей жене Сьюзи за ее вклад в каждую страницу этой книги.

Глава 1
Детство

Уинстон Черчилль родился в 1874 г., в середине Викторианской эпохи. В ноябре его мать, леди Рэндольф Черчилль, будучи на седьмом месяце беременности, поскользнулась и упала во время охоты в Бленхейме. Через несколько дней во время прогулки в коляске начались схватки. Ее поспешили доставить во дворец, где в первые часы 30 ноября и появился на свет ее сын.

Величественный дворец в Бленхейме принадлежал деду новорожденного, седьмому герцогу Мальборо. По отцовской линии Черчилль был представителем высшей британской аристократии. Род его восходит к первому графу Спенсеру и выдающемуся военачальнику Джону Черчиллю, первому герцогу Мальборо, командовавшему коалицией армий, которые нанесли поражение Франции в начале XVIII в. Со стороны матери вся его родня – американцы. Его дед, Леонард Джером, живший в Нью-Йорке, был успешным биржевым маклером, финансистом и владельцем газет. Столетием раньше его предки сражались в армии Вашингтона за независимость американских колоний.

Почти за год до рождения Черчилля его отец, лорд Рэндольф Черчилль, был избран в палату общин членом парламента от Вудстока. Этот небольшой город, к которому относился Бленхейм, едва ли насчитывал больше тысячи избирателей. У него была давняя традиция направлять членов герцогской фамилии в Вестминстер. В январе 1877 г. дед Черчилля, седьмой герцог Мальборо, получил должность вице-короля Ирландии. Лорд Рэндольф стал у него личным секретарем. Двухлетний мальчик с родителями и няней, миссис Эверест, отправился в Дублин.

Когда Черчиллю было четыре года, в Ирландии, пострадавшей от сильного неурожая картофеля, вспыхнули волнения на национальной почве, которые возглавили фении[1]. «Моя нянюшка, миссис Эверест, ужасно боялась фениев, – вспоминал он. – У меня сложилось представление, что фении – скверные люди и способны на все, дай им только волю». Однажды, когда Черчилль катался на ослике, миссис Эверест показалось, что к ним приближается процессия фениев. «Сейчас-то я уверен, – позже писал он, – что это была стрелковая команда на марше. Но мы все до смерти перепугались, особенно ослик. Он взбрыкнул и сбросил меня на землю. Я получил сотрясение

мозга. Таким было мое первое знакомство с ирландским вопросом!»

В Дублине мальчиком помимо няни занималась еще и гувернантка. Ее задачей было научить его читать и считать. «Все эти занятия, – позднее писал он, – отравляли мою детскую жизнь. Они отвлекали от интереснейших вещей, манивших в детскую или в сад». Он вспоминал также, что мать почти всегда одобряла действия гувернантки.

Спустя пятьдесят лет Черчилль напишет о матери: «Она светила мне, как вечерняя звезда. Я нежно любил ее, но издали». Любовь и заботу, которых не давали родители, он находил у няни. «Моей наперсницей была няня, – писал он. – Миссис Эверест ходила за мной и всячески баловала меня. С ней я делился многими своими печалями».

В феврале 1880 г. у Черчилля родился брат Джек. Вскоре после его рождения семья вернулась в Лондон, на Сент-Джеймс-плейс, 29. Черчилль знал о болезни Дизраэли, бывшего премьер-министра от Консервативной партии. «Конечно, я знал, что лорд Биконсфилд умирает, – писал он позже. – И вот настал день, когда все разом опечалились и жаловались, что великому государственному мужу, любившему свою страну и бросившему вызов России, разбила сердце неблагодарность радикалов». Бенджамин Дизраэли, первый лорд Биконсфилд, скончался, когда Черчиллю было шесть лет.

На Рождество 1881 г., вскоре после своего седьмого дня рождения, Черчилль был в Бленхейме. Именно оттуда он написал свое первое сохранившееся письмо, датированное 4 января 1882 г.: «Моя дорогая мама, надеюсь, у тебя все хорошо. Большое-пребольшое спасибо за замечательные подарки. Солдатики, знамена и замок очень хорошие. Вы с моим дорогим папой очень добры. Шлю вам свою любовь и множество поцелуев. Ваш любящий Уинстон». Той же весной Черчилль на два месяца вернется в Бленхейм. «Как хорошо за городом, – писал он матери в апреле. – В здешних садах и парках гулять гораздо лучше, чем в Грин-парке или Гайд-парке». Но он скучал по родителям и, когда бабушка уехала в Лондон, написал отцу: «Хотелось бы поехать с ней, чтобы поцеловать тебя».

За братьями в Бленхейме ухаживала миссис Эверест. «В пятницу, – писал он матери незадолго перед Пасхой, – мы видели змею, ползущую в траве. Я хотел убить ее, но Эверест не позволила». На Пасху миссис Эверест повезла братьев на остров Уайт, где ее зять служил старшим надзирателем в тюрьме Паркхерст. Они остановились в Вентноре, в коттедже с видом на море. Из Вентнора Черчилль сообщал матери: «У нас

был пикник, мы ездили в Сандаун обедать на пляже и ходили смотреть форты. Там есть огромные 18-тонные пушки».

Той осенью Черчиллю объявили, что его собираются отправить в пансион. «Я был, – позже писал он, – как обычно бестактно говорят взрослые, «трудный ребенок». Выяснилось, что я должен уехать из дома на много недель, чтобы заниматься с учителями». Впрочем, «трудным» он был не для всех. Сестра леди Рэндольф Леони считала его очень веселым и непосредственным.

Пансион Сент-Джордж находился близ Аскота. Черчилля отправили туда за четыре недели до его восьмого дня рождения. Половина семестра уже прошла. Мать привезла его днем. Они сели пить чай с директором. «Больше всего я боялся, – вспоминал он почти пятьдесят лет спустя, – расплескать чай и тем самым испортить первое впечатление. Меня также приводила в отчаянье мысль, что придется остаться одному среди незнакомых людей в этом огромном, пугающем месте».

Школьные неприятности начались буквально с первых же дней. «В конце концов, – писал позже Черчилль, – мне было всего семь лет, и мне было гораздо лучше дома с моими игрушками. Игрушки у меня были замечательные: настоящий паровоз, волшебная лампа и коллекция солдатиков почти в тысячу штук. Теперь же у меня были только уроки». Система воспитания в Сент-Джордже была суровой, отчасти даже жестокой. «Порка розгами по примеру Итона, – писал Черчилль, – была непременной. Но я уверен, ни один ученик Итона и уж наверняка ни один ученик Харроу в мое время (Черчилль учился в Харроу с 1888 по 1892 г. – *М. Г.*) не подвергался столь жестокой порке, какую устраивал своим маленьким подопечным директор нашего заведения. Это, я думаю, превосходило по жестокости наказания, которые применялись в исправительных учреждениях Министерства внутренних дел».

Свидетелем этого был Роджер Фрай. «Директор сек розгами со всей силой, – позже писал он. – Достаточно было двух-трех ударов, чтобы выступала кровь, а после пятнадцати-двадцати ударов ягодицы мальчика представляли собой кровавое месиво». Черчилль вспоминал, как во время экзекуций все с содроганием слушали крики истязуемого.

«Как я ненавидел эту школу, – писал он, – и в какой тягостной атмосфере прожил более двух лет. У меня были очень скромные успехи в учебе и практически никаких – в играх. Я считал дни и часы до окончания каждого семестра, когда можно было вернуться домой из этого ненавистного рабства и выстроить моих солдатиков в боевой порядок на полу в детской».

Первые каникулы Черчилля после полутора месяцев пребывания в Сент-Джордже пришлись на Рождество 1882 г. Семья к этому времени перебралась в другой дом, на Коннот-плейс, 2, к северу от Гайд-парка. Там им предстояло прожить ближайшие десять лет. «Что касается успехов Уинстона, – писала его мать мужу 26 декабря, – то с сожалением могу констатировать их отсутствие. Возможно, прошло недостаточно времени. Читает он хорошо, но это все. Первые два дня дома он разговаривал слишком громко и даже вульгарно. Этим я тоже разочарована. Но Эверест сказали, что в следующем семестре они намерены быть с ним построже». Леди Рэндольф также сообщала мужу, что старший сын дразнит маленького еще больше, чем раньше, так что придется им заняться. И завершила отзыв о своем восьмилетнем сыне так: «Кажется, он меня боится».

Первый отчет о школьных успехах Черчилля был неутешительным. Он оказался последним из одиннадцати учеников своего класса. По грамматике отзыв был: «Начало положено», по прилежанию: «Перспективы хорошие, но в следующем семестре должен более серьезно относиться к занятиям». Отчет заканчивался примечанием директора: «Очень честный, но в настоящее время слишком много шалит. Еще не усвоил правил поведения в школе, но этого и трудно было ожидать».

Школьные неприятности усугублялись слабым здоровьем, которое тоже весьма беспокоило родителей. «Очень жаль, что бедняжка Уинстон не очень хорошо себя чувствует, – писал лорд Рэндольф жене с юга Франции в канун нового, 1883 г., – и я не могу понять, в чем дело. Видимо, мы очень болезненная семья». Для улучшения самочувствия мальчика врач посоветовал провести неделю на море, в Херн-бей.

Находясь в Сент-Джордже, Черчилль постоянно, но тщетно просил мать навестить его. Перед завершением семестра в пансионе устраивали спортивный праздник. «Пожалуйста, позволь Эверест и Джеку приехать посмотреть состязания, – писал он, – и приезжай сама, дорогая. Очень надеюсь увидеть тебя, Джека и Эверест». Леди Рэндольф не приняла приглашения, но отправила к нему миссис Эверест. «Дорогая мама, любезно было с твоей стороны отпустить ко мне Эверест. Кажется, и она получила большое удовольствие, – пишет он после праздника и добавляет: – Осталось всего 18 дней».

В отчете за этот семестр Черчилль удостоился похвалы по истории, географии, переводу и поведению. Другие оценки были хуже: сочинение – «очень слабо», письмо – «хорошо, но чрезвычайно медленно», орфография – «плохо». О прилежании

было сказано: «Не вполне осознает значение усердной работы. Должен изменить отношение к учебе». Из девяти учеников класса он оказался девятым, из тринадцати в параллели – тринадцатым.

Этим летом, пока Черчилль был в школе, скончался его дед, седьмой герцог Мальборо. Во время глубокого траура лорд Рэндольф решил развеяться в путешествии. Он отправился с женой и сыном в Гаштайн. Эта поездка на один из самых модных курортов Австро-Венгерской империи стала первой поездкой Черчилля в Европу. По пути отец с сыном заглянули в Париж. «Мы проезжали по Пляс-де-ла-Конкорд, – рассказывал он шестьдесят три года спустя. – Будучи наблюдательным ребенком, я обратил внимание на монумент, увенчанный венками и траурными лентами, и сразу спросил отца, в чем дело. Он ответил: «Это символизирует французские провинции, две из которых, Эльзас и Лотарингию, Германия отняла у Франции в последней войне. Французы очень переживают по этому поводу и надеются когда-нибудь их вернуть». Совершенно отчетливо помню, что я подумал про себя: «Надеюсь, они их вернут».

По возвращении в Сент-Джордж учеба у Черчилля пошла заметно лучше, чего нельзя сказать о поведении. «Семестр начал хорошо, – отмечено в отчете. – Но последнее время очень плохо себя ведет! Впрочем, в целом прогресс заметен». В отчете за следующий семестр отмечены успехи в истории и географии. Директор прокомментировал: «Надеюсь, он начал осознавать, что школа – это труд и дисциплина. Неумерен в еде».

В феврале 1884 г. лорд Рэндольф объявил о намерении баллотироваться в парламент от Бирмингема, поскольку Вудсток, как и сотни других городков, собирались лишить возможности иметь своих представителей в парламенте. Направляясь в столь радикальный регион, лорд Рэндольф был намерен доказать, что демократия тори не просто лозунг. В марте жена директора школы посетила Мидлендс. «Она там узнала, – писал Черчилль матери, – что ставят два к одному на то, что папа пройдет в парламент». Это его первое упоминание о политике. В остальном письмо посвящено спортивным состязаниям: «На днях мы все отправились в песчаную яму и играли в очень увлекательную игру. Ее борта около семи метров высотой, тяжелейшая борьба, и те, кто выбираются первыми, ведут отчаянную борьбу с остальными».

Следующий отчет о школьных успехах Черчилля свидетельствует, что, несмотря на незаурядные способности, он чувствовал себя крайне несчастным. С историей и географией

дело обстояло хорошо, особенно с историей, но поведение характеризовалось так: «Крайне неудовлетворительно. Ему ничего нельзя доверить, а его опоздания на уроки, двадцать раз за сорок дней учебы, крайне постыдны. Постоянно создает трудности окружающим и все время попадает в различные неприятности. За его поведение никогда нельзя поручиться». Но при этом даже директор Сент-Джорджа не мог не отметить, что девятилетний мальчик очень одарен.

Письма Черчилля к матери следующего семестра показывают, насколько одиноко он себя чувствовал в этом враждебном мире. «Очень нехорошо с твоей стороны, – пишет он в начале июня, – не писать мне. С начала семестра я получил от тебя только одно письмо». В летнем семестре успехи в учебе вновь были оценены высоко. Грамматика, музыка и французский – «хорошо», история и география – «очень хорошо». Поведение – «лучше, но все еще причиняет беспокойство». Директор прокомментировал: «У него никаких амбиций. Если будет прилагать усилия, может стать первым к окончанию семестра».

В девять с половиной лет Черчилль получил от отца книгу Стивенсона «Остров сокровищ». «Помню наслаждение, с каким я поглощал ее, – писал он позже. – Учителя видели меня одновременно и отстающим, и не по годам развитым, по уши погруженным в чтение книг и остающимся среди самых последних по успеваемости. В их распоряжении был целый арсенал средств принуждения, но я оставался непреклонен». Табель успеваемости за этот семестр вновь свидетельствует о непрекращающихся проблемах с дисциплиной. В характеристике было написано: «В целом хорошо. Периодически доставляет большие проблемы».

Что за проблемы, не сказано, но другой ученик Сент-Джорджа, Морис Бэринг, который поступил в школу вскоре после того, как Черчилль ее покинул, сообщал в своих воспоминаниях: «Черчилль получил наказание розгами за то, что воровал сахар из буфета, но, нисколько не раскаявшись, он схватил с крючка над дверью священную вещь – соломенную шляпу директора и разодрал ее на куски». Его вызывающее поведение уже стало легендой.

Этой осенью у Черчилля снова возникли проблемы со здоровьем. Семейный доктор Робсон Руз, работавший как в Лондоне, так и в Брайтоне, предложил перевести мальчика в брайтонскую школу, где учился его собственный сын, полагая, что приморский климат пойдет Уинстону на пользу. Руз вызвался присматривать за ним. «Поскольку меня сочли очень болезненным, – вспоминал позже Черчилль, – решили,

что желательно держать меня под постоянным наблюдением». Этой школой-пансионом заведовали сестры Томсон. Школа находилась в Брайтоне, в двух зданиях по Брунсвик-роуд, под номерами 29 и 39. Семестр начался в сентябре 1884 г. «Я здесь очень счастлив, – писал он матери в конце октября. – Но я был расточителен – купил себе красивый альбом для марок и марки. Пожалуйста, вышли немного денег».

30 ноября Черчилль отпраздновал десятый день рождения. Через три дня его отец отправился из Англии в Индию. Там ему предстояло находиться до марта 1885 г. В случае возвращения консерваторов к власти он надеялся занять пост министра по делам Индии. «Хотелось бы мне оказаться с тобой на этом прекрасном корабле, – писал Черчилль, вернувшись в школу. – Из окна поезда мы видели, как твой корабль выходит из гавани».

Той зимой сестра леди Рэндольф Клара писала американской бабушке мальчика: «Уинстон стал очень милым и очаровательным мальчиком». Тем не менее в середине декабря дома получили тревожное письмо из новой школы, от одной из сестер Томсон, Шарлотты. Мать вызывали к сыну, с которым, как она писала, «случилась неприятность, которая может оказаться весьма серьезной. Был экзамен по рисованию. Между ним и мальчиком, сидевшим рядом, возник спор за ножик, который наставник дал им для работы. Все произошло в одно мгновение – Уинстон получил легкое проникающее ранение в грудь». По словам мисс Томсон, доктор Руз заверил ее, что, хотя все могло кончиться хуже, состояние мальчика опасений не вызывает. Они не впервые получают жалобы на вспыльчивый характер обидчика Черчилля, продолжала она, и теперь попросят родителей забрать его из школы. Сообщая об этом происшествии мужу, леди Рэндольф выражает уверенность, что Уинстон сильно вывел этого мальчика из себя, и надежду, что случившееся послужит ему уроком. Черчилль на несколько дней вернулся в Лондон с доктором Рузом, тогда леди Рэндольф узнала, что перочинный ножик, которым был ранен ее сын, вошел чуть более чем на полсантиметра и что он действительно начал первым, выкручивая противнику ухо. «Чего только не случается с нашим Уинстоном, – отвечал лорд Рэндольф жене из Бомбея. – Счастье, что ранение несерьезное».

Первый семестр в Брайтоне закончился за неделю до Рождества. Несомненно, отчасти из-за ранения Черчилль показал не очень хорошие результаты. Он оказался последним в классе по французскому, английскому и математике. Впрочем, в отчете отмечалось, что во второй половине семестра мальчик стал заметно внимательнее. Позднее Черчилль вспоминал:

«Эта школа была поменьше той, которую я покинул, и дешевле. В ней было меньше показухи, но были доброта и сочувствие, которых мне так недоставало в предыдущей».

Рождественские праздники 1884 г. Черчилль провел в Лондоне. Матери было нелегко управляться с ним. «Придется отправить Джека обратно перед Рождеством, – писала она сестре Кларе незадолго до праздника, – поскольку я не могу справиться с Уинстоном без Эверест. Боюсь, даже ей это не по силам». Черчилль вернулся в Брайтон 20 января и на следующий день написал матери: «Ты должна быть счастлива без меня. Никаких криков и жалоб от Джека. Наверное, для тебя наступил рай на земле». Через три дня он сообщает ей о школьных успехах: «Сегодня мы ездили верхом, без поводьев, и даже легким галопом».

Черчиллю по-прежнему хочется, чтобы мать навещала его. Одним из поводов оказалась постановка школьной пьесы. Леди Рэндольф приехала с пятилетним Джеком. «Они были так счастливы вместе, – писала она мужу на следующий день. – Уинни был радостно взволнован, но, на мой взгляд, он выглядит очень бледным и слабым. Мальчик требует постоянной заботы. Он сказал, что здесь вполне счастлив, и мне кажется, школа ему нравится».

В табеле успеваемости за этот семестр был отмечен прогресс. По английскому, французскому и классическим языкам он оказался четвертым из десяти. Впрочем, опять оказался последним по поведению – двадцать девятым из двадцати девяти. К моменту возвращения с каникул популярность лорда Рэндольфа сильно возросла. «Я катался верхом с одним джентльменом, – пишет Черчилль матери в мае. – Он считает Гладстона «скотиной» и говорит, что «премьером должен стать тот, с подкрученными усами». Машинист электропоезда тоже утверждает, что «лорд Р. Черчилль должен стать премьер-министром».

В этом же месяце Черчилль пишет матери, что успешно учится плавать, постоянно занимается верховой ездой, делает успехи во французском и латыни, но довольно сильно отстает в греческом.

Тем летом десятилетний мальчик с огромным удовольствием прочитал статью об отце в газете Graphic. Статья, сообщает он матери, «действительно очень хороша. На иллюстрации изображен папа в библиотеке с разными фотографиями». Через шесть дней либеральное правительство потеряло большинство в палате общин, и Гладстон ушел в отставку. Лидер консерваторов лорд Солсбери сформировал новое правительство.

Отец Черчилля стал в нем министром по делам Индии.

В июле завершился третий семестр учебы в Брайтоне. По поведению Уинстон по-прежнему оставался последним, тридцатым из тридцати, но по учебным дисциплинам дела обстояли намного лучше. Он стал первым в классических дисциплинах и третьим – по французскому языку. «Очень заметный прогресс в этом семестре, – писала Шарлотта Томсон. – Если продолжит учебу с настойчивостью и прилежанием, можно надеяться на большие успехи». Тем летом Черчилль с братом проводили летние каникулы в Кромере, на Северном море. «Скорее приезжай повидаться с нами, – уговаривает Черчилль мать в середине августа. – Ты приедешь?»

Леди Рэндольф не отреагировала на просьбу, зато договорилась с гувернанткой, которая занималась бы с ним по школьной программе во время каникул. Но это было совсем не то, чего ему хотелось. «У меня очень мало свободного времени, – пишет он матери 25 августа. – Погода замечательная, но у меня почти нет времени на себя. Гувернантка очень недобрая, требовательная и строгая». Единственным утешением служило обещание матери в ближайшие дни приехать на десять дней. К тому же каникулы омрачила болезнь. Сначала какая-то сыпь на ногах вынудила его ездить на прогулки в тележке, запряженной осликом. «А совсем недавно, – признается он, – настроение у меня совсем испортилось, но это, видимо, из-за печени, потому что был приступ желчной болезни, и температура поднялась до 37,8°».

Вернувшись осенью в Брайтон на осенний семестр, Черчилль прочитал в местной газете, что его отец выступал в городе с речью. «Не могу понять, почему ты не заехал ко мне, когда был в Брайтоне, – написал он. – Я очень расстроился, но, по-видимому, ты был слишком занят». В качестве министра по делам Индии лорд Рэндольф санкционировал военную экспедицию против Бирмы, король которой, Тибо, долго отказывался прекратить нападения на британские торговые суда и вдобавок наложил таможенную пошлину на британскую торговую компанию. Через десять дней столица страны была оккупирована, а король взят в плен. Дальнейшая судьба Бирмы должна была решиться на заседании кабинета министров на Даунинг-стрит, 10. Лорд Рэндольф был за аннексию. Несмотря на колебания лорда Солсбери, точка зрения лорда Рэндольфа возобладала, и 1 января 1886 г. был сделан, как он выразился, «новогодний подарок королеве» – присоединение Бирмы к Британской империи.

26 января правительство консерваторов потерпело поражение в палате общин. Последовавшие всеобщие выборы, хотя

и сохранили лорду Рэндольфу место в парламенте, принесли ирландским националистам баланс сил в Вестминстере. Гладстон сформировал либеральное правительство, поддерживающее их. Юный Черчилль, в очередной раз оказавшись без денег, заметил в связи с этим: «Мы не у дел, а экономят они на мне».

В марте одиннадцатилетнего Черчилля свалило воспаление легких, поставив его прямо-таки на грань жизни и смерти. Температура поднялась до 40°. Леди Рэндольф поспешила в Брайтон, следом направился и ее супруг. «Я в соседней комнате, – написал доктор Руз лорду Рэндольфу воскресным вечером 14 марта, – и буду следить за пациентом всю ночь, потому что очень обеспокоен». Высокая температура, сохранявшаяся до полуночи, встревожила доктора. Об этом он сообщил лорду Рэндольфу в шесть утра: «Я использовал стимуляторы перорально и ректально, в результате чего в 2 часа 15 минут температура упала до 38,3°, а сейчас – до 37,8°, слава Богу! Я отменю свои дела в Лондоне и сегодня останусь с мальчиком».

Но на следующий день температура у больного снова пошла вверх. «Мы продолжаем бороться за вашего мальчика, – написал Руз лорду Рэндольфу в час дня. – Сейчас у него 39,5°, но аппетит лучше, и ухудшения в легких не наблюдается. Пока мне удастся сбивать температуру, удерживая ее не выше 40,5°, оснований для тревоги не вижу». Кризис продолжался, но Руз был уверен, что худшее миновало. «Питание, стимуляторы и пристальное наблюдение спасут мальчика, – написал он в бюллетене в час дня, добавив: – Я настроен оптимистично».

В одиннадцать вечера Руз направил лорду Рэндольфу очередную записку: «Ваш мальчик, по моему мнению, еще в опасности, но держится очень хорошо! Температура сейчас 39,7°, чем я вполне удовлетворен, поскольку предполагал 40°. По крайней мере, в ближайшие двенадцать часов особых поводов для беспокойства быть не должно, поэтому желаю вам спокойной ночи». Но на следующее утро Руз докладывал: «Ночь была очень тревожная, но нам удалось выстоять. Пульс по-прежнему показывает хорошее наполнение. Надеюсь, он скоро перестанет бредить и сможет спокойно спать. Я констатирую факт: ваш мальчик удивительно хорошо борется, и я чувствую, он милостью Божьей выздоровеет». Левое легкое оказалось не задето. Ожидалось, что критическое положение продлится еще двадцать четыре часа.

Утром 17 марта произошел перелом. «Уинстон спокойно проспал 6 часов, – сообщил Руз. – Бредовое состояние прекратилось. Температура 37,2°, пульс 92, частота дыхания 28.

Он шлет вам и ее светлости свои приветы». Черчилль очень хотел увидеться с миссис Эверест, которая ждала первой возможности оказаться с ним рядом. «Простите за беспокойство, – написал доктор леди Рэндольф 17 марта, – но хочу довести до вашего мнения, что Уинстону требуется абсолютная тишина и покой. Миссис Эверест не следует сегодня навещать его: возбуждение может повредить. Я очень опасаюсь рецидива, понимая, что опасность пока еще окончательно не миновала».

Узнав, что худшее позади, зять леди Рэндольф Мортон Фривен написал ей 17 марта: «Бедный дорогой Уинни, очень надеюсь, что это останется без последствий, но, даже если болезнь станет причиной его слабости на долгое время, ты сможешь сделать для него больше после того, как его вернули тебе с порога Неведомого».

Мальчик восстанавливался медленно. Отец дважды приезжал в Брайтон навестить его. Один раз в марте с виноградом, другой – в апреле, с игрушечным паровозом. Для лорда Рэндольфа это было время активных действий. Гладстон пообещал, что либеральное правительство представит закон о гомруле, призванный создать в Ирландии парламент, наделенный властными полномочиями. Лорд Рэндольф старался предотвратить это. Он обращал внимание на несовместимость ирландцев-протестантов с католической ирландской администрацией. 8 мая Times опубликовала письмо, которое лорд Рэндольф написал члену Либеральной партии в Глазго. Он предупреждал, что, если правительство либералов навяжет гомруль ирландским протестантам, «Ольстер будет сражаться, и Ольстер будет прав». Эта фраза стала лозунгом протестантов на Севере.

К июлю Черчилль настолько окреп, что смог вернуться в школу. Он с волнением ждал грядущих всеобщих выборов. Его отец уже встречался с избирателями 2 июля. «Надеюсь, консерваторы вернутся, – писал он матери. – А ты как думаешь? Я очень рад, что папа собрал в Южном Паддингтоне огромное большинство. Думаю, это победа!» Лорд Рэндольф получил 2576 голосов против 769 его оппонента. Результаты выборов зависели от позиции Джозефа Чемберлена и его сторонников – либералов, которые, выступив против гомруля, назвали себя либерал-юнионистами и поддержали консерваторов. В альянсе с ними лорд Солсбери сформировал свою вторую администрацию. Новая политическая партия, партия консерваторов и юнионистов, была в стадии формирования. Через пятьдесят три года Уинстон Черчилль станет ее лидером.

Лорд Рэндольф стал канцлером Казначейства. Ему было

тридцать семь лет. Черчилль, пристально следивший за выборами, гордился достижениями отца. В Брайтоне он был счастлив. «Постепенно я заметно окреп на этом бодрящем воздухе и в доброжелательной обстановке, – писал он позже. – Мне разрешили заниматься тем, что меня больше всего интересовало, – французским, историей, заучиванием стихов и, кроме того, верховой ездой и плаванием. Воспоминания об этих годах особенно приятны по контрасту с теми, что оставила у меня прежняя школа».

Оглядываясь на дни учебы в Брайтоне шесть лет спустя, когда он уже учился в Харроу, Черчилль был более скептичен. «Я часто думаю про мисс Томсон, – писал он своему приятелю, – и пришел к заключению, что многие правила, а главное, питание были попросту отвратительны. Вовсе не хочу сказать ничего плохого в адрес мисс Кейт или мисс Ш., поскольку помню и ценю их доброту, но половинка сосиски – уф!!!»

В одном из писем лета 1886 г. Черчилль пишет матери: «Очень неловко признаваться, что я банкрот и немного наличных было бы очень кстати». Это была не первая его просьба о деньгах и далеко не последняя. В письмах леди Рэндольф этого периода появляются жалобы на его мотовство. А Уинстона все больше интересует мир за пределами школы – так, в сентябре он сообщает матери о том, что Брайтонский муниципалитет израсходовал 19 тысяч фунтов (по курсу 1990 г. примерно 750 тысяч фунтов) на расширение улицы Парэйд. По его мнению, это была ненужная трата огромных денег.

Письмо Черчилля о чрезмерных общественных тратах было написано за четыре дня до того, как лорд Рэндольф, выступая в Дартфорде, в графстве Кент, дал обещание сократить правительственные расходы. Этой осенью он также вынашивал планы изменить структуру налогообложения. Как позже писал его сын, «он хотел ввести гораздо более радикальный, чем его предшественники, принцип демократии, применив как основу налогообложения уровень платежеспособности граждан». Между тем потребность Уинстона в отцовском внимании по-прежнему оставалась неудовлетворенной. В письме от 10 ноября 1886 г., за три недели до своего двенадцатилетия, он сетует, что отец не навещает его, бывая в Брайтоне.

Подготавливая свой первый бюджет, лорд Рэндольф надеялся убедить первого лорда Адмиралтейства и военного министра сократить расходы на будущий год с целью создать более справедливую систему налогообложения и противостоять внешнеполитической линии, предполагающей растущие расходы на вооружение. Но когда стало ясно, что оба министра не желают

сокращать расходы своих департаментов, лорд Рэндольф написал лорду Солсбери: «Я не хочу быть источником ссор и конфликтов в кабинете, следовательно, должен просить разрешения оставить свой пост и покинуть правительство». Солсбери, получив письмо, воспринял его как прошение об отставке и принял ее. Лорд Рэндольф был поражен. Он-то рассматривал свое письмо как предупредительный, а может, и решающий выстрел в сражении с Адмиралтейством и Военным министерством, а не как просьбу об отставке, резко обрывающей его карьеру.

Но что сделано – то сделано. Лорд Рэндольф больше не был министром финансов. Ему не суждено было ни представить свой первый бюджет, ни вернуться в правительство. Двадцать лет спустя Черчилль опубликует подробный рассказ об отставке отца. «Конечно, он думал, что уйдут другие, – писал он. – Несомненно, он надеялся одержать верх. Ошибкой отца стало то, что он просмотрел недовольство и зависть, которые вызвал его внезапный приход к власти».

Двенадцатилетний мальчик вскоре почувствовал, что такое общественное недовольство. Леди Рэндольф рассказывала мужу, находившемуся тогда в Марокко: «Уинстон был на пантомиме в Брайтоне, и там представили скетч о тебе. Он разразился слезами, а потом обернулся к мужчине, который громко выражал одобрение, и крикнул: «Прекрати вопить, ты, наглый радикал!» Лорд Рэндольф был настолько тронут сыновней преданностью, что попросил передать ему золотой соверен. «Мы все, разумеется, надеялись на его возвращение во власть, – позже написал Черчилль. – Мы, дети, видели, как на улицах прохожие снимали шляпы, а рабочие широко улыбались при виде его больших усов».

Этим летом Черчилль выдержал непростое сражение за право приехать в Лондон на празднование юбилея королевы Виктории. Чтобы добиться желаемого, ему пришлось написать матери три письма. Вот первое: «Моя дорогая мама, мисс Томсон не хочет, чтобы я ехал домой на юбилей. Она говорит, что в Вестминстерском аббатстве нет места, поэтому не стоит и собираться. Кроме того, она говорит, что ты будешь очень занята и не сможешь проводить со мной много времени.

Но ты же понимаешь, что это не довод. Я хочу посмотреть Буффало Билла и представление, как ты мне обещала, и буду очень разочарован, разочарован – не то слово, я буду несчастен, если ты не исполнишь обещания. Я после этого больше никогда не смогу верить твоим обещаниям. Но я знаю, что мама слишком любит своего Уинни, чтобы так поступить.

Напиши мисс Томсон и скажи, что ты обещала мне и хочешь, чтобы я приехал домой. Я знаю, Джек ежедневно упрашивает тебя

разрешить мне приехать. Ведь после юбилея пройдет целых семь недель, прежде чем я смогу попасть домой. Не подведи меня. Если ты напишешь мисс Томсон, она не станет возражать. Я могу приехать в субботу и остаться до среды. У меня есть для тебя две новости – приятная и неприятная. Впрочем, у меня все хорошо, только я очень волнуюсь по поводу приезда домой. Я буду ужасно расстроен, если ты не разрешишь».

Это письмо было отправлено из Брайтона 11 июня. Второе письмо последовало через сутки: «Надеюсь, ты не подведешь меня. Неопределенность тяжелее всего. Напиши мне с обратной почтой, пожалуйста!!!» Черчилль даже приложил черновик письма, которое мать должна была отправить мисс Томсон: «Не могли бы вы разрешить Уинстону приехать в Лондон в субботу? Мне очень хотелось бы, чтобы он увидел шествие, и к тому же я обещала ему, что он попадет на юбилей».

В этом черновике Черчилль не стал упоминать про Буффало Билла. Но в очередном письме матери он снова напоминает об этом. Представление должно было состояться в Эрлс-Корт, выступать должен был сам Буффало Билл Коди с большим количеством индейцев, ковбоев, скаутов, поселенцев и мексиканцев. Письмо заканчивалось так: «Ради бога, не забудь!!!» Третье письмо, отправленное 15 июня, было кратким: «Я схожу с ума от неизвестности. Мисс Томсон говорит, что разрешит мне поехать, если ты попросишь. Умоляю тебя, напиши, пока не поздно. Напиши мисс Томсон с обратной почтой, пожалуйста!!!»

Настойчивость его была вознаграждена. Леди Рэндольф пошла навстречу желанию сына, и он приехал в Лондон на празднование пятнадцатилетней годовщины восшествия на трон королевы Виктории. Это был очень радостный приезд. «Надеюсь, ты скоро забудешь мое плохое поведение дома, – написал он матери на следующий день по возвращении в Брайтон, – и это не повлияет на будущие летние каникулы. Я отлично усвоил Евклида. Мы с еще одним мальчиком лучшие в школе». Чуть позднее он сообщает, что отлично успевает по греческому и латыни, и передает мнение одного из преподавателей, что в греческом он значительно продвинулся. «Это важно, – замечает он, – ведь греческий – мое слабое место, а без него мне не попасть в Винчестер, так что я очень доволен первыми успехами».

Черчилль мечтал провести летние каникулы в Париже или где-нибудь на континенте. Но он подозревал, что у матери свои планы. «Моя дорогая мама, – писал он ей за три недели до начала каникул, – надеюсь, ты не намерена отравить мне

каникулы, пригласив репетитора». Тем не менее репетитора она пригласила. Им должен был стать его преподаватель греческого языка, двадцатичетырехлетний Джеймс Бест. Черчилль смирился. «Поскольку он теперь репетитор, – писал он матери, – и он мне очень нравится, я нисколько не возражаю, но при одном условии: не делать никаких уроков. Я согласен на все за исключением этого. Я никогда не делал уроки во время каникул и не собираюсь делать их сейчас. Буду очень счастлив, если мне не придется беспокоиться, что меня заставят силой».

Однако леди Рэндольф была решительно за то, чтобы сын по-настоящему занимался во время каникул. Но он уже научился отстаивать свою точку зрения. «Обещаю, я буду очень хорошо вести себя на каникулах, – пишет Черчилль, – только непременно избавь меня от занятий, потому что я очень много занимался во время семестра и найду достаточно других дел. Мне никогда не составляло труда найти себе интересные занятия. Я мог бы целыми днями заниматься бабочками (как в прошлом году). Разреши хоть на недельку. Если я буду думать, что мне надо вернуться к определенному часу, это омрачит мне все удовольствие».

Полностью занятий избежать не удалось, хотя часть каникул Черчилль с Джеком и миссис Эверест снова провели на острове Уайт. По возвращении в Брайтон он узнал, что родители решили отправить его учиться не в Винчестер, к чему он готовился, а в Харроу. Учитывая его болезненность, расположенный на холме Харроу казался им предпочтительнее. Осенью директор школы, доктор Уэлдон, написал лорду Рэндольфу: «Мы поместили его там, где будут тщательно следить за его здоровьем».

Черчилль был доволен решением родителей. «Я очень рад, что отправляюсь в Харроу, а не в Винчестер, – писал он отцу. – Надеюсь сдать вступительные экзамены, они там не такие сложные, как в Винчестере». Он сообщал далее, что извлечение квадратного корня и десятичные дроби уже освоены и что они приступают к изучению греческих глаголов второго спряжения. В конце семестра ему предстояло сыграть роль Мартины в комедии Мольера «Лекарь поневоле» и одного из двух персонажей в отрывке из пьесы Аристофана «Всадники».

При подготовке к вступительным экзаменам в Харроу Черчилль особенно налегал на греческие глаголы. По собственной инициативе он обратился за помощью к мальчику, с которым учился в Брайтоне и который тоже перешел в Харроу. «Он написал мне и все объяснил, – поведал Черчилль матери. – Надеюсь добиться успеха, потому что упорно

занимался в течение всего долгого семестра». Результаты оказались превосходными: четыре из шести письменных работ он написал лучше всех – по истории Англии, алгебре, античной истории и библейской истории. По географии и арифметике его результат был вторым.

Во время экзаменов лорд Рэндольф приехал в Брайтон повидаться с тринадцатилетним сыном. А тот уже строил планы на рождественские каникулы. «В этом году у нас не будет рождественской елки, – написал он матери 13 декабря. – Но думаю, что хороший фокусник за три гинеи, чай, развлечения, игры и гости будут даже лучше». Однако все рождественские планы Черчилля рухнули. Родители совершенно неожиданно собрались в Россию, чтобы пробыть там до февраля. «Мне ужасно жаль, что придется провести каникулы без вас, – сетует он, узнав новость от мисс Томсон, – но я стараюсь не унывать. Но конечно, сами мы не сможем устроить праздник». Рождество он провел в Лондоне и уже 26 декабря жаловался матери, что очень скучает, а заодно сообщал, что получил в школе два приза – по английскому и Священному Писанию.

В это Рождество миссис Эверест заболела дифтеритом. «Это очень тяжело, – писал Черчилль матери 30 декабря. – Мы чувствуем себя совершенно заброшенными». Ему с Джеком пришлось покинуть Коннот-плейс и перебраться на Хилл-стрит под присмотр доктора Руза. Через четыре дня мальчиков увезли в Бленхейм, где они пробыли неделю. «Это пошло им на пользу, – сообщала их бабушка, вдовствующая герцогиня, лорду Рэндольфу 8 января 1888 г. – Я держу Уинстона в строгости, поскольку знаю, что тебе это нравится. Он умный мальчик и совсем не озорник, но ему требуется твердая рука. Джеку особая строгость не требуется».

Из Бленхейма мальчики с герцогиней вернулись в Лондон и остановились в доме 46 на Гровенор-сквер. Их сводили на комическую оперу Гильберта и Салливана «Корабль ее величества «Фартук» и на пантомиму «Кот в сапогах». Но гувернантка приходила ежедневно с десяти утра до семи вечера, а герцогиня ограничивала вечерние выходы. «Боюсь, Уинстон считает меня очень строгой, – пишет она лорду Рэндольфу 19 января, – но я действительно считаю, что он слишком часто отлучается из дома, и возражаю против его вечерних увеселений. Он крайне возбудимый. Но в понедельник он возвращается в школу. В целом же он очень ласковый и не озорник». Уинстон сильно переживал за миссис Эверест, Вумани, как он ее называл. «Как было бы ужасно, если бы Вумани умерла», – писал он матери в Россию.

В письме, которое Черчилль оставил в Лондоне для матери, он просил купить ему хорошие латинско-английский и англо-латинский словари. Через неделю попросил греческий. Он начал читать в оригинале Вергилия и Геродота и был уверен, что на вступительном экзамене в Харроу все будет хорошо. «Я слышал, что алгебра у них – дополнительный предмет, и надеюсь набрать хорошие баллы, поскольку я очень ее люблю, – писал он. – Там требуются лишь арифметика, простые и десятичные дроби, простые и сложные проценты, а все это я знаю. Я к тому же хорошенько проштудировал первую часть Евклидовой геометрии, выучил несколько неправильных греческих глаголов и много французских. Это все потому, что хочу поступить».

В феврале Черчилль написал матери: «Я упорно занимаюсь для поступления в Харроу. У меня не очень хорошо с латинскими стихами, но это не имеет особого значения, главное – проза, а в этом я быстро совершенствуюсь. Когда вернусь домой, можешь меня проверить». Кроме того, он читал и романы. Получив от Хаггарда экземпляр его «Аллана Квотермейна», Черчилль пишет ему, что находит этот роман более увлекательным, чем предыдущий – «Копи царя Соломона».

За девять дней до вступительного экзамена в Харроу Черчилль сообщил отцу: «Я успешно преодолел вторую книгу «Энеиды» Вергилия, и она мне нравится больше, чем что-либо другое. Надеюсь сдать. Думаю, смогу».

Уверенность Черчилль была обоснованной: 15 марта он сдал вступительный экзамен в Харроу, но при этом очень перенервничал. Когда он отправился из Харроу на поезде в Лондон, Шарлотта Томсон сообщила лорду Рэндольфу, что у мальчика был сильный приступ слабости, и она беспокоилась за него. «Он с большим трудом справился, – писала она, – и был ужасно расстроен после утренних экзаменов. Проблемой оказался перевод с латинского. Он уверял, что никогда не переводил с латыни на английский, и поэтому не смог перевести предложенный на экзамене кусок прозы. Насколько мне известно, он более года занимался переводом Вергилия, а еще дольше – Цезаря, так что меня очень удивило его заявление, но, разумеется, я не стала спорить».

«Я поступил, – написал Черчилль матери из Брайтона 16 марта, – но это оказалось намного труднее, чем я ожидал. Перевод с латыни оказался очень и очень трудным, так же как и с греческого. На экзамене не было греческой грамматики, в которой я надеялся набрать баллы, и не было французского. Я очень устал, но теперь это не имеет значения, потому что

поступил. Мне очень хотелось поступить в Харроу, там замечательно – прекрасный вид, прекрасное расположение, хороший плавательный бассейн, хороший спортивный зал, столярная мастерская и многое другое». Еще одним преимуществом в глазах Черчилля была близость к Лондону: от вокзала Виктория до Харроу езды час с четвертью.

Последний месяц Черчилля в Брайтоне был полон мыслей о доме. «Я очень хочу встретить Пасху с тобой. Возвращайся скорее», – писал он отсутствовавшей матери 27 марта. Но к Пасхе она так и не приехала.

Глава 2
Харроу

Черчилль поступил в школу Харроу в апреле 1888 г. Как в Сент-Джордже и Брайтоне, он стал пансионером и виделся с родителями только во время каникул, да и то не всегда. «Мне все чрезвычайно нравится», – сообщает он в своем первом письме домой, написанном через три дня после прибытия. На следующий день он с гордостью извещает, что на вступительном экзамене по арифметике показал, как выяснилось, лучший результат.

Уже в первый месяц пребывания в Харроу Черчилль вступил в школьный кадетский отряд и аккуратно посещал занятия. Вместе с кадетами он съездил в Рикмансуорт, где произошло шуточное сражение с учениками Хейлибери-скул. «Поскольку у меня не было формы, я лишь подносил патроны, – написал он домой. – Я совершил не меньше сотни рейдов в самую гущу боя. Это дало мне хорошую возможность наблюдать поле сражения. Было очень увлекательно. Можно было видеть, как в дыму противник продвигается все ближе и ближе, и в результате мы потерпели поражение и были вынуждены отступить».

Первая письменная работа Черчилля в Харроу была посвящена Палестине времен Иоанна Крестителя, когда земля, как он выразился, «лежала у ног римлян, которые тогда были в зените славы». О зелотах, готовых рисковать своей жизнью, своими жилищами, всем чем угодно ради свободы своей страны. Про фарисеев он писал: «У них было множество недостатков. А у кого их мало? Утверждать, будучи христианином, что они более греховны, значит совершать то же преступление, в котором обвиняют их».

Черчилль учился стрелять из винтовки Мартини-Генри, которая была на вооружении британской армии. Он заучил тысячу строк из «Песен Древнего Рима» Томаса Маколея и получил приз. При этом он скучает в разлуке с матерью, хотя порой их встречи доставляют ему огорчения. «Я стараюсь как могу, – пишет он в конце июня, – но ты так сердишься на меня, что я чувствую себя тупицей. – И добавляет: – Мама, приезжай в субботу. Я не лентяй и неряха, а просто невнимательный и забывчивый».

Однако в субботу леди Рэндольф не приехала. Не оправдалась и надежда увидеть ее неделей позже на Актовом дне, когда Черчилль пел в школьном хоре. Ему пришлось

удовлетвориться визитом тетушки – леди Фанни Марджорибэнкс, чей сын тоже учился в Харроу, а муж был восходящей звездой фракции либералов в парламенте.

Школьные гимны, которые исполнял Черчилль на Актовом дне, подогрели его энтузиазм. «Активный патриотизм, который пробуждали эти гимны, – позже писал его сын Рэндольф, – заложили основу всего его политического поведения». Когда в 1940 г. Рэндольф сопровождал отца в Харроу на ежегодное исполнение школьных гимнов, Черчилль сказал ему: «Слушая, как эти мальчики поют хорошо знакомые мне гимны, я вижу самого себя пятьдесят лет назад, распевающего баллады о великих деяниях и великих героях и мечтающего совершить какой-нибудь славный поступок ради моей страны».

Позднее, выступая перед учениками Харроу в октябре 1945 г., Черчилль вспоминал, что он был «крайне увлечен этими песнопениями, и постоянно думал: «Если бы мне дали возможность руководить одним из этих прекрасных вечеров!» Но такой возможности мне не предоставили. Поэтому пришлось смирить амбиции и связать свои надежды с другим: я решил, что могу стать дирижером. В Харроу я этого тоже не добился, но со временем мне довелось-таки дирижировать большим ансамблем, игравшим на необычных огромных инструментах, наполнявших своим ревом все окрестности».

В Харроу учащимся предоставляли краткосрочные перерывы, и Черчилль надеялся в июле съездить на неделю домой, но был вынужден остаться в школе. Помощник директора Генри Дэвидсон объяснял леди Рэндольф: «Дело не в том, что он сознательно создает проблемы, а в его забывчивости, невнимательности и общей неорганизованности. Это достаточно серьезно, и иногда я даже хочу попросить вас поговорить с ним об этом».

Дальше – больше. «С сожалением должен констатировать, что Уинстон на протяжении семестра ведет себя все хуже, – писал Дэвидсон. – Постоянно опаздывает на уроки, теряет учебники, тетради и прочее. Мне даже не хочется в это углубляться. Он настолько неорганизован, что я не знаю, что делать. Порой мне кажется, он просто не управляет собой. Если он не сможет победить этот недостаток, ему никогда не добиться успехов в частном учебном заведении. Он обладает большими способностями, но его халатность может сделать их бесполезными. В заключение не могу не сказать, что я весьма удовлетворен работами по истории, которые он выполняет по моему заданию». В этом семестре Черчилль получил приз

класса по истории Англии.

В осеннем семестре Черчилль принял участие в школьном конкурсе по чтению наизусть Шекспира. По письмам родителям видно, как страстно он хотел его выиграть, но не сумел. Он сделал всего двадцать семь ошибок на тысячу строк, после чего написал: «Я был весьма удивлен, что сумел обойти два десятка мальчиков, которые намного старше меня». Затем, накануне четырнадцатого дня рождения, он с гордостью сообщил о победе в конкурсе по английской истории. Он также стал первым по истории Древнего Рима и добился значительных успехов в греческом и латыни.

Дома во время рождественских и новогодних каникул у Черчилля опухло горло и разболелась печень. В письме матери, которая опять путешествовала, он жаловался, что лекарства приходится принимать шесть раз в день. Когда он немного оправился, доктор Руз посоветовал для полного выздоровления отправить его на море. В очередной раз он с миссис Эверест отправился на остров Уайт. Однако болезнь не отступила и по возвращении в школу изрядно мешала учебе. В марте он писал матери: «Я лежу в постели, потому что едва могу стоять на ногах. Не представляю, каково бы мне было без Вумани».

Способности Черчилля не остались незамеченными. В апреле Уэлдон решил взять его в свою собственную группу и написал лорду Рэндольфу: «У него очень большие способности. На мой взгляд, он делает значительные успехи в учебе». Лорд Рэндольф прислал сыну велосипед. «Я проехал на нем восемь миль, – написал он отцу в мае. – Замечательная машина». Кроме того, ему очень нравилась новая группа. Но его снова подстерегала неприятность: он упал с велосипеда и заработал сотрясение мозга. Пришлось неделю провести в постели. Миссис Эверест вновь поспешила в Харроу, но Черчилль хотел видеть рядом мать. «Ты не могла бы приехать вместо нее? – спрашивал он. – Я весьма огорчен, что не смогу увидеть тебя. Я очень на это надеялся. У меня все тело болит, но настроение бодрое, я не скучаю, и время летит быстро. Особенно когда есть гости. Лучшей новостью стало то, что больничную сиделку заменила Вумани».

Оправившись после сотрясения мозга, Черчилль попросил отца приехать на Актовый день. «Не думаю, что тебя попросят произнести речь, – пытался он уговорить его. – Я считаю это крайне маловероятным. Ты ведь ни разу не навещал меня». С момента поступления Черчилля в Харроу прошло уже больше года, и наконец лорд Рэндольф все-таки приехал. Во время визита он сказал Уэлдону, что хочет перевести сына из обычного в военный класс. Но поскольку в военном классе были

дополнительные дисциплины, необходимые для поступления в военную академию, Черчилль лишился возможности изучать те предметы, которые изучали мальчики, собиравшиеся поступать в университет. А он хотел именно этого.

По результатам семестра Черчилль вполне мог рассчитывать успешно сдать вступительные экзамены в университет. Но лорд Рэндольф считал, что сын должен служить в армии, следовательно, учиться в военном классе. Много лет спустя Черчилль так вспоминал это решение отца: «Однажды он осмотрел мою коллекцию игрушечных солдатиков, насчитывавшую более полутора тысяч штук. Все они были выстроены в боевом порядке. Отец минут двадцать, улыбаясь, внимательно рассматривал их, а затем спросил, хочу ли я пойти на военную службу. Подумав, как замечательно командовать армиями, я выпалил «да!» – и мгновенно был пойман на слове. Много лет я считал, что отец с его опытом и интуицией разглядел во мне задатки военного. Но потом мне сказали, что он пришел к этому решению лишь потому, что не видел во мне способностей к адвокатуре». Уэлдон устроил Черчиллю проверочный экзамен для военного класса. Он показал неудовлетворительные результаты по математике, что делало сомнительными перспективы поступления в Вулвич – академию для кадетов, собиравшихся служить в артиллерии или инженерных войсках. Вместо этого он мог готовиться в Сандхерст – академию, готовившую пехотных и кавалерийских офицеров. «Я присоединился к военному классу, – написал он матери в конце сентября. – Это довольно скучно, поскольку губит половину каникул: мы занимаемся французским и черчением – эти два предмета наиболее необходимы в армии».

Когда начались дополнительные занятия, связанные с поступлением в военный класс, Черчилль стал просить мать писать ему чаще. «Прошло больше двух недель после последней весточки от тебя, – жаловался он в начале октября. – В этом семестре я вообще получил лишь одно письмо. Не очень-то любезно, дорогая мамочка, что ты совсем забываешь обо мне и не отвечаешь на мои письма». Одно из писем Черчилля в этом месяце, перед пятнадцатилетием, было надиктовано школьному приятелю. «Милбэнк пишет его за меня, – объяснял он, – а я принимаю ванну». Много лет спустя за нежившимся в ванне премьер-министром Черчиллем записывали профессиональные стенографы.

Милбэнк, погибший в 1915 г. в Галлиполи, во время высадки десанта в заливе Сувла, был почти на два года старше Черчилля. «Когда отец приезжал навестить меня, – позже вспоминал

Черчилль, – он обычно брал нас обоих на обед в гостиницу «Кингс Хэд». Я с восторгом слушал, как они на равных ведут светскую беседу. Я очень ему завидовал. Как бы мне хотелось иметь такие отношения с отцом! Но, увы, я был всего лишь отстающим школьником, и мои замечания почти всегда оказывались либо неловкими, либо глупыми».

В общении с друзьями Черчилль был далеко не застенчив. «Как и других учеников, – позже вспоминал другой выпускник Харроу, Мерланд Эванс, – меня чрезвычайно привлекал этот необыкновенный мальчик. Его выдающийся интеллект, смелость, обаяние, пренебрежение условностями, живое воображение, широкие познания о мире и истории, полученные непонятно как и где, и прежде всего какой-то магнетизм, светящийся в глазах и излучаемый всей его личностью, – все это даже в суровых условиях частной школы ставило его выше окружающих, хотя многие были и старше, и опытнее. Но никто этого не оспаривал».

Рассуждая о будущем, Черчилль говорил своей тетушке леди Родни: «Если бы у меня было две жизни, я бы одну прожил солдатом, а другую политиком. Но поскольку в мое время войны не предвидится, я стану политиком». Он стал запоем читать. Один мальчик, обнаружив его свернувшимся клубком в кресле, поинтересовался, что он читает. Оказалось – «Французскую революцию» Карлейля. Только от отца он не получал поддержки. Кузен Черчилля Шейн Лесли позже вспоминал, что, когда мальчики ставили дома пьесы, лорд Рэндольф холодно заявлял: «Я буду хранить язвительное молчание».

Этой зимой Черчилль был, так сказать, взят Уэлдоном «на карандаш»: каждую неделю преподаватели должны были подавать отчеты о его успехах. Даже когда стало ясно, что успехи вполне удовлетворительные и что у преподавателей нет претензий, Уэлдон продолжал следить за ним. «Это неприлично, что он продолжает так вести себя со мной, – писал Черчилль матери, прося ее приехать и лично поговорить с директором. – Ты должна поддержать меня. Кроме тебя некому».

Через неделю после пятнадцатого дня рождения Черчилль с гордостью сообщает леди Рэндольф, что занимается изо всех сил. Его упорство принесло плоды: он был переведен в более сильную группу четвертого класса. «Очень рады узнать о твоих успехах, – написала ему мать накануне очередного отъезда в Европу, – и надеюсь, что ты и впредь будешь стараться. Теперь ты должен чувствовать бульшую уверенность и прилив энергии».

Черчилль начал заниматься английским языком под руководством преподавателя. Преподавателем был Роберт

Сомервелл. «Это замечательный человек, которому я чрезвычайно обязан, – писал позже Черчилль. – Метод его заключался в том, что он делил длинные периоды на составляющие, используя разные чернила. Я занимался почти ежедневно, это была своего рода муштра, но благодаря ей я до мозга костей проникся структурой обыкновенного английского предложения».

«Дела мои в новом классе идут очень хорошо, – сообщал Черчилль матери в январе 1890 г. – Папа сказал, что занятия пением – пустая трата времени, поэтому я их бросил и занялся рисованием». Учился он рисованию на дополнительных занятиях, вечерами, по часу в неделю. Он сообщал матери, что рисует небольшие пейзажи, мосты и тому подобное. Неожиданно письмо с поддержкой пришло от бабушки, герцогини Фанни: «Очень рада, что ты начинаешь к чему-то стремиться. Перед тобой прекрасный пример прилежания и основательности в работе – твой отец».

Военный класс, жаловался Черчилль отцу, не оставляет времени для интересных занятий, а кроме того, портит результаты семестра. Военный класс не нравился никому. Девять из десяти учеников перед экзаменом занимались с репетиторами. «Харроу прекрасное место, но Харроу и военный класс несовместимы», – писал Черчилль.

В мае он начал учить немецкий язык. «Уф-ф, – написал он матери. – Я все-таки надеюсь когда-нибудь начать sprechen Deutsch». Впрочем, забегая вперед, надо сказать, что эта надежда не реализовалась.

В середине летнего семестра 1890 г. Черчилль вызвал родительский гнев. Отец прислал ему пять фунтов, но письмо с благодарностью от сына пришло лишь через неделю. Табель успеваемости за половину семестра тоже не радовал. Это все вызвало суровое письмо матери: «Ты занимаешься урывками и несистематично. Ты просто обречен плестись в хвосте. Посмотри, какое у тебя место в классе! Мой дорогой Уинни, ты меня чрезвычайно огорчаешь. Я связывала с тобой такие большие надежды и так тобой гордилась, но отныне все в прошлом. Единственное утешение – что у тебя хорошее поведение и ты любящий сын, но твое отношение к занятиям просто недостойно твоего интеллекта. Если бы ты смог наметить себе план действий и стремился его выполнить, уверена, ты смог бы достичь всего, чего пожелаешь. То, как ты используешь ближайшие год-другой, окажет влияние на всю твою дальнейшую жизнь. Обдумай это хорошенько. Возьми себя в руки, пока не поздно».

Черчилль сделал попытку оправдаться. Он объяснил,

что благодарственное письмо отцу было написано тем же вечером, но из-за позднего часа ему пришлось попросить другого мальчика отправить его. «Он, я полагаю, забыл и отправил его спустя несколько дней. Что касается успеваемости, не буду искать оправданий, потому что сам знаю, что время от времени бываю весьма ленив. Естественно, к концу месяца результат оказался соответствующим – плохая успеваемость, меня «взяли на карандаш» и т. п., но это было больше трех недель назад, и в следующем месяце я просто обязан получить более высокие оценки. Я сделаю все от меня зависящее». Действительно, до конца семестра было еще достаточно времени.

Результаты занятий улучшились, и родители смягчились. Но осенью он начал курить, что опять вызвало недовольство. «Дорогой Уинстон, – писала мать в сентябре, – надеюсь, ты постараешься и бросишь курить. Если бы ты знал, как глупо и смешно выглядишь при этом, ты бы обязательно бросил, хотя бы на несколько лет. Я попрошу папу купить тебе ружье и пони». Черчилль прислушался к совету матери. Он пообещал бросить курить по меньшей мере на полгода. В том же месяце пришел совет и от герцогини Фанни: «Береги себя, хорошо трудись, не участвуй в потасовках и не будь таким вспыльчивым!!!»

Ближе к шестнадцатилетию Черчилля страна оказалась охвачена тревогой по поводу эпидемии инфлюэнцы, которая, поразив большую часть Азии и Европы, быстро распространилась и в Британии. Под влиянием общих настроений он написал стихотворение из двенадцати строф, которое опубликовал журнал Harrovian. Одна из строф была такая:

Родилась в сибирских степях,
Где каторжники в цепях.
И скользил за ней в небесах,
Пока бесшумно летела,
Не имея ни духа, ни тела,
Смертный страх.

Другая строфа посвящалась бывшим французским областям, аннексированным Германией, которые он посетил с отцом семь лет назад:

Эльзас и Лотарингия, вы обе
Источник ужасной скорби.
Иначе зовут города.
Вы дороги каждому галлу,

И надежда еще не пропала,
Что это не навсегда.

В последней строфе он выражал радость, что Британия пострадала не так тяжело, как континентальная Европа, и вообще гордость за империю:

Сохрани Империю Бог
От чумы, войны и тревог
И огненных адских сил
В руках сынов твоих смелых,
Кто в далеких и чуждых пределах
Сражался и победил.

На пороге своего шестнадцатилетия Черчилль упорно готовился к вступительному экзамену в академию. Мать не чувствовала его трудностей и давала понять, что не удовлетворена успехами сына. «Я слышал, что ты гневаешься на меня! – писал он ей. – Мне жаль. Но я упорно работаю, и, боюсь, какой-то враг посеял плевелы злости в твоей душе. Прежние проблемы возникали из-за того, что я занимался с преподавателем, которого ненавидел, а тот платил ненавистью в ответ. Теперь учителя проявляют ко мне величайший интерес и говорят, что я занимаюсь очень хорошо. Если ты поверишь моему честному слову, что я делаю все, что в моих силах, – хорошо, если нет – что ж, так тому и быть». Слова любви и поддержки Черчилль теперь получал от одной из подруг матери, леди Уилтон, которая подписывала свои письма к нему: «Твоя вторая мать». «Очень жаль, что тебе приходится так много работать, – писала она за десять дней до его дня рождения. – Но постепенно станет легче, и, я уверена, ты сдашь хорошо. Надеюсь, ты достойно проявишь себя. Я буду этому очень рада».

На экзамене по географии предстояло отвечать на вопросы о какой-либо из двадцати пяти стран. О какой именно, никто из учеников не знал. Вечером перед экзаменом Черчилль написал на бумажках двадцать пять названий, бросил их в шляпу, зажмурился и вытащил один листок. «Это была Новая Зеландия, – сообщил он матери, – и она же досталась мне на экзамене». Удача вместе с упорным трудом последних месяцев принесла плоды: он сдал экзамены по всем предметам. «Очень рада услышать хорошие новости, – написала ему герцогиня Фанни после того, как стали известны результаты. – Надеюсь, это станет стимулом для тебя, и мы все будем тобой гордиться».

Новогодние праздники 1891 г. Уинстон и Джек провели в Банстеде, в доме, арендованном лордом Рэндольфом близ ипподрома Ньюмаркет. Родители опять были за границей, и мальчиками занималась миссис Эверест. «Мы подстрелили много кроликов, – написал Черчилль матери. – Одиннадцать, кажется. Завтра пойдем уничтожать крыс». Главной задачей их с Джеком в Банстеде было строительство «Логова» – хижины из глины и досок с соломенным полом. «Логово» было окружено канавой, которая служила оборонительным рвом. В качестве артиллерии использовалась самодельная катапульта с резиновым жгутом, которая стреляла яблоками. Обороной руководил Черчилль. Джек и два их кузена, пятилетний Шейн Лесли и шестилетний Хью Фривен, иногда выступали в роли союзников, которых он обучал, иногда – врагов, которых надо было прогнать.

По возвращении в Харроу у Черчилля возобновились проблемы со здоровьем. В мае он жалуется матери на пугающие его сильные боли в желудке. Доставляли неприятности и зубы. «Бедный старичок, – писала ему миссис Эверест, – принимаешь ли ты героин, который я тебе прислала? Купи бутылочку мази Эллимана и натирай лицо перед тем, как ложиться в постель. После втирания обмотай лицо носком на четверть часа. Уверена, это поможет». Письма к матери Черчилль подписывал так: «Твой страдающий зубами, но любящий сын». Она посоветовала чаще чистить зубы. От миссис Эверест поступил совет не плавать в бассейне. Вообще же ее советы были бесконечны. «Дорогой мой, не садись в поезд, когда он уже тронулся, – писала она летом. – Я постоянно об этом беспокоюсь, потому что ты всегда задерживаешься у книжного киоска и забываешь про поезд. Пожалуйста, будь осторожен, мой мальчик».

В мае Черчилль сообщил матери, что впутался в неприятности. Отцу, находившемуся в Южной Африке, он объяснял в письме, что на прогулке с четырьмя друзьями они набрели на заброшенную фабрику. «Кругом были сплошные развалины и разруха. Целыми оставалось лишь несколько окон. Мы решили исправить этот недостаток. В результате сторож пожаловался Уэлдону, который провел расследование и выдрал нас». Впрочем, очередной всплеск родительского недовольства вызвало не это. «Мама переживает, что ты тратишь так много денег, – написала миссис Эверест на второй неделе июня. – Ее это очень беспокоит, она говорит, что ты постоянно просишь у нее денег». В оправдание Черчилль написал матери, что ему приходится оплачивать счета дантисту, поездки на такси, а кроме того, платить старый долг за велосипед и расплачиваться за битье стекол.

В кадетской группе Черчилль получил звание младшего капрала. Он сообщал отцу: «Получил огромное удовольствие от учебного боя. Я взял театральный бинокль, который ты подарил мне, и наблюдал за его ходом». Летом его снова стали донимать зубы. Начался абсцесс, лицо раздуло флюсом. Миссис Эверест дала очередной совет: «Не надо есть так много солений, в них сплошной яд». Но один зуб пришлось удалить, что было произведено в Лондоне известным стоматологом при участии не менее известного анестезиолога. «Я ничего не помню, – рассказывал Черчилль матери. – Просто заснул и прохрапел всю операцию».

Летом Черчилль надеялся провести неделю в Банстеде, в своем «Логове». Но миссис Эверест объяснила, что это ему не удастся: «Мама не сможет принять тебя, поскольку наступает неделя скачек и дом будет полон гостей». Уинстон уехал в Лондон и остановился у герцогини Фанни на Гровенор-сквер, 50. Друг его матери граф Кински взял его в Хрустальный дворец[2], где они наблюдали учения пожарных команд в присутствии германского императора Вильгельма II. «Было почти 2000 пожарных и сто машин, – рассказывал Уинстон брату. – На императоре был блестящий медный шлем, украшенный белым орлом высотой чуть ли не 15 сантиметров, блестящая стальная кираса и идеально белая форма». После марш-парада Кински взял Черчилля на обед. «Обед оказался вполне терпимым, – рассказывал он Джеку. – Море шампанского, что доставило большое удовольствие твоему любящему брату».

Уэлдон предложил отправить Черчилля во Францию, чтобы он усовершенствовал свой французский перед экзаменом в академию. Черчилль стал упрашивать мать оставить его в Англии: «Я вообще не смогу видеться ни с тобой, ни с Джеком, ни с Эверест. А что касается французского, то меня с каждым днем все меньше интересует армия. Думаю, церковь подойдет мне гораздо лучше». После длительной переписки и горячих споров пришли к соглашению, что во Францию он не поедет: достаточно будет нанять домашнюю учительницу. Из Банстеда пришло письмо от Джека: «К «Логову» почти не подобраться из-за зарослей чертополоха и крапивы, а в канаве нет воды». Покончив с уроками французского, Черчилль принялся за расчистку «Логова» и восстановление его обороноспособности. «Я в Банстеде, – писал он отцу в конце августа, – и веду почти идеальный для себя образ жизни».

«Братья счастливы. Они ездят верхом и охотятся, – сообщает леди Рэндольф мужу в середине сентября. – Недавно достроили свой дом. Сегодня мы пили там чай». Незадолго до возвращения

в школу на осенний семестр у Черчилля случился приступ разлития желчи. Он остался в Лондоне на два лишних дня. Уэлдон потребовал объяснительного письма. «Не пиши ничего про театр, – предупреждал Черчилль мать, – это приведет его в ярость. Просто напиши, что я выглядел уставшим и бледным после поездки (а это ведь на самом деле так), и это, в сочетании с тем, что ты хотела показать меня врачу, побудило тебя задержать меня».

В этом семестре Черчилль отказался от изучения немецкого языка и переключился на химию. «Это очень интересно, – говорил он брату. – Когда вернусь домой, покажу тебе много чудес». Мать была озабочена поиском гувернера, который поехал бы с ним за границу в следующие каникулы. «В целом он очень хороший мальчик, – объясняла она лорду Рэндольфу, – но, строго говоря, уже слишком взрослый, чтобы с ним ехала женщина. В конце концов, через два месяца ему исполнится семнадцать, и ему уже нужна мужская рука».

Под «женщиной» подразумевалась миссис Эверест, к которой Черчилль был привязан не меньше, чем она к нему. «Прекрасно иметь свою комнату, – писала она ему в конце сентября. – Но, дорогой мой мальчик, позволь напомнить тебе, что нужно быть осторожным с огнем и свечами по вечерам. Не оставляй их гореть у постели, когда ложишься спать». Она советовала упорнее трудиться в этом семестре, не только чтобы доставить радость родителям, но «чтобы опровергнуть мнение тех твоих родных, которые пророчат тебе будущее расточителя».

Черчиллю приходилось изворачиваться, чтобы не всегда удовлетворять свои нужды за счет матери. «Я хочу продать велосипед и купить бульдога, – писал он ей. – Я уже знаком с ним некоторое время. Он очень воспитанный и дружелюбный. Отец рассказывал, что, когда учился в Итоне, завел себе бульдога, так почему бы и мне не завести его в Харроу?»

Учеба в этом семестре шла хорошо. «Мистер Уэлдон сообщил, что после возвращения Уинстон очень много работает», – рассказывала леди Рэндольф мужу в октябре. Миссис Эверест продолжала давать свои советы: «Считаю, ты крайне расточителен, тратя 15 шиллингов в неделю, – писала она. – Некоторые семьи из шести-семи человек вынуждены жить на 12 шиллингов в неделю. Ты попросту соришь деньгами, и чем больше их у тебя появляется, тем больше ты тратишь. Мой бедный, милый, драгоценный ягненочек, как я жажду обнять тебя. Хотя ты и не идеален, я тебя очень люблю и очень хочу, чтобы ты проявлял сдержанность и благоразумие в тратах. Ты все делаешь наобум, любимый мой, не думая, а это зло, и, если ты

не постараешься от этого избавиться, в будущем будешь сильно страдать».

В этом семестре Черчилль опубликовал свое первое письмо, состоящее из двух фраз: это было предложение организовать более удобное время работы школьной библиотеки. Оно было опубликовано в школьном журнале Harrovian 8 октября 1891 г. Спустя шесть недель в гораздо более пространном письме он призывал к использованию школьного спортивного зала для различных мероприятий.

За неделю до своего семнадцатилетия Черчилль на один день съездил в Лондон. Сразу по возвращении в Харроу он впервые упоминает в письме особу противоположного пола: «Ужасно жалко, что пришлось уехать именно тогда, когда я произвел впечатление на симпатичную мисс Уислет. Еще бы минут десять, и..?!»

В тот день в Лондоне Черчилль узнал, что леди Рэндольф решила расстаться с миссис Эверест. Джеку исполнилось одиннадцать, и в няне он больше не нуждался. «Я грущу и плохо сплю, – писала миссис Эверест Черчиллю. – Но разумеется, когда-то это должно было случиться. Не говори Джеки о моем уходе, он будет очень расстраиваться, бедняжка. Как жесток наш мир». Огорченный неизбежным расставанием с миссис Эверест, Черчилль энергично выступил в ее защиту. В результате пришли к соглашению, что она станет работать у их бабушки, герцогини Фанни, на Гровенор-сквер, где мальчики смогут с ней видеться.

Через неделю после семнадцатилетия Черчилль в письме матери настаивал на своем нежелании ехать во Францию на рождественские каникулы и жить в руанской семье, которую подобрал ему мистер Уэлдон. Он пояснил, что главная причина его нежелания – боязнь пропустить возвращение отца из Южной Африки, и грозил, что, если его все-таки заставят ехать, он будет заниматься мало и плохо. Леди Рэндольф не понравилась угроза. «Дорогой мой мальчик, – отвечала она. – Я очень тебе сочувствую и прекрасно понимаю твое желание побыть дома на Рождество, но, помимо всего прочего, тон твоего письма не может вызвать снисхождения. В нашей жизни, если человек чего-то хочет, он добивается этого не ультиматумами. Скажу тебе прямо: решения принимаю я, а не ты».

Черчилль возразил: «Ты пишешь: «скажу тебе прямо» – пусть так. Но я тоже прямо высказал свои намерения. Ты заявляешь, что решения принимаешь сама. От меня требуется отказаться от каникул. Я вынужден отправиться к людям, которые мне абсолютно неинтересны. Мне весьма больно думать, что вы с папой относитесь ко мне, как к машине. Хотелось бы знать,

просили ли папу отказываться от каникул, когда он учился в Итоне». Письмо, занявшее три страницы, Черчилль завершил так: «Нет слов выразить, как я огорчен. Твое недоброе отношение ко мне освобождает меня от всякого чувства долга». Леди Рэндольф рассердилась не на шутку. «Я прочитала только первую страницу твоего письма, – ответила она, – и отправляю его тебе обратно. Мне не понравился его тон». Расстроенный Черчилль отвечал, что больше не будет писать ей длинных писем: «Тешу себя надеждой, что прочесть мое письмо целиком тебе помешала подготовка к рождественским праздникам».

Уэлдон и леди Рэндольф были решительно настроены на то, чтобы Черчилль на каникулах подтянул свой французский во Франции. Решено было, что компанию ему составит недавно пришедший в Харроу преподаватель современных языков Бернард Минссен и что они будут жить у родителей Минссена в Версале. «Мистер Минссен все для него сделает, разумеется, если он будет послушен и прилежен, – писал Уэлдон леди Рэндольф. – Но он не позволит ему зря тратить время и, если это не удастся, отправит домой». Черчиллю было позволено принимать в неделю лишь по три приглашения в гости, а Миннсен должен был обеспечивать его карманными деньгами – «по необходимости».

Черчилль провел в Версале месяц. «Еда очень странная, – сообщает он матери. – Но ее много, и в целом все хорошо. Родители Минссена оказались очень добры. Разумеется, я бы отдал многое, чтобы вернуться, и, если захочешь, приеду хоть завтра, но с учетом всех обстоятельств готов провести здесь месяц». Жизнь в Версале и впрямь оказалась не в тягость. Трое друзей леди Рэндольф приглашали Черчилля на обеды; один из них, австро-венгерский железнодорожный магнат барон Морис де Хирш, сводил его в морг показать трупы, которые достали в тот день из реки. «Всего 3 покойника – не богатый улов», – сострил Черчилль в письме к матери.

По завершении месяца в Версале Черчилль надеялся уговорить родителей позволить ему провести неделю без школы, чтобы пообщаться с отцом, которого он не видел более восьми месяцев. Но не получилось. «Потеря недели сейчас, – написал ему отец из Лондона в середине января, – означает, что ты не сдашь экзамены, а это, согласись, будет постыдно». При этом лорд Рэндольф сообщил, что перед началом семестра сможет провести несколько дней с сыном, а вскоре, писал он, «нас ждут пасхальные каникулы, так что, надеюсь, ты будешь пахать как ломовая лошадь вплоть до летних экзаменов, до которых осталось меньше четырех месяцев».

В первые месяцы 1892 г. Черчилль действительно очень

усердно занимался. Он также начал готовиться к кубку школы по фехтованию. Продолжали досаждать денежные проблемы. «Я ужасно стеснен в финансах, – писал он матери в феврале. – Ты говоришь, что я никогда не пишу о любви, а всегда о деньгах. Наверное, ты права, но не забывай, что ты мой банкир, к кому еще я могу обратиться?»

В марте леди Рэндольф уехала в Монте-Карло. До соревнований по фехтованию оставалось несколько дней. «Я очень раздосадован, что ты уехала в такой момент», – написал ей Черчилль. Еще больше его огорчило известие, что в казино у нее украли сумочку с деньгами – «как раз в тот момент, – признался он, – когда я был готов попросить un peu plus d'argent[3]». Он поделился и хорошей новостью: «Я выиграл соревнование по фехтованию. Получил очень красивый кубок. Я был на голову сильнее всех. В финале не пропустил ни одного удара».

Теперь Черчилль стал готовиться к межшкольному чемпионату по фехтованию, но, когда он попросил отца приехать в Олдершот посмотреть на него, лорд Рэндольф ответил: «Я должен быть на скачках в Сандауне. Кстати, ты не мог бы быть более расточительным, даже будучи миллионером». В свое оправдание Черчилль указал, что должен каждую неделю платить за чай, завтраки и за фрукты, а по субботам за вечерние бисквиты. Только на это уходил выделяемый родителями фунт в неделю. Объяснение не убедило мать. «У тебя слишком большие потребности, – написала она. – В смысле денег ты настоящее решето».

В этом месяце Черчилль выиграл чемпионат по фехтованию среди частных школ. «Его успех, – отметили в Harrovian, – обусловлен главным образом быстрыми и разительными атаками, которые застигают врасплох его противников». Одновременно он продолжал готовиться к экзамену в военную академию. «Я чертовски много работаю, – рассказывал он матери. – Сегодня без передышки занимался 10 часов кряду». Но все труды оказались напрасны. В июле он провалил вступительный экзамен в Сандхерст. Для поступления в кавалерию требовалось как минимум 6457 баллов; Черчилль набрал 5100. Из 693 кандидатов он оказался на 390-м месте. Впрочем, результаты были не слишком обескураживающими: по истории Англии он оказался восемнадцатым из более чем четырехсот человек. «Думаю, для первого раза твои баллы и место вполне удовлетворительны», – написал его наставник Луис Мориарти.

Черчилль планировал держать экзамен еще раз. «Если он опять провалится, – написал лорд Рэндольф герцогине Фанни, –

буду думать о том, чтобы пристроить его к предпринимательству. Используя связи с Ротшильдом, могу подобрать ему что-нибудь очень неплохое».

Летом 1892 г. правительство консерваторов во главе с лордом Солсбери ушло в отставку. Премьер-министром вновь стал Гладстон. Хотя лорд Рэндольф давно не принимал активного участия в политике, считалось, что в оппозиции он снова будет иметь влияние. «Никто не лелеял этой надежды более страстно, чем я», – вспоминал Черчилль. Но надежда оказалась иллюзией. «Несмотря на то что я тогда мало слышал об этом, – позже писал Черчилль, – любому, выросшему в доме моего отца, было совершенно ясно, что это стало огромной политической катастрофой».

Этим августом в Банстеде Черчилль поразил отца тем, что выпалил из двустволки в кролика, который появился на газоне под окном. «Отец очень испугался и рассердился, – вспоминал Черчилль, – но, поняв, насколько я из-за этого расстроился, утешил меня. Тогда у нас с ним произошел один из трех или четырех длинных доверительных разговоров, которыми я могу гордиться». Лорд Рэндольф объяснил сыну, что взрослые, поглощенные собственными заботами, не всегда внимательны по отношению к детям, и в приступе раздражения могут наговорить грубостей. «Затем, – писал Черчилль, – он в благожелательном тоне завел разговор о школе, поступлении в армию и о взрослой жизни, которая у меня впереди. Я завороженно слушал эти внезапные откровения, столь отличные от его обычной сдержанности, изумляясь его глубокому пониманию моих проблем. В конце он сказал: «Пойми, у меня тоже не всегда все получается. Каждое мое действие истолковывается превратно, каждое слово искажается. Так что делай на это некоторые скидки».

Осенью к брату, который снова готовился к экзаменам в Сандхерст, в Харроу приехал Джек. «Возможно, – написала леди Рэндольф в сентябре, – я слишком допекала тебя, пытаясь превратить в некий идеал. Однако было бы неплохо, если бы ты на сей раз приналег как следует». Даже директор помогал ему. «Уэлдон очень добр, – рассказывал Черчилль матери. – Он каждый вечер отдельно занимается со мной – дело доныне неслыханное, поскольку у него, конечно, очень мало времени».

Экзамены должны были состояться в конце ноября, за день до восемнадцатилетия Черчилля. «В этом семестре он работал блестяще, – сообщил Уэлдон леди Рэндольф. – Теперь он понимает необходимость упорного труда, и, что бы с ним

ни случилось впоследствии, я буду считать, что за последние двенадцать месяцев он приобрел урок на всю жизнь. Он может теперь с полным правом сказать, что отвечает за все, что сделал в последнее время».

После оглашения результатов экзаменов Черчилль с сожалением узнал, что опять не прошел. Он оказался лучшим по многим предметам, но набрал 6106 баллов – на 351 меньше, чем требовалось для поступления. По химии, в частности, он стал восьмым из 134 кандидатов. Впрочем, как и предупреждал Уэлдон лорда Рэндольфа, из-за повышения проходного возраста теперь баллов, скорее всего, нужно будет набрать больше. Преподаватель математики Ч. Х. П. Мейо ободрял Черчилля: «Набрать дополнительно 900 баллов за столь короткое время – это очень хорошо и должно вселить в тебя уверенность на следующих экзаменах в июне».

В ноябре в Бленхейме в возрасте сорока восьми лет скоропостижно скончался старший брат лорда Рэндольфа, Блэндфорд, восьмой герцог Мальборо. Герцогом Мальборо стал его сын Санни, двоюродный брат Черчилля. Ему еще не было двадцати одного года. Если бы Санни умер, не оставив наследника, следующим герцогом Мальборо стал бы лорд Рэндольф, а Черчилль, как его наследник, мог стать маркизом Блэндфордом.

Черчиллю исполнилось восемнадцать. Чтобы посвятить себя военному делу, нужно было в третий раз сдавать экзамены. К третьему заходу он готовился не в школе, а со специальными репетиторами. Девять лет учебы в Сент-Джордже, Брайтоне и Харроу были в основном безрадостным временем, или, как он писал позже, «серой тропой на карте моего путешествия по жизни. Это была бесконечная череда тревог, которые тогда совсем не казались мелкими, и изнурительного труда, не радующего результатами. Это было время дискомфорта, ограничений и унылого однообразия. Все сверстники, казалось мне, были во всех смыслах гораздо лучше приспособлены к условиям нашего маленького мира. Они гораздо лучше успевали и в учебе, и в спорте. Не очень-то приятно чувствовать себя безнадежно отставшим в самом начале гонки».

«Я целиком и полностью за частные школы, – объявил Черчилль в 1930 г., – но я не хотел бы оказаться там снова».

Глава 3
На пути в армию: начать все заново

11 января 1893 г. читатели Times из небольшой заметки в разделе новостей узнали, что накануне со старшим сыном лорда и леди Рэндольф произошел несчастный случай. «Кости не сломаны, но он получил сильные ушибы и ссадины». В действительности у него оказалась трещина бедра, хотя за два года до изобретения рентгеновского аппарата установить это было невозможно. Правда вскрылась через семь десятков лет, когда в 1963 г. в Монте-Карло был сделан рентгеновский снимок.

Случилось это во время зимних каникул, которые Черчилль с братом и кузеном проводили в поместье бабушки в Борнмуте. Во время игры в салки Уинстон оказался на мостике и, чтобы избежать осаливания, решил спуститься на дно ущелья по высокой ели. Но не удержался и упал почти с девятиметровой высоты, после чего трое суток пролежал без сознания. Затем, при сильных болях, его перевезли в Лондон. «Врачи говорят, я не встану раньше чем через два месяца, – написал он Джеку в первую неделю февраля. – Бульшую часть времени провожу в постели». На последний месяц восстановления Черчилль опять вернулся на южное побережье, на сей раз в Брайтон, в дом вдовы восьмого герцога Мальборо, герцогини Лили. «Она была сама доброта», – писал он.

В начале марта Черчилль начал заниматься на подготовительных курсах у капитана Джеймса в Лексем-Гарденс, в Западном Лондоне. «Я требую от вашего сына, – писал Джеймс лорду Рэндольфу, – чтобы он не отвлекался и мог работать часами. На днях пришлось провести с ним беседу по поводу его слишком вольной манеры поведения. Я считаю его добросовестным юношей, но он часто невнимателен и слишком полагается на свои способности. В данное время, – продолжал Джеймс, – он больше склонен поучать наставников, нежели перенимать у них знания, и подобные умонастроения не могут привести к успеху. У юноши хорошие задатки, но ему требуется очень жесткое управление». Особенно рассердился Джеймс, когда новый ученик заявил ему, что «его знание истории таково, что он больше не желает изучать ее!».

На Пасху Черчилль вернулся в Брайтон. «Очень рада, что Уинстон со мной, – написала герцогиня Лили лорду Рэндольфу. – Он нравится мне все больше и больше. В нем много хорошего, только его нужно время от времени подправлять,

и тогда он очень хорошо и быстро все воспринимает».

Из Брайтона Черчилль послал телеграмму отцу, предупреждая о вспышке лихорадки в Харроу. Он беспокоился, как бы не заразился брат. «Папа очень рассердился на тебя за глупую телеграмму, – упрекнула его мать. – Разумеется, мы знаем о лихорадке от Джека и мистера Уэлдона, и в любом случае письма было бы достаточно. Ты слишком много берешь на себя, молодой человек, и пишешь очень напыщенно. Боюсь, как бы ты не стал резонером!»

На одном из ужинов у герцогини Лили в Брайтоне Черчилль познакомился с А. Д. Бальфуром, будущим премьер-министром и лидером консерваторов. Леди Рэндольф несколько беспокоилась по поводу общественной активности сына. «Не хочу читать наставления, дорогой мой мальчик, – написала она, – но старайся вести себя поскромнее, не говори и не пей слишком много». Черчилль теперь тщательно следил за выступлениями отца и позже с грустью вспоминал: «Отец, кажется, с трудом себя контролировал». Он надеялся, что со временем сможет прийти ему на помощь, подбадривал, комментируя его выступления. «Если позволишь заметить, – написал он после того, как прочитал одно его выступление, напечатанное в Times, – я считаю это самым лучшим из всего, что ты пока сделал». Он стал частым посетителем палаты общин, и отец нашел для него место на галерее для почетных гостей.

На званых обедах и ужинах, которые устраивали родители весной 1893 г., Черчилль познакомился с двумя будущими премьер-министрами от Либеральной партии – лордом Розбери и Г. Г. Асквитом. 21 апреля он присутствовал на слушаниях по второму чтению закона о гомруле, которые открыл Гладстон. «Великий старик, – позже вспоминал он, – был похож на гигантского белого орла, грозного и великолепного. Фразы текли из него потоком, все внимательно следили за каждым его словом и жестом, готовые взорваться аплодисментами или протестующими возгласами».

В конце мая после ужина на Гровенор-сквер дядя Черчилля Эдвард Марджорибэнкс, в то время лидер Либеральной партии, уделил ему полчаса, объясняя, каким образом либералы победят оппозицию в палате лордов. «Жаль, что тебя не было, чтобы возразить ему, – написал Черчилль отцу, который в то время выступал на встрече с общественностью в Брэдфорде. – Уверен, было что возразить, только я не нашел слов». Либералы не смогли преодолеть сопротивление лордов, которые забаллотировали закон о гомруле 491 голосом против 41. «Победить лордов» – стало предвыборным лозунгом самого Черчилля пятнадцать лет

спустя.

Недавно избранный член парламента от Консервативной партии Эдвард Карсон пригласил Черчилля поужинать с ним в палате общин. Черчилль попросил у отца разрешения пропустить ради этого занятия с репетиторами. На той же неделе он был гостем Карсона во время обсуждения закона о гомруле. Через двадцать один год, когда Карсон с лозунгом лорда Рэндольфа «Ольстер будет бороться, Ольстер будет прав» выведет народ на улицы, Черчилль станет не только его оппонентом, но и будет готов применить силу против ольстерских добровольцев Карсона.

В конце июля Черчиллю в третий раз сдавал экзамены в Сандхерст. 3 августа, до объявления результатов, он готовился отправиться из Лондона в Швейцарию и Италию с братом Джеком и наставником Джоном Литтлом. Они встретились на вокзале, где, к удивлению Черчилля, Литтл поздравил его. Он оказался первым, кто узнал о его успехе. «Я посмотрел бумаги, – написал он отцу, – и оказалось, что это правда. Наконец я стал военным».

Черчилль набрал 6309 баллов, на 163 больше, чем в предыдущий раз. Для поступления в пехоту не хватило всего 18 баллов, но в списке кавалеристов он оказался четвертым. Из Дувра, перед тем как пересечь Ла-Манш, он отправил телеграммы с извещением о своем успехе родителям, родственникам и бывшему директору школы. «Я была так счастлива получить сегодня твою телеграмму и узнать, что ты поступил!!! – в тот же день откликнулась герцогиня Лили. – Не переживай о пехоте. Тебе понравится кавалерия, а когда папа вернется, мы приобретем коня. Больше не падай ни в какие пропасти и не калечь себя, ибо меня не будет рядом, чтобы помочь тебе». «Нет слов передать, как я рад твоему успеху, – написал Уэлдон, – и как безоговорочно я уверен, что ты этого достоин».

За время путешествия по Швейцарии Черчилль отправил отцу два отчета о каникулах. Первую неделю августа он провел в Люцерне, в удобном отеле с лифтами, электричеством и фейерверками. На четвертый день каникул мистер Литтл сообщает лорду Рэндольфу, что они прекрасно ладят друг с другом, хотя Уинстон склонен к расточительству. 8 августа Черчилль пишет отцу: «Мне уже хочется оказаться в Сандхерсте, и я очень рад, что мне повезло поступить». Через три дня он обещает отцу, что с самого начала будет заниматься изо всех сил.

14 августа в Милане Черчилль получил письмо от отца. В нем не было ни поздравлений, ни похвал по поводу поступления в Сандхерст. Сын не знал, что отец болен сифилисом – болезнью,

которая подрывала его психическое и физическое состояние. Он не мог разделить ни восторг герцогини Лили, ни радость доктора Уэлдона от успеха его сына. «Я весьма удивлен, – написал он, – твоей экзальтацией в связи с поступлением в Сандхерст. Существует два способа выдержать экзамен. Один делает честь, другой – наоборот. Ты, к сожалению, выбрал второй, и, похоже, очень доволен. Неспособность поступить в пехоту отчетливо продемонстрировала твою леность и легкомысленное отношение к работе, чем ты всегда отличался во всех школах. Я никогда не получал хороших отзывов о твоем отношении к занятиям ни от одного из учителей и наставников, с которыми ты время от времени имел дело. При всех преимуществах, которые у тебя были, при всех способностях, которые, как ты по глупости полагаешь, у тебя есть и которыми тебя наделяют некоторые твои родственники, при всех усилиях, которые прилагались, чтобы сделать твою жизнь легкой и приятной, а твои занятия были тебе не противны и не в тягость, единственный результат, которого ты добился, – оказаться среди людей второго и третьего сорта, достойных лишь зачисления в кавалерийский полк».

Такая реакция свидетельствовала об уже наступившей неадекватности сознания, о чем молодой Черчилль даже не подозревал. «Теперь появился хороший повод, – продолжал лорд Рэндольф, – откровенно объяснить тебе суть дела. Не надейся, что я возьму на себя труд писать тебе длинные письма после каждой глупости или ошибки, которые ты натворишь сейчас или в будущем. Я больше не буду писать на эти темы, и ты можешь не утруждать себя ответом на эту часть моего письма, поскольку я более не придаю ни малейшего значения тому, что ты будешь сообщать мне о своих достижениях и подвигах. Заруби себе на носу, что если твое поведение и поступки в Сандхерсте будут похожи на те, что были в других заведениях, где тщетно пытались дать тебе хоть какое-то образование, то я снимаю с себя всю ответственность. Отныне ты можешь рассчитывать только на себя, получая от меня лишь минимальную поддержку, необходимую для обеспечения приемлемого существования. Если ты не откажешься от праздной, бесполезной и бесплодной жизни, которую ты вел все школьные годы и последние месяцы, уверен, ты превратишься в социального тунеядца и скатишься в жалкое, несчастное и ничтожное существование. Если это произойдет, винить за эти беды ты должен будешь только себя. Совесть заставит тебя вспомнить все усилия, которые были направлены на то, чтобы предоставить тебе наилучшие шансы, на которые ты имел право по происхождению,

и то, как ты пренебрег ими».

Почти такое же раздраженное письмо лорд Рэндольф отправил герцогине Фанни, в котором писал: «Единственным результатом семейной доброты, проявленной по отношению к мальчику, стало продемонстрированное им как в Харроу, так и в Итоне полнейшее доказательство его никчемности как ученого или добросовестного работника». Черчилль никогда не был в Итоне – отец уже начал терять представление о реальности. Ничего не подозревавший Черчилль был потрясен отцовскими упреками. «После того как он показал мне ваше письмо, – написал мистер Литтл лорду Рэндольфу, – у нас состоялся серьезный разговор, и он подробно поведал мне о своих взглядах на жизнь. Он был в очень подавленном состоянии». Мистер Литтл пытался помочь Черчиллю преодолеть шок от отцовского письма, упирая на то, что поступление в Сандхерст дает возможность открыть практически новую страницу и что такая возможность предоставляется лишь раз или два в жизни.

«Мне очень жаль, что ты так недоволен мной, – написал обескураженный Черчилль отцу из Милана. – И поскольку ты запретил мне ссылаться на ту часть письма, где идет речь об экзаменах, я так и поступлю, но постараюсь изменить твое мнение обо мне своим поведением и прилежанием во время обучения в Сандхерсте. Мое исключительно низкое место при поступлении не окажет никакого влияния на мою учебу». В тот же день он написал матери, каким ударом для него стало отцовское письмо: «После изнурительного труда в Харроу и у Джеймса ради этих экзаменов, после того, как я приложил все усилия, чтобы наверстать потраченное впустую время, я был чрезвычайно счастлив, что наконец поступил. В Сандхерсте будут изучать новые предметы, и я не окажусь отстающим из-за прежних болячек. Если я не преуспею, это будет означать конец всем моим надеждам. Как бы то ни было, моя судьба в моих собственных руках, и я начинаю все заново».

Каникулы продолжились купанием в миланских банях и посещением собора. Затем троица отправилась на север, в Бавено, чтобы поплавать по Лаго-Маджоре. Перед возвращением в Англию они снова заглянули в Швейцарию, в Церматт. Черчилль был доволен, что в результате появившейся в последнюю минуту вакансии он все-таки сможет служить в пехоте. На самом же деле лорд Рэндольф использовал свои связи, чтобы сын получил офицерский чин в пехоте, в 60-м стрелковом полку. «Теперь будущее в твоих руках, – написала ему леди Рэндольф в сентябре. – Ты сам будешь решать свою судьбу. Верю, ты добьешься успеха».

Первые письма Черчилля из Королевского военного колледжа в Сандхерсте говорят о его решимости преуспеть в новой карьере. «Разумеется, здесь очень неуютно, – писал он отцу по поводу своей комнаты. – Ни ковров, ни занавесок. Никаких украшений. Горячей воды нет, холодной совсем мало. Дисциплина намного строже, чем в Харроу. Вряд ли есть хоть какой-то закон, дающий послабление новичкам. Никакие оправдания не принимаются. И конечно, совершенно не допускаются такие вещи, как непунктуальность или неопрятность. Но есть нечто бодрящее в армейском образе жизни. Я думаю, что ближайшие полтора года пройдут хорошо».

Черчилль быстро погрузился в жизнь профессионального военного. В Сандхерсте изучали пять предметов: фортификацию, тактику, топографию, военное право и военное администрирование. «Все занятия очень интересны и крайне необходимы, – сообщал он отцу на десятый день. – Патроны и снаряды всех видов, мосты, пушки, сражения и осады, картографирование, ведение полковой бухгалтерии, инспектирование и т. п., а также построения и строевая подготовка».

Лорд Рэндольф, однако, не оставлял придирок и выражал недовольство стилем сыновних писем. «Мне ужасно жаль, что папе не нравятся мои письма, – писал Черчилль матери. – Я тружусь над ними и часто даже переписываю целые страницы. Но если я подробно описываю мою жизнь здесь, получаю замечание, что стиль мой слишком сентенциозен и высокопарен; если в другой раз я пишу ясно и просто, это расценивается как леность. У меня никогда не получается как надо. Кстати, должен сказать, что я веду себя чрезвычайно хорошо. Никогда не опаздываю и всегда появляюсь за пять минут до начала построения или занятия».

Письма Черчилля к родителям полны энтузиазма. «Сегодня, – писал он отцу 20 сентября, – мы учились вязать различные узлы и соединять балки. Еще мы ходили на натурные зарисовки местности». Он учился стрелять из винтовки и из револьвера. «В понедельник мы занимались стрельбами из новой 12-фунтовой пушки, которая только что поступила на вооружение в артиллерию, – гордо сообщил он матери. – Пока я никуда не опаздывал, а здесь как минимум шесть различных мероприятий per diem[4]». От миссис Эверест по-прежнему приходили такие же заботливые советы, какие он получал от нее в Харроу: «Не находись подолгу на солнце в такую жаркую погоду, дорогой», «Не влезай в долги и не водись с плохой компанией» и т. п.

Слабое здоровье по-прежнему мешало ему. В октябре после километрового марш-броска с полной выкладкой Черчиллю пришлось оказывать помощь на учебном плацу. Врач, по его словам, не нашел ничего страшного, но предположил, что у Черчилля слабое сердце.

Осенью отношения сына с отцом улучшились, как и здоровье лорда Рэндольфа, хотя это была лишь ремиссия. «Я считаю, папа в последнее время выглядит гораздо лучше, – писал Черчилль матери, – и намного меньше нервничает. Он был рад повидаться со мной и говорил довольно долго о своих речах и моих перспективах». Черчилль обрадовался, когда отец, в приливе политической энергии, обрушился на Асквита в своем выступлении в Ярмуте, назвав речи последнего «лабиринтом чепухи». Отношения между отцом и сыном стали ближе, чем когда-либо. «Сын заметно поумнел, – написал лорд Рэндольф герцогине Фанни. – У лорда Ротшильда в Тринге гости обращали на него большое внимание, а он был спокоен и вообще очень хорошо держался».

«Какой же уютный этот дом», – писал Черчилль матери о Тринге, сравнивая его с убогими и прокуренными комнатами в Сандхерсте. Лорд Рэндольф стал выдавать сыну дополнительные деньги на оплату счетов и прислал ему два ящика своих лучших сигарет. Он возил его в театр «Эмпайр» и в дома своих друзей – любителей скачек. Но даже в этот период не все обстояло идеально. «Как только я пытался каким-то образом проявлять близость, – вспоминал позже Черчилль, – он моментально отгораживался; а когда я однажды предложил помочь его секретарю, он буквально обдал меня холодом».

Зимой леди Рэндольф сообщила сыну, что герцогиня Фанни, которая два года назад взяла к себе миссис Эверест, решила с ней расстаться. Об отставке ей должны были сообщить письменно. «Если бы я позволил себе избавиться от миссис Эверест таким вот образом, – возражал Черчилль, – это было бы крайней неблагодарностью по отношению к ней. Не говоря уже о том, что мне будет очень не хватать ее на Гровенор-сквер. В моем сознании она больше, чем кто-либо, ассоциируется с домом. Миссис Эверест пожилая женщина, она проработала у нас почти двадцать лет и любит нас с Джеком больше всех на свете. Выпроваживать ее так, как собирается герцогиня, значит почти наверняка погубить ее». Тем не менее миссис Эверест уведомили об увольнении письменно. «Я считаю такую процедуру жестокой и отчасти даже низкой, – написал Черчилль. – Ее нельзя было увольнять, пока она не подыщет себе другое хорошее место. Дорогая мама, понимаю, что ты рассердишься на меня за эти

строки, но мне невыносимо думать, что миссис Эверест не вернется, и еще более тяжко – что с ней намерены расстаться таким способом». Но его протесты оказались тщетными, и миссис Эверест пришлось покинуть семью.

Затем от леди Рэндольф пришла жалоба: отцу не нравится, что сын курит сигары. «Я больше не буду этого делать, – ответил он. – Я не настолько привык к ним, чтобы мне было трудно от них отказаться. Буду курить не больше одной-двух в день, и то изредка».

В Сандхерсте Черчилль посвящал время не только учебе, но и друзьям. «В отличие от школы, – вспоминал он тридцать пять лет спустя, – здесь у меня было много друзей, трое или четверо из которых до сих пор живы». Судьба остальных стала для него поводом печальных размышлений: «Война в Южной Африке нанесла огромный урон моей компании, а Великая война[5] погубила почти всех остальных. Немногие выжившие были ранены. Я помню их всех».

30 ноября 1893 г. Черчилль отметил свой девятнадцатый день рождения. Через десять дней в Сандхерсте началась первая экзаменационная сессия по всем пяти предметам. «Мне продуло челюсть, – сообщал он отцу, – и жутко разболелись зубы, из-за чего я недобрал немного баллов на экзаменах». Однако экзамены он сдал, получив 1198 баллов из 1500 возможных. На экзамене по тактике он оказался лучшим: 278 баллов из 300. На Рождество он остался в Бленхейме у двоюродного брата Санни и его американской жены Консуэло, наследницы Вандербильта. «Они очень добры ко мне, – писал он. – Я просто наслаждаюсь, к тому же здесь замечательное обслуживание». В Лондоне его очаровала «прекрасная Полли Хэкет». Надежда увидеться с ней, как поведал он матери, служила ему утешением при расставании с Бленхеймом.

«Утром пришла Полли Хэкет, – написал Черчилль Джеку 31 января 1894 г. – Мы отправились гулять и прошли всю Бонд-стрит». К концу того же дня он получил записочку от самой мисс Хэкет. «Неужели все эти чудесные сласти действительно для меня? – интересовалась она. – Это очень, очень мило с твоей стороны».

В феврале Черчилль опять получил небольшую травму, упав с лошади. «Уинстон очень переживает, – сообщила леди Рэндольф Джеку. – Но ничего, в Сандхерсте он отдохнет от верховой езды».

Но в Сандхерсте Черчилль серьезно заболел. Отец отправил ему сочувственное письмо: «Эта инфлюэнца крайне некстати. Перестань курить, пить и ложись спать как можно раньше. Да, я регулярно читаю тебе нотации, но оно того стоит. Чем лучше

у тебя будут дела, тем больше я буду склонен помогать тебе». Лорд Рэндольф от души надеялся, что сын будет в колледже на хорошем счету.

«Очень помогает, если вставать пораньше и заниматься», – признался он отцу. Лорд Рэндольф настолько расчувствовался, что послал сыну по фунту на каждого, кто оказывал ему помощь в казарме. На той же неделе Черчилль пожаловался, что суббота и воскресенье в Сандхерсте – «кошмарные дни», поскольку заняться нечем. Отец откликнулся: «Почему бы тебе не читать книжки по субботам и воскресеньям? Я пришлю тебе несколько».

От миссис Эверест, которая теперь жила в Крауч-энд, на севере Лондона, как обычно, пришло наставление: «Побольше занимайся упражнениями на свежем воздухе, и тогда тебе не понадобятся никакие лекарства. Мой дорогой, как я тебя люблю! Береги себя ради меня». В апреле Черчилль навестил ее. «Надеюсь, ты будешь держаться подальше от дурных компаний, – предостерегала она, когда он вернулся в Сандхерст. – И не ходи в «Эмпайр», не проводи там все вечера, это может довести до греха и всего самого плохого. Даже страшно подумать, что ты можешь сбиться с пути».

Не прошло и недели после этого письма, как Черчилль отправился в мюзик-холл «Эмпайр», где развлекался целый вечер перед тем, как вернуться к верховой езде и картографированию. Кроме того, он стал посещать факультативные курсы сигнальщиков. А вот узнав о его очередном визите в Лондон, лорд Рэндольф осыпал его упреками: «Постоянно мотаясь в город под тем или иным предлогом, ты будешь слишком отвлекаться от основного занятия, и к тому же опять будешь транжирить деньги. Тебе 20, в ноябре исполнится 21, и ты должен всегда помнить, что ты кадет военного колледжа, а не школьник из Харроу». На самом деле Черчилль был на год моложе, а ошибка объяснялась болезнью лорда Рэндольфа. Состояние его снова ухудшилось. В апреле парламентский комментатор охарактеризовал его как старца, «согбенного от физических и психических страданий». Он больше не мог договаривать до конца свои речи: у него заплетался язык, он терял ход мысли.

Черчилль очень боялся огорчить отца. Однажды он случайно уронил часы в ручей у глубокого пруда в Сандхерсте и, не раздумывая, сбросил одежду и нырнул за ними. На это была веская причина: это были золотые часы с эмалевым гербом рода Черчиллей на крышке, которые, к расстройству отца, он однажды уронил на мостовую, после чего на корпусе осталась вмятина. Поэтому он и нырнул. Но дно оказалось очень неровным, а вода настолько холодной, что он продержался лишь десять минут,

а часы не нашел. На следующий день он договорился пройти по дну сетью, но это тоже не дало результата. После этого он выпросил двадцать три солдата из пехотного отделения, заплатил им, чтобы они прорыли русло ручья, взял пожарную машину колледжа и выкачал всю воду из пруда. Часы нашлись. Черчилль сразу же отправил их в Лондон отцовскому часовщику мистеру Денту. По неудачному совпадению, на той же неделе лорд Рэндольф заглянул к Денту, узнал о новом происшествии с часами и пришел в ярость. «Я написал письмо Уинстону, которое он долго не забудет», – сообщил он леди Рэндольф.

Не зная, сколько усилий сын приложил, чтобы найти часы, лорд Рэндольф написал: «Даже не верится, что ты еще настолько молод и глуп. Совершенно ясно, что тебе нельзя доверить столь ценные часы, и, когда мистер Дент их починит, я тебе их уже не верну. Твой младший брат носит часы, которые я подарил ему, дольше, чем ты свои. Он более надежен и не склонен к дурацким поступкам. В этом он превосходит тебя безмерно». В ответ Черчилль направил отцу полный отчет о поисках часов. «Я рассказываю тебе все это, – написал он, – чтобы показать, насколько я осознаю ценность этих часов и что я отнесся к этому происшествию с полной ответственностью. Труд людей обошелся мне более чем в 3 фунта. Все остальные твои подарки находятся в прекрасном состоянии. Пожалуйста, не суди меня исключительно по этому случаю с часами». Но лорд Рэндольф передал часы Джеку, который хранил их всю жизнь. Здоровье лорда Рэндольфа продолжало ухудшаться, и через две недели после происшествия с часами доктор Руз посоветовал ему хотя бы на время оставить общественную жизнь, поскольку нервная система требует отдыха. Уинстон тоже плохо себя чувствовал, жаловался матери на сильнейшие головные боли всю неделю, которые даже вынудили его обратиться в госпиталь Сандхерста. Немного оправившись, он уехал в Лондон. «Я вернулся и снял очень хорошую комнату на углу Джермайн-стрит, – сообщил он брату 5 июня. – Прекрасно поужинал в Беркли, а потом отправился в «Эмпайр». На следующий день он пригласил на обед Полли Хэкет и собирался привезти ее в Харроу, чтобы повидаться с братом. Он собрался на дерби, однако обещал ставок не делать. Тем не менее 24 июня записал: «Я провел очень хорошую неделю в Аскоте. Два раза ставил на победителя и неоднократно не на фаворитов, но все равно дорогу пришлось оплачивать».

Лорд Рэндольф готовился к кругосветному путешествию в сопровождении жены и врача Джорджа Кейта. Перед отъездом родителей Черчилль попросил разрешения приехать в Лондон проститься с ними. Лорд Рэндольф тут же телеграфировал

военному министру сэру Генри Кэмпбелл-Баннерману, подчеркнув, что это его последний день в Англии. Разрешение было выдано, но Черчилль в этот момент находился не в Сандхерсте, а в Чобэме на картографической практике.

Посыльный помчался из Сандхерста с распоряжением для Черчилля немедленно отбыть в Лондон: на следующий день лорд Рэндольф уезжал. Среди прибывших на вокзал, чтобы проводить его, был и премьер-министр лорд Розбери. Черчилль позже вспоминал проводы: «Несмотря на огромную бороду, которую он отрастил в Южной Африке четырьмя годами ранее, лицо его выглядело крайне изможденным и измученным психическими страданиями. Он потрепал меня по колену жестом столь же простым, сколь и красноречивым. Затем отправился в долгое путешествие вокруг света. Можно сказать, что больше я его никогда не видел: когда мы встретились снова, от него осталась одна тень». Черчилль не подозревал, насколько тяжело болен отец. «Если папа вернется в порядке, – написал он матери в середине июля, – я не буду жалеть о том, что вы уехали».

Пока родители пребывали вдалеке от Англии, Черчилль делился своими проблемами с миссис Эверест. «Я получила весточку от Уинни, – писала она Джеку. – У него все более или менее хорошо. Надеюсь, он больше не будет делать таких глупостей, как падение с лошади. Он же может на всю жизнь остаться калекой или даже погибнуть. Бедняжка, он такой беспечный». В другом письме, после встречи с Черчиллем в Лондоне, она пишет Джеку: «Бедняжка, оказывается, у него два фурункула на задней части, так что он едва может ходить, сильно болят зубы и все такое. Он вернулся в Сандхерст, несмотря на недомогание». Причина, по мнению миссис Эверест, была в Лондоне: поздние ужины, нехватка свежего воздуха и физических упражнений. Через несколько дней она опять писала Джеку: «Представь, Уинни приезжает в Лондон каждую неделю. Похоже, ему здесь нравится».

В августе Черчилль снова путешествует по Европе с братом и мистером Литтлом. В Бельгии они посетили поле Ватерлоо. В Антверпене они осмотрели американский военный корабль «Чикаго». Добравшись до Швейцарии, заехали в Церматт, где Черчилль совершил восхождение на Монте-Розу. «Более шестнадцати часов непрерывной ходьбы, – сообщил он матери. – Я был очень горд тем, что оказался в состоянии это сделать и спуститься еще вполне свежим». Из Церматта путешественники отправились в Уши, близ Лозанны. На третий день пребывания там Черчилль с братом отправились кататься по озеру в гребной лодке и решили искупаться с борта. Так они и поступили, но в это

время сильный порыв ветра ударил в тент, натянутый над задними сиденьями, и погнал лодку в сторону. Тщетно Черчилль, хороший пловец, пытался догнать ее. Раз за разом, когда лодка была совсем близка, ее относило в сторону. «Тем временем, – вспоминал он позже, – ветер крепчал, и мы с Джеком, особенно Джек, начали уставать. До этого момента даже мысли об опасности мне в голову не приходило. Голубая вода искрилась в лучах солнца; открывалась удивительная панорама гор и долин; по берегам веселые отели и виллы. Но теперь я увидел Смерть как никогда близко. Она плыла рядом с нами, ее шепот слышался в шуме ветра, который продолжал уносить лодку от нас примерно с той же скоростью, с какой мы плыли». Два раза Черчилль почти настигал лодку, но ветер отгонял ее дальше. В конце концов неимоверным усилием ему удалось ухватиться за борт буквально в последнюю секунду перед тем, как порыв ветра опять надул тент. Черчилль сел на весла и быстро погреб к Джеку, который, по его воспоминаниям, «хотя и очень устал, совсем не понимал, что над нами нависла смертельная угроза».

По возвращении в Сандхерст Черчилль начал готовиться к последним экзаменам. Верховая езда, которой он теперь овладел в совершенстве, стала его страстью. Но когда он попросил у отца, находившегося в тот момент в Калифорнии, разрешения перейти в кавалерию, лорд Рэндольф возмутился: «Лучше бы тебе выбросить это из головы, во всяком случае, до конца моей жизни, пока ты зависишь от меня». Препятствием были расходы на лошадей. «Я все же надеюсь, – написал Черчилль матери в сентябре, – что, когда он поймет, насколько мне этого хочется, он не отправит меня в пехоту против моего желания». Между тем лорд и леди Рэндольф прибыли в Японию. Там состояние лорда Рэндольфа ухудшилось.

В Лондоне же Черчилль впервые поучаствовал в социальном конфликте, присоединившись к протесту, связанному с намерениями властей закрыть «Эмпайр». В театре происходили сборища молодых людей, которые не только общались во время представлений и в антрактах, но и частенько злоупотребляли алкоголем.

В письме в Westminster Gazette, подписанном инициалами WLSC, Черчилль доказывал, что привитие более строгих стандартов поведения в обществе зависит в большей мере от улучшения социальных условий и образования, нежели от ханжей. Он также писал, не подозревая о природе отцовского заболевания: «Природа уготовила более тяжкие и страшные

наказания для roués и libertines[6], чем может изобрести какое бы то ни было государство. Эти наказания существуют с сотворения мира, но тем не менее безнравственность остается распространенным явлением. Вмешательство государства в любом виде никогда не искоренит зла».

Черчилль признавал, что обе стороны, участвующие в споре за «Эмпайр», заинтересованы видеть Англию нравственнее, но подчеркнул: «В то время как «комитеты бдительности» желают искоренить зло парламентскими законами и готовы ради этого принести в жертву гражданские свободы, «антиханжи» предпочитают другое. Попытки исправить ситуацию репрессивными методами – опасный путь, обычно приводящий к обратной реакции».

Письмо было опубликовано 18 октября. 3 ноября Черчилль сделал последнюю попытку поддержать протест. «Читал ли ты в газетах о бунте у «Эмпайр» в прошедшую субботу? – спрашивал он брата. – А ведь это я возглавлял бунтовщиков и произнес речь перед толпой». Его лозунгом в тот вечер было: «Я за Свободу!» Он говорил своим единомышленникам: «Вы увидели, как мы сегодня снесли все баррикады. Не забудьте голосовать на ближайших выборах против тех, кто несет за них ответственность». Битва тем не менее была проиграна, и театр закрыли. «Не знаю, что ты думаешь по этому поводу, – написал Черчилль отцу, – но я уверен, что ты не одобряешь насильственных и бесполезных мер».

В это время отец Черчилля направлялся из Гонконга в Индию. В телеграмме, пришедшей от доктора Кейта в первую неделю ноября, сообщалось, что у него начались галлюцинации и он не в состоянии нормально говорить. Сильно встревоженный Черчилль убеждал доктора Руза сказать честно, насколько серьезно состояние отца. Ему назвали симптомы, но не причину. «Я никогда не подозревал, насколько тяжело папа болен, – тут же написал он матери. – И никогда до этого момента не верил, что с ним может случиться что-то серьезное».

Теперь он прилагал все усилия, чтобы скрыть новости от бабушки, которой уже показали несколько настораживающих бюллетеней. «Я бы посоветовал, насколько возможно, – писал он матери, – скрывать положение от герцогини. Неблагоприятные новости сильно ее расстраивают. Она переживает и думает только о том, чтобы снова увидеть папу, и на неделю впадает в отчаяние после любых плохих сообщений».

В конце ноября, когда лорд Рэндольф был в Мадрасе, доктор Кейт телеграфировал доктору Рузу, что его пациенту осталось жить около шести месяцев. Руз показал телеграмму Черчиллю, который решил тут же мчаться в Индию. «Не представляю,

как долго продлится папина болезнь, – написал он матери, – но я намерен приехать и повидаться с ним». Он также уговаривал мать поскорее вернуться в Египет или на Французскую Ривьеру, где они с Джеком могли бы присоединиться к родителям. «Для тебя это должно быть ужасно, – писал он матери, – но для меня почти так же. Ты, по крайней мере, с ним рядом».

Леди Рэндольф согласилась, что в таком состоянии, при участившихся галлюцинациях и распаде сознания, мужа нужно возвращать на юг Франции. 29 ноября, накануне своего двадцатилетия, Черчилль написал Джеку: «Папа и мама возвращаются и будут в Монте-Карло в конце декабря. У нас появится возможность приехать и встретиться с ними. Врачи полагают, что, если ему обеспечить полное спокойствие, он может поправиться. Но в политику ему уже никогда не вернуться».

Учеба Черчилля в Сандхерсте подходила к концу. К своей радости, на экзаменах по выездке он стал вторым из 127 кадетов. «Надеюсь, ты будешь доволен», – написал он отцу. Но лорд Рэндольф уже не воспринимал окружающее. По прибытии в Коломбо его пришлось держать в смирительной рубашке. Оттуда его перевезли в Каир. Надеяться на восстановление на юге Франции не приходилось. Его доставили в Лондон.

24 декабря лорд Рэндольф появился на Гровенор-сквер. Через несколько дней у него начались мучительные боли, и семья решила, что он при смерти. Встревоженный этим, принц Уэльский попросил собственного врача, сэра Ричарда Куэйна, узнать у невропатолога лорда Рэндольфа, доктора Буззарда, причину заболевания. Буззард ответил: «Лорд Рэндольф страдает прогрессивным параличом. Первые симптомы в виде невнятной артикуляции были замечены мной около двух лет назад. Перед этим я его не видел год, а то и два, поэтому невозможно сказать, как долго он был подвержен этому заболеванию». На непрофессиональном языке «прогрессивный паралич» – следствие сифилиса обычно проявляется через десять-двадцать лет после заражения.

Спустя столько времени невозможно было быть абсолютно уверенным в диагнозе, но Буззард был уважаемым авторитетным специалистом с огромным опытом в этой области. В письме его также говорилось: «Вы хорошо знаете, до какой степени подобные случаи различаются в зависимости от конкретных симптомов, хотя они обычно приводят к фатальному исходу в течение трех или четырех лет».

Впрочем, окончательно надежды Буззард не терял, сообщая доктору Куэйну: «При правильном питании и покое его светлость значительно восстановился и сейчас может общаться, узнает

людей, помещение, в котором лежит, и вспоминает прошедшие события. Однако артикуляция порой не позволяет понять, что он произносит. Галлюцинаций нет. Его состояние можно определить как психическую слабость. Вполне возможно, состояние может улучшиться, если обеспечить щадящий образ жизни. Но поскольку уже были неоднократные приступы паралича, то они могут повториться в любой момент, и проявление их в жизненно важных органах может спровоцировать внезапную смерть. У него очень слабое сердце. Также не исключено, что он может погрузиться в состояние нарастающего слабоумия с сопровождающими его физическими проблемами, медленно приводящими к смерти».

«Физически он лучше, – написала леди Рэндольф сестре Леони 3 января 1895 г., – но психически в тысячу раз хуже. Даже его мать уже хочет, чтобы он скорее умер». Через несколько дней, очнувшись от глубокого сна, лорд Рэндольф спросил, когда они поедут в Монте-Карло. Ему ответили, что на следующий день. «Это хорошо», – произнес он, а потом, увидев сына, спросил, как и когда он сдал экзамены в Сандхерсте. Черчилль сказал, что у него двенадцатый результат из ста тридцати кадетов.

Лорд Рэндольф умер утром 24 января, не дожив три недели до своего сорокашестилетия. Через три дня его похоронили на церковном кладбище в Блэдоне, за стенами Бленхейма.

Не подозревая об ужасной причине смерти отца, Черчилль решил, что она – очередное подтверждение того, что все Черчилли умирают молодыми. И он, и Джек родились недоношенными. Джека вообще поначалу посчитали мертворожденным. Трое братьев лорда Рэндольфа умерли в младенчестве, четвертый брат скончался на пятом десятке, как и сам лорд Рэндольф. У самого Черчилля всегда было слабое здоровье.

Это пугало его. Черчилль теперь не только стремился доказать, что вовсе не является никчемным человеком, как утверждал его отец, но его еще стала преследовать мысль, что ему тоже суждено умереть молодым. «Неужели сорок, и все кончено?» – задавался он вопросом двадцать лет спустя. Черчилль никогда не видел письма Буззарда Куэйну, которое было найдено и впервые опубликовано его сыном Рэндольфом в 1967 г., и не мог знать, что его страх умереть молодым в силу наследственности совершенно неоправдан.

Летом 1895 г., через полгода после смерти отца, Черчилль приехал в Блэдон посетить его могилу. «В маленькой церкви шла

служба, – написал он матери, – и голоса поющих детей добавляли красоты и покоя всему месту. Жаркое солнце последних дней немного подсушило траву, но розовые кусты были в полном цвету и украшали церковное кладбище. Я был совершенно поражен необыкновенным ощущением тишины и покоя, а также атмосферой прежней жизни, царящей там, и испытал одновременно и печаль, и умиротворение. Он бы наверняка выбрал для себя это место. Думаю, тебе станет легче, когда ты это увидишь».

Глава 4
Младший лейтенант: «Я не могу сидеть спокойно»

20 февраля 1895 г., через четыре недели после смерти отца, Черчилль стал кавалеристом 4-го гусарского полка, дислоцированного в Олдершоте. Он был произведен в чин младшего лейтенанта. Звание присвоено было ему – согласно традиции – самой королевой Викторией: «Нашему верному и любимому Уинстону Леонарду Спенсеру Черчиллю, джентльмену». Подписано оно было военным министром Кэмпбеллом-Баннерманом, который менее чем через одиннадцать лет назначит Черчилля на его первую министерскую должность – заместителем министра по делам колоний.

Режим в Олдершоте не был строгим. День начинался в 7:45 с завтрака в постели, рассказывал Черчилль брату в первую неделю. По часу в день он командовал эскадроном из тридцати человек и должен был следить за тем, как чистят, кормят, поят лошадей, прибирают в казарме и т. п. Также каждое утро по два часа занимались верховой ездой, а после обеда – тренировками на плацу. За этим следовали горячая ванна, ужин, бильярд и безик. «По вечерам много играю в вист», – написал он матери. Он часто бывал в Лондоне – тетушка, герцогиня Лили, согласилась платить за его лошадь.

Через две недели пребывания Черчилля в Олдершоте избиратели округа Барнсбюри попросили двадцатилетнего субалтерна выступить перед ними. Это было первым в его жизни приглашением произнести политическую речь. «Но после долгих сомнений и размышлений, – рассказывал он брату, – я написал им, что честь слишком велика или что-то в этом смысле».

Несчастные случаи продолжали преследовать молодого человека. В марте он написал матери: «Мне не повезло, и я грохнулся с лошади на стипль-чезе. Она отказывалась подчиняться. Я попытался ее заставить, но она взбрыкнула, и в результате я едва не сломал ногу, но, слава богу, отделался синяками и ушибами». Джеку он признался, что сильно повредил колено и ковыляет с тростью.

Заверив мать, что больше не будет заниматься таким рискованным делом, как стипль-чез, Черчилль тем не менее вошел в состав кавалерийской бригады по стипль-чезу под именем «мистер Спенсер». Он принял участие

в соревнованиях «Челлендж кап» для субалтернов 4-го гусарского полка. «Это было очень увлекательно и, безусловно, опасно, – рассказывал он брату. – Я никогда раньше не прыгал через барьер, а их делают очень высокими, как ты знаешь». Его лошадь пришла третьей. Позже возник скандал, связанный с тем, что победитель скакал на лошади, заявленной под другим именем. Результаты скачек аннулировали, а всех лошадей, принимавших в них участие, в том числе и лошадь Черчилля, навсегда дисквалифицировали и отстранили от соревнований. Все пять субалтернов оказались под подозрением в участии в обмане, который год спустя жестко осудил радикальный журнал Truth.

Этой же весной, вскоре после истории на скачках, произошел еще один неприятный эпизод. В 4-м гусарском полку должен был начать службу молодой офицер Алан Брюс, бывший соученик Черчилля по Сандхерсту. Субалтерны за что-то его сильно невзлюбили. Пятеро молодых офицеров, включая Черчилля, специально пригласили его на ужин, во время которого ему было объявлено, что он должен покинуть полк. Через год тот же журнал Truth написал и об этом, назвав этот случай «большим кавалерийским скандалом». По мнению редактора, члена парламента от радикальной партии Генри Лабушера, именно Черчилль, будучи представителем младших офицеров полка, сообщил Брюсу, что он «нежелателен». Вскоре после этого Брюсу официально предложили оставить полк, что тот и сделал.

В двух письмах к матери Черчилль сообщал об этом эпизоде, хотя и не упоминал о своем в нем участии. «Когда я вижу, как относятся сослуживцы к тем, кого невзлюбили, – писал он в апреле, – я думаю о том, как здорово мне повезло, что я обзавелся друзьями и прочным положением. Тут если ты не нравишься, то должен уйти, а это означает жить дальше с пятном в биографии».

В конце апреля Черчилль приехал в Лондон на свадьбу своей тетушки, вдовствующей герцогини Лили, и лорда Уильяма Бересфорда. «Потрясающий завтрак, который, должно быть, стоил безумных денег, – писал он матери, – и толпа, поглощающая его, – это мое главное впечатление». Из Лондона он поехал на скачки в Ньюмаркет, где с ним побеседовал принц Уэльский. По его словам, на трибунах присутствовал весь высший свет. В это же время он увлекся игрой в поло. «Это лучшая игра на свете, но я рад, что мне удается держать себя в руках и не играть слишком часто, – писал он матери. – Однако в обозримое время я вряд ли сумею не играть совсем».

В июне приятельница Черчилля Полли Хэкет вышла замуж

за Эдварда Уилсона. Черчилль уже был знаком с сестрой Эдварда, Мюриел, которая приезжала в Олдершот на парад по случаю дня рождения королевы. Тогда же он стал членом лондонского Клуба холостяков. «Я получил огромное количество приглашений, – рассказывал он матери, – и могу ходить на балы хоть каждый вечер, если захочу, но армейская рутина заставляет меня больше всего мечтать о постели». В этом же месяце Англию посетил Насрулла-хан, сын эмира Афганистана. Когда он приехал инспектировать войска в Олдершот, Черчилль был назначен в эскорт герцога Коннаутского. «Я провел семь часов в седле без перерыва, не снимая кивера, – сообщал он матери, – а потом еще два часа после обеда, но то, что меня назначили, – большая честь».

Под вечер 2 июля Черчилль в Олдершоте получил телеграмму, извещающую, что миссис Эверест в критическом состоянии. Он немедленно отправился к ней на Крауч-хилл в Северном Лондоне. «Она знала, что в опасности, – позже вспоминал он, – но все ее мысли были обо мне. Я приехал в сильный дождь. Китель промок. Потрогав его, она ужасно встревожилась, что я простужусь. Пришлось снять китель. Она успокоилась только после того, как он окончательно высох».

После этого Черчилль помчался в центр города, чтобы нанять сиделку и встретиться с доктором Кейтом, который сразу же согласился осмотреть миссис Эверест. Затем ночным поездом Черчилль отправился в Олдершот, чтобы не опоздать на утреннее построение. По его окончании он вернулся в Лондон к миссис Эверест. Он надеялся на улучшение, но она уже была без сознания и ночью скончалась – в 2:15. Сиделка прибыла только к самому концу. «Это очень грустно, – писал он. – Ее смерть стала для меня настоящим ударом, но я не думаю, что она страдала от болей».

Ранним утром Черчилль отправился на поезде в Харроу к Джеку, чтобы тот узнал эту грустную новость от него, а не из телеграммы. «Он был просто потрясен, – рассказывал Черчилль матери, – хотя старался не показать этого». Вернувшись в Лондон, он сделал все необходимые распоряжения в связи с похоронами и даже заказал венок от имени матери. «Я подумал, что тебе этого захочется», – написал он ей, а миссис Эверест назвал другом, какого у него никогда больше не будет.

Миссис Эверест похоронили на городском кладбище в Восточном Лондоне 5 июля. Позже на надгробном камне сделали надпись, что его установили «Уинстон Спенсер Черчилль и Джон Спенсер Черчилль». «Гроб был покрыт венками, – писал

Черчилль матери после похорон. – Все было как полагается. Дорогая мамочка, я очень устал, поскольку почти две ночи провел на ногах, исполняя свой долг. Чувствую себя совершенно подавленным и понимаю, что никогда не осознавал, как много значила для меня бедняжка Вумани. Оборвалась еще одна связь с прошлым. Я с сожалением вспоминаю о былых днях на Коннот-плейс, когда нам еще улыбалась судьба». У леди Рэндольф теперь даже не было своего дома. Она жила в гостиницах и по родственникам. «Я мечтаю о том дне, когда ты сможешь обзавестись своим домиком, – писал Черчилль, – и когда я почувствую, что есть такое место – дом». Для него самого домом был Олдершот, у него было множество друзей, и он хорошо знал свое дело. 23 июля на маневрах присутствовали герцог и герцогиня Йоркские, и Черчиллю было поручено встретить их перед ужином. Тогда же у него состоялся долгий разговор с герцогом Коннаутским по поводу выборов.

Это были первые всеобщие выборы за почти тридцать лет, в которых Гладстон не был лидером либералов. «Что до меня, – писал Черчилль матери в разгар кампании, – я отношу развал радикальной партии исключительно за счет отсутствия силы мистера Гладстона. С 1886 г., когда произошел великий раскол, партия постепенно приходила в упадок, но его личность придавала ей силу, как лихорадка оживляет больного человека. Едва она исчезла, последовал коллапс».

Лорд Розбери и либералы потерпели поражение. Премьер-министром в коалиционном правительстве консерваторов и юнионистов стал Солсбери. Ведущие посты были отданы Джозефу Чемберлену и другим сторонникам либералов прошлого десятилетия. «Никогда не приходилось видеть более растерянной и разобщенной партии, – написал Черчилль матери про потерпевших поражение либералов Гладстона. – Юнионисты же привели в кабинет министров почти всех способных людей из обеих палат, поддержанных всеми слоями общества, не скованных обещаниями и не стесненных обязательствами. Ни у одной партии никогда не было такого шанса. Остается посмотреть, какую пользу они из этого извлекут». Но заканчивает он свое письмо предупреждением-предвидением по поводу жизнеспособности нового правительства: «На мой взгляд, они слишком сильны. Их правительство расколется из-за вопроса о протекции. Как огромному кораблю с мощным двигателем, им требуется более тщательное управление, потому что любая коллизия приведет к разрушению».

Вопрос о протекции – требование юнионистов защитить

имперскую торговлю от иностранной конкуренции посредством введения тарифной системы – действительно впоследствии расколет партию и приведет к ее упадку. В этой будущей политической схватке Черчилль, тогда еще молодой член парламента от консерваторов, обретет политическую известность как главный противник тарифов.

Тем временем жизнь в Олдершоте текла по-прежнему и была посвящена верховой езде. «Сейчас у нас разгар маневров, – рассказывал он матери в августе. – По восемь часов в седле каждый день, затем по два часа в конюшне, а потом – непременно поло». Однако его уже сильно увлекла политика. «Политика, – делился он мыслями с матерью, – это тонкая игра, и в ней очень важно выждать удачный момент, прежде чем бросаться вперед. В любом случае четыре года здорового и приятного существования в сочетании с ответственностью и дисциплиной пойдут мне на пользу. Чем больше я смотрю на армейскую жизнь, тем больше она мне нравится, но тем больше я убеждаюсь, что это métier[7] не для меня. Ну, посмотрим».

Уже через неделю Черчилль сообщает ей: «Армейская жизнь ведет к умственному застою в полном соответствии с армейским духом. Из этой трясины я пытаюсь себя вытаскивать, читая и перечитывая отцовские речи, многие из которых знаю почти наизусть. Но мне нужен человек, который помог бы мне систематизировать чтение. Сейчас я читаю без всякой системы, что дает только разрозненные, не связанные между собой факты». Если бы он квартировал в Лондоне, он бы, пожалуй, нанял преподавателя, чтобы час-другой в неделю изучать экономику или современную историю.

Леди Рэндольф по-своему поняла, что имеет в виду сын. Она предложила ему заняться вопросом «снабжения армейских лошадей». «Это занятие, – ответил он, – возможно, весьма похвальное для кавалерийского офицера, ведет скорее к сужению мысли, нежели к ее расширению. Нечто более литературное и умозрительное стало бы тем лекарством для ума, в котором я нуждаюсь. Всю жизнь, – пояснял Черчилль, – сначала в Харроу, потом в Сандхерсте и у Джеймса я получал чисто техническое образование, нацеленное лишь на конкретную цель – сдачу очередных экзаменов. В результате мой мозг не получил того блеска, который дают, например, Оксфорд или Кембридж. В таких местах человек изучает науку с более высокой целью, нежели утилитарная польза. Человек получает там широкое общее образование».

Незадолго до двадцать первого дня рождения Черчилль решил самостоятельно получить такое образование. Будучи

кавалерийским офицером с множеством служебных обязанностей, посвящавшим много времени верховой езде и не забывавшим об удовольствиях, он тем не менее погрузился в самообразование. Начал он с «Учебника политической экономии» Г. Фосетта. «Эта книга, – рассказывал он, – преимущественно посвящена основным принципам и способна дать как минимум ясное представление об основах предмета. Она принесет пользу, даже если не слишком погружаться в предмет». После Фосетта он планировал прочитать «Историю упадка и разрушения Римской империи» Э. Гиббона и «Европейские нравы от Августа до Шарлеманя» У. Леки. Это и интереснее, и полезнее, был уверен он, чем простое нагромождение фактического материала и статистических данных.

Осенью леди Рэндольф приобрела дом в Лондоне по адресу Грейт-Камберленд-плейс, 35а. Если бы полк Черчилля был расквартирован ближе к столице, он смог бы жить с матерью. «Я так мечтаю снова обрести дом. Каким наслаждением будет позвонить в колокольчик у собственной парадной двери. Бедняжка Эверест – как бы она радовалась, что мы снова живем в собственном доме. Она очень на это надеялась».

В октябре 1895 г. Черчилль с другом Реджинальдом Барнсом решил отправиться на Кубу, где испанские войска пытались подавить восстание островитян. Матери, которая сомневалась в целесообразности этого путешествия, он написал: «В любом случае я решил ехать». Леди Рэндольф моментально ответила: «С учетом того, что я предоставляю тебе средства, полагаю, что вместо «я решил ехать» было бы вежливее и, пожалуй, разумнее сначала посоветоваться со мной. Опыт со временем научит тебя, что тактичность – одна из важнейших черт человека во всех жизненных ситуациях». Впрочем, препятствовать ему она не стала.

Готовясь к поездке, Черчилль встретился с фельдмаршалом лордом Уолсли, главнокомандующим британской армией. С одобрения Уолсли они с Барнсом направились к начальнику военной разведки генералу Чапмэну, который снабдил их картами и информацией. Черчилль написал матери, что их, в свою очередь, попросили собрать сведения и статистические данные по нескольким вопросам – «в особенности об эффективности новой пули, ее проникающей и поражающей способности. Это придает нашей миссии почти официальный характер и может помочь в будущем». У поездки была и вполне прагматичная цель. «Я привезу много гаванских сигар, – сообщил он матери, – часть которых можно будет хранить в подвале на Грейт-Камберленд-плейс». Перед отъездом он также

договорился с газетой Daily Graphic, для которой его отец поставлял материалы из Южной Африки, что будет присылать регулярные репортажи с места событий.

Черчилль покинул Англию за месяц до двадцать первого дня рождения на борту почтового парохода «Этрурия» компании «Кунард». Это было его первое трансатлантическое путешествие. Он с гордостью сообщал матери, что они с Барнсом ни разу не страдали морской болезнью. Но при этом добавил: «Я не рассматриваю морское путешествие как удовольствие, и всегда буду считать его неизбежным злом, с которым можно смириться только ради выполнения какой-то определенной задачи».

Нью-Йорк Черчиллю понравился. «Все чрезвычайно вежливы, и у нас едва ли не по три приглашения на каждый завтрак, обед и ужин на несколько дней вперед», – сообщал он матери. Ее кузены были любезны и дружелюбны. Один из них даже нанял денщика для путешественников. Они посетили штаб-квартиру Атлантического военного округа американской армии, а также Вест-Пойнт – американский аналог Сандхерста. Недавний выпускник Сандхерста пришел в ужас от дисциплины в Вест-Пойнте. «Им запрещено курить и иметь карманные деньги, – рассказывал он брату. – Первый двухмесячный отпуск они могут получить только после двух лет обучения. Это поистине позорно. Молодые люди в возрасте 24–25 лет, которые до такой степени лишены личной свободы, никогда не смогут стать ни хорошими гражданами, ни доблестными воинами. Ребенка, который бунтует против такого контроля, могут выпороть – так там поступят и со взрослым мужчиной».

В Нью-Йорке Черчилль осмотрел американский военный корабль «Нью-Йорк». Американские моряки, впрочем, интересовали его больше, чем сам корабль, «поскольку линкор, в принципе, может построить любое государство, а воспитание хороших моряков – монополия англосаксов», – писал он тетушке Леони. «Какой необыкновенный народ эти американцы! – восхищался он в письме к матери. – Их гостеприимство стало для меня откровением. Они делают все, чтобы ты чувствовал себя свободно, как дома, и делают это с такой легкостью, какой я и представить себе не мог». С другой стороны, их пресса и валюта произвели на него весьма удручающее впечатление. Бумажный доллар, которым он расплатился за проезд по Бруклинскому мосту, показался ему «самой сомнительной «деньгой» в мире», как рассказывал он Леони. Некоторое время Черчилль размышлял, как примирить великолепную организацию жизни с отвратительной системой денежного обращения. Бумажные

деньги вызывали у него отторжение, пока он не нашел этому объяснение: «Средства коммуникации в Нью-Йорке – дело частного бизнеса, а валюта – государства. Таким образом, я пришел к заключению, что американцы высшего уровня сидят в банкирских домах, а менее одаренные – в правительстве».

«Это великая страна, дорогой Джек, – написал Черчилль брату на пятый день пребывания в Нью-Йорке. – Не милая и не романтичная, но великая и прагматичная. Здесь, похоже, не существует такого понятия, как традиции. Все в высшей степени подчинено практичности и оценивается только с этой точки зрения. На заседании суда судья обсуждал с нами доказательства вины, аргументируя их примитивно: «Это само собой разумеется». Он старался быть только приятным собеседником, в то время как несчастный обвиняемый сражался за свою жизнь. Здесь нет ни мантий, ни париков, ни судебных приставов в форме. Ничего, кроме группы людей в черных пиджаках или твидовых костюмах – судья, подсудимый, жюри, адвокат и охранники. Но тем не менее они ухитряются вынести приговор и повесить человека, а это, так или иначе, великая вещь».

Во время этого краткого визита многое поражало Черчилля. Сущность американской журналистики в письме к брату он определил как «вульгарность, лишенная правды». Но постарался быть объективным: «Видишь ли, я думаю, что вульгарность – признак силы. Американцы – великий, грубый, сильный, молодой народ, похожий на резвого здорового ребенка среди слабых, но хорошо воспитанных леди и джентльменов. Представь себе американский народ как энергичного, дурно воспитанного юношу, который попирает все твои чувства, не испытывает почтения ни к возрасту, ни к традициям, но действует из лучших побуждений с энергией, которой старые нации могут лишь позавидовать».

После недели в Нью-Йорке Черчилль и Барнс поездом отправились во Флориду. Принимавший их Бурк Кокрэн предоставил им двухместное купе. В результате тридцатишестичасовое путешествие на юг оказалось, как сообщил он матери, «менее тягостным, чем могло быть в обычном купе». В Ки-Уэсте они пересели на пароход до Гаваны, где британский генеральный консул представил их испанскому военному губернатору, который, в свою очередь, телеграфировал об их прибытии главнокомандующему испанскими войсками.

21 ноября Черчилль и Барнс на поезде уехали из Гаваны, чтобы присоединиться к действующим испанским частям. «Нам сопутствовала почти необъяснимая удача, – рассказывал

Черчилль матери. – Мы пропустили два поезда, которые буквально через полчаса разгромили повстанцы. Мы приехали в город, в котором были распространены всевозможные заразные заболевания. Наконец, если бы я совершенно случайно, без какой-либо причины не отошел буквально на полметра в сторону, я наверняка был бы убит. Так что, как видишь, дорогая мама, добрый ангел-хранитель не оставляет меня».

Пять корреспонденций Черчилля в Daily Graphic были озаглавлены «Письма с фронта» и подписаны инициалами «WSC». В первом письме, написанном еще по дороге на фронт, он писал: «Нет сомнения, что кубинские инсургенты пользуются симпатией всего населения и, соответственно, обладают постоянными и точными разведданными. С другой стороны, Испания решительно настроена подавить их, и тысячами поставляет свежие силы. Чем это закончится, трудно сказать, но кто бы ни победил и к каким бы результатам это ни привело, весь народ безусловно терпит страдания и невзгоды».

23 ноября Черчилль оказался в центре острова. «Чем больше я наблюдаю Кубу, – писал он в этот же день, – тем больше ощущаю, что требование независимости является общенациональным и единодушным. Силы повстанцев состоят из лучших представителей островитян, хотя могут без малейшего искажения истины быть названы просто бандой. Фактически, это война, а не восстание». На другой день генерал Вальдес сформировал колонну из 2700 военнослужащих для снабжения через горы испанских гарнизонов. «Генерал выделил нам лошадей и прислугу, – писал Черчилль матери по возвращении в Гавану, – и мы жили вместе с его личным персоналом».

30 ноября Черчиллю исполнился двадцать один год. В этот день генерал Вальдес повел войска на поиски основной армии повстанцев. Черчилль и Барнс были с ним и провели ночь на открытом воздухе. На следующий день после прибытия в новый лагерь они уговорили двух испанских офицеров пойти искупаться в реке. Искупавшись, все четверо одевались на берегу. «Внезапно, – сообщал Черчилль в следующем репортаже, – мы услышали выстрел. За ним последовало еще несколько. Начался беглый огонь. Пули свистели над нашими головами. Стало очевидно, что нас атакуют. Быстро одевшись, один из испанцев побежал за подмогой. Он вернулся с полусотней солдат, которые отогнали атакующих».

Черчилль с Барнсом вернулись к штабу Вальдеса, который располагался менее чем в километре. Там тоже происходила перестрелка. Нападение было отбито. Затем около полуночи нападавшие вернулись и в течение часа вели огонь. Несколько

испанских солдат были убиты. «Одна пуля прошила тростниковую хижину, в которой мы спали, – писал он, – другой ранило ординарца, спавшего снаружи».

На следующий день, который Черчилль впоследствии назвал «самым замечательным днем в моей жизни», испанские войска с рассветом двинулись в поход. «Туман, – сообщал он в корреспонденции для Daily Graphic, – обеспечил укрытие снайперам повстанцев, которые встретили нас метким огнем, как только мы форсировали реку». Позже утром колонна была вынуждена остановиться. Выдвинулась пехота. Пули над головами свистели непрерывно. Колонна кавалерии двинулась дальше. «Мы атаковали позиции противника и продвигались по открытому пространству под интенсивным огнем, – писал Черчилль матери. – К сожалению, генерал Вальдес, очень храбрый человек в белом с золотом мундире на серой лошади, вызывал на себя и на нас сильный огонь. Свиста пуль я наслышался вполне достаточно».

В ходе операции Черчилль с Барнсом держались поблизости от Вальдеса, в результате чего, как он объяснял матери, «мы были в самом опасном месте на поле боя». Он полагал, что испанцам повезло, и они потеряли меньше людей, чем могли бы, благодаря тому что повстанцы стреляют не слишком метко, в основном поверх голов. После ожесточенной десятиминутной перестрелки повстанцы отступили. Испанцы их не преследовали и ретировались. «Представьте генерала, командира дивизии, – писал Черчилль в пятой и последней корреспонденции, – и две тысячи лучших солдат, которые в течение десяти дней занимаются поиском противника, преодолевают всевозможные трудности, подвергаются всевозможным испытаниям, а после этого вполне удовлетворяются, захватив тридцать или сорок повстанцев и заняв невысокий холмик, не имеющий никакого значения. При таком ведении войны даже императору Вильгельму с немецкой армией понадобилось бы лет двадцать, чтобы подавить это восстание».

В этом последнем сообщении Черчилль размышлял о справедливости борьбы повстанцев: «Куба в течение длительного периода была обременена чудовищными налогами. Испанцы выкачивали из страны такое количество денег, что вся промышленность оказалась парализованной, и развитие стало невозможным. Взяточничество и коррупция пронизали администрацию в масштабе почти китайском. Коррумпирована была вся испанская администрация. Общенациональное восстание – единственный возможный результат существования такой системы. Однако повстанцы избрали тактику разбойников,

поджигая плантации сахарного тростника, стреляя из-за угла, ведя огонь по спящим военным, пуская под откос поезда и бросая взрывчатку. Это, – подводит итог Черчилль, – возможно, совершенно оправданно во время войны, но государства таким образом не создаются».

Один британский журналист сообщил Черчиллю: на Кубе распространился слух, будто его симпатии на стороне повстанцев. Слух этот опровергался тем, что Черчилль и Барнс получили испанские военные награды – медали «Красный Крест». Но Черчилль был уверен и писал об этом в своей последней корреспонденции в Daily Graphic, что «кубинцев никогда не удастся вытеснить с обширных внутренних территорий. Необходимо, чтобы Куба, свободная и процветающая, под властью закона и патриотической администрации, открыла свои порты для международной торговли, посылала своих пони в Херлингэм, команды игроков в крикет – на Лорд, меняла гаванские сигары на ланкаширский хлопок, а сахар из Матансасы – на столовые приборы из Шеффилда. По крайней мере, будем на это надеяться».

Через год после поездки на Кубу Черчилль писал матери: «Я упрекаю себя за то, что был, возможно, несколько несправедлив по отношению к инсургентам. Я старался оправдать действия испанцев, и в некотором смысле преуспел в этом. Но это политика. Не хотелось бы услышать обвинения в несправедливости от тех, кто меня принимал, хотя я не вполне уверен, что это правильно».

В середине декабря Черчилль с Кубы отправился в Соединенные Штаты, а оттуда домой. Давая в Нью-Йорке интервью журналисту New York World, он заметил по поводу испанских войск: «У меня нет сомнений в их мужестве, но они очень поднаторели в искусстве отступления. Что касается будущего, я думаю, что в итоге Соединенные Штаты вмешаются в качестве миротворца».

«Я собираюсь привезти великолепный кофе, сигары и желе из гуавы, чтобы набить подвалы дома», – написал Черчилль матери в последнем письме из Гаваны. Он сдержал слово, но возвращение в Англию оказалось омрачено широко распространившимся слухом, что в Сандхерсте он совершал, как говорили, «акты величайшей безнравственности в духе Оскара Уайльда». Обвинение было выдвинуто А. Брюс-Прайсом, отцом офицера-кадета, который ранее обвинил Черчилля и его приятелей в том, что они вынудили его сына покинуть полк. Брюс-Прайс-старший также утверждал, что один офицер был

избит сослуживцами-субалтернами за то, что совершил непристойный акт с Черчиллем.

Черчилль подал иск против Брюс-Прайса в Высокий суд. Через месяц тот отозвал свои обвинения и выплатил 400 фунтов за нанесение морального ущерба – более 15 000 по курсу 1990 г. «Все это дело, – писал Черчиллю его командир полковник Брабазон, – лишь показывает, до чего способны довести ложь и злоба». Однако дело Брюс-Прайса-младшего на этом не закончилось. Газета Truth[8] неоднократно возвращалась к нему, при этом продолжая негодовать по поводу эпизода со стипль-чезом, произошедшего годом ранее.

Общественная жизнь Черчилля при этом развивалась бурно. В доме лорда Ротшильда в Тринге среди гостей бывали Асквит и Бальфур. «Как ты понимаешь, – говорил Черчилль матери, – я чрезвычайно ценю возможность пообщаться со столь умными людьми и послушать их беседы». Одной из наиболее обсуждаемых тем в тот момент была Южная Африка. В недавней речи министр по делам колоний Джозеф Чемберлен назвал всего лишь «нелогичностью» то, что население Трансвааля платит из своих доходов девяносто процентов налогов, но не имеет представительства в парламенте буров. Черчилль прокомментировал: «Такая «нелогичность» привела к восстанию Америки против Англии и стала основной причиной Французской революции».

В феврале 1896 г., как и предсказывал Черчилль, Соединенные Штаты начали оказывать давление на Испанию, чтобы она оставила Кубу. «Надеюсь, – написал Черчилль Бурку Кокрэну, – Соединенные Штаты не будут вынуждать испанцев уйти с Кубы, если только они не готовы взять на себя ответственность за последствия этого. Если США аннексируют Кубу, это, конечно, будет сильным ударом по испанцам, но станет лучшим и самым выгодным решением как для острова, так и для мира в целом. Но будет чудовищно, – предупреждал он, – если Америка поступит так, чтобы создать еще одну Южно-Американскую республику без обеспечения контроля над ней. Кроме того, – писал он, – Британия и Соединенные Штаты должны избежать конфликта. Пожалуйста, будьте миролюбивы и не втягивайте 4-й гусарский через Канаду в безумную и преступную стычку».

Кокрэн был весьма недоволен тем, что британское правительство задержало нескольких ирландцев по обвинению в хранении динамита. «У меня была возможность поговорить на эту тему с мистером Асквитом, – сообщал ему Черчилль, – и я сказал, что отпустил бы их из уважения к мнению ирландского

народа». Черчилль произвел сильное впечатление на Кокрэна, который посоветовал ему заняться социологией и политэкономией. «С вашим замечательным талантом к ясному и убедительному изложению мыслей, – писал он, – вы можете принести огромную пользу. Совершенно уверен, что при первой возможности вы займете ведущее положение в общественной жизни».

В феврале Saturday Review опубликовал статью Черчилля о Кубе. Леди Рэндольф послала экземпляр Джозефу Чемберлену, который был поражен. По его мнению, это был «лучший краткий отчет о том, с какими проблемами вынуждены столкнуться испанцы, и при этом совпадающий с моими собственными заключениями. Это свидетельство того, что мистер Уинстон умеет смотреть в оба».

Летом 1896 г. Черчилль собрался в Египет с намерением служить при генерале Герберте Китченере, командовавшем кампанией по возвращению Судана. Когда этот план провалился, он поинтересовался в Daily Chronicle, не могут ли они отправить его специальным корреспондентом на Крит, где греки вели борьбу за независимость от турецкого правления. Он также попросил мать использовать свое влияние на военного министра лорда Лэнсдоуна, чтобы помочь ему уехать в Южную Африку и присоединиться к войскам, подавлявшим восстание аборигенов в Матабелеленде.

Лэнсдоун не только не смог помочь, но и предупредил леди Рэндольф «как друг», что в связи с расследованием обвинений, выдвинутых против Черчилля Truth, «не очень умно с его стороны в данный момент покидать Англию, поскольку есть много недоброжелателей, которые, вполне вероятно, попытаются искаженно истолковать его действия». Через месяц после письма Лэнсдоуна Черчилль все еще пытался получить разрешение отправиться в Матабелеленд. Его собственный полк должен был вскоре отправиться в Индию, а вот 9-й уланский в конце августа направлялся как раз в Матабелеленд. «Дорогая мама, ты даже не представляешь, как бы мне хотелось через несколько дней отправиться за приключениями в места, в которых я могу набраться опыта и которые должны принести мне пользу, а не в скучную Индию, где я буду находиться вдали как от мирных удовольствий, так и военных рисков. Индия абсолютно не привлекает меня. Не поехать же в Матабелеленд значит упустить уникальную возможность. В этом случае я буду казаться себе ленивым и глупым, о чем буду сожалеть всю оставшуюся жизнь. За несколько месяцев в Матабелеленде можно заслужить Южно-африканскую медаль и, по всей вероятности,

Звезду Британской южноафриканской компании. Оттуда прямая дорога в Египет, чтобы через год-другой вернуться с новыми наградами и выступить в палате общин. И Матабелеленд, и Египет вполне возможны при таком количестве твоих влиятельных друзей и всех тех, кто готов помочь мне ради отца, надо лишь с умом использовать их влияние. Меня бесполезно призывать к терпению. Многие мои ровесники уже ушли со старта, и какая вероятность, что я когда-нибудь догоню их? Я считаю, что ты должна пустить в ход все возможности, чтобы помочь мне. Могут пройти годы, прежде чем подвернется подобный шанс. Ты не можешь представить, насколько нетерпима мне такая жизнь, когда вокруг столько всего происходит».

Но с Матабелелендом так ничего и не вышло. 11 сентября разочарованный Черчилль в составе 4-го гусарского полка отправился в Индию. 1 октября они добрались до Бомбея. Через три дня были в лагере в Пуне. «У меня превосходный слуга-индиец, – сообщал он матери. – Он непрестанно за мной ухаживает, и у него очень хороший характер». Из Пуны Черчилль отправился в Бангалор, где оставался более шести месяцев. Город, расположенный на высоте девятисот метров над уровнем моря, славился здоровым климатом. Там Черчилль делил просторное бунгало с двумя приятелями – Реджинальдом Барнсом и Хьюго Берингом. Это бунгало, сообщал он матери, представляло собой «величественный бело-розовый дворец посреди большого прекрасного сада».

Помимо слуг, Черчилль, Барнс и Беринг обзавелись дворецким, в чьи обязанности входило прислуживать за столом, вести хозяйство и следить за конюшней, камердинером и конюхами для каждой лошади или пони. Еще молодые офицеры совместно наняли двух садовников, четырех людей для стирки и сторожа. В первом письме Черчилля матери содержалось также несколько просьб. Он хотел, чтобы мать прислала ему карточный стол, любых книг, его велосипед, десяток рубашек и различные приспособления для занятий энтомологией – коробки, пакетики, сачок, пачку булавок и морилку. Что касается «излишеств», то, по словам Черчилля, он не курит до вечера и пьет лимонный сквош или – изредка – пиво.

«Индия во всех смыслах полный контраст Соединенным Штатам, – писал Черчилль Джеку. – Исполнительные местные слуги вместо грубых свободных граждан; труд дешевый и в большом количестве. Жизнь крайне дешевая, а роскошь приобретается запросто. В моем собственном саду полно бабочек – пурпурных императоров, белых адмиралов, ласточкиных хвостов и множество других прекрасных и редких

видов. Я смогу собрать отличную коллекцию без особого труда, и это очень увлекательно». Он советовал Джеку, который все еще учился в Харроу, «стараться приобрести побольше знаний. Жаль, что я мало занимался, – признавался он. – В жизни много радостей для тех, кто хорошо знает греческий и латынь. Впрочем, в школе можно изучить лишь не самые интересные стороны Античности – грамматику и просодию».

Пока Черчилль был в Бангалоре, журнал Pall Mall Magazine опубликовал его статью о Сандхерсте. «Для тех, кто поступает в этот колледж непосредственно из Итона или Харроу, – писал он, – или из любой другой нашей частной школы, жизнь в Сандхерсте – освобождение. Это время развлечений и спорта, время больших надежд и верных друзей, множества удовольствий и мелких беспокойств, время амбиций и идеалов».

От бывшего директора школы доктора Уэлдона Черчилль получил совет: «У тебя нет причин не продолжить изучение латыни или даже греческого». Но Уэлдона беспокоило не только образование Черчилля. «Прежде всего больше думай не о себе, а о других, будь готов учиться у тех, кто ниже тебя, и старайся, чтобы совесть пребывала в покое». Обвинения, которые продолжала печатать Truth, расстраивали Уэлдона. «Умоляю тебя, – писал он, – не позволяй, чтобы дух злобы заставил тебя совершить что-то, что может обесчестить твою школу или твое имя. Просто невозможно, чтобы я не слышал об этих гадостях, если бы ты был действительно в них виновен. Ты должен понимать, что это серьезное испытание нашей дружбы: ведь ты просишь меня относиться к тебе как к другу, в то время как другие говорят о тебе с возмущением или презрением».

Раздраженный враждебными статьями, которые продолжала публиковать Truth, Черчилль пишет матери: «Тяжело, когда ты далеко, в чужих землях, и не в состоянии ответить или даже сразу прочитать ложь, которую они печатают. Нападки будут продолжаться, а публика будет глотать их с жадностью. Прилагаю письмо мистера Уэлдона, которое имеет отношение к этому делу. Он, очевидно, общается с теми, – осмелюсь предположить, – достаточно многочисленными читателями, кто принимает всерьез версию Лабушера».

Жизнь в Бангалоре шла неспешно. «Первый завтрак, – рассказывал Черчилль матери, – в пять, в шесть построение, затем второй завтрак, ванна. В восемь газеты, потом час занятий в манеже. После этого ничего, в 4:15 – поло. Затем сон, письма, чтение или ловля бабочек. Далее – ужин и в постель». Эту приятную жизнь отравила очередная статья Лабушера, который давал понять, что Военное министерство воздержалось

от санкций против Черчилля исключительно благодаря оказанному на него давлению. «Молодой офицер, который, предположительно, был зачинщиком заговора по изгнанию мистера Брюса из 4-го гусарского полка, – писала Truth, – принадлежит к влиятельной семье, и это влияние было использовано, чтобы не допустить возбуждения дела». «Более злобных фантазий я еще не встречал, – прокомментировал Черчилль. – А зная, чего стоит наше влияние, все это просто смешно».

Черчилль с детства шепелявил, произнося «с» скорее как «ш». Перед отъездом из Лондона он проконсультировался у Феликса Семона, одного из ведущих логопедов. Заключение Семона нашло его в Индии. «Он оптимистичен, – написал Черчилль матери, – и считает, что необходимы лишь упражнения и настойчивость, а органических дефектов не существует».

«Индия, – рассказывал он матери, – забытая богом земля снобов и зануд». Но в начале ноября, играя в поло в Секундарабаде, он познакомился с Памелой Плоуден, дочерью британца, постоянно проживавшего в Хайдарабаде. «Должен сказать, более прекрасной девушки я еще не встречал, – признался он матери. – Мы собираемся вместе отправиться в Хайдарабад на слоне. Пешком здесь ходить нельзя, поскольку местные плюют в европейцев. Это провоцирует возмездие, которое приводит к бунтам».

Поездка на слоне положила начало дружбе на всю жизнь. Через пятьдесят пять лет Черчилль написал Памеле: «Я храню твой образ все эти годы, с тех пор, когда был молодым балбесом. Но нашелся человек, разглядевший во мне некоторые достоинства».

В Бангалоре Черчилль получил статью, рассказывающую об административных способностях его отца. «Статья, – писал он матери, – сперва доставила мне удовольствие, сменившееся к вечеру унынием и подавленностью». За неделю до этого он узнал о депутатской вакансии в Восточном Брэдфорде, где десять лет назад его отец произнес блестящую речь. «Если бы я был в Англии, – делился он с леди Рэндольф, – я бы поборолся за нее и почти наверняка победил бы. Вместо того чтобы жить никому не известным субалтерном, я получил бы возможность узнать много полезного, что пригодится в будущем. Но я обречен ждать, хотя не скрою, жизнь здесь скучная, тупая и неинтересная».

Политическая жизнь в Англии занимала все мысли Черчилля. «Как жаль, что я не могу оказаться в Восточном Брэфорде, – сетует он в письме к матери. – Ведь как я понимаю, победил

солдат». Действительно, военнослужащий-юнионист победил своего оппонента-либерала с перевесом менее чем в четыреста голосов. Позже Черчилль вспоминал: «Если бы я приехал в Индию как член парламента, то, несмотря на всю свою молодость и глупость, получил бы доступ ко всем информированным и способным людям. Но я был военным, и мои интеллектуальные запросы были ограничены поло, скачками и обязанностями дежурного офицера. Я прозябал. Помню, даже чтение давалось с трудом, я долго не мог осилить Гиббона». В письме матери из Бангалора он опять прогнозирует, что власть юнионистской партии пошатнется, когда землевладельцы (самая влиятельная часть Консервативной партии) вынудят Солсбери поднять вопрос о протекции. Юнионисты будут вынуждены сказать своим партнерам-консерваторам, что они не могут вести партию «в страну Протекции».

Черчилль предрекал, что раскол в коалиции консерваторов и юнионистов приведет к созданию новой партии во главе с Джозефом Чемберленом и лордом Солсбери. Оба, как он предчувствовал, станут лидерами демократии тори. Крайности будут отброшены, а остатки Консервативной партии – «лорды, собственники, трактирщики, священники и дураки» – утратят силу. Когда семь лет спустя раскол произошел, Черчилль быстро стал лидером сторонников свободной торговли в рядах консерваторов. Он даже пытался убедить лорда Розбери вернуться к активной политической деятельности в качестве главы партии, но тщетно. Что касается Чемберлена, тот не только не возглавил сторонников свободы торговли, как предполагал Черчилль, но стал их главным оппонентом, поддержав протекционистов.

Очередная публикация в Truth сильно раздосадовала Черчилля. Вспоминая соревнования по стипль-чезу, автор статьи бездоказательно утверждал, что Черчилль и еще четыре младших офицера сговорились нечестно заработать деньги на «Терфе»[9]. Черчилль тут же напомнил матери: «Национальный комитет охотников давно уже направил письменное заявление в Военное министерство, однозначно сняв с нас все обвинения в мошенничестве или бесчестном поведении. Если этим непрекращающимся обвинениям не дать отпор, это будет катастрофой для моей будущей политической жизни». Он хотел подать судебный иск. «Возможно, я стану более уязвимым, – пояснял он матери, – из-за того, что способствовал изгнанию Брюса, но вопрос скачек гораздо серьезнее. Пока не будет какого-то опровержения, я буду выглядеть весьма неприглядно».

30 ноября Черчиллю исполнилось двадцать два года. Поучаствовать в активных действиях ему по-прежнему не удавалось, и он упрашивал мать похлопотать о его отправке в Египет, в армию Китченера. Перед леди Рэндольф была поставлена задача написать непосредственно Китченеру. «Я слышал, что решено продолжить наступление в следующем году. Два года в Египте, – пояснял Черчилль матери, – и участие в боевых действиях, думаю, дадут мне возможность перековать мой меч в нож для резки бумаг, а походный ранец превратить в предвыборные обращения».

Брату Джеку из Бангалора он писал о своих розах. «У меня уже 250 розовых кустов, так что каждое утро я могу нарезать три больших таза самых прекрасных цветов, которые есть в природе». Но ценную коллекцию бабочек, включавшую свыше 65 различных видов, уничтожила пробравшаяся в кабинет крыса. Черчиллю удалось поймать ее и отдать на растерзание терьеру Уинстону, коллекцию он начал собирать заново.

Черчилль выступал против растущих военных расходов правительства, что было довольно необычно для молодого офицера, рвущегося в бой. По поводу предложения Лэнсдоуна увеличить расходы на армию он написал матери, что налоговое бремя не преминет сказаться на процветании и благополучии нации. По убеждению Черчилля, Британии нужен был флот – достаточно сильный, чтобы обеспечивать превосходство над коалицией любых двух держав. Вот ради этого он поддержал бы увеличение налогов. Имея неоспоримое владычество на море, полагал он, нет ни единой части Британской империи, которую не смогла бы защитить нынешняя армия, но без владычества на море нет такой части, которую могла бы удерживать и вдвое большая армия.

В декабре Черчилль отправился в пятидневную поездку в Калькутту, чтобы поиграть в поло. «Я встречусь со многими приятными людьми, – написал он матери, – и кое-кто из них может оказаться полезным». Но, оказавшись в Калькутте, он не нашел там ни одного мало-мальски интересного человека. Был устроен прием в вице-королевской резиденции, но, «как ты знаешь, я не блистаю на паркете, – рассказывал он леди Рэндольф, – и на него не пошел. Каждый раз, встречая британцев, постоянно проживающих в Индии, я жажду бежать из страны. Только в моем уютном бунгало, среди роз, пони и бабочек я ощущаю философское спокойствие, которое скрашивает мне жизнь в Индии. В Калькутте резко холодает после заката, и я

простудился. Но был рад посмотреть город по той же причине, по которой папа был рад посмотреть Лиссабон, а именно – чтобы не нужно было смотреть на него еще раз».

Джек подумывал о поступлении в университет. «Завидую, что ты получишь классическое образование, – писал ему Черчилль, – и возможность оценить Античность». Сам он продолжал читать непрерывно. Леди Рэндольф прислала ему двенадцатитомник сочинений Т. Маколея. От Гиббона его отвлекли Платон своей «Республикой» и Уильям Уинвуд Рид «Мученичеством человека». «Если бы я знал латынь и греческий, – писал он матери, – думаю, ушел бы из армии и попробовал получить ученую степень по истории, философии и экономике. Но я больше не выдержу синтаксического разбора латинской прозы».

Уинвуд Рид в своей книге утверждал, что мир разума не будет нуждаться в христианстве. «Возможно, настанет день, – комментировал Черчилль, – когда холодный яркий свет науки и разума пробьется сквозь окна соборов, и мы пойдем в поля искать себе Бога. Станут понятны великие законы Природы, прояснятся и наше предназначение, и наше прошлое. Тогда мы сможем обходиться без религиозных игрушек, которые сопровождали развитие человечества. Но до тех пор любой, решивший лишить нас наших иллюзий – наших милых, обнадеживающих иллюзий, – злодей, и должен быть (цитирую Платона) «отвергнут хором».

В феврале 1897 г. Черчилль был назначен начальником разведотдела штаба бригады. «Самая важная должность, – пояснял он матери, – причем в Англии ее можно получить только после четырнадцати-пятнадцати лет службы. Я стал очень образцовым военным, полным усердия и пр. Ответственность даже в гомеопатических дозах – бодрящий напиток. Командир полка советуется со мной почти по всем вопросам. Хотя все это, конечно, мелко, но зато прекрасная тренировка». Он находился в армии уже два года. Матери он написал: «Уверен в одном: если не подвернется удачная возможность занять место в палате общин, я продолжу службу в армии еще два года». В его библиотеке появились «Конституционная история» Г. Галлама и «Богатство народов» Адама Смита.

В феврале греки острова Крит подняли восстание против турецкого владычества. Британия поддержала Турцию. Правительство лорда Солсбери направило британский военный флот в Средиземноморье, чтобы препятствовать поступлению помощи на Крит из Греции. Симпатии Черчилля были на стороне

критских повстанцев, так же, как годом ранее – на стороне кубинцев. Когда мать заметила ему, что поддерживать турецкие власти правильно, он ответил: «Мы совершаем очень безнравственный поступок, ведя огонь по критским повстанцам и блокируя Грецию, чтобы она не могла оказать им помощь». Он признавал, что материальный интерес Британии, скорее, на другой стороне, но полагал, что есть нечто большее материального. «Я смотрю на этот вопрос с позиции справедливости, – писал он. – Лорд Солсбери – с позиции выгоды».

Реальной целью Солсбери, как объяснял Черчилль матери, было сохранение Османской империи, чтобы не дать возможности России захватить Константинополь. «Он хочет сохранить Османскую империю. Ему наплевать на страдания тех, кто находится под ее гнетом. Что касается турецкой столицы, то с той же уверенностью, с какой мы после дня ожидаем ночи, можно ждать, что русские получат Константинополь. При всем желании нам их не остановить. Также невозможно ожидать, что что-то помешает изгнанию из Европы подлых азиатов. Стремление русских в Константинополь – просто желание великого народа. Семьдесят миллионов человек без незамерзающего порта. Разве это разумно? Я бы предпочел столкнуться с лавиной». Впрочем, присутствие России на Крите тревожило Черчилля: «Я ей не доверяю. Какая-то неправдоподобная честность. Она не может действовать искренне. Я никогда в это не поверю».

Черчилль писал матери, что если бы он был в парламенте, он пошел бы на все, чтобы противодействовать правительству Солсбери. «Я, по существу, либерал, – заявлял он. – Если бы не гомруль, с которым я никогда не соглашусь, я бы пошел в парламент как либерал». Затем он обрисовал матери суть либеральной программы в отношении внутренней политики: распространение права участвовать в выборах на всех взрослых мужчин, всеобщее образование, равноправие всех религий и прогрессивный подоходный налог. В международных делах он выступал за невмешательство в европейские дела. «Абсолютное невмешательство, изоляция, если угодно, – говорил Черчилль. – Защита колоний могущественным флотом. Создание системы обороны империи. К востоку от Суэца, впрочем, демократическое правление невозможно. Индией требуется управлять по старым принципам. Это кредо демократии тори. Мир и власть за границей, процветание и прогресс дома».

Черчилль решил взять месяц отпуска и съездить в Англию, хотя был поражен реакцией матери. «Это полный бред, –

писала она, – который даже не обсуждается, и не только из-за денег, но прежде всего из-за твоей репутации. Многие скажут, и небезосновательно, что тебя ни к чему нельзя допускать. Вполне вероятно, что тебя могут призвать в Египет. Но у тебя и в Индии есть чем заниматься. Должна признать, я совершенно не уверена в тебе. Кажется, у тебя в жизни нет цели, и ты не понимаешь, что для мужчины в возрасте двадцати двух лет жизнь означает труд, причем труд упорный, если он хочет добиться успеха. Многие мужчины в твоем возрасте вынуждены зарабатывать себе на жизнь и содержать матерей. Нет смысла говорить об этом больше, мы уже беседовали на эту тему, и она мне неприятна. Я только хочу повторить, что больше не могу помогать тебе, и если в тебе есть хоть капелька мужества и ты себя уважаешь, то постарайся жить на собственные доходы. Для этого тебе придется сократить свои траты. Иначе в данных обстоятельствах тебе просто должно быть совестно». Не получив еще этой отповеди, Черчилль писал матери: «Пока, как мне кажется, ко мне благосклонны и Бог, и люди».

Получив от леди Рэндольф новые книги, Черчилль начал читать «Ежегодники мировых событий» (Annual Register of World Events), начиная с 1880-х гг. Читая, он сопровождал отчеты о парламентских слушаниях собственными мыслями и комментариями. Он сообщил матери, что придумал для этого особый метод: сначала записывать собственное мнение, исходя исключительно из общих соображений, затем читать отчет, обдумывать и записывать снова свое мнение по данной теме, карандашом на небольших листочках бумаги, и вкладывать листочки в книгу. Он писал, что «надеется таким образом выстроить систему взглядов, которая, возможно, будет способствовать формированию логического и последовательного мышления. Факты из «Ежегодника» вооружат меня. Маколей, Гиббон, Платон и прочие должны были долго тренироваться, чтобы в совершенстве овладеть подобным оружием».

Одной из тем, которые его занимали, стало образование. Черчилль писал: «Целью правительства должно стать равное всеобщее образование без преимущества для какой-либо одной группы. Преподавание религии тоже нельзя вверять в руки какой-либо одной группы. Все пристрастны. Англиканская церковь равна другим. Я за светских преподавателей, назначаемых правительством. Однако кампания за предоставление права голоса женщинам нелепа. Участия женщин в выборах следует избегать. Как только вы предоставите право голоса огромному числу женщин, – предупреждал он, – вся власть перейдет в их руки. Ведь они составляют большинство населения».

В ответ на финансовые проблемы матери, возникшие в результате ее собственного расточительства, Черчилль отправил ей ее коня Файерфлая в надежде, что она сможет продать его. «Чудесное животное, – написал он. – Больше всего любит хлеб с маслом или бисквиты». Но леди Рэндольф по-прежнему была против возвращения сына. Она считала, ему лучше остаться в Индии. «Докажи, что ты умеешь трудиться и что-нибудь делать. Я не отказываюсь помогать тебе. Как только появятся деньги, я так и сделаю. Я горжусь тобой, – писала она, – твоими замечательными способностями. Уверена, что в дальнейшем ты сможешь создать себе имя, но для этого ты должен стать жестче и не избегать самопожертвования».

Черчилль остался в Индии. Этой весной во время учебных стрельб он отвечал за установку мишеней и сидел за валом. Он написал матери, что едва спасся, когда «одна пуля ударила в край железной мишени, разбилась, и осколки срикошетили на меня. Один попал мне в руку. Только благодаря богу, как сказали бы некоторые, или счастливой случайности, как выразились бы другие, он не попал мне в глаз. В таком случае я бы, безусловно, ослеп. Врач вынул осколок, но теперь каждое утро у меня мучения, поскольку рану приходится спринцевать. Не сомневаюсь, ты мне сочувствуешь, зная, как плохо я переношу физическую боль». Однако при этом Черчилль продолжал играть в поло, обматывая раненую руку поводьями.

В середине апреля Турция объявила войну Греции. У Черчилля появилась новая цель: он поедет на фронт корреспондентом. Мать должна найти газету, которую заинтересуют его корреспонденции. «Лорд Ротшильд – тот человек, который способен это организовать, – объяснял он ей. – Он всех знает». Но вопрос был в том, на чью сторону стать. «Это, дорогая мамочка, зависит от тебя, – писал он. – Конечно, мои симпатии целиком и полностью с греками, но, с другой стороны, турки обязаны победить – за ними огромная сила. Если я поеду к ним, это принесет меньше славы, но будет намного безопаснее, а поскольку я не имею ни малейшего желания подвергаться опасности в отступающей армии, считаю этот вариант более подходящим. Тебе решать. Если ты раздобудешь мне рекомендательные письма к туркам, поеду к туркам. Если к грекам – то к грекам».

Не дожидаясь ответа матери, Черчилль пароходом отправился из Бомбея в Италию, рассчитывая, что к его прибытию мать уже все организует. Он полагал, что война будет короткой и решительной. Велика была вероятность опоздать. И он действительно опоздал. Турки нанесли поражение грекам прежде,

чем его корабль достиг Италии. Черчилль продолжил путешествие в Лондон. В центральном комитете Консервативной партии он обратился к партийным функционерам с просьбой организовать для него во время отпуска несколько публичных выступлений. Это им удалось, и 26 июня он произнес свою первую политическую речь в Лиге подснежника на окраине города Бат. Лигу основал его отец с целью увековечить память Дизраэли и принципы демократии тори.

«Если простительно любому выступающему, – комментировала местная газета выступление Черчилля, – начать с банального и испытанного приема «я не привык к публичным выступлениям», то в его случае это тем более простительно, поскольку честь, которую ему оказали, действительно первая для него». Черчилль начал с защиты правительственного билля о компенсациях рабочим, нацеленного на защиту от нищеты работников опасных профессий в случае получения травм на производстве. «Билль, – сказал он, – поставил вопрос благотворительности с песка на твердую скалу закона».

Двадцатидвухлетнего оратора представили публике как сына лорда Рэндольфа. В своей речи он горячо поддержал демократию тори. «Британский рабочий, – сказал он, – имеет больше оснований надеяться на волну демократии тори, чем на пересохшую сточную канаву радикализма». Он выразил надежду, что трудящиеся в конце концов станут владельцами акций в том бизнесе, в котором работают, что даст им возможность пережидать неудачи, поскольку они получат определенную прибыль в удачный год.

Обращаясь к делам империи, Черчилль заговорил о тех, кто даже в юбилейный 1897 г. заявлял, что Британия достигла зенита славы и могущества и вскоре начнет приходить в упадок, подобно Вавилону, Карфагену или Риму. «Не верьте лжепророкам! – восклицал он. – Опровергните их мрачные предсказания! Докажите на деле, что наша нация полна сил и жизненной энергии, что англичане твердо намерены сохранить империю, унаследованную от отцов, что британский флаг все так же гордо реет над нашими кораблями, что к нам по-прежнему прислушиваются европейские соседи, а наш монарх искренне любим всеми своими подданными. Только тогда мы сможем продолжать следовать тем курсом, который предначертан нам свыше, и выполнить свою миссию – нести мир, законность и порядок в самые удаленные уголки Земли».

«Мое выступление приняли очень хорошо, – написал Черчилль брату. – Morning Post поместила очень доброжелательный отчет, и все, похоже, довольны». Из Бата он

отправился в Гудвуд, на скачки. «Я был в Гудвуде, – вспоминал он позже, – в прекрасную погоду и даже выигрывал, а в это самое время на индийской границе началось восстание пуштунских племен». В газетах он прочитал, что для подавления восстания формируется ударная группировка из трех бригад. Ее должен был возглавить генерал сэр Биндон Блад. Черчилль встречался с ним в доме своей тетушки герцогини Лили, и генерал тогда пообещал, что, если ему доведется руководить экспедицией, он возьмет с собой Черчилля. Черчилль немедленно телеграфировал генералу, напомнив о его обещании. Затем, не дождавшись ответа, отправился из Лондона поездом в Бриндизи, где сел на индийский почтовый пароход «Рим». Когда корабль подходил к Адену, он отправил письмо матери с просьбой выслать клюшки для поло, а также сборники речей Гладстона и Дизраэли.

Через три недели после выступления в Бате Черчилль вернулся в Бангалор. «Мою речь здесь высоко оценили, – сообщил он матери. – Все читают Morning Post. Сделай еще одно одолжение. Прости мое тщеславие, но присылай одобрительные отзывы обо мне». Еще в Англии он рассказал ей сюжет романа, который собрался писать. «Я пишу роман каждый день, – сообщал он из Бангалора 24 августа. – Без сомнения, это самое лучшее, чем я когда-либо занимался. Написано уже восемьдесят страниц. Это политический роман, действие которого происходит в вымышленной республике. Я возлагаю на него большие надежды. В уста героя я вкладываю все свои мысли». Письмо Черчилля матери пересеклось с письмом сэра Биндона Блада, в котором тот говорил, что его личный штат уже укомплектован. Он советовал Черчиллю отправиться корреспондентом на северо-западную границу и обещал: «Когда ты приедешь, я при первой возможности возьму тебя в штат». Генерал пояснил, что один из друзей Черчилля уже так сделал, и был зачислен в штат вместо убитого в бою офицера.

Черчилль снова телеграфировал матери, прося ее найти в Брайтоне газету, которая согласилась бы сделать его своим корреспондентом. Затем он с огромным трудом выхлопотал месячный отпуск, отложил роман, попросил мать выслать первый том избранных писем Гиббона и приготовился к пятидневному путешествию на Север со своими лошадьми. При невозможности проехать на поезде он предполагал добраться до мест боевых действий верхом. «Я все предусмотрел, – сообщил он матери перед началом путешествия протяженностью более трех тысяч километров, – и чувствую, что служба в британской армии в молодые годы придаст мне политический вес, а возможно, и поможет обрести популярность».

Письмо было написано вечером 29 августа. На следующий день командир Черчилля в Бангалоре написал леди Рэндольф: «Я думаю, вам важно будет узнать, что ваш сын вчера вечером отправился на границу».

Глава 5
В боях

Черчилль направлялся в места жестоких боев. «Почти все дикие воинственные афганские племена участвуют в восстании, – писал он брату 31 августа 1897 г. из поезда. – Против них направлено свыше 50 000 британских и индийских солдат. Британское правительство не может проявлять сдержанность, если необходимо восстановить справедливость. Это будет возмездие. Мы атакуем афридиев, оракзаев и прочих, кто осмелился нарушить рах Britannica[10]».

В районе Бангалора менее пятисот британских военнослужащих охраняли территорию с населением более 12 миллионов индийцев, большинство из которых были мусульмане, сочувствующие афридиям. Отправившись в поездку по Индии на расстояние, почти равное расстоянию между Англией и Америкой, Черчилль рассказывал брату: «Можно гордиться тем, что англичане правят такой огромной, плодородной, густонаселенной страной. Еще большая гордость возникает при мысли о том, насколько сильно это правление при таком малом количестве правителей».

В первую неделю сентября Черчилль добрался до Малаканда на северо-западной границе. Здесь он узнал, что мать уговорила влиятельную Daily Telegraph публиковать его письма с войны. Ей надо было решить, публиковать их за его подписью или нет. «Я, конечно, за то, чтобы подписывать, – писал ей Черчилль. – В противном случае я не смогу ссылаться на них, а это помогло бы мне при выступлениях перед публикой».

Черчилль также уговорил Allahabad Pioneer, для которой однажды писал Киплинг, разрешить ему присылать с фронта каждый день телеграммы по триста слов. Этот заказ дал ему возможность прибыть в штаб-квартиру сэра Биндона Блада. «Что касается военных действий, – сообщал он матери 5 сентября, – то мы выдвигаемся завтра. До конца недели должно произойти сражение, крупнейшее на границе в этом году. Я верю в свою звезду и в то, что мне предназначено что-то совершить в этом мире. Если я ошибаюсь – какая разница? Жизнь доставляла мне удовольствие, и будет жалко с ней расстаться, но я этого, наверное, не успею почувствовать».

Ожидая начала боев, Черчилль отправил в Daily Telegraph первые девять корреспонденций, описывающих ситуацию на границе. Они были опубликованы без указания его имени,

просто от «молодого офицера». О противостоянии на северо-западной границе он писал 12 сентября: «Цивилизация столкнулась лицом к лицу с воинствующим мусульманством. Учитывая моральные и материальные силы, можно не опасаться за окончательный итог, но чем дольше будет применяться политика полумер, тем больше будет отдаляться окончание борьбы».

Черчилль ехал верхом через Мамундскую долину к Навагаю. Стремясь успеть к началу военных действий, он ехал один впереди кавалерийского эскадрона, и, как писал он матери, «столкнулся примерно с полусотней вооруженных туземцев. К счастью, они оказались дружелюбными и были весьма изумлены тем, как я на бешеной скорости проскакал мимо них с пистолетом в руке. Откуда мне было это знать? Я был так близко от них, что не оставалось ничего другого, кроме как спасаться бегством».

Без дальнейших осложнений добравшись до Навагая, Черчилль написал Реджи Барнсу: «Мусульман надо проучить, чтобы никто не сомневался, что мы – очень жестокие люди. Своих раненых сикхи просто кремируют и сжигают заживо. Это скрывается. Я чувствую себя стервятником. Единственное оправдание – что сам могу стать падалью».

Через день Черчилль по распоряжению генерала Блада был прикомандирован ко второй бригаде Малакандской действующей армии, которая уже получила приказ к выступлению. Журналист снова стал действующим офицером. 16 сентября, на следующий день, он увидел сражение, о котором мечтал. Оно произошло около приграничной деревни Маркханай. В половине седьмого утра он в составе бригады из 1300 всадников двинулся вперед и тогда, как писал он потом матери, «услышал первые выстрелы. После часовой перестрелки я ехал на своем пони вдоль отрога холма вместе с солдатами 35-го сикхского пехотного полка до тех пор, пока огонь не стал таким плотным, что мой пони оказался в опасности. Дальше двинулся пешком. Затем поступил приказ отступить. Я оставался до последнего. Отступление проходило по кошмарной местности, раненых приходилось оставлять на растерзание этим дикарям».

Два британских офицера, находившиеся рядом с Черчиллем, лейтенанты Касселс и Хьюз, были ранены. Один афридий решил подобраться к Хьюзу, чтобы зарезать его. Черчилль выстрелил в него с расстояния около 30 метров. Тот упал. Тем не менее Хьюз погиб, но Касселс выжил. С помощью другого офицера Черчилль вынес одного раненого сикха к отступающим частям. «Этого человека можно было спасти, если бы ему оказали медицинскую

помощь, – сообщил он матери. – На моих штанах до сих пор пятна его крови».

Афридии подошли на сорок метров. Черчилль и другой молодой офицер выстрелили из пистолетов, афридии стали забрасывать их камнями. Они снова открыли огонь. «Это было ужасно, – писал он. – Раненому невозможно было оказать помощь. Не было никакого возбуждения и почти не было страха. Все возбуждение куда-то испаряется, когда тебе грозит смерть». Черчилль почти час находился в опасности, поскольку афридии неоднократно возобновляли атаки. «Ситуация была критической, – сообщал он бабушке. – Мне пришлось, защищаясь, девять раз выстрелить из пистолета». В какой-то момент он сменил пистолет на винтовку, выпавшую из рук раненого и, как рассказывал потом Реджи Барнсу, «выстрелил раз сорок с близкого расстояния. Трудно сказать, но, кажется, я попал в четверых. По крайней мере, они упали».

Сражение закончилось. Перестрелка утихла. Черчилль сообщал матери: «После того, что пришлось пережить, перестрелка меня больше не волнует, хотя молодые офицеры полка очень радовались, когда пули свистели мимо них или взрывали фонтаны пыли под ногами. Они считали, что избежали страшной опасности». Черчилль рассказывал лорду Уильяму Бересфорду: «В целом денек выдался весьма бурным. Я находился под огнем с 7:30 до 8:30 утра».

Вспоминая через три дня об этом сражении, в котором погибли пятьдесят из 1300 британских и сикхских солдат, Черчилль написал матери, что теперь его никто не упрекнет в отсутствии храбрости. «Я ездил на пони вдоль линии огня, в то время как все остальные лежали в укрытии. Может, это и глупо, но я играю по-крупному. Учитывая специфику происходящего, здесь не может быть поступков слишком смелых или слишком благородных». Во время спуска с холма пони и его седока заметил британский командир 35-го сикхского полка, который в рапорте рекомендовал упомянуть Черчилля. Командир бригады поддержал его, и спустя четыре месяца Черчилль получил от него письмо: «Вы были в нескольких горячих точках с моей бригадой, и, должен сказать, вам нескоро придется оказаться в подобной жаркой схватке».

После сражения сэр Биндон Блад назначил Черчилля своим ординарцем. «В результате, – рассказывал Черчилль в письме к матери, – я получу медаль и, возможно, парочку планок». В течение недели он еще два раза принимал участие в боевых действиях – сначала в Домадоле, а потом у деревни Загай, где он снова скакал на пони вдоль передовой. Затем он подал прошение

о назначении в другую экспедицию, в Тиру. Это могло добавить ему еще одну планку к медали.

«Пришлось пережить несколько опасных часов, – писал Черчилль леди Рэндольф 27 сентября, – но я верю, что удача не оставит меня». Через три дня 31-й Пенджабский пехотный полк в очередном столкновении понес тяжелые потери. Биндон Блад направил Черчилля в полк, чтобы заменить погибших офицеров. «Я послал его, – объяснял он полковнику Брабазону, – поскольку он был единственным свободным офицером, а по эффективности стоит двух обычных субалтернов».

30 сентября 31-й Пенджабский полк вступил в сражение при Агре, где потерял шестьдесят человек убитыми и ранеными. «К моему глубокому разочарованию, – рассказывал Черчилль, – я видел, как британская пехота бежит и бросает на поле боя своего офицера, но с большого расстояния я не мог разглядеть, кого именно. Таким образом за короткое время я увидел и черные, и белые стороны отступления». Позже он расскажет матери: «Я плакал, когда 30 сентября встретил солдат Королевского западного кентского полка. Я видел людей, дрожавших под огнем, уставших от этой смертельной игры, и беднягу молодого Браун-Клейтона на носилках, буквально собранного по кускам». Лейтенант Браун-Клейтон в момент гибели был на год старше Черчилля.

Вскоре после событий в Агре Черчилль написал матери, что провел под огнем пять часов, но не попал в самые горячие точки. И только позже он сообщил ей, что в третий раз скакал на своем пони вдоль линии фронта. В следующей схватке он надеялся командовать сотней. Тогда у него появился бы другой стимул рисковать, помимо простой любви к приключениям.

Черчилль написал это письмо 2 октября в штабе генерала Блада, находившемся у деревни Инаят-Кила. У него был жар. «Тридцать девять и пять и кошмарная голова, – сообщил он матери и признался: – Эта война беспощадна. Они убивают и уродуют каждого, кого удается поймать, да и мы, не колеблясь, добиваем их раненых. За то время, пока я здесь, мне довелось быть свидетелем нескольких отвратительных эпизодов, но, поверь, я не замарал рук никакой грязной работой, хотя и признаю иногда необходимость ее».

Черчилль очень хотел узнать мнение брата о его выступлении в Бате. «Напиши мне откровенно свое мнение, если оно у тебя хорошее. Мне не нужна недоброжелательная критика. Критика теряет ценность для критикуемого, если она враждебна. И еще – дождись появления моего романа!»

В последующие дни Черчилль еще несколько раз оказывался

под огнем. «Если у него появится шанс, – писал сэр Биндон Блад полковнику Брабазону, – он получит Крест Виктории или орден «За боевые заслуги». Брабазон ответил: «Уверен, у этого мальчика есть хватка». За прошедшие четыре недели Черчилль был под огнем пятнадцать раз. Он думал написать книгу о Малакандской армии, в которой соединил бы описание боевых действий с комментариями и критикой политики правительства. «Я знаю материал, людей, и в моем распоряжении много фактов, – сообщал он матери. – Я заслужил медаль и планку. Блад говорит, что ни один из ста офицеров не видел столько сражений, как я. И учти – не на расстоянии из штаба, но будучи последним из отступающих».

Описывая бабушке боевые действия, Черчилль рассказывал: «Туземцы пытают раненых и расчленяют трупы. Ни один из тех, кто попадает к ним в руки, не возвращается». Полевые госпитали и конвои с ранеными были специальной целью туземцев. В ответ британцы не только уничтожали их резервуары с водой, единственный источник питья для приграничных племен в летнее время, но и применяли новые пули «дум-дум». «Мощность этих пуль просто потрясает, – писал Черчилль. – Уверен, такие пули еще никогда не использовались против людей, только против дичи – оленей, тигров и пр. Картина просто страшная, и, разумеется, не такая, о которой захотят упоминать в прессе. Можно согласиться, что все это варварство, но зато это приведет к установлению прочного мирного соглашения. Впрочем, сомневаюсь, что сделано хоть что-нибудь, чего не придется переделывать в будущем».

Черчилль позже признался Бересфорду, что в свой последний день на пограничных территориях был ближе к смерти, чем когда-либо, «из-за субалтерна, который забыл, что его пистолет заряжен. Вот это была бы насмешка судьбы».

В третью неделю октября Черчилль получил приказ возвращаться в Бангалор. «Время, проведенное на границе, – позже писал он, – было самым замечательным, восхитительным временем в моей жизни. Но я всегда держал в уме, что она может внезапно оборваться. Я видел много убитых и раненых, слышал свист пуль так часто, что, если бы мог сосчитать их, никто бы не поверил. Впрочем, ни одна не пролетала ближе чем в футе от меня. Фортуна неизменно мне улыбалась». Помимо награждения медалью за участие в боевых действиях, в донесениях упоминались его «мужество и решительность» и умение «быть полезным в решающие моменты».

Черчилль очень гордился, что его имя упоминалось

в донесениях. «Больше всего на свете мне желанна репутация мужественного человека, – признавался он матери. – Чтобы заслужить подобную честь, чувствую, что готов на все, готов проявить себя в любой опасной ситуации. Но у меня нет опыта военного руководства, и я не могу ожидать оказания какой-то особой чести за то, что, в конце концов, является обычным поведением философа и джентльмена». То же самое он пишет и брату: «Многократно проявляя себя трусом, особенно в школе, нет иной цели, к которой бы я так стремился, как к завоеванию репутации мужественного человека. А кто знает, возможно, на моего доброго серого пони и упадет взгляд спикера».

Теперь Черчилль ждал публикации своих писем в Daily Telegraph. В них он не только описывал боевые действия, но и высказывал взгляды по поводу недальновидной политики правительства, предоставлявшего местным племенам контроль над буферной зоной между Британской Индией и Афганистаном. «Эта буферная зона, – утверждал он, – должна быть как можно скорее аннексирована. Тогда набеги прекратятся. Аннексия – неприятное слово, но британское общество в конечном счете вынуждено будет его проглотить, и чем скорее оно это сделает, тем скорее ситуация начнет улучшаться. Британия, возможно, будет вынуждена оккупировать даже Афганистан вплоть до российской границы. Самая безопасная граница – политическая. Красно-желтые столбы через каждые пятьдесят метров и сторожевые вышки, как между Австрией и Россией. Никто не сомневается, что пересечь эту границу – значит начать войну. Создание же буферного государства – лишь временная мера и ведет только к большим проблемам».

К досаде Черчилля, письма, которые публиковала Daily Telegraph, продолжали появляться без его подписи. «Я писал их с умыслом, – сообщал он матери. – Умысел заключался в том, чтобы их публикация познакомила публику с моей личностью до того, как начнется предвыборная кампания. Я надеялся их публикацией приобрести некоторое политическое преимущество». Активно стремясь помочь сыну войти в политику, леди Рэндольф делала все, чтобы максимальное число влиятельных людей узнали, кто автор этих писем. Но его это не утешало. «Конечно, я ценю мнение твоих лондонских друзей, – написал он, – но этот узкий круг не та аудитория, к которой я был намерен обратиться».

В Бангалоре Черчилль упускал возможности заняться политикой. «Я знаю, что в Ланкашире была вакансия, которая бы мне подошла, – пожаловался он матери в октябре. – Там бы я был на своем месте». В тот же день он пишет бабушке: «Если останусь

жив, буду баллотироваться в парламент на всеобщих выборах. Надеюсь, мое пребывание за границей не растянется навсегда». Но был еще один театр военных действий, на который он очень хотел попасть. «Теперь я должен ехать в Египет, – внушал он матери. – Тебе надо что-то придумать, чтобы побудить принца написать Китченеру пару слов насчет меня. Я не хочу терять времени попусту, не выношу бездействия или рутины. Даже поло больше не удовлетворяет меня». Целью Черчилля стал Хартум. Он хотел войти в столицу дервишей вместе с ее завоевателями.

Из Бангалора Черчилль отправил матери статью о риторике, в которой утверждал, что настоящая риторика – «ключ к сердцам мужчин». Он просил пристроить ее куда-нибудь. «Она создаст мне врагов, – написал он, – но враги неизбежны в любом случае». Вместе с тем он хотел присутствовать везде, где происходили активные боевые действия. «Хорошо, если бы ты помогала направлять меня в нужные мне места, – писал он матери и объяснял, что хотел бы отправиться в Абиссинию с британской миссией. – Это было бы то, что надо». Но из этого ничего не вышло. «Джозеф Чемберлен мог бы устроить это одним словом, – упрекал он мать. – Я чувствую большую уверенность в себе и не сомневаюсь, что способен что-то сделать в мире, если не подведет здоровье».

В Бангалоре Черчилль продолжал работать над романом. К началу ноября он написал девять глав. Но через несколько недель роман был отложен ради книги о Малакандской армии. Он поручил матери присылать ему опубликованные в Англии материалы, а также мнения известных деятелей о политических аспектах кампании. Он напомнил ей, что два года назад полковник Янгхазбенд заработал большие деньги на книге о Читралской кампании. «Не вижу, – писал он, – почему бы не рассказать столь же интересно о гораздо более суровой войне, которую вели мы. Я уже обратился ко всем осведомленным людям, с которыми встречался на границе, с просьбой поделиться информацией. Не сомневаюсь, с обратной почтой получу целые тома. Такова скромность нашего времени. Мало кто может рассказать больше, чем очевидец. Разумеется, я буду выбирать».

Черчилль работал над книгой по шесть часов в день. «На среднем пальце уже образовалась вмятина. Все дается с большим трудом и требует постоянной отделки, – писал он. – Надеюсь создать нечто лучшее, чем продукция для вокзального книжного киоска». Джеку он писал о своей любви к книгам по истории: «Хорошее знание истории – колчан, полный стрел в любой ситуации». Хорошее знание французского, считал он, тоже может сослужить добрую службу в жизни. Уйдя из армии,

он рассчитывал на несколько месяцев съездить в Париж подтянуть свой французский. Он надеялся, что и Джеку доведется попутешествовать и увидеть кое-что в «нашей великой империи, сохранению которой я намерен посвятить свою жизнь».

К двадцати трем годам Черчилль уже всерьез намеревался стать членом палаты общин. Он решил, что, если в округе Паддингтон, когда-то отцовском, появится вакансия, он сразу же вернется в Англию, и просил мать уговорить нынешнего депутата, которому уже было за шестьдесят, уйти в отставку. «Я убеждала Фарделла, – написала она, – но он пока не готов». Позднее Черчилль говорил, что мать не щадила себя в попытках помочь ему.

Леди Рэндольф выражала неудовольствие рассказами сына о собственном геройстве. Он объяснял: «Я просто рассказываю о своих друзьях. Они понимают и прощают мое тщеславие. Поездки на пони вдоль передовой не самое распространенное занятие. Но я играл по высоким ставкам, и мне удавалось выигрывать. Пуля не достойна внимания философа, дорогая моя мама. Кроме того, я слишком уверен в себе и не верю, что боги создали такое могущественное существо, как я, ради прозаического финала».

В декабре Черчилль снова просил мать замолвить о нем словечко перед Китченером: «Куй железо, пока горячо!» Он пытался убедить ее, что в Египте будет намного безопаснее, чем на индийской границе: «В ходе столкновения 16 сентября мы потеряли 150 из 1000. В Египте при Фиркерке погибло 45 из 10 000. Они называют это битвой. По-моему, это больше напоминает уличную драку».

В последний день 1897 г. Черчилль отослал матери рукопись книги «История Малакандской действующей армии» (The Story Of The Malakand Field Force). Артур Бальфур, которому она уже рассказала о книге, пообещал помочь найти хорошего издателя. Для этого он познакомил ее с литературным агентом А. П. Уаттом, на которого произвели большое впечатление литературные способности, проявленные Черчиллем в письмах в Daily Telegraph. Через неделю издатель был найден. «Возможно, книга будет иметь финансовый успех, – написал Черчилль матери. – Не забудь написать про нее что-нибудь хорошее. Напиши, какие части тебе понравились. Я люблю, когда меня хвалят. Это восхитительно».

Черчилль исключил из книги все личное. Единственным упоминанием о себе была сноска, в которой говорилось, где он служил во время боевых действий. Это было повествование о событиях, основанное не только на его собственном опыте,

но и на множестве публикаций и переписке с участниками событий. Он не скрывал своего отношения к этой кампании. «Вся экспедиция была ошибкой, – писал он, – поскольку ее успех зависел от того, сдадутся ли туземцы, если их земли будут захвачены, а их имущество уничтожено. Они не сдались. Мы причинили им столько вреда, сколько могли, но безрезультатно. Это потому, что у Британии не было реальных способов заставить их сдаться за исключением длительной оккупации. Но пытаться это сделать было бы ошибкой».

«О, как бы я хотел уговорить тебя насчет Египта, – написал Черчилль матери в середине января. – Уверен, ты, со своим влиянием и знакомствами, могла бы это сделать. Сейчас бурное время, и мы вынуждены толкаться локтями». После кампании в Тире, в которой он все еще надеялся принять участие, а затем – Египта он был готов переключиться на политику. «Впрочем, если со мной все будет в порядке, – оговаривался он. – Я, конечно, на это надеюсь, но достаточно обратиться к Природе, чтобы понять, насколько малое значение она придает человеческой жизни. Ее неприкосновенность – исключительно наша иллюзия. Представь себе бабочку – 12 миллионов ворсинок в крыле, 16 миллионов линз в глазу и – один глоток для птицы. Но попробуем посмеяться над судьбой. Ее это позабавит».

Двое друзей Черчилля тоже работали военными корреспондентами на индийской границе. Один, лорд Финкасл, заслужил Крест Виктории. Другой, лейтенант Р. Т. Грейвз, погиб во время боевых действий. «Одним движением пальца фортуна может вознести меня к величайшей из всех наград или закончить игру», – писал Черчилль матери.

Глава 6
В Омдурман и дальше

В январе 1898 г. Черчилль прибыл в Калькутту, где остановился у вице-короля лорда Элгина, ужинал с главнокомандующим сэром Джорджем Уайтом и, как он сообщил Джеку, «вращался в высоком и благородном обществе». Всего через восемь лет он будет служить под началом Элгина в Министерстве по делам колоний на своей первой министерской должности. Но и теперь он не забывал про политику. В этом месяце он направил в центральный комитет Консервативной партии предвыборное обращение на случай освобождения вакансии от Паддингтона или внезапного объявления всеобщих выборов. «В политике, – писал он матери из Бангалора, – как я понимаю, успех зависит не столько от сделанного, сколько от того, кем человек является. Это вопрос не ума, а больше личности и оригинальности. Именно поэтому я ревниво отношусь к чужим идеям и не люблю советов относительно моей политической деятельности».

«Знакомства, связи, влиятельные друзья, имя, добрые советы, – говорил Черчилль матери, – все это важно, но, может, только на начальном этапе. В конечном счете каждый человек должен быть взвешен, и, если его вес окажется недостаточным, ничто не сможет обеспечить ему доверие публики. Если он недостаточно хорош, пусть его место займут другие. Я никогда не буду стремиться поддерживать фальшивую репутацию и цепляться за место, изменяя свою личность. Разумеется, – как ты уже могла понять – я верю в себя. В ином случае я, вероятно, придерживался бы иных взглядов».

Во время пребывания в Индии Черчилля угнетали финансовые заботы. Его сердили непомерные траты матери на наряды, путешествия и развлечения. «Если говорить откровенно, – написал он ей из Бангалора, – нет сомнений, что мы оба, и ты, и я, в равной степени безрассудно расточительны и неэкономны. За три года после смерти отца ты растратила четверть всего нашего состояния. Я тоже не слишком экономен, но моя расточительность не идет ни в какое сравнение с твоей».

Однако для Черчилля уже открылся новый источник доходов. За «Историю Малакандской действующей армии» он должен был получить 50 фунтов (по курсу 1990 г. примерно 2000 фунтов). Кроме того, ему полагалось дополнительно 100 фунтов за каждые

две тысячи проданных экземпляров. Книга была опубликована в Лондоне 14 марта. «Это самое примечательное событие в моей жизни (на сегодняшний день, разумеется)», – написал он матери. Было отпечатано 2000 экземпляров, затем, на протяжении десяти месяцев, еще 4500, что принесло дополнительно 250 фунтов. Стало ясно, что он способен зарабатывать на жизнь литературным трудом. Он с гордостью сообщал бабушке, что Daily Telegraph заплатила ему 100 фунтов за письма с границы, а Allahabad Pioneer – 25 фунтов за телеграммы.

Летом леди Рэндольф написала сыну, что он, по мнению старших офицеров, один из «самых многообещающих юношей, но слишком хорошо пишет, чтобы оставаться в армии, где этот талант пропадет и где его сочинения рано или поздно навлекут на него неприятности». А зимой он получил письмо от принца Уэльского: «У тебя большие литературные способности, и это огромное преимущество. Я только надеюсь, что ты будешь рассудителен в своих комментариях и будешь избегать резкой критики, на которую власти могут обидеться». Черчилль гордо написал матери, что он «слишком тори, чтобы расценивать это письмо как великую честь». Что касалось службы в армии, то он подружился с капитаном Эйлмером Холдейном, который договорился о прикомандировании его к экспедиционному корпусу, размещенному в Пешаваре. Корпус собирались послать в Тиру. «Моя репутация, какой бы она ни была, заинтересовала его», – написал Черчилль матери.

Черчилль поспешил на Север, но просчитался: активные боевые действия закончились. «Никакого сомнения, что яростные азиатские дикари получили достаточно», – писал он матери. Впрочем, даже не участвуя в боевых действиях, он получит дополнительную планку к медали. Но главный смысл поездки в Тиру, по его мнению, заключался в другом: «Я теперь знаю всех генералов, которые, скорее всего, будут командовать в ближайшее время».

В Пешаваре Черчилль ждал распоряжения отправиться в Тиру. «Конечно, я надеюсь участвовать в боях, – делился он с леди Рэндольф, – но не обманываюсь: обе стороны устали». В конце марта, в письме другу, которое через месяц будет опубликовано в Times, Черчилль выступил в защиту британской армии, действующей на северо-западной границе. В Англии давно существовало предубеждение, часто скрытое, но постоянное, против военных и гражданских государственных чиновников, работающих в Индии. Но Индия, которой правили лишь несколько тысяч англичан, показала, как он писал, «точную меру дистанции, на которую цивилизация разделяет род

человеческий».

В это время шли судорожные поиски козла отпущения, на которого можно было бы свалить неудачу покорения приграничных племен. Черчилль писал, что в горной войне «не бывает решающих сражений, не бывает блестящих успехов, множества пленных, никаких шансов на coups de théâtre[11]. Это всего лишь грубая, тяжелая работа». Он также привлек внимание к тому, что, когда армия в Индии покоряет самые свирепые племена, она подвергается граду насмешек и упреков со стороны соотечественников.

Это письмо, говорил Черчилль матери, «должно утвердить его позиции среди индийского военного начальства, поскольку оно чрезвычайно чувствительно к критике прессы и приветствует малейшие доброжелательные комментарии». Своего дядюшку Мортона Фривена он убеждал, что, если это письмо хорошо прорекламировать, оно «наделает много шума и будет очень благосклонно воспринято моими начальниками в Индии. А это было бы весьма полезно».

Кампания в Тире, на которую так надеялся Черчилль, не состоялась. После финальной перестрелки последнее воюющее племя заключило мир. «Они почти не испытывают злобы, – рассказывал Черчилль матери. – Они бы убили нас, если бы могли, но в настоящих обстоятельствах вполне дружелюбны. Признаюсь, они мне даже нравятся. Я видел многих в Джамруде в прошлом месяце – они всегда весело улыбаются, несмотря на жуткие разрушения, которые мы учинили на их территориях». Своему приятелю журналисту Хьюберту Ховарду Черчилль писал: «Корпус в Тире почти не воевал – лишь несколько столкновений со снайперами и пикетами. Честно сказать, я слышал всего один выстрел, да и тот сделал какой-то восторженный ирландец. Тем не менее это было интересно, как очередное шоу».

По заказу United Services Magazine Черчилль написал статью о тактике приграничной политики. В Harmsworth Magazine он отдал небольшой рассказ «Человек за бортом, эпизод в Красном море». Одновременно он заканчивал роман – «дикую и дерзкую книгу, – как он называл ее матери, – сюжет которой постоянно перескакивает с одного на другое. Надеюсь, она развлечет читателей. Я верю в свое перо. Думаю, что мысли, которые я излагаю, будут интересны и популярны у публики». Он размышлял над созданием книги о Гарибальди и краткой истории Гражданской войны в Америке. Его также соблазняли предложения издателя написать историю жизни своего блистательного предка, полководца Джона Черчилля, первого герцога Мальборо, и биографию своего отца. Он говорил матери,

что если когда-нибудь возьмется за биографию лорда Рэндольфа, то это займет много лет.

Книга Черчилля о жизни его отца вышла из печати через восемь лет после этого письма, биография Мальборо – в 1930-х гг., а история Гражданской войны в Америке, как часть пятитомной «Истории англоязычных народов», – в 1950-х. К биографии Гарибальди он так и не приступил. Тем временем литературные заработки постепенно росли. В мае Allahabad Pioneer опубликовал пять его писем в связи с недавним вторжением Америки на Кубу. Он сообщил матери, что гонорара хватит, чтобы как минимум месяц оплачивать питание.

Тетушке Леони, до которой дошел слух о романе, он написал из Бангалора: «Ты спрашиваешь – почему? Должен ответить: il faut vivre[12]. Надеюсь впоследствии создать что-нибудь действительно стоящее. Знаешь, у меня безграничная вера в себя». Но пока все его мысли были заняты Суданом. «Рассчитываю к концу зимы оказаться в Хартуме, – писал он матери. – Ты должна настроить всех приручeнных тобою генералов в мою пользу».

Беспокоясь о деньгах, он начал судебный процесс, чтобы не дать возможность матери, если она вновь соберется замуж, передать второму мужу его долю наследства. «Чувствую себя мерзкой, отвратительной тварью, поступая так, – говорил он тетушке Леони, – но я вынужден учитывать возможность того, что мама может выйти замуж за бедняка, за какого-нибудь бродягу. Я, правда, уверен, что не впаду в нищету с помощью журналистики. Но на самом деле ситуация безрадостная. Наше состояние так сократилась, что я могу вообще не попасть в политику. Вообрази – половины уже нет. Но в перспективе осенней кампании отчаиваться было бы не по-философски».

«Неужели я мот? – задавал Черчилль риторический вопрос тетушке и сам же отвечал на него: – Я не увлекаюсь скачками, не пью, не играю в азартные игры и не трачу деньги на сожительниц. Я лишь не задумываюсь о счетах, а в результате плачу вдвое больше, чем нужно, за мелкие удовольствия, которые есть в этой непростой жизни».

В мае Черчилль с поразительной откровенностью пишет матери об одной черте своего характера, которую назвал «умственным пороком»: «Меня заботят не столько принципы, которые я отстаиваю, сколько впечатление, которое производят мои слова, и репутация. Звучит это ужасно. Но ты должна помнить, что мы живем не в эпоху великих свершений». Он признавался, что часто поддается искушению «подгонять факты под свои идеи. Но Маколей в этом смысле –

архипреступник. Думаю, острое чувство необходимости, или вопиющей ошибки, или несправедливости заставит меня быть искренним, но я очень редко ощущаю в себе искренние эмоции. Поэтому полагаю, что au fond[13] я искренен. Но в большинстве случаев моя голова или мозг главенствуют, а душа выдает такое количество эмоций, какое требуется. Это философское достоинство, а не человеческое».

Вспоминая войну Америки с Испанией и вторжение на Кубу, Черчилль говорил леди Рэндольф: «Мне жаль испанцев. Америка, безусловно, предстала миру своей непривлекательной стороной. Но тем не менее они правы, и глубоко в сердце этой великой демократии – благородный дух. Я нахожу очень привлекательной идею восстановления англо-американских дружественных отношений. Одним из принципов моей политики всегда будет борьба за взаимопонимание между англоязычными странами». Черчилль утверждал: «Американцами следует восхищаться за их действия на Кубе, хотя их поведение одиозно. Они всегда умудряются вызывать отвращение у благовоспитанного человека. Но душа у них честная».

Этим летом зазвучали призывы к жестким, вплоть до объявления войны, мерам Британии против России, чья армия сражалась в Китае. Черчилль был против подобных действий. «Мы не можем нанести урон России, – объясняет он матери. – Но Россия может вынудить Британию мобилизовать 100 000 солдат на индийской границе и причинить существенный ущерб британской морской торговле, предоставив грязным немцам шанс наконец-то обрести коммерческое превосходство в мире».

Черчилль понимал, что в период «ура-патриотизма» его противостояние антирусским настроениям не может быть популярным. «Это все эмоции, – делился он с матерью, – которые управляют людьми и «заводят» их. Из-за этого милитаризм вырождается в жестокость. Лояльность приводит к тирании и низкопоклонству. Гуманность превращается в нелепую слезливость, патриотизм – в лицемерие, а империализм – в шовинизм».

В начале июня Черчилль собрался в отпуск и попросил мать организовать для него два-три политических выступления, в первую очередь в Брэдфорде, где он надеялся когда-нибудь баллотироваться в парламент. Он жаждал большой аудитории, как минимум из 2000 человек. Он писал матери: «Организуй публику. Уверен, я смогу удержать ее внимание. У меня достаточно интересного материала, по меньшей мере на три выступления. Все тщательно записано и задокументировано».

Леди Рэндольф выполнила просьбу. Тем временем ее сын отплыл из Бомбея. В Египте он оставил своего слугу-индийца и походное снаряжение, включая палатки и седла, надеясь скоро вернуться, а сам продолжил путь.

В Лондон Черчилль прибыл 2 июля. Через двенадцать дней он выступил с речью в Брэдфорде и был чрезвычайно доволен оказанным ему приемом. «Меня слушали с величайшим вниманием сорок пять минут, – сообщил он матери, – и в конце раздались громкие и многочисленные крики «продолжай!». Пять или шесть раз слушатели подолгу аплодировали без передышки. В конце многие вскочили на стулья, всех охватил огромный энтузиазм». Кузену Санни Черчилль написал, что «выступление в Брэдфорде принесло мне величайшее удовлетворение. Надеюсь, это не в последний раз».

Теперь Черчилль прилагал все усилия, чтобы присоединиться к армии Китченера в Судане. Премьер-министр лорд Солсбери только что прочитал «Историю Малакандской действующей армии» и попросил своего личного секретаря организовать встречу с молодым автором, сыном его бывшего коллеги. Таким образом Черчилль впервые оказался на Даунинг-стрит, 10. «Хорошо помню, – написал он позже, – с какой старомодной учтивостью он встретил меня у двери, любезным жестом приветствовал и предложил присесть на небольшой диванчик в своем обширном кабинете».

Солсбери сказал Черчиллю, что его книга дала «лучшую картину боевых действий, которые происходили в приграничных долинах, чем любые другие документы, которые ему довелось читать по долгу службы». Через двадцать минут Черчилль собрался уходить, но премьер-министр задержал его еще минут на десять и, провожая к дверям, сказал: «Надеюсь, вам не будет неприятно, если я скажу, что вы чрезвычайно напоминаете мне вашего отца, с которым связаны важнейшие этапы моей политической жизни. Если когда-нибудь я смогу быть вам полезен, прошу не стесняться и дать мне знать».

Воодушевленный Черчилль спросил личного секретаря Солсбери, не может ли тот послать телеграмму Китченеру с запросом о возможности его присоединения к экспедиционному корпусу. Солсбери дал согласие, но Китченер ответил холодно: у него достаточно офицеров, но, даже если появится вакансия, есть более достойные кандидаты на это место. Черчилля это не остановило, и он обратился к лорду Кромеру, который пообещал написать непосредственно Китченеру. Леди Рэндольф тоже обратилась с письмом напрямую к главнокомандующему, а ее подруга леди Джун нахально телеграфировала ему:

«Надеюсь, возьмешь Черчилля. Гарантирую, он не будет писать».

Уверенность леди Джун также не произвела впечатления на Китченера. Но она была в хороших отношениях с генерал-адъютантом сэром Ивлином Вудом, который за частным ужином выразил недовольство тем, что Китченер так отнесся к протеже Военного министерства. Узнав об этом, Черчилль заставил ее сказать Вуду, что в его назначении заинтересован премьер-министр. Она так и сделала, а Вуд направил Китченеру телеграмму в поддержку Черчилля. Через два дня он узнал, что должен срочно отправляться в Египет, в расположение 21-го уланского полка. «Мне было очень трудно сюда попасть, – написал он другу две недели спустя с берега Нила. – В действительности, если бы не два убитых молодых офицера, сильно сомневаюсь, что мне бы это удалось». Но леди Джун хорошо сыграла свою роль.

В Лондоне Черчилль успел связаться с другом семьи Оливером Бортвиком, сыном владельца Morning Post, и договорился при возможности присылать в газету письма по 15 фунтов за колонку. Обеспечив себе журналистское занятие, утром 27 июля он покинул Лондон, а через три дня уже садился на пароход в Марселе. Судно, рассказывал он, оказалось «грязной посудиной, которой управляли отвратительные французские моряки». Он беспокоился, что может прийти телеграмма из Бангалора, извещающая, что его отпуск закончен. «Я рад, – писал он, – что телеграмма с требованием возвращения пока не пришла. Таким образом, мое положение значительно упрочилось». 2 августа он добрался до Египта и сразу же отправился в расположение 21-го уланского полка. «Все были очень вежливы, – рассказывал он матери, – и имели уже официальное уведомление о направлении меня к ним. На сей раз я не буду среди чужих, как в Мамундской долине». Дело в том, что из девяти офицеров его эскадрона шестеро оказались приятелями по Харроу и Бангалору.

Черчилль прибыл в Каир как раз вовремя. На следующий день эскадрон погрузился на суда и отправился вверх по Нилу. «За восемь дней произошла очень странная трансформация, – написал он из Луксора 5 августа. – Я вспоминаю лондонские улицы, ужины, балы и т. п., а потом смотрю на солдат в хаки, огромную неуклюжую баржу, полную лошадей, реку с глинистыми берегами, пальмы и паруса «дахабий», как здесь называют огромные лодки. Но главное – мысли о парламенте, речах и политической жизни отошли на второй план. Голова больше занята мечами, пиками, пистолетами и разрывными пулями, чем биллями, актами и выборами».

На борту среди прочих оказался друг Черчилля Хьюберт Ховард, которого Times направила освещать кампанию. Через пять дней, все еще поднимаясь по Нилу, Черчилль отправил матери две корреспонденции для Morning Post. «Они станут фундаментом и строительными лесами моей книги», – писал он. Черчилль размышлял над замечанием, высказанным ему двоюродными братьями, Санни Мальборо и Айвором Гестом, о том, что «он слишком хорош для войны». Матери он объяснял, что доволен: «Это мудро и достойно мужчины. Разумеется, я думаю о результатах, поскольку, как ты понимаешь, хочу многого добиться, но я не боюсь сделанного и не собираюсь жаловаться. Но помимо этих укрепляющих дух философских размышлений у меня есть непреодолимое желание убить нескольких этих отвратительных дервишей и отправить в ад все их зловредное племя. Я уже предвкушаю от этого большое удовлетворение. Мне бы хотелось приступить завтра».

Направляясь в сторону армии дервишей, Черчилль заранее попросил мать по его возвращении организовать многолюдные и хорошо подготовленные политические выступления. Одно в Брэдфорде, другое в Бирмингеме. Он также попросил капитана Холдейна прислать ему небольшую полоску ленты, которой он был награжден за Малаканд. «Мне бы очень хотелось, – объяснил он, – нацепить эту ленту на грудь, когда мы столкнемся с дервишами. Хотя было бы досадно погибнуть. Впрочем, надеюсь избежать этого и рассчитываю скоро вступить в бой».

Через три дня 21-й уланский полк достиг Атбары, где был разбит лагерь, после чего на лошадях двинулись вдоль берега Нила. Как-то вечером Черчилль сбился с пути и, как сообщил он матери в телеграмме, пытаясь нагнать колонну, «был вынужден провести в пустыне ночь и день без еды и воды. К счастью, мне хватило разума дождаться рассвета, после чего я добрался до реки и напоил коня. Только после почти сотни километров блужданий удалось найти конвой. В ближайшие десять дней должно состояться генеральное сражение, возможно самое жестокое. Меня могут убить. Хотя я так не думаю. Но если это произойдет, ты должна найти утешение в философских мыслях о крайней никчемности и уязвимости человеческого существа. Уверяю тебя, я не струшу, хотя не приемлю ни христианской, ни какой иной религии».

«Ничто, – продолжал рассуждать Черчилль, – даже понимание неизбежности грядущего конца, не заставит меня сейчас повернуть назад, пусть я и смогу это сделать с честью. Но зато я вернусь мудрее и сильнее. И тогда будем думать о других, более широких сферах деятельности. Я глубоко верю – уж не знаю,

на чем это основано, – что со мной ничего не случится. В конце концов, жарче, чем 16 сентября прошлого года, уже не будет. И я уверен, что будущий мир, если он существует, станет лучше». В постскриптуме он добавил: «Если меня тяжело ранят, было бы хорошо, чтобы ты приехала и помогла вернуться».

26 августа, когда двадцатипятитысячная армия Китченера уже подходила к Омдурману, Черчилль сделал последнюю попытку перевестись из уланов в египетскую кавалерию. Матери он объяснял это так: «Хотя там более опасно, но намного больше возможностей». Полковник, командовавший египетской кавалерией, просил за него, но его собственный полковник не захотел отпускать. «Он совершено прав, – признавал Черчилль, – но жаль, поскольку с египтянами у меня было бы больше шансов отличиться».

Черчилль в этот день узнал, что Китченер критически отзывался о нем, сказав, что он «не собирается оставаться в армии, а только стремится извлечь из этого выгоду и что он занимает место тех, для кого это профессия». «Но при этом, – сообщил Черчилль матери, – Китченер признал, что я делаю все, что в моих силах. Он не захотел встретиться со мной, но, если я выживу, ему придется признать, что было бы полезно поделиться со мной своими мыслями. Тем более у меня есть и собственные».

Дервиши решили атаковать у Омдурмана, за которым через реку уже был Хартум. К полудню 1 сентября показалось, что их быстро выдвигающаяся армия может столкнуться с основными британскими силами еще до темноты. Черчилль, чей эскадрон с другим кавалерийским отрядом располагался в авангарде экспедиционного корпуса, получил приказ командира оценить скорость продвижения противника и доложить Китченеру. «Я поднялся на черный холм Сурхам, – позже писал он. – Огромная армия дервишей на бескрайней бурой равнине казалась едва различимой полоской. На востоке виднелась другая армия – англо-египетская».

Черчилль вспоминал, что обе армии не могли видеть друг друга, хотя их разделяло не более восьми километров. «Я оглядел по очереди боевые порядки. Силы противника, несомненно, казались больше. Но у наших батальонов чувствовалось превосходство: они шли стройными колоннами, прочерченными, казалось, будто по линейке». Армия дервишей двигалась вперед. Черчилль на своем пони поспешил к главному лагерю британцев, чтобы доложить об увиденном. При подъезде к лагерю он встретил Китченера и дюжину штабных офицеров. Все направлялись на Сурхам, чтобы разобаться в происходящем. Так впервые встретились генерал и субалтерн, которым через

шестнадцать лет доведется вместе работать в Военном министерстве.

«Китченер, – вспоминал Черчилль, – предложил мне описать ситуацию, которую наблюдали передовые эскадроны. Я это сделал. Он слушал молча, в тишине. Лишь песок похрустывал под копытами наших коней, шедших бок о бок». «Вы говорите, армия дервишей наступает? – спросил Китченер. – Сколько времени, на ваш взгляд, у меня есть?» – «Как минимум час, сэр, – ответил я, – возможно, даже полтора, если они будут двигаться с прежней скоростью». «Командующий был очень спокоен, – вспоминал Черчилль. – Его уверенность передавалась и штабу».

Армия дервишей остановилась, не доходя до британских позиций. Холм Сурхам оказался между двумя армиями. Черчилль и его уланы присоединились к основным силам Китченера на фланге, ближе к Нилу. Еще во время службы на северо-западной индийской границе Черчилль насмехался над британскими офицерами египетской армии, которые всегда говорили о «битвах». С точки зрения тех, кто, как он, воевал в Индии, эти «битвы» были не более чем стычками. «Во всяком случае, – вспоминал Черчилль после Первой мировой войны, – для подавляющего большинства тех, кто принимал участие в этих маленьких британских войнах в те давние, такие беспечные дни, возможность погибнуть в бою лишь добавляла азарта».

«Большинству тех, кто воевал в Индии или Судане, – писал позже Черчилль, – предстояло увидеть другую войну, Первую мировую, где смерть ждала постоянно, когда даже тяжелые ранения считались счастливым исходом. Там целые бригады сметало артиллерийским и пулеметным огнем, а пережившие это понимали, что могут быть сметены следующим. Так разве нас, молодых людей, засыпавших в ту ночь в пяти километрах от шестидесятитысячной, хорошо вооруженной армии фанатиков-дервишей, каждую минуту ожидавших их яростной атаки и уверенных в том, что не позднее рассвета закипит бой, не следует извинить, если нам тогда казалось, что мы находимся в горниле самой настоящей войны?»

Ночью холм Сурхам был занят подразделением британской кавалерии. На рассвете несколько кавалерийских патрулей отправились на разведку. Черчилль поехал с одним из них. Их задачей было доложить о численности и дислокации армии дервишей. «Мы поскакали вперед, – писал он позже, – а поскольку не знали, что египетский эскадрон с командиром уже перевалил за гребень холма, испытывали возбуждение без малейшего ощущения опасности. Нас окрыляло, что мы первыми увидим то, что нас ждет впереди».

То, что их ждало впереди, произвело устрашающее впечатление. Нескоро, только уже написав книгу, Черчилль узнал, что до него на холме побывали другие кавалеристы. А тогда, через пару недель, он напишет своему армейскому другу Иэну Гамильтону: «Кажется, я был первым, кто увидел противника, и наверняка первым, кто услышал свист их пуль. Такого зрелища я больше никогда не увижу. По самым скромным оценкам их было 40 000 человек, растянувшихся километров на восемь. Уверяю тебя, когда мы с моим маленьким патрулем со своего наблюдательного пункта услышали их воинственные песнопения, нам стало жутко. И хотя я никогда не сомневался в исходе, – добавил Черчилль, – тем не менее испытал ужас».

Было без четверти шесть. Черчилль немедленно написал записку Китченеру: «Армия дервишей, численно не изменившись, занимает ту же позицию, что и вечером, выдвинувшись левым флангом. Их патрули впереди, и слышны громкие крики». Армия дервишей была на расстоянии около пяти километров от лагеря Китченера, но по мере того, как рассветало, становилось видно, что она быстро движется вперед. С наступающим войском двигалась и основная часть кавалерии. Ее предводитель, халиф, решил атаковать противника. Во второй записке, отправленной в 6:20, Черчилль сообщил об этом Китченеру.

Черчилль оставался на холме. «Их кавалерийские патрули, – рассказывал он потом Гамильтону, – численностью пять-шесть всадников, пытались согнать нас оттуда, но я дождался, пока одна крупная бригада численностью до 2000 человек приблизилась примерно на четыреста метров. Я не знал, что у них есть ружья, я думал, что они вооружены только копьями». Примерно четверть часа дервиши, казалось, не обращали никакого внимания на Черчилля и его уланов, наблюдая за ними с полнейшим безразличием. «Затем, – продолжал он рассказ Гамильтону, – я по глупости спешил четверых и дал команду стрелять в толпу. Соответственно, в нашу сторону двинулись два десятка стрелков, которые открыли по нас огонь с близкого расстояния. В итоге нам пришлось удирать. Не менее 30 пуль просвистело рядом. К счастью (ты понимаешь, насколько капризна бывает Судьба), никого даже не задело. В противном случае одним человеком бы не ограничилось».

Черчилль отправил своих уланов вниз, за гребень холма, где было безопасно, а сам вернулся на вершину. Там он спешился, но его серый пони оказался заметной мишенью. «Было уже слишком жарко, чтобы оставаться, – писал он, – хотя сцена была достойная. Потом появилось множество разъяренных людей – адъютант, трубачи и др. – и вернули меня к моему эскадрону.

Но я так высоко оценил позицию, подчеркнув, что никто даже не был ранен (они признали ценность информации), что мне разрешили вернуться туда еще раз. Я тогда счел, что мы не понесли потерь благодаря моей «опытности», – признавался он Гамильтону, – но это была милость Всевышнего. Честно сказать, огонь временами был чрезвычайно плотным, и сравним лишь с десятью минутами в 35-м сикхском в прошлом году».

Когда дервиши подошли к британским позициям на расстояние выстрела, Китченер отдал приказ вступить в действие пехоте. Кавалерийские эскадроны были отправлены в лагерь. «Там, – рассказывал Черчилль приятелю, – мы в течение часа слушали стрельбу 20 000 винтовок, почти шестидесяти пушек и двадцати «максимов», но мало что видели. Просвистело несколько пуль, но все высоко, а кавалеристы и лошади были хорошо укрыты под высоким берегом реки. В половине девятого атака дервишей захлебнулась. Кавалерию тут же отправили на левый фланг. Мы остановились на хребте и простояли там с карабинами примерно с четверть часа. Мы видели тысячи дервишей, как мне показалось, в панике отступающих». Тогда дервиши в самом деле могли показаться Черчиллю обреченными. В 8:40 кавалеристы оседлали коней и медленно двинулись в их сторону. Для Черчилля это была первая кавалерийская атака. «Я был уверен, – говорил он Гамильтону, – что мы будем колоть их пиками, пока сможем держаться в седле. Но между нами и отступающими оказалась линия из 150 человек. Мы решили, что эти дервиши вооружены копьями. Они подпустили нас на 250 метров. Мы намеревались, по крайней мере, мне так кажется, обойти их с фланга и атаковать всем эскадроном, а затем двинуться дальше».

Кавалеристы ехали мимо фронта дервишей справа налево, выжидая момента, чтобы повернуть и атаковать их. Но оказалось, что на самом деле эта группа дервишей была вооружена не пиками, а ружьями. Когда британцы проезжали мимо, они, все как один, припали на колено и открыли беглый огонь. «Послышался громкий, резкий треск мушкетов, – писал Черчилль. – Расстояние было слишком мало. Перед нами, захваченными врасплох, были две возможности. Одна – развернуться и ускакать прочь, а потом вернуться за ранеными, другая – атаковать правым крылом. Думаю, каждый сам принимал решение, – рассказывал Черчилль своему другу. – Во всяком случае, под резкие звуки трубы мы галопом помчались на них. Огонь был слишком плотным, чтобы успеть построить линию атаки. Прозвучал приказ: «Правое плечо вперед! Галопом! Вперед!» Все было понятно».

Таким образом, двадцатитрехлетний Черчилль принял участие в кавалерийской атаке не против деморализованных дервишей с копьями, как ожидалось, а против стрелков, не думающих сдаваться. Первую сотню метров, приближаясь к ним, он неоднократно оглядывался, пытаясь понять, какой ущерб наносит стрельба его людям. «Мне он показался небольшим, – вспоминал он. – Затем я достал свой маузер, взвел курок и взглянул вперед. И тут вместо 150 стрелков, которые палили по-прежнему, увидел ложбину, а в ней – отряд стоящих плечом к плечу воинов с пиками».

Этот до той поры невидимый отряд укрывался в ложбине с крутыми склонами. Опасность оказалась совершенно неожиданной. «Но после опыта, приобретенного на северо-западной границе Индии, – продолжал рассказывать Черчилль Гамильтону, – я подумал: отлично, чем их больше, тем веселее». Его отряд атаковал дервишей по диагонали, не пересекая ложбину, а двигаясь вдоль нее.

«Они были низкорослые, примерно на метр ниже меня, и мы двигались практически без сопротивления. Пять или шесть лошадей были ранены, но в основном мы не пострадали. Наверное, это были самые опасные две минуты в моей жизни», – говорил Черчилль Гамильтону.

Кавалерийская атака завершилась, враг был рассеян. Из 310 солдат и офицеров один офицер и 20 солдат погибли, 4 офицера и 45 солдат получили ранения. «И все это за 120 секунд! – заметил Черчилль. – Я сделал ровно десять выстрелов и опустошил магазин, но лошадь не потеряла ни единого волоска, а моя одежда осталась целехонькой. Очень мало кто может сказать то же самое».

«На месте сражения, – писал потом Черчилль, – я видел разрозненных солдат противника и отдельные стычки. Я не раздумывая, стреляя, пустился рысью в их сторону и нескольких убил. Троих – наверняка. Затем огляделся и увидел, что дервиши перестраивают ряды. Мы поразили почти половину, но они вновь оказались на ногах. Наблюдая из седла за их перегруппировкой, я вдруг осознал, что вся эта толпа находится буквально в двух десятках метров. Я тупо смотрел на них в течение, наверное, пары секунд. Затем увидел, как двое опустились на колено и навели на меня винтовки, – мне угрожала реальная опасность».

Черчилль развернулся и помчался назад. Вслед грохнуло два выстрела. «На такой дистанции это было по-настоящему опасно, – рассказывал он Гамильтону, – но пуль я не слышал, непонятно, куда они стреляли. Я пустил лошадь в галоп и присоединился

к своим. Через несколько мгновений среди солдат появился дервиш. Как он там оказался, понятия не имею. Наверное, затаился в кустарнике или какой-то яме. Солдаты направили на него пики, но он яростно отбивался копьем, и на миг произвел сильное замешательство. Я выстрелил в него почти в упор. Он рухнул на песок как подкошенный».

Черчилль переформировал свой взвод, собрав пятнадцать солдат. Он сказал, что их могут еще не раз отправить в атаку. Услышав это, один воскликнул: «Хорошо, сэр, мы готовы, сколько прикажете». Когда Черчилль спросил своего сержанта, понравилось ли ему сражение, тот ответил: «Не скажу, чтобы очень понравилось, сэр, но, наверное, в другой раз будет привычнее». Вспоминая все это недели две спустя, Черчилль писал Гамильтону: «Никаким образом не хочу выделять себя, но, поскольку хладнокровие мне не изменило, моя самооценка, безусловно, выросла».

Было 9:15 утра. Дервиши отступали. Черчилль хотел, чтобы полк продолжил наступление. «Никогда солдаты не проявляли такого рвения, – писал он матери. – Я сказал своему взводу, что они лучшие в мире, и уверен, что они пойдут за мной до конца, а это – я могу сказать тебе и только тебе – очень далекий путь. В такие моменты испытываешь огромный душевный подъем. Я пытался убедить адъютанта повторить атаку. Пусть мы потеряли бы еще пятьдесят-шестьдесят человек, но это была бы историческая победа. Но пока продолжалось совещание, возобновлять ли наступление, с поля сражения потянулась страшная вереница: окровавленные лошади, солдаты с ужасными ранами от крючковатых копий, торчащих из тел, искромсанные, с вываливающимися кишками, теряющие сознание и умирающие на наших глазах. Ни о какой кавалерийской атаке уже не могло быть и речи. Горячие головы командиров остыли, – продолжал он, – и до конца дня полк действовал чрезвычайно осмотрительно».

Черчилль был уверен, что наступление должно быть продолжено. «Новая атака, – писал он Гамильтону, – должна была быть удачной, пока офицеры и солдаты не отошли от горячки боя. Пехота, разумеется, принесла бы больше пользы, но мне хотелось вскочить в седло – pour la gloire[14] – и встряхнуть нашу кавалерию. Но через час мы все немного остыли, и я с большим облегчением понял, что с «героизмом», по крайней мере на сегодняшний день, покончено».

Уланы направились туда, где можно было спешиться и открыть огонь из ружей по флангу противника. После нескольких минут интенсивной перестрелки дервиши отступили.

Уланы вернулись к ложбине, которую атаковали ранее. Там они остановились позавтракать. «В этой ложбине, – вспоминал позже Черчилль, – было тридцать-сорок убитых дервишей. Среди них лежали тела наших двадцати уланов, изрубленных и изувеченных практически до неузнаваемости».

Этим утром, по мере победного продвижения к Хартуму, тысячи раненых дервишей были добиты. Черчилль, не принимавший в этом участия, был потрясен. «Победа при Омдурмане, – позже написал он матери, – дискредитирована бесчеловечным убийством раненых, за что несет ответственность Китченер».

Из Хартума Черчиллю удалось отправить матери телеграмму из трех слов: «Все хорошо. Уинстон». Тем же вечером один офицер, друг его матери, тоже послал ей телеграмму: «Большой бой. Отличное зрелище. Уинстон молодец». В письме к матери через два дня после кавалерийской атаки Черчилль писал: «Ни в какой момент я не чувствовал ни малейшей нервозности и был спокоен, как сейчас. Сама атака не вызывала такой тревоги, как отступление 16 сентября прошлого года. Она промелькнула как сон, и кое-чего я просто не могу вспомнить. Дервиши не испытывали никакого страха пред кавалерией и не сходили с места, пока их не убивали. Они пытались подрезать коленные сухожилия наших лошадей, разрезать уздечки, поводья, словом, резали и кололи во все стороны и стреляли из винтовок с расстояния нескольких метров. Меня не задело. Я уничтожал тех, кто мне угрожал, и мчался дальше».

Одним из офицеров, погибших в этой атаке, оказался Роберт Гренфелл, с которым Черчилль познакомился по дороге из Каира. «Для меня, – писал Черчилль матери, – это перечеркнуло всю радость и возбуждение». Еще двое его друзей получили ранения. Погиб и Хьюберт Ховард, который остался невредим во время атаки, но по иронии судьбы был убит своим же артиллерийским снарядом. Узнав, что Ховард убит, а другой корреспондент Times ранен, Черчилль понял, что газета осталась без корреспондентов, и отправился в штаб армии. Там он спросил у своего друга, полковника Уингейта, можно ли отправить телеграмму. Уингейт согласился, и Черчилль, не мешкая, написал на имя редактора Times в Каире развернутую информацию о бое и кавалерийской атаке. Телеграмма прошла цензуру, но Китченер не разрешил ее посылать. «Не сомневаюсь, – написал Черчилль редактору две недели спустя, – Китченер отказал бы в этом любому действующему офицеру, но ни одному с таким удовольствием, как мне».

Через два дня после сражения Черчилль выехал из Хартума

на поле битвы. «Я хотел подобрать несколько пик, – объяснил он матери и добавил: – Я напишу историю этой войны». То, что он там увидел, подтвердило суровую реальность. Было убито более десяти тысяч дервишей, около пятнадцати тысяч – ранено. Тяжелораненых бросили умирать на поле боя. Картина была ужасной. Черчилль увидел сотни тяжелораненых, которые трое суток ползком добирались до берега Нила и умирали у воды или, потеряв силы, лежали в кустах. Описывая это в книге «Война на реке» (The River War), он заметил: «Возможно, боги запретили человеку месть, потому что решили оставить себе столь пьянящий напиток. Но чаша не допита. Осадок отвратителен на вкус».

В своей книге Черчилль особенно откровенно критиковал Китченера. По поводу убийств раненых дервишей он написал: «Суровость и безжалостность командующего передавались войскам, и победы сопровождались актами варварства, не всегда оправданного даже дикими и жестокими обычаями дервишей». В Хартуме Черчилль посетил развалины священной гробницы Махди. «По приказу сэра Китченера, – писал он в «Войне на реке», – гробница была осквернена и сровнена с землей. Тело Махди выкопали. Голова была отделена от туловища и – цитирую официальное разъяснение – «сохранена для дальнейшего размещения». Эту фразу можно понять так, что ее собирались передавать из рук в руки до Каира».

В пассаже, который особенно разозлил Китченера, Черчилль добавил: «Если народу Судана Махди был неинтересен, то уничтожение единственного прекрасного сооружения, которое могло бы привлекать туристов и было бы интересно историкам, – это вандализм и недальновидность. Можно считать мрачным событием для Судана, что первое же действие цивилизованных завоевателей и нынешних правителей заключалось в уничтожении его единственной достопримечательности. Если, с другой стороны, народ Судана по-прежнему почитал память Махди, а более 50 000 человек всего неделю назад ожесточенно сражались, отстаивая свою веру, тогда я, не колеблясь, могу заявить, что уничтожение почитаемой ими святыни – безнравственный поступок, к которому истинный христианин в не меньшей степени, чем философ, должен испытывать отвращение».

Откровенность Черчилля наживала ему врагов на протяжении всей карьеры, но его характер произвел благоприятное впечатление на одного из сослуживцев, капитана Фрэнка Генри Идона, который в письме домой на той неделе отметил: «Он очень приятный и веселый парень. Он очень мне нравится и, кажется, унаследовал некоторые способности своего отца».

Готовясь к отъезду из Хартума, Черчилль узнал, что его сослуживцу, тяжелораненому офицеру Ричарду Молино, требуется срочная пересадка кожи. Он немедленно предложил свою, и необходимый кусок был вырезан у него с груди. «Это было чертовски больно», – вспоминал он позже. Через сорок семь лет Молино написал Черчиллю, который в то время был уже премьер-министром: «Я никогда не упоминал об этом, опасаясь, что меня сочтут хвастуном». Черчилль ответил: «Большое спасибо, дорогой Дик. Я часто думаю о тех давних днях, и мне было бы приятно, если бы ты демонстрировал этот кусок кожи. Сам я часто показываю место, с которого он был вырезан».

Черчиллю не терпелось вернуться в Лондон. Его злило, писал он матери, что Китченер «из мелкой зависти распорядился, чтобы я сопровождал транспорт, двигающийся долгим медленным маршем в Атбару. Почему? Разве не достаточно было рисковать жизнью и остаться в живых?». Продвигаясь на юг, он получил телеграмму от редактора Times, который просил его поработать корреспондентом на фронте. «Уже поздно, – ответил он, – но я тронут комплиментами в мой адрес». Тогда же он прочитал о грядущей морской операции Британии у острова Крит, где турки жестоко расправились с несколькими сотнями греков-христиан. В очередной раз он задумался об изменении планов, желая стать свидетелем новой военной кампании и описать ее. «Когда Фортуна в хорошем настроении, – говорил он матери, – нужно ловить удачу за хвост».

В письмах домой он размышлял о гибели Хьюберта Ховарда. «Ховард принадлежал к типу суровых ветеранов, – написал он леди Рэндольф. – Без малейших усилий могу представить, как он во всех подробностях описал бы тебе смерть твоего молодого сына».

Критский кризис, как это бывало и раньше, закончился слишком быстро, чтобы Черчилль успел им воспользоваться. Он возвращался в Лондон. «Не могу отделаться от ощущения, – писал ему принц Уэльский, – что более всего вам подходят парламентская и литературная деятельность. Монотонность армейской жизни и пребывание в Индии не привлекательны». По возвращении Черчилль выступил перед публикой в лондонском районе Ротерхайт, а затем в Дувре. Там, писал он матери, «в какой-то момент я потерял ход мысли и замолчал на некоторое время, пока не обрел его снова. Но, похоже, на это не обратили внимания». Действительно, в газетах его выступления освещались подробно и доброжелательно.

Финансовое положение Черчилля улучшалось. Morning Post заплатила 220 фунтов за письма из Судана. Ему также

предложили 100 фунтов за публикацию романа в газете частями, что было большой редкостью. Это составляло 13 000 фунтов по курсу 1990 г.

Слухи о неизбежном приходе Черчилля в политику множились. В начале ноября статья в World утверждала, что он уходит из армии, чтобы занять должность секретаря заместителя военного министра Джорджа Уиндэма, и в самое ближайшее время станет членом парламента. «У него наверняка получится, – было написано в статье. – У него огромные амбиции, огромный апломб и безграничная энергия. Он унаследовал отцовские способности, и кроме того, он хороший оратор».

Но Черчиллю надо было возвращаться в Индию, в свой полк. Перед отъездом он оценил проницательность Памелы Плоуден, которой увлекся в Хайдарабаде. В конце ноября он написал ей, что она была права, предупреждая о его «способности наживать врагов», но утверждал, что ошибалась, считая, что он «не способен на чувство». Он писал: «Есть человек, которого я люблю больше других. И я буду ему верен. Я не ветреный ухажер, следующий мимолетным увлечениям. Моя любовь глубока и сильна. И ничто этого не изменит. Не исключаю, что буду разменивать ее на мелочи. Но большая ее часть останется неизменной – неизменной до самой смерти. Кто же тот человек, которого я так люблю? Знаешь, как говорят французы – «я скажу это на другой странице». Искренне твой, Уинстон С. Черчилль».

Отпраздновав двадцать четвертый день рождения, Черчилль отправился из Лондона в Индию. Проехав Европу на поезде, он сел на корабль в Бриндизи. «Осирис» уйдет не раньше полуночи, – писал он тетушке Леони 2 декабря, – но, боюсь, у меня вскоре начнется морская болезнь. Ненавижу море и испытываю органическое отвращение к путешествиям. Но такова уж моя судьба». А уже с борта «Осириса» он писал Джеку: «Проклятый корабль! Даже капитана тошнит. Никогда больше не стану путешествовать».

Черчилль решил в ближайшие полгода уйти из армии и заняться политикой, пока же свободное от службы время он посвящал книге. «Я сегодня не в духе, – писал он матери 29 декабря. – Работаю все утро, и никакого толку. Как-то не складывается, хотя стараюсь. Но не чувствую такой энергии, как в Англии, и упадок ее подавляет меня. Какой-то полный застой в мыслях». Вспоминая о Китченере, он добавил, что книга «становится довольно острой. Мой бывший командующий, как я теперь понимаю, вульгарный, примитивный и грубый человек».

Своему кузену Айвору Гесту Черчилль писал: «Работа над книгой напоминает жизнь в странном мире, ограниченном

с севера Предисловием, а с юга – Приложением, а все остальное состоит из глав и параграфов. Не рассчитываю, что книга поможет обрести друзей. Впрочем, друзья дешевого пошиба не имеют большого значения. В конце концов, когда пишешь серьезную вещь, надо быть честным».

Черчилль предостерегал кузена от излишней критики католичества и ритуальности. «Я сам против римско-католических ритуалов, – пояснял он, – и предпочитаю протестантизм, поскольку убежден, что реформаторская церковь менее погрязла в догматах. Протестантизм в любом случае на шаг ближе к Разуму. Но в то же время я представляю себе бедных прихожан, рабочий люд, которые изо дня в день заняты изнурительным трудом и чья жизнь проходит среди мерзких фабричных стен. Их жизнь лишена даже намека на прекрасное. И я понимаю их желание приблизиться к чему-то, не пораженному уродством, удовлетворяющему стремление к чуду, к чему-то, хоть как-то приближенному к «всемирной Красоте». Мне было бы трудно лишить их этого, даже если это выражается в сжигании еретиков, ношении ряс и в прочих предрассудках. Вообще люди, которые много думают о загробной жизни, редко понимают ее. Человек должен использовать разум. Суеверие редко способствует развитию. Короче говоря, католицизм (да и все религии, если угодно, но католицизм в особенности) – всего лишь приятный наркотик, который может унять боль и прогнать тревогу, но сдерживает рост и подрывает силы. А поскольку улучшение британской породы – моя цель в жизни как политика, я не допущу слишком большого потворства религии, если смогу препятствовать этому без нарушения другого великого принципа – Свободы».

В начале 1899 г. Черчилль из Индии прислал матери кусок своей новой книги. Он был посвящен чтимому дервишами пророку Махди, который в детстве остался сиротой. «Одинокие деревья, – писал Черчилль, – если вырастают, то вырастают крепкими. И мальчик, лишенный отцовской заботы, если ему удается избежать опасностей юности, зачастую развивает независимость и силу мысли, которые с большой силой могут проявиться в будущем после тяжелых уроков в юные годы».

Черчилль писал матери и о британской политике: «Чемберлен серьезно сдает позиции. Я инстинктивно чувствую это. И знаю, что прав. У меня нюх на такие вещи. Возможно, это наследственное». В феврале он получил письмо от Роберта Эскрофта, депутата парламента от Олдема – избирательного округа, который направлял двух депутатов в Вестминстер. Эскрофт просил Черчилля выступить вместе с ним на следующих

всеобщих выборах вместо другого члена Консервативной партии, который собирался подать в отставку по болезни. Черчилль согласился. Тем самым воплощение мечты о парламенте стало на шаг ближе. Через месяц он осуществил свою последнюю мечту в Индии, сыграв в межполковом турнире по поло, причем перед этим он вывихнул плечо, и руку приходилось привязывать к телу. Команда Черчилля выиграла турнир. Из ее участников Альберт Савори позже погибнет в Англо-бурской войне, Реджинальд Барнс дослужится до звания генерала, Реджинальд Хор – до бригадира, и оба доживут до того времени, когда Черчилль станет премьер-министром.

В третью неделю марта Черчилль покинул Индию и отправился в Лондон. Нога его больше никогда не ступит на эту землю. Он был уверен, что поступил правильно, отказавшись от армейской службы. «Если бы армия была для меня во всех смыслах выгоднее, – писал он своей бабушке Мальборо на пути домой, – я бы еще подумал, не продолжить ли службу. Но я могу жить дешевле и зарабатывать больше как писатель или журналист. Эта работа намного ближе мне по духу и с большей вероятностью поможет в достижении более важных целей в жизни. Тем не менее расставаться было тяжело. Очень жаль было прощаться с друзьями и в последний раз надевать форму с медалями».

По дороге в Англию Черчилль на две недели остановился в Египте. Он решил побеседовать с теми, кто мог быть полезен ему в работе над книгой. «Возможность описать в книге войну как тяжелую работу, а не просто поверхностно критиковать ее, – писал он матери, – слишком важна, чтобы не воспользоваться ею». В Каире он три раза встречался с британским представителем лордом Кромером. Каждая беседа длилась более полутора часов. Черчилль выяснил многое о Судане и гибели Гордона. Лорд Кромер также представил его хедиву Аббасу Холми, официальному правителю Египта. «Его поведение, – вспоминал впоследствии Черчилль, – напоминало поведение школьника, которого привели знакомиться с другим школьником в присутствии директора».

Письма, посланные посылал матери из Каира, Черчилль диктовал. «Когда я диктую письма, – пояснял он, – они получаются простыми и естественными, и кроме того, мне кажется, это хорошая тренировка беглой устной речи. Я диктую их стенографистке так быстро, как только она успевает записывать, и получается гладко».

В середине апреля Черчилль вернулся в Лондон. Вскоре после

этого скончалась его бабушка, герцогиня Мальборо. Но он не допускал и мысли, что траур может помешать его политической деятельности. Черчилль выступил не только в Олдеме, но еще и в Паддингтоне и Кардиффе. 2 мая, во время званого ужина, на котором присутствовали Асквит и Бальфур, последний, как писал Черчилль матери, был с ним «предельно любезен, внимательно слушал и со всем соглашался».

Черчилль собирался баллотироваться от Олдема на ближайших всеобщих выборах примерно через год. Но 19 июня умер Эскрофт, и были объявлены внеочередные выборы. За шесть дней Черчилль подготовил предвыборное обращение. Он называл себя консерватором и одновременно тори-демократом. «Я считаю улучшение условий жизни британского народа главной задачей правительства. В случае избрания собираюсь лоббировать законы, которые будут способствовать развитию экономики, от чего зависит благосостояние государства. А от этого, – говорил он, – в свою очередь, зависит уровень жизни в каждом английском доме. Кроме того, посредством принятия законов я стремлюсь к лучшему обеспечению пожилых бедняков». Черчилль собирался бороться против гомруля – этой, как он говорил, «одиозной меры». Что касается торговли спиртным, он был за умеренность, но против насильственного насаждения трезвости путем лишения лицензий общественных заведений; в международной политике считал правильным продолжать курс Солсбери, обеспечивающий господство на морях и безопасность границ империи.

Избирательная кампания шла активно. «У меня хорошо получается, – написал Черчилль кузену Санни в самом начале. – Я считаю всех, кто задает мне вопросы. Сколь бы радикальной ни была аудитория, меня всегда встречают с большим энтузиазмом, но в то же время настроения явно против партии тори, и у меня складывается впечатление, что мы проиграем. Наша штаб-квартира присылает из Лондона тупых ораторов, а у либералов гораздо лучше и плакаты, и пропаганда».

В последние дни кампании Черчилль выступал по восемь раз за день. «Сейчас я вынужден постоянно выступать, – рассказывал он Памеле Плоуден. – К чему бы это ни привело, я никогда не забуду огромных залов, битком набитых возбужденными людьми. Выступление за выступлением, встреча за встречей; три, даже четыре за вечер. Мои речи становятся раз за разом лучше. Я практически не повторяюсь. На каждой встрече я ощущаю растущую силу и возможности слова».

Подсчет голосов происходил 6 июля. «Что касается мистера Черчилля, – сообщала Manchester Courier, – он спокойно наблюдал за подсчетом. Улыбка играла на его лице, а результаты

выборов его не расстроили». Черчилль и его коллега от консерваторов проиграли, но результаты оказались почти равными. Кандидаты от Либеральной партии набрали по 12 976 и 12 770 голосов соответственно, Черчилль – 11 477, а его партнер, местный тред-юнионист, 11 449. За попыткой Черчилля пройти в парламент следили все главные действующие лица британской политики. «Уинстон боролся блестяще, но его округ отличается непостоянством», – написал премьер-министр лорд Солсбери леди Рэндольф. Она также получила письмо от Асквита – либерала, при котором позже ее сын займет высокий пост. «Хороша была борьба Уинстона в Олдеме, – писал он. – Она принесла ему признание».

Бальфур, будущий лидер партии Черчилля, а затем его оппонент, написал ему: «Очень надеюсь увидеть тебя в парламенте, где мы с твоим отцом в минувшие годы бок о бок выдержали не одну битву. Не переживай, все будет хорошо. Это временное поражение не окажет воздействия на твое политическое будущее». Действительно, участие в выборах, несмотря на поражение, было полезно. «Я теперь гораздо легче говорю без подготовки», – рассказывал Черчилль другу.

Черчилль хотел посвятить свою новую книгу лорду Солсбери, и тот ответил согласием на его просьбу об этом. «Я не забыл вашей доброты, – написал Черчилль, – того, что вы помогли мне принять участие в последней кампании». 9 августа, когда Черчилль писал это письмо, он не думал о дальнейшей военной деятельности. Но уже месяц спустя, в письме одному политику из Бирмингема, который просил его выступить, сообщал: «Предполагаю, в ноябре начнется война в Трансваале, и тогда я поеду туда военным корреспондентом». А еще через пять дней Черчилль получил телеграмму от Daily Mail, в которой ему предлагали отправиться их собственным корреспондентом в Южную Африку. Он незамедлительно отправил телеграмму своему другу Оливеру Бортвику в Morning Post, рассказав о Daily Mail и предложив свои услуги также и Morning Post – на четыре месяца за 1000 фунтов с оплатой всех расходов. Эта сумма была эквивалентна 40 000 фунтам по курсу 1990 г. Условия были приняты.

Чемберлен согласился дать рекомендательное письмо к сэру Альфреду Милнеру, британскому губернатору Капской колонии, который был намерен покончить с независимостью двух бурских республик – Трансваалем и Оранжевой. Переговоры между Милнером и руководителями этих республик затянулись. Ни одна из сторон не была готова к компромиссу. Война казалась неминуемой. Черчилль был занят подготовкой к отъезду. У него

возник необыкновенный план: он хотел взять с собой кинокамеру и оператора, чтобы снять фильм о войне. По его расчетам, на это требовалось 700 фунтов. Молодой член парламента Мюррей Гатри, его свойственник, согласился предоставить половину этой суммы.

6 октября Черчилль написал формальное заявление о зачислении в Британский добровольческий кавалерийский полк. В письме он просил рассмотреть его заявление как можно скорее: «Я отплываю в Южную Африку 14 октября, и для меня имеет значение получить статус офицера прежде, чем начнется война». Впрочем, письмо он не отправил, выяснив, что легче будет получить назначение на месте, поскольку один из друзей отца служил адъютантом в 9-й добровольческой бригаде. Но сначала он должен был увидеть боевые действия не как офицер, а как журналист. В тот же день, 6 октября, он отремонтировал свою подзорную трубу, полевой бинокль и купил компас. Он также договорился о том, чтобы на борт доставили восемнадцать бутылок виски и двенадцать бутылок сока лайма.

9 октября буры выдвинули Британии ультиматум с требование вывести войска с территории республик. Ультиматум остался без ответа, и 12 октября прозвучали первые выстрелы, ознаменовавшие начало войны. В этот день Черчилль ездил в Олдем на свою последнюю встречу с общественностью. Он не расстался с надеждой победить либералов на следующих выборах, когда бы они ни состоялись. Через два дня в Лондоне он узнал, что одна американская кинокомпания уже отправила съемочную группу в Южную Африку. В тот же день он отправился поездом в Саутгемптон. Из поезда он написал Гатри: «По-прежнему рассчитываю снять фильм. Не сомневаюсь, что смогу получить весьма интересные кадры, если не помешают какие-либо неожиданности. Но конкуренция с американцами – это большой финансовый риск, и опасаюсь, все кинотеатры будут связаны с этой американской компанией».

Ранним вечером в сопровождении бывшего отцовского слуги Томаса Уолдена Черчилль отправился из Саутгемптона в Кейптаун. Там уже начиналась его третья за два года война.

Глава 7
Южная Африка – приключения, плен, побег

Пароход «Даноттар Касл» с генералом Буллером, его штабом и корреспондентами газет прибыл в Кейптаун 31 октября 1899 г. после семнадцати дней плавания. По прибытии Черчилль отправился на встречу с губернатором Капской провинции сэром Альфредом Милнером, который сообщил ему, что буры поставили под ружье гораздо больше людей, чем ожидалось, и что вся Капская колония готова к восстанию.

Тем же вечером Черчилль с коллегой, корреспондентом Джоном Аткинсом, поездом выехали из Кейптауна. Они собирались пересесть на пароход, а потом снова на поезд, чтобы попасть в Ледисмит, который вот-вот могли захватить буры. На следующий день они узнали, что под Ледисмитом попали в плен 1200 британских солдат. Стало ясно, что нужно торопиться. Прибыв в Де-Ар, они успели на последний поезд, уходивший в Ист-Лондон на берегу Индийского океана. Продвижение буров к Де-Ару только начиналось. В какой-то момент им сообщили, что буры на расстоянии всего сорока километров.

«Мы очень недооценили мощь и силу духа буров, – писал Черчилль матери. – Впрочем, мы на четверо суток опередили других корреспондентов. Уверен, я уцелею для грядущих событий».

Как только поезд прибыл в Ист-Лондон, Черчилль с Аткинсом поспешили в Дурбан, намереваясь оттуда приехать в Ледисмит по железной дороге. Они сели на маленькое каботажное суденышко. Переход был ужасен. Аткинс позже вспоминал: «Мы оба сильно страдали от морской болезни». В Дурбан судно пришло в полночь 4 ноября. Черчилль был поражен, обнаружив на борту госпитального судна Реджинальда Барнса, получившего в одной из первых стычек пулевое ранение в пах. Он также узнал, что Ледисмит отрезан от Дурбана, что в городе остаются сэр Джордж Уайт со своими войсками и что генерал Буллер, хотя и получивший приказ срочно освободить Ледисмит, появится в Дурбане не раньше чем через три дня.

Буллеру нужно было несколько дней для подготовки к отправке военного имущества по железной дороге. Черчилль и Аткинс решили ехать самостоятельно. Утром 5 ноября они

первым же поездом отправились в Питермарицбург. На путь в сто километров ушло четыре часа. Впрочем, добравшись, они узнали, что линия на север больше не работает. Всегда находчивый, Черчилль нанял специальный поезд и дал распоряжение машинисту подъехать как можно ближе к Ледисмиту. Добравшись до Коленсо, откуда до места назначения было несколько километров, выяснилось, что железнодорожная ветка перерезана. Ледисмит находился в осаде.

«Мы рванули из Коленсо, – написал Черчилль сэру Ивлину Вуду, – подгоняемые 12-фунтовой пушкой». Корреспонденты вернулись в Эсткурт, на предыдущую станцию той же ветки, которую обороняли два батальона британских войск. В письме Вуду Черчилль назвал этот городок «никуда не годной чашкой среди холмов».

«Мы поставили палатки на сортировочной станции в Эсткурте, – написал Аткинс. – Нашли хорошего повара. У нас было немного хорошего вина. Каждый вечер мы к обоюдному удовольствию развлекали наших друзей». Черчилль критически оценивал деятельность британских военных властей в Южной Африке. «Поразительно, насколько мы недооценивали этих людей, – написал он сэру Ивлину Вуду из Эсткурта. – В плен к бурам попало вдвое больше солдат, чем погибло, – не самое приятное соотношение. Думаю, следует наказывать тех командиров, которые сдаются в плен со своими подчиненными».

6 ноября в Лондоне вышла из печати «Война на реке», а уже через два дня Черчилль вернулся в Коленсо как пассажир специального бронепоезда, который изготовили сами военные. В поезде были платформа с корабельной девятидюймовой пушкой, которую обслуживали моряки, бронированные платформы для пехоты, паровоз, тендер и платформа с ремонтной бригадой и путевыми рабочими, которые были нужны, чтобы в случае необходимости восстанавливать разрушенный путь.

Прибыв на место, они увидели воздушный шар. Его подняли солдаты осажденного Ледисмита, чтобы следить за передвижениями буров. Поезд остановился на расстоянии менее километра от Коленсо. Черчилль в сопровождении офицера и сержанта пошли пешком в брошенные британцами окопы на окраине, а потом вошли в город. Буров нигде не было видно. «На окраине города, – как сообщал вечером Черчилль в депеше для Morning Post, – несколько местных жителей, встревоженные появлением поезда, подняли на палке белый флаг и размахивали им». Поезд продвинулся еще немного на север, после чего без происшествий вернулся в Эсткурт.

9 ноября, уже верхом с отрядом британцев, Черчилль вернулся на окраину Коленсо. Там они с Аткинсом поднялись на холм, чтобы осмотреть другой берег реки. Их силуэты четко выделялись на фоне неба. Внезапно их окружили вооруженные всадники. «Попались, кажется», – сказал один из них. Но к счастью, это был британский сержант. Журналисты предъявили документы, и конфликт был исчерпан. «Сержант выглядел разочарованным, – написал Черчилль в Morning Post, – но удовлетворился тем, что его сфотографировали для лондонских газет».

Вернувшись в Эсткурт, Черчилль писал Ивлину Вуду: «Было страшно ездить вдоль передовой, хотя я все-таки это делал. Но теперь с нетерпением жду прибытия армии, которая расчистит путь. Ледисмит полностью блокирован, британская кавалерия заперта. Даже железнодорожная ветка небезопасна. Если генерал буров Жубер решит оставить крепкую позицию на реке Тугела и наступать на Эсткурт, нам придется бежать».

Командующий в Эсткурте, опасаясь, что в случае нападения буров не сможет удержать позиции, решил отвести части в направлении Питермарицбурга. Вечером перед запланированным отступлением он ужинал с Черчиллем и Аткинсом в их палатке. Черчилль был убежден, что в отступлении нет необходимости. Как позже вспоминал Аткинс, «ужин проходил под непрерывный лязг полевых орудий, загружаемых на платформы. За ужином Уинстон с уверенностью, которой я отчасти завидовал, но которую не совсем одобрял, утверждал, что Жубер, скорее всего, слишком осторожен, чтобы сейчас выступить, что он, несомненно, доволен своей прочной позицией на Тугеле, что будет жаль указать ему путь на Марицбург и так далее».

Ужин закончился, и командующий ушел. «Вскоре после этого, – заметил Аткинс, – лязг, который на время затих, послышался вновь. Пушки стали снимать с платформ. Уинстон просиял. «Это я сделал!» – воскликнул он. Потом милостиво поправился: «Это мы сделали». Соответствовало ли это действительности, мы никогда не узнаем. Возможно, командующий действовал, исходя из какой-то свежей информации. Но, по крайней мере, Уинстон приложил усилия».

На девятый день пребывания в Эсткурте капитан Эйлмер Холдейн, друг Черчилля по индийской кампании, получил приказ взять бронепоезд и на рассвете 15 ноября отправиться на разведку в сторону Коленсо. Позже в официальном рапорте Холдейн написал, что, получив приказ и выходя из штаба, заметил Черчилля, который вместе с несколькими другими

журналистами бродил неподалеку в надежде добыть информацию для газет. Холдейн сообщил Черчиллю о полученном приказе и, зная, что он уже ездил на этом поезде и ему было кое-что известно о территории, по которой лежал путь, предложил ему на следующий день присоединиться к ним.

Черчилль, который уже два раза совершил подобную поездку, поначалу засомневался, но в конце концов согласился. Этот день окажется одним из самых судьбоносных в его жизни. Бронепоезд с отрядом в 150 человек вышел из Эсткурта в 5:10 утра в направлении Коленсо. Через час и десять минут он пришел на станцию Фрер. «Противника не вижу», – сообщил Холдейн в Эсткурт. После пятнадцатиминутной остановки он отдал приказ продолжать движение к Чивли, которого достигли в 7:10 утра. Выяснилось, что буры провели там всю ночь.

Из Эсткурта пришел ответ, в котором говорилось, что к западу от железной дороги замечено около пятидесяти буров, движущихся на юг. Холдейну теперь предписывалось оставаться во Фрере, наблюдать и обеспечить безопасный отход. Он немедленно распорядился направить поезд из Чивли обратно во Фрер. Затем, как он написал позже, «на вершине господствующей высоты внезапно появился противник с артиллерией на расстоянии примерно полукилометра. Один снаряд попал в паровоз».

Машинист Чарльз Драйвер, надеясь прорваться, дал полный ход. Поезд помчался под уклон. В километре от Фрера уклон закончился, но в этот момент платформа с ремонтниками и две бронированные платформы, которые оказались впереди паровоза, сошли с рельсов. Выяснилось, что буры подложили на рельсы огромный валун.

В результате крушения одна из платформ опрокинулась и перегородила путь. «Черчилль, который находился на другой платформе, рядом с артиллерийской, – записал Холдейн, – предложил свою помощь. Зная, что на него можно полностью положиться, я с радостью согласился, а сам занялся подавлением огня вражеской артиллерии, пока он старался расчистить путь».

Спрыгнув с бронированной платформы, Черчилль побежал к трем сошедшим с рельсов платформам и дал распоряжение солдатам убрать их с пути. Это было сделано с помощью машиниста, которому Черчилль подсказал, как и куда подавать паровоз, чтобы столкнуть с рельсов поврежденную платформу. Вагнер был ранен в лицо осколками шрапнели. Позже он расскажет денщику Черчилля Уолдену, что после ранения обратился к Черчиллю со словами: «Мне конец». На что тот ответил: «Выше голову, старина, я с тобой».

«Я боялся, что машинист в панике и не сможет управлять локомотивом, – напишет Черчилль принцу Уэльскому две недели спустя. – Но когда я сказал ему, что, если он справится, его наградят за мужество, он взял себя в руки и под моим руководством вернулся на свой пост». Пока Черчилль, машинист и солдаты занимались этим нелегким делом, британцы открыли огонь по бурам из корабельной пушки. Она успела сделать четыре выстрела, после чего в нее попал снаряд. Холдейн приказал артиллерийскому расчету укрыться на бронированной платформе, откуда, как он доносил, «велась непрерывная стрельба по пушкам противника, что существенно мешало им вести прицельный огонь».

Двое буров были убиты. Тем временем Черчилль с солдатами под непрерывным огнем пытались убрать три сошедшие с рельсов платформы. Четыре солдата при этом погибли, тридцать получили ранения. Позже Черчилль узнал от командующего артиллерией буров, что их тяжелые пушки в среднем выпускали по тридцать снарядов в минуту каждая. «Когда понимаешь, что дистанция была примерно в километр, – рассказывал он принцу Уэльскому в письме, написанном две недели спустя, – можно представить, какому обстрелу мы подверглись и какой звон стоял от шрапнели, бьющей в броню платформы».

«В течение часа, – писал Холдейн в официальном рапорте, – усилия освободить путь ни к чему не приводили. Тяжелые платформы сцепились между собой, бригаду ремонтников никто не мог найти, но Черчилль с неослабевающим упорством продолжал свое дело. Именно ему принадлежит основная заслуга в освобождении пути от сошедших с рельсов платформ. При этом он часто оказывался под огнем противника. Его доблестное поведение невозможно переоценить».

Один из солдат бронепоезда, рядовой Уоллс, через месяц отправил письмо сестре, которая переслала его леди Рэндольф. Он, в частности, написал: «Черчилль – отличный парень. Он ходил под огнем так спокойно, словно ничего вокруг не происходило, и призывал добровольцев помочь убрать с дороги платформу. Его самообладание и все поведение были полезнее усилий пятидесяти человек».

Усилия Черчилля увенчались успехом. Путь был расчищен. Примерно в 8:30 утра паровоз смог продвинуться вперед. Но Черчилль предложил сдать назад к платформам, которые оставались на рельсах, чтобы подцепить их и забрать раненых. Оказалось, что сцепка повреждена бурским снарядом. «Тогда, – рассказывал потом машинист Вагнер, – Черчилль бросил на землю пистолет и бинокль и стал помогать раненым садиться

в тендер. Я видел, как он помогал им. Он был совершенно спокоен и при этом пахал как негр. Непонятно, как он не пострадал, ведь в паровоз попало не меньше пятидесяти снарядов».

Погрузив раненых, Черчилль дал указание машинисту, которого позже рекомендовал представить к медали, на малой скорости вести паровоз с тендером в сторону Фрера. По пути они заметили еще нескольких раненых. Черчилль сумел взять и их. «Он вел себя как настоящий храбрец, – рассказывал один офицер через два дня газете Natal Witness. – Таких еще поискать».

Паровоз и тендер, битком набитый ранеными, двигался в сторону Фрера. Черчилль ехал с ними. «Убедившись, что движению паровоза ничто не препятствует, – писал позже рядовой Уоллс сестре, – он проехал с нами меньше километра, после чего спокойно слез и пошел назад помогать другим раненым. Убедившись, что ими есть кому заняться, Черчилль отправился пешком к месту аварии, чтобы помочь капитану Холдейну». Холдейн же тем временем старался перевести свои пятьдесят человек в близлежащий амбар, чтобы оттуда продолжать бой. Но тут два британских солдата подняли над головой белые носовые платки. Увидев сигнал капитуляции, буры прекратили стрелять и поскакали в их сторону.

Холдейну ничего не оставалось, кроме как сдаться со своими людьми. В это время Черчилль все еще шел вдоль рельсов к месту крушения. Но дойти ему не удалось. Пройдя метров двести, ему показалось, что он видит двух дорожных рабочих. Но он ошибся – эти двое оказались бурами, которые тут же навели на него винтовки. Он побежал обратно к паровозу. «Буры стреляли, пока я бежал вдоль рельсов, – вспоминал он позже. – Пули свистели буквально в нескольких сантиметрах от меня. На пути оказалась траншея глубиной около двух метров. Я спустился в нее, но это было плохое укрытие. Единственное, что давало мне шанс, – это скорость. Я метнулся вперед. Снова две пули пролетели рядом, не задев меня».

Он выбрался из траншеи и прополз под проволочным ограждением. Затем обнаружил небольшую ложбину и заполз в нее, пытаясь отдышаться. Выглянув, он увидел в двухстах метрах крутой берег реки. «Там можно было укрыться, – писал он. – Я встал, собираясь совершить рывок к этому берегу. Но вдруг увидел всадника, несущегося ко мне во весь опор». С расстояния сорока метров бур, лейтенант Остхайзен, прокричал что-то, но Черчилль его не понял. «Я был готов убить его, – вспоминал он позже. – После всего пережитого мне очень хотелось это сделать». Черчилль положил руку на ремень,

пытаясь нащупать пистолет. Но пистолета не было: он забыл, что, помогая машинисту, бросил его. Бур держал Черчилля на прицеле. Он поднял руки – и стал пленным.

Солдаты, вернувшиеся во Фрер, тепло отзывались о Черчилле. О его смелости писали на первых полосах газет. Художники рисовали, как он помогает починить паровоз. В ряде газет написали, что он достоин Креста Виктории. Уолден из Питермарицбурга писал леди Рэндольф: «С сожалением сообщаю, что ваш сын попал в плен. Но я почти уверен, что он не ранен. Я приехал в Питермарицбург, собрал все вещи мистера Уинстона и стал ждать его освобождения. Все офицеры в Эсткурте считают, что Ч. и машинист получат КВ».

Не было еще и десяти утра, когда пленных окружили. Позже Черчилль говорил Аткинсу: «Это было величайшим унижением в моей жизни!» В одной из газетных статей, написанной через пять месяцев, он рассказал, как под конным эскортом буров вели его, «несчастного пленника, бросающего жадные взоры в сторону воздушного шара над Ледисмитом». Пленные двое суток шли пешком до небольшой железнодорожной станции. В ожидании поезда на Преторию Черчилль предъявил удостоверение журналиста и поинтересовался, нельзя ли сообщить про него начальству. После этого его заперли в билетной кассе.

Поездка в Преторию заняла почти сутки. В столице офицеров разместили в здании школы, реквизированном под тюрьму для военнопленных. «Поскольку я был совершенно безоружен и имел при себе удостоверение корреспондента, – написал Черчилль матери, – не представляю, зачем они меня задерживали». Но буры не собирались отпускать его. Генерал Жубер отправил телеграмму государственному секретарю: «Хотя Черчилль и заявляет, что был всего лишь корреспондентом, из газетных отчетов о боевых действиях выясняется совершенно противоположное. Именно благодаря его активному участию одной секции бронепоезда удалось скрыться. Его нужно тщательно охранять, ибо он представляет опасность и может принести нам большой вред. Его нельзя отпускать до окончания войны». Буры испытывали особенную досаду оттого, что не удалось захватить бронепоезд, поскольку к югу от Ледисмита у них не было ни одного.

На четвертый день пребывания в плену Черчилль начал давление на бурские власти, написав непосредственно военному министру Луису де Соузе. Он также рассчитывал на помощь из дома. «Уверен, ты сделаешь все, что в твоих силах, чтобы

обеспечить мое освобождение», – написал он матери из Претории 18 ноября. Плен он назвал «новым опытом» – таким же, как интенсивный артобстрел. Не получив никакого ответа на формальную просьбу об освобождении, 21 ноября он опять написал де Соузе, интересуясь, каковы намерения бурского командования относительно его. Он очень обеспокоен невозможностью продолжать журналистскую деятельность, поскольку удерживается уже шесть суток. Безусловно, полагал он, бурам не повредило бы, чтобы войну освещал человек, испытавший на себе их хорошее отношение.

Через пять дней Черчилль написал третье письмо де Соузе. Он вновь отрицал свое активное участие в обороне бронепоезда, хотя признавал: «Естественно, я делал все, что мог, чтобы выбраться из столь опасной ситуации и сохранить свою жизнь. В этом смысле мое поведение ничем не отличалось от поведения гражданских дорожных рабочих и служащих железной дороги, которые уже освобождены вашим правительством». В случае освобождения он готов был дать любое обязательство, которого может потребовать правительство Трансвааля. Даже при том, что очень хотел бы продолжить свою журналистскую деятельность, он соглашался, если потребуется, уехать из Южной Африки на время войны.

Предложение осталось без ответа. Капитан Терон, бурский офицер, присутствовавший при стычке у Фрера, возражал против освобождения Черчилля. Он сообщил де Соузе, что во время операции Черчилль собирал добровольцев и руководил ими, в то время как офицеры пребывали в растерянности. «Судя по сообщениям прессы, – говорил капитан, – теперь он заявляет, что не принимал участия в схватке. Это ложь. Он также отказывался подчиниться. Он сдался в плен только после того, как лейтенант Остхайзен направил на него винтовку». Терон добавил, что, на его взгляд, Черчилль – один из самых опасных военнопленных и не зря газеты Наталя делают из него настоящего героя.

Среди тюремщиков был один, находивший особое удовольствие в оскорблениях пленных, в том числе Черчилля. Однажды Черчилль подошел к нему и, напомнив, что «в войне может победить любая сторона», спросил, знает ли он, что может попасть в тяжелую ситуацию из-за своего отношения к пленным. «Почему?» – спросил тот. «Потому что британское правительство может наказать одного-двух в назидание другим», – ответил Черчилль. Больше этот человек не досаждал ни Черчиллю, ни другим пленным.

30 ноября Черчиллю исполнилось двадцать пять лет.

Он провел этот день в плену и писал письма. Одно – принцу Уэльскому, в котором заметил, что военнопленным разрешили записаться в Государственную библиотеку Трансвааля, «поэтому сейчас, несмотря на досаду, что нахожусь в стороне от событий, я получил возможность усовершенствовать свое образование». Его мысли, как он написал в тот же день Бурку Кокрейну, занимало объединение капиталов, против которого выступали многие американцы. «Капитализм в виде трестов и картелей, – пояснял Черчилль своему американскому другу, – достиг таких вершин власти, о которых старые экономисты даже не подозревали, и это вызывает у меня настоящий ужас. Если я смогу что-то сделать – им не царствовать в этом мире».

«Новый век, – писал Черчилль Кокрейну, – станет свидетелем великой войны за Личность. В тюрьме чертовски скучно. Тело заперто, в то время как происходят великие события, творится история, – история, которую, прошу заметить, я должен фиксировать. Сегодня мне 25. Страшно подумать, как мало остается времени!» Даже теперь, почти через пять лет после смерти отца, Черчилль не избавился от страха преждевременной смерти из-за наследственности. 8 декабря он написал еще одно письмо де Соузе, в котором подчеркнул: «Я не воевал против буров, я только помогал расчистить путь от обломков. Именно этим занимались путевые рабочие и ремонтная бригада. Их давно отпустили».

В письме Черчилль снова предлагал, если его отпустят, дать обязательство не выступать против республиканских сил и не давать никакой информации, могущей повлиять на военную ситуацию. Ответа он не получил. Через два дня он поинтересовался у Холдейна, нельзя ли ему присоединиться к задуманному тем побегу. По плану Холдейна он и старшина Броки, который был родом из Йоханнесбурга и говорил по-голландски, должны были перебраться через стену, находящуюся за уборной, в сад частного дома, и покинуть Преторию, передвигаясь только ночью, и преодолеть почти 500 километров до границы с португальским Мозамбиком.

Броки не хотел подключать к побегу третьего человека, тем более такого, чье отсутствие будет сразу замечено, но Холдейн согласился взять с собой Черчилля, поскольку тот очень помог ему в Чивли. Побег был назначен на вечер 11 декабря. В этот день Холдейн записал в дневнике: «Черчилль в крайнем возбуждении, и всем понятно, что он собирается ночью сбежать». Днем они получили весть о двух поражениях британских войск. Стало ясно, что бежать надо срочно. «Вторая половина дня была ужасна, – записал Черчилль спустя

одиннадцать дней. – Никогда со школьных лет я так не волновался». Днем он пытался читать, но не мог сосредоточиться. Потом играл в шахматы и проиграл. Наконец стемнело, и без десяти семь они с Холдейном пересекли задний двор здания, направляясь к уборной. Броки последовал за ними через десять минут. «Охранники, однако, не дали нам шанса, – писал Черчилль. – Один из них стоял прямо напротив единственного подходящего участка стены. Мы прождали два часа, но даже пытаться было невозможно. С отвратительным чувством облегчения отправились спать».

12 декабря с театра боевых действий снова пришли плохие вести. «Как ты помнишь, – писал Черчилль Холдейну девять месяцев спустя, – я был за отчаянные действия, даже связанные с риском, а ты предпочитал терпеливо выжидать благоприятного случая». Он думал, днем сказал Черчилль Броки, что прошлой ночью тот перелезет через стену. «А почему не ты?» – поинтересовался Броки. «Хорош бы я был, – парировал Черчилль, – если бы перелез, а ты не смог последовать за мной?» – «Если бы ты перелез, – возразил Броки, – мы бы пошли за тобой, можешь не сомневаться». Днем напряженность между заговорщиками усилилась. Холдейн записал в дневнике: «Черчилль, который мерил шагами задний двор и чье возбужденное состояние было заметно другим пленным, сказал мне: «Мы должны бежать сегодня». Я ответил: «Мы непременно это сделаем, если подвернется случай».

«Я настаивал, – писал Черчилль двенадцать лет спустя, – что мы в любом случае должны совершить задуманное этой ночью». Днем ранее он написал пятое письмо де Соузе, которое положил под подушку. «Я не считаю, что ваше правительство вправе удерживать меня – корреспондента, не участвовавшего в боевых действиях. Поэтому я решил бежать», – так начиналось письмо. В нем он выразил благодарность за гуманное отношение республиканских войск к пленным и надежду на то, что, когда самая тяжкая и несчастная война наконец закончится, сложится ситуация, при которой не пострадают ни национальная гордость буров, ни безопасность британцев, и тем самым будет положен конец вражде двух народов. Заканчивалось письмо так: «Сожалею, что обстоятельства не позволяют мне лично попрощаться с вами. Искренне ваш, Уинстон С. Черчилль».

Как только стемнело, Холдейн с Черчиллем направились к уборной. Там, как вспоминал позже Черчилль, они стали ждать возможности перелезть через стену, но после долгих колебаний так и не решились, посчитав, что это слишком опасно, и вернулись. На веранде сидел Броки. «Он оскалился, – записал

в дневнике Холдейн, – и заявил, что мы трусы, а он может бежать в любую ночь. Я ответил ему: «Тогда иди и попробуй». Броки направился к уборной. Шло время, он не возвращался, и Черчилль сказал Холдейну: «Я полез. Давай за мной через некоторое время». Черчилль пересек двор и оказался перед входом в уборную. Там он встретил выходящего Броки. Они опасались разговаривать в присутствии охранника. Броки, проходя мимо, пробормотал что-то невнятное.

«Я пришел к заключению, – писал Черчилль позже, – что мы можем потратить всю ночь в колебаниях, если так или иначе не решим вопрос сегодня. Как только охранник отвернулся, чтобы раскурить трубку, я подпрыгнул, ухватился за край стены и через несколько секунд благополучно свалился на землю с другой стороны. Там я присел в кустах и стал ждать, когда появятся другие». Позднее Черчилль утверждал, что Холдейн и Броки должны были перебраться через стену вслед за ним. «Наша договоренность заключалась в том, что я перелезу первым и буду ждать вас, – писал он Холдейну девятью месяцами позже. – Я прождал полчаса и стал сильно нервничать».

Ожидание было тягостным. «Я надеялся, что они появятся в любую минуту, – вспоминал он. – Находиться в саду было очень рискованно, укрытием мне служили лишь чахлые кустики без листвы. Люди ходили туда-сюда, в доме светились окна». Пока Черчилль ждал Холдейна и Броки, охранник два раза проходил на расстоянии шести-семи метров от него.

Вскоре ему стало ясно: что-то пошло не так. Потом он узнал, что Холдейн и Броки отправились в столовую ужинать. Пытаясь связаться с ними, Черчилль легким постукиванием привлек внимание одного офицера, зашедшего в уборную, и попросил того передать Холдейну, что он выбрался наружу и тот должен попытаться сделать то же самое как можно быстрее.

Еще через пятнадцать минут к уборной подошли Холдейн и Броки. Холдейн попытался взобраться на стену, но охранник увидел его и навел винтовку. Холдейну было приказано вернуться в главное здание.

Черчилль продолжал ждать в саду без компаса, без карты, без денег. Он зависел от Броки, ведь без него он не мог общаться с теми, кто встретился бы ему на долгом трехсоткилометровом пути через Трансвааль. Прошел час. Затем Черчилль услышал стук. Это был Холдейн. Он сказал, что попытался бежать, но был задержан охранником, и тот занял теперь такую позицию, что у них с Броки нет ни малейшей возможности последовать за Черчиллем этой ночью.

Черчилль решил было вернуться, но со стороны сада

перелезть через стену было гораздо сложнее. Обойти здание и сдаться означало подвергнуться допросу и навсегда лишиться возможности спасения. Он шепотом сообщил Холдейну о безнадежности своего положения. Добраться до границы необнаруженным не представлялось возможным. «Мы с Холдейном шепотом обсудили ситуацию через щель в ржавой железной изгороди, – писал он позже. – Он согласился, что вернуться мне никак нельзя и что я должен идти один. Он был в отчаянии оттого, что ему придется остаться».

«Если я правильно помню, – писал Черчилль Холдейну девять месяцев спустя, – ты предложил перебросить мне компас, но я отказался, опасаясь, что это наделает шума. Тогда ты просто попрощался со мной».

Черчилль понимал, что пешком такое огромное расстояние не преодолеть. Он решил воспользоваться железной дорогой, которая шла от Претории до португальского порта Лоренсу-Маркиш на берегу Индийского океана, прячась в товарных вагонах. Покинув сад, он вышел через ворота на улицу мимо охранника, который стоял на дороге в считаных метрах от него. Светила луна; через равные промежутки горели фонари на столбах. Он пошел посередине улицы в направлении, которое, как он полагал, было кратчайшим путем к станции. К счастью, на нем была гражданская одежда – коричневый пиджак и брюки. «По улице шли люди, – написал он, – но никто со мной не заговорил».

Мыча под нос какую-то мелодию, Черчилль добрался до железной дороги. Осмотревшись, он решил, что лучше всего запрыгнуть на поезд, пройдя вперед метров двести от станции, когда состав еще не наберет ход. К тому же там был небольшой подъем с поворотом. Там его не смогли бы увидеть ни машинист, ни охранник. Когда состав приблизился, он запрыгнул на сцепку между вагонами и забрался на платформу, груженную мешками с углем. Поезд медленно шел на восток. Перед рассветом, опасаясь быть замеченным, Черчилль спрыгнул с платформы. Он оказался около Уитбэнка, небольшого шахтерского поселка в ста километрах к востоку от Претории. Он остался ждать под насыпью следующего ночного поезда. «Моим единственным компаньоном, – позже написал он, – был гигантский стервятник, который проявлял ко мне необыкновенный интерес и время от времени издавал отвратительные и угрожающие булькающие звуки».

Пока Черчилль прятался под насыпью, в Претории обнаружили побег. На поимку были брошены значительные силы. По Трансваалю распространили фотографию с описанием его

внешности: «Англичанин 25 лет, рост примерно метр семьдесят, среднего телосложения, при ходьбе немного сутулится, лицо бледное, волосы темно-русые, говорит в нос, не выговаривает букву «с», не говорит по-голландски, последний раз его видели в коричневом костюме».

Вечером, мучимый голодом и жаждой, Черчилль пошел от железной дороги в сторону огней, как ему казалось, местного крааля, в котором могли оказаться друзья. Однако это были огни угольной шахты. Он постучал. Какой-то человек открыл дверь. Черчилль спросил его: «Вы англичанин?» Тот, в свою очередь подозревая врага, навел на него пистолет и, не отвечая на вопрос, спросил, кто он такой. «Я доктор Бентинк, – ответил Черчилль. – Я упал с поезда и заблудился».

Человек приказал Черчиллю войти в дом и под дулом пистолета потребовал говорить правду. Немного поколебавшись, Черчилль неожиданно выпалил: «Я Уинстон Черчилль». К счастью, человек, которому он признался, оказался англичанином, Джоном Ховардом, управляющим угольной шахтой. «Слава богу, что вы пришли к нам! – воскликнул он. – Это единственный дом в радиусе тридцати километров, в котором вас не выдадут. Мы здесь все британцы, и мы вам поможем». Этим же вечером Ховард поделился секретом еще с четырьмя людьми, в том числе с горным инженером Дэном Дьюснапом. Они решили спрятать Черчилля в шахте. Затем Дьюснап, выходец из Олдема, пожал ему руку со словами: «В следующий раз все наши проголосуют за вас».

14 декабря в Лондон пришла телеграмма агентства Reuter, содержащая два слова: «Черчилль бежал». Пересылая копию леди Рэндольф, Оливер Бортвик написал: «Зная его, не сомневаюсь, что он понимает, что делает, и через несколько дней объявится в каком-нибудь английском лагере, чтобы написать новую главу своей книги».

Трое суток Черчилль оставался глубоко под землей. Буры везде разыскивали его и объявили награду в 25 фунтов – за живого или мертвого. «В шахте было полно белых крыс, – позже вспоминал Ховард. – Один раз, когда я навестил его, я обнаружил, что он в полной темноте, потому что крысы утащили свечу. В другой раз, когда он курил сигару, его по запаху дыма обнаружил мальчишка-африканец. Мальчишка пошел на запах, но, как только увидел мистера Черчилля, пулей метнулся назад и сообщил приятелям, что в этой части шахты завелся призрак. После этого мальчишки долгое время боялись даже подойти к этому участку».

После трех суток одиночного заточения Черчилль заболел.

В тайну пришлось посвятить врача, Джеймса Гиллеспи, который посоветовал вывести Черчилля на поверхность. Вечером 19 декабря Ховард и еще один англичанин, Чарльз Бернем, вывели его из шахты и спрятали среди тюков шерсти в железнодорожном вагоне, который Бернем грузил перед отправкой на побережье. Теперь у Черчилля был пистолет, два жареных цыпленка, несколько кусков холодного мяса, буханка хлеба, дыня и три бутылки холодного чая. Пистолет, полуавтоматический немецкий маузер, подарили ему друзья-шахтеры. Паровоз подтащил состав с шестью вагонами, в одном из которых скрывался Черчилль, к станции, где его подсоединили к поезду, идущему на побережье.

Черчилль продолжал скрываться среди тюков с шерстью. Поезд подошел к границе Трансвааля с португальской территорией. Там его отогнали на запасной путь, где он простоял восемнадцать часов. В какой-то момент к вагону, где прятался Черчилль, подошли несколько человек и начали обыскивать. «Я слышал шорох снимаемого брезента, – вспоминал он, – но, к счастью, они не стали копаться слишком глубоко». Затем поезд продолжил путь по португальской территории Африки. Черчилль вылез из-под тюков с шерстью, как только увидел название станции на португальском языке, и, по его собственным словам, «пел, кричал и ревел от радости во весь голос, а затем достал револьвер и два-три раза выстрелил в воздух».

Наконец поезд остановился в пакгаузе Лоренсу-Маркиша. Как рассказывал Бернем, «Черчилль выпрыгнул из вагона черный, как трубочист». Было четыре часа пополудни 21 декабря. Черчилль сразу же отправился в британское консульство. Консул послал телеграмму Милнеру: «Прошу сообщить родственникам, что сегодня прибыл Уинстон Черчилль».

В консульстве Черчиллю предоставили горячую ванну, выдали чистую одежду; он прекрасно пообедал и получил доступ к телеграфу – все, о чем можно было только мечтать. Среди телеграмм, которые он разослал этим вечером, была и телеграмма Луису де Соузе в Преторию, в которой он заверял того: «Ваши охранники не виноваты». Этот жест был продиктован желанием уберечь часовых от гнева начальства.

Читая газеты, которые дал ему консул, Черчилль впервые в полном масштабе смог оценить масштабы поражения британской армии, сравнимые лишь с Крымской войной, которая была полвека назад. Поражение потерпел и генерал Буллер, вынужденный отступить в Коленсо и снять осаду с Ледисмита.

Стремясь вернуться на фронт, Черчилль решил этим же вечером сесть на пароход, идущий в Дурбан. Впрочем, были

опасения, что симпатизирующие бурам жители Лоренсу-Маркиша могут попытаться похитить его и доставить обратно в Преторию. Чтобы не допустить этого, группа вооруженных англичан, живущих в городе, собралась в саду консульства и проводила его на пристань. Через четыре часа он уже находился на борту корабля.

«В каюте маленького пароходика, идущего вдоль песчаного африканского побережья, – сообщил Черчилль в Morning Post, – я пишу заключительные строки этого письма, и читатель, вероятно, поймет, почему я пишу их с ощущением триумфа, – и не просто триумфа, с ощущением огромной радости».

Пароход пришел в Дурбан днем 23 декабря. К своему удивлению, на пристани Черчилль обнаружил большую толпу народа, приветствовавшую его. Радостно возбужденная толпа сопроводила его к городской ратуше, где он рассказал о своем побеге и уверенно предсказал исход войны. «После часа суматохи, которой, честно говоря, я наслаждался безмерно, я отправился на поезд, – написал он. – Стремясь вернуться на фронт, чтобы присоединиться к британским войскам, я ехал в Питермарицбург той же самой железнодорожной веткой, на которой был взят в плен месяц назад».

Вечером Черчилль был гостем губернатора Наталя. На следующий день он продолжил путь к штабу Буллера. К его удивлению, штаб генерала располагался именно там, где попал в засаду бронепоезд. Был канун Рождества. Черчилль встретил праздник в хижине путейских рабочих всего в двухстах метрах от места своего пленения. «Вчера у нас появился Уинстон Черчилль, бежавший из Претории, – написал Буллер своему другу 26 декабря. – Он в самом деле отличный парень, и я искренне им восхищаюсь. Я бы хотел, чтобы он командовал нерегулярными частями, а не писал для какой-то паршивой газетенки. Нам очень не хватает хороших людей, а он как раз из таких».

В период военных неудач побег Черчилля принес ему известность во всей Британии. Все теперь читали его публикации в Morning Post. В тот месяц был популярен куплет:

Он сбежал из преисподней
И прославился в момент.
Все узнали, кто сегодня
Лучший наш корреспондент.

3 января 1900 г. британские газеты известили, что накануне Черчилль получил назначение в полк Южноафриканской легкой кавалерии. Он снова стал военным, кроме того, как он писал

матери, Буллер дал ему лейтенантство, не требуя отказаться от статуса корреспондента. Из этого можно было сделать вывод, что Черчилля уважали. Впрочем, в письме Памеле Плоуден от 10 января он утверждал, что Буллер «немногого стоит. Есть один великий полководец, – написал он, – но Военное министерство его не замечает. Это – сэр Биндон Блад». Черчилль также призывал мисс Плоуден «не унывать, не сомневаться в исходе войны и не позволять временным военным неудачам отравлять себе жизнь. Бурские республики, – добавил он, – истощились».

Буры демонстрировали потрясающую решимость к сопротивлению. Тем не менее во вторую неделю января Буллер все-таки форсировал Тугелу. В отчете об этом сражении для Morning Post Черчилль писал: «Мне часто доводилось видеть множество мертвых, убитых на войне – тысячи в Омдурмане, в других местах, черных и белых, но смерть бура вызывает самые мучительные чувства». Он рассказывал про пожилого мужчину «с суровым орлиным профилем и короткой бородкой, который продолжал стрелять до тех пор, пока не умер от потери крови. Рядом с ним лежал парень лет семнадцати, а чуть поодаль двое наших несчастных пехотинцев, с головами расколотыми как яичная скорлупа. Ах, ужасная война, – продолжал он, – поразительная смесь славы и грязи, ничтожности и величия. И если просвещенный человек еще может это осознать, то простому народу это практически невозможно».

За Тугелой Черчиллю довелось увидеть еще больше жестокостей. «Сцены на горе Спайон-Коп можно назвать самыми странными и самыми ужасными из всех, что я видел, – написал он Памеле Плоуден 28 января. – Сражение было нами проиграно. Смысла в нем было немного, но мы потеряли семьдесят офицеров и 1500 солдат. Я провел пять дней под непрерывным артиллерийским и ружейным огнем, и один раз пуля сбила перо на моей шляпе. Даже если бы я был просто журналистом, я бы сейчас не поехал домой. К добру это или нет, но это мой выбор и мой долг. Не знаю, увижу ли, чем это закончится, но я твердо уверен, что не покину Африку, пока все не решится».

Двумя неделями ранее Черчилль отклонил предложение сторонников консерваторов из Саутпорта стать их кандидатом на ближайших всеобщих выборах.

28 января в Дурбан прибыла леди Рэндольф в качестве владелицы госпитального судна «Мэн». Черчилль поспешил в Дурбан, чтобы встретиться с ней и привезти с собой брата Джека, уже офицера. Кузену Хью Фривену, который написал

о тяжелом настроении дома, Черчилль ответил 5 февраля с берегов Тугелы: «Не допускай, чтобы мать и друзья падали духом. Мы выполняем долг британских граждан, а всем остальным надо сохранять бодрость. Сегодня днем или завтра утром мы пойдем в решающее наступление на бурские позиции за Тугелой. Надеюсь и молюсь, чтобы ты вскоре услыхал хорошие вести».

В этом бою Джек был ранен в ногу. Его отправили в Дурбан, на госпитальное судно матери. «Бедняга Джек, – написал Черчилль Памеле Плоуден. – Вот пример каприза Фортуны. Был очень плотный огонь, пули десятками свистели в воздухе. Джек лежал, а я, который уже столько раз искушал судьбу, ходил не укрываясь. Однако ранило Джека. В этом бою я едва не погиб. Но хотя был в самой гуще, Бог пощадил меня. Теперь я стал задумываться, доживу ли до конца. Мимо меня шел бесконечный поток раненых. За последние два дня более тысячи человек. Эта война очень жестокая, но я верю, что мы проявим не меньшую решимость, чем наши противники. Впрочем, я спокоен и с каждым днем все меньше обращаю внимания на пули».

28 февраля лорд Дандональд с двумя кавалерийскими эскадронами готовился войти в Ледисмит. Он пригласил с собой Черчилля. В этом историческом рейде принял участие также Рональд Брук, один из друзей-сослуживцев Черчилля, чей брат Алан во Вторую мировую войну станет начальником Имперского Генерального штаба. «Мне никогда не забыть этого рейда, – написал Черчилль в Morning Post. – Вечер был приятен и прохладен. Конь подо мной силен и свеж. Мы неслись вперед. Гремели залпы нашей артиллерии. Внезапно впереди показался вооруженный пикет. «Стой, кто идет?» – «Колонна на помощь Ледисмиту». После этого из траншей и окопов, замаскированных в кустарнике, выскочила группа людей в лохмотьях. Они слабыми голосами приветствовали нас. Некоторые плакали. В сумерках они выглядели призраками – бледными и исхудавшими. Офицер размахивал шлемом и глупо смеялся. Высокий, крепкий колонист, встав на стременах, издал такой громкий приветственный вопль, что его, несомненно, должны были услышать в линии пикетов перед Ледисмитом».

Осада Ледисмита была снята. Вечером Черчилль ужинал с командующим обороной города сэром Джорджем Уайтом. Его отчет о вступлении в Ледисмит, появившийся в Morning Post, читался везде и был высоко оценен. Помимо описания радости от прорыва блокады, Черчилль опять выражал убежденность в том, что в Англии после победы необходимо укрепить дух

народа социальными реформами, направленными на улучшение жизни.

Среди тех, кто читал корреспонденции Черчилля из Южной Африки, был и Джозеф Чемберлен. Он отмечал их достоинства и желал автору дальнейших успехов и признания. Из Англии пришла весть о выходе из печати его романа «Саврола» (Savrola). Многие обозреватели высоко оценили батальные сцены. Manchester Courier назвала их «блестящими». Роман буквально расходился на цитаты, среди которых было определение вырождающегося империализма: «Наши нравы исчезнут, но наши принципы останутся».

На следующий день после прорыва блокады Ледисмита Черчилль отправил в Morning Post телеграмму с описанием парада в честь победы: «Это была процессия львов. Когда два батальона Девонского полка, оба покрытые славой, встретились, и старые друзья, ломая строй, ринулись друг к другу с криками и объятиями, восторг охватил всех, а я, размахивая шляпой с перьями, что-то кричал до тех пор, пока были силы – от радости, что дожил до этого дня».

Репортажи Черчилля получили широкое признание. Позже один офицер, в частном письме отозвавшись критически об отсутствии реального боевого опыта у большинства журналистов, работавших в Южной Африке, отметил: «Уинстон Черчилль – единственное исключение из многих. Он все видит своими глазами и слышит своими ушами». В Ледисмите Черчилль получил письмо от американского агента майора Джеймса Понда с предложением организовать тур выступлений в Соединенных Штатах. Черчилль тут же написал матери: «Надо не упустить этот случай. Выясни, действительно ли этот агент лучший, а если не он, то кто».

Помимо этого Черчилль решил написать пьесу о Бурской войне. Он рассказывал Памеле Плоуден, что хочет поставить ее осенью в Лондоне, в Театре ее величества. «Она будет правдива во всем, – писал он, – а сценические эффекты должны быть такими, чтобы публика буквально ощутила себя под огнем. Пьеса должна получиться очень эффектной, и я уверен, что с моим именем и с помощью хороших режиссеров она может иметь огромный успех. Я не сомневаюсь, что люди в ней будут говорить и действовать как на настоящей войне».

В этом письме Черчилль выражал сочувствие Памеле, которая потеряла на войне многих друзей. Корреспонденту, призывавшему его поберечь себя, он ответил: «Не думаю, что буры прилагают особые усилия, чтобы убить именно меня. Впрочем, даже если так, пока не могу поздравить их с успехом.

У них была для этого масса возможностей, но пока, слава богу, они не преуспели».

Многие из тех, кто сталкивался с Черчиллем, интуитивно чувствовали, что это человек поразительных способностей. «Горжусь знакомством с вами, – написал корабельный артиллерист капитан Перси Скотт, в то время бывший военным комендантом Дурбана. – Без всякой протекции вы сделали удивительную карьеру. Не сомневаюсь, наступит день, когда я пожму вам руку как премьер-министру Англии. У вас для этого есть два необходимых качества – талант и трудолюбие. Такое сочетание, по-моему, не знает преград».

Находясь в Ледисмите, Черчилль не переставал поражаться жестокости по отношению к бурам. «Я бы относился к бурам великодушно и терпимо, – говорил он, – вплоть до обеспечения средствами существования инвалидов войны и обездоленных женщин и детей». Мир должен быть достойным. «Мы не жаждем мести, – писал он в Natal Witness, – даже с учетом поражений в начале войны. Ничто не должно помешать достижению мира. Пока мы продолжаем вести боевые действия, мы одновременно должны дать возможность нашему противнику принять поражение достойно. Мы должны одновременно и уговаривать, и принуждать».

Черчилль сформулировал стратегию победителей в конце войны: «Нельзя доводить людей до отчаянья. Даже крыса, загнанная в угол, опасна. Мы стремимся к скорейшему установлению мира и меньше всего хотим, чтобы эта война стала партизанской. Те, кто требует око за око, зуб за зуб, должны задаться вопросом: стоят ли сомнительные достижения многих лет кровавой партизанской войны и неизбежного обнищания Южной Африки?»

«Нужно стремиться к коалиции и согласию между голландцами и англичанами, – писал Черчилль. – Не следует думать, что буры хорошо сражались, потому что были опьянены злобой и ненавистью». Реакция на его призыв к сдержанности, звучавший и в телеграммах в Morning Post, оказалась враждебной. «Уинстона жестоко критикуют за его пацифистские телеграммы, – написал Джек матери в начале апреля, вернувшись в Ледисмит. – В Натале все выступают против его взглядов».

Вскоре Черчилль узнал, что Холдейну удалось бежать, устроив подкоп. Он написал ему письмо с поздравлениями, в котором отметил, что эпизод с бронепоездом, в результате которого они оказались в плену, получил широкую огласку.

Теперь Черчилль решил просить разрешения присоединиться к армии, которая собиралась в поход через Оранжевую

республику в Трансвааль и Преторию. Позже он узнал, что лорд Робертс не хотел, чтобы он отправлялся в Оранжевую республику корреспондентом, полагая, что его присутствие будет неприятно лорду Китченеру из-за книги «Война на реке». Тем не менее Робертс не стал препятствовать ему.

В апреле Черчилль из Ледисмита поездом добрался до Дурбана, проехав то место, где попал в засаду бронепоезд. «Его обломки, – писал он в Morning Post, – до сих пор валяются там, где мы когда-то, рискуя жизнью, пытались расчистить путь». Из Дурбана Черчилль пароходом отправился в Ист-Лондон, оттуда поездом – в Кейптаун, потом другим поездом в Блумфонтейн – на фронт. Там он на сутки присоединился к разведчикам. Перед ними была поставлена задача отрезать отряд бурских ополченцев от господствующей высоты. Англичан было от сорока до пятидесяти человек. Буры оказались на месте первыми. Тем не менее был дан приказ атаковать. Буры открыли огонь. Черчилль вставил ногу в стремя, но лошадь, испуганная выстрелами, дернулась в сторону. Он попытался вскочить в седло, но оно соскользнуло. Животное безумным галопом понеслось прочь. Большинство разведчиков уже были довольно далеко, и Черчилль остался один, без лошади, рядом с бурами. До ближайшего укрытия более километра, единственное средство обороны – пистолет. Ранение в этой ситуации представлялось лучшей перспективой. Он, как уже не раз бывало, помчался от бурских стрелков. На бегу мелькнула мысль: «Ну, вот и мой черед».

Внезапно откуда-то сбоку выскочил один из разведчиков. Черчилль крикнул ему: «Подхвати!» Тот остановился, и Черчилль вспрыгнул на лошадь ему за спину. «Мы помчались, – писал позже он. – Я обхватил его сзади, пытаясь ухватиться за гриву. Рука моя оказалась в крови – лошадь была ранена. Пущенные нам вдогонку пули свистели над головой, но, к счастью, расстояние быстро увеличивалось». «Не бойся, – крикнул спаситель Черчиллю и стал причитать: – Бедная моя коняга, ее ранило разрывной пулей. Вот дьяволы! Но их час придет! Бедная моя коняга…» – «Да ладно, – ответил Черчилль. – Ты мне жизнь спас». – «А мне лошадь жалко!» – сказал солдат.

Через несколько мгновений Черчилль оказался в безопасности без единой царапины. «Мне опять выпали две шестерки», – написал он в корреспонденции для Morning Post, в которой также отметил, что кавалерист Чарльз Робертс, который спас ему жизнь, достоин Креста Виктории за мужество. Однако Робертс ничего не получил. Только в 1906 г., когда Черчилль стал заместителем министра по делам колоний,

он смог убедить власти наградить его медалью «За безупречную службу».

Черчилль понимал, как ему повезло. «Честно говоря, – писал он матери, – я никогда еще не был так близко к смерти». Вместе со своим двоюродным братом Санни и новым другом, герцогом Вестминстерским, Черчилль двигался в составе колонны генерала Гамильтона по направлению к Претории. В пути они потеряли убитыми нескольких человек. Черчилль сообщил матери, что их общий друг Джордж Брезер-Крейг «получил пулю в живот и скончался в муках».

Еще одному другу Черчилля, брату Рональда Брука Виктору, пуля раздробила руку. «Он очень приятный и умный парень, – писал Черчилль матери. – Очень симпатичный и смелый. Ты должна пригласить его на обед, отнестись к нему по-доброму ради меня и попросить какого-нибудь из своих знакомых генералов навестить его». Через четырнадцать лет Виктор Брук погибнет во Франции в начале Первой мировой войны.

Продвигаясь с армией Гамильтона по Оранжевой республике и своими глазами наблюдая все боестолкновения, Черчилль все же решил положительно откликнуться на неоднократные просьбы консерваторов Олдема выдвинуть свою кандидатуру на ближайших всеобщих выборах. С подобной просьбой к нему обращались еще несколько округов, но он остановил свой выбор на Олдеме. «Они умоляли меня не бросать их», – сообщил он матери 1 мая.

Тетушке Леони он написал две недели спустя: «Я пережил так много, что мне будет приятно пожить немного в мире и покое. Я был под огнем в сорока различных боях только в этой стране, и не перестаю думать, сколько еще можно испытывать судьбу. Впрочем, я хорошо переношу невзгоды. Мое здоровье и моральный дух никогда не были столь крепки, как сейчас, в конце седьмого месяца войны».

15 мая, пока Черчилль с войсками Гамильтона продвигался к Претории, в Лондоне вышла его четвертая книга. Она называлась «От Лондона до Ледисмита через Преторию» (London to Ladysmith via Pretoria) и была написана на основе первых двадцати двух корреспонденций в Morning Post. Через две недели после публикации он пережил новое приключение. Гамильтон в это время находился южнее Йоханнесбурга, а лорд Робертс – севернее. Город буры еще освободили не полностью. Стремясь как можно быстрее отправить отчет в Morning Post, Черчилль решил рискнуть и проехать через Йоханнесбург, чтобы успеть послать его из штаба Робертса. Гамильтон, оценив

смелость Черчилля, выдал ему на руки рапорт о сражении для передачи Робертсу. Один француз по имени Лотре, работавший на ближайшем золотодобывающем руднике, предупредил, что поездка через Йоханнесбург опасна, поскольку буры наверняка задержат любого, проезжающего через город на лошади. Он считал, что лучше ехать на велосипеде в штатской одежде.

Лотре предложил отправиться вместе. «Я снял форму, – рассказывал Черчилль читателям в следующем репортаже, – надел гражданский костюм, который был у меня в багаже, и сменил фетровую шляпу на кепку. Мы с Латре сели на велосипеды и покатили в Йоханнесбург. «Если нас остановят, – предупредил Лотре, – говорите по-французски». Мы ехали по городу. Группы хмурых людей беседовали на улицах и подозрительно смотрели на нас. Однажды с нами поравнялся вооруженный бур на лошади. Я взглянул ему в лицо, наши глаза встретились. Он равнодушно отвернулся, потом пришпорил лошадь и ускакал прочь». Проезжая по городу, Черчилль разговорился с тремя британскими солдатами, бродившими в поисках съестного. Он предостерег их от встречи с бурами, еще остававшимися в Йоханнесбурге. Солдаты повернули назад и проводили велосипедистов к британцам. Черчилль вновь избежал опасности. В штабе Робертса он доложил, что почти все буры покинули город. Вечером, после отправки телеграммы в Morning Post и передачи донесения Гамильтона, он был приглашен к Робертсу. «Как вы добрались?» – спросил главнокомандующий. Черчилль объяснил. «Его глаза блеснули, – вспоминал он позже. – Они блеснули от изумления или одобрения. Во всяком случае, по-доброму».

Йоханнесбург был занят, и британцы продолжили наступление на Преторию. 4 июня буры потерпели поражение на окраине столицы. На следующее утро, перед тем как основные силы британцев должны были войти в город, Черчилль и большая группа офицеров на лошадях двинулись вперед. Им пришлось остановиться у закрытого железнодорожного переезда. «Перед нами очень медленно, – вспоминал Черчилль, – два паровоза тащили длинный состав. Вагоны были набиты бурами. Из каждого окна торчали винтовки. Ошеломленные, мы смотрели друг на друга с расстояния метра в три. Случайный выстрел мог спровоцировать жуткое кровопролитие. Жаль было упускать поезд, но мы испытали неподдельное облегчение, когда последний вагон скрылся с глаз».

Дальше путь Черчилля лежал к зданию, в котором содержались британские пленные. Еще этим утром пятьдесят

буров охраняли тюрьму, в которой находилось 150 британских офицеров и 30 солдат. Один из пленных, Мелвилл Гудакр, записал в дневнике: «Около девяти утра внезапно на холм галопом взлетел Уинстон Черчилль, сорвал бурский флаг и под наши радостные возгласы водрузил британский».

«Махнув шляпой, я издал приветственный крик, – написал и Черчилль. – На него моментально откликнулись изнутри». Один из пленных вспоминал: «Тут же в помещении началась суматоха. Послышались хриплые крики, мы все, опережая друг друга, ринулись приветствовать своих спасителей. И первым, кого я увидел, подбежав к воротам, был Черчилль».

Через пять часов после освобождения пленных под салют своих победоносных войск в Преторию вошел Робертс. Теперь, когда Претория была взята, Черчилль написал матери: «Я предполагаю вернуться домой. Политика, Памела, финансы и книги требуют моего присутствия». Он также посоветовал брату, который оставался в действующей армии, вернуться в Англию: «Размышляя о незащищенности нашего острова, настойчиво рекомендую тебе служить в Лондоне».

Сам Черчилль продолжил движение с армией Гамильтона. 11 июня он оказался в самом пекле ожесточенного сражения, в «мышеловке под артиллерийским и ружейным огнем», – как сообщал он в телеграмме для Morning Post. Он только ничего не рассказал о собственном участии в сражении и даже не упомянул о нем в мемуарах, написанных тридцать лет спустя. Впрочем, через сорок четыре года после этого сражения Гамильтон опубликовал полный отчет, в котором отметил «проявленную Черчиллем отвагу в бою, которую, впрочем, так никогда полностью не оценили». Войска Гамильтона располагались у подножия высокого холма, вершину которого занимали буры. Эта позиция имела ключевое значение, но «никто, – написал он в рапорте, – этого не понял, пока Черчилль, прикомандированный к моей колонне, не поднялся на холм, бульшая часть которого не просматривалась бурами, ведшими интенсивный огонь. Он поднялся таким образом, как учили наших разведчиков в Индии, и устроился в какой-то выемке на расстоянии пистолетного выстрела от бурских ополченцев – это настоящий подвиг, который продемонстрировал его абсолютную веру в британских артиллеристов. Если хотя бы полдюжины буров продвинулось метров на двадцать, они могли бы просто забросать его камнями. Однако Черчиллю хватило смелости подать мне сигнал, если не ошибаюсь, носовым платком, привязанным на палку. Я понял, что, если поднять в галоп конницу, мы сумеем захватить эту позицию».

Гамильтон так и сделал. Сражение, которое не дало возможности бурам вернуть Преторию, стало, по словам Гамильтона, поворотным пунктом войны. Ночью буры ушли. Наблюдая за победоносными британскими войсками, маршем проходящими перед лордом Робертсом, Черчилль, который ни словом не упомянул о своем участии в сражении, охарактеризовал их так: «Это были люди, уставшие от войны, но воодушевленные надеждой на мир и решительно настроенные увидеть финал. Дай бог им всем вернуться домой».

После этого Черчилль вернулся в Преторию. Там он узнал, что в Соединенных Штатах выпустили его книгу «От Лондона до Ледисмита через Преторию» тиражом 3000 экземпляров. Через четыре дня он поездом отправился в Кейптаун. В полутора сотнях километров к югу от Йоханнесбурга поезд резко остановился. Черчилль вышел, и тут же почти под его ногами взорвался артиллерийский снаряд буров и во все стороны брызнул песок. Впереди, в какой-нибудь сотне метров, полыхал деревянный мост. В поезде ехали солдаты – кто домой, кто на юг. Солдаты в панике выпрыгивали из вагонов. Командиров не было. Не было даже ни одного офицера.

Черчилль принял командование на себя. Опасаясь засады наподобие той, в которую он попал с бронепоездом во Фрере, он пробежал вдоль состава к паровозу, забрался в кабину и приказал машинисту дать свисток, чтобы люди вернулись в вагоны, и немедленно гнать назад. Машинист подчинился. «Я стоял на подножке и следил, чтобы все солдаты вернулись в вагоны, – вспоминал Черчилль. – В ста метрах от нас в сухом русле реки под горящим мостом я заметил кучку темных фигур. Это были последние буры, которых я видел. Уперев в деревянный поручень маузер, я сделал шесть или семь выстрелов в их сторону. Они рассыпались, не открывая ответный огонь. После этого паровоз тронулся, и вскоре мы благополучно прибыли в Копье-стейшн». «Он спасся чудом», – позже написал Джек матери.

В Копье-стейшн выяснилось, что в нескольких километрах впереди по трассе произошла ожесточенная стычка. Предыдущий поезд был атакован крупным партизанским отрядом буров с применением артиллерии. Более пятидесяти солдат, находившихся в поезде, погибли, многие получили ранения. Таким образом, линия на Кейптаун оказалась перерезана. Черчилль нанял лошадь, чтобы продолжить путь домой. «На протяжении многих лет я думал, – написал он в 1930 г., – что тот двухдюймовый снаряд, который разорвался рядом со мной на насыпи, – последний, который мне суждено увидеть».

В Кейптауне Черчилль в третий раз побеседовал с Милнером, который надеялся заручиться поддержкой умеренных буров, противостоявших экстремистам. «Я излагал мои виды на будущее, – написал Милнер ему на следующий день, – потому что видел вашу заинтересованность и мне нужна была ваша помощь». В Кейптауне Черчилль узнал, что книга «От Лондона до Ледисмита через Преторию» имеет огромный успех. Менее чем за шесть недель было продано 11 000 экземпляров, за что он получил 720 фунтов. Доход от других книг, грамотно размещенный другом отца сэром Эрнстом Касселом, составил еще 427 фунтов. Телеграммы в Morning Post принесли ему в целом 2050 фунтов – самую большую сумму, выплаченную журналисту за такого рода работу. В деньгах 1990 г. это было эквивалентно 88 000 фунтов. С прежними материальными проблемами было покончено. Черчилль покинул Южную Африку 7 июля. Больше он ее никогда не увидит.

Глава 8
В парламенте

10 июля 1900 г., когда Черчилль возвращался на пароходе домой из Южной Африки, журнал Vanity Fair опубликовал иллюстрацию и небольшую подпись под ней: «Он умный человек и имеет мужество отстаивать свои убеждения. Он умеет писать и умеет воевать. Он с юных лет стремился в политику, и, вероятно, поэтому все его достижения – военные или литературные – имеют политическую подоплеку. Он порядочен и гордится тем, что он скорее прагматик, нежели денди; он амбициозен и намерен добиться своих целей. Он любит свою страну, но вряд ли станет рабом какой-нибудь партии».

20 сентября Черчилль сошел на берег в Саутгемптоне, а 25-го отправился в Олдем, где его встретили как кандидата на будущих всеобщих выборах. Он был уверен, что сумеет взять реванш за прошлогоднее поражение. «Мне был оказан потрясающий прием, – рассказывал он брату. – Более 10 000 человек с флагами и барабанами высыпали на улицы и орали до хрипоты в течение двух часов. Несмотря на то что я покинул клуб консерваторов в двенадцать ночи, на улицах оставались толпы людей».

На следующий день в Королевском театре Олдема Черчилль перед восторженной аудиторией описывал свой побег. «Поскольку наши войска уже занимали шахтерский район, – вспоминал он, – и те, кто помогал мне, находились под британской защитой, я мог впервые свободно поведать всю историю. Когда я упомянул имя мистера Дьюснапа, олдемского инженера, который прятал меня в шахте, кто-то из публики крикнул: «Его жена на галерке!» Тут началось всеобщее ликование».

Мать не приехала встречать его в Саутгемптон, хотя он на это надеялся. Она готовилась к свадьбе с армейским офицером капитаном Джорджем Корнуоллис-Уэстом, который был всего на шестнадцать дней старше ее сына и на двадцать лет моложе ее. Бракосочетание состоялось 27 июля. «Все прошло очень хорошо, – рассказывал Уинстон Джеку. – Семейство Черчилль в полном составе выстроилось внушительной шеренгой, и дело было сделано».

Через три дня после бракосочетания матери Черчилль был гостем Джорджа Уиндэма в палате общин. «Множество людей приветствовали меня, – рассказывал он Джеку. – Меня принимали самые разные парламентарии, начиная с мистера Чемберлена. Мне устроили очень лестный прием. Все газеты пишут обо мне,

где бы я ни выступал, а огромное количество местных газет публикуют по этому поводу статьи на первых полосах. Мне присылают множество газетных вырезок, и в общем нет оснований быть недовольным тем, как все складывается».

В августе Черчилль выступал не только в Олдеме, но и в дюжине других городов. В Плимуте он говорил о слабости британской армии в перспективе возможной войны в Европе. Times цитировала его, уделив выступлению почти целую колонку. «Мало кто проводит столь тщательную подготовку к таким отдаленным и, как многим кажется, неважным делам, – говорил Черчилль. – Но и правительство, и оппозиция согласны с тем, что европейские державы, вооруженные до зубов, относятся к нам отнюдь не дружественно, и мы не можем смотреть на эту ситуацию без опасений. Так что наши мероприятия по усилению обороны вполне оправданны».

Черчилль говорил своей аудитории в Плимуте, что он на протяжении семи лет изучал теорию и практику современной войны. «Боже упаси, – сказал он, – чтобы я изображал из себя эксперта, но я знаю достаточно, чтобы утверждать: в управлении войсками существует очень мало такого, что недоступно пониманию человека, обладающего здравым смыслом и малой толикой воображения. Любой, кто возьмется утверждать обратное, просто мошенник. Мужество британских солдат никуда не исчезло, но из этого не следует, что их оружие должно оставаться на прежнем уровне. Правительству следует ускорить модернизацию вооружений».

Прочитав в Times подробный отчет об этом выступлении, озаглавленном «Мистер Черчилль об армейской реформе», Черчилль поспешил поблагодарить владельца и редактора газеты, отправив 20 августа письмо. Он писал: «Глубоко обязан вам обоим за прекрасное освещение моего выступления в Плимуте, которое появилось в субботнем выпуске Times. Вы чрезвычайно добры, оказывая мне помощь».

Черчилль постепенно овладевал навыками ораторского искусства. «Я, к полнейшему удовольствию публики, сбил с толку всех, кто пытался меня перебивать, – написал он матери после одного предвыборного выступления. – Нельзя было упустить возможность выступить перед аудиторией, которая представляет практически всю прессу, всех издателей, всех авторов Великобритании».

Политики наперебой приглашали его в гости. Лорд Розбери, с которым он однажды ужинал, призывал его взять несколько уроков у логопеда, но Черчилль отказался: «Боюсь, – сказал он, – мне никогда не научиться правильно выговаривать «с».

Он действительно в этом не преуспел, хотя постепенно стал произносить «ш». Мюриел Уилсон позже вспоминала, как они прогуливались по дорожке около дома ее родителей в Транби-Крофт, а он тренировался, произнося фразы типа «испанский соус слишком острый».

В августе двоюродный брат Черчилля Санни снял для него холостяцкую квартиру в районе Мейфэр, на Маунт-стрит, 105. На ближайшие шесть лет она станет для него и домом, и канцелярией. Мать пригласила его в Шотландию, но он отказался. Ему нужно было находиться в Олдеме. «Было бы слишком глупо, – объяснил он ей, – упустить шанс получить место в парламенте ради отдыха и развлечений».

19 сентября Черчилль открыл свой предвыборный штаб в доме на окраине Олдема. Его беспокоило, что предвыборная кампания далека от совершенства. «Они, – говорил он, имея в виду организаторов, – настаивают на том, чтобы все делать самим, и не позволяют специалистам или агентам делать работу правильно». Впрочем, его собственная работа многое компенсировала. Он сумел уговорить выступить в свою поддержку Чемберлена, что существенно добавило ему популярности. Журнал Temple, следивший за его предвыборной кампанией, писал: «Обычно он использует подготовленный текст. У него очень яркий темперамент, что объясняет его активную жестикуляцию. Любимая поза на сцене, когда ему нужно подчеркнуть какую-то мысль, – положить руки на бедра. В этот момент он излучает удовлетворенную улыбку. В других случаях, возбуждаясь, он, кажется, гонит слова вперед, помогая себе вскинутыми вверх руками».

Выборы в Олдеме состоялись 1 октября. Они оказались первыми в череде парламентских выборов, растянувшихся на три недели. Черчилль победил, но не безоговорочно. Округ выдвигал двух кандидатов. Самое большое количество голосов – 12 947 – досталось одному из конкурентов от Либеральной партии, который и был избран. Черчилль, отстав всего на 16 голосов, тоже был назван победителем. Другой кандидат от либералов, отстав от Черчилля на 221 голос, проиграл, так же как и второй кандидат от консерваторов, набравший на 187 голосов меньше. В общем, результаты оказались ровными.

Times допустила нехарактерный для нее ляпсус, сообщив, что Черчилль проиграл. На следующий день ошибка была исправлена, и в передовой статье его поздравили с Вестминстером. «Я пришел в парламент, – рассказывал Черчилль своему знакомому, Бурку Кокрэну, – как представитель почти самого крупного округа в Англии, который насчитывает

30 000 избирателей. Эту победу можно считать хорошим началом, поскольку она имеет большое значение для Консервативной партии: она вывела ее вперед и подтолкнула дальше».

Откликнувшись на срочную просьбу Бальфура, Черчилль отправился из Олдема в Манчестер, чтобы выступить в округе Бальфура, где выборы еще не состоялись. Позже он вспоминал: «Когда я появился в зале во время выступления Бальфура, вся аудитория встала и приветствовала меня громкими криками». Вечером он отправился с Бальфуром в Стокпорт помогать тому раскручивать кампанию. «Внезапно я стал одним из двух-трех самых популярных ораторов на этих выборах, – рассказывал он, – и теперь принимаю участие в своего рода бойцовском турне перед огромными аудиториями (по пять-шесть тысяч человек) по два, а то и три раза в день. Оркестры, толпа и энтузиазм».

Усилия Черчилля были оценены. «Вы очень хорошо потрудились на благо партии, – написал ему Чемберлен, – и это зачтется вам в будущем». Черчилль стал членом парламента в двадцать пять лет. «Это отправной пункт для огромных возможностей, – написал ему лорд Керзон из вице-королевской резиденции в Симле, – бесконечных волнений и превратностей судьбы. Но не сомневаюсь, вы все преодолеете».

«Еще никогда ни один парламентарий, – писал Сент-Джон Бродрик, новый военный министр, – не сделал так много, как вы, за последние два года, чтобы удостоиться чести представлять избирательный округ. Единственное, о чем можно сожалеть, – проницательно добавил он, – это то, что вы, судя по всему, не будете в оппозиции, так что весь ваш артиллерийский огонь будет бить по нас!»

12 октября, через двенадцать дней после парламентских выборов, вышла из печати еще одна книга Черчилля, в основу которой легли тринадцать телеграмм, отправленных им в Morning Post. Он назвал ее «Марш Иэна Гамильтона» (Ian Hamilton's March). «Она тоже, – написал он брату, – будет хорошо продаваться». Действительно, к концу года разошлось 8000 экземпляров, и еще 1500 были проданы в Соединенных Штатах. Теперь он был автором пяти книг, каждая из которых приносила приличный доход. «К двадцати пяти годам, – шутил он позднее, – я написал столько же книг, сколько Моисей».

В это же время Черчилль решил попробовать себя в качестве платного лектора. Профессиональный агент организовал для него тур, который должен был не только принести доход, но и дать возможность рассказать об Англо-бурской войне всей Британии. Тур начался в Харроу. «Это моя первая попытка прочитать лекцию, – написал он своему бывшему директору школы Генри

Дэвидсону, – и я боюсь, что она не будет иметь большого успеха». На самом же деле лекции имели исключительный успех и привлекали большое количество народа. С 25 октября и до своего дня рождения, то есть почти за месяц, он прочитал тридцать лекций, проехав до Данди и переплыл Ирландское море, чтобы выступить в Белфасте и Дублине. Он выступал также в Оксфорде и Кембридже. Тема была определена просто: «Война, как я ее видел». Во время выступления в Сент-Джеймс-холле в Лондоне в зале присутствовал главнокомандующий лорд Уолсли. «Немало говорит о его способностях как лектора, – писала Times, – то, что он на протяжении полутора часов держал в неослабном напряжении всю аудиторию в очень большом зале».

Лондонское выступление принесло Черчиллю 265 фунтов – годовую зарплату молодого профессионального рабочего. Его коллега, кандидат-консерватор от Олдема Чарльз Крисп, предложил ему прибыльную схему вложения денег. Он тут же согласился: «Да, пожалуйста, сделайте мне прибыль, если можете. У меня сейчас на руках тысяча фунтов, которую я и сам хотел вложить в нечто стоящее. Я не понимаю сути вашего предприятия, но буду весьма обязан, если вы поможете мне получить какую-то прибыль».

В ноябре самую большую аудиторию Черчиллю удалось собрать в Ливерпуле. Здесь его доля от сборов составила 273 фунта. 30 ноября, в день своего рождения, он прочитал лекцию в Челтнеме, за что получил 220 фунтов. По окончании лекционного тура он заработал 3782 фунта. Но это было не все. 1 декабря, на следующий день после лекции в Челтнеме, он отправился на пароходе в Соединенные Штаты. Там его ждал еще более напряженный тур. «Не надо тянуть из меня слишком много, – писал он своему американскому агенту Джеймсу Понду. – Я не хочу выбиваться из сил, выступая на копеечных встречах в каком-нибудь захолустье, участвовать в каких-либо общественных мероприятиях и рассказывать о себе всем встречным и поперечным, за исключением случаев, когда мне за это платят».

8 декабря Черчилль прибыл в Нью-Йорк и сразу приступил к делу. Перед первой лекцией его представил аудитории Марк Твен, который заявил: «Мистер Черчилль – англичанин по отцовской линии, а по материнской – американец. Не сомневаюсь, что от подобной смеси появляются прекрасные люди». После лекции Черчилль уговорил Твена подписать каждый том из двадцатипятитомного собрания его сочинений. На первом томе Твен написал: «Творить добро – благородное дело. Учить других творить добро – еще более благородное, но и более

трудное».

В Вашингтоне Черчилль встретился с президентом Маккинли, который произвел на него сильное впечатление. В Олбани он уже встречался с недавно избранным вице-президентом Теодором Рузвельтом. Через год тот займет пост президента после убийства Маккинли.

Во многих городах его лекциям мешали пробурские настроения аудитории. Однако, сообщая о его выступлении в Нью-Йорке, Westminster Gazette отметила: «Лекция была столь умеренна, отличалась таким великодушием к побежденному противнику, была столь живой и эффектной, что полностью покорила весьма недоброжелательно настроенную публику».

После финансового успеха в Англии результаты выступлений в Америке разочаровали Черчилля, отчасти потому, что агент, организовавший тур, забирал себе более трех четвертей доходов. Заработки составили всего 1600 фунтов, гораздо меньше, чем он рассчитывал. Впрочем, даже это была существенная сумма. Тем не менее Черчилль остался недоволен. «Нервозность в начале тура, – рассказывал он матери, – в сочетании с простудой, которую я подхватил, по-видимому, в переполненных поездах, слишком продуваемых сквозняками и слишком жарких, привели к лихорадке». Лекцию в Вашингтоне он читал при температуре 38,9°.

Из Соединенных Штатов Черчилль перебрался в Канаду, где выступил перед большими и восторженными аудиториями в Торонто, Монреале и Оттаве. В Оттаве он был гостем генерал-губернатора в его официальной резиденции. Среди приглашенных оказалась и Памела Плоуден. Их роман к этому времени закончился. «У нас не было болезненных выяснений отношений, – писал Черчилль матери, – но я не сомневаюсь, что она – единственная женщина, с которой я мог бы жить счастливо». Говоря о своих литературных и лекционных заработках, он заметил: «Очень горжусь тем, что вряд ли найдется хоть один на миллион, кто в моем возрасте смог бы заработать 10 000 фунтов менее чем за два года без первоначального капитала. Но порой это очень неприятная работа. Например, на прошлой неделе я приехал читать лекцию в один американский город и выяснил, что никто не озаботился организацией выступления, но зато меня наняли за 40 фунтов выступить на званом вечере в частном доме – как заезжего фокусника».

Из Оттавы Черчилль отправил тем, кто прятал его в шахте после побега из Претории, золотые часы с выгравированными на них словами благодарности. «Не думаю, что потратить на это

30 или 40 фунтов излишество», – писал он матери. Вскоре после этого он послал ей 300 фунтов в качестве подарка фонду принцессы Уэльской, созданному для помощи женам военных, служивших в Южной Африке. Эти деньги он собрал на специальной благотворительной лекции. «В известном смысле они принадлежат тебе, – написал он, – ибо я бы никогда их не заработал, если бы ты не передала мне необходимые ум и энергию».

22 января 1901 г., читая лекции в Виннипеге, Черчилль узнал о смерти королевы Виктории. Через десять дней, когда должны были состояться похороны, он отплыл в Англию, заранее попросив мать отправить на пристань полные комплекты Times и других английских еженедельников. 14 февраля он занял свое место в парламенте. С этих пор его жизнь будет проходить на глазах общества. О каждом его выступлении в парламенте и за его стенами будут сообщать газеты, они станут предметом обсуждения в прессе и общественных комментариев. Даже его первую речь в палате общин, которую он произнес 28 февраля, слушала, по выражению Morning Post, такая аудитория, которой удостаивались очень немногие новые члены парламента. Присутствовали ветераны Либеральной партии Кэмпбелл-Баннерман и Асквит. На дамской галерее находились мать и четыре сестры отца – леди Уимборн, леди Твидмаус, леди Хоу и леди де Ремси – его тетушки Корнелия, Фанни, Джорджиана и Розамунда.

Когда во время выступления в парламенте Черчилль произнес: «Будь я буром, я бы тоже сражался с оружием в руках», – ирландские националисты стали активно выражать одобрение, а Чемберлен шепнул своему соседу: «Вот так теряют места в парламенте». Но Черчилль быстро охладил восторги ирландцев, чьи симпатии были на стороне буров. «Поразительно, – сказал он, – что уважаемые члены ирландской партии так относятся к войне, которая завершилась победой во многом именно благодаря мужеству, самоотверженности и воинской доблести ирландцев. Если и были те, кто торжествовал в этой войне, – продолжал Черчилль, – сегодня они получили более чем достаточно. Война привела к потерям, которые вызывают самое глубокое сожаление. Я сам лишился многих друзей. Но нам нет оснований стыдиться того, что произошло, и мы не имеем права скорбеть и печалиться».

В завершение Черчилль упомянул отца, поблагодарив палату за доброту и терпение, с которыми она его выслушивала и которыми, по его словам, он обязан не только самому себе, но и «добрым воспоминаниям, сохранившимся у многих

уважаемых членов парламента».

Очень редко, если не сказать никогда, первые выступления новых членов парламента привлекали такое внимание прессы. Daily Express назвала его «захватывающим». Daily Telegraph написала, как «совершенно свободно, с оживленной жестикуляцией, подчеркивающей его искрометные фразы, он мгновенно овладел вниманием заполненной палаты». Punch посвятил ему весь свой парламентский репортаж. В нем говорилось: «Хотя ничто ни в голосе, ни в манере поведения Черчилля не напоминает лорда Рэндольфа, он обладает той же способностью строить отточенные фразы, тем же самообладанием, граничащим, возможно, с самоуверенностью, тем же даром видеть привычные вещи с новой точки зрения и той же проницательностью и уверенностью». Daily Chronicle хотя и подметила шепелявость оратора, высоко оценила его яркость и независимость.

Фраза Черчилля – «будь я буром, я бы тоже сражался с оружием в руках» – сильно задела многих консерваторов. Начитавшись протестующих писем в прессе, он написал в свою защиту в Westminster Gazette: «Ни одна из сторон не имеет монополии на истину. На основании этого я утверждаю: если дело буров безусловно неправое, то бур, который сражается за него, безусловно прав. И еще более прав тот бур, который проявляет мужество в этой борьбе. Если бы мне, к несчастью, довелось оказаться буром, я бы, безусловно, предпочел быть лучшим из них».

Через две недели Черчилль принял участие в парламентских дебатах, в которых требовали расследовать увольнение генерала Колвилла, воевавшего в Южной Африке. Считая, что парламент не должен участвовать в расследовании, Черчилль тем не менее заявил: «Возможно, многим моим друзьям по палате будет не совсем приятно услышать, что за последних три войны, в которых мне довелось принимать участие, я подметил тенденцию, вызванную то ли корпоративным духом, то ли неприязнью к общественным расследованиям, – тенденцию все замалчивать, делать вид, что все хорошо, выдавать так называемую официальную правду и представлять версию событий, которая содержит лишь семьдесят пять процентов реальной картины. Пока войска так или иначе одерживают победы, – продолжал Черчилль, – это позволяет сглаживать и маскировать неприглядные факты, подгнившие репутации. А офицеров, известных профессиональной непригодностью, оставлять на постах в надежде, что после войны их можно будет без скандала выпихнуть в частную жизнь».

Либеральная оппозиция аплодировала, хотя Черчилль поддержал правительство, заявив, что «право выбирать, назначать и увольнять должно быть оставлено за военными». Он вновь продемонстрировал, что не будет кривить душой и менять свои взгляды в угоду партии. При этом его защита правительства была хорошо аргументированной. «Нет сомнения, – писал он матери, – что эта речь повлияла на избирателей в момент, когда общественное мнение направлено против правительства».

«Позвольте заметить, что сегодняшнее выступление, возможно, окажется самым удачным в вашей жизни, – написал ему военный министр Сент-Джон Бродрик. – Разумеется, вы будете выступать и на более интересные темы, но вы овладели вниманием палаты, удерживали его и направили дебаты в нужное русло. Выступление имело огромный успех, и это признано всеми». Признание пришло даже из Индии. «Нет ничего более сложного, чем поддержка правительства, – написал лорд Керзон. – Очень трудно найти середину между независимостью и лояльностью. Поразить палату серьезностью – великое дело. Она простит все, кроме легкомыслия».

Корреспонденция и обязанности Черчилля росли с невероятной скоростью. «У меня больше 100 неотвеченных писем, – сообщал он матери в середине марта. – 30 или 40 из них у меня даже не было времени прочитать». В этот день он прочитал две лекции в Гастингсе. Чтобы избавиться от необходимости самому писать письма, как он делал до сих пор, Черчилль решил нанять секретаршу. «В противном случае, – жаловался он матери, – безумное количество нелепых дел загонит меня в могилу. Эта гора на столе меня просто душит». У него даже не было шкафа для корреспонденции. Теперь мисс Эннинг, его первая секретарша, стенографировала письма под его диктовку, потом переписывала и приносила ему на подпись. Она также систематизировала корреспонденцию.

Весной Черчилль съездил в Европу. Сначала в Париж, потом посетил Мадрид и Гибралтар. По возвращении в Англию прочитал лекцию для старшего офицерского состава армии о роли кавалерии в Южной Африке. Он также ввязался в дебаты, которые сильно разгневали лидеров консерваторов. Сент-Джон Бродрик, который так горячо одобрил его позицию в дискуссии о генерале Колвилле, предложил увеличить на пятнадцать процентов военные расходы. Черчилль же был убежден, что в дополнительных расходах нет необходимости. Он доказывал, что они будут неэффективны и что это ненужная трата денег. Это, по его мнению, не сделает армию сильнее. Если тратить больше государственных денег, то не на армию,

а на флот.

Черчилль обрушился с критикой на свое собственное правительство в речи, произнесенной в Ливерпульской ассоциации консерваторов 23 апреля. «Любая опасность, угрожающая Британии, – говорил он, – придет не с суши, а с моря». Через два дня он повторил свои аргументы в Оксфорде. В Times с критикой его взглядов выступили вице-президент и секретарь Армейской лиги. Он написал в ответ: «Лучшая армия – не обязательно самая большая армия. Есть другие способы реформировать предприятие, помимо простого вложения в него денег. Есть разные способы убить кошку и т. д.». Письмо заканчивалось иронично: «Надеюсь, этого не произойдет ни с вице-президентом, ни с секретарем Армейской лиги».

Не все одобрительно относились к его тону, ни в то время, ни позже. Но это был стиль Черчилля – откровенный, решительный, даже озорной. Этим он наживал себе врагов. 3 мая Times опубликовала его второе письмо, содержание которого было уже высказано им в телеграмме Morning Post после освобождения Ледисмита. Он писал, что «по окончании войны Англия должна заняться укреплением народного духа посредством социальных усовершенствований и реформ».

10 мая, когда Черчилль готовился возражать в парламенте против растущих расходов на армию, один австралийский журналист взял у него интервью для газеты Melbourne Argus. Комментируя характеристику, данную ему бурами, – «при ходьбе немного сутулится», журналист писал: «Эту сутулость можно видеть не только когда он ходит, но даже когда сидит в палате общин, жадно вслушиваясь и горячо реагируя на все происходящее. Это придает ему сходство с молодой пантерой, готовой в любой момент броситься и нанести разящий удар. И хотя его осанка говорит о натуре нетерпеливой, пылкой и амбициозной, нельзя не отметить удивительную сдержанность мистера Черчилля, что позволяет ему подавлять стремление немедленно ринуться в схватку, но ждать своего часа».

13 мая, при обсуждении поправок Бродрика по финансированию армии, Черчилль излагал свои аргументы перед членами парламента, уже предчувствующими недоброе. «Я шесть недель готовил речь», – вспоминал он позднее. Это была мастерская речь – серьезная, сильная. В ней он отметил, что в 1894 г. расходы на содержание армии составляли 17 миллионов фунтов. В 1901 г. они выросли почти до 30 миллионов. Затем он сослался на отца: «Если мне будет позволено, напомню полузабытый эпизод: мой отец ушел навсегда из парламента, а вместе с ним идея сокращения военных

расходов и экономии. Таким образом, даже сама память о нем, похоже, испарилась, но старые слова приобрели на удивление новое звучание».

Затем Черчилль раскрыл книгу и зачитал письмо отца лорду Солсбери об отставке, написанное в 1886 г. Он выучил письмо наизусть и, дочитав его до середины, театральным жестом захлопнул книгу на фразе лорда Рэндольфа: «Я отказываюсь потворствовать Военному кабинету и Адмиралтейству в стремлении наращивать военные расходы, на которые вынуждены с риском для себя идти другие страны».

«Мудрые слова выдержали проверку временем, – продолжал двадцатишестилетний парламентарий, – и я очень рад, что палата позволила мне после пятнадцати лет снова поднять вопрос сокращения военных расходов и экономии. Пришло время, чтобы со скамей консерваторов прозвучал голос о необходимости экономии. Если он прозвучит, тогда, скажу я скромно, никто не имеет на него большего права, чем я, ибо я унаследовал его. Покойный лорд Рэндольф Черчилль ради него принес такую жертву, на которую не способен ни один из современных министров».

Затем Черчилль подверг критике предложение Бродрика о создании трех армейских корпусов. «Одного корпуса, – сказал он, – вполне достаточно, чтобы воевать с дикарями, а трех недостаточно, чтобы только начать войну с европейцами. Существующая армия должна без дополнительных расходов быть адаптирована к решению мелких конфликтов и ведению колониальных войн. Но мы не должны ожидать, что сравнимся с великими цивилизованными державами столь легким путем». Ему хотелось подчеркнуть европейский аспект проблемы. Он уже тогда предвидел, во что неизбежно выльется современная война. «Война в Европе, – заявил он, – не может быть ничем, кроме ужасной бойни, которая заставит на несколько лет забыть о развитии мирной промышленности и сконцентрировать всю жизненную энергию общества на одной-единственной цели – выживании. И это в том случае, если мы вообще сможем насладиться горькими плодами победы. С тех пор как я появился в парламенте, – продолжал Черчилль, – меня неоднократно поражало, как хладнокровно члены парламента и министры рассуждают о европейской войне. Не буду распространяться о ее ужасах, однако скажу, что в мире произошли огромные изменения, не замечать которых парламент не имеет права. В те времена, когда войны начинались по воле какого-то одного министра или короля, когда боевые действия вели небольшие регулярные армии профессиональных военных, когда войны

нередко приостанавливались на зиму, было возможно их ограничение. Но сейчас, если начнется противостояние могущественных сил, когда каждый будет обуян ненавистью и когда возможности науки будут сметать все, европейская война может закончиться только руинами у побежденных и едва ли меньшей экономической неразберихой и истощением победителей. Демократия более мстительна, чем кабинеты министров. Войны народов будут гораздо ужаснее, чем войны королей. Мы не знаем, что такое современная война, – настаивал Черчилль. – Мы увидели лишь намек на нее в Южной Африке. Даже в миниатюре она омерзительна и ужасна. Могущество и процветание Британии зависят исключительно от сильной экономики и сильного флота. Но есть, – продолжал он, – и более весомая причина не тратить лишних денег на армию. И народам, и правителям хорошо известно, что в целом британское влияние благотворно и доброжелательно и направлено на всеобщее счастье и процветание. Члены парламента совершат фатальную ошибку, если допустят, чтобы моральные силы, которые так долго копила страна, оказались подорваны, а возможно, и вовсе истощились ради дорогих, показных и опасных военных игрушек, к которым лежит душа военного министра».

Консерваторы – «переднескамеечники» были шокированы этой атакой новичка – «заднескамеечника». В ответной речи Бродрик обвинил Черчилля в вынашивании «наследственной мечты о построении империализма по дешевке». Другие члены парламента, особенно либералы и радикалы, высоко оценили не только его доводы, но и мужество. Друг его отца лорд Джеймс Херефордский, член кабинета Солсбери, написал: «Хотя я не могу согласиться со взглядами, высказанными в вашей речи, должен искренне поздравить вас за ее качество».

Этим летом Черчилль оказался в группе молодых парламентариев-консерваторов, недовольных политикой партии. Назвав себя «хулиганами», или «Хьюлиганами», по имени одного из своих лидеров, сына лорда Солсбери, лорда Хью Сесила, они каждый четверг стали встречаться за ужином в палате общин, приглашая влиятельных гостей. Черчилль уже установил тесные дружеские отношения с некоторыми ведущими либералами. 23 июля он ужинал с лордом Розбери у него дома в Дурдансе. «Боюсь, я вчера испугал ваших лошадей своим автомобилем, – написал он лорду Розбери. – В настоящее время я учусь водить, так что это весьма опасный период».

Розбери стал одним из первых гостей «хулиганов», после чего пригласил молодых бунтовщиков провести воскресенье у него в Дурдансе. Черчилль приехал накануне, в субботу, поужинал

и переночевал. «Мой дорогой Уинстон, – писал ему Розбери после этого, – не могу передать, как меня порадовал визит «хулиганов». Я просто помолодел. Если они или кто-то из них пожелает передышки во время работы парламента, они могут найти ее здесь». Через десять дней другой видный либерал, будущий министр иностранных дел сэр Эдвард Крей пригласил Черчилля и еще одного «хулигана» пообедать с ним и Асквитом.

Лето Черчилль провел в Гуисачане, в Шотландии, у своего дяди лорда Твидмауса, бывшего министра в либеральном правительстве. «В последнее время я повидал много либералов-империалистов, – написал он Розбери в конце сентября. – В Гуисачан, где я провел замечательную неделю, приезжали Холдейн и Эдвард Грей». Ричард Холдейн в будущем займет пост военного министра в правительстве либералов.

В сентябре Черчилль выступал с очередной лекцией об Англо-бурской войне в Сент-Эндрюсе. Его выступление предварял Асквит. Либералы-империалисты разделяли многие взгляды, которые зрели в уме Черчилля. Они хотели, чтобы Британия была сильной, но также хотели проведения социальной политики, которая шла бы на пользу широким массам населения и смягчала нищету и лишения.

Черчилль встречался не только с политиками из лагеря либералов, но и с некоторыми высшими государственными чиновниками, которые, как бы оставаясь вне политики, вполне сочувствовали либералам. 4 сентября в гостях у своего родственника лорда Лондондерри он познакомился с сэром Фрэнсисом Моуэттом, который последние семь лет был постоянным секретарем Казначейства и руководителем государственной службы. Через тридцать лет Черчилль напишет, что в то время он «пользовался привилегией приятных знакомств с большинством лидеров Консервативной партии, а мистер Бальфур всегда относился ко мне с необыкновенной добротой и дружелюбием. И хотя мне часто доводилось слушать рассуждения мистера Чемберлена, я неуклонно дрейфовал влево».

Отход Черчилля от Консервативной партии ускорялся отношением консерваторов к Англо-бурской войне. Некоторые факты, которые он приводил в своих выступлениях, выражая обеспокоенность, приходили из государственной службы. «Старик Моуэтт, – вспоминал он, – которому тогда было шестьдесят четыре года, время от времени кое-что сообщал мне. Он свел меня с некоторыми молодыми чиновниками, потом ставшими видными деятелями, с которыми было очень полезно беседовать – не о секретах, они их никогда не разглашали,

а об опубликованных фактах, которые они могли представить в истинном свете и соответственно прокомментировать».

Этой осенью Черчилль публично выступил против казни британскими властями в Южной Африке командира бурского отряда и собирался предотвратить казнь другого. «Я поднял восстание против ура-патриотизма и национализма», – говорил он тридцать лет спустя. В Сэддлуорте он призывал: «Нужно приложить максимальные усилия для завершения войны в Южной Африке. Пока она не закончится, пропасть ненависти между бурами и британцами будет только шириться и каждый день все большие территории будут подвергаться разрушению. Сколько человек сейчас находится в аудитории? – спросил он. – Кто-нибудь, вполне возможно, заглянет в завтрашние газеты и узнает, что кого-то из его друзей больше нет».

Во время выступления в Сэддлуорте Черчилль упомянул двух лидеров своей партии, Бальфура и Чемберлена, и сказал: «Я предупредил этих двух уважаемых джентльменов, что они не должны перекладывать на других бремя военных тягот». Чемберлену он написал 14 октября: «Правительству недостаточно сказать: «Мы передали войну на откуп военным. Они должны разбираться с этим сами, а единственное, что мы можем, – обеспечивать все их требования. Я против такой позиции. Ничто не может снять ответственность с правительства». Через месяц, выступая в Хенли, он с удовлетворением узнал, что власть Китченера как главнокомандующего в Индии наконец-то урезана, и язвительно заметил, что всего несколько недель назад был высмеян одним из министров за такое предположение.

30 ноября Черчиллю исполнилось двадцать семь лет. Два года назад он сидел в плену. Теперь он стал деятельным и задиристым членом парламента.

В середине декабря 1901 г., после своего двадцать седьмого дня рождения, Черчилль ужинал с Джоном Морли, биографом Гладстона и одним из ведущих реформаторов-либералов. Вечером Морли порекомендовал ему книгу Сибома Раунтри «Бедность. Исследование городской жизни» (Poverty: A Study of Town Life). Прочитав ее, Черчилль гораздо глубже и шире осознал свое предназначение. Раунтри изучил тяжелое положение бедноты в Йорке. Это было печальное повествование. «Кто не задумывался, – писал Черчилль в рецензии на книгу, – как лучше потратить обширное состояние? Но от неприглядных сторон жизни, от мрачных и отвратительных фактов воображение отскакивает или сознательно отворачивается. Очень приятно рассуждать о безнравственности чрезмерного богатства. Но мы

не хотим думать о бедности. Воображение не возбуждается трущобами, чердаками и помойками».

Затем Черчилль сделал обзор тяжелой жизни рабочих, уделив особое внимание катастрофическому положению семей вследствие безработицы, болезни или потери кормильца. Описание жилищных условий бедняков потрясло Черчилля. «Представьте конкретный случай такой бедности и ее последствий, – писал он. – В огромной Британской империи люди не могут найти себе комнату для жилья; при всем нашем величии они, вероятно, чувствовали бы себя более счастливыми, родившись каннибалами на островах южных морей; при всех достижениях нашей науки они были бы здоровее, будучи подданными Гартакнута[15]».

С горькой иронией Черчилль заключал свой обзор: «Было бы бессовестно предъявлять подобные аргументы парламенту, занятому делами, происходящими за многие тысячи миль от дома. В мозгу людей должны родиться более важные мысли: долг человека перед человеком; понятие, что честный труд в процветающем обществе должен гарантировать определенный минимум прав; что загнивание делает мировую державу предметом насмешек и искажает лик Бога на земле».

Влияние книги Раунтри на Черчилля проявилось очень скоро. Вскоре он уже написал лидеру консерваторов в Бирмингеме: «Я лично не вижу особой славы для империи, которая может править морями, но не может прочистить свои сточные канавы». В этом письме Черчилль также упомянул бирмингемских мятежников, которые набросились на радикального либерала Дэвида Ллойд Джорджа и едва не линчевали его за пробурские настроения, и выражал надежду, что у Консервативной партии руки останутся чистыми. Узнав, что консерваторы принимали активное участие в волнениях, Черчилль написал, что, хотя считает Ллойд Джорджа «вульгарным пустозвоном и проходимцем, каждый человек имеет полное право выражать свое мнение. А если некоторые мнения замалчиваются, поскольку они противны мнению большинства, – это очень опасная, губительная для Консервативной партии политика».

Разочарование Черчилля в Консервативной партии росло день ото дня. «Мне хочется, – писал он, – хорошо сбалансированной политики, которая сочетала бы развитие и экспансию, прогресс здравоохранения и комфорт общества». Ему хотелось присоединиться «ко всем несчастным, неорганизованным, умеренно мыслящим». Но как именно это осуществить? Следовало ли откликнуться на множащиеся инициативы из лагеря либералов-империалистов и самого

главного «империалиста», лорда Розбери? «Как мы договорились в Бленхейме, – написал ему Хью Сесил после Рождества, – будет разумнее занять выжидательную позицию и не откликаться на приглашения «империалиста», пока он не построит себе дом, в котором будет тебя принимать. А сейчас у него лишь кусок под старым зонтиком».

Но Черчилль не желал ждать. В декабре он составил список из двенадцати парламентариев-консерваторов, в основном молодых, которые разделяли его разочарование шовинистическими и ретроградными, как они считали, настроениями в партии и правительстве. Во вторую неделю января 1902 г., выступая перед сторонниками консерваторов в Блэкпуле, он говорил о бедности в Британии. «Это ужасно, – сказал он, – что есть люди, для которых единственный способ изменить свою жизнь – пойти в работный дом или в тюрьму». «Позиция партии тори, – написал он лорду Розбери двумя неделями позже, – бесчеловечна и жестока». Для себя он уже все решил. Он возглавит борьбу не только против расходов на военные нужды, но и против неэффективного, не приносящего пользу, как он видел, использования денег налогоплательщиков.

14 апреля, во время прений по бюджету, Черчилль заявил о «шокирующем отсутствии контроля» за государственными расходами. Он также сделал примечательное предсказание-предупреждение об опасности кампании против свободной торговли и внедрении протекционизма – за год до того, как этот вопрос будет поднят Чемберленом и внесет раздор в ряды британских политиков. «Меня интересует, – спросил он, – что произойдет с этой страной, если вопрос справедливой торговли будет поднят каким-нибудь ответственным лицом, обладающим высоким положением и авторитетом? Мы снова окажемся на старом поле битвы. Вокруг будет негодное оружие, заросшие травой траншеи и заброшенные могилы, вызывающие давние воспоминания и горечь, какой не знает нынешнее поколение. И это расколет политические организации, внешне вполне благополучные».

В своем стремлении добиться экономических ограничений Черчилль 20 апреля получил поддержку сэра Эдварда Гамильтона – постоянного секретаря Министерства финансов и бывшего личного секретаря Гладстона. Он не только поздравил его с выступлением по бюджету, но и написал: «Прошу помнить, что двери Министерства финансов для вас всегда открыты. Буду рад в любой момент оказать вам любую поддержку из уважения к памяти вашего отца и к вам лично».

Гамильтон был на двадцать пять лет старше Черчилля.

Как и многим другим представителям старшего поколения, ему импонировала активность Черчилля. Теперь Черчилль смог давить на Бальфура по вопросу государственных расходов. 24 апреля он попросил его создать специальный комитет в палате общин, который бы разобрался и доложил, нельзя ли сократить расходы без ущерба для государства и нельзя ли распределять деньги налогоплательщиков с большей пользой.

Бальфур отказался принять радикальные меры, которые предлагал Черчилль. Тот, не желая, чтобы вопрос заглох, на парламентском заседании обвинил правительство в том, что оно отпускает государственные расходы, как он выразился, «за грань разумности». Почти сразу же он получил приглашение от Бальфура принять участие в работе специального комитета, учрежденного для изучения парламентского контроля над расходами. Он согласился. Тем не менее его расхождение с партийными лидерами становилось все глубже. Позже Черчилль вспоминал: «Я почувствовал, что Розбери, Асквит, Грей и в особенности Джон Морли понимают меня гораздо лучше, чем мои непосредственные шефы».

Этой весной одному бурскому журналисту, который отсидел год в южноафриканской тюрьме за клевету на Китченера, британские военные власти отказали в разрешении посетить Англию с частным визитом. Джон Морли поднял этот вопрос в палате общин. Его поддержал Черчилль, обвинивший военное руководство в злоупотреблении властью. «Где еще, – спросил он, – антибританские настроения могут принести меньше вреда, чем в самой Британии?» В конце дискуссии Черчилль и еще семь консерваторов, включая некоторых «хулиганов», проголосовали против правительства. Вечером «хулиганы» пригласили на ужин Чемберлена. «Какой смысл, – спросил он, – поддерживать правительство в случае его правоты? Именно в спорных ситуациях вы должны приходить нам на помощь». Когда вечер подходил к концу и Чемберлен уже прощался, он вдруг заговорил о проблеме, которой не касались весь вечер. Именно ее Черчилль ставил на рассмотрение палаты общин месяцем ранее. «Вы, молодые джентльмены, – сказал Чемберлен, – принимали меня по-королевски, и в ответ я открою вам бесценный секрет. Тарифы! Вот основа будущей политики, причем ближайшей. Изучайте их пристально, и вы не пожалеете об оказанном мне гостеприимстве».

Летом лидеры буров признали поражение и согласились прекратить партизанскую войну. Черчилль сразу же выступил с предложением всячески поддержать их соглашение

с Британией. Его стремление к миру и объединению вызывало неприятие многих консерваторов. Летом он обратился к своим избирателям из Олдема: «Мы перешли от войны – долгой, изматывающей, опасной войны – к миру. Соглашение было достигнуто не столько потому, что противник оказался в безнадежной ситуации, сколько благодаря почетным договоренностям в тяжелейших обстоятельствах, притом что враждующие стороны научились уважать друг друга. Это соглашение обеспечило Британии все, чего требует справедливость и благоразумие, а бурам показало наше великодушие».

Расхождение Черчилля с лидерами его партии усиливалось. «Выступления по стране перестали приносить мне удовлетворение, – писал он лорду Розбери тем летом. – Я не могу с прежним энтузиазмом работать на правительство. Да и публика, похоже, начинает зевать от партийной болтовни».

В июле Черчилль занялся вопросом неполитическим: двадцать девять кадетов Сандхерста понесли наказание за ничем не доказанную организацию серии пожаров в колледже. «Наказание, – писал Черчилль в Times, – нарушило три основополагающих принципа справедливости. Эти принципы таковы: подозрение не является доказательством; обвиняемым должна быть предоставлена возможность выступить в свою защиту; обвинитель должен доказывать виновность, а не обвиняемый – свою невиновность. В данном случае не было проведено ничего, хотя бы отдаленно напоминающего судебное расследование. Все кадеты, которых я видел, категорически отрицают свое участие».

Тем не менее все двадцать девять кадетов были временно отчислены из колледжа, хотя обвинение им предъявлено не было. При этом даже малоимущим родителям пришлось оплатить семестр, который их дети вынуждены были пропустить и который не был засчитан в срок обучения. На письмо Черчилля откликнулся директор Шерборн-скул, преподобный Фредерик Уэсткотт. «Солдаты должны извлечь урок из этого коллективного наказания, – написал он. – Невиновные, несомненно, пострадают вместе с виновными, но так происходит всегда. Так устроен мир».

«Неужели? – восклицал Черчилль в ответном письме. – Несомненно, Уэсткотт заботится о том, чтобы тот маленький мир, который он контролирует, был организован по этому восхитительному принципу, но ему необходимо помнить, что кое-где наказание невиновных считается преступлением или, по крайней мере, бедой, с которой следует бороться, не жалея сил. Разумеется, до тех пор пока поступки директора школы

находятся в рамках закона, палата общин не имеет права вмешиваться. Но если предположить, что главнокомандующий и министр обороны поддерживают его, общество должно обратить на это внимание. Кстати, любопытно, не порет ли мистер Уэсткотт учеников всем классом за неуспеваемость?» – под конец саркастически спрашивал он.

Черчилль хотел обсудить случившееся в палате общин, но Бальфур, который к этому моменту сменил своего больного дядю лорда Солсбери на посту премьер-министра, отказался тратить на это время. Тогда Черчилль уговорил лорда Розбери поднять этот вопрос в палате лордов и поучаствовать в обсуждении. В результате главнокомандующий лорд Робертс согласился, что необходимо расследовать каждое дело индивидуально, и пообещал, что ни один невиновный кадет не потеряет семестр. Комментируя это, Times весьма высоко оценила усилия Черчилля.

В этот же период Черчилль собрался приступить к очень важному для него и давно задуманному делу – созданию биографии отца. Не ограничиваясь отцовским архивом, он разыскивал материалы повсюду и даже опубликовал в Times просьбу о предоставлении ему писем и документов. Кроме этого он написал бывшему премьер-министру лорду Солсбери, который принимал отставку лорда Рэндольфа в 1886 г.: «Пишу, чтобы лично попросить вас предоставить мне на время любые письма отца, которые у вас могли сохраниться. Я также очень хотел бы опубликовать фрагменты из ваших писем к нему. Разумеется, позже я все написанное представлю вам на одобрение».

В сентябре Черчилль получил приглашение от Эдуарда VII. «Король, вопреки своей обычной манере, принял меня очень доброжелательно и был любезен со мной, – отчитывался он в письме к матери. – Было очень приятно и весело. А сегодня была великолепная охота, хотя своего оленя я упустил». Из королевской резиденции – Балморала он отправился на встречу с лордом Розбери, которому изложил план борьбы против реформы армии, затеваемой Бродриком. Он рассчитывал объединить небольшую, но активную группу консерваторов и либерал-юнионистов и совместно голосовать против чрезмерных военных расходов.

От лорда Розбери Черчилль поехал в Олдем, чтобы выступить перед избирателями. Во время этой поездки он имел продолжительный разговор с Сэмюэлом Смитхерстом, лидером местных консерваторов, который разделял многие его опасения. «Все это было любопытно и обнадеживающе, – написал он Смитхерсту через несколько дней. – Размышляя, мы пришли

к мысли, которая крутилась у меня в мозгу, но которую мне никак не удавалось сформулировать». Свою мысль Черчилль сформулировал в этом письме. Она заключалась в следующем: постепенное создание демократического или прогрессивного крыла в Консервативной партии, которое могло бы составить центристскую коалицию и вдохнуть свежую струю в старое тело. «Эта перспектива, – писал Черчилль Смитхерсту, – занимает меня сейчас так же, как занимала всю жизнь моего отца. И чем больше я об этом думаю, тем больше понимаю смысл замечания, которое лорд Солсбери сделал моему отцу после его отставки: «Этот разворот (изменение демократии тори. – *М. Г.*) может произойти только после смерти мистера Гладстона».

Он заверял Смитхерста: «Вам не следует опасаться с моей стороны каких-то поспешных действий, поскольку для меня осмотрительность – превыше всего. Возможно, наступит день, когда я рискну, но если это и произойдет, то никак не в текущем году. Розбери наиболее близок моему пониманию демократии тори, но пока он остается во главе партии с широкой и разработанной программой, вопрос о его поддержке был бы преждевременным, а обсуждение с ним этого очень опасным. И пусть даже возможность создания новой демократической коалиции созреет в обозримом будущем, мне предстоит сделать трудный и рискованный выбор, да и мои собственные чувства будут двойственными. В личном плане – из-за моей дружбы с мистером Чемберленом и мистером Бальфуром, в политическом – из-за моей привязанности к юнионистской партии, созданием которой так плотно занимался мой несчастный отец».

Это письмо Черчилль написал в поместье Кэнфорд у сестры отца леди Уимборн. Он изучал там семейную переписку и собрание газетных вырезок, намереваясь в два-три года завершить работу над отцовской биографией. В письме Смитхерсту Черчилль изложил собственную политическую доктрину: «Широкие, толерантные, умеренные взгляды, стремление к компромиссу и соглашению; нетерпимость к лицемерию и экстремизму любого рода. Должен признаться, что идея центристской партии, более свежей, более свободной, более активной, но, прежде всего, патриотической, очень греет мне душу. Полагаю, рано или поздно либералы присоединятся к нашей партии центра, чтобы вместе бороться против лейбористского движения – космополитичного, антинационального, безбожного и, возможно, даже коммунистического. Уверен, партия центра сможет противостоять ему».

Черчилль с воодушевлением узнал, что его идея центристской партии получила поддержку одного из самых влиятельных консерваторов Олдема. Во время посещения Олдема он сообщил лорду Розбери: «Обе партии заботятся обо мне с сердечностью самой искренней и даже удивительной, поскольку меня с ними не было шесть месяцев». Он также раскрыл Розбери возможный первый ход – объединить парламентские действия либералов и консерваторов в борьбе за сокращение военных расходов. «Этот ход, – писал он, – при определенных обстоятельствах может обрести сторонников, и я уже посвятил в него двух своих друзей из лагеря консерваторов».

10 октября Черчилль отправил Розбери копию письма к Смитхерсту, в котором ратовал за постепенное создание центристской партии, – партии, связующей либералов и консерваторов. «Если благодаря такому эволюционному процессу мы сможем создать крыло в партии тори, которое либо вдохнет энергию в ее дряхлое тело, либо создаст центристскую коалицию, – писал он Розбери, – мой план окажется очень важным. Но риски и опасности чрезвычайно велики и могут вызвать лично для меня последствия, которых я не в состоянии предвидеть. Только надежда на то, что и вы поднимете флаг, под которым так долго и безуспешно сражался мой отец, дает мне решимость сделать столь серьезный шаг. Правительство центра – партия, которая будет, с одной стороны, свободна от эгоизма и бессердечия тори, а с другой – от безрассудных аппетитов радикалов, – может оказаться идеалом, к которому надо стремиться, но которого мы никогда не достигнем. В любом случае на ее создание потребуется время, но ради этого стоит работать. Я, во всяком случае, не вижу оснований терять надежду на создание хорошего государства. Единственное, чего я опасаюсь, – так это того, что мной движут ненасытные амбиции. Но если появится определенная цель, например тарифы, это исчезнет». Черчилль затронул тему, которая в ближайшие девять месяцев станет причиной его разрыва с Консервативной партией, – разрыва, который продлится целых двадцать лет.

Противоречия возникли почти сразу. В конце октября в статье, опубликованной в Oldham Chronicle, его обвинили в непоследовательности, которая выражалась в одновременной поддержке принятых консерваторами налогов на зерно и сахар и принципов свободной торговли. «Оба налога, – возразил он, – были введены исключительно для увеличения доходов. Это были необходимые меры, вызванные военным временем, когда было жизненно важно найти деньги. Они не были предназначены на защиту колониальной продукции от иностранной

конкуренции. Таким образом, – написал Черчилль, – нет никакой непоследовательности в том, что я преследовал обе эти цели. Должен признаться, я самый убежденный сторонник свободной торговли». Но Консервативная партия продолжала проводить свою политику, невзирая на то, что еще пятьдесят лет назад Дизраэли заявил: «Протекционизм – не только гибель, но и проклятье». И Бальфур, и канцлер Казначейства были сторонниками свободной торговли, но консерваторы, которые начали кампанию за введение тарифов, были намерены склонить партию на свою сторону.

В публичных выступлениях по всей Англии Черчилль отстаивал экономические выгоды свободной конкуренции на мировых экономических рынках. Дешевое продовольствие и дешевое сырье, доказывал он, лучше всего обеспечиваются свободной торговлей. Протекционизм же неизбежно приведет к росту тарифов во всем мире. А это, в свою очередь, взвинтит цены и приведет к росту международной напряженности – как в экономике, так и в политике. 14 ноября в письме избирателям он отметил: «Мне кажется фантастической сама идея окружить Британскую империю глухой стеной. Почему Британия должна отказывать себе в хороших и разнообразных товарах, которые предлагают поставщики со всего света? Тем более чем активнее мы торгуем с другими странами, тем активнее другие страны вынуждены торговать с нами. Наша планета не столь велика по сравнению с другими небесными телами, и я не вижу реальной причины создавать на ней свою маленькую планету под названием Британия и отгораживать ее непреодолимым барьером от всего остального мира».

20 ноября по приглашению сэра Эрнеста Касселя Черчилль отправился в Египет на открытие новой плотины на Ниле около города Асуан. Поднимаясь вверх по Нилу на пароходе, он по утрам продолжал писать биографию отца. Кроме этого он осматривал достопримечательности Древнего Египта. В Египте же он отметил свой двадцать восьмой день рождения. Из Асуана он отправил письмо матери со своим комментарием к последним дебатам в парламенте. «Тред-юнионисты – разумные люди, – писал он, – но они выдвигают неразумные требования. Консерваторы будут категорически против. Я хочу посмотреть, как они смирятся с реальным положением дел. Но срединный курс, как известно, непопулярен».

Вернувшись в Англию, Черчилль 24 февраля 1903 г. снова выступил в палате общин с критикой правительства по вопросу увеличения военных расходов. «Я рад, что вы согласились со мной, – писал он лорду Розбери. – Думаю, пока это моя самая

удачная речь, и палата общин урчала, как довольная кошка. При голосовании восемнадцать консерваторов присоединились к нам, также выразив несогласие с правительством. Еще пятнадцать из них воздержались. Наша наступательная тактика оказалась очень успешной. Наши сторонники чрезвычайно довольны и рвутся в бой как никогда. По ходу дебатов Бродрик и Бальфур дали понять, что курс может измениться. Мое единственное опасение – мы слишком рано добились успеха».

Черчилль продолжил кампанию против Бродрика, опубликовав свои выступления против системы армейской реформы в небольшой брошюре под названием «Армия мистера Бродрика» (Mr Brodrick's Army). Через месяц, после достигнутого в последнюю минуту соглашения между министрами-консерваторами и министрами-либералами не навязывать голосование по этому вопросу, Черчилль выразил недовольство Кэмпбеллу-Баннерману. «Некоторые из моих единомышленников весьма озадачены, – сообщал он. – Они намеревались уговорить как можно большее число юнионистов проголосовать против правительства. Расходы на армию существуют не сами по себе. Они – ключевое звено в цепи расточительств».

В письме Черчилля отразилось и разочарование парламентом: «Совершенно невозможно представить, чтобы парламентарий, действующий в одиночку, мог хотя бы в малейшей степени влиять на политику правительства. Он может произносить речи, но не более того. Вряд ли он добьется успеха хоть в одном пункте. Депутаты голосуют строго в соответствии с линией партии, а министры имеют монополию на мнение. У них батальон вымуштрованных сторонников и последнее слово в дебатах».

Черчилль призывал консерваторов рискнуть и вызвать на себя гнев партии, голосуя заодно с либералами, чтобы повлиять на позицию правительства в отношении военных расходов. Но его мечтой было не просто ослабить монополию одной партии. «У меня в голове, – писал он избирателям, – всегда была мысль об идеальной общенациональной партии, о которой мечтал еще лорд Рэндольф и за создание которой упорно боролся». Это было написано 24 апреля. Через три недели Чемберлен поднял вопрос налоговой реформы. Выступая в Бирмингеме, он бросил вызов политике консерваторов. Угрожая единству партии, он заявил, что существующая система торговли должна быть оставлена в прежнем виде и что экономическое могущество Британии и ее колоний будет укрепляться системой преференций. Колониальные товары могут поставляться по действующим

ценам, а аналогичные товары из Европы будут облагаться пошлинами, что сделает их более дорогими и, соответственно, менее привлекательными.

В дебатах Черчилль сразу проявил себя одним из самых активных сторонников свободной торговли. В то же время при обсуждении военного бюджета он и сейчас получил поддержку от министра финансов сэра Фрэнсиса Моуэтта. Позднее Черчилль писал: «Он вооружил меня фактами и аргументами, необходимыми молодому человеку, который всего в двадцать восемь лет собирался сыграть роль в общенациональной политике».

Всего чуть более года назад Черчилль и его друзья-«хулиганы» услышали от Чемберлена, что тарифы – это «политика будущего». Теперь они с Чемберленом оказались по разные стороны баррикад в борьбе за голоса Консервативной партии. 20 мая, через пять дней после выступления Чемберлена, Черчилль взял на себя попытку убедить Бальфура дистанцироваться от Чемберлена. «Я резкий противник всего, что может изменить характер нашей страны, – написал он Бальфуру. – Если вы сделаете выбор в пользу тарифов, мне придется пересмотреть свою политику».

Бальфур не сделал никакого выбора. Он ответил, что «вопрос очень сложный и требует самых осторожных шагов». 28 мая в палате общин Чемберлен отстаивал идею протекционизма. Черчилль был разочарован, что один из ведущих специалистов по финансовым вопросам от Либеральной партии, Асквит, отсутствовал на заседании и не смог ему возразить. Черчилль выступил сразу же после Чемберлена и предупредил, что, если будет принята позиция Чемберлена, это приведет к тому, что Консервативная партия превратится в некую иную партию. «Экономическим абсурдом, – заявил Черчилль, – является утверждение, что протекционизм означает повышение уровня жизни. А утверждение, что он означает более справедливое распределение благосостояния – наглая ложь. Если будут приняты протекционистские меры, старая Консервативная партия со своими религиозными ценностями и конституционными принципами исчезнет, и возникнет новая партия – богатая, материалистическая и светская».

«Какая жалость, что вчера ваших помощников не оказалось на месте, – написал Черчилль лорду Розбери. – У Асквита была возможность выступить после Чемберлена, и она может не повториться. Все бремя легло на нас». Сэр Эдвард Грей во время дебатов тоже отсутствовал. Встретившись с ним через два дня, Черчилль попенял ему на это. Тот ответил, что был

в Йорке. Черчилль сказал, что это «не ответ». Он понимал, насколько зависит от стратегии парламентариев-либералов и от их способности не совершать опрометчивых шагов, которые могли бы укрепить сторонников протекционизма в правительстве. В письме Кэмпбеллу-Баннерману он попытался убедить лидера либералов отделить критику тарифов от общей критики бюджета, который Черчилль хотел бы защитить. «Вы, конечно, понимаете, – писал Черчилль, – что позиция тех консерваторов, которые неизменно выступают против налоговых изменений, очень сложна и опасна, и я искренне надеюсь, что вы будете учитывать нашу позицию при выборе своего курса».

Черчилль с головой погрузился в организацию Лиги дешевого продовольствия из своих единомышленников-консерваторов, членов парламента. «Если не начать действовать сейчас, – писал он одному из возможных сторонников, – мы зачахнем и не найдем даже кочки, куда можно будет поставить ногу. Решительные действия могут существенно разрушить чемберленизм и сохранить характер партии тори».

Вскоре Черчилль уже смог сообщить Хью Сесилу о двенадцати «верных», одиннадцати «вероятных» и шести «возможных» членах лиги. «Две наши козырные карты, – говорил он Сесилу 3 июня, – это, во-первых, умение дискутировать и выступать в палате общин и, во-вторых, постоянные вопли против налога на продовольствие. Что касается поддержки газет, она сохранится, пока есть шанс победить, но в час поражения улетучится».

Когда была образована лига, она насчитывала шестьдесят парламентариев-консерваторов. Через три дня после ее создания Черчилль опубликовал в Times письмо против сторонников Чемберлена, использовавших партийные механизмы для пропаганды протекционизма.

Пока Черчилль боролся в рядах Консервативной партии, его двоюродный брат Санни, которому Бальфур предложил работу в правительстве, написал, что «страдает» от того, что Черчилль намерен играть столь активную роль в противостоянии правительственным и чемберленовским налоговым предложениям. «Это будет означать твой полный разрыв с партией тори, – предсказывал герцог, – и твою солидарность с Розбери и его сторонниками».

«Говоря об электоральных перспективах партии, – писал в то же время Черчилль знакомому юнионисту, – то позвольте сообщить под строжайшим секретом, что моя идея сейчас, как и всегда, – формирование своего рода центристского правительства. На всеобщих выборах юнионисты могут заключить

пакт с либералами. Впрочем, все это очень шатко и в данный момент существует преимущественно в моей черепной коробке. Но в любом случае Консервативной партии не понравится мысль о всеобщих выборах в таких условиях, и все ее силы будут брошены на то, чтобы удержать свое превосходство».

Другому корреспонденту, который настаивал, что налог на импорт – ключ к процветанию, Черчилль ответил: «На мой взгляд, лучшими средствами стимулирования экономического процветания являются улучшение научно-технического образования, смягчение налогообложения, мирная политика, стабильность и спокойствие в обществе».

Взаимное раздражение нарастало. В конце июля консерваторы Эдинбурга отменили встречу, на которую собирались пригласить Черчилля, из-за его противодействия протекционизму. «С сожалением узнал, – в ответ написал он, – что среди консерваторов Эдинбурга существует такая нетерпимость и предубеждение по вопросу фискальной политики, что они даже не рассматривают возможность свободной дискуссии. Однако надо иметь в виду, что партия консерваторов не всегда сможет рассчитывать на поддержку подавляющего большинства. Возможно, в будущем ей придется серьезно бороться за многие позиции, долгое время казавшиеся незыблемыми. Дух нетерпимости может привести к выходу из ее рядов многих сторонников, хотя искренне надеюсь, что этого удастся избежать. Если же нет, то об этом придется сильно пожалеть».

Летом Чемберлен прислал Черчиллю частное письмо, в котором заверил, что не держит на него зла, и в котором содержалась проницательная оценка политической позиции Черчилля. «Я почувствовал очень давно, – написал Чемберлен, – а точнее, с первых доверительных бесед с вами, что вас никогда не устроит положение, которое называется «верный сторонник». Не думаю, что в политике найдется много места для инакомыслящего тори, но бог знает, возможно, на скамьях другой стороны есть необходимость в новых талантах. Я думаю, что вскоре вы можете оказаться там. Но так ли необходимо, – поинтересовался Чемберлен в конце, – быть таким индивидуалистом в выступлениях?»

Разгневанный тем, что Бальфур не заявил себя сторонником тарифов, осенью Чемберлен вышел из состава кабинета министров. Уговорив его придержать эту новость на пару дней, Бальфур совершил необыкновенно ловкий политический трюк, отправив в отставку четырех ведущих министров, включая

министра финансов. Когда стало известно обо всех отставках, стало ясно, что Бальфур таким образом освободил кабинет от оппозиции. Никто не знал, каким образом он собирается перестраивать администрацию. В письме матери Черчилль задавался вопросом: «Будет ли это протекционистская политика или кабинет станет поддерживать свободу торговли? Возможно и то и другое».

Ответа долго ждать не пришлось. 2 октября, выступая в Шеффилде, Бальфур объявил, что Консервативная партия намерена принять протекционистское законодательство. Стало ясно, что Черчиллю в новом правительстве нет места. Его взгляды были чересчур радикальными. Они оказались чересчур радикальными и для его избирателей, все больше склонявшихся на сторону Чемберлена.

Черчилль детально изложил свои аргументы в письме избирателям, которое через три дня появилось на страницах Times. В нем Черчилль заявил: «Чемберлена меньше заботит понижение тарифов иностранными государствами, чем возведение тарифных заборов вокруг собственного. Тарифы на все виды продуктов – шарлатанство. Трудящиеся будут постоянно думать о каждом куске, который они кладут себе в рот. Британские колонии отвергнут предложение сворачивать развитие своих экономик подобно тому, как китайские матери забинтовывают ноги своим детям».

Черчилль не убедил избирателей. Более того, местная ассоциация консерваторов выступила против него. «Вы будете глупо выглядеть, – написал ему председатель избирательного штаба и один из немногих оставшихся его сторонников, – если во время следующих выборов большинство тех, кто был на вашей стороне, решит не выдвигать вас в качестве кандидата». Это вызвало у него глубокую обиду. 14 октября ассоциацией была принята формальная резолюция, в которой было записано: «Собрание сожалеет о тоне, в котором выдержано письмо мистера Черчилля». «Мое письмо, – рассказывал Черчилль Морли два дня спустя, – вызвало извержение вулкана в Олдеме. Такой ярости я никогда не видел. Весь электорат тори без ума от протекционизма».

Тетушка Корнелия, сестра отца, выразила надежду, что племянник теперь войдет в партию либералов. «Я считаю твое письмо блестящим, – написала она. – Оно напомнило мне стиль твоего отца, который всегда выражался с полной откровенностью. В одном, по-моему, можно не сомневаться: Бальфур и Чемберлен заодно, а у Консервативной партии нет будущего. Чего ждать?» Черчилль пришел почти к такому же заключению. «Я английский

либерал, – написал он Хью Сесилу 24 октября. – Я ненавижу партию тори, ее людей, их слова и их методы. Я не испытываю к ним ни малейшей симпатии, за исключением моих избирателей в Олдеме».

Черчилль пояснял Сесилу, что еще до того, как соберется парламент, он намерен «безоговорочно порвать с партией тори и правительством. На следующей сессии я предполагаю действовать согласованно с Либеральной партией. Свобода торговли сама по себе настолько либеральна, что любой, кто за нее борется, обязан стать либералом. Долг каждого, кто ее поддерживает, заключается не в том, чтобы брюзжать на задворках беспринципного парламента, но смело и честно влиться в ряды этой великой партии. Без поддержки свободы торговли партия не сохранится».

К этому времени уже стало ясно, что, если юнионисты намерены оставаться в парламенте как отдельная политическая группа, они не могут рассчитывать на помощь либералов. Либералы, например, желали, чтобы юнионисты на будущих выборах не противостояли их кандидатам. «Я бы очень хотел, – обращался Черчилль к Морли, – чтобы вы со своего руководящего поста убедили либералов смотреть чуть дальше ближайшей партийной выгоды и занять несколько дополнительных мест людьми, которые, возможно, сделают в будущем что-то полезное для либерализма». Черчилль хотел не только «сделать что-то полезное для либерализма». Он также хотел, как объяснял Сесилу, «помочь сохранить реформированную Либеральную партию перед объединенными ударами Капитала и Труда».

Черчилль все еще пытался уговорить либералов не конкурировать с юнионистами на выборах. Но после разговора с лордом Твидмаусом – ведущим либералом – он сообщил Сесилу: «Мы должны заручиться официальной поддержкой либералов, если решим открыто выступить кандидатами от них. Твидмаус готов помочь, но их либеральная машина, кажется, не менее тупая и ожесточенная, чем наша».

11 ноября Черчилль и Сесил выступили как основные ораторы на встрече с избирателями в Бирмингеме. Это должно было стать последней попыткой изменить мнение консерваторов в отношении протекционизма, причем сделать это там, где политика Чемберлена пользовалась наибольшей поддержкой. «Я тщательно пересмотрел свою речь, – рассказывал Черчилль Сесилу за несколько дней до встречи, – и, по-моему, мне не составит труда заставить публику меня выслушать». Встреча в Бирмингеме прошла без инцидентов. Черчилль произнес вдохновенную речь. После его выступления один

либерал заметил: «Этот человек может называть себя кем угодно, но он не больше тори, чем я». Через три недели ассоциация либералов Бирмингема предложила ему баллотироваться на ближайших всеобщих выборах от центрального округа, где когда-то сражался его отец.

Черчилль еще не до конца решился примкнуть к Либеральной партии. В декабре он выступал в Челси и Кардиффе. Он также ездил в Олдем, чтобы изложить свою позицию руководству местной ассоциации консерваторов. «Маловероятно, – сказал он им, – что на следующих выборах я буду баллотироваться от Олдема как консерватор». Но ему хотелось понять, могут ли его выступления повлиять на умонастроения избирателей округа. «Я смогу, – утверждал он, – произвести на них сильное впечатление и обрести собственных сторонников, совершенно независимых от руководства любой партийной организации».

В декабре лорд Твидмаус спросил Черчилля, не хочет ли он баллотироваться от либералов в Сандердленде. «Место свободно, – сообщил он, – и шансы очень высоки». Черчилль все еще не был готов принять окончательное решение, но через два дня, по-прежнему называя себя юнионистом, направил письмо в поддержку либерального кандидата, который соперничал с консерватором на дополнительных выборах в Ладлоу. «Либералы, – написал он, – должны сформировать единый фронт против общего врага. Пришло время совместных действий».

Сесил был поражен выступлением Черчилля против консерваторов. «Ты отказываешься от деятельности, которую вел как член партии, ради ничего, – написал он. – До сих пор юнионисты соглашались вести борьбу против протекционизма в рядах консерваторов. Но теперь под влиянием очередного мимолетного настроения ты полностью отказываешься от этого и отдаешься либералам. Такое непостоянство делает практически невозможным сотрудничество с тобой. Если ты от этого не избавишься, это будет пагубно для твоей карьеры». Сесил собирался сдержать обещание и выступить с Черчиллем в Вустере и Абердине, но теперь решил от него отмежеваться.

Письмо Черчилля в поддержку либералов в Ладлоу вызвало недовольство и избирателей Олдема. Их возмущение усилилось после речи, произнесенной им 21 декабря в Галифаксе, в которой он сказал: «Слава богу, у нас есть оппозиция». Председатель избирательного комитета заявил ему: «Это предвещает ваше слияние с Либеральной партией».

«Мои речи тебя не компрометируют, – заверял Черчилль Сесила, – но ты можешь отречься от меня, если сочтешь нужным. Формально они не отделяют меня и от Консервативной партии,

хотя сделать этот шаг придется в недалеком будущем».

Через два дня после выступления Черчилля в Галифаксе комитет ассоциации консерваторов в Олдеме выпустил резолюцию, в которой говорилось, что Черчилль «утратил их доверие как юнионист от Олдема, и на будущих выборах он больше не может рассчитывать на поддержку консерваторов». Черчилля это не смутило, и он решил сформировать в Олдеме организацию юнионистов, которая поддержала бы его на дополнительных выборах. Его идеей было отказаться от места в парламенте и баллотироваться самостоятельно. Ради этого он заверил представителей местной Лейбористской партии, что, если они не будут противостоять ему на дополнительных выборах, он не будет выдвигать свою кандидатуру от Олдема на всеобщих выборах. Четырьмя днями позже ассоциация консерваторов приняла решение: Черчилль не получит поддержки консерваторов на ближайших всеобщих выборах.

В последний день 1903 г. Черчилль обедал с Ллойд Джорджем. Он пытался найти точки соприкосновения между юнионистами и либералами в случае, если последние согласятся не выставлять своих кандидатов в некоторых избирательных округах. Сдержанность и спокойствие Ллойд Джорджа в отстаивании своих взглядов приятно удивили его. Тот говорил с Черчиллем о необходимости для юнионистов принять «позитивную программу», особенно в отношении рабочего класса. «Получился очень приятный и конструктивный разговор», – написал Черчилль Сесилу. Но Сесил, разделяя неприязнь консерваторов к радикализму Ллойд Джорджа, был раздосадован. «Мне бы и в голову не пришло вести с ним переговоры», – ответил он и решил отказаться от совместного с Черчиллем выступления в Абердине.

Какой путь следовало выбрать Черчиллю? Отказаться от Олдема, а затем на дополнительных выборах снова войти в парламент как юнионист? Или покинуть ряды консерваторов и присоединиться к либералам? «Сложность политической ситуации угнетает меня, – пишет он Сесилу 1 января 1904 г. – Мне кажется, вне зависимости от того, как мы поступим на следующих выборах, партия тори станет окончательно капиталистической и протекционистской, а Либеральную партию раздавят организованный капитал с одной стороны и организованный труд – с другой».

Но пока казалось, что юнионисты после выборов могут сохраниться как независимая парламентская группа. 5 января Твидмаус сообщил Черчиллю, что Асквит и Герберт Гладстон, сын бывшего премьер-министра, «уполномочены обсудить с двумя

членами вашей партии возможные условия». Но первым условием, предупредил Твидмаус, должно стать голосование группы Черчилля за поправки к свободе торговли.

Черчилль согласился с условиями либералов и уговорил коллег поступить так же. Однако консерваторов уже стало всерьез раздражать его усиливающееся влияние. Один парламентарий от консерваторов заявил: «Черчилль опустился до самого дна политического бесчестья». Близкие друзья-консерваторы понимали силу его убеждений. «Очень сожалею, что у тебя такие взгляды на этот вопрос, – написал ему лорд Дадли, – но, отстаивая их настолько твердо, ты, разумеется, имеешь право идти до конца».

2 марта в своем первом выступлении на новой сессии парламента Черчилль раскритиковал присоединение правительства к Брюссельской сахарной конвенции, которая устанавливала защитные цены на сахар из Индии, в отличие от поставок из других стран. Поздравив его с блестящей речью, лидер либералов Кэмпбелл-Баннерман написал, что в ее первой части звучала «такая ирония, какой мне еще не доводилось слышать в палате общин». Консервативная же партия уже не собиралась ничего прощать ему и забывать. Черчилль в своем выступлении говорил, в частности: «Когда страной начинали править в чьих-то конкретных интересах – будь то двор, церковь, армия, торговое сословие или рабочий класс, – это неизменно оборачивалось для нее несчастьем. Любой страной нужно управлять с некой срединной позиции, в которой пропорционально представлены все классы и все интересы. Рискну предположить, что даже и теперь этот принцип в известной степени имеет отношение и к нашему парламенту. Что же касается сахарной конвенции, мы получили дорогое продовольствие – и это не угроза, а свершившийся факт, которым гордятся как достижением законодательства, которое нас сейчас просят принять».

Через неделю после выступления Черчилля против протекционизма его коллеги предложили поправку, выражающую несогласие с протекционистскими мерами правительства. Изначально, в стремлении избежать конфликта, Бальфур одобрил поправку, но, когда консерваторы возразили, отозвал ее, и она была отклонена. «По-моему, правительство окончательно прогнило, – написал Черчилль Сэмюэлу Смитхерсту. – Они постоянно цапаются между собой и не способны ни к каким решительным действиям. Ужасное падение авторитета Консервативной партии».

Черчилль начал регулярно голосовать против консерваторов.

В марте он поддержал протест либералов против одобренного правительством кабального труда китайцев в Южной Африке. Он также голосовал за либеральные законопроекты по восстановлению прав профсоюзов и за налог на продажу земель в тех случаях, когда земля покупается со спекулятивными целями под застройку.

Либеральная ассоциация Северо-Западного Манчестера поинтересовалась у Черчилля, не согласится ли он стать их кандидатом на ближайших выборах. Причем он мог бы выступить, если пожелает, не как либерал, а как «отдельный кандидат» от Лиги дешевого продовольствия. Искушение, рассказывал он Сесилу, было велико: «Округу нужен был кандидат, который мог бы в ходе предвыборной гонки ежедневно реагировать на все выступления Бальфура. Если учесть, что в Ланкашире не было ни одного мало-мальски влиятельного либерала, можно понять, какие возможности открывало это предложение». Он поведал Сесилу и о манчестерских либералах: «Они убеждены, что эффект от моей кампании повлияет на выбор всех девяти кандидатов от Манчестера и еще в дюжине прилегающих к нему избирательных округов».

Теперь Черчилль собирался выступить самостоятельно против Бальфура в палате общин и задать ему ряд неприятных вопросов о фискальной политике. Он также намеревался высмеять последние экономические предложения Бальфура. «Не будь слишком агрессивен во вторник, – предостерегал его Сесил. – Займи взвешенную позицию и основательно ее аргументируй».

Вторничные дебаты состоялись 29 марта. Когда в начале своего выступления Черчилль заявил, что общество имеет право знать мнение парламентариев, Бальфур покинул палату. Черчилль немедленно подал протест спикеру, заявив, что уход Бальфура – это «неуважение к палате». После этого все министры с передней скамьи тоже поднялись и вышли, а за ними потянулись и консерваторы-«заднескамеечники». Некоторые задерживались в дверях, чтобы бросить какую-нибудь колкость в адрес Черчилля, который остался почти в одиночестве. Тем не менее он продолжил свою речь, хотя в основном она была построена как ряд вопросов отсутствующему Бальфуру.

«Я внял твоему совету по поводу выступления, – написал Черчилль Сесилу на следующий день, – и сформулировал все вполне умеренно, но, как ты, вероятно, мог заметить, я стал объектом крайне неприятной демонстрации. Я бы скорее предпочел, чтобы меня грубо прерывали или даже, в худшем случае, высмеяли. Но ощущение, когда аудитория разошлась и я

оказался перед скамьями либералов с абсолютно пустой правительственной частью, оказалось самым трудным, и мне стоило значительных усилий заставить себя произнести все до конца».

Когда Черчилль закончил говорить, либералы бурно приветствовали его. Некоторые писали ему позже, что их потрясла такого рода демонстрация. Сэр Джон Горст, некогда один из политических союзников лорда Рэндольфа, охарактеризовал поступок своих однопартийцев-консерваторов так: «Самая откровенная грубость, с какой мне приходилось сталкиваться».

В день демонстративного ухода консерваторов из зала заседаний в другой части света произошло событие, которое вызвало негодование Черчилля. В тибетской деревне Гуру произошло убийство шестисот тибетцев. «Жалкие и ничтожные крестьяне, – как охарактеризовал их командир британцев полковник Янгхазбенд, – были сметены огнем наших винтовок и «максимов». «Это самая настоящая подлость, – написал Черчилль Сесилу, – абсолютное презрение к правам тех, кто ведет себя иначе. Много ли найдется в мире людей настолько малодушных, чтобы не оказать сопротивление в таких условиях, в которых оказались эти несчастные тибетцы. Они веками владели этой землей, и, хотя они всего лишь азиаты, понятия «свободы» и «родины» для них тоже не пустой звук. А то, что поражение тибетцев будет встречено в прессе и в партии дикими торжествующими воплями, очень плохой знак».

18 апреля Черчилль принял предложение либералов Северо-Западного Манчестера баллотироваться в их округе при поддержке Либеральной партии. В благодарственном письме он писал: «Британии сейчас требуется решительный переход от дорогостоящих захватнических военных амбиций к более трезвой политике и возвращение к основополагающим принципам: строгого соблюдения прав человека, твердой опоры на нравственные принципы свободы и справедливости, которыми она всегда славилась». Фактически он стал либералом. 22 апреля он три четверти часа выступал в прениях по биллю о профсоюзах и трудовых конфликтах, отстаивая права профсоюзов и призывая к конструктивному диалогу с ними. Консервативная Daily Mail охарактеризовала его выступление как «радикализм с ярко-красным отливом».

Ближе к концу выступления Черчилль начал фразу: «На правительстве лежит ответственность за удовлетворение запросов трудящихся, и нет оправдания…» В этот момент он запнулся, как бы подыскивая слово. Затем замолчал, явно

сконфуженный, начал перебирать свои листки и сел. Закрыв лицо руками, он пробормотал: «Благодарю многоуважаемых членов парламента за внимание». Несколько молодых парламентариев-консерваторов попробовали острить в связи с провалом своего оппонента. Но в зале присутствовало довольно много более зрелых парламентариев, которые еще помнили последние мучительные, а под конец и бессвязные выступления лорда Рэндольфа. Они пришли в ужас при мысли о том, что сын начал страдать тем же заболеванием.

Но приступ оказался несерьезным. «Полагаю, он просто перегрузил нервную систему, – объявил врач. – Потеря памяти возникла в результате нарушения мозговой деятельности. Временами это происходит и с самыми здоровыми людьми. К счастью, это обычно не повторяется». С Черчиллем действительно такого больше не повторилось. Но в дальнейшем он не станет заучивать речи и полагаться только на свою замечательную память, а будет подстраховываться, делая подробные записи.

Формально Черчилль еще не стал членом Либеральной партии. 2 мая он написал одному приятелю: «Это событие еще не произошло. Произойдет оно или нет, зависит от будущего политического курса». Через одиннадцать дней он произвел самую яростную атаку на протекционизм. Выступая на съезде либералов в Манчестере в присутствии Морли, он рассказал, чего нужно ожидать, если Консервативная партия вернется к власти под новым знаменем протекционизма: «Это будет партия, объединенная в гигантскую федерацию; коррупция в стране, агрессия за рубежом, мошенничество с тарифами, тирания партийной машины; сантиментов – ведро, патриотизма – пинта, огромная дыра в бюджете, распахнутые двери пабов и рабочая сила для миллионеров – за бесценок». В заключение Черчилль заявил о своей преданности идеям либерализма: «Наш курс приведет к лучшему, более справедливому общественному устройству. Мы глубоко убеждены, что обязательно придет время, – и наши усилия приблизят его, – когда серые облака, под которыми миллионы наших соотечественников заняты тяжелым трудом за гроши, рассеются и навсегда исчезнут под солнцем новой прекрасной эпохи».

Оставалось лишь одно препятствие на пути Черчилля в ряды Либеральной партии – его негативное отношение к ирландскому гомрулю. Это отношение он унаследовал от отца. Оно было неотъемлемой частью мышления и политики как консерваторов, так и юнионистов. В середине января он получил несколько «заметок об Ирландии» сэра Фрэнсиса Моуэтта. В третью неделю

мая, после разговора с одним из членов парламента, ирландским националистом, он решил убрать последнее, что отделяло его от либералов, и предложил конкретный план по предоставлению Ирландии большей самостоятельности.

Черчилль изложил этот план в письме Морли. По его мнению, отдельного ирландского парламента быть не должно. Политическое руководство – за Вестминстером. Но следовало сформировать местные советы, которым можно поручить заниматься образованием, лицензированием, налогообложением, коммунальным хозяйством и железными дорогами. Эти сферы должны быть отданы «самим ирландцам, которые будут – или не будут – заниматься ими по собственному усмотрению. Новый курс может быть смело назван «административным самоуправлением». Его будут отстаивать как юнионисты, так и сами ирландцы». Таков был первый шаг Черчилля на пути к гомрулю.

Две недели спустя в письме к руководителям еврейской общины Северо-Западного Манчестера он раскритиковал самый одиозный из всех новых законопроектов, внесенных в парламент, – правительственный билль об иностранцах. Этот проект, представленный в парламент два месяца назад, был направлен на резкое сокращение иммиграции евреев из России в Британию. В письме Черчилль заявил, что будет активно выступать против этого законопроекта. Он против отказа от «старой толерантной и великодушной практики свободного въезда и предоставления убежища, которой так долго придерживалась наша страна и от которой получила огромную выгоду». Он понимал опасность передачи этого законопроекта министру внутренних дел, известному своим антисемитизмом. Его беспокоит, писал он, «влияние билля на простых иммигрантов, политических беженцев, беспомощных и неимущих, которые в случае его принятия не будут иметь возможности апеллировать к известному своей справедливостью английскому правосудию».

Нападая на лидеров партии, к которой он формально принадлежал, Черчилль охарактеризовал билль об иностранцах как «попытку правительства удовлетворить небольшую, но горластую группу своих сторонников и приобрести лишнюю популярность в избирательных округах жестоким отношением к небольшому количеству несчастных чужаков, не имеющих права голоса. Билль адресован тем, кто любит патриотизм за чужой счет и восхищается русской моделью империализма. Он рассчитан на тех, кто испытывает типичную для островитян подозрительность по отношению к иностранцам, расовую

неприязнь к евреям и предубежденность против конкурентов».

Атака Черчилля на билль об иностранцах была напечатана в Manchester Guardian 31 мая. Это был первый день работы парламента после Духова дня. Двадцатидевятилетний парламентарий вошел в зал палаты общин, постоял у барьера, бегло оглядел скамьи правительства и оппозиции, быстро прошел по проходу, поклонился спикеру, после чего резко и демонстративно повернул направо к скамьям либералов и сел рядом с Ллойд Джорджем. Он присоединился к либералам. Он выбрал то самое место, на котором сидел его отец в годы пребывания в оппозиции и с которого он стоя размахивал платком, приветствуя падение Гладстона. «Инакомыслящий» сын лорда Рэндольфа теперь встал плечом к плечу с наследниками Гладстона, полный решимости усилить их ряды и помочь одержать победу на выборах.

Глава 9
Мятеж и ответственность

С того самого момента, когда 31 мая 1904 г. Черчилль пересел на скамьи либеральной оппозиции в палате общин, он оказался на переднем крае борьбы с консерватизмом. Нападки на правительство отдаляли Черчилля от консервативного мира его семьи и класса. «Не мог не задуматься прошлой ночью, – писал он Хью Сесилу 2 июня, – каким мучением для меня оказался разрыв со всей этой иерархией и насколько тщательно человек должен все обдумать, чтобы быть полностью независимым от нее. Самое неприятное, что, когда тема свободы торговли отойдет на второй план, могут обнажиться мои личные амбиции. Впрочем, это может стать и преимуществом, если возникнет новое крупное дело».

Через четыре дня после формального перехода в лагерь либералов Черчилль раскритиковал протекционистскую политику Бальфура в публичном выступлении в Манчестере. Еще через четыре дня, уже в палате общин, он оказался одним из трех либералов, осудивших билль об иностранцах. Двумя другими были лидер Либеральной партии Кэмпбелл-Баннерман и Асквит. Это стало первым выступлением Черчилля из лагеря оппозиции. В следующем месяце он продолжал критиковать билль статью за статьей. «Вы заразили оппозиционным духом молодежь – последний вечер тому свидетельство!» – написал ему 1 июля Элибэнк, член парламента от Либеральной партии.

Билль об иностранцах столь эффективно задушили поправками, по каждой из которых Черчилль выступал с критикой правительства, что 7 июля его отозвали. Глава общины манчестерских евреев Натан Ласки письменно поблагодарил Черчилля – «за великолепную победу, которую вы одержали во имя свободы и религиозной терпимости. Я более двадцати лет занимаюсь выборами в Манчестере, – писал он, – и скажу откровенно, без лести, ни один кандидат не вызывал такого интереса, как вы, и я уверен в вашем будущем успехе». Другие лидеры местных либералов разделяли подобные чувства. «Люди хотят видеть в вас не только противника протекционизма, – написал один из них ему этим летом, – но и ведущую фигуру партии и одного из лидеров либералов в ближайшем будущем».

В конце июля Черчилль рассказал лорду Твидмаусу о своих беседах с Ллойд Джорджем и о необходимости активизировать

Либеральную партию. «Будь энергичен, – посоветовал тот, – но избегай резкостей и сарказма в отношении наших моллюсков на передней скамье. Подбадривай их, но пользуйся больше шпорами, чем хлыстом». Еще один совет дала тетушка, леди Твидмаус, сестра отца, которая была при смерти. Она просила его не быть слишком агрессивным и следовать старому принципу suaviter in modo, fortiter in re[16].

Черчилль был готов сесть на переднюю скамью либералов, но это не устраивало тори. 2 августа, продолжая натиск на правительство Бальфура, Черчилль заявил: «Мы можем поздравить премьер-министра только с одним: конец сессии уже близок, а он еще с нами. Процедурами пренебрегли. Огромные суммы денег потратили. Подумаешь! Ни одного сколько-нибудь важного законопроекта не приняли. Подумаешь! Но зато премьер-министр на месте, и это гораздо больше того, чего многие ожидали и на что надеялись. Совершенно искренне приношу этому уважаемому джентльмену мои скромные поздравления с таким достижением».

Колкий стиль Черчилля продолжал наживать ему врагов, но сам он страдал от недружелюбия семьи, так как перешел в стан либералов. «Если бы все вели себя терпимо, – писал он кузине леди Лондондерри, – нынешняя ситуация была бы существенно иной. Еще больше ценю твое отношение, поскольку до меня доходили слухи, что ты в последние месяцы комментировала мои поступки более сурово, чем я мог бы ожидать от той, кто знает меня всю жизнь».

Этим летом, в разгар политических бурь, Черчилль отправился с матерью на бал, который давала леди Кру, супруга одного из ведущих либералов. Там мать познакомила его с Клементиной Хозьер, красивой девятнадцатилетней девушкой. Ее мать была давней подругой леди Рэндольф. Клементина конечно же была наслышана о нем. Она ожидала, что Черчилль пригласит ее на танец, но он этого не сделал. «Уинстон смотрел на меня в упор, – вспоминала она позже, – но не выдавил из себя ни слова. Он был очень неловок, не пригласил меня на танец, не пригласил поужинать с ним. Только стоял и смотрел в упор. Он заносчивый и неприятный». Пройдет почти четыре года, прежде чем он снова встретит Клементину Хозьер.

Осенью Черчилль отошел от политических драк, чтобы попытаться закончить биографию отца. Три недели он провел у сэра Эрнеста Касселя на его вилле в Мереле, в швейцарских горах. Каждое утро писал, днем гулял, а вечером играл в бридж. Вернувшись в Англию, он отправился к Чемберлену поговорить об отце. «Мы обедали вдвоем, – вспоминал он позже. –

За десертом открыли бутылку тридцатичетырехлетнего портвейна. Нынешние разногласия были затронуты лишь слегка». Чемберлен сказал Черчиллю: «Думаю, вы совершенно правы, поступив согласно своим убеждениям и примкнув к либералам. Но будьте готовы к тому, что на вас выльются такие же потоки брани, как когда-то на меня. Хотя если человек уверен в себе, это только закаляет его и делает крепче». Затем разговор принял личный характер. Позже Черчилль рассказывал матери, что в какой-то момент Чемберлен достал чашку, которую отец подарил ему на третью свадьбу, и очень разволновался по этому поводу.

«Ты будешь смеяться, – написал Черчилль своему другу-юнионисту, – если я скажу (по секрету), что провел очень приятный вечер в Хайбери и пять-шесть часов очень интересно и дружески беседовал с Великим Джо. Мой прогноз – они с премьер-министром порвут друг другу глотки и приведут партию к глубочайшему расколу, а либералы одержат сокрушительную победу на выборах, более значительную, чем можно представить, после чего те немедленно развалятся».

Черчилль начал сотрудничество с радикальным крылом Либеральной партии, возглавляемым Ллойд Джорджем. 18 октября в Карнарвоне он выступил вместе с «валлийским волшебником». Затем на выступлении в Эдинбурге заявил: «Большая опасность исходит от независимой партии капитала, чем от независимой Лейбористской партии. Похоже, сейчас всех интересуют только деньги. Ничто никого не интересует, кроме счета в банке. Положение в обществе, образование, человеческое достоинство, добродетель с каждым годом ценятся все меньше. А богатство все больше растет в цене».

Продолжая атаки на злоупотребление капиталами, Черчилль говорил гражданам Эдинбурга: «В Лондоне есть значительная группа людей, которые поклоняются исключительно мамоне. Каждый день они начинают с молитвы: «Господи, дай мне денег!» Последнее либеральное правительство придерживалось правила не допускать, чтобы министры становились директорами акционерных обществ. Черчилль подсчитал, что тридцать один из пятидесяти пяти министров консервативного правительства занимают директорские посты. «Подобная беспринципность, – заявил Черчилль, – признак распада». То же, по его мнению, относилось и к трудностям газеты Standard, поддерживающей свободу торговли. «Что можно сказать, – воскликнул Черчилль, – о тех, кто использует богатство, чтобы вместо информации давать обществу отраву?»

Когда Черчилль закончил выступление, публика

аплодировала ему стоя. «Я доволен этой встречей, которая оказалась своего рода триумфом! – написал он лорду Розбери. – Но как же трудно победить это правительство с нашей разрозненной и недисциплинированной армией!»

Бывшие друзья-консерваторы продолжали с опаской относиться к его непрекращающимся нападкам на свою прежнюю партию. «Я готов признать, что мое поведение достойно критики, – написал он одному из них, – но, слава богу, не за неискренность. Мне пришлось выбирать – вступить в схватку или отойти в сторону. Несомненно, последнее более прилично. Но я хотел бороться и чувствую, что готов отдать этой борьбе душу и сердце. Вот так получилось. Политика, конечно, вид состязания, в котором поливание грязью и потоки брани – признанное оружие. Но участие в грязной драке, на мой взгляд, не должно мешать личным отношениям».

Продолжая поднятую еще отцом тему экономии расходов на армию, Черчилль выступил в палате общин с критикой нового военного министра Хью Арнольда-Фостера. Он нападал за неоправданно высокие расходы на Генеральный штаб, представляющий собой сборище «раззолоченных и напыщенных функционеров в медных касках с чисто декоративными функциями, которые превосходно размножаются в Олдершоте и Солсбери». Прочитав это, король Эдуард VII заметил: «Какие хорошие слова для недавнего гусарского субалтерна!»

Через неделю Черчилль представил свой взгляд на тарифы. В прекрасно аргументированном выступлении – «лучшем из всех», как написал ему Льюис Харкурт, либерал и будущий министр по делам колоний, – Черчилль заявил: «Мы не хотим видеть, как Британская империя будет превращаться в замкнутую конфедерацию, отгороженную, словно средневековый город, крепостными стенами от окружающей территории, хранящую за своими зубчатыми стенами запасы провианта и всего необходимого на случай осады. Мы хотим, чтобы наша страна и связанные с нами государства свободно и честно взаимодействовали со всеми свободными нациями».

Чем более эффектно и жестко Черчилль выступал против консерваторов, тем более враждебно они относились к его критике. В 1905 г. он почувствовал необходимость покинуть клуб «Карлтон», членом которого он как парламентарий от консерваторов был на протяжении пяти лет. Он написал лорду Лондондерри: «Постоянные конфликты с Консервативной партией по всем пунктам делают мое членство в их клубе ничем не оправданным и неприятным для меня. Старые друзья ко мне охладели, а с другой стороны, появились новые обязательства».

Через два месяца Черчилля не приняли в клуб «Херлингэм». «Это почти беспрецедентный случай в истории клуба, поскольку игроков в поло там всегда приветствовали, – написал он Элибэнку. – Боюсь, что ни вы, ни ваши друзья-либералы не осознают степень политической злобы, которую испытывают ко мне на той стороне». Черчилль наносил столь яростные удары по своим политическим противникам, что его отзывы о министрах, и в особенности о Бальфуре, начали тревожить его друзей, даже таких, как Элибэнк. «Вы единственный политик, – объяснял ему Элибэнк, – кто вызывает у меня теплые чувства, за десять лет работы в парламенте. Среди тех, кто неизбежно встанет в ряды ваших сторонников и со временем приведет вас и вашу политику к успеху, зреет ощущение, что постоянное унижение Бальфура может отвлечь общественное мнение от весомости и высокого уровня ваших выступлений по текущим проблемам».

От Иэна Гамильтона Черчилль узнал следующее: «Этим летом в одном загородном доме собралась блестящая компания, и каждый из присутствующих готов был разорвать вас на куски, но именно Бальфур отзывался о вас исключительно тепло и выражал такие большие надежды на вас в будущем, что никто даже рта не раскрыл».

На некоторое время Черчилль отвлекается от политики, чтобы закончить книгу об отце. «В настоящий момент, – сообщил он лорду Розбери, – государственный деятель временно бездействует, и на первый план вышел литератор и игрок в поло». В первой половине октября в Бленхейме Черчилль уже держал корректуру книги. Матери он сообщал, что кроме всего прочего надеется на этом хорошо заработать. И в этом он действительно преуспел, получив 8000 фунтов – самый большой гонорар, когда-либо выплачивавшийся в Британии за биографию политика. По курсу 1990 г. это составляло 350 000 фунтов.

В то время когда Черчилль заканчивал книгу о жизни отца, литератор Александр Маккаллум Скотт опубликовал биографию самого Черчилля. В ней он с одобрением отметил: «Черчилль убежден, что капитал должен быть слугой, а не господином государства и процветание нации должно быть обеспечено экономическим развитием и социальными реформами дома, а не территориальной экспансией и военными действиями за рубежом». Скотт также обращал внимание на то, что Черчилль не согласен с утверждением Чемберлена, что будущее – за империями с огромными территориями. «Если Британская империя и сохранит целостность, – цитировал он Черчилля, – то не благодаря своим размерам и своей армии, а благодаря

согласию свободных народов, разделяющих благородные и прогрессивные принципы, и уважению права и справедливости».

Скотт, который потом пятнадцать лет проработает у Черчилля в Военном министерстве секретарем, писал также: «После Чемберлена Черчилль, вероятно, самый ненавидимый человек в английской политике. Он всегда будет лидером – либо отряда, обреченного на гибель, либо великой партии. Он уже лидер в палате общин, чего никто не может оспорить. Он совершает единственно возможные поступки, о которых никто раньше не думал. Ему в голову приходят оригинальные мысли, которые, будучи озвученными, кажутся простыми и очевидными. Он произносит фразы, которые выражают то, что все давно хотели сказать, и после этого они зачастую оказываются у каждого на языке. Я уверен, он сплотит вокруг своей личности все разрозненные силы. Он смелый и честолюбивый, и борьба будет чрезвычайно драматичной. Победит ли он? Тот ли он человек, кому суждено вернуть Ланкаширу политическую гегемонию над провинциями? Он играет по-крупному, но нервы у него крепкие и взор ясен. Во всяком случае, он будет сражаться, и это будет битва, ради которой стоит жить и которую стоит увидеть».

Тарифы были не единственным, что возбуждало общественное сознание. В ноябре Черчилль с сэром Эдвардом Греем выступали в Северо-Западном Манчестере. Выступления обоих неоднократно прерывались суфражистками – Кристабель Панкхерст и Энни Кенни. Полиция вывела женщин из зала. За нарушение общественного порядка им выписали штраф в 15 шиллингов. Платить они отказались, после чего на неделю отправились в тюрьму. Узнав об этом, Черчилль предложил оплатить штраф. Женщины предпочли мученичество.

Одному либералу, которому показалась чрезмерной такая реакция полиции, Черчилль написал: «Организация беспорядков на крупных публичных собраниях и неуважение к председательствующему не могут быть оправданы в демократическом обществе. Право проведения многолюдных мирных дискуссий – одно из наиболее ценных достояний британского народа. С мужчиной, который нарушает порядок, справиться просто. Но каждый протестует, если даже возникнет намек на физическое воздействие по отношению к женщинам. Однако, если этому полу дарована защита, он также должен проявлять сдержанность. К тому же я не верю, что подобные способы могут существенно повлиять на то дело, которое отстаивают эти дамы. И кстати, Грей всю жизнь активно поддерживает предоставление женщинам избирательных прав».

В последний день октября Черчилль обедал с Эдуардом VII.

«У короля было намерение, – сообщил Черчилль матери, – убедить меня в ошибочности моих действий». Лорду Розбери он написал: «Король говорил очень строго и даже резко о моих нападках на Бальфура. Я смиренно слушал. Под конец он стал сама любезность, и мы проговорили целый час». Через две недели Черчилль заболел. Пошли слухи, что у него нервное истощение. В конце месяца он отменил все выступления и на неделю уехал в Камборн, в поместье тетушки Корнелии в Дорсете. Там он надеялся восстановиться с помощью массажистки, которая, как он писал матери, «обладает почти волшебными способностями. Мне очень комфортно и спокойно».

30 ноября Черчилль отметил очередной день рождения. «Тридцать один год – это очень много», – написал он матери из Дорсета. На этой же неделе пришло письмо с пожеланиями выздоровления с неожиданной стороны – от военного министра, которого он подвергал жесткой критике. «С большим сожалением узнал о вашей болезни, – написал тот. – Берегите себя. Должен сказать, я не согласен с вашей политикой, но вы единственный человек с вашей стороны палаты, который, на мой взгляд, понимает проблемы армии. Поэтому желаю вам выздоровления. Хочу добавить, что я лично придерживаюсь таких же взглядов и мечтаю о такой же жизни».

1 декабря из Дорсета Черчилль сообщил матери: «Массажистка обнаружила, что языку мешает какая-то связка, какой ни у кого нет. Это причина, почему я говорю в нос». После этого он уехал в Лондон и обратился к врачу сэру Феликсу Симону с просьбой ликвидировать эту связку. Симон отказался, и Черчилль написал матери, что язык у него по-прежнему «связан».

В этот же день, 4 декабря, Бальфур подал в отставку с поста премьер-министра, посчитав, что тем самым оставит либералов в замешательстве, а консерваторы вернутся более сильными. Король послал за Кэмпбеллом-Баннерманом, который немедленно приступил к формированию нового правительства. Перспектива прихода к власти объединила два крыла Либеральной партии. Все, за исключением лорда Розбери, согласились работать с новым премьер-министром. Черчиллю был предложен младший министерский пост – финансового секретаря Министерства финансов, под началом нового канцлера Казначейства Асквита. Но он предпочел департамент, где можно было проявить свои административные способности и меньше зависеть от руководителя, члена палаты общин.

Черчилль претендовал на пост заместителя министра по делам колоний. Он полагал, что министр по делам колоний,

лорд Элгин, будет заседать в палате лордов, предоставив Черчиллю заниматься делами министерства в палате общин. Его просьбу удовлетворили. «Я договорился насчет Министерства по делам колоний, так что все в порядке», – телеграфировал ему Кэмпбелл-Баннерман. Через десять дней после тридцать первого дня рождения Черчилль стал младшим министром. «Как все изменилось с тех пор, когда мы ставили палатку на железнодорожной станции в Эсткурте!» – написал ему журналист Джон Аткинс, коллега по Англо-бурской войне.

В первый вечер после назначения в правительство Черчилль был на приеме в Лондоне, где его познакомили с Эдвардом Маршем, чиновником того же министерства, который был старше его на два года. «Здравствуйте, – произнес Марш. – Я должен произносить это с глубоким уважением». «Почему?» – спросил Черчилль. «Потому что теперь вы мой начальник в Министерстве колоний», – ответил Марш.

Черчилль был заинтригован. На следующее утро в первый рабочий день в министерстве он пригласил Марша в свой кабинет и предложил тому стать его личным секретарем. Марш согласился. Вечером они ужинали вдвоем в квартире Черчилля на Маунт-стрит. «Он был чрезвычайно любезен, – написал Марш тетушке Черчилля Леони, – но совершенно четко дал понять, чего от меня ждет, и я почти уверен, что мне это не по силам». Марш останется личным секретарем Черчилля на всех его министерских должностях в течение четверти века. «В начале знакомства с Уинстоном, – объясняла Маршу Памела Плоуден, – ты увидишь его недостатки, а всю остальную жизнь будешь открывать достоинства».

Новое правительство либералов объявило всеобщие выборы с целью обеспечить себе большинство голосов в палате общин. Черчилль опубликовал свое предвыборное обращение, в котором назвал себя врагом любого рода тарифной системы. Он высказался и за сокращение расходов на вооружение, и за налогообложение земельных участков. Что касается Ирландии, он заявил, что, хотя и выступает против отделения Ирландии от Соединенного Королевства, будет рад, «если ирландский народ найдет в себе силы управлять собственными финансами, собственным образованием и общественными работами согласно собственным представлениям».

2 января началась предвыборная кампания. В этот же день вышла из печати книга Черчилля «Лорд Рэндольф Черчилль» (Lord Randolph Churchill). The Times Literary Supplement назвала ее «безусловно, одной из двух-трех наиболее захватывающих политических биографий на английском языке». От лорда

Розбери также пришло письмо с высокой оценкой книги. «Удачно выбранный тон, – писал он, – объективность, живость, благожелательность, блестящий стиль, приправленный небольшой дозой освежающей иронии, – эту книгу трудно отложить в сторону». В своей книге Черчилль, по его словам, обращался к Англии «мудрых людей, которые пристально и без самообмана рассматривают недостатки и глупости обеих партий, людей смелых и искренних, которые не находят ни в одной из фракций возможности полного проявления своих сил и сомневаются в искренности партийной философии. Именно к этой Англии обращался лорд Рэндольф Черчилль, именно эту Англию он чуть не покорил, и эта Англия будет судить его по справедливости».

4 января в сопровождении Эдварда Марша Черчилль поездом уехал в Манчестер, чтобы уже в качестве либерала начать свою новую предвыборную кампанию. В первый день они забрели в район трущоб своего округа. «Уинстон огляделся по сторонам, – вспоминал позже Марш, – и у него разыгралось воображение. «Представь, – сказал он, – жить на одной из таких улиц, никогда не видеть ничего прекрасного, никогда не попробовать ничего вкусного и *никогда не сказать ничего умного!*» (курсив Черчилля. – *М. Г.*)

Кампания Черчилля продлилась восемь дней. На одной встрече неизвестный крикун процитировал какую-то фразу, сказанную Черчиллем в бытность его консерватором. Черчилль ответил: «Я наговорил много глупостей, когда состоял в Консервативной партии. Я потому и ушел от них, что не хочу больше говорить глупости». Он парировал и обвинение в политическом ренегатстве: «Да, признаюсь, я поменял партию. Я этого не отрицаю. Напротив, я этим горжусь. Когда я вспоминаю, сколько трудов вложил лорд Рэндольф Черчилль в обеспечение успеха консерваторов и как неблагодарно они с ним обошлись, придя к власти, я просто счастлив, что обстоятельства позволили мне порвать с ними, пока я еще молод и полон сил, которые хочу направить на благо народа».

Выборы состоялись 13 января. Черчилль набрал большинство голосов – 1241 среди десяти тысяч человек, имеющих право голоса. Как в 1900 г., когда его кампания помогла победить коллегам-консерваторам из других округов, так и сейчас кандидаты от либералов в полной мере воспользовались его умением вести предвыборную борьбу. Благодаря его победе в Манчестере в соседних округах еще шесть кандидатов от либералов одержали верх над консерваторами. «Браво! –

написал ему кузен Айвор Гест. – Ты придал маятнику такой размах, что его почувствуют по всей стране». Победа либералов оказалась безоговорочной и стала триумфом. Либералы получили 377 мест в парламенте, их союзники лейбористы – 53, ирландские националисты – 83. В целом сторонники правительства получили 513 мест. Против этой внушительной силы осталось лишь 157 тори, одиннадцать из которых были бывшими союзниками Черчилля – юнионистами.

Черчилль стал заместителем министра в правительстве, наделенном гораздо большей властью, чем можно было ожидать. Кроме того, он был уже автором высоко оцененной книги. «Это такое поразительное открытие как для Диззи, так и для Рэндольфа, – написал Уильям Манипенни, биограф Дизраэли, поздравляя Черчилля, – что я почти склонен пожалеть, что вы окажетесь замурованным на Даунинг-стрит». Но Черчилль не собирался быть «замурованным». Ни близость к власти, ни министерские обязанности не могли помешать его независимости, прежде столь характерной и для его отца, и для Дизраэли.

Первым делом в Министерстве по делам колоний Черчилль решил заняться созданием проекта конституции для Трансвааля. Англо-бурская война закончилась более пяти лет назад, и все эти годы Черчилль был активным сторонником умиротворения побежденных. Более года он выступал за предоставление равноправного самоуправления бурам и британцам путем создания конфедерации. Теперь это стало сферой его деятельности на посту замминистра. В своем первом документе на государственной службе он призвал кабинет министров отменить решение консерваторов и предоставить возможность Трансваалю создать свое правительство.

«Рано или поздно, – писал он, – все рычаги власти, удерживаемые Лондоном, Трансвааль потребует себе. Однако к тому времени контроль так или иначе все равно уйдет из наших рук. Мы окажемся не в состоянии без применения силы создать новое государственное образование или даже сохранить старое, необходимое для поддержания общественного порядка и авторитета короля. Так что теперь, когда мы сильны, мы должны сделать это с достоинством, как дома, так и в Южной Африке на наших условиях. В противном случае, когда правительство ослабеет, это будет просто вырвано у нас из рук, причем на условиях, на которые мы не сможем повлиять».

Кабинет внял аргументам Черчилля и поручил ему подготовить детальный проект конституционного соглашения.

Он хотел наделить равными правами побежденных буров и победивших британцев. «Нельзя допустить ничего, – написал он в записке, направленной в кабинет министров 30 января, – что сделало бы нас лишь победителями и, соответственно, навсегда лишило бы доверия другой стороны». Черчилль принял участие в нескольких совещаниях специального комитета, призванного решить, возможно ли создание в Южной Африке ответственного правительства. В результате кабинет решил предоставить Трансваалю в ближайшее время самоуправление. Черчиллю предстояло обстоятельно объяснить причины этого решения парламенту.

В 1906 г. потребовала внимания и другая проблема Южной Африки. Одним из главных направлений критики консерваторов в ходе предвыборной кампании либералы объявили использование рабского труда китайцев. Придя к власти, либеральное правительство пообещало прекратить набор китайских рабочих и позволить тем, кто уже работал в Южной Африке, вернуться домой. Черчиллю были ненавистны условия, в которых жили и работали китайцы, и он хотел как можно быстрее провести их репатриацию. Кабинет колебался, поскольку это могло быть враждебно встречено многими южноафриканскими лидерами. Черчилль предупредил лорда Элгина о «неизбежном возмущении палаты общин бесчеловечными порядками, по-прежнему царящими на южноафриканских шахтах».

Либеральный кабинет понимал, что нельзя возвращаться к варианту договора, одобренному правительством консерваторов всего несколько месяцев назад. Согласившись не допускать дальнейшего набора китайских рабочих и стимулировать их репатриацию, он тем не менее выступил против резкой отмены всей системы трудовых соглашений из опасения подорвать экономику Южной Африки. В записке Элгину Черчилль предложил установить максимальный период в шесть лет для полной отмены китайского труда. «Если можно что-либо сделать для смягчения удара по южноафриканским банкам и смягчить последствия для экономики, я буду рад, – писал он. – Любые предложения должны быть тщательно рассмотрены. Но наступит крах экономики или нет, политика должна двигаться вперед, и чем раньше это будет реализовано, тем лучше для всех заинтересованных сторон».

На долю Черчилля выпала защита решения правительства в палате общин. «Труд китайцев, – заявил он, – дурное наследие и грязный эксперимент». Целью правительства является ликвидация этой системы. По поводу предвыборных заявлений

либералов о недопустимости рабства он произнес пассаж, который вызвал шквал саркастических и негодующих выкриков со скамей консерваторов. «Трудовой договор, – сказал он, – добровольно заключаемый человеком на ограниченный период, по которому ему выплачивается устраивающее его вознаграждение и по которому его нельзя купить или продать, – такой договор может быть не самым привлекательным, справедливым, безопасным для работника, но, по мнению правительства его величества, его нельзя классифицировать как рабство в точном значении этого слова».

Консервативная оппозиция активно воспротивилась выражению «рабство в точном значении этого слова». Дело в том, что либералы во время предвыборной кампании нажили существенный политический капитал именно на обвинении в «рабстве». Тогда Черчилль спокойно предложил убрать это выражение. Само его спокойствие еще больше возмутило консерваторов. 27 февраля в палате лордов лорд Милнер признал, что, будучи комиссаром Британии в Южной Африке, он санкционировал наказание розгами китайских рабочих без суда. Он признал, что это было нарушением закона и что наказание было действительно несправедливым.

Черчилль также говорил в палате общин о «серьезном нарушении служебного долга и несомненном превышении прав» Милнером. Через неделю после этого обвинения член парламента от радикалов внес предложение о вынесении порицания Милнеру и инициировал дискуссию по этому поводу. Стремясь к согласию, Черчилль заявил принципиальное согласие с предложением и сказал, что парламентариям следует воздерживаться от вынесения порицаний конкретным лицам. Затем он представил собственную поправку, осуждающую наказание розгами китайских кули, но не упоминающую Милнера.

Представляя свою поправку, Черчилль тщательно избегал упоминания роли Милнера. Тем не менее все им сказанное вызывало гнев консерваторов. «Милнер, – сказал он, – сыграл роль, которая оставит заметный след в истории – неизвестно, к добру или худу». Последнее слово было выбрано неудачно. «Лорд Милнер покинул Южную Африку, видимо, навсегда, – продолжал Черчилль. – С государственной службой его больше ничто не связывает. Он обладал огромной властью, но теперь не обладает никакой. Он занимал высокие посты, но теперь не занимает никакого. Он оказывал влияние на события, которые формировали ход истории, но теперь ни в малейшей степени не может повлиять на текущую политику. Он был вершителем судеб богатейших людей, но теперь он беден, и я бы добавил,

это достойная бедность. После двадцати лет тяжелого труда на благо короны сегодня он – отставной государственный служащий, без пенсии или какого-либо пособия. И преследовать его не стоит. Новые члены парламента не должны игнорировать чувство разочарования, которое должен испытывать горячий и искренний человек, видя, что идеалы и принципы, ради которых он трудился не жалея сил, дискредитируются, и думать, что он зря потратил свою жизнь». Черчилль говорил, как ему казалось, весьма сдержанно и взвешенно. Тем не менее его слова привели оппозицию в такую ярость, будто они были направлены прямо против Милнера.

Черчилль закончил выступление призывом к либералам не голосовать за вынесение порицания Милнеру. Межпартийные страсти не должны нанести ущерб урегулированию ситуации. «Палата общин, – сказал он, – может направить послание Южной Африке; послание добра и поддержки людям, оказавшимся в тяжелом положении, призыв к терпимости и примирению». В результате предложение радикалов персонально осудить Милнера было отозвано. Но характеристика Милнера возбудила страсти противников Черчилля, и на протяжении многих лет использовалась как подтверждение его злонамеренности и неуравновешенности. Бальфур, выступив непосредственно после Черчилля, заявил, что и поправка Черчилля, и предложение о вынесении порицания должны быть отвергнуты «с равным презрением».

«Высокопарным и дерзким» назвал его выступление парламентарий от консерваторов сэр Уильям Энсон из оксфордского Колледжа всех душ. «Просто возмутительно», – откликнулся король, выразивший протест против «резких и спорных высказываний». Непосредственно после дебатов по делу Милнера один из консерваторов внес предложение сократить зарплату Черчиллю в знак протеста против его «злобных и ядовитых высказываний, оскорбляющих Милнера – человека, которого многие из нас ценят, любят и уважают». Предложение успеха не имело.

Черчилль не сомневался, что поступал и говорил правильно. «Никакой другой путь, – написал он лорду Селборну, преемнику Милнера на посту комиссара, – кроме предложенного мной, не смог бы помешать палате общин вынести порицание лорду Милнеру». Через некоторое время Селборн сообщил, что шахтовладельцы продолжают наказывать плетьми китайских рабочих. Черчилль ответил: «Как нам поступить с теми, кто безответственно относится к собственным интересам и продолжает применять телесные наказания?» Его собственным

ответом было принятие схемы репатриации. Черчилль обнародовал его 3 мая.

31 июля Черчилль объявил о создании правительства Трансвааля. Ожидалось, что британское большинство придет на выборы и обеспечит баланс сил. На деле же победу одержали буры, и премьер-министром стал бывший противник Британии генерал Бота. В своем выступлении 31 июля Черчилль призвал оппозицию поддержать правительство, отказавшееся от имперского контроля, которое хотели установить консерваторы. «Мы представим это как подарок партии, – сказал он. – Они же могут счесть это подарком Англии». Обращение Черчилля, заметил один из его однопартийцев, «вызвало одобрение у противников».

Защищая соглашение с Трансваалем перед королем, Черчилль писал: «Любое разумное сообщество предпочтет плохое, но самостоятельное правление хорошему, но навязанному чужим сообществом. Какими бы ни были наши намерения, мы не знаем их проблем настолько, чтобы обеспечить грамотное руководство». Черчилль указал, что «весь южноафриканский вопрос оказался в его руках». Ему теперь приходилось выступать гораздо чаще любого другого министра, за исключением министра образования, и отвечать на бесчисленное количество вопросов.

Черчилль рассказывал королю: «У меня не было опыта работы такого рода. Мне пришлось иметь дело с новой и непонятной палатой общин. Приходилось учитывать как минимум четыре различные точки зрения. Если в результате этого порой говорил нескладно или не всегда правильно выбирал интонацию, уверен, что ваше величество придаст самое благоприятное истолкование моим словам и поверит в мою лояльность и серьезные намерения».

«Если бы покойники могли чувствовать, – писал осенью Черчиллю его бывший преподаватель Мейо, – ваш отец сейчас чувствовал бы себя неменьшим триумфатором, чем в годы собственных триумфов».

В августе 1906 г. Черчилль отправился в продолжительный отпуск. В Довиле, на французском берегу Ла-Манша, он жил на яхте своего друга барона де Фореста и несколько раз сыграл в поло в соседнем Трувиле. «Я веду здесь совершенно праздный и разгульный образ жизни, – написал он Маршу. – Каждый вечер до пяти утра играю в азартные игры. Выиграл хорошие деньги, и от них еще немного осталось». Брату Джеку он сообщал: «Из казино Довиля я унес 260 фунтов, часть потратил в Париже на несколько красиво изданных книг. Можешь их временно

разместить на французской полке у окна. Кое-что потратил на другие цели». Его выигрыш в казино Довиля по курсу 1990 г. составил 10 000 фунтов. Он всегда любил играть и часто выигрывал.

Из Парижа Черчилль отправился поездом в Швейцарию, где опять остановился у Касселя на его вилле в горах. Там они с Касселем предпринимали длительные прогулки в горы. Они поднялись на вершину Эггисхорн на высоту 2933 метра. «Очень долгий подъем, – сообщал он матери, – и я бы наверняка не попал обратно домой, если бы не мул». Из Швейцарии Черчилль отправился в Берлин, затем в Силезию. Там он был гостем кайзера, племянника короля Эдуарда, и наблюдал за маневрами германской армии. Кэмпбелл-Баннерман прислал Черчиллю предупреждение: «Король просил меня передать, чтобы вы не слишком откровенничали с его племянником».

На маневрах Черчилль двадцать минут беседовал с кайзером, который рассказывал ему о воинственном племени гереро в Германской Юго-Западной Африке; в это время немцы безжалостно подавляли восстание гереро. «В ответ я заметил, – сообщал Черчилль Элгину, – что в Натале нашей главной заботой было не убивать мятежных туземцев, а, напротив, не дать колонистам (которые не очень понимали характер войны) убить слишком многих. Вообще есть значительная наивность в представлениях постороннего наблюдателя о военных приготовлениях германской армии. Я считаю, что они недостаточно оценивают страшную мощь оружия, которым обладают, и условия современных боевых действий. В этом смысле им есть чему поучиться у нашей армии. Тем не менее их количество, качество, дисциплина и организация – четыре верные дороги, которые ведут к победе».

Из Силезии Черчилль поездом перебрался в Венецию, где пробыл неделю, прежде чем отправиться осматривать достопримечательности Италии на автомобиле в компании с Лионелем Ротшильдом, Мюриел Уилсон и леди Элен Винсент. «Посмотрели огромное количество церквей и множество картин, – писал он матери. – Ничто не может превзойти банальность отношений с мисс Уилсон».

Затем на обратном пути в Венецию, преодолев 330 километров, он отправился поездом в Вену, а откуда в Моравию – провинцию Австро-Венгрии, где был гостем барона де Фореста в Эйхгорне. Все трое, кто принимал его этим летом, – Кассель, Ротшильд и Форест – были евреями, что породило повторение шутки про его отца, о котором говорили, что «у него все друзья – евреи».

Черчилль вернулся в Лондон, проведя почти два месяца за границей. Кайзер прислал ему подписанные фотографии с маневров. В ответ Черчилль написал, что они будут напоминать ему «о величественной и грозной армии, которую благодаря доброте вашего величества я получил возможность наблюдать, а также о прекрасной Силезии, которая достойна того, чтобы ее увидеть, и вполне заслуживает, чтобы ее защищать». Через тридцать восемь лет, по окончании второй из двух войн Британии с Германией, Черчилль одобрит отделение Силезии от Германии и передачу ее Польше.

Осенью 1906 г. Оранжевое свободное государство получило правительство на тех же условиях, что и Трансвааль. Объявляя об этом в палате общин 17 декабря, Черчилль говорил о значении этого договора: «Обездоленные и слабые во всем мире почувствуют поддержку. Малые народы смогут вздохнуть свободнее. Великие империи, следуя нашему примеру, сделаются более благородны и великодушны».

Деятельность Черчилля по подписанию южноафриканских договоренностей была высоко оценена премьер-министром Кэмпбелл-Баннерманом. Он поздравил его, отметив важную роль, которую сыграл Черчилль в этом успехе. «Создание самоуправления в Трансваале и Оранжевой республике, – писал он, – не только величайшее достижение нашего правительства, но и самый блестящий и благороднейший акт британской державы современной эпохи. Вы настолько идентифицировали себя с этим справедливым курсом, внесли такой большой вклад в его успешную реализацию, что бульшая часть заслуг в этом по праву принадлежит вам».

По договору с Трансваалем все внутренние дела республики передавались в ведение нового, преимущественно бурского правительства. Мудрость этого решения ставилась под сомнение теми, кто считал, что либеральное английское правительство не может снять с себя ответственность за черное население. Черчилль пояснял одному корреспонденту: «Я, разумеется, не должен оказывать давление на южноафриканские колонии по поводу избирательного права. Но наша ответственность за местные племена останется, по крайней мере, до тех пор, пока федеральное южноафриканское правительство не поставит заботу о них на широкую и прочную основу, не допускающую дискриминации и паники». Черчилль указал лорду Селборну на жалобы местных жителей: «Считаю крайне желательным, чтобы любые ограничения, против которых они возражают, были обязательно учтены или даже полностью сняты, если мы хотим

иметь дело с благородной федеральной властью, а не с группой мелких правителей, преследующих свои частные и эгоистичные цели».

Во время работы в Министерстве по делам колоний Черчилль пытался привить колониальной администрации либеральные принципы. Его записки Элгину были настолько откровенны, что в нескольких случаях министр даже просил их заклеивать, чтобы младшие клерки не могли прочитать. «Наш долг, – писал он, в частности, Элгину, – настаивать, чтобы принципы справедливости и безопасности юридических процедур соблюдались строго, пунктуально и педантично». Прочитав доклад об «умиротворении» племен в Северной Нигерии и предложения генерал-губернатора о репрессиях против племени, которое сожгло склад компании «Нигер», Черчилль докладывал Элгину: «Разумеется, если мир в колонии зависит от решительных наступательных действий, мы должны поддержать это. Но постоянные кровопролития в Западной Африке вызывают возмущение и тревогу».

Справедливость – главная забота Черчилля. Когда губернатор Цейлона как причину отказа в просьбе восстановить в должности начальника охраны цейлонских государственных железных дорог назвал «неудобство», Черчилль ответил: «Неудобство бывает неотделимо от справедливости, но это одно из условий, гарантирующих от повторения инцидентов в будущем». В частной записке Элгину Черчилль заметил: «Объяснения губернатора – это мешанина невразумительных аргументов, демонстрирующих полнейшее равнодушие к элементарным принципам справедливости и порядочности. Они если не оскорбляют нравственность, то принижают интеллект. Позвольте торжественно заявить, что Либеральная партия уделяет самое пристальное внимание соблюдению прав личности на основе законов и очень малое – мелкому самолюбию генерал-губернатора. Тон и манеры, с которыми высшие должностные лица цейлонского правительства относятся к дружелюбному, цивилизованному и развитому народу, которым они управляют, вызывают крайнюю озабоченность».

Когда Элгин отказался возбудить по этому поводу дело, как того хотел Черчилль, последовало сердитое частное письмо: «Отклоняя мое предложение, вы не приводите никаких доводов, не пытаетесь рассмотреть самые веские аргументы, которые я искренне изложил вам. Это вызвало у меня глубокое беспокойство». Увольнение железнодорожного охранника на Цейлоне и вторичное осуждение его по одному и тому же делу вызвало новый протест Черчилля: «Сначала предъявить человеку

обвинение, – написал он, – затем пересмотреть дело, по которому уже вынесен оправдательный приговор присяжными и судьей, и потом без какого-либо намека на справедливость отменить его на основании мнения чиновников департамента, что этот человек все равно виновен, – значит совершить невообразимую ошибку, причем самым глупым образом. Отправление правосудия на Цейлоне – гнуснейший скандал колониальной службы».

Когда в Натале было подавлено восстание зулусов, он снова выразил протест Элгину в связи с «отвратительной бойней». Либеральные принципы Черчилль отстаивал не только в кабинете министерства. Выступая в Глазго, он представил свое видение картины будущего. «Общая тенденция цивилизации, – сказал он, – направлена на умножение коллективных функций общества. Государство должно играть все большую роль. Оно должно, к примеру, проявлять глубокую заботу о больных, престарелых и прежде всего о детях».

Черчилль поддерживал стремление многих либералов пресечь сверхприбыль от спекулятивного повышения стоимости земли. Он хотел, чтобы государство занялось лесонасаждением и вообще активнее брало на себя роль работодателя. «К сожалению, – говорил он, – железные дороги страны находятся не в наших руках. Кроме того, я с нетерпением жду введения всеобщих стандартов минимального уровня жизни и оплаты труда и искренне надеюсь на их постепенное повышение по мере развития производства. Есть средний путь между капитализмом и социализмом. Я не призываю ослабить напор конкурентной борьбы, но мы можем многое сделать, чтобы облегчить последствия для проигравших в этой борьбе. Мы хотим провести черту, ниже которой не будет опускаться уровень жизни наших граждан. Но выше этой черты они смогут свободно конкурировать. Мы хотим развития конкуренции и не хотим ее ограничивать. Мы не собираемся подрывать устои современной науки и цивилизации, мы лишь стремимся, так сказать, перекрыть пропасть страховочной сеткой».

В конце 1906 г. кандидатуру Черчилля рассматривали на пост министра образования. «Я с ужасом открываю каждую почту, опасаясь подтверждения слухов о том, что могу лишиться вашей помощи», – написал ему Элгин 27 декабря. «Разумеется, мне хотелось бы войти в кабинет министров, – ответил ему Черчилль, – чтобы принять участие в общенациональной, а не только ведомственной политике. Но я вполне представляю, что в ближайшее время не появится вакансия, которая меня бы устроила, а посему буду счастлив трудиться под вашим

руководством в Министерстве по делам колоний еще год, если обстоятельства сложатся таким образом».

Черчилль остался у Элгина. Зимой он написал ему: «Никто никогда не видел такого доверия и снисходительности со стороны шефа. Мне повезло с самого начала работы в правительстве. На вашем примере и под вашим руководством я узнал очень многое о том, как ведется официальное делопроизводство, а мог бы в этом всю жизнь оставаться полным невеждой, окажись в каком-нибудь другом месте». Элгин же, занятый больной женой и множеством разных обязанностей в своей родной Шотландии, был рад, несмотря на имеющиеся у них с Черчиллем разногласия, иметь в Лондоне ответственного человека с такой административной энергией.

Зимой Черчилль отдыхал на острове Уайт. «К сожалению, – говорил он Элгину, – на море был полный штиль, и не удалось понаблюдать за огромными волнами, чем я готов заниматься часами». Ему исполнилось тридцать два года. Среди тех, с кем он познакомился в этом году, была дочь канцлера Казначейства Вайолет Асквит. Они оказались рядом за ужином. «Долгое время он сидел, погруженный в свои мысли, – позже вспоминала она. – Потом вдруг словно осознал мое присутствие. Окинув меня мрачным взглядом, он отрывисто спросил, сколько мне лет. Я сказала – девятнадцать. «А мне, – почти в отчаянии воскликнул он, – уже тридцать два. Впрочем, я моложе всех тех, с кем считаются». И закончил афористичной фразой: «Все мы жуки, но я, как мне кажется, жук-светляк».

В марте 1907 г. Черчилль отправился отдыхать в Биарриц, в величественный замок своего друга барона де Фореста и его отца, барона де Хирша. «Король ежедневно обедает или ужинает с нами, – писал Черчилль Элгину, – и, похоже, весьма к нам расположен. Погода восхитительная, очень много моих давних знакомых – и все тори! Постоянно подкалывают, подтрунивают, особенно представители знати, но мне удается достойно парировать». После бесед в Биаррице король Эдуард написал Черчиллю: «Мы много лет были знакомы с вашими родителями (еще до того, как они поженились), а вас с братом знаем с детства. И зная, какими прекрасными способностями вы обладаете, я с большим интересом слежу за вашей политической карьерой. Единственное мое пожелание – чтобы ваши способности были направлены на добрые дела и ваша служба государству была оценена по достоинству».

15 апреля в Лондоне состоялась встреча премьер-министров британских колоний. Черчилль самым непосредственным образом

занимался ее организацией. Премьер-министр Трансвааля генерал Бота прибыл со своей девятнадцатилетней дочерью Хелен. В Лондоне распространились слухи, что Черчилль увлекся ею. Слухи оказались ложными, и вскоре он отправился в длительное путешествие по Европе и Африке в сопровождении бывшего слуги своего отца Джорджа Скривингса. В начале сентября во Франции Черчилль посетил маневры французской армии при Ангулеме. Подготовка французских войск произвела на него гораздо большее впечатление, чем «нелепое театрализованное представление немцев», – как он отозвался о маневрах германской армии, которые наблюдал годом ранее.

Из Франции Черчилль перебрался в Италию, где предпринял второе автомобильное путешествие, на этот раз с новым другом, Ф. Э. Смитом, членом парламента от консерваторов, остроумным и блестящим человеком, который быстро стал его ближайшим товарищем, несмотря на политические разногласия. Из Италии они поехали в замок де Фореста в моравском Эйхгорне, где развлекались охотой на зайцев и куропаток. Затем Черчилль снова вернулся в Италию, проехал по всему полуострову до Сиракуз. Там в 1955 г. он найдет покой и утешение, после окончательного ухода из политической жизни.

Из Сиракуз в компании Марша Черчилль пароходом отплыл на Мальту и провел там неделю. На острове он посетил тюрьму, судоверфь, школы и больницы. В конце визита он написал Элгину: «Жалобы мальтийцев по поводу того, что британцы их никогда не завоевывали, но что мы тратим их деньги, не позволяя самим контролировать расходы, вполне оправданны. На мой взгляд, для них это тяжело». С Мальты на крейсере Адмиралтейства он отправился на Кипр. Столкнувшись в Никосии с многолюдной демонстрацией, требующей присоединения к Греции, он заявил протестующим, что на него большее впечатление произвели бы внятные аргументы, а не размахивание флагами. Тем не менее он почувствовал, что британскую политику в отношении Кипра нужно менять, и телеграфировал Элгину: «Остров попросту обобран нашим Казначейством, и это заметно сказывается на моральном и материальном состоянии населения».

Покинув Кипр, крейсер с Черчиллем на борту прошел Восточное Средиземноморье, Суэцкий канал и через Красное море направился на юг, к Адену. «У меня две прекрасные каюты, – сообщал он матери. – Одна довольно большая, с балконом, с которого открывается чудесный вид. Я провожу довольно много времени днем и почти каждый вечер на мостике. Становлюсь настоящим моряком». Из Адена он направился в Берберу изучить

обстановку в британском протекторате Сомалиленд, на который, как он знал, Англия ежегодно тратит 76 000 фунтов, почти ничего не получая взамен.

Во время морского путешествия Черчилль подготовил шесть подробных служебных записок по поводу того, что, по его мнению, необходимо было сделать. Он отправил их в Министерство по делам колоний. Эти записки, тщательно продуманные, вызвали у высокопоставленного чиновника министерства сэра Фрэнсиса Хопвуда потребность написать непосредственно Элгину: «С Черчиллем чрезвычайно утомительно иметь дело. Боюсь, с ним, как и с его покойным отцом, не оберешься хлопот на любом посту, который ему могут предложить. Неуемная энергия, стремление к славе любой ценой и отсутствие нравственных ограничений делают его постоянным источником беспокойства. Марш писал, как он однажды работал четырнадцать часов над этими записками на дикой жаре в Красном море».

В конце октября Черчилль добрался до Момбасы. Там он провел два дня в инспекциях и выступлениях. Оттуда поездом отправился по всему протекторату Кения. «Все складывается как нельзя лучше, – писал он. – Специальный поезд с рестораном и спальным вагоном полностью в моем распоряжении. Останавливается там, где я пожелаю». Черчилль путешествовал с мужем своей тетушки Сары, Гордоном Уилсоном. Тому суждено было погибнуть в Первую мировую войну во Франции в 1914 г. Черчилль рассказывал матери, что, пока ехали по Кении, «мы сидели (Гордон и я) на скамейке впереди паровоза с винтовками в руках, и, как только видели что-нибудь достойное выстрела, одного взмаха руки было достаточно, чтобы поезд остановился. Порой мы стреляли в антилоп, даже не спускаясь на землю».

«Путешествуя по железной дороге, – писал Черчилль матери, – можно увидеть практически всех животных, какие есть в зоопарке. Зебры, львы, носороги, антилопы всех видов, страусы, жирафы – все. Проехав три сотни километров, поезд простоял два дня на запасном пути, пока мы охотились в саванне. В первый день я убил одну зебру, одну антилопу гну, двух коровьих антилоп, одну газель, одну дрофу (гигантскую птицу). На третий день был «праздник носорогов». Мы были полны надежды добыть хоть одного. Обогнув холм и оказавшись на огромной равнине с высохшей травой, мы увидели, почти в полукилометре от нас, спокойно пасущихся носорогов. Не могу передать тебе впечатление, какое произвели на меня грозные черные силуэты этих могучих зверей. Они сохранились с доисторических времен на этих бескрайних равнинах, где обитали их далекие предки.

Было ощущение, что мы попали в каменный век».

Продвигаясь вперед, охотники заметили двух животных довольно близко. Черчилль рассказывал потом: «Я выстрелил из винтовки в более крупного и попал ему прямо в грудь. Он развернулся и помчался на нас необычайно проворной рысью, со скоростью, не уступающей галопу лошади. Все начали стрелять, и носороги повернули. Затем мы пошли по следу более мелкого, днем нашли его и застрелили. Должен сказать, это очень увлекательное, хотя и опасное занятие. Живучесть этих зверей поразительна, они могут нестись как паровоз, несмотря на пять-шесть поразивших их тяжелых пуль. Нельзя отделаться от ощущения, что они просто неуязвимы и способны затоптать тебя, сколько бы ты ни стрелял. Впрочем, все хорошо, что хорошо кончается».

По мере приближения к заснеженной вершине горы Кения Черчилль приходил во все больший восторг от окружающей природы. Во время путешествия верхом к новой железнодорожной станции Эмбо, построенной британцами лишь в прошлом году в прежде девственных местах, им как-то довелось спать на полу одетыми, подкрепившись только бананами. По этому поводу он написал матери: «Какая разница по сравнению с излишествами лондонского образа жизни! Здоровье мое улучшается с каждым днем, проведенным на свежем воздухе. В Тике была охота на львов. Она закончилась ничем. Наткнулись лишь на трех огромных злых бородавочников, которых и убили. За одним я гнался на лошади и застрелил из револьвера».

Вечером 5 ноября, ужиная в Найроби с губернатором, Черчилль сказал ему, что теперь он может продвигаться в глубь страны и строить новую станцию и форт в Меру, на восемьдесят километров дальше Эмбо. «Это решение, – писал Черчилль матери, – даст нам возможность взять под контроль 150 000 аборигенов и добавит несколько графств к нашей империи. Не думаю, что будет большое кровопролитие, поскольку вожди местных племен не против нашего присутствия. Сотни солдат будет достаточно. Планируем сделать это в следующем месяце, и не предполагаем советоваться с министерством, пока это не станет свершившимся фактом! Вот так растет империя при правильном руководстве!»

В то время как Черчилль путешествовал по Африке, его брат Джек сообщил о своей помолвке с леди Гвенделин Берти, дочерью седьмого графа Абингдонского. «Ты был однажды серьезно влюблен, – написал Джек, – и понимаешь, что это значит. Но у тебя другие мысли в голове. Твоя карьера и твое будущее – для тебя главное в жизни». Черчилль был знаком и хорошо

относился к леди Гвенделин, Гуни, как ее звали близкие. Перед отъездом из Англии он получил от нее письмо с советом: «Пожалуйста, не принимай ислам. Я заметила в тебе склонность к ориентализму».

В Найроби Черчилль начал писать серию отчетов о своем путешествии для Strand Magazine. Ему полагался гонорар 1150 фунтов. Эти статьи потом будут опубликованы отдельной книгой под названием «Мое африканское путешествие» (My African Journey). Добравшись до города Джинджа на берегу озера Виктория, откуда начинает свой путь к морю длиной в пять с половиной тысяч километров Белый Нил, Черчилль в одной из статей с энтузиазмом писал о возможности построить плотину в районе Рипон-фоллз для получения электроэнергии. Через сорок шесть лет королева Елизавета II откроет на этом месте гидроэлектростанцию и даст телеграмму Черчиллю – тогда премьер-министру: «Ваша мечта стала реальностью».

Из Джинджи Черчилль, Уилсон, Марш и Скривингс двинулись дальше на север через Уганду. Три недели они путешествовали пешком и в каноэ по стране, где недавно от сонного энцефалита скончалось 200 000 человек. «Население не одного многолюдного острова, – сообщал Черчилль королю, – вымерло целиком». Он также расписывал пользу, которую принесут этому региону железные дороги, и по возвращении в Лондон собирался активно заняться этим вопросом.

Во время путешествия на север Черчилль отметил свой тридцать третий день рождения. После этого они десять дней плыли на пароходе по Нилу. 22 декабря он написал либеральному журналисту Д. Спендеру о необходимости радикальной социальной реформы. «Сейчас не видно, чтобы простой народ интересовала какая-то законодательная деятельность. Его мысли направлены в сторону социальных и экономических вопросов. И поэтому будущую революцию невозможно предотвратить. Люди больше не будут терпеть систему, благодаря которой приобретаются, делятся и используются богатства. Возможно, они не могут, возможно, считают себя неспособными изобрести новую систему. Но они восстанут против власти денег. Я думаю, они вполне готовы. Как бы ни хотели трудящиеся оставаться в пассивной оппозиции, они просто не смогут терпеть дальше неуверенность в завтрашнем дне. Вот почему необходим определенный уровень заработной платы – своего рода страховка в той или иной форме от болезней, безработицы и старости. Это все и вопросы, и единственные ответы, от которых зависит будущее политических партий». По возвращении в письмах Черчилля

Спендеру будут постоянно присутствовать слова «социальная защита», «безопасность», «нормативы» и пр.

23 декабря Черчилль и его спутники были в Хартуме. В этот день Скривингс заболел холерой и умер на следующий день, в канун Рождества. «Смерть Скривингса стала для меня большим потрясением, – написал Черчилль Джеку, – и омрачила все впечатления этого приятного, даже чудесного путешествия. Мы все ели то, в чем содержалась зараза. Что именно – рыбные консервы, гнилая спаржа или еще что, – никто уже не узнает».

На Рождество в Хартуме Черчилль занимался организацией похорон Скривингса. «Мы провели печальный день, – рассказывал он Джеку. – Я похоронил его сегодня вечером со всеми воинскими почестями, поскольку он служил во флоте. Прислали оркестр и группу солдат. Мы прошли траурной процессией по кладбищу. Солнце садилось в пустыне, играли прекрасный похоронный марш, который ты хорошо знаешь». Матери Черчилль написал: «Когда я шел за гробом в Хартуме – я всегда хожу здесь на похороны, – то думал: как просто на его месте мог быть я. Не то чтобы я много думал об этом, как ты можешь подумать. Видимо, мне просто предстоит еще что-то совершить».

После похорон Черчилль со спутниками провели «двое весьма неприятных суток, пока не миновал самый опасный период, – сообщал он Джеку, – ожидая, что кого-то может постигнуть та же участь. Скривингс всегда ел то же, что и мы. Для меня, настолько привыкшего к тому, что этот несчастный добрый человек обеспечивал мне весь небольшой комфорт повседневной жизни, это очень острая и ощутимая утрата. Даже боюсь думать о его жене и детях, ждущих его возвращения. Эта ужасная весть их просто раздавит».

Перед тем как покинуть Хартум, Черчилль договорился, чтобы на могиле был установлен памятник и сделана надпись. Он также попросил Джека передать миссис Скривингс, которая десять лет служила поварихой у Черчилля, чтобы «она не беспокоилась о своем будущем. Насколько позволят мои ограниченные средства, я буду заботиться о ней и ее детях. Эта смерть навевает тем большую грусть, что самая опасная часть путешествия осталась позади, и мы десять дней провели на комфортабельном пароходе. Но Африка всегда требует жертв!».

Представитель Британии в Хартуме зафрахтовал Черчиллю пароход до Каира. «Пароход останавливается по нашему желанию у храмов», – сообщал он Джеку. В Асуане он составил служебную записку о необходимости прокладки железной дороги в Уганде, чтобы соединить озеро Виктория с озером Альберт – «трассы

Виктория – Альберт», как он выражался. Уолтеру Рэнсиману, финансовому секретарю Министерства финансов, Черчилль писал: «У меня есть хорошо продуманный план, который даст возможность построить эту железную дорогу примерно за 500 000 фунтов (плюс транспортные расходы) в течение ближайших двух лет. Если это будет сделано и политическая обстановка стабилизируется, надеюсь прибрать к рукам всю торговлю в Конго». Он обсуждал вопрос о железной дороге с высокопоставленными британскими чиновниками в Судане, и они пришли к полному согласию. По возвращении он был готов все объяснить с картами и цифрами на руках.

На пути в Каир Черчилль продумывал план социальной политики Британии, который уже обрисовал в общих чертах Спендеру. В письме одному из руководителей Министерства торговли, содержащем копию этого плана, он отметил: «Будьте добры изучить и разъяснить следующее: предполагая, что главной потребностью английского рабочего класса является безопасность, предлагаю осуществить социальную реформу, подобную той, что была проведена в Германии, где существуют унифицированные условия страхования от несчастных случаев и заболеваний, обеспечения пособий по старости и наличие служб занятости. В немецкой системе привлекает то, что она охватывает всех. Ячейки же нашей страховой службы обеспечивают только подписчиков, а все те, кого нет ни в одном из этих бесчисленных списков, обречены на катастрофу. Именно таким людям, для которых в нашей английской системе не предусмотрено никакой поддержки, кто не имеет ни сил, ни способностей обеспечивать себя сам, требуется помощь государства». Черчиллю хотелось положить конец ситуации, при которой минимальные стандарты жизни, как он выразился, «летят ко всем чертям из-за несчастного случая, болезни или слабости характера».

17 января Черчилль вернулся в Лондон после пятимесячного отсутствия. На следующий день он был почетным гостем национального клуба Либеральной партии. «Я вернулся на передовую, – заявил он 250 восторженным слушателям, – в самом лучшем состоянии здоровья и с желанием активизировать боевые действия». Его война будет вестись на социальном фронте. 22 января, выступая в Манчестере, он подчеркнул необходимость «приносить пользу, пока другие ищут прибыли, за счет дальнейшего обнищания выброшенных на обочину трудовых масс». На следующий день в Бирмингеме он выступил за то, чтобы государство организовало систему обучения и подготовки, даже если это потребует больших

дополнительных расходов.

В Бирмингеме Черчилль высказался также за участие государства в решении некоторых других вопросов, в том числе облегчения тяжелого положения стариков, предоставления более свободного доступа к земле и более справедливого перераспределения налогового бремени в зависимости от доходов.

7 марта Черчилль изложил все эти радикальные предложения в статье «Непаханое поле политики», опубликованной в Nation. «Политических свобод, – писал он, – которые, безусловно, ценны сами по себе, крайне недостаточно без определенной степени социальной и экономической независимости. Государство должно прийти на помощь людям, обеспечивая техническое обучение, развивая промышленность и услуги». Он упомянул о строительстве железных дорог, каналов и насаждении лесов, что позволило бы решить проблему занятости и установить национальный прожиточный минимум, ниже которого нельзя опускаться, но выше которого можно свободно и благополучно развиваться, «оживляя и оплодотворяя мир».

В марте на званом ужине в Лондоне Черчилль снова встретился с Клементиной Хозьер, девушкой, с которой он так и не решился ни потанцевать, ни поужинать на балу у леди Кру в 1904 г. Он не знал, что она уже была дважды тайно помолвлена с тридцатичетырехлетним банкиром Сидни Пилем, сыном первого виконта Пиля, но оба раза разрывала помолвку. Черчилль сел за ужином рядом и уделял все внимание только ей, к вящему огорчению дамы, сидевшей по другую от него сторону. Он спросил Клементину, читала ли она его книгу о жизни лорда Рэндольфа. «Нет», – ответила она. «Если я завтра пришлю вам ее, вы будете читать?» Клементина согласилась, но книгу он не прислал. «Это произвело на меня неприятное впечатление», – позже вспоминала она. Но на этом история не закончилась.

Глава 10
Социальная сфера

3 марта 1908 г. после продолжительной болезни Кэмпбелл-Баннерман посоветовал королю вызвать Асквита на случай своего возможного ухода в отставку. В тот же день король встретился с Асквитом, который написал жене: «Король слышал, что Черчилль стремится войти в кабинет, сохранив прежнюю должность заместителя министра. Он против подобных продвижений для заместителей министров. Но я сказал королю, что Черчилль имеет все основания претендовать на вхождение в состав кабинета и зарекомендовал себя очень хорошо в предыдущие годы, когда его два раза обошли люди, имеющие на это меньше оснований. Король с этим согласился и очень тепло отзывался об Уинстоне, но посчитал, что тот может подождать, пока не освободится реальная министерская должность».

Через девять дней после встречи с королем Асквит пригласил к себе Черчилля. Тот сказал будущему премьер-министру, что его единственная цель – заменить со временем Элгина на посту министра по делам колоний. «Практически все дела и вся работа с парламентом лежат на мне, – пояснял он Асквиту в письме двумя днями позже. – У меня в руках все нити и множество планов». У него была возможность перейти в Адмиралтейство, но он считал неудобным обсуждать эту тему, пока первым лордом Адмиралтейства оставался его пожилой дядюшка лорд Твидмаус.

В беседе Асквит предложил Черчиллю войти в кабинет в качестве президента департамента местного самоуправления. Это его не привлекло. «В правительстве нет должности более трудоемкой, более беспокойной, более неблагодарной, более удушающей мелкими и запущенными делами, более отягощенной безнадежными и нерешаемыми проблемами», – пояснил он. Что касается душевного спокойствия, он предпочел бы оставаться заместителем министра по делам колоний и не входить в состав кабинета.

Черчилль объяснил Асквиту, что после возвращения из Африки занимался изучением общественной жизни. «Через пропасть неведения, – говорил он, – я смутно различаю очертания курса, который назвал «минимальным стандартом». Это вопрос скорее национального, чем ведомственного масштаба. Но если пытаться реализовать его, вполне возможно в ближайшем будущем оказаться в конфликте с некоторыми из моих лучших

друзей, например с Джоном Морли, который всю жизнь посвятил изучению этой проблемы и пришел к выводу, что ничего сделать нельзя». Сам он был убежден, что сделать можно многое. В письме Асквиту он назвал такие меры, как отмена детского труда, регулирование рабочего времени и создание бирж труда. «Кроме того, – добавил он, – под обширной разрозненной системой гарантий и страховок, которая сама собой появилась в Англии, необходимо создать государственную систему регулирования по примеру немецкой».

На Асквита, который 8 апреля стал премьер-министром, эти предложения произвели большое впечатление. Зная способности и энергию Черчилля, он предложил ему возглавить Министерство торговли – пост, на котором он мог бы заняться проведением социальных реформ. Черчилль согласился. В возрасте тридцати трех лет он стал полноправным членом кабинета министров. 9 апреля он занял свое место в кабинете рядом с Морли – главой Министерства по делам Индии, который сомневался, может ли государство играть ведущую роль в социальной реформе, которую планировал Черчилль.

В своем новом качестве Черчилль должен был посетить Букингемский дворец, чтобы «приложиться к руке» в связи с назначением. За неделю до этого визита он отправился в загородный дом матери. Там он снова встретился с Клементиной Хозьер. «Мне понравилась наша продолжительная беседа в воскресенье, – написал он ей из Лондона 16 апреля. – Мне доставило огромное удовольствие знакомство с девушкой таких высоких интеллектуальных способностей и глубоких благородных чувств. Надеюсь, мы еще встретимся, познакомимся поближе и больше понравимся друг другу. Не вижу, что могло бы помешать этому». В благодарственном письме к леди Рэндольф Клементина, в свою очередь, назвала его «блестящим и полным обаяния» человеком.

Став членом кабинета министров, Черчилль, по правилам того времени, должен был повторно пройти выборы в парламент. Он понимал, что это будет гораздо труднее, чем прежде, когда он победил в Манчестере. Уже более года назад еврейская община, составляющая почти треть всего электората, отвернулась от него, поскольку правительство либералов все-таки приняло версию билля об иностранцах, который ранее благодаря усилиям Черчилля был отклонен. «Меня беспокоит, – писал Черчилль коллеге по партии еще два года назад, – горечь и разочарование, которые испытала еврейская община вследствие сохранения этой жесткой и совершенно непростительной меры». Но более серьезную опасность представляла для него угроза перехода

на другую сторону многих избирателей-католиков, недовольных тем, что он не поддержал принятие гомруля для Ирландии.

Тем не менее Черчилль сохранял оптимизм. «Даже предвидя возможность негативного результата прежде, чем это послание дойдет до вас, – писал он мисс Хозьер в том же письме от 16 апреля, – должен сказать, что уверен в серьезном успехе. Я буду иногда сообщать вам, как чувствую себя в этом шторме. Мы можем заложить основу честных и дружеских отношений, которые я, безусловно, буду ценить и сохранять с большим уважением».

Дополнительные выборы в Северо-Западном Манчестере состоялись 24 апреля. Гонка прошла почти на равных, но Черчилль проиграл. Победителем стал его оппонент от консерваторов, набравший всего на 429 голосов больше. «Борьба была очень жесткой, – написал он мисс Хозьер через три дня. – Если бы не эти угрюмые ирландские католики, в последний момент поменявшие свое мнение под нажимом священников, результат мог оказаться совершенно иным. Впрочем, должен сказать, мне доставляет удовольствие бороться в рядах Либеральной партии. Такой доброй поддержки при неудаче я никогда не встречал. Благодаря этому отношению я могу принести им великую победу. В мое распоряжение уже предоставлено восемь или девять надежных округов. Поэтому поражение может оказаться из серии «не было бы счастья, да несчастье помогло», хотя для любого, вынужденного постоянно бороться и всегда приспосабливать свое мнение к сложным местным условиям, это могло бы стать серьезным препятствием. Тем не менее не хочу делать вид, что не разочарован. Поражение, какие бы слова утешения и оправдания ни приводить, какое бы малое значение ему ни придавать, всегда неприятно». Черчилль хотел найти надежный округ на много лет.

Вскоре он нашел округ Данди. Он поспешил туда, и 9 мая там состоялись выборы. Он набрал 7079 голосов. Его оппоненты – консерватор и лейборист – на двоих получили 8384 голоса, но поделили их почти поровну. Черчилль написал матери, что получил «пожизненное место».

Вернувшись из Данди в Лондон, он предпринял первую попытку уладить промышленный конфликт. 14 000 инженеров кораблестроительных верфей в низовьях реки Тайн объявили забастовку. После этого к ним присоединились верфи на Клайде и Мерси. Три недели Черчилль пытался найти компромисс. После встречи представителей работодателей и рабочих забастовщики согласились на сокращение заработной платы в обмен на предложение Черчилля создать постоянную структуру

для разрешения будущих трудовых споров. Но при голосовании мнения разделились почти поровну: 24 745 корабелов проголосовали за предложение Черчилля, 22 110 – против.

Не удовлетворившись этим, Черчилль задумался о повышении благосостоянии кораблестроителей за счет размещения государственных заказов. Он обратился к Ллойд Джорджу, попросив его помочь решить проблему. Заказы на строительство кораблей, размещенные в регионах с высоким уровнем безработицы, дали бы возможность направить туда государственные субсидии и могли оказать решающее значение во время выборов. Черчилль настаивал: «Ничего не стоит разместить несколько заказов Адмиралтейства на северо-западном побережье и на Клайде, с учетом того, что в следующем году неизбежно придется строить если не самые крупные корабли, то несколько крейсеров. Это обеспечило бы работой инженеров и рабочих на зиму, которая обещает быть чрезвычайно суровой. Мне кажется крайне негуманным оставлять этих людей зимовать впроголодь в ветхих домах, а потом в июне или июле, когда все оживет, завалить их заказами и вынудить работать сверхурочно. Мы с вами вполне в состоянии уладить эту ситуацию».

Летом он во втором чтении представил билль о восьмичасовом рабочем дне для шахтеров. Он тщательно работал над этим законопроектом, используя метод, к которому будет прибегать и в дальнейшем, – проводя обширные консультации с теми, кто имел самые большие претензии. В 1948 г. он скажет критикующему его лейбористу в палате общин: «Сорок лет прошло с тех пор, как я предложил для второго чтения билль о восьмичасовом рабочем дне для шахтеров. В сотрудничестве с Бобом Смайли – не знаю, слышал ли о нем уважаемый парламентарий, но он был одним из самых авторитетных лидеров рабочих в те времена – я кроме этого организовал бани в надшахтных зданиях».

Выступая с законопроектом, Черчилль изложил свое видение перспектив жизни британских трудящихся: «Генеральное направление развития демократии в индустриальном обществе заключается не в неразумном увеличении рабочего времени, а, напротив, в создании достаточного времени для отдыха. Люди не хотят, чтобы их жизнь представляла собой простое чередование кровати и фабрики. Им требуется время, чтобы заниматься собой, время, чтобы видеть свои дома при дневном свете, чтобы общаться с детьми, чтобы думать, читать, заниматься садом, – короче, время для жизни. Не надо жалеть человека, который много работает. Природа приготовила для него

специальное вознаграждение – удовольствие, дающее возможность в краткие промежутки получить от простых радостей такое удовлетворение, какого социальный бездельник тщетно ищет двадцать четыре часа в сутки. Но вознаграждение за тяжелый труд теперь крадется у человека, если он тратит на работу столько сил, что не остается времени насладиться заслуженным отдыхом».

Летом Черчилль занялся организацией бирж труда, благодаря которым люди, оставшиеся без работы, могли бы найти новую, а работодатели, соответственно, необходимые кадры. «Нехватка рабочих мест в одном округе, – пояснял он в записке кабинету министров, – может совпасть с избытком в других. Биржи должны исправить этот дисбаланс. Они также покажут необходимость или отсутствие необходимости в любой конкретный момент принятия срочных мер по облегчению ситуации».

Черчилль направил свой план Сидни Уэббу, который нашел его «замечательным». По предложению Уэбба он связался с молодым университетским преподавателем Уильямом Бевериджем, который увлекался планами социальных реформ. Черчилль проверил на нем многие свои идеи и познакомился с новыми. Вместе с высокопоставленным чиновником министерства сэром Хьюбертом Смитом он обсуждал, как лучше представить законопроект по сокращению доли низкооплачиваемого труда – от членов парламента или от правительства. Черчилль склонялся в пользу правительства.

Для облегчения повседневной работы Черчилль добился перевода к себе Эдварда Марша из Министерства по делам колоний. «Мало кому так повезло, как мне, – написал он Маршу в августе, – найти в темных и грязных закоулках Министерства колоний близкого друга, за которого я буду держаться всю жизнь». 6 августа Черчилль с Маршем были в Берли-он-зе-хилл в Ратлендшире, в доме, арендованном на лето его кузеном Фредериком Гестом. Ночью в помещении вспыхнул пожар. Черчилль в пижаме, пальто и шлеме пожарного помогал прибывшей бригаде справиться с пламенем и спасал ценные гобелены и картины.

Прочитав о пожаре, Клементина прислала Черчиллю телеграмму, выразив беспокойство за него. Он ответил: «Сегодня утром получил вашу телеграмму и с удовольствием отметил, что вы меня не забыли. Сам пожар был захватывающим, мы даже, можно сказать, наслаждались. Жаль только, что такие веселые развлечения очень дорого обходятся. Увы, архивы превратились в прах за десять минут. Еще было очень странно оказаться в такой

близости от этой жестокой стихии. Я не имел представления – кроме как по книгам – о силе и величественности сильного пожара. Целые помещения охватывало огнем, словно по волшебству. Столы и стулья вспыхивали, словно спички. Полы вставали дыбом, стекла лопались вдребезги. Крыша провалилась. Из каждого окна вырывалось пламя, а из середины дома гудящий вулкан выбрасывал в небо искрящиеся вихри».

В этом письме, отправленном 7 августа, Черчилль сообщил Клементине, что его брат Джек в этот день сочетался браком с леди Гвенделин Берти в Абингдоне. Все семейство Черчилль, как он выразился, «спикировало на автомобилях». В этом же письме Черчилль пригласил Клементину в Бленхейм. «Мне очень хочется показать вам это прекрасное место с садами, в которых мы найдем много уголков, где можно побеседовать, и много тем, на которые сможем поговорить». За этим письмом последовало второе. «Вам следует ехать поездом из Саутгемптона в Оксфорд через Дидкот. Я встречу вас в Оксфорде на машине, если вы телеграфируете время прибытия».

В письме Черчилль упомянул «эти ваши странные загадочные глаза, тайну которых я так страстно желаю понять. Но я глуп и неловок в общении с женщинами и, разумеется, замкнут и необщителен. На этом пути меня ждет одиночество».

Клементина приехала в Бленхейм. Первые два дня Черчилль слишком стеснялся, чтобы предложить ей выйти за него замуж. На третье утро кузен Санни зашел в его спальню и стал убеждать быстрее встать и не упустить шанс, возможно навсегда. Черчилль внял совету и пригласил Клементину на прогулку в сад. Во время прогулки начался дождь. Они укрылись в маленьком декоративном храме Дианы. Там Черчилль набрался мужества и спросил, не согласится ли она стать его женой. Она согласилась.

Пара решила держать помолвку в тайне, пока Черчилль не напишет об этом матери Клементины в Лондон. Но на обратном пути он встретил своего друга Ф. Смита и проболтался. Дома он написал матери Клементины: «Я не богат и не обладаю властью, но ваша дочь любит меня, и с этой любовью я чувствую в себе достаточно сил, чтобы взять на себя великую и священную ответственность. Думаю, я смогу дать ей счастье и положение, достойные ее красоты и добродетели».

Черчилль попросил Клементину взять письмо с собой, поскольку она собиралась в этот день вернуться в Лондон. Но в последний момент он решил составить ей компанию, а потом привезти в Бленхейм и мать, и дочь. Он уехал с ней в Лондон и вернулся с ними обеими специальным поездом.

«Он очень похож на лорда Рэндольфа, – написала мать Клементины подруге. – В нем видны некоторые его недостатки и все его достоинства. Он добрый и ласковый, нежен к тем, кого любит, и ненавидим теми, кто не подпал под его обаяние».

Новость о помолвке Черчилля вскоре стала известна обществу. «Уверен, этот союз придаст вам новые силы, – написал Морли, – и облегчит крутой и тяжелый подъем, который вам предстоит». Через два дня Черчилль был в Суонси, где, выступая с большой речью на тему англо-германских отношений, обрушился с критикой на тех, кто пытается распространять в стране слухи, что война между Великобританией и Германией неизбежна. «Морская политика любой партии, которая хочет удержаться у власти, – говорил он, – должна базироваться на разумных мерах защиты своих берегов. Это обеспечит Британии мирное развитие и в то же время избавит нас от проклятия континентального милитаризма. Не существует столкновения интересов – крупных, важнейших интересов – между Британией и Германией ни в одной части мира. Они одни из наших лучших партнеров, и, если с ними что-то случится, не знаю, что произойдет с рынком нашей страны».

Тем, кто утверждал, что Германия представляет угрозу, Черчилль сказал: «Двум великим народам не за что драться. Нет такого приза, за который можно было бы соперничать, и нет места, где можно было бы столкнуться. Есть тысяч пятнадцать смутьянов, жуликов и ворчунов в Британии и Германии, кто говорит об опасности войны и хочет этой войны. А что остальные? Что остальные сотни миллионов человек, живущих на островах и в Германии? Неужели мы все такие бараны? Неужели демократия двадцатого века настолько слаба, что не может проявить свою волю? Неужели мы все станем куклами и марионетками, которых можно дергать за веревочки вопреки нашим интересам, а мы будем биться в отвратительных конвульсиях? Нет, у меня глубокая и неколебимая вера во внутреннюю доброту великого народа. Я верю, что трудящиеся всего мира имеют общие интересы. Я верю, что так называемая «международная солидарность трудящихся» является огромным благом, дарованным всем народам».

Весь август Черчилль предавался размышлениям о процедуре арбитража, которая вынуждала его вмешиваться в каждый трудовой конфликт в торговле или промышленности. В начале сентября он понял, что требуется некая более формальная и постоянная структура. Он предложил создать действующий третейский суд, состоящий из двух представителей рабочих, двух

предпринимателей и председателя, назначаемого Министерством торговли. Суд должен собираться в любое время, когда этого потребуют обе стороны. Кабинет одобрил план Черчилля, и он немедленно был приведен в действие. В течение двенадцати месяцев суд разобрал семь трудовых споров.

Черчилль и Клементина планировали свадьбу на середину сентября. Но даже в этот короткий период помолвки невеста заколебалась. «Она увидела лицо единственной реальной соперницы, которую ей доведется узнать за все пятьдесят семь лет супружеской жизни, – писала позже ее дочь Мэри, – и в какой-то момент струсила». Этой соперницей была общественная жизнь и политика, которая, по словам ее дочери, «имела постоянные притязания на его время и интересы». Пока Клементина раздумывала, брат Билл напомнил ей в письме, что она уже разорвала две помолвки и что ей не стоит выставлять себя на посмешище и унижать такого популярного человека, как Черчилль. «Но сильнее братских увещеваний, – писала Мэри, – подействовали тепло, энергичная настойчивость Черчилля и его абсолютная уверенность в будущем, которые смели одолевающие ее сомнения».

За неделю до свадьбы Черчилля профсоюз электриков обратился к нему с просьбой стать председателем второго заседания третейского суда по разбору трудового спора. Он согласился. Сторона, которой угрожали локаутом, приняла компромиссное предложение Черчилля пойти на снижение заработной платы в обмен на обещание не сокращать рабочие места в течение полугода. Мнения опять разделились почти поровну – 4606 высказались за и 3739 против предложенного плана. Но это укрепило репутацию Черчилля как переговорщика. В этой роли он неоднократно выступал на протяжении всей своей карьеры.

Через три дня после заседания третейского суда состоялась свадьба. Церемония прошла в Вестминстере, в церкви Сент-Маргарет – приходской церкви палаты общин. Черчиллю было тридцать три года. Невесте – на десять лет меньше. Большинство коллег по кабинету находились в отпуске. Пятеро, в том числе премьер-министр, – в Шотландии. Со свадебной речью выступил бывший директор школы Черчилля, мистер Уэлдон. На церемонии присутствовали также его бывший учитель математики Майо и Ллойд Джордж, который подписал свидетельство о браке. Король Эдуард VII прислал свадебный подарок – трость с золотым набалдашником. Черчилль пользовался ею до конца жизни.

«Какое облегчение – церемония закончилась, и закончилась

благополучно, – написал Черчилль матери из Бленхейма в первый день медового месяца. – Все прошло хорошо во всех смыслах. Клемми счастлива и прекрасна. Только погода немного сурова. Мечтаем о жарком итальянском солнце». На недолгое время молодожены вернулись в Лондон, в дом, которые он снял по адресу Болтон-стрит, 12. Затем поехали в Италию. Сначала – в деревню Бавено на озере Лаго-Маджоре, потом – в Венецию. «Мы бездельничаем и занимаемся любовью, – писал Черчилль матери. – Хорошее и серьезное занятие, чему в истории есть немало примеров».

Из Италии Черчилль повез жену в замок барона де Фореста в Эйхгорне. Вернувшись в Британию, он представил ее своим избирателям в Данди, где произнес речь о возможностях, которые открываются благодаря участию государства в социальной сфере. Асквит и Ллойд Джордж только что приняли решение об установлении государственной пенсии людям старше семидесяти. «Эта мера, – сказал Черчилль, – знаменует внедрение в нашу социальную систему совершенно нового принципа отношения к бедности, и этот принцип, будучи принятым, должен развиваться. Существует потребность непосредственного участия государства в решении вопросов безработицы, неквалифицированного и детского труда. Все должны понимать жестокую пропасть нищеты. Многие известные люди хотели бы закрыть на это глаза, но гораздо больше тех, кто готов спуститься в эту пропасть и сразиться с ее дьяволами. Так порой вы видите, как после взрыва в шахте отряд спасателей бесстрашно направляется в дым и пар».

30 ноября Черчиллю исполнилось тридцать четыре года. Он поставил перед собой цель – разработать систему страхования от безработицы, в которой принимало бы финансовое участие и государство. В то же время, пока он прорабатывал основные принципы своей системы, коллега по кабинету министров Реджинальд Маккенна, первый лорд Адмиралтейства, выступил за расширение строительства боевых кораблей и обратился к кабинету с просьбой одобрить строительство в 1909 г. шести линкоров класса «Дредноут». Это была бы очень большая нагрузка на бюджет. Черчилль и Ллойд Джордж выступали за то, чтобы деньги, требующиеся на строительство хотя бы двух кораблей, были направлены на социальную реформу. Консервативная партия, напротив, выступала за строительство восьми. Пока бушевали споры по этому поводу, Черчилль вновь стал объектом насмешек консерваторов. «Почему Черчилль так ведет себя? – говорили они. – Разумеется, дело не в его убеждениях или принципах. Смысл лишь в том, чтобы насмешить

людей».

Черчилль активнее других настаивал на том, что Британия должна сохранять свое господство на море. Вместе с тем он был убежден, что в наступающем финансовом году для этого достаточно заложить четыре новых линкора, оставив средства на страхование по безработице. Этот план уже был готов для представления в кабинете министров. Черчилль изложил его 11 декабря. Страховой взнос должен составлять 4 пенса в неделю. Страховка должна покрывать 15 недель нетрудоспособности в случае заболевания или травмы на производстве. Взнос должен распределяться следующим образом: 2 пенса выплачивает работник из своей зарплаты, по одному пенсу – работодатель и государство. В дальнейшем он предлагал изменить финансовую составляющую с тем, чтобы работник и работодатель платили по 2 пенса и еще полтора пенса выплачивало государство. Непосредственными бенефициарами его предложения могли бы стать три миллиона рабочих, занятых преимущественно в кораблестроении и машиностроении.

Чтобы страхование по безработице не было сорвано встречным иском сторонников строительства большого флота, Черчилль поддержал возражения Ллойд Джорджа против соображений Маккенны обилием статистических данных. «Я кельт, – написал ему Ллойд Джордж после заседания кабинета министров, – и вы простите меня, если скажу, что, пока вы громили эскадрон Маккенны, я живо представил, как ваш отец с гордостью смотрит на то, как умело и решительно его блестящий сын одерживает победу в деле, которому он посвятил всю свою жизнь и карьеру».

Сначала Асквит поддержал строительство шести новых линкоров в 1909 г. Он сердито писал жене: «Черчилль и Ллойд Джордж совместными махинациями собрали всю либеральную прессу в один лагерь. Оба смутно намекают на собственную отставку (что есть блеф), хотя были моменты, когда я готов был уволить обоих». Споры продолжались четыре месяца, после чего сам Асквит предложил, как и хотели Черчилль с Ллойд Джорджем, заложить в 1909 г. только четыре новых линкора. Он успокоил сторонников большого флота тем, что в следующем году будет заложено еще четыре.

Военно-морской флот не пострадает от такого решения, предполагал Черчилль. Но «битва за дредноуты» снабдила его противников из консервативного лагеря новым оружием. Критики даже не подозревали о предложениях, сделанных им на заседании подкомитета национальной обороны 25 февраля 1909 г. Тогда впервые был поднят вопрос об аэронавигации. У одного

из родоначальников самолетостроения Ч. С. Роллса поинтересовались возможностью использования самолетов Райта в военных целях. Но Черчиллю этого было мало. Как зафиксировали в секретном отчете об этом заседании, «мистер Черчилль считает, есть опасность, что эти предложения сочтут слишком дилетантскими. Проблема использования аэропланов – проблема особой важности, и мы должны связаться с мистером Райтом и воспользоваться его знаниями». С этого времени Черчилль станет пристально интересоваться развитием авиации, посещать ежегодные авиашоу в Хендоне, заведет дружбу с авиаторами и будет всячески поддерживать их во всех начинаниях и экспериментах.

В то же время Черчилль был по-прежнему занят социальными реформами. В письме Асквиту после Рождества 1908 г. он объяснял, что в связи с трудностями, возникшими из-за включения в страховку по безработице инвалидности, он в первую очередь займется организацией бирж труда. Кроме того, ему хотелось видеть какую-нибудь форму государственного контроля над железными дорогами, который должен обеспечить защиту интересов предпринимательства. «Но самое главное, – писал он, – мы должны смотреть вперед и разработать жесткие скоординированные планы на ближайшие два года. Должна быть разработана социальная политика, которую одобрят обе палаты и которая должна оставить нестираемый след в истории страны». Среди законопроектов, которые он готовил, был и направленный против злоупотребления низко оплачиваемым трудом. «Меня это волнует лично, – пояснял он Асквиту, – и, надеюсь, страну тоже волнует. Во всяком случае, я уверен, что эта нелегкая работа должна быть сделана, и сделать ее должны именно мы».

Во втором письме Асквиту, за три дня до Нового года, Черчилль настаивал: «Есть возможность поддержать волонтерские организации, занимающиеся улучшением социальных условий. Менее десяти миллионов фунтов в год, и не на облегчение положения, а лишь на создание механизмов дадут возможность бедноте почувствовать, что они живут в совсем другой Англии». Сферой, в которой он хотел облегчить условия существования бизнеса, было банкротство мелких предприятий. Зимой он организовал конференцию в Министерстве торговли по изучению французского законодательства, которое продвинулось в этой области значительно дальше, чем британское. Один из присутствующих, Джон Бигэм, известный адвокат, позже изумлялся, насколько глубоко Черчилль погружен в тему. Но впечатление на него произвели, как он отмечал, «не только знания, но его энергия и широта взглядов – качества, с которыми

он мог бы стать первоклассным адвокатом в суде».

Зимой Черчилль начал убеждать Асквита заняться разработкой законодательства в области страхования по безработице и инвалидности. К его разочарованию, Асквит решил отложить это до следующей сессии из-за сложностей, связанных с определением «длительная инвалидность». Из-за этой отсрочки план страхования, над которым так упорно трудился Черчилль, был представлен Ллойд Джорджем, который заработал на этом репутацию. Несмотря на эту неудачу, весной он разработал еще два законопроекта – билль о комиссиях по найму, направленный против злоупотребления неквалифицированным и низко оплачиваемым трудом, и билль о биржах труда. В основе обоих законопроектов, пишет он Асквиту 12 января, лежит «та же самая идея, что и у немцев, – совместное и равное представительство работодателей и трудящихся плюс опытный и беспристрастный участник».

На следующий день после этого письма Черчилль выступал в клубе Либеральной партии в Бирмингеме. «Куда бы ни упал взгляд реформатора, – говорил он, – повсюду он видит страдания, которые можно предотвратить и даже вообще устранить. В то время как «авангард» британского общества пользуется всеми удовольствиями в любом возрасте, наш «арьергард» вынужден бороться за жизнь в условиях хуже варварских. Главные надежды британский народ связывает с изменениями в общественной, а не в политической жизни, – говорил Черчилль. – Люди практически ежедневно видят вокруг картины разного рода страданий, с которыми не может смириться чувство гуманности или справедливости. Люди спрашивают: «Почему так мало сделано?» И они требуют, чтобы делалось больше». Призыв к изменению социальной политики Черчилль повторил 5 февраля в Ньюкасле. «Цель новой социальной политики, – говорил он, – дать народу участвовать в правительстве, открыть возможности карьерного роста талантливым людям всех классов, укрепить связи широких масс с органами власти». Через месяц он представил в правительство билль о комиссиях по найму. По его мысли, новые комиссии, в которых будут работать специальные инспекторы, должны иметь полномочия предъявлять иски работодателям, эксплуатирующим рабочих. «Под эксплуатацией, – писал он, – следует понимать либо оплату труда ниже минимума, установленного Министерством торговли, либо условия, наносящие вред физическому и социальному состоянию».

В отдельном законопроекте Черчилль прописал принципы, определяющие минимальный уровень заработной платы и право

на перерыв для отдыха и приема пищи. Второе чтение этого законопроекта состоялось 28 апреля. Прямо с министерской скамьи Черчилль написал Клементине: «Прекрасно восприняли, будет принят единогласно. Бальфур отнесся очень благожелательно, и все возражения рассеялись». Законопроект был принят подавляющим большинством. После этого Черчилль представил билль о биржах труда. «Современные средства транспорта и коммуникаций, – заявил он в палате, – как никогда ранее связали страну в единое целое. Только труд не пользуется выгодами от такой усовершенствованной организации. Необходимо избавить людей от необходимости скитаться в поисках работы. Более двух сотен бирж труда будут предоставлять информацию о том, где есть работа и для каких профессий. Биржи труда и страхование от безработицы, которое еще следует принять, станут как муж и жена, взаимно поддерживающие друг друга».

Один из ведущих лейбористов назвал предложение Черчилля «одним из самых перспективных, какие я слышал за все время работы в парламенте». Этим летом на ряде встреч с представителями профсоюзов и работодателей Черчилль объяснял, что роль комиссий по найму будет заключаться в разрешении споров и поиске компромиссов. Работодатели не смогут использовать биржи труда для найма штрейкбрехеров в случае забастовок. Биржи создаются только для поиска работы трудящимися и для облегчения поиска рабочих работодателями.

Погруженный в законотворческую деятельность Черчилль находил время следить и за подготовкой своего нового дома на Экклстон-сквер, 33. Клементина, ожидавшая первенца, бульшую часть времени проводила в Бленхейме. Ее муж уделял внимание даже мельчайшим деталям их нового лондонского жилища. «Прибыла мраморная ванна, – писал он ей. – Твое окно открывается вверх – отличное изобретение. Все книжные шкафы на местах (я заказал еще два для боковых окон в алькове). Столовая сверкает сливочно-белым. Большую комнату оклеили обоями. Работы в ванной успешно продвигаются».

1 мая невестка Черчилля леди Гвенделин родила сына. Его назвали Джон Джордж. Клементина должна была родить через два месяца. «Моя дорогая птичка, – написал ей Черчилль, – это счастливое событие станет для тебя не только радостью, но и придаст тебе храбрости. Хотя я предпочел бы избежать этого, поскольку тебе придется пережить тяжелое испытание и боль. Но обстоятельства сильнее нас, и из страданий родится радость, а после временной слабости появятся новые силы».

Будучи майором гусарского полка ее королевского

величества, Черчилль принял участие в ежегодных учениях оксфордширских йоменов. На следующий день после тактических занятий он пишет жене: «Эти вояки зачастую не в состоянии понять простых истин, лежащих в основе взаимодействия воинских частей». По поводу «галопирующих псевдосолдат», участвующих в учебном бою, который проводили восемь йоменских полков, он продолжает: «Знаешь, я бы с гораздо бульшим удовольствием потренировался в управлении крупными силами. Я вполне уверен в своих способностях. Лучше всего я разбираюсь в тактических комбинациях. Конечно, во мне говорит глупое тщеславие, но ты не будешь смеяться надо мной. Уверен, я понимаю суть дела, но, боюсь, при нынешнем положении вещей у меня не будет шанса».

Впрочем, летом все мысли Черчилля были заняты другой войной – войной против бедности, как писал он Ллойд Джорджу. Размышляя над различными проблемами законодательства в социальной сфере, в том числе предложенными им самим, он пришел к выводу: «Для защиты нашей страны от бедности и безработицы мы должны создать механизм примерно такого же рода, какой существует в комитете национальной обороны для защиты от иностранной агрессии». Черчилль предложил создать для этого специальный комитет под началом министра финансов. Он полагал, что это единственный способ обеспечить легкое, плавное и быстрое решение всех вопросов, и поможет избежать лишних расходов, трений и недосмотров и обеспечить непрерывность социальной реформы.

11 июля Клементина родила дочь Диану, и Черчилль на время забыл и о политике, и о парламенте. Роды оказались довольно тяжелыми, и Клементина очень ослабела. Черчилль делал все возможное, чтобы обеспечить ей комфорт. Для восстановления он нашел ей удаленное от лондонской суеты место. Впрочем, через три недели после рождения дочери он уже снова оказался в центре конфликта, на этот раз в угледобывающей промышленности. Забастовка грозила парализовать производство. «За последние двое суток мы вели переговоры двадцать часов, – рассказывал он матери, – и сомневаюсь, что удовлетворительный результат был бы достигнут без моего участия».

«Насколько я могу судить, – писал Черчиллю сэр Эдвард Грей после того, как конфликт был улажен, – для заключения соглашения оказались необходимы ваша твердость, авторитет и проницательность. Я вижу в этом реальную службу обществу в ее лучшем виде». Поздравления ему прислали также Эдуард VII и Асквит. «Это была большая победа, – сообщил Черчилль

матери. – Очень необходимая и своевременная». Однако в этот самый момент возникла опасность кризиса, угрожающего всем планам социальных реформ. Консерваторы из палаты лордов заявили о намерении забаллотировать бюджет Ллойд Джорджа, который уже был принят в палате общин подавляющим большинством.

Поначалу Черчилль отнесся к этому спокойно. «Никогда не видел, чтобы люди вели себя настолько глупо, как эти герцоги и герцогини, – писал он матери. – Один за другим выступают за сокращение благотворительности и пенсий, стремясь ограбить пожилых рабочих и пенсионеров. Они завывают и причитают, что им придется платить, словно их разоряют».

Реформистским планам Черчилля наряду с перспективой отклонения бюджета угрожала опасность и другого рода – международный конфликт. В конце августа у него состоялся продолжительный разговор с послом Германии в Лондоне графом Меттернихом. Он заявил послу, что «существенное наращивание Германией своих военно-морских сил вызывает глубокую обеспокоенность всех партий и слоев общества. Нет смысла закрывать глаза на реальные факты, поскольку народ и правительство глубоко заинтересованы в укреплении атмосферы доверия и дружбы между нашими странами, а это находится под угрозой, пока Германия непрерывно увеличивает военно-морскую мощь».

Осенью Клементина все еще восстанавливала пошатнувшееся здоровье в Саутуотере, близ Брайтона. После этих родов она всю жизнь будет испытывать приступы упадка сил, осложняемые нервными стрессами. Муж всегда рекомендовал ей больше отдыхать и не взваливать на себя домашние хлопоты. Он регулярно присылал ей отчеты о семейных и личных делах. «У Дианы все хорошо, – писал он в конце августа с Экклстон-сквер, – но нянька дуется на меня, словно я постоянно вмешиваюсь не в свои дела».

6 сентября, пока Клементина находилась в Саутуотере, Черчилль выступил в Лестере против намерений палаты лордов забаллотировать бюджет. Он говорил об опасности усиления классовой борьбы в случае, если бюджет и все, ради чего он принимается, будет отвергнуто: «Если мы продолжим вести себя беспечно, как прежде, если самые богатые продолжат наращивать состояния, а самые бедные продолжат погружение в безнадежную нищету, в таком случае нас ничего не ждет, кроме ожесточенной борьбы, роста беспорядков и, следственно, бесполезной траты человеческих сил и потери нравственности».

Король пришел в такое негодование от этих слов, что его личный секретарь опубликовал протест в Times – случай беспрецедентный по тем временам. «Они с королем, видимо, взбесились», – прокомментировал Черчилль.

Из Лестера Черчилль отправился в Суиндон, чтобы присутствовать на маневрах британской армии. Во время поездки он не забывал поддерживать жену. «Дорогая Клемми, – писал он, – старайся набраться сил. Пусть накапливаются. Не пускай это на самотек. Помни два правила: гуляй не больше полумили и без риска простудиться. Осенью нам предстоит много дел. Если будут выборы, тебе придется играть важную роль». Черчилль понимал сложность, какую создает и будет создавать в дальнейшем его политическая жизнь во взаимоотношениях с женой. «Я настолько сосредоточен на политике, – объяснял он ей, – что порой чувствую себя невыносимо скучным для всех, кто этим не занимается. Мне доставляет огромную радость приносить тебе счастье, и очень хочется быть более интересным. Однако самое лучшее – быть самим собой. Потом ты поймешь, что имеешь дело с занудным эгоистом».

В компании Эдварда Марша и кузена Фредерика Геста Черчилль осенью побывал на маневрах немецкой армии. В Меце он посетил места сражения при Гравелоте, где французы в августе 1870 г. потерпели поражение во время Франко-прусской войны. «Сотни солдатских могил, и все очень хорошо ухожены, – писал он Клементине. – По ним видны все боевые действия».

Направляясь в Страсбург, столицу немецкой провинции Эльзас, Черчилль написал ей: «Год назад у меня появилась моя любимая белая кошечка, и я надеюсь и молюсь, чтобы у тебя не было повода – даже смутного или тайного – пожалеть об этом. Сейчас звонят колокола старого города, и они вызывают в моей памяти колокольный перезвон и толпу радостных людей, которые приветствовали нашу свадьбу. Прошел год, и если он не принес тебе идеальной радости, какую рисует воображение, то, во всяком случае, принес чистый яркий свет счастья и кое-какие важные события. Моя драгоценная и любимая Клемми, самое мое заветное желание – проникнуть еще глубже в твою душу и сердце и свернуться клубочком в твоих любимых руках. Мне очень хорошо с тобой, и я не имею ни малейшего намерения это скрывать». В письме Черчилль писал и о дочери: «Интересно, какой она вырастет, будет ли она счастлива. У нее должны быть редкие качества души и тела. Но это не всегда означает счастье или покой. Впрочем, я уверен, для нее сияет яркая звезда». Это были трагически пророческие слова. Много ярких звезд сверкало для Дианы, но счастье ускользало от нее.

Из Страсбурга Черчилль на автомобиле отправился во Франкфурт. «Очень долгий путь протяженностью 220 километров, последние три часа в темноте под дождем, – написал он Клементине. – Странно, что кому-то может это нравиться, хотя в автомобиле возникает какое-то ощущение независимости, о котором я никогда не подозревал в поезде». По дороге через Германию на него большое впечатление произвели бесчисленные мелкие фермы, отсутствие огороженных парков и крупных поместий. «Все это дает понять, – писал он, – с какой страшной запущенностью и тяготами мирится наш бедный народ. Родовые поместья с парками, раскинувшиеся чуть ли не впритык друг к другу, буквально душат деревни и производство. Во Франкфурте я видел местные биржи труда и теперь не сомневаюсь, что сделал огромное дело с этими биржами. Честь внедрения их в Англии – сама по себе большая награда».

Вечером 14 сентября Черчилль добрался до Вюрцбурга. На следующий день он наблюдал за маневрами пяти армейских корпусов и трех кавалерийских дивизий германской армии. «У меня прекрасная лошадь из императорских конюшен, – рассказывал он Клементине. – Я могу ездить с эскортом куда хочу. 15 сентября имел краткую беседу с императором, который добродушно подтрунивал над социалистами. Вечером за ужином формально и отрывисто на ломаном французском удалось поговорить с прусским генералом и баварским военным министром. Что касается германской армии – это страшная машина. Они способны совершать переходы по тридцать пять миль в сутки. Количественно их словно песка в море, и при этом у них все удобства. Заметен полный разрыв между двумя частями германского общества – между империалистами и социалистами. Их ничто не объединяет. Это две разные нации. У британцев очень много оттенков, – писал Черчилль, – здесь же только черный и белый (прусские цвета). Думаю, лет через пятьдесят мир станет мудрее и лучше. Мы этого не увидим, но наша дочь будет блистать на более счастливой сцене. Как легко люди могут все изменить к лучшему, если только будут действовать заодно. Как бы меня ни привлекала и ни восхищала война, – продолжал он, – с каждым годом все глубже чувствую – и утверждаю сейчас, когда вокруг бряцают оружием, – что все это просто мерзость, безнравственность, глупость и варварство». Один день, проведенный на маневрах, подтвердил его предчувствия.

Черчилль рассказывал, что в последний день снова встретился с императором: «Он был очень дружелюбен: «мой

дорогой Уинстон и т. д.», но мне все это было безразлично – так, минутный разговор и больше ничего. Дольше беседовал с турецким представителем Энвер-пашой, младотурком, который совершил революцию. Очаровательный парень, очень симпатичный и чрезвычайно способный. Мы сразу подружились». Через пять лет Черчилль лично обратится к Энверу, который станет к тому времени военным министром Турции, с просьбой не вступать в войну на стороне Германии, но тщетно.

Пока Черчилль был в Германии, Клементина отправилась с Асквитом на политическое собрание в Бирмингем. «Мы вышли через боковую дверь, – сообщала она мужу на следующий день. – Стюард крикнул в толпу: «Здесь миссис Черчилль!» – и они все приветствовали Мопса. Два мальчика сунули головы в коляску и сказали: «Передайте ему нашу любовь». Простой народ любит тебя и доверяет абсолютно. Я очень горжусь тобой».

Из Вюрцбурга Черчилль поехал на поле битвы при Бленхейме – место, где его далекий предок одержал триумфальную победу над французами в 1704 г. Вернувшись в Британию, Черчилль снова оказался на переднем крае борьбы либералов с палатой лордов. 16 октября он выступил перед избирателями в Данди, после чего сообщил Клементине: «Я нашел всех бодрыми и готовыми к борьбе. Но неприятностей все равно много. Вчера утром едва успел съесть половинку копченой сельди, как из нее вылез огромный червяк! Сегодня на обед не нашел ничего лучшего, чем блинчики. Вот такие испытания приходится переживать великим и добрым людям, которые служат отечеству! Зато со здоровьем неплохо. Спал в поезде как убитый без всякого веронала. Безусловно, это верный признак крепких нервов и хорошего самочувствия». Заботясь о здоровье Клементины, он советовал: «Моя милая кошечка, главное для тебя – набираться сил. В некоторых обстоятельствах животная тупость необходима. Жаль, что тебя нет со мной, но уверен, в будущем ты не пожалеешь об этом отдыхе».

Клементина несколько недель отдыхала в отеле в Суссексе, в графстве Кроуборо. «Жаль, что ты привязана к этому Кроуборо, – написал ей Черчилль 25 октября. – Как мне хочется взять тебя на руки – всю такую прохладную и блестящую после ванны». В то же время он был занят новой книгой – сборником выступлений о социальной политике, сделанных им за последние три года. Книга вышла из печати через месяц под названием «Либерализм и социальная проблема» (Liberalism and the Social Problem). Через три недели появился еще один сборник его избранных речей – «Права народа» (The People's Rights).

Под впечатлением от визита в Германию Черчилль 3 ноября

изложил перед кабинетом свои мысли о немецком флоте. «Для их военно-морской экспансии практически не существует преград, – сказал он, – за исключением денег. Это существенно. Они переживают тяжелый экономический кризис. Будет он ликвидирован умеренностью или насилием? – задавался вопросом Черчилль. – Куда будет направлена политика германского правительства – на успокоение или на внешнюю авантюру? Несомненно, пока оба пути открыты. Какое бы решение ни приняло правительство Германии, оно должно быть принято в ближайшее время. Если оно будет мирным, это сразу станет очевидно, и наоборот».

При поддержке Асквита Черчилль подготовил речь, с которой собирался выступить в Бристоле 14 ноября, за неделю до обсуждения бюджета в палате лордов. Клементина поехала с ним. Как только они вышли из вагона поезда, молодая суфражистка Тереза Гарнет выбежала вперед и попыталась ударить Черчилля по лицу собачьей плеткой. Защищаясь, он схватил ее за руки. Она стала толкать его к краю платформы. В этот момент поезд медленно двинулся. Перебравшись через гору сумок, Клементина успела схватить мужа за пальто и оттащить от края платформы. Суфражистку задержали члены организационного комитета, после чего ее сразу же арестовали. Когда полицейские уводили ее, она крикнула Черчиллю: «Скотина, почему ты не уважаешь британских женщин?»

Пораженный инцидентом, Черчилль тем не менее в этот же день произнес сильную речь против палаты лордов. «Лорды-консерваторы, – заявил он, – были фракцией гордых тори, которые считали себя единственными, достойными служить короне. Они считали правительство не более чем приложением к их состояниям и титулам. Им невыносимо видеть правительство, опирающееся на средний и рабочий классы. Все, чего они могут добиться, если, конечно, сойдут с ума, – подложить булыжник на рельсы и пустить под откос поезд государства. Именно это, как нам говорят, они и намерены сделать».

Черчиллю ответил его давний противник лорд Милнер. Он заявил: «Долг лордов – голосовать против бюджета, и к черту последствия». Призыв Милнера был услышан. 30 ноября, в день тридцатипятилетия Черчилля, лорды отклонили проект бюджета 350 голосами против 75. Через четыре дня Асквит назначил перерыв в работе парламента, и началась предвыборная кампания. Лозунгом либералов, в том числе внука герцога Мальборо, стал: «Лорды против народа».

Глава 11
Министр внутренних дел

В ходе всеобщих выборов Черчилль опять возглавил либералов против лордов. Выступая в шотландском городе Левен, он охарактеризовал бывшего министра иностранных дел лорда Лэнсдоуна как «представителя исчерпавшей себя, устаревшей, анахроничной ассамблеи, пережитка феодальных отношений, абсолютно утратившей свой изначальный смысл, давно выдохшейся силы, которой требуется один решительный удар избирателей, чтобы покончить с ней навсегда». Выступая в Ланкашире, он также чрезвычайно энергично излагал позицию либералов. «Ваши речи от начала и до конца, – написал ему Асквит, – совершенство. Они сохранятся в истории».

Результаты выборов были объявлены 15 февраля 1910 г. Либералы удержались у власти, но с минимальным преимуществом: 275 мест против 273 у консерваторов. Баланс сил вновь стали определять ирландские националисты, получившие 84 места. Лейбористы с 42 голосами опять оказались самой малочисленной партией, представленной в парламенте. Черчилль победил в своем Данди с тем же преимуществом, что и на предыдущих выборах, набрав более девяти тысяч голосов.

В день объявления результатов Черчилль дал согласие занять высокий пост министра внутренних дел и принять ответственность за полицию, тюрьмы и заключенных. Только Роберт Пиль, основатель муниципальной полиции, занимал этот пост в более раннем возрасте – в тридцать три года. Перспективы новой работы преисполнили Черчилля «восторгом и возбуждением, – как позже вспоминала Вайолет Асквит. – У него под началом будет прекрасная армия полицейских сил, но в основном его занимала судьба их жертв – преступников. Его собственный опыт пребывания в неволе сделал его, так сказать, «другом заключенных», и его мозг кипел планами по облегчению их судьбы». «Они должны иметь пищу для ума, – постоянно говорил Черчилль. – Много книг, чего мне в свое время не хватало больше всего, за исключением, разумеется, возможности выбраться из того проклятого места. Полагаю, я должен многое исправить!»

С первых дней пребывания на посту министра внутренних дел Черчилль занялся разработкой полноценной реформы пенитенциарной системы. 21 февраля, через шесть дней после

вступления в должность, он отправился на премьеру пьесы Голсуорси «Правосудие» в Театре принца Йоркского. Он пригласил с собой Ивлина Рагглс-Брайса, председателя комиссии по делам тюрем, назначенного на эту должность Асквитом пятнадцать лет назад, – активного сторонника одиночного заключения. Пьеса содержала серьезные обвинения против одиночного заключения и произвела большое впечатление на Черчилля. Однако, как он объяснял позже своему постоянному заместителю сэру Эдварду Трупу, он также осознал важность «создания в первый период тюремной жизни строгой дисциплины, чтобы осужденный осознал пропасть между тем миром, который он покинул, и тем, в котором ему суждено пребывать».

Через два месяца Черчилль объявил, что одиночное заключение должно быть сокращено до одного месяца для лиц, впервые совершивших преступление, и промежуточного периода в три месяца для рецидивистов. Когда стали известны новые правила, Голсуорси написал его тетушке Леони: «Меня всегда восхищали его качества – смелость, и способности, и гибкость ума, что весьма редко встречается среди политиков. Теперь я понял, что у него есть сердце, причем очень гуманное. Думаю, он далеко пойдет, и тем дальше, чем лучше сохранит в себе бойцовские качества».

В марте Черчилль провел разделение, доселе не существовавшее, между уголовными и политическими преступниками. Этот шаг сразу же положительно сказался на судьбе многих заключенных суфражисток. «Правила, годные для преступников, осужденных за мошенничество, жестокость или подобные преступления, – разъяснял он в палате общин, – не должны применяться к людям, чьи проступки, хотя и достойные всяческого осуждения, ничем не угрожают личности».

Черчилль пытался организовать библиотеки для заключенных. Комитет, который он назначил для рассмотрения этого вопроса, рекомендовал взять в качестве образца каталог публичной библиотеки. Однако главной целью пересмотра существующей системы было сокращение тюремных сроков, которые Черчилль считал чрезмерными. По этому поводу он вел оживленную переписку с департаментами своего министерства, внимательно изучал конкретные случаи и часто выражал неудовлетворение судьями. Комментируя приговор к десяти годам каторжных работ за содомию, он направил записку своим подчиненным: «Заключенный уже имел два серьезных срока по семь лет каторжных работ – один за кражу

лаймового сока, другой за кражу яблок. Не исключено, что он приобрел свои неестественные наклонности именно в тюрьме».

Черчилль полагал, что необходимо установить верхний предел срока наказаний. «Только редкие и особо отягчающие обстоятельства, – писал он, – должны быть основанием для вынесения приговора на срок более десяти лет каторжных работ за преступления, не связанные с угрозой жизни. Например, в тех случаях, когда богатство систематически используется для развращения несовершеннолетних; где жестокость привела к инвалидности или где есть доказательства постоянного участия человека в преступной деятельности, – там предел может быть повышен. Но для отдельных актов жестокости, даже таких, как изнасилование, и для других серьезных преступлений наказание в виде семи лет каторжных работ может, как мне кажется, быть верхним пределом». 3 июля, в ходе подготовки реформы, нацеленной на сокращение количества осужденных, Черчилль писал своим советникам: «Я безусловно не соглашусь нести ответственность за какую-либо систему, которая может быть использована для отягощения Уголовного кодекса». 20 июля он представил проект реформы в палате общин. Одной из его задач была отмена автоматического тюремного заключения за неуплату штрафов. «Хочу, чтобы палата осознала, насколько несправедлива эта статья, – говорил он. – Государство не получает штраф. Человека сажают в тюрьму, возможно, впервые – это для него тяжелое переживание. Ради четырех-пятидневного заключения он подвергается всем тем же формальным процедурам, которые применяются к преступникам, получившим большой срок или каторжные работы. Его фотографируют, берут отпечатки пальцев и т. д. Весь этот мучительный процесс происходит так же, как в случае длительного заключения какого-нибудь злодея».

Черчилль хотел ввести принцип «срок платежа». За год до того, как он стал министром внутренних дел, 95 686 человек отсидели в тюрьме по четыре-пять дней за невозможность уплатить штраф. Только из-за чрезвычайно плотного графика работы парламента эта реформа была отложена и принята лишь в 1914 г. За пять лет действия нового правила количество людей, отбывающих срок за неуплату штрафов, сократилось до пяти тысяч. Большинство тех, кто попадал в тюрьму, были оштрафованы за пьянство. Их количество сократилось с 62 822 человек в 1908–1909 гг. до двух тысяч в 1919 г.

Следующая реформа Черчилля была направлена на сокращение количества молодых арестантов. Каждый год за решеткой оказывалось более пяти тысяч человек в возрасте

от шестнадцати до двадцати одного года. Это он собирался изменить. Ни один молодой человек, по его мысли, не должен сидеть в тюрьме, кроме тех, кто неисправим или совершил серьезное преступление. «Тюремное заключение для молодых людей – бесполезное дело, – пояснял Черчилль королю в одном из писем, которые по традиции министр внутренних дел направлял монарху, информируя его о событиях в парламенте. – Необходимо внедрение системы исправительных работ, физического труда, хотя и неприятного, но полезного для здоровья, который можно организовать в любом полицейском участке. Ни один молодой человек не должен направляться в тюрьму просто ради наказания. Каждый приговор должен выноситься с целью помочь ему вернуться к нормальной жизни. Он должен быть скорее дисциплинарным, воспитательным, нежели карательным».

Отстаивая в палате общин сокращение тюремного срока для молодежи, Черчилль обращал внимание парламентариев на то, что это распространяется преимущественно на сыновей представителей рабочего класса. Сыновья представителей высшего общества в дни своей буйной молодости, в Оксфорде или Кембридже, совершают множество правонарушений, которые не влекут за собой и малейшего наказания, в то время как за подобные действия сыновей рабочих сажают в тюрьму. Когда Черчилль стал министром внутренних дел, в английских тюрьмах находилось 12 376 молодых людей в возрасте до 21 года. К 1919 г. их число сократилось до четырех тысяч. Однако план Черчилля по внедрению исправительных работ, который поддержали и полиция, и лорд – главный судья, не выдержал проверки чиновниками министерства. Принципы, которые он хотел внедрить, осуществятся лишь в 1948 г., когда будет принят билль об уголовном судопроизводстве.

В основе тюремной реформы Черчилля лежало отчетливое понимание сущности наказания с точки зрения заключенного. Выступая в парламенте, он объяснял: «Мы не должны забывать, что даже при улучшении материального обеспечения тюрем, при создании нормального температурного режима, при наличии здорового питания, необходимого для поддержания сил, врачи, священники и посетители приходят и уходят, а осужденный остается – лишенный всего того, что свободный человек называет жизнью. Мы не должны забывать, что все улучшения, которые успокаивают нашу совесть, никак не изменяют его положения».

Затем Черчилль изложил парламенту фундаментальные принципы, которые, по его мнению, должны лежать в основе пенитенциарной системы любой прогрессивной страны:

«Отношение общества к преступности и преступникам – один из наиболее безошибочных тестов на цивилизованность страны. Спокойное и непредвзятое признание прав обвиняемых, даже осужденных за преступления против государства, желание и стремление вернуть к активной жизни всех тех, кто заплатил за преступление наказанием, неустанные усилия в поисках целительных и восстановительных процессов и неколебимая вера в то, что в душе каждого человека, если вглядеться, хранится сокровище, – это то, что свидетельствует о запасе духовных сил нации и является знаком и подтверждением ее добродетельности».

Этим летом Черчилль предложил еще несколько изменений, которые были реализованы, пока он находился на посту министра внутренних дел. Одним из новшеств стала организация развлечений в тюрьмах. В каждой тюрьме теперь четыре раза в год стали устраивать лекции или концерты. «Эти несчастные люди, – писал он королю, – должны иметь возможность о чем-то думать, чем-то разрушать монотонность существования». Специальные условия также были созданы для пожилых и слабоумных заключенных.

Наряду с реформами тюрем Черчилль ликвидировал полицейский надзор за бывшими заключенными. Для наблюдения за вышедшими на волю он организовал специальное агентство. Бывшие заключенные отныне находились под надзором специальной структуры, состоящей из назначаемых чиновников и представителей различных обществ помощи заключенным.

Объясняя суть этой реформы одному коллеге по Либеральной партии, пока она еще была в стадии разработки, Черчилль отметил: «Из четырех отсидевших свой срок в 1903–1905 годах трое снова оказались на каторжных работах. Я намерен положить конец этому ужасному уровню рецидивизма. Полицейский надзор не в состоянии стимулировать осужденного к честному образу жизни. Требуется более индивидуализированное, более личное, более продуманное, если угодно более филантропическое, руководство. Может быть, объединение существующих обществ помощи заключенным в одну сильную конфедерацию, обеспечение ее большими средствами, организация контактов с заключенными задолго до того, как они опять окажутся выброшенными в мир, а использование обычных полицейских надзорных методов только в самых крайних, трудно исправимых случаях». Те, кто был за реформу тюремного заключения, высоко оценили усилия Черчилля. «Эти изменения, – писал Голсуорси в Times от 23 июля, – все без исключения результат работы гибкого ума, без которого любые реформы мертвы и, по здравом

размышлении, даже опасны».

Этим же летом, пользуясь правом министра рекомендовать к пересмотру дела по тяжким убийствам, Черчилль решил изучить одно конкретное дело, по которому был вынесен смертный приговор. Он составил детальный план из десяти пунктов, согласно которому попробовал проверить свидетельства обвинения и изыскать аргументы, противоречащие тем, что были предъявлены защитой. Однако, тщательно изучив сомнительные пункты, он не счел возможным рекомендовать направить дело на пересмотр.

Через год после ухода с поста министра внутренних дел Черчилль говорил одному другу, что для него было «кошмаром» использовать свою власть при решении вопроса о жизни и смерти осужденных. В 1948 г., участвуя в дебатах по поводу смертной казни, он сказал в палате общин: «Пребывание более сорока лет назад на посту министра внутренних дел оказалось для меня весьма тяжким. Не было поста в правительстве, который бы я покидал с чувством большего облегчения. И не столько принятие решений по поводу вынесения смертных приговоров удручало меня, хотя эта обязанность тоже доставляла мучения. Я читал апелляции осужденных на длительные или пожизненные сроки, которые умоляли освободить их. Вот это было самым изнурительным. Хорошо запомнил одно дело о тяжком убийстве. Судили солдата лет сорока пяти, который в приступе ярости убил свою жену или женщину, с которой прожил вместе много лет. После убийства он спустился по лестнице, где его ждали маленькие дети, которых он обычно угощал сладостями. Он достал из кармана все деньги и отдал их им со словами: «Мне они больше не нужны». После этого он отправился в полицейский участок и сдался. Меня очень тронула история этого несчастного. Судья, который вел дело, предложил привести приговор в исполнение. Чиновники министерства с их огромным опытом советовали не вмешиваться. Но у меня было свое мнение».

Черчилль рекомендовал отсрочить исполнение смертного приговора. Вскоре после этого солдат покончил с собой. Потрясенный тем, что человек, которому отменили казнь, решил, что пожизненное заключение хуже смерти, Черчилль все же с гордостью отметил, выступая в палате общин в 1948 г.: «В каждой статье нашей системы уголовного законодательства сомнение трактуется в пользу обвиняемого. В каждом пункте дела, по которому может быть вынесен смертный приговор, и даже когда он уже вынесен, такое же предпочтение делается

в пользу обвиняемого. Когда закон и справедливость сделали все от них зависящее, когда все рассмотрено и взвешено, остается еще милосердие, которое бродит вокруг тюремных стен и ищет лазейку, через которую может проникнуть внутрь».

Столкнувшись с постоянным противодействием своим либеральным социальным реформам со стороны палаты лордов, Асквит задумался об отставке. Черчилль был среди тех членов кабинета, кто возражал против этого, и доказывал, что правительство должно продолжать борьбу, несмотря на минимальное большинство. Асквит прислушался к совету и объявил, что палата лордов будет перестроена на демократической основе. За день до этого в Манчестере Черчилль во всеуслышание заявил: «Королевская власть и палата общин действуют заодно против поползновений лордов». Эта фраза встревожила короля.

Предложения правительства по урезанию власти палаты лордов были представлены в палату общин. Черчилль был главным выступающим от правительства. Говоря о консерваторах, которые появляются в палате лордов только для того, чтобы проголосовать против бюджета, он заявил: «Нет ничего более забавного, чем их манера, с которой они позволяют водить себя за нос. Все эти аристократы, занимающие независимое положение, легко получившие прекрасное образование, вращающиеся в просвещенном обществе и находящиеся в полной безопасности от всего, творящегося в мире, настолько далеки от независимости, что позволяют управлять собой и вести себя – не скажу, как стадо баранов, поскольку это было бы неуважительно, – но как полк солдат, туда-сюда».

Свое выступление Черчилль закончил так: «Мы переживаем судьбоносный период британской истории. Время разговоров прошло, настало время действий. Поскольку палата лордов, по злому и антипатриотичному наущению – как мне это видится – использует право вето, публично оскорбляя исключительное право королевской власти и ущемляя права палаты общин, необходимо, чтобы королевская власть и палата общин, действуя заодно, восстановили конституционный баланс и навсегда запретили лордам пользоваться правом вето».

«Замечательная речь, одна из ваших лучших, – написал ему Асквит. – Единственное, о чем я сожалею, – фраза, объединяющая «королевскую власть» и «народ». Впрочем, надеюсь, на это не обратят внимания».

28 апреля проект бюджета был представлен в палате лордов. Избегая конфронтации, палата приняла его единогласно.

Стремясь помешать дальнейшему вмешательству лордов в финансовые вопросы, Асквит решил сделать шаг вперед и предложить билль о парламенте, хотя, чтобы гарантировать его принятие, требовалось пятьсот новых пэров из рядов сторонников Либеральной партии, для чего предстояло обратиться к королю. Но 6 мая, пока бушевали споры о возможности создания такого количества новых пэров, Эдуард VII скончался.

Учитывая неопытность нового короля, Георга V, было объявлено шестимесячное перемирие. Черчилль не только поддержал это решение, но и призвал создать правительство национального единства, в котором и либералы, и консерваторы, свободные от давления своих радикально настроенных членов, могли бы совместно заняться решением конституционных вопросов: разработать федеральную систему для Ирландии, заняться программой социального обеспечения и, если того потребует ситуация в Европе, ввести обязательную воинскую повинность, за которую в свое время выступали консерваторы.

Летом Черчилль с Клементиной покинули Англию и отправились в двухмесячное путешествие на борту яхты «Хонор» барона де Фореста. Маршрут круиза проходил по Средиземному и Эгейскому морям вдоль побережья Малой Азии до Константинополя. Эдвард Марш, который перешел вслед за Черчиллем из Министерства торговли в Министерство внутренних дел, по мере накопления служебных бумаг отправлял ему целые кипы почты. Первая ждала его в Афинах. Через месяц Черчилль написал сэру Эдварду Грею с Крита: «Я получил три солидные порции писем с министерскими бумагами и прожевал довольно много жестких кусков, которые откладывал, чтобы разобраться на досуге».

Из турецкого порта Смирна (Измир) Черчилль в сопровождении охраны проехал на специальном поезде по проложенной британцами трассе до Айдына протяженностью более четырехсот километров. Вспоминая путешествие по Греции и Турции, позже он говорил министру иностранных дел: «Единственная мысль, которая у меня возникала в этой части света при виде разрушенных цивилизаций и перемешанных наций, – почему Англия и Германия не могут начать активно взаимодействовать к обоюдной выгоде?»

По возвращении в Англию Черчилль был гостем главнокомандующего британской армией сэра Джона Френча на маневрах. «Представляю, как ты скачешь по равнине Солсбери при такой прекрасной свежей погоде, – писала ему Клементина, – и мечтаю о том, чтобы ты накануне войны до начала осенней сессии стал главнокомандующим, а не министром внутренних

дел». Но отпуск еще не закончился. Черчилль с Клементиной отправились в Уэльс, где были гостями Ллойд Джорджа в Криккиете, играли в гольф, катались на автомобиле и занимались морской рыбалкой.

«Мы с женой всегда будем помнить вашу доброту и гостеприимство», – написал Черчилль Ллойд Джорджу в последний день отдыха уже из Инвернесса. «В Шотландии, – вспоминал он, – я целыми днями охотился, а вечерами отдыхал». О беседах в Криккиете он написал: «Если мы будем вместе, мы должны быть либо достаточно сильны, чтобы придать прогрессивный характер политике, либо уходом завершить руководство, которое не смогло добиться своих целей».

Еще во время круиза по Средиземноморью Черчилль написал памятную записку для Асквита, обозначив, что́ именно в пенитенциарной системе, на его взгляд, нуждалось в реформировании. Ему очень хотелось положить конец ситуации, при которой более половины всех осужденных отправлялись в тюрьму на пару недель, а то и менее, причем почти половина из них впервые. «Это ужасная и бессмысленная трата государственных денег и порча человеческой личности. Никого не следует в первый же раз сажать на короткий срок. Есть два типа мелких правонарушителей, – пояснял он Асквиту, – случайные и закоренелые. Нельзя сажать в тюрьму правонарушителей за первое и единственное нарушение».

Еще одно предложение, сделанное Черчиллем на посту министра внутренних дел, касалось создания лечебных учреждений для алкоголиков, драчунов и мелких хулиганов, совершивших определенное количество нарушений в течение года. Он также предложил унифицировать сроки наказания за сходные преступления и для этого разработал классификацию преступлений по степени их тяжести. Преступления первой степени – это покушение на жизнь; второй степени – преступления против личности; преступления третьей степени – против собственности, и четвертой степени – против нравственности. В рамках каждой категории преступления тоже должны были различаться по степени тяжести. Он предложил и соответствующие наказания. Отдельная схема наказаний предлагалась для мелких правонарушений. Случайные преступники не должны получать тюремные сроки за исключением тех, кто совершил преступление настолько серьезное, что за него полагался как минимум месяц лишения свободы. Для закоренелых, но мелких нарушителей закона он предложил систему, согласно которой после ряда преступлений должно применяться содержание в заключении не меньше чем

на один и не более чем на два года.

Черчилль имел в виду создать систему, которая учитывала бы вред, наносимый обществу, и привязать ее к соответствующей шкале наказаний. Но он не преуспел в этом. Как указывали сотрудники министерства, его предложения могли быть истолкованы как попытка диктовать судьям приговор. Когда Черчилль покинул свой пост, в его папке остался черновик письма лорду – главному судье, в котором он разъяснял свои идеи. Его преемник на вопрос, намерен ли он продолжить эту тему, резко ответил: «В данный момент у меня нет времени заниматься этим вопросом». Тема была закрыта.

В первую неделю ноября возникла чрезвычайно серьезная ситуация: в долине Ронты вспыхнула шахтерская забастовка. Через несколько дней в двух поселках рядом с шахтами начали бить стекла. Начальник полиции графства Гламорган, имея в своем распоряжении 1400 полицейских, но опасаясь дальнейших бунтов и грабежей, обратился за помощью к армии. Он попросил командующего Южным военным округом направить 400 пехотинцев и кавалеристов в Южный Уэльс. Военные выдвинулись ранним утром 7 ноября.

Черчиллю только в одиннадцать утра доложили, что в Уэльс направляются войска. Он немедленно позвонил начальнику полиции и, выслушав его доклад, решительно заявил, как потом докладывал королю, что использовать для борьбы с беспорядками необходимо только полицию, а не армию. Солдаты получили приказ остановиться в Суиндоне. Кавалерию задержали в Кардиффе. Вместо этого Черчилль распорядился выслать в Южный Уэльс подкрепление из Лондона – 200 констеблей и 70 конных полицейских. Пока начальник полиции ждал их прибытия, забастовщики совершили ряд нападений на одну из шахт, но местная полиция отогнала их. Когда прибыло подкрепление из столицы, бунтовщики уже были отогнаны от шахт.

После неудачного нападения на шахту они двинулись в ближайшую деревню, где начали крушить магазины. «Их действия, – пояснял Черчилль королю, – никто не мог предвидеть, а посему они не могли быть предотвращены присутствием солдат у шахты».

Пятьсот полицейских выехали из Лондона, но к ночи сложилось впечатление, что бунт становится неконтролируемым. В ответ на поступившую просьбу начальника полиции графства Черчилль разрешил одному кавалерийскому эскадрону выдвинуться на место. Он сообщил королю, что по-прежнему

уверен, что полицейские, уже находящиеся в долинах, способны не просто предотвратить нападения на шахты, но взять под контроль весь район и покончить с любыми беспорядками. Потребность в армии вряд ли возникнет. Военных следует держать как можно дальше от непосредственного контакта с населением, но достаточно близко к месту событий, чтобы они были доступны в случае необходимости.

8 ноября в послании забастовщикам Черчилль предложил им встречу со старшим государственным третейским судьей по промышленным спорам. На следующий день на него набросились все консервативные газеты, и прежде всего Times, за попытку примирения и за недопущение войск. «Если в результате беспорядков будут человеческие жертвы, – предупреждала газета, – ответственность ляжет на министра внутренних дел, который должен был поддержать начальника полиции графства и призвать на помощь войска. Мистер Черчилль вряд ли понимает, что возник острый кризис, который требует решительных мер. Розовая водичка миротворчества не нужна там, где бушует дикая пьяная банда, готовая все уничтожить».

В отличие от Times Manchester Guardian поддержала Черчилля. «Его действия, – писало издание, – по всей вероятности, спасли многие жизни. Действительно, в какой-то момент беспорядки показались настолько серьезными, что мистер Черчилль решил разрешить ввести войска в регион и держать их наготове в случае необходимости. Но он никогда не менял своего решения не использовать армию до тех пор, пока полиция может справляться своими силами».

Забастовщики приняли предложение Черчилля о переговорах. Третейский судья встретился с ними 11 ноября в Кардиффе. Но через десять дней бунт вспыхнул вновь. И снова войска применять не стали. «Полиции хватило собственных сил, чтобы рассеять бунтовщиков и вышибить их из города, – сообщил Черчилль королю. – Армия была под рукой, но стрелять не пришлось. Бунтовщики получили от полиции хорошую взбучку, и вновь удалось не допустить непосредственного столкновения военных с толпой. Что касается сути дела, то владельцы шахт столь же безрассудны, как и рабочие. Стороны воюют друг с другом, невзирая на интересы общества». Волнения продолжились и на следующий день, но были подавлены. Шесть полицейских получили серьезные травмы.

25 ноября в палате общин Черчилль отстаивал свою позицию о невмешательстве армии в гражданские конфликты. «Целью политики должно быть недопущение войск для подавления

гражданских волнений», – сказал он. Консерваторы согласились. Либералы приветствовали этот принцип. Представитель Лейбористской партии Кейр Харди заявил о неприемлемости использования войск в принципе и выразил протест против жестоких мер полиции. Именно это обвинение, а не критика со стороны консерваторов за чрезмерную мягкость, послужило основой лейбористского мифа о том, что Черчилль был не миротворцем, удержавшим войска и предложившим решить дело в третейском суде, а агрессором, направлявшим войска и искавшим конфронтации. Для либералов забастовка стала торжеством умеренности. Для лейбористов – мифом об агрессивности Черчилля.

22 ноября в Лондоне, в разгар противостояния, Черчилль сам оказался в центре конфликта. В тот день проходило заседание кабинета министров. На Даунинг-стрит собралась группа суфражисток и поддерживающих их мужчин. Они требовали предоставления женщинам избирательных прав. Когда министры начали расходиться с заседания, началась потасовка. Асквита пришлось срочно заталкивать в такси, а один министр сильно пострадал. Черчилль, наблюдая, как полиция пытается справиться с потасовкой, выкрикнул, когда схватили одну из женщин: «Заберите ее, она одна из зачинщиц».

Через четыре дня, во время выступления Черчилля в Брэдфорде, его постоянно перебивал Хью Франклин, сторонник суфражисток, который слышал эту фразу и тогда же был арестован. После окончания встречи Франклин последовал за Черчиллем на железнодорожную станцию и тоже сел в вечерний поезд, идущий в Лондон. Когда Черчилль направился в вагон-ресторан, Франклин напал на него, ударил плеткой и выкрикнул: «Получай, грязный хам!» Его приговорили к шести неделям тюрьмы за физическое насилие.

Суфражистки были убеждены, что Черчилль является отъявленным противником предоставления женщинам права голоса. Но это было не так. «Лишение гражданских прав по половому признаку, – заявил он своим избирателям 2 декабря, – несправедливо и нелогично, и поэтому я выступаю за предоставление женщинам избирательного права». Но он считал необходимым внести поправки. Нельзя было, по его мнению, принимать законопроект, предполагающий имущественный ценз и не охватывающий подлинное большинство избирателей. «Раньше, – говорил он, – сколько бы ни выступали за предоставление женщинам избирательного права, это всегда становилось только поводом для новых нападок и оскорблений. Каждый дружественный шаг, сделанный в сторону суфражисток,

вызывал только еще больше оскорблений и еще более агрессивные действия». Однако в 1917 г. в палате общин Черчилль голосовал за предоставление женщинам избирательного права.

18 ноября парламент был распущен и назначены всеобщие выборы – второй раз за двенадцать месяцев. «Партия тори, – написал Черчилль в своем предвыборном обращении, – считает себя правящей кастой, по божественному произволу осуществляющей верховную власть над всей нацией». В Бирмингеме он сказал: «Право вето лордов всегда было грубым и жестоким. Власть лордов необходимо раздробить так, чтобы от нее осталась только пыль».

В свой тридцать шестой день рождения, 30 ноября, на предвыборном собрании в Шеффилде Черчилль заявил: «Когда лорды будут лишены права вето, надеюсь установить гармоничное сотрудничество с консерваторами и благодаря примирению и единству добиться более честной, более справедливой организации общественной жизни, должного исправления злоупотреблений капитала и монополий, религиозного равенства и промышленного прогресса, а также тюремной реформы и образования для молодежи».

По завершении предвыборной кампании Черчилль с дядюшкой лордом Твидмаусом и некоторыми другими пэрами-либералами отправился в поместье лорда Нанбернхолма Уортер-приори, близ Йорка, на охоту. «Завтра нас ждут тысячи фазанов, – написал он Клементине 19 декабря. – Должно быть потрясающе. Сегодня вечером – покер, проиграл немного, но играли по мелочи. В целом, конечно, власть и великие дела доставляют мне гораздо больше удовольствия, чем такого рода занятия, хотя они и не идут ни в какое сравнение с нашими скромными развлечениями. Боюсь, завтра вечером будет болеть голова от стрельбы. Блеск мира манит меня, но, слава богу, не больше, чем серьезные дела».

Результаты выборов были оглашены в последнюю неделю декабря. Либералы сохранили большинство в правительстве, но существовавшая патовая ситуация не изменилась. Либералы потеряли три места, консерваторы – два. Лейбористы и ирландские националисты прибавили по два места, сохранив баланс сил и поддерживая либеральное правительство своими голосами.

Черчилль по-прежнему выступал за компромисс с консерваторами. Но в письме Асквиту от 3 января 1911 г. заметил: «Право вето лордов должно быть запрещено

как обязательное условие любого сотрудничества». Необходимо разрабатывать билль о парламенте и создать достаточное количество новых пэров, чтобы он был принят в палате лордов. Лордам нельзя более позволять затягивать процесс принятия решений. Пока не будет ликвидировано право вето, не будет ни мира между партиями, ни национального единства. Чем быстрее и решительнее это сделать, тем лучше будет для всех. После отмены права вето, надеюсь, мы сможем проводить une politique d'apaisement – политику умиротворения. Она должна заключаться кроме всего прочего в демонстративном оказании почестей ведущим представителям консерваторов, например награждении орденом «За заслуги» Чемберлена, части пэров и баронетов и что-нибудь для тори.

Черчилль писал, что либеральное правительство должно предложить консерваторам совместно обсудить вопрос об Ирландии, закон о бедноте, о детском труде, страхование и флот. Бальфуру нужно предоставить полный доступ к информации Адмиралтейства. В качестве компромисса следует предложить закон, согласно которому налог на наследство должен взиматься с землевладений не чаще чем раз в 25 лет. Формируя дальнейшие планы, либералы должны стремиться проводить политику национальных, а не партийных интересов. Все это может привести к покою.

Когда Черчилль писал это письмо в своем лондонском доме на Экклстоун-сквер, 33, из Министерства внутренних дел прибыл курьер с экстренным сообщением. Прошедшей ночью произошло вооруженное ограбление. Его участники – Фриц Сваарс, некто Джозеф и русский анархист по кличке Питер-художник – открыли стрельбу и убили трех полисменов, пытавшихся их задержать. Их выследили в доме на Сидни-стрит в лондонском районе Ист-энд. Все трое были вооружены, и их маузеры имели бульшую дальность стрельбы, чем револьверы полицейских. Командир полицейского отряда срочно вызвал из Тауэра отделение из двадцати шотландских гвардейцев с винтовками. Грабители продолжали стрельбу и убили еще одного полисмена.

Черчилль немедленно направился в министерство. Проконсультировавшись с советниками, он задним числом санкционировал вызов войск. Было четверть двенадцатого. Впоследствии он написал: «Не получая никакой информации, кроме того, что стрельба продолжается, я решил, что мой долг отправиться на место событий и увидеть все происходящее своими глазами». Он прибыл около полудня. «Это была поразительная сцена, – сообщал он Асквиту. – На лондонской улице из окон стреляли, пули крошили кирпичные стены.

Полиция, шотландские гвардейцы, артиллерия и т. п.».

Позже Черчилля обвинят в том, что он возглавил осаду и отдавал распоряжения, которые должна была отдавать полиция. Сидни Холланд, директор лондонского метрополитена, который находился с ним рядом, написал ему спустя девять дней: «Единственным реальным основанием говорить, что вы отдавали приказы, было то, что вы немедленно и совершенно верно вышли вперед и отогнали толпу в конец улицы. Если бы бандиты выскочили из дома, у которого столпились зеваки, солдаты могли бы застрелить много людей».

Черчилль вовсе не руководил осадой. Через неделю он записал: «Увидев, что происходит, я решил обойти дом сзади и убедиться, что у преступников нет шансов скрыться в закоулках». Вернувшись с разведки, Черчилль обнаружил, что дом охвачен огнем. В этот момент к нему подошел младший офицер пожарной команды и доложил, что пожарная команда на месте. Но он полагал, что тушить пожар пока рано. «Совершенно верно, – ответил Черчилль. – Беру ответственность на себя».

Согласившись, что пожарный расчет должен держаться подальше, он действовал как «прикрывающее их начальство» для полиции, которая оказалась в необычно сложной ситуации. Позже Черчилль сообщил коронеру, что в тот момент «появление пожарных в зоне обстрела могло привести к их гибели или ранениям». «Я решил, что пусть лучше дом выгорит дотла, – объяснял он Асквиту, – чем несколько добрых британцев расстанутся с жизнью, спасая из огня этих разъяренных негодяев». В какой-то момент подвезли пушку, за ней появился отряд королевской конной артиллерии. Позже стали говорить, что они прибыли по распоряжению Черчилля, и он ими командовал. «Я никому не приказывал доставлять пушку, – говорил он на следствии, – и никогда не посылал за армейским подкреплением. Артиллерия прибыла, когда я уже уезжал».

Пожар постепенно погас сам собой. Войдя в здание, полиция обнаружила два трупа. Один человек был убит, другой задохнулся в дыму. Третьего, Питера-художника, так и не нашли. Присутствие Черчилля на Сидни-стрит быстро стало темой насмешек со стороны консерваторов. «Он был, насколько я понимаю, – говорил Бальфур в палате общин, – в зоне огня, как выражаются военные. Он и фотограф – оба рисковали своими драгоценными жизнями. Я понимаю, чем занимался фотограф, но что там делал этот уважаемый джентльмен?»

Консерваторов рассмешила острота Бальфура. В письме королю Черчилль назвал это «их веселой наградой». Кадры

кинохроники, запечатлевшие, как Черчилль выглядывает из-за стены, быстро получили известность под названием «Битва при Сидни». В лондонском кинотеатре «Палас» каждый вечер показывали эту хронику. Марш, который со своим начальником присутствовал на месте событий, написал приятелю: «У меня очень приятная роль: я чуть ли не центральная фигура в сцене «мистер Черчилль руководит операцией». В «Паласе» каждый вечер с галерки раздаются выкрики «убей его!». Почему публика лондонского мюзик-холла – сплошь фанатичные тори?» Сам Черчилль в письме в Times выразил протест по поводу тенденциозного освещения событий и язвительного комментария.

Во время пребывания на посту министра внутренних дел Черчилль неоднократно обращал внимание на уголовные дела, приговоры по которым казались ему слишком строгими. После посещения тюрьмы Пентонвиль он использовал свою власть министра и рекомендовал королю смягчить приговор семерым молодым правонарушителям. Консерваторы в парламенте, возглавляемые лордом Уинтертоном, обрушились на него с критикой. «Должен признаться, – ответил он, – я был очень рад возможности рекомендовать смягчение наказаний по этим делам, поскольку совершенно законным путем хотел привлечь внимание страны к тому, что 7000 представителей беднейших классов ежегодно оказываются за решеткой за проступки, за которые ни один лорд не несет никакой ответственности».

Будучи министром иностранных дел, Черчилль неоднократно резко критиковал отдельных судей и даже главного государственного обвинителя, если они, как ему казалось, выносят или пытаются вынести слишком суровые приговоры. Недавно созданная система превентивных наказаний вызвала у него глубочайшее беспокойство. «У меня есть серьезные опасения, – написал он в министерской записке, – что практика превентивного заключения приведет к возвращению жестоких приговоров. В конце концов, превентивное заключение, как ни крути, тот же тюремный срок, просто он как бы утешает совесть судей и общества. Существует очень серьезная опасность, что правосудие станет на самом деле более суровым».

Деятельность Черчилля в качестве министра внутренних дел была признана «конструктивной и выдающейся». Он привлек к работе своего министерства такое внимание парламента, какого не было до него и не будет после. Старший чиновник его министерства сэр Эдвард Труп позже вспоминал: «Раз в неделю или чаще мистер Черчилль появлялся в своем кабинете с новым рискованным или неосуществимым проектом. Но после

получасовой дискуссии всем вдруг становилось ясно, что проект хотя и рискованный, но отнюдь не неосуществимый».

Продолжая традицию, согласно которой министр внутренних дел должен был письменно извещать короля о происходящем в парламенте, Черчилль однажды вызвал серьезное неудовольствие нового монарха, сообщив о предложении направлять «бродяг и бездельников в специальные трудовые колонии, чтобы они могли трудиться на благо государства», и сопроводил его таким комментарием: «Лентяи и бездельники существуют на всех ступенях социальной лестницы». Король заметил, что это «очень социалистический» комментарий. Черчилль извинился, написав королю: «Стремление сделать эти ежедневные послания интересными и достоверными порой приводит к необдуманности и неточности каких-то рассуждений, что абсолютно необходимо при создании государственного документа».

В марте 1911 г. Черчилль представил во втором чтении билль об угольных шахтах. В нем вводились более строгие нормы безопасности, предусматривалось создание бань в надшахтных зданиях и запрещалось жестокое обращение с лошадьми шахтеров. Менее успешной оказалась его попытка облегчить жизнь работников магазинов. Этот билль предполагал сокращение рабочей недели с восьмидесяти до шестидесяти часов, обеденные перерывы, оплату сверхурочных и многое другое. Владельцы магазинов упорно сопротивлялись. Из-за этого законопроект в ходе рассмотрения оказался настолько выхолощенным, что в итоге, как заявил Черчилль на комитете, «осталась одна макулатура». В результате, когда билль был наконец-то принят, все, что Черчилль смог отстоять в нем, – установление одного сокращенного рабочего дня в неделю и обязательные перерывы на обед. В билле Черчиллю удалось узаконить еще перерыв на чай. Но только через девять лет билль окончательно войдет в свод законов.

4 апреля Ллойд Джордж представил полномасштабный правительственный проект страхования по безработице. Он будет полностью ассоциироваться с его именем, хотя многие его принципы и детали были продуманы Черчиллем и разработаны в его министерстве. «Ллойд Джорд практически присвоил страхование по безработице, – говорил Черчилль Клементине, – хотя я вложил в это дело много своих мыслей и сил. Впрочем, не важно. В море много хорошей рыбы».

В ходе обсуждения билля о парламенте премьер-министру все чаще приходилось обращался к Черчиллю. Однажды вечером Асквит так перебрал, что не смог продолжать переговоры.

В результате это пришлось делать Черчиллю. «Во вторник вечером ПМ был очень плох, – рассказывал он Клементине, – а я чувствовал себя чрезвычайно неловко. Язык у него заплетался, и многие заметили его состояние. Ко мне он очень дружелюбно и благожелательно настроен, и после ужина все передал в мои руки. До ужина он был в прекрасной форме – но потом!.. Это очень жаль. Только неизменно дружеское отношение палаты общин не привело к скандалу. Вообще старикан мне нравится, я восхищаюсь его интеллектом и характером, но он очень рисковал!»

Билль о парламенте вызвал меньше возражений, чем опасались либералы. «Оппозиция вчера была очень пассивна, – сообщил Черчилль королю 10 мая. – В какой-то момент на своих местах оставались только семь парламентариев-консерваторов, из которых двое были глубоко погружены в чтение билля о страховании». Через восемь дней в отдельном зале отеля «Савой» Черчилль присутствовал на ужине в честь открытия нового клуба. Его основателями были сам Черчилль и его друг Ф. Э. Смит. Они назвали его «Другой клуб». Их целью было собирать за общим столом во время парламентской сессии раз в две недели до двадцати восьми парламентариев, представляющих обе партии, такое же число пэров, известных военных, юристов, писателей, художников, предпринимателей и журналистов. Одно из правил Другого клуба гласило: «На отношения в клубе не должны влиять партийные противоречия». Главной целью было снять политическую напряженность, возникшую за последние годы. Среди членов клуба был и критик Черчилля – лорд Уинтертон.

Клементина в это время ждала второго ребенка. Узнав, что она, скорее всего, не сможет присутствовать на коронации в Вестминстерском аббатстве, король предложил ей билет в собственную ложу, чтобы она могла с комфортом наблюдать церемонию. 28 мая, менее чем за месяц до коронации, она родила сына. Его назвали Рэндольфом – в честь деда.

Уже через два дня после рождения сына Черчилль в палате общин обрушился с критикой на судей, которые, по его мнению, несправедливо относились к профсоюзам. Черчилль говорил: «Цель – освободить профсоюзы от унизительных судебных тяжб, в которые их постоянно втягивают, и дать им свободно развиваться без бесконечных проверок и неуверенности в завтрашнем дне из-за частых судебных процессов. Все последние годы профсоюзы стараются запутать, унизить, задергать; каждый их шаг подвергался проверкам и таким судебным решениям, которые приводили в изумление лучших

юристов страны. Там, где затрагиваются классовые и партийные интересы, уже невозможно не обращать внимания на то, что суды не пользуются доверием народа. Напротив, очень большое количество населения уверено, что они, может быть, и подсознательно, но предвзяты». Со скамей консерваторов немедленно раздались крики «Нет!» и «Возьмите свои слова обратно!». Политические противники Черчилля не могли допустить, чтобы эти обвинения были забыты, и 3 июня Spectator охарактеризовал их как «глубоко прискорбные и вредные». А Черчилль тем временем наслаждался отцовством. «Меня очень многие поздравляют с рождением сына, – написал он Клементине из лагеря оксфордширских гусар в Бленхейме. – А поскольку отсутствие ревности облагораживает мою природу, все поздравления складываю к твоим ногам».

Еще до рождения Рэндольфа родители называли его между собой «чамболли». «Моя драгоценная кошечка, – писал Черчилль жене, – надеюсь и верю, что ты ведешь себя хорошо, не сидишь и не напрягаешься. Поправляйся, набирайся сил и наслаждайся той радостью, которую, я уверен, доставило тебе это событие. Чамболли должен заниматься своим делом и помогать тебе с молоком, так и передай ему от меня. В его возрасте жадность и даже свинство за столом считаются достоинствами».

22 июня состоялась коронация Георга V и королевы Марии. Черчилль с Клементиной приехали на церемонию вместе. «Все восхищались, – позже писал он ей. – Уверен, ты будешь долго вспоминать об этом и рассказывать детям, чтобы это стало семейной традицией, которую они передадут тем, кого мы не увидим». После напряженного дня Клементина уехала отдохнуть на побережье. Черчилль остался в Лондоне. 28 июня он пригласил на ужин в «Кафе-Рояль» Ллойд Джорджа. «Он рассыпался в комплиментах тебе, – писал Черчилль жене, – говорил, что ты – мое спасение и что твоя красота – самое малое из твоих достоинств. Мы продлили договор о сотрудничестве еще на семь лет».

Неделей позже Черчилль принял участие в королевской процессии в Сити и обратно через Северный Лондон. «Разумеется, – сообщал он Клементине, – на всем пути меня приветствовали, а в некоторых местах яростно освистывали. Я ехал в карете с герцогиней Девонширской и графиней Минто. Это было несколько неловко для обеих, поскольку они тори. Они впали в отчаяние, когда приветственные крики стали особенно громкими, но немного приободрились у Мэншн-хауса, где собрались самые враждебные мне демонстранты. Впрочем,

дамы были очень вежливы, хотя немного нервничали. Я не реагировал на приветствия и вообще не обращал внимания на толпу».

Этим же вечером Черчилль ужинал в Другом клубе. Приглашенным гостем был Китченер, который отправлялся специальным представителем Британии в Египет. «Моя драгоценная, – продолжал он в письме Клементине, – я приеду к тебе в субботу, возьму машину от Уолтон-Хит и успею к ужину. На следующий день буду инспектировать пехоту. Буду очень рад тебя увидеть. В доме без тебя очень тихо. С удручающей скоростью превращаюсь в холостяка».

Через четыре дня после коронации в палате общин консерваторы вновь ополчились на Черчилля. Альфред Литтлтон, бывший министр по делам колоний, заявил, что тот «имеет недостаток, который никогда не был характерен для Министерства внутренних дел и который, я думаю, в целом не одобряют англичане, – постоянные апелляции к галерке». Недовольство Литтлтона вызвало недавнее решение Черчилля выпустить из тюрьмы семь юношей. Напоминая о других случаях, когда Черчилль критиковал строгость приговоров и сокращал сроки заключения, Литтлтон заявил: «Все это показывает, что у министра внутренних дел вошло в привычку изменять, смягчать и даже отменять приговоры без предварительной консультации с судьями, которые их выносили. Это делается под прикрытием права министра внутренних дел, который, как видно на самых простых примерах, не берет на себя труда ознакомиться со статьями закона и присваивает себе право отменять наказания».

Затем Литтлтон поднял вопрос о фотографе, который пятью месяцами ранее запечатлел Черчилля на Сидни-стрит. Черчилль ответил: «Надеюсь, вы не предполагаете, что в структуре Министерства внутренних дел появился отдел по взаимодействию с фотографами. К несчастью многих уважаемых парламентариев, им приходится ежедневно сталкиваться с растущим количеством людей с камерами, делающих фотографии для прессы. Я бы хотел напомнить уважаемому джентльмену, что его собственный лидер (мистер Бальфур), когда рисковал своей драгоценной жизнью, поднимаясь на летательном аппарате, стал аналогичной жертвой. Но я, безусловно, не готов зайти столь далеко, чтобы подражать уважаемому мистеру Литтлтону, предполагая, что он лично озаботился привлечением фотографа».

Литтлтон раскритиковал Черчилля также за то, что тот не допустил применения армии в конфликте с шахтерами. В результате, утверждал он, очень многие пострадали и был

нанесен большой ущерб собственности. В то время как Черчилль отстаивал решение использовать при беспорядках полицию, а не армию, в портах и на судоверфях Англии начали вспыхивать новые волнения. Забастовка докеров в Халле вынудила его направить дополнительные силы полиции из Лондона. Произошло несколько столкновений с бастующими. «Невозможно отрицать, что применение силы сыграло свою роль, – написал он Клементине на следующий день, – но я в этом не виноват. Палата горячо поддерживала меня».

Полицейское подкрепление было отправлено, и 10 июля забастовка закончилась. «В результате рабочие добились существенных и справедливых уступок», – сообщил Черчилль королю.

Вечером, перед тем как уехать к жене и детям на побережье, Черчилль отправился покупать игрушки двухлетней Диане. 11 июля он писал Клементине: «Она еще так мала, и непонятно, что ей может понравиться. Постарайся не давать ей слизывать краску. Я долго думал, не купить ли простые деревянные игрушки, но все-таки решил рискнуть и купил раскрашенные. Они намного интереснее. Продавец говорил о питательных свойствах красок и о множестве игрушек, которые были облизаны детьми без последствий. Но этому нельзя верить».

В связи с собственным здоровьем Черчилль упомянул в письме Алису, жену своего кузена Айвора Геста, с которым он ужинал предыдущим вечером: «Она сильно заинтересовала меня рассказом об одном враче из Германии, который полностью излечил ее от депрессии. Думаю, этот человек может быть полезен и мне, если снова нахлынет тоска. Сейчас она, к моему огромному облегчению, похоже, где-то далеко. Картина перед глазами нормальная, и самое яркое в ней – это твое лицо, дорогая».

В июле конституционный кризис достиг апогея. В письмах королю Черчилль указывал, что Асквит стал объектом организованной травли со стороны консерваторов. Инстинкт политика подсказывал Черчиллю необходимость примирения. «Правительству, – писал он королю 8 августа, – следует принять несколько поправок консерваторов, не имеющих жизненно важного значения, чтобы все добросовестные и уважаемые люди испытали как можно меньше досады из-за необходимости уступить. Грязные и хладнокровно организованные оскорбления премьер-министра и попытки сорвать дебаты предпринимает лишь небольшая часть консерваторов. В целом же парламентарии, даже отстаивающие противоположные позиции,

сохраняют между собой самые хорошие отношения. Все указывает на то, что этот серьезный кризис может разрешиться вполне британским способом».

10 августа, после принятия правительственной резолюции о принципах оплаты труда депутатов, палата лордов согласилась не использовать право вето в отношении финансовых законопроектов. «Это был запоминающийся и яркий момент, – написал Черчилль королю. – Долго тянувшийся и нервный конституционный кризис разрешился. Надо надеяться, что теперь может установиться период сотрудничества между двумя ветвями законодательной власти и что решение застарелых споров будет способствовать формированию подлинного национального единства».

Накануне забастовка докеров перекинулась в Лондон. Министерство торговли попыталось выступить посредником, используя процедуры, разработанные Черчиллем двумя годами ранее. Он сообщил королю: «Если переговоры сорвутся, будет необходимо принимать экстраординарные меры для обеспечения любой ценой поставок продовольствия в Лондон. В готовность приведены двадцать пять тысяч солдат, которые могут войти в столицу через шесть часов после получения приказа».

12 августа переговоры с лондонскими докерами продолжились. Но через два дня беспорядки выплеснулись на улицы Ливерпуля. Черчилль снова писал королю: «Ситуация в Ливерпуле сложнее, и не исключено, что имеющимся в нашем распоряжении вооруженным силам потребуется подкрепление». «Не стоит придавать особого внимания беспорядкам, произошедшим прошлой ночью, – телеграфировал 15 августа начальник полиции Ливерпуля Черчиллю. – Они произошли в районе, где подобного рода события – обычное явление и готовы начаться в любой момент, как только возникает провокация. Целью бунтовщиков было просто нападение на полицию, которую они завлекали в переулки, где были сооружены баррикады».

На помощь полиции были вызваны 250 пехотинцев. Ранения получили шесть солдат и два полисмена. Среди гражданских лиц погибших не было. «В такие моменты необходимо, – написал Черчилль королю, – ясно давать понять, что полиция получит необходимую поддержку и что нельзя допускать вольностей с солдатами». Через три дня он отдал распоряжение направить в Ливерпуль полк кавалерии и батальон пехоты, а также 250 лондонских полисменов с указанием командующему не применять силу до тех пор, пока не будут исчерпаны все иные меры.

Симпатии Черчилля были на стороне бастующих. «Очень

хочется надеяться, – снова докладывал он королю, – что посредники из Министерства торговли, уже прибывшие в Ливерпуль, достигнут договоренностей. Все дело в том, что забастовщики очень бедны, – пояснял он, – и почти голодают».

17 августа он писал: «В лондонском морском порту судовладельцев убедили не предпринимать провокационных действий, а лидерам рабочих настоятельно рекомендуют уговорить оставшихся забастовщиков вернуться к работе. В лондонских доках наступило спокойствие, но пехотный батальон пришлось направить в Шеффилд, где тоже начались беспорядки. Хотя волнения охватили рабочих, в связи с тем что уровень заработной платы в последние годы отставал от роста стоимости жизни, оснований для беспокойства нет. Сил, имеющихся в распоряжении правительства, достаточно для обеспечения власти закона. Трудность заключается не в наведении порядка, а в наведении порядка без человеческих жертв».

На следующий день к общенациональной забастовке призвали железнодорожники. Асквит предложил им содействие Королевской комиссии, но они отказались, считая, что это слишком долгий процесс. Правительство сформировало планы по доставке продуктов, топлива и других необходимых товаров под эскортом полиции и армии. «Они это сделают, – говорил Черчилль в палате общин, – не потому, что на стороне работодателей или рабочих, а потому, что обязаны любой ценой защищать общество от опасностей, которые могут повлечь за собой голод или остановка промышленности».

Задачей Черчилля как министра внутренних дел было защитить железные дороги и обеспечить доставку грузов. Вечером он уже смог сообщить королю, что на призыв к забастовке откликнулось менее половины работников отрасли и что все службы обеспечивают нормальное функционирование системы. В этот же день были достигнуты договоренности с лондонскими докерами. Они получили существенное повышение зарплаты. «Лондонские докеры, – писал он, – имеют большие претензии, но крупная прибавка к зарплате должна в известной мере удовлетворить живущих в тяжелых условиях работников отрасли, имеющей жизненно важное значение для функционирования нашей цивилизации. Решимость правительства использовать вооруженные силы для обеспечения порядка, – добавил он, – оказала сильное влияние на решение рабочих. Они поняли, что настал психологический момент для достижения договоренностей, и, если он будет упущен, они рискуют

потерять все, что могли бы приобрести».

По настоянию Черчилля была создана служба гражданских констеблей для укрепления сил полиции на случай возникновения новых забастовок на железнодорожном и морском транспорте. В Лланелли, в Южном Уэльсе, бунтовщики воспользовались забастовкой как возможностью для грабежей. Они напали на поезд, который проходил через станцию. Поезд остановили, машиниста захватили. Прибывшую охрану забросали камнями. Один солдат получил ранение в голову. В ответ охрана открыла стрельбу, и двое гражданских были убиты.

Вскоре после нападения на поезд бунтовщики сожгли помещение местного мирового судьи, разграбили несколько железнодорожных вагонов и множество мелких лавочек в районе доков. Ни в одном из этих случаев войска не вмешивались, предоставляя полиции восстанавливать порядок, что она делала с помощью дубинок. Вечером было совершено нападение на полицейский участок. На этот раз нападавших отогнали военные, но обошлось без человеческих жертв. «Очень сожалею о неприятном инциденте в Лланелли, – телеграфировал король Черчиллю. – Глубоко убежден, что оперативно принятые меры предотвратили гибель людей в различных частях страны».

19 августа в Лондоне состоялись переговоры под председательством Ллойд Джорджа, который был готов к соглашению. К вечеру забастовка прекратилась. «Объявите, что заключен мир, – телеграфировал Черчилль мэру Биркенхеда в час ночи 20 августа, – и всеми силами постарайтесь избежать столкновений с теми, кто об этом пока не знает».

Усилия Черчилля по преодолению кризиса доказывали его понимание бедственного положения рабочих. Однако он был решительно настроен прекратить насилие, что входило в его министерские обязанности. «Безусловно, – говорил он в парламенте после забастовок, – что любое правительство обязано использовать всю мощь государства, чтобы предотвращать катастрофы подобного рода. В этом оно, безусловно, получит поддержку здравомыслящих слоев населения».

Во многих ситуациях в ходе волнений Черчилль инициировал или поддерживал быстрые и энергичные меры, направленные на прекращение насильственных действий. Однако тем, кто хотел извлечь для себя политическую выгоду, кто хотел отомстить ему за так называемое «предательство» Консервативной партии, произошедшее почти пять лет назад, не составило труда добавить волнения в Ливерпуле и Лланелли в список его прегрешений.

Летом 1911 г. в Северной Африке разразился кризис, угрожавший войной Европе. Стремясь обеспечить защиту своей военно-морской базы в Атлантике, германское правительство направило в марокканский порт Агадир канонерку «Пантера». Франция, которая по англо-французскому соглашению 1904 г. считала Марокко своей сферой влияния, обратилась к Британии с просьбой оспорить действия Германии и направить туда канонерку.

«Это серьезный шаг, – написал Черчилль Клементине 3 июля, – на который не следует решаться, не будучи готовым при необходимости идти до конца». Его как министра внутренних дел должны были занимать иные проблемы, но он вполне отчетливо понимал европейское соперничество. Наблюдение за маневрами германской армии усугубило его беспокойство. На совещании кабинета министров 4 июля было решено, как он написал Клементине, «совершенно недвусмысленно дать понять Германии, что если она полагает возможным расчленение Марокко без участия Джона Булля, то она глубоко заблуждается». В письме Ллойд Джорджу Черчилль согласился с тем, что Германия имеет «некоторые (незначительные) права на Марокко, которые, если решать вопрос по-дружески, мы готовы урегулировать с учетом безопасности Британии. Но, поскольку Германия в Агадире заняла неверную позицию, это вынуждает нас по-иному рассматривать ее притязания. Если в ходе переговоров Германия объявит войну Франции или если Британия поймет, что Франция в безвыходном положении, мы должны оказать ей необходимую помощь. И мы не должны держать в тайне свою позицию – напротив, нужно немедленно довести ее до сведения властей Германии».

Ллойд Джордж действительно открыто предупредил Германию: «Мир ценой уступок является унижением, неприемлемым для такой великой нации, как наша». Германия расценила слова Ллойд Джорджа как «предупреждение, граничащее с угрозой». Внезапно оказалось, что война может начаться в любой момент.

Под строгим секретом, используя свою власть министра внутренних дел, Черчилль выдал ордер секретным службам заняться проверкой корреспонденции. Начали вскрывать переписку всех, кого могли подозревать в получении инструкций из Германии. «Перехваченные письма, – рассказал он Грею четыре месяца спустя, – показали, что мы являемся объектом тщательнейшего изучения со стороны германских военно-морских и сухопутных сил и что ни одна страна в мире не уделяет нам такого внимания».

В письме Грею от 25 июля Черчилль предложил: «Британия должна приложить все усилия, чтобы убедить Испанию отойти от прогерманской позиции и стать с нами добрыми друзьями. Думаю, это еще не поздно». Через два дня Черчилль написал королю, что на него произвело сильное впечатление широко распространенное среди парламентариев мнение, что Германии под угрозой применения силы следует запретить придерживаться прежнего политического курса. Асквит сделал заявление, осторожное и дружеское по форме, но сильное и жесткое по существу. Его поддержал Бальфур и лидер лейбористов Джеймс Рамси Макдональд – сдержанно, строго, хотя и предельно корректно. Больше никто не выступил. «Вполне возможно, – подвел итог Черчилль, – что этот эпизод, вслед за речью канцлера Казначейства, окажет решающее влияние на ситуацию в Европе и наверняка укрепит репутацию Британии».

На приеме в официальной резиденции премьер-министра, состоявшейся четырьмя днями позже, Черчилль в разговоре с главным комиссаром полиции узнал, что он, как министр внутренних дел, несет ответственность за сохранность всех запасов пороха для нужд флота. Три склада находились в Лондоне. Вернувшись в свой офис, Черчилль позвонил в Адмиралтейство с просьбой направить для охраны боеприпасов подразделение морских пехотинцев. Адмирал отклонил просьбу. Пораженный Черчилль позвонил в Военное министерство и убедил министра лорда Холдейна направить войска на все три склада. Он договорился, что каждый склад будет охранять рота пехоты.

Черчилль проинформировал короля: «В полночь я счел своим долгом принять дополнительные меры по обеспечению безопасности основных флотских складов боеприпасов, до тех пор находящихся под охраной столичной полиции. Только в Чаттендене и Лодж-хилле находится три пятых всего бездымного пороха для флота». Через два дня он сообщил Клементине, что склады в безопасности. Что же касается Агадира, то, полагал он, похоже, угроза спадает. Через четыре дня он писал ей: «Нет сомнений, что немцы намерены по-дружески договариваться с Францией. Они направили свою «Пантеру» в Агадир, а мы направили свою в Мэншн-хаус – результаты отличные».

Готовясь к совещанию в Комитете обороны Британской империи, Черчилль изложил свои мысли по поводу опасности, угрожающей Франции в случае нападения Германии, и о роли, которую придется сыграть Британии, чтобы не допустить поражения французов. «Немцы, – предполагал он, –

на двенадцатый день войны способны перейти границу по реке Мёз. После этого французы начнут отступать к Парижу. Напор германского наступления со временем будет ослабевать. С тридцатого дня русская армия начнет оказывать давление на Восточном фронте. Британская армия сосредоточится во Фландрии. К сороковому дню войны германские силы на западе должны начать испытывать сильнейшее напряжение, как внутри страны, так и на всех фронтах. С каждым днем напряжение будет усиливаться, и им будет необходима победа любой ценой. Именно в этот момент может появиться возможность для решающего удара».

Когда Черчилль представлял свой меморандум, Бальфур был членом Комитета обороны Британской империи. Перечитывая его в 1914 г., на тридцать пятый день войны, он воскликнул: «Это торжество пророчества!»

30 августа, во время переговоров по Марокко, Черчилль предложил Грею, чтобы в случае срыва переговоров Британия выступила с инициативой создания тройственного союза – Британии, Франции и России – с целью сохранения независимости Бельгии, Голландии и Дании. Британия также должна уведомить Бельгию, что в случае нарушения ее нейтралитета Британия готова прийти ей на помощь и предпринять любые необходимые военные действия. Подобные гарантии должны быть предоставлены Бельгии и Голландии, предполагая, что все эти государства и сами предпримут максимальные усилия в случае развязывания войны. Для защиты Бельгии Британия должна быть готова снабжать продовольствием Антверпен и базирующиеся там войска, а также оказать максимальное давление на голландцев, чтобы они сохранили за собой реку Шельда – главную артерию снабжения Антверпена. Если голландцев прижмут к Шельде, Англия должна будет ответить блокадой Рейна.

Адмиралтейство выдвинуло предложение присоединиться к Франции в морской блокаде марокканского побережья. Черчилль был против. 30 августа он написал Грею: «Если французские корабли направятся к Марокко, то, по моему мнению, мы со своей стороны должны будем передислоцировать наши главные военно-морские силы на север Шотландии, на их базы. Наши интересы – в Европе, а не в Марокко».

Черчилль принялся детально разбираться в том, каким образом Британия может помочь Франции противостоять нападению Германии. 31 августа он обсудил свои идеи с генералом Генри Уилсоном, недавно назначенным начальником

оперативного управления Военного министерства. Тот согласился, что «огромное стратегическое преимущество может быть достигнуто, если Британия сумеет перебросить армию в дружественную Бельгию, откуда совместно с бельгийской армией будет угрожать Германии с фланга». Докладывая об этом разговоре Ллойд Джорджу, Черчилль изложил принцип, которым он и впредь будет руководствоваться в международных делах перед Первой и Второй мировыми войнами: «Не ради Марокко и не ради Бельгии я занимаюсь этим страшным делом. Наше участие может быть оправдано только одним: если Францию растопчут прусские юнкера – это будет катастрофа для всего мира и для нашей страны».

2 сентября Черчилль получил письмо от председателя комитета имперской обороны сэра Чарльза Отли с грифом: «Секретно. После прочтения уничтожить». В нем содержались подробности об угрожающей концентрации военно-морского флота Германии в Киле. «Мы ни на секунду не должны терять бдительность», – предупреждал Отли. Черчилль переслал письмо Ллойд Джорджу с комментарием: «Надеюсь, Маккенна не настолько самоуверен, насколько его адмирал лишен воображения». Адмирал – это первый лорд Адмиралтейства сэр Артур Уилсон.

Изучив состояние британского флота в Северном море, Черчилль был сильно разочарован. «Вы уверены, что кораблей, которые у нас есть в Кромарти, достаточно, чтобы противостоять всему океанскому флоту Германии? – задал он вопрос Асквиту 13 сентября. – Если нет, они должны незамедлительно получить усиление. Флот, сосредоточенный в Северном море, должен быть достаточно силен, чтобы без посторонней помощи дать решающий бой германскому флоту. Кроме того, необходимо учитывать внезапные потери от торпедных атак».

Черчилля сильно беспокоила позиция Адмиралтейства. Он спрашивал Асквита: «Вы уверены, что Адмиралтейство осознает всю серьезность ситуации в Европе? Мне сообщили, что в настоящее время почти весь штат в отпусках. Адмиралтейство имеет в своем распоряжении огромные силы. Они только должны быть наготове и грамотно применяться. Одна глупая ошибка – и нам придется заниматься обороной не Франции, а Британии».

Адмирал Уилсон по примеру своих подчиненных собирался в отпуск. Вечером 13 сентября он заявил в Военном министерстве: «Флот полностью готов. Все, что потребуется, – только нажать кнопку, а это может сделать любой клерк». Сообщив об этом Ллойд Джорджу, Черчилль заметил: «Могу сказать лишь одно:

я очень на это надеюсь».

Агадирский кризис открыл Черчиллю глаза на сильные и слабые стороны британского военно-морского флота. Он был уверен в своей прозорливости, энергии и способности быстро набрать недостающие опыт и знания, чтобы сделать Британию неуязвимой на море. Намереваясь стать преемником Маккенны в Адмиралтействе, он в первую очередь думал о создании главного военно-морского штаба, по примеру армейского, чтобы учитывать все возможные ситуации в ходе военных действий. Осенью активно обсуждался вопрос, кто должен стать лордом Адмиралтейства. «В целом, – написал Асквит лорду Кру 7 октября, – я считаю, что Черчилль подходит для этого, и рад, что он готов этим заняться».

Глава 12
В Адмиралтействе

24 октября 1911 г., за пять недель до того, как Черчиллю исполнилось тридцать семь лет, на первом заседании осенней сессии парламента было объявлено, что он назначен первым лордом Адмиралтейства. «Надеюсь, вы одобряете назначение, – написал Черчилль Морли. – Это огромная ответственность, и теперь я гораздо лучше, чем три года назад, понимаю значимость этого поста и его влияние как на внутренние, так и на международные отношения. Меня всегда чрезвычайно занимали проблемы армии и флота. Я прочитал гораздо больше о войне, чем о чем-либо другом, и написал о ней почти столько же, сколько на другие темы. Времена тоже подходящие – бюджет наполнен, флот чрезвычайно силен, правительство действует согласованно. Я могу собрать хороший урожай там, где другие неправильно посеяли. Мы были абсолютно правы во всем, что говорили прежде. Все факты, приведенные нами, были подтверждены дальнейшими событиями!» И Черчилль с уверенностью добавил: «Полагаю, я сумею проложить свой путь».

Через четыре дня после назначения Черчилль подготовил меморандум для кабинета министров, где доказывал необходимость создания военно-морского штаба. «Адекватная подготовка к войне – единственная гарантия сохранения ресурсов и территории государства, – писал он. – Она должна опираться, во-первых, на предвидение вероятных опасностей, во-вторых, на понимание эффективнейших способов их преодоления и, в-третьих, – на использование самого современного вооружения. Настало время для подготовки. В мирное время подготовка – единственная область, где возможны и необходимы непрерывные действия».

В ближайшие два с половиной года своей первоочередной задачей Черчилль ставил подготовку флота. Он посещал военно-морские базы и судоверфи, стремился овладеть знанием морской артиллерии и тактики, тщательно изучал развитие немецкого кораблестроения и занимался повышением боевого духа моряков. Типичная для него бдительность проявилась в записке Асквиту, написанной через две недели после назначения: «Я столкнулся с обескураживающим фактом: не хватает ста двадцати 21-дюймовых торпед. А это означает, что три десятка наших лучших эсминцев могут выйти в море только с тем боезапасом, который

имеется у них на борту, – а именно с двумя торпедами. Положение невозможно полностью исправить как минимум до апреля или мая. Но необходимо, чтобы к тому моменту, когда все суда будут готовы к выполнению боевых задач, у них был полный боекомплект».

«Любой дефицит должен быть ликвидирован, каждый пробел заполнен, любая неожиданность предусмотрена» – это письмо Асквиту было написано 5 ноября, когда Черчилль находился на борту адмиралтейской яхты «Энчантресс». В ближайшие два с половиной года эта яхта более чем на двести дней станет его домом и рабочим местом. В первом плавании он вышел из порта Каус, чтобы проинспектировать судоверфь и базу подводных лодок в Портсмуте. Через три дня он снова вышел из Портсмута, чтобы присоединиться к эскорту военных кораблей, сопровождающих короля и королеву, отправившихся на торжественный прием в Индию. В третьем плавании, которое началось 17 ноября, он присутствовал в Девонпорте при спуске на воду линкора «Центурион». В четвертом провел инспекцию эсминца-торпедоносца «Фалкон». 9 декабря, во время пятого плавания, проинспектировал казармы морского флота в Портсмуте и посетил школу подводников.

В первые же месяцы пребывания на новом посту Черчилль начал пристально изучать и новейшую область военной науки – воздушную войну. В декабре он впервые заговорил о морской авиации: «Должны быть разработаны условия, при которых эта служба считалась бы самой почетной, хотя и самой опасной профессией, которую может избрать молодой англичанин. Никакие ограничения по стажу и возрасту не должны препятствовать молодым и способным людям, успешно проявившим себя в этом роде войск, в том, чтобы становиться во главе воздушных соединений». Армия видела в авиации в первую очередь средство разведки. Черчилль же хотел, чтобы флот использовал авиацию в боевых целях. Бомбометание и стрельба с воздуха стали частью обучения королевской военно-морской авиации.

Черчилль не забывал и об укреплении межпартийных связей. Когда Эндрю Бонар Лоу, один из отцов-основателей Другого клуба, был избран лидером Консервативной партии, Черчилль написал ему, что его избрание «дает уверенность полагать, что, если когда-нибудь государственная необходимость заставит поступиться партийными интересами, в лице лидера оппозиции мы найдем того, кто в самом прямом смысле поставит интересы страны на первое место. Впрочем, потребуется огромный такт

для организации встреч во избежание неловких моментов. Однако никто не может сказать, что в политике удача не сопутствует нам или что возможность появления в наших рядах премьер-министра делает ее меньше по сравнению с тем временем, когда мы начинали». На самом деле в клубе уже состояли три будущих премьер-министра – Ллойд Джордж, Бонар Лоу и Черчилль.

Бывший премьер-министр приветствовал Черчилля на новом посту. «Рад вашему назначению, – написал Бальфур. – Свежий взгляд в настоящий момент очень важен». Бывший первый морской лорд, адмирал флота сэр Джон Фишер, нанес ему визит. Черчилль написал ему: «Хочу, чтобы вы посмотрели модели новых кораблей этого года. Они почти полностью соответствуют тому, о чем мы с вами беседовали».

Фишер призывал Черчилля к оснащению линкоров 15-дюймовыми пушками, к формированию дивизиона быстроходных судов и к установке на корабли двигателей, работающих не на угле, как раньше, а на жидком топливе, что могло обеспечить скорость 25 узлов. Некоторые наблюдатели были удивлены тем, что Черчилль обращается за советами к отставному адмиралу, известному своим непокладистым характером и прямолинейностью. Но они оба, один семидесятилетний, другой – тридцативосьмилетний, мгновенно ощутили взаимную близость. Вспоминая, как Фишер ратовал за 15-дюймовую пушку, Черчилль позже писал: «Тот, кто не испытал на себе, не может представить, с какой страстью и убедительностью этот старый лев отстаивал технические вопросы. Он был непреклонен и даже вспыльчив. Поэтому я скрепя сердце согласился. Незамедлительно был сделан заказ на полный комплект пушек».

Обеспокоенность Черчилля по поводу активности Германии по созданию флота в декабре возросла еще больше. Корреспонденту перед Рождеством 1911 г. в письме он указывал: «Сочетание увеличенного флота с уже существующей большой немецкой армией станет самым зловещим фактом, особенно в том случае, если вся эта гигантская разрушительная машина окажется в руках не демократического правительства, а милитаристской и бюрократической олигархии, поддерживаемой могущественным классом юнкеров-землевладельцев. Германия вполне могла бы без угрозы собственной безопасности резко снять существующую напряженность. На любой шаг, предпринятый ею в сторону сокращения военно-морских сил, мы отреагируем незамедлительно, и не только словами, но и конкретными

действиями».

«Вероятно, только в результате проявленной твердости Британии во время Агадирского кризиса, – вспоминал Черчилль, – и особенно благодаря речи Ллойд Джорджа в Мэншн-хаусе, был отсрочен черный день. Это само по себе имело огромное значение, поскольку я лично не верю в теорию неизбежности войн. Мир быстро меняется, и вполне возможно, в ближайшие годы демократические силы Германии вновь получат власть и на смену господству землевладельцев придут другие, более пацифистские и вызывающие меньше опасений. В то же время Россия, восстановившаяся после поражения от японцев в 1905 г. в Маньчжурии, является великим нейтрализатором агрессивных действий со стороны Германии».

В начале января 1912 г. Черчилль провел беседу с сэром Эрнестом Касселем, который отправлялся в Германию для встречи с кайзером. «До тех пор пока Германия не умерит свои притязания на море, – сказал он Касселю, – Британия будет относиться к ее политике с усиливающимися подозрениями и опасениями. За любым послаблением со стороны Германии тут же последует détente[17] со стороны Англии. В противном случае я не вижу иной перспективы, кроме вежливости в сочетании с усиленным оснащением армии».

Оснащение неуклонно продолжалось. Через три дня после письма Касселю Черчилль написал Фишеру, что вскоре каждая линейная эскадра будет оснащена эскадрильей аэропланов. Ускоряется строительство подводных лодок. Крейсеры, которые должны быть спущены на воду в 1912 г., будут обладать скоростью как минимум на два узла выше, чем их предшественники.

Некоторые консерваторы полагали, что Черчилль прилагает недостаточно усилий и что британский военный флот должен присутствовать во всех уголках империи. Он же утверждал, что распыление сил неразумно. «Неверно полагать, что господство на море зависит от наличия флота повсюду, – писал он. – Напротив, оно зависит от способности нанести поражение самому сильному военно-морскому флоту или нескольким совместно действующим флотам. Эта способность не может быть достигнута политикой распыления сил. Наполеоновский принцип превосходства, достигаемый превосходством на решающем театре военных действий, должен применяться ко всем операциям на море. Распыление же сил – бессмысленная трата денег, парады дурацких маленьких кораблей, демонстрирующих флаг в редко

посещаемых частях света, – характерные черты политики, ведущей через расточительство к поражению».

31 января сэр Эрнест Кассель, вернувшийся из Берлина, завтракал с Черчиллем и Ллойд Джорджем. Согласно информации, полученной им в ходе встречи с кайзером, немецкая экспансия на море была неизбежна. Вместо строительства запланированных ранее двенадцати линкоров Германией принимается шестилетняя ускоренная программа строительства пятнадцати линкоров. Когда немцы объявили о своей новой программе, Черчилль сказал Грею: «Британия должна дать незамедлительный и эффективный ответ. Однако если Германия проявит готовность замедлить темпы и решит реализовать эту программу не за шесть, а за двенадцать лет, дружеские отношения между двумя странами, скорее всего, восстановятся, и Британия может также сбавить темпы переоснащения своего флота».

Кассель убедил кайзера показать Черчиллю еще непринятый новый немецкий закон о флоте. Прочитав его, Черчилль сразу понял, что в нем кроется новая опасность для Британии – углубление Кильского канала между Балтийским и Северным морями. «В настоящее время, – указал он Грею, – некоторые немецкие линкоры могут попасть в Северное море только долгим кружным путем. Углубление Кильского канала – угроза нашей безопасности. Как только Германия решит направить в Северное море все двадцать пять линкоров, Британии понадобится привести в боевую готовность в течение двадцати четырех часов не менее сорока».

Четырнадцатого февраля Черчилль направил новый немецкий закон о флоте в кабинет министров. Стало ясно, что необходимо резко ускорить строительство новых судов для британского флота. Германия ранее планировала построить семнадцать новых линкоров, четыре больших крейсера и двенадцать малых крейсеров. По новому плану было намечено строительство двадцати пяти, двенадцати и восемнадцати кораблей соответствующего типа. К существующим 86 500 офицерам и матросам планировалось добавить еще 15 000. Из пяти эскадр к апрелю 1914 г. две должны были состоять только из самых современных линкоров и крейсеров. Черчилль объяснял, что главную опасность представляет не просто строительство дополнительных кораблей, но увеличение личного состава, что практически означает перевод на военное положение четырех пятых всего немецкого военно-морского флота.

Как только Германия приняла новый закон о флоте, Черчилль объявил в кабинете министров, что она может круглогодично

держать в Северном море как минимум двадцать пять линкоров, а Британия – двадцать два даже с учетом Атлантического флота. Он предложил, чтобы в ответ на каждый новый линкор, построенный немцами, Британия строила бы два. В то же время, стараясь найти пути к сворачиванию гонки морских вооружений, он предложил «морские каникулы» – замораживание на год обеими странами строительства новых кораблей. «Любое замедление или сокращение строительства немцами, – говорил он, – как только это станет очевидно, будет поддержано пропорциональным сокращением и у нас. Например, если Германия решит отказаться от одной или даже двух ежегодных квот и сохранит деньги к удовлетворению своего народа и для повышения собственного благосостояния, мы немедленно, при отсутствии какого-то опасного непредвиденного развития ситуации в других местах, ликвидируем нашу соответствующую квоту. На замедление со стороны Германии мы будем отвечать аналогично и даже в большем масштабе».

В своем заявлении Черчилль продолжал: «Возьмем для иллюстрации предложение, которое я выношу на всеобщее рассмотрение. В 1913 г., как я полагаю, Германия собирается построить три больших корабля, а нам, соответственно, надо будет построить пять. Предположим, обе страны устраивают на этот год каникулы. Предположим, Германия в этом году не построит ни одного корабля. Она сэкономит от 6 до 7 миллионов фунтов стерлингов. Но это не все. В нормальной ситуации мы не строим корабли, пока она не приступит к строительству своих. Три корабля, которые она не построит, автоматически ликвидируют не меньше пяти будущих британских больших дредноутов, а это, мне кажется, больше того, чего они могли бы добиться самой блестящей военной операцией. Что касается общих результатов, то даже за один-единственный год их просто невозможно измерить – не только для двух наших народов, но и для всего мира, – настолько они великолепны и перспективны».

Ожидая германской реакции на предложение «морских каникул», Черчилль отправился на «Энчантресс» и продолжил инспекцию судоверфей и кораблей. При нем находился новый стенограф Гарри Бекенхэм, который будет работать с ним все время его пребывания в Адмиралтействе. В конце марта, проведя шесть дней в Портленде, Черчилль написал Клементине: «Я обнаружил совершенно необязательную трату больших денег на переоснащение и ремонт кораблей только для того, чтобы обеспечить работой судоремонтников. Гораздо важнее сокращать траты и готовиться – это никогда не лишнее. Через год мы станем

намного сильнее. Жаль, что у меня нет девяти жизней, как у кошки, чтобы глубоко вникать в каждую область. В результате приходится многое передоверять другим, хотя я вполне уверен, что сам мог бы сделать лучше». Впрочем, он гордился сотрудниками своего министерства: «У меня есть несколько очень хороших работников – трудолюбивых, умных, добросовестных».

Разослав коллегам по кабинету копии немецкого закона о флоте, он сообщал Морли 7 апреля: «С устрашающей прямотой в нем изложена политика, проводимая ими последние четырнадцать лет. Хорошо, что мы в значительной степени держим ситуацию под контролем. В первоначальный вариант закона внесено четыре существенных дополнения».

Ожидая позитивной реакции на свое предложение о «морских каникулах», Черчилль 14 апреля написал Касселю письмо, рассчитанное на то, что оно попадет на глаза кайзеру: «Разумеется, Германии с ее великолепной армией и воинственным народом, способным защитить от любого агрессора родную страну, расположенную на материке и обладающую обширной сетью автомобильных и железных дорог, трудно понять чувства, с которыми островное государство смотрит на настойчивое и неумолимое создание конкурирующей морской державы высочайшей эффективности. Но не все потеряно: терпение и уравновешенность позволяют добиться многого, и с течением времени трудности и опасности вполне мирно улаживаются сами собой».

Германия все еще не объявляла о своей новой программе переоснащения флота. 4 мая в Лондоне на банкете в Королевской академии Черчилль заявил: «Единственной целью британской морской политики и единственным способом избежать поражения в случае войны на море является создание максимальной военной мощи. Все должно быть направлено на то, чтобы получить в нужном месте в течение самого короткого времени сокрушительную, превосходящую силу».

В этот же день Черчилль произнес пророческую фразу: «Если две великих и высокоразвитых страны вступят в войну, то обе окажутся полностью истощенными еще до того, как война закончится». Прошел месяц с момента предложения «морских каникул», но оно еще не было принято. 9 и 10 мая он был в Веймуте с королевской инспекцией флота. Собравшимся зрителям были продемонстрированы две новинки с использованием аэропланов: обнаружение подводных лодок и бомбардировка надводных целей. Во время смотра Черчилль привел Бальфура и Морли в орудийную башню линкора «Орион».

Одна из газет писала: «Мистер Черчилль, подлинный энтузиаст флота, похоже, стремится передать гостям свое восхищение моряками и техникой».

Выступая в Лондоне 15 мая, Черчилль акцентировал внимание на ужасах войны, но завершил иначе: «Гораздо более вероятно, я говорю это с искренней убежденностью, что в наше время войны не случится. Возможно, и весь мир избежит этого, по крайней мере, в перспективе, какую позволяет нарисовать самое смелое воображение».

Это пророчество не сбылось. 21 мая рейхстаг принял закон о флоте. Теперь вся энергия Черчилля была направлена на подготовку британского флота к конфликту с Германией. В течение шести недель он представил правительству проект предложений о «чрезвычайных мерах по наращиванию ударной силы кораблей всех классов». Он был уверен, что сумеет вдохновить подчиненных и усилить мощь флота. В июне он посетил подводную лодку в Портсмуте. Daily Express написала об этом: «Он общался почти со всей командой корабля, расспрашивая, что, где и как делается. Моряки очень охотно разговаривают с ним, потому что он не создает вокруг себя ажиотаж».

В июне и июле Черчилль на «Энчантресс» посетил ирландские порты и Спитхед. Среди его гостей был и Остин Чемберлен, сын Джо, партийный оппонент, хотя и личный друг. В то же время Черчилля беспокоило продолжающееся болезненное состояние Клементины. «Моя дорогая, – писал он ей 9 июля, – мне так грустно думать, что ты больна и в унынии. От несбывающихся надежд душа болит. Все время жду, что ты поправишься, – а тут одно за другим. Тебе выпало жестокое испытание. Но ты мужественно с ним справишься, моя дорогая и единственная, и выйдешь победительницей на солнечный свет».

22 июля, когда закон о флоте Германии стал широко известен, Черчилль внес в парламент предложение по увеличению бюджета на строительство флота. Это был тяжелый момент в его карьере, и вообще в британской и европейской истории. Выступая более двух часов, он разъяснял в деталях новый германский закон и необходимые ответные меры. Для сохранения безопасности на море Британии придется построить столько судов, сколько для этого потребуется. «Европа и весь мир, похоже, заражены таким количеством микробов злобы и страха, какого еще не было на нашей памяти, – говорил он. – Поэтому необходимо утвердить два важнейших принципа: во-первых, мы должны иметь наготове большие силы, а во-вторых,

должны запланировать и обеспечить на годы вперед неуклонное и систематическое увеличение военно-морских сил».

1 августа Черчилль написал Клементине, которая была на побережье: «Работа идет непрерывно, и, похоже, день ото дня ее становится все больше. Но на воскресенье у меня никаких планов, кроме как приехать и спокойно побыть с тобой. Мы найдем хороший песчаный пляж, а я построю из песка красивый замок. Дорогая моя, больше всего в эти дни одиночества мне хочется покрыть поцелуями твое лицо и погладить твое тело».

В течение августа – сентября Черчилль посещал военно-морские базы на побережье Британии, наблюдал учебные стрельбы, тактические учения, присутствовал при спуске новых кораблей, инспектировал верфи, береговые укрепления, подготовку вооружений, изучал новинки военной техники. «Сегодня под руководством молодого офицера продолжал изучать торпеду, – писал он Клементине. – Это сложно. Такие возможности, какие мне и не снились. Я могу исписать десять страниц о системе клапанов».

Осенью с французским министром флота Черчилль обсуждал возможности усиления Франции как морской державы в Средиземноморье, что дало бы возможность Британии сконцентрировать собственные силы в Северном море. Впрочем, ему не хотелось видеть Британию присоединившейся к французской системе союзов, особенно к союзу с Россией. Он говорил Асквиту и Грею, что «против любых соглашений, в результате которых мы окажемся слишком тесно связанными с Францией и лишим себя свободы выбора, от которого может зависеть возможность предотвратить войну. Кроме того, нельзя заключать никаких договоренностей, в результате которых Британию могут обвинить в вероломстве, если в какой-то момент мы решим отойти в сторону».

Дополнительные бюджетные расходы на флот должны были обеспечить численное превосходство военно-морских сил, но Черчилль хотел также увеличить и количество личного состава. Ради этого он настаивал на увеличении оклада рядовым и старшинам и строительстве баз отдыха на берегу. Посетив Харидж, он нашел средства для сооружения футбольного поля, столовой с читальным залом, приобретения бильярдных столов, сооружения кегельбана и мест для ночлега, чтобы матросы, сошедшие на берег, имели возможность нормально отдыхать.

От его внимания не ускользала ни одна проблема. В октябре Черчилль предупредил Ллойд Джорджа, что в скором времени

потребуется очередное увеличение расходов на флот. При этом он отметил, что немецкий линейный крейсер «Зейдлиц», новейший боевой корабль Германии, технические характеристики которого стали известны Адмиралтейству, имеет более мощную броню, а по всем остальным характеристикам никак не уступает сопоставимому по классу английскому «Тайгеру».

Черчилль постоянно сражался за нужды своего ведомства с министром финансов. Через четыре дня после письма о «Зейдлице» он выступил в кабинете министров с просьбой повысить денежное содержание морякам. Ллойд Джордж тут же упрекнул его, что он «ищет любую возможность для разбазаривания денег». Через три недели Черчилль узнал, что Австро-Венгрия может начать строительство трех новых линкоров. Он немедленно написал премьер-министру: «Обратите внимание! Вы понимаете, что это означает, если окажется правдой? Какой смысл упрекать меня? Если австрийцы помимо всего, что предполагалось и против чего Британия уже предприняла меры, займутся сооружением этих дополнительных кораблей, нам придется принимать дополнительные меры».

Черчилль не собирался тратить деньги без крайней необходимости. Подготавливая смету расходов на 1913–1914 гг., он обещал кабинету представить неопровержимые основания для каждой указанной им статьи расходов. 9 декабря он написал Ллойд Джорджу: «Абсолютно уверен, что правительству достаточно четко и ясно изложить свою позицию в палате общин, чтобы без особых трудностей получить суммы, необходимые для безопасности государства».

Напряжение начало сказываться на личной жизни Черчилля. «Вчера вечером я совершил глупость, – написал он жене с борта «Энчантресс» в начале семидневной разлуки, – но ты знаешь, как легко я становлюсь жертвой нервов и предубеждений. Как жаль, что тебя нет со мной. Как бы мне хотелось поцеловать твое личико, погладить твои детские щечки, чтобы ты замурлыкала у меня на руках. Не допускай и мысли о неверности. Ты у меня – единственное, что вносит просвет в нынешнее беспокойное и смутное существование».

В начале 1913 г., посетив базу военно-морской авиации в Истчерче на острове Шеппи, Черчилль попросил молодых пилотов научить его летать. Это было опасное дело. В 1912 г. приходилась одна смерть на каждые 5000 вылетов. Полеты были редкостью не только для гражданских лиц, но и вообще для всех старше тридцати двух лет. Первым инструктором Черчилля стал двадцатитрехлетний Спенсер Грей, потомок графа Грея, пионер

воздухоплавания. Пилоты пришли в изумление и восторг оттого, что первый лорд изъявил желание освоить их опасное ремесло. Его энтузиазм оказался тонизирующим. Один из пилотов, Айвон Куртни, позже вспоминал, что перед первым совместным полетом с Черчиллем тот сказал ему: «Авиация переживает эпоху Стефенсона. У нас сейчас хрупкие машины. Но когда-нибудь они станут прочными, и страна их оценит».

Родственники и друзья Черчилля выступали против его нового занятия, особенно после того, как прочитали о несчастных случаях. Спенсер Грей и сам получил тяжелые травмы, когда его самолет сорвался в штопор и рухнул. «Надеюсь, что у меня будет возможность написать тебе еще много писем, если ты продолжишь свои эксперименты в воздухе, – написал ему кузен Санни. – Всерьез считаю, что твой долг перед женой, родственниками и друзьями – воздержаться от этого занятия или развлечения, называй как хочешь, которое столь чревато опасностью для жизни. Это нехорошо с твоей стороны».

Хорошо это было или плохо, но Черчилль при каждой возможности продолжал летать, проводя многие уик-энды в Истчерче. «Мы с Черчиллем поднимались в воздух до десяти раз на дню, – вспоминал Куртни. – Он гораздо активнее, чем другие ученики, рвется в воздух. Он терпеть не может ошибаться. Всегда стремится исправить ошибки немедленно. Помню, однажды при посадке он погнул шасси. Я подумал, что в этот день он больше не захочет летать. Но он совершенно не испугался. Наоборот, появился дополнительный азарт, и мы снова поднялись в небо».

На протяжении всего 1913 г. вторым домом Черчиллю служила «Энчантресс». 6 апреля он написал Клементине из Портсмута: «По утрам я безмятежно работаю в своей каюте, днем хожу на судоверфь, возвращаюсь домой на чай и еще пару часов работаю до обеда. Бумаги в папках, сумках и коробках множатся. Кажется, одному человеку с ними никогда не справиться».

Среди тех, с кем познакомился Черчилль в этом году, был Дики, старший сын принца Луи, который позже вспоминал: «Хотя я был всего лишь тринадцатилетним гардемарином, он всегда разговаривал со мной как с настоящим морским офицером. Неудивительно, что я быстро подпал под его обаяние». В 1942 г. Черчилль назначит этого гардемарина, к тому времени адмирала лорда Луи Маунтбаттена начальником комбинированных операций.

Клементина в Лондоне готовилась к переезду из дома на Экклстон-сквер в официальную резиденцию первого лорда

Адмиралтейства – в Адмиралтейский дом, из которого открывался вид на Плац-парад конной гвардии и Уайтхолл. «Мне нравятся просторные комнаты, – писал Черчилль жене. – Уверен, ты к ним привыкнешь, как только окажешься там. Боюсь, тебя ждет множество хлопот, бедная моя козочка. Но не забывай, я намерен открыть новую страницу. Обещаю. Единственная загадка – что написано на ней? Вполне возможно – то же самое, то же самое!»

Клементина навещала мужа на «Энчантресс» так часто, как только могла. Когда она уезжала, он писал ей нежные письма. «Я мяукал после отъезда моей кошечки, – писал он ей в июне из Портленда, – но должен признаться, видел, что ей было здесь неинтересно. Ветер, дождь и море; толпа мужчин, говорящих о делах; холод, слякоть и снова дела. Но это занимает меня. Я глупец, которому не следовало бы родиться». Несмотря на страхи жены, он продолжал летать. «Я согрешил сегодня в смысле полетов, – признавался он ей на следующий день. – Но при двадцати машинах в воздухе одновременно и тысячах благополучных вылетов это нельзя рассматривать как слишком серьезный риск. Не сердись на меня. Вернусь завтра между 11 и 12».

Летом чета Черчилль совершила длительное и увлекательное путешествие в компании Асквита, его жены Марго и их дочери Вайолет. Поездом они добрались до Венеции, там сели на «Энчантресс» и прошли из Адриатического моря в Средиземное, посетив Мальту, Сицилию и Корсику. На Мальте Черчилль встретился с Китченером, провел с ним несколько бесед на тему обороны Средиземноморья и попытался, не без успеха, ликвидировать существовавшее отчуждение.

Вернувшись в Англию, Черчилль принял активное участие в попытке найти выход из ирландского тупика. Покойный лорд Рэндольф еще в 1886 г. предупреждал жителей Белфаста, что протестанты Ольстера могут использовать неконституционные методы, препятствуя принятию гомруля. А в 1912 г. Черчилль, выступая в Белфасте, превозносил преимущества гомруля и призывал шесть графств Ольстера принять его. В ответ сэр Эдвард Карсон заявил полный отказ Ольстера от гомруля и был поддержан Бонаром Лоу. Билль о гомруле был представлен в апреле 1912 г. Выступая в последовавших за этим дебатах, Черчилль обращался к жителям Ольстера «помочь стереть ирландский вопрос из жизни, сделать его историей и избавить Британское королевство от язвы, которая точит его на протяжении нескольких поколений». Если они

откажутся, утверждал он, придется идти вперед любой ценой. В ходе этих дебатов Черчилль назвал противодействие Бонара Лоу почти предательством. Осенью того же года один парламентарий из Ольстера, Рональд О'Нил, через всю палату швырнул в Черчилля книгу, попал ему в голову и разбил до крови. Пошли слухи о восстании Ольстера, подогреваемые экстремистскими выступлениями как католиков, так и протестантов. Вернувшись летом 1913 г. из Средиземноморья, Черчилль взял на себя ведущую роль в попытке погасить страсти.

На третьей неделе сентября он был гостем короля в его резиденции Балморал. Там он встретился с Бонаром Лоу и беседовал с ним о возможности предоставления некоторых особых прав Ольстеру, возможно даже за рамками гомруля. «История учит нас, что в подобных случаях британский здравый смысл обычно побеждает, – говорил он лидеру консерваторов. – Если Ирландия имеет право претендовать на самостоятельное от Англии правительство, Ольстеру тоже нельзя отказать в подобном освобождении через Ирландский парламент. Но от Ирландии нельзя ожидать, что она будет спокойно стоять и смотреть, как падает на землю чашка, поднесенная ко рту».

Работа над биллем о гомруле продолжалась. Но с Ольстером, как подтвердил Асквит после разговоров Черчилля в Балморале, может быть заключена своего рода сделка. Разговоры о гражданской войне были пресечены. Угрозы организованных беспорядков казались ребячески несерьезными. Через своего друга Ф. Э. Смита Черчилль в дружеской межпартийной обстановке Другого клуба пытался найти компромисс, при котором Ольстер мог бы получить особый статус по крайней мере на ранней стадии самоуправления. «Никакие соглашения, – сказал он, выступая в Манчестере 18 октября, – не должны быть направлены на подрыв единства Ирландии».

В манчестерской речи Черчилль повторил свой призыв к Германии объявить мораторий на строительство военных кораблей. «Если немцы откажутся, – писал он Клементине на следующий день, – мне придется принимать соответствующие решения. Если согласятся, это станет большим событием в международных отношениях. Но они не согласятся: будут бодаться на воде так же, как в воздухе!»

Стараясь по возможности сократить расходы на флот, Черчилль решил перенести ежегодные большие маневры на 1914 г. Стоимость маневров оценивалась в 230 000 фунтов (в ценах 1990 г. – 8 миллионов). Вместо этого он предложил менее дорогую мобилизацию Третьего флота. Это давало

экономию в 180 000 фунтов, прежде всего на топливе. Результатом этого решения стало то, что Третий флот, вместо того чтобы рассеяться по Атлантике, в 1914 г. в полной боевой готовности сосредоточился в Северном море.

Помимо экономии средств, Черчилль решил, как он объяснял принцу Луи Баттенбергскому, провести полную ревизию мобилизационных мероприятий. Ничто нельзя было оставлять на волю случая. Помимо Третьего флота, он хотел провести учебную мобилизацию флотского резерва и офицеров-резервистов. Он утверждал, что подобный шаг категорически необходим. Наряду с планами учебной мобилизации и ожидая реакции Германии на вторичный призыв к «морским каникулам», Черчилль выступал за улучшение условий службы не только рядового и старшинского состава флота, но и работников судоверфей. «Что касается рабочих-судостроителей, – писал он Фишеру в ноябре, – социальная справедливость требует, чтобы люди, верой и правдой всю жизнь проработавшие на благо государства, имели такие же гарантии стабильности и пенсионного обеспечения, как и адмиралы!»

Осенью Черчилль вернулся к летным тренировкам. Среди его инструкторов были Эжен Герард и Ричард Белл Дэвис. Последний позже получит Крест Виктории в битве за Дарданеллы. Продолжая учебные полеты и увеличивая количество летных часов, что потом даст ему возможность получить лицензию пилота, он внимательно изучал все аспекты войны в воздухе. В августе он санкционировал прямой переход гражданских летчиков в морскую авиацию и поднял вопрос о приеме в нее с двадцати двух до двадцати четырех лет. Он планировал, чтобы в случае войны военно-морская авиация располагала не меньше чем сотней гидропланов. Кстати, слово «гидроплан» придумал именно он, чем спустя много лет очень гордился.

В октябре, поднявшись на дирижабле в Ширнессе, Черчилль пролетел над Чатемом и Мидуэем. «Весьма приличная машина, – писал он Клементине. – Им так просто управлять, что мне почти на час доверили штурвал». В этот же день на гидроплане он инспектировал судоверфь Ширнесса. «День выдался очень удачный, – продолжал он свой рассказ, – почти как в давние времена войны в Южной Африке. Я полностью погрузился в работу, совершенно отключившись от занудной партийной политики, газет, дурацких дополнительных выборов, мрачных оранжистов, несносных Сесилов и самодовольных Ренсименов. Огромное удовлетворение видеть такие очевидные признаки роста военно-морской авиации. Через год, если я останусь в министерстве, будет более значительный прогресс. Для этого

мне нужен еще миллион. У летчиков много сложных и запутанных проблем. Сегодня самая большая путаница возникает с чинами, рядами, формой и т. п.». Он старался прививать авиаторам чувство собственной значимости независимо от званий, нашивок и продвижения по службе. Клементина была недовольна, что он продолжает летать, и Черчилль написал ей: «Ты ведь так хорошо меня знаешь и благодаря своей интуиции уже определила хорошие и плохие черты моего характера. Увы, я не очень высокого мнения о себе. Иногда мне кажется, что я могу горы свернуть, а потом чувствую, что я просто слабый тщеславный глупец. Но твоя любовь – величайшее счастье, которое досталось мне и будет со мной всегда, и ничто в мире не может изменить моей глубочайшей привязанности к тебе. Мне только хочется быть более достойным тебя и отвечать на потребности твоей души».

Черчилль восхищался авиацией и неколебимо верил в ее будущее. В середине ноября он выдвинул идею строительства авиабаз на южном и восточном побережье и запланировал на следующее лето авиационные учения. Он говорил своим советникам: «Надо сделать все возможное для развития единства и командного духа в этом роде войск». В конце ноября он вернулся в Истчерч продолжать полеты. Теперь его инструктором стал капитан Гилберт Лашингтон. «Я начал заниматься с Уинстоном в 12:15, – написал Лашингтон своей невесте Эйрли Хайнс, – и он так увлекся этим делом, что я едва мог вытащить его из машины. За исключением сорока пяти минут на еду, мы были в машине до 3:30. У него большие способности, и он постоянно требует новых инструкций и полетов. Увидев твою фотографию у меня на стене, он спросил, когда я собираюсь жениться. Я сказал, что когда поднакоплю денег».

30 ноября Черчиллю исполнилось тридцать девять лет. В этот день он написал письмо Лашингтону: «Можете ли вы прояснить вопрос насчет рулевого управления? В чем причина трудностей, с которыми я сталкиваюсь? Может быть, дело в том, что приходится толкать от себя? Впрочем, я в этом не уверен. А может, они просто слишком тугие и поэтому с ними трудно работать?»

Черчилль попросил Лашингтона полетать с кем-нибудь другим. «Сядьте на заднее сиденье и проверьте, действительно ли управление неудобное или это все из-за моей неуклюжести». Он также просил своего главного советника по авиации в Адмиралтействе оснастить один из бипланов в Истчерче двойным управлением. «Такая машина, – подчеркнул он, – будет полезна при дальних перелетах. Тогда один пилот сможет

подменять другого». Лашингтон выполнил просьбу Черчилля, но, слетав на пассажирском сиденье, написал Черчиллю: «Полагаю, вы совершаете ошибку, характерную для начинающих и даже опытных пилотов, сильно толкая ручку управления от себя. Я должен был предупредить вас об этом, прежде чем начать летать. Но с опытом это проходит».

Вскоре после этого письма Лашингтон полетел на том же самолете, на котором летал с Черчиллем. При посадке самолет разбился, и Лашингтон погиб. Черчилль получил его письмо несколькими днями позже. «Думаю, его последнее письмо должно быть у вас, – написал Черчилль его невесте Эйрли Хайнс, – и прошу принять мое искреннее сочувствие в беде, которая на вас обрушилась. Но погибнуть мгновенно, не испытав боли и страха, исполняя свой долг перед отечеством, – не самый худший удел. Хотя для тех, кто остался в живых, это, конечно, тяжелейший удар».

После гибели Лашингтона многие газеты стали требовать от Черчилля, чтобы он прекратил полеты. Того же добивались ближайшие друзья. «Зачем тебе нужны эти бесконечные полеты? – писал ему Ф. Э. Смит 6 декабря. – Это непорядочно по отношению к твоей семье, службе и друзьям». Но Черчилль вовсе не собирался отказываться от того, что только начал осваивать.

Черчилль начал готовить смету расходов на флот на 1914–1915 гг. и сразу столкнулся с несколькими сложностями. Во-первых, канадское правительство отказалось оплачивать строительство трех линкоров, предусмотренных в британской программе. Во-вторых, Германия отвергла мораторий на строительство боевых кораблей. В-третьих, сам Черчилль решил вооружить торговые суда, доставляющие продовольствие в Британию, чтобы они могли защищаться от нападений вражеских военных кораблей. Тридцать уже были вооружены. В следующем году он хотел оснастить оружием еще сорок.

Кроме того, дополнительные расходы были неизбежны и по трем главным направлениям модернизации: продолжался перевод судов с угля на жидкое топливо, для чего требовалось строительство нефтехранилищ. Для растущей военно-морской авиации нужно было создавать авиабазы и инфраструктуру. Широкое распространение получал беспроволочный телеграф как основное средство коммуникации на море и в воздухе. Члены кабинета разошлись во мнениях относительно того, стоит ли давать Черчиллю дополнительные 3 миллиона фунтов сверх выделенных в прошлом году 50 миллионов. Некоторые министры по-прежнему полагали, что либерализм и наращивание морских

вооружений несовместимы. Ллойд Джордж сначала поддержал Черчилля, но затем присоединился к тем, кто потребовал существенного сокращения расходов на флот, включая отсрочку строительства как минимум одного из четырех линкоров, запланированных на 1914–1915 гг. В последнюю неделю декабря Черчилль пригрозил отставкой, если его предложение о закладке в ближайшие два года четырех линкоров будет отвергнуто. «Я, слава богу, непоколебим в некоторых вещах», – написал он Грею в Рождество 1913 г.

Черчилль подготовил схемы и статистические таблицы, доказывающие, что он предлагает минимальные средства для ответа на потенциальную военно-морскую экспансию Германии. «Я стою на своем и больше ничего не могу сделать, – написал он Морли 13 января. – Эти четыре корабля жизненно важны, и никакие компромиссы невозможны». А через две недели он категорически заявил Ллойд Джорджу: «Пока я несу ответственность, все необходимое должно быть сделано». Смета расходов на флот была подготовлена с учетом строжайшей экономии, а на все расходы были предоставлены полные гарантии и веские обоснования.

В процессе кризиса Ллойд Джордж предложил принять смету на 1914–1915 гг. в обмен на обещание существенного сокращения расходов в 1915–1916 гг. Черчилль воспротивился: «Я не могу покупать год по принуждению», – ответил он. В начале февраля Асквит попросил Черчилля «выкинуть с корабля пару мешков, чтобы достичь компромисса со сворой противников, которая хорошо понимает, что за ней мнение партийного большинства». Черчилль ответил: «Мне самому не нравятся большие расходы на флот, и меня огорчает, что я оказался как бы в положении растратчика. Но я – заложник фактов. Есть силы, которые могут оказаться неуправляемыми, если пренебречь эффективностью флота. Меня беспокоит главным образом то, как бы в результате давления и противодействий не оказались слишком урезаны необходимые расходы. На корабле нет лишних мешков, и, даже если свора сожрет капитана, шторм от этого не утихнет».

Через неделю Черчилль пошел на две уступки – по программе строительства крейсеров и вопросу увеличения личного состава. Кабинет принял его бюджет. «При другом министре финансов смета была бы урезана на миллионы», – заметил один из лейбористов. «Тогда был бы и другой первый лорд Адмиралтейства», – немедленно откликнулся Черчилль. «Кто может быть уверен, – риторически спросил он, беседуя с Ллойд Джорджем, – что при таких финансовых прорехах не появилось бы совсем иное правительство? Это, впрочем,

не означает, что смета оказалась бы урезанной».

За три дня до представления сметы в парламенте Черчилль выступил в Брэдфорде, где его отец в 1886 г. отстаивал политику сдержанности и невмешательства в международные дела. За два дня до отъезда в Брэдфорд он присутствовал на заседании кабинета министров, где были оглашены тревожные вести из Ольстера: лидеры протестантов отвергли компромисс правительства по гомрулю. Компромисс предполагал, что каждое из шести графств Ольстера должно путем плебисцита решить возможность шестилетней отсрочки вступления в силу закона о гомруле. Для ольстерских юнионистов этого было недостаточно. Они хотели полного выхода из-под господства католического парламента в Дублине, создание которого предполагал билль о гомруле. Ольстерские добровольческие отряды собирались взять власть в свои руки, угрожая оказать силовое сопротивление полиции, если та попытается разоружить их.

12 марта Асквит доложил королю: «В кабинете министров заслушали сообщение полиции, указывающее на вероятность попыток со стороны добровольцев захватить с помощью coups de main[18] армейские и полицейские казармы, склады боеприпасов и вооружения». В Ольстере находилось всего 9000 британских регулярных войск; основное же количество вооруженных сил численностью 23 000 человек располагалось в Южной Ирландии, на окраине Дублина. Кабинет согласился, что может возникнуть необходимость направить эти войска против ольстерских добровольцев, но решил, что перед этим один из важнейших министров должен обратиться с открытым предупреждением к юнионистам. Это дело было поручено Черчиллю. «Вы единственный член кабинета, кто может произнести такую речь, – сказал ему Ллойд Джордж. – Вас знают в Ольстере как миротворца. Вы можете сказать им, что ради компромисса ольстерцы должны так же, как и правительство, пойти на уступки, иначе им придется отвечать за последствия».

Выступая 14 марта в Брэдфорде, Черчилль по просьбе кабинета затронул эту тему. Он, как и рассчитывал Асквит, в самых сильных выражениях подверг критике отцовскую максиму – «Ольстер будет бороться, Ольстер будет прав». «Сознание тори, – заявил Черчилль, – отвергает любое насилие, кроме собственного. Они поддерживают все законы, кроме тех, которые решили нарушить. Но правительство не допустит, чтобы королевство Великобритания опустилось до состояния Мексиканской республики. Если вся эта пустая, грязная и безответственная болтовня, которую мы вынуждены были

слушать на протяжении последних месяцев, преследует отвратительные цели, тогда я могу сказать вам только одно: давайте идти вперед вместе, и попробуем дать ответ на все эти тяжелые вопросы».

Вернувшись тем же вечером в Лондон, Черчилль продолжил подготовку выступления по поводу сметы расходов на флот, которое должно было состояться через три дня. Выступление его длилось два с половиной часа. Черчилль обосновал увеличение расходов, указывая на рост военно-морских сил Германии и Австро-Венгрии. Он объяснил различие между потребностями Британии и ее соперниц: «Ни одной из великих держав не требуется флот для реальной защиты своей независимости или безопасности. Они создают флот, чтобы играть роль в международных отношениях. Для них это своего рода спорт. Для нас – вопрос жизни и смерти». По мнению Daily Telegraph, это была самая продолжительная и наиболее убедительная речь, которую довелось слушать палате общин в последнее время.

Он вовсе не предполагает, убеждал Черчилль парламентариев, что весь мир обернется против Британии и что следует готовиться к столь чудовищному стечению обстоятельств. «Благодаря трезвому и сдержанному поведению, – говорил он, – благодаря умелой дипломатии мы можем отчасти ликвидировать опасность. Но действенность британской дипломатии в огромной степени зависит от нашего флота. Военно-морская мощь Британии – единственная великая уравновешивающая сила, которой мы можем воспользоваться для обеспечения собственной безопасности и мира во всем мире». Двадцать лет спустя, перед лицом новой угрозы со стороны Германии, Черчилль будет настаивать, что военно-воздушная мощь Британии имеет такое же большое значение для сохранения мира.

Черчилль выиграл битву за финансы. Но теперь на политическую авансцену вышла Ирландия. Либеральное правительство не смогло убедить Ольстер, что его интересы не приносятся в жертву Дублину. Предложенный Асквитом компромисс – шестилетняя отсрочка – был неприемлем для протестантов Ольстера. Они полагали, что ни в каком случае не должны оказаться под властью Дублина и что сами должны править Ольстером, отбросив все нормы закона и порядка – при необходимости даже силой.

15 марта Черчилль был включен в правительственный комитет, который тремя днями позже объявил, что основные склады оружия и боеприпасов в Ольстере могут быть разграблены ирландскими добровольческими силами. Военное министерство дало указание генералу Педжету, командующему войсками

в Ирландии, организовать необходимую охрану складов. Педжет отказался, опасаясь, что передислокация войск из Керрага в Ольстер может ускорить кризис. Для защиты складов Черчилль предложил использовать силы флота. Он информировал правительство, что в районе Ламлаша, у побережья Шотландии всего в сотне километров от Белфаста, должны состояться учения Третьей линейной эскадры. Если железнодорожная компания откажется помогать, войска можно будет перебросить из Южной Ирландии в Ольстер морем на боевых кораблях. Кабинет одобрил его план.

В это время Третья линейная эскадра находилась у Атлантического побережья Франции. «Следуйте немедленно обычной скоростью в Ламлаш», – приказал Черчилль командующему ею адмиралу 19 марта. В тот же день он распорядился направить три эсминца в порт на юге Ирландии, где они должны были взять на борт батальон пехоты и высадить их близ Белфаста. Еще двум эсминцам была дана команда перебросить 550 пехотинцев с юга на север. Одному капитану эсминца был дан приказ высадиться в Бангоре, в Белфастском заливе, в штатском, для взаимодействия с находящимися там армейскими подразделениями. Другой должен был организовать оборону военных складов с боеприпасами в Каррикфергусе. «Территория складов должна быть защищена любыми средствами, – распорядился Черчилль. – При необходимости задействовать корабельную артиллерию и прожектора».

Из Ольстера продолжали поступать известия о намерении ольстерских добровольческих сил захватить оружие и боеприпасы. Но у генерала Педжета руки оказались связанными, когда командующий 3-й кавалерийской бригадой генерал Гоф и пятьдесят семь из его семидесяти офицеров подали в отставку, не желая быть отправленными в Ольстер. Вследствие этого Педжет оказался в большей зависимости от флота, чем ранее. Через три дня по его требованию четыре полевых орудия были погружены на флагманский корабль Третьей линейной эскадры и доставлены в Девонпорт.

В результате военной силы в Ольстере оказалось достаточно, чтобы защитить склады, и нападение не состоялось. Третья линейная эскадра оставалась в Ламлаше. Для противодействия ольстерским добровольцам флот не понадобился. Но приготовления Черчилля, несмотря на то что они были санкционированы кабинетом министров, стали объектом ожесточенных нападок консерваторов. Его обвинили в желании начать «ольстерский погром». Когда он заявил в палате, что передислокация военно-морских сил была чисто

превентивной мерой, его обвинили в желании использовать передислокацию для столкновений и кровопролития. Он назвал это «дьявольской инсинуацией», но многие поверили обвинению.

Враждебность по отношению к Черчиллю выплеснулась на митинге в Гайд-парке 4 апреля. Эдвард Карсон, лидер парламентской фракции ирландских юнионистов, объявил сына лорда Рэндольфа «ренегатом, который захотел войти в историю как Белфастский мясник, угрожая расстрелять всех, кто следует советам его отца». Черчилль, со своей стороны, по-прежнему считал, что достижение компромисса в Ирландии возможно, и прилагал все усилия, чтобы его добиться. «Движение к федерализации и умиротворению идет полным ходом, – написал он Клементине 23 апреля, – и чувствуется хотя пока и завуалированная, но склонность обеих сторон к соглашению».

На следующий день надежда на соглашение, казалось, рухнула: ольстерские добровольческие силы при потворстве Карсона добыли и выгрузили в Ларне около 30 000 винтовок и 3 миллиона патронов и начали раздачу их. Это была весьма серьезная угроза. «Но с парламентской точки зрения, – заверил Черчилль Клементину через два дня, – эскапада ольстерцев с контрабандой оружия существенно изменила ситуацию в нашу пользу. Они сами поставили себя вне закона».

В самый момент, когда либеральное мнение было наиболее активно настроено против Ольстера, Черчилль взял на себя инициативу по заключению соглашения. Поводом стал очередной виток напряженности: консерваторы решили вынести вотум недоверия правительству за его якобы враждебность по отношению к Ольстеру. Черчилль раскритиковал их. «Это так же поразительно, – заявил он, – как если бы криминальное сообщество выразило вотум недоверия полиции».

Защищая действия правительства в Ольстере, Черчилль завершил выступление неожиданно миролюбивым призывом к самому Карсону: «Сегодня я твердо убежден, что, несмотря на антагонизм наших курсов и конфликт партийных интересов, почетный мир отнюдь не кажется недостижимым. Завтра этот шанс может быть упущен навсегда. Я иду на некоторый риск со своей стороны, предлагая следующее: почему бы уважаемому джентльмену справа не сказать прямо: «Дайте мне поправки к биллю о гомруле, которые я прошу, чтобы защитить достоинство и интересы протестантского Ольстера, а я, в свою очередь, использую все свое влияние и добрую волю, чтобы превратить Ирландию в неотъемлемую часть федерации». Если этот уважаемый джентльмен использует лексику подобного рода с искренностью и ему поверят, это в значительной степени

изменит ситуацию, и каждый будет вынужден пересмотреть свою позицию по этим противоречиям».

Многие либералы были возмущены тем, что Черчилль предложил Карсону план федерализации, который, по мнению ирландских националистов, являлся средством удушения гомруля. «Чрезвычайно важно, – написал ему один из членов кабинета министров, – чтобы вы осознали степень озлобления – ни один более мягкий термин в данном случае не подходит, – которое вызовет в Ирландской партии и среди многих наших коллег-либералов предложение, сделанное вами Карсону в конце вашего выступления».

Несмотря на ярость либералов и ирландских националистов, предложение Черчилля остудило страсти в Ольстере, что дало возможность летом продолжить переговоры. «Как ты увидишь, – написал он Клементине, – вчера в завершение своего выступления я сделал в палате общин от себя лично чрезвычайно смелое предложение Карсону, которое хотя и накалило ситуацию, но зато позволило вернуться к примирению».

В мае Черчилль начал добиваться еще одного примирения – с Германией. Кайзер пригласил его посетить Киль во время парусной регаты, которая должна была состояться в конце июня. Отец-основатель германского флота гросс-адмирал Тирпиц тоже выразил желание увидеться с ним. Черчилль согласился, надеясь, что личное общение с Тирпицем может стать прелюдией к более широким договоренностям. Он сказал Асквиту и Грею, что постарается объяснить гросс-адмиралу реальность предложения «морских каникул» и взаимного сокращения количества боевых кораблей, если обстоятельства когда-либо предоставят такую возможность.

Черчилль также хотел принять сделанное ранее предложение Тирпица по ограничению размеров крупнейших линкоров. «Даже если нельзя будет уменьшить количество, – говорил он, – ограничение в размерах станет огромной экономией средств, а это желательно во всех смыслах». Он собирался пойти еще дальше и предложить снятие режима секретности на количество и общие технические характеристики (за некоторым исключением) кораблей, построенных и строящихся на судоверфях Британии и Германии. Военно-морские атташе обоих государств могли бы посещать судостроительные заводы и смотреть, что происходит. «Это, – утверждал Черчилль, – может открыть путь к прекращению шпионажа с обеих сторон, продолжение которого вызывает взаимные подозрения и недоброжелательство».

В конце июня две британские эскадры по приглашению

Германии и России должны были зайти в Балтийское море. Черчилль намеревался присоединиться к ним на «Энчантресс», посетив сначала военно-морскую базу Российской империи в Кронштадте, а затем отправиться в Киль. Он подчеркивал, что оба визита ни в коей мере не должны быть оскорбительны для Франции, поскольку он уже был гостем французской военно-морской базы в Тулоне. Министр иностранных дел сэр Эдвард Грей сомневался, следует ли санкционировать этот вояж Черчилля. «До сих пор, – писал он, – Тирпицу не нравились все усилия по обсуждению расходов на военно-морской флот. Что касается посещения Кронштадта и Киля, я не хотел бы препятствовать этому, но это вызовет огромный шум в европейской прессе и придаст визиту наших эскадр значение, несоразмерное с тем, которое он на самом деле имеет. Появятся самые дикие сообщения, и Британия будет втянута в бесконечный процесс объяснений с послами в министерстве иностранных дел и опровержений появившихся в прессе материалов».

Грей советовал проинформировать кайзера о невозможности визита Черчилля в Киль. При этом никоим образом нельзя проявить неуважение. Но это резко положило конец надеждам Черчилля смягчить соперничество на море. Вместо запланированной поездки по Балтике он провел первую неделю июня на борту «Энчантресс» сначала в Плимуте, а затем в Шербуре. Он также посетил школу гардемаринов в Дартмуте. «Мальчиков, похоже, не гоняют, как раньше, – писал он Клементине 1 июня. – Все мои предложения были направлены на ослабление напряженности».

Черчилль не сообщил жене, что перед тем, как вернуться на борт «Энчантресс» и взять курс на Портленд, он прошел еще несколько уроков пилотирования в Центральной летной школе. Понимая ее недовольство, он в письме от 29 мая объясняет: «Не писал тебе, поскольку знал, что ты будешь сердиться». Далее он рассказывает, как скучает по жене и детям, и описывает грандиозный прием, устроенный ему и его спутникам в лагере йоменов, в двадцати километрах от Летной школы: «Солдаты неслись к нам толпой, будто никогда не видели аэроплана».

Пилотом-инструктором у Черчилля был двадцатисемилетний морской пехотинец лейтенант Томас Кресуэлл. Через шесть дней после посещения лагеря йоменов его самолет развалился в воздухе и рухнул в море. Кресуэлл и второй пилот погибли. Узнав об этом, Клементина, которая к октябрю ждала третьего ребенка, упросила мужа перестать летать. Он не сразу откликнулся на ее мольбу, написав с «Энчантресс» 6 июня: «Дорогая моя, я больше не буду летать, во всяком случае, до тех

пор, пока ты не восстановишься после своего котеночка. К тому времени риск может значительно уменьшиться. Это для меня непросто, потому что я уже вот-вот должен был получить сертификат пилота. Осталось сделать несколько утренних вылетов в тихую погоду. Я уверен, что способен на это. Мне очень хочется достичь своей цели, после чего наступил бы подходящий момент сделать перерыв. Но вынужден согласиться: ряд смертей в этом году оправдывают твои опасения. Поэтому я решительно бросаю это занятие на много месяцев, а возможно, и навсегда. Это подарок тебе, который я делаю по глупости, но который тем не менее ценю больше, чем все, что можно купить за деньги. Так что с радостью кладу его к твоим ногам, понимая, что это доставит тебе радость и душевное облегчение. Впрочем, чувствую, что я многое уже понял в этом деле. Я с легкостью управляю машиной даже при сильном ветре, и нужно только еще немного потренироваться с приземлением, чтобы иметь право и возможность летать одному. Я совершил почти 140 вылетов с разными пилотами на различных типах машин, так что вполне понимаю трудности, опасности и радости полета, чтобы оценить и понять все вопросы, которые возникнут в ближайшем будущем. Конечно, странно, что мне так везло, в то время как с теми, кто летал со мной, происходили несчастья. Этот бедняга лейтенант, чья гибель снова пробудила твои опасения, – ведь мы всего неделю назад поднимались с ним в воздух на той же самой машине! Ты поцелуешь меня и простишь за причиненные страдания – я в этом уверен. У меня не было необходимости, а возможно, и права этим заниматься, но это было важной частью моей жизни на протяжении последних семи месяцев, и я уверен, что от этого и нервы мои, и сила духа только окрепли. Но за твой счет, моя бедная кошечка. Прости».

Летать Черчилль перестал. Но зато активизировал усилия, чтобы военно-морская авиация была хорошо обучена и экипирована. 9 июня он дал разрешение на зачисление в личный состав двухсот гражданских лиц и строительство – из-за сокращения сметы – пяти новых авиабаз вместо запланированных им восьми. Он продолжал уделять пристальное внимание условиям жизни матросов, добивался назначения пенсий вдовам моряков, погибших во время службы. Но пройдет еще больше десятилетия, в том числе и четыре года войны, прежде чем ему, уже в качестве министра финансов, удастся организовать выплату пенсий всем вдовам погибших на войне, а также детям, оставшимся сиротами.

17 июня Черчилль выступил с одной из своих самых важных инициатив в должности первого лорда. Он обратился к палате

общин с просьбой санкционировать сделку, по которой он вел переговоры: приобретение британским правительством 51 процента доли в англо-персидской нефтяной компании, а также преимущественного права использования всей нефти, добываемой на всех буровых скважинах компании. Он объяснял, что благодаря этой сделке, стоимостью чуть больше 2 миллионов фунтов, британский флот полностью обеспечит себя топливом и не будет зависеть ни от каких частных компаний или иностранных правительств.

За два года до того, как предложить это парламенту, Черчилль поручил Фишеру изучить потребности флота в горючем. В числе этих потребностей было обеспечение контроля флота над каким-нибудь нефтяным промыслом. Когда Фишер предложил для этого приобретение нефтяного промысла, Черчилль начал переговоры. В сотрудничестве с молодым чиновником Министерства финансов Ричардом Хопкинсом он провел их с присущим ему умением погружаться в детали и способностью находить компромисс между конкурирующими интересами различных департаментов правительства. «То, что нам сейчас требуется, – заявил он в палате общин 17 июня, – это надежное действующее предприятие, немедленная поставка и реальные возможности, которые мы сами сможем контролировать. Все это мы имеем в Персии».

Палата общин одобрила предложение 254 голосами против 18. Адмиралтейство теперь владело всей нефтью, которая ему требовалась, в регионе, который входил в зону британского влияния после принятия англо-русской конвенции 1906 г., и имело в перспективе значительную прибыль. В течение последующих пятидесяти лет только на доход от 51 процента доли прибылей от добычи нефти были построены все британские линкоры.

28 июня, через одиннадцать дней после этой удачи, на Балканах произошло событие, потрясшее всю Европу: убийство в боснийском городе Сараево эрцгерцога Фердинанда, наследника австро-венгерского престола. Австрию, помимо ненависти к самому убийце, сербскому националисту, охватили антисербские настроения.

Не вызывало сомнений, что Австрия потребует от Сербии сатисфакции, возможно, даже объявит ей войну. Симпатии России будут на стороне сербов – братьев-славян, отстаивающих свое национальное существование. Согласно своим симпатиям и союзническому долгу, Германия может выступить на стороне Австрии, а Франция – на стороне России. Все это тем не менее

пока оставалось в области предположений. 9 июля, через одиннадцать дней после убийства, постоянный заместитель министра иностранных дел говорил сэру Эдварду Грею: «Сомневаюсь, что Австрия предпримет какие-то серьезные действия. Надеюсь, шторм скоро утихнет».

Черчилль в это время находился на борту «Энчантресс», и его мысли были весьма далеки от конфликта. 9 июля он писал королю Испании Альфонсу: «Надеюсь иметь честь увидеть ваше величество во время вашего визита в сентябре и спокойно поиграть в поло». Но в сентябре 1914 г. было уже не до покоя и не до игры в поло.

Глава 13
Накануне войны

13 июля Черчилль сообщал Клементине в письме разнообразные новости: «Парламентская сессия продлится до конца августа, новая начнется в декабре. Асквит очень хочет в понедельник уехать на яхте. Постарайся и ты. Уверен, это стоит того. У меня есть специальный план для тебя. Туман и волны будут запрещены». Он ни словом не упомянул о напряжении, возникшем в Европе двумя неделями ранее после убийства эрцгерцога Фердинанда. В Лондоне главной темой в это время была конференция по Ирландии, которая должна была открыться в Букингемском дворце 21 июля.

Вечером сэр Эдвард Грей говорил Черчиллю о своих сомнениях в возможности продолжения того курса, который устроил бы и ирландских националистов, и ольстерских юнионистов. Споры шли по поводу границ, в особенности границ графства Тирон. «Недостаток соглашения, – писал Черчилль Грею 22 июля, – в том, что оно британское. Понятно, ирландские партии могут счесть, что это стоит войны. С их точки зрения, возможно, это и так. Но вряд ли это позиция сорока миллионов жителей Великобритании, а их интересы в конечном счете – наша первоочередная и главная забота».

Черчилль провел аналогию с ситуацией в Европе. Это было его первым и достаточно оптимистичным упоминанием европейского кризиса: «В международных делах можно предположить два этапа. На первом надо постараться предотвратить войну между Австрией и Россией. На втором, если первое не удастся, помешать ввязаться в нее Англии, Франции, Германии и России. То же самое, что необходимо сделать в Европе, справедливо по отношению к внутренней проблеме. Различие лишь в том, что в Европе есть надежда ограничить и локализовать конфликт, в то время как дома можно предотвратить его».

Судя по письму Клементине от того же числа, Черчилля больше всего занимала вероятность провала переговоров по Ирландии. «Конференция in extremis[19], – писал он. – Мы готовим отделение Тирона. Националисты соглашаются неохотно. Карсон категорически против». Конференция в Букингемском дворце была практически сорвана. Но Карсон получил желаемое двумя днями позже, когда правительство решило позволить любому графству Ольстера голосовать

за выход из состава тех территорий, в которых будет введено самоуправление, и за отмену предложенной ранее шестилетней отсрочки. Теперь Ольстер мог выйти из-под управления Дублина.

Оставалось решить один вопрос: определить точные границы графств Ферманы и Тирона. Было ясно, что подавляющему большинству католического населения в этих графствах, граничащих с Южной Ирландией, необходимо позволить примкнуть к Дублину. 25 июля, после неудачной конференции в Букингемском дворце, кабинет министров собрался вновь. «Решив искать выход из этого тупика, – позже писал Черчилль, – кабинет принялся блуждать по грязным проселкам Ферманы и Тирона. Можно было надеяться, что апрельские события в Керраге и Белфасте настолько потрясли общественное мнение, что сформировали единство, достаточное для заключения договоренностей между ирландскими фракциями, но оказалось, этого недостаточно. Стало очевидно, что обе стороны заинтересованы в перерастании конфликта в горячую фазу с непредсказуемыми последствиями для обеих сторон». Заседание длилось более часа. «Дискуссия закончилась безрезультатно, и кабинет уже собирался расходиться, когда раздался серьезный, спокойный голос сэра Эдварда Грея, который принялся зачитывать документ, только что доставленный ему из Министерства иностранных дел. Это был австрийский ультиматум Сербии, выдвинутый спустя почти месяц после убийства эрцгерцога».

Черчилль вспоминал: «Грей несколько минут читал документ, прежде чем я смог отвлечься от занудных и бестолковых дебатов, которые только что закончились. Мы все очень устали, но постепенно приходили к осознанию серьезности ситуации. По мере чтения становилось ясно, что ни одна страна в мире не в состоянии принять этот ультиматум и что даже согласие на все условия не сможет удовлетворить агрессора. Фермана и Тирон словно испарились, и какое-то странное свечение постепенно, но совершенно отчетливо стало разгораться над картой Европы».

Вернувшись в Адмиралтейство, Черчилль написал Клементине, которая была с Дианой и Рэндольфом в Кромере: «Европа на грани всеобщей войны; австрийский ультиматум Сербии – самый вызывающий из всех документов подобного рода. По сравнению с ним действия Ольстера кажутся ерундой». Вечером Черчилль ужинал с немецким корабельным магнатом Альфредом Баллином, доверенным лицом кайзера. Баллин мрачно рассуждал о последовательности событий, которые могут привести к войне между Германией и Британией: «Если Россия

выступит против Австрии, мы тоже обязаны выступить. А если выступим мы, должна выступить Франция. И что останется делать Англии?»

Черчилль ответил, что не может ничего сказать по этому поводу. Решать будет правительство. Но Германия сделает ошибку, если посчитает, что Британия не предпримет каких-то действий в случае франко-германской войны. Британское правительство будет реагировать на события по мере их возникновения. Они пожелали друг другу спокойной ночи. Черчилль буквально со слезами на глазах умолял Баллина не допустить, чтобы Германия объявила войну Франции.

Сербское правительство, надеясь избежать войны с Австрией, приняло ультиматум, выразив согласие подавлять все последующие антиавстрийские движения на сербской территории и предать суду всех, имеющих отношение к убийству эрцгерцога. Хотя она и не согласилась на участие австрийских представителей в судебном процессе, но была готова передать дело либо в Международный трибунал в Гааге, либо на рассмотрение великих держав. Это произвело впечатление на кайзера. «Великая моральная победа Вены, – написал он. – Теперь все поводы для войны исчезают. Тем не менее для сохранения чести австрийским войскам следует символически оккупировать Белград хотя бы на время». Это не требовало обязательной реакции Британии. «К счастью, нет причин, по которым мы не могли бы оставаться зрителями», – сказал Асквит королю 25 июля.

Примирительный ответ Сербии был направлен из Белграда в Вену 25 июля. Этим утром Черчилль и принц Луи обсуждали, стоит ли распускать Третий флот, уже приведенный в боевую готовность, мобилизованный и компактно сосредоточенный после прошлогодних маневров. Они решили, что ситуация не настолько серьезна, чтобы держать флот в боевой готовности. В середине дня, отменив дневное совещание со своими советниками, Черчилль сел на поезд и отправился к семье в Норфолк.

Однако на следующий день уже в девять утра он позвонил принцу Луи из почтового отделения в Кромере. Новости были не слишком хорошими: Австро-Венгрию не удовлетворила реакция Сербии. Черчилль ушел на пляж, где три часа играл с сыном и дочерью. В полдень он вернулся на почту, чтобы еще раз переговорить с принцем Луи. На этот раз он узнал еще более тревожную новость: Австрия отвергла ответ Сербии.

Вероятность вторжения Австрии в Сербию вдруг оказалась очень реальной, что предполагало участие в конфликте Германии, России и Франции. В начале войны Германия могла

напасть на Францию, нанести ей поражение, а затем развернуться в сторону России. При этом, нападая на Францию, Германия почти наверняка двинула бы свои войска через Бельгию, чей нейтралитет Британия обязана была защищать.

Черчилль обсуждал с принцем Луи, что следует предпринять. Было трудно, если вообще возможно, обсуждать столь сложные дела по телефону. Через год Черчилль вспоминал, что попросил принца не рассредоточивать флот. Принц же запомнил разговор иначе: «Черчилль не дал никаких конкретных указаний, но просил меня предпринимать любые шаги, которые я сочту целесообразными, и не ждать указаний по телефону. Я его очень плохо слышал. Но точно не было никаких указаний насчет концентрации флота». Принц Луи позже заявил, что по собственной инициативе отправился в Министерство иностранных дел и в четыре часа пять минут дал распоряжение командующему Флотом метрополии не рассредоточивать корабли.

Черчилль вернулся в Лондон в десять вечера. Сначала он направился в Адмиралтейство, потом в Министерство иностранных дел, где Грей сказал ему, что Австрия явно намерена раздуть конфликт с Сербией до состояния войны. Черчилль спросил, не будет ли полезно сделать публичное заявление от имени Адмиралтейства, что рассредоточение флота приостановлено. Грей согласился, что срочное заявление по этому поводу может стать полезным предупреждением как Австрии, так и Германии. Черчилль с принцем Луи написал официальное коммюнике для прессы: «Первому флоту, дислоцированному у Портленда, дан приказ не рассредоточиваться; маневры временно отменяются. Все корабли Второго флота находятся на своих базах в пределах досягаемости экипажей».

Коммюнике было опубликовано в Times утром 27 июля. «Оно выглядело вполне невинно, – позже вспоминал Черчилль, – но мы надеялись, что германский император все поймет». Утром состоялось заседание правительства. Большинство выступило против каких-либо действий Британии в случае немецкого вторжения во Францию. Основанием служило то, что у Британии нет официального союза с Францией. «Кабинет, – позже написал Черчилль, – тогда был категорически против войны и ни за что не согласился бы в нее ввязываться».

Долгом Черчилля, как первого лорда Адмиралтейства, было обеспечить готовность Британии отразить вероятное воздушное или морское нападение. Днем он отправился на Даунинг-стрит и получил разрешение у Асквита направить вооруженную охрану

на все склады боеприпасов и горючего. Адмиралтейство также отдало приказ выставить боевые охранения у всех маяков и артиллерийских установок на побережье. Был пополнен запас торпед. 27 июля Черчилль распорядился снять морскую блокаду Ольстера; все корабли, задействованные в предотвращении контрабандных поставок оружия, вернулись на базы.

Учитывая силу военно-морской группировки Австро-Венгрии в Средиземноморье и имеющиеся там, особенно в Египте, интересы Британии, Черчилль направил сообщение главнокомандующему Средиземноморским флотом: «Европейская политическая ситуация делает вероятной войну между державами Тройственного союза с одной стороны и Тройственного согласия – с другой. Эта телеграмма – не сигнал тревоги, но будьте готовы организовать наблюдение за потенциально враждебными боевыми кораблями. Нужно сосредоточить корабли на Мальте и пополнить запасы продовольствия и угля. Это исключительно меры предосторожности, и необходимо соблюдать строжайшую секретность. Не следует информировать об этом ни одного лишнего человека».

К ночи 27 июля все уязвимые точки побережья Северного моря, прежде всего нефтеналивные цистерны и склады боеприпасов, были защищены зенитными орудиями. Все флотилии сторожевых кораблей были приведены в полную боевую готовность и, как сообщил Черчилль на следующий день королю, заняли боевые позиции. Для защиты воздушного пространства Британии авиация была сосредоточена в районе устья Темзы и готова к отражению атак вражеских самолетов.

28 июля Черчилль обедал с Китченером, который прибыл на короткое время из Египта для получения графского титула. Его глубокое понимание большой вероятности нападения Германии на Францию произвело такое впечатление на Черчилля, что он уговорил Асквита не отпускать его обратно в Египет. Асквит решил назначить Китченера военным министром. Это к тому же должно было умерить критику консерваторов по поводу того засилья либералов в военном руководстве. Китченер тем временем уже выехал в Дувр. Черчилль отправил депешу, поезд остановили и вернули в Лондон.

В тот же день немецкое верховное командование потребовало от Австро-Венгрии немедленного вторжения в Сербию, чтобы поставить мир перед fait accompli[20]. Грей пытался уговорить Австрию не переступать черты, но британский посол в Вене сообщил, что отсрочка или отказ от вторжения станет, несомненно, огромным разочарованием для страны, с воодушевлением предвкушающей войну. Продолжая военные

приготовления, Черчилль распорядился подготовить все минные тральщики. Он также предпринял некоторые действия по укреплению небольшой британской эскадры на Дальнем Востоке, чтобы не допустить превосходства немецких военно-морских сил в этом регионе.

Первый флот получил приказ находиться в Ла-Манше в районе острова Уайт. Здесь он представлял собой внушительную боевую силу, но его военные базы в случае войны с Германией располагались не в Ла-Манше, а в Северном море. Во второй половине дня 28 июля, после консультаций с принцем Луи, Черчилль решил срочно перебросить флот в Северное море, надеясь тем самым и предупредить внезапное нападение Германии на восточное побережье, и дать понять, что Британия в случае необходимости готова вмешаться в европейский конфликт. «Я опасался поднимать этот вопрос перед кабинетом, – впоследствии написал Черчилль, – поскольку его могли истолковать как провокационный шаг, подрывающий последние шансы на сохранение мира. Я отправился на Даунинг-стрит, чтобы встретиться с Асквитом и объяснить свои соображения. Он посмотрел на меня тяжелым взглядом и что-то хрюкнул. Большего мне и не требовалось».

Вернувшись в Адмиралтейство, Черчилль отдал приказ адмиралу, командующему Первым флотом, начать передислокацию флота в Северное море. «Пункт назначения, – написал он, – должен храниться в секрете от всех, кроме флагмана и командиров кораблей. От Портленда идти на юг. Посередине Ла-Манша взять курс на Дуврский пролив. Эскадры должны пройти пролив без огней». Позже тем же вечером стало известно, что Австро-Венгрия объявила войну Сербии. В полночь Черчилль написал жене из Адмиралтейства: «Моя дорогая, моя красавица, все идет к катастрофе. Я увлечен, готов и счастлив. Неужели такое настроение не ужасно? Приготовления вызывают у меня восхищение. Да простит меня Бог за подобное легкомыслие, но я готов сделать все ради мира, и ничто не заставит меня первого нанести удар. У меня нет ощущения, что мы здесь, на острове, ответственны за ту волну безумия, которая захлестнула христианский мир. Никто не в состоянии оценить последствия. Неужели все эти безголовые короли и императоры не могли собраться и спасти народы от ада? Но все впали, похоже, в какое-то тупое оцепенение. Словно это дело кого-то другого. У двух черных лебедей в Сент-Джеймс-парке появился очаровательный птенец, серенький, пушистый и милый. Сегодня вечером наблюдал за ним некоторое время, отдыхая от текущих забот. Мы приводим весь флот в состояние боевой

готовности (за исключением резервов). Все выглядит очень неплохо. Моряки возбуждены и уверены. Все запасы в норме. Все готово как никогда. Мы начеку. Но война – это Неизвестное и Неожиданное! Да сохранит Бог нас и наше благополучие. Ты знаешь, с каким желанием и гордостью я готов в случае необходимости рисковать собой, чтобы сохранить нашу страну великой, славной, процветающей и свободной. Но проблемы очень серьезные. Придется измерять неизмеряемое и взвешивать невесомое. Однако я уверен, что, если начнется война, мы дадим им хорошую взбучку».

Упоминание Черчиллем в этом письме «королей и императоров» было не просто риторической фигурой. 29 июля, говоря коллегам по кабинету о возможности европейской войны, он заявил, что цивилизованным народам грозит страшная катастрофа и что европейские монархи могли бы собраться вместе ради сохранения мира.

Кабинет согласился с рядом предложений Черчилля по принятию необходимых превентивных оборонительных мер. Все морские гавани должны быть освобождены от торговых судов, мосты и виадуки взяты под вооруженную охрану, на побережье высланы наблюдатели, чтобы сообщать о появлении вражеских кораблей. Но относительно того, что именно следует считать достаточной причиной для вступления в войну, мнения разделились. По крайней мере половина министров Асквита не хотела вступать в войну с Германией в случае ее нападения на Францию, аргументируя это тем, что между Британией и Францией нет официального договора.

Черчилль же был убежден, что вторжение Германии во Францию – достаточный повод. Опасаясь раскола и даже возможного падения либерального правительства, он начал, после завершения заседания, с помощью Ф. Э. Смита выяснять возможность формирования коалиционного правительства в случае оказания Британией военной поддержки Франции. Несколько консерваторов, к которым обратился Смит, в том числе Карсон, высказались в пользу коалиции. Некоторые отвергли эту идею.

На следующий день утром, когда Черчилль проводил совещание с высшими чиновниками Адмиралтейства, поступило сообщение: «Первый флот вышел в Северное море». Черчилль испытал облегчение. «В годы подготовки к войне я всегда помнил, – писал он позже, – эпизод, когда русский флот подвергся неожиданной торпедной атаке в Порт-Артуре. Военные действия до или одновременно с объявлением войны всегда были одним из моих кошмаров»

Уверенный, что Британии все-таки придется вступить в войну как союзнику Франции, Черчилль дал указание адмиралу, командующему британскими силами в Средиземноморье, в качестве первоочередной задачи способствовать переходу французских транспортных судов с войсками из Северной Африки в материковую Францию, осуществляя их прикрытие и по необходимости вступая в бой с немецкими кораблями. Вечером Черчилль ужинал с Асквитом. «Как всегда невозмутим, – написал Черчилль Клементине. – Полностью поддержал меня во всем».

31 июля кабинет узнал, что Либеральная партия категорически против любого участия Британии в европейской войне на стороне Франции. «Пока нет никаких договорных обязательств и не затрагиваются реальные интересы Британии, – написал Черчилль одному парламентарию от либералов, сторонник невмешательства, – я согласен с вашим мнением, что мы должны сохранять нейтралитет. Балканские дрязги нас не касаются. Мы делаем все, что в наших силах, чтобы сохранить мир, и будем продолжать действовать в этом направлении. Но развитие событий угрожающее».

В этот день германское правительство сделало секретное предложение Британии: если она останется нейтральной, Германия дает обещание не вступать на территорию Франции и Голландии. Однако Германия хотела бы приобрести французские колонии и не дает обещания не вторгаться в Бельгию. Но Британия была связана договором о защите территориальной целостности Бельгии.

Отвечая на немецкие предложения, Грей назвал их «невозможными и бесчестными». Эти слова явно указывали на неизбежное столкновение. «Надежда еще не умерла, – писал Черчилль Клементине. – Рассчитываю только на то, что Германия осознает, насколько велики противостоящие ей силы, и попытается, хотя бы с опозданием, удержать своего идиотского союзника – Австро-Венгрию. Со своей стороны, Британия постарается унять Россию. Но все спешно готовятся к войне, и удар может быть нанесен в любой момент. Мы готовы».

Черчилль с гордостью писал Клементине: «Не могу рассказать тебе обо всем, что я сделал и какую ответственность принял на себя за последние дни. Но все складывается хорошо, и все реагируют как надо. Газеты соблюдают замечательную сдержанность». Его друг де Форест, австрийский барон и член британского парламента, извещенный, что его яхта должна покинуть гавань Дувра, поспешил туда. «На всем пути вдоль железной дороги, – писал Черчилль, – он видел, что каждый мост

и каждый туннель взяты под охрану, и был чрезвычайно встревожен. Он послал телеграмму в парламент, требуя объяснения и обсуждения. Никто даже не пошевелился. Страна будет единой, когда того потребуют обстоятельства. Можешь не сомневаться».

Вечером Черчилль дал указание своим старшим морским советникам обсудить с французским военно-морским атташе в Лондоне совместные действия, которые могут быть предприняты в случае, если Франция и Британия станут союзниками во время войны. Он также разослал повестки всем резервистам флота, с тем чтобы мобилизация была проведена сразу же после получения санкции кабинета министров.

Утром 1 августа, несмотря на неудачу создания коалиции, он получил письмо от Ф. Э. Смита с заверением от имени консерваторов: «Судя по фактам, Германия намерена нарушить нейтралитет Бельгии. Правительство может рассчитывать на поддержку нашей партии». Черчилль зачитал это заверение членам кабинета, на которых, как он написал Смиту, это «произвело глубокое впечатление». У него самого сложилось четкое мнение. «Не представляю, чтобы войну уже можно было предотвратить, – сказал он Смиту. – Германия должна пройти через Бельгию, и я уверен, что большинство в обеих партиях решительно выступит против этого».

Утром Черчилль обратился к кабинету министров с просьбой санкционировать полную мобилизацию на флоте. Но мнения разделились. Ллойд Джордж был на стороне тех, кто сомневался в необходимости поддерживать Францию. В письме кузине Клементины Венеции Стенли Асквит сообщал: «Ллойд Джордж, выступая за мир, ведет себя как государственник, оставляя ситуацию открытой. Уинстон же очень воинственный и требует немедленной мобилизации». В ходе обсуждения стало ясно, что многие министры не хотят вступления в войну, несмотря на германскую угрозу для Франции и Бельгии. Черчилль и сам еще не был уверен, что в случае вторжения немцев в Бельгию необходимо немедленно объявлять войну Германии. «В данный момент, – написал он в записке к Ллойд Джорджу, – я бы предпочел продемонстрировать Германии лишь наше намерение сохранить нейтралитет Бельгии. Пока непонятны конкретные цели Германии, я бы остановился на этом. Но если Германия вторгнется в Бельгию, общественное мнение может резко измениться, и мы должны быть готовы на это отреагировать».

Черчилль надеялся убедить Ллойд Джорджа, что вступление в войну может оказаться неизбежным. «Больше всего меня беспокоит, чтобы не было прервано наше давнее

сотрудничество, – пояснял он в другой записке к нему. – Вспомните вашу роль в Агадире. Я тогда упросил вас приехать и оказать помощь в выполнении нашего долга. Теперь же участием в мирном процессе мы в будущем сможем регулировать договоренности и предотвратить повторение условий 1870 г.». В этот же день Черчилль попытался иным образом повлиять на Ллойд Джорджа. Он направил к нему армейского офицера майора Олливанта, который в течение года осуществлял взаимодействие между Военным министерством и штабом военно-морских сил. Майор объяснил Ллойд Джорджу: «Основная задача Германии в отношении нашей страны заключается в недопущении высадки британской экспедиционной армии. Поэтому можно полагать, что присутствие или отсутствие британской армии определит действия Бельгии. А это, скорее всего, решит судьбу Франции».

Ллойд Джордж все еще не мог решить, станет ли нападение на Бельгию достаточной причиной для объявления Германии войны. «Мы станем противниками до конца жизни, – предупреждал его Черчилль. – Притом что я глубоко привязан к вам и доверял вашим инстинктам на протяжении почти десятка лет».

1 августа Черчилль получил заверение от влиятельного члена Консервативной партии лорда Роберта Сесила, что «если правительство решит направить экспедиционные силы на континент, оно может рассчитывать на поддержку всей нашей партии». Но в этот же день, казалось, появился шанс на предотвращение конфликта. «Вечерние новости вновь возрождают надежду, – написал Черчилль Сесилу. – Открывается перспектива проведения переговоров между Австрией и Россией на условиях, предложенных Германией. Для этого необходимо приложить все усилия. Но столкновение может произойти в любой момент по недоразумению или случайности. Я полагаю, что при любых обстоятельствах, если мы позволим Германии растоптать бельгийский нейтралитет и не поможем Франции, мы окажемся в очень незавидном положении как с точки зрения наших интересов, так и нашей чести».

Вечером Черчилль ужинал в одиночестве. Вскоре после девяти вечера позвонил Ф. Э. Смит, пожелавший увидеться с ним. С ним пришел Макс Эйткен, будущий лорд Бивербрук, канадский финансист, парламентарий от Консервативной партии и доверенное лицо Бонара Лоу. Черчилль повторил им то, о чем написал Сесилу, – появилась вероятность предотвращения конфликта. Некоторое время собеседники сидели молча. «Неопределенность становилась невыносимой, – позже написал

Черчилль. – В одиннадцать вечера я собирался встретиться с премьер-министром. Пока же делать было нечего. Мы сели за карточный стол и начали играть в бридж. Едва мы сдали карты, как появился очередной «красный чемоданчик» из Министерства иностранных дел. Я открыл его и прочитал: «Германия объявила войну России».

Черчилль понимал, что нападения Германии на союзницу России, Францию, ждать недолго. Оставив карты, он отправился на Даунинг-стрит, где сказал Асквиту, что, несмотря на нерешительность правительства, намерен немедленно отдать приказ о полной мобилизации флота. «Премьер-министр просто посмотрел на меня и не сказал ни слова, – позже вспоминал Черчилль. – Несомненно, он чувствовал себя связанным утренним решением кабинета. Тем не менее у меня сложилось впечатление, что он и пальцем не пошевелит, чтобы остановить меня. Я вернулся в Адмиралтейство и отдал приказ». Была уже полночь. «С сожалением должен сообщить, – написал он лорду Роберту Сесилу, – что уже после моего последнего письма к вам мы узнали, что Германия объявила войну России. Полагаю, не придется долго ждать и разрыва ее отношений с Францией. Развитие событий, скорее всего, будет весьма неблагоприятным для Бельгии».

«Дорогая кошечка, – сообщал он Клементине в час ночи. – Все пропало. Германия перечеркнула все надежды, объявив войну России, а объявление войны Франции должно последовать очень скоро. Прекрасно понимаю твое отношение, но мир сошел с ума, и мы должны позаботиться о себе. Я очень по тебе скучаю. Твое влияние – направляющее и благотворное – имеет для меня огромную важность».

Российское правительство призвало Францию уважать русско-французский договор от 1894 г. В это же время немцы готовились сначала выбить из войны Францию, после чего развернуться в сторону России. Немецкий план нападения на Францию предполагал бросок через Бельгию. Именно на основании этого Черчилль еще в 1911 г. предсказывал, что решающее сражение должно состояться на сороковой день, и оценивал события, которые должны были привести к этому сороковому дню.

2 августа вскоре после полудня британское правительство информировало Германию, что оно «не допустит прохода немецких кораблей через Ла-Манш или Северное море для нападения на побережье или корабли Франции». Отправляя текст этой ноты командующим соединениями в Ла-Манше и в Северном море, Адмиралтейство добавило: «Будьте готовы отразить неожиданные нападения». Ллойд Джордж постепенно

смирялся с тем, что Британия должна прийти на помощь Бельгии, но еще не был готов принять окончательное решение. Побуждая его к этому, Черчилль направил ему еще одну записку во время вечернего заседания правительства, посвященного тому, какие возможности откроет война в социальной сфере: «Вместе мы сможем проводить широкую социальную политику на основе обмена мнениями, как вы меня и учили. Война на море обойдется недорого, не более 25 миллионов фунтов в год. Только вы способны принять меры, которые обеспечат народ достаточным количеством недорогого продовольствия», – польстил он.

Немецкие войска пока не перешли границу Бельгии, но приближались к ней и уже оккупировали Люксембург. Утром 3 августа стало известно, что Германия направила Бельгии ультиматум, требуя права прохода немецких войск через ее территорию. Было принято решение, что Британия не должна вмешиваться, настаивая на соблюдении бельгийцами нейтралитета. Потрясенный одной мыслью об участии Британии в европейской войне, лорд Морли сказал Черчиллю, что уйдет в отставку. Черчилль позже вспоминал, что предложил Морли подождать два-три дня. «Тогда, – сказал он, – все прояснится, и мы придем к полному согласию. Немцы избавят нас всех от угрызений совести. Они возьмут на себя всю ответственность и снимут все сомнения. Их передовые части уже прошли через Люксембург и приближаются к бельгийской границе. Ничто не может отвлечь их или заставить передумать».

Черчилль предложил ему показать продвижение немецких войск на карте, но Морли уже принял решение. «Если нам придется воевать, – сказал он, – мы должны быть единодушны. Мне нет места в подобных делах». Морли подал в отставку, и с ним еще два министра. Правительство начало обсуждать не то, правильно или неправильно ввязываться в континентальные ссоры, а как наиболее эффективно принять в них участие. «Очень рад, что вы занялись вопросами обеспечения репутации и продовольственного снабжения страны», – написал Черчилль Ллойд Джорджу в очередной записке.

В середине дня немецкие войска пересекли бельгийскую границу. Выступая в палате общин, Грей предупредил, что эти действия, нарушающие британо-бельгийский договор 1839 г., могут вынудить Британию вступить в войну. После выступления он покинул палату вместе с Черчиллем. «Что мы будем делать?» – спросил Черчилль. «Сейчас мы направим им ультиматум с требованием в двадцать четыре часа прекратить вторжение в Бельгию».

Вернувшись в свой кабинет в Адмиралтействе, Черчилль отправил записку Асквиту и Грею с просьбой срочно санкционировать объединение англо-французских сил для обороны Ла-Манша. Если он не получит четкого отказа, добавил Черчилль, он будет действовать согласно обстоятельствам. «Объединенные действия, – убеждал он Асквита и Грея, – необходимы для обеспечения безопасности Ла-Манша от нападения немецкого флота и не предполагают никаких наступательных действий до тех пор, пока на нас не будет совершено нападение». Размах подготовительных мер, предпринятых Черчиллем, был хорошо известен и оценен по достоинству. Утром 4 августа Times охарактеризовала его как министра, «чье видение ситуации и усилия по адекватному реагированию на нее оказались выше всяких похвал».

Срок британского ультиматума Германии, требующего неприкосновенности нейтральной Бельгии, истекал в полночь по берлинскому времени 4 августа. Весь день кабинет министров провел в напряженном ожидании. Черчилля особенно беспокоило то, как быстро военно-морские силы получат приказ начать боевые действия. В этот день немецкий тяжелый крейсер «Гебен» подверг артиллерийскому обстрелу французский порт Филиппвиль в Северной Африке, а легкий крейсер «Бреслау» обстрелял город Бон. Исполняя данное ранее распоряжение Черчилля, британские корабли преследовали их, но, поскольку Британия еще не вступила в войну, не атаковали. Весь день Черчилль упрашивал Асквита и Грея разрешить ему отдать кораблям приказ открыть огонь. «Будет огромной неудачей, – говорил он, – упустить их корабли с наступлением темноты».

Предчувствуя благоприятную, хотя и молчаливую реакцию Асквита, Черчилль телеграфировал британскому адмиралу: «Если «Гебен» атакует французские транспорты, вам следует немедленно вступить в бой». Однако Асквит хотел передать это на усмотрение правительства. В полдень он написал Венеции Стенли: «Уинстон жаждет ранним утром начать морской бой и потопить «Гебен». Кабинет заслушал объяснение Черчилля, почему следует атаковать немецкий тяжелый крейсер. Способность германского флота воспрепятствовать переброске французского подкрепления из Северной Африки в Европу была вполне реальной. Только британские корабли обладали достаточной мощью, чтобы помешать им. Тем не менее кабинет настаивал, что Британия не должна предпринимать боевых действий до того, как истечет срок ультиматума.

Вернувшись в Адмиралтейство, Черчилль телеграфировал командующему флотом: «Пока никаких боевых действий». Ответа

на ультиматум все еще не было. Поступали только сведения о продолжающемся продвижении немецких войск по территории Бельгии. Ужинал Черчилль в доме Адмиралтейства с матерью, братом и Джеффри Робинсоном, редактором Times. После ужина он устроил совещание с делегацией французских адмиралов. Они спросили, можно ли использовать британскую военно-морскую базу в Средиземноморье для защиты транспортов, перевозящих войска и грузы. Черчилль с готовностью ответил: «Пользуйтесь Мальтой как Тулоном».

В одиннадцать часов вечера срок ультиматума истек. Черчилль приказал разослать распоряжение всем кораблям и военно-морским базам: «Открыть боевые действия против Германии». Британия и Германия вступили в войну. В четверть двенадцатого он опять направился на Даунинг-стрит, где сообщил Асквиту об отданном приказе. Ллойд Джордж, который уже находился у премьер-министра, позже рассказывал: «Уинстон ворвался в кабинет, весь сияющий, с блестящими глазами, резкими телодвижениями, и принялся, захлебываясь, рассказывать, как он собирается рассылать телеграммы на Средиземное море, на Северное и бог еще знает куда. Видно было, что он счастлив».

Глава 14
Война

Черчиллю не исполнилось и сорока лет, когда на его плечи легла огромная ответственность за ведение боевых действий на море. Британские войска, которые должны были прийти на помощь Бельгии, нужно было переправить через Ла-Манш. На заседании Военного совета, которое проходило днем 5 августа, он доложил, что Дуврский пролив[21] полностью защищен от вторжения германского флота. Войска можно переправлять свободно. Через три дня вышли первые суда. В течение двух недель 120 000 человек было без потерь переброшено через Ла-Манш.

«Экспедиционный корпус, которым ты так интересуешься, уже в пути и будет на месте вовремя», – написал Черчилль Клементине 9 августа. Сознавая все опасности войны, он беспокоился, что жена с детьми остается на побережье Северного моря. Клементина была на седьмом месяце беременности. «Шансы на внезапное нападение один к ста, – написал он ей, – но тем не менее они есть, а у Кромера хорошее место для высадки десанта. Нужно починить твой автомобиль, чтобы можно было улизнуть при первых признаках опасности».

6 августа легкий крейсер «Амфион» потопил немецкий минный заградитель и взял в плен его экипаж. Вскоре после этого «Амфион» подорвался на мине, поставленной этим заградителем. Погибли 150 британских моряков и все пленные немцы. Черчилль решил сделать в палате полный отчет о том, что произошло. Это стало важным прецедентом, который вызвал комментарий в Manchester Guardian: «Мы восхищены откровенностью мистера Черчилля, с которой он сразу же поведал широкой публике о потере «Амфиона».

Не желая, чтобы Британия играла на море только пассивную роль, 9 августа Черчилль призвал принца Луи поддерживать и помогать действиям на море активными мелкими операциями. Он предложил провести атаку с моря на Амеланд, один из Фризских островов, принадлежащих Нидерландам. Его можно было укрепить и использовать в качестве морской базы для сдерживания германского флота и как авиабазу, чтобы совершать с нее вылеты для нанесения бомбовых ударов по Кильскому каналу и находящимся в нем судам. Голландский нейтралитет, по его мнению, не мог служить препятствием. Важно было «проявить боевой дух и наступательность,

необходимые в подобного рода боевых операциях. Их отсутствие означает, что ты только ждешь и размышляешь, когда по тебе нанесут удар».

Военно-морской штаб счел высадку десанта на Амеланд невыполнимой, но Черчилль не прекращал поиска новых возможностей для активных действий. 11 августа, когда немецкие корабли «Гебен» и «Бреслау», уйдя от британского преследования через Средиземное и Эгейское моря, вошли в безопасные турецкие воды, Черчилль немедленно приказал британскому адмиралу блокировать Дарданеллы. Когда ему указали, что Британия не находится в состоянии войны с Турцией, он отменил указание, потребовав лишь внимательно следить за проливами на случай появления вражеских крейсеров.

12 августа с одобрения кабинета министров Черчилль организовал морскую блокаду портов Германии на Северном море, чтобы предотвратить доставку или вывоз из них материалов и продовольствия. Через четыре дня он создал дивизию флотской пехоты из добровольцев. Позже она сражалась на Западном фронте и в Галлиполи. Когда дела шли хорошо, они называли себя «питомцами Черчилля»; когда плохо – превращались в «невинных жертв Черчилля». В первые дни сотни людей записывались в добровольцы; некоторые обращались непосредственно к Черчиллю с просьбой устроить на службу. Среди тех, кого он произвел в офицеры, был поэт Руперт Брук.

Затем Черчилль предложил направить на Балтику британские транспортные суда, чтобы помочь России высадить крупные силы на побережье Германии и двинуться на Берлин. Через месяц он отправил несколько британских подводных лодок в Балтийское море на помощь русскому флоту, сражавшемуся с немцами. Он также убеждал Китченера направить во Францию британскую дивизию профессиональных военных. Он заверял его, что Адмиралтейство уверено в своих возможностях обезопасить Британию от вторжения.

Через два дня рано утром, когда Черчилль работал в своей спальне в адмиралтейском доме, открылась дверь, и в проеме показался Китченер. «Внешне он был совершенно спокоен, – позже написал Черчилль, – но его выдавало лицо. Оно было настолько бледным и искаженным, что у меня появилось ощущение, будто его ударили кулаком». Китченер сообщил, что немцы взяли бельгийскую крепость Намюр. Подобные форты в те времена считались почти непреодолимыми для любой наступающей армии. Теперь Намюр оказался в руках немцев, и путь к побережью Ла-Манша был для них открыт.

Взволнованный этим известием, Черчилль отправился

к Ллойд Джорджу в Казначейство. Это стало их первой приватной беседой с начала войны. «Я почувствовал необходимость пообщаться с ним, – позже писал Черчилль. – Мне хотелось понять, насколько его обеспокоит это сообщение и как на это отреагирует». Ллойд Джордж вселил в Черчилля уверенность. Вернувшись в Адмиралтейство, он сказал новому начальнику штаба адмиралу Джеллико: «Мы бы не ввязались в это дело, не собираясь довести его до конца. Можете быть уверены, что наши действия будут соответствовать серьезности стоящих задач. Я абсолютно уверен в конечном результате». Через день, когда британские и французские войска продолжали отступать под натиском немцев, Черчилль написал брату: «Никто не знает, как далеко может завести нас эта грандиозная авантюра. Если мы не победим, я не хочу жить. Но мы победим».

Инициативность Черчилля все возрастала. 26 августа он получил одобрение кабинета на отправку бригады морской пехоты в бельгийский порт Остенде, чтобы вынудить немцев отвлечь силы от направления их главного удара на юге. Этот тактический ход оказался успешным.

Клементина вернулась из Кромера в Лондон. Она была рядом с мужем, когда пришло известие о первой победе на море: британцы потопили три немецких крейсера в бухте у острова Гельголанд, а сами не потеряли ни одного корабля. Лорд Холден написал Черчиллю: «Победа флота достойна его первого лорда. Уверенность нашего общества и союзников значительно возрастет, когда они завтра прочитают эту новость». Победа на самом деле воодушевила общество. 4 сентября после выступлений Асквита и Бонара в лондонской ратуше аудитория попросила выступить Черчилля. «Я уверен, – заявил он, – что нам нужно только дотерпеть до победы. Нам нужно проявить упорство, беречь себя и всех тех, на кого мы надеемся; нужно только продолжать в том же духе, и в конце пути, будь он долог или короток, нас ждут победа и почет». Его слова были встречены одобрительными возгласами.

После тридцати дней войны британские и французские войска продолжали отступление. В обществе нарастала подавленность. Выступая в ратуше, Черчилль в очередной раз доказывал необходимость и возможность борьбы. «Асквит сказал мне днем, что вы здорово воодушевили всех, и это чистая правда, – написал ему Холден 3 сентября. – Вы вдохновляете всех нас своим мужеством и решительностью».

3 сентября Китченер попросил Черчилля взять на себя руководство воздушной обороной Британии. Он согласился.

Одним из его первых действий стало создание специальной эскадрильи в Хендоне, чтобы атаковать самолеты противника, которые могут попытаться совершать налеты на Лондон. Эскадрилья была оборудована телефонной связью со всеми станциями воздушного наблюдения на побережье.

В тот же день во Франции пилот военно-морской авиации, базировавшейся в Дюнкерке, совершил вылет в зону боевых действий и сбросил бомбу в расположение немецких войск за линией фронта. Это стало началом того, что позже получило известность как «Дюнкеркский цирк» Черчилля. Вскоре авиация получила подкрепление – бронемашины. Это дало возможность разместить авиабазы в глубине территории, на расстоянии до восьмидесяти километров от линии фронта. Туда были отправлены три эскадрильи из двадцати четырех самолетов. Командирами их были назначены пилоты, когда-то учившие летать Черчилля, – Эжен Герард, Спенсер Грей и Ричард Белл Дэвис.

Через месяц войны газеты еще были полны репортажами о продолжающемся отступлении. 30 августа, во время отступления из Монса, Times писала о разрозненных частях и о британских солдатах, измученных постоянными переходами. Когда Черчилль выразил неудовольствие появлением такого рода панических материалов, Асквит предложил ему выпустить без подписи коммюнике, отражающее твердую позицию правительства. Черчилль согласился. «Очевидно, что наши солдаты имеют моральное превосходство над немцами, – написал он. – Они прекрасно осознают, что, несмотря на неравенство сил, окончательный результат не вызывает сомнений». Коммюнике Черчилля было опубликовано 5 сентября. «Я хочу попросить Уинстона повторить его прошлое выступление, – написал Асквит Венеции Стенли, – и преподнести со всеми журналистскими приправами историю военных действий за неделю».

Еще в 1911 г. Черчилль предсказывал, что наступление немецких войск во Франции захлебнется на сороковой день. И действительно, 8 сентября, на тридцать восьмой день, в наступление перешли уже французские и британские войска у реки Марна. Немцы вынуждены были отступить. В этот день Черчилль сообщил Бальфуру о своих планах. «Он легко рассуждает о британской армии численностью в миллион человек, – сообщал Бальфур Асквиту, – и рассказывает, что в Вулвиче изготавливают осадные минометы такие же, если не более мощные, чем у немцев, чтобы разнести все крепости

на Рейне».

10 сентября, доложив только Асквиту, Черчилль переправился во Францию. Он стал первым членом кабинета министров, который решился на такое во время войны. Двадцать четыре часа он изучал фортификационные сооружения Дюнкерка, инспектировал авиабазы и парки бронемашин. Он также обсудил вопросы обороны порта с французским губернатором. Тот, по словам британского консула, был весьма воодушевлен визитом Черчилля, и это произвело самое благоприятное воздействие на моральный дух населения. Через несколько дней по требованию Китченера Черчилль направил в Дюнкерк бригаду морской пехоты, чтобы отвлечь немецкие кавалерийские части, продвигающиеся в сторону Ла-Манша.

По возвращении в Лондон Черчилль выступил в качестве представителя Либеральной партии на объединенном мероприятии всех партий «Призыв к оружию». Не считая краткого выступления в ратуше на предыдущей неделе, это была его первая публичная речь во время войны. Она произвела поистине зажигательный эффект. Manchester Guardian отметила, что это была «речь огромного напряжения и захватывающей силы. Как и многие другие его выступления, она выражала решимость и уверенность, была яркой и образной и захватила публику». К примеру, говоря об отступлении английской армии, он уподобил ее английскому бульдогу: «У бульдога ноздри вывернуты, чтобы он мог дышать, не выпуская из зубов жертву». Впрочем, он не скрывал опасностей и предупредил: «Война будет долгой и изматывающей. Придется многое испытать, и многие надежды окажутся несбывшимися».

Кое-кому, впрочем, казалось, что Черчилль жаждет кровопролития. «Меня прямо передернуло, – писал Асквит Венеции 14 сентября, – когда Уинстон заявил, что в настоящее время мир – последнее, о чем он готов молиться». 15-го числа, проведя совещание, посвященное ускоренному строительству самолетов, Черчилль, по просьбе Китченера, вернулся во Францию. Перед ним стояла задача объяснить главнокомандующему сэру Джону Френчу, почему британские экспедиционные силы должны занять позиции вдоль побережья Ла-Манша и поддерживать контакт с флотом для защиты портов.

В штабе французской армии Черчилль встретился за ужином с Хью Доуни, сослуживцем еще по Омдурману и Англо-бурской войне. Из стога сена он наблюдал за действиями французской артиллерии у Суассона. «Я впервые увидел, – вспоминал он, – британский аэроплан, летящий среди разрывов снарядов. В то время это казалось почти чудом. Я видел взрывающиеся большие

черные немецкие бомбы – «Угольный ящик» и «Джек Джонсон», как их тогда называли. Когда стемнело, горизонт стал освещаться вспышками взрывов. Подобные сцены позже стали привычными, но в первый раз это было захватывающее зрелище».

21 сентября, вернувшись в Британию, Черчилль выступил на общепартийном митинге в Ливерпуле, посвященном мобилизации. «Если германские корабли не выйдут на честный бой, – сказал он, – их выкурят, как крыс из нор». Король, комментируя эту фразу, сказал, что она «вряд ли достойна министра правительства». Она показалась еще более неудачной на следующий день, когда немецкие корабли потопили три британских крейсера. Погибли 1459 моряков. В тот день корабли патрулировали Доггер-банку[22] вопреки письменной инструкции Черчилля, выданной четырьмя днями ранее, о прекращении действий в этом районе из-за слишком большого риска. Общественность не знала об этой инструкции, поскольку она держалась в секрете даже от правительства. В результате вину за потерю кораблей и экипажей возложили на Черчилля.

В день этой катастрофы он опять был во Франции. Это был третий визит за две недели. Его задачей было уговорить морских пехотинцев и летчиков, базировавшихся в Дюнкерке, атаковать коммуникации противника, поскольку немецкие войска, уже оккупировавшие Брюссель, продвигались в сторону побережья. Через пять дней после возвращения в Англию он снова решил отправиться во Францию. Клементина пыталась отговорить его или, по крайней мере, убедить сначала посоветоваться с Китченером. «Мне очень печально видеть тебя хмурым и недовольным положением, которого ты достиг годами непрерывных трудов и благодаря своей дальновидности, – писала она. – Премьер-министр полагается только на тебя и прислушивается к тебе все больше и больше. Ты – единственный полный энергии молодой член кабинета. Даже грешно с твоей стороны не раздуться от гордости, будучи первым лордом Адмиралтейства во время величайшей войны. Впереди еще очень много дел, и только ты способен их выполнить».

Черчилль внял совету жены и спросил совета у Китченера. Тот поездку одобрил. Китченер даже приветствовал посещение Черчиллем штаб-квартиры сэра Джона Френча, поскольку это могло положить конец досужим домыслам по поводу раскола между Китченером и Френчем. В то же время у Черчилля появлялась возможность встретиться с командующим морскими пехотинцами, который в это время передислоцировал своих людей из Дюнкерка в Кассель, и посоветовать ему: «Выберите одну цель и ударьте изо всех сил».

Ко 2 октября наступающие к побережью германские войска достигли Ипра и намеревались отрезать бельгийский порт и крепость Антверпен от войск союзников. Асквит считал падение Антверпена большей катастрофой, чем потеря Намюра. В этот день Черчилль намеревался в пятый раз отправиться из Лондона во Францию. Он хотел лично проверить боевой дух морских пехотинцев, летчиков и водителей бронемашин, которые вынуждены были отступить из Касселя в Дюнкерк, и обсудить дальнейшие планы с главнокомандующим. Однако едва он добрался до вокзала Виктория, ему вручили послание от Китченера и Грея. Ему предписывалось отложить визит и немедленно вернуться. У Китченера он обнаружил и принца Луи. Причиной тревоги стало известие о том, что бельгийское правительство намерено покинуть Антверпен.

В течение нескольких часов они вчетвером обсуждали, как направить подкрепление городу. Было ясно, что в случае ухода бельгийского правительства сопротивление рухнет. Китченер опасался, что, если Антверпен не продержится еще хотя бы неделю, немцы займут побережье, смогут захватить Дюнкерк и даже Кале. А это была бы уже прямая угроза Британии. Чтобы не допустить этого, он хотел направить на помощь городу британские войска и призвать французов сделать то же самое. По мере поступления новых телеграмм становилось все более очевидно, что ситуация в Антверпене смутная и опасность неминуема. Черчилль собирался провести эту ночь в Дюнкерке. Он вызвался лично поехать в Антверпен, доложить Китченеру об обстановке там и постараться убедить бельгийцев удержать город с англо-французской помощью по крайней мере до того, как союзнические войска смогут перегруппироваться и вернуться на бельгийское побережье.

После полуночи специальный поезд доставил его в Дувр, откуда он на борту эсминца отправился в Остенде. Из Остенде он приехал в Антверпен. Грей в телеграмме британскому послу в Антверпене выразил надежду, что Черчилль сможет получить аудиенцию у бельгийского короля Альберта до того, как будет принято окончательное решение об эвакуации правительства. «Неустрашимый Уинстон, – говорил Асквит Венеции утром 3 октября, – пойдет напролом, атакует короля и министров и сделает им необходимую инъекцию. Не знаю, свободно ли он владеет французским, но, если владеет, бельгийцев ждет такая лекция, какой они не слышали никогда в жизни. Уверен, после этого они станут тверды как скала». Тем временем они с Китченером ждали сообщений Черчилля.

Позднее многие, даже Асквит, посмеивались над миссией

Черчилля в Антверпен. Однако тогда казалось, что от него зависит многое. До Антверпена он добрался вскоре после полудня. Бельгийское правительство еще было в городе, решив не покидать его прежде, чем услышит предложения Черчилля. Внешнее кольцо укреплений Антверпена оставалось нетронутым.

Прежде всего Шарль де Броквиль, премьер-министр Бельгии, сказал Черчиллю, что бельгийцы готовы удерживать город как минимум еще десять дней, но он лично не считал бы разумным сопротивляться больше четырех дней, если Британия сейчас же не обещает помощи. Черчилль предложил бельгийцам помощь не только бригады морских пехотинцев, находящейся в Дюнкерке, но и двух бригад флотской дивизии, созданных по его инициативе в августе, которая еще проходила подготовку. В телеграмме Китченеру с запросом на разрешение немедленно направить три бригады на помощь бельгийцам Черчилль написал: «Я должен убедить вас в необходимости заставить уставших людей отнестись к этому со всей ответственностью».

Первые две тысячи морских пехотинцев должны были прибыть на следующий день. Черчилль решил до этого остаться в Антверпене, чтобы обеспечить согласованность действий. 4 октября он посетил форты и в телеграмме Китченеру писал, что обнаружил их защитников «уставшими и безвольными». В тот же день, одновременно с прибытием морских пехотинцев, пришла телеграмма от Китченера, в которой говорилось, что две вновь сформированные бригады будут направлены в город немедленно.

Чувствуя, что его присутствие может поднять боевой дух защитников города, Черчилль предпринял поистине экстраординарный шаг: рано утром 5 октября он отправил Асквиту телеграмму, в которой предложил уйти в отставку с поста первого лорда Адмиралтейства и принять командование над всеми силами, участвующими в обороне Антверпена. Он выдвинул лишь одно условие: он должен получить соответствующее этой должности звание и полную власть над частями, находящимися на этом театре военных действий. Он считал своим долгом предложить это, поскольку был уверен, что именно такая мера обеспечит победу.

Асквит предложение Черчилля отклонил, хотя оно произвело на него большое впечатление. Венеции Стенли он написал: «Уинстону удалось встряхнуть бельгийцев. Паника прекратилась, и они отказались от отступления в Остенде. Будут удерживать Антверпен сколько смогут, надеясь на то, что мы придем им на выручку». Утром несколько министров спросили Асквита, когда вернется Черчилль. В ответ он зачитал им полученную

телеграмму. «Неловко говорить, но она была встречена гомерическим хохотом, – сообщил он Венеции. – Уинстон – бывший гусарский лейтенант, и, если бы его предложение было принято, он бы получил командование над двумя заслуженными генерал-майорами, не говоря уже о полковниках, в то время как флот будет участвовать в деле лишь мелкими бригадами».

Понимая, что флотские «мелкие бригады» – единственные британские силы, которые могут оборонять Антверпен, и зная, насколько Черчилль за полтора десятилетия погрузился в сложности ведения современной войны, Китченер сказал Асквиту, что готов присвоить ему звание генерал-лейтенанта. Но Асквит настаивал, чтобы Черчилль как можно скорее возвращался в Лондон. Британский генерал Генри Роулинсон получил приказ двинуться со своей дивизией к Антверпену. Но Роулинсон проинформировал Китченера, что не сможет оказаться в городе раньше чем через три, а то и четыре дня. Тем временем немцы усилили артиллерийский обстрел фортов. «Учитывая активное наступление немцев, – телеграфировал Черчилль Китченеру днем 5 октября, – мой долг оставаться здесь и продолжать руководить до тех пор, пока не появится отвечающий этой задаче командующий. Если мы продержимся ближайшие три дня, могут открыться благоприятные перспективы. Но бельгийцев необходимо поддерживать, и мое присутствие необходимо».

Вечером Черчилль отправился в штаб-квартиру бригады морской пехоты, расположенную рядом с одним из фортов. Там его заметил итальянский военный корреспондент. «Он спокойно курил большую сигару, – вспоминал журналист, – и следил за ходом сражения под ливнем шрапнели, который я назвал бы страшным». Две флотские бригады должны были прибыть в Антверпен через двенадцать часов. Черчилль сообщил об этом на бельгийском военном совете. Новость была встречена с большим облегчением. «В совете я встретился с министрами, которые готовы продолжать борьбу, несмотря ни на что», – вечером сообщил он Китченеру.

Бригады прибыли утром 6 октября. Черчилль сразу заметил, что моряки слишком устали, чтобы вести наступление. Он договорился с бельгийцами, что они займут оборонительные позиции между передовой и городом. Но по ошибке одно из прибывших подразделений направили на передовую. Проезжая мимо, Черчилль заметил это и распорядился немедленно вернуть их обратно в окопы.

Днем 6 октября в городе сосредоточилась группировка

из 8000 британских солдат. «Под влиянием Черчилля бельгийцы держатся решительно, – рассказывал Асквит Венеции в этот день. – Ему удается укреплять их боевой дух. Уинстон упорно считает, что должен оставаться там, в результате чего Адмиралтейство осталось без головы, и мне пришлось сказать им (не будучи, говоря между нами, вполне уверенным в способностях принца Луи и его совета), чтобы обо всех решениях докладывали лично мне».

Генерал Роулинсон добрался до Антверпена во второй половине дня. Вместе с Черчиллем они отправились на военный совет и смогли убедить бельгийцев, что на подходе огромное подкрепление, в том числе 40 000 морских пехотинцев Роулинсона, которые сейчас высаживаются в Остенде. Но бельгийцы тем не менее решили, что город следует оставить. Тяжелые гаубицы немцев, полагали они, скоро окажутся так близко, что смогут вести огонь по центру города. В телеграмме Китченеру Черчилль сообщил о полной деморализации бельгийской армии. Вечером он в последний раз посетил позиции на передовой, затем, оставив командование Роулинсону, через Остенде и Дувр вернулся в Лондон.

Утром 7 октября, когда он был в Дувре, Клементина родила третьего ребенка, дочь Сару. Навестив мать и новорожденную дочь, Черчилль немедленно направился на заседание правительства, чтобы отчитаться о пребывании в Антверпене. «Уинстон в прекрасной форме и, по-моему, весьма удовлетворен своей поездкой, – сообщил Асквит Венеции. – Безусловно, он один из тех людей, с которыми можно пойти на тигра. Он был вполне готов руководить в Бельгии и армией, и флотом, и гражданским правительством, и на самом деле занимался этим пару дней».

Сэр Эдвард Грей из зала заседаний кабинета утром написал Клементине: «Я сидел рядом с вашим мужем и чувствовал жар от мысли, что сижу рядом с героем. Не могу передать вам, насколько я восхищаюсь его мужеством, величием духа и военным гением».

В тот же день Черчилль встретился с Асквитом, который потом рассказывал Венеции: «Он внезапно заговорил очень доверительным тоном и умолял не подходить к нему с традиционными мерками. Почувствовав, по его выражению, «вкус крови» в эти последние дни, он начинает, как тигр, жаждать больше и заверяет, что рано или поздно, но чем раньше, тем лучше, он может оставить свой нынешний пост ради военного командования. Черчилль спросил, зачем отдавать новые армии Китченера, эти блестящие части, как он назвал их, в руки выдернутых из глубокого запаса командиров, воспитанных

на тактике двадцатипятилетней давности. Я пришел к мнению, что он говорил на три четверти серьезно».

К 8 октября ситуация вокруг Антверпена настолько ухудшилась, что 40 000 британцев, двигавшихся на подмогу городу, решено было остановить, и британский командующий запросил разрешения отступить. Черчилль тут же позвонил ему по телефону и призвал держаться. Тем не менее вечером, когда в Антверпене в результате немецкого артобстрела начались пожары, он согласился, что британские войска должны быть отведены. «Бедняга Уинстон глубоко опечален, – писал Асквит. – Ему кажется, что его миссия была напрасной».

На самом деле дополнительные шесть дней сопротивления Антверпена дали возможность британской армии благополучно вернуться на побережье Ла-Манша и перегруппироваться во Фландрии. Антверпен был сдан немцам вечером 10 октября. В частном письме Бонар Лоу, который ничего не знал о подоплеке визита Черчилля и о смысле сопротивления Антверпена, написал, что этот эпизод был «крайне неумным делом, а Черчилль, похоже, психически неустойчив, что в наше время представляет серьезную опасность». Morning Post назвала отправку британских войск в Антверпен «дорогостоящей ошибкой, за которую мистер У. Черчилль должен понести ответственность». Daily Mail написала, что это «яркий пример плохой организации, которая стоила многих жизней».

При обороне Антверпена погибли 57 британских солдат. Выражение «антверпенская ошибка» с этого момента стало неизбежно ассоциироваться с именем Черчилля. Безутешный, он начал говорить ближайшим друзьям о своей отставке. Холден попытался отговорить его. «Вы уникальны и бесценны для нации, полны мужества и энергии, – написал он. – Не обращайте ни малейшего внимания на дураков. Важно настоящее дело, и нация верит в вас». Черчилль почувствовал, что взрыв критики ослабил его позиции. «Антверпен стал для меня ударом, – написал он сэру Джону Френчу, – дал козыри моим врагам и, возможно, на некоторое время снизил мои способности».

8 октября, в разгар сражения за Антверпен, Черчилль санкционировал нанесение воздушного бомбового удара по Кельну. Группу из четырех аэропланов возглавил его бывший пилот-инструктор Спенсер Грей. Летчики сбросили шестнадцать авиабомб на военный железнодорожный узел. На следующий день пилот военно-морской авиации сбросил две бомбы в Дюссельдорфе и разрушил ангар и находящийся в нем цеппелин. Судя по сообщению из Германии, которое пришло Черчиллю позже, инцидент вызвал сильный испуг в Берлине,

поскольку там не верили, что британский авиатор способен совершить подобный налет.

Немецкие войска достигли Остенде и продолжали движение на запад. В ответ на просьбу французской армии Черчилль отдал приказ начать с 17 октября обстрел занимаемой немцами прибрежной территории корабельной артиллерией. Он также распорядился, чтобы небольшие подразделения морской пехоты и йоменских частей, в которых служил его брат, совершили серию вылазок из Дюнкерка по направлению к Остенде, тем самым удерживая немцев как можно восточнее. «Мое сердце марширует с тобой по дороге из Дюнкерка, – написал он брату. – Я четыре дня слышал разрывы их снарядов в Антверпене и, уверяю тебя, мог бы совершенно спокойно занять место в ваших рядах».

Совместные действия морских пехотинцев и флотских добровольческих подразделений помогли остановить продвижение немецких войск вдоль побережья Северного моря. Небольшой участок бельгийского побережья оставался в руках союзных войск до конца войны. Но Черчилль очень переживал из-за недостаточной активности боевых действий. В этом они с Асквитом усматривали негативное влияние принца Луи. В конце октября Асквит писал: «Мы с Черчиллем хотим усилить нашу активность. Почему, например, ничего не делается для создания защитных устройств от подводных лодок. Принц Луи должен уйти».

Черчилль хотел видеть семидесятичетырехлетнего лорда Фишера на посту начальника военно-морского штаба. «Общение с вами для меня как глоток озона», – написал ему Черчилль в первый день нового 1914 г. Несмотря на вспыльчивость Фишера, Черчилль был уверен, что его энергия способна активизировать действия флота и приблизить победу. Впрочем, на аудиенции в Букингемском дворце король сказал Черчиллю, что он возражает против назначения Фишера, аргументируя это тем, что адмирал слишком стар и слишком сварлив. Фишер потом рассказывал другу: «Когда король сказал Уинстону и премьер-министру (чтобы разубедить их!), что эта работа меня убьет, Уинстон мгновенно парировал: «Сир, не могу представить более славной смерти!» По-моему, очень мило». Судя по записи, сделанной личным секретарем короля, Черчилль, услышав реплику короля по поводу возраста Фишера, намекнул на собственную отставку, сказав, что без особого сожаления покинет Адмиралтейство, поскольку эта работа совершенно ему не подходит: он хочет отправиться на войну солдатом. После этого, проконсультировавшись с Асквитом, король все же утвердил Фишера в качестве первого морского лорда. Черчилль

почувствовал, что получил в партнеры не менее ревностного служаку. Times приветствовала это назначение, полагая, что Фишер будет оказывать сдерживающее влияние на Черчилля. Когда король предупреждал Асквита, что Фишер почти наверняка будет плохо ладить с Уинстоном, тот написал Венеции: «У меня тоже есть опасения на этот счет».

Фишер вернулся в Адмиралтейство 29 октября. В этот же день «Гебен» и «Бреслау», которые немцы ранее перевели в турецкие воды, обстреляли русские черноморские порты Одессу, Николаев и Севастополь. Британское правительство сразу же предъявило туркам ультиматум, потребовав свернуть работу германских военных и военно-морских миссий в Константинополе и удалить экипажи с обоих кораблей. Турки отказались. Узнав об этом, Черчилль попросил Фишера рассмотреть возможность нанесения артиллерийских ударов по внешним фортам Дарданелл, сказав при этом: «Хорошая возможность нанести быстрый удар».

Черчилль считал необходимым приступить к немедленным действиям. «Мы должны иметь наготове средства для нанесения удара», – говорил он Фишеру 31 октября. В полдень этого дня истекал срок ультиматума. Через два дня, получив одобрение Фишера, Черчилль дал команду вице-адмиралу Кардену, командующему всеми британскими силами в Восточном Средиземноморье, начать артиллерийский обстрел внешних фортов Дарданелл. «Отход следует произвести до того, как ответный огонь из фортов может оказаться эффективным», – указал он Кардену. На следующий день корабельная артиллерия начала обстрел. Он длился десять минут. Один снаряд, попав в склад боеприпасов главного форта Седд-эль-Бахр, уничтожил почти все тяжелые пушки. Потери так никогда не были возмещены.

Возвращение Фишера в Адмиралтейство совпало с самой тяжелой катастрофой британского флота за время войны – гибелью двух крейсеров близ Коронеля у Тихоокеанского побережья Чили при столкновении с немецкой эскадрой под командованием графа фон Шпее. У британского адмирала сэра Кристофера Крэдока был один линкор «Канопус», который, хотя и уступал другим кораблям в скорости, обладал огневой мощью, способной заставить немецкие корабли держаться подальше. По этой причине ему дано было указание не удалять «Канопус» от остальных сил. Однако Крэдок пренебрег приказом, пошел на риск и потерпел поражение, унеся с собой в подводную могилу 1500 человек.

Тут же появились те, кто, не зная фактов, поспешили обвинить в поражении Черчилля. Но громче звучали призывы к отмщению. Асквит написал Венеции: «Если бы адмирал следовал приказу, он бы никогда не встретился с превосходящими силами. Как я вчера вечером говорил Уинстону (который ни в малейшей степени не виновен), Крэдок что-то напутал и наломал дров». Опираясь на энергичную поддержку Фишера, Черчилль распорядился направить огромные силы против фон Шпее. Через шесть недель его эскадра была выслежена и разбита в сражении у Фолклендских островов. Как и Крэдок при Коронеле, фон Шпее ушел на дно вместе со своим кораблем.

Трагедии войны не миновали семью Черчилля. В конце октября он узнал, что его двадцативосьмилетний кузен Норман Лесли погиб под Армантьером. «Сердце обливается кровью за тебя, – написал он матери Нормана, своей тетушке Леони. – Мы должны победить любой ценой. Победа – большее благо, чем жизнь, без нее жизнь будет невыносима. Британская армия за несколько недель войны возродила в глазах всего мира славу Азенкура, Бленхейма и Ватерлоо, и Норман сыграл в этом свою роль. Он остается с нами как символ того, что жертвы не напрасны».

6 ноября погиб друг Черчилля Хью Доуни. «Я думаю, что бы произошло, – написал он Клементине, – если бы все армии внезапно и одновременно забастовали и заявили, что нужно искать какой-то иной способ разрешения споров? Но пока что все новые массы людей готовы ввязаться в конфликт, и он расширяется с каждым часом».

Британская армия в это время обороняла линию фронта во Фландрии; немцам так и не удастся ее прорвать. С созданием Западного фронта, укреплением его траншеями, колючей проволокой и пулеметными гнездами, не проходило и недели без известий о гибели друзей. «Дорогой мой, постоянно за тебя волнуюсь, – писал Черчилль в ноябре брату, который воевал у Ипра. – Было бы намного легче, если бы я был с тобой. Думаю, мне было бы очень страшно, но я бы скрывал это».

30 ноября Черчиллю исполнилось сорок лет. В это время, стремясь максимально ограничить число лиц, причастных к обсуждению военной политики, Асквит создал Военный совет, в который вошли он сам, Грей, Ллойд Джордж, Китченер и Черчилль. На совещании 1 декабря, с одобрения Фишера, Черчилль предложил атаковать расположенный в Северном море немецкий остров Зильт. Он мог бы стать базой британской авиации для постоянного наблюдения за перемещениями

немецкого флота и приготовлениями немцев к вторжению в Британию, а кроме того, дал бы возможность британским летчикам бомбардировать Германию.

Адмиралтейству было поручено проработать детальный план. «Но я не смог найти никого, – жаловался Черчилль Фишеру три недели спустя, – кто сумел бы воплотить план в реальность. Британская стратегия, как я говорил вам и как вы сами справедливо заметили, заключается в ожидании пинков и в размышлениях, где и когда это случится».

Мысли Черчилля уже занимало не только Северное море. «Он со своим беспокойным умом нацелился теперь на Турцию и Болгарию, – писал Асквит жене 5 декабря. – Ему хочется провести героическое наступление на Галлиполи и Дарданеллы. Я категорически против». В надежде убедить нейтральную Грецию присоединиться к государствам Антанты и выступить на помощь Сербии, Черчилль решил предложить ей Константинополь. В качестве первого шага ему виделась совместная операция греческой армии и британского флота по захвату полуострова Галлиполи.

14 декабря сербская армия выбила австрийцев из Белграда. В данный момент помощь Сербии не требовалась, но возникла вероятность новых операций. 21 декабря Военный совет получил телеграмму из России. В ней говорилось, что русской армии катастрофически не хватает боеприпасов и срочно требуются какие-то действия против Германии со стороны Запада. Черчилль предложил британскому флоту войти в Балтийское море и захватить датский остров Борнхольм. Хотя Дания была нейтральной страной, Черчилль надеялся уговорить ее присоединиться к Антанте. По этому плану Борнхольм мог стать совместной англо-российской базой, дать возможность британским войскам пересечь Балтику и высадиться в Киле, а русским высадиться на Балтийском побережье Германии, откуда они могли двинуться на Берлин. «Балтика – единственный театр, на котором действия флота могут заметно приблизить конец войны, – говорил он Фишеру 22 декабря. – Дания должна присоединиться, и русские смогут пойти на Берлин».

Черчилль без устали разрабатывал различные планы кампании, которые могли бы приблизить окончание войны. Помогали ему в этом Джеймс Мастерсон-Смит и Эдвард Марш. 22 декабря Асквит написал Венеции: «Я в сумерках работаю в своем кабинете и в окно вижу, как через площадь над Адмиралтейством развевается флаг и горит свет в комнатах, где работают Черчилль и два его друга (Эдди и Мастерсон) над своими планами».

Один из таких планов осуществился в день Рождества. Семь гидропланов совершили налет на немецкие корабли, стоявшие на якоре у Шиллига, поблизости от Куксхафена. Все пилоты, кроме одного, благополучно вернулись на базу. Через четыре дня в письме Асквиту Черчилль снова изложил свое видение действий на Балтике. Он доказывал, что на Западном фронте, где линии окопов и укреплений протянулись от Северного моря до швейцарской границы, успеха не будет. «Неужели нет другого варианта, кроме как посылать наши армии грызть колючую проволоку во Фландрии? – спрашивал он. – Более того, неужели нельзя более активно использовать мощь флота? Если британские корабли установят контроль над Борнхольмом, то русская армия сможет высадиться в девяноста милях от Берлина».

Ллойд Джордж тоже искал альтернативу боевым действиям на Западном фронте. Его план, который он представил Асквиту в конце декабря, заключался в высадке британского десанта в греческом порту Салоники и соединении с сербской армией. Кроме того, он хотел нанести удар по Турции, высадив десант из 100 000 человек на побережье Сирии. Он объяснял, что тем самым можно будет ослабить давление Турции на Россию.

Глава секретариата Военного кабинета Морис Хенки, бывший полковник морской пехоты, тогда же предположил, что наиболее ощутимый удар по Германии, причем с реальными возможностями заключения мира, – это нанесение ударов по ее союзникам, и в первую очередь по Турции. «Соединение трех британских армейских корпусов с греческой и болгарской армиями может оказаться достаточным, – написал он, – для взятия Константинополя». Предложение Хенки произвело такое сильное впечатление на Фишера, что он представил план нанесения ударов по Турции и Австро-Венгрии. План предполагал высадку 75 000 британских солдат в бухте Бесика к югу от Дарданелл, греческий десант на полуострове Галлиполи и атаку Дарданелл старыми британскими линкорами. «Считаю, нападение на Турцию – самое главное, – написал Фишер Черчиллю 3 января 1915 г. – Но только если это сделать немедленно».

За день до этого письма Фишера необходимость атаки на Турцию получила новые основания: британский посол в России сообщил, что русская армия, теснимая турками на Кавказе, просит Британию провести какую-нибудь громкую операцию против турок, либо морскую, либо сухопутную, чтобы вынудить их отвести часть своих сил с Кавказа. Грей переправил просьбу Китченеру, который сразу же написал Черчиллю: «Не считаете ли вы возможным проведение какой-нибудь морской

операции, чтобы оттянуть силы турок от Кавказа и тем самым ослабить Константинополь?»

Но прежде чем Черчилль собрался ответить, Китченер пришел к нему лично. «Не можем ли мы, например, устроить демонстрацию силы в Дарданеллах?» – спросил он. Черчилль ответил, что исключительно морская операция будет неэффективна. Совместные действия сухопутных и морских сил – другое дело. Китченер вернулся в Военный совет проконсультироваться со своими советниками. Те упрямо стояли на том, что для подобной операции нет резервов. «В ближайшие месяцы мы не будем готовы ни к чему серьезному, – сказал Китченер Черчиллю. – Единственным местом, где демонстрация может произвести эффект на востоке, являются Дарданеллы, особенно если одновременно распространить информацию, что под угрозой Константинополь».

Черчилль созвал своих советников, чтобы обсудить перспективу демонстрации силы в Дарданеллах. Все, в том числе и он сам, сомневались в эффективности исключительно морской атаки. Но так или иначе подобного рода атака требовала задействовать старые линкоры, ненужные на Северном море. Черчилль послал телеграмму адмиралу Кардену, чьи корабли к этому времени блокировали Дарданелльский пролив. «Считаете ли вы осуществимым форсирование Дарданелл исключительно силами флота? Предполагается использование старых линкоров, оснащенных противоминными буферами, тральщиков. Результат может оправдать потери. Сообщите ваше мнение».

Черчилль считал, как и месяцем ранее, что главным вкладом флота в победу может стать захват одного из островов в Северном море у побережья Германии. Раньше он предлагал Зильт, теперь – Боркум. 3 января, ожидая ответа Кардена по поводу Дарданелл, он предложил провести эту операцию в марте или апреле. Он писал Фишеру: «Боркум – ключ ко всем действиям на Севере: оборонительным – против налетов или вторжения, наступательным – для блокады противника, захвата Ольденбурга или Шлезвиг-Гольштейна. Для захвата острова придется выделить пехотную дивизию. Что касается вторжения в Турцию, я бы не пожалел и ста тысяч из-за огромного политического эффекта на Балканах. Но Германия – главный враг, и неправильно искать более дешевые победы и более легких противников».

Фишеру был ближе турецкий сценарий, и он пытался заручиться поддержкой Бальфура. «Овладение Константинополем и обеспечение поставок пшеницы с Черного моря настолько радужная перспектива, – написал он 4 января, – что я считаю

план полковника Хенки по операции в Турции необходимым и неотложным». На следующий день адмирал Карден ответил на вопрос о возможности морской операции в Дарданеллах. К всеобщему удивлению, его ответ был кратким и положительным. «В отношении вашей телеграммы от 3-го, – написал он, – полагаю, что Дарданеллы можно взять, но не стремительным наскоком. Они могут быть взяты только в ходе широкой операции с участием большого количества кораблей».

Днем собрался Военный совет. Черчилль по-прежнему хотел реализовать свой план действий на Северном море. После совещания Асквит направил Венеции краткий отчет о предложенных планах: «Черчилль выступает за захват Боркума и высадку десанта у Кильского канала. Ллойд Джордж – за высадку в Салониках или на далматинском побережье Австро-Венгрии, Ф. Э. Смит прислал план высадки британских войск на турецком побережье у Смирны, Китченер ратует за Галлиполи и Константинополь».

Откликаясь на просьбу русских, Китченер призывал коллег по Военному совету провести демонстрацию силы у Дарданелл. Черчилль прочитал им телеграмму Кардена, который считал возможным провести атаку на Дарданеллы силами флота. Это позволяло британским боевым кораблям попасть в Константинополь. Вернувшись в Адмиралтейство, он понял, что его главные военные советники разделяют точку зрения Кардена: желаемый результат может дать систематический обстрел турецких фортов корабельной артиллерией. «Ваше мнение совпадает с мнением высшего руководства, – телеграфировал Черчилль Кардену 6 января. – Телеграфируйте подробно, чего можно достигнуть в ходе развернутой операции, какие силы потребуются и как вы намерены их использовать».

План атаки Дарданелл с моря перешел в стадию разработки. Но Черчилль все еще считал свой план по Северному морю эффективным и 7 января изложил его в деталях на Военном совете. Фишер поддержал его, заявив, что флот через три месяца будет готов осуществить захват Боркума. Китченер согласился выделить дивизию для десантирования. «У. продавливает свой план приобретения базы на Боркуме, – писал Асквит. – Серьезное дело, и до конца марта следует провести необходимые приготовления. Мы разрешили ему этим заняться».

На Западном фронте условия окопной войны в течение зимы ухудшались. Хенки предложил создать машину, способную преодолевать окопы. Черчилль чрезвычайно воодушевился. 5 января он написал Асквиту: «Весьма несложно в ближайшее

время оснастить некоторое количество паровых тягачей небольшими пуленепробиваемыми кабинами, в которых разместятся водитель и пулеметчики. Гусеничная система позволит с легкостью преодолевать траншеи, а машина своим весом способна смять проволочные заграждения. Сорок или пятьдесят таких машин, тайно подготовленных и доставленных на позиции, помогут провести успешное наступление под пулеметным огнем и гранатами. Они могут создать множество points d'appui[23] для пехоты, которая будет сосредоточиваться вокруг них. Затем они двинутся дальше и атакуют вторую линию обороны».

Черчилль хотел, чтобы Асквит санкционировал необходимые расходы. «Стоимость будет невелика, – написал он. – Если эксперимент не оправдает себя, что за беда? Гораздо предусмотрительнее было бы начать делать нечто подобное пару месяцев назад, но сейчас это просто необходимо». Асквит переправил письмо Черчилля Китченеру, который распорядился провести необходимые проектно-конструкторские разработки. Это не удовлетворило Черчилля, который почувствовал, что армейское командование не вполне уверено в необходимости создания такой машины и в ее эффективности в полевых условиях.

Тем временем в окопах продолжала сохраняться патовая ситуация. Войска несли тяжелые потери. Через два дня после предложения создать машину, которой суждено будет стать новым оружием войны – танком, Черчилль снова писал Асквиту о положении на Западном фронте: «Почему мы не можем находиться в более комфортных условиях, даже если ради этого придется уступить несколько миль? Наши войска загнивают». На следующий день Ллойд Джордж выступил за проведение десантной операции на Адриатическом побережье Австро-Венгрии. Китченер был против, заявив, что наиболее подходящая цель для любых военных операций – Дарданеллы, поскольку наступление там можно провести совместно с флотом. «В случае успеха, – сказал он, – это восстановит сообщение с Россией, решит ближневосточный вопрос, привлечет Грецию и, возможно, Болгарию и Румынию, откроет путь кораблям с пшеницей, запертым ныне в Черном море».

Предложение Китченера о проведении совместной сухопутной и морской операции в Дарданеллах поддержал Хенки. «Успех в Дарданеллах, – сказал он, – откроет Дунай армии, которая двинется в глубину Австрии, и позволит укрепить наше морское могущество в центре Европы». Черчилль же по-прежнему активно отстаивал свою балтийскую идею, акцентировав

внимание на том, что «ее реализация может побудить Данию вступить в войну на стороне Антанты. Таким образом, Британия получит военно-морские базы в Северном море без необходимости сражаться за них, а британская армия сможет двинуться с территории Бельгии в центральные промышленные районы Германии. В этом случае наши возможности на севере будут исчерпаны, – писал он сэру Джону Френчу, – и тогда я начну смотреть на юг Европы как на цель для наших военных сил».

Между тем адмирал Фишер, старший морской советник Черчилля, все более склонялся к турецкому варианту военных действий. «Если греки высадят 100 000 на Галлиполийском полуострове одновременно с атакой британского флота в Дарданеллах, – писал он, – мы можем рассчитывать на легкое и быстрое овладение Константинополем».

Из-за этих ежедневных дискуссий у Черчилля почти не было времени на отдых. 10 и 11 января они с Клементиной были гостями пэра лорда Бошана в замке Уолмер на побережье Кента. Там же находились супруги Асквит. Марго Асквит записала в своем дневнике рассуждения Черчилля о войне: «Боже мой, это ведь живая история! Все, что мы говорим и делаем, просто захватывающе – об этом будут читать тысячи поколений, вдумайтесь в это! Я бы ни на что не променял участие в этой великой, восхитительной войне (глаза сияют, но с легкой тревогой – как бы слово «восхитительная» не покоробило меня)».

Семейство Асквит было околдовано Черчиллем. Порой они были его строжайшими критиками, порой – самыми горячими сторонниками. Асквит кратко описывал Венеции Черчилля: «Уинстона многие назвали бы противным, но его глаза, когда он чем-то действительно увлечен, излучают сияние гения». В другой раз, размышляя о его характере и личности, он процитировал определение гениальности, данное Эдвардом Греем: «Сознание, озаряемое вспышками молнии».

12 января военная группа Адмиралтейства, возглавляемая Фишером, получила новую телеграмму от Кардена. Он не только изложил в деталях свое видение операции в Дарданеллах, но и предположил, что она может быть осуществлена в пределах месяца. Карден перечислил свои потребности: они касались только излишков военно-морских сил, в том числе четырех линкоров, спущенных на воду до 1906 г. и не представлявших ценности для военных действий на Северном море. Фишеру настолько понравилась мысль взять Дарданеллы силами флота, что он предложил добавить еще самый современный из британских линкоров – «Куин Элизабет», 15-дюймовые пушки

которого еще не использовались. Их собирались испытать у Гибралтара. Фишер же предложил задействовать их для обстрела береговых укреплений Дарданелл.

Черчилля тоже внезапно захватила мысль насчет «Куин Элизабет». Он впервые увидел перспективу использования столь мощного корабля в Мраморном море: «Гебен» и «Бреслау» будут подавлены превосходящей огневой мощью, Константинополь окажется в руках Британии, Энвер-паша, нынешний военный министр, будет вынужден отказаться от поддержки Германии. Вечером 13 января Черчилль объяснял все это на совещании Военного совета. Судя по запискам, сделанным во время совещания, Ллойд Джорджу понравился план. Того же мнения был и Китченер. Асквит ждал других предложений. Грей предлагал провести десантную операцию в Которской бухте на Адриатике, чтобы вынудить Италию присоединиться к англо-французскому союзу. Ллойд Джордж вернулся к идее высадки десанта в Салониках. Черчилль опять заговорил о своем плане, который в записках называли «голландской операцией».

«Я молчал до самого конца, – вспоминал Асквит, – потом подвел итоги. Они оказались неоднозначными. Во-первых, Адмиралтейство должно было быстро рассмотреть возможность морской операции в Которской бухте или в другом месте Адриатики с перспективой (среди прочих) оказать давление на Италию; во-вторых, Адмиралтейство должно быть готово к осуществлению морской экспедиции в феврале с целью артиллерийского обстрела и захвата полуострова Галлиполи, имея главной целью Константинополь».

Так или иначе, планирование морской экспедиции началось. Корабли, затребованные Карденом, получили соответствующие приказы; на Мальтийской верфи их должны были оснастить противоминными буферами. На греческом острове Тенедос планировалось оборудовать посадочную площадку для авиации. По просьбе Фишера Черчилль убедил Асквита отказаться от адриатического плана в пользу Дарданелл. «Атака с моря на Дарданеллы, – сказал он, – потребует использования всех резервов, но успех даст результат, который несомненно окажет влияние на все Средиземноморье».

Однако Фишер на следующий день утратил энтузиазм. Он решил заменить флот Кардена французскими кораблями. Когда к Дарданеллам подошла австралийская подводная лодка, он сказал, что неоправданно использовать ее против турок. Он написал Джеллико, что нуждается в 200 000 сухопутных войск для взаимодействия с флотом. В ином случае, заявил он, «я возненавижу Дарданеллы». Черчилль просил Фишера

активизировать работу Адмиралтейства. Он уже находил поведение Фишера «странным, даже разрушительным». Другие тоже отчетливо видели опасность, которую представлял Фишер. «Он старый, усталый и нервный, – записал 19 февраля в своем дневнике помощник руководителя оперативного отдела Адмиралтейства капитан Ричмонд. – Неверно вручать судьбу Империи в руки слабеющего старика, который жаждет популярности и боится любой мелкой ошибки, в которой его могут упрекнуть».

25 января Фишер направил письмо Черчиллю с просьбой об отставке. Он уже однажды сделал подобное из-за несогласия правительства расстрелять немецких военнопленных в отместку за налеты цеппелинов на Британию. Теперь причиной стала отправка к Дарданеллам старых линкоров. «Потеря их не обойдется без человеческих жертв, – написал он, – к тому же они единственный резерв основного флота». Черчилль возразил: «Лишние корабли всегда использовались при вспомогательных операциях, а профессиональное командование может свести потери к минимуму». Письмо его заканчивалось так: «Вместе мы намного сильнее».

Фишер хотел, чтобы его письмо и ответ Черчилля стали известны Военному совету, но Асквит не допустил этого. Тем временем корабли, которых требовал Карден, направлялись к нему отовсюду – из Южной Америки, с острова Святой Елены, с Цейлона и из Египта. Всего в его распоряжении должны были оказаться тринадцать линкоров, в том числе «Куин Элизабет», «Лорд Нельсон» и «Агамемнон».

26 января Черчилль заручился согласием Франции на участие в морской операции в Дарданеллах. За пару часов до того, как должен был собраться Военный совет, чтобы принять окончательное решение, Фишер написал Асквиту, что он выступит против плана, если не будет предусмотрено взаимодействие войск. Он вообще не хотел участвовать в Военном совете. За двадцать минут до начала заседания Черчилль уговорил его вместе пойти к Асквиту. На встрече Асквит подчеркнул: «В этом вопросе нужно двигаться дальше». Фишер пришел на заседание, но через некоторое время встал и собрался уходить. Китченер пошел за ним и спросил, что тот намерен делать. Фишер ответил, что подает в отставку. Китченер позже отметил, что Фишер был единственным, кто выразил несогласие, и вопрос о Дарданелльской операции решался лично премьер-министром.

Фишер согласился вернуться на совещание как раз в тот момент, когда Асквит спросил, какое значение придают члены

совета Дарданелльской операции. Китченер, который выступил первым, сказал, что считает атаку с моря «жизненно важной. В случае ее успеха эффект можно будет сравнить с успешной операцией нескольких армий». Бальфур, которого, как бывшего премьер-министра, пригласили высказать свое мнение, сказал: «Успешная операция не только даст нам возможность установить контроль над Константинополем, но и откроет путь на Дунай. Более полезную операцию трудно представить». Грей проявил такой же энтузиазм, заявив: «Успех в Дарданеллах наконец определит позицию Болгарии и в целом Балканских стран. Турки же будут парализованы страхом, когда узнают, что их форты уничтожаются один за другим».

Фишер вновь изменил свое мнение, сказав Черчиллю после совещания, что поддерживает план. «Когда я наконец решил присоединиться, – говорил он на комиссии по расследованию двумя годами позже, – то пошел до конца». Все рассчитывали начать артобстрел дарданелльских укреплений в середине февраля, но опоздание минных тральщиков привело к задержке. Именно в этот момент советники Черчилля стали настаивать, что необходима поддержка сухопутных сил. За успехом моряков должна последовать высадка десанта на полуострове Галлиполи. Это была первоначальная идея Черчилля. Теперь ее поддерживали и Асквит, и Хенки.

Но где было взять войска? Единственной свободной дивизией регулярных войск была 29-я, которую предполагалось отправить в Салоники для оказания помощи Сербии. Но на срочном совещании Военного совета 16 февраля стало известно, что греческий король Константин, родственник кайзера, отказался пропустить британские войска через территорию Греции. Таким образом, 29-я дивизия оказалась свободна и могла высадиться в Галлиполи. Военный совет с готовностью принял этот план.

Также Военный совет согласился перенаправить австралийские и новозеландские войска, находящиеся в Египте по пути во Францию, на остров Лемнос для участия в галлипольской операции. Черчилль получил указание обеспечить их переброску. Дарданеллы стали объектом совместных действий сухопутных и морских сил. «Если морская часть операции в Дарданеллах пройдет успешно, – написал Черчилль Китченеру, – мы получим огромное преимущество, которое нельзя будет закрепить без участия армии. По крайней мере 50 000 солдат должны быть доступны в трехдневный срок – либо для захвата полуострова Галлиполи после проведенной там эвакуации, либо для оккупации Константинополя, если там

вспыхнет революция. Мы никогда не простим себе, если не сможем воспользоваться плодами морской операции, из-за отсутствия сухопутных сил». Китченер обещал предоставить солдат.

Утром 19 февраля адмирал Карден начал артиллерийский обстрел внешних фортов Дарданелл. Это был важнейший предварительный этап перед захватом пролива. Днем собрался Военный совет, чтобы утвердить передислокацию 29-й дивизии в Восточное Средиземноморье. Но тут Китченер объявил: «Пришло известие об отступлении русских в Восточной Пруссии, поэтому 29-я дивизия может скоро понадобиться во Франции. Но 30 000 австралийских и новозеландских солдат, находящихся в Египте, может оказаться вполне достаточно».

Ллойд Джордж, Асквит и Грей убеждали Китченера, что 29-ю дивизию следует отправить в Восточное Средиземноморье, но окончательное решение принято не было. На следующее утро Карден сообщил, что 19 февраля уничтожены склады вооружений двух фортов. Шторм и плохая видимость сделали невозможным продолжение артобстрела в течение следующих четырех дней.

Однажды за ужином в конце февраля Черчилль случайно услышал, как обсуждается его идея, которую он излагал Асквиту еще в начале года. Майор Томас Хетерингтон, прикомандированный к эскадрилье военно-морской авиации Адмиралтейства, предложил создание большого бронированного автомобиля-вездехода, способного не только нести артиллерийское вооружение, но преодолевать траншеи и заграждения из колючей проволоки. Черчилль тут же обратился к начальнику отдела кораблестроения Адмиралтейства капитану Юстасу Теннисону д'Эйнкуру с просьбой попробовать спроектировать такой «сухопутный корабль». В целях секретности проект назвали «водоналивным судном для России», но затем переименовали в «водоналивную цистерну», которая естественным образом превратилась в «танк»[24].

20 февраля Черчилль организовал совещание по обсуждению наиболее эффективного применения сухопутного танка. В результате совещания был образован комитет во главе с д'Эйнкуром. Через два дня состоялось его первое заседание, на котором Черчиллю были представлены предложения. Он их принял, и заказ на первый танк был размещен в фирме по созданию сельскохозяйственной техники. Ее инженеры предложили использовать в качестве образца трактор. Получив одобрение Асквита, Черчилль выделил комитету 70 000 фунтов из фонда Адмиралтейства с условием завершить разработку

в максимально сжатые сроки.

9 марта были готовы первые чертежи, а через двенадцать дней д'Эйнкур попросил разрешения построить восемнадцать образцов. Черчилль сказал: «Крайне срочно. Особо уведомляйте меня в случае задержек». После войны королевская комиссия по военным изобретениям доложила парламенту, что идея «обрела свое практическое воплощение преимущественно благодаря предприимчивости, смелости и направляющей силе мистера Черчилля».

В третью неделю февраля главной темой обсуждений Военного совета оставался турецкий вопрос. Черчилль продолжал давить на Китченера с просьбой переправить войска из Египта в Эгейское море. «Операция в Дарданеллах может пройти гораздо быстрее, чем ожидалось, – написал он 20 февраля. – В этом случае будет жизненно важно иметь достаточно войск, чтобы перерезать полуостров в его самой узкой части». Однако через четыре дня Китченер заявил на Военном совете, что, если флоту удастся подавить все форты по берегам Дарданелл, турецкий гарнизон в Галлиполи будет «скорее всего, выведен», иначе он рискует быть отрезанным.

Черчилль снова просил направить к Дарданеллам 29-ю дивизию. «При сравнительно небольшом контингенте 29-й дивизии в 18 000 солдат, 30 000 австралийцев, все еще находящихся в Египте, 8500 человек флотской дивизии и 18 000 французов, мы можем, – говорил он, – быть в Константинополе к концу марта. Но если атака с моря будет временно приостановлена из-за угрозы мин, войска потребуются для проведения локальных военных операций на самом полуострове». Но Китченер был настолько низкого мнения о турецкой армии, что 24 февраля заявил на Военном совете, что никакие войска вообще не потребуются. Как только станет ясно, считал он, что дарданелльские форты подавлены, турецкий гарнизон полуострова сбежит, так же как и константинопольский, сам султан и турецкие войска во Фракии. Китченер был непреклонен: захват европейской части Турции можно осуществить силами корабельной артиллерии. Войска не потребуются.

Китченер был настолько уверен в своей правоте, что на вопрос Асквита: «Достаточно ли австралийских и новозеландских частей для столь важной военной операции?» – ответил: «Их вполне достаточно, если иметь в виду круиз по Мраморному морю». Асквит тщетно пытался убедить его направить в Дарданеллы солдат 29-й дивизии. «На войне

приходится рисковать, – написал он после совещания Военного совета. – Я убежден, что возможность захватить Дарданеллы, оккупировать Константинополь, перерезать Турцию надвое и привлечь на нашу сторону весь Балканский полуостров является уникальным шансом, и мы обязаны многим рискнуть, чтобы не упустить его».

Несмотря на настойчивость Асквита, Китченер отказался направить 29-ю дивизию в Дарданеллы. Разочарованный Черчилль направил телеграмму Кардену с просьбой подтвердить, возможно ли взять Дарданеллы без сухопутной поддержки. «В случае, если операция пройдет успешно, – написал он, – армейские части будут готовы пожать плоды».

25 февраля, когда передние форты были подавлены, артиллерийский обстрел возобновился. Карден планировал расчистить минные поля и уничтожить срединные форты в начале марта. Очередной призыв Черчилля направить армию также ни к чему не привел. 26 февраля Китченер заявил на Военном совете, что не станет направлять 29-ю дивизию. «Турки, – сказал он, – не являются серьезным противником. Ситуация в Константинополе изменится сразу, как только наш флот пройдет Дарданелльский пролив».

Уверенность Китченера оказалась решающим фактором в вспыхнувших с новой силой жарких спорах. Хенки поддержал Черчилля, который утверждал, что для захвата полуострова Галлиполи потребуется армия. Ллойд Джордж тоже его поддержал, заявив на Военном совете, что сомневается, что победа может достаться так легко, как воображает Китченер. Но Бальфур и Грей встали на сторону Китченера. Грей самым язвительным образом отзывался о турках. Стенограмма зафиксировала злые слова Черчилля на Военном совете: «29-я дивизия не окажет решающего влияния на победу или поражение во Франции, но может сыграть решающую роль на Востоке. Я требую занести это в протокол. Если в Турции произойдет катастрофа из-за нехватки сухопутных войск, я снимаю с себя всю ответственность».

Просьба Черчилля не была услышана. «Мы приняли точку зрения Китченера к глубочайшей и нескрываемой досаде Уинстона, – записал Асквит. – Я был так возмущен шумным, бестактным и даже глупым поведением Черчилля на Военном совете, что предпринял нехарактерный для себя шаг: пригласил его к себе в кабинет немного поговорить по душам». Поняв, что далеко не все разделяют его ощущение опасности, Черчилль вечером написал брату, который воевал во Франции: «Способность идти на риск дается очень дорогой ценой.

Все думают о безопасности. Война, конечно, жестокое дело, и впереди еще перспектива длительной борьбы и страданий. Мои ограниченные возможности не дают мне влиять на события. Я выдохся».

28 февраля Черчилль узнал от главнокомандующего российской армией великого князя Николая, что, как только флот Кардена возьмет Дарданеллы, Россия направит 47 000 войск на Константинополь. Черчилль вновь воспрял духом. «Если мы пройдем Дарданеллы, что вполне вероятно, – говорил он Грею, – нам ничто не помешает взять в плен всех турок в Европе. Но помните, Константинополь – лишь средство, а главная цель – выступление Балканских стран против центральных держав».

1 марта у британцев появился еще один повод для оптимизма. Греки предложили выделить 60 000 войск для борьбы с Турцией. Внезапно участие 29-й дивизии оказалось уже не столь необходимым. В этот же день после очередного артиллерийского обстрела с моря небольшое подразделение морской пехоты высадилось у входа в Дарданелльский пролив, вывело из строя три десятка турецких артиллерийских установок, четыре пулемета и две прожекторные установки и благополучно вернулось на корабль. 3 марта Военный совет обсуждал взятие Константинополя и дальнейшую судьбу Турции так, словно Карден уже вышел в Мраморное море. Все пришли в чрезвычайное возбуждение при мысли о том, что Балканские государства в обмен на турецкую территорию направят свои войска против Австро-Венгрии. Черчилль зашел так далеко, что предположил, что Британия сможет использовать турецкие войска в качестве наемников.

У Черчилля была и другая причина приветствовать участие Балканских стран и даже Турции в войне против Австрии. Это могло высвободить британские войска для того, что он считал направлением главного удара. «Черчилль по-прежнему придерживается мнения, – записано в документах Военного совета, – что нашим стратегическим направлением является наступление на севере через Голландию на Балтику. Операции на востоке должны рассматриваться как промежуточные».

Черчилль не был уверен в исходе атаки с моря. Пока он ждал, русские, жаждущие завладеть Константинополем, заявили, что не допустят военного участия Греции в кампании, очевидно опасаясь, что Константинополь достанется грекам. Это был удар. Другим ударом стало сообщение Кардена, что обстрел турецких гаубиц в Дарданеллах вынудил «Куин Элизабет» увеличить дистанцию. Воздушная разведка тоже не удалась: проблемы

с двигателями не позволяли гидропланам подняться достаточно высоко, чтобы определить расположение гаубиц.

Первая попытка захвата Дарданелл должна была состояться 18 марта. За восемь дней до этого, к всеобщему удивлению, Китченер, еще недавно отказывавшийся направлять 29-ю дивизию в Дарданеллы, вдруг заявил, что ситуация на Восточном фронте опасений уже не вызывает и дивизия может быть передислоцирована. Карден, в свою очередь, докладывал, что после уничтожения всех береговых батарей турок расчистка минных полей займет лишь несколько часов, после чего он направится в Мраморное море. 10 марта Черчилль заявил на Военном совете, что Адмиралтейство уверено в реализации плана исключительно военно-морскими силами и что никаких войск не потребуется. Атаку с моря можно начинать, не дожидаясь прибытия 29-й дивизии.

Перспектива успеха настолько всех окрылила, что началось обсуждение различных территориальных приобретений: России можно отдать Константинополь, Британия возьмет Александрию. Ллойд Джордж хотел приобрести Палестину. Даже начались разговоры о том, что Германию после поражения можно будет заставить отказаться от ее африканских и тихоокеанских владений. Бальфур говорил о создании нейтральной зоны в районе Кильского канала, а Китченер настаивал, чтобы Британия заставила Германию на протяжении многих лет выплачивать контрибуции.

Консервативная партия с начала войны была отстранена от принятия каких-либо решений. Черчилль, несмотря на его многолетние разногласия с консерваторами и в особенности с их лидерами, понимал, что для формирования стратегии дальнейших военных действий полезно создать межпартийную коалицию. По его предложению на заседание Военного совета 10 марта были приглашены Бонар Лоу и Лэнсдоун. «Неожиданное успешное уничтожение внешних фортов Дарданелл, – позже вспоминал он, – вернуло мне на короткое время влияние. Я немедленно вернулся к плану коалиции. Я убедил премьер-министра пригласить на совет лидеров оппозиции якобы для определения дальнейшей судьбы Константинополя, но на самом деле с мыслью создать коалицию. Но это успеха не принесло. Лидеры оппозиции сидели молча, и мистер Асквит не стал настаивать».

Утром 11 марта было перехвачено радиосообщение немецких офицеров, прикомандированных к турецкой армии, что форты, защищающие Дарданеллы, испытывают серьезную нехватку боеприпасов. Новые поставки должны были прийти из Германии

не раньше чем через несколько недель. Узнав об этом, Фишер решил, что настал момент без промедления выжать максимум из операции в проливе. Он даже готов был лично отправиться в Дарданеллы и взять на себя командование военно-морскими силами вместо Кардена. Но его уговорили остаться на своем посту.

С одобрения Фишера Черчилль внес поправки в действия Кардена. Отменяя предыдущие инструкции, предписывающие осторожные и тщательно спланированные акции, он сообщил, что теперь адмирал может свободно предпринимать самые активные действия. Именно это с самого начала предлагал и сам Карден. Его первоочередной целью должны были стать форты в проливе. «Все это, – писал ему Черчилль, – может решить судьбу операции и оказать решающее влияние на ход всей войны».

12 марта вновь назначенный главнокомандующим сухопутными силами в Дарданеллах генерал сэр Иэн Гамильтон отправился из Лондона в Восточное Средиземноморье. Черчилль, друг Гамильтона еще по Англо-бурской войне, предоставил ему быстроходный крейсер в Марселе. Перед отъездом Гамильтон встретился с Морисом Хенки, который записал в дневнике: «Он в неловком положении. Черчилль хочет, чтобы он как можно быстрее оказался в проливе и приступил к coup de main[25] с теми силами, что есть в Леванте (30 000 австралийцев и 10 000 флотской дивизии). Лорд Китченер, напротив, хочет, чтобы он двигался медленно и ждал 29-ю дивизию. А флот должен пока продолжать обстрел пролива».

Черчилль в этот же день писал Китченеру, спрашивая, может ли Гамильтон как можно скорее высадиться в Галлиполи, чтобы, развивая успех с моря, прикрыть флот от огня турецкой береговой артиллерии. Китченер ответил отказом. Сначала, по его мнению, должна была прибыть 29-я дивизия и приготовиться к операции, предполагающей, вероятно, тяжелые бои. Внезапно Китченер перестал презирать турок и считать их несерьезным противником. «Не представляю, как можно атаковать гаубицы без общего штурма плато», – написал Гамильтон Черчиллю 14 марта из поезда с территории Франции.

Приближался решающий момент, но поступающая информация тревожила Черчилля. Карден сообщал, что расчистка минных полей идет неудовлетворительно из-за плотного огня турок. «Впрочем, – добавил он, – личный состав пока не пострадал. Не понимаю, в чем трудность траления мин. Потери в две-три сотни человек станут умеренной ценой за очистку от мин всего пролива. У турок кончаются боеприпасы, и немцы настолько обеспокоены ситуацией, что подумывают

о направлении в район подводной лодки. Поэтому очевидно, что операция должна продолжаться методично и решительно днем и ночью. Неизбежные потери учитываются. Противник в смятении. Время – решающий фактор, поскольку подводные лодки могут серьезно осложнить ситуацию».

Давая понять, что Адмиралтейство осознает остроту и серьезность положения, Фишер распорядился направить в Дарданеллы еще два линкора. 15 марта он обсуждал с Хенки возможность организации дымовых завес для защиты минных тральщиков, поскольку из последних телеграмм Кардена стало ясно, что тральщики не могут выполнять задачу из-за плотного огня легкой турецкой артиллерии, дислокацию которой установить не удавалось. Необходимо было высаживать десант. Черчилль оценил ситуацию и предложил Кардену: «Взаимодействовать с Гамильтоном во всех случаях, где вы сочтете это необходимым. Времени терять нельзя, но и торопливость недопустима. Может случиться, что без решительных действий сухопутных войск на плато Килид-бахр спешка на море обойдется слишком дорого». Он был против того, чтобы Карден входил в пролив неподготовленным.

Но Карден решил не дожидаться армии. Он намеревался перейти в наступление 18 марта, но за двое суток до этого сообщил Черчиллю, что вынужден оформить больничный лист и передать командование следующему по званию, контр-адмиралу Джону де Робеку. Черчилль немедленно направил телеграмму де Робеку, спрашивая, согласен ли тот с существующим планом. «Если нет, – написал он, – не колеблясь сообщите об этом». Робек ответил, что его все вполне удовлетворяет, и он, согласно плану Кардена, начнет наступление через двое суток.

18 марта в 10 часов 45 минут де Робек дал команду флоту двинуться в пролив Дарданеллы. Была поставлена задача выйти в Мраморное море. Шесть британских и четыре французских линкора вошли в пролив, подавляя огнем форты. В 1 час 45 минут ни один из фортов уже не мог отвечать. Пришло время отзывать линкоры и пускать вперед минные тральщики. Французский линкор «Буве», выходя из пролива, подорвался на мине и затонул. Погибло более шестисот моряков.

Де Робека это не остановило. Он отдал приказ расчистить минные поля у мыса Кефез и до темноты продвинуться вперед к Чанаккале. Но мины делали свое черное дело. Вскоре подорвался британский линкор «Инфлексибл», затем накренился и потерял ход «Иррезистибл». Де Робек приказал срочно остановить операцию. Затем подорвался третий линкор, «Оушен»,

прикрывавший спасение экипажа линкора «Иррезистибл».

Однако, несмотря на потерю трех линкоров, человеческие жертвы британцев оказались невелики. За день боевых действий погибли пятьдесят моряков и двадцать три получили ранения. Но минные поля так и не были расчищены, а турецкая мобильная артиллерия продолжала вести огонь с обоих берегов. Черчилль и Фишер узнали о неудаче утром 19 марта. Оба были уверены, что де Робек вскоре сделает вторую попытку. «Де Робек значительно сильнее Кардена, – написал Фишер Черчиллю в этот же день, – так что Провидение с нами». Фишер, активный сторонник операции, распорядился усилить эскадру еще двумя линкорами. В тот день он доложил на Военном совете, что возможна потеря до двенадцати линкоров. Совет санкционировал продолжать наступление, если де Робек сочтет это возможным. Затем министры принялись обсуждать расчленение Оттоманской империи. Грей хотел создать независимые арабские государства в Сирии, Аравии и Месопотамии. Китченер – взять под британский контроль Мекку.

19 марта де Робек телеграфировал Черчиллю, что эскадра готова к незамедлительным действиям, но нужно придумать средства борьбы с плавучими минами. Он считал, что это будет несложно. Но на следующий день погода испортилась и пришлось ждать. Затем неожиданно де Робек изменил мнение: 22 марта он сообщил Гамильтону, что, прежде чем снова направить корабли в Дарданеллы, армия должна высадиться на берег и уничтожить артиллерию. Гамильтон был польщен, что к нему обратились за помощью, но указал, что имеет приказ Китченера дождаться прибытия из Англии 29-й дивизии. А это произойдет не раньше чем через три-четыре недели.

Телеграмма де Робека о том, что он приостанавливает морскую операцию, пришла в Лондон утром 23 марта. «Лучше подготовиться к решительным действиям примерно к середине апреля, – написал он, – чем идти на большой риск ради того, что может оказаться лишь частичным решением». Черчилль сразу же набросал текст телеграммы, призывая де Робека при первой благоприятной возможности повторить попытку. «Вам, – написал он, – следует расчистить минные поля, после чего расстрелять форты с близкой дистанции. При этом не торопиться, использовать аэропланы и все возможные методы защиты от мин». Черчилль хотел, чтобы телеграмма была направлена от имени всех членов военной группы Адмиралтейства, поэтому закончил ее словами: «Мы не считаем, что следует отказаться от овладения Дарданеллами средствами чисто морской

операции». Затем он направился на Даунинг-стрит показать телеграмму членам кабинета. Асквит и Китченер решили, что де Робеку следует продолжать. «Адмирал, кажется, испугался, – написал позже Асквит. – Я согласен с Уинстоном и Китченером, что флот должен сделать еще одну попытку, как только позволят погодные условия».

Вернувшись в Адмиралтейство, Черчилль узнал, что из пяти членов военной группы трое старших, Фишер и еще два адмирала, не только поддерживают де Робека, но даже хотят задержать телеграмму Черчилля. Тот опять отправился на Даунинг-стрит, чтобы заручиться поддержкой Асквита. Но последний, хоть и был согласен с мнением Черчилля, не захотел оспаривать мнение трех наиболее авторитетных советников Адмиралтейства.

Черчилль тут же задумался об отставке. «Если бы отставка могла помочь добиться нужного решения, – писал он позже, – я бы сделал это без колебаний». Вместо этого он направил де Робеку личную секретную телеграмму с просьбой подумать еще раз, но оставлял решение за ним. «Как только станет очевидно, – написал он адмиралу, – что форты не в состоянии остановить флот, вполне вероятно, начнется массовая эвакуация с полуострова. В любом случае остающиеся там войска обречены. Кроме того, существует политический эффект появления флота перед Константинополем. Его невозможно просчитать, но он может оказаться решающим». Но де Робек не собирался менять свою точку зрения. «Штурмовать пролив только силами флота будет ошибкой, – ответил он, – поскольку это поставит под угрозу осуществление более важного плана. Для достижения успеха необходима совместная операция морских и наземных сил».

Вечером Черчилль ужинал с Асквитом. На следующее утро он рассказывал Фишеру: «Премьер-министр вчера выглядел разочарованным тем, что мы не послали де Робеку приказ продолжить атаку при первой возможности». От брата, Джека, который покинул Западный фронт и присоединился к штабу Гамильтона, пришло подтверждение, что возобновление чисто морской операции не состоится. «Моряки уже признают, что не смогут пройти пролив без содействия наземных войск, – писал Джек 25 марта. – Стрельба с дальней дистанции по фортам не приносит пользы, если после обстрела их не захватывает пехота. Половина целей замаскирована, поэтому обнаруживать и уничтожать мобильные пушки противника очень трудно. Обнаружение же их с воздуха крайне неэффективно, поскольку у наблюдателей мало такого опыта. Кроме того, при сильном течении требуются более мощные минные тральщики».

Де Робек ждал, когда объединенные армейские силы подготовятся к наступлению. До высадки десанта, которую Китченер запланировал на апрель, в течение девяти месяцев сражений у полуострова Галлиполи флот не предпринял никаких попыток расчистить минные поля или прорваться через Дарданеллы. Все решения у Галлиполи принимались Китченером либо Гамильтоном.

Черчилль теперь был просто наблюдателем событий, которыми он прежде собирался руководить. Он был вынужден отказаться от проекта, который мог бы выбить Турцию из войны, открыть жизненно важную линию снабжения России, в результате которой та смогла бы возобновить наступление, и тем самым разрешить тупиковую ситуацию во Франции и Фландрии.

Глава 15
Отставка и исчезновение

Более чем через тридцать лет после мартовской неудачи 1915 г. в Дарданеллах, работая над мемуарами о Второй мировой войне, Черчилль вычеркнул из окончательного текста фразу, которой охарактеризовал свою работу в Адмиралтействе: «Это был мой золотой век». Он оставался первым лордом, но его золотой век завершился. Ему больше не суждено будет находиться в центре военной политики правительства Асквита, хотя он по-прежнему входил в Военный совет и, когда требовалось, высказывал свое мнение. Однако в течение заключительных трех недель подготовки операции в Галлиполи Военный совет не собирался, а Китченер не посылал ему никаких планов – даже просто для информации.

По мере приближения высадки войск на Галлипольском полуострове Черчилль всячески старался укрепить в членах совета уверенность в ее необходимости. Бальфуру, который 8 апреля предложил отложить операцию, пока не будет разбита турецкая армия в Сирии, он писал: «Никакая операция в этой части света не сравнится с поражением в Дарданеллах. Считаю, что у нас нет другого пути, кроме как продолжать. Никто не может с уверенностью предсказать исход, но есть шансы выиграть очень крупный приз, играя по не самым высоким ставкам». За шесть дней до начала высадки в Галлиполи он написал брату: «Наступает час в мировой истории для блестящего ратного подвига. Результаты победы с лихвой перекроют ее цену. Хотел бы я оказаться рядом с тобой. Это легче, чем ждать здесь».

В консервативных кругах и в парламенте стали обвинять Черчилля в недальновидности, которая привела к неудаче морской операции 18 марта. Эта критика положила начало широко распространенному впоследствии мнению о том, что Черчилль в Дарданеллах пренебрег безопасностью, не прислушался к своим советникам и оказал давление на адмиралов. Первое конкретное обвинение заключалось в неспособности предвидеть опасность плавающих мин. 24 апреля в свое оправдание он распространил среди членов кабинета приказ Адмиралтейства, направленный Кардену 5 февраля и содержавший предупреждение об этих минах и специальные предложения по борьбе с ними. Впрочем, в спорах о Дарданеллах – с начала кампании и на протяжении полувека – никогда не подразумевалось злого умысла или требования найти

козла отпущения.

22 апреля в Лондон опять поступило сообщение разведки из источника в посольстве Австро-Венгрии в Константинополе, что у турок в Дарданеллах недостаточно боеприпасов, чтобы отразить даже две атаки британского флота, подобные той, что была предпринята 18 марта. Вдохновленный этим и проконсультировавшись с Фишером, Черчилль направил де Робеку телеграмму, в которой предположил, что попытка прорыва в пролив в данный момент вполне может принести успех. «Разумеется, вы вольны действовать по своему усмотрению, – заверил его Черчилль. – Поэтому я направляю эту телеграмму от себя лично, руководствуясь исключительно желанием оказать помощь, а не раздавать указания».

Но де Робек не отступал от принятого решения и отказался штурмовать Дарданеллы лишь силами флота. Он видел своей единственной задачей помочь армии высадить десант, и неуклонно придерживался этого. Наконец прибыла 29-я дивизия, и 25 апреля начался штурм полуострова Галлиполи. В первый день на берег высадилось более 30 000 человек. Многие из них, прижатые к побережью пулеметным огнем турок, мужественно пытались перейти в атаку. Им это удалось, но они не смогли выполнить главную задачу – захватить господствующие высоты над турецкими фортами на европейском побережье. Десантирование осуществлялось в двух местах – на мысе Геллес у южной оконечности полуострова и севернее, на мысе Габа-Тепе. Из-за навигационной ошибки части, направленные на Габа-Тепе, высадились не на самой низменной и узкой части перешейка, а севернее, под высоким скалистым берегом, который преграждал путь.

У мыса Геллес высадившиеся десантные подразделения численно превосходили все сосредоточенные там турецкие силы. Не встретив сопротивления, они поднялись на плато, расположенное над берегом. Перед ними не оказалось турецких войск, но что делать дальше, никто, включая командование, не знал. Вместо того чтобы без сопротивления двигаться в глубь полуострова, солдаты ждали. Турецкие войска появились только через двенадцать часов. Британцы отбили атаку, турки отошли и больше не вернулись. Но, по-прежнему не получая распоряжений от высшего начальства и опасаясь неизвестности, британцы растерялись и в течение трех часов спустились к берегу и вернулись на корабли.

Утром 26 апреля в Times все прочитали не только крайне приукрашенный отчет о сражении, но и сообщение о смерти поэта Руперта Брука. Он умер от заражения крови, находясь в резерве

на одном из греческих островов в Эгейском море. Некролог написал Черчилль, который встречался с поэтом, когда тот подавал прошение о зачислении его в военно-морскую дивизию. «Умер Руперт Брук, – писал он. – Его жизнь оборвалась в тот момент, когда, казалось, только достигла поры расцвета. Когда стал слышен его голос, не похожий на другие, был найден тон, более верный, более волнующий, более способный показать с самой лучшей стороны благородство нашей молодежи, взявшей в руки оружие в эту войну. Он, как никто другой, мог передать их чувства и их готовность к самопожертвованию. Но голос его быстро затих. Остались лишь эхо и воспоминания. Но они сохранятся надолго».

После пяти дней неразберихи, путаницы и зачастую ожесточенных боев береговая полоса и прилегающие возвышенности полуострова Галлиполи были захвачены. Но не более того. У мыса Геллес 29-я и морская пехотная дивизии так и не заняла позиции. У Габа-Тепе австралийские и новозеландские войска тоже не выполнили задачу выйти к Мраморному морю. Огромная армия находилась вовсе не там, где ей пригодилась бы помощь флота. Турецкие форты были на расстоянии многих километров и вне опасности.

Впрочем, на флоте не считали, что десантирование проведено неудачно. Джек Черчилль, который наблюдал за сражением с борта корабля, сообщал брату: «Флот такого еще не видел. Взрывчатка крошит прибрежные скалы. Все идет очень хорошо, надеюсь, через пару недель корабли будут в Мраморном море. Думаю, де Робеку нужно поторопиться. Флот полностью готов к новой атаке на Чанаккале, только ждет подходящего момента». Он был прав: де Робек собирался возобновить морскую часть операции. Одновременно продолжалась ликвидация минных заграждений.

Когда будет возможно провести вторую атаку с моря, де Робек не сообщал. Состояние армии его не радовало. 29 апреля он написал Черчиллю об истощении войск, которые ведут непрестанные бои. 2 мая доложил, что индийская бригада, высадившаяся в Геллесе, окапывается. Ночная атака турок в Геллесе была отбита, равно как и повторная атака в ночь на 3 мая. Британцы перешли к обороне. В ночь на 4 мая из-за бреши в линии обороны возникла паника среди чернокожих солдат французского подразделения. Пришлось срочно направлять на помощь дивизию морской пехоты.

Армейские склады и посадочные площадки подвергались постоянному артиллерийскому обстрелу. «Турки могут направить

войска из Малой Азии, – писал Джек брату 5 мая, – поскольку там им ничто не угрожает. Но что самое важное, они могут отозвать дивизии от Константинополя и послать их сюда, чтобы раздавить нас». Пытаясь все же достичь цели, Гамильтон на другой день возобновил наступление. Но серьезного продвижения добиться не удалось. Когда же французские войска перешли в наступление при Геллесе, Джек Черчилль писал: «Турки открыли сумасшедшую стрельбу из тяжелых орудий. Они не щадили и своих. Множество раненых. Сходишь на берег, и приходится непрерывно переступать через носилки. Весь берег в крови и бинтах».

В тот день, когда Джек написал это письмо, Уинстон был во Франции. Он отправился туда тремя днями ранее помочь в переговорах по англо-итальянской морской коалиции – соглашению, по которому Италия могла вступить в войну на стороне Антанты. 9 мая он провел в зоне боевых действий, наблюдая за массивным, но безуспешным штурмом британцами хребта Обер. Он тоже потом вспоминал о раненых: «Жуткое зрелище. Тысячи страдающих; задыхающиеся, умирающие люди сортируются по степени тяжести ранений и размещаются в монастыре в Мервиле. Постоянно подъезжают санитарные автомобили, и в каждом четыре-пять мучеников; а из задних дверей похоронные команды то и дело выносят трупы. Повсюду кровь и окровавленное тряпье. А канонада свидетельствует, что следует ждать еще множества смертей и увечий».

Черчилль вернулся в Лондон 10 мая. Его ждала телеграмма от де Робека. Тот спрашивал, сможет ли взятие Дарданелл силами флота способствовать успеху сухопутной операции, которая зашла в тупик. Впрочем, де Робек сомневался, что сухопутные войска сумеют воспользоваться успехом флота, тогда как турки могут «запереть» корабли, вышедшие в Мраморное море. Тогда у флота уже не будет возможности помочь армии.

Не желая подвергать опасности армию, Черчилль 11 мая решил, что единственное, что он может сделать, – это призвать де Робека полностью ликвидировать минные заграждения. После этого можно будет пройти по проливу, уничтожая береговые укрепления. Фишер не согласился даже с этой ограниченной операцией. Сам запрос Черчилля вызвал у него такое негодование, что он заявил, что уйдет в отставку, если в Дарданеллах предпримут какие-либо действия на море до того, как будут полностью заняты берега.

Фишер также попросил Хенки передать устно Асквиту, что подаст в отставку, если флот начнет самостоятельные

действия. Асквит сказал Хенки, что считает это очень глупым, но, надеясь успокоить Фишера, отправил ему ответное сообщение, в котором сказал, что без его согласия флот не предпримет никаких действий. Черчилль тоже постарался отговорить Фишера от отставки, написав ему в этот же день: «Вы не получите от меня никаких предложений о штурме Дарданелл. Мы сейчас в очень трудном положении. Возможно, моя идея была ошибочной, возможно, мне не хватило сил или ресурсов, чтобы довести ее до конца, – это несущественно. Мы сейчас полностью поглощены одним из величайших исторических событий. Для победы требуется высочайшая степень сплоченности, энергии, твердости и терпения. Армия буквально зубами цепляется за скалистый берег, ей противостоят вооруженные силы Турецкой империи под германским военным руководством. Весь запасной флот Британии – все, что мы могли уделить, – связан с судьбой нашей армии. Ситуация требует огромных усилий и изобретательности. Я прошу вас проявить добрую волю и оказать максимальную помощь, чтобы обеспечить успех».

Тем не менее Фишер уже решил подать в отставку. 12 мая, встретившись на улице с одним из высокопоставленных чиновников Адмиралтейства, он сообщил: «Я подал в отставку и ухожу». Но Черчилль все еще пытался уговорить его. Он согласился, что «Куин Элизабет» немедленно покинет Дарданеллы, зная, что присутствие там этого могучего линкора более всего беспокоит адмирала, особенно учитывая вероятность появления немецких подводных лодок, хотя судно было направлено туда именно по предложению Фишера. Вечером в присутствии Фишера Черчилль сказал Китченеру, что «Куин Элизабет» возвращается домой. Китченер пришел в ярость, вспылил и назвал отзыв корабля дезертирством в самый критический момент. Но тут взорвался Фишер: либо «Куин Элизабет» немедленно, буквально сегодня же ночью возвращается, либо он тотчас же уходит из Адмиралтейства. Черчилль опять согласился и отправил телеграмму де Робеку: «Куин Элизабет» следует уйти немедленно».

12 мая консерваторы обрушились на Черчилля с критикой по поводу его недавнего визита во Францию. Асквит сообщил в палате общин, что тот находился в Париже «по делам Адмиралтейства». Когда Асквита попросили подтвердить, что, находясь на фронте, Черчилль не исполнял никаких официальных поручений, он ответил: «Никаких». После этого со скамей консерваторов раздались торжествующие крики: «Ага, увеселительная поездка!» Асквит в оправдание его пояснил, что за все девять месяцев Черчилль отсутствовал

в Адмиралтействе не более четырнадцати дней.

Ночью 12 мая турецкому торпедному катеру удалось выйти из залива Чанаккале, ловко пройти по каналу до позиций британского флота и выпустить торпеды в линкор «Голиаф». 570 моряков ушли на дно. Фишер немедленно потребовал, чтобы де Робеку была направлена телеграмма с запретом на все дальнейшие морские операции. Черчилль заметил, что, если де Робек желает продвинуться как можно дальше по проливу совместно с армией, ему это должно быть позволено. Он не может бросить армию в беде.

23 мая Фишер потребовал, чтобы Черчилль запретил де Робеку предпринимать самостоятельные действия. Черчилль отказался, объяснив Фишеру: «Я не могу послать телеграмму, которая парализует действия на море, если адмирал, осуществляющий руководство на месте, сочтет их необходимыми». Однако он согласился направить де Робеку телеграмму другого содержания: «Мы полагаем, что момент для попытки самостоятельного прохода кораблей через пролив упущен и в нынешних обстоятельствах больше не возникнет». Тем самым задачей де Робека оставалось лишь поддерживать армию, защищая берега, к которым причаливают корабли, и вести артиллерийский обстрел укреплений противника.

Пытаясь окончательно успокоить Фишера, Черчилль беседовал с ним несколько часов вечером 14 мая. Они вместе тщательно изучали перечень подкреплений, которые, по его мнению, требовались де Робеку. Фишер со всем соглашался. Когда они вышли из кабинета, секретарь Черчилля услышал, как он сказал адмиралу: «Ну, спокойной ночи, Фишер. Мы обо всем договорились, теперь вам нужно пойти домой и хорошенько выспаться. Утро вечера мудренее, завтра вместе все завершим».

Фишер отправился спать. Черчилль остался в Адмиралтействе работать. Среди телеграмм де Робека оказалась заявка на дополнительные подводные лодки. Пять новых подводных лодок должны были быть готовы в Англии к концу месяца. Черчилль добавил две из них к тому списку, который он только что согласовал с Фишером. Затем экземпляр списка он послал Фишеру с запиской, что этот перечень не будет отправлен в Адмиралтейство, прежде чем сам Фишер его не одобрит. И миролюбиво добавил: «Надеюсь, вы согласитесь».

Далеко за полночь Черчилль отправился спать. На следующее утро, 15 мая, он прибыл в Министерство иностранных дел, чтобы обсудить последние детали вступления в войну Италии. Вернувшись в Адмиралтейство, он увидел спешащего ему

навстречу своего секретаря Джеймса Мастертон-Смита. «Фишер подал в отставку, и, похоже, на этот раз всерьез», – сказал тот и вручил Черчиллю письмо от Фишера, которое начиналось словами: «Я больше не могу оставаться вашим коллегой. Мне чрезвычайно сложно приспосабливаться к ежедневным новым требованиям из Дарданелл, которые вы поддерживаете. Вижу, мои взгляды не соответствуют вашим». Видимо, две дополнительные подводные лодки для де Робека стали последней каплей. Письмо заканчивалось так: «Я сейчас же уезжаю в Шотландию, чтобы избежать дальнейших расспросов».

Черчилль не мог поверить, что Фишер – главное должностное лицо флота – мог просто взять и уйти со своего поста. Вернувшись в здание Адмиралтейства, он везде искал его, уверенный, что тот, как не раз уже бывало, передумал: ведь вчера вечером они, казалось, обо всем договорились. Но Фишера не было. Черчилль в очередной раз направился через площадь на Даунинг-стрит, чтобы сообщить о происшедшем Асквиту. Премьер-министр сразу же понял политическую опасность ухода Фишера: как только об этом станет известно, консерваторы потребуют объяснений, а может быть, и отставок. Взяв лист почтовой бумаги с грифом «Даунинг-стрит», он собственноручно написал: «Лорд Фишер, именем короля требую немедленного возвращения на ваш пост. Г. Г. Асквит, 15 мая 1915 г.».

Были объявлены розыски Фишера. Его обнаружили в отеле, в пяти минутах ходьбы от Адмиралтейства. Он согласился прийти к Асквиту и направился на Даунинг-стрит, где обнаружил Ллойд Джорджа, который тоже ждал премьер-министра. «Я ушел в отставку», – произнес Фишер вместо приветствия. Когда Ллойд Джордж спросил его почему, он заявил, что больше не в состоянии принимать участия в дарданелльской глупости. Он собирался уже вечером уехать в Шотландию. Ллойд Джордж принялся уговаривать Фишера не оставлять пост по крайней мере до ближайшего заседания Военного совета, которое должно состояться через два дня. Но тот отказался ждать и часа. В этот момент появился Асквит, но тоже не смог уговорить Фишера забрать заявление об отставке. Единственное, на что согласился Фишер, – не уезжать из Лондона в Шотландию.

Политический кризис был неминуем. Асквит попросил Черчилля написать Фишеру письмо, чтобы успокоить его. Черчилль написал: «Сегодня можно думать только о том, что будет самым лучшим для страны и для тех мужественных парней, которые сражаются. Все, что может нанести вред их интересам, будет сурово осуждено историей. Если я что-то сделал неправильно, я готов это исправить. Вчера вечером

при расставании мне показалось, что мы пришли к согласию. Предложения о подкреплении де Робеку в целом, как я полагал, соответствовали вашим взглядам. В любом случае это оставалось темой для обсуждения между нами».

Весь день Фишер продолжал скрываться. Когда Черчилль попросил его о встрече, тот отказал. В тот же день он получил вырезку из старой газеты с подчеркнутой в ней фразой: «Лорд Фишер получил аудиенцию у короля, которая продолжалась около часа». К вырезке не прилагалось ни письма, ни записки, но адрес на конверте был написан характерным почерком Фишера. Тот в последнее время не бывал у короля, но намек был очевиден: Фишер ушел. Консерваторы получили предупреждение о кризисе.

16 мая, полагая, что отставка Фишера окончательна, Черчилль спросил остальных членов совета Адмиралтейства, намерены ли они продолжать работу. Они согласились. Второй морской лорд изъявил согласие занять место Фишера. В Саттон-Кортни, где Асквит проводил воскресенье, Черчилль сказал ему, что на сей раз Фишер действительно ушел в отставку, и добавил: «Мое ведомство в вашем распоряжении, если вы потребуете изменений». Асквит ответил: «Нет. Я не хочу их, но сможете ли вы сохранить совет?»

Черчилль заверил Асквита, что совет Адмиралтейства уже выразил готовность продолжить работу под руководством нового первого лорда. Но было уже слишком поздно. Бонар Лоу решил воспользоваться ситуацией. Утром 17 мая он позвонил Ллойд Джорджу и спросил, правда ли, что Фишер ушел в отставку. Получив подтверждение, он сообщил Ллойд Джорджу, что оппозиция больше не намерена сохранять партийное перемирие. «Среди консерваторов, – заявил он, – растет недовольство позицией безоговорочной поддержки».

«Он особенно подчеркивал, – вспоминал Ллойд Джордж, – невозможность оставлять Черчилля во главе Адмиралтейства, если лорд Фишер будет настаивать на своей отставке. Он ясно дал понять, что оппозиция готова на все, чтобы склонить на свою сторону парламент». Попросив Бонара Лоу подождать, Ллойд Джордж прошел на Даунинг-стрит, 10, и сказал Асквиту, что для предотвращения выступления оппозиции и развала национального единства необходимо создавать коалицию. Асквит тут же согласился. «Это решение, – позже вспоминал Ллойд Джордж, – он принял на удивление быстро».

Ни Ллойд Джордж, ни Черчилль не подозревали, что Асквит переживал личный кризис. Двумя днями ранее кузина Клементины Венеция Стенли сообщила ему, что собирается

замуж. Он умолял ее продолжать переписку, но она отказалась. После ухода Ллойд Джорджа, оставшись на какое-то время один, он написал ей: «Никогда с начала войны на меня не сваливалось столько неприятностей одновременно (и которыми не с кем поделиться). Один из самых тяжелых моментов этих кошмарных дней – что ты, единственная на всем свете, к кому я всегда обращался в моменты испытаний и трудностей и от кого всегда получал утешение, исцеление и вдохновение, оказалась человеком, который ничем не может мне помочь. До смертного часа это будет самым горьким воспоминанием в моей жизни».

Теперь Асквиту нужно было решать: допускать или нет консерваторов в правительство, завершив тем самым почти десятилетие господства либералов в политической жизни Британии. «Я накануне самых поразительных решений, которые потрясут мир, – таких, какие никогда не принимал без твоего совета и согласия, – сообщил он Венеции. – Это так странно и неестественно».

Черчилль не видел необходимости уступать давлению консерваторов. У него был новый совет в Адмиралтействе. Он написал речь, которую собирался произнести в парламенте этим вечером и в которой описывал и защищал все свои действия, объяснял свои отношения с Фишером и причину его отставки. Ворвавшись в кабинет Асквита в палате общин, он начал просить разрешения самому защитить себя и правительство, чтобы утереть нос оппозиции. Он зачитал список членов своего нового совета. Но не успел он закончить, как Асквит перебил его: «Нет. Это не годится. Я решил сформировать коалиционное правительство».

Черчилль был поражен еще более, когда Асквит спросил его: «Что мы можем для вас сделать?» Внезапно он осознал, что дни его в качестве первого лорда сочтены. Асквит желал избежать парламентского кризиса. Ллойд Джордж тоже был очень заинтересован извлечь максимальную пользу из стремления консерваторов войти в правительство. Существовало слишком много причин, по которым оппозиция при желании могла создать серьезные трудности, в том числе опубликованное тремя днями ранее и ставшее широко известным сообщение о нехватке артиллерийских снарядов во Франции.

Опасаясь лишиться поста премьера, Асквит решил пригласить консерваторов не только в администрацию, но и в Военный совет. Лидеры консерваторов благосклонно приняли приглашение наконец-то сыграть роль в определении стратегии войны. Теперь у них уже не было необходимости публично подвергать критике каждый аспект военной политики либералов. Но они выдвинули

одно условие: Черчилль должен покинуть Адмиралтейство. Враждебное отношение, которое в течение десяти лет питали к нему консерваторы, должно было быть удовлетворено: человек, который переиграл Бродрика в 1901-м, унизил Бальфура в 1904-м, оскорбил Милнера в 1906-м, высмеял Лэнсдоуна в 1910-м и осудил Карсона в 1914 г., должен был лишиться власти и влияния.

Асквит поинтересовался у Черчилля, желает ли он занять какой-то иной пост в новом правительстве или предпочтет командную должность во Франции. Не успел Черчилль ответить, как в кабинет вошел Ллойд Джордж. «Почему бы вам не направить его в Министерство по делам колоний? – спросил он. – Там можно очень многое сделать». Черчилль возмутился. Он хотел получить должность, которая давала бы возможность как-то проявить себя в ходе войны. Предложение Министерства по делам колоний, которое в мирное время было одним из важнейших в государстве, сейчас казалось понижением в статусе и оскорблением.

Черчилль оставался в Адмиралтействе еще десять дней и руководил всеми делами. В серии писем Асквиту и лидерам консерваторов он просил о высокой должности с властными полномочиями. Поначалу его тон был жестким. «Я не соглашусь ни на какой пост, кроме как в военном департаменте, – написал он Асквиту 17 мая. – Если это неудобно, надеюсь найти себе занятие в действующей армии».

18 мая Times подвергла критике Черчилля, написав о его «вызывающих беспокойство авантюрах на континенте. Будучи гражданским министром, руководящим военным ведомством, он решил взять власть, которую не следовало передавать в его неуправляемые руки». Черчилль оценил ситуацию и написал в тот же день Асквиту: «Если место типа Министерства колоний, которое предлагалось ранее, все еще для меня открыто, я буду не прав, если откажусь от него. Отправиться в окопы означало бы незаслуженно дискредитировать все то, что я здесь делал».

Черчилль гордился своей работой в Адмиралтействе. Он говорил Асквиту: «Больше всего мне бы хотелось остаться и довести до конца дело, самая трудная часть которого уже позади. Все обеспечено. Ситуация на море не представляет угрозы. После четырех лет руководства и девяти месяцев войны я имею право сказать это». Вечером Черчилль пригласил к себе Макса Эйткена и Ф. Э. Смита. Они проговорили до утра. «Он так хотел остаться на прежнем месте, – вспоминал Эйткен, – словно от этого зависело спасение Англии».

На следующее утро Фишер в письменном виде изложил

Асквиту шесть условий, при которых мог, как он выразился, «гарантировать успешное завершение войны». Черчилль, разумеется, не знал об этом. Первым условием было отсутствие в кабинете Черчилля – «он всегда пытался меня перехитрить». Фишер не согласен был работать и под началом Бальфура. Главным условием было предоставление ему полного руководства военно-морскими операциями, единоличного распоряжения флотом и права назначения всех офицеров любого ранга.

«Лорд Фишер окончательно обезумел», – прокомментировал Хенки. Асквит посчитал так же. Он сообщил королю: «Письмо Фишера указывает на признаки психического расстройства!» Через четыре дня Черчилль написал Китченеру, что, по общему мнению, Фишер сошел с ума.

Черчилль теперь пытался убедить лидеров консерваторов в разумности принимавшихся им решений. 19 мая он переслал Бонару Лоу телеграммы, имеющие отношение к двум эпизодам первых месяцев войны, написав в сопроводительной записке: «Все эти тревожные месяцы я хранил молчание по поводу обвинений в том, что причиной потери трех крейсеров и неудачи во время операции при Коронеле является мое вмешательство в действия флота». В тот же день Черчилль встретился с Греем и Ллойд Джорджем, чтобы просить разрешения опубликовать в прессе заявление, которое он только что написал, по поводу развития событий в Дарданеллах. Они отговорили его, мотивируя это возможной негативной реакцией общественности на известие, что успех операции вызывает сомнения.

20 мая газетный магнат Джордж Риддл, позвонивший Черчиллю с просьбой о встрече, записал в дневнике их разговор, в котором звучала неприкрытая горечь. «Я жертва политических интриг, – сказал Черчилль. – Со мной покончено!» – «Ничего не кончено в сорок лет с вашими-то замечательными способностями!» – «Кончено со всем, что меня волнует, – стратегия войны и победа над Германией. Я занимал высокий пост, который до меня занимали многие достойнейшие люди. Но все пошло прахом. Я жил ради этого. Я подготовил заявление по этому поводу, но даже не могу его опубликовать».

Затем Черчилль прочитал Риддлу заявление, которое Ллойд Джордж и Грей отсоветовали ему публиковать. Целью его, как увидел Риддл, было показать, что каждое решение санкционировалось Фишером, а попытка пройти Дарданеллы силами одного флота была предложена адмиралом Карденом и поддержана адмиралом де Робеком.

Вечером Черчилль отправился к Бонару Лоу показать ему свое заявление и просить согласия на продолжение работы

в Адмиралтействе. Он также передал лидеру консерваторов письмо, в котором были такие слова: «Я передаю вам абсолютно надежную ситуацию в военно-морских силах; мощь флота неуклонно и быстро растет, боеприпасы поставляются в изобилии; организационная работа ведется идеально, над морями не развевается ни один вражеский флаг».

Бонар Лоу обещал поговорить с коллегами по партии, но предупредил, что столкнется с ожесточенным сопротивлением. Ожидая окончательного ответа консерваторов, Асквит получил письмо в защиту Черчилля – «письмо одержимой», как он назвал его в одном из своих последних писем Венеции. Письмо было от кузины Венеции – Клементины. «Если вы выбросите Уинстона за борт, – писала он, – это станет доказательством слабости, и ваше коалиционное правительство никогда не станет такой грозной военной машиной, как нынешнее. Возможно, Уинстон в ваших глазах и глазах тех, с кем он работал, имеет какие-то недостатки, но у него есть превосходные качества, которыми, осмелюсь сказать, обладают очень немногие из членов вашего нынешнего и будущего кабинета, – энергия, воображение, непреклонность. Если вы направите его в другое место, он не сможет продолжать борьбу. Если вы пренебрежете им, вы совершите несправедливость по отношению к нашей стране».

Асквит не ответил на письмо. Не повторил он и свое предложение Черчиллю занять пост министра по делам колоний. 21 мая Черчилль совершил последнюю попытку уговорить Асквита оставить его в Адмиралтействе: «Дайте мне выжить или погибнуть с Дарданеллами, но не вырывайте их у меня из рук». В постскриптуме он добавил: «Я не прихожу к вам, хотя зашел бы с удовольствием. Но было бы очень любезно с вашей стороны пригласить меня сегодня в любое время». Асквит этого не сделал. Вместо этого он написал, что Черчилль «должен принять как данность» то, что в Адмиралтействе он не остается. Бонар Лоу тоже написал ему, уничтожив последнюю надежду на то, что консерваторы смягчат свою позицию. «Поверьте, – написал он, – то, о чем я говорил вчера вечером, неизбежно».

Раздавленный и униженный, Черчилль во второй половине дня написал Асквиту: «Я согласен на любую должность, самую незначительную, если угодно, которую вы предложите мне, и продолжу служить на ней в это военное время, пока дела, в которых я глубоко заинтересован, не разрешатся благополучно, в чем я уверен».

«Рассчитывайте на меня абсолютно – если я еще чем-то полезен, – писал он в другом письме в этот же день. – Если нет – какое-нибудь занятие на фронте». Через два дня Асквит

предложил ему пост канцлера герцогства Ланкастерского – синекуру, сохраняющую ему место в Военном совете. Черчилль согласился.

Черчилль еще два дня оставался в Адмиралтействе. Одним из тех, кто посетил его, был Китченер. Он был настроен доброжелательно. Какое-то время они поговорили о совместной работе. Собираясь уходить, он сказал Черчиллю: «Есть, по крайней мере, одно, чего у вас никогда не отнять. Флот готов».

Карьера Черчилля в Адмиралтействе завершилось. Большинство комментаторов полагали, что закончилась и его карьера в целом. Но редактор Observer Д. Л. Гарвин с уверенностью заявил: «Он молод. Он обладает неустрашимым мужеством. Никому не сравниться с его способностями и энергией. Час его триумфа еще придет».

Черчилль с Клементиной и тремя детьми перебрался в дом брата на Кромвель-роуд, 41, напротив Музея естественной истории. Брат служил в Дарданеллах. Его жена леди Гвенделин с двумя сыновьями радушно приняла их. Но Черчилль чувствовал опустошение из-за неудачи операции в Дарданеллах. «Он всегда в нее верил, – позже вспоминала Клементина. – Когда он ушел из Адмиралтейства, ему казалось, что все кончено. Я думала, он никогда не оправится. Я думала, он умрет от горя».

Теперь у Черчилля появилось много времени для размышлений и попыток разобраться, что он сделал не так. «Если я ошибался, – написал он Хенки в июне, – то лишь в том, что пытался проявить инициативу, не будучи уверенным, что в моем распоряжении есть необходимые средства и ресурсы для ее успешной реализации. От антверпенской экспедиции до Дарданелл никогда не было четкого плана. Теперь в Дарданеллах без плана может произойти самая страшная катастрофа».

В течение лета Китченер строил планы нового наступления на Галлипольском полуострове. Бальфур, преемник Черчилля на посту первого лорда Адмиралтейства, как и Черчилль, обеспечивал поддержку армии в Галлиполи с моря. Одним из его первых шагов в этом направлении стало согласие направить две дополнительные подводные лодки – то самое, которое привело к отставке Фишера. Черчилль часто выступал в Военном совете, теперь переименованном в Дарданелльский комитет, высказывая свое мнение о возобновлении сухопутной операции и захвате фортов, что дало бы возможность флоту наконец попытаться пройти через пролив. Но его взгляды не принимались в расчет. У него не было штаба, который бы изучал их и развивал; у него

не было под рукой и мощного государственного департамента с его бюджетом и персоналом.

Черчилль считал своим долгом защищать свою деятельность на посту первого лорда. Выступая в Данди 5 июня перед избирателями, он сказал: «Архивы Адмиралтейства в подробностях покажут роль, которую я сыграл во всех важнейших операциях. Именно к ним я обращаюсь за защитой». Он также требовал от правительства более активного планирования и руководства. Сам он совершенно очевидно уже был в стороне от принятия решений. «В ответ на жертвы, – говорил Черчилль, – которые все готовы принести, нужны активные действия. Поступки, а не колебания, поступки, а не слова. Поступки, а не агитация. Нация ждет их. Долг правительства – объявлять, что следует делать».

В речах Черчилля вновь начали звучать нотки оптимизма, которые были характерны для его выступлений накануне войны: «Смотреть вперед, а не оглядываться назад. Найти новую энергию в душах и сердцах и приложить ее всем вместе в решающем усилии. Время суровое, нужда крайняя, страдания Европы бесконечны, но объединенная мощь Британии будет неотразимой в войне. Мы – великий резерв совместного дела, и этот великий резерв сейчас должен выступить единым фронтом».

Призыв Черчилля был оценен. «Я овладел собой и успокоился, – писал он одному своему другу. – Вчера осознал, что не совсем бессилен». Тем не менее он был бессилен повлиять на ход событий в Дарданеллах. Он следил, беспокоился, предупреждал, но не обладал властью для активных действий. Во вторую неделю июня он узнал о тяжелых потерях, которые понес флот на мысе Геллес в ходе неудачной попытки наконец достичь целей, поставленных почти два месяца назад.

Погибло более шестисот человек. Два батальона пришлось расформировать. «Бедная флотская дивизия, – писал Черчилль брату 12 июня. – Увы, бойня была жестокой. Всех, кого я знал, не стало. Опять мне захотелось быть с тобой рядом. Но в настоящий момент мой долг быть здесь, где я могу повлиять на ход событий». Но эта надежда была иллюзией. Влияние Черчилля было практически несуществующим, на его предупреждения коллеги редко обращали внимание. Раз за разом он выступал в Дарданелльском комитете, безуспешно доказывая, что лучше на некоторое время отложить наступление, пока не будет достигнуто превосходство. «Все эти недели мне приходится вести суровую битву, – рассказывал он брату 19 июня, – и отвоевывать буквально каждый дюйм. Новое наступление планируется на начало августа. Больше всего меня

беспокоит, что для этого недостаточно людей».

Еще больше тревожила Черчилля, как он писал брату, «уверенность, что война не закончится в этом году. Это порождает у меня грустные мысли. Юность Европы – почти целое поколение – будет выбита».

На лето Черчилль поселился в деревне – в Хэу-фарм близ Годалминга, перестроенном сельском доме эпохи Тюдоров. «Прекрасная долина, – написал он брату, – и сад сверкает летней роскошью. Мы живем очень просто, но со всеми необходимыми для жизни удобствами – горячими ваннами, холодным шампанским, молодым горошком и старым бренди». Однажды его невестка леди Гвенделин раскрыла в Хэу-фарм свой мольберт. Его это заинтересовало. Она, увидев, что он наблюдает за ней, подумала, не помогут ли занятия живописью развеять его мрачное настроение. Она предложила ему пользоваться акварельными красками своих сыновей. Когда он сосредоточивался над холстами, ему казалось, что его заботы испаряются. Он нашел способ справиться с напряжением и депрессией.

Через неделю Черчилль пригласил в Хэу-фарм Хейзел Лавери. Жена художника сэра Джона Лавери и сама была художницей. Когда она приехала, Черчилль стоял у мольберта. На неделе он закупил масляные краски, палитры, скипидар и кисти. Он хотел изобразить пейзаж перед домом – дорожку, пруд, кусты, деревья на заднем фоне и небо. Позже он вспоминал, как его гостья вышла из автомобиля и воскликнула, увидев его за мольбертом: «Рисуете! Дайте мне кисть, самую большую! Затем, – воспоминал Черчилль, – всплеск скипидара, удар синим, белым, яркое пятно на палитре, несколько яростных мазков и штрихов синего по абсолютно закрашенному холсту. Любой понял бы, что обратного пути нет. Никакая судьба не остановит это лихое насилие».

Леди Лавери хорошо выполнила свое дело. «Холсты теперь беспомощно скалились передо мной, – писал он. – Проклятие было снято. Болезненная подавленность исчезла. Я хватал самую крупную кисть и яростно набрасывался на жертву. С тех пор я перестал робеть перед холстами».

Эдвард Марш, начавший работать секретарем у Черчилля еще в Министерстве по делам колоний, остался при нем и в качестве секретаря канцлера герцогства Ланкастерского. Позже он вспоминал об этих первых опытах с живописью. «Новое увлечение, – написал он, – стало отвлекающим и успокаивающим средством, которое отчасти облегчило его душевные страдания».

Казначейство выделило Черчиллю помещение на Абингдон-стрит, 19, напротив палаты лордов. Ему разрешили оставить у себя Марша, а также стенографиста, работавшего с ним в Адмиралтействе, Гарри Бекенхэма. Но в начале июля страдания обострились, когда он спросил у Асквита, может ли он составить компанию премьер-министру на грядущих министерских переговорах по выработке стратегии действий союзников в Кале. Асквит ответил отказом.

Через неделю показалось, что в судьбе Черчилля может наступить перелом. Китченер поинтересовался, не сможет ли он посетить Дарданеллы, чтобы сделать министерский отчет о состоянии и перспективах армии перед планируемым августовским наступлением. Асквит и Бальфур дали свое добро. Готовясь к поездке, Черчилль заверил своего страхового агента, что не станет принимать участия в боевых действиях, хотя допускал: «При определенных обстоятельствах миссия может быть расширена и мне придется посетить Балканские страны». Понимая, что рискует попасть под турецкий артобстрел на Галлипольском полуострове, Черчилль написал письмо, которое должны были передать Клементине в случае его смерти. Объяснив, что его страховые полисы обеспечат ее финансовое положение и что доход по акциям и ценным бумагам обеспечит оплату счетов и кредитов, он писал далее: «Очень важно, чтобы ты сохранила все мои бумаги, особенно те, что имеют отношение к работе в Адмиралтействе». В письме он назвал имя своего литературного душеприказчика. Мастертон-Смит должен был сделать все необходимое для создания полного архива. «Это не срочно, – продолжал он, – но я хочу, чтобы когда-нибудь стала известна правда. Рэндольф подхватит знамя. Не надо слишком горевать обо мне. Я уверен в своей правоте. Смерть – лишь эпизод, и не самый важный в свете того, что сейчас происходит вокруг нас. В целом, особенно с тех пор, как я встретил тебя, моя дорогая, я был счастлив, и ты показала мне, каким благородным может быть женское сердце. Если Там что-то есть, я буду следить за тобой. А ты тем временем смотри вперед, чувствуй себя свободной, наслаждайся жизнью, заботься о детях, помни обо мне. Храни тебя Бог».

Воскресенье 18 июня Черчилль провел в Хэу-фарм, прощаясь с семьей. На следующий день он на несколько минут зашел на Даунинг-стрит, чтобы попрощаться с Асквитом, Китченером и Греем. Пока они обменивались рукопожатиями и желали ему удачи, неожиданно вернулся Керзон, один из вновь назначенных министров от консерваторов. Он поинтересовался, куда собирается Черчилль и в чем ему надо желать удачи.

Получив объяснения, Керзон одобрил поездку и поспешил сообщить об этом своим однопартийцам министрам-консерваторам. Те были поражены. Бонар Лоу, чье вето практически вытолкнуло Черчилля из Адмиралтейства два месяца назад, немедленно проинформировал Асквита, что он с коллегами опасается политического кризиса, если Черчиллю поручат такого рода миссию. Понимая всю силу враждебности консерваторов, Черчилль тут же написал Асквиту, что не поедет. «Мне искренне жаль, – ответил Асквит, – поскольку я полагал, что вы можете оказать реальную услугу стране и правительству».

В течение следующих недель Черчилль неоднократно поднимал в Дарданелльском комитете вопросы о поставке боеприпасов в Галлиполи и о долгосрочной цели августовского наступления. Ответов он не получал, как ни разу не получил и приглашения участвовать в обсуждении вопросов армии и флота. Обращение к Бальфуру с просьбой рассмотреть возможность бомбардировки оружейных заводов в Константинополе осталось без ответа. Не оправдалась и надежда Черчилля на то, что летом он может возглавить особое авиационное министерство, независимое от армии и флота. «Британские военно-воздушные силы, – говорил он Асквиту, – могли бы к концу года стать бесспорно крупнейшей, самой эффективной силой среди всех воюющих стран».

15 июля Черчилль признался своему молодому другу либералу сэру Арчибальду Синклеру, с которым еще до войны обсуждал перспективы авиации и который теперь служил пехотным офицером на Западном фронте: «Я не хочу в кабинеты. Все, что угодно, только не это. Я хочу на войну. По крайней мере, так я чувствую в тяжелые моменты. Мне очень грустно. Я не могу использовать свои способности. В них я не сомневаюсь. Я не думаю, что мои взгляды были ошибочны или что решительное проведение моей политики с учетом всех необходимых рисков было неправильным. Я бы сделал все то же самое, если бы обстоятельства повторились. Но передо мной стоит проблема: надо как-то ежедневно проживать двадцать четыре часа в сутки и отвлекать сознание от дел, о которых я не перестаю думать и которые были моей жизнью».

Новая высадка войск и возобновление наступления на Галлипольском полуострове были назначены на 6 августа. За три дня до этого Черчилль написал брату: «В этом кабинете так много «способных людей», что договориться о чем-либо крайне трудно. Партии служат противовесом друг другу. Просматривается скверная тенденция. Но это не важно. Они по горло увязли в Дарданеллах, а вам остается только идти

вперед». У Черчилля была надежда, что новое наступление станет успешным, но он не строил иллюзий по поводу цены: «Потери, несомненно, будут тяжелыми, но лучше пусть там, где победа может принести плоды, чем в бесцельной бойне на Ипре».

Новым местом высадки десанта в Галлиполи был выбран залив Сувла. «Сейчас мне бы очень хотелось видеть вас здесь, – писал Гамильтон Черчиллю накануне наступления. – Уверен, вы принесли бы пользу всем, пойдя в траншеи и вдохновляя людей». 6 августа Черчилль написал Кеннету Дандасу, с которым ездил на сафари в Восточную Африку в 1908 г. и который сейчас находился в составе морской дивизии: «Искренне надеюсь и верю, что к тому времени, когда это письмо дойдет до вас, ситуация уже существенно изменится в нашу пользу». Письмо вернулось к нему с пометкой на конверте: «Убит». Дандас погиб 7 августа. У него остался четырехлетний сын.

Между тем 6 августа задача не была выполнена. Несмотря на то что в день высадки в Сувле турки не оказали почти никакого сопротивления, британские офицеры не решались послать людей в атаку. Чунук-Баир, хребет, который они должны были захватить, еще не был в руках турок, но, пока британцы медлили на равнине, войска противника заняли его и упорно обороняли. После четырех дней ожесточенных рукопашных боев все надежды захватить его и выйти к проливу, чтобы дать возможность флоту наконец-то пройти в Мраморное море, завершились ничем.

Черчилль получил от брата подробный отчет о сражении. На равнине Сувлы Джек встретился с генералом, командующим одной из двух дивизий, специально присланных для новой операции. «У него полнейшая апатия, – писал Джек. – Бригадиры говорят, что они больше ничего не могут, и тому подобное. Такое ощущение, что все готовы на все плюнуть. Апатия старших офицеров передается рядовым. Рядовые же, начитавшись всяких рассказов о войне, научились относиться к продвижению на 100 ярдов как к событию огромного значения. Они высадились, продвинулись на милю и полагают, что совершили нечто выдающееся. Им не с чем сравнивать – нет подразделений, которые показали бы им, как правильно действовать. Они не знают, что делать».

Черчилль выступал за проведение еще одной военной операции в Галлиполи, но не раньше, чем из Египта будет переброшено на полуостров еще 20 000 свежих войск. В то же время он предостерегал против попыток возобновить наступление на Западном фронте, где немецкие оборонительные линии постоянно укреплялись, а у союзников было мало тяжелой

артиллерии и боеприпасов. Его мнение игнорировали. 21 августа в Галлиполи, используя, как хотел Китченер, только те части, которые уже принимали участие в боевых действиях, Гамильтон предпринял очередной штурм вершины Чунук-Баир. Это было ошибкой. Черчилль предложил возобновить штурм с моря, но Бальфур отверг это. Он также отклонил предложение Черчилля рассмотреть в правительстве вопрос об обеспечении войск в Дарданеллах в преддверии грядущей зимы.

В начале сентября сэр Джон Френч внес предложение, чтобы Черчилль принял на себя командование бригадой на Западном фронте. Обрадованный Черчилль просил у Асквита разрешения оставить правительство и отправиться во Францию. Асквит отнесся к этому благосклонно. Однако Китченер зарубил план. Он не возражал, когда Черчилль временно брал командование на себя в Антверпене или когда собирался с краткой миссией в Дарданеллы, но не хотел, чтобы тот занимал постоянный командный пост. Разочарованный, Черчилль написал Асквиту: «Френч оказал на меня очень большое влияние и всегда очень добр ко мне. Я хочу по разным причинам, общественным и личным, на время сбежать от ситуации, которая нравится мне день ото дня меньше».

С момента отстранения от Адмиралтейства Черчилль постоянно страдал от газетных и устных нападок. Складывалось впечатление, что на него хотят взвалить ответственность за все ошибки морской кампании с августа 1914 по май 1915 г., а также за кампанию на Галлипольском полуострове. После того как ему не удалось отправиться во Францию, Черчилль попросил Асквита распространить в парламенте документы, имеющие отношение к нападкам на него. «Мне постоянно ставят в вину вещи, – писал он, – которые ранее никогда не вызывали возражений, а частично и выполнены после моего ухода из Адмиралтейства. Иногда обвинения появляются в прессе. Но гораздо чаще продолжают жить в разговорах благодаря постоянным упоминаниям о них в газетных статьях. Таким образом широко распространяется убеждение, что я лично участвовал в этих событиях, что неправда и глупость».

Асквит отказался представить документы в парламенте. Затем Черчилль решил направить коллегам по кабинету три увесистые пачки телеграмм, связанных с эпизодами в Коронеле, Антверпене и Дарданеллах. Черчилль верил в способность документов убедить критиков. Позже эти же самые документы легли в основу первых двух томов его воспоминаний о Первой мировой войне. Но никакое количество документов, сколь угодно достоверных и убедительных, не могли покончить

с подозрениями.

21 сентября, когда начались первые министерские дискуссии по поводу вывода войск из Дарданелл, Черчилль написал другу: «Противно наблюдать эту бездеятельность и глупость, все понимая и не имея возможности ничего сделать». В этот день он предложил высадить достаточное количество войск на азиатское побережье пролива с тем, чтобы совершить бросок на Чанаккале. Через девять дней, узнав об огромных потерях, понесенных в результате возобновления наступления на Западном фронте, против которого он выступал ранее, он сказал: «Затратив четверть усилий, которые потребовались для захвата деревни Лос, мы могли бы пройти проливы». Через день Черчилль написал Ллойд Джорджу: «Те же усилия и расходы, которые принесли нам деревню Лос, могли бы принести нам Константинополь и господство над Востоком».

Среди погибших при Лосе был капитан Уильям Шеридан, муж кузины Черчилля Клер. Их ребенок появился на свет за пять дней до смерти отца.

На протяжении всего октября Дарданелльский комитет спорил, надо ли проводить эвакуацию войск с полуострова Галлиполи. Эта неспособность принять решение чрезвычайно раздражала Черчилля. «Солдаты, которые получают приказ идти на смерть, имеют право знать план и цель», – написал он в меморандуме, который в итоге решил не выпускать. 20 октября он направил коллегам предложение использовать горчичный газ в качестве последней попытки прорвать оборону турок. Учитывая массовые убийства армян, совершенные турками, а также большое количество британских солдат, сдающихся в плен, он говорил: «Необоснованные предубеждения против использования горчичного газа прекратятся. Большие газовые установки должны быть направлены в Галлиполи без промедления. Зимний сезон в Дарданеллах обычно характеризуется сильными юго-западными ветрами, что представляет для нас идеальную возможность применения газа».

Предложение Черчилля проигнорировали – равно как и его призыв к объявлению всеобщей мобилизации, и предложение, сделанное в частном порядке Асквиту, о том, что для более эффективного ведения военных действий Китченера следует заменить Ллойд Джорджем. В конце октября, на волне общественной критики правительства, о чем Черчилль неоднократно говорил на закрытых заседаниях кабинета, Асквит заявил, что намерен заменить Дарданелльский комитет группой из трех человек, отвечающих за проведение политического курса.

В нее вошли он сам, Китченер и Бальфур. Черчилль лишился площадки, на которой мог бы предлагать свои планы. Хенки предложил Асквиту поручить Черчиллю миссию в России, но из этого ничего не вышло. Позже Черчилль опять поднял вопрос о возможности создания департамента, ответственного за ведение войны в воздухе. Это тоже ни к чему не привело, и 30 октября он подал прошение об отставке, сказав Асквиту, что изменение в системе руководства военными действиями лишает его возможности быть полезным.

В надежде, что Асквит поддержит его действия в Дарданеллах после сообщения об истории операции, сделанного в палате общин 2 ноября, Черчилль представил премьер-министру подборку документов. Однако, поддержав саму операцию в целом, Асквит не использовал представленные ему материалы и не стал защищать Черчилля от главного обвинения, предъявляемого ему, – в действиях через голову своих советников.

Черчилль стал главным виновным за провал в Дарданеллах – даже за тот период, когда он уже не возглавлял Адмиралтейство, и за действия на суше, которые полностью были в ведомстве Китченера. Он больше не хотел оставаться в Англии. 6 ноября он попросил Асквита назначить его генерал-губернатором Британской Восточной Африки и главнокомандующим местными вооруженными силами. К его удивлению, эту идею поддержал Бонар Лоу, сказав Асквиту, что «мы страдаем от недостатка мозгов в высшем командовании». Но Асквит отказался. 11 ноября была создана новая группа по Дарданеллам уже не из трех, а из пяти человек, но Черчилля в нее снова не включили. В этот день он направил Асквиту второе и окончательное письмо об отставке. Он не считал возможным «в такие времена пребывать в хорошо оплачиваемом бездействии». У него была чистая совесть, и это позволяло ему спокойно взять на себя ответственность за прошедшие события. «Время, – писал он, – оправдает мою деятельность в Адмиралтействе и определит мою истинную роль в организации подготовительных и оперативных мероприятий, которые обеспечили нам господство на море».

После почти десяти лет работы на различных министерских постах Черчилль остался без должности в правительстве. Десятилетие жизни, сконцентрированной между Уайтхоллом и Даунинг-стрит, проведенной в заседаниях кабинета и встречах с государственными чиновниками, завершилось. Он все еще оставался членом парламента, но прекрасно понимал, насколько неэффективен стал парламент в годы войны. 15 ноября, выступив

с личным заявлением в палате общин, он высказал пожелание опубликовать все документы, связанные с его руководством флотом, и в связи с Дарданеллами заявил: «Если бы Фишер не одобрял операцию, моим долгом было бы не давать согласия. Но от Фишера не было ни четких указаний, ни твердой поддержки, на что я имел право рассчитывать».

Черчилль продолжал: «На протяжении последнего года я предлагал правительству одно и то же: не предпринимать на Западе никаких операций, которые чреваты для нас бульшими потерями в живой силе, чем для противника; на Востоке – взять Константинополь, если сможем, силами флота или, если необходимо, силами армии, но взять так или иначе; довериться военным экспертам и взять быстро, чтобы не упустить времени». Тем не менее Черчилль был уверен в окончательном исходе войны. «Мы переживаем трудное время, – говорил он, – и, вероятно, будет еще хуже, прежде чем станет лучше. Но лучше станет, если мы проявим выдержку и терпение – в этом я не сомневаюсь».

Падение Черчилля, а это было именно так, побудило Бонара Лоу заявить в палате общин: «В его достоинствах есть изъяны, но достоинства его велики, и влияние, которое они оказывают, огромно. Я должен сказать: на мой взгляд, по интеллекту и жизненной энергии это один из выдающихся людей нашей страны».

Черчилль решил отправиться в свой полк, сражающийся во Франции. Перед отъездом он устроил небольшой прощальный обед на Кромвель-роуд, 41. Среди присутствующих была дочь Асквита Вайолет, которая позже записала: «Клемми была восхитительно спокойна и мужественна, бедняжка Эдди смахивал слезы, все остальные пытались бодриться, скрывая свинцовую тяжесть на душе. Только Уинстон был в самом веселом и лучшем расположении духа».

Утром 18 ноября в форме майора личного ее величества гусарского Оксфордширского полка Черчилль отправился из Лондона на Западный фронт. Клементина дала ему с собой подушечку, чтобы удобно было спать. Вечером Мастертон-Смит написал ей из Адмиралтейства: «Тем из нас, кто разделял его жизнь здесь, он оставил вдохновляющие воспоминания о своем высоком мужестве и неустанных трудах, а с собой во Фландрию он увез все, что мы могли ему дать, – наши добрые пожелания».

«Я сделал это не потому, что испугался тяжелой ноши или ударов, – написал Черчилль Керзону через три недели, узнав о решении эвакуировать войска из Дарданелл, – но потому,

что в настоящее время именно моя бесполезность, я в этом уверен, полностью истощила меня. Я понял, что для восстановления должен удалиться. Если бы в перспективе я видел хотя бы малейшую возможность влиять на события, я бы остался».

Глава 16
В окопах

18 ноября 1915 г., перебравшись во Францию, Черчилль собирался присоединиться к своему полку в Блекене, в тридцати километрах от Булони. Однако на пристани его ждала машина. Ее прислал сэр Джон Френч, который приказал доставить его в свою штаб-квартиру в Сент-Омере. Но Черчилль решил сначала заехать в Блекен, где несколько часов общался с сослуживцами по Оксфордширскому йоменскому полку, а потом отправился в Сент-Омер, где и переночевал впервые как военнослужащий в штаб-квартире главнокомандующего, «в прекрасном замке, – написал он Клементине, – с горячими ваннами, кроватями, шампанским и всеми удобствами».

В тот вечер Френч предложил Черчиллю выбор – присоединиться к его штабу в качестве адъютанта или возглавить командование бригадой на фронте в ранге бригадного генерала. Черчилль выбрал бригаду, но спросил, нельзя ли сначала набраться немного опыта окопной войны. «Я твердо решил не возвращаться ни в какое правительство до окончания войны, – написал он брату в свой первый день во Франции, – если только мне не предложат широкие и реальные исполнительные полномочия. Но эти условия вряд ли будут удовлетворены. Поэтому я намереваюсь приложить все усилия, чтобы проявить себя в армии. Как ты знаешь, это моя первая профессия, к которой у меня всегда лежала душа».

Набираться окопного опыта Черчиллю предстояло в Гвардейской дивизии. В первый же день во Франции он посетил штаб-квартиру дивизии в Ла-Горг. «К моему удивлению, – писал он Клементине, – в сутки они теряют всего около 15 человек убитыми из 8000, ведущих активные боевые действия. Я буду на тебя дуться, если ты позволишь себе переживать из-за того, что я подвергаю себя риску». Всего через сутки пребывания во Франции все его разочарования, похоже, исчезли. «Я здесь очень счастлив, – рассказывал он ей. – Я раньше не понимал, что означает освобождение. Просто не могу объяснить, как я мог угробить столько месяцев на бессильные переживания, вместо того чтобы провести их на войне».

20 ноября Черчилль присоединился ко 2-му батальону Гренадерского гвардейского полка, который отправлялся на передовую на двухсуточную смену: сорок восемь часов на линии фронта, затем сорок восемь часов в резерве. Первую

ночь он провел к северу от Нев-Шапель в расположении командного пункта батальона, в развалинах того, что называлось прежде Эбенезер-фарм. «В тот вечер, – позже вспоминал он, – принесли тело убитого гренадера и положили в разрушенной ферме, чтобы похоронить на следующий день».

Настороженность офицеров по отношению к новичку быстро рассеялась. «Условия жизни, – рассказывал он жене, – конечно, суровые и не полезные для здоровья, но в целом жаловаться не на что, кроме как на то, что мерзнут ноги. Во второй день на передовой отправился в землянку на передней линии окопов. В этой землянке не более опасно, чем в штабе батальона, – успокаивал он ее, – потому что траншеи соединяются частыми переходами, и пули посвистывают далеко вверху».

Первые сорок восемь часов, проведенные Черчиллем на передовой, познакомили его с опасностями и неудобствами, которые ему предстояло переносить почти полгода. «Грязь и мусор повсюду, – писал он Клементине на второй день. – Могилы копают в тылу настолько небрежно, что из земли торчат конечности, куски одежды; вода и дерьмо со всех сторон, и над всем этим в ослепительном лунном свете полчища летучих мышей под непрекращающийся аккомпанемент пулеметных очередей и свист пуль». Черчилль позже вспоминал: «Именно в этой обстановке я нашел такое счастье и удовлетворение, каких не знал много месяцев».

Тем временем в Лондоне правительство решило провести эвакуацию войск с Галлипольского полуострова. Хенки, являвшийся, подобно Черчиллю, активным сторонником продолжения операции, записал в дневнике: «Решение абсолютно ошибочное, и после отставки Черчилля нам особенно не хватает мужества».

24 ноября, находясь в резерве, Черчилль написал матери: «Представь, я снова чувствую себя молодым». Еще через два дня, вернувшись на передовую в землянку, он получил приказ отправиться в тыл. Там его будет ждать автомобиль, чтобы отвезти на встречу с командующим корпусом. Черчилль как строевой офицер обязан был подчиниться. Сразу после его ухода немцы начали обстреливать передовые траншеи. «Я избежал целой кучи снарядов, которые разорвались на трассе буквально в сотне метров у меня за спиной», – написал он Клементине. Пройдя около часа в сторону от линии фронта по мокрым полям, где постоянно свистели случайные пули и периодически рвались снаряды, он добрался до перекрестка, где его должен был подобрать автомобиль командующего корпусом. Но его прогнали выстрелы. Штабной офицер, который

прибыл за ним, сказал, что генерал «просто хотел поболтать и что это можно будет сделать в любой другой день».

Раздосадованный Черчилль отправился обратно, еще час ковыляя по мокрым полям, но уже в полной темноте. «Можешь себе представить, – рассказывал он Клементине, – как я ругал этого самодовольного генерала, который, разумеется, из лучших побуждений выдернул меня под дождь и ветер – и совершенно зря». Добравшись до передовой, он узнал, что через пятнадцать минут после того, как он ушел, в его землянку попал снаряд. Погиб один человек из трех, находившихся внутри. «Когда я увидел то, что осталось от землянки, я уже не так сильно сердился на генерала, – написал Черчилль Клементине. – Теперь понимаешь, насколько бессмысленно о чем-то переживать. Все – случайность, и наши действия лучше всего не планировать. Надо самым простым и естественным образом принять условия игры и положиться на Бога, что, по сути, то же самое. Такие чудеса, – рассуждал он, – происходят здесь повсеместно. Они не вызывают восторга и даже интереса. Летящий снаряд не вызывает у меня сердцебиения, не давит на психику и не заставляет приседать, как многих других. Я с удовлетворением понял, что многие годы, проведенные в роскоши, ни в коей мере не испортили мне нервы. В этой игре я, надеюсь, окажусь не хуже прочих».

Черчилль оставался с гвардейцами в целом пять суток, проведя еще сорок восемь часов в окопах на переднем крае. «Я дежурил часть ночи, чтобы другие могли поспать, – рассказывал он Клементине. – Вчера вечером обнаружил часового, заснувшего на посту. Я страшно напугал его, но не стал обвинять. Он – молодой парнишка, а я не офицер его полка. А наказание за такое как минимум два года».

Это был сезон сырых, холодных ветров, дождя, слякоти и снега. Меньше чем за неделю его пребывания на передовой два человека погибли, двое скончались от ран, восемь получили ранения. «Если моя судьба до сих пор не предрешена, – написал он Клементине, – значит, она будет хранить меня. В таком случае Рэндольфу не придется стыдиться того, что я сделал для страны».

Черчилль продолжал жить в землянке на передовой. Накат в ней был высотой всего семьдесят сантиметров. Командир его роты написал домой, что Черчилль «воспринял сырой глиняный пол и тесное пространство вполне жизнерадостно, и мы прекрасно проводим время. Он забыл политику, и гораздо сильнее в нем играют военные инстинкты, которые достались ему от его великого предка – герцога Мальборо. Он строго соблюдает дисциплину и приветствует вышестоящих офицеров так же четко, как каждый из нас. Забавный мир».

Свой сорок первый день рождения Черчилль провел в землянке. «Был сильный артобстрел, – рассказывал он Клементине. – Примерно три часа траншеи находились под огнем. Снаряды рвались по два в минуту. Я прекрасно видел все происходящее. Роскошное зрелище. Из нашей роты задело только двух человек, но тем не менее все были очень рады смениться. По возвращении мы отметили мой день рождения самым веселым ужином».

Следующие восемь дней Черчилль находился со своим батальоном в тылу, в Мервилле, куда не доставал огонь вражеской артиллерии. 1 декабря он вернулся в штаб-квартиру Френча в Сент-Омер, где развеселил присутствующих, назвав себя «сбежавшим козлом отпущения». Узнав, что в Галлиполи, скорее всего, будет эвакуация, он признался, что теперь охотно вернулся бы в палату общин и выступил против своих бывших коллег. Рассказывая о дебатах в «Дарданелльском комитете» с мая до ноября, он сказал: «Я был одним из слуг его величества, но не прислугой высшего ранга». Один из офицеров заметил: «Он ничего не растерял, оказавшись в окопах, даже своего блестящего красноречия».

Изобретательность Черчилля тоже не пропала. Теперь он сосредоточился на окопной войне. 1 декабря в Сент-Омере он вернулся к своей идее устройства борьбы с проволочными заграждениями. В записке, которую Ф. Э. Смит согласился распространить в кабинете министров, Черчилль писал, что «вместо того, чтобы бросаться на проволоку голой грудью, следует создать некий металлический щит, который можно двигать вперед на колесах или лучше на гусеницах и который должен быть способен преодолевать стандартные препятствия, такие как рвы, брустверы или траншеи». Каждый, по его мысли, должен быть оснащен двумя или тремя пушками и акустическим прибором. Прочность его должна быть такова, чтобы сминать колючую проволоку, а остановить его могло бы лишь прямое попадание орудия. Гусеничные щиты можно также делать с бронированными кабинами для пулеметчиков.

Клементина и леди Рэндольф очень опасались за жизнь Черчилля. «Если ты будешь слишком высовываться и тебя убьют, – написала Клементина в поздравительном письме к его дню рождения, – мир может подумать, что ты искал смерти из-за переживаний по поводу Дарданелл. Твой долг перед страной постараться остаться в живых (в соответствии с твоей воинской честью)». От леди Рэндольф пришло предупреждение: «Пожалуйста, веди себя разумно. После десяти лет тебе надо постепенно привыкать к окопной жизни. Но я уверена,

ты не будешь «валять дурака». Помни, ты предназначен для более великих событий, даже чем те, что были в прошлом».

Несмотря на политические удары, которые на него обрушились, и резко изменившиеся жизненные обстоятельства, Черчилль не воспринимал все эти изменения трагически. «Сейчас, – писал он Клементине из штаб-квартиры Френча в Сент-Омере 1 декабря, – я пребываю в мире комфорта после роскошной горячей ванны и набираюсь сил перед ужином». Расставание с гренадерами получилось совсем иным, чем встреча. «Тогда полковник, – писал он, – счел необходимым заметить мне: «Мы не хотим показаться негостеприимными, но что касается вашего прибытия – у нас не было выбора». Теперь же все улыбаются, машут руками и приглашают возвращаться когда пожелаю и оставаться сколько захочу. Конечно, мне было очень тяжело, но я старался вести себя наилучшим образом, и уверен, мне это удалось. Теперь у меня ощущение, что я расстаюсь с местом, где провел несколько месяцев. Потери нашего батальона составили 35 из 700 человек – за шесть дней, в которые мы ничего не делали».

Черчилль писал о продуктовых посылках, которые Клементина договорилась отправлять ему из «Фортнум энд Мэйсон». «Дорогая, где посылки с продуктами? Они являются моим единственным вкладом в общий котел, пока я жив. Мы питаемся пайками, а у офицеров есть еще кое-что, присылаемое из дома. Мне тоже хочется вносить свою долю. Так что присылай что-нибудь. Персиковый бренди, например, был бы хорошим вкладом по части спиртного. Что касается армейского будущего, то я второй раз был на обеде у лорда Кавана, командира Гвардейской дивизии, и имел с ним длительную беседу. Он настоятельно рекомендовал мне перед тем, как командовать бригадой, принять батальон. Видимо, я так и сделаю, если представится возможность. Он говорил о назначении меня на высокую должность как о чем-то совершенно естественном, но подчеркивал важность продвижения шаг за шагом».

Черчилль завершает письмо советами Клементине, которая в это время жила с невесткой и свекровью на Кромвель-роуд, 41: «Хорошо питайтесь. Держи достаточно прислуги и горничную; принимай гостей выборочно, время от времени позволяй себе развлечения. Не вижу причин для чрезмерной экономии».

В Сент-Омере, ожидая назначения командующим бригадой, Черчилль подружился с молодым капитаном Луисом Спирсом. 5 декабря они со Спирсом посетили французскую линию фронта близ Арраса. Французский генерал, в чьем расположении они

были, подарил Черчиллю великолепный французский стальной шлем, который тот сразу же оценил. «Я собираюсь носить его постоянно, – писал Черчилль, – поскольку он красив и, возможно, защитит мои драгоценные мозги». Через два дня после этого визита Черчилль поехал со Спирсом на бельгийское побережье в Ла-Панн, где заканчивались линии окопов союзников.

На обратном пути он рассказывал Спирсу о своих планах окончания войны и наступлении на немцев либо через Голландию, либо через Боркум. Всегда изобретательный, он также говорил о запуске торпед с гидропланов. Вернувшись в Сент-Омер, он обнаружил письмо от Керзона, содержащее доклад адмирала Уэмисса, преемника де Робека в Дарданеллах. Керзон решительно поддержал позицию предшественника по возобновлению наступления с моря. «События развиваются быстро, – записал Спирс вечером в дневнике, – и Черчиллю, может быть, придется вернуться в Лондон».

Но утром, на холодную голову, Черчилль понял, что возвращение невозможно. «От моего участия в этих дискуссиях ничего хорошего не будет, – написал он Клементине. – Новый, ничем не скомпрометированный человек типа Керзона имеет больше шансов, чем я». Но письмо Керзона вызвало к жизни прежние мысли. «Если при эвакуации произойдет катастрофа, – писал он, – последствия будут невообразимыми. Расчет будет суровым». Но в результате эвакуация с Галлипольского полуострова обошлась без человеческих жертв.

Самому Керзону Черчилль написал: «Перестав думать об этой печальной ситуации, к которой так долго было приковано мое внимание, я ощутил физическое облегчение, словно буквально сбросил с себя тяжелый груз. Так у человека, который может быть убитым в любой момент – надеюсь, это не про меня, – тревоги, большие и малые, отступают в туманную даль».

8 декабря Клементина пришла в здание Адмиралтейства, где с помощью Мастертон-Смита ее соединили по телефону с мужем в Сент-Омере. Черчилль был рад услышать ее голос, но потом написал: «Поскольку в помещении находился штабной офицер, я многого не мог сказать и боюсь, тебе могло показаться, что я был сух». «Мне тоже хотелось сказать тебе столько всего, чего нельзя прокричать в бездушный микрофон», – ответила Клементина на следующий день. Пока она находилась в Адмиралтействе, из бывшего кабинета Черчилля вышел Хенки. Он сказал ей: «В трудные и тяжелые моменты мне для принятия решений очень не хватает мужества и энергии вашего супруга».

Теперь решения принимали другие. 9 декабря Черчиллю сказали, что он будет назначен командиром 56-й бригады в звании бригадного генерала. «В целом весьма удовлетворительное предложение, – сообщил он Клементине. – Прежде чем возглавить бригаду, надо провести несколько дней в расположении Гвардейской дивизии, находящейся сейчас в Лавенти, чтобы изучить систему снабжения. Я изучаю маршрут от базы до окопов и т. д. Вечер провел в своей прежней роте, распевая песни весьма непристойного содержания. Ты прислала совершенно божественный и роскошный спальный мешок. Ночь пролетела как один краткий миг. Мой французский шлем – предмет всеобщей зависти. Я выгляжу в нем очень воинственно – как воин Кромвеля. Я намерен постоянно носить его под огнем, но в основном для красоты». Он также написал, что у гренадеров бытует мнение, что после бригады его назначат командиром дивизии.

А Клементина страдала. «Я проживаю день за днем в неизвестности и тоске, – писала она. – По ночам лежу и повторяю: «Слава богу, он пока жив». Четыре недели твоего отсутствия для меня как четыре года. Дорогой мой, ну к чему тебе эти военные амбиции? Почему ты не можешь оставаться с гусарами на их квартирах?»

Надежда Черчилля получить командование бригадой, а впоследствии – дивизией внезапно оказались под угрозой, когда Асквит проинформировал Френча, что планируется замена самого главнокомандующего. «Бригада или рота, – написал Черчилль Маршу, узнав это, – для меня в настоящее время одно и то же или почти одно и то же. Я спокойно вверяю себя судьбе в руки с внутренним чувством, что все будет хорошо и что мои главные дела еще впереди». В этот же вечер он написал и Клементине: «Поверь, я неподвластен тому, что происходит. У меня глубокое убеждение, что мои самые главные дела – впереди. Я спокойно плыву по ветру». Вместе с тем он продолжал думать о возвращении в Лондон в не очень отдаленном будущем: «Полагаю, моим долгом в первые месяцы следующего года будет выступить в парламенте и потребовать отставки Асквита и Китченера. Когда я буду уверен, что час настал, я не стану избегать трудностей и споров. Я чувствую огромную уверенность в собственных силах».

Уверенность была Черчиллю необходима. Едва он запечатал письмо, из Лондона в Сент-Омер позвонил сэр Джон Френч. Он только что получил письмо от Асквита, который запретил назначать Черчилля командиром бригады. «Он может взять батальон», – заявил Асквит. Это предполагало понижение звания

от бригадного генерала до подполковника и ответственность не за пять тысяч человек, а менее чем за тысячу. Асквит знал, что на следующий день, если Черчиллю будет обещана бригада, в палате общин консерваторы обязательно поинтересуются, командовал ли он хотя бы батальоном и сколько недель провел на фронте в качестве пехотного офицера. Асквит решил предупредить нападение.

Черчилль распечатал уже написанное письмо Клементине и приписал в постскриптуме: «Отмени заказ на мундир!» После чего добавил: «Не позволяй премьер-министру обсуждать с тобой мои дела. Держись холодно, отстраненно и не допускай даже признаков согласия, что бы он ни говорил». Предложение возглавить батальон возмутило его. «От этого никакой пользы, – написал он Клементине, – за исключением нахождения при главнокомандующем, который верит в меня и намеревается через несколько недель повысить». Риски и хлопоты командования батальоном были значительными. Было много забот, и при этом отсутствие реальной свободы действий.

18 декабря, в последний день пребывания сэра Джона Френча на посту главнокомандующего, они с Черчиллем устроили пикник на природе, после чего вернулись в Сент-Омер. Там Френч сказал своему преемнику, сэру Дугласу Хейгу, что заинтересован в том, чтобы Черчилль, которому не дали бригаду, получил хотя бы батальон. Хейг записал в дневнике: «Я ответил, что возражений не имею, поскольку Уинстон хорошо проявил себя в окопах, а у нас не хватает батальонных командиров».

Позже Хейг пригласил к себе Черчилля. Они познакомились, когда Черчилль был молодым парламентарием, а Хейг – майором. Встреча прошла хорошо. «Он общался со мной крайне доброжелательно и уважительно, – сообщал Черчилль Клементине, – заверил, что ему доставит огромное удовольствие поручить мне бригаду, что его единственное желание – видеть на фронте всех способных людей и что я во всем могу на него рассчитывать».

Было совершено ясно, что Хейг дает ему шанс. В этих обстоятельствах он согласился принять батальон. На следующее утро Френч готовился покинуть Сент-Омер. Попрощавшись с генералами, он вышел и сказал Черчиллю, который ждал в приемной: «Уинстон, очень удачно, что последнюю четверть часа мне предстоит провести с вами». Они некоторое время беседовали наедине, затем, как сообщил Черчилль жене, «он двинулся мимо почетного караула – и быстро сошел с исторической сцены в тусклую обыденную жизнь».

Черчилль не считал отставку Френча оправданной

или необходимой. «Но, – написал он Клементине, – Асквит бросит волкам кого угодно, лишь бы сохранить свой пост. Сам я думаю про батальон, хотя даже не предполагаю, куда могут назначить. Надеюсь, люди будут рады оказаться под моим началом и с уверенностью вверят свою судьбу в мои руки. Я без особого сожаления думаю обо всех делах, которые я, при моей энергии и способностях, мог бы, но не в состоянии сделать. Я наблюдаю насколько могу за слабым, нерешительным и некомпетентным течением государственной политики, прокручиваю в уме, что должно было бы быть сделано, а потом отбрасываю все в сторону».

18 декабря Черчилль написал Ф. Э. Смиту, который в июне был назначен генеральным атторнеем и вошел в состав правительства: «Ко мне здесь все хорошо относятся, я чувствую уважение, и меня обычно призывают вернуться домой и раздолбать это проклятое правительство». После Рождества, не будучи еще назначенным на должность, Черчилль на несколько дней вернулся в Лондон. Там он однажды ужинал с Ллойд Джорджем, который отдалился от Асквита и от центра политической власти. Он также встретился за ланчем с редактором Observer Д. Л. Гарвином, другом Фишера, который выступал за примирение между ними. «Он готов закопать топор войны, – сообщил Гарвин, – и целиком и полностью за вас. Почему бы не открыть заново старое предприятие на новой основе в сопровождении бросаемых в воздух шляп по всей стране? Славы хватит на вас двоих и еще останется с кем поделиться».

Была ли это просто фантазия? В течение четырех дней в Лондоне Черчилль пришел в возбуждение от разговоров о неминуемом кризисе, связанном с воинской повинностью. Вернувшись во Францию 27 декабря, он рассказал об этом капитану Спирсу, который записал в походном дневнике: «В Лондоне он встречался с Ллойд Джорджем, который собирается сокрушить правительство. Когда либо Бонар Лоу, либо Ллойд Джордж станет премьер-министром, то Черчилль получит военную промышленность или Адмиралтейство». В тот же день Черчилль написал Ллойд Джорджу: «Не упустите возможность. Время пришло».

Ожидая в Сент-Омере новостей о своем батальоне, Черчилль перебрался из Генерального штаба в квартиру Макса Эйткена, который тогда занимал пост наблюдателя от Канады на фронте. Они были друзьями, и Эйткен уговаривал Черчилля подумать о возвращении к власти. В это время Черчиллю, как никогда, нужна была поддержка, и он всю жизнь был благодарен Эйткину за веру в него. Пока они общались в Сент-Омере, Ллойд Джордж

посетил Клементину на Кромвель-роуд, 41. «Мы должны вернуть Уинстона, – сказал он и спросил: – Не хочет ли он вернуться в Англию, чтобы возглавить отдел тяжелого вооружения в Министерстве военной промышленности? Сотня тяжелых пушек, которые должны были быть поставлены в марте, задерживается из-за отсутствия напористости ответственного за это человека».

Из предложения Ллойд Джорджа ничего не вышло. На Западном фронте Черчилль побывал еще на двух новых участках. 28 декабря – в Нев-Шапеле. «Немцы, – писал он, – перестали стрелять, как только мы прибыли, и я смог без особого риска осмотреть передовые части, что необходимо для изучения линии фронта». На следующий день они со Спирсом направились на самый дальний участок британской линии обороны к хребту Вими, за которым начинались окопы французов. «Линии разделяют всего несколько метров, – рассказывал он в письме Клементине. – Траншеи на вершине хребта, но здесь гораздо меньше ожесточения, чем на участке гвардейцев. Там нельзя и носа показать без серьезного риска погибнуть. Здесь же часовые смотрят друг на друга через бруствер. Пока мы находились в траншее, немцы дали знать французам, чтобы те попрятались, потому что их начальник собирается дать команду начать обстрел». Снаряды били по ходу сообщения, по которому они со Спирсом пришли, а не в тот, по которому возвращались.

В первый день нового, 1916 г. Черчилль узнал, что ему предстоит командовать 6-м батальоном Королевских шотландских фузилеров 9-й дивизии. Вечером в Мерри он ужинал с офицерами. «Большинство личного состава, – написал он Клементине, – оказалось знакомыми по армейской службе в разных местах, и мы провели приятный вечер». Из двенадцати полковников, командующих другими батальонами 9-й дивизии, один учился в Харроу и Сандхерсте, несколько других участвовали в различных кампаниях. Командир инженерной службы 9-й дивизии майор Хирн служил с ним еще в Малаканде. В письме он назвал Хирна «мой индийский знакомец – толстый, сообразительный, спокойный, рассудительный».

Черчилль рассказал Клементине, что его батальон понес такие тяжелые потери под Лосом, что в нем остался только один кадровый военный – восемнадцатилетний парень, который присоединился к батальону всего несколькими месяцами ранее. Все остальные офицеры были добровольцами, людьми разных профессий из Шотландии, не имевшими опыта окопной войны. У Черчилля было всего две недели, чтобы обучить и сплотить их. Помогать ему в этом должен был его молодой друг Арчибальд Синклер, которого ему удалось назначить своим заместителем.

Черчилль ответственно подошел к своим новым обязанностям. Он попросил Клементину прислать ему однотомник Бернса. «Я буду поднимать их боевой дух цитатами, – пояснил он. – Главное, не пытаться подражать их акценту! Ты знаешь, я большой поклонник этого народа. Жена, выборный округ, а теперь и полк подтверждают это!» Первые мысли о политике в 1916 г. были связаны с Асквитом. «Я нахожу его слабым и вероломным начальником, – написал он Клементине 2 января. – Надеюсь, мне больше не придется служить под его началом. После фразы «предположим, он может взять батальон» я больше не могу испытывать к нему ни малейшего уважения. Что касается Дарданелл, Асквит во всем соглашался со мной и одобрял каждый мой шаг. Но его пассивность и медлительность сломали все планы, а его политическое ловкачество подорвало кредит доверия к нему. Он мог бы поступить справедливо и по отношению ко мне лично, и к моей политике».

Узнав на этой неделе, что идея создания гусеничной машины для преодоления траншей не продвинулась и что Асквит до сих пор избегает объявления призыва в армию, Черчилль воскликнул в письме жене: «Молю Бога о месяце власти и хорошем стенографисте!»

4 января Черчилль был официально назначен на новую должность в звании подполковника. «Очень рад, что появилось дело после этой долгой отвратительно пустой траты энергии, – писал он из Сент-Омера. – Хотя, вероятно, ей можно было найти и более подходящее применение». На следующий день он покинул Сент-Омер и направился в деревушку Муленакер, в пятнадцати километрах от линии фронта, где его батальон располагался в резерве. Позже один молодой офицер вспоминал, что новость о его скором прибытии вызвала «дух мятежа»: падший политик мог бы выбрать какой-нибудь другой батальон. Кроме того, Черчилль вызвал немалое изумление сослуживцев, поскольку привез с собой длинную ванну и бойлер для нагрева воды.

Днем Черчилль собрал офицеров и обратился к ним со словами: «Джентльмены, мы объявляем войну – вшам». Затем, по воспоминаниям другого офицера, провел «такую лекцию о pulex Europaeus[26], ее происхождении, развитии, поведении, среде обитания и роли в войнах – от античных до современных, что все просто разинули рты, изумляясь его эрудиции». Лекция была только началом. После этого Черчилль создал комитет из командиров рот по организации полного искоренения вшей в батальоне. В отличие от Дарданелльского комитета, в котором он совсем недавно состоял, этот комитет действовал. На помощь

был призван французский офицер связи. В Байеле нашлись неиспользуемые пивные бочки, которые доставили в Муленакер для коллективной санитарной обработки. «Это был удивительный момент, но, слава богу, все получилось», – вспоминал один из офицеров. Яркое впечатление получил и француз Эмиль Эрзог – впоследствии знаменитый романист и историк, писавший под псевдонимом Андре Моруа.

7 января на некоторое время принесло Черчиллю душевные переживания, когда он прочитал в Times о новом политическом кризисе, вызванном отказом Асквита объявлять призыв в армию. «Должен признать, это меня волнует и тревожит, – написал он Клементине. – Впрочем, я стараюсь не очень оглядываться назад. Намерен посвятить себя батальону. Но покой здесь и кризис дома – тревожное сочетание для моего сознания».

В этот же день в письме матери Черчилль опять резко отозвался об Асквите. «Я так отношусь к нему, – объяснял он, – потому что он, зная мою работу, принимая участие в моих действиях (а не просто санкционируя их), вышвырнул меня вон, не удосужившись даже ознакомиться с фактами, говорящими в мою пользу. Больше того, при всей полноте своей власти он не пожелал найти для меня такую сферу деятельности, где я мог бы применить все свои знания и энергию. Если я погибну при исполнении скромного долга, который сам себе выбрал, он, несомненно, будет огорчен и потрясен. Но факт остается фактом: он обошелся со мной несправедливо и пренебрег моими способностями, которые можно было использовать с пользой для общества во время войны».

В течение двух недель с помощью офицеров своего штаба Черчилль готовил солдат к возвращению в окопы. Прошла всего неделя с тех пор, как их вывели из траншей под Ипром. Он писал Клементине: «Все офицеры – шотландцы среднего класса, очень храбрые, исполнительные и умные, но, конечно, абсолютные новички в военном деле. Старшие и кадровые выбиты. Но солдаты полны сил, и я надеюсь принести пользу». Его решительность принесла плоды.

«После очень короткого периода, – вспоминал позже офицер Джок Макдэвид, – он поднял боевой дух офицеров и рядовых на невероятную высоту. Это произошло исключительно благодаря его личным качествам. Мы часто смеялись над тем, что он делал, но все чаще понимали, что он делает все правильно. Он смотрел на происходящее не поверхностно, а всегда разговаривал с каждым из нас, выясняя все подробности.

Я не встречал еще ни одного офицера, предпринимавшего столько усилий, чтобы вселить уверенность и завоевать доверие, –

вспоминал Макдэвид, который прослужил на Западном фронте до августа 1918 г. – Он буквально излучал веру».

При этом душевное состояние самого Черчилля было далеко не спокойным. Вести с родины порождали в нем гнев. «В каждый момент, когда голова не занята делом, – написал он Клементине 10 января, – я ощущаю глубокую несправедливость, с которой относятся к моей деятельности в Адмиралтействе. Ничего с этим не могу поделать, хотя и пытаюсь. И тогда их проклятое управление, из-за которого провалилась Дарданелльская операция и было погублено зря столько жизней и возможностей, вопиет об отмщении. Если останусь в живых, настанет день, когда я потребую этого публично».

«Мне так хочется успокоить тебя, – ответила Клементина, – но потом, когда ты будешь в окопах и тебе будет угрожать опасность, ты станешь спокоен и доволен, в то время как я, пребывая в безопасности, буду в смертельной тревоге. Постарайся поменьше об этом думать. Мне будет очень горько, если ты, по природе такой открытый и доверчивый, озлобишься. Терпение – единственная добродетель, которой тебе не хватает. Если ты не погибнешь – ты вернешься к себе прежнему. Это так же верно, как то, что день сменяет ночь». Она была уверена в его политическом будущем.

Прочитав в Times об успехе эвакуации с Галлипольского полуострова и о выступлении Карсона, заявившего в палате общин, что «нерешительность, сомнения и неспособность перестроить мозги в Галлиполи стали пятном на военном руководстве», Черчилль написал Клементине 14 января: «Постепенно люди начинают понимать то, что я понял совершенно четко год назад. Увы, слишком поздно. Слава богу, все вернулись благополучно. Если никогда не происходит так хорошо, как хотелось бы, справедливо и иное: никогда не бывает слишком плохо. Это не решающая катастрофа, это всего лишь жестокая история о зря загубленных усилиях и жизнях, об упущенных навсегда бесценных и уникальных возможностях».

После недели строевой подготовки, тренировок в использовании противогазов, учебных стрельб на ферме Муленакер Черчилль узнал, что им предстоит пробыть в резерве еще неделю. «Очень жаль, что возникла очередная задержка, – написал он жене. – Война без активных боевых действий чрезвычайно нудное дело. Но эти парни явно довольны». «Парни» также были довольны Черчиллем. Выяснив, что один нарушитель дисциплины воевал при Лосе, Черчилль отменил предъявленное ему обвинение. Офицеров обеспокоила подобная снисходительность, но Роберт Фокс, двадцатидевятилетний

пулеметчик, который тоже сражался при Лосе, позже вспоминал: «Черчилль был безупречно справедлив к любому из подчиненных. Я слышал, как он с дотошностью адвоката в суде подверг перекрестному допросу сержанта, который привлек к ответственности рядового. Доказательства не удовлетворили его, и он отменил наказание».

«Я сократил и количество наказаний, и их строгость», – писал Черчилль Клементине 16 января. Он, как и в бытность министром внутренних дел, заботился и о развлечениях для тех, чья жизнь подвергалась постоянному риску и лишениям. Он организовал спортивные состязания и концерт для военнослужащих. После концерта состоялся банкет, на котором солдаты произнесли тост за Клементину. «Я думаю, им больше нужна забота и поощрения, чем муштра. У нас было все – гонки на мулах, сражения на подушках, бег с препятствиями – после чего концерт. Такого пения ты никогда не слышала, – писал он жене. – Люди пели с огромным вдохновением, хотя не имели представления о мелодии. Бедняги, ничего подобного им никогда не устраивали.

А у них ведь так мало ярких событий в жизни, которая может оборваться в любой момент».

Очередное напоминание о своих политических обязательствах Черчилль получил 17 января, когда утром наблюдал за работой немецких самолетов. «Нет оправдания тому, что мы не имеем господства в воздухе, – писал он Клементине. – Если бы мне предоставили возможность руководить этим ведомством, когда я уходил из Адмиралтейства, сегодня мы бы уже имели его. Асквит хотел этого, но, столкнувшись с минимальным сопротивлением, он как обычно пошел на попятную». Еще через два дня Черчилль со страстью писал: «Голова полна мыслей и соображений по самым различным военным вопросам. Но у меня нет возможностей. Я бессилен сделать то, что должно быть сделано. Я вынужден молча ждать тяжелого развития событий. Но все равно лучше сидеть заткнув рот, чем давать советы, которых никто не желает слышать».

Черчилль писал это письмо в шесть вечера. «Плохое для меня время, – жаловался он Клементине. – Особенно остро чувствую потребность приложить свои силы. Душа и тело полны энергии». В письме он ее просил поддерживать контакты с зарождающейся политической оппозицией, в том числе с Ллойд Джорджем, Карсоном и Бонаром Лоу, а также с журналистами, критически оценивающими военную политику Асквита. «Не упускай этих возможностей, – писал он. – Ты единственная, кто может для меня что-то сделать». Такого рода инструкции шли вперемешку с просьбами о посылках бренди, сигар,

консервированного сыра, новых ботинок, нового мундира.

23 января, в последний день пребывания батальона в Муленакере Черчилль пригласил офицеров на ужин в привокзальной гостинице в Хацербруке. На следующий день им предстояло выдвинуться на передовую и провести там двое суток. «Скоро нам предстоит встретиться с немцами, – написал Черчилль четырехлетнему сыну Рэндольфу. – Мы будем стрелять в них и постараемся как можно больше убить. Это потому, что они плохо поступили – начали войну и принесли людям много горя».

Пребывание в Ла-Креше совпало с годовщиной смерти лорда Рэндольфа. «24 января много думал об отце, – написал он матери, – и пытался представить, что бы он сказал обо всем этом. Уверен, я все делаю правильно». Из Лондона поступали сообщения о реальной перспективе создания Министерства военно-воздушных сил. Это его волновало и соблазняло. «Как ты думаешь, есть ли сейчас шанс?» – спрашивала Клементина. «Разумеется, я бы взял Министерство авиации, если бы предложили, – ответил Черчилль. – Вместе с этим появилось бы место в Военном совете. Но премьер-министр не захочет и малейших трудностей. Уверен, он прекрасно понимает, что его интересы напрямую связаны с моим политическим исчезновением. А у меня в голове огромное множество планов, но все равно лучше какое-то время побыть здесь».

Однако не проходило и дня, чтобы он не думал о политике. 25 января он направил длинное личное письмо Ллойд Джорджу, в котором писал: «Асквит силен как никогда. Союз, который вы заключили с теми, кто поддерживает призыв в армию, выдвигает вперед людей, которые смотрят на мир иначе, чем вы. Мечта и цель тори – правительство тори. А вы в результате получите непопулярный закон и множество противников. Неужели прошлогодняя трагедия повторится в еще большем масштабе? – риторически спрашивал Черчилль Ллойд Джорджа. – Неужели кампания полумер на Балканах станет увеличенной копией Галлиполи? Неужели очередное великое наступление обойдется нам уже не в четверть, а в полмиллиона жизней? И все это в сочетании с торжеством ислама в Азии за пять миллионов фунтов в день». Ллойд Джордж не ответил. Он разделял мысли и возмущение Черчилля, но помочь пока ничем не мог.

Шестой батальон Королевских шотландских фузилеров должен был занять километровый участок фронта у бельгийской деревни Плугстерт, которую британские солдаты тут же переименовали в «Плаг-стрит». Пехотинцам полагалось проводить

шесть суток в траншеях на переднем крае, а затем – шесть в ближайшем резерве. Новая штаб-квартира располагалась в приюте монастыря «Сестры Сиона». Черчилль написал Клементине: «Я порадовался встрече с монашками, которые заявили, что спасли этот маленький кусочек Бельгии от немцев. За зданием приюта наша полевая пушка лает, как спаниель, через короткие промежутки времени. Но женщины и дети, по-прежнему живущие в городке, только смеются, когда случайный снаряд попадает в старую церковь. Вечером я уговорил монашек сварить нам прекрасный суп, так что на время мы избавлены от «Маги» и прочей низкопробной продукции».

На рассвете 27 января батальон должен был занять свои траншеи. «Нас уверяют, что на всем протяжении линии фронта от моря до Альп нет участка, укрепленного надежнее», – рассказывал он Клементине. Вызвав офицеров из сараев, в которых они ночевали, он ознакомил их со своими требованиями: «Думать о своей безопасности необходимо, но, с другой стороны, не слишком осторожничать. Держать специальную пару обуви для сна. Пачкать ее только в крайнем случае. Алкоголь употреблять умеренно и не устраивать в землянках «парад бутылок». Смейтесь и научите смеяться своих солдат. Смех под обстрелом – великое дело. Война – игра, в которую играют с улыбкой. Если не сможете улыбаться, скальте зубы. Если не сможете скалить зубы, отойдите в сторону, пока не научитесь».

Фронтовым жильем Черчилля была маленькая, побитая снарядами ферма на полпути между приютом и траншеями. У него была отдельная комната, а также заваленный мешками с песком амбар, в котором можно было укрываться во время артобстрела. Эта ферма, называвшаяся Лоренс, становилась его домом каждую шестидневку на передовой. В первый день он провел три часа в траншеях, размышляя над усовершенствованиями, которые можно было бы сделать, а вечером послал жене письмо со списком требуемых продуктов: «Большие куски отварной солонины, сыр «Стилтон», сливки, ветчина, сардины и сушеные фрукты. Если возможно, большой пирог с мясом, но никаких консервов или куропаток. Чем проще, тем лучше, и к тому же питательнее. В наших пайках мясо жесткое и безвкусное».

За три с половиной месяца, которые Черчилль провел на фронте, ни немцы, ни британцы не предпринимали попыток наступления. Но артиллерийский обстрел немцы вели регулярно, а непрерывный огонь их пулеметов и винтовок был очень опасен. Во время шестидневных смен на передовой был реальный риск

погибнуть или быть раненым. Зато каждая шестидневка в резерве в монастырском приюте, несмотря на обстрелы, обеспечивала относительную безопасность. «Артиллерист, в особенности бош-артиллерист, раб привычки, – объяснял Черчилль Клементине, – и придерживается раз и навсегда выбранной цели. Поэтому стрельба настолько точна, что, отойдя от цели хотя бы на сотню метров, ты почти в безопасности».

У Черчилля была ванна и бак для нагревания воды, а Эмиля Эрзога он посылал на поиски свежей баранины, овощей и молочных продуктов. Но и этот минимальный комфорт порой нарушался. «Только что принял превосходную горячую ванну, – написал он Клементине 29 января, – лучшую за месяц, и наслаждался чистотой, как вдруг над головой раздался оглушительный грохот, и я весь оказался в печной саже. Снаряд проклятых бошей разорвался у нас над крышей, повыбивал стекла и перепачкал меня! Да, это очень странный мир, и я уже навидался всякого». Матери в этот же день он писал, что «приходит в раздражение от одной только мысли, как много всего должно быть сделано, а мои способности остаются неиспользованными в такое великое время. Но ты должна помнить, что для победы нужна настойчивость. Что касается меня самого, то на большом или малом посту, в кабинете министров или на линии огня, живым или мертвым, мой курс неизменен – «никогда не сдаваться». В том же письме он требовал от нее поддерживать контакты с друзьями.

Трое политиков, друзей Черчилля, собрались во Францию. Днем 31 января он встретился с ними у Макса Эйткена в Сент-Омере. Приехали Ллойд Джордж, Бонар Лоу и Ф. Э. Смит. Молодой офицер, который сопровождал Черчилля, позже вспоминал: «У них была общая уверенность, что от Асквита следует избавиться любой ценой». Ллойд Джордж дал понять, что намерен возглавить Военное министерство, и Черчилль надеялся, что он его получит. Сам он хотел бы сформировать некий действенный правящий орган, в который, по его мнению, должны были войти Ллойд Джордж, Ф. Э. Смит, Бонар Лоу, Карсон и Керзон. «Держу это постоянно в голове, – писал он жене. – Это будет альтернативное правительство, когда правление Асквита подойдет к концу».

Черчилль, впрочем, не торопился. «Если здесь все окончится благополучно, – написал он Клементине, – я стану гораздо сильнее, чем когда-либо. Я гораздо охотнее вернусь сегодня вечером в траншеи, чем домой на какую-нибудь заурядную должность. Но я бы так хотел повидаться с моей любимой кошечкой».

В феврале Черчилль провел три шестидневные смены на передовой. С наступлением темноты он перелезал через колючую проволоку и отправлялся на нейтральную полосу проверять передовые посты, скрытые в воронках от взрывов. Однажды вечером, когда он с группой офицеров приблизился к одной из таких воронок, немецкий пулеметчик открыл огонь. «Мы все нырнули в воронку, которая, как оказалось, была уже переполнена людьми, – позже вспоминал один из офицеров. – Но все, съежившись, как-то устроились. Внезапно в глубине воронки вспыхнул ослепительный свет. Старший офицер сквозь зубы потребовал: «Выключите этот чертов свет!» Только через пару секунд он сообразил, что, скрючившись, сам случайно включил собственный фонарь».

Иногда снаряды залетали на территорию фермы Лоренс. Однажды после ланча Черчилль с офицерами сидели за кофе и портвейном, когда начался обстрел. Один из снарядов упал довольно близко, так что дрогнуло окно. «Только мы начали обсуждать, не стоит ли укрыться в амбаре, – рассказывал Черчилль Клементине, – как раздался оглушительный грохот, помещение заполнилось пылью, тарелки разбились, стулья опрокинулись. Всех накрыло обломками, а адъютант Джок Макдэвид – ему всего восемнадцать – был ранен в палец».

Черчилль не рассказал Клементине, что ему и на этот раз повезло. «Уинстон занимался своим фонарем, – позже вспоминал Макдэвид. – Когда залетел снаряд, он возился с этой штуковиной, и осколок врезался в металлический корпус фонаря. Это было меньше чем в паре дюймов от его руки. Чуть ближе – и он бы наверняка лишился кисти». Макдэвид отправился домой в отпуск по ранению. В Лондоне он заглянул к Клементине и передал ей этот злосчастный осколок. Он также сообщил ей, что ее муж временно исполнял должность командира бригады и нес ответственность за четыре тысячи человек. Но это продолжалось всего сорок восемь часов – пока командир бригады куда-то ненадолго отлучился.

В первый из этих двух дней командования бригадой к Черчиллю явился неожиданный гость – лорд Керзон. «Я сводил его на мою разбитую ферму, – рассказывал он Клементине, – провел вдоль моих собственных траншей. Он рассказал мне все новости и в своей обычной энергичной манере изложил взгляды на людей и политику. К счастью, нас не задело. И снаряды, и пулеметные очереди очень тактично били туда, откуда мы уже ушли, или туда, куда мы еще не добрались».

На второй день гостем Черчилля был Хью Тюдор, друг по Бангалору, который теперь стал артиллерийским генералом

и воевал при Лосе. Оба весьма критически оценили систему телефонной связи на фронте. «Дорогая моя, – написал Черчилль Клементине, – сколько ошибок они натворили при Лосе! Ты просто не поверишь, что такое возможно. Если бы мы в Адмиралтействе, как они, делали все вразвалочку, мы бы никогда не одолели немецкие субмарины. Видит бог, я бы заставил их всех прыгать, если бы у меня была власть, хотя бы месяц. На фронте, к примеру, должно быть раз в десять (как минимум) больше узкоколеек. Это война техники и умов – смелость и самоотверженность пехоты этого не заменяет и не никогда заменит».

10 февраля, находясь в резерве на новой ферме Сойер, Черчилль наблюдал за обстрелом Плугстерта. «Снаряды, попадавшие в церковь, – писал он, – поднимали клубы красной кирпичной пыли, которые весело смешивались с белыми клубами взрывов. Шрапнель била непрерывно. Трое или четверо наших людей, которые находились в городе, были ранены, один смертельно, другой просто был в шоке – снаряд взорвался рядом с ним, и он мог мгновенно погибнуть. За первые сорок восемь часов в резерве батальон потерял восемь человек – больше, чем за шесть суток на передовой. У меня осталось меньше 600 человек из 1000. Во многих батальонах то же самое».

Артиллерийские обстрелы стали привычной ежедневной опасностью. Посетив в тот же день с Хью Тюдором позиции британских войск в Плугстерте, Черчилль стал свидетелем того, как артиллеристы Тюдора открыли огонь по немецким траншеям. Затем ответили немцы. «Это был первый интенсивный артиллерийский обстрел, под который я попал. Конечно, это было довольно опасно, – рассказывал он Клементине. – Кроме артиллерии, немцы стреляли и из минометов. Видны были летящие мины. После того как мина падает, до взрыва есть определенный интервал времени, когда надо решить, что делать. Это мне больше всего понравилось. Оказалось, нервы мои в идеальном состоянии, не думаю, что хоть раз даже учащался пульс. Но после того как стрельба закончилась, я почувствовал странную усталость, словно целый день занимался тяжелой работой – сочинял речь или писал статью».

Через сорок лет Черчилль писал Тюдору, который напомнил ему об этом эпизоде: «На самом деле это был единственный случай настоящего артобстрела, который я пережил на передовой. Не скажу, что получил бы удовольствие, если бы это продолжалось восемь часов, а не час. Хорошо, они прекратили, как обычно, с приятной немецкой пунктуальностью».

13 февраля Черчилль вернулся на ферму. «Мне кажется, –

написал он Клементине, – что все, что было в прошлом, – только сон, а я всю жизнь медленно двигался вперед с армией – от субалтерна до полковника». На следующую ночь он вновь пошел на нейтральную территорию, проверял проволочные заграждения, посещал посты. Вернувшись на ферму, лег немного поспать. К северу от Ипра слышалась артиллерийская канонада. Но ничто не могло помешать ему думать о политике. Узнав на следующий день, что Керзон, скорее всего, возглавит Министерство военно-воздушных сил, он писал: «Должен признаться, меня возмущает их неблагодарность. Если бы не мои личные усилия, у нас не было бы и половины воздушного флота, который мы имеем сегодня».

Утром 16 февраля, во время завтрака, ферма Лоренс вновь подверглась артиллерийскому обстрелу. Было несколько прямых попаданий. Два человека были ранены, в том числе один из пяти офицеров штаба Черчилля. «Мы спешно похватали нашу яичницу с беконом, хлеб, мармелад и укрылись в землянке, – рассказывал он Клементине. – Пока мы там отсиживались, штук двадцать снарядов взорвались на ферме и рядом. Было довольно странно жевать бекон и мармелад, в то время как врач перевязывал большую открытую рану нашему бедняге офицеру буквально в паре футов от нас!» Когда этот офицер отправился в отпуск по ранению, получил в подарок носовую часть снаряда, который его ранил. «Он поцеловал его! – написал Черчилль. – От радости, что уезжает, он почти не чувствовал боли».

В этот день Черчилль получил отчет о первых испытаниях танка, за что он так давно и настойчиво боролся. «Как видишь, идея приносит плоды, – писал он Клементине 17 февраля. – Но сколько усилий надо было приложить, чтобы что-то сделали! И насколько я бессилен! Ну не дураки ли они, что не используют мою голову? Или мошенники, которые ждут, пока ее не пробьет какой-нибудь залетевший осколок? Я не боюсь ранения или смерти, мне нравится здешняя жизнь, но их наглость и самодовольство порой вызывают у меня сильную злобу».

Однажды Черчилль поразил своих молодых офицеров, поставив мольберт и начав рисовать. Он рисовал полуразрушенную ферму, двор с воронками от снарядов и взрывы над деревней. Живопись давала выход психической энергии, которая в противном случае была бы направлена на политику. Тем не менее в тот же день, размышляя о контрасте, который представляло собой Адмиралтейство при нем и сейчас, при Бальфуре, писал: «Как легко ломать. Как трудно строить. Как легко выбросить, как трудно приобрести. Как легко ничего не делать. Как трудно чего-то добиться. Война – действие,

энергия, риск. А эти бараны желают только пастись среди маргариток».

Черчилль постоянно заботился о безопасности солдат. Он настоятельно требовал, чтобы брустверы были достаточно толстыми, а землянки надежно укрыты мешками с песком и пр. «Все наслышаны о твоих усовершенствованиях в батальоне, – писала Клементина. – Об этом рассказывают солдаты, приезжающие с фронта в отпуск». Тогда же ее знакомый полковник написал ей из Франции про ее мужа: «Он в отличной форме, лучше чем когда-либо прежде. Полон сил и энергии, превратил свой батальон из средненького в очень хороший».

Артобстрелы резерва продолжались. «Даже за деревней снаряды преследуют нас. Над полями, распаханными взрывами, свистит шрапнель, – писал Черчилль Клементине. – Можно жить спокойно и на краю пропасти, но я понимаю, как устают люди, если это продолжается месяц за месяцем. Все возбуждение пропадает, остается только тупая злость. Этим вечером мы снесли им одну колокольню, а они в отместку обстреляли нас. Во время артобстрелов немецкие аэропланы летают совершенно свободно, презирая наши зенитные установки. Никаких сомнений, у кого господство в воздухе!»

26 февраля Черчилль в третий раз вернулся на ферму Лоуренс и в траншеи. Уже выпал снег, но внутри надежно укрепленного мешками с песком помещения было даже жарко, а спать было спокойно и удобно. На другой день двое из его батальона погибли из-за недолета собственных снарядов. На следующий – немецкие снаряды убили троих. В последний день на передовой погибли еще шесть человек.

Черчиллю предстоял семидневный отпуск. Батальон вернулся в резерв, и он рано утром 2 марта поспешил в Булонь, откуда на эсминце добрался до Дувра и к вечеру уже был дома. Он собирался отдохнуть, повидаться с друзьями, с матерью, пару раз сходить с Клементиной в театр и посетить лишь одно публичное мероприятие – представление его портрета в Либеральном клубе, где, как он считал, можно будет произнести речь. Других общественных мероприятий не намечалось. Однако, оказавшись дома, он, к своему удивлению, узнал, что в ближайшие пять дней Бальфур намерен представить бюджет флота. Черчилль решил принять участие в обсуждении и осудить то, что ему представлялось ошибкой правительства, – отсутствие активных действий на море, а также изложить собственные соображения по поводу неэффективности войны в воздухе.

3 марта, отложив прежние планы, Черчилль работал

над выступлением. Вечером мать устраивала ужин в его честь, на который пригласила кое-кого из тех, кто пытался примирить Черчилля с Фишером. Среди приглашенных был и вызванный телеграммой из Манчестера редактор Manchester Guardian Ч. П. Скотт, один из самых активных сторонников возвращения Фишера в Адмиралтейство.

На следующий день, к негодованию Клементины, ее муж пригласил Фишера на Кромвель-роуд. «Не трогайте моего мужа! – взорвалась она во время обеда. – Вы уже однажды сломали ему жизнь. Оставьте его в покое!» Но Черчилль по-прежнему был очарован Фишером, хотел снова работать с ним и знал, что тот до сих пор популярен в стране. Еще месяц назад, с началом кампании в прессе за возвращение Фишера, он писал Клементине: «Фишер без меня станет катастрофой. Только я умею обращаться с ним». Теперь он видел возможность возвращения Фишера, а заодно и своего собственного.

Вечером 5 марта Фишер с Черчиллем встретились снова. Черчилль прочитал ему речь, с которой собирался выступить через два дня. Он хотел не только подвергнуть критике деятельность Бальфура на посту первого лорда Адмиралтейства и оправдать собственную – он собирался закончить призывом вернуть Фишера. В четыре часа утра Фишер написал Черчиллю: «Я не спал и думал о том, что вы говорили мне прошлым вечером. Это эпоха в вашей жизни! Я буду лишь скромным орудием! Такое доказательство вашего исключительного видения целей войны окажет (и справедливо) огромное влияние на вашу популярность. Так оседлайте эту популярность!»

Клементину все равно очень беспокоило восстановление отношений мужа с Фишером. Она считала его дезертирство с поста в мае 1915 г. предательством, которое привело к падению ее мужа, и опасалась, как бы он еще раз не использовал свое влияние во вред. Весь день 6 марта она уговаривала Черчилля не выступать в прениях и вернуться в армию. Но он был настроен решительно. К этому его подталкивал и Ч. П. Скотт, которого Фишер уговорил встретиться с ним еще раз. «Я настаивал, что в политическом смысле не может быть никаких сомнений, что он гораздо полезнее в парламенте, чем на фронте, – записал Скотт в дневнике. – Что касается флота, нельзя терять и дня для исправления серьезных и всеми признанных недостатков. Но все, что связано с оживлением армии и о чем у него есть четкие представления, рухнет, если он уедет».

Вечером за ужином у Черчиллей на Кромвель-роуд присутствовали Асквит с супругой. Их дочь Вайолет позже вспоминала: «Когда Марго Асквит сказала Черчиллю,

что сожалеет, что он собрался выступать в парламенте, он, сверкнув глазами, ответил, что ему чрезвычайно важно высказаться о флоте». Марго, по словам дочери, была убеждена, что Черчилль мечтает о сильнейшей оппозиции, которую сам думает возглавить. Асквит тоже пытался отговорить Черчилля от выступления, но тщетно. Утром в день начала дебатов к Черчиллю опять зашел Ч. П. Скотт и сказал, что выступить с такой речью требует больше мужества, чем война в окопах. Пока Черчилль вносил последние поправки в выступление, пришло письмо от Фишера. Он опасался, что Асквит отговорил Черчилля выступать. «Может, я уже слишком поздно? – беспокоился он. – Но судьба вложила изюминку в ваши уста. Истинный премьер-министр! Как у лидера оппозиции у вас нет соперников!»

Целью выступления Черчилля 7 марта было пробудить у парламентариев ощущение нависшей опасности: у флота нет энергии и стратегии; цели, которые они с Фишером поставили еще полтора года назад, не достигнуты, тогда как военная мощь Германии остается непревзойденной. Парламентарии с особым вниманием выслушали слова Черчилля: «Мы видим наше заметное развитие, но не забывайте – все остальные тоже развиваются. Вы не можете себе позволить и малейшей передышки. Вы должны непрестанно гнать эту громадную машину вперед на предельной скорости. Потерять скорость означает не просто остановиться, но отстать и проиграть. Страна ликвидировала недостаток боеприпасов для армии. За счет огромного человеческого напряжения и денег мы уже контролируем это, и в недалеком будущем нас ждет подъем. Недостаток материальных ресурсов на флоте, если он произойдет по каким-то причинам, не оставит нам шансов. Кровь и деньги, сколь бы щедро их ни проливать, никогда этого не исправят».

Затем Черчилль заговорил об опасности, которую представляют подводные лодки, и о необходимости усиления борьбы с участившимися атаками дирижаблей. «Слишком осторожная политика в отношении флота, – предупредил он, – ни в коей мере не означает благоразумия». Затем, имея в виду Фишера и себя лично, он заявил: «Требую занести в протокол, что покойный ныне Совет ни в коем случае не имел права быть пассивным на протяжении всего 1916 г. В отношении авиации сейчас Адмиралтейство имеет ресурсы гораздо большие, чем обладали мы с лордом Фишером. Но при этом оно не сочло возможным атаковать ангары цеппелинов, что даже в самые первые дни делала горстка летчиков морской авиации, совершая налеты на Кельн, Дюссельдорф, Фридрихсхафен и даже Куксхафен».

После этого Черчилль перешел к заключительной части, без которой, как он сказал, «я бы не стал выступать сегодня и не стал бы произносить слова предупреждения, не будучи уверенным, во-первых, что они произносятся вовремя, чтобы успеть принести плоды, а во-вторых, не имея конкретного и практического предложения. Совершенно не сомневаюсь, что должен это сказать. Было время, когда я не предполагал, что смогу заставить себя произнести это, но несколько месяцев я провел далеко отсюда, и моя голова прояснилась. Время критическое. Вопросы важнейшие. Великая война усиливается, расширяется и захватывает всех нас. Существование нашей страны зависит от флота. Мы не можем позволить себе лишить флот любых, самых мощных возможностей, которыми мы располагаем. Никакие личные отношения не должны стать преградой между страной и теми, кто способен служить ей лучше всего».

Ллойд Джордж шепотом поинтересовался у Бонара Лоу, что собирается предложить Черчилль. «Он хочет предложить вернуть Фишера», – ответил тот. «Я не поверил», – рассказывал Ллойд Джордж приятелю на следующий день, но Бонар Лоу оказался прав.

«Я призываю первого лорда Адмиралтейства без промедления, – продолжал Черчилль, – собраться с силами, оживить и воодушевить совет Адмиралтейства, вернув лорда Фишера на должность первого морского лорда». Палата была изумлена и поражена. Насмешки над Черчиллем начались сразу же. «Не знаю, сколько постов занимал Черчилль в своей краткой и блестящей карьере, – заявил парламентарий от консерваторов адмирал сэр Хедуорт Меус, – но он преуспел на всех. И я полагаю, то, что скажу сейчас, будет поддержано большей частью членов палаты. Мы все желаем ему больших успехов во Франции и надеемся, что он останется там».

Черчилль был поражен такой враждебной, издевательской реакцией на его предложение. Тем не менее он решил не возвращаться во Францию. Вместо этого он собрался выступить через неделю на обсуждении бюджета армии, уверенный, что следует громко заявить об ошибках и недостатках Военного министерства. Утром 8 марта Фишер пришел к нему, чтобы уговорить его остаться в Лондоне и продолжать критические выступления в парламенте. Во время этого визита он опять схлестнулся с Клементиной, которая сомневалась, что после «профишеровской» речи ее муж сможет получить хоть какую-то поддержку парламента.

Днем в палате общин Бальфур язвительно напомнил

парламентариям слова Черчилля, произнесенные в ноябре 1915 г., насчет того, что Фишер не поддерживал и не помогал ему в решающие моменты Дарданелльского кризиса. Черчилль кратко выступил в свою защиту: «Мистеру Бальфуру не следовало бы чрезмерно раздражаться или возмущаться по поводу моего выступления, потому что в конечном счете слова имеют очень небольшое значение, а любая ошибка в этом вопросе значит очень многое». Что касалось призыва вернуть Фишера, это вызвало у Бальфура чисто умозрительные соображения и сомнения. Суть их была в следующем: «Можем ли мы каким-либо образом соединить энергию лорда Фишера с максимально быстрым выполнением его программы? Если да, то добьемся общественного признания».

Убежденный, что все еще может как-то влиять на проблемы, связанные с армией, авиацией и флотом, и больше не заинтересованный в командовании бригадой и даже дивизией, 9 марта Черчилль попросил Китченера уволить его, как только это может быть сделано без ущерба службе. Пока же он хотел продлить отпуск, поскольку на следующий день ему надо было возвращаться во Францию. Китченер показал письмо Асквиту, тот не возражал. В этот же день Асквит встретился с Черчиллем и напомнил, как его отец «одним импульсивным поступком» совершил политическое самоубийство. Черчилль ответил, что у него много горячих сторонников, которые ждут, когда он их возглавит. «В данный момент вы не можете рассчитывать ни на кого», – возразил Асквит.

Когда они расставались, у Черчилля на глазах были слезы. Асквит был убежден, что ему следует вернуться во Францию. Но на следующий день на дополнительных выборах в Хартфордшире кандидат от правительства проиграл независимому кандидату Ноэлю Пембертону Биллингу, командиру эскадрильи военно-морской авиации, который решил бороться за место, чтобы отстаивать развитие военно-воздушных сил. Фишер и Гарвин поспешили на Кромвель-роуд, чтобы уговорить Черчилля остаться и продолжить борьбу в парламенте. К своему удовлетворению, они обнаружили, что он уже подготовил выступление для дебатов по поводу армейского бюджета. Он зачитал им текст. Фишер позже назвал его «несравненным», написав Ч. П. Скотту: «Уверен, правительству скоро придется убираться вон, если наш друг останется, что ему и следует сделать, и если он выступит в четверг на обсуждении армейского бюджета».

Вечером 10 марта Фишер еще раз встретился с Черчиллем. Но тот уже начал сомневаться в разумности своего участия

в дебатах по армии. На следующее утро, возвращаясь к тому, что когда-то спровоцировало их разрыв, Фишер написал Черчиллю: «Если какая-то лицемерная болтовня о чести или асквитовское шулерство убеждают вас не участвовать в дебатах, чтобы заклеймить позором правительство за массовое убийство наших солдат и за полную неспособность к ведению войны, тогда я скажу, что вы сами станете убийцей, потому что сейчас вы единственный, кто может предотвратить катастрофу и поднять голос за смещение Китченера».

Следующим вечером Черчилль и Фишер увиделись снова. Черчилль так и не решил, как ему следует поступить. Макс Эйткен пытался убедить его остаться в Лондоне и выступить, но по размышлении он все же решил вернуться во Францию. «Я почувствовал себя не готовым принять ваш совет, – написал он Эйткену, уже вернувшись в Плугстерте. – Инстинктивно я был согласен с вами, но у меня здесь обязательства, от которых нельзя отказаться. Я также не чувствую сил, необходимых для решения огромных задач, о которых вы говорили. Дело в том, что мои интересы слишком очевидны и никто не знает, насколько это может повлиять на мнение окружающих». Что это были за «огромные задачи»? Возглавить оппозицию либералов и консерваторов? Стремиться к смещению Китченера и даже Асквита?

Под давлением Клементины Черчилль согласился уехать во Францию. Одному из либералов, активных критиков Асквита, он сказал, что надеется вернуться до завершения дебатов по бюджету армии. «Осмелюсь предположить, что примерно через неделю я смогу вернуться в палату общин, – написал он и поинтересовался: – Есть ли вероятность, что дебаты продлятся и на следующей парламентской неделе? Если да, черкните мне пару строк, и я снова настроюсь на тему, о которой говорил вам».

13 марта Черчилль вернулся на Западный фронт. По дороге в Дувр он повторил Клементине аргументы в пользу перехода в парламентскую оппозицию. Клементина, еще недавно не желавшая его отправки на Западный фронт и так боявшаяся за него, теперь скептически оценивала его политические шансы по возвращении в Лондон. Она опасалась, что его обвинят в непоследовательности и беспринципности, если он оставит батальон, который возглавил всего два месяца назад. Но Черчилля это не убеждало. Он написал заявление Асквиту с просьбой освободить его от командования. Письмо он переслал Клементине вместе с заявлением, которое просил передать в информационное агентство Press Association.

Расстроенная Клементина отправилась к Карсону

в Роттингдин, на южное побережье. Он советовал Черчиллю не торопиться с возвращением. Черчилль между тем переправился в Булонь, потом поспешил на восток, в Плугстерт. Его батальон был в траншеях на передовой. По дороге, подумав, он решил, что Клементина права: если вернуться к концу дебатов, это может показаться суетливостью. Этим же вечером он отправил Асквиту телеграмму, аннулируя свое заявление. Асквит прислал на Кромвель-роуд личного секретаря, чтобы забрать заявление для Press Association. Клементина, только что вернувшаяся из Роттингдина, отдала его с облегчением.

Но отзыв письма был лишь временной передышкой. Черчилль твердо решил вернуться на политическую сцену. Оставался один вопрос – когда? «Ты увидела меня очень слабым, глупым и психически неустойчивым на этой неделе, – написал он Клементине в первый вечер по возвращении в батальон. – Двойственные обязательства, в равной степени почетные и ответственные, раздирают меня. Но я уверен, мой истинный боевой пост – в палате общин». Через три дня, будучи в резерве, он попросил ее связаться с Гарвином, Скоттом и остальными: «Не давай им заснуть или подумать, что я вышел из игры». Через день, читая отчет о дебатах по армии, в которых надеялся принять участие, он написал ей: «Насколько иначе я бы все сделал! Моя убежденность крепнет с каждым днем – мое место там, и я способен занять его с честью и пользой для общества».

По возвращении в батальон Черчилль узнал, что бригадир недоволен его чрезмерной мягкостью в наказаниях. Он немедленно подготовил статистику, чтобы показать, что с тех пор, как командует батальоном, сократилось количество как нарушений, так и наказаний. Вечером после возвращения он посетил соседние батальоны, о чем рассказал Клементине: «Те же самые условия – разбитые дома, землянки, заваленные мешками с песком, траншеи, густо опутанные колючей проволокой, воронки от снарядов, кладбища, усеянные маленькими крестами, разбитые дороги и солдаты в хаки. И так на сотни и сотни миль по обе стороны. Несчастная Европа! Только отдельные винтовочные выстрелы и редкие пушечные залпы нарушают вечернюю тишину. Приходит мысль: какую выгоду получают народы от своих армий? Где я больше могу способствовать победоносному миру – в палате общин или в окопах? – спрашивал он. – Это – единственный вопрос. Поверь, если бы моя жизнь могла принести пользу, я бы не пожалел ее».

Еще одно событие армейской жизни ненадолго нарушило спокойствие Черчилля – уход командира бригады. Внезапно повышение, на которое он рассчитывал с января, оказалось

реальностью. Но должность отдали другому офицеру Гренадерского гвардейского полка, который был на три года моложе Черчилля. «Это показывает, – убеждал он жену, – что здесь у меня нет перспектив. Мое место – парламент». «Прошу, не думай, что меня страшат трудности и риски, – написал он Гарвину с фермы Лоренс 20 марта, – или что я увиливаю от принятия решения. Мне действительно не хочется покидать армию (и это тем более странно, что я могу сделать это в любой момент), но больше всего меня заботит, чтобы мое возвращение совпало с обстоятельствами, в которых я смогу быть максимально полезным».

Клементина надеялась, что муж окунется в заботы армейской жизни и забудет о политике. Но он больше не мог найти покоя и на фронте. Через день он написал ей: «Не разубеждай друзей, которые ждут моего возвращения». Она же хотела, чтобы он оставался во Франции, возглавил бригаду, и всячески старалась угомонить его. «Если проявишь терпение и дождешься возможности, – ответила она, – будущее в твоих руках».

Письмо Клементины всколыхнуло в нем обиду на неоправданное отстранение его от влияния на ход войны. Он отказался от должности и годового жалованья в 4300 фунтов, не желая в такое время занимать синекуру; он прослужил пять месяцев на фронте, ревностно выполняя нелегкие обязанности, к полному удовлетворению начальства и на пользу офицерам и солдатам; у него признанное положение в общественной жизни Британии, завоеванное годами активной деятельности; он заслужил такой авторитет у соотечественников, каким обладают не больше трех-четырех человек. Британия сейчас переживает тяжелый кризис. Все внутренние проблемы так или иначе оказывают влияние на условия войны и будущего мира. Он считал, что не может отказаться от дискуссий по ним и избавить себя от ответственности за принятие решений. «Разве не могут эти факты, – спрашивал он Клементину, – сами по себе служить ответом на все колкости и кляузы?»

Почти годичное отстранение от властных полномочий и невозможность влиять на принятие решений вызывали у Черчилля злость и отчаяние. Но его вера в свои способности и в свою популярность не поколебалась. «Дорогая моя, – написал он Клементине 22 марта, – не надо недооценивать вклад, который я внес в общее дело, и прочность моего политического веса, приобретенного годами работы во власти. Враждебность и газетные нападки преходящи. Но публичный человек, который действительно известен широким массам людей, не может потерять своего места в государственной системе, если только это

не связано с его личностью и честью».

Клементина изобретала все новые аргументы против его преждевременного возвращения и приводила их в письмах, которые отправляла чуть ли не ежедневно. Они не убеждали его. «Не теряй уверенности, – отвечал он ей, – и не поддавайся убеждениям тех, кто не будет удовлетворен до тех пор, пока я не испущу последний вздох. Чем я спокойней и безразличней к здешним опасностям, тем больше сил ощущаю для дел, которые меня ждут впереди». Карсон тоже отговаривал Черчилля от возвращения, но Ч. П. Скотт, напротив, хотел, чтобы он вернулся. «Ваше место здесь, – писал он, – а не там». Но и без всего этого ничто не могло повлиять на намерения Черчилля.

Клементина терялась от этих взаимоисключающих советов. «Эти тяжелые общественные заботы очень утомительны, – написала она ему в последнюю неделю марта. – Когда мы с тобой встретимся в следующий раз, надеюсь, у нас будет хотя бы немного времени побыть вдвоем. Мы еще молоды, но время летит, унося с собой любовь и оставляя лишь дружбу, что, конечно, очень успокаивает, но не очень греет». Черчилль был поражен этим грустным признанием.

«Дорогая моя, – отвечал он, – не произноси слово «дружба». С каждым месяцем моя любовь к тебе все сильнее и мне все больше нужна ты и твоя красота. Моя драгоценная очаровательная Клемми, мне тоже порой очень хочется мира и покоя. Столько усилий, столько лет непрерывной борьбы и тревог, столько волнений, и теперь, когда эта тяжелая жизнь подвергается таким ударам, моя стареющая душа устремляется – пожалуй, впервые – к другим вещам помимо работы. Неужели «сорок – и кончено», как писала старая ведьма герцогиня? Но разве не прекрасно было бы уехать на несколько недель в какой-нибудь симпатичный уголок в Италии или Испании, только рисовать и гулять вдвоем под ярким теплым солнцем вдали от бряцания оружия и парламентских воплей? Мы теперь так хорошо знаем друг дружку, что нам вместе будет еще лучше. Порой я думаю, что не сильно возражал бы против окончания этой жизни. Меня настолько губит эгоизм, что я бы предпочел обрести иную душу в ином мире, встретить тебя в иной обстановке и одарить такой любовью, какая бывает только в великих романах».

После этого Черчилль рассказал Клементине о том, как двумя днями ранее, 26 марта, они с Синклером шли в сторону траншей и услышали несколько разрывов – все ближе и ближе, – словно пушка поворачивалась в поисках жертвы. Они приблизительно

смогли вычислить, куда попадет следующий снаряд. Их путь лежал вдоль развалин монастыря, и Черчилль сказал: следующий попадет в монастырь. Они бросились в сторону.

«Разумеется, – писал он далее, – снаряд прилетел именно туда, где мы только что стояли. Оглушительный грохот, дождь кирпичей, облако дыма, солдаты заметались, выскакивая из всех щелей и углов. Я никуда не прыгал, даже пульс не участился. Меня не волнуют эти звуки, в отличие от многих смельчаков. Но я понимал: двадцать футов левее – и больше никакой путаницы, никаких тревог, никакой ненависти и несправедливости. Радость всех моих врагов, избавление от этого старого мерзавца и хорошее завершение изменчивой жизни. Последний подарок этой неблагодарной стране и – ослабление военной мощи Британии, о чем никто не узнает, чего никто не оценит и не пожалеет. Но я не намерен сдаваться или уставать. Я намерен сражаться до последнего на любом месте, где я смогу наиболее эффективно довести мою войну до победы. Если я каким-то образом пойму, что не гожусь для масштабной деятельности, то в любом случае останусь вполне удовлетворен и здесь. Если же пойму, что ценность моя в чем-то ином, меня не остановит на этом пути никакая злоба или критика».

Черчилль сделал еще одно последнее усилие убедить жену, что ему разумнее вернуться как можно быстрее: «Если ждать, когда случится правительственный кризис, не буду ли я выглядеть как султан, поспешивший незваным на торжество? Но если, несмотря на злобные крики и оскорбления, которые всегда преследуют меня, я смогу оказывать влияние и привлекать внимание к вопросам жизненной важности, это впоследствии оправдает шаг, который я намерен сделать».

Клементина по-прежнему считала, что преждевременное возвращение еще больше подорвет его репутацию. Председатель его выборного округа уже предупредил, что такое же мнение у избирателей Данди, где полагают, что если он публично выступит против Асквита, то сам даст оружие своим врагам, которые предъявят ему обвинение в непоследовательности и не преминут наивыгоднейшим для себя образом этим воспользоваться. Гарвин придерживался того же мнения. Черчилль против собственного желания оставался на фронте, мрачно размышляя над тем, что он мог сделать в прошлом и что еще в состоянии сделать. «Чтобы быть великим, – написала ему Клементина, – нужно, чтобы твои поступки были понятны простому народу. Твое стремление пойти на фронт понять было легко. Твое стремление вернуться требует объяснений. Вот почему твоя профишеровская речь не имела успеха: люди

не поняли ее. Нужна была еще одна речь, чтобы объясниться».

Пока Черчилль находился в Плугстерте, немцы безуспешно сделали попытку прорвать французскую оборону у Вердена, применив беспрецедентную в этой войне артиллерийскую подготовку и несколько волн наступления пехоты. 6 апреля он написал Ф. Э. Смиту: «Я в полном мраке относительно общей ситуации. Верден, похоже, подтверждает все, что я говорил и писал о наступлении на Западе с обеих сторон».

В апреле противники Асквита в очередной раз потребовали объявления всеобщего призыва в армию. 8 апреля в письме Ф. Э. Смиту Черчилль отметил, что у Бонара Лоу и Ллойд Джорджа появился превосходный шанс совместно сформировать правительство и создать эффективную военную структуру. Кто бы из них ни стал премьер-министром, могла быть создана партия будущего. «Самой доступной вакансией для меня, – писал он, – стал бы пост министра вооружений, хотя, разумеется, вы знаете мои пожелания, если они в принципе осуществимы» – откровенный намек на Адмиралтейство или на Министерство военно-воздушных сил.

«Думаю, Асквит уступит в последний момент, – писал Черчилль Ллойд Джорджу 10 апреля. – Но если нет, для вас пришло время действовать». Через пять дней, не зная, что предпримет Асквит и не подаст ли в отставку Ллойд Джордж, он написал Клементине: «Когда меня не сжигает ярость из-за тех надувательств, с которыми пришлось сталкиваться, и я от злости не грызу головешки, то я вполне бодр и доволен жизнью».

Как Черчилль и предсказывал, Асквит уступил требованию объявить призыв в армию. Он согласился расширить его, но все еще отказывался признать необходимость всеобщей воинской повинности. Он также созвал закрытое от прессы и публики заседание палаты общин, чтобы объяснить свою политику. Черчилль попросил отпуск, чтобы присутствовать; просьбу удовлетворили с условием, что он вернется в расположение батальона сразу же по окончании заседания. «Удачи тебе, Самсон, – написал Синклер, пока Черчилль добирался до Лондона, – и, если ты почувствуешь, что твои силы вернулись к тебе, оставайся там, где сможешь нанести поражение филистимлянам».

Черчилль выступил на закрытом заседании, но ничего из сказанного им опубликовано не было. «Если бы твою речь опубликовали, думаю, пресса потребовала бы твоего возвращения», – написала Клементина через три дня, когда Черчилль уже вернулся в батальон. Сразу же после дебатов он попытался остаться в Лондоне, понимая, что те, кто требует

всеобщей мобилизации, вскоре выступят открыто против Асквита, и не хотел остаться в стороне. Хейг не возражал против продления его отпуска и даже пожелал удачи. Но вмешался дивизионный генерал, прислав телеграмму с требованием немедленного возвращения, поскольку батальон вновь отправлялся на передовую. Таким образом, решающие дебаты по поводу призыва прошли в отсутствие Черчилля. Асквит предложил частичные меры. Карсон настолько убедительно выступил против, что Асквит согласился немедленно принять билль о всеобщей воинской повинности.

Карсон торжествовал, Черчилль же оказался за бортом. 3 мая его батальон в последний раз покинул Плугстерт. В результате ежедневных артиллерийских обстрелов большинство пехотных батальонов понесли такие тяжелые потери, что было принято решение о переформировании. 6-й батальон Королевских шотландских фузилеров придавали 15-й дивизии. Черчилль уже не думал о новом назначении. Вместо этого он просил разрешения вернуться к парламентским обязанностям, которые стали неотложными. Просьбу удовлетворили. Перед отъездом он попытался устроить на хорошие места своих молодых офицеров. «Он заботился о нас бесконечно, – позже вспоминал один из них. – Брал автомобиль и колесил по всей Франции, расспрашивая штабных офицеров, чтобы как-то помочь тем, кто служил под его началом».

Через три дня Черчилль дал своим офицерам прощальный обед в Армантьере. На следующий день попрощался с солдатами, заявив, что шотландец, по его мнению, самый «грозный, воинственный зверь». Один из них потом вспоминал: «Когда он встал, чтобы пожать нам руки, уверен, каждый из присутствующих ощутил отъезд Уинстона Черчилля как личную утрату».

Глава 17
«Глубокое и бесконечное мучение»

Черчилль вернулся в Лондон 7 мая 1916 г.; он покинул окопы навсегда. Но возвращение не сулило никаких перспектив работы в правительстве. Через два дня после приезда он говорил в палате общин о необходимости увеличения численности личного состава и утверждал, что нужно подключить к этому и Ирландию, на которую до сих пор по политическим мотивам закон о призыве не распространялся. «Пришло время не терять силы духа, – сказал он, – преодолеть трудности, а не пасовать с готовностью перед ними». Как только он произнес эти слова, один парламентарий из ирландских националистов выкрикнул: «А как насчет Дарданелл?»

Этот крик будет преследовать Черчилля многие годы. Пытаясь смыть позорное пятно, которое приклеилось к нему, он настойчиво просил Асквита опубликовать документы, относящиеся к Дарданелльской операции. Асквит согласился, и Черчилль начал собирать документы. Прошло двенадцать месяцев с тех пор, как он покинул Адмиралтейство и потерял власть и влияние. «Этот проклятый год наконец закончился, – написал он Фишеру 14 мая. – Даст Бог, в следующем нам с вами повезет больше и появятся шансы помочь стране спастись. Не теряйте бодрости духа. Уверен, судьба не отвернулась от вас».

Уверенность Черчилля не оправдалась. Фишера больше никогда не пригласят на какую-либо ответственную должность. Черчиллю тоже не предложили желанный пост министра авиации. Выступая 17 мая в дебатах по авиации, Черчилль описал свою роль в противовоздушной обороне Британии в самом начале войны и в создании авиабаз во Франции и Фландрии, подчеркнул эффективность воздушных налетов на ангары цеппелинов в Северном море и на Рейне. Он сказал, что его деятельность была искажена, что к нему прилипли обвинения в том, что он не справился и пренебрег противовоздушной обороной Британии в конце осени 1914 г. Он отверг эти обвинения, приведя примеры своей успешной деятельности.

Совет по авиации был создан Асквитом. «Без соответствующего министерства, – сказал Черчилль, – его работа будет неэффективной. Британия утратила превосходство в воздухе, которым обладала перед войной. Но вы можете восстановить его. Ничто не мешает этому, кроме вас самих».

Через шесть дней после этого выступления и за шесть недель до начала битвы на Сомме Черчилль выступил в прениях по ассигнованиям на армию, описывая тяготы положения солдат в окопах, в то время как многие другие военнослужащие, даже находящиеся во Франции, никогда и близко не подходили к линии фронта. «Это, – сказал он, – самое гнусное классовое разделение, когда-либо имевшее место в мире. Палата должна знать о тяжелой участи тех, кто уходит в траншеи на передовую. Я спрашиваю себя каждый день: что происходит там, пока мы здесь заседаем, пока мы уходим обедать или домой спать? Каждые двадцать четыре часа почти тысячу человек – британцев, представителей нашего народа, – замотанных в окровавленное тряпье, уносят в полевые госпитали или в наспех вырытые могилы».

Настаивая на прекращении бесполезных наступательных действий, Черчилль говорил в палате: «Ни в коем случае нельзя позволять вовлекать нас в какие-то действия, не оправданные исключительно военными соображениями. Аргумент «теперь ваша очередь» не имеет никакого смысла. Для победы над Германией и Австро-Венгрией необходимо реальное, существенное превосходство в силе. Только после этого можно начинать наступление. Тогда их преимущество будет раздавлено. И только тогда настанет час окончательной победы. Этот час придет обязательно, если терпение будет сочетаться с энергией и если все ресурсы, имеющиеся в распоряжении союзников, будут безжалостно и максимально задействованы».

Черчилль очень хотел получить возможность влиять на военные действия, обладая реальной министерской властью. Но места для него не было, у него оставался лишь выражающий страдание голос в палате общин. 31 мая, когда в палате общин проходило обсуждение расходов Военного министерства, даже Карсон и его недавно созданная группа поддержки – юнионистский военный комитет – не желали разногласий. Один только Черчилль говорил о недостатках и отсутствии энергии, о неумении использовать ресурсы, в том числе рабочую силу, максимально эффективным образом. «Мы стараемся изо всех сил, – говорил он, – но используем ли мы на полную мощность результаты гигантских усилий нации? Я не могу этого сказать».

Как только дебаты завершились, Черчилль написал Фишеру: «Мертвая рука тяжело лежит на нашем доблестном флоте, а они еще и целуют ее».

Прочитав два выступления Черчилля по поводу армии, несколько солдатских вдов написали ему о примерах бездумного отношения к человеческим жизням на фронте. Это даже было

опубликовано в дешевой брошюре под названием «Линия фронта» (The Fighting Line). Но Черчиллю буквально нечем было заняться. Однажды Керзон пригласил его на совещание в совет по авиации поделиться своими соображениями о том, как обеспечить превосходство в воздухе. В этом же месяце, после публикации коммюнике Адмиралтейства о Ютландском сражении, вызвавшего глубокое уныние в обществе, поскольку в нем был сделан акцент на потерях британского флота, Бальфур попросил его написать оптимистичное коммюнике, чтобы исправить ситуацию. Это было все.

5 июня Китченер отправился морем из Британии на север России. На следующий день, готовя доклад для Королевской комиссии по Дарданеллам, Черчилль и сэр Иэн Гамильтон изучали телеграммы Китченера, стараясь, чтобы не был пропущен ни один важный документ, свидетельствующий о колебаниях Китченера, его неуверенности и пренебрежении армией, высадившейся на берег. Они работали в кабинете Черчилля на Кромвель-роуд, 41. Вдруг с улицы донесся крик. «Мы вскочили, – позже вспоминал Гамильтон, – и Уинстон распахнул окно. Мимо проходил разносчик газет. У него под мышкой была пачка газет. Как только мы открыли окно, он прокричал: «Китченер утонул! Никто не выжил!»

«То, что Китченер погиб в тот самый момент, когда мы с Уинстоном собирали неопровержимые доказательства против него, – написал Гамильтон, – стал одним из тех удачных поворотов судьбы, которыми была полна его карьера. Ему не пришлось отвечать». Многие считали, что преемником Китченера на посту военного министра станет Ллойд Джордж. Черчилль надеялся, что в таком случае ему может достаться освободившийся после Ллойд Джорджа пост министра вооружений. Но тень Дарданелл по-прежнему висела над ним. «Вы легко поймете мое желание, чтобы стала известна правда», – написал он Асквиту через два дня после гибели Китченера.

Но Асквит не хотел полностью публиковать документы, в которых сам представал главным сторонником операции в Дарданеллах. Он решил, что в документы, готовящиеся к публикации, вообще не должны быть включены стенограммы заседаний Военного совета. Черчилль узнал об этом ударе 19 июня. На следующий день стало известно, что Адмиралтейство возражает против публикации многих важнейших телеграмм, имеющих отношение к флоту. «Должно пройти много времени, – заявил Асквит в палате общин 26 июня, – прежде чем эти документы можно будет полностью опубликовать». Следующий удар по надеждам Черчилля был нанесен четыре недели спустя,

когда Асквит написал ему, что правительство решило вообще не публиковать документы по Дарданеллам.

7 июля Ллойд Джордж стал военным министром. Черчилль сразу же запросил у него разрешение на публикацию. «Личный аспект этого дела не имеет особой важности, – написал он, – за исключением того, насколько он отражает поведение коллег в отношении друг друга. Но общественный аспект очень важен. Наша страна и доминионы имеют право знать правду о напрасно пролитой крови. Правительство само решило, что правда должна быть сказана, и дало формальное обещание парламенту. Теперь оно уклоняется».

Но у правительства не было никакого желания ворошить прошлое. Слишком многие из тех, кто до сих пор находился на высоких постах, так или иначе принимали участие в Дарданелльской операции. Разозленный и беспомощный, Черчилль уехал с семьей в Бленхейм. «Ну разве не проклятье, – написал он в середине июля брату Джеку на Западный фронт, – что я лишен всех реальных возможностей служить стране в такой страшный час?» Тем не менее он все еще надеялся. Ллойд Джордж, по словам Черчилля, был очень доброжелателен, хотя усилия к тому, чтобы сделать его министром вооружений, предпринял весьма вялые. Руководить правительством продолжал Асквит – «пассивно, вяло и величественно».

Черчилль решил не возвращаться во Францию. «Хотя моя жизнь сплошной комфорт и процветание, – писал он брату, – я ежечасно терзаюсь из-за невозможности как следует вцепиться зубами в боша. Но бросаться в непонятный сумбур, когда один поворот колеса Фортуны может дать мне возможность сделать в 10 000 раз больше, – не есть проявление патриотизма или здравого смысла. Для этого времени будет предостаточно. Джек, дорогой мой, я учусь ненавидеть».

Этим летом Черчилль позировал для портрета Орпену. Много лет спустя секретарь Ллойд Джорджа Фрэнсис Стивенсон записала в дневнике: «Орпен описывал мне сцену в студии, где он рисовал Уинстона после того, как тот потерял все посты. У. пришел к Орпену на сеанс, но лишь сидел в кресле перед камином, опустив голову на руки, не произнося ни слова. Орпен ушел на ланч, решив его не беспокоить, а вернувшись, нашел его в той же позе. В четыре часа У. встал, попросил Орпена найти ему такси и отбыл в молчании».

1 июля армии Британии и Французской республики совместно перешли в наступление у реки Сомма. Черчилль давно выступал против фронтального наступления, не обеспеченного

преимуществом в живой силе и танках. Летом он написал четыре статьи в Sunday Pictorial, в последней из которых описал изменение отношения общества к войне после ряда сражений – от Лоса до Соммы. «Способности притупились, – писал он, – энергия и энтузиазм уступили место выносливости. Возбуждение исчезло, смерть стала привычна, а горе молчаливо. Мир в сумерках. Лишь из-за тускло мерцающего горизонта слышно уханье орудий».

24 июля, во время обсуждения выделения дополнительных ассигнований на военные нужды, Черчилль вновь выступил в палате общин как защитник солдат с требованием создания более справедливых условий службы на переднем крае: скорейшего присвоения званий фронтовикам и более широкого признания боевых заслуг. «Я не верю, – сказал он, – что люди в нашей стране имеют хоть малейшее представление о том, чем занимаются солдаты в траншеях, как они ведут себя в бою, какие страдания они выносят и какие подвиги совершают». Он также призывал приложить больше усилий для обеспечения безопасности, таких как создание фонарей, не уступающие немецким стальные каски вроде той, какую он сам носил в окопах. «Многие из тех, кого уже нет, могли бы остаться в живых, многие отделались бы ранениями, если бы это предложение не отвергли на ранних стадиях войны. Адмиралтейство тоже должно днем и ночью заниматься усовершенствованиями, то есть тем, что может спасти жизни сотен и тысяч наших людей».

1 августа Ф. Э. Смит по просьбе Черчилля распространил в правительстве меморандум, в котором тот доказывал, что с каждым новым наступлением на Западном фронте сила армии будет распыляться, а это приведет к тому, что Германия сможет отзывать свои войска с Западного фронта и перебрасывать на Восточный, чтобы противостоять наступлению русских.

Понимая, как много идей и практических предложений может дать Черчилль, Ллойд Джордж приглашал его в Военное министерство обсудить их со своими советниками. После нескольких подобных приглашений начались протесты. Лорд Дерби, генеральный директор по персоналу, в августе написал Ллойд Джорджу: «Я знаю и глубоко уважаю ваше к нему отношение, которое не позволяет вам ударить лежачего, но Уинстон никогда не ляжет или, скорее, не признает себя лежачим, и я уверяю вас, что манеры его вызывают в министерстве, мягко говоря, не самые приятные чувства».

Дерби подчеркивал, что Консервативная партия никогда не будет сотрудничать с Черчиллем и что он не поддержит

никакое правительство, в состав которого войдет Черчилль. «Мне лично он нравится, – написал Дерби. – Он очень привлекателен как человек, но ему совершенно нельзя доверять, как нельзя было доверять и его отцу, и он должен понять, что он, так же как его отец, может исчезнуть из политики».

Но Черчилль не собирался «исчезать». В начале сентября, узнав, что танки-«гусеницы», на создании которых он так настаивал в 1915 г., собираются впервые применить в сражении на Сомме, он немедленно направился к Асквиту с просьбой не использовать их, пока не накопится достаточно большое количество, чтобы к их технической эффективности добавить элемент внезапности. Асквит слушал внимательно, и Черчилль поверил, что использование танков будет отложено как минимум до начала 1917 г., когда это сможет дать максимальный, возможно, даже решающий эффект. Тем не менее 16 сентября он узнал, что танки в количестве всего пятнадцати штук все-таки были использованы на Сомме. Он был крайне разочарован. «Мои несчастные «сухопутные линкоры» были выпущены преждевременно и в мизерном масштабе, – написал он в этот день Фишеру. – А между тем в этой идее крылась настоящая победа».

В течение августа и сентября Черчилль готовил документы для Королевской комиссии по расследованию Дарданелльской кампании. Поскольку Асквит по-прежнему не давал санкции использовать стенограммы Военного совета, в его показаниях отсутствовали важнейшие источники оправдания. Надежда присутствовать на заседаниях, когда показания будут давать другие, тоже рухнула после того, как председатель комиссии лорд Кромер проинформировал его, что все слушания будут закрытыми и на них будут присутствовать только те, кто дает показания в данный день. 28 сентября он предстал перед комиссией и предъявил документы для иллюстрации того, что он назвал пятью очевидными истинами об операции в Дарданеллах: власть была полной; перспективы на успех обоснованными; более важные интересы затронуты не были; подготовка была проведена со всем возможным вниманием и предусмотрительностью; при исполнении были проявлены сила и решительность.

Черчилль представил обширные доказательства в подтверждение своих заявлений. Он надеялся после завершения работы комиссии опубликовать все материалы. Он даже взялся писать серию статей для ежемесячника London Magazine под названием «Война на суше и на море» (The War by Land and Sea). Через два дня после выступления перед комиссией он написал письмо брату Клементины Уильяму, который воевал

в Дарданеллах и в то время командовал крейсером «Эдгар».

«Конечно, я страдаю от невозможности применить свои знания и способности, – писал он. – Я здесь имею значительное влияние в парламенте, и мне многое удается сделать. Но мне необходима власть для борьбы. Поворот колеса может мне предоставить ее снова. Но пока я пребываю в отвратительной праздности. Это самый тяжелый период в моей жизни. Если бы война не была моей единственной заботой, я бы не стремился к политической карьере. Но следить за событиями, видеть, как другие плохо понимают суть событий, и не иметь возможности управлять ими в это великое время, – для меня глубокое и бесконечное мучение. Я мог бы принести пользу армии, если бы Френч остался; тогда бы я мог воплотить мои верные и продуманные идеи. Но его отставка лишила меня возможности действовать шире полномочий полкового офицера, и, хотя пять месяцев, проведенных на фронте, дали необыкновенный, хотя и не самый приятный опыт, они полностью отрезали меня как от информации, так и от реальной деятельности. Именно поэтому, когда мой батальон расформировали, я вернулся сюда, где и нахожусь в настоящее время. Я пишу и с легкостью зарабатываю большие деньги. Кстати, об этом можешь судить по тому, что я своими статьями поднял тираж Sunday Pictorial и London Magazine. У меня много сторонников по всей стране. Меня сильно порадовал успех «гусениц». Это мой последний проект, который все еще продвигается. Хотя их использовали неправильно и в недостаточном количестве, но в их важной роли в этой войне никто не сомневается. Надеюсь, скоро будет опубликовано официальное коммюнике. Видимо, сейчас у тебя скучное время. Но ты исполнил свой долг, и после двух с половиной лет Армагеддона еще дышишь. Voila déja quelque chose[27]. Скольких уже нет? И скольких еще не станет? Адмиралтейство в глубоком сне, на повестке дня летаргия и инертность. Однако все выглядят довольными. Ни планов, ни инициатив, никаких усилий на пользу общему делу. Сидят на просторном троне и дремлют. И с этим ничего не поделаешь. Очень много времени у меня занимает Дарданелльский комитет. Надеюсь на благоприятный результат. Может, позже найду дело во Франции, если политика позволит. Нелли представила нам сына – заменит ушедших. Дорогой Билли, я часто думаю о тебе. Всегда можешь рассчитывать на меня как на друга».

Эсмонд, сын Нелли, сестры Клементины, лейтенант канадских военно-воздушных сил, погиб в боях в 1942 г.

Консервативные газеты прочно вцепились в старые

обвинения. В октябре Daily Mail напомнила о «позорном фиаско Антверпена и непростительном просчете Галлиполи». Черчилль незамедлительно подал протест в Дарданелльскую комиссию, указав, что эта статья «совершенно очевидно показывает, каким нападкам я подвергаюсь, от которых имею полное право защитить себя в палате общин». В октябре он представил новые свидетельства в ответ на то, что рассказывали другие на комиссии. Ему было позволено прочитать это в качестве особой уступки.

Черчилль понимал, что надежды на возвращение в правительство зависят от публикации его свидетельств. Но когда комиссия завершила работу, правительство согласилось опубликовать только общий отчет. Документы, его аргументы, материалы перекрестных допросов остались закрытыми для публики. Черчилля в очередной раз обманули. 20 ноября он сказал Ч. П. Скотту, что он – «самый оскорбляемый человек в стране». Перо осталось почти единственным его оружием. 26 ноября в Sunday Pictorial он опубликовал подробный отчет об экспедиции в Антверпен.

30 ноября Черчиллю исполнилось сорок два. В это время Ллойд Джордж и Бонар Лоу бросили вызов власти Асквита. Черчиллю не нашлось места в этой борьбе. 2 декабря, в разгар кризиса, с ним встретился Эйткен, который позже вспоминал: «Черчилль почти с тоской жаждал новостей». Через три дня Ллойд Джордж, Бонар Лоу и Керзон вышли из правительства. Этим же вечером Асквит подал в отставку.

Король попросил Бонара Лоу сформировать правительство. Вечером Ллойд Джордж и Эйткен ужинали с Ф. Э. Смитом. Черчилль приглашен не был. Перед ужином он с Ф. Э. Смитом был в турецких банях в Королевском автомобильном клубе. Смит позвонил Ллойд Джорджу, чтобы напомнить об ужине, и упомянул, что сейчас с ним Черчилль. Ллойд Джордж тут же предложил Черчиллю присоединиться. «Это предложение, – позже вспоминал Эйткен, – вероятно сделанное машинально, естественно, вызвало у Черчилля предположение, что его рассматривают как одного из новой обоймы военных администраторов, которым вскоре предстоит перехватить штурвал. Разумеется, Ллойд Джордж не стал бы приглашать его на ужин среди прочих, если бы не собирался предложить реальную должность, а под реальной должностью Черчилль понимал только связанную с войной».

За ужином разговор в основном шел о новой администрации. Все присутствующие, в том числе и Черчилль, по словам Эйткена, принимали в нем участие на равных. Во время ужина Ллойд

Джорджу понадобилось уйти, чтобы встретиться с Бонаром Лоу. Он попросил Эйткена поехать с ним. По дороге он объяснил, что он и Бонар Лоу испытывают сильнейшее давление, чтобы не допустить Черчилля в состав нового правительства. Он лично, даже если станет премьер-министром, будет не в состоянии предложить Черчиллю никакой министерский пост. Ллойд Джордж попросил Эйткена вернуться на ужин и намекнуть на это Черчиллю.

Сам Эйткен надеялся получить портфель в новом правительстве. Позже он вспоминал: «Вернувшись к ужину, я улыбнулся Черчиллю как старший коллега подающему надежды юнцу. Я действовал, так сказать, осторожно, но двигался. У Черчилля тоже были все основания полагать, что его ждет высокий пост. Мы обсуждали как союзники и как равные персональный состав нового правительства. Черчилль предположил, что меня могут назначить министром почт – должность, соответствующая моим способностям. Затем я сделал ему намек, о котором просил Ллойд Джордж».

Эйткен сказал следующее: «Новое правительство будет весьма расположено к вам. В нем будут все ваши друзья. У вас откроется огромное поле деятельности». О дальнейшем он вспоминал так: «Что-то по моей сдержанности Черчилль понял. Ему внезапно стало ясно, что его ввели в заблуждение, пригласив на ужин, и он вспыхнул совершенно справедливым гневом». Эйткен никогда не слышал, чтобы Черчилль обращался к Ф. Э. Смиту иначе, чем «Фред» или «Ф. Э.». Но теперь он обернулся к нему и произнес: «Смит, этот человек знает, что я не буду включен в состав нового правительства». После этого он вышел.

Вечером Бонар Лоу спросил Асквита, согласен ли тот работать под его руководством. Когда Асквит отказался, Лоу понял, что не сможет заручиться полной поддержкой либералов, и посоветовал королю послать за Ллойд Джорджем. Тот в результате и стал премьер-министром.

6 декабря, размышляя над составом кабинета, Ллойд Джордж пометил на полях списка вероятных министров: «Авиация – Уинстон?» На самом деле министерство военно-воздушных сил создано не было. Как Эйткен и намекал предыдущим вечером, Черчиллю вообще не предложили никакого министерского поста в новом кабинете. Он потом говорил Синклеру: «Это стало крушением всех моих надежд и желаний. Они не были необоснованными, поскольку я мог применить свой дар и свою энергию в военных усилиях страны. Но мое сокровище отвергли». Не повезло ему и в другом. Из-за политического кризиса публикация отчета комиссии по Дарданеллам была отложена.

«Но я все еще надеюсь, – говорил он Синклеру, – что общественное мнение изменится. Впрочем, с начала войны для меня все оборачивается в худшую сторону».

11 декабря в качестве дружеского жеста Ллойд Джордж направил к Черчиллю одного общего друга передать, что он не намерен оставить его без поста и что он попробует назначить его председателем совета по авиации. Но сначала должен быть опубликован доклад Дарданелльской комиссии. Черчилль ответил, что, хотя эта должность не предполагает участия в работе Военного министерства, у него нет возражений: «Я соглашусь на любую должность, которая даст мне возможность служить стране. Моя единственная цель – нанести поражение гуннам, и я подавлю свои чувства, чтобы иметь возможность оказать какую-либо помощь».

Черчилль не мог знать, что 20 декабря первый лорд Адмиралтейства Эдвард Карсон написал Бонару Лоу: «Очень опасаюсь трений в результате этого назначения». Долгая битва Черчилля с Консервативной партией была далека от завершения. Синклер спрашивал, не хочет ли он вернуться на фронт. «Когда я буду абсолютно уверен, что нет никаких перспектив вернуть влияние хотя бы частично, – написал в ответ Черчилль, – тогда я снова подумаю об этом курорте и убежище. Если бы я остался канцлером герцогства Ланкастерского, заткнул рот и получал свое жалованье, то сегодня был бы одним из главных персонажей в управлении делами. Плугстерт оказался дорогой экскурсией. В парламенте нет никакого уважения к тем, кто носит военную форму. Ни один из доблестных членов парламента, кто воевал на Сомме во главе своих батальонов, не имеет ни малейшего шанса против менее умных людей, которые оставались болтать дома. Для меня это самый любопытный феномен. Объяснения ему я найти не могу».

Рождество и Новый год Черчилль провел в Бленхейме с Клементиной, Дианой, Рэндольфом и Сарой. Через месяц, вскоре после семидесятишестилетия Фишера, Черчилль писал ему: «Наши общие враги сегодня всемогущи, а дружба ничего не значит. Я просто существую».

5 марта 1917 г., участвуя в обсуждении военного бюджета, Черчилль выступил с призывом приложить больше сил и изобретательности к созданию техники, способной сберечь человеческие жизни и обеспечить победу. «Машины спасают жизнь, – сказал он. – Механическая сила заменяет мускульную. Мозги могут сберечь кровь. До тех пор пока не будут созданы необходимые машины, я не представляю, как мы можем избежать повторения бессмысленного и жестокого кровопролития, которое

называется войной на изнурение». Он обратился к правительству с просьбой не планировать в 1917 г. наступательных операций, подобных той, что была на Сомме. Сначала, считал он, нужно быть полностью уверенными в том, что впереди несколько месяцев хорошей погоды и что имеющиеся ресурсы могут дать результат. Сейчас же надо начинать подготовку к кампании 1918 г. Именно тогда союзники обретут такое преимущество в живой силе и технике, какое может обеспечить победу в войне.

К середине марта комиссия по Дарданеллам была наконец готова опубликовать доклад. В качестве жеста доброй воли Ллойд Джордж дал почитать Черчиллю черновой экземпляр, касающийся действий Адмиралтейства. На Черчилля не возлагалось никакой вины. Более того, в докладе говорилось, что, когда де Робек 18 марта дал команду остановить наступление флота, в турецких фортах оставалось по три снаряда на пушку. Но хотя доклад давал понять, что Асквит также был заинтересован в нападении на турок и что именно Китченер не представил Военному совету достаточно подробностей о сухопутной части операции, доклад, по мнению Черчилля, не ответил на многие конкретные обвинения, которые были выдвинуты против него лично. В него не включили ни один из документов, которые он хотел опубликовать. Хуже того, как он сказал Ллойд Джорджу, «цитаты из документов, включенные в доклад, во многих случаях бездоказательны».

В последнем выступлении перед комиссией Черчилль сказал, что доклад не вписывает Дарданеллы в общий контекст военных действий, особенно в окопную войну на Западном фронте. «Пятой части всех ресурсов, усилий, самоотверженности и упорства, употребленных в битве на Сомме для завоевания нескольких разбитых деревень и нескольких квадратных миль опустошенной земли, – заявил он, – будь они вовремя использованы на Галлипольском полуострове, хватило бы для того, чтобы привлечь на нашу сторону Балканы, соединиться с Россией и отрезать Турцию от войны».

«Хорошо управляемая пресса, – писал он, – представила битву на Сомме как череду побед. Тем не менее через несколько лет всем станет ясно, что брошенная на произвол судьбы армия на Галлиполи, действия которой сейчас изображаются так предвзято, была на самом деле в шаге от успеха операции, которая сократила бы страдания мира и обеспечила спасение всего дела. В будущем просто не поверят, что для успеха не хватило всего дюжины старых кораблей, полудюжины дивизий или нескольких сотен тысяч снарядов. Современники проклинают тех, кто хотел завоевать Дарданеллы. История проклянет тех,

кто не помог им в этом».

20 марта, обедая с Черчиллем, Ч. П. Скотт спросил, не хочет ли он войти в правительство Ллойд Джорджа. «Ни на каких второстепенных ролях – только на один из главных постов», – категорически заявил Черчилль. Тогда Скотт спросил, не согласится ли он стать военным министром. «Да, это было бы очень хорошо», – ответил Черчилль.

Но этот пост ему не предложили. В тот же день, через два года после наступления в проливе, палата общин обсуждала доклад комиссии по Дарданеллам. Черчилль энергично защищал свою роль и был вполне удовлетворен тем, как приняли его выступление, и вообще ходом дебатов. Позже он написал Синклеру, что они прошли «очень успешно для него». Доклад показал, что и Асквит, и Китченер одобрили операцию и что все те, кто заботится о памяти Китченера, – «а таких было много», и все приверженцы «ортодоксального либерализма» – выступали в поддержку проведения операции. «Именно поэтому, – продолжал он, – сильное общественное мнение защищает меня от враждебной мне прессы тори. Это должно поправить мои дела».

8 апреля в Sunday Pictorial Черчилль опубликовал статью, повторяющую высказанные им в парламенте возражения против возобновления наступательных действий в 1917 г. Тем не менее на следующий день британская армия предприняла весеннее наступление к востоку от Арраса. Через три дня немецкие войска отступили на шесть километров, но удержали позиции, положив конец надеждам Хейга на кавалерийский наскок в глубь территории, занятой противником. «Кавалерия не играет никакой роли на Западном фронте, – написал Черчилль Синклеру. – Ей там просто негде развернуться».

Через шесть дней после письма Черчилля Ллойд Джордж выступил в палате общин за запрет статей в Nation, в которых высказывалось мнение, что немцы перехитрили британские войска на этом участке Западного фронта, предприняв тактическое отступление. После выступления Ллойд Джорджа поднялся Черчилль. В этот самый момент Ллойд Джордж покинул палату. Черчилль прокомментировал этот поступок с большим сарказмом. «Запрет сам по себе, – сказал он, – выдает непомерное стремление к утверждению деспотической власти».

Когда Черчилль сказал, что палата общин глубоко озабочена, Бонар Лоу прервал его: «Мы решим это голосованием». Черчилль парировал со злостью: «Не ищите ссор. Не создавайте их. Дайте возможность каждой партии, каждой силе в стране свободно предлагать свою помощь и поддержку. Снимите барьеры,

препятствия и недоразумения, которые ведут к разногласиям между людьми, объединенными одной целью – всеми силами способствовать приближению победы, от которой зависит все наше будущее».

Весной, подыскивая место для семейного отдыха, Черчилль приобрел поместье Лалленден в графстве Суссекс. Посреди сотен гектаров леса находилось небольшое озеро, на обрывистых берегах которого он занимался живописью. В это время его сыну Рэндольфу не исполнилось и пяти лет. Позже тот вспоминал, что любимой игрой у них было гоняться за отцом по лесу. «Однажды он растревожил пчелиное гнездо, а может, и осиное, но успел пробежать. А нас, детей, которые гнались за ним, сильно покусали».

В апреле по предложению Ллойд Джорджа Черчилль дважды встречался с министром вооружений доктором Кристофером Эддисоном, чтобы обсудить свое возможное участие в производстве вооружений. 27 апреля Эддисон сказал Ллойд Джорджу, что Черчилля можно было бы назначить председателем министерского комитета для контроля за созданием танков и прочей военной техники. Ллойд Джордж отклонил предложение Эддисона, но принял сделанное в начале мая предложение Черчилля о проведении закрытого заседания палаты общин, чтобы избежать нападок на его военную политику со стороны недовольных либералов во главе с Асквитом, а также лейбористов и ирландских националистов.

Закрытое заседание состоялось 10 мая. Асквит не строил планов на полномасштабное наступление и не предлагал открыть прения. Эта роль досталась Черчиллю, который вновь выступил против преждевременных боевых действий во Франции. В начале апреля в войну вступили Соединенные Штаты Америки. Но их войска не смогли бы подготовиться к наступлению до 1918 г. «Разве не очевидно, – спрашивал он, – что нам не следует гробить остающиеся французские и британские армии в наступлении, не дождавшись, когда станет ощутима американская военная мощь? Для успешного наступления требуется превосходство как в живой силе, так и в артиллерии. Британия не обладает ни тем ни другим. Она также не обеспечила пока и господство в воздухе. Мы не выработали ни технические, ни тактические способы преодоления нескончаемой череды укрепленных линий немецкой обороны. Дальнейшие наступления будут не чем иным, как новыми кровавыми авантюрами. Следует готовить, усиливать армии союзников, совершенствовать тактику для решающих

действий в следующем году».

Ллойд Джордж был против того, чтобы откладывать наступление, и дал понять, что готов решиться на это в 1917 г. После своего выступления он случайно встретился с Черчиллем за креслом спикера. Черчилль позже напишет: «Он заверил меня, что желает видеть меня своим сторонником. С этого дня, хотя и не имея никакого поста, я стал в значительной степени его коллегой. Он неоднократно обсуждал со мной все военные проблемы, а также многие свои тайные надежды и опасения». 19 мая Черчилль обедал с Ллойд Джорджем. Позже Фрэнсис Стивенсон поинтересовалась у премьер-министра, почему тот приближает к себе Черчилля. «Он отвечает, что ему нужен человек, который будет подбадривать его, помогать и поддерживать, который не будет постоянно являться к нему с унылым видом и говорить, что все плохо, – записала она в дневнике. – В настоящее время он вынужден всех тащить на собственной шее».

Первые плоды нового сотрудничества проявились 26 мая, когда с благословения Ллойд Джорджа Черчилль отправился во Францию с письмом от премьер-министра французскому военному министру. В письме выражалась просьба предоставить Черчиллю все возможности для посещения французского сектора фронта. Это стало первой официальной или полуофициальной миссией Черчилля более чем за два года. Его принимало французское высшее командование; он посетил поля сражений 1916 г. и обедал с военным министром. «Все было очень приятно, – написал он Клементине 29 мая, – но меня ни на мгновение не покидали мысли об этой кровавой бойне и разрухе».

Всем, с кем Черчилль встречался во Франции, он старался внушить мысль о разумности отсрочки наступления союзных войск по крайней мере до мая, а лучше до августа 1918 г., когда прибудет мощное американское подкрепление. Сэр Генри Уилсон, командующий Четвертым корпусом, после обеда с Черчиллем в Париже записал в своем дневнике: «Он очень заинтересован (и справедливо) в том, чтобы флот не бездействовал, а воевал. У него глобальные планы по созданию мощных минных полей поблизости от портов противника». Черчилль воспрял духом. «Меня очень стимулируют изменения, новые разговоры с новыми людьми, и у меня полно идей», – написал он Клементине.

Из Парижа Черчилль отправился на британский участок фронта, где провел весь день 1 июня. На следующий день он обедал с Хейгом в Сент-Омере и вновь выразил убеждение, что в 1917 г. наступление преждевременно. Хейг отметил

в дневнике, что во время их беседы Черчилль был «сама скромность». А Черчилль чувствовал в себе новые силы, перед ним снова появилась цель. Но враги всячески старались не допустить его возвращения на государственную службу. 3 июня Sunday Times, сообщив слух о том, что Черчилля собираются назначить председателем совета по авиации, писала: «Его назначение на любую министерскую должность таит серьезную опасность для администрации и империи в целом. Его послужной список подтверждает, что он не обладает способностью к взвешенным решениям и лишен дальновидности, необходимой для серьезного руководителя».

Но не только консервативная пресса подняла голос против Черчилля. В первую неделю июня лорд Керзон напомнил Бонару Лоу, что он вошел в состав правительства Ллойд Джорджа при условии, что Черчилля в нем не будет. Лорд Дерби 8 июня лично пришел к Ллойд Джорджу и сделал аналогичное заявление. Вечером того же дня Керзон написал Ллойд Джорджу про Черчилля: «Сейчас, в оппозиции, он представляет собой потенциальную опасность. По нашему общему мнению, если он станет членом правительства, он будет представлять уже опасность реальную».

Ллойд Джордж хотел отдать Черчиллю авиационный совет, но сопротивление было слишком велико. Однако через две недели он пригласил его войти в состав правительства и спросил, какой пост тот хочет занять. Черчилль ответил не раздумывая – Министерство вооружений. Действующий министр, доктор Эддисон, давний поклонник таланта Черчилля, уже заявил Ллойд Джорджу, что готов уступить ему свой пост. На самом деле это была идея Эддисона. О назначении было официально объявлено 18 июля. На несколько дней в консервативной прессе поднялась буря протестов. Morning Post указывала на Дарданеллы и Антверпен как на доказательство «потрясающего самомнения, благодаря которому Черчилль вообразил себя Нельсоном на море и Наполеоном на суше».

Лорд Дерби пришел в ярость, поскольку узнал о включении Черчилля в состав кабинета из газет. Он немедленно выразил протест Ллойд Джорджу. Упреждая угрозу Дерби отставкой, Ллойд Джордж заявил, что, если будет лишен поддержки тех, на чью помощь рассчитывал, он сам подаст в отставку. Среди поздравивших Черчилля была и его тетушка Корнелия, сестра сэра Рэндольфа. Но она предупредила: «Мой совет – держись за вооружения и не пытайся возглавить правительство».

Глава 18
Министр вооружений

Первую неделю в должности министра вооружений Черчилль провел в Лаллендене. 22 июля 1917 г. в гости на чай к нему пришел Морис Хенки, который жил неподалеку в Лимпсфилде. «Мы очень интересно с ним побеседовали, – записал он потом в дневнике. – Побродили по его дикому и красивому поместью. Ллойд Джордж познакомил его с моим докладом о военной политике, он уже был вполне в курсе ситуации и хорошо представлял себе наши военные планы, которые я считал совершенно ошибочными. Утром он завтракал с Ллойд Джорджем».

Вечером Черчилль написал Ллойд Джорджу и повторил свои возражения: не начинать наступления в этом году во Франции и ограничить последствия любых наступлений, в отношении которых решение уже принято. «Сожалею вместе с вами, – писал он, – о необходимости уступать желанию военных возобновить активные действия на Западе». Черчилль также предположил, что пришло время для подготовки десантной операции в европейской части Турции, используя для этого пять или шесть дивизий, которые бездельничают в Салониках и численность которых убывает, вместо того чтобы увеличиваться. После того как турецкая армия в Европе будет вынуждена сдаться, союзные войска в Палестине в следующем году смогут развернуться в Италии или Франции. Черчилль закончил письмо просьбой к премьер-министру, который был в это время на пути во Францию: «Не попадите под торпедную атаку. Если я останусь один, ваши коллеги меня съедят».

Министерство вооружений располагалось на Нортумберленд-авеню, в реквизированном правительством отеле «Метрополь» у Трафальгарской площади. Насколько мог судить его предшественник доктор Эддисон, члены секретариата министерства не очень дружелюбно отнеслись к приходу Черчилля. Эддисон представил его 24 июля. Один из старших чиновников министерства, Гарольд Беллман, позже вспоминал, что новый министр был принят довольно холодно. Однако, по словам Беллмана, Черчилль начал разговор с заявления: «он понимает, его «популярность равна нулю». Затем резко перешел к разговору о наращивании производства вооружений. Пока он разворачивал перед нами свои планы, атмосфера ощутимо менялась. Те, кто пришел, чтобы проклясть его, остались, чтобы

поддержать».

Между тем враждебное отношение к Черчиллю сохранялось. 3 августа Morning Post писала: «Опасная и неопределенная величина, мистер Уинстон Черчилль – эта блуждающая почка в теле политики – снова в Уайтхолле. Мы не имеем ни малейшего представления, чем он намерен заниматься, но, судя по прошлому опыту, рискнем предположить: всем, чем угодно, кроме своего дела».

Через четыре дня ему предстояло пройти первое испытание в ранге министра – заняться разрешением длящегося полтора года трудового конфликта, который привел к остановке работы оружейных заводов сэра Уильяма Бердмора и других заводов в районе Клайда. Нескольких лидеров забастовщиков не только уволили с завода Бердмора, но арестовали и запретили находиться в Глазго. Три министра – Ллойд Джордж, Эдвин Монтегю и Эддисон, все, кстати сказать, либералы – поддержали решение суда.

Стремясь разрешить конфликт, Черчилль пригласил лидера «изгнанников из Клайда» Дэвида Кирквуда, своего ровесника, в министерство. В мемуарах Кирквуд вспоминал: «Я ожидал столкнуться с высокомерием, армейской четкостью и резкостью, но, как только появился Черчилль, понял, что был не прав. Он вошел с широкой улыбкой на свежем лице, поздоровался просто, без чванства и начальственных манер. Я почувствовал, что нашел друга». Перед началом беседы Черчилль позвонил в колокольчик и сказал: «Давайте-ка выпьем по чашечке чая с кексом». Кирквуд был поражен: «Человек, который, казалось, должен быть выше мелочей, предлагает мне чай с кексами – своего рода хлеб-соль дружбы. Это было потрясающе. Мы обсуждали дело за чаем».

Кирквуд потребовал восстановления уволенных в обмен на обещание, что они вернутся к работе. Черчилль оценил патриотизм Кирквуда и дал обещание немедленно оказать давление на Бердмора, чтобы тот восстановил их. Через три дня забастовка закончилась. Кирквуду предложили должность управляющего на патронном заводе Бердмора «Майл Энд» в Лондоне. «Неизлечимый зуд сделать что-нибудь поразительное, – написала Morning Post, осуждая соглашение, – уже сказался на мистере Черчилле. Он отметил свое пребывание на посту предложением дружбы «изгнанникам из Клада», шайке опасных и отъявленных подстрекателей, как всегда провоцирующих беспорядки среди трудящихся». Через шесть недель после восстановления на работе Кирквуд придумал схему поощрения рабочих, которая подняла производительность

на заводе «Майл Энд» на самый высокий уровень в Британии.

15 августа Черчилль представил в палате общин проект закона о продукции военного назначения. Законопроект, как он объяснял, был направлен, с одной стороны, на увеличение производства, с другой – на сохранение согласия в промышленности. Для высококвалифицированных специалистов предлагалось специальное денежное поощрение. Кроме того, ни один рабочий не должен быть наказан за принадлежность к профсоюзу или за участие в трудовом конфликте. «Хотя в некотором смысле это может нанести вред производству, – объяснял Черчилль, – но зато снимает подозрения в нечестных намерениях. Войну не выиграть, если мы не будем опираться на поддержку огромных масс трудящихся нашей страны. Если они не окажут поддержку своей лояльностью и добровольной решимостью, нас могут ожидать катастрофические результаты».

Черчилль не входил в число военных министров, но посещал те заседания, где обсуждались вопросы вооружений. 15 августа он по собственной инициативе высказал мнение о выделении России британской полевой артиллерии. Дерби выразил протест Ллойд Джорджу и уговорил сделать то же самое начальника имперского Генерального штаба сэра Уильяма Робертсона. На втором совещании в этот же день он высказался в пользу передачи морских пушек из флота в армию. Задачей Черчилля была организация производства военной продукции в Британии и удовлетворение запросов на нее. Соответственно, он полагал, что должен указывать, каким образом лучше ее использовать. Существовало значительное количество пушек, от которых отказалось Адмиралтейство. Он сказал, что военное министерство могло бы использовать их на суше. Первый лорд Адмиралтейства сэр Эрик Геддес, не присутствовавший на этом совещании, узнав о выступлении Черчилля, немедленно подал протест. И он, и Дерби пригрозили отставкой, если вмешательства Черчилля не прекратятся.

Через три дня после этого совещания Черчилль объявил о новой структуре министерства. Это были изменения, направленные, как он сказал, на то, чтобы «более экономичными, более расчетливыми и гармоничными действиями способствовать дальнейшему укреплению военного могущества». Вместо пятидесяти полунезависимых отделов он учредил совет по вооружениям, состоящий из одиннадцати членов, каждый из которых должен был отвечать за несколько связанных между собой производств. Секретариат совета должен был координировать и контролировать методы работы. Руководителем секретариата Черчилль назначил своего бывшего

секретаря в Адмиралтействе Джеймса Мастертон-Смита, а своим личным секретарем Эдварда Марша.

Совет по вооружениям собирался раз в неделю. Специальные вопросы передавались на рассмотрение комитетам совета. В течение пятнадцати месяцев их было создано семьдесят пять. Десятки бизнесменов и промышленников принимали участие в деятельности министерства, работая бок о бок с государственными служащими. Черчилль читал доклады комитетов и визировал их. 4 сентября на совещании он поднял вопрос об авиации. «Слишком долго, – заявил он, – авиация была обузой для других родов войск. Но в настоящее время есть только два способа победить в войне, и оба начинаются с буквы А. Один способ – аэропланы, другой – Америка. Это все, что осталось. Все остальные способы исчерпаны».

Черчилль оказался в своей стихии: работа и четкий план. «Если четко знаешь план военных действий, тебе легко работать с имеющимся материалом», – заявил он коллегам. А через пять дней написал Ллойд Джорджу: «Это очень серьезное министерство, почти такое же интересное, как Адмиралтейство, с гигантскими возможностями сражаться как с адмиралами, так и гуннами. Мне очень нравятся эти умные деловые люди, которые стремятся максимально помогать мне. Очень приятно работать с компетентными людьми».

12 сентября Черчилль впервые отправился во Францию по делам Министерства вооружений. Из Кале они с Маршем поехали в зону боевых действий. В Месене, как им сказали, было опасно, поэтому они направились к хребту Витсхете, который два месяца назад заняли Ирландский и Ольстерский полки. Не успели они добраться до хребта, как в пятидесяти метрах от них начали рваться немецкие снаряды; осколки падали на расстоянии четырех-пяти метров. «Уинстон вскоре решил, что оставаться здесь глупо, – написал Марш приятелю, – и мы начали пробираться назад по Витсхетскому лесу через вывороченные с корнями деревья и обходя воронки». Из Витсхете Черчилль направился в Сент-Омер, где ему предстояло два дня вести переговоры с Хейгом и его штабом.

Хейг отдал приказ в недельный срок начать крупномасштабное наступление, решив прорвать немецкую оборону на Ипрском выступе. Он поставил цель наступать на Брюгге вплоть до Зебрюгге, тем самым желая покончить с тупиковой ситуацией окопной войны. 13 сентября, после первого дня, проведенного с Черчиллем, он записал в дневнике: «Уинстон признает, что они с Ллойд Джорджем сомневаются в возможности одолеть немцев на Западном фронте».

Из Сент-Омера Черчилль съездил в Поперинге навестить брата, который служил в штабе австралийско-новозеландской дивизии. На обратном пути в Сент-Омер он проезжал мимо войск, направлявшихся в траншеи. «Многие узнавали Уинстона и приветствовали его, махая руками, – записал Марш. – Он был доволен как Панч».

Вечером 16 сентября, прежде чем отправиться на восток, в сторону фронта, Черчилль председательствовал на конференции по вооружениям в Аррасе. «Уинстона увлекает зрелище рвущихся снарядов, – написал Марш другу. – Мы вышли, надели стальные каски, повесили на шею противогазы и полчаса шли в сторону взрывов. Шум был страшный. Снаряды свистели у нас над головами, некоторые падали, но в отдалении от нас. Мы, похоже, не успели подойти достаточно близко. Артобстрел прекратился, и через полчаса повернули обратно. Пренебрежение Уинстона временем, когда он хочет что-то сделать, потрясающее. Он как будто твердо уверен, что оно его подождет».

В полночь Черчилль добрался до Парижа. Его ждал номер в «Рице». 17 сентября он встретился со своим французским коллегой Луи Лушером, который выступал за создание межсоюзнического Совета по вооружениям. Черчилль не возражал. Его главной заботой было представить американцам согласованные предложения Британии и Франции. На следующий день он провел совещание с французскими экспертами в области артиллерии по вопросу наиболее эффективной транспортировки тяжелых пушек по железной дороге. Вечером ужинал в Амьене, после чего уехал на побережье, откуда эсминец доставил его в Дувр.

Хейг начал наступление 20 сентября. Через тринадцать дней, 3 октября, он направил Черчиллю запрос о срочной поставке снарядов для 6-дюймовых гаубиц. Сокращение поставок, предупредил он, воспрепятствует дальнейшему наступлению. Черчилль дал указание британской миссии в Вашингтоне передать запрос американскому военно-промышленному комитету. Член комитета, ответственный за поставки, Бернард Барух согласился поставить требуемые снаряды. С тех пор Барух и Черчилль поддерживали постоянные контакты по телеграфу, порой ежедневно. Они никогда не встречались, но благодаря обмену телеграммами у них установились тесные деловые партнерские отношения.

12 октября войска Хейга начали наступление у деревни Пасхендале, последнего укрепленного пункта перед предполагаемым броском вперед. Но после двенадцати дней ожесточенных боев, нередко переходивших в рукопашную,

наступление захлебнулось. В этот же день в Италии немецкие и австрийские войска совместными действиями в районе Капоретто нанесли поражение итальянской армии. Более миллиона итальянцев обратились в бегство. Когда весть о масштабе этой катастрофы дошла до Лондона, Черчилль был в Лаллендене. Ллойд Джордж, который находился в Уолтон-Хит, в тридцати километрах, позвонил Черчиллю и попросил приехать. «Он показал мне телеграммы, которые, при всей своей сдержанности, обнажили поражение огромного масштаба», – позже написал Черчилль.

Черчилль придал Ллойд Джорджу мужество, на что тот и рассчитывал. На помощь Италии решено было отправить британские и французские войска; премьер-министру следовало лично посетить Италию; Черчиллю же сделать все возможное, чтобы обеспечить удовлетворение растущих запросов на пушки и боеприпасы. Это была задача огромной сложности: британские заводы, уже работающие на пределе своих мощностей, не смогли в октябре удержать уровень сентябрьского производства. «Нужно проявлять осторожность и действовать согласно нашему плану, – говорил Черчилль на совещании у себя в министерстве 7 ноября. – Не следует распылять силы поровну между истощенными странами».

В этот же день у Черчилля произошла первая встреча с консультативным комитетом женских профсоюзов. В сфере ответственности его министерства находилось около миллиона женщин. Восемью месяцами ранее он голосовал за расширение избирательного права – это впервые в британской истории предоставило право голоса женщинам. В результате принятия нового акта право участия в выборах получили шесть миллионов женщин. Теперь главной темой дискуссии была более справедливая оплата труда. Интересы женщин представлял тридцатишестилетний профсоюзный лидер Эрнст Бевин. Через двадцать три года он войдет в состав правительства Черчилля.

Черчилль благожелательно отнесся к требованиям женщин. На собрании он сказал, что женский труд не должен быть лишь прецедентом военного времени, а в конце встречи отмел подозрения, вызказанные Бевином: «Если вы думаете, что я хочу вас каким-то образом обмануть и что мы собрали вас для того, чтобы утихомирить женщин, вы глубоко заблуждаетесь. Об этом мы думали меньше всего. Время слишком серьезное для подобных игр. Это действительно честная попытка понять проблемы женщин, занятых в промышленности и в производстве вооружений во время войны».

Через два дня после этой встречи Черчилль заявил

на Военном совете, что требования по зарплате рабочих, занятых в производстве вооружений, ни в коей мере не превышают ни роста стоимости жизни, ни степени напряженности труда. А напряженность нарастала. В первые две недели ноября Черчилль выдвинул соображения, как сократить спад производства бомбардировщиков и как увеличить производство авиационных двигателей. 18 ноября он вернулся в Париж, чтобы скоординировать с французами и итальянцами потребности Италии в боеприпасах. Уже через три дня запросы итальянцев были удовлетворены.

20 ноября, когда Черчилль еще был в Париже, британцы предприняли первую в ходе войны танковую атаку при Камбре. В течение двух недель немецкая линия обороны была смята. Британцы отвоевали более ста квадратных километров территории. В первый день сражения Черчилль пошел в палату депутатов послушать нового премьер-министра и военного министра Франции, семидесятишестилетнего Жоржа Клемансо, который заявил: «Больше никаких пацифистских кампаний. Никаких интриг с немцами, ни предательских, ни полупредательских. Война, ничего, кроме войны». «Это было замечательное выступление. Он метался от одной стороны трибуны к другой, – позже вспоминал Черчилль, – без каких-либо справочных записей, выкрикивая резкие, отрывистые фразы по мере того, как новые мысли возникали в его мозгу. И дело было не в словах и умозаключениях. Язык, красноречие, аргументы – все это было в тот момент несущественно. Главное – на тропу войны вышел рычащий разъяренный старый неустрашимый хищник».

Сорок третий день рождения Черчилль встретил во Франции. Он оставался там до 4 декабря. За это время был доработан план размещения британского пушечного завода в Крее, к северу от Парижа, с тем чтобы тяжелые пушки можно было ремонтировать и усовершенствовать на месте, не отправляя в Британию. По просьбе Бернарда Баруха он также занимался поиском и закупкой материалов военного назначения, которые могли бы понадобиться американским войскам, когда они высадятся в Европе. Черчилль приобретал эти материалы во Франции, Испании и даже Канаде. В их числе было 452 аэроплана.

В Париже Черчиллю удалось договориться о постройке англо-американского танкового завода в Бордо, на котором собирали бы танки из деталей, присылаемых из Британии и США. К июлю 1918 г. завод должен был выпустить 1500 тяжелых танков.

Черчилль был уверен, что именно с помощью этих танков может быть добыта победа. Танки следует использовать, говорил он на заседании правительства по возвращении в Лондон, не только как замену артиллерии, но и как необходимое дополнение к пехоте. В доказательство он указал, что в сражении при Камбре, которое завершилось двумя днями ранее, эти сто восемь квадратных километров территории были отвоеваны ценой менее 10 000 человек убитыми и ранеными, а на боеприпасы было израсходовано 6 600 000 фунтов. В то же время во Фландрии с августа по ноябрь того же года захват ста сорока квадратных километров обошелся потерями в 300 000 убитыми и ранеными и расходами 84 миллионов фунтов на боеприпасы. «Первым делом, – заявил он в правительстве, – необходимо набрать от тридцати до сорока тысяч бывших кавалеристов для службы в танковых войсках».

Черчилль испытал большое облегчение, узнав, что битва на Ипре завершилась. «Слава богу, наши наступления закончились, – написал он Синклеру. – Пусть они теперь бродят по перепаханным взрывами полям. Пусть время от времени занимают места, от которых остались одни названия; мы будем наносить внезапные удары то здесь, то там, вооруженные научными знаниями при поддержке превосходящей артиллерии. Таким образом мы сломим им дух и лишим всех ресурсов к концу кампании 1918 г.».

По мере того как 1917 г. подходил к концу, энергия Черчилля сосредоточивалась на кампании следующего года. Но возникла новая опасность: в России правительство большевиков, пришедшее к власти в начале ноября, заявило, что намеревается заключить мир с Германией. Это означало, что немцы смогут высвободить большие силы с Восточного фронта и направить их на Запад, создав численное превосходство в живой силе и технике. Чрезвычайно встревоженный, Черчилль 19 января 1918 г. обратился к Ллойд Джорджу с призывом немедленно привести все войска в полную боевую готовность. Приоритет по-прежнему должен оставаться за флотом, указал Черчилль и продолжал: «Для меня это непостижимо. На Западном фронте надвигается опасность. Кризис разразится до июня. Поражение станет катастрофическим. Прошу, не допустите, чтобы раздражение от армейских ошибок, которое я целиком с вами разделяю, привело вас к недооценке предстоящей кампании или к лишению армии всего, что ей требуется. Вы знаете, насколько выше я ценю современную оборону по сравнению с наступлением. Но мне не нравится сложившаяся в настоящее время ситуация, и я совершенно не считаю, что делается все

возможное для ее исправления. Представьте, если здесь нас будет поджидать неудача! Посмотрите, что произошло в Италии. Одна ночь может моментально уничтожить целую армию. Необходимо ограничение импорта товаров и продовольствия ради увеличения количества снарядов, самолетов и танков. Колючая проволока и бетон в максимально возможном объеме. Грамотный, заранее разработанный план контрударов, чтобы снять напряжение на направлении возможных атак. Если и это не сработает, все пойдет плохо. Мне это внушает беспокойство. Немцы – сильный враг, а их генералы лучше наших. Необходимо тщательно все обдумать, а затем действовать».

Черчилль действовал в соответствии со своим ощущением опасности. В конце января он потребовал от министра авиации не допускать снижения выпуска авиационных двигателей ниже заказанных четырех тысяч в месяц. Если будет сочтено необходимым, написал он, Министерство вооружений поддержит увеличение до пяти и даже шести тысяч. 18 февраля он на один день переправился во Францию, чтобы обсудить с британским армейским командованием потребности в боеприпасах, танках и горчичном газе, полный решимости выполнить все заявки. Затем через три дня вернулся продолжить обсуждение, а заодно осмотреть траншеи на переднем крае.

Черчилль побывал и у своих бывших траншей в Плугстерте. «Все разнесено вдребезги, – рассказывал он Клементине. – Постоянно сильный артобстрел. Мы продвинулись вперед на милю, но знакомые мне фермы – просто груды кирпича и рваных мешков с песком. Однако укрепленная землянка, которую я соорудил на ферме Лоренс, выстояла все два года боев и используется до сих пор. Сохранились и подвалы монастыря, которые я осушил и назвал «боевой рубкой». Все остальное – руины».

Из Плугстерта Черчилль отправился на север, к Ипру. На Менинской дороге, рассказывал он, «гунны начали обстрел. Это их любимое пристрелянное место. Его называют «Адский угол». Никто, впрочем, не обращал на это ни малейшего внимания. От «Адского угла» Черчилль прошел по дощатому настилу к рощам Гленкорс и Полигон – местам ожесточенных боев в сентябре и октябре этого года.

В какой-то момент он проходил всего в пятистах метрах от укрепленного пункта немцев – замка Полдерхук. «Зрелище было поразительное, – написал он Клементине. – Мусор, грязь, ржавая проволока, земля, изрытая воронками. Солдат почти не видно, в основном они в блиндажах, захваченных у немцев. Над головой аэропланы. Их постоянно обстреливают. Хребет

слишком далеко, но вся огромная арена бойни видна хорошо. За три с половиной года непрекращающихся столкновений здесь были ранены или сложили головы почти 800 000 британских солдат. Среди них многие наши друзья и мои ровесники. Смерть здесь считается обычным явлением и волнует не больше, чем волнует гробовщиков. Совершенно естественное обыденное событие, которое может случиться с каждым в любой момент, как это уже случилось со многими тысячами, кто лежит на этом гигантском кладбище, – благородные люди, достойные вечной славы и памяти за мужество».

Черчилль был поражен тем, как теперь солдаты ведут себя в зоне боевых действий. «Они гуляют словно по улице – никакого укрытия и даже камуфляжа, – писал он. – Люди ходят, но не слышно ни единого выстрела. В мое время в Плугстерте это означало бы верную смерть. Полагаю, все настолько устали от войны, что даже не в силах убивать случайных прохожих. Мы, помню, стреляли в каждого, кто попадался на глаза. На обратном пути к машине мы прошли мимо сумасшедшего дома, разрушенного нормальными людьми!»

26 и 27 февраля Черчилль занимался в Париже вопросами вооружений. Затем вернулся в Лондон. В меморандуме от 5 марта он предложил правительству продумать условия новой наступательной стратегии на 1919 г., в которой главная роль отводилась бы авиации и танкам – новому виду вооружений, который привел бы не к бессмысленным потерям, а к победе. Через три дня он объяснял Ллойд Джорджу, что считает применение большого количества танков неотъемлемой составляющей будущих сражений. Сэр Генри Уилсон, новый начальник Имперского Генерального штаба, присутствовавший при этом разговоре, выразил озабоченность минными полями, которые могут препятствовать продвижению танков. Через восемь дней Черчилль предложил различные контрмеры и потребовал начать работы по обеспечению безопасного преодоления танками минных полей. Среди его предложений были «большой стальной молот», выдвинутый на шесть метров впереди каждого танка, специальный прочный танк, который мог бы выдержать взрыв мины и который сможет прокладывать путь остальным; тяжелый каток или ряд катков перед танками и пр. Он отметил, что это лишь примерные идеи, которые могут впоследствии привести к конкретным решениям.

Черчилль учредил в своем министерстве «Танковый совет». Он поставил цель иметь 4459 танков к апрелю 1919 г. и удвоить это количество к сентябрю того же года. Он хотел также удвоить и силы британской авиации, будучи уверенным, как отметил

в меморандуме от 5 марта, что результаты войны будут зависеть от того, сможет ли какая-либо из сторон конфликта сбрасывать не по пять, а по пять тысяч тонн бомб на города и промышленные объекты противника.

18 марта Черчилль снова был во Франции. Это был его пятый визит за восемь месяцев пребывания на посту министра вооружений. В Сент-Омере он узнал, что ожидается крупное немецкое наступление. К северу от Уазы группировка немецких войск вдвое превышала по численности британскую.

На следующее утро он посетил штаб-квартиру танкистов в Монтрейле. До официальной встречи во Франции оставалось двое суток. Вместо того чтобы вернуться в Лондон, он решил навестить своего друга генерала Тюдора, ныне командующего 9-й дивизией. 19 марта он переночевал у Тюдора в Нюрлю, а на следующий день они осмотрели всю линию обороны дивизии – от артиллерийских позиций в Авринкуре до траншей в лесу, занимаемых южноафриканцами.

Черчилль ночевал в Нюрлю. Проснулся он рано, в начале пятого. Полежав с полчаса, услышал шесть или семь громких взрывов на расстоянии нескольких километров. Он подумал, что это британские пушки, но на самом деле это взрывались немецкие мины. «А затем, – позже вспоминал он, – буквально как пианист пробегает пальцами от высоких нот до басов, началась такая страшная канонада, какой мне никогда не доводилось слышать».

Началось немецкое наступление. Черчилль быстро оделся и поспешил к Тюдору, который сказал, что британская артиллерия сейчас начнет ответный огонь. Черчилль ее не слышал. «Грохот немецких снарядов, взрывающихся на передовой километров за семь от нас, был настолько подавляющим, – записал он позже, – что залпы наших почти двухсот пушек, расположенных гораздо ближе, были практически не слышны». После шести утра немецкая пехота пошла в наступление. Позиции южноафриканцев в лесу были смяты. Черчилль хотел остаться в расположении дивизии, но Тюдор уговорил его уехать. Он поехал через Перонну на север, в Сент-Омер. К ночи дорога от Нюрлю была уже перекрыта.

До конца дня Черчилль пробыл в Сент-Омере. 22 марта он присутствовал на совещании по вопросу применения газа, а на следующий день британцы оставили Нюрлю. Черчилль вернулся в Лондон. На Даунинг-стрит Ллойд Джордж принялся подробно расспрашивать его, можно ли удержать линию фронта теперь, когда пришлось оставить все хорошо укрепленные позиции. «Я сказал ему, – вспоминал Черчилль, – что любое

наступление со временем теряет силу. Это все равно что опрокинуть ведро с водой на пол. Вода сначала хлынет потоком, а потом будет вытекать все медленнее, и в конце концов это прекратится, разумеется, если не вылить новое ведро. Так и здесь. Через пятьдесят-шестьдесят километров наступит передышка, и, если постараться, линию фронта можно будет восстановить».

Вечером Ллойд Джордж и Генри Уилсон ужинали у Черчилля на Экклстон-сквер, 33. В дневнике Уилсон записал про Черчилля: «Настоящая находка в кризисе». На следующий день на заседании правительства Черчилль заявил, что всех сотрудников оружейных заводов попросят отказаться от пасхальных выходных. Он также готов освобождать рабочих оружейных заводов от службы в армии. Всю ночь на 26 марта он проработал в министерстве: требовалось в кратчайшие сроки обеспечить отправку во Францию максимального количества артиллерийских установок. Следующую ночь он тоже провел в министерстве. Утром 28 марта немецкие войска завладели плацдармом на Сомме, отбитым у них ценой огромных потерь в 1916 г., и теперь угрожали врезаться клином между французской и британской армиями. Хейг перевел свою штаб-квартиру из Сент-Омера в Монтрёй, ближе к Ла-Маншу.

Ллойд Джордж хотел из первых рук знать, хватит ли французским и британским войскам стойкости и материальных ресурсов, чтобы остановить продвижение немцев. Для сбора информации он опять решил отправить на фронт Черчилля. Кроме того, ему хотелось знать наверняка, готовы ли французы, до сих пор относительно слабо задействованные, совершить решительное наступление с юга, чтобы уменьшить напряженность на британском участке фронта. Все это должен был выяснить Черчилль. Утром Ллойд Джордж отправил телеграмму Клемансо, сообщив, что Черчилль направляется в штаб-квартиру французской армии.

Критики Черчилля немедленно забили тревогу. Пока он ехал, Бонар Лоу и Генри Уилсон отправились к Ллойд Джорджу и заявили, что неправильно посылать Черчилля с военной миссией во французскую армию. Ллойд Джордж поддался и отправил телефонограмму Черчиллю, в которой написал, что ему лучше остановиться в Париже, а не в штаб-квартире французской армии, там встретиться с Клемансо и оценить ситуацию.

Но сообщение от Ллойд Джорджа до Черчилля не дошло. Переправившись на эсминце в Булонь, он на машине добрался до нового штаба Хейга, где обнаружил полное спокойствие. Сам главнокомандующий отправился на верховую прогулку.

В Монтрёе Черчиллю сообщили, что за последнюю неделю британская армия потеряла более 100 000 убитыми и попавшими в плен и лишилась тысячи с лишним пушек. Самое опасное заключалось в том, что немецкие войска продвигались к северному участку британского фронта, где еще не было боевых действий. Возникла угроза, что британцы будут оттеснены к побережью Ла-Манша. Французское наступление с юга становилось поэтому крайне необходимым, но в штабе Хейга никто не знал ни намерений французов, ни какими силами они располагают, чтобы прийти на помощь британцам.

Из Монтрёя Черчилль поехал на юг, в Амьен, который уже подвергся бомбардировке немцев. В полночь он добрался до Парижа, как он написал позже, до «роскоши почти пустого «Рица». Только там ему передали депешу Ллойд Джорджа.

29 марта утром, в Великую пятницу, немецкий снаряд попал в одну из парижских церквей. Погибли восемьдесят прихожан. «Надеюсь, когда начинают стрелять дальнобойные пушки, ты уходишь в укрытие», – писала ему Клементина. Утром Черчилль получил сообщение, что Клемансо не только сам готов с ним встретиться, но организует ему встречу со всеми командующими армиями и корпусами. В шесть вечера встреча состоялась. «Четкий и смелый курс на пределе возможностей с использованием всех доступных ресурсов, – телеграфировал Черчилль Ллойд Джорджу. – Они уверены в своих силах. На мужество Клемансо можно полностью положиться».

Ллойд Джордж зачитал сообщение Черчилля на заседании кабинета 30 марта. Министр без портфеля лорд Милнер, соперник Черчилля в предыдущее десятилетие, выразил протест против его миссии, даже ограниченной визитом к Клемансо, заявив, что это прямой удар по нему как министру, который обычно вел дела с французами. Однако Ллойд Джордж понимал, что сообщения Черчилля чрезвычайно важны для понимания ситуации и оценки возможностей Франции в оказании помощи британским войскам.

В восемь часов утра 30 марта Черчилль появился у Клемансо. «Мы покажем вам все, – сказал тот. – Мы вместе побываем везде и посмотрим все своими глазами». Через два часа они были в Бове. Маршал Фош ждал их в городской ратуше. Черчилль позже вспоминал: «В кабинете Фош немедленно схватил большой карандаш, без всяких предисловий ринулся к карте и стал обрисовывать положение». Оживленно жестикулируя, с громкими восклицаниями он продемонстрировал продвижение немцев с начала их массированного наступления 21 марта. Он рассказал о замедлении наступления с каждым последующим днем.

По словам Черчилля, «в нем ощущалась какая-то жалость к этому несчастному клочку земли, который отвоевал противник в последний день. Было ясно, что это просто ничтожное достижение по сравнению с первыми днями наступления. Силы врага иссякали».

«Стабилизация линии фронта произойдет неизбежно и скоро, – заявил Фош. – А потом… Потом – это моя забота». Гости ушли и направились в Друри, где располагался штаб генерала Роулинсона, командующего 4-й армией. Черчилль поинтересовался, смогут ли они удержать линию фронта. «Этого никто не может сказать, – ответил Роулинсон. – Сейчас у нас только крайне истощенные и дезорганизованные части». К тому же солдаты 5-й армии, на которую пришелся главный удар противника, были полумертвыми от усталости и недосыпания и медленно отступали. У них практически не осталось сил.

Хейг прибыл в Друри и обратился к французам за помощью. Клемансо тут же отдал приказ двум французским дивизиям переправиться через реку Анкр на помощь британцам. «Если ваши устали, – сказал он, – а у нас есть свежие части, наши люди сейчас же придут вам на помощь». Кроме наступления на юге французы были готовы оказать непосредственную помощь на самом ослабленном участке британского фронта. Известие об этом сразу же вызвало огромное облегчение у изможденных до предела солдат. Об этом Черчилль телеграфировал Ллойд Джорджу.

Клемансо продолжал: «Но я требую награды. Я хочу переправиться через реку и посмотреть, как идут бои». Роулинсон заявил, что ситуация за рекой Люс нестабильна. «Очень хорошо, – ответил Клемансо, – мы ее стабилизируем. Проделав такой путь и направив вам две дивизии, я не могу вернуться, не побывав там». Предложив Черчиллю следовать за ним, Клемансо сел в машину. Позднее Черчилль рассказывал Клементине, что они проезжали мимо британских солдат, которые брели из зоны боевых действий как во сне. Большинство их них не обращали никакого внимания на автомобили с яркими флажками. Некоторые, впрочем, узнавали Черчилля и махали рукой, как наверняка приветствовали бы любого другого, кто вызвал бы у них воспоминания об Англии и о прекрасных днях мира.

Когда они добрались до берега реки, артиллерийская стрельба уже была близко. «Итак, мистер Черчилль, мы на британском участке фронта, – произнес Клемансо. – Возьмете командование на себя? Мы сделаем так, как вы скажете». – «Как далеко вы хотите продвинуться?» – спросил Черчилль. «Как можно дальше, – ответил Клемансо. –

Но решать вам».

Держа карту в руках, Черчилль велел водителю своей машины возглавить колонну. Они проехали по мосту. «Снаряды со свистом летали у нас над головами в обе стороны, – вспоминал Черчилль. – Колонна подошла на триста-четыреста метров к последней высоте, остающейся в руках британцев. В лесу были слышны винтовочные выстрелы, снаряды начали рваться перед ними на дороге и на залитых водой лугах».

Черчилль решил, что дальше продвигаться не стоит. Клемансо не возражал, вышел из машины и взобрался на небольшой пригорок у обочины. Он оставался там около четверти часа, расспрашивая отставших людей. «Все были чрезвычайно оживленны и безответственны, как школьники на каникулах, – вспоминал Черчилль. – Но французские штабные офицеры были крайне озабочены безопасностью премьер-министра. Они попросили меня уговорить его вернуться. Клемансо согласился. Когда мы подошли к дороге, неподалеку в группу лошадей, которых вели в поводу, попал снаряд. Всех разметало. Одна раненая лошадь понеслась галопом в нашу сторону. Бедное животное истекало кровью. Клемансо в свои семьдесят шесть метнулся к раненой лошади и с невероятным проворством схватил ее под уздцы, заставив остановиться. Один французский генерал пытался его образумить. Он неохотно повернулся к машине, но по пути искоса взглянул на меня и произнес вполголоса: «Quel moment délicieux!»[28]

Колонна вернулась в Друри, затем направилась на север через Амьен. На Черчилля произвел большое впечатление французский генерал на правом фланге обороны Роулинсона, уверенно заявивший, что сможет удерживать свой сектор в течение двадцати четырех часов до прихода подкрепления. К вечеру вернулись в Бове. Главнокомандующий французскими войсками генерал Петен встретил их у подъезда своего «роскошного военного дворца», как выразился Черчилль.

«Все время, – вспоминал он, – мы по двенадцать часов в день либо носились с огромной скоростью по дорогам, либо вели беседы с разными влиятельными людьми. Я очень устал. Но железный организм «Тигра», казалось, вообще не знал усталости». Петен описал ситуацию, как он ее представлял. Он был уверен, что немецкое наступление захлебнется, и объяснил, что наступила «фаза подразделений», из которых будет сформирована новая линия фронта, после чего настанет «фаза пушек». Укрепленные артиллерийские позиции будут готовы за двое суток. Боеприпасы подвезут в течение четырех дней.

Поужинав с Петеном в его поезде, гости к часу ночи вернулись в Париж. Перед тем как лечь спать, Черчилль отправил телеграмму Ллойд Джорджу. Он советовал как можно быстрее направить во Францию пополнение. «Необходимо сократить превосходство противника. Клемансо великолепен в своей решительности и энергичности». В воскресенье Черчилль написал и Клементине про «Тигра»: «Его дух и энергия неукротимы. Вчера пятнадцать часов носились в автомобилях по плохим дорогам на бешеной скорости. Я был без сил, а ему ведь 76! Он производит на меня такое же впечатление, как Фишер, только гораздо более энергичный и всегда готовый укусить!»

Ллойд Джордж хотел, чтобы американцы приступили к немедленной отправке во Францию значительных сил, в идеале – по 120 000 человек ежемесячно. Черчилль, по просьбе Ллойд Джорджа, передал это Клемансо. Вместе они набросали текст телеграммы президенту Вильсону, подчеркнув срочность. Опираясь на все, что они выяснили за предыдущий день, Клемансо под руководством Черчилля написал: «Теперь я имею возможность сообщить вам, что отныне, что бы ни случилось, мы начинаем отвоевывать землю шаг за шагом, и уже сегодня уверены, что в состоянии остановить врага».

Президент Вильсон согласился направить войска в требуемом количестве. Проведя еще один день на фронте, Черчилль вернулся в Париж и в полночь отправил очередную телеграмму Ллойд Джорджу: «Французы хорошо закрепились и имеют солидную поддержку артиллерии. Немецкий рывок на юг больше не вызывает тревоги».

Ночью он еще раз встретился с Клемансо, затем снова телеграфировал Ллойд Джорджу, призывая того срочно прибыть во Францию, чтобы лично обсудить с Клемансо детали. «Вы с ним можете заключить хорошее соглашение, – убеждал он премьер-министра. – Никто другой этого не сможет». Ллойд Джордж прибыл в Булонь утром 3 апреля с Генри Уилсоном. Черчилль встретил их и поехал с ними в Монтрёй. Но по настоянию сэра Генри его не допустили до обсуждения военных вопросов, которое состоялось в Бове. На совещании пришли к мнению, что Фош будет назначен генералиссимусом всех союзнических войск во Франции, включая британские и американские.

Отстраненный от обсуждения, Черчилль провел 3 апреля, занимаясь проблемами вооружений, а вечером присоединился к Ллойд Джорджу. Они переправились из Булони в Фолкстон и в половине третьего утра прибыли в Лондон.

Тем временем большевики подписали мирный договор

с Германией. Черчилль искал способы убедить их возобновить военные действия и активизировать действия на Восточном фронте. В записке кабинету он написал: «Если большевиков удастся убедить действовать сообща с Румынией и начать совместные операции против Германии, то имеет смысл направить в Москву достаточно авторитетных представителей союзников. Это придаст правительству большевиков легитимность и возможность соглашения со всеми классами русского общества».

Черчилль полагал, что, если бы бывший американский президент Теодор Рузвельт, который в это время находился в Париже, или бывший военный министр Франции Альбер Тома оказались в нужный момент рядом с Троцким, можно было бы предложить идею достаточно привлекательную для русских, выработать какую-нибудь общую формулу вроде «защиты плодов революции». Это позволило бы заключить необходимое, учитывая нарастающее давление немцев, соглашение. Представитель Антанты тогда мог бы даже войти в русское правительство.

Черчилль был убежден, что Британия и большевики могут действовать заодно. «Давайте не забывать, – говорил он, – что Ленин и Троцкий сражаются с петлей на шее. Они уйдут со своих постов только в могилу. Если предложить им реальную возможность усиления их власти, какую-то защиту от контрреволюции, они ухватятся за нее. Но к этому их должны подтолкнуть события и помощь. Без внешней поддержки они ничего сделать не смогут. Пока их надежды связаны с другим, но, если им помочь, чувство самосохранения должно вынудить их пойти по нашему пути».

Во второй записке кабинету, поданной в апреле, Черчилль отметил: «В целом интеллектуалы России, в том числе и большевики, должны, что бы ни случилось в отдаленной перспективе, испытывать враждебность к прусскому милитаризму, а следовательно, стремиться к парламентской демократии стран-союзников».

Черчилль искал любые способы давления на Германию. За день до предложения сделки с Лениным он писал о необходимости увеличения производства снарядов с горчичным газом и подчеркнул, что является сторонником максимально возможного развития газовой войны при использовании направления ветров. В течение месяца более трети всех снарядов, выпущенных британской промышленностью, были газовыми. Однако первая успешная газовая атака была проведена немцами в полночь на 7 апреля на северном участке британской линии фронта у Армантьера. Через три дня Армантьер был взят.

Все достижения третьей битвы на Ипре были потеряны. Леса на Ипрском выступе, которые обследовал Черчилль в феврале, снова оказались в руках немцев. Черчилль предупреждал Ллойд Джорджа об опасности вклинивания немецких войск между французскими и британскими войсками с возможностью выхода к Ла-Маншу в районе Аббевиля. «Разве не разумно, – написал он Ллойд Джорджу, – стоять вместе, отступать вместе, поворачивать вместе и атаковать вместе, как мы действовали после Марны?»

По возвращении из Франции Черчилль удвоил усилия, направленные на производство вооружений. К 21 апреля он уже направил Хейгу вдвое больше пушек, чем было потеряно или выведено из строя с начала наступления немцев. То же самое можно было сказать и про аэропланы. Кроме этого он смог заменить все подбитые танки на более новые и усовершенствованные. Чтобы точно выяснить потребности Хейга в снарядах для тяжелых пушек, он 27 апреля опять отправился во Францию. Вечером Хейг записал в дневнике: «Он на самом деле значительно увеличил выпуск вооружений».

Вернувшись из Франции, Черчилль обнаружил заявку американцев на две сотни тяжелых пушек, которые он обещал им пятью месяцами ранее. Они должны были очень скоро потребоваться частям, прибывающим во Францию. Несмотря на британские потери после 21 марта и отправки резерва итальянским войскам, он сумел выполнить обещание. Но главной его заботой этим летом был выпуск вооружений, которые потребуются в 1919 г. – раньше, по его мнению, победу одержать не удастся. Ради этого Черчилль теперь жил и ночевал в здании министерства. «Это предоставляло большие удобства с точки зрения организации работы, – рассказывал он одному другу. – Можно было работать до ужина, во время ужина получать документы и начинать работать с ними с самого раннего утра, если необходимо».

Летом Черчилль впервые организовал регулярное воздушное сообщение с Францией для министров и других официальных лиц. Первый такой полет совершил он сам 18 мая из аэропорта Ле-Бурже, расположенного к северу от Парижа, с тем чтобы как можно быстрее вернуться в Лондон на конференцию союзников по вопросам вооружений.

1 июня мать Черчилля сочеталась третьим браком с Монтегю Порчем, сотрудником британской государственной службы в Нигерии. Ее предыдущий муж, Джордж Корнуоллис-Уэст, ушел от нее в 1913 г. и женился на актрисе Патрик Кэмпбелл. Порч был на двадцать три года моложе леди Рэндольф и на три года моложе самого Черчилля. «Уинстон надеется, что такие браки

не станут модой у дам в возрасте его матери», – написал в дневнике друг семьи. Леди Рэндольф было шестьдесят четыре. Черчилль с женой были среди тех, кто подписал свидетельство о браке. Клементина в это время была на четвертом месяце беременности. Через два дня после свадьбы матери Черчилль улетел во Францию. Клементина провожала его. «Это было трогательное зрелище, – написал он ей из Франции. – Ты и два твоих котеночка быстро уменьшались в размерах, аэродром со всеми ангарами таял вдали, а меня уносило прочь».

Немцы, воодушевленные мартовскими победами, предприняли новое наступление, прорвав линию обороны французов между Эной и Марной. В Париже забеспокоились, что столице может угрожать опасность. Самолет Черчилля приземлился в Эдене. Оттуда он на машине приехал в Париж. «Воздушный налет продолжается, – написал он Клементине из Парижа вечером 6 июня. – Я никак не могу улечься в постель. Что же касается военной ситуации в целом, то я сохраняю надежду. Но судьба столицы висит на волоске, до нее всего 45 миль. В следующий раз (если он будет) ты должна полететь со мной».

8 июня Черчилль посетил французские передовые позиции к северу от Компьеня. Два французских генерала, которые его встретили, со спокойной уверенностью говорили, что ждут нападения. «День выдался тихим, – позже вспоминал он, – и безмятежность летнего вечера не нарушали даже пушечные выстрелы. Французские солдаты, ожидавшие очередного удара, были очень спокойны и даже веселы. На следующий вечер вся территория, по которой меня водили, уже была в руках немцев, а большинство тех, с кем я разговаривал, погибли или попали в плен». В ходе стремительного наступления немецкие войска захватили 60 000 пленных.

Днем 9 июня Черчилль из Парижа сообщал жене: «Сражение имеет очень важное, даже решающее значение. Если французы не смогут отбить наступление немцев, трудно представить, каким должен быть наш следующий шаг. Впрочем, фронт надежно удерживается, и есть хорошие резервы». В этот же день в Париже два снаряда дальнобойной немецкой артиллерии разорвались в 150 метрах от здания, где проходило совещание, на котором присутствовал Черчилль.

Немцам не удалось взять Компьень. 11 июня французы перешли в контрнаступление, а на следующий день Черчилль улетел в Англию. Во время полета что-то случилось с двигателем. «Я чуть было не окончил богатую событиями, хотя и не слишком радостную жизнь в соленых водах Ла-Манша, – рассказывал он

Синклеру. – Мы едва дотянули до берега».

По настоянию недавно назначенного военного министра лорда Милнера правительство постановило продолжить мобилизацию мужчин с оружейных заводов, несмотря на то что это стало сказываться на сроках выпуска танков. Такое решение вызвало недовольство Черчилля. Он начал сомневаться в способности Британии выиграть войну в 1919 г. «Существуют ли средства для нанесения поражения Германии на Западном фронте в 1919 г.? – задавал он вопрос в записке правительству от 22 июня. – Можно ли найти достаточно людей? Если да, должны быть продуманы механизмы. У нас еще есть время. Есть ли у нас воля и решимость заглянуть вперед и необходимым образом скоординировать действия?» Когда кабинет публично объявил, что в праздник Тела Господня британская авиация не будет работать по территории Германии, Черчилль гневно написал Ллойд Джорджу: «Отмените это. Это малодушие».

Очередная угроза бесперебойному производству вооружений на 1919 г. возникла в конце июня, когда на многих заводах начались забастовки, вызванные отказом владельцев обсуждать с профсоюзами повышение заработной платы. Особенно серьезная ситуация возникла на заводе Alliance Aeroplane, где забастовка началась в связи с увольнением цехового старосты. Выпуск аэропланов прекратился. Черчилль предпринял решительные действия: восстановил уволенного и разрешил заводскому комитету продолжить свою деятельность. Он также поддержал рабочих, заявивших, что «фирма препятствует законной деятельности цехового старосты и заводского комитета».

Через неделю на ряде других заводов начались забастовки в знак протеста против перевода рабочих с одного предприятия на другое без их согласия. Это было необходимо из-за непрекращающейся отправки мужчин на фронт. Столкнувшись с угрозой остановки производства танков, Черчилль хотел вернуть забастовщиков на предприятия, пригрозив им отменить освобождение от воинской повинности. Встретившись с Черчиллем 25 июля, Бонар Лоу возражал против этого, не желая, как он заявил, чтобы «акт о воинской повинности использовался как инструмент в решении производственных конфликтов». На следующий день 300 000 рабочих оружейных заводов в Лидсе пригрозили начать забастовку с 29 июля. Тут вмешался Ллойд Джордж, который поддержал Черчилля и выпустил специальное заявление о том, что все забастовщики подлежат отправке на фронт. Забастовка сорвалась, производство танков восстановилось. Надежды на победу в 1919 г. сохранялись.

8 августа 4-я британская армия под командованием генерала Роулинсона перешла в наступление. В нем принимали участие британские, канадские и австралийские части. В этом сражении были задействованы все семьдесят два танка, выпущенные благодаря усилиям Черчилля. Желая увидеть танки в действии, он сам прилетел во французский город Хесдин, откуда на машине доехал до замка Вершок, который Хейг предоставил в его распоряжение для будущих приездов во Францию.

К вечеру 8 августа танковое наступление смяло передовые линии немецких укреплений. Было захвачено 400 пушек и почти 22 000 пленных. «Очень рад, что все прошло так удачно», – телеграфировал Черчилль Хейгу. Тот ответил: «Всегда с благодарностью буду вспоминать энергию и предвидение, которые вы проявили на посту министра вооружений и тем самым сделали возможным наш успех». Черчилль переслал телеграмму Хейга Клементине с запиской: «Безусловно, приятно добиться доверия и доброжелательности от предубежденных военачальников».

9 августа Черчилль поехал повидаться с генералом Роулинсоном в его штаб-квартиру во Фликсекуре, а потом с братом Джеком на передовую. «По дороге на фронт, – написал он Клементине, – мы видели примерно 5000 военнопленных, помещенных в клетки или отдыхающих длинными рядами по обочинам дороги. Среди них было более 200 офицеров. Я подходил к клеткам и внимательно их разглядывал. Они, казалось, сохранили твердость духа, хотя некоторые были совсем молоды. Я не мог не испытывать жалости к ним, вынужденным прошагать многие мили без еды и отдыха, а перед этим пережившим все ужасы боя. Тем не менее очень рад был видеть их там, где они оказались».

Вместе с братом Черчилль добрался до линии фронта у деревни Ламотт, которая еще предыдущим утром находилась на расстоянии полукилометра в немецком тылу. «Везде очень хорошо были видны следы гусениц танков», – с гордостью сообщил он Клементине.

К 10 августа британская армия, продолжая наступление, взяла в плен еще 10 000 солдат. «Ситуация переломилась, – написал Черчилль Клементине в этот день. – Это наша победа, добытая преимущественно нашими войсками, под британским командованием и во многом благодаря непобедимым танкам, которые изобрели и создали британские умы». По-прежнему думая о 1919 г., он вечером написал Ллойд Джорджу о необходимости набрать еще 100 000 человек к следующему

июню, если танки подтвердят свою эффективность. 11 августа Черчилль вернулся в зону боев. «Немцы почти не стреляют, – сообщал он Клементине, – в то время как наши батареи грохочут вовсю. В этом секторе больше убитых немцев, чем в других местах, где я побывал. Вся местность усеяна трупами наших верховых лошадей, это, конечно, безобразная картина. Я видел, как упал сбитый наблюдательный аэростат, но экипаж успел выпрыгнуть с парашютами».

«Очень надеюсь, мы не будем зря губить наших солдат сейчас, когда рывок закончился», – написала Клементина мужу 13 августа. «Твое замечание насчет бережного отношения к солдатам показывает, что ты очень мудрая и здравомыслящая военная кошечка», – ответил Черчилль. В этот же день он уехал из замка Вершок в Париж, чтобы председательствовать на межсоюзническом совещании по вооружениям. Его задачей было принятие программы на 1919 г. Он встретился с Клемансо, которого беспокоили возможности Британии в части людских ресурсов. «То, что мне известно, у меня тоже вызывает тревогу, – написал Черчилль Клементине. – Мне кажется, у нас не хватает резерва».

16 августа в Париже Черчилль договорился о производстве танковых двигателей и пушек, необходимых 3-й армии американцев. Через два дня он обратился к Лушеру за помощью в проектировании и производстве бомбардировщиков дальнего действия, которые смогли бы нести повышенную бомбовую нагрузку. «Наступает момент, – пояснял он, – перевести войну на территорию противника, дать ему ощутить, что его собственные города и население погружаются в тот хаос, который он сеял в Бельгии и Франции. Необходимо перед приходом зимы воздействовать на его моральный дух и немедленно сбросить бомбы на его голодные и подавленные города».

На три дня Черчилль вернулся в Вершок. 19 августа он на один день слетал в штаб Хейга во Фреване. «Он всячески старается нам помочь, – записал Хейг в дневнике, – и спешит обеспечить нас снарядами 10-го калибра, газом, танками и пр. Все его планы рассчитаны на завершение войны к следующему июню!» Вернувшись в сумерках на аэродром близ замка Вершок, Черчилль поговорил с группой молодых летчиков, которые готовились к вылету на ночное бомбометание в Германию. «Слушай, – сказал он своему пилоту, – а ведь дома люди и понятия не имеют, чем занимаются здесь эти парни».

Черчилль пробыл в замке еще неделю. К 24 августа британские войска на Сомме вернули себе почти все территории, захваченные немцами в марте. «Очень радостно свободно

продвигаться вместе с армией, – написал он в тот день Клементине. – Но я успеваю регулярно заниматься своими делами». На следующий день он улетел в Англию. С аэродрома в Кенли он отправился сразу в Лалленден, чтобы побыть с семьей.

31 августа большевики ворвались в здание британского посольства в Петрограде. Среди офицеров, находившихся там, был и британский военно-морской атташе капитан Фрэнсис Кроми. Ему удалось застрелить трех нападавших, но сам он был убит. Как только об этом стало известно Черчиллю, он продиктовал записку для кабинета министров: «Кроми был очень одаренным человеком исключительно высоких профессиональных качеств. Искренне надеюсь, что правительство, несмотря на множество других забот, постарается найти тех, кто совершил это преступление. Репрессии против различных большевистских ничтожеств, которые могут попасть к нам в руки, реального значения не имеют, хотя и ни в коей мере не могут быть исключены. Единственной эффективной политикой является выявление тех в большевистском правительстве, к которым должно быть применено правосудие. И не имеет значения, сколько времени на это потребуется. Они должны понимать, что их наказание станет важной задачей британской политики и мы будем постоянно иметь это в виду как во время войны, так и при заключении соглашений».

Черчилль вывел из отдельного инцидента важный общий принцип. «Усилия, которые готова предпринять страна для защиты своих граждан от насилия, – написал он, – являются вернейшим показателем ее величия как организованного государства. Тот факт, что тысячи людей гибнут на справедливой войне, не должен притуплять наше внимание к событиям подобного рода». 4 сентября на заседании кабинета было решено направить телеграмму советскому правительству с угрозой репрессий против Троцкого, Ленина и других руководителей правительства, если жизни британских подданных не будут защищены.

В августе Черчилль провел переговоры с правительством Чили о приобретении союзниками производимых в Чили нитратов – важнейшего компонента для производства боеприпасов. 7 сентября он направил телеграмму Бернарду Баруху в Вашингтон с просьбой уточнить, какое количество боеприпасов ежемесячно потребуется американской армии в 1919 г. Ему необходимо было согласовать действия союзников. Днем он с женой и детьми отправился на краткую приморскую экскурсию в залив Сент-Маргарет близ Дувра, к вечеру уехал в Лимпн, а оттуда улетел в замок Вершок.

Клементина понимала необходимость длительных отлучек мужа, но ее тревожило участившееся количество полетов, которые он совершал. Он умолял ее не беспокоиться. «Полеты рождают у меня потрясающее чувство покорения пространства, – написал он. – Уверен, тебе бы это тоже понравилось». На следующий день он слетал в Монтрёй, в штаб Хейга. Там все были убеждены, что победа будет одержана до конца 1918 г. «Всегда надо делать скидку на завышенный оптимизм, – написал он Клементине. – Впрочем, у любой задачи всегда есть окончание, и в какой-нибудь день оптимисты окажутся правы».

Черчилль старался бывать на всех участках наступления британской армии, чтобы понять, как используются боеприпасы, горчичный газ и танки. 9 сентября он осмотрел только что захваченные немецкие позиции в Дрокуре. «Деревня полностью в руинах, – написал он Клементине. – Всюду страдание, мусор, грязь и мерзость запустения. Время от времени то тут, то там рвутся снаряды противника, на которые работающие, спящие, едящие, моющиеся или марширующие солдаты уже не обращают ни малейшего внимания. Большинство погибших британцев похоронены, но много синих и серых германских мундиров еще лежат на земле».

Черчилль не стал описывать жене всю ситуацию в Дрокуре. Но он подробно описал ее Ллойд Джорджу, стремясь показать, что происходит, когда наступающая пехота остается без поддержки танков. «Все укрепленные немецкие позиции захвачены, кроме щелей, из которых вели огонь пулеметчики, а наступающие части были лишены поддержки танков, – писал он премьер-министру 10 сентября. – На одном небольшом участке шириной менее четырехсот метров только что похоронили почти четыреста канадцев и очень немного немцев. Вы были бы шокированы происходящим там, где наше наступление на время захлебывается. Это похоже на полосу водорослей или мусора, которую оставляет после себя на берегу гигантская волна».

Черчилль не уставал предупреждать Ллойд Джорджа, что в результате интенсивного расходования боеприпасов на Западном фронте с начала августовского наступления возникает серьезная опасность их дефицита в 1919 г. С учетом того, что произошло в Дрокуре, он стремился в будущем году существенно увеличить количество танков и соответственно увеличить число экипажей. «Дело в том, – писал он, – что экипажей требуется намного больше, чем танков, поскольку невосполнимые потери среди личного состава велики, тогда как поврежденный танк, как правило, очень быстро можно восстановить». Наряду с ремонтом танков Черчилль также упорно

продвигал идею о проектировании более крупных, более мощных, более быстроходных танков и их изготовлении к лету 1919 г.

Хейга тревожило, что Черчилль делает упор на кампанию 1919 г. Вечером 10 сентября он направил к нему их общего друга, чтобы тот передал ему: «Мы должны стремиться закончить войну сейчас и не откладывать поставку танков до тех пор, пока испытания не подтвердят их совершенство». Но в одном случае мнения Хейга и Черчилля совпадали. 12 сентября он написал Клементине из Парижа: «Я хочу дать немцам первую хорошую порцию горчичного газа до конца месяца. Хейг в этом очень заинтересован. Думаю, у нас его достаточно. Их скулеж при поражении будет очень приятно слышать».

Тогда Черчилль впервые заговорил о неотвратимом поражении Германии. Это была десятая годовщина их свадьбы. «Десять лет назад, дорогая моя, – писал он жене, – мы катили в специальном поезде в Бленхейм. Ты помнишь? Это большой этап на жизненном пути. Как ты думаешь, мы были менее или более счастливы, чем средняя супружеская пара? Я очень ругаю себя за то, что не смог сделать для тебя большего. Но в любом случае за эти десять лет солнце никогда для нас не заходило. Мы никогда не засыпали с неразрешенными разногласиями. Моя дорогая и любимая, я молюсь и надеюсь, что грядущие годы принесут тебе спокойные и благополучные дни, полные плодотворных занятий. Уверен, ты найдешь себе дело по душе в новом мире, который открывается для женщин, и найдешь интересы, которые обогатят твою жизнь. И всегда рядом с верной и нежной дружбой до своего последнего вздоха будет твой вечно преданный, пусть и не совсем тебе соответствующий У.».

Из Парижа Черчилль вернулся в Вершок. Он начал заниматься американским заказом на 2000 пушек, благодаря которым, как он написал Клементине, «они смогут вооружить примерно пятнадцать дополнительных дивизий, или почти полмиллиона человек, до начала кризиса следующего года». Он также закупил в Америке три тысячи авиационных двигателей. «Мои дни здесь плодотворны в плане бизнеса, – рассказывал он жене. – Я заставляю крутиться многое из того, что в противном случае остановилось бы. Груз горчичного газа в пути. Надеюсь, 1000 тонн этого дьявольского яда до конца месяца достанется гуннам. Меня больше не раздражают политические комбинации или невозможность управлять общей политикой. Я вполне удовлетворен взаимодействием с великолепной машиной британской армии и множеством возможностей, которые есть у меня для помощи ей».

17 сентября Черчилль вернулся в Англию. Через девять дней, на начальном этапе сражения за линию Гинденбурга, британская артиллерия провела трехдневный обстрел немецких позиций снарядами с газом, что дало потрясающий эффект. 27 августа, когда Черчилль снова был в Париже, болгарская армия подписала акт о безоговорочной капитуляции. Первый из союзников Германии и Австро-Венгрии вышел из войны. Балканы, которые три года назад Черчилль надеялся развернуть против Австрии и Германии, теперь стали ахиллесовой пятой центральных держав.

На Западном фронте армии Хейга захватили еще 10 000 пленных и 200 пушек. 7 октября, выступая перед рабочими оружейных заводов в Глазго, Черчилль предостерег от разговоров о быстром завершении конфликта. «Возможно, ход боевых действий пока лучше, чем мы могли надеяться, – сказал он, – но нельзя полагаться или рассчитывать на слишком благоприятное развитие событий. Мы начали это дело и должны и дальше прилагать максимальные усилия, чтобы в следующем, 1919 г. враг не имел возможности противостоять нам».

Этот прогноз был слишком осторожным. 15 октября, обессиленная кровопролитием, перед лицом надвигающегося голода из-за морской блокады и опасаясь полномасштабного кризиса на Балканах, Германия запросила перемирия. Президент Вильсон, который уже предъявил условия союзников, в том числе возвращение Франции Эльзаса и Лотарингии, отверг просьбу Германии. Он дал понять, что война продолжится до капитуляции Германии. Выступая в этот день в Манчестере, Черчилль одобрил решительный ответ Вильсона.

На этой неделе британская авиация усилила бомбардировки немецких заводов, складов боеприпасов и продовольствия, аэродромов. 17 октября британские войска освободили Лилль, который четыре года находился под немецкой оккупацией. Черчилль в это время опять находился в замке Вершок. Клементина, которая более трех лет занималась организацией столовых для работниц оружейных заводов, писала ему 18 октября: «Возвращайся домой и подумай, как быть с рабочими, когда закончится война. Даже сейчас, пока она еще продолжается, твое присутствие необходимо. Я хочу, чтобы тебя оценили и как гения восстановления, а не только как демона горчичного газа, танкового гиганта и крылатый ужас. Не говоря уже о том, что заслуги за все эти страшные достижения будут приписаны подчиненным. Разве не могут рабочие начать строить города-сады и сносить страшные трущобы в Бетнал-Грин, Ньюкасле, Глазго, Лидсе и т. д.? Разве не могут женщины с оружейных заводов

производить красивую мебель, детские кроватки, серванты и пр.? Возвращайся домой и организуй все это».

20 октября Германия объявила, что ее подводные лодки прекращают охоту за торговыми судами. Через пять дней Черчилль в компании с Маршем отправился во Францию осмотреть только что освобожденные территории. 26 октября он побывал в Ле-Като, на месте одной из первых побед немцев в сентябре 1914 г., освобожденном спустя более четырех лет. Но попытка проехать дальше к линии фронта не удалась из-за взорванного немцами железнодорожного моста. 27 октября он приехал в Лилль, где переночевал. На следующий день его пригласили на трибуну для почетных гостей присутствовать при марш-параде британских войск. Рядом с ним на трибуне оказался молодой британский офицер майор Бернард Мотгомери. Черчиллю пришлось уйти до окончания марш-парада, потому что его пригласил на обед его друг генерал Тюдор в Харлебеке, по ту сторону бельгийской границы.

После обеда Черчилль с Тюдором поехали к передовой. Оказавшись у церковной колокольни, они поднялись, чтобы осмотреть местность. Пока они разглядывали немецкие траншеи, начался сильный артобстрел. Марш сопровождал их. «Генерал, – писал он, – почувствовал запах горчичного газа и заставил всех прижать ко рту носовые платки, пока мы спускались к машине». Горчичный газ применялся обеими сторонами.

28 октября Черчилль остался ночевать в штабе Тюдора. «Во время ужина, – записал Марш, – аэроплан гуннов сбросил довольно крупную бомбу совсем близко от дома, но она оказалась единственной». На следующий день Черчилль с Маршем поехали на машине в Брюгге. Эта поездка чуть не закончилась катастрофой. Они приехали в деревню Десселгем и начали искать мост через реку Лис. Неделей позже Черчилль писал Тюдору: «Я с удивлением увидел, как крестьянин вдруг бросился под стену дома. Что-то мне показалось очень странным, но я был настолько уверен, что мы находимся в десяти километрах от линии фронта, что не сделал никаких выводов». Черчилль не знал, что от деревни до ближайших немецких позиций было меньше двух километров, и она является объектом интенсивного артобстрела. Крестьянин продолжал прижиматься к земле, а в это время в пятидесяти метрах перед машиной разорвался снаряд. Полагая, что он далеко от фронта, Черчилль решил, что это бомба, сброшенная с аэроплана. Но через пару секунд вокруг произошла уже целая серия взрывов. По-прежнему думая об аэроплане, он решил не выезжать на открытую местность, чтобы его большой и яркий автомобиль не стал целью.

«Впрочем, – вспоминал он, – я очень удачно решил проехать вперед, потому что на том самом месте, где я собирался выйти, почти тут же разорвался еще один снаряд».

Стало ясно, что Десселгем подвергается артиллерийскому обстрелу, а не бомбардировке с воздуха. Но Черчилль еще не понимал, насколько близко он от линии фронта. «Я продолжал тупо размышлять, – писал он, – над странной манерой гуннов обстреливать из дальнобойных орудий какую-то деревушку в десятке километров от них». Только добравшись до Брюгге, Черчилль узнал, насколько близко они подъехали к передовой. Он рассказал Тюдору, что скорость машины была около 60 километров в час, и они могли запросто ворваться в немецкие окопы. «Какими же болванами мы могли оказаться!» – сказал он.

Из Брюгге Черчилль поехал на юг, через недавно освобожденную бельгийскую деревню Пасхендале, преодолел бывшие окопы союзников и попал на «Адский угол». Там, оглядев разрушенные здания в центре городка, он сказал Маршу: «Хотел бы я превратить это в военное кладбище с газонами, цветниками и именами погибших».

Ночь Черчилль провел в замке Вершок, а на следующий день улетел в Англию. Турция тем временем капитулировала перед союзниками. Капитуляция Австро-Венгрии ожидалась со дня на день. «Осколки империй взлетели в воздух», – записал Марш слова Черчилля.

Австро-Венгрия прекратила сопротивление 3 ноября. Черчилль в Лондоне занимался обеспечением себе места в послевоенной политике. За завтраком с Ллойд Джорджем 6 ноября он говорил о деградации министра, отвечающего за политику. Ллойд Джордж заверил его, что все министры, работавшие на войну, в мирное время получат место в кабинете.

7 ноября немецкая делегация перешла линию фронта на французском участке и попросила перемирия. В течение трех дней обсуждались условия, предложенные союзниками. 10 ноября Ллойд Джордж пригласил Черчилля на специальное совещание кабинета министров обсудить ход переговоров. Во время совещания пришло сообщение, что кайзер бежал в Голландию. На следующий день в 5 часов утра немцы приняли все условия: боевые действия прекращаются с 11 утра; в течение четырнадцати дней немецкие войска выводятся с территории Франции, Бельгии, Люксембурга, Эльзаса и Лотарингии; все немецкие войска покидают Рейнскую область; союзные и американские войска оккупируют Германию к западу от Рейна.

10 ноября на совещании кабинета обсуждалось будущее немецкой армии. По общему мнению, она должна была быть

распущена как можно скорее. Черчилль проявил предусмотрительность. «Нам может понадобиться немецкая армия, – сказал он. – Из-за распространения большевизма важно, чтобы Германия встала на ноги».

Утром 11 ноября Черчилль со своими советниками обсуждали распродажу излишков военного снаряжения и проблемы заводов, все еще работавших на полную мощность, но чьи снаряды, пушки и танки уже не были нужны в прежних количествах. За несколько минут до одиннадцати – назначенного срока капитуляции Германии – Черчилль подошел к окну своего кабинета в отеле «Метрополь», выходящего на Нортумберленд-авеню. «После всех пережитых опасностей и рисков пришла абсолютная, полная победа, – писал он позже. – Все короли и императоры, с которыми мы воевали, оказались либо в бегах, либо в изгнании. Все армии и флоты подавлены или разбиты. В этом Британия сыграла заметную роль и сделала все возможное от начала и до конца. Материальные цели, на которых была сосредоточена деятельность людей, которые определяли их существование, разом превратились в ничто. Весь огромный бизнес вооружений, еще вчера составлявший смысл жизни, – все исчезло, как ночной кошмар, оставив после себя пустоту». Теперь его голова была занята проблемой демобилизации: чем будут заниматься три миллиона человек? Как перестроить заводы? Каким образом перековать мечи на орала?

«Ровно в одиннадцать, – вспоминал он, – прозвучал первый удар часов. Я снова взглянул на широкую улицу подо мной. Она была пустынна. Из подъезда одного из больших отелей, превращенного в правительственное учреждение, метнулась фигурка девушки, отчаянно размахивавшей руками под очередной удар Биг-Бена. Затем со всех сторон на улицу стали стремительно выскакивать мужчины и женщины. Потоки людей хлынули на улицу. Нортумберленд-авеню заполнилась народом. В отеле «Метрополь» поднялась суматоха. Хлопали двери. В коридорах слышался звук бегущих ног. Все побросали ручки и бумаги и выскочили из-за своих столов».

Черчилль посмотрел на Трафальгарскую площадь. Она тоже была полна народа. Словно по волшебству появились флаги. Клементина, которая на этой неделе должна была разрешиться четвертым ребенком, явилась в «Метрополь», чтобы быть рядом с мужем. Они решили вместе поехать в резиденцию премьера поздравить Ллойд Джорджа, но, как только сели в машину, на нее запрыгнуло около двадцати восторженных лондонцев. Так, сопровождаемые восторженными воплями, они добрались до Даунинг-стрит.

Вечером Ллойд Джордж пригласил Черчилля на ужин. Кроме него были только Ф. Э. Смит и сэр Генри Уилсон. «ЛД хочет расстрелять кайзера, – записал в дневнике Уилсон. – Уинстон не хочет». Тяготы войны закончились. Начались сложности мирного времени.

Глава 19
В Военном министерстве

15 ноября 1918 г., через четыре дня после наступления мира, появился на свет четвертый ребенок Черчилля. Девочку окрестили Мэриголд Фрэнсис, но родители ее звали Дакадилли. Роды были тяжелыми, и Черчиллю хотелось как можно больше времени уделять Клементине. Но через десять дней ему пришлось срочно отправляться в Данди выступать перед избирателями. Премьер-министр неожиданно объявил всеобщие выборы.

Ллойд Джордж намерен был и в мирное время сохранить коалиционное правительство военного времени. Но многие либералы желали возвращения к политике 1914 г. под руководством Асквита. Ллойд Джордж назначил всеобщие выборы на начало декабря. Каждый либерал должен был сам решить, поддержать Асквита или остаться с Ллойд Джорджем. Черчилль выступил в избирательной кампании как активный сторонник сохранения коалиции. Он был также одним из немногих политиков либерального лагеря, кто не одобрял излишне тяжелых условий мирного договора с Германией.

Стремясь сохранить в политике нового правительства как можно больше либеральных принципов, Черчилль призывал Ллойд Джорджа рассмотреть вопрос о высоком налогообложении прибылей, полученных в военное время. «Почему кто-то должен получать огромную выгоду от войны? – спросил он его через десять дней после капитуляции Германии. – В то время как все трудились на благо страны, разного рода перекупщики, поставщики и прочие дельцы наживали гигантские состояния». Его предложение заключалось в том, что правительство «должно потребовать вернуть все, превышающее, скажем, 10 000 фунтов (пусть мелкая рыбешка уплывет)», и тем самым существенно сократить военный долг Британии за счет сундуков спекулянтов.

26 ноября, выступая перед избирателями в Данди, Черчилль заговорил об опасности большевизма: «На огромных территориях практически вымерла цивилизация. Большевики безумствуют, как стая разъяренных павианов, среди развалин городов и трупов своих жертв». Слушатели приветствовали его слова. Но когда он заговорил о пользе умеренных условий мира с Германией, послышались громкие протестующие выкрики. 4 декабря он написал одному бывшему парламентарию от либералов, который критиковал его за мягкотелость: «Не считаю оправданным ужесточать требования, которые могут на неопределенное время

обескровить Германию».

Дважды приезжая в Данди, Черчилль выступал за принятие радикальных мер в собственной стране – за национализацию железных дорог, за контроль над монополиями в интересах общества и за введение дифференцированной системы налогообложения в зависимости от доходов. Он также выступал в поддержку создания Лиги Наций для гарантии предотвращения будущих войн. Главной задачей Лиги должно было стать прекращение секретного роста вооружений. «В целом я считаю, что шансы на большинство очень хорошие, – написал он Клементине 13 декабря, – и не исключено, что это будет самое значительное большинство за всю историю британских выборов».

Выборы провели 14 декабря. Результаты не объявляли две недели, чтобы подсчитать голоса военнослужащих, находившихся за пределами страны. За два дня до того, как результаты стали известны, Черчилль написал Ллойд Джорджу: «Надеюсь, вам удастся сплотить все влиятельные силы страны и повести их за собой по пути прогресса и спасения слабых и бедных».

Результаты выборов оказались триумфальными для Ллойд Джорджа. Коалиционные либералы получили 133 места, консерваторы – 335, лейбористы – 10. В целом Ллойд Джордж получил 478 сторонников, большинство из которых были его бывшими противниками-консерваторами. Либералы Асквита остались с 28 голосами, сам Асквит потерпел поражение на выборах в округе Ист-Файф. Лейбористы получили 63 места, новая в политике партия Шин фейн – 73 места. Парламентарии от Шин фейн тут же потребовали независимости Ирландии. В знак протеста против продолжающегося британского господства они отказались занимать свои места в Вестминстере и сформировали собственную ассамблею в Дублине. Черчилль победил с огромным большинством, получив 15 365 голосов.

Ллойд Джордж хотел, чтобы Черчилль занялся грандиозным делом демобилизации. В Министерстве вооружений он отвечал за три миллиона человек. Вернуть домой предстояло три с половиной миллиона. Черчилль колебался. Ему хотелось снова стать первым лордом. «Моя душа в Адмиралтействе, – писал он Ллойд Джорджу 29 декабря. – У меня там большой опыт, и я всегда могу опираться на тот факт, что «флот был готов». Он также хотел взять под крыло Адмиралтейства военно-воздушные силы. «Хотя аэропланы никогда не заменят армию, – говорил он, – они смогут стать заменой многим боевым кораблям».

Ллойд Джордж настаивал, чтобы он принял Военное министерство, где его ждало еще одно срочное и трудное дело.

Прошло четыре месяца после убийства капитана Кроми в Петрограде. Большевики консолидировали власть в Центральной России. Но к концу декабря в пределах бывшей царской империи находилось более 180 000 иностранных солдат – британцев, американцев, японцев, французов, чехов, сербов, греков и итальянцев. Несколько армий, выступивших против большевиков и насчитывающих более 300 000 человек, надеялись на их военную и моральную поддержку, а также на деньги и оружие их правительств. Большевиков отовсюду теснили к Москве.

Те воинские части, которые Британия направила в Россию в 1917 и 1918 годах для борьбы с немцами, были перенацелены на помощь антибольшевистским силам. Британские военные оказались вовлечены в Гражданскую войну не только как советники, но и как участники. Черчилль не нес никакой ответственности за принятие этих решений. Только в последний день 1918 г. он был вовлечен в деятельность британского правительства по отношению к России. В этот день Ллойд Джордж пригласил его принять участие в совещании Имперского военного кабинета, созванного специально для выработки британской политики, направленной против большевиков.

Черчилль сказал на совещании, что он полностью за переговоры с большевиками, но полагал, что нет «никаких шансов на заключение какого-либо соглашения, пока мы не покажем, что обладаем достаточной силой и волей для утверждения своих взглядов. Если большевики и противостоящие им силы в России будут готовы пойти навстречу друг другу, мы должны помочь. В ином случае Британия должна применить силу и установить демократическое правительство. Большевизм представляет лишь небольшую часть народа России. Его следует разоблачить и смести с помощью всеобщих выборов, проведенных под эгидой союзников».

Ллойд Джордж хотел ограничить вмешательство Британии поддержкой территорий бывшей Российской империи в Прибалтике и на Кавказе, которые сражались за независимость. Он заявил на совещании, что категорически против британской военной интервенции на территорию самой России. Но с одобрения Бальфура и Милнера британские войска много месяцев назад были направлены не только в Прибалтику и на Кавказ, но оказывали помощь трем антибольшевистским армиям в самой России – на севере и юге европейской части и в Сибири. На территории России действовали семь британских генералов, имевших в своих разрозненных частях 14 000 человек.

Направляя Черчилля в Военное министерство, Ллойд Джордж согласился с тем, что он также будет отвечать за военно-воздушные силы, так что с 9 января 1919 г. Черчилль официально стал военным министром и министром авиации. Он приступил к своим обязанностям в крайне напряженный момент: в армии созрело сильное недовольство. За неделю до его вступления в должность начались массовые демонстрации, участники которых требовали немедленной демобилизации. 8 января, на второй день волнений, рассерженные военные добрались до Уайтхолла. В час дня они захотели встретиться с Ллойд Джорджем на Даунинг-стрит, но были оттеснены на площадь конной гвардией, где их встретил командующий Лондонским округом генерал Филдинг. «Война окончена! – кричали они. – Зачем нам возвращаться во Францию?» Другие отказывались отправляться в Россию.

До официального назначения Черчилля на должность министра оставался еще день, но он сразу же отправился на Плац-парад конной гвардии. «Какие силы мы можем им противопоставить?» – спросил он Филдинга. «Батальон гвардейцев и три эскадрона конной гвардии», – последовал ответ. «Они лояльны?» – спросил Черчилль. «Надеемся, да». – «Вы можете арестовать бунтовщиков?» – «Не уверен». – «Есть другие предложения?» Других предложений не было, и он приказал арестовать бунтовщиков. Черчилль, глядя в окно, ждал, что в любой момент может начаться стрельба. Но солдаты позволили себя окружить и сдались.

Чтобы разрядить обстановку, Черчилль придумал схему, которая представлялась ему справедливой: вначале демобилизации подлежали только те военнослужащие, кто имел предложение работы в Британии. Солдат, прослуживший хотя бы четыре месяца и имеющий такое предложение, мог немедленно отправляться домой. Но солдат, прослуживший четыре года и не имеющий подобного предложения, должен был продолжать носить форму.

12 января, через четыре дня после этого бунта и через три дня после своего назначения министром, Черчилль объявил свой план. По этому плану первыми подлежали демобилизации те, кто дольше всего прослужил во Франции. Все, кто начал службу до 1916 г., подлежали демобилизации немедленно. Военнослужащие старше сорока лет, вне зависимости от продолжительности службы, могли немедленно отправляться домой. Все, кто прослужил два года и меньше, должны были ждать, пока не демобилизуются те, кто служил дольше. Из тех, кто был призван в 1916 г. и позже, приоритет отдавался имеющим

ранения. «Это было одно из моих лучших дел», – сказал Черчилль другу тридцать пять лет спустя.

Справедливость предложенного Черчиллем плана сразу же была оценена, но при этом нужно было иметь достаточное количество военнослужащих в оккупационной армии в Германии. Тогда он предложил сохранить призыв для миллиона солдат. Ллойд Джордж, который находился в Париже на мирной конференции, выступил против сохранения призыва в любом виде и против предложенного размера оккупационной армии. «Поскольку немецкая армия демобилизована, – сказал он Черчиллю 21 января по телефону, – сохранять такую большую армию – абсурд».

Черчилль отправился во Францию, чтобы объяснить Ллойд Джорджу свои мотивы. За обедом он сказал ему, что оккупационная армия должна быть достаточно сильной, чтобы гарантировать выполнение условий союзников. Армия, по его словам, «должна быть настолько сильна, чтобы Британия хитростью не была лишена того, что завоевала». Ллойд Джордж еще до окончания обеда согласился с доводами Черчилля.

Тем временем план демобилизации осуществлялся. К 31 января более 950 000 солдат и офицеров вернулись домой. Но в этот день Черчилль узнал, что в Кале произошел мятеж 5000 военнослужащих, которые были отправлены из Англии во Францию по старому плану. Теперь они требовали возвращения в Англию. Хейг, окружив лагерь бунтовщиков пулеметчиками и арестовав трех зачинщиков, сообщил Черчиллю, что их необходимо расстрелять.

Черчилль попробовал отговорить Хейга. «Если не произошло насилия с кровопролитием и гибелью людей, – телеграфировал он, – применение смертной казни не считаю оправданным». Черчилль пояснил, что общественное мнение поддержит смертную казнь, только «если преступление поставило жизнь других людей под угрозу».

В тот же день перед Черчиллем встала еще одна неотложная проблема: Генри Уилсон требовал принять решение по поводу войск, находящихся в России. 13 000 британских солдат на севере России и 1000 человек в Сибири оказались в изоляции и плохо экипированными. Уилсон хотел срочно направить им подкрепление. Британские части в Батуме подкрепление уже получили, но не было ни решения кабинета, ни даже указания Ллойд Джорджа, который в данный момент предлагал начать переговоры с большевиками.

Черчилль был против переговоров. В первую неделю своего пребывания на посту министра он направил телеграмму двум

старшим британским офицерам, находящимся на севере России, генералу Мэйнарду и генералу Айронсайду. «Лучше подвергнуть риску несколько тысяч человек (хотя, если железная дорога будет в порядке, никакого риска не вижу), – писал он, – чем допустить провал сопротивления большевизму в Сибири. Что за мир у нас будет, если вся Европа и Азия от Варшавы до Владивостока окажется под властью Ленина?»

Ллойд Джордж склонялся скорее к миру, нежели к интервенции. Будучи в Париже, он заручился поддержкой Вудро Вильсона для приглашения большевиков на мирные переговоры на остров Хейбелиада в Мраморном море. Черчилль узнал об этом решении 23 января, когда приехал в Париж, рассчитывая заручиться поддержкой Ллойд Джорджа в отношении нового плана демобилизации. Утром он заявил премьер-министру: «Признать большевиков – все равно что легализовать содомию».

Теперь Черчилль нес полную ответственность за британские войска, направленные в Россию его предшественниками. Он хотел добиться четкого решения по этому вопросу. «Мне видится крайне необходимым, – написал он Ллойд Джорджу 27 января, – чтобы мы сформулировали и объявили нашу политику. «Немедленная эвакуация любой ценой» – это политика. Хотя и не самая правильная с исторической точки зрения. «Усилить и продолжать» – тоже политика, но, к несчастью, у нас нет возможностей ее реализовать. С сожалением должен признать, что нашим приказам могут не подчиниться».

Черчилль не питал иллюзий по поводу сложности ведения боевых действий в России, стоимости содержания там крупных военных подразделений и опасности распространения большевизма среди британских солдат. В том же письме Ллойд Джорджу 27 января он советовал прекратить прямое военное вмешательство и начать вывод всех британских войск. Войска из Мурманска и Архангельска он хотел вывести в июле, как только море очистится ото льда. Антибольшевистским силам в Сибири и на юге России Британия, по его мнению, должна объявить, что теперь им предстоит полагаться только на себя. «Мы желаем им успеха, но все, что можем предложить, – это наши добровольцы, политическая и материальная поддержка деньгами, оружием и продовольствием».

Черчилль предложил Ллойд Джорджу не направлять в Россию регулярные части и призывников. По вопросу поставок вооружения и продовольствия должна быть определена квота. Что же касается добровольцев, то правительство не может давать гарантий их количества. Если антибольшевистские силы потерпят поражение или капитулируют, Британия должна, разумеется,

полностью абстрагироваться от того, что может произойти дальше.

Черчилль раздумывал о выводе британских войск из Омска. «Наша политика в Сибири слишком расплывчата, – писал он Генри Уилсону, – а наши перспективы слишком мрачны». 6 февраля, когда два его старших военных советника призвали отправить в Россию снаряжение и боеприпасы, он предупредил их: «Чрезвычайно важно понимать, что именно сами русские могут и собираются делать. Если они готовы вести войну, мы должны, на мой взгляд, поддержать их всеми доступными способами. Но без них наши действия ни к чему не приведут».

12 февраля на заседании кабинета Черчилль заявил, что большевики усиливаются день ото дня. Армия Деникина на юге России «в значительной степени развалилась». Лидер сопротивления большевикам на Дону генерал Краснов и правитель Сибири адмирал Колчак утратили мужество – «там повсюду царит уныние». Если Британия намерена выводить войска, это следует делать немедленно. Сам Черчилль считал, что вмешаться необходимо, но ждал решения кабинета министров и был готов его выполнить.

Ллойд Джордж заявил на заседании кабинета, что для эффективных действий в России потребуется полмиллиона человек. Кроме того, необходимо проконсультироваться с президентом Вильсоном, поскольку американские войска тоже находятся в Сибири и на севере России. Если президент решит объявить войну большевикам, сказал Черчилль на втором заседании кабинета 12 февраля, британские войска должны сыграть свою роль. «Но единственный шанс на успех, – утверждал он, – это действия самих русских армий. Если Британия не собирается поддерживать их, то гораздо правильнее устраниться сейчас же, смириться с последствиями и посоветовать им договариваться на максимально выгодных для себя условиях».

Британия, говорил он, пыталась помочь русским, но у него не было никаких иллюзий относительно перспектив на победу полумиллионной армии, противостоящей большевикам. Утром 14 февраля он отправился из Лондона в Париж как представитель кабинета министров, чтобы выяснить у президента Вильсона и Клемансо, какую политику в отношении России намерена выбрать Парижская мирная конференция. По дороге из Дьепа в Париж машина Черчилля и Генри Уилсона попала в аварию. Разбилось лобовое стекло. Они приехали в Париж в три часа дня, замерзшие и промокшие. Спустя четыре часа они уже

присутствовали на так называемом Совете десяти, созванном Клемансо для выработки политики в отношении России.

Три дня Черчилль был там центральной фигурой. Хенки отметил: «Он открыл дискуссию с величайшей сдержанностью». Вудро Вильсон хотел, чтобы из России были выведены все иностранные войска, в том числе и американские. Черчилль предложил разрешить остаться добровольцам, а противникам большевиков в этом случае помочь боеприпасами, танками и аэропланами. Вильсон выразил сомнение. После этого он отправился домой, оставив в качестве своего представителя полковника Хауса. 15 февраля Черчилль заметил, что Совет десяти должен хотя бы рассмотреть возможные варианты и проблемы интервенции. Его поддержали министры иностранных дел Италии и Японии, но никакого решения принято не было. На следующий день Черчилль телеграфировал Ллойд Джорджу, что на следующем заседании совета он предложит создать комиссию для изучения возможности и выработки плана войны с большевиками.

Ллойд Джордж пришел в ярость. В ответной телеграмме он написал, что единственный план, о котором он думает, заключается в снабжении антибольшевистских сил снаряжением и боеприпасами, а дальше они должны сражаться своими силами. «Война против России, – предупредил он, – приведет лишь к укреплению большевизма. Если Британия ввяжется в дорогостоящую войну против огромного континента, который называется Россией, это приведет к банкротству и зарождению большевизма на наших островах». Ллойд Джордж отправил копию этой телеграммы полковнику Хаусу.

«Говоря о войне против большевиков, – ответил Черчилль, – я имел в виду не развязывание реальной войны, а лишь объединение возможных средств и ресурсов для военных действий и представление доклада совету». Совет, собравшийся 17 февраля, согласился, что доклад нужен. Но полковник Хаус настаивал, что доклад должен быть неформальным и неофициальным; доклад не должен быть политическим решением – ни за интервенцию, ни за вывод войск. Решение должно заключаться в том, что каждая страна ориентируется на мнение собственных военных советников.

Вечером Черчилль вернулся в Лондон. На следующий день на Даунинг-стрит он узнал, что Ллойд Джордж, хотя и не желает прямого военного вмешательства, не возражает против помощи русским, если это не окажется слишком дорого. Об этом Черчилль сказал Генри Уилсону и уточнил: «Премьер-министр категорически против прекращения поставок Колчаку, Деникину

и другим, поскольку считает, что раз уж мы обратились к ним за помощью в войне против немцев, то обязаны помочь им в их борьбе».

Ллойд Джордж сказал Черчиллю, что британские войска больше не будут отправляться в Россию, а части, которые находятся там, должны быть выведены. Добровольцы могут остаться. Помощь антибольшевистским силам в Сибири и на севере России продолжится, но не должна быть слишком затратной. Через два дня после возвращения из Парижа Черчилль был самым важным гостем в резиденции лорд-мэра Мэншн-хаусе. Выступая, он заявил: «Если Россия может быть спасена, а я молюсь за ее спасение, она должна быть спасена самими русскими. Спасение этой некогда великой страны, славной ветви европейской семьи, зависит исключительно от русского мужества, русской отваги и русской силы». Помощь, которую Британия должна оказать русским армиям, «ведущим борьбу с непристойной шайкой большевиков», может быть оказана оружием, боеприпасами и оборудованием. Вооруженной интервенции Британии не будет. «Россия должна быть спасена самими русскими. Сопротивление большевизму должно быть в душе русского народа, и именно русский народ, в первую очередь, должен вести с ним войну».

Теперь перед Черчиллем стояла задача вывести 14 000 британских солдат из России и поддерживать сопротивление ресурсами и добровольцами. До 2000 технических советников и инструкторов вызвались добровольно отправиться в Россию. 21 февраля Ллойд Джордж упрекнул Черчилля, что его «русская политика» требует слишком больших расходов. Черчилль в ответ написал такое злое письмо, что в итоге решил не отправлять его. Он писал: «Вы говорите о моей «русской политике». У меня нет никакой русской политики. Я не знаю никакой русской политики. Я ездил в Париж в поисках русской политики. Я сожалею об отсутствии русской политики, и это отсутствие может неопределенное время держать мир на грани войны и парализовать деятельность мирной конференции и Лиги Наций. Я просто продолжаю работать день за днем, руководствуясь теми указаниями, какие получаю от правительства, за решения которого я, естественно, не несу никакой ответственности, помимо своих служебных обязанностей».

Все британские войска, подчеркивал Черчилль, были направлены в Россию до его назначения военным министром, поэтому в данное время он не несет ответственности ни за одного солдата в России. Это было правдой, но в общественном мнении Черчилль, откровенный критик большевизма, стал уже как бы

лидером крестового похода против большевиков. В марте, после того как коммунисты захватили власть в Будапеште, член секретариата кабинета министров доктор Томас Джонс отметил: «Черчилль разгорячился и предрекает огромную и неизбежную катастрофу вследствие выжидательной тактики мирной конференции».

Чтобы обеспечить безопасную эвакуацию истощенных и плохо экипированных британских войск с севера России, Черчилль уговаривал Ллойд Джорджа отправить им на помощь небольшой отряд. Он хотел, чтобы этот отряд использовал новый отравляющий газ, который был создан в последние месяцы войны. «Очень хочется дать попробовать его большевикам», – говорил он своим советникам. Когда в апреле последние французские части оставили Одессу, Черчилль посчитал, что они слишком поспешно бросили Деникина. «Уинстон всерьез говорит, что скорее подаст в отставку, чем смирится с позорным бегством», – записал один из членов кабинета министров. Собственный комментарий Черчилля по этому поводу был более язвительным: «После победы над гуннами, этими тиграми современного мира, я не потерплю поражения от обезьян!»

Выступая в апреле перед лондонской аудиторией, Черчилль заявил: «Большевистская тирания самая худшая, самая разрушительная и губительная из всех, что знало человечество. Злодеяния, совершенные при Ленине и Троцком, несравнимо ужаснее, масштабнее и многочисленнее тех, за которые несет ответственность кайзер». Его крайне возмутило принятое в этом месяце решение правительства отправить в Россию полмиллиона солдат, захваченных в плен немцами во время войны, а теперь оказавшихся под опекой союзников. В сердцах он написал своим военным советникам: «Вместо того чтобы сделать из них армию, которую можно было направить на укрепление обороны Мурманска и Архангельска или послать на помощь генералу Деникину и Колчаку, мы, как я полагаю, просто отправляем подкрепление из 500 000 обученных солдат армиям Ленина и Троцкого. На мой взгляд, это одна из грубейших ошибок в мировой истории».

Опасаясь победы коммунизма в Восточной Европе и Азии, Черчилль призывал правительство помочь Германии продовольствием и более мягко подойти к репарациям, чтобы она быстрее могла восстановиться. 9 апреля он написал Ллойд Джорджу, что его политика, хотя, скорее всего, слишком запоздалая, может быть выражена просто: «Накормить Германию. Заставить Германию победить большевиков». Когда Вайолет, дочь Асквита, спросила Черчилля, в чем же заключается его политика

в отношении России, он ответил еще более лаконично: «Убей большевика, обними гунна».

В последнюю неделю апреля антибольшевистские силы в Сибири и на севере России добились таких значительных успехов, что появилась возможность их объединения. Черчилль сразу же предложил, чтобы 14 000 британских войск, эвакуация которых из-за замерзшей Арктики была невозможна еще как минимум два месяца, вместе с недавно прибывшими 3500 добровольцами нанесли на севере удар вместе с движущейся из Сибири армией Колчака. Местом встречи мог стать город Котлас. Местные британские военачальники, генерал Нокс в Сибири и генерал Мэйнард в Мурманске, изъявили готовность к этому и были уверены в успехе. Генеральный штаб Военного министерства разработал детальный план.

Ллойд Джордж одобрил наступательную операцию британских сил на севере России. Но 18 мая взбунтовались русские солдаты, которые должны были принять участие в походе на Котлас. Старший из британских офицеров в Архангельске генерал Айронсайд при подавлении бунта расстрелял пятнадцать человек.

29 мая Черчилль сделал отчет в палате общин о действиях в Сибири и на севере России: «Британские добровольцы уже прибыли в Архангельск, и британская флотилия, хорошо вооруженная пушками, направилась на юг по Северной Двине. В Сибири армия Колчака снабжена британскими винтовками и боеприпасами».

После выступления Черчилля парламентарий от консерваторов Сэмюэл Хор написал ему благодарственное письмо «за все, что вы делаете в отношении России». У лейбористской Daily Herald было иное мнение. Газета обвинила «галлипольского игрочишку», как она выразилась, в желании опять бросить кости, поставив на новую войну в России. Черчилль же искал любые возможности, чтобы помочь борцам с большевиками. Он даже предлагал Ллойд Джорджу оказать им моральную поддержку, признав правительство Колчака в Сибири. Кабинет отверг это предложение. Оставался план Котласа. 6 июня Айронсайд составил план подъема по Двине до Котласа в течение месяца. Он сообщил, что моральный дух большевиков крайне низок и сильный удар всех сметет. 10 июня Генри Уилсон разъяснил план Айронсайда Ллойд Джорджу. Тот не возражал. На следующий день план был одобрен кабинетом.

Но через шесть дней пришла тревожная весть. На западном фланге армия Колчака потерпела поражение. Керзон, Милнер и Остин Чемберлен созвали чрезвычайное заседание

правительства. Черчилль настаивал, что продвижение на Котлас должно быть продолжено, даже если план воссоединения с армией адмирала Колчака больше неосуществим. Никакого решения принято не было, и через девять дней Айронсайд выступил. В первый же день он взял в плен 300 большевистских солдат. Затем в русском батальоне, составляющем часть его резерва, вспыхнул очередной бунт. Были убиты три британских и четыре русских офицера.

В результате наступление было прекращено. Это определило не нежелание, а природа. Северная Двина, уже не такая полноводная, как после таяния снегов и весенних дождей, обмелела настолько, что корабли военно-морской флотилии не могли пройти. Чтобы не застрять на мелководье, они развернулись и ушли в Архангельск. Котласская экспедиция заглохла. Позже, когда Ллойд Джордж иронично заметил Черчиллю, что попытка помочь противникам большевиков в Котласе сорвалась, Черчилль ответил с горечью: «А ее и не было».

Черчилль одновременно был военным министром и министром авиации. Клементину беспокоило, что муж занимает два кресла. «Дорогой, – написала она в марте, – не лучше ли тебе было отказаться от авиации и сосредоточиться на том, чем ты занимаешься в Военном министерстве? По-моему, это было бы проявлением силы, и люди бы это высоко оценили. Цепляться за два поста – это слабость, ты же на самом деле занимаешься чем-то одним. Если проглотить две порции сразу, получишь жестокое несварение».

Заниматься двумя делами одновременно – это «tour de force[29], – уговаривала его Клементина, – это все равно что жонглировать несколькими шарами. А ты все-таки государственный деятель, а не жонглер». Но Черчилль не имел ни малейшего намерения отказываться от авиации. В это самое время он снова начал летать, несмотря на инцидент в июне, когда самолет, который он пилотировал, вынужден был совершить аварийную посадку на аэродроме Бюк близ Парижа. Его новым пилотом-инструктором стал начальник Центральной летной школы полковник Джек Скотт. Он когда-то сбил тринадцать немецких самолетов, несмотря на то что однажды в аварии так сильно повредил ноги, что не мог теперь забраться в кабину без посторонней помощи.

18 июля, проработав целый день в министерстве, Черчилль со Скоттом поехали на аэродром Кройдон, чтобы совершить рядовой учебный полет. Самолет имел двойное управление.

Как обычно, Черчилль взлетел сам, но, когда самолет поднялся лишь метров на двадцать – двадцать пять, он вдруг начал терять скорость и падать. Скотт перехватил управление, но сделать ничего не смог. «Мы были едва ли в тридцати метрах над землей, – позже вспоминал Черчилль, – обычная высота для соскальзывания на крыло – самая распространенная авария со смертельным исходом». Аэроплан быстро приближался к земле. «Я видел под собой летное поле, освещенное солнцем, и тут же мелькнула совершенно четкая мысль: «Это, видимо, Смерть». И вслед за ней возникло то же самое ощущение, что и при аварии на аэродроме Бюк в прошлом месяце. Что-то подобное случится СЕЙЧАС!»

Самолет врезался в землю. Черчилля бросило вперед, но ремень безопасности удержал его. Пары бензина вырвались из двигателя, но за считаные секунды до того, как самолет упал, Скотт успел выключить зажигание, предотвратив таким образом взрыв. Черчилль отделался синяками. Скотт от удара потерял сознание, но быстро пришел в себя. Друзья и родственники Черчилля были потрясены и рассержены тем, что он подвергает себя такому риску. «Я ужасно боюсь за Клемми, – написала ему кузина леди Лондондерри. – Считаю, это дурно с твоей стороны, но надеюсь, ты хотя бы не пострадал». Черчилль опять согласился отказаться от полетов: пусть ему не удастся получить лицензию пилота, зато Клементина будет спокойна.

Через три дня после этого происшествия русский полк в составе армии генерала Мэйнарда, дислоцировавшийся на берегу Онежского озера, поднял мятеж и сдался большевикам. 25 июля на совещании кабинета было решено отозвать все британские войска с севера России, из Сибири и с Кавказа. Если не считать советников, оставшихся в деникинской армии, интервенция закончилась. Черчилль с горечью сказал коллегам: «Антибольшевистские силы рухнут в ближайшие месяцы, и тогда империя Ленина и Троцкого будет оформлена».

28 июля последние 700 американских солдат покинули Архангельск. Днем Черчилль прибыл с Ллойд Джорджем в Чекерс. С ними был и Генри Уилсон. «Уинстон в возбуждении и говорит об отставке», – записал он в дневнике. На заседании кабинета на следующий день Черчилль просил сохранить поставки Деникину продовольствия и вооружения на ближайшие шесть месяцев, оставить 2000 добровольцев для охраны его складов и транспорта, а также авиаинструкторов, которые обучали бы его летчиков. Кабинет согласился.

16 августа Черчилль с Клементиной отправились в пятидневную поездку, собираясь посетить Кельн и британскую

армию на Рейне. На второй день пребывания в Германии он узнал, что ситуация в России опять изменилась, причем кардинально. Армия Деникина перешла в наступление. На побережье Черного моря Деникин выбил большевиков из Николаева и Херсона и был готов занять Одессу. Антибольшевистские силы господствовали на побережье Черного моря. С Балтики генерал Юденич быстро приближался к Петрограду. Вернувшись в Лондон, Черчилль попросил направить Деникину достаточное количество оружия и боеприпасов, чтобы он мог освободить от большевиков всю Южную Россию. Ллойд Джордж ответил отказом, напомнив, что согласно решению кабинета министров после отправки последней партии помощи Деникину Британия предоставит русским решать свои внутренние конфликты самостоятельно.

На следующий день Деникин занял Киев. Понимая, что эта обширная территория, скорее всего, максимум того, что могли отвоевать и удерживать противники большевиков, Черчилль предложил начать мирные переговоры. Большевикам будет предложено признать антибольшевистскую Южную Россию со столицей в Киеве, а Деникину – власть большевиков в Москве. После того как противостоящие силы договорятся о демаркации границ, Британия будет содействовать проведению переговоров между Деникиным и Лениным. С учетом этого Черчилль предложил ограничить присутствие Британии на юге России. 20 сентября он направил телеграмму старшему британскому офицеру в армии Деникина генералу Холману: «Считаю в сложившейся ситуации нецелесообразным использовать британских летчиков в нанесении бомбовых ударов по Москве».

В этот же день он узнал, что войска Деникина заняли Курск, расположенный менее чем в 500 километрах от Москвы. Он тут же обратился к Ллойд Джорджу с просьбой поддержать Деникина всеми возможными средствами и призвать прибалтийских немцев принять участие в походе Юденича на Петроград. «Ничто не спасет ни большевистскую систему, ни большевистский режим, – говорил он. – Из-за наших ошибок агония русского народа может продлиться. Но избавление наверняка придет. Единственный вопрос – можем ли мы их бросить на произвол судьбы?»

Ллойд Джордж просил Черчилля «забыть Россию хотя бы на сорок восемь часов» и заняться подготовкой проекта военного бюджета, поскольку необходимо было провести сокращение расходов. «Я понимаю, ваши мысли заняты Россией, – написал он 22 сентября. – И у меня есть веские основания полагать, что не все ваши огромные способности и энергия направлены

на сокращение расходов. Я не знаю, имеет ли мне смысл призывать вас, если позволите так выразиться, умерить одержимость, которая выводит вас из равновесия».

Черчилль ответил в тот же день: «Я могу избавиться от своей «одержимости», или вы можете избавиться от меня. Но вы не можете избавиться от России и от последствий политики, которую мы так и не смогли выработать на протяжении года. Должен признаться, я не могу не думать об этой трагедии». Черчилль действительно был одержим мыслью, что в данный момент судьба России висит на волоске и что благодаря четкому плану можно свалить тиранию большевиков. Но в тот самый день, когда он написал это письмо Ллойд Джорджу, из Архангельска были эвакуированы 400 польских солдат, а остающиеся британские силы были отведены для безопасности в город и уже готовились к отправке домой.

24 сентября Британия признала независимость Литвы, но на следующий день кабинет решил, что Британия не будет больше принимать участие в судьбе Прибалтийских стран, и призвал их заключить мир с большевиками. «Уинстону это не нравится, – написал один из министров, – он настаивает, что фронт един». В этот же день Черчилль представил новый план: «Вести войну с большевизмом всеми средствами одновременно на всех фронтах до полного поражения большевиков или до начала переговоров между воюющими сторонами о заключении всеобщего мира».

4 октября армия Деникина широким фронтом начала наступление на Москву. Юденич был в восьмидесяти километрах от Петрограда. Колчак в Сибири снова начал продвижение на запад. Узнав об этом, Черчилль призвал правительство помочь всеми доступными средствами. «Большевики уступают, и, вероятно, их конец недалек, – говорил он. – Их режим обречен. Их силы сокращаются почти в каждой точке гигантского кольца фронтов, рушится взаимодействие, иссякает продовольствие, топливо и народная поддержка».

Черчилль хотел, чтобы Британия призвала Польшу атаковать большевиков с запада и склонила Прибалтийские страны отложить на максимально возможный срок заключение перемирия с Лениным. Однако правительство не собиралось поддерживать этот курс. 6 октября войска Деникина взяли Воронеж в 500 километрах от Москвы, тем не менее кабинет настоял, что последний пакет помощи Деникину в виде вооружений и других ресурсов не должен превысить сумму в 14,5 миллиона фунтов и что он должен быть составлен по возможности из имеющихся у Военного министерства запасов.

Черчилль был вынужден сообщить Деникину, что помощь направляется с условием, что она будет последней. В этот день оставшиеся британские войска покинули Мурманск. Через неделю отправились домой войска из Архангельска. 550 британских военнослужащих, находившихся в Сибири, получили приказ возвращаться в середине ноября. 144 британских военных советника в Прибалтике должны были вернуться до конца года. В момент потенциального триумфа британское участие в судьбе России заканчивалось.

13 октября Деникин занял Орел, город в 400 километрах от Москвы. В этот же день Юденич перерезал железную дорогу Петроград – Москва и подошел на 60 километров к Петрограду. «Большевистская система с самого начала была обречена на исчезновение вследствие ее антагонизма фундаментальным принципам цивилизованного общества, – заявил Черчилль на следующий день. – Система и режим канут в небытие от мести русского народа. Если бы раньше была возможность установить мирные отношения с большевиками, мы бы строили их на песке».

15 октября Деникин начал решающее наступление на Москву. Черчилль сообщил Ллойд Джорджу, что хочет отправиться в Россию. Он был готов помочь Деникину написать новую русскую конституцию. Ллойд Джордж был не против этой идеи. «Уинстон может поехать в Россию своего рода послом», – записал в дневнике Генри Уилсон.

17 октября Черчилль сообщил Юденичу, что Военное министерство направляет ему танки, аэропланы, винтовки и снаряжение для 20 000 человек. Четыреста русских офицеров, которые проходили подготовку в Британии, отправятся в Россию на британском пароходе, который доставит большую часть грузов. В этот день Черчилль сказал Керзону, что, если Петроград будет взят, он будет взят британским оружием и с помощью британского флота.

Уверенность Черчилля в успехе была абсолютной. «Теперь есть все основания полагать, что русский народ скоро свергнет иго большевизма, – говорил он председателю своего избирательного округа 18 октября. – Британия должна использовать свое влияние, чтобы построить новую Россию на основании демократии и парламентаризма». На следующий день Черчилль обсуждал со своими советниками возможность направить британского генерала к Юденичу для вступления в Петроград. Генерал должен был отправиться из Британии 23 октября, чтобы предотвратить эксцессы в случае победы. Но именно в этот день Троцкий начал контрнаступление и отодвинул войска Юденича от города.

Успехи антибольшевистских сил закончились так же быстро, как начались. На юге России войска Деникина вынуждены были остановиться. Их базы подверглись внезапному нападению армии анархистов во главе с Нестором Махно. Воспользовавшись этим, большевики освободили Орел. Деникин начал отступать. В Сибири Колчак тоже отступал на восток, к Омску. Надежда Черчилля отправиться в Россию эмиссаром демократии рухнула, но он не собирался бросать борцов с большевиками. 31 октября кабинет обсуждал гибель сотни британских моряков и военного корабля в Финском заливе, который обстреливал позиции большевиков. Один министр отметил: «Уинстон просит продолжать обстрел до льдов. ПМ против».

3 ноября Юденич отказался от попытки захватить Петроград и отступил в Эстонию. Через три дня Черчилль, выступая в палате общин, говорил о «дьявольской способности Ленина уничтожать все институты, на которых построено Российское государство». После выступления к нему подошел Бальфур и сказал: «Восхищаюсь вашей гиперболизированной способностью говорить правду».

Армия Деникина прекратила наступление на Москву. Черчилль тщетно просил кабинет министров направить Деникину дополнительную помощь. Его план по созданию особых русских армейских корпусов для Юденича тоже закончился ничем. Его полномочия как министра в отношении России ограничивались тем же, что и в прошлом году: обеспечить вывод британских войск. 1 ноября последние британские солдаты покинули порт Владивостока. Через месяц развалилась армия Колчака, а сам адмирал бежал на восток, оставив большевикам более миллиона боеприпасов, преимущественно британских. 30 ноября Черчилль отметил свой сорок четвертый день рождения под аккомпанемент рушащихся надежд на демократическое возрождение России.

К концу ноября Деникин уступил большевикам уже половину юга России. Поляки, которых он презирал, были далеки от мысли помочь ему восстановить линию фронта. Они продвигались в глубь Украины. «Последние шансы на спасение ускользают, – написал Черчилль Ллойд Джорджу 3 декабря. – Мы не предпринимаем никаких действий, чтобы убедить Польшу сказать свое веское слово на фронте и наладить отношения между Деникиным и Польшей. Очень скоро ничего не останется, кроме Ленина и Троцкого, наших пропавших 100 миллионов и позора».

Черчилль уговаривал Деникина начать мирные переговоры с Польшей. «Поверьте, друг мой, я понимаю ваши трудности, – написал он в телеграмме от 11 декабря, – и я преследую

единственную цель, а именно – уничтожение большевистской тирании, которая угрожает невежественным, неразумным и уставшим народам». На следующий день большевики вошли в Харьков. Деникинские войска начали беспорядочное отступление к Черному морю.

«Иллюзия – предполагать, что весь этот год мы боролись за дело противников большевизма в России, – написал Черчилль в записке для Военного кабинета 15 декабря. – Наоборот, они сражались за нас, и эта истина станет мучительно очевидна, когда они будут уничтожены и большевики восторжествуют на всех обширных территориях Российской империи». В этот день большевики вошли в Киев. Через девять дней в Сибири они овладели большей частью Иркутска, куда бежал Колчак. 26 декабря генерал Нокс отправился морем из Владивостока. В тот же день генерал Холман телеграфировал с юга России, прося помощи в эвакуации 800 из 2000 членов британской миссии. 31 декабря Черчилль отдал приказ эвакуировать британские силы через Батум.

Черчилль проиграл свою долгую битву за свержение московского режима. Для многих в Британии, в особенности для лейбористов, его «личная война против России» стала повторением предыдущих эксцессов. В лондонской вечерней газете Star карикатурист изобразил его в виде гордого охотника с ружьем в руке и шестью мертвыми кошками под ногами. На четырех из них были надписи: «Сидни-стрит», «Антверпенский просчет», «Галлипольская ошибка» и «Русское заблуждение». Две кошки остались без имени. Подпись под карикатурой гласила: «Уинстон охотится на львов и добывает кошек».

На новогодние праздники Черчилль был гостем сэра Филипа Сассуна в Лимпне в его роскошном поместье на южном побережье. Среди гостей были также Ллойд Джордж и газетный магнат лорд Риддел. В эти выходные, как во многие другие, Черчилль работал над своими военными мемуарами. Он только что узнал, что ему полагается 5000 фунтов от Times за право их публикации (по курсу 1990 г. – 75 000), а вскоре он должен был получить вдвое больше за газетные публикации в США. В последний год он диктовал текст своему стенографисту Гарри Бекенхэму.

«Мы много говорили с Уинстоном о его книге, – записал Риддел в дневнике. – Он сказал, что закончил большую часть первого тома. Он планирует надиктовать 300 000 слов, и на этом завершить. Он говорит, что его приводит в восторг мысль, что можно получать по полкроны за слово! Он ушел наверх,

собираясь часа два-три поработать над книгой. Когда он спустился, я сказал премьер-министру, с которым в этот момент разговаривал: «Страшно подумать! Пока мы впустую тратим время, Уинстон гонит слова по полкроны за штуку». Это очень позабавило ЛД».

В середине января, когда Ллойд Джордж был в Париже на совещании Верховного совета союза стран Антанты, где вырабатывались окончательные условия Версальского договора, он решил устроить заседание кабинета министров в Париже. Мирная конференция решила пригласить большевиков обсудить торговые отношения между Россией и Западной Европой. Черчилль все еще надеялся оказать поддержку стремительно отступавшим армиям Деникина. «Временами он становился почти безумцем», – писала Фрэнсис Стивенсон в дневнике 17 января. В этот день Генри Уилсон нашел Черчилля в очень странном настроении: он рассуждал, не стоит ли подать в отставку.

«Дорогая моя Клемми, – написал он жене двумя днями позже, – я бы с большим удовольствием провел эти дни в любом другом месте, чем слоняться здесь без толку». 25 января, вернувшись в Лондон, он опубликовал в Illustrated Sunday Herald статью, в которой писал о «дьявольских намерениях» Ленина. «Все тираны – враги человечества, – заявил он. – Все тирании должны быть свергнуты». Впрочем, через девять дней, узнав, что Деникин, скорее всего, будет сброшен в море, он призвал его прекратить борьбу, найти безопасное убежище для своих солдат и сторонников и начать переговоры с большевиками о небольшой территории, на которой они могли бы существовать.

«В характере и организации большевистского правительства происходят существенные изменения, – сообщал Черчилль Деникину. – Несмотря на дьявольское коварство, с которым оно создавалось и сформировалось, сейчас оно тем не менее представляет собой силу порядка. Те, кто его возглавляет, уже не просто революционеры, но личности, которые, захватив власть, заинтересованы удержать ее и пользоваться ею. Считается, что они искренне желают мира, несомненно опасаясь, что в случае продолжения войны их сожрут собственные армии. Мирный период вкупе с реорганизацией промышленности вполне может обеспечить объединение России».

Призыв Черчилля к компромиссу услышан не был. Деникину идея об «эволюции» большевизма казалась абсурдом. Через четыре дня после того, как Черчилль выступил за переговоры, большевики вошли в Одессу. Тысячи сторонников Деникина были убиты. Остатки бежали морем в Крым. В тот же день большевики

расстреляли Колчака.

Уходили последние лидеры сопротивления. 5 марта Черчилль дал распоряжение генералу Холману покинуть Россию. Теперь он выступал за своего рода санитарный кордон, частью которого должна стать Германия. 10 марта он писал одному из своих советников: «На мой взгляд, цель, которую мы должны преследовать в настоящее время, – это создание сильной, но мирной Германии, которая не будет атаковать наших союзников французов, но в то же время будет служить бастионом от российского большевизма».

23 марта Черчилль высказался об антибольшевистских силах, остающихся на севере России: «Считаю, они сделали все, что могли, держась месяц за месяцем без всякой надежды, но сейчас стремятся заключить мир с большевиками». На следующий день он отправился в двухнедельный отпуск во Францию. Теперь он тоже считал единственной перспективой мирные переговоры. Пересекая Ла-Манш, он написал Ллойд Джорджу: «Я должен быть готов заключить мир с Советской Россией на самых лучших доступных условиях, чтобы стабилизировать общую ситуацию и одновременно обезопасить нас от большевистской заразы. Разумеется, я не верю, что возможно достижение какой-то гармонии с большевизмом. Но при всем том естественное стремление к материальному благу неизбежно: мы должны надеяться – к радости или горю, – что мирное влияние приведет к исчезновению опасности этой кошмарной тирании».

27 марта последние деникинские войска покинули свою главную базу – порт Новороссийск. Когда в город вступили большевики, они обнаружили огромное количество британских припасов. Большая часть последней британской помощи стала собственностью и арсеналом тех, чье поражение она должна была обеспечить. Деникин и его тридцатипятитысячная армия переправились в Крым. Его кампания завершилась. 29 марта Генри Уилсон, узнав, что миссия генерала Холмана благополучно эвакуировалась, записал в дневнике: «Так заканчивается катастрофой очередная военная авантюра Уинстона. Антверпен, Дарданеллы, Деникин. Его суждения всегда ошибочны, во власти он безнадежен». Но он ошибался: дело было в том, что, как и прежде, Черчилль был лишен реальной власти в своем стремлении повернуть военную ситуацию в России на пользу Британии.

Во Франции Черчилль остановился на вилле своего друга герцога Вестминстерского в Мимизане. Он охотился на кабанов, рисовал. Компанию ему составил генерал Роулинсон. Пошло

четыре с половиной года после того, как Роулинсон пришел ему на смену в Антверпене, и ровно два года с тех пор, как Черчилль посещал штаб-квартиру Роулинсона в разгар немецкого наступления 1918 г. «Мы с генералом, – написал он Клементине 29 марта, – в промежутках между рисованием и прогулками верхом непрерывно обсуждаем сражения прошлой войны. Я совершенно не работаю. Такое со мной впервые. Видимо, я наконец взрослею».

31 марта кабинет министров решил предложить генералу Деникину прекратить борьбу. Один из членов кабинета записал: «К счастью, Уинстон за границей». Но Черчилль уже и сам хотел абстрагироваться от этих проблем. Из Мимизана он писал Ллойд Джорджу: «Я полностью погрузился в отпуск и пытаюсь забыть обо всех неприятностях». Во вторую неделю мая польские войска вытеснили большевиков из Киева. В Крыму преемник Деникина генерал Врангель держал оборону против ожесточенных атак большевиков.

Черчилль хотел, чтобы Британия проявила инициативу не как участница борьбы, а как посредница. На министерском совещании 28 мая он сказал: «Британское правительство должно предложить советскому правительству честное сотрудничество в согласовании условий перемирия между генералом Врангелем с одной стороны и польским правительством с другой. Крым может как минимум на год стать прибежищем для противников большевиков. Тем из беженцев, кто пожелает вернуться в Россию, это должно быть позволено на условиях амнистии. Большевики должны прекратить вмешательство в дела Афганистана, Персии и Кавказа, а также большевистскую пропаганду в Центральной Европе и Британии. В ответ Британия признает большевистскую Россию».

В то время как Черчилль разрабатывал план мирных переговоров, Врангель выступил из Крыма и атаковал большевиков на юге России. Черчилль согласился с мнением кабинета, что тем самым генерал лишил себя дальнейшей поддержки со стороны Британии.

Помощь Черчилля потребовалась и в борьбе с новой опасностью: в Ирландии участились акты насилия и террора, направленные против британского правления. После гибели шестнадцати католиков и протестантов в результате кровавой стычки 16 июня Ллойд Джордж пригласил Черчилля войти в состав правительственного комитета, созданного для прекращения беспорядков в Ирландии. 25 июня Черчилль сказал Генри Уилсону, что, на его взгляд, ситуацию в Ирландии

не улучшить методами, которые пруссаки применяли в Бельгии.

У Черчилля вызывали отвращение террористические акты, совершаемые боевиками Шин фейн. 1 июля он сказал своим советникам в Военном министерстве: «В случае обнаружения с воздуха больших групп, занимающихся боевой подготовкой – с оружием или без оружия, – с военной точки зрения не вижу препятствий для применения авиации, которая пулеметным огнем или бомбометанием может их рассеять». Он добавил, что при этом необходимо ставить в известность ирландское правительство и местные власти и применять силу адекватно.

Использование авиации для поддержания порядка применялось не только в Ирландии. Через шесть дней после этого предложения Черчилль информировал кабинет министров, что при волнениях в далекой Месопотамии противник был подвергнут бомбардировке и пулеметному обстрелу авиацией при взаимодействии с наземными войсками. Впрочем, Черчилль резко осудил применение войск в Индии, где после восстания в Амритсаре было расстреляно 300 безоружных индийцев. Черчилль настаивал на увольнении генерала Дайера из армии и 8 июля в палате общин поддержал решение комиссии Военного министерства, осудившей Дайера. «Стрельба, – заявил Черчилль, – стала чудовищным событием. В случае бунтов и гражданских беспорядков должен действовать общий запрет на применение армии. Я имею в виду запрет на так называемое «устрашение». Под устрашением я понимаю организацию бойни с целью терроризировать весь округ или всю страну. Мы не можем принять подобную доктрину ни в каком виде».

Поскольку убийства в Ирландии продолжались, Ллойд Джордж попросил друга Черчилля, генерала Тюдора, создать, как выразился Генри Уилсон, «контрубийственную ассоциацию» – карательные отряды, которые из-за цвета их формы стали называть «черно-коричневыми». «Черчилль давно хотел сурово расправиться с шинфейнерами», – записал Уилсон в дневнике 12 июля. Однако мысли Черчилля резко переключились с ирландцев на большевиков: вытеснив поляков из Киева, они продолжили наступление на Западной Украине и заняли территории с преимущественно польскоязычным населением – Галицию и часть современной Белоруссии. Поляки были вынуждены оставить Вильно, город с восьмидесятитысячным польским населением. Черчилль хотел немедленных действий против стремительного наступления русских. Он писал Бонару Лоу: «Весь мой опыт говорит в пользу нападения на них. Они очень опасны, если чувствуют, что ты их боишься. Это как укрощать тигра или, скорее, гиену!»

Ожидая решения кабинета по поводу помощи Польше, Черчилль подготовил список того, что считал нужным направить полякам, в том числе аэропланы, танки и технических советников. 26 июля США заявили, что готовы экипировать и снабдить всем необходимым десять польских дивизий. Через два дня в статье «Ядовитая опасность с Востока» (The Poison Peril from the East), опубликованной в Evening News, Черчилль назвал Польшу стержнем Версальского договора. «Дело Польши, – заявил он, – следует рассматривать с точки зрения обеспечения и сохранения европейского мира. Но понятно, что британские войска не могут прийти на помощь Польше. После пяти военных лет народ больше не хочет никакой войны, он слишком устал от непосильного труда, грязи и запустения, горьких разочарований и нескончаемых утрат».

Черчилль писал: «Только мирная, терпеливая, сильная и мужественная Германия может и должна стать плотиной перед потоком красного варварства, хлынувшего с Востока». Газета Times немедленно заявила о «конституционной неприемлемости» такого призыва, поскольку Германия – страна, проигравшая войну, выплачивающая контрибуции и потерявшая значительную часть территории, доставшейся Польше. Лорд Дерби написал Ллойд Джорджу из Парижа: «Намек Уинстона на альянс с Германией для борьбы с большевизмом привел французов в бешенство!» На самом же деле Черчилль вовсе не предлагал никакого военного альянса Германии с Британией.

4 августа Красная армия была уже в полутора сотнях километров от Варшавы. Узнав об опасности, угрожающей польской столице, Черчилль поспешил к премьер-министру. Ллойд Джордж в это время встречался с двумя эмиссарами Ленина – Леонидом Красиным и Львом Каменевым, присланными для переговоров о торговом соглашении. Пока Черчилль ожидал, Ллойд Джордж прислал ему записку: «Я сказал Каменеву и Красину, что британский флот в трехдневный срок будет направлен на Балтику, если они не прекратят наступление». Ультиматум был предъявлен в шестую годовщину объявления Британией войны Германии. Через полчаса на совещании кабинета министров действия Ллойд Джорджа получили полную поддержку. Но было ясно, что армия на помощь Польше направлена не будет. «Снова 4 августа, – позже вспоминал Черчилль. – Но на этот раз мы бессильны. Общественное мнение Франции и Британии смирилось. Любые виды вооруженной интервенции невозможны. Ничего не осталось, кроме слов и жестов».

Красная армия продолжала наступление на Варшаву.

6 августа глава британской миссии, направленный ранее в Варшаву, чтобы убедить поляков начать переговоры с большевиками, телеграфировал в Лондон о немедленной отправке 20 000 британских и французских солдат, за исключением тех, кто может быть подвержен большевистской или шинфейновской пропаганде. Но через два дня руководство Франции сообщило Ллойд Джорджу, что оно не намерено посылать войска. Было принято соглашение, что Франция направит в Польшу вооружение и боеприпасы. Вкладом Британии станет обувь и одежда.

13 августа Красная армия была уже в двадцати километрах от Варшавы. Британское правительство отказалось от намерений помогать Польше и каким-то образом участвовать в ее судьбе. В этот день Черчилль уехал в Рагби играть в поло. Оттуда он написал Ллойд Джорджу длинное послание с просьбой сделать все возможное для предотвращения очередного захвата Польши Россией. В это время пришло известие, что поляки перехватили инициативу. Они захватили 63 000 пленных, 200 пушек и тысячу пулеметов, а русские отступают. Черчилль приписал к письму: «К счастью, устарело из-за последних событий». Затем, повторяя фразу Питта в Гилдхолле, сказанную в 1805 г., добавил: «Польша спаслась собственными усилиями и, я верю, своим примером спасет Европу».

В тот же день, 13 августа, когда Красная армия стояла в двух десятках километров от Варшавы, в Ираке в результате волнений были убиты шесть британских чиновников. Черчилль как военный министр нес ответственность за ситуацию в этой стране. Две недели правительство обсуждало возможные действия. Черчилль не видел причин удерживать контроль над Ираком, если это может привести к вооруженному столкновению. Но он оказался в меньшинстве. «Теперь, когда кабинет решил, что мы должны вгрызаться в эту несчастную страну, – написал он Ллойд Джорджу 26 августа, – необходимо приложить самые энергичные усилия и добиться конкретных результатов». Его друг генерал Холдейн, главнокомандующий британскими силами в Ираке, выразил уверенность, что в течение трех месяцев в состоянии подавить волнения.

Проводя правительственную политику, направленную на сохранение британского присутствия в Ираке, Черчилль распорядился направить две авиационные эскадрильи в поддержку двух других, уже находящихся там. 29 августа он предложил применить бомбы с горчичным газом, чтобы, как он выразился, «примерно наказать непокорных аборигенов,

не причинив им при этом серьезных травм». Но проблема состояла в отсутствии свободных войск. «Ума не приложу, где взять хоть одного солдата, – писал Черчилль Ллойд Джорджу 31 августа. – Мне видится что-то зловещее в том, как разворачиваются события в Месопотамии, тем более на фоне опасности, исходящей от Ирландии. После всех пережитых военных тягот, в тот момент, когда мы только собираем свои скудные ресурсы и начинаем восстанавливать финансы, чтобы иметь хоть что-то на случай непредвиденной опасности, мне кажется крайне неуместным распылять армию и казну в этих пустынях».

1 сентября Черчилль с Клементиной отправились в Мимизан. «Я наслаждаюсь солнцем и сменой обстановки, – написал он председателю своего выборного округа через неделю. – Мне это крайне необходимо после суеты и тревог последних лет и после тревожных июля и августа, которые мы пережили в Англии». Черчилль всегда любил солнце. «При правильно организованном существовании (как у вас и у меня), – писал он Ллойд Джорджу месяцем ранее, – каждый день приносит радость благодаря хорошей погоде».

Проведя две с половиной недели во Франции, Черчилль на шесть дней вернулся в Лондон. Генри Уилсон сообщил, что «черно-коричневые» в Ирландии проводят массовые карательные акции. Симпатии Черчилля были на стороне тех, кто стремился к миру. «Естественно, должно быть сделано все, чтобы предотвратить насильственные, жесткие действия военных, – говорил он Уилсону 18 сентября. – Величайшую пользу в этом смысле может принести ирландское население в городах, где расквартированы войска, если оно не только воздержится от убийств военных, но и окажет посильную им помощь в обнаружении настоящих преступников».

22 сентября в трех городах на юге Ирландии местная полиция, как писал в своем дневнике Уилсон, «определила некоторых шинфейнеров как убийц и подстрекателей, после чего хладнокровно казнила их без суда и следствия. Уинстон не видит в этом особой беды». Через два дня офицер штаба Тюдора капитан Шор приехал к Черчиллю из Дублина и сообщил, что армия фактически проводит карательные операции. Черчилль отправился с ним к Ллойд Джорджу на Даунинг-стрит, где Шор еще раз рассказал о поведении войск. У Ллойд Джорджа это не вызвало возражений. «На убийство полицейских, – сказал он, – следует отвечать только карательными акциями».

Вечером Черчилль отправился в Италию, в Амальфи, заниматься живописью. Оттуда он перебрался во французский

городок Каси, где продолжил рисовать. Он написал своему двоюродному брату Шейну Лесли, чей дом был на границе с Ольстером, и напомнил свой ответ, когда его спросили, какой совет он мог бы дать Шин фейну: «Перестать убивать и начать спорить». «Когда прекратятся убийства, – теперь писал Черчилль Лесли, – ирландский вопрос перейдет в новую стадию, и я немедленно приложу все усилия, чтобы заключить достойное соглашение». 11 октября Черчилль вернулся в Лондон. Через пять дней, выступая в своем избирательном округе в Данди, он в равной степени осудил действия большевиков и шинфейнеров.

В третью неделю ноября Черчилль увидел копии нескольких десятков перехваченных телеграмм из советского Министерства иностранных дел большевистским эмиссарам в Лондоне. Одной из главных инструкций в этих телеграммах было указание не жалеть денег, чтобы активизировать волнения среди британских рабочих. Черчилль решил настаивать, что, пока большевики не отменят этих инструкций, никаких торговых соглашений подписано быть не должно. Ллойд Джордж указал, что частью соглашения как раз и является прекращение пропаганды и после подписания соглашения подстрекательства будут прекращены.

17 ноября Черчилль заявил на заседании кабинета, что следует прервать переговоры с большевиками, пока не будет прекращена агитация. Если на следующий день такое решение не будет принято, он подаст в отставку. Его друг Ф. Э. Смит, которому недавно был пожалован титул лорда Биркенхедского, принялся его отговаривать. «Ты сам себя отрежешь на долгие годы, а возможно, и навсегда, от коалиции, которая во всем остальном полностью на твоей стороне, – говорил он. – Отставку любого другого члена кабинета общество не воспримет как принципиальную».

Черчилль прислушался к дружескому совету. Переговоры продолжились, равно как и секретные инструкции большевиков. Черчилль остался в составе кабинета, специально отметив в стенограмме 18 ноября: «Ни один из членов кабинета министров не ограничен в выступлениях против большевиков». Вечером он уехал в Оксфорд, где выступил с критикой большевизма. «Я считаю, – сказал он, – что все беды и несчастья России – результат безнравственности и безрассудства большевиков. Ни Россия, ни Восточная Европа никогда не оправятся, пока эта подлая группа фанатиков-космополитов держит русский народ за горло и тиранит огромное население. Политика, за которую я всегда выступаю, – свержение

и уничтожение этого преступного режима».

В начале ноября, изучая доклад о карательных акциях «черно-коричневых» в Ирландии, Черчилль написал в записке для кабинета министров: «Некоторые меры позорны даже на фоне явных провокаций. Наделано много глупостей и ошибок, которые власти не имеют права игнорировать». Впрочем, он не считал справедливым наказывать военных за то, что они, «провоцируемые самым жестоким образом и будучи не в силах ничего исправить, были вынуждены действовать на свой страх и риск». Одной из мер борьбы с террористическими актами шинфейнеров он считал идентификационную карточку, которую должен иметь при себе каждый мужчина в Ирландии. Тогда зачистки и облавы станут более эффективными.

9 ноября директор разведывательного управления Скотланд-Ярда сообщил Черчиллю, что ячейка шинфейнеров в Глазго решила заняться похищениями людей в ответ на карательные акции в Ирландии. Они выбрали, в частности, Черчилля и Ллойд Джорджа. Черчиллю посоветовали несколько дней или даже недель не появляться в Шотландии. Ему также предоставили вооруженного телохранителя, сержанта уголовной полиции Уолтера Томпсона.

В Ирландии между тем продолжался разгул насилия. 15 ноября в поезде вооруженные люди захватили и увели с собой пятнадцать британских офицеров. Больше их никто не видел. Через два дня «черно-коричневые» провели ответную акцию в Корке, убив трех человек. В отместку шинфейнеры утром 21 ноября совершили нападение на несколько отелей и частных домов в Дублине, убив четырнадцать человек, в том числе шесть британских офицеров. Их буквально вытаскивали из постелей и расстреливали на глазах у жен. В тот же день в ответ на убийства в Дублине солдаты открыли стрельбу по толпе футбольных болельщиков, в которой было замечено несколько вооруженных людей, и застрелили девять человек.

25 ноября Черчилль с Ллойд Джорджем присутствовали в Вестминстерском аббатстве на поминальной службе по шести британским офицерам, убитым в Дублине. Через три дня семнадцать «черно-рыжих» попали в засаду близ Макрума. Шестнадцать были убиты. 1 декабря на заседании кабинета Черчилль заявил, что для восстановления порядка во всей Ирландии сил недостаточно. Он советовал выбирать наиболее опасные районы и сосредоточивать в них силы. Через восемь дней кабинет согласился объявить военное положение в четырех графствах Северной Ирландии. За ношение оружия

предусматривалась смертная казнь.

10 декабря после убийства солдат карательного отряда в Корке в качестве ответного хода была сожжена большая часть торгового центра города. Вечером на экстренном заседании кабинета министров Черчилль сказал, что если парламентарии от Шин фейн готовы встретиться в Дублине, где они в 1919 г. создали собственный парламент, и если они продемонстрируют готовность к миру, то Британия, в свою очередь, готова предложить месячное перемирие. 15 декабря в палате общин он призвал к прекращению насилия: «Пусть прекратятся убийства, пусть начнется конституционная власть, пусть ирландский народ обсудит, как выбираться из ужасной ситуации, в которую его сейчас толкает банда ирландских убийц». – «И правительство!» – выкрикнул один из оставшихся в Вестминстере парламентариев – ирландских националистов.

«Пусть они перенесут это в область честной полемики, – продолжал Черчилль. – Парламент – специальное место для этого. В таком случае они сразу почувствуют избавление от всей той жестокости, которая терзает Ирландию».

На особом совещании кабинета министров 29 декабря Ллойд Джордж предложил перемирие на один или два месяца. Черчилль поддержал его. Как военный министр, он прекрасно знал тяжесть финансовой ноши, которую несет Британия в результате военных конфликтов в Ирландии и Ираке. Британские гарнизоны стояли кроме того еще на Рейне и в Турции – Константинополе и в Чанаккале. Он уже предлагал начать мирные переговоры с лидером Турции Мустафой Кемалем. Это не только облегчило бы положение Британии на Ближнем Востоке, где Турция подогревала антибританские настроения, но, что было крайне важно, поставило бы турецкий барьер российским амбициям.

4 декабря Черчилль в очередной раз призвал Ллойд Джорджа заключить соглашение с Турцией. «Ваше стремление сохранить Мосул и Месопотамию подрывается самым непосредственным образом этой вендеттой против турок, – написал он. – Антитурецкая политика приводит к огромным необязательным тратам на Ближнем Востоке». Через девять дней, выступая в кабинете, он предложил Британии уйти из северных и центральных районов Ирака до линии, закрывающей только Басру и персидские нефтедобывающие районы на реке Карун, отказаться от контроля за Мосулом и Багдадом и вернуть их Турции. Кабинет отверг его предложение.

Работа в Военном министерстве перестала вызывать у Черчилля энтузиазм. Ему приходилось нести ответственность

за политику, которую он не одобрял, – как за применение военной силы в Ираке, так и в Ирландии, где его участие ограничивалось лишь поставкой армейских подразделений и вооружения, а призывы к миру и началу переговоров никто не слушал. Ему хотелось изменений. Осенью появились разговоры о том, чтобы направить его вице-королем в Индию.

Стремясь снизить расходы на Ирак и Палестину, Черчилль 31 декабря предложил и кабинет согласился создать отдельный ближневосточный департамент, чтобы взять управление, как он выразился раньше, «этими неблагодарными пустынями» в одни руки. В настоящее время этим занималось четыре государственных департамента, порой мешая друг другу: Министерство по делам Индии, Министерство иностранных дел, Военное министерство и Министерство по делам колоний. Новый департамент, по его мысли, должен был стать структурой министерства по делам колоний, и главой его должен был стать лорд Милнер, министр по делам колоний.

В канун Нового года Черчилль и Ллойд Джордж снова были гостями Филипа Сассуна в Лимпне. Присутствовавший там лорд Риддел отметил поразительную память Черчилля, который, как он выразился, «с большим удовольствием потчевал нас декламацией песенок из мюзик-холла и других стихов, которые он запоминал без особых усилий, хотя многие из них давно не перечитывал». Но в праздники не только развлекались. Ллойд Джорджу требовались административные способности Черчилля для сокращения военных расходов на Ближнем Востоке. Утром 1 января он спросил его, не желает ли он унаследовать от Милнера Министерство по делам колоний и заодно возглавить ближневосточный департамент с ответственностью за Ирак и Палестину.

Отношение Черчилля к сионизму было хорошо известно. Год назад в статье, опубликованной в Illustrated Sunday Herald, он, критикуя российских евреев, которые сыграли важную роль в победе коммунизма в России, назвал сионизм «вдохновляющим движением» и пояснил читателям: «Если на берегах Иордана еще при нашей жизни, что вполне возможно, будет создано еврейское государство под протекторатом Британской короны, состоящее из трех-четырех миллионов евреев, то это станет благотворным событием в мировой истории с любой точки зрения и абсолютно отвечающим подлинным интересам Британской империи».

Черчилль попросил неделю на размышление. 7 января он вернулся в Лимпн и дал согласие возглавить Министерство по делам колоний. В этот же день он занял свой седьмой по счету

пост в правительстве. Ему было сорок шесть лет.

Глава 20
Министр по делам колоний

8 января, за месяц до официального получения печатей министра, Черчилль начал думать о системе правления на Ближнем Востоке, которая существенно сократила бы издержки на этот регион. В 1920 г. Палестина, Ирак и Аравия обошлись британскому налогоплательщику в 37 миллионов фунтов стерлингов. В ценах 1990 г. это составляло 500 миллионов. Задачей Черчилля было сократить эту сумму вдвое. Он отправил телеграммы верховному комиссару Британии в Ираке сэру Перси Коксу и главнокомандующему генералу Холдейну, своему бывшему сокамернику в Претории, поставив их в известность, что без существенного снижения расходов на управление Ираком неизбежны увольнения.

Для сокращения расходов Черчилль предложил создать арабское правительство в Багдаде, которое будет заниматься страной, не предъявляя «чрезмерных требований» Британии. Закон и порядок будут поддерживаться не войсками, а специальными британскими и индийскими полицейскими. Используя мандат Лиги Наций, Британия обязуется создать в Ираке независимое государственное образование, получающее административные советы и помощь до тех пор, пока не сможет существовать самостоятельно.

Кокс уже предложил арабскому принцу эмиру Фейсалу, одному из сыновей Хусейна, короля Хиджаза, занять трон в подмандатном королевстве Ирак. «Вы можете быть уверены, что местные его изберут?» – спрашивал Черчилль Кокса 10 января, добавив, что западные политические методы «возможно, неприменимы к Востоку и электоральную базу нужно специально готовить».

Черчилль планировал посетить Ирак в марте. Но сначала он отправился в отпуск на юг Франции, по дороге решив заглянуть в Париж на выставку картин неизвестного художника – Шарля Морина. На самом деле это была первая публичная выставка работ самого Черчилля. В Париже он встретился с премьер-министром Франции Александром Мильераном, которому сказал, что у Британии и Франции есть общий интерес в умиротворении Ближнего Востока. «Я указал, что с британской и французской точки зрения абсолютно необходимо, – написал Черчилль Ллойд Джорджу, – уважительно отнестись к чувствам арабов и заключить с ними правильные соглашения. Иначе нам

наверняка придется силами гарнизонов проводить эвакуацию с территорий, которые обе страны приобрели в ходе войны».

Мильеран предупредил Черчилля, что главной причиной волнений в арабском мире является сионизм, который существенно активизировался благодаря сделанной Бальфуром во время войны декларации о создании национального государства для еврейского народа в Палестине. Черчилль сказал, что верховный комиссар Британии в Палестине сэр Герберт Сэмюэл «сохраняет баланс между арабами и евреями и сдерживает евреев так, как способен, наверное, только еврейский администратор».

Черчилль полагал, что сумеет способствовать заселению Палестины евреями и одновременно снять опасения 500 000 арабов, что они окажутся под властью евреев, в то время насчитывавших всего 80 000 человек. Своим советником по арабским делам он назначил полковника Т. Э. Лоуренса. Во Франции он узнал от Лоуренса, что эмир Фейсал, общаясь с Лоуренсом в Лондоне, согласился отказаться от притязаний своего отца на Палестину в обмен на иракский трон для себя и трон короля Трансиордании для своего брата Абдуллы. Эти договоренности, пояснил Лоуренс, приведут к удешевлению и ускорению заселения. Они также обеспечат четкую демаркационную линию по реке Иордан: к западу от нее будут селиться евреи, к востоку возникнет независимое арабское государство Трансиордания.

Уверенный, что Фейсал и Абдулла в обмен на обещанные королевства дадут обещание не нападать на французов в Сирии, Черчилль дал указание Холдейну разработать план полной эвакуации британских войск из Ирака к концу года, чтобы к 31 декабря Британия не отвечала ни за что за пределами Басры.

В воскресенье 6 февраля Черчилль был гостем Ллойд Джорджа в его загородной резиденции Чекерсе. «Тебе бы понравилось это место, – написал Черчилль Клементине в этот день. – Возможно, когда-нибудь увидишь». В Чекерсе с ним была дочь Мэриголд, выздоравливающая после длительной простуды. Ей было два года и три месяца. «Сегодня утром она зашла ко мне в комнату, – сообщил жене Черчилль, – будучи явно в прекрасном самочувствии. Это был, так сказать, формальный визит вежливости. Она ничего мне не сообщила. Но было приятно».

Черчилль решил не ехать в Ирак, а вместо этого отправиться в Каир и просить британских официальных лиц встретиться с ним. «Я активно поддерживаю эту идею, – написал лорд Милнер Герберту Сэмюэлу. – Он очень проницательный, способный,

широко мыслящий, и если даст себе время глубоко вникнуть в ситуацию, то оценит все правильно, и вы найдете в нем влиятельного сторонника». Милнер предупредил, что у Черчилля есть одна слабость: «Он склонен принимать решения, не обладая достаточными знаниями». Черчилль и сам это сознавал, и за пятнадцать лет своей министерской деятельности приобрел привычку консультироваться и вникать в детали с помощью специалистов, проверяя на них свои идеи и ища поддержки.

Черчилль начал подготовку к конференции в Каире. Клементина в это время была на юге Франции, в Сен-Жан-Кап-Ферра, восстанавливаясь после очередного упадка сил. Она написала ему: «В сравнении с твоей деятельностью этот мыс кажется маленькой точкой в море, в то время как ты паришь на аэроплане над величественной панорамой жизни». Он ответил, что последняя его работа – речь по поводу англоязычного союза – стала для него самой сложной: «Было чрезвычайно трудно сочинить восторженную речь о Соединенных Штатах, в то время как они выжимают последнее пенни из своих несчастных союзников. Тем не менее у нас впереди только один путь – держаться по отношению к ним сколь возможно лояльно, быть бесконечно терпеливыми и ждать возникновения дружественных отношений».

Главной причиной трений с Соединенными Штатами была Ирландия. Черчилль поддерживал решение правительства о введении гомруля и искал способы его реализации. «Я нащупываю план», – написал он Клементине, а кроме того сообщил, что малышка Мэриголд каждое утро наносит ему визит «и очень интересуется всем, что ей говорят или показывают». Этим вечером Черчилль официально вступил в новую должность. На следующий день, готовясь к каирской конференции, он продолжил изыскивать способы сокращения ежегодных расходов на Ирак с двадцати до семи миллионов фунтов. «Я намерен сэкономить вам миллионы», – написал он канцлеру Казначейства Остину Чемберлену.

Клементина хотела поехать с мужем в Египет и собиралась встретиться с ним в Марселе. «Я так мечтаю снова увидеть твое дорогое личико, – писал ей Черчилль, – и молюсь, чтобы увидеть тебя в полном здравии». С детьми, по его словам, все было в порядке, и он предложил дочерям выбор между визитом к брату Рэндольфу и зоопарком. «Они вежливо проголосовали в пользу Рэндольфа. Поэтому договорились посетить и зоопарк». Рэндольф уже был пансионером в начальной школе. Отец отправился его навестить и нашел сына, как он писал, «весьма оживленным. Все четверо детей очень милы и едят в огромных количествах».

Перед отъездом в Каир Черчилль снова обратился к Ллойд Джорджу с предложением заключить мир с Турцией, чтобы тем самым обезопасить от вторжения северную границу Ирака. Но Ллойд Джордж поддерживал греков, которые в это время планировали масштабное наступление на Турцию с побережья Эгейского моря, из Анатолии. Черчилль подумывал, не подать ли в отставку, если Ллойд Джордж продолжит поддерживать греков, но все же отказался от этой мысли. 2 марта он прибыл из Лондона в Марсель, где встретился с Клементиной. Вдвоем они пароходом отправились в Египет и через шесть дней оказались в Александрии. Прежде чем сесть на поезд до Каира, Черчилль посетил бухту Абукир, где адмирал Нельсон в 1798 г. нанес сокрушительное поражение французскому флоту.

Конференция началась 12 марта. Среди экспертов были Лоуренс, Кокс и Гертруда Белл. В течение десяти дней они обсуждали будущее Ближнего Востока. Экономия была целью, политическая стабильность – средством. Черчилль предложил дать автономию курдам на севере Ирака. Он выступал за это, опасаясь, что правитель Ирака будет игнорировать интересы курдов и подавлять курдское меньшинство, но советники рассеяли его опасения, полагая, что Британия сможет оказывать сдерживающее влияние на Багдад.

Во время перерыва в работе Черчилль взял свой мольберт и отправился рисовать пирамиды. Через два дня с Клементиной, Лоуренсом и Гертрудой Белл он решил прокатиться на верблюде вокруг сфинкса. Во время поездки верблюд сбросил Черчилля, и тот повредил руку, но настоял на продолжении прогулки. Как сообщила местная газета, он «сделал несколько набросков в Саккаре и в сопровождении полковника Лоуренса вернулся на верблюде в Мена-хаус».

К концу конференции был достигнут ряд договоренностей. Решено было утвердить эмира Фейсала правителем Ирака, эмира Абдуллу – Трансиордании; Абдулле оказать финансовую поддержку при условии, что он не допустит антисионистских выступлений; сократить на две трети британский гарнизон в Ираке и обеспечить защиту границ британскими военно-воздушными силами, тем самым сократив военные расходы на две трети в течение трех-четырех лет; организовать воздушное сообщение между Каиром и Карачи, наладив гражданские перелеты между Англией и Индией.

В полночь 23 марта Черчилль поездом отправился из Каира в Иерусалим. Рано утром следующего дня во время краткой остановки в Газе его приветствовала большая толпа арабов возгласами: «Слава министру!», «Слава Великобритании!», но еще

более бурными: «Долой евреев!», «Перерезать им глотки!». Не понимая смысла, Черчилль был польщен бурной встречей. В Иерусалиме он остановился в обители Августы Виктории, некогда самом грандиозном сооружении, построенном кайзером Вильгельмом в Леванте, в тот момент служившим домом правительства.

На следующий день после прибытия Черчилля в Иерусалим в Хайфе вспыхнули волнения арабов. Они требовали прекращения еврейской иммиграции. Полиция, чтобы рассеять толпу, открыла огонь. Погибли тринадцатилетний арабский мальчик-христианин и арабка-мусульманка. На следующий день Черчилль посетил британское военное кладбище на горе Скопус и побывал на богослужении в память двух тысяч похороненных здесь британских солдат. Вечером, ужиная с эмиром Абдуллой, он объявил желание Британии видеть эмира в Аммане правителем Трансиордании и попросил его не поощрять никаких антисионистских и антифранцузских настроений. Что касается Палестины, куда будет разрешено приезжать евреям, Черчилль заверил, что права живущего там нееврейского населения будут строго соблюдаться. Абдулла принял предложение, но местные арабы – нет. В петиции, поданной Черчиллю, они предупреждали, что если Британия не прислушается к требованию положить конец еврейской иммиграции, «то, возможно, голос арабов когда-нибудь будет услышан Россией и Германией». Цель сионистов, утверждали арабы, создать еврейское царство в Палестине и постепенно захватить власть над миром.

Арабы просили Черчилля отменить декларацию о создании еврейского государства, создать правительство, избранное палестинским народом, и до этого прекратить иммиграцию. Черчилль ответил, что не в его власти удовлетворить их требования, а если бы он даже и обладал такой властью, то не имел бы желания. «Совершенно справедливо, – добавил он, – чтобы евреи, рассеянные по всему свету, обрели наконец национальное государство, в котором могли бы воссоединиться. А где это еще может быть сделано, кроме Палестины, с которой они так глубоко и тесно связаны на протяжении более трех тысячелетий? Палестина может принять больше народа, чем в настоящее время, а евреи принесут процветание, которое пойдет на пользу ее жителям. Ни один араб не будет ущемлен. Создание управления еврейским большинством потребует слишком значительного времени. Все мы, здесь присутствующие, а также наши дети и дети наших детей исчезнем с лица земли, прежде чем это сможет произойти».

Палестинским евреям, депутацию которых он принял

сразу же после арабов, он заявил, что «сионизм – великое явление в судьбе мира», и пожелал им успеха в преодолении серьезных трудностей. «Если бы я не верил, что вами движет высочайший дух справедливости, – сказал он, – и что ваша деятельность принесет процветание целой стране, я не питал бы больших надежд на то, что ваше движение когда-нибудь завершится успешно».

29 марта Черчилль посадил дерево на горе Скопус, на месте будущего Еврейского университета. «Здесь воплотится надежда, которую хранил ваш народ на протяжении многих веков, – сказал он, – не только на ваше собственное благо, но и на благо всего мира. Но нееврейское население не должно пострадать. Каждый шаг, предпринятый вами, должен приносить моральную и материальную пользу всем жителям Палестины – и евреям, и арабам. Если вам это удастся, Палестина станет счастливой и процветающей, здесь всегда будут править мир и согласие, она в действительности станет землей, текущей молоком и медом, где страждущие всех наций и религий найдут утешение».

Черчилль собирался проехать из Иерусалима до арабского города Наблус, а оттуда – к еврейским поселениям в Галилее. Но неделей раньше, еще в Каире, он получил известие, что тяжелая болезнь вынудила Бонара Лоу оставить пост лорда – хранителя печати и главы палаты лордов. Его место должен занять Остин Чемберлен, оставив вакантным пост канцлера Казначейства. «Бедняга Уинстон, как ему не повезло оказаться в Каире в такой момент!» – записал Генри Уилсон в дневнике. В Лондоне ждали, что Черчилль поспешит вернуться домой, но он отправился в Иерусалим, откуда решил как можно быстрее вернуться в Александрию. Он узнал, что вскоре в Геную уходит итальянский пароход, и рассчитывал успеть на него. Проработав менее трех месяцев министром по делам колоний, он очень хотел стать канцлером Казначейства – пост в кабинете министров, который занимал и досрочно покинул его отец.

Из Иерусалима Черчилль возвращался на машине. По дороге он заехал в Тель-Авив, основанный в 1909 г., и в еврейскую сельскохозяйственную колонию Ришон-ле-Цион. В колонии, первой на Сионе, основанной еще в 1880-х годах, его сначала поразили пятьдесят молодых евреев, встречавших его на лошадях у входа, затем девушки в белых одеждах, которые ждали в центре, и, наконец, виноградники и апельсиновые рощи. «После того как я увидел такие результаты, – сказал он в палате общин после возвращения, – достигнутые огромным трудом и умением, я буду против любого, кто скажет, что британское правительство,

добившись нынешнего положения, должно от этого отказаться, чтобы все там было уничтожено дикими фанатиками-арабами».

Черчилль попал в Александрию вовремя, чтобы успеть на корабль в Геную. Он не знал, что министр торговли, член парламента от Консервативной партии сэр Роберт Хорн, который в момент отставки Бонара Лоу находился на юге Франции, уже вернулся в Лондон и должен быть назначен канцлером. «Уинстон до сих пор очень досадует на премьер-министра, – записала Фрэнсис Стивенсон в дневнике через две недели после его возвращения. – Какая насмешка судьбы, что он оказался в отъезде, когда произошли такие изменения».

Черчилль остался на юге Франции в Кап-д'Ай. Он направил приветствие Остину Чемберлену, на первой речи которого после избрания главой палаты общин в 1892 г. присутствовал на гостевой галерее палаты. «Когда я вспоминаю проекты национальной партии, которые лелеяли ваш и мой отцы в восьмидесятых годах, чрезвычайно приятно сознавать, что мы оба сейчас принимаем участие в их реализации, – написал ему Черчилль. – Я вернусь к концу недели, но после пяти недель непрестанной суеты и переездов должен взять несколько дней передышки. Я возвращаю вам 5 с половиной миллионов в этом году и надеюсь вернуть еще 20 в следующем».

Но надежды Черчилля сэкономить на Палестине не оправдались. Непрекращающиеся протесты арабов против еврейской иммиграции привели в начале мая к беспорядкам в Яффо, в ходе которых были убиты тридцать евреев и десять арабов. Сэмюэл вынужден был временно прекратить еврейскую иммиграцию. Черчилль поддержал решение верховного комиссара, посоветовав тому объявить, что, пока не абсорбируются люди, уже прибывшие в страну, дальнейшая иммиграция не будет открыта. Сэмюэл рассказал Черчиллю о фанатичных еврейских коммунистах, которые провоцируют арабские выступления. Черчилль ответил, что на Сэмюэле лежит ответственность очистить еврейские колонии и вновь прибывших от носителей коммунистических идей и без промедления и колебаний выдворить из страны всех агитаторов. В равной степени его гнев вызывали и попытки арабов использовать насилие, как способ прекратить проведение сионистской политики. «Британия, – сказал он Сэмюэлу, – должна твердо поддерживать закон и порядок и делать уступки по заслугам, а не под нажимом».

Надеясь успокоить арабов, Сэмюэл решил не взимать штрафы, наложенные на бунтовщиков, но Черчилль был против такого решения. «На мой взгляд, – написал он Сэмюэлу, –

необходимо, чтобы Яффо и другие поселения незамедлительно понесли ответственность. Мы не можем допустить, чтобы целесообразность восторжествовала над справедливостью. Если трудно взимать штрафы силой, мы направим военный корабль для поддержки».

31 мая, обсуждая на заседании кабинета министров долгосрочные перспективы подмандатной Палестины и требования арабов, Черчилль заявил, что решил приостановить там деятельность представительных институтов, поскольку любой избранный орган несомненно запретит дальнейшую иммиграцию евреев. В то же время, стремясь ослабить опасения арабов, он одобрил предложение Сэмюэла, согласно которому отныне еврейская иммиграция будет ограничена в соответствии с экономическими возможностями Палестины принять новых поселенцев.

Предполагая, что волнения в Палестине продолжатся и расходы Британии будут неизбежно расти, Черчилль ухватился за предложение Ллойд Джорджа, сделанное им на заседании кабинета министров 9 июня: передать мандаты на управление Палестиной и Ираком Соединенным Штатам. Черчилль хотел рассказать об этом в палате общин, выступая по ближневосточному вопросу 14 июня, но Ллойд Джордж, который еще не поднимал этот вопрос перед Вашингтоном, убедил его подождать. В своей речи Черчилль выступил в поддержку британской ответственности за Палестину и проводимой там политики. «После всего что мы сделали, – заявил он в палате общин, – мы не можем допустить, чтобы арабы продолжали притеснять евреев. Их опасения, что они будут выдавлены с их земель, – вздор. Количество евреев не должно превышать числа, которое может быть обеспечено растущим благосостоянием и ресурсами страны. В этом нет сомнения, хотя в настоящее время Палестина испытывает чрезвычайную нехватку населения».

Выступление Черчилля стало его триумфом. «Одна из ваших лучших речей», – сказал ему Ллойд Джордж. Но в последовавших дебатах парламентарий от консерваторов предупредил: «Как только вы начнете скупать земли с целью поселения евреев, вы немедленно столкнетесь с антисемитизмом, который существует во всем мире». Черчилля это не обескуражило. Через восемь дней, когда премьер-министр Канады спросил его, намерена ли Британия передать евреям контроль над Палестиной, он ответил: «Если когда-нибудь они станут большинством в этой стране, они возьмут его естественным образом».

29 мая мать Черчилля упала с лестницы и сломала лодыжку. Началась гангрена. 10 июня левую ногу пришлось ампутировать ниже колена. «Опасность, безусловно, миновала», – телеграфировал Черчилль Монтегю Порчу, ее третьему мужу. Но через три дня его вызвали к ней с известием, что началось внезапное кровоизлияние. Когда он приехал, она была без сознания и через несколько часов скончалась, так и не приходя в сознание. «Она больше не страдает от боли, никогда не узнает старости, дряхлости и одиночества, – написал Черчилль через неделю одному из друзей семьи. – Надо было ее видеть, когда она упокоилась навсегда, после того, как ее яркая и бурная жизнь завершилась. Она выглядела прекрасно и величественно. После всех страданий она помолодела лет на тридцать. Ее лицо напомнило мне то, каким я восхищался еще ребенком, когда она была в расцвете сил. Мне показалось, что я вернулся в старый мир – мир восьмидесятых и девяностых годов».

Леди Рэндольф умерла в возрасте шестидесяти семи лет. 2 июля ее похоронили на церковном кладбище в Блэдоне, рядом с лордом Рэндольфом. Один из присутствующих родственников написал, что на похоронах «Джек и Уинстон выглядели вдовцами». Черчилль писал Керзону: «У меня нет ощущения трагедии. Только утрата. Она жила полной жизнью. В ней текло вино жизни. Печали и бури отступали перед ней, и в целом это была солнечная жизнь. А мы будем идти вперед».

Через шесть дней после похорон он выступал на Имперской конференции в Лондоне, где изложил свои взгляды на восстановление дружественных отношений между Францией и Германией и возникновение такой Европы, в которой послевоенные обиды и споры будут решаться путем переговоров и соглашений. «Цель, – говорил он премьер-министрам доминионов, – добиться исчезновения страха, антагонизма в Европе и утверждения спокойствия в мире. Британия должна быть союзником Франции и другом Германии. Если она своими действиями не сможет победить враждебность и недоверие этих стран друг к другу, то жизнь целого следующего поколения может оказаться под угрозой возобновления новой войны».

Летом Черчилль снова попытался убедить Ллойд Джорджа заключить мирный договор с Турцией, но премьер-министр был слишком воодушевлен недавними успехами греков, чтобы видеть опасность враждебной Турции. Даже поддержка турками антибританского выступления на севере Ирака не повлияла на него. Клементина уговаривала мужа не ссориться с Ллойд

Джорджем. 11 июля она написала: «Уверена, пока он является премьер-министром, вам нужно быть вместе. Это лучше, чем тебе ловить его недоброжелательные взгляды».

Кроме этого Клементина просила его воздержаться от спекуляций акциями и другими ценными бумагами. «Лучше нам не рисковать новым состоянием, занимаясь операциями, которых мы не понимаем и не имеем возможности изучить. Ты полностью поглощен политикой, так будет и впредь. Для досуга у тебя есть живопись, для азарта и риска – поло». «Новым состоянием» она называла поместье Гаррон-Тауэрс на севере Ирландии, которое Черчилль унаследовал от дальнего родственника. Оно приносило ему ежегодно 4000 фунтов дохода в виде ренты. Тем самым это решило финансовые проблемы, которые досаждали ему в предыдущие годы.

В начале августа Мэриголд, которой исполнилось два с половиной года, заболела менингитом. Коллеги по кабинету наперебой выражали пожелания скорейшего выздоровления девочке. «Ей немного лучше, чем раньше, – написал Черчилль лорду Керзону 22 августа, – но мы по-прежнему страшно боимся за нее». А через два дня Мэриголд умерла. Родители были потрясены. «Так печально, – писал Черчилль одному из друзей, – что этой маленькой жизни суждено было угаснуть, когда она была так прекрасна и счастлива и когда все только начиналось».

Мэриголд похоронили на кладбище Кенсал-Грин, в Западном Лондоне. Ища уединения, Черчилль отправился в Шотландию, в замок Данробин, принадлежавший его другу герцогу Сазерлендскому, брат которого, Алистер, недавно скончался в возрасте тридцати одного года от ранений, полученных на Западном фронте. Черчилль провел в Данробине несколько дней, занимаясь живописью и размышляя. 19 сентября он написал Клементине, которая осталась в Лондоне, чтобы быть рядом с могилой дочери: «Очередной великолепный день. Я ходил к реке рисовать. Это гораздо интереснее, чем ловить лосося. Множество мыслей, дорогая моя, про тебя и твоих котяток. Увы, боль по Дакадилли не проходит. Надеюсь, вы все вчера совершили к ней паломничество. Я впервые был здесь двадцать лет назад. Джорди и Алистер тогда были мальчишками. Теперь Алистер похоронен рядом с отцовской могилой. Еще лет двадцать, и я приду к концу отпущенного мне срока, если вообще дотяну. В моем возрасте мысли спокойнее. Я готов ко всему».

Надежды Черчилля на сокращение ближневосточных расходов пошли прахом. Непрекращающееся насилие в Ираке

и в Палестине вынуждало использовать больше сил, чем он рассчитывал. На севере Ирака авиация бомбила племена, совершавшие набеги на отдаленные британские гарнизоны. 2 ноября в Иерусалиме, в четвертую годовщину декларации Бальфура, очередное выступление арабов привело к гибели четверых евреев и одного араба. Через десять дней Черчилль сказал своим советникам: «Прошу не забывать: все, что происходит на Ближнем Востоке, вторично по сравнению с сокращением расходов».

Но в отношении Ирландии Черчилль в первую очередь думал не об экономии, а о примирении. В феврале 1921 г. Клементина писала ему: «Дорогой, используй свое влияние для налаживания справедливости или, по крайней мере, облегчения участи Ирландии. Поставь себя на место ирландца. Если бы ты был их вождем, тебя бы не испугали трудности и репрессии, которым подвергаются как правые, так и виноватые. Меня очень огорчает, когда я вижу твою склонность использовать «гуннский» метод решения проблем железным кулаком».

Увещевания Клементины не прошли даром. В мае Черчилль поддержал идею установления перемирия между правительством и Шин фейн в надежде, что среди радикалов, которые использовали убийства для достижения политических целей, возобладают более умеренные настроения. В июле он убеждал коллег признать провал политики силы. Тогда же было заключено перемирие. В сентябре, на встрече министров в шотландском Герлохе, Черчилль, приехавший из Данробина, где оставался после смерти Мэриголд, призвал Ллойд Джорджа пойти на переговоры без предварительных условий. Он хотел предложить ирландцам все преимущества самоуправления, аналогичного статусу доминионов. Когда он через три дня изложил свой план избирателям в Данди, Times высоко оценила его выступление.

11 октября Черчилль оказался в числе семи британских переговорщиков, которые встретились с лидерами Шин фейн на Даунинг-стрит. «Важно дать ясно понять, – сказал Ллойд Джордж министрам во время перерыва, – что мы не намерены устанавливать политическое господство». Черчилль придерживался того же мнения. Через две недели он пошел еще дальше, предложив включить шесть графств Ольстера в парламент Дублина на правах автономии, и сказал, что для достижения соглашения с Югом Ольстер должен получить автономию от Дублина, а не от Вестминстера. Таким образом Ольстер получит собственную защиту, квоту в парламенте Юга и защиту от южан-юнионистов.

Но ольстерские юнионисты возражали против автономии в любом виде, они хотели оставаться неотъемлемой частью Соединенного Королевства. Ллойд Джордж, отчаявшись прийти к соглашению, заговорил об отставке. Черчилль отговаривал его, мотивируя это тем, что на смену коалиционному правительству вполне может прийти реакционное правительство консерваторов. 12 ноября Черчилль предложил предоставить Югу статус Ирландского государства с целиком ирландским парламентом, представительством в Имперской конференции и в Лиге Наций. Ольстер же может продолжать бастовать.

29 ноября, за день до своего сорокасемилетия, Черчилль присутствовал на Даунинг-стрит, где делегатам Шин фейн был представлен проект англо-ирландского договора, в создание которого он вложил так много сил. Они увезли его в Дублин, а через два дня вернулись для уточнений. Черчилль был одним из четырех министров, кто обсуждал с ними спорные вопросы. Он завоевал большое уважение переговорщиков от Шин фейн Артура Гриффита и Майкла Коллинза своей готовностью искать выход даже из самых трудных ситуаций. Делегаты опять уехали в Дублин и на другой день вернулись в Лондон. Черчилля опять выбрали участником группы переговорщиков. Поиск приемлемой формулы последнего вопроса о верности короне продолжался все воскресенье 4 декабря и на следующий день. Ближе к полуночи Гриффит и Коллинз сняли последние замечания. В третьем часу ночи 6 декабря договор был подписан.

«Когда ирландцы поднялись, чтобы уходить, – позже вспоминал Черчилль, – британские министры, повинуясь неодолимому импульсу, вышли из-за стола и впервые обменялись с ними рукопожатиями». Через день Черчилль посоветовал правительству отменить смертную казнь шинфейнерам, осужденным за убийства и ожидающим исполнения приговора. Совет был принят. «Мы стали союзниками и товарищами по общему делу», – написал Черчилль спустя восемь лет. Этим «общим делом» был англо-ирландский договор и мир между двумя народами и двумя островами.

Признавая способности Черчилля как миротворца и мастера переговоров, Ллойд Джордж поручил ему провести англо-ирландский договор через парламент. Большинство консерваторов, представителей крупнейшей партии в палате общин, считали договор предательством как империи вообще, так и протестантов Южной Ирландии. Черчиллю потребовались все его способности, чтобы убедить их, что предоставление Южной Ирландии права на самоуправление – проявление мудрости и государственного мышления. 15 декабря он объяснил

парламенту, что по условиям договора Южная Ирландия сохраняет верность короне и остается в составе империи, а Британия оставляет за собой военно-морские базы на юго-западном побережье и полное право на Ольстер. «Сейчас настало время, – сказал он, – когда большинство британцев и ирландцев готовы продемонстрировать решимость положить конец этим фанатичным ссорам, которые лишили Питта своего поста, погубили Гладстона в расцвете его карьеры и привели всех нас, кто сидит здесь, на грань гражданской войны в 1914 г.».

Остин Чемберлен доложил королю, что речь Черчилля произвела сильное впечатление на палату общин. В Дублине президент парламента Имон де Валера отказался признать договор, настаивая, что Южная Ирландия должна стать независимым государством без сохранения верности короне. Однако четверо из семи членов кабинета министров проголосовали за принятие договора, и вместе с этим за то, что позже получило название «Ирландское Свободное государство». Черчилль стал председателем правительственного комитета, призванного проработать детали договора. 21 декабря он предложил как можно скорее создать в Ирландии судебную систему и настаивал на том, чтобы британская армия, которая согласно договору должна была покинуть Южную Ирландию, немедленно начала демонстративную подготовку к уходу. Не должно было остаться и намека на военный или гражданский контроль со стороны Британии.

В конце 1921 г. Черчилль оказался втянутым в конфликт, который зрел уже много месяцев: ряд газет поднял шумиху по поводу большой экономии государственных расходов, развязав кампанию, которая угрожала стабильности правительства. В конце декабря комитет, возглавляемый сэром Эриком Геддесом, рекомендовал резкое сокращение финансирования армии, авиации и флота. Когда Черчилль возразил, Ллойд Джордж назначил его председателем комитета по оборонному бюджету при кабинете министров с задачей установить, насколько могут быть сокращены расходы на оборону без ущерба национальной безопасности.

Комитет собрался 9 января 1922 г., а затем 10 и 12 января. Черчилль заявил, что, несмотря на согласованные меры экономии, необходимо поддерживать мощь флота для защиты государства и для нанесения возможного удара по врагу. На заседании 23 января он выступил против предложенного Геддесом закрытия авиационного училища в Хэлтоне. «Юноши Хэлтона, – заявил он, – получают там необходимую подготовку,

им с самого начала прививают дисциплину и верность долгу перед страной». На пятом заседании, состоявшемся 25 января, он с неохотой согласился на сокращение бюджета флота, несмотря на протест первого морского лорда адмирала Битти, возражавшего против каких-либо сокращений вообще.

27 января он уехал на выходные дни в Лимпн. Из вагона поезда он написал Клементине: «У меня была очень тяжелая рабочая неделя. Постоянные выступления и дискуссии, один трудный вопрос за другим. Возможно, я получил представление о том, что меня ждет впереди. Мне успешно удалось отстоять свое мнение по поводу финансового доклада комитета Геддеса. Но борьба с армией, флотом и авиацией с одной стороны и против премьер-министра, Геддеса и прессы – с другой оказалась очень упорной. Я совершенно не уверен, что ЛД сознает ситуацию и заботится о состоянии нашего флота. Его вполне устраивает все, что совпадает с сиюминутными настроениями и болтовней невежественных газетчиков. Но я стараюсь – хотя и недостаточно – думать об Англии. В этом случае мне придется жестко ужать Битти, чтобы избавить флот от «жира», оставив в целости мозг, кости и мышцы. Это весьма трудное испытание, а народ не имеет об этом ни малейшего представления. Ты, несомненно, видела газетные прогнозы и последние выступления. Все идет к скандалу. Так и должно быть. Чем раньше состоятся выборы, чем лучше, потому что споры неизбежны. Дети очень милы, – добавил он. – Диана превращается в прелестное существо. Сара полна жизни, у нее прекрасный характер и чудные волосы».

В конце декабря 1921 г. Черчилль отправился в отпуск на юг Франции. С собой он взял несколько коробок документов, оставшихся со времени его работы первым лордом Адмиралтейства. Он хотел вплести их в хронику прошедшей войны – рассказать ее историю и ответить своим критикам. Он уже получил аванс от одного британского издателя в размере 9000 фунтов и ожидал получить еще 13 000 от американского издателя. Ллойд Джордж, который ехал в одном поезде с Черчиллем из Парижа на юг Франции, познакомился с первыми результатами. «Он похвалил стиль, – писал Черчилль Клементине, – и сделал несколько содержательных замечаний, которые я использую. Прекрасная возможность рассказать о моей деятельности публике. Да и презренный металл придется нам весьма кстати. Таким образом, когда меня загоняют в нору, я пишу, диктую, перебираю бумаги, как издатель дешевой газетенки».

Черчилль с Ллойд Джорджем говорили не только о литературе. 2 января Черчилль писал принцу Уэльскому об Ирландии: «Премьер-министр передал это дело в мои руки, и я с очаровательной виллы (принадлежит леди Эссекс), где провел несколько солнечных дней, спешу в самое ближайшее время создать временное ирландское правительство». 7 января Черчилль вернулся в Лондон. На следующий день ирландский парламент в Дублине проголосовал за договор, и де Валера ушел в отставку. 15 января премьер-министром стал Коллинз. 16 января Свободному государству был передан символ британского правления – Дублинский замок, в котором прошло раннее детство Черчилля.

В этот же день Черчилль отдал приказ немедленно начать эвакуацию британских войск. Через пять дней он предложил премьер-министру Северной Ирландии сэру Джеймсу Крэйгу встретиться с Коллинзом на нейтральной территории – в своем служебном кабинете. Крэйг принял предложение. «Оба бросали друг на друга величественные сердитые взгляды, – впоследствии написал Черчилль, – но после нескольких общих фраз я под каким-то предлогом улизнул и оставил их наедине. О чем эти два ирландца, разделяемые целой пропастью понятий и религии, говорили между собой, я не знаю. Но это заняло много времени, и, поскольку я не хотел им мешать, примерно в час дня им деликатно предложили бараньи ребрышки. В четыре часа мой секретарь доложил о признаках продвижения, и я решил зайти. Они объявили, что полное соглашение приводится в письменный вид. Они были готовы помогать друг другу».

Через три дня после этой встречи правительство Свободного государства отменило экономическую блокаду Ольстера, и, как было предусмотрено договором, между Севером и Югом была введена свободная торговля. 30 января, в качестве еще одного жеста доброй воли в отношении Юга, Черчилль убедил Ллойд Джорджа освободить тринадцать ирландских солдат, поднявших в 1920 г. мятеж в Индии и приговоренных военным судом к пожизненному заключению.

Когда начались трения в связи с определением границы между Севером и Югом, Черчилль постарался успокоить волнения, которые снова стали переходить в насилие. «Рад, что эта задача в моих руках, – написал он Клементине 4 февраля. – Надеюсь, мне удастся проложить верный курс между бушующими волнами и скалами». 15 февраля, после того как экстремисты из Ирландской республиканской армии (ИРА), выступившие против договора, за пять дней убили в Белфасте тридцать человек, Черчилль снова вызвал в Лондон Коллинза.

Они договорились создать пограничную комиссию, состоящую из двух групп – одну от Севера, другую от Юга, чтобы провести консультации и определить – от деревни к деревне, от фермы к ферме – точную линию границы.

На следующий день Черчилль представил в парламенте билль об Ирландском Свободном государстве. Он, в частности, сказал: «Если вы хотите, чтобы Ирландия погрязла в беззаконнии, хаосе и смятении, отклоните этот закон. Если вы хотите увидеть новый всплеск кровопролития на границах Ольстера, отклоните этот закон. Если вы хотите, чтобы ваша палата продолжала нести, как несет сейчас, ответственность за мир и порядок в Южной Ирландии, не имея средств для его поддержания, если вы хотите создать такую же неблагоприятную обстановку в Ирландском временном правительстве, отклоните этот закон». Черчилль вспомнил события 1914 г., когда шли ожесточенные споры о границах Ферманы и Тирона: «Великая война перевернула ход истории. Мировой порядок пошатнулся. Могущественные империи пали. Карта Европы оказалась перекроена. Положение многих государств изменилось самым коренным образом. Мышление людей, восприятие ими происходящего, расстановка сил – все стало совсем иным в этом захлестнувшем весь мир потопе. Однако сейчас, когда потоп уже отступил, над водной гладью вновь все отчетливее вырисовываются очертания Ферманы и Тирона. Непоколебимость позиции их жителей является пережитком прошлого, которому оказались нипочем все глобальные катаклизмы. Это своеобразный символ национального упрямства и упорства, с которым ирландцы, к какому бы лагерю они ни принадлежали, готовы продолжать свои бесконечные распри. Именно из-за этого упорства Ирландия, причем как националистическая ее часть, так и оранжистская, неизменно влияет на общественно-политическую жизнь Британии и, по-видимому, будет еще долгое время сохранять свое влияние – год за годом, поколение за поколением оставаясь в центре внимания политиков славной страны». «Уинстон произнес блестящую речь», – записал в дневнике Герберт Фишер, министр образования.

В ходе дебатов брат Остина Чемберлена Невилл сказал, что речь Черчилля абсолютно убедила его. В результате голосования 302 парламентария поддержали правительство и 60 выступили против. При третьем чтении законопроекта несколько десятков консерваторов демонстративно покинули палату во время выступления Черчилля, но это не помогло – в тот же день законопроект был принят.

Однако в Ирландии опять начались убийства, и Черчилль

оказался главным действующим лицом, пытающимся обуздать экстремистов с обеих сторон. «Мы сделаем все, что в наших силах, – сказал он в палате общин 27 марта, – но только от самих ирландцев зависит решение вопроса. Только они это могут сделать». Через два дня он пригласил в Лондон Крэйга и Коллинза, чтобы помочь им заключить соглашение, которое могло бы положить конец убийствам. После двух дней интенсивных переговоров с участием Черчилля как посредника соглашение было достигнуто: Ирландская республиканская армия прекратит все приграничные вылазки. В полиции Белфаста будет служить равное количество протестантов и католиков. Черчилль от себя предложил «подсластить пилюлю»: полмиллиона фунтов от британского правительства (по курсу 1990 г. – 6 500 000) будет выделено на помощь беднякам Северной Ирландии. Они будут поделены в соответствии с религиозной принадлежностью населения: одна треть в пользу католиков, две трети – в пользу протестантов.

Мирное соглашение было подписано, и на следующий день билль об Ирландском Свободном государстве получил статус закона. Участие Черчилля в принятии этого закона и его роль в примирении двух враждующих сил была высоко оценена. «Думаю, этот пример государственной мудрости подводит его к роли лидера нации ближе, чем кто-либо мог представить, – писал лорд Кноллис, бывший личный секретарь короля. – Это изменит отношение к нему очень многих».

Тем не менее в Ирландии де Валера опротестовал соглашение и призвал своих сторонников поддержать его. 4 апреля Черчилль заявил в кабинете министров: «Ирландцы обладают скорее талантом к плетению заговоров, нежели к управлению государством. Правительство Свободного государства слабохарактерное, а заговорщики активны, дерзки и крайне бессовестны. Коллинз пообещал взять под контроль ИРА, но не смог этого сделать. Если республиканцы захватят власть, Британия должна удержать Дублин и блокировать занимаемые ими районы, – сказал Черчилль. – С враждебными республиканскими вооруженными силами следует разбираться с воздуха». Но он еще не терял надежду на прекращение насилия. «Два месяца назад, – сказал он в палате общин 12 апреля, – радоваться было слишком рано. Сейчас слишком рано причитать. Также слишком рано насмехаться и глумиться».

Чтобы укрепить вооруженные силы Свободного государства, Черчилль в середине апреля начал снабжать их оружием и боеприпасами. Через месяц Коллинз предложил перед грядущими выборами в Свободном государстве создать

предвыборный блок с де Валера и республиканцами. Черчилль был чрезвычайно шокирован этим предложением. Он опасался победы вооруженного республиканизма и полного отделения Южной Ирландии от Англии. «Это не будет выборами ни в каком смысле этого слова, – написал он Коллинзу 15 мая, – это будет просто фарс, в котором горстка людей, обладающих оружием, ликвидирует политические права избирателей». Призыв Черчилля услышан не был. Через пять дней Коллинз и де Валера создали коалицию. Сторонники договора должны были получить пятьдесят восемь мест в новом парламенте, а их оппоненты-республиканцы – тридцать пять. Министерские посты договорились поделить в отношении пять к четырем.

Коллинз приехал в Лондон, чтобы объяснить Черчиллю, что свободные выборы трудноосуществимы из-за угрозы захвата и уничтожения избирательных урн бандами вооруженных республиканцев. Но тем не менее выборы должны состояться и договор будет одобрен, заверил его Коллинз. Когда Черчилль в палате общин объяснял, почему он не теряет надежды на сохранение договора в силе, из зала раздался вопрос: «Будет ли усвоен урок и приняты меры, пока не стало слишком поздно? Или Ирландии при безразличии всего мира суждено провалиться в пропасть, которая уже поглотила русский народ?»

«Рычаги государственной власти, – говорил Черчилль, – и все государственные доходы находятся в распоряжении Временного правительства в Дублине. Британские войска остаются там только на случай провозглашения республики за пределами столицы. Овладение Дублином станет одной из первоочередных и важнейших военных операций». В этот же день небольшой отряд республиканцев перешел границу с Ольстером, угрожая захватить деревни Беллик и Петиго. Черчилль немедленно встретился с Коллинзом, который находился в Лондоне, и предупредил его, что, если какие-либо войска сторонников или противников договора вторгнутся на территорию Северной Ирландии, Британия их «вышвырнет».

Перед отъездом Коллинз сказал Черчиллю: «Я не продержусь долго. Я проиграл, но сделаю все, что в моих силах. После меня другим будет легче. Вы увидите, они смогут сделать больше, чем я». Стремясь подбодрить его, Черчилль ответил своей любимой бурской поговоркой: «Все перемелется – мука будет». На случай захвата власти республиканцами Черчилль планировал совместно с флотом занять все морские ирландские таможни, чтобы лишить их таможенных сборов. 3 июня он отдал приказ двум батальонам британской пехоты выдворить республиканцев из Петтиго. На следующий день это было сделано. Семь

республиканцев было убито, пятнадцать взято в плен. Черчилль хотел продолжить операцию и в Беллике, но Ллойд Джордж уговорил его повременить. «Вы с таким мастерством и терпением провели переговоры, – написал он 8 июня, – что я прошу вас не поддаваться искушению и не растратить приобретенное, сколь бы привлекательными ни казались ближайшие перспективы. Британская власть должна быть строго беспристрастна по отношению к любым конфессиям».

Черчилль согласился не выгонять католических захватчиков с приграничных территорий, но не успел: форт Беллик был уже захвачен британскими войсками, а республиканцы бежали через границу. «Дальше наши войска не пойдут», – заверил он премьер-министра.

Черчилль начал совместно с Гриффитом разрабатывать проект конституции Свободного государства в соответствии с договором, по которому оно должно было бы стать равноправным членом Британского Содружества наций. Парламент в Дублине, согласно проекту, будет контролировать все доходы и обладать правом объявлять войну; права протестантов на юге должны быть защищены. К 16 июня конституция была готова. Мастерство Черчилля как переговорщика, его терпение и понимание необходимости договора сыграли важную роль. На следующий день в Свободном государстве состоялись выборы. Партия сторонников договора, возглавляемая Коллинзом, получила свои пятьдесят восемь мандатов, де Валера и республиканцы – тридцать пять.

Но через пять дней в Дублине боевики ИРА расстреляли сэра Генри Уилсона, бывшего начальника Имперского Генерального штаба и ольстерского юниониста. В эту ночь Черчилль решил не ночевать в своей спальне в доме на Суссекс-сквер, 2, сказав Клементине, которая была на шестом месяце беременности, что убийцам будет слишком просто найти его там. Он ушел в комнату на чердаке, поставил за дверью металлический щит, положил в изголовье пистолет и крепко проспал всю ночь.

В Дублине республиканцы захватили Здание четырех судов, в котором находились суды и архивы Свободного государства. После долгих колебаний Коллинз решил, что правительственные войска должны их оттуда выбить. Боевые действия начались 28 июня, и уже на следующий день стало ясно, что войска Коллинза могут потерпеть поражение. Весь следующий день Коллинз продолжал сражение. Черчилль предложил направить на подмогу британские войска из Ольстера и сказал, что можно будет использовать авиацию.

30 июня республиканцы подожгли Здание четырех судов, после чего сдались. Они потеряли убитыми тридцать человек. Несколько дней в разных районах Дублина еще продолжались вооруженные столкновения. 7 июля Черчилль написал Коллинзу, что «предпринятые хладнокровные и решительные действия были необходимы для спасения Ирландии от анархии и что, по его мнению, через какое-то время Север и Юг пожмут друг другу руки на всеирландской ассамблее. Ценность этого будет столь велика, что ради нее стоит пожертвовать всем остальным».

В июле Черчиллю пришлось на время отставить ирландские проблемы, чтобы ответить на яростную атаку небольшой группы парламентариев-консерваторов, которые протестовали против создания еврейской автономии в Палестине. 4 июля, после того как палата лордов наложила вето на предложенный курс, Черчилль выступил в палате общин в его защиту. «Положа руку на сердце, – сказал он, – признаю, что очень трудно создать новый Сион. Но если на воротах Иерусалима вы поместите плакат: «Израильтян просят не беспокоиться» – в таком случае, надеюсь, палата позволит мне ограничиться исключительно ирландскими проблемами». Лордов привело в ярость решение Министерства по делам колоний выдать сионистам монополию на использование водных ресурсов Палестины для строительства электростанций и ирригации. «Разве это не великий дар, который могут дать сионисты Палестине? – сказал Черчилль. – Результаты его принесут улучшение и облегчение жизни всем. И разве это не убедит лучше всего арабское население, что сионисты их друзья и помощники, а не гонители и экспроприаторы, что эта земля – щедрая мать, что перед Палестиной открывается светлое будущее, где найдется место всем?»

Черчилль подчеркнул, что сионисты принесут на землю Палестины процветание и дух предпринимательства. «У меня нет ни малейших сомнений, что извлечение прибыли в обычном смысле слова не играет никакой роли в той движущей силе, на которую следует полагаться при организации ирригационной системы в Палестине. Не стоит так легко подвергать сомнению идеалы». Говоря о расходах Британии, Черчилль указал, что если в 1920 г. Палестина обошлась налогоплательщикам в 8 миллионов фунтов, то в 1921 г. эта сумма упала до 4 миллионов, а в 1922 г. сократится до 2 миллионов.

Палата общин высказалась 292 голосами за правительственную политику в Палестине. Против проголосовали 35 парламентариев. Тем самым вето палаты лордов было отклонено. Через две с половиной недели Лига

Наций проголосовала за декларацию Бальфура как за неотъемлемую часть британского мандата в Палестине. Благодаря энергичной поддержке Черчилля создание национальной автономии еврейского народа в Палестине стало реальностью.

К концу лета в Ирландии вооруженные силы Свободного государства одержали верх над республиканцами. «Передай Уинстону, что без него мы ничего не смогли бы сделать», – сказал Коллинз своему другу. Республиканцы оккупировали Дандолк, но через сорок восемь часов были изгнаны из города. Силы Свободного государства, казалось, были на подъеме. Но 22 августа Коллинз был убит боевиком ИРА.

Несмотря на яростные усилия республиканцев вбить клин в отношения с Британией и практически начать гражданскую войну, временное правительство Свободного государства сохраняло условия договора и контроль над властью. Черчилль оказывал всевозможную помощь и поддержку преемнику Коллинза на посту председателя правительства Уильяму Косгрейву. Когда боевики ИРА убили дядю Косгрейва, Черчилль направил телеграмму: «Поистине тяжкий труд сегодня требуется от тех, кто создает заново Ирландское государство и кто отстаивает его власть и свободу».

Черчилль продолжал усилия по уменьшению противоречий с Ольстером и по поддержке Свободного государства. Но события тем не менее выходили из-под контроля. 12 сентября он писал Памеле Литтон: «Ирландия, за которую ты меня так хвалила, похоже, должна сама спасти себя. Никто другой не сможет. Это гордый и талантливый народ. Его не сломить. Верю, что в конце концов он уступит, но страдания будут жестокими и долгими». В этот же день полиция Свободного государства рассеяла пикеты республиканцев у здания почтамта в Дублине. Черчилль по этому поводу заметил: «Ответственность – великолепное средство, когда им наделены компетентные люди».

На протяжении 1921-го и в первые месяцы 1922 г. Черчилль неоднократно призывал Ллойд Джорджа заключить мир с Турцией. Он даже снова начинал подумывать об отставке, если Британия продолжит поддерживать Грецию в ее стремлении взять под контроль западные провинции Малой Азии. В последнюю неделю августа турецкие войска перешли в массированное наступление. В течение недели они заставили греков отступить до побережья – до Смирны на Эгейском море и Чанаккале в Дарданелльском проливе.

7 сентября на заседании правительства Керзон, в то время министр иностранных дел, высказался за то, чтобы Британия сохранила за собой Галлипольский полуостров, оккупированный британскими войсками в 1918 г. после капитуляции Турции. Черчилль поддержал его. «Если турки захватят Галлиполи и Константинополь, – сказал он, – мы потеряем все плоды нашей победы». Ллойд Джордж согласился.

9 сентября турецкие войска вошли в Смирну. Греческая власть в Малой Азии закончилась. Кабинет министров согласился с тем, что 1000 британских солдат, находящихся в Чанаккале, на азиатском побережье Дарданелл, должны готовиться к переброске на Галлиполи. Однако командующий этой группировкой решил оставить их в Чанаккале. Ллойд Джордж поддержал его, заявив о своей готовности при необходимости силой выдворить турок из Европы. Теперь министры единодушно решили, что по обоим берегам Дарданелльского пролива должна быть создана нейтральная зона. Для предотвращения турецкой экспансии в европейскую часть страны два города на азиатском побережье – Чанаккале на Дарданеллах и Измит на железнодорожной трассе Константинополь – Багдад – должны находиться под защитой британской армии. Черчилль получил указание написать проект телеграммы губернаторам доминионов с просьбой подготовить отправку военного подкрепления. Телеграмма ушла за подписью Ллойд Джорджа.

В тот день, когда тень войны снова нависла над Дарданеллами, в личной жизни Черчилля произошли два приятных события: Клементина родила пятого ребенка, девочку, которую окрестили Мэри, а Черчилль приобрел загородный особняк Чартвелл в графстве Кент. Он обошелся ему в 5000 фунтов – не намного дороже, чем годовой доход от поместья Гаррон-Тауэрс. Дом требовал значительного ремонта, но Черчилль рассчитывал за год превратить его в удобное для жизни и работы место.

16 сентября Черчилль и Ллойд Джордж составили коммюнике для прессы с заявлением о срочной необходимости защитить Дарданеллы и Босфор от агрессии Турции. На следующее утро коммюнике появилось в газетах Британии и доминионов. Пояснительную телеграмму Ллойд Джорджа, направленную премьер-министрам доминионов, там еще не успели расшифровать. Правительства Австралии и Канады пришли в ярость – как оттого, что с ними не посоветовались перед призывом к оружию, так и от самого призыва. «При достаточных основаниях мы готовы рисковать всем, –

телеграфировал премьер-министр Австралии в Лондон. – При недостаточных – ни единым солдатом». Премьер-министр Канады вообще написал, что его страна не намерена направлять никаких войск.

Ллойд Джордж и Черчилль были убеждены, что демонстрация силы и твердости в Чанаккале удержит турок от перехода через Дарданеллы. На заседаниях кабинета они продолжали изыскивать средства для укрепления гарнизона в Чанаккале и для отражения любых попыток наступательных действий Турции на море. Их поддерживали канцлер Казначейства сэр Роберт Хорн и первый лорд Адмиралтейства Ли Фарехам. Но ситуация была неутешительной: Франция и Италия эвакуировали войска из Чанаккале и Измита, и Британия осталась в одиночестве. Остин Чемберлен присоединился к тем министрам, которые были настроены при необходимости удерживать Галлиполи только своими силами. Впрочем, на следующий день Черчилль сообщил кабинету, что правительства Ньюфаундленда и Новой Зеландии телеграфировали о поддержке.

20 сентября на заседании правительства Черчилль напомнил об опасности попытки удержать три объекта одновременно – Константинополь, Чанаккале и Измит. «В прошлом, – сказал он, – все наши неудачи возникали из-за попыток сделать то, на что у нас не хватало сил». Кабинет решил, что следует удерживать только Чанаккале, но на следующий день Daily Mail выразила растущее общественное недовольство заголовком на первой полосе: «Убирайтесь из Чанаккале».

Ллойд Джордж не собирался подчиняться давлению прессы. 22 сентября он назначил Черчилля председателем особого правительственного комитета для осуществления ежедневного контроля за перемещением войск, кораблей и авиации в Чанаккале. На следующий день тысяча турецких солдат пересекла нейтральную зону к югу от Чанаккале в непосредственной близости от британских позиций. Ни одного выстрела сделано не было.

Соотношение сил было далеко не в пользу Британии. На 23 сентября 23 000 турецких солдат противостояли британской группировке в 3500 человек. Пятитысячное подкрепление могло прибыть не ранее 9 октября. Черчилль в очередной раз предложил эвакуировать гарнизон в Чанаккале и сконцентрировать силы на европейском берегу пролива, в Галлиполи. Но Ллойд Джордж настаивал, что Чанаккале следует удерживать. Эвакуация с азиатского берега, по его мнению, будет означать сильнейший удар по престижу, который, вполне вероятно, скажется на всей Британской империи.

Черчилль был с этим не согласен. Он ответил, что поражение станет большей катастрофой, чем эвакуация.

Ллойд Джордж пребывал в воинственном настроении. 29 сентября командующий британскими силами в Константинополе генерал Тим Харрингтон получил указание передать туркам, что, если они не отведут войска от Чанаккале к указанному генералом часу, британские войска откроют огонь. Черчилль надеялся, что ультиматум приведет к началу переговоров. В ходе переговоров туркам можно будет предложить достаточно выгодный для них территориальный компромисс. Однако генерал Харрингтон решил отложить предъявление ультиматума, поскольку определение конкретного срока предоставлялось ему. В то же время австралийцы отозвали свое возражение и согласились направить войска в Чанаккале, а турки одновременно дали понять, что готовы отступить. Войскам в районе Чанаккале был дан приказ не провоцировать инциденты. Мустафа Кемаль предложил отвести свои войска от Чанаккале, если британцы оставят азиатский берег и переправятся на европейский.

Утром 1 октября стало известно, что Харрингтон решил не предъявлять ультиматум, а Кемаль согласился встретиться с ним для переговоров. Через два дня начались переговоры между Харрингтоном и представителем Кемаля генералом Исметом. К этому времени турецкие войска отошли на километр от британской линии обороны. По-прежнему озабоченный тем, чтобы британский гарнизон был в состоянии отразить возможное нападение, Черчилль пристально следил за соотношением сил. «В Чанаккале очень мощная артиллерия, – телеграфировал он премьер-министрам доминионов 7 октября, – и авиационная группировка усиливается с каждым часом».

Турки не были готовы к наступлению. Политика дипломатии силы принесла успех без выстрелов. Но в Лондоне кризис лишь начинался. Консерваторы, глубоко уязвленные своей четырехлетней политической импотенцией в правительстве, по-прежнему изощрялись в критике англо-ирландского договора. Вдохновленные критическим отношением Канады и поначалу Австралии к ситуации вокруг Чанаккале, они решили положить конец коалиции Ллойд Джорджа. Утром 7 октября в Times было опубликовано письмо Бонара Лоу, бывшего лидера консерваторов, который полтора года не принимал участия в политической жизни. В письме было сказано, что для Британской империи как мусульманской державы – а в Индии проживало более 60 миллионов мусульман – неправильно демонстрировать враждебность по отношению

к туркам. Бонар Лоу заявил, что без поддержки хотя бы Франции следует избегать каких-либо военных действий. «Мы не можем действовать в одиночку, – написал он, – как мировой жандарм».

Но теперь, когда на переговорах между Харрингтоном и турками и был достигнут определенный прогресс, в письме Бонара Лоу оказалось мало смысла. Через четыре дня турки согласились отвести войска на десять километров от Чанаккале и на десять километров от границы нейтральной зоны в Измите. В день подписания соглашения британский верховный комиссар в Турции сэр Хорас Рамболд телеграфировал из Константинополя в Лондон: «Вероятно, на подписание договора повлияла наша демонстрация силы. Они поняли, что мы готовы применить ее в качестве последнего средства». Но для консерваторов письмо Лоу прозвучало как призыв к сплочению и выходу из коалиции. Политические волнения в Британии уже набрали такую силу, что их не могло остановить даже известие о предотвращении войны и об успехе британской внешней политики.

Утром 19 октября стало известно, что на дополнительных выборах в Ньюпорте независимый кандидат от консерваторов победил кандидата от коалиции. Этим же утром в лондонском клубе «Карлтон» встретились 273 из 335 парламентариев-консерваторов, чтобы решить, следует или нет оставаться в коалиции. Остин Чемберлен призывал остаться. Другой член кабинета Ллойд Джорджа, министр торговли Стэнли Болдуин, настаивал на прекращении сотрудничества. Его поддержал Бонар Лоу. Черчилль, который неделей ранее пытался убедить Болдуина не выступать против коалиции, не имел возможности повлиять на развитие событий: за три дня до этого он почувствовал острую боль в боку. Это был приступ аппендицита. Из своего лондонского дома он был доставлен в ближайшую частную клинику, где вечером 18 октября ему была сделана операция.

Встреча в клубе «Карлтон» состоялась как раз в то время, когда Черчилль приходил в себя после наркоза. Говорили, что он, очнувшись, тут же громко воскликнул: «Кто победил в Ньюпорте? Дайте газету». Врач сказал, что читать газету ему нельзя и что он должен лежать спокойно. Вернувшись через некоторое время, врач обнаружил Черчилля без сознания. На его кровати валялись три или четыре газеты.

Несмотря на призыв Бальфура, который настаивал на сохранении коалиции, 185 из присутствовавших в «Карлтоне» депутатов заявили, что больше не поддерживают Ллойд Джорджа. Только 88 высказались за сохранение коалиции. Днем Ллойд Джордж отправился в Букингемский дворец, где сделал официальное заявление о своей отставке и, соответственно,

об отставке правительства. Черчилль, лежа на больничной койке, перестал быть министром. «В мгновение ока, – написал он позже, – я оказался без места, без партии и без аппендикса».

Черчилль рассматривал чанакский кризис как удачный пример того, что можно остановить агрессию, действуя с позиции силы, а затем провести успешные переговоры. Но Чанаккале стал поводом не только для отставки правительства, но и для очередных несправедливых обвинений в его собственный адрес.

Глава 21
Опять не у дел

23 октября 1922 г. премьер-министром стал Бонар Лоу, переизбранный лидером Консервативной партии. Через три дня был распущен парламент. Всеобщие выборы назначили на 15 ноября. Восстанавливаясь после операции в лондонской клинике, Черчилль опубликовал свой предвыборный манифест. Но дни господства Либеральной партии остались в прошлом. И хотя в своем манифесте он не скупился на насмешки по поводу пэров в правительстве Бонара Лоу, избирательный округ, который он в 1908 г. называл своим «пожизненным местом», по всей вероятности, был готов изменить ему. Местные консерваторы согласились не выставлять своей кандидатуры против него, но либералы Асквита на это не пошли. Против него и его напарника выступали Э. Д. Морел, крупная фигура в Лейбористской партии, и Эдвин Скримджер, бывший соперник Черчилля от шотландской партии, теперь выступавший как независимый кандидат от лейбористов.

Еще за неделю до выборов Черчилль был слишком слаб, чтобы отправиться в Шотландию. Лежа в постели, он диктовал предвыборные заявления своему стенографисту Гарри Бекенхэму. Клементина, несмотря на то что дочери Мэри было всего семь недель, отправилась в Данди агитировать за него. Луис Спирс, тоже принимавший участие в его кампании, позже вспоминал: «Клементина появилась в жемчужных бусах. Женщины плевали в ее сторону».

Черчилль готовился к поездке на север. «Если берешь с собой сержанта Томпсона, – предупредила Клементина, – вели ему вести себя максимально тактично, чтобы публика не подумала, что ты боишься. Подлые газеты обязательно все извратят. Я выяснила, что людям больше всего нравится решение ирландского вопроса. Так что выставь на первый план это, а также твою роль в предоставлении самоуправления бурам. Против тебя идея, что ты якобы поджигатель войны, но я представляла тебя как херувима-миротворца с крылышками и пухлым личиком».

10 ноября Черчилль уехал из Лондона в Данди. Следующим вечером на встрече со своими сторонниками он был настолько слаб, что выступал, сидя на специальной платформе. «Чанаккале, – сказал он, – был новой войной, которую мы старались предотвратить, и к тому моменту, когда Ллойд Джордж

покинул свой пост, она была окончательно предотвращена». Он сказал, что как участник этих событий будет до конца жизни гордиться этим достижением. Затем он встал, чтобы произнести заключительную часть речи – послать «сердечный привет страдающему, борющемуся, запутавшемуся, измученному человечеству всего мира». Стоять было чрезвычайно больно, и он лишился последних сил. Через два дня, выступая перед враждебной аудиторией, он был освистан, ошикан, его прерывали так часто, что он не смог завершить выступление. «Вам ничего не светит!» – выкрикнул кто-то из толпы. «Если мне ничего не светит, – парировал Черчилль, – почему вы не даете мне нанести предсмертный удар?»

Через два дня в Данди состоялись выборы. Победителями оказались Скримджер, который в 1908 г. набрал всего 655 голосов, и Э. Д. Морел, кандидат от лейбористов, известный антиимпериалист. Каждый получил менее 30 000 голосов. Напарник Черчилля, местный шотландский национал-либерал, занял третье место с 22 244 голосами. Черчилль остался четвертым. За него проголосовали 20 466 избирателей. Только независимый либерал и коммунист получили еще меньше голосов.

Черчилль впервые за двадцать два года оказался вне парламента. Вечерним поездом он уезжал из Данди. Его провожала группа поддержки из студентов, энергично скандирующих: «Черчилль, ты должен!» Один из них, ирландец, крикнул: «Коллинз в вас верил, и мы верим в вас!» Его попросили сказать несколько слов. По свидетельству корреспондента местной газеты, он высунулся из окна вагона и сказал, «что всегда был демократом и всегда считал, что люди имеют право создавать свои организации. Он поклоняется этому и ныне, хотя считает это ошибочным».

Бывшие сотрудники Черчилля поспешили выразить ему свое сочувствие. «Не сочтете ли вы неуместным, если скажу, насколько глубоко я возмущен результатами в Данди? – написал Гумберт Вольф, один из его бывших сотрудников. – Позвольте напомнить, насколько глубока и неизменна признательность к вам всех, кто имел счастье работать под вашим руководством. Мы все (я знаю!) считаем произошедшее своим личным ударом. Разумеется, все это преходяще, но, поскольку это может на время огорчить вас, можете быть уверены, что, когда вы и миссис Черчилль ожидали результатов и когда вы узнали их, вы были не одиноки». Т. Э. Лоуренс не выбирал выражений. «Что за дерьмо, должно быть, эти дандийцы», – написал он. Но у Черчилля было иное мнение. Бывшему коллеге по кабинету

министров Герберту Фишеру он сказал: «Если бы вы видели, в каких условиях живут люди в Данди, вы бы признали, что им многое можно простить».

Консерваторы пришли к власти впервые после 1905 г., получив 354 места в парламенте. Лейбористы оказались вторыми со 142 местами. Национал-либералы Ллойд Джорджа получили только 62 места, а либералы Асквита – 54. Это ознаменовало конец либерализма в британской политике. Черчилль был ведущим представителем либералов в парламенте на протяжении семнадцати лет. Теперь ему предстояло определить свое место в меняющейся британской политической жизни. «Не сомневаюсь, что ваша звезда взойдет вновь, – написал ему 24 ноября бывший директор его школы доктор Уэлдон, – и засияет ярче прежнего». Не все были столь уверены в этом. Только что избранный сторонник Ллойд Джорджа либерал Джеффри Шекспир, который на этой неделе обедал с Черчиллем, позже вспоминал: «Он был в таком подавленном состоянии, что весь вечер с трудом мог говорить. Он считает, что его мир подошел к концу, по крайней мере политический мир. Я думаю, его карьера завершилась».

Через две недели после поражения на выборах Черчиллю исполнилось сорок восемь лет. Через три дня он с Клементиной и детьми уехали на юг Франции. «Кнут найдет меня, если понадобится, – написал он Луису Спирсу через три дня после выборов, – но сейчас я хочу отдохнуть». В качестве убежища Черчилль выбрал виллу Рев д'Ор недалеко от Канн. Там он провел шесть месяцев, занимаясь живописью и мемуарами. Дважды в течение полугода он приезжал в Англию – следить за ремонтом Чартвелла и обсуждать свои будущие воспоминания о войне со специалистами. В Лондоне Черчилль останавливался в отеле «Риц» и продолжал работать над мемуарами. «Я настолько занят, что почти никуда не выхожу, кроме как поесть», – писал он Клементине 30 января 1923 г. Прошло три месяца после поражения в Данди. В апреле, накануне выхода из печати первого тома его воспоминаний, он написал двоюродному брату Санни: «Здесь очень приятно. После всех этих лет было огромным облегчением не держать в голове кучу забот и проблем. Государственные дела растворились в безмятежности. Но должен признаться, прошлое меня интересует больше, чем настоящее».

Черчилль еще раз ненадолго вернулся в Лондон в марте, взяв с собой Рэндольфа. На обратном пути в Париже он зашел к Картье и купил для Клементины кинжал, украшенный бриллиантами. «Кажется, матери доставил большое удовольствие этот подарок, возможно самый лучший из всех, что он ей делал», – позже вспоминал Рэндольф. Клементина отметила тридцать седьмой

день рождения. Еще шесть недель Черчилль работал на вилле Рев д'Ор над своими военными мемуарами.

В целом было опубликовано пять томов под названием «Мировой кризис» (The World Crisis). Охватывающие более чем десятилетний период, они представили и предпосылки войны, и саму войну, и послевоенный период вплоть до Чанаккале. Множество документов, юмор, ирония, взволнованное повествование, глубокие размышления и аргументированная самозащита заполнили 2150 страниц. Первый том появился 10 апреля 1923 г., когда Черчилль еще был во Франции. В рецензии, опубликованной в New Statesman, подчеркивалось: «Он написал книгу поразительно самолюбивую, но честную, которая, безусловно, надолго переживет его».

«Считаю, твоя книга – настоящий шедевр, – написала жена Асквита Марго. – Она написана тепло, без лишнего самовосхваления, живо, с четкостью и драматизмом, превосходящими Маколея». Марго дала ему и политический совет: «Затаись на время, не лезь в политику, продолжай писать и рисовать, не уподобляйся бывшим коллегам, которые всеми возможными способами выставляют себя глупцами. Сохраняй друзей, никого не теряй. Пусть в данный момент ты вне боевых действий, но если ты обладаешь терпением Дизраэли, то тебя, с твоим самообладанием, светлым умом и немстительным характером, ждет великое будущее».

В середине мая Черчилль вернулся в Лондон. «После семнадцати лет тяжелой государственной службы, – сказал он в клубе «Олдвич» 24 мая, – могу заверить, что существует много такого, что хуже, чем частная жизнь». Летом он следил за завершением ремонта и отделки Чартвелла, арендовав дом по соседству. В конце августа, оставив Клементину следить за ходом налаженных им работ, он отправился на Атлантическое побережье Франции на борту яхты своего друга герцога Вестминстерского, взяв с собой верстку второго тома мемуаров.

Клементина не хотела перебираться из Лондона в сельскую местность. Она не чувствовала привязанности к Чартвеллу и беспокоилась, что такой большой дом потребует чрезмерных расходов. 2 сентября Черчилль написал ей: «Дорогая моя, прошу, не беспокойся о деньгах. Напротив, главная цель нашей семейной политики – стабильность (как у Бонара Лоу!). Чартвелл будет нашим домом». Через три дня он рассказывал ей: «По утрам я, как обычно, пишу и работаю в постели. Если светит солнце – рисую». Единственным его политическим комментарием было замечание по поводу обстрела итальянцами греческого острова Корфу: «Ну и свинья же этот Муссолини».

В конце октября Черчилль вернулся в Лондон. К этому времени вышел из печати второй том «Мирового кризиса». От преемника Бонара Лоу на посту премьер-министра Стэнли Болдуина, которому Черчилль послал экземпляр, пришла доброжелательная записка: «Если бы я мог писать так, как вы, то перестал бы произносить речи». Книга содержала многие документы, которые отказалась публиковать комиссия по Дарданеллам. Лео Эмери, однокашник по Харроу, ставший первым лордом Адмиралтейства, написал, что восхищен «мастерством повествования», и выразил сочувствие Черчиллю в его «борьбе против педантизма и страшного болота нерешительности».

В ноябре 1923 г. Болдуин объявил, что назначает новые всеобщие выборы и намерен вернуться к политике протекционизма в торговле. У Черчилля тут же прорезался голос. Он объявил политику, против которой так яростно боролся два десятилетия назад, чудовищным заблуждением. Не менее семи либеральных объединений обратились к Черчиллю с просьбой стать их кандидатом. 16 ноября, выступая в Манчестере, он призвал к объединению либералов Асквита и Ллойд Джорджа под руководством Асквита. «Либерализм, – заявил он под громовые аплодисменты, – единственный верный, трезвый, надежный курс – курс здравого смысла и высоких принципов». Через три дня он принял предложение объединения либералов Западного Лестера стать их кандидатом. Местная газета Leicester Mail была враждебна, но Сесил Робертс, издатель другой городской газеты Nottingham Journal, поддержал его и даже выделил грузовики, чтобы распространить тираж по всему округу.

Среди тех, кто помогал распространять тираж Nottingham Journal, был Брендан Брекен, молодой человек, с которым Черчилль познакомился совсем недавно. Так было положено начало дружбе и сотрудничеству, которые сохранились на всю жизнь. Но сама кампания прошла плохо. На одной из встреч, как злорадно отметила Leicester Mail, Черчилля с женой «встретили гулом и шиканьем, не раздалось ни единого приветственного возгласа». Где бы он ни выступал, постоянно кто-нибудь выкрикивал: «А как насчет Дарданелл?» Одному из таких крикунов он ответил: «А что вы знаете про Дарданеллы? Дарданеллы, возможно, сохранили миллионы жизней. Не думайте, что я стыжусь Дарданелл. Я горжусь этим».

3 декабря Черчилль выступил на трех больших предвыборных встречах в Лондоне. После одной из них какой-то человек разбил стекло машины, на которой он пытался уехать от враждебно настроенной толпы. Машине плевали вслед. Тем временем

в Западном Лестере Клементина продолжала выступать в поддержку мужа. «Очень многие думают, что он крайне воинственный, – говорила она. – Но я его очень хорошо знаю, он совсем не такой. На самом деле один из его величайших талантов – это талант миротворца».

Выборы состоялись 6 декабря, через неделю после сорок девятого дня рождения Черчилля. Попытка вернуться в парламент провалилась. «Все было против нас, – написал он Сесилу Робертсу через месяц. – Отсутствие местной прессы, отсутствие организации, выступления постоянно прерывались».

Решение Болдуина провести выборы оказалось серьезной ошибкой. Консерваторы потеряли почти сотню мест. Хотя они и остались крупнейшей парламентской партией, лейбористы и либералы, объединившись, могли бы победить их. Черчилль хотел, чтобы либералы поддержали консерваторов, сформировав коалицию. Когда Асквит заявил, что не станет этого делать, Черчилль был возмущен. «Лейбористское правительство, – сказал он дочери Асквита Вайолет, – подорвет торговлю и экономику». В письме, опубликованном в Times, он заявил, что это бросит «губительную тень на все формы национальной жизни».

Через три дня после публикации этого письма либералы и лейбористы палаты представителей объединились и нанесли поражение консерваторам. Болдуин ушел в отставку. Премьер-министром стал лидер лейбористов Джеймс Рамсей Макдональд. Черчилль отправил Макдональду письмо с пожеланиями успехов, на которое тот собственноручно ответил: «Ни одно письмо, полученное мной в это время, не доставило мне столько удовольствия, как ваше. Хотелось бы, чтобы у нас было меньше разногласий. Но они есть. В любом случае надеюсь, вы разделяете мои чувства. Я лично всегда очень высоко ценил вас».

4 февраля Черчилль снова получил приглашение баллотироваться от либералов, на этот раз в Западном Бристоле. Он отказался, пояснив, что не хочет выступать против консерваторов. Через две недели, отдыхая в Мимизане близ Бордо, он написал Клементине, что еще не определился со своим политическим будущим. «Мне нужно время, – писал он. – Хотя бы несколько месяцев».

22 февраля в Лондоне у Черчилля состоялся продолжительный разговор с Болдуином. «Он явно очень хочет моего возвращения и сотрудничества», – написал Черчилль Клементине. Часть парламентариев-либералов были недовольны тем, что их партия выступает в поддержку лейбористов, и были склонны к объединению с консерваторами. Болдуин хотел, чтобы Черчилль возглавил эту группу. Через два дня после встречи

с Болдуином в письме кандидату от консерваторов, баллотирующемуся на дополнительных выборах в Бернли, он призвал местных либералов, у которых там не было своего кандидата, не голосовать за лейбориста. На следующий день письмо было опубликовано в Times. «Темперамент заставляет его всегда быть в гуще событий, – комментировала Glasgow Herald. – Мистер Черчилль определенно сторонник индивидуализма, которому он служил всю свою политическую жизнь – под любым флагом».

Теперь Черчилль решил выступить как независимый кандидат на дополнительных выборах в округе, представляющем Вестминстерское аббатство. Это был один из основных консервативных округов. Он надеялся убедить Болдуина не выставлять там против него кандидатов и заручиться поддержкой как консерваторов, так и либералов. «Дорогой мой, не выдвигайся, пока не будешь реально уверен в победе, – писала ему Клементина с юга Франции. – Идея партии тори снова привлечь тебя только родилась, ее нужно пестовать, лелеять и воспитывать, пока она не обретет силу». Клементина, либерал по воспитанию и убеждениям, не одобряла возвращение мужа к консерваторам, но и не возражала. «Не позволь тори заполучить тебя слишком дешево, – писала она. – Они так плохо относились к тебе прежде, что должны заплатить за это».

Несмотря на усилия Болдуина избавить Черчилля от конкурентов, Вестминстерское объединение консерваторов решило все же выставить собственного кандидата, тридцатидвухлетнего выпускника Харроу. Кампания началась 5 марта. На следующий день Times охарактеризовала Черчилля как «исключительно разрушительную силу». Клементина поспешила из Франции на помощь мужу. Его кандидатура оказалась в центре внимания. «Телефон в его доме звонит чаще, чем у любого другого человека за всю историю этого изобретения», – писала Evening News.

В обращении к избирателям 9 марта Черчилль отметил, что Болдуин открыто призвал к сотрудничеству с либералами против лейбористов. «Я поддерживаю его идею ставить интересы страны выше интересов партии», – заявил Черчилль. В свою очередь, лейбористы обрушились на него с нападками за попытки, как они говорили, «уничтожить большевистскую Россию» и «безрассудство при Дарданеллах». Заместитель секретаря кабинета министров Томас Джонс отметил: «Дарданеллы преследуют Черчилля абсолютно несправедливо. Это была одна из важнейших идей, и, если бы она была осуществлена, это могло бы ускорить окончание войны на пару

лет».

Болдуин был вынужден поддержать официального кандидата от консерваторов. Но когда Бальфур написал письмо, выразив желание снова использовать, как он выразился, «блестящие таланты» Черчилля в палате общин, именно Болдуин поспособствовал тому, что это письмо стало широко известно. Голосование состоялось 19 марта. Во время подсчета последней партии бюллетеней кто-то повернулся к Черчиллю и крикнул: «Вы впереди на сотню». Весть о победе дошла до толпы, собравшейся на улице, и потом разлетелась телеграммами по всему миру. Но она оказалась ложной. На самом деле он проиграл. Официальный кандидат от консерваторов опередил его на сорок три голоса.

Но Черчилль был решительно настроен вернуться в парламент. 2 апреля он встретился с Болдуином и предложил себя в качестве лидера пятидесяти либералов – парламентариев и кандидатов, готовых сотрудничать с консерваторами в палате общин против лейбористов, если на выборах против них не будут выставляться официальные кандидаты от консерваторов. Через две недели он писал Клементине, что консерваторы пытаются подобрать ему округ, в котором у него не будет конкурентов.

Одновременно Черчилль активно занимался ремонтом Чартвелла. «Весь день вчера и сегодня перекапывали и ровняли землю. Моторная газонокосилка работает безупречно, мы сделали все, за исключением тиса, который надо посадить около огорода». Дети помогали ему, работая «как негры». «Пью шампанское за каждой едой, – продолжал он, – ведра кларета с содовой в промежутках, cuisine[30] простая, но превосходная. По вечерам заводим граммофон (который отняли у Мэри) и играем в маджонг».

7 мая Черчилль отправился в Ливерпуль. Выступая перед пятью тысячами консерваторов – впервые за двадцать лет, – он заявил, что для Либеральной партии как самостоятельной силы в британской политике больше нет места. Только Консервативная партия предлагает достаточно прочную базу для успешной борьбы с социализмом. Либералы должны объединить усилия с консерваторами на широкой прогрессивной платформе. Через два дня представители консерваторов попросили его быть их кандидатом. На этой же неделе поступили предложения еще от двух объединений консерваторов, а до конца месяца – еще от четырех.

Возращение к консерваторам вызывало у Черчилля сомнения. В той же степени, в какой он не любил лейбористов, он хотел сохранить связи и отношения с либералами, наработанные

за время министерской работы. В середине июня он размышлял над возможностью создания новой политической партии либералов, которые, назвав себя либерал-консерваторами, могли бы выступить на следующих выборах независимым объединением в поддержку консерваторов. Из этого, впрочем, ничего не вышло. В июле он заручился согласием Болдуина, что на следующих выборах выступит как конституционалист с официальной поддержкой консерваторов. Болдуин также согласился подыскать ему надежный консервативный округ в Лондоне или неподалеку, чтобы с началом предвыборной кампании он мог свободно выступать по всей Британии против экономического займа Советской России, предложенного Макдональдом, и предостерегая от угрозы социализма.

Лето Черчилль провел в комфорте и покое в своем новом доме в Чартвелле. Он осушил озеро около дома и построил дамбу, чтобы соорудить плавательный бассейн; проложил узкоколейку, по которой могла передвигаться землеройная машина для расчистки дна озера. На это был мобилизован его охранник. «Мы с Томпсоном возимся в самой черной грязи, какую ты только можешь представить, и в страшной вонище, пытаясь ликвидировать всю эту гадость», – рассказывал Черчилль Клементине.

Осенью Черчилль попытался навести мосты между консерваторами и либералами. 31 августа на тайной встрече с Ллойд Джорджем в доме бывшего премьера в Чарте он уговаривал того поддержать консерваторов на следующих выборах, основываясь на их общем отрицательном отношении к займу, который Макдональд собирался выдать России. Ллойд Джордж отнесся к этому благосклонно. «В тот момент, когда лейбористы связали себя этим договором, – сказал он Черчиллю, – они сунули пальцы в шестерню, которая затянет их целиком и перемелет».

11 сентября Черчилль принял приглашение баллотироваться от консервативного округа Эппинг на северо-востоке Лондона. Через три недели он выступал в Эдинбурге на встрече с шотландскими консерваторами. Вместе с ним в качестве группы поддержки находились три ведущих политика Консервативной партии – его бывший противник лорд Карсон, сэр Роберт Хорн и Бальфур. Черчилль заявил, что не существует «непреодолимых противоречий между консерватизмом и либерализмом. Угрозу представляет социализм, экономический заем Советской России и желание Макдональда заключить англо-советский договор. И все перечисленное должно быть отвергнуто. Все, что предлагают лейбористы, совершенно очевидно неприемлемо:

наш хлеб большевистскому змею, наша помощь врагам всех нормальных стран, наше благодушие к социалистам по всему миру – все это у Штатов, нашей заокеанской дочки, от которой зависит будущее британских островов и британского народа, вызывает лишь холодное презрение».

Выступление Черчилля широко освещалось в прессе и было хорошо принято консерваторами. «Уинстон снова вышел на тропу войны после длительного отдыха, от которого получал удовольствие», – написала мать Клементины, леди Бланш Хозьер, своей подруге.

На следующей неделе после выступления в Эдинбурге Черчилль опубликовал статью в Nash's Pall Mall об опасности будущей войны. Позже в виде брошюры, выпущенной тиражом четверть миллиона экземпляров, она распространялась в Соединенных Штатах. «Разве не может быть создана бомба величиной с апельсин, – вопрошал он, – которая может разрушить целый квартал или, более того, даже город? Разве нельзя уже существующие взрывчатые вещества поместить на летательные аппараты, которые будут направляться автоматически, по радио или какими-то лучами, без участия пилота, нескончаемой чередой на вражеские города, арсеналы, лагеря или судоверфи?»

Появление такого оружия уже предсказал Герберт Уэллс, с произведениями которого Черчилль был хорошо знаком. Но в своем интересе к науке Черчилль подпал под другое влияние: он познакомился с тридцативосьмилетним профессором из Оксфорда Фредериком Линдеманном, блестящий ум и быстроту мышления которого сразу же оценил. Отец Линдеманна родился в Эльзасе еще до того, как его аннексировала Германия. Он родился в Германии, на курорте Баден-Баден, где принимала процедуры его мать-американка, а образование получил в Берлине и Париже. С 1915 по 1918 г. работал в лаборатории военно-воздушных сил в Фарнборо, где научился летать, чтобы самому исследовать аэродинамический эффект авиационного штопора.

Линдеманн быстро стал его близким другом. Он часто приезжал из Оксфорда в Чартвелл на выходные и поражал Черчилля своими рассказами о новейших изобретениях и возможностях науки. Вскоре после начала работы над статьей для Nash's Pall Mall Черчилль написал Линдеманну: «Я начал писать о вероятности будущей войны и о том, насколько страшной она может оказаться для человечества. На эту тему у меня много идей, но мне бы очень хотелось после той интереснейшей беседы, что у нас с вами состоялась последний раз, поговорить еще. Я прочитал, что изобретен луч, который

может убивать мышей на расстоянии. Все это, конечно, может оказаться мистификацией, но мой опыт научил меня не говорить «нет» в качестве ответа».

Черчилль также обсуждал с Линдеманном сравнительную военную мощь Германии и Франции и вероятность возобновления их конфликта. В статье от 24 сентября он писал о страстном желании Германии отомстить за поражение 1918 г. и пересмотреть Версальский договор: «Франция стремится сохранить договор и относительную слабость Германии за счет своего технического превосходства, чернокожих солдат, системы союзов даже с мельчайшими европейскими государствами и в данный момент подавляющего преимущества в силе. Но чисто физическая сила, – предупреждал он, – нестабильна и не дает надежной основы безопасности. Германия – более мощное образование, чем Франция, и ее нельзя держать в постоянном подчинении».

На 29 октября были назначены всеобщие выборы. В своем манифесте Черчилль заявил: «Я полностью поддерживаю Консервативную партию». Он баллотировался как «конституционалист», поддержанный консерваторами в Эппинге, надежном округе, который предоставил ему Болдуин. Единственной сложностью избирательной кампании была его жесткая оппозиция англо-ирландскому договору, но зато критика займа Советской России приветствовалась избирателями. 29 октября он победил в борьбе с кандидатами от либералов и лейбористов. Черчилль получил более 9000 голосов и после почти двухлетнего перерыва снова стал членом парламента. Впрочем, в ряды Консервативной партии он формально еще не вернулся.

В стране результаты выборов вообще стали триумфом консерваторов: они получили 419 мест против 151 у лейбористов и менее 40 у либералов, кандидатом от которых Черчилль был еще десять месяцев назад. «Думаю, скорее всего, меня не пригласят работать в правительство, – писал он приятелю 4 ноября, – поскольку с учетом подавляющего большинства оно, вероятно, будет состоять только из безупречных консерваторов». Но Черчилль ошибался. В окружении Болдуина обсуждались различные министерские должности для него, в том числе – Министерство торговли, Министерство по делам колоний, Военное министерство и Адмиралтейство. Все эти посты он в разное время занимал и раньше. Сам Болдуин высказывался за Министерство по делам Индии. Остин Чемберлен предложил Министерство здравоохранения. Это же пришло в голову

и Клементине, когда 5 ноября Болдуин пригласил Черчилля к себе. Она призывала мужа согласиться на Министерство здравоохранения, если оно будет ему предложено, поскольку в социальной сфере требовалось сделать очень многое. «Вы хотите помогать нам?» – спросил Болдуин. «Да, если я вам действительно нужен», – ответил Черчилль. «Хотите Министерство финансов?» – спросил Болдуин. Хочет ли утка плавать? – собирался ответить Черчилль, но, как сам он вспоминал позже, «поскольку это был официальный и важный разговор, я сказал: «Это полностью отвечает моим желаниям. Я до сих пор храню отцовскую мантию канцлера. Буду горд служить вам в этом замечательном месте».

Черчилль вернулся в Чартвелл. Там, вспоминал он, «мне потребовались огромные усилия, чтобы убедить жену, что я ее не разыгрываю». Друзья Черчилля были в восторге. «Уинстон, дорогой мой, – написал ему бывший председатель парламентской фракции Либеральной партии Джордж Ламберт, – у меня хороший инстинкт на политиков. Надеюсь дожить до твоего премьерства».

Глава 22
В Казначействе

30 ноября 1924 г., через двадцать пять дней после того, как Черчилль принял предложение занять пост министра финансов, он отметил пятидесятилетие. Затем, объявив о своем возвращении – после двадцатилетнего перерыва – в ряды Консервативной партии, занялся решением первой министерской задачи, которую поставил себе в Казначействе. Он начал подготовку существенного расширения системы государственного страхования и социальной реформы, к проведению которой стремился еще пятнадцать лет назад, будучи на пике своей деятельности как либерала. Действовал он в тесном сотрудничестве с министром здравоохранения Невиллом Чемберленом. Он также начал продумывать способы сокращения налогового бремени для мелких торговцев и предпринимателей, работников умственного труда во всех областях. Схема, которую он предложил своим сотрудникам, предполагала назначение пенсий вдовам и сиротам, существенное расширение страхования пожилых людей и развитие дешевого домостроительства. Он полагал, что правительство должно заняться разработкой новых методов строительства для тех, кто не в состоянии платить по существующим ценам.

28 ноября Черчилль сказал заместителю секретаря кабинета министров Томасу Джонсу: «В прошлом я был целиком за либеральные меры в отношении социальных реформ и хочу принять такие же меры сейчас. Разумеется, необходимо сделать некоторое послабление налогоплательщикам, чтобы сбалансировать реформы».

Черчилль переехал в здание на Даунинг-стрит, 11. Теперь оно станет его лондонским домом на ближайшие четыре с половиной года. 9 декабря он оттуда написал лидеру консерваторов, лорду Солсбери, сыну бывшего премьер-министра: «Определение заработанных и незаработанных доходов должно стать самым эффективным и справедливым способом повышения новых налогов. Я, разумеется, против любой «охоты» на праздных богачей, но если они праздны, то через несколько поколений перестанут быть богачами. В этом вопросе законодательная власть может подождать. Только клерикал-христианин или моралист будет дотошно выяснять, что есть «служба» и что есть «праздность». Зрелый взгляд на жизнь привел меня к убеждению, что, пока человек действует в рамках закона, нельзя

проводить никаких расследований, если только он сам их не инициирует. Я считаю, что богач в нашей стране, ведет ли он праздный образ жизни или нет, уже обложен самым высоким налогом».

«Существующая капиталистическая система – основа цивилизации, – говорил Черчилль Солсбери, – и единственный способ, благодаря которому огромное современное народонаселение может быть обеспечено всем необходимым». Через пять дней, 14 декабря, он изложил сотрудникам своего министерства программу, основанную на сочетании налогообложения на незаработанные доходы и при этом поощрения активности бизнеса. «Создание нового богатства, – говорил он, – приносит пользу всему сообществу. Сидение на старом богатстве тоже достойное дело, но пассивная жизненная позиция. В мире ежегодно создаются и потребляются огромные состояния. Мы никогда не избавимся от долгов прошлого и не вырвемся в будущее, кроме как энергично создавая новые богатства. Награда за наши усилия – достижение цели, но наказание за инертность всегда рядом».

6 января 1925 г. Черчилль отправился в Париж, где в ходе интенсивных недельных переговоров добился замечательных договоренностей по проблеме международных долгов военного времени. Долг Британии Соединенным Штатам, составляющий миллиард фунтов, на погашении которого настаивали американцы, должен был выплачиваться частями одновременно с пропорциональными выплатами Британии от Франции, Бельгии, Италии и Японии. Совокупный долг этих стран составлял 2 миллиарда фунтов, и, естественно, они неохотно согласились с графиком выплат. Другие должники Британии – Бразилия, Чехословакия, Румыния и Сербия – тоже согласились со схемой, предложенной Черчиллем.

Все государства – участники переговоров отдали должное умению, терпеливости Черчилля и его способности вникать в детали. «Отстоять интересы нашей страны, – написал ему Эдвард Грей по окончании переговоров, – и в то же время получить признание от представителей других стран – редкое достижение и большая государственная заслуга».

Для претворения в жизнь социальных реформ Черчиллю пришлось в течение нескольких месяцев вести жаркие споры. Он признавал необходимость увеличения расходов на военно-воздушные силы и невозможность сокращения армейского бюджета, но настаивал на существенном сокращении расходов на флот. Убежденный в чрезмерной затратности Адмиралтейства, он ввязался в политическую баталию, сходную с той, что ему

пришлось вести в 1908 г., когда он как министр торговли тоже выступал против чрезмерных расходов на содержание флота. И тогда он имел в виду социальные цели, но в то же время не хотел подрывать способность Британии дать отпор агрессору в случае нарушения мирных договоренностей. 29 января, опираясь на свой довоенный опыт работы в Адмиралтействе, он объяснял в парламенте: «В ходе длительного мирного периода, обычно наступающего после великих войн, неизбежно возникают проблемы чрезмерного вооружения. Мы должны выбирать необходимое из огромного разнообразия. Проблемы будут постепенно решаться, если только в мире снова не возникнут глубокие противоречия, неизбежные предшественники великих войн».

13 февраля Адмиралтейство согласилось с установленным Черчиллем пределом затрат в 60 миллионов фунтов на ближайший финансовый год. В ценах 1990 г. это составляло почти 1,2 миллиарда фунтов. Учитывая опасения по поводу усиления военно-морского флота Японии, он согласился выделить еще 2 миллиона в случае крайней необходимости и предоставить Адмиралтейству на ремонт британских эсминцев такую же сумму, какую потратят японцы, и сверх того 25 %. Кризис миновал. «Черчилль – это Эверест среди холмов кабинета Болдуина», – написал Асквит одному из своих друзей.

Стремление Черчилля стимулировать рост производственной деятельности вступало в противоречие с решением предыдущего министра финансов лейбориста Филипа Сноудена о возвращении к золотому стандарту. «Возвращение к золоту, – говорил Черчилль своим сотрудникам 29 января, – отвечает исключительно интересам Министерства финансов, но за счет интересов производства». Примерно через месяц он еще раз поднял эту тему: «Я предпочел бы видеть Финансы менее гордыми, а Промышленность – более довольной». Чтобы найти наиболее веские аргументы против возвращения к золотому стандарту, он 17 марта устроил обед, пригласив экономиста из Кембриджа Д. М. Кейнси и сотрудников министерства. Но Болдуин, используя свой авторитет и мнение бывшего министра финансов, призвал Черчилля не раскачивать лодку.

Черчилль уступил. Впредь ему придется защищать решение, в котором он сомневался. Двадцать три года спустя, выслушав критику лейбористского премьер-министра, он заявил в палате общин: «Мистер Эттли вспомнил о моих действиях в 1925 г. по поводу возвращения к золотому стандарту. Он говорит, что я действовал не самостоятельно. Действительно, я действовал по совету комитета, назначенного лордом Сноуденом, министром

финансов в правительстве социалистов 1924 г., членом которого был и мистер Эттли. Что говорил лорд Сноуден о возвращении золотого стандарта? На слушаниях второго чтения билля о золотом стандарте он сказал, что правительство действует опрометчиво, а он и его коллеги-социалисты готовы к возвращению золотого стандарта в ближайший возможный момент». Далее Черчилль напомнил, что в декабре 1926 г. Сноуден опубликовал статью в Financial Times, в которой заявил: «Никакие факты не убеждают, что возврат к золоту вредит промышленности. Учетная ставка банка не повысилась, реальные доходы не упали, уровень цен сохраняется». Таким образом, продолжал Черчилль, «утверждение мистера Эттли о «невыносимых страданиях» людей далеки от истины. Факты, которые я привел, неопровержимо свидетельствуют, что за то время, когда я как консерватор возглавлял Казначейство, реальные доходы нашего рабочего класса постоянно и существенно возрастали».

Пока Черчилль работал над подготовкой своего первого бюджета, Клементина находилась на юге Франции, восстанавливаясь после очередного нервного истощения. Он регулярно направлял ей отчеты о семейных и министерских делах. «Мэри расцветает, – написал он в марте. – Приходит и сидит со мной по утрам, и вообще она само очарование. Диана только что вернулась из школы. Мы планируем после обеда навестить Рэндольфа. Не прерывай отдых, если он идет тебе на пользу. Хотя, конечно, я гораздо меньше волнуюсь и скучаю, когда ты рядом и когда я могу полагаться на тебя».

Через неделю Черчилль писал ей, опечаленный известием, что умерла мать Клементины. Леди Хозьер было семьдесят три года. «Дорогая, глубоко опечален вместе с тобой. Хотя завершение старой, слабеющей жизни после отведенного ей срока – не повод для жалости. Это лишь грустная часть нашего существования, против которой протестуют надежда и вера. Это только то, чего мы все ожидаем, – если только жизнь не обрывается безвременно. Но утрата матери разрывает духовную связь, возникает чувство одиночества и начинает остро ощущаться скоротечность жизни. Мне знакомо это ощущение ампутации – я сам пережил его три года назад».

Через четыре дня после этого письма Черчилль уже шел в траурной процессии за гробом лорда Керзона. Позже в этот же день он написал Клементине: «Он встретил кончину мужественно и философски. Мне очень жаль, что его не стало. Не думаю, что ему воздали справедливую дань. Я бы не поблагодарил за такое. Но он не вызывал особой любви и не совершал великих

дел».

«Великое дело», в которое погрузился Черчилль, было связано с социальными реформами. Его волновали трудности, с которыми сталкиваются семьи из-за безработицы, старости, болезней или смерти кормильца. 24 марта он встретился с делегацией пенсионеров, после чего сказал своим советникам: «Всего за несколько месяцев плоды многолетней экономии могут улетучиться и жизнь рухнуть». Он хотел, чтобы его бюджет не допускал подобных катастроф. «Все пенсии, – сказал он Невиллу Чемберлену 3 апреля, – надо выплачивать с 65, а не с 70 лет. Вдовы должны получать пенсию с самого начала вдовства».

Черчилль представил проект бюджета 28 апреля. Клементина, Рэндольф и Диана находились на гостевой галерее в палате общин и слушали его. Его выступление продлилось два часа и сорок минут. Это дало повод Болдуину сообщить королю: «Черчилль обладает не только превосходными качествами парламентария, но и актерскими способностями. Ясность, красноречие, легкость и юмор – все присутствовало в его речи, темой которой были страхование и пенсионное обеспечение».

«Когда в дом рабочего приходит беда, – говорил Черчилль, – будь то безработица или потеря кормильца, некогда счастливая семья оказывается в катастрофическом положении. В последние годы опасности всякого рода подстерегали людей, и огромные массы народа не имели возможности обеспечить свои семьи на случай своей смерти. Если использовать армейскую метафору, они – не крепкие войска на марше, требующие дополнительной награды или поблажек, а отставшие, слабые и раненые ветераны, которым должна быть направлена карета государственной помощи».

«Вдовы и сироты должны получать пенсию с момента потери кормильца, – заявил он. – Ее получателями немедленно должны стать 200 000 женщин и 350 000 детей. Все остальные пенсии должны назначаться по достижении 65-летнего возраста. Ограничения, разбирательства и проверки нуждаемости должны быть немедленно отменены. Никого не должно касаться, чем владеет пенсионер или как он трудился на протяжении жизни». Черчилль объявил и еще об одном серьезном изменении: группы населения с самыми низкими доходами должны получить десятипроцентную скидку на подоходный налог. Он надеялся, что за счет создания новых состояний, возникших в результате отмены некоторых налогов, бюджет может стимулировать предпринимательство и ускорить возрождение промышленности.

Невилл Чемберлен и Министерство здравоохранения, которое

он возглавлял, принимали деятельное участие в пенсионной реформе. Под впечатлением доклада Черчилля он записал в дневнике 1 мая: «Мы обещали что-то в этом роде, но сомневаюсь, что смогли бы сделать в этом году, если бы он не сделал наши обещания частью своего бюджетного плана. На мой взгляд, он заслуживает персональной благодарности за энергичность и инициативу». Через две недели Черчилль говорил в ассоциации британских банкиров: «Наша цель – сглаживание классовых противоречий, внедрение духа сотрудничества, стабилизация жизни в масштабе всей страны, разработка социальных и финансовых планов на трех-четырехлетнюю перспективу».

В международной политике Черчилль также искал примирения противоречий. 11 марта на международной конференции министров он убеждал не торопиться заключать договор с Францией, который способствовал бы дальнейшей изоляции и ожесточению Германии, но выработать соглашения, включающие Германию. Из этой идеи родились Локарнские договоры, которые гарантировали безопасность послевоенных границ Британии, Германии, Франции и Италии. В частной беседе с послом Польши Черчилль советовал его стране также всеми способами развивать дружественные отношения с Германией. «Если Германия, – говорил он, – вернется к сотрудничеству с Россией, Польша в результате будет раздавлена ими».

Миротворческая деятельность Черчилля ярче всего проявилась в конце июля, когда правительство предпринимало шаги по предотвращению забастовки шахтеров. Нужно было уговорить шахтовладельцев отменить увольнения. Несмотря на некоторое сопротивление консерваторов, Черчилль убеждал своих коллег выделить правительственную субсидию угледобывающей отрасли, чтобы предотвратить сокращение заработной платы. Он указал, что требования шахтеров в определенной степени справедливы.

6 августа Черчилль защищал выделение субсидии в палате общин. Он сказал: «Это решение необходимо, поскольку мы еще не расстались с надеждой. Но если мы ввяжемся в борьбу, допустим остановку шахт, столкнемся с всеобщей забастовкой железнодорожников, допустим паралич промышленности страны, ограничение торговли, свертывание социальных реформ и пенсионной реформы, беспорядки в финансах, восстановление прежнего налогообложения – если мы пойдем на все это, то для нас и, соответственно, для этого парламента возможность изменить ситуацию в стране к лучшему будет закрыта навсегда.

Это может произойти, но любой здравомыслящий человек или правительство будет избегать этого, пока не использованы все остальные возможности. Если мы займем такую позицию, тогда вся работа парламента пойдет прахом. До конца своих дней он будет биться за возвращение положения 1924 и 1925 годов. И не будет ни единого шанса на улучшение! Никаких надежд на развитие! Никакого облегчения! Только унылая борьба за возвращение туда, где мы находимся в данный момент. Мы отвергаем столь безрадостный исход».

«Какая яркая личность! – писал Невилл Чемберлен Болдуину три недели спустя. – Но нас с ним разделяет пропасть, которую, боюсь, не преодолеть никогда. Он мне нравится. Нравится его юмор, его жизнестойкость. Мне нравится его смелость. Мне нравится, каким образом – для меня совершенно неожиданным – он преподнес кабинету ситуацию с шахтерским кризисом. Но ни за какие райские блага я не стал бы членом его команды! Непостоянство! Очень обидное слово, но оно точно отражает его характер».

Осенью Черчилль начал переговоры о заключении всеобъемлющего соглашения с Францией по выплате военного долга Британии. 12,5 миллиона фунтов должны быть выплачены равными долями на протяжении шестидесяти двух лет. Но если Германия не сможет выплачивать репарации Франции, то Франция будет иметь право просить о пересмотре своих долговых обязательств перед Британией. В процессе переговоров французский коллега Черчилля Жозеф Кайо лишился своего поста. В ответ на сочувственное письмо Черчилля Кайо написал: «Во время наших длительных и трудных переговоров вы были настолько любезны, относились ко мне с таким расположением и придавали такую живость и блеск нашим беседам, что у меня сложилось впечатление, что мы с вами в полном согласии».

30 ноября Черчиллю исполнился пятьдесят один год. На этой же неделе Болдуин попросил его стать посредником на переговорах между Ирландским Свободным государством и Ольстером. Свободное государство опасалось, что границы будут изменены в пользу Ольстера, а также не хотело выплачивать Британии 155 миллионов фунтов долга за таможенные сборы и поставки вооружений. 1 декабря Черчилль открыл переговоры. К концу третьего напряженного дня он выработал приемлемую формулу, согласно которой никакого изменения границ не произойдет, а долг Свободного государства будет выплачиваться на протяжении шестидесяти лет. Через шесть недель после этого успеха Черчилль начал в Лондоне переговоры с Италией по поводу ее военного долга Британии

в сумме 592 миллионов фунтов. Через две недели стороны пришли к соглашению: Италия выплатит весь долг, но начало платежей будет отложено на четыре года, а затем выплаты растянутся до 1988 г. Лучшим свидетельством справедливости соглашения, по словам Черчилля, стало то, что оно не удовлетворяло полностью ни одну из сторон.

31 января 1926 г. Клементина надолго отправилась отдыхать на юг Франции. Черчилль остался в Чартвелле, где по выходным развлекал своих друзей-политиков, среди которых был и Рональд Макнейл, финансовый секретарь министерства. Именно он перед войной в разгар ольстерских погромов в палате общин швырнул в Черчилля книгой, разбив тому в кровь лицо. Черчилль находил время держать Клементину в курсе всех домашних событий, например, 7 февраля он сообщал ей, что «фруктовые деревья высаживаются каждые четверть часа». Через неделю он опять пригласил коллег, в том числе министра авиации сэра Сэмюэла Хора, который потом написал: «Никогда раньше не видел Уинстона в роли землевладельца. Все утро в воскресенье мы обследовали территорию и работы, проведенные под его руководством, – создание каскада прудов в долине. Уинстон от этого в полном блаженстве».

Черчилль также блаженствовал в окружении детей, которые находили себе бесконечные развлечения в укромных уголках нового дома и в окрестных полях. 20 марта, во время подготовки проекта второго бюджета, он написал Клементине, которая в это время была в Риме: «У нас все хорошо. Мэри со мной завтракает, Сара обедает. Диана весьма толково рассуждает о политике и обладает обширной информацией, почерпнутой, видимо, из газет. Все очень милы, и я очень рад, что они здесь». Диане было семнадцать, Саре одиннадцать, Мэри – три года. Четырнадцатилетний Рэндольф был пансионером в Итоне.

В поисках доходных статей для второго бюджета Черчилль решил ввести налог на бензин. Он также предложил ввести пятипроцентный ежегодный налог в цену автомобилей класса люкс и налог на тяжелые грузовики в зависимости от их веса и, соответственно, амортизации дорог. Еще у него появилась идея обложить налогом импорт американских кинофильмов. «В нашей стране воспримут с большим удовольствием, – говорил он своим советникам, – возможность извлечь какой-то доход с прибылей американских кинопродюсеров».

27 апреля Черчилль представил бюджет. Как и годом ранее, на гостевой галерее его слушал Рэндольф. Главной темой стали бережливость и экономия. Вводился налог на роскошь и букмекерство. Каждая сделанная ставка облагалась

пятипроцентным налогом. Черчилль заявил в палате общин: «Экономическая картина жизни не черная. Она пестрая, и в целом черные полосы не так заметны, как в предыдущем году». Но вместе с тем он предупредил, что грозящий масштабный кризис в угледобывающей промышленности может привести к необходимости введения новых существенных налогов. Через день после его выступления шахтовладельцы, которых он еще поддерживал государственными субсидиями, чтобы они не сокращали зарплату, сообщили Болдуину, что несут убытки и урезание заработной платы необходимо. Шахтеры отказывались даже обсуждать это. Болдуин предложил увеличить на один час – до восьми часов – трудовой день, но не трогать зарплаты. Владельцы согласились, а шахтеры – нет.

После этого шахтовладельцы потребовали немедленного сокращения заработной платы. 1 мая шахтеры выразили категорический протест. Владельцы в ответ закрыли шахты. В тот же день Конгресс тред-юнионов объявил, что 3 мая начнется всеобщая стачка в поддержку шахтеров.

2 мая шли переговоры между правительством и конгрессом. Вскоре после одиннадцати часов вечера министры, собравшиеся в кабинете Черчилля в палате общин, узнали, что типографские рабочие Daily Mail в ожидании стачки задержали тираж газеты, поскольку им не понравилась передовая статья. Министры единодушно решили, что такие действия делают дальнейшие переговоры невозможными и действовать следует с позиции силы: забастовщики должны немедленно и безоговорочно отозвать заявление о забастовке. Один из ближайших сторонников Болдуина Д. К. К. Дэвидсон записал через десять дней: «Следует отметить, что никаких дискуссий по этому поводу не было. Часто писали, что руку Болдуина направляли экстремисты, но это безусловно не так».

Утром 3 мая был сформирован антистачечный комитет под председательством министра внутренних дел. Черчилль в него не вошел, но к нему обратились с просьбой подготовить выпуск правительственного бюллетеня. Он это сделал, отметив, что его нужно готовить не просто для публикации, но и таким образом, чтобы облегчить положение людей. Черчилль сказал: «Я предполагаю не пропаганду, а честную и сильную поддержку огромных масс лояльного населения. Основные статьи должны соответствовать настроениям подавляющего большинства наших сторонников». Несколькими фразами он объяснил, что имеет в виду: «Соответствие конституции. Надежда на мир. Парламент. Сохранность власти для упрочения торговли и репутации страны».

В тот же день, выступая в парламенте за семь часов до начала всеобщей стачки, Черчилль говорил в примирительном тоне. Он похвалил умеренность выступавших парламентариев-лейбористов, в том числе Макдональда, и приветствовал мирные усилия, которые накануне предприняли переговорщики от профсоюзов. Он сказал: «Они сделали все, что могли, для предотвращения тяжелейшей катастрофы в жизни страны. Что касается правительства, оно не должно снимать с себя ответственность за поддержание общественного порядка и деятельности жизненно важных служб. Как только угроза забастовки будет снята, можно будет начинать переговоры по всем аспектам кризиса. Дверь всегда открыта. Ни один из вопросов не является пропастью, которую не может преодолеть переговорщик. Вести диалог – наш долг».

Ночью началась всеобщая стачка. Черчилль отправился в Morning Post, чтобы наблюдать за выпуском правительственного бюллетеня. Вместе с ним был Сэмюэл Хор, который предложил назвать листок British Gazette. Пока печатался первый выпуск, Черчилль сообщил Болдуину, что «тема редакционной статьи – это вызов правительству, и компромиссов здесь быть не может. Но конфликт в угольной промышленности, который спровоцировал ее, является предметом, в котором мы готовы принять деятельное участие по заключению договоренностей в самом миролюбивом духе».

Волонтеры, среди которых было много студентов, развезли тираж British Gazette по многим городам Южной Англии. Линдеманн организовал четырнадцать студентов Оксфорда и направил их в Лондон. Они явились в Казначейство и сообщили, что готовы заняться распространением. По указанию Хора часть тиража самолетами была доставлена на север Англии. Когда первый выпуск был готов к печати, Черчилль обратился на радиостанцию Би-би-си с просьбой дать в эфир информацию о готовящемся выпуске, но там отказались. Через два дня он предложил правительству взять на себя руководство Би-би-си и использовать ее для передачи официальных сообщений. Кабинет его предложение отверг.

К утру 5 мая было отпечатано более 230 000 экземпляров British Gazette. В статье, опубликованной без подписи, Черчилль написал, что без газет Британия окажется «на уровне африканских племен, полагающихся исключительно на слухи. Слухи способны в течение нескольких дней отравить воздух, посеять панику и беспорядки, разжечь страхи и страсти и утащить нас в такие дебри, которых даже не может себе представить человек в здравом уме, принадлежащий к любой партии

или классу».

Каждый последующий выпуск British Gazette распространялся все шире. 6 мая Военное министерство направило роту солдат для охраны бумажной фабрики, которая производила бумагу для газеты. Адмиралтейство направило морской патруль для охраны барж, доставляющих бумагу по Темзе. Тем временем редактор Morning Post, консерватор Х. А. Гвинн, один из давних врагов Черчилля, попытался выдворить его из здания. Позже он пожаловался Болдуину, что в первую ночь выпуска газеты Черчилль заставлял сотрудников работать за пределами их возможностей и страшно их запугивал.

В своем кабинете в Казначействе Черчилль подбирал материалы, которые, на его взгляд, были достойны публикации. Предпочтение он отдавал тем событиям, которые показывали неэффективность забастовки. Он также помечал как нерекомендуемые к публикации сведения о дефиците муки и сахара, о перевернутых и забрасываемых камнями трамваях, о случаях мародерства, при которых полиция использовала дубинки.

6 мая Черчилль призвал обеспечить охрану колонн с продовольствием, направляющихся из доков в Лондон. 7 мая Болдуин поддержал его предложение присоединить к полиции части территориальной армии в качестве добровольцев. Они должны были носить нарукавные повязки, а не форму и иметь дубинки вместо винтовок. Когда министр внутренних дел спросил, кто за это заплатит, Черчилль ответил: «Казначейство заплатит. Если мы начнем спорить о мелочах, получим изможденные полицейские силы, разброд в армии и кровавую революцию».

8 мая Болдуин выступил на радиостанции Би-би-си с призывом к прекращению всеобщей забастовки и началу переговоров с шахтерами. В своем обращении он повторил фразу Черчилля: «Ни одна дверь не закрыта». Тем временем Черчилль продолжал следить за выпуском British Gazette. «Он врывается в самые напряженные часы работы, – снова жаловался Гвинн, – требует исправления знаков препинания, приводя в ярость работников». В палату общин стали поступать жалобы о реквизиции бумаги для правительственной газеты и отказе предоставлять ее лейбористским изданиям. Черчилль ответил: «Бумага не может быть предоставлена газетам, подвергающим опасности жизнь нации. Правительство не имеет права равнодушно относиться к тому, что некая часть общества выступает против государства».

К утру 11 мая было распространено более миллиона экземпляров British Gazette. В этот день появились признаки того, что шахтеры готовы начать переговоры с правительством. Черчилль написал Болдуину: «Должен быть четкий интервал между прекращением стачки и началом переговоров. Первое – сегодня, второе – завтра. Но никак не одновременно и не параллельно. Правительство должно дать понять: сегодня – капитуляция, завтра – великодушие». Утром 12 мая генеральный совет Конгресса тред-юнионов решил, что они больше не могут поддерживать шахтеров, если те намерены продолжать забастовку. В полдень представители конгресса направились на Даунинг-стрит, чтобы сообщить Болдуину о прекращении стачки. Через несколько минут Черчилль сказал председателю совета: «Слава богу, все кончилось».

Через десять дней после этого еженедельник New Statesman обвинил Черчилля в том, что он выступал лидером «партии войны» и способствовал прекращению переговоров правительства с Конгрессом тред-юнионов. В статье также говорилось, будто бы Черчилль сказал, что «небольшое кровопролитие пойдет на пользу». Впрочем, это обвинение был смягчено: «Действительно ли он произнес эти слова или нет, не важно, поскольку нет сомнения в его неустанном стремлении при любой благоприятной возможности ввязаться в драку».

Черчилль хотел подать в суд на New Statesman за клевету, заявив генеральному прокурору: «Как вам хорошо известно, все мои выступления в кабинете были направлены против использования армии и за привлечение, даже ценой увеличения расходов, большого числа невооруженных гражданских лиц. Я никогда не произносил слов, противоречащих этому. Я категорически не склонен допускать, чтобы подобная ложь тиражировалась в лейбористских обвинениях». Но ему это не удалось.

Хотя всеобщая стачка продлилась всего девять дней, она произвела раскол в обществе. Те, кто ее поддерживал, были озлоблены. Но репутация Черчилля как миротворца стала причиной того, что Болдуин через восемь дней попросил его возглавить переговоры правительства с шахтерами.

Черчилль согласился, надеясь помирить шахтеров и шахтовладельцев. Когда владельцы начали настаивать на сокращении зарплат, он выдвинул контрпредложение: сокращение зарплат должно происходить параллельно с уменьшением прибыли владельцев. Он также настаивал,

что должен существовать нижний предел уровня зарплаты. Эти предложения для него не были новыми. Пять лет назад, обсуждая в кабинете министров очередную забастовку шахтеров, он говорил, что, если бы правительство понимало нужды шахтеров, можно было бы заранее и гораздо более безболезненно предотвратить волнения.

Осенью забастовки в угледобывающей промышленности продолжились с еще большим накалом. Болдуин, собираясь в очередной ежегодный отпуск во Францию, опять попросил Черчилля возглавить переговоры. 26 августа на заседании правительства Черчилль с одобрением отозвался о требованиях шахтеров установить минимум оплаты труда. В тот же день, общаясь с представителями шахтеров, он сказал: «Я сочувствую вам». После чего попросил их изложить условия, которые он мог бы потом предъявить хозяевам шахт. Томас Джонс сообщал Болдуину, что 31 августа, выступая в палате общин, Черчилль говорил о шахтерах «уважительно, мирно и справедливо».

1 сентября в стремлении найти выход из тупика Черчилль пригласил Макдональда в Чартвелл. Визит лидера лейбористов прошел в строжайшей тайне. Макдональд предложил шахтерским лидерам пойти на переговоры с условием разработки полномасштабного, на государственном уровне, соглашения о минимальной оплате труда. Через два дня, после встречи с Макдональдом, Черчилль встретился с ними, и в обстановке секретности они разработали приемлемую формулу оплаты, которую впоследствии правительство должно было представить шахтовладельцам как условие прекращения забастовочных действий. Формула, которую принял Черчилль, базировалась на требовании установить минимальную заработную плату, которую предприниматели не имели права снижать. Теперь все зависело от соглашения с шахтовладельцами. Черчилль пригласил их в Чартвелл, надеясь, что сама атмосфера загородного дома будет способствовать миролюбивому настроению. Но они не уступили.

Черчилля это рассердило. Он сказал Болдуину, что с их стороны это упрямство и безрассудство. Тогда он решил внести принцип минимальной оплаты труда в правительственный законопроект, целью которого, как он сказал на заседании кабинета, было оказать давление на предпринимателей. Но кабинет выступил против, а Болдуин, вернувшийся в этот день из Франции, также отказался поддержать Черчилля. Кабинет не поддержал и другое предложение Черчилля, основанное на желании шахтеров, – учреждение принудительного

арбитражного суда.

Узнав, что Черчилль больше не пользуется в правительстве единодушной поддержкой, предприниматели еще упорнее стали отказываться рассматривать вопрос о минимальном уровне оплаты труда. Они даже отказались от трехсторонней встречи с Черчиллем и представителями шахтеров. Этот отказ, заявил Черчилль на заседании кабинета, абсолютно ошибочный и неразумный, не имеет прецедентов в недавнем прошлом. Тем не менее кабинет отказался от давления на предпринимателей и, к разочарованию Черчилля, решил, что правительство должно дистанцироваться от конфликта. Пускай, мол, предприниматели и шахтеры сами регулируют свои отношения.

27 сентября в палате общин Черчилль в последний раз попытался разрешить этот конфликт. Он предложил – с условием, что шахтеры вернутся на рабочие места без установления минимума оплаты, – учредить независимый Национальный трибунал, с полномочиями законодательного органа, который будет рассматривать каждый договор об уровне зарплаты и обеспечивать справедливость в каждом регионе. Но шахтеры, недовольные отказом предпринимателей обсуждать минимум оплаты, отказались и от этого предложения. Затем Черчилль попытался выработать формулу, которая позволила бы шахтерам согласиться на Национальный трибунал, так сказать, без потери лица. Коллеги по кабинету опять отказались поддержать его. «Большинству в нашей партии не нравится вмешательство правительства, – объяснял один из них своему другу в письме. – Мы убеждены, что Уинстон вмешивается не в свое дело, и совсем не расположены к нему».

Усилия Черчилля пропали даром. Его давление на шахтовладельцев ни к чему не привело. Желание сделать правительство посредником было отвергнуто, равно как и попытка успокоить шахтеров. «Боюсь, теперь борьба проиграна, – написал он своему парламентскому секретарю Роберту Бутби. – Эти люди считают себя сильнее государства. И такое же отношение у владельцев. Но это ошибка».

И в Казначействе, и в Чартвелле Черчилль продолжал работу над военными мемуарами. Гарольд Борн, менеджер издательского дома «Торнтон Баттеруорт» (Thornton Butterworth, the publishers), часто встречавшийся с ним, вспоминал, в какое раздражение приводили Черчилля ошибки в корректуре. «После каждой вспышки, – писал он, – в его насмешливых глазах появлялся особенный блеск. Похоже, чувство юмора редко покидало его».

Черчилль очень внимательно следил за всеми стадиями подготовки книги к изданию. 12 декабря он прислал Борну записку в стихах:

Прямо сейчас
В утренний час
Верстку сажусь читать.
Четвертого января
Подниму якоря,
И вам меня не поймать!

Юмор и философское отношение к жизни уживались в Черчилле. 28 декабря он писал Бивербруку: «Тот, кто достиг определенного уровня компетентности и власти в расцвете сил, способен совершить великие дела. Пока жизнь и здоровье позволяют, необходимо использовать их по максимуму». Его собственная работа продолжалась и в отпуске. Он собирался в последний раз этой зимой поиграть в поло на Мальте. «Если я скончаюсь на поле, – написал он, – в любом случае это будет достойный конец».

Черчиллю исполнилось пятьдесят два года. В начале 1927 г. он взял с собой в поездку верстку третьего тома военных мемуаров, которую ему представил Борн, и закончил работу над ней в Генуе. Затем на Мальте, после матча в поло, снова вернулся к политике. Он написал Болдуину о необходимости включить в будущий законопроект о тред-юнионах право любого члена профсоюза отказаться от обязательного политического взноса. В Афинах он дал интервью, выразив удовлетворение восстановлением парламентского правления в Греции. В Риме у него состоялись две краткие встречи с Муссолини. На пресс-конференции в итальянской столице он сказал: «Каждому видно, что Муссолини желает итальянскому народу исключительно добра в том виде, как он его понимает. Будь я итальянцем, я с самого начала и до конца был бы вашим горячим сторонником в вашей триумфальной борьбе против зверских аппетитов ленинизма. Но мы в Англии еще не столкнулись с этой опасностью в столь тяжелой форме. У нас свой путь».

Отпуск Черчилля омрачила новая проблема: нападение китайских милитаристов на британских подданных в двух портах. Кабинет решил направить в Китай военное подкрепление. Черчилль согласился. «Пока тебя реально не завоевали, – написал он Болдуину 22 января из Эза на юге Франции, – нет ничего хуже, чем уступать злу и насилию, опасаясь войны. Как только ты оказываешься в положении, когда ни при каких обстоятельствах

не в состоянии защитить свои права от агрессии, не будет конца новым требованиям или унижениям, которые придется терпеть».

В Эзе Черчилль остановился в замке Лу-Сей, принадлежавшем Консуэло Бальзан. Ее брак с его двоюродным братом Санни был расторгнут в 1921 г. В Эзе он продолжал следить за действиями кабинета в отношении Китая. 25 января он написал военному министру, призывая того послать танки в Шанхай. Но он был против отправления туда снарядов с газом, написав министру: «Очень рад, что вы выдерживаете свою позицию по газу. «Газ для Азии» – это, конечно, очень серьезный лозунг. Но я убежден, что вы найдете танки более эффективными как для боев в городе, так и для операций на открытой местности. Надеюсь, жесткие и адекватные усилия приведут к мирному решению. Но если нет, заклинаю вас, прежде чем использовать то, за что на вас ляжет огромная ответственность, употребить все возможные способы».

Из Эза Черчилль отправился в Париж, где 26 января обедал с Луи Лушером и некоторыми другими французскими политиками, в том числе с Венсаном Ориолем, который в 1947 г. станет первым президентом Четвертой республики. Из Парижа он уехал в поместье герцога Вестминстерского, где три дня охотился на кабанов, после чего вернулся в Лондон. Вскоре после этого из печати вышел третий том «Мирового кризиса». Читатели были поражены живыми, захватывающими описаниями сражений на Западном фронте. Д. М. Кейнс назвал книгу «антивоенным трактатом – более эффективным, чем деятельность любого пацифиста».

11 апреля Черчилль представил свой третий бюджет. Парламент был полон. «Сцена оказалась вполне подходящей, – сообщил Болдуин королю, – чтобы показать, какой способностью привлекать всеобщее внимание обладает Черчилль. Такой нет ни у кого в палате общин». Черчилль выдержал давление кабинета, не сократил налог на наследство и решительно был намерен увеличить доходную часть бюджета за счет введения новых налогов на импорт автомобильных шин и вина, а также повышения уже существующих акцизов на спички и табак.

Черчилль в роли канцлера произвел сильное впечатление на своих давних врагов. «Самое замечательное в нем то, как он смог приобрести, довольно поздно для парламентской жизни, огромный такт, терпение, чувство юмора, и подшучивал практически над всем, что происходило, – написал знакомому консерватор лорд Уинтертон, парламентарий с 1904 г. – Никто так терпеть не мог дураков, как прежний Уинстон; теперь же он

дружелюбен и доступен всем и везде. В итоге он стал тем, кем никогда не был до войны, – очень популярным во всей палате, и это великое приращение к его и без того громадному парламентскому влиянию».

Карикатуристы изображали «милого Уинстона» и «улыбающегося канцлера». Рассказывая королю о представлении бюджета, Болдуин подчеркнул его «бодрый оптимизм. Для мистера Черчилля характерна склонность к жизнерадостному озорству, которая часто проявляется в какой-нибудь колоритной фразе или остроумной реплике по отношению к оппонентам. Его враги скажут, что нынешний бюджет – это озорство, результат манипуляций и жонглирования государственными финансами, а его друзья – что это шедевр изобретательности».

Леопольд Эмери действительно заявил Болдуину, что бюджет Черчилля не содержит ничего, кроме трюков, и никак не способствует развитию промышленности, от которой в конечном счете поступают все доходы. Но Черчилль уже занимался разработкой плана по отмене региональных тарифов, чтобы избавить от непосильного бремени британскую промышленность и сельское хозяйство. Его врагами были рост безработицы и уменьшение торгового баланса. Недостающие суммы следовало компенсировать налогами. Двумя основными источниками новых доходов Черчилль считал налог на бензин и налог на прибыль.

Схема отмены тарифов будет отнимать у Черчилля в следующем году огромную часть энергии. Ему придется сосредоточиться на способах увеличения доходов посредством налогообложения. Для отмены тарифов требовалось 50 миллионов фунтов – именно столько надо было выплатить местным властям за потерю доходов. В перспективе наградой за это было процветание производства. «Отмена тарифов, – говорил он Болдуину, – введет в действие важные и масштабные меры, которые поднимут нас. Промышленники получат новый стимул, производители сельскохозяйственной продукции успокоятся, огромная масса плательщиков тарифов будет изумлена и благодарна. Если нынешнее тарифное обложение сместит акцент с собственности на прибыль, депрессивные отрасли и предприятия испытают огромное облегчение, и этот эффект окажет серьезное положительное влияние на конкурентоспособность и уровень занятости в стране».

Болдуин одобрил его план. Но Невилл Чемберлен волновался, как бы Черчиллю снова, как в ситуации с проектом страхования 1925 г., не достались все сливки. Вдохновленный

энтузиазмом сотрудников своего министерства, Черчилль ринулся в дело, занимаясь этим все лето в Чартвелле. Одновременно он рисовал, занимался строительством каменной ограды, плотин и прудов, а также приступил к новому литературному труду – автобиографии, охватывающей период с раннего детства до прихода в парламент в 1900 г.

Этим же летом Клементина в Лондоне была сбита автобусом и сильно пострадала. Пока муж был в Чартвелле, она шесть недель лечилась в Венеции. Черчилль диктовал главы автобиографии, а каждый вечер выключал свет и по радио слушал музыку с братом Джеком. Он ездил в Шотландию с другом, герцогом Вестминстерским, охотиться на оленей и ловить лосося, а в октябре приехал к жене в Венецию. Там он также занимался живописью, плавал и писал. А в Лондоне в это время строили предположения о его будущем. «Болдуин, похоже, под сильным влиянием Черчилля, – написал лейборист, член парламента Джозайя Веджвуд своему другу. – Возможно, потому что Черчилль никогда не впадает в отчаяние. Он, как всегда, молод, и его игра по-прежнему – страна и политика. Говорят, Болдуин очень устал, а возможно, болен и что он уйдет в отставку до выборов и посоветует королю назначить Черчилля».

Клементина осталась поправлять здоровье в Венеции, а Уинстон вернулся в Лондон. Ему нужно было найти 50 миллионов фунтов. Попытка раздобыть 3 миллиона за счет сокращения расходов военно-морского ведомства не увенчалась успехом. На заседании кабинета министров Невилл Чемберлен поддержал Адмиралтейство, и сокращения свелись к минимуму. Пока сотрудники министерства совершенствовали схему, один из них предупредил, что доход, полученный от отмены тарифов, будет препятствовать выплате государственного долга. Неисправимый оптимист и энтузиаст Черчилль ответил: «Я прошу вас во всех последующих замечаниях учитывать веру и надежду в растущую силу нашего государства». Его неожиданным союзником стал член парламента от консерваторов Гарольд Макмиллан, который проявил такой энтузиазм к идее отмены тарифов, что Черчилль выделил ему отдельное помещение в здании министерства, в котором он работал над документами.

17 декабря, через три недели после пятьдесят третьего дня рождения, Черчилль был готов представить свой план кабинету министров. Первый экземпляр с надписью «Мое лучшее детище» он послал Болдуину. Свой экземпляр получил и Невилл Чемберлен, который через семь дней откликнулся пространным комментарием и сопровождающей его запиской: «Вы поймете, что мое отношение хотя и осторожное, но не совсем

отрицательное». Главным предложением Чемберлена было проводить отмену тарифов постепенно, например, для начала на 50 процентов, а также не вводить налог на бензин, с которого Черчилль надеялся получить 20 из требующихся 50 миллионов фунтов. Чемберлен опасался, что такой налог вызовет крайнее недовольство автомобилистов – растущей прослойки электората. Макмиллан тоже предлагал поэтапную схему – снижение тарифов на 66 процентов, – поскольку опасался, что налог на прибыль, вводимый исключительно в целях компенсации этого огромного послабления для промышленности, способен в руках социалистического правительства включить «страшный мотор фискального вымогательства».

Лорд Вейр, бывший генеральный директор департамента самолетостроения в Министерстве вооружений, ознакомившись с планом, 3 января 1928 г. написал Черчиллю: «Этим вы сделаете для угольной промышленности больше, чем все доклады угольных комиссий вместе взятые». Но Чемберлен уже предложил сократить тарифы только на треть. Черчилль с неохотой, но согласился. 4 января он написал Болдуину, что «идет на это, лишь желая получить более полное одобрение, и готов пожертвовать классической чистотой идеи ради более легкого ее принятия». Поскольку теперь налоговых поступлений требовалось меньше, Черчилль решил отказаться от налога на прибыль и основную часть необходимой суммы получить с налога на бензин.

В январе Черчилль с сыном провели два дня на севере Франции, охотясь на кабанов. Вернувшись в Чартвелл, он созвал гостей. Среди них был студент Оксфорда Джеймс Ли-Милн. Позже он вспоминал: «После ужина, когда со стола сняли скатерть, мистер Черчилль провел увлекательные два часа, на графинах и бокалах демонстрируя битву при Ютланде. Это было потрясающе. Он был восхитителен. Он вел себя как школьник, издавая лающие звуки, имитирующие залпы пушек, и выпуская клубы сигарного дыма, изображающие дым разрывов. А на следующее утро он мерил шагами свой сводчатый кабинет, диктуя автобиографию. Звук шагов по половицам и знакомый голос были хорошо слышны. А после обеда он в болотных сапогах по пояс в воде уже бродил по своему озеру».

20 января Черчилль представил в кабинете министров план сокращения тарифов. «Похоже, они были слегка подавлены объемом работы, которую предстоит сделать, – написал Черчилль Бальфуру. – Но в конце концов основная ее часть свалится на меня. Я готов к этому и вполне уверен, что могу достичь

удовлетворительного результата». 31 января комитет по политической стратегии кабинета министров под председательством Невилла Чемберлена согласился с тем, что частичное сокращение тарифов станет частью бюджета на 1928 г. Через три дня в Бирмингеме Черчилль открыл публичную кампанию за сокращение тарифов, охарактеризовав тарифы как «изнурительную ношу для промышленности и сельского хозяйства, взимаемую, в отличие от налога на прибыль, невзирая на наличие или отсутствие доходов».

16 февраля министры собрались в комнате правительства в знак уважения к Асквиту, который скончался днем ранее. После этого Черчилль принялся объяснять свой план заместителю секретаря кабинета Томасу Джонсу, которого он ранее приветствовал в Чартвелле. Он считал его уравновешивающей силой по отношению к яростному консерватизму Линдеманна. Черчилль сказал ему, что «компенсация местным властям недополученной прибыли – коммунистический принцип: от каждой власти по способности, каждой по потребности».

В марте реализация схемы столкнулась с первыми трудностями. Чемберлен был недоволен тем, что она мешает его планам сделать что-нибудь для помощи бедным. Черчилль пытался убедить его продолжать заниматься собственными планами, но тщетно. На каждом совещании комитета по политической стратегии у Чемберлена появлялись новые возражения. «При вашем сопротивлении я ничего не смогу добиться», – написал ему Черчилль 12 марта.

Последовал обмен язвительными обвинениями. Чемберлен настаивал, чтобы из тарифной схемы Черчилля были исключены железные дороги. Черчилль возражал, что это сделает невозможным уменьшение издержек фермеров, перевозящих по железной дороге свою продукцию. Но Чемберлен, заинтересованный в привлечении на свою сторону представителей региональных властей, был непреклонен. Черчилль снова уступил, не без горечи написав Чемберлену: «Все больше склоняюсь к мысли передать эти щекотливые проблемы другому парламенту и, возможно, в другие руки».

4 апреля, после двух дней напряженных дискуссий, все было решено. «Полное согласие, по крайней мере, на 75 процентов от того, к чему я стремился. Невилл – само упрямство, и, по-моему, необоснованное. Даст бог, эти планы принесут некоторое процветание бедной старой Англии» – так описывал это Черчилль Клементине. Но утрата 25 процентов и враждебность Чемберлена охладили его энтузиазм.

24 апреля Черчилль представил четвертый бюджет.

«Все галереи для публики были забиты, – рассказывал Болдуин королю. – В галерее пэров на своих местах были замечены их королевские высочества принц Уэльский и герцог Глостерский». В речи, длившейся три с половиной часа, Черчилль восхищал и развлекал палату; объявляя о почти стопроцентном увеличении детских пособий, он, кроме того, объявил о принципиальном курсе поддержки производителей. Цель, как заявил Черчилль, оживить промышленность и создать новые рабочие места. Четко, терпеливо, с множеством подробностей он изложил план сокращения тарифов и объяснил, каким образом это может быть реализовано.

Болдуин сказал королю, что речь Черчилля стала его «едва ли не самым замечательным ораторским достижением». Но дебаты проходили без него. Тяжелый приступ инфлюэнцы вынудил его остаться в постели в Чартвелле. Как только он почувствовал себя в силах, то отправился поправлять здоровье в Роузхолл, поместье герцога Вестминстерского, где читал книгу Бивербрука о первых месяцах войны, о своих друзьях и коллегах-политиках в 1914 г. «Думаю об этих людях, – написал он Бивербруку, – благородных, образованных. Патриотичные, верные, чистые – и какую же страшную путаницу они устроили. Необучаемость с младенчества до могилы – вот первая и главная черта человечества».

В конце своего письма Бивербруку Черчилль приписал: «Больше никаких войн». В этом июле Комитет имперской обороны обсуждал так называемое «правило десяти лет», касающееся расходов на оборону. Это правило было принято комитетом в 1919 г. Согласно ему, расходы на оборону в каждом году должны основываться на том, что в ближайшие десять лет войны в Европе не предвидится. Черчилль был за то, что правило должно ежегодно пересматриваться. Задача, считал он, не препятствовать развитию, а ограничивать массовое производство, пока ситуация не потребует иного. Безопасность, разумеется, следует поддерживать, но чрезмерные и несвоевременные расходы нужно исключить. Он доказывал, что необходимо избегать производства вооружений, кораблей и самолетов, которые могут устареть к началу войны.

Болдуин сначала выступал против «правила десяти лет», но согласился с аргументами Черчилля и прежде всего Остина Чемберлена о том, что новая война в Европе не является неизбежной. Комитет принял предложение Черчилля о ежегодном пересмотре правила, с тем чтобы, если возникнут признаки войны, успеть подготовить новейшее оборудование и вооружение.

Летом 1928 г. в Консервативной партии вновь активно обсуждалась идея возвращения протекционизма. Черчилль опять

оказался не в ладу с коллегами. В июле лорд Дерби написал ему: «Берегитесь, как бы атака на свободу торговли по ошибке не перешла в вендетту против вас». Черчилль, однако, не унывал. В августе он написал Клементине: «Я чувствую себя совершенно независимым от всех». Было понятно, что ему не видать руководства Консервативной партией, пока ее лидеры испытывают к нему недоверие. «Он блестящий своевольный ребенок, – написал Невилл Чемберлен другу. – Он вызывает восхищение, но своим поведением до крайности утомляет опекунов».

Черчилль заставлял работать своих «опекунов» или вызывал у них чувство вины, поскольку работал сам, в то время как они отдыхали. Лето и осень он в основном провел в Чартвелле, заканчивая последний том своих военных мемуаров. «Помните мой совет и следуйте ему! – предупреждал его Болдуин 5 августа. – Кисти, ручки, дамбы – и ничего больше». – «У меня был чудесный месяц, – отвечал он Болдуину 2 сентября. – Я строил коттедж и диктовал книгу. 200 кирпичей и 2000 слов в день». Черчилль помогал класть кирпичи в маленьком садовом домике, который строился для пятилетней Мэри.

Каждый день из Казначейства ему привозили документы, и он работал с ними по нескольку часов. В этом месяце один из его гостей, Джеймс Скримджер-Уэддерберн, после двухчасовой беседы с Черчиллем записал в дневнике: «Когда он увлекается чем-то, то начинает быстро ходить по комнате, наклонив вперед голову и засунув большие пальцы в проймы жилета, словно стараясь поспеть за потоком мыслей. Если он замедляет ходьбу, достаточно сделать несколько замечаний – и все по новой».

Осенью началась активная международная деятельность, инициированная Соединенными Штатами и направленная на сокращение вооружений тремя крупнейшими державами – Британией, Францией и самими США. «Лично я против всех непродуманных попыток форсировать соглашение по разоружению, – написал Черчилль советникам своего министерства 9 сентября. – Мы часто говорим, что Германия будет демилитаризована, предполагая, что другие страны тоже займутся демилитаризацией и что Франция – в особенности морально – обязана провести ее. Однако я не признаю каких-либо моральных обязательств. Немцы были повержены и сдались на милость победителей. Любые шаги союзников по сокращению вооружений – вопрос не обязательств, а нашей доброй воли».

Черчилль подчеркнул, что после 1919 г. положение Франции существенно изменилось: «Она уступила прирейнские территории в обмен на гарантии Соединенных Штатов и Британии прийти ей

на помощь в случае германской агрессии. Американцы отозвали свое обещание, и теперь Франция не в безопасности, которая была ей гарантирована за отход от Рейна. Единственная гарантия ее безопасности – это ее армия и Локарнские договоры. Но действенность Локарнских договоров зависит только от французской армии. До тех пор пока она достаточно сильна, немецкой агрессии не будет. С другой стороны, в соответствии с Локарнскими договоренностями Британия обязуется прийти на помощь Германии в случае провокаций со стороны французской армии. Это обеспечивает Германии полную безопасность, ибо немыслимо представить, чтобы Франция напала на Германию, не считаясь с самой Германией и Британией. Таким образом, сила французской армии защищает нас от вероятной опасности втянуться в события в Европе. И совершенно не в наших интересах стремиться сократить армию Франции ниже уровня безопасности. Более того, Франция никогда не согласится на подобное сокращение, и рассчитывать на это абсолютно необоснованно».

В конце сентября король пригласил Черчилля на четыре дня в Балморал поохотиться на оленей и куропаток. Там он впервые увидел принцессу Елизавету, которой было два с половиной года. «Это то еще создание, – писал он Клементине. – В ней чувствуется властность и рассудительность, поразительная для младенца».

В ноябре Черчиллю исполнилось пятьдесят четыре года. «Вы все еще ребенок, – написал ему Болдуин, – поэтому могу сказать: желаю долгих и счастливых лет жизни». Черчилль встретил день рождения в Чартвелле. Клементина находилась в клинике, лечась от заражения крови. Черчилль проводил максимум возможного времени в Чартвелле, диктуя последние главы своих военных мемуаров. Рождество он встретил с Клементиной, к тому времени поправившейся, тремя дочерьми и Рэндольфом, которому оставалось несколько месяцев учебы в Итоне.

7 февраля 1929 г. Черчилль присутствовал в Лондоне на экстренном совещании кабинета министров. Согласно последним сообщениям, Германия, демилитаризованная и ослабленная, тем не менее приступила к созданию нового линейного крейсера – легкого, быстрого, хорошо вооруженного, с большей скорострельностью и большим радиусом действия, чем британские конкуренты. Новое немецкое судно собирались оснастить 11-дюймовыми пушками. В Британии они были запрещены по Вашингтонскому договору о военно-морском разоружении 1922 г. Но Черчилль был бдителен и внимательно

следил за намерениями Германии и тем, как она наращивает свою военную силу. «Этот корабль, – объявил он, – сразу сделал устаревшими все наши корабли такого класса».

На май были назначены всеобщие выборы. В первом предвыборном выступлении Черчилль обрисовал опасность смены правительства. Он предупреждал: «В случае прихода к власти лейбористов те вернут свободу действий русским большевикам, которые немедленно начнут пропаганду на шахтах, заводах, фабриках и в армии, чтобы подготовить новую всеобщую стачку. А наши уважаемые министры будут дергаться как марионетки в зависимости от решений этой международной хунты».

Это было главной темой предвыборной кампании Черчилля. Она выглядела тем более актуальной и острой с учетом того, что он, как писал Бивербрук, «заранее смирился с поражением на выборах». Другие консерваторы – члены кабинета министров – полагали, что партия сохранит свое положение, и на некоторых собраниях обсуждали будущее Черчилля. Чаще всего назывались посты министра по делам Индии и министра иностранных дел. Сам Болдуин предлагал Черчиллю заняться делами Индии. Черчилль позже вспоминал: «Похоже, он решил, что если я в 1906 г. провел через парламент конституцию Трансвааля, а в 1922 г. конституцию Ирландского Свободного государства, то соответственно теперь мог бы заняться третьим серьезным делом по организации самоуправления в другой части империи». Однако Черчилля это не привлекало. Лорд Биркенхед, который тогда занимал пост министра по делам Индии, обсуждал с ним многие вопросы, касающиеся самоуправления в Индии. У них были в равной степени серьезные опасения по поводу этого огромного субконтинента.

Невилл Чемберлен проявлял все большую враждебность. Однажды он написал: «Если Черчилль станет министром иностранных дел, то Болдуин будет просыпаться по ночам в холодном поту с мыслями об очередном опрометчивом его поступке». Однако Болдуин, обладая глубокой верой в государственную мудрость Черчилля, действительно склонялся предоставить ему пост министра иностранных дел. 4 марта он сказал Лео Эмери: «У Черчилля есть реальный шанс проявить себя и вдохнуть жизнь в то, что Асквит превратил в смертельно скучное дело».

7 марта, пока продолжались политические игры, из печати вышел четвертый том военных мемуаров Черчилля под названием «Мировой кризис. Последствия» (The World Crisis: The Aftermath). Эта книга была призывом к мирному урегулированию всех

послевоенных обид и неравенства. В этом же месяце он дал согласие написать еще один многотомный труд – биографию своего предка Джона Черчилля, герцога Мальборо. Он также собирался завершить автобиографию и думал о пятом, и заключительном, томе военных мемуаров, посвященном событиям на Восточном фронте и большевистской революции. Если бы итоги всеобщих выборов в мае оказались не в пользу консерваторов, он бы без дела не остался.

15 апреля Черчилль представил парламенту пятый бюджет. До него это удавалось только Уолполу, Питту, Пилю и Гладстону. Каждый из них после этого со временем становился премьер-министром. Когда Черчилль заявил, что отменяет пошлину на чай, которая существовала со времен королевы Елизаветы, теневой министр финансов лейборист Филип Сноуден назвал это «предвыборной взяткой». Черчилль тут же парировал, напомнив, что сам Сноуден называл налог на чай «ломающим согнутые спины рабочего класса».

Черчилль выступал почти три часа. «Лучшего выступления я от вас никогда не слышал, и это говорит о многом, – написал ему Болдуин на следующий день. – Ненавижу слово «бриллиант» – его затаскали, но, если иметь в виду его первоначальный смысл, могу сказать: ваша речь – бриллиант чистой воды. Голосую за вас двумя руками». Невилл Чемберлен написал в дневнике, что речь «поразила и захватила всю палату умом, смелостью, искусностью и силой». Через две недели в рамках предвыборной кампании Черчилль впервые выступил с речью по радио. Он призвал слушателей голосовать за консерваторов. Он сказал: «Остерегайтесь колебаний и изменений в политике, остерегайтесь карточных шулеров, ненужных одолжений, а более всего остерегайтесь, как оспы, классовой войны и ожесточенных политических распрей». 6 мая он повторил это же в Эдинбурге и Глазго. Но выступления не помогли: 30 мая консерваторы проиграли, и Рамсей Макдональд сформировал свое второе правительство.

Черчилль был переизбран в Эппинге. Потеряв место в кабинете министров, он остался в парламенте. С того момента, как он впервые был избран в палату общин, прошло двадцать девять лет. «Он хороший боец, – написал Т. Лоуренс Маршу в июне, – он добьется большего и вернется более сильным, чем раньше. Хочу, чтобы когда-нибудь он стал премьер-министром».

Глава 23
Без поста

Через две недели после поражения консерваторов Черчилль приступил к работе над четырехтомной биографией первого герцога Мальборо. Молодой историк из Оксфорда Морис Эшли объездил множество архивов в Англии и Европе, чтобы разыскать и привезти ему материалы. Организовав эту работу, Черчилль выступил в палате общин, поддержав планы лейбористов выделить деньги на общественные работы, чтобы снизить уровень безработицы в угледобывающих регионах. Но главной его политической задачей было найти способы как-то нивелировать поражение консерваторов. Через месяц после выборов он стал убеждать Болдуина, что консерваторы должны искать союза с либералами.

27 июня с одобрения Болдуина Черчилль встретился с Ллойд Джорджем, чтобы обсудить возможность соглашения консерваторов с либералами, на первых порах ограничившись конкретными темами, поднимаемыми в парламенте. «На меня производит глубочайшее впечатление характер ситуации, – объяснял он Болдуину через два дня. – Восемь миллионов тори, восемь миллионов лейбористов, пять миллионов либералов! Куда пойдут эти пять миллионов? Если Консервативная партия обратится к протекционизму и если антилиберальные обиды возьмут верх, тогда результат будет только один – и очень вероятно, до конца нашей жизни: либерально-лейбористский блок и окончательное отлучение консерваторов от власти».

Черчилль повторил призыв к установлению дружественных отношений между консерваторами и либералами на заседании теневого кабинета 11 июля, но Эмери не отказался от своего стремления вернуться к протекционизму и нашел союзника в лице Невилла Чемберлена. В то же время на фоне роста националистических настроений в Египте Макдональд объявил о решении правительства вывести британские войска из Каира и разместить их на Суэцком канале, а также об отзыве верховного комиссара лорда Ллойда, неизменного сторонника сохранения там британского влияния. Черчилль позже вспоминал: «После отставки Ллойда я активно выступил против этого грубого и неожиданного решения и надеялся, что в рядах консерваторов возобладают такие же настроения. Но мистер Болдуин, как человек деловой и, безусловно, хорошо чувствующий общественные настроения, не счел, что это достаточный повод

вступать в конфликт с правительством. Это, вполне возможно, подтолкнет к правительству либералов и оставит консерваторов в явном меньшинстве».

Ллойд Джордж обратился лично к Черчиллю с просьбой «оценить его по справедливости». Черчилль позже написал: «Я сказал ему, что выступлю против правительства по этому делу, поскольку считаю решение не только слабым политически, но и несправедливым по отношению к человеку, находящемуся на своем месте. Мистер Болдуин был против, но я настаивал. Когда я поднялся со своего места на передней скамье оппозиции, чтобы задавать вопросы правительству, он сидел молча с недовольным видом. Я сразу же понял, что «кнуты»[31] потрудились весь предыдущий вечер, чтобы донести до членов партии, что их лидер не считает нужным акцентировать внимание на данном вопросе. Ропот и даже выкрики несогласия послышались со скамей консерваторов. Со стороны правительства меня пытались прерывать весьма враждебно, и стало совершенно очевидно, что я практически в полном одиночестве».

Выступление Черчилля в защиту Ллойд Джорджа стало первой трещиной в его отношениях с лидерами партии. «Не обращайте внимания, – написал он Ллойд Джорджу 28 июля. – Вы сделали все, что могли, и, если Британия, единственная из современных стран, предпочитает отказаться от своих прав, своих интересов и своей силы, она об этом впоследствии горько пожалеет». Через шесть дней Черчилль покинул Англию. Он отправился в путешествие по Канаде и Соединенным Штатам с сыном, братом и племянником Джонни. «Как хорошо все-таки убраться подальше из Англии, – написал он Бивербруку перед отъездом, – и не чувствовать никакой ответственности за ее чрезвычайную политическую нелепость». Клементине, которая не чувствовала себя в силах отправиться в столь дальний вояж, он написал во время трансатлантического плавания: «Дорогая моя, мне порой становится печально при мысли, что ты грустишь дома. Пиши мне. Меня очень огорчает, что ты там в одиночестве».

Вместе с ними на корабле плыл Эмери. Он записал в дневнике рассуждения Черчилля о Дарданеллах: «Говоря о ряде неудач, которые помешали нашему успеху, он сказал, что утешается тем, что Бог пожелал продлить ситуацию, чтобы люди как следует устали от войны. Другим доказательством Божьего промысла было появление Ленина и Троцкого, в которых очень нуждалась преисподняя».

9 августа Черчилль прибыл в Квебек. На второй день они съездили в канадскую глубинку полюбоваться природой –

холмами, лесами и реками. Вечером, глядя в окно отеля на освещенные здания бумажной фабрики, он сказал сыну: «Надо же – вырубать такие прекрасные деревья для дурацких газет и называть это цивилизацией!» Устроившись с комфортом в персональном вагоне, предоставленном в их распоряжение американским стальным магнатом Чарльзом Швабом, который в 1915 г. по просьбе Черчилля построил подводные лодки за шесть месяцев вместо обычных четырнадцати, он отправился в Ванкувер. У него с Джеком были большие купе с двуспальными кроватями и личными ванными комнатами. В вагоне была гостиная, смотровая площадка и просторная столовая, которую он использовал под кабинет, а также кухня, холодильники, вентиляторы, помещения для обслуживающего персонала и радиостанция.

Черчилль произнес две речи в Монреале, одну в Оттаве и одну в Торонто. «Никогда в жизни меня не встречали с таким неподдельным интересом и восхищением, как в этой огромной стране, – писал он Клементине. – Все партии и классы одинаково радушны. Рабочие на улицах, девушки-лифтерши, ветераны войны, фермеры – все, вплоть до самых высоких чиновников, демонстрируют искреннее удовольствие при встрече, жмут руку, чем я глубоко тронут. Я хочу отдать все силы, чтобы познакомить граждан Британии с Канадой и способствовать формированию более тесных связей между нашими народами».

В Калгари Черчилль посетил нефтяные промыслы. Рэндольф заметил, что нефтяные магнаты некультурны и не умеют правильно тратить деньги, на что Черчилль возразил: «Культурные люди – просто блестящая пена, которая плывет по поверхности глубокой реки промышленности».

27 августа из Банфа Черчилль написал Клементине: «Если Невилл Чемберлен или кто-то вроде него станет лидером Консервативной партии, я уйду из политики и попробую устроить тебе и котяткам более удобную и спокойную жизнь, прежде чем умру. Только одна цель привлекает меня, и, если она окажется недоступной, я брошу это безрадостное занятие и уйду на новые пастбища». Он думал о премьерстве.

Проехав по Скалистым горам и постояв с мольбертом на Лейк-Луиз, Черчилль добрался до Ванкувера, где еще два раза выступил с речами, после чего двинулся на юг, в Соединенные Штаты, сначала в Сан-Франциско, затем еще южнее, в роскошный замок Уильяма Рэндольфа Херста Сан-Симеон с видом на Тихий океан. «Огромные доходы всегда сопровождаются чрезмерными расходами, – писал Черчилль Клементине. – Непрерывное

строительство, не очень разборчивое коллекционирование произведений искусства, два величественных дома, две очаровательных жены (помимо законной жены у Херста была любовница, актриса Мэрион Дэвис. – *М. Г.*), полнейшее равнодушие к общественному мнению и строго либеральные и демократические взгляды. Оборот 15 миллионов в день, восточное гостеприимство, чрезвычайная любезность (к нам, по крайней мере) и внешность квакера, или, скорее, старого мормона».

Херст попросил Черчилля писать для своих газет. Это обеспечило существенный дополнительный доход на ближайшее десятилетие. Литературные заработки стали огромными. Только в этом месяце аванс за биографию Мальборо, гонорары за три статьи в Nash's Pall Mall и отчисления за последний том военных мемуаров в сумме оказались эквивалентны зарплате премьер-министра за два с половиной года.

20 сентября Черчилль ужинал в Голливуде с Чарли Чаплином и пообещал написать киносценарий «Молодой Наполеон», если Чаплин сыграет главную роль. «Он удивительный комик, – рассказывал Черчилль Клементине, – большевик в политике и очарователен в жизни». За пять дней пребывания в Лос-Анджелесе он пообщался с несколькими группами американских бизнесменов, утверждая, что Англия и Соединенные Штаты обязаны сотрудничать. Один британский дипломат сообщил в Лондон: «Эти беседы дали поразительные и мгновенные результаты среди тех, кто до последнего времени был настроен против нас и наших интересов».

Прокатившись по величественной Йосемитской долине, Черчилль вернулся в поезд. Они проехали через пустыню Мохаве и Большой каньон. В Чикаго он говорил о том, что британский и американский флот в случае необходимости смогут действовать вместе для сохранения мира. Из Чикаго он отправился в Нью-Йорк, потом осмотрел поля сражений Гражданской войны. «Дома фермеров и церкви до сих пор хранят следы от пуль и снарядов, – рассказывал он Клементине. – В лесах траншеи и окопы. В стволах деревьев еще полно застрявших пуль. После войны прошло почти семьдесят лет, но, если заглянуть в человеческие души, в них наверняка тоже остались шрамы».

Далее Черчилль отправился на завод «Бетлехем-стил», где его принимало руководство компании и устроило трехчасовую экскурсию по гигантскому предприятию, затем вернулся в Нью-Йорк. Это был знаменитый «Черный четверг» – день, когда произошел обвал на фондовом рынке. Акции Черчилля тоже

рухнули. Потери превысили 10 000 фунтов (в ценах 1990 г. – более 200 000). Вечером в его честь был устроен ужин. Присутствовали более сорока бизнесменов. Один из них, произнося тост за здоровье Черчилля, начал свою речь словами: «Друзья и бывшие миллионеры».

«На следующий день, – вспоминал позже Черчилль, – я увидел из окна своей спальни, как какой-то джентльмен бросился с пятнадцатого этажа и разбился. На Уолл-стрит в момент наивысший паники я был узнан каким-то человеком, который пригласил меня на фондовую биржу. Я ожидал увидеть столпотворение, но зрелище, представшее моим глазам, оказалось на удивление спокойным и упорядоченным. Сотрудники биржи ходили как в замедленной киносъемке, предлагая друг другу огромные пачки ценных бумаг за треть прежней стоимости, но не могли найти ни одного смельчака, согласившегося бы приобрести состояние, которое они предлагали».

30 октября Черчилль на пароходе отплыл из Нью-Йорка. Он был в плохом настроении. Неделю назад теневой кабинет консерваторов по настоянию Болдуина согласился поддержать план лейбористского правительства относительно Индии. С Черчиллем, поскольку он был в Нью-Йорке, не посоветовались. Согласно этому решению, оглашенному 31 октября вице-королем лордом Ирвином, Индии предоставлялся статус доминиона. Сохранялся пост вице-короля, назначаемого из Лондона, и британские вооруженные силы для обороны страны, но Индия должна была в ближайшие годы заменить местными кадрами все руководство. Черчилль был уверен, что это ошибочное решение и что индусы и индийские мусульмане не готовы управлять страной. Необходимо было, по его мнению, еще несколько десятилетий британского правления, прежде чем эти народы смогут взять на себя ответственность за свою судьбу, не допустив расколов, кровопролития и неравенства. Он полагал также, что после предоставления статуса доминиона с новой силой зазвучат требования о полной независимости, против чего возражали и Макдональд, и Болдуин. Черчилль был убежден, что индийцы пока готовы только к самоуправлению на региональном уровне.

6 ноября Черчилль прибыл в Лондон. На следующий день в палате общин он слушал, как Болдуин говорил о том, что Консервативная партия поддерживает предоставление Индии статуса доминиона. «Во время всего выступления Уинстон сидел хмурый и несчастный», – написал Ирвину председатель Консервативной партии Д. К. К. Дэвидсон. Сэмюэл Хор сообщал

тому же Ирвину: «Во время дебатов Уинстон чуть с ума не сходил от ярости, а по их завершении ни с кем не мог разговаривать». Но Черчилль не собирался молчать. В статье, опубликованной 16 ноября в Daily Mail, он писал: «Британское правление принесло Индии мир и процветание. Была установлена справедливость в отношении всех народов и каждого человека. Наука была поставлена на службу огромному и беспомощному населению. Но индусы, которым было позволено соблюдать все их традиции и обычаи, до сих пор третируют шестьдесят миллионов своих сограждан – «неприкасаемых», чье простое появление на улицах считается оскорблением, а их существование – заразой. Не может быть дан статус доминиона тем, кто так плохо относится к своим соплеменникам, проливающим пот на их же благо. Наделение их статусом доминиона будет преступлением».

Как Черчилль и предполагал, крупнейшая партия Индии, Индийский национальный конгресс, тоже воспротивилась статусу доминиона. Через шесть недель после появления его первой критической статьи новый лидер конгресса Джавахарлал Неру, получивший, кстати сказать, как и Черчилль, образование в Харроу, потребовал полной независимости Индии. Неру призвал всех членов Индийского конгресса уйти со своих постов и начать всеиндийскую кампанию за неповиновение британскому правлению. Кампанию поддержал духовный лидер индийского национализма Махатма Ганди. Ирвин арестовал и его, и Неру.

13 ноября Черчилль отметил пятьдесят пятый день рождения. Вскоре после Рождества он предложил радиостанции Би-би-си 100 фунтов за возможность выступить с десятиминутной речью против предоставления Индии статуса доминиона. Ему отказали. Тщетно он протестовал против политики запрещения общественному деятелю обращаться к обществу, которое хочет его услышать.

30 октября 1930 г. вышла из печати автобиографическая книга Черчилля «Мои ранние годы» (My Early Life). Это было доброе и остроумное повествование о годах учебы и армейской службы, полное размышлений о жизни и о политике. «Мне бы хоть половину вашего таланта», – написал ему Болдуин. Т. Лоуренс отметил: «Зрелая, веселая мудрость, мужество и рассудительность, которые я воспринимаю как естественные, поскольку неоднократно видел это в ваших действиях. Не так много людей способны прожить 25 лет без злобы». От Макдональда с Даунинг-стрит пришла собственноручная записка: «Когда у меня хватит смелости высунуться в окно, вы получите в ответ экземпляр моей книги с благодарностью.

Но на это никаких шансов, если только какая-нибудь старая торговка рыбой не превратится в биографа. Вы интересный парень, а я унылый пес. Да пребудут с вами слава и деньги».

Книга «Мои ранние годы» была вскоре переиздана и переведена на многие языки. Но удовлетворенность Черчилля как писателя резко контрастировала с его переживаниями из-за политической изоляции. Лидеры консерваторов в это время согласились принять участие в конференции в Лондоне, чтобы совместно с индийскими лидерами проработать детали статуса доминиона. Черчилля огорчало и то, что Консервативная партия отказалась от политики свободной торговли. Это делало невозможным альянс консерваторов с либералами, на который он рассчитывал как на основную политическую силу в борьбе с лейбористами. Тем не менее у него не было намерения второй раз выходить из партии, которую он покинул двадцать шесть лет назад. Он заявил Эмери, главному стороннику политики тарифов: «Я предполагаю держаться за вас с лояльностью пиявки».

За месяц до пятьдесят шестого дня рождения Черчилля внезапно скончался его друг лорд Биркенхед. Он был всего на два года старше Черчилля. Они были ближайшими друзьями на протяжении двадцати пяти лет. В некрологе, опубликованном в Times на следующий день, Черчилль написал: «Он был самым верным, преданным, доблестным другом, о каком можно только мечтать; мудрым, эрудированным, приятным спутником. Не думаю, что он пожелал бы себе иной жизни, кроме жизни, полной сил и энергии. Все, кто его знал, будут скорбеть по нем и часто вспоминать. Наша страна обеднела. Сейчас то время, когда он был бы больше всего нужен. Без его проницательности, острого смелого ума, опыта, интеллектуальной независимости, глубокого понимания всех проблем нация обеднела. Его счастливая, блестящая, благородная, добрая жизнь завершилась. Она завершилась в годы, когда он мог бы внести величайший вклад в будущее Англии, которую так сильно любил».

За неделю до пятидесятишестилетия Черчилля Клементина написала Рэндольфу, который был уже студентом Оксфорда: «Политика неблагоприятно сказывается на папе. Иногда он приходит в уныние, но, к счастью, не очень глубокое. Успех и похвалы его книге уравновешивают грусть». В конце ноября у Черчиллей появился и повод для радости: Диана обручилась с Джоном Бейли, сыном южноафриканского шахтовладельца и миллионера сэра Эйба Бейли, которого Черчилль знал много лет. Их свадьба стала событием светской жизни Лондона, но брак

оказался неудачным. Через три года Диана подала на развод и вышла замуж за молодого члена парламента от консерваторов, Дункана Сэндиса, с которым впервые встретилась, когда Рэндольф был его соперником на дополнительных выборах.

12 декабря Черчилль был основным выступающим на первом открытом заседании Индийского имперского общества, созданного для противодействия принятию статуса доминиона. Он выразил серьезные сомнения в том, что наступило время для предоставления Индии статуса доминиона, особенно в свете нарастающей волны гражданского неповиновения в этой стране. Невилл Чемберлен также в приватной беседе сказал, что индийцы вряд ли будут готовы к самоуправлению в ближайшие пятьдесят лет. Но поддержка Болдуина стала принципом партийной политики, и Ирвин, пожизненный консерватор и близкий друг многих лидеров Консервативной партии, стал своего рода связующим звеном между правительством Макдональда и теневым кабинетом.

В выступлении в палате Черчилль предупредил об опасностях, поджидающих Индию, если британское господство будет заменено гандийским. Правители местных территорий и многочисленное мусульманское население будут вынуждены к компромиссу с новой властью. «Неприкасаемые», лишенные по индуистской религии даже намека на человеческие права, больше не будут защищены. Единственный способ избежать политических потрясений в Индии – это сосредоточить усилия на практических шагах по улучшению материальных условий жизни индусов и самым беспощадным образом бороться со всеми проявлениями экстремизма и нарушения закона. Конгресс в Лахоре, на котором сожгли британский флаг, должен быть немедленно распущен, а его лидеры депортированы. Жесткость поможет Британии избежать карательных мер, которые в действительности уже применялись. «Даже сейчас, – заявил он, – в любой момент четкое заявление парламента о намерении править в истинных интересах Индии способно в течение нескольких лет, а может быть, и нескольких месяцев – положить конец этому периоду мучительных волнений».

Черчилль предложил двойственное решение: региональные индийские власти должны двигаться к самоуправлению, в то время как центральная власть будет твердо оставаться в руках Британии. Но с гражданским неповиновением должно быть покончено. «Суть в том, – сказал он, – что рано или поздно все равно придется столкнуться с гандизмом и подавлять его. Нет смысла ублажать тигра, предлагая ему кошачий корм. Чем раньше это будет осознано, тем меньше проблем придется

на долю тех, кого это коснется».

Лорд Ирвин отметил: «Черчилль произнес чудовищную речь». Но Черчилль был убежден, что Индия не готова к центральному самоуправлению, Ирвин же полагал, что можно примирить интересы индийских княжеств и индийских провинций. Он также считал, что следует начать переговоры с сидящими в тюрьме лидерами конгресса, чьи требования полной независимости были неприемлемы как для Макдональда, так и для Болдуина.

В письме сыну от 8 января 1931 г. Черчилль написал: «Я буду бороться с этим индийским вопросом a outrance[32]». Он также написал, что никогда не войдет в администрацию, «обремененную такой тяжелой ношей в отношении Индии». 25 января, стремясь склонить конгресс к переговорам, Ирвин выпустил из тюрьмы Ганди. Он сказал Болдуину, что опасается только одного – как бы Черчилль не доставил неприятностей в день дебатов. «Отправьте его на этот день в Эппинг», – просил он.

Но Черчилль все-таки принял участие в дебатах 26 января. Это была его первая речь в парламенте, направленная против консерваторов, с тех пор как он вступил в их ряды в 1924 г. Она обозначила разрыв с лидерами партии. В выступлении он обратил внимание на слабость политики правительства, обещающего самоуправление «восторженным миллионам» и огромную власть, которая на самом деле, по плану Ирвина, им не достанется. Индийские националисты никогда не смирятся с такой уздой. Он также напомнил парламенту, что в данное время 60 000 индийцев сидят в тюрьмах за политические преступления. Действующие сейчас ограничения гражданских прав беспрецедентны в Индии со времен восстания сипаев. Полагать, что индийцы довольствуются статусом доминиона или самоуправлением, – иллюзия. Всеиндийский парламент, который предлагает создать Британия, в скором времени будет подчинен «силам, намеренным как можно быстрее выгнать англичан из страны».

Речь Черчилля оказала существенное влияние на консерваторов-заднескамеечников, с которыми в октябре не сочли нужным проконсультироваться относительно декларации Ирвина. Старший консерватор-заднескамеечник, кузен Ирвина Джордж Лейн-Фокс, написал Ирвину после дебатов: «Когда Уинстон начал говорить, за ним не было особой поддержки. Но я, сидя на задней скамье, понял разумность его речи. Мы постепенно с все большим одобрением стали относиться к тому, что он говорил. Каждый начал понимать, что он выражает его собственные сомнения, и постепенно довольно большое

количество сначала довольно загудело, а потом и активно приветствовало его».

На выступление Черчилля ответил не Макдональд, а Болдуин. Он заявил, что, если консерваторы вернутся к власти, они будут считать принятие индийской конституции своим первоочередным долгом. Лейбористы с одобрением встретили слова Болдуина, но, как написал кузен Ирвина, «на наших скамьях царило зловещее молчание».

После выступления Болдуина Черчилль понял, что у него нет иного выхода, кроме как оставить теневой кабинет. Так он и поступил на следующий день. Через два дня он начал публичную кампанию, стремясь обрести поддержку в борьбе против правительственной политики. Его глубокие, пророческие выступления затрагивали чувствительные струны в душах тех консерваторов, кто полагал, что Болдуин уводит партию в сторону от ее убеждений. Для борьбы с этой критикой центральный комитет Консервативной партии под руководством Д. К. К. Дэвидсона старался подорвать доверие к Черчиллю, вместо того чтобы оспаривать его аргументацию. Черчилль со своей стороны ощутил нарастающую поддержку среди рядовых партийцев. 8 февраля он написал Рэндольфу: «Внезапно я стал весьма популярен в партии и чрезвычайно востребован на трибуне».

Через пять дней Брендан Брекен написал Рэндольфу о его отце: «Он освободился от узды Болдуина, собрал всех бойцов партии тори, снова утвердил себя как потенциальный лидер. И здесь, и в Индии огромное множество воспрянуло духом. В своих блестящих выступлениях в палате общин он продемонстрировал консерваторам силу своего дарования и невероятную бесцветность и никчемность премьер-министра».

17 февраля Ганди встретился с Ирвином в Дели. Это была первая из их восьми встреч в течение ближайших четырех недель. Многие консерваторы были неприятно поражены тем, что вице-король разговаривает с человеком, чья цель – полная независимость и который по-прежнему призывает к гражданскому неповиновению. «Это тревожно и отвратительно, – заявил Черчилль на встрече с консерваторами Западного Суссекса 23 февраля, – видеть мистера Ганди, мятежного юриста, выступающего в роли типичного восточного факира, поднимающегося полуголым по ступеням вице-королевского дворца, не перестающего проводить кампанию гражданского неповиновения и разговаривающего на равных с представителем короля-императора. Такое зрелище может лишь активизировать силы, враждебные британской власти».

Выступление Черчилля возмутило и лейбористов, и либералов. Но для очень многих консерваторов оно весьма убедительно отразило их собственные опасения. «Не сомневаюсь, весь дух Консервативной партии сейчас за меня», – писал он Клементине. И это была далеко не фантазия. Черчилль не знал, что 25 февраля главный представитель Консервативной партии Хью Топпинг написал Невиллу Чемберлену: «Многие наши сторонники обеспокоены индийским вопросом. Они все больше склоняются к мнению, высказываемому мистером Черчиллем, нежели к позиции мистера Болдуина». Один из партийных лидеров избирательного округа Болдуина, сэр Ричард Брук, 2 марта направил тому предупреждение: «Индийский народ подстрекают ждать больших уступок, чем они могут получить. Мистер Черчилль выражает мнение очень многих консерваторов в нашем округе».

4 марта в ходе переговоров с Ирвином Ганди согласился прекратить акты гражданского неповиновения и разрешить представителям конгресса поехать в Лондон на вторую конференцию, посвященную будущему Индии. Он также принял британские гарантии, хотя и не конкретизированные, касающиеся оборонной политики, иностранных дел и защиты прав меньшинств. Пакт Ганди – Ирвина, как его стали называть, был обнародован 5 марта. Болдуин тут же выразил поддержку и ему, и созыву второй конференции. 12 марта в парламенте он назвал пакт Ганди – Ирвина «победой здравого смысла». В ответ Черчилль возразил, что пакт вызовет лишь всплеск неосуществимых желаний и надежд. Указав на недавние антибританские выступления в Бомбее, он заявил: «Их организовали те, кто соблазняет индийцев статусом домициона, но на самом деле не собирается предоставлять им полную независимость и кто хочет вызвать кровопролитие и беспорядки на всем Индостане».

Черчилль был убежден, что его опасения справедливы. 18 марта, выступая в Альберт-холле, он назвал политику переговоров с Ганди и Неру и перспективу дать мир и прогресс Индии «безумным сном с кошмарным пробуждением. Если британская власть исчезнет, – утверждал он, – то все медицинские, юридические и административные службы, которая создала Британия, исчезнут вместе с ней, равно как и обслуживание железных дорог, мелиорация, общественные работы и борьба с голодом. Индусы будут пытаться выгнать и уничтожить мусульман. Расцветут спекуляция и коррупция. Индийские миллионеры, сколотившие состояния на жестокой эксплуатации, станут еще более богатыми и могущественными.

Ненасытные аппетиты уже проснулись, и жадные руки множества мародеров уже чешутся, чтобы растащить богатства брошенной империи. Кумовство, взяточничество и коррупция станут служанками браминов».

Но самое худшее, на взгляд Черчилля, заключалось в том, что «индусы терроризируют «неприкасаемых» – огромную касту, сопоставимую по количеству с населением целой страны, – мужчин, женщин и детей, лишенных всех человеческих прав и каких-либо надежд. Их положение хуже рабов, они привыкли терпеть унижение. Для них, как и для пяти миллионов индийских христиан, настанут черные дни, когда Британия больше не сможет протянуть им руку помощи и защитить законом».

Затем Черчилль осудил роль, которую сыграли чиновники Консервативной партии, чтобы представить его и тех, кто с ним согласен, не борцами за интересы Британии, а какой-то второсортной публикой, умственно неполноценной, состоящей в основном из полковников и прочих нежелательных лиц. Он сказал: «Мы опираемся не на полковников – хотя, почему консерваторы свысока относятся к весьма уважаемому в британской армии званию, я сказать не могу, – мы опираемся на факты. Мы опираемся на рядовых солдат британской демократии».

На следующий день после выступления Черчилля на дополнительных выборах в округе Вестминстер Сент-Джордж, официальный кандидат от Консервативной партии, в результате ожесточенной борьбы победил с перевесом в 5000 голосов независимого кандидата-консерватора, бросившего вызов лидерству Болдуина. Это было подобно трубному гласу. Его эхо оказалось более разрушительным, чем все аргументы Черчилля. «Боюсь, наши разногласия сохранятся на несколько лет, – написал он Ирвину 24 марта. – Видимо, они станут разделительной чертой в Англии. Во всяком случае, вы начинаете с перевесом на вашей стороне».

Вспыхнувшие в конце марта столкновения между индуистами и мусульманами в Канпуре привели к гибели тысячи с лишним человек. Черчилль не сомневался, что в случае введения самоуправления столкновения на религиозной почве только усилятся. Он предупреждал, что 70 миллионам мусульман грозит кровавая расправа и длительные междоусобные распри только в самом начале. Через месяц он обратил внимание на то, что индийские экстремисты продолжают убивать британских чиновников, несмотря на то что Ганди собирается на вторую конференцию в Лондон, а Ирвин сообщает, что обстановка в Индии «приятнее», чем раньше. В дебатах 9 июля он заявил:

«Эта вспышка первобытной ярости и дикарства дает лишь слабое представление о том, что произойдет по всей Индии, как только Британия уберет свою контролирующую, направляющую и охраняющую руку».

Предостережения Черчилля были тщетны. Сотрудничество между Макдональдом и Болдуином показало, что даже при наличии пяти-шести десятков парламентариев-консерваторов, готовых выступить против линии партии, они не в состоянии изменить курс политики правительства.

Летом Черчилль с Клементиной и Рэндольфом отправились в автомобильное путешествие по Франции. С ним поехала и Вайолет Пирман, его новая секретарша, «миссис Пи», как ее называли домашние Черчилля. С этого времени она будет выполнять для него всю основную секретарскую работу на протяжении ближайших шести лет. 7 августа в Биаррице он внес последнюю правку в книгу «Мировой кризис. Восточный фронт». «Слава богу, книга окончена, – писал он Маршу. – Мне уже не терпится заняться Мальборо, и очень интересно услышать ваше мнение насчет первых двух глав». В конце письма Черчилль вернулся к политике: «Все, с кем я встречаюсь, чувствуют смутную тревогу по поводу каких-то страшных грядущих событий в финансовой сфере».

Через неделю экономические трудности заставили Макдональда и Сноудена предложить десятипроцентное сокращение пособий по безработице. Это было главным условием предоставления значительного американского займа. Мнение кабинета разделилось. Возникли разговоры о коалиции между лейбористами и консерваторами для борьбы с экономическим кризисом. 16 августа в Авиньоне Черчилль решил прервать отпуск и вернуться в Лондон в надежде убедить коллег-консерваторов не брать на себя никакой ответственности за поражение лейбористов. Через четыре дня он вернулся во Францию. Лейбористское правительство не пошатнулось. 23 августа, когда он занимался живописью в Жуан-ле-Пен, в кабинете узнали, что тред-юнионы возражают против сокращения пособий по безработице. После этого несколько старших министров поддержали позицию тред-юнионов, и кабинет ушел в отставку.

Второе правление лейбористов завершилось. На следующий день король попросил Макдональда остаться премьер-министром и сформировать национальное правительство, в которое вошли бы представители всех политических партий. Болдуин сразу же согласился на участие консерваторов. Ллойд Джордж,

противник партнерства, был болен и потому не смог удержать своих коллег-либералов от вхождения в новое правительство. 23 августа Сэмюэл Хор, которому предстояло в новом правительстве занять пост министра по делам Индии, написал Невиллу Чемберлену: «Как мы уже несколько раз говорили, нам очень сильно повезло в связи с отсутствием Уинстона и Ллойд Джорджа».

Черчилля не пригласили войти в состав правительства. Вернувшись из Франции в начале сентября, он обнаружил, что все партии слились в восторге от грядущей индийской конференции и прибытия в Лондон Ганди. 7 сентября Черчилль опубликовал в Daily Mail статью, в которой предупредил: «Ничего не получится, кроме дальнейшего ослабления британского могущества». Но его не услышали. Конференция открылась на следующий день. Макдональд пообещал, что новое правительство будет поддерживать предоставление статуса доминиона Индии. С этим был согласен весь кабинет, в который теперь вошли Болдуин, Невилл Чемберлен и Хор.

27 октября правительство объявило выборы. Поддержка новой всепартийной коалиции оказалась ошеломляющей. Консерваторы, объединившиеся вокруг Макдональда, получили 473 места в парламенте. Либерал-националисты – 35, национал-лейбористы – 13. Те из либералов, которые поддержали правительство и составляли его часть, получили 33 места. Либералы Ллойд Джорджа, категорические противники коалиции, получили всего четыре места. Лейбористская партия, возмущенная, как им представлялось, предательством Макдональда, вместо предыдущих 236 мест получила лишь 52. Под знаменем национального единства, поднятого Макдональдом, Консервативная партия заняла господствующее положение в парламенте. Черчилль, несмотря на то что почти удвоил свое преимущество в Эппинге, оказался изолированным, но непокоренным.

2 ноября, через неделю после голосования, из печати вышел заключительный том его военных мемуаров – «Мировой кризис. Восточный фронт» (World Crisis: Eastern Front). Он стал завершением большого литературного труда. А через три дня Макдональд объявил состав нового правительства. Болдуин стал лордом-председателем тайного совета, Невилл Чемберлен – канцлером Казначейства. «Очень жаль, что не увидел вас в составе нового кабинета, – написал 16 ноября Черчиллю контр-адмирал Дьюар, бывший заместитель начальника разведки флота. – Надеялся, что вы сможете вернуться в Адмиралтейство

и сделать много для флота».

Из 615 парламентариев только двадцать были членами Индийского имперского общества, которое Черчилль помогал создавать одиннадцать месяцев назад. 3 декабря, в ходе продолжения дискуссии о статусе доминиона Индии, Макдональд попросил о выработке единой позиции. Черчилль настаивал на проведении голосования в палате. Остин Чемберлен и Болдуин были против. В результате 43 депутата поддержали Черчилля, 369 выразили поддержку правительству.

Черчиллю исполнилось пятьдесят семь лет. После очередного парламентского поражения они с Клементиной и Дианой отправились в давно запланированную поездку по Соединенным Штатам. Он намеревался восполнить потери после краха на Уолл-стрит и подписал контракт на сорок лекций. Ему был гарантирован минимальный гонорар в 10 000 фунтов. Кроме этого, Daily Mail собиралась заплатить ему 8000 фунтов за серию статей о жизни и политике Соединенных Штатов. В ценах 1990 г. это составляло более 375 000 фунтов.

11 сентября Черчилль прибыл в Нью-Йорк. На следующий день он читал лекцию в Вустере, штат Массачусетс. «Все прошло исключительно хорошо, – рассказывал он позже Рэндольфу. – Отношение публики почти благоговейное». Вечером, поужинав с Клементиной в их отеле «Уолдорф-Астория», он взял такси, чтобы ехать на Пятую авеню, где Бернард Барух собрал друзей, чтобы познакомить их с ним.

Таксист не знал нужного дома, а Черчилль не помнил номера. Покатавшись в течение часа, Черчилль увидел дом, который показался ему знакомым. Он отпустил такси и собрался перейти улицу. Посмотрев налево, он увидел вдалеке фары и спокойно вышел на проезжую часть. И в этот момент его сбила машина, ехавшая справа. Он забыл, что в Америке другие правила дорожного движения. Удар был очень сильным. Он получил травмы головы и бедра. Испытывая мучительную боль, он лежал на обочине. Собралась толпа. Полицейскому, который спросил его, как это случилось, он сказал, что инцидент произошел по его вине.

Черчилля отвезли в клинику Леннокс-хилл. У него начался плеврит, он чувствовал себя очень плохо. Возник слух, что его сбило такси. На самом деле его сбила частная машина, водитель которой был не виноват.

Выздоровление шло медленно. Неделю он провел в клинике, еще две – в «Уолдорф-Астории». Но больной не терял времени даром. 28 декабря он отправил телеграфом полный отчет о происшествии в Daily Mail. «Разумеется, в этом уличном

инциденте я испытал острую боль от удара. Мне кажется, это было похоже на боль при ранении шрапнелью, – написал он. – Но нет ничего непереносимого. На жалость к себе нет ни времени, ни сил. Нет места для страха и самобичевания».

Статья Черчилля, разошедшаяся по всему миру, вызвала тысячи писем и телеграмм с пожеланиями скорейшего выздоровления. «Не сомневаюсь, – написала тетушка Леони, – ты был сохранен для будущих великих дел, и я надеюсь дожить, чтобы их все увидеть!» Леди Лесли скончалась в 1943 г. в возрасте восьмидесяти трех лет, через три года после того, как ее племянник стал премьер-министром.

В поисках покоя Черчилль отправился из Нью-Йорка на Багамы. «Он в очень подавленном состоянии из-за медленного восстановления, – написала Клементина Рэндольфу 12 января. – Сильные боли в руках и плечах добавляют расстройства. Врачи говорят, это неврит, но, похоже, никто не знает, что с этим делать». В предыдущий вечер Черчилль, по ее словам, «был печален и сказал, что за последние два года пережил три тяжелых удара. Сначала – потеря денег из-за кризиса, потом – утрата позиции в Консервативной партии, а теперь эта ужасная физическая травма. Он сказал, что боится никогда полностью не оправиться от всего этого».

Тем не менее Черчилль был твердо настроен продолжить лекционное турне. 25 января он вернулся в Нью-Йорк, а через три дня читал лекцию в Бруклине. «В будущем появятся две основные противоборствующие силы, – сказал он. – Англоязычные народы и коммунизм. Абсолютно неправильно, что американцы и англичане отворачиваются друг от друга и стыдятся сотрудничества, словно это преступление».

В течение трех недель, переезжая почти ежедневно, Черчилль прочитал лекции в девятнадцати американских городах и заработал свыше 7500 фунтов. Премьер-министр Макдональд получал 5000 фунтов в год. Предполагалось, что индийские сторонники Ганди и Неру, живущие в Чикаго и Детройте, могут попытаться совершить на Черчилля нападение, поэтому в обоих городах его сопровождали группы вооруженных охранников.

Точно так же, как раньше в служебных записках Черчилль советовал сотрудникам Казначейства выражать надежду и уверенность, теперь он выражал надежду и уверенность в своих выступлениях. 8 февраля в Нью-Йорке на встрече с банкирами и промышленниками он призывал их не добавлять к денежной дефляции «отвратительную дефляцию паники и отчаяния». Три недели спустя он написал Эсмонду Хармсуорту, председателю компании Associated Newspapers, что лекционное

турне дало ему почувствовать «на огромном расстоянии внушительную силу Англии и ее институтов». Он даже признал, что нынешнее правительство, так им презираемое, превратило Британию в уважаемую державу, способную к возрождению.

11 марта Черчилль отплыл на пароходе из Нью-Йорка в Британию. Через шесть дней друзья встречали его на вокзале Паддингтон. Его поздравили с возвращением, а в честь того, что ему удалось счастливо разминуться со смертью, приготовили подарок – роскошный «даймлер». В складчине приняли участие 140 человек. Черчилль вернулся в Чартвелл. «Чувствую, мне требуется отдых, не следует себя слишком сильно загонять, – написал он одному издателю 1 апреля. – Вы не представляете, что мне пришлось пережить». Через три недели он выступал в палате общин при обсуждении первого бюджета Невилла Чемберлена. Большая часть его выступления была выдержана в юмористических тонах. С юмором он выступил и на торжественном обеде в Королевской академии искусств 30 апреля. Он иронически заявил, что сам не выставляется в этом году из-за разногласий с комитетом, но у него на «мольберте стоит несколько вещиц». Затем он сравнил «пылающие закаты империи и капиталистической цивилизации» раннего Макдональда с его нынешней тенденцией к синему. «Болдуина, – сказал он, – можно критиковать за несколько неудачный выбор цвета и отсутствие четкости в изображении предметов переднего плана, но тем не менее нельзя не признать, что есть нечто очень успокаивающее в полутонах его сумеречных этюдов».

«В мире искусства столько ревности, – написал ему Болдуин, – что доброе слово от столь выдающегося представителя совсем иного стиля демонстрирует широту взглядов и доставляет редкое удовольствие». Тронутый письмом, Черчилль написал в ответ: «Очень рад, что моя шутка не обидела вас. Мои стрелы, острые по необходимости, никогда не были отравленными. Если они и колют, то, надеюсь, никогда не вызовут нагноения».

8 мая Черчилль впервые сделал радиопередачу для Соединенных Штатов. «Я узнал, что могу обратиться к тридцати миллионам американцев, – сказал он. – Я совершенно не волновался. Напротив, я чувствовал себя как дома». В выступлении он призвал к выработке совместной англо-американской политики для борьбы с экономической депрессией: «Поверьте, ни одна страна не может победить это зло в одиночку».

Существовало и другое зло, представляющее гораздо большую опасность стабильности в мире. Черчилль был убежден, что для борьбы с ним также необходимо международное

сотрудничество. Эта опасность исходила от Германии, стремящейся вернуть утраченные территории, но упирающейся в решимость европейских стран заняться существенным сокращением вооружений. Международная конференция по разоружению в Женеве как раз прорабатывала вопросы сокращения армии, авиации и флота. Работа не ослабла и после 13 марта, когда самый громогласный немецкий борец за перевооружение и пересмотр договора Адольф Гитлер получил 11 миллионов голосов на президентских выборах. Фельдмаршал Гинденбург получил 18 миллионов, кандидат от коммунистов Эрнст Тельман – 5 миллионов.

Во втором туре, состоявшемся 10 апреля, доля голосов, поданных за Гитлера, выросла до 40 процентов. Тем не менее через месяц, 13 мая, министр иностранных дел Британии сэр Джон Саймон призвал палату общин к дальнейшему быстрому и всеобщему сокращению вооружений. Саймон заявил, что только сокращение уровня вооружений может предотвратить опасность будущей войны. «Нет ничего хуже, – заявил он, – чем безоружная Германия против вооруженной до зубов Франции».

Призыв Саймона к разоружению поддерживался широко и с энтузиазмом. Однако Черчилль был озабочен. Он сказал в палате общин: «Я буду с огромным беспокойством наблюдать за малейшими попытками сближения Германии и Франции. Те, кто говорит, что это правильно и даже справедливо, недооценивают тяжесть ситуации в Европе. Я бы спросил того, кто желает видеть Германию и Францию на равных в плане вооружений: «Вы хотите войны?» Я лично искренне надеюсь, что подобного сближения не произойдет ни при моей жизни, ни при жизни моих детей».

26 мая в статье, опубликованной в Daily Mail, Черчилль допустил, что «миллионы англичан, полных благих намерений, надеются на успех конференции по разоружению, но у великих держав, прошедших Армагеддон, существует такой ужас перед войной, что любое выступление против вооружений, сколь бы абсурдным оно ни было, всегда вызывает аплодисменты, а любое выступление «за», содержащее самые очевидные истины, немедленно называется «милитаристским».

Далее Черчилль писал, что в ходе конференции по разоружению каждое государство фактически стремится к обеспечению собственной безопасности за счет сохранения вооружений, призывая все остальные разоружаться до самого минимума. «Но возможно ли, – спрашивал он, – что Франция с населением менее сорока миллионов, противостоящая Германии с ее шестьюдесятью миллионами, где количество

молодых людей, годных к военной службе, ежегодно удваивается, добровольно лишит себя техники, чтобы не допустить четвертого вторжения за одно с небольшим столетие? Точно так же можно ли ожидать от новых государств Северной и Восточной Европы, таких как Финляндия, Латвия, Литва и Польша, что они не будут стремиться обзавестись самым эффективным вооружением, чтобы не быть захлестнутыми яростным потопом из России? Проблемы разоружения, – утверждал Черчилль, – решаются не сантиментами и эмоциями. Они решаются постепенным сдерживанием расходов и растущей уверенностью в долгосрочном мире. И они решатся только тогда, когда полдюжины великих мужей, представляющих великие державы, смогут вывести мировые проблемы из их нынешнего крайне запутанного состояния».

30 мая, через четыре дня после публикации этой статьи, Франц фон Папен сменил Генриха Брюнинга на посту рейхсканцлера Германии. Хотя Гитлера с его нацистской партией не пригласили войти в состав нового правительства, Папен надеялся, что при поддержке Гитлера сможет несколько лет оставаться у власти. 19 июня на региональных выборах в Гессене нацисты увеличили свою долю голосов до 44 процентов, став самой крупной партией в провинции.

Тем временем в Индии снова вспыхнули волнения, подогреваемые требованием полной независимости. Были убиты несколько государственных служащих. Преемник Ирвина на посту вице-короля лорд Уиллингдон снова посадил Ганди в тюрьму. В мае начались столкновения между индусами и мусульманами. Погибли более двух тысяч индийцев. Тридцать тысяч были арестованы за участие в беспорядках. Стремясь умерить враждебность индийцев к статусу доминиона, Макдональд и Болдуин предложили увеличить квоту индийцам, имеющим право участвовать в выборах, с семи до тридцати шести миллионов человек. Черчилль посчитал это неразумным. 25 мая на приватной встрече в Индийском имперском обществе он сказал: «Демократия Индии совершенно не подходит. Вместо противоречий вы получите тяжелую межконфессиональную вражду».

Черчилль хотел рассказать Парижу о британской денежно-кредитной политике, но 1 июля узнал, что радиостанция Би-би-си по-прежнему не предоставляет ему время в эфире. Это привело его в ярость. Он написал министру иностранных дел сэру Джону Саймону: «Полагаю, правительству, в составе которого столько

уважаемых государственных мужей и которое пользуется поддержкой такого ошеломительного большинства, нет нужды опасаться выражения независимого мнения по поводу текущих противоречий». Однако запрет остался в силе.

Уверенный в восстановлении американской экономики, летом Черчилль купил на 12 000 фунтов американских акций. Примерно такую же сумму он потерял из-за краха два года назад. «Если весь мир, за исключением Соединенных Штатов, накроет вселенский потоп, – сказал он фондовому брокеру, – ваше общество выживет. Оно выживет в лесах и прериях. В ближайшем будущем вас ждет сильное национальное возрождение».

В июле и августе Черчилль работал в Чартвелле над биографией Мальборо. В июле в Германии нацистская партия Гитлера получила 37 процентов голосов на всеобщих выборах. Черчилль строил планы посетить Германию. В частности, он хотел увидеть места военных побед герцога Мальборо. 27 августа он отправился в Бельгию, Голландию и Германию. С ним поехал Линдеманн. В Брюсселе к ним в качестве гида присоединился военный историк подполковник Ридли Пэкинхэм-Уолш. На пути к месту сражения при Бленхейме они провели три дня в Мюнхене, где один из приятелей Рэндольфа и друг Гитлера Эрнст Ханфштенгель попытался организовать встречу Гитлера и Черчилля. Черчилль сказал, что охотно познакомится с лидером нацистской партии, хотя Ханфштенгель позже вспоминал: «Однажды за ужином он пытал меня по поводу антисемитизма Гитлера». Гитлер в назначенный вечер не появился. На следующий день Ханфштенгель снова попытался уговорить его встретиться с Черчиллем, но тщетно. «Какую роль играет Черчилль? – спросил Гитлер. – Он в оппозиции, на него никто не обращает внимания». Ханфштенгель ответил: «Про вас люди говорят то же самое». Но Гитлера это не убедило.

Из Мюнхена Черчилль отправился в Бленхейм. «Место сражения потрясающе, – написал он Пэкинхэм-Уолшу три недели спустя. – Мне удалось оживить его в воображении блестящими, хотя и призрачными армиями». Из Бленхейма он собирался поехать в Венецию отдохнуть, но заболел паратифом. Слишком плохо себя чувствуя, чтобы возвращаться в Англию, он провел две недели в санатории в Зальцбурге. Но уже через несколько дней, лежа в постели, начал диктовать первую из двенадцати статей для News of the World, которая заказала ему пересказ «Великих историй мира». План статей набросал для него Марш.

25 сентября Черчилль вернулся в Чартвелл. «Это вирус, который я прихватил с собой из-за границы, – говорил он кузену Санни. – Но я не виню за него Европу, хотя во всем остальном она

заблуждается». В этот же день он продолжил работу над биографией Мальборо: обсуждал исторические детали с Морисом Эшли и диктовал Вайолет Пирман. Работа продолжалась и в течение следующего дня. Но 27 сентября, когда они с Морисом Эшли прогуливались по полям, ему стало плохо. Это был рецидив паратифа. Вызвали карету скорой помощи, на которой Черчилля доставили в лондонскую клинику. Из-за паратифозной язвы у него открылось сильное кровотечение.

Тем не менее Черчилль надеялся присутствовать на конференции Консервативной партии в Блэкпуле, которая должна была открыться 7 октября. Он хотел предложить резолюцию, осуждающую партийную поддержку предлагаемой индийской конституции. В какой-то момент он даже думал приехать туда в карете скорой помощи, но оказался слишком слаб. Хор испытал огромное облегчение, поскольку не без оснований предполагал, что резолюция Черчилля будет принята. «У нас подавляющее большинство, – написал он Макдональду после завершения голосования, – но нельзя закрывать глаза на какие-то не поддающиеся моему объяснению чувства противной стороны».

Вернувшись из лондонской клиники в Чартвелл, Черчилль продолжил работу над книгой. «Мистеру Черчиллю постепенно становится лучше, – писала Вайолет Пирман подруге, – но процесс идет довольно медленно, хотя, как обычно, ничто не может удержать его от работы. Он уделяет ей много часов каждый день и продвинулся уже довольно далеко. Однако требуется время, чтобы он стал таким, как прежде». К концу октября Черчилль завершил половину первого тома биографии Мальборо. Но голова его уже была занята новым литературным проектом – четырехтомной «Историей англоязычных народов». Вскоре нашелся издатель, готовый заплатить за нее 20 000 фунтов. Это была огромная сумма. В ценах 1990 г. – примерно 420 000 фунтов. Четверть ему выплатили авансом, остальное он должен был получить по завершении книги.

В течение всего лета и осени 1932 г. правительство фон Папена требовало равного статуса для вооружения Германии. Это означало, что Германии, демилитаризованной с 1918 г., следовало разрешить увеличить вооружение до уровня своего наиболее сильного соседа. 18 сентября Министерство иностранных дел Британии выпустило официальную ноту, подписанную сэром Джоном Саймоном, констатирующую, что, по мнению Британии, статьи Версальского договора о демилитаризации Германии еще никто не отменял. В знак

протеста фон Папен отозвал немецкую делегацию с конференции по разоружению.

Черчилль, недавно вернувшийся из Германии, был поражен тем, что очень многие в Британии критически относятся к ноте Саймона и настаивают, что демилитаризованная Германия находится в несправедливом положении по сравнению с Францией. В статье, опубликованной в Daily Mail 17 октября, он заявил, что твердая позиция Саймона сделала больше для мира в Европе, чем любые слова, произнесенные от имени Великобритании за многие годы. «Саймон поднял вопрос в интересах мира. Твердость необходима, – написал Черчилль, – поскольку каждая партия правого толка в Германии пытается набрать голоса, громче всех выступая против иностранцев. Гитлер должен перещеголять Папена, Папен должен выступить лучше Гитлера, а Брюнинг должен спешить, чтобы не оказаться в хвосте».

Черчилль напоминал в статье, что генерал Шлейхер, министр обороны Германии, уже заявил: «Что бы ни решили другие державы, Германия будет делать то, что считает нужным». «Это очень рискованно, – предупреждал Черчилль читателей. – Если Великобритания поддержит Германию, мы очень скоро можем оказаться в чрезвычайно опасной ситуации».

6 ноября в Германии состоялись вторые за пять месяцев всеобщие выборы. Нацистская партия сохранила положение второй крупнейшей партии, хотя потеряла немного голосов: вместо 37 процентов она набрала 33. Через четыре дня после этих выборов в палате общин состоялось обсуждение курса правительства на разоружение, против которого очень резко возражал Черчилль. Но он все еще был слишком слаб после болезни, чтобы отправиться в Лондон. В ходе дебатов Саймон заявил, что, несмотря на его ноту, Британия отныне собирается считаться с требованием Германии соблюдать принцип равенства. Закрывая дебаты, Болдуин сказал: «Думаю, человеку с улицы полезно сознавать, что нет никакой силы на Земле, которая уберегла бы его от бомб».

«Вас очень не хватало вчера, – написал Эмери Черчиллю. – В палате со всех сторон в невероятном количестве неслась сентиментальная чушь по поводу разоружения». 17 ноября в Daily Mail Черчилль написал: «Переговоры по разоружению в Женеве, скорее всего, закончатся ничем. Как только это произойдет, правительство должно предложить парламенту меры, необходимые для приведения военно-воздушных сил в такое состояние, чтобы никому не захотелось появиться у нас и убивать наших женщин и детей, надеясь сломить нашу волю

к сопротивлению».

23 ноября Черчилль достаточно окреп, чтобы приехать в Лондон и выступить в парламенте. В чрезвычайно сильной речи он предупредил парламентариев, что, если Британия вынудит Францию пойти на разоружение, Германия воспользуется этим, чтобы взять реванш за поражение 1918 г., ведь за каждой уступкой со стороны Германии следуют новые требования. «Германия хочет не только равенства вооружений с Францией. Однако не только Франция, но Бельгия, Польша, Румыния, Чехословакия и Югославия решительно намерены защищать свои границы».

Во время посещения Бленхейма осенью Черчилль увидел новую Германию. «Всем этим отрядам крепких тевтонских юношей, – говорил он, – с горящими глазами, желающим пострадать за фатерланд, нужен не просто принцип равенства. Им нужно оружие, а когда они получат его, поверьте мне, они потребуют возвращения утраченных территорий». А когда это требование будет выдвинуто, утверждал Черчилль, оно «потрясет до основания» страны, которые он упомянул. «В некоторых странах крепнет воинственный дух. В Европе вряд ли можно найти завод или фабрику, которые не готовятся к выпуску военной продукции. Благородному, хотя несколько рыхлому красноречию Макдональда недостает четкости. Не могу припомнить времени, – продолжал Черчилль, – когда разрыв между тем, что произносят государственные мужи, и тем, что происходит на самом деле, был бы так велик, как сейчас. Привычка произносить обтекаемые фразы, излагать ханжеские банальности, не имеющие отношения к реальности, лишь ради того, чтобы сорвать аплодисменты, стала гораздо более заметной, чем раньше».

Далее Черчилль сказал: «Как говорил покойный лорд Биркенхед про Индию – а я думаю, это мудро, – «скажите Индии правду». Я могу повторить за ним: «Скажите британскому народу правду». Это сильно и умно. Возможно, на какое-то время на вас обидятся, но, если вы внятно объясните, что происходит, вы избавите себя от очень серьезных упреков, которые неизбежно предъявят вам вслед за утраченными иллюзиями. Что касается военного могущества Франции, то они всего лишь хотят сохранить то, что имеют. Франция сама никогда не станет создавать проблем. Скажу откровенно, хотя это может шокировать палату: я предпочел бы еще десять-двадцать лет такого мира, чем войну между одинаково сильными державами».

«Я не алармист, – объяснял Черчилль членам палаты общин. – Я не верю в неизбежность войны в Европе. Я верю,

что у нас достанет мудрости и умения, чтобы избежать ее, во всяком случае при нашей жизни. Придерживаться иной точки зрения – значит впасть в отчаяние. Единственный путь к возрождению доброй воли и согласия в Европе – устранение всех обид побежденных. Этому должно предшествовать разоружение победителей. Пока обиды остаются неудовлетворенными, в будущем это реально означает новую европейскую войну. Гораздо безопаснее с холодной головой и в спокойной атмосфере вернуться к таким деликатным и трудным вопросам, как Данцигский коридор или Трансильвания, пока страны-победительницы обладают существенным превосходством, нежели ждать и смотреть, как шаг за шагом новые мощные группировки, равные по силам, идут к тому, чтобы снова столкнуться лицом к лицу».

Комментируя реплику Болдуина о том, что «человек с улицы должен сознавать, что нет никакой силы на Земле, которая уберегла бы его от бомб», Черчилль отметил, что за этим утверждением не последовало никакого практического вывода. Оно вызвало лишь тревогу. «В этом чувствуется какой-то фатализм и, возможно, даже беспомощность, – сказал он. – Я пользуюсь возможностью заявить, что на министрах лежит прямая и безусловная ответственность ежедневно и ежечасно гарантировать безопасность страны».

Борьба Черчилля против пересмотра условий Версальского договора, пока страны-победительницы сохраняют преимущество, его призывы и предупреждения правительству о необходимости поддерживать военную силу перед лицом нарастающих требований и агрессивности Германии продолжались еще много лет. Тем не менее Макдональд и Болдуин не только не занимались усилением британской авиации, но настаивали на такой схеме европейского разоружения, при которой Британия должна была показать пример другим странам в сокращении военно-воздушных сил.

30 ноября Черчиллю исполнилось пятьдесят восемь лет. Зимой он писал книгу о Мальборо в Чартвелле. 16 декабря к нему приехал Линдеманн. «Он был частью нашей жизни в Чартвелле, – вспоминала дочь Черчилля Сара. – Внешне он был непривлекателен: куполообразный череп, коротко стриженные редеющие серо-стальные волосы, такие же серо-стального цвета усы, землистый цвет лица и короткое фырканье вместо смеха. Но при этом он излучал такое тепло, что никого это не смущало».

Присутствие Линдеманна всегда было для Черчилля

и удовольствием, и возможностью пополнить знания. Сара вспоминала: «У Профа был дар излагать очень сложные вещи в простой форме. Однажды за ланчем, когда подали кофе и бренди, отец решил «подколоть» Профа, который как раз закончил трактат по квантовой теории. «Проф, – сказал он, – расскажите нам простыми словами за пять минут, что такое квантовая теория». Отец достал большие золотые часы-луковицу и положил на стол. Если учесть, что Проф уже много лет занимался этой темой, задача была очень трудной, однако он не раздумывая объяснил нам принципы теории. Мы были ошеломлены. Когда он закончил, все не сговариваясь разразились аплодисментами».

30 января 1933 г. канцлером Германии стал Адольф Гитлер. Президент Гинденбург предложил ему этот пост, надеясь обуздать экстремистские взгляды нацистской партии с помощью более умеренных политиков, входящих в новое коалиционное правительство. Через неделю Гитлер обнародовал ряд законов, которые быстро усилили его власть. Первый закон давал ему возможность задушить оппозиционную прессу. За этим последовал арест нескольких тысяч противников нацизма, очень популярное в обществе требование пересмотра Версальского договора и призыв к перевооружению Германии.

15 февраля в период усиления германского национализма и активизации японской агрессии против Китая на Дальнем Востоке британский кабинет министров приступил к обсуждению недостатков обороны страны. Вопрос подняли военный министр лорд Хэйлшем и министр авиации лорд Лондондерри. Выслушав предостережение Невилла Чемберлена о финансовых и экономических рисках, связанных с перевооружением, кабинет взял на себя ответственность за недостатки в оборонной сфере, которые могут возникнуть из-за трудной финансовой ситуации. Но экономические ограничения сделали перевооружение невозможным.

Черчилль по-прежнему был чрезвычайно озабочен тем, что увидел в Германии пять месяцев назад, и тем, что происходило в Британии, – в частности голосованием в дискуссионном обществе Оксфордского университета, поддержавшем 275 голосами против 153 постулат, что «клуб ни при каких обстоятельствах не должен сражаться за короля и страну». Выступая в Оксфорде 17 февраля, Черчилль сравнил это отношение с тем, что происходит в Германии: «Я думаю о прекрасной немецкой ясноглазой молодежи, марширующей по всем дорогам рейха, распевающей свои древние гимны,

требующей призыва в армию, стремящейся получить самое устрашающее оружие и сгорающей от желания отдать жизнь за отечество». Он потом сказал, что «почти видел презрительную усмешку» на губах оксфордских студентов.

2 марта Рэндольф вернулся в Оксфорд, чтобы попытаться отменить голосование в дискуссионном обществе. Но нашел лишь 138 сторонников. 750 поддержали первоначальное предложение. «Он выдержал суровое испытание в Оксфордском обществе, – с гордостью написал Черчилль Хью Сесилу. – Ничто так не болезненно, как враждебность тысячи твоих сверстников, но он ни в коей мере не поддался». Через восемь дней Черчилль уже сам столкнулся с враждебностью в палате общин, когда выступил против предложения правительства сократить расходы на авиацию, закрыть одно из четырех летных училищ и надавить на Францию, чтобы та сократила численность своих военно-воздушных сил. Обсуждая недостаточную готовность Британии к войне в воздухе, заместитель министра авиации сэр Филип Сассун заявил в палате, что в ожидании результатов конференции по разоружению правительство «готово признать серьезное неравенство между королевскими военно-воздушными силами и военно-воздушными силами других великих держав».

Черчилль заявил: «При существующих настроениях в Европе надежда, что Франция наполовину урежет свои военно-воздушные силы, лежит в области фантазий, поскольку не иметь адекватной военной мощи в нынешней международной ситуации – значит подрывать основы свободы и независимости государства». Он «с большим сожалением» выслушал слова Сассуна о том, что десятилетняя государственная программа развития авиации будет отложена еще на год в надежде на всемирное разоружение. Затем Черчилль призвал Болдуина отменить правило «десяти лет» на укрепление обороны, предполагающее, что в ближайшее десятилетие войны не будет, и прекратить поощрять беспомощные и безнадежные настроения. Он заявил, что Британия в состоянии создать самолет не хуже, чем другие страны, а британские военные летчики никому ни в чем не уступают.

Эти аргументы пали на бесплодную почву. Через два дня после его выступления Макдональд представил британские предложения на женевской конференции по разоружению: в Европе устанавливается максимальный срок военной службы восемь месяцев; личный состав армий Франции, Германии, Италии и Польши должен быть сокращен до 200 000 человек; воздушные бомбардировки должны быть запрещены; военная авиация каждой страны должна быть ограничена пятью сотнями

машин, а все самолеты сверх установленного ограничения должны быть уничтожены – половина к 1936 г., остальные – к 1939 г. Количество же немецкой авиации остается открытым.

Представляя этот план в палате общин 23 марта, Макдональд заявил: «Не могу сказать, что лично я согласен с этим, но цель правительства – «статус равенства» для Германии в области вооружений». Черчилль, внимательно следивший за требованиями нацистов и их антисемитскими и антидемократическими акциями, заявил в палате: «Когда мы читаем про Германию, когда с удивлением и огорчением видим бурный всплеск агрессивности и милитаристского духа, безжалостное подавление меньшинств, лишение прав больших групп населения исключительно по расовому признаку, – когда мы видим такое в одной из самых одаренных, развитых и великих стран Европы, нельзя не радоваться, что все эти страсти, бушующие в ней, пока что не нашли выхода за пределы Германии».

Далее Черчилль сказал, что британское правительство не сумело компенсировать немецкие обиды, пока Германия была еще слабой и не могла силой требовать их удовлетворения. В то же время требование сокращения вооружений Франции придвинуло нас ближе к войне, «сделало нас слабее и менее защищенными». Со скамей лейбористов и консерваторов раздались крики «Нет! Нет! Нет!». Еще более яростный гнев вспыхнул, когда он заявил, что ответственность за это должна быть возложена на Макдональда.

От имени правительства на речь Черчилля ответил заместитель министра иностранных дел Энтони Иден, выразивший сожаление, что Черчилль выбрал столь серьезную дискуссию «для демонстрации своего остроумия». А возложение ответственности на Макдональда за ухудшение международных отношений было, по его словам, «фантастически абсурдно». Причины ухудшения «следует искать в том времени, когда мистер Черчилль сам нес значительную меру ответственности». Это обвинение стало шаблонным приемом для нападок правительства на Черчилля. На самом же деле, когда он был министром финансов, расходы на авиацию увеличивались в четырех из пяти его бюджетов. Он также был активным сторонником гарантий нерушимости французских и германских границ. В 1925 г. он выступил за ежегодный пересмотр правила «десяти лет». В 1929 г. предупреждал правительство о перевооружении Германией флота. Но его постоянная бдительность в вопросах обороны не имела никакого значения для тех, кто выступал против его нынешней политической

позиции.

Иден настаивал, что без разоружения Франции невозможно обеспечить в Европе мир. «Британия вовсе не хочет, чтобы Франция вдвое сокращала свою армию, как полагал Черчилль. Сокращение предусмотрено совершенно иное, – сказал Иден. – С 694 000 всего до 400 000». Парламентарии приветствовали Идена. «Палата обратила свой гнев на мистера Черчилля», – сообщила Daily Despatch. Черчилль получил только одно письмо в поддержку, от адмирала сэра Реджинальда Кестанса, который 24 марта написал: «Вы поистине определили основополагающие принципы войны и пытались убедить тех, кто по большей части совершенно невежествен в этих вопросах».

Черчилль собирался снова выступить по европейским вопросам 13 апреля. Перед этим он проконсультировался с майором Десмондом Мортоном, с которым познакомился на Западном фронте еще в 1916 г., а в 1919 г. пригласил в разведывательный отдел Военного министерства. С тех пор Мортон возглавлял промышленную разведку в комитете обороны, занимался мониторингом импорта и использования сырья для производства вооружений европейскими странами.

Опираясь на факты, которые предоставил ему Мортон из секретных правительственных источников, Черчилль сопоставил стремление Гитлера к перевооружению с постоянным стремлением Макдональда к сокращению вооружений, повторив свое предупреждение: «Создание Германией чего-то подобного военному паритету с Францией или кем-то из ее союзников – Польшей или малыми странами – означает возобновление всеобщей европейской войны».

Черчилль также заявил в палате общин, что в Германии происходят не только воинственные манифестации, но также «преследование евреев, о чем так много говорят уважаемые парламентарии и что вызывает возмущение у каждого, кто считает, что люди имеют право жить в том мире, в котором родились, и имеют право вести тот образ жизни, который до сих пор был гарантирован им в стране их рождения. А гнусный режим, установившийся в Германии, распространяется путем завоевания Польши, и уже в завоеванной области начались еврейские погромы».

Комментируя «невероятное признание» Макдональда о том, что он лично не согласен с цифрами, но несет за них ответственность, Черчилль сказал в палате: «Это очень серьезная ответственность. Если существует документ, к созданию которого его автор приложил собственные усилия, так это документ, предлагающий огромное разоружение».

Правительство объявило о создании объединенного специального комитета из представителей обеих палат, который должен будет изучать предложения по конституции Индии. Хор объяснил Макдональду, что умеренные консерваторы довольны созданием такого комитета, потому что это дает ответ на самые яростные нападения Черчилля, а именно на то, что парламент будет отстранен от принятия окончательного соглашения. Сэр Джон Саймон недавно вернулся из Индии с новым предложением: установление индийского правления в провинциях, но не в центре. Рекомендация Саймона совпадала с тем, что Черчилль давно уже предлагал в качестве единственно разумного курса. Тем не менее он рассматривал создание комитета как структуры, на словах поддерживающей Саймона, но на самом деле реализующей более радикальную схему.

Черчилль был далеко не одинок в своих опасениях. 17 февраля Хор сказал вице-королю: «Мы делаем все возможное, чтобы обеспечить большинство в правительстве, но Консервативная партия весьма нестабильна в обеих палатах». Когда Черчилль выступал на неподконтрольных парламенту собраниях консерваторов, он получал гораздо бульшую поддержку, чем при голосовании в парламенте. Во время дискуссии по Индии в национальном союзе консервативных ассоциаций, состоявшейся 28 февраля, в его поддержку было подано 165 голосов, против – 189.

Как Черчилль и предполагал, у правительства не было намерения поддержать доклад Саймона. Оно продвигало идею самоуправления как в провинциях, так и в центре. Чтобы сделать статус доминиона более приемлемым для критикующих политику консерваторов, правительство заявило, что в индуистском правительстве будут приняты специальные меры безопасности как для индийских мусульман, так и для независимых княжеств. 10 марта на заседании кабинета Хор пояснил, что благодаря этому у вице-короля останется значительная власть, в том числе полный контроль над Министерством иностранных дел и Министерством обороны. Поэтому, сказал он, нет риска, что у Индийского национального конгресса окажется большинство голосов. В нижней палате всеиндийской федерации 30 процентов мест будет принадлежать мусульманам и 30 процентов – независимым княжествам.

В процессе дискуссии в правительстве лорд Хейлшем заявил: «В результате правительственных предложений Индией все больше и больше будут править индусы, пусть очень умные, но не имеющие опыта административной работы и часто

коррумпированные, поскольку их религия предписывает им заботиться о своих родственниках. Правосудие будет продано, беднота угнетена, в государственной службе наступит развал». Хор сказал, что разделяет многие опасения военного министра, однако кабинет все же принял план создания всеиндийской федерации.

Ожидая объявления состава объединенного специального комитета, Черчилль посетил собрание парламентариев, которые в данный момент выступали против государственной политики по отношению к Индии. Целью собрания, как он рассказывал лорду Солсбери, было создание «группы в палате общин». В группу вошли пятьдесят парламентариев-консерваторов, которые назвали себя «комитетом обороны Индии».

17 марта правительство выпустило так называемую «Белую книгу Индии». В предлагаемой конституции каждая индийская провинция получала статус автономии. Центральная власть, прежде находившаяся под жестким контролем вице-короля, должна быть заменена федеральным правительством с существенным участием индийцев. Все это предстояло обсудить на объединенном специальном комитете. 30 марта, выступая в палате общин, Черчилль призвал правительство не использовать комитет как средство формирования предвзятого мнения в дискуссии по конституции. В дискуссии должна принимать участие вся палата. В этом его поддержали 42 парламентария. У правительства оказалось 475 сторонников.

На следующий день Черчилля пригласили войти в состав объединенного специального комитета. В нем предполагалось участие двадцати пяти сторонников политики правительства и девяти противников. 1 апреля, размышляя, стоит ли принимать приглашение, он написал Хору: «С горечью и возмущением я следил за процессом, в ходе которого вы и Болдуин на протяжении двух с половиной лет использовали власть Консервативной партии и правительства Индии, чтобы парализовать или подавить сопротивление консерваторов в Англии и лоялистов в Индии ради реализации вашего плана. Верность членов Консервативной партии своим лидерам в сочетании с изменением мнения либералов и социалистов создает барьер, который вполне может оказаться непреодолимым. Вы, похоже, стоите на своем. Но тогда вам придется отвечать за последствия, как дома, так и в Индии».

После долгих размышлений Черчилль решил не входить в состав объединенного специального комитета. 5 апреля он написал Хору, объясняя свою позицию: «Я обратил внимание, что по крайней мере три четверти членов комитета составляют

достойные люди, которые уже заявили, что при данном стечении обстоятельств снимают с Британии ответственность за центральное правительство Индии. Я решительно против этого. Убежден, что, если план «Белой книги» будет выполнен, он через несколько лет приведет либо к эвакуации, либо к неизбежности повторного завоевания Индии. Я не хочу разделять столь тяжелое и грустное бремя. Соответственно, не вижу никакого смысла входить в состав комитета лишь для того, чтобы уступить большинству выдающихся людей, которых вы избрали. Будет лучше, если те, кто верят в курс «Белой книги», станут прорабатывать его в объединенном комитете свободно, без критики тех, с кем у них непреодолимые разногласия».

Некоторые друзья Черчилля были удивлены его решением. «Позвольте сказать, что я глубоко сожалею о вашем отказе войти в состав объединенного специального комитета, – написал лорд Бернэм 7 апреля. – Мне будет не хватать именно вашего лидерства и руководства». Черчилль ответил: «Сожалею, что не могу помочь вам, но уверен, что мое место вне комитета. То, как он был выбран, – просто скандал».

10 апреля Хор представил парламенту список тех, кто согласился работать в объединенном специальном комитете. Один парламентарий-консерватор внес предложение исключить из него шесть членов правительства. Предложение не прошло: за него проголосовали 118 депутатов, против – 208. Однако эти 118 голосов стали максимальным количеством депутатов, выступивших в парламенте против правительственного курса. Черчилль сделал заявление, опубликованное в Evening News: «Если бы в палате состоялось свободное голосование, большинство парламентариев-консерваторов, вполне возможно, забаллотировали бы предложение правительства. Но правительство стремится получить поддержку и не допустить беспристрастного обсуждения. Оно хочет не советоваться, а объявлять. Оно желает руководить». Черчилль решил начать публичный «крестовый поход» против государственной политики в Индии. «Мы готовы к тяжелой долгой борьбе, – писал он 14 апреля, – но я не отчаиваюсь». Хор был обеспокоен как кампанией Черчилля, так и работой специального комитета. Говоря о Черчилле, он отметил: «Его главный союзник – невежество девяноста девяти процентов публики. В результате он получит огромную поддержку в консервативных кругах и вызовет огромный всплеск подозрений и недовольства в местных избирательных округах».

Опасения Хора насчет волнения в избирательных округах начали оправдываться 28 апреля, когда на ежегодном собрании

ассоциации консерваторов в округе Хоршем и Уэртинг против индийской «Белой книги» проголосовали 161 человек, а в поддержку высказались лишь 17. На этой же неделе председателем объединенного специального комитета был назначен лорд Линлитгоу, друг Черчилля с Первой мировой войны. Надеясь убедить Черчилля отказаться от противостояния федеральной схеме устройства Индийского государства, он сказал: «Нечто подобное «Белой книге» должно быть реализовано. Индийская проблема в нашей стране не интересует широкие массы избирателей».

Линлитгоу предложил Черчиллю сосредоточить свою критику на тарифной политике правительства. Черчилль ответил: «Мне жаль, что вы заняли такую позицию относительно Индии. В этом смысле довольно любопытны замечания, сделанные три или четыре года назад о серьезном ухудшении положения в сельскохозяйственном департаменте после реформ Монтегю. А ведь они сыграли роль в формировании моих нынешних взглядов. Большое спасибо за предложение сменить тактику и атаковать правительство по поводу торговых соглашений, а Индию оставить в стороне. Не думаю, чтобы я остался в политике, и уж точно не принимал бы в ней активного участия, если бы не Индия. Поэтому мне совершенно безразлично, как противостояние «Белой книге» скажется лично на мне».

Линлитгоу не оставлял надежды убедить Черчилля в том, что он заблуждается. «Индийский сельскохозяйственный сектор, – писал он 4 мая, – с 1924 г. подвергся 100-процентной «индианизации». Этот процесс практически завершен, и никто не предполагает, что он может быть обратим. Если вы и те, кто с вами, в состоянии воссоздать Индию 1900 г., и – что гораздо более сложно – встроить ее успешно в мир 1934 г., то я буду первым, кто признает ошибочность своих суждений и восхитится вашей мудростью».

В письме Линлитгоу упрекнул Черчилля в старомодности. «Думаю, в этом у нас с вами принципиальное расхождение, – ответил Черчилль. – Вы полагаете, что будущее – простое продолжение прошлого, в то время как я нахожу в истории множество неожиданных поворотов и отступлений. Мягкий либерализм начала двадцатого века, всплеск нереалистичных надежд и иллюзий, которые последовали за прекращением Великой войны, уже подавлены жесткой реакцией и установлением диктаторских режимов – явных или завуалированных – почти в каждой стране. Более того, утрата наших внешних связей, сокращение международной торговли приводит растущее население Британии на грань крайнего

упадка. Мы входим в период, когда в густонаселенных индустриальных державах все с большей интенсивностью начинается борьба за самосохранение. На мой взгляд, в Британии начинается новый период борьбы за жизнь, и главным вопросом станет не только сохранение Индии, но гораздо более серьезные притязания на коммерческие права. Пока мы уверены, что не предъявляем никаких требований к Индии, которые не совпадали бы с ее собственными интересами, мы имеем право использовать наше несомненное превосходство во имя нашего общего благосостояния. Ваши планы на двадцать лет отстали от времени».

«Время» действительно летело быстро. 7 апреля Гитлер официально установил нацистский режим во всех германских землях, положив конец их вековой автономии. Через шесть дней был издан закон, запрещающий евреям работать в государственных, муниципальных и местных учреждениях. В ходе дебатов, проходивших в палате общин в этот день, Черчилль снова предупреждал об опасности милитаризованной Германии: «После Великой войны мы говорили, что гарантией безопасности для нас станет демократическая Германия с парламентскими институтами. Все это уже сметено. Вы имеете диктатуру, самую беспощадную диктатуру».

Он обратил внимание на некоторые пугающие особенности немецкой диктатуры: милитаризм, апелляция к воинственному духу германцев, возвращение дуэлей в университетах и преследование евреев. Он продолжал: «Не могу не порадоваться тому, что немцы не получили тяжелые пушки, тысячи боевых самолетов и танков, за что они так боролись, требуя равного статуса с другими странами». Через десять дней Черчилль выступал на ежегодном собрании в Королевском обществе Святого Георгия. В речи, которая передавалась по радио, он сказал: «Ничто не спасет Англию, если она сама себя не спасет. Если мы утратим веру в себя, если мы утратим волю к жизни, тогда наши дни действительно сочтены. Если, в то время как иностранные государства постоянно утверждают все более агрессивный и воинственный национализм, мы остаемся парализованы нашими теоретическими доктринами или впадаем в немощь послевоенного истощения, тогда, действительно, все дурные предсказания сбудутся и наш крах будет стремительным и бесповоротным».

Борьба Черчилля против государственной политики в отношении Индии достигла апогея 28 июня. В этот день в Лондоне собрался центральный совет Консервативной партии,

чтобы обсудить представление в парламенте законопроекта об Индии. Хор объяснял вице-королю, что правительство всю весну и лето занималось «созданием эффективной организации, которая смогла бы противостоять пропаганде, которую развернул Черчилль по всей стране». Он хотел, чтобы Фрэнсису Вильерсу, который был выбран для руководства этой организацией, было пожаловано рыцарское звание. Он надеялся, что это повысит престиж организации. Вильерс стал сэром. За три недели до заседания центрального совета Times советовала консерваторам не идти на поводу у Черчилля. Газета утверждала, что не может быть отказа от политики, которую представляет законопроект, и никакие предложения Черчилля не пройдут. Далее уже откровенно политическим языком статья предупреждала: «Если возобладает точка зрения Черчилля, то мистер Болдуин может задуматься о необходимости ухода с поста лидера партии и даже из общественной жизни».

Во время выступления Черчилля постоянно прерывали, не давая возможности привести свои аргументы. Он, по его собственным словам, стал «жертвой кампании». Враждебные выкрики не прекращались, и он в какой-то момент не выдержал: «Нет смысла на меня злиться, потому что я должен изложить дело. Мы обязаны изложить наши мнения по данному вопросу». Призыв не был услышан. Настроение аудитории, как он понимал, было хорошо спранировано. «Очень легко вести пропаганду, обвиняя конкретного человека», – сказал он. Даже его призыв дать ему возможность быть услышанным был встречен, как писал один репортер, «возгласами протеста и смехом».

Черчилль же говорил, что, прежде чем вводить федеральную независимость с управлением из центра, надо ввести автономию на уровне провинций и посмотреть, как это будет работать, и что это все не помешает ввести со временем центральное самоуправление в Индии. Но и эти предложения встретили смехом. Тем не менее голосование зафиксировало самое большое количество несогласных с политикой Макдональда – Болдуина. 356 голосов было подано против, 838 – за. Хотя индийская кампания Черчилля не закончилась, она постоянно наталкивалась на упорное сопротивление и искажение его аргументов со стороны партийных лидеров и их сторонников, решительно настроенных не допустить его влияния ни на политику партии, ни на участие в будущем Индии.

Правительство игнорировало и опасения Черчилля по поводу Индии, и отказывалось сокращать вооружения, несмотря на германскую угрозу. У Черчилля оставались весьма слабые надежды на обретение былого политического влияния. В июле

подбадривающее письмо прислал его друг, член парламента от Консервативной партии Теренс О'Коннор, который вскоре станет заместителем генерального прокурора: «Ты стал частью жизни очень многих, и твоя личная судьба и успех заботят больше людей, чем ты можешь представить».

В Женеве продолжала работу конференция по разоружению. Британия и Германия отвергли предложение Франции о регулярном инспектировании и контроле процесса разоружения. Перед началом дискуссии три государственных департамента поставили в известность кабинет министров, что возражают против инспекций, поскольку они покажут всему миру серьезные недостатки в нашем военном снабжении, и нам придется потратить многие миллионы для исправления ситуации. Министерство иностранных дел регулярно получало разведывательные донесения о происходящем в Германии. 21 июня британский атташе в Берлине полковник авиации Джастин Херринг написал секретную записку, свидетельствующую, что Германия в нарушение Версальского договора приступила к созданию боевого самолета. Высокий чиновник Министерства авиации Германии сказал Херрингу, что немецкое правительство уже занимается наращиванием военно-воздушных сил. Записка Херринга была одним из ряда свидетельств о перевооружении Германии, которые заместитель министра иностранных дел сэр Роберт Ванситтарт распространял в кабинете министров. Через месяц, 12 августа, Черчилль сказал, выступая в своем избирательном округе: «Есть веские причины полагать, что Германия вооружается, или стремится вооружиться, вопреки официальным обещаниям, которые она вынуждена была дать в момент поражения».

20 сентября озабоченность Черчилля поддержал военный министр лорд Хейлшем, заявивший коллегам по кабинету: «Мы уже разоружились до такой степени, что наше положение становится чрезвычайно опасным, если война начнется в ближайшие несколько лет. Наши порты почти незащищены, наша противовоздушная оборона полностью неадекватна ситуации. Такое положение дел недопустимо. Все должны согласиться, что в ближайшие годы потребуется определенное увеличение расходов на вооружение. Это относится и к военно-воздушным силам». Таково было мнение военного министра. Это была постоянная тема и для Черчилля, но при этом правительство, членом которого являлся военный министр, объявляло его алармистом.

6 октября на фоне всех этих нелегких событий вышел

из печати первый том биографии Мальборо. «Мальборо. Его жизнь и время» (Marlborough: His Life and Times). Получив в подарок книгу от автора, Болдуин написал ему: «Вы поистине удивительный человек! На эту последнюю книгу ушло бы много лет работы даже у того, чье единственное занятие – история. Да, это чудо».

Черчилль всегда с удовольствием рассылал свои книги с автографами. Через два дня после выхода первого тома он надписал экземпляр президенту США Франклину Рузвельту, чьим Новым курсом он так восхищался: «С искренними наилучшими пожеланиями успеха в величайшем крестовом походе современности».

В день выхода первого тома Черчилль был в Бирмингеме, на конференции Консервативной партии. Именно там Болдуин призывал к заключению конвенции по разоружению и жестко высказывался за ограничение вооружений. Выступая после него, Черчилль поддержал предложение, выдвинутое лордом Ллойдом, выразив глубокую озабоченность состоянием обороны Британии. Британия не должна, сказал он, «идти по пути, на котором только мы становимся слабее, в то время как все остальные страны становятся крепче». Предложение было принято единодушно. Тем не менее поддержка рядовых членов партии и влияние на реальную политику правительства представляли собой совершенно разные вещи.

14 октября Гитлер отозвал немецкую делегацию с конференции по разоружению. Через девять дней кабинет решил продолжить поиск возможностей ограничения и сокращения вооружений и призвал военного министра Франции Эдуарда Даладье начать прямые переговоры с Германией, сделав некоторые уступки. Кабинет пришел к решению: «Наша политика по-прежнему заключается в стремлении к международному сотрудничеству в области сокращения вооружений в мире. Это наше обязательство по договору и единственный способ предотвращения гонки вооружений».

В записке, поданной в кабинет министров 24 октября, министр авиации лорд Лондондерри указал, что «производство военной авиации в Британии остановлено в 1932 г. в результате перемирия, объявленного в ноябре 1931 г. Но хотя это перемирие закончилось в феврале 1933 г., правительство его величества, желая показать серьезность своих намерений в деятельности по разоружению, продлило его в текущем году, несмотря на заметное отставание в авиационной мощи от других великих держав. Таким образом, необходимо отказаться от этого решения до 1940 г.». Но решение продолжать сокращение вооружений

было секретным. Поэтому заявление лорда Лондондерри не могло помочь. К тому же на дополнительных выборах в Восточном Фулеме победу одержал антиправительственный кандидат, выступивший с программой за сокращение вооружений.

7 ноября, пока правительство продолжало заниматься поисками путей сокращения вооружений, Черчилль выступил в палате общин. «Самый главный факт заключается в том, что Германия уже начала перевооружаться, – сказал он. – Импорт лома железа, никеля и других металлов военного предназначения существенно превышает обычные нормы». Тем не менее он полагал, что есть верный способ обуздать реваншистские устремления Германии: «Лигу Наций следует использовать не для яростных споров и пререканий по поводу нюансов разоружения, а для совместного восстановления сил Германии, с тем чтобы унять обиду немецкого народа. Это может дать эффект, прежде чем Германия станет угрожать безопасности всего мира». Между тем разоружение в Британии уже «поставило страну на грань риска – нет, ввергло в пучину риска». Три военных министерства должны, по мнению Черчилля, принять адекватные меры по обеспечению безопасности и гарантировать, что страна обладает и временем, и силой реализовать в случае необходимости всю свою мощь.

12 ноября в Германии состоялись новые выборы. Предвыборная агитация была разрешена только нацистской партии, которая и получила 95 процентов голосов. Через два дня на официальном обеде ассоциации военно-морской дивизии Черчилль сказал: «Вы слышали, что меня называют милитаристом. Это ложь. Я боролся за мир еще перед Великой войной, и, если бы были приняты «морские каникулы», которые я в свое время предлагал, ход истории мог бы оказаться совсем иным. Это нацисты заявляют, что «война – славное дело», это они прививают детям со школьных лет кровожадность, беспримерную со времен варварства и язычества. Это нацисты выдвинули доктрину, согласно которой «любая граница должна стать отправной точкой для вторжения». Нельзя терять время. Нужно предпринять практические шаги. Нужно ликвидировать эту конференцию по разоружению, выбросить весь хлам и мусор восьми лет нытья, глупости, лицемерия и мошенничества и отправиться в другую часть Женевы, в Лигу Наций».

Кабинет министров все еще хотел заключить полномасштабное соглашение по разоружению. В ноябре Болдуин говорил коллегам: «Если мы потеряли надежду добиться какого-

либо ограничения вооружений, мы имеем основания испытывать тревогу за ситуацию не только в авиации, но и в армии и на флоте. Британия прилагает все возможные усилия, чтобы предложить план разоружения, учитывающий Германию. Если Германия увидит, что палата общин утверждает предложение о разоружении в области авиации, это произведет на нее сильный эффект».

30 ноября Черчиллю исполнилось пятьдесят девять лет. Зиму он старался по возможности проводить в Чартвелле, работая с Морисом Эшли над вторым томом биографии Мальборо. В канун Нового года Болдуин прислал ему восторженное письмо по поводу первого тома: «Это высший класс. Если бы мне пришлось – не дай бог – говорить про вас речь, я бы сказал: «Читайте «Мальборо», и вы сможете представить себе, что слушаете Уинстона, в то время как он ходит по кабинету со стаканом воды в руке и длинной сигарой во рту».

3 января 1934 г. Черчилль в ответном письме написал, что рад был узнать, что Болдуин по-прежнему испытывает к нему «добрые чувства». «Индия в сторону, я желаю вам всего самого лучшего. Постараюсь сказать об этом по радио 16-го. В конце концов, нашу жизнь будут определять европейские распри. Здесь вы должны чувствовать, как давит этот груз».

16 января, выступая по радио, Черчилль действительно похвалил национальное правительство за обеспечение медленного, но верного экономического роста. Он также похвалил президента Рузвельта за «силу духа, с которой тот борется с трудностями». Он также повторил свое предупреждение о необходимости вооружения и создания альянсов для предотвращения войны – не только с бывшими союзниками, но и с нейтралами – такими, как Голландия, Дания, Норвегия, Швеция и Швейцария. «Мы должны разделить ношу по созданию достаточно сильной коалиции, чтобы, по крайней мере, в Европе ни один агрессор не посмел бросить ей вызов».

На протяжении 1934 г. Черчилль написал пятьдесят статей для газет и журналов и произнес более двадцати речей. Таким образом, он излагал публике свои взгляды в среднем один раз в пять дней. Главной заботой его по-прежнему оставалась оборона Британии. 7 февраля он говорил в палате общин: «Я не представляю, как, с учетом нынешнего состояния Европы и нашего положения, мы можем медлить с созданием таких военно-воздушных сил, которые были бы по крайней мере не слабее, чем те, что может использовать против нас любая держава. Пока Британия надлежащим образом не обеспечит свою

безопасность, в обозримом будущем, при жизни всех тех, кто сидит сейчас здесь, может возникнуть дипломатический кризис, зазвучат угрозы, будет оказано давление, и в течение нескольких часов грохот бомб, взрывающихся в Лондоне, облака кирпичной пыли, огня и дыма известят нас о неэффективности мер, предпринятых для противовоздушной обороны».

Черчилль советовал правительству «начать реорганизацию гражданской промышленности таким образом, чтобы ее можно было быстро переориентировать на военные нужды. «Каждый завод в Европе, – сказал он, – уже подготовлен к тому, чтобы быстро начать выпуск продукции военного назначения для обеспечения печального бизнеса массового убийства. А что сделали мы? Нельзя терять ни часа». Он обрушился с критикой на правительство за то, что оно ждет изменения общественных настроений, а общество не желает перевооружения: «На правительстве его величества лежит тяжелая ответственность, и с каждым днем она становится все тяжелее. С этой ответственностью при желании легко справиться. Правительство обладает подавляющим большинством в обеих ветвях власти. Ему не откажут ни в одной просьбе. Ему нужно только сделать предложения, которые тут же будут поддержаны. Почему надо так скептически относиться к патриотической поддержке, которую наш народ оказывает тем, кто считает своим долгом опереться на нее?»

В ответ Болдуин заметил, что позиция Черчилля предполагает большую свободу и меньшую ответственность. Затем он сообщил палате: «Мы стараемся добиться упорядоченного ограничения вооружений. Если конференция по разоружению не достигнет своих целей, правительство сочтет долгом в первую очередь быстро отреагировать в интересах нашей страны». Но при этом он был уверен, что такой необходимости не возникнет: «Не думаю, что мы обречены на войну».

В своей речи Болдуин охарактеризовал замечания Черчилля как «очень интересные, чрезвычайно взвешенные и полные глубокого смысла». Герберт Сэмюэл оценил их иначе. Он сказал, что курс Черчилля – «да здравствует анархия, и давайте все вместе бросимся и погубим себя».

4 марта была выпущена «Белая книга обороны». Она начиналась заявлением, что правительство не допустит сокращения военно-воздушных сил ниже уровня Германии. «Правительство его величества ставит своей приоритетной целью достижение паритета в военно-воздушных силах среди ведущих держав». При этом заявлялось, что «гонки вооружений в воздухе

следует избежать любой ценой», и выражалась надежда на то, что правительство сумеет добиться паритета в воздухе «путем сокращения сил других до британского уровня». Это означало, что Франции и России нужно существенно сократить свои авиационные силы.

«Обещание паритета», несмотря на все оговорки, вызвало резкий протест лидера лейбористов Клемента Эттли, который 8 марта в палате общин заявил: «Мы отрицаем необходимость наращивания воздушных сил». От лица Либеральной партии Арчибальд Синклер тоже осудил заявление: «Постоянное накопление вооружений – это глупость, опасность и расточительность». Черчилль не имел за собой поддержки никакой партии, но для представителей всех партий, которые его внимательно слушали, заявил: «Простого увеличения недостаточно. Политика, которую проводит правительство, находится в достаточно серьезном противоречии с суровой реальностью европейской ситуации. Недостаточно прикрываться тем, что Франция имеет превосходство в воздухе. Именно с неба грозит новая опасность. Таким образом, необходимо создать безопасное небо над головой так же, как на протяжении столетий нашу безопасность обеспечивал контроль над морями. Германия быстро вооружается, и никто не собирается ее останавливать. Никто при этом не предлагает начать «превентивную войну», чтобы не дать ей нарушить Версальский договор. Все прекрасно понимают, что этот очень одаренный народ, с их уровнем науки и производства, с тем, что они называют авиаспортом, способен очень быстро создать воздушные силы и оборонительного, и наступательного назначения. Германией правит горстка автократов, которые стали абсолютными властителями этой могущественной, одаренной нации и обладают полным контролем над общественным мнением благодаря всем возможностям, которые предоставляют современные технические достижения. Я опасаюсь того дня, когда возможности и средства, угрожающие Британской империи, окажутся в руках нынешних правителей Германии. И этот день, вполне вероятно, недалеко. До него, может быть, год, может, восемнадцать месяцев. Однако еще есть время, чтобы принять необходимые меры. Требуется не «обещание паритета», а достижение паритета. Но нам нужны средства для достижения этого».

Повернувшись затем к председателю совета лорду Стенли Болдуину, Черчилль заявил парламентариям: «Ему достаточно лишь решить, что нужно сделать, и парламент проголосует за все поставки и все необходимые санкции, если потребуется, в течение сорока восьми часов. Не нужно никаких разговоров о подготовке

общественного мнения. Не надо идти на улицу и спрашивать людей, что они об этом думают. Решать должны парламент и кабинет министров, а народ будет судить, правильно ли они действуют как их доверенные лица. У лорда-председателя есть власть, а если у него есть власть, у него есть и то, что всегда прилагается к власти, – ответственность. Возможно, более тяжелая и более личная ответственность, чем ложилась на какого-либо слугу короны на протяжении многих лет. Возможно, он еще этого не осознал, но сегодня он – капитан корабля. Нация смотрит на него и ждет от него совета, ждет мудрого указания надежного курса в это опасное время, и я верю и надеюсь, что мы смотрим не зря».

В ответной реплике Болдуин сказал, что «не готов сегодня признать ситуацию безнадежной, но, если усилия Британии по разоружению ни к чему не приведут, правительство будет считать, что военно-воздушная мощь нашей страны не должна ни в чем уступать любым странам, расположенным на расстоянии прямого удара от наших берегов». Тем самым Болдуин поддержал требование паритета. Через три дня, 11 марта, Черчилль написал Хору: «Нельзя терять времени для удвоения наших военно-воздушных сил». Но через восемь дней после этого письма кабинет отверг его предложение, отчасти на основании того, что у министров еще оставалась надежда на разоружение, отчасти из-за требующегося существенного роста расходов, а отчасти потому, что полагали, как объяснял министр иностранных дел сэр Джон Саймон, что «германская экспансия, если даже станет реальностью, скорее всего, будет направлена на восток и юг, нежели на запад». Опасность, полагали, грозит скорее Австрии, Данцигу и Мемелю.

Приветствуя позицию Болдуина по поводу паритета в воздухе, Черчилль предупредил, что надежды правительства на сокращение вооружений в авиации могут представлять большую опасность, если будет отложен пересмотр всей системы обороны Британии. 21 марта в палате общин он высказался за создание Министерства обороны, чтобы снабжение и планирование действий армии, авиации и флота координировал один министр. Кабинет отверг предложение, приватно сопроводив его грубым комментарием о невозможности найти «сверхчеловека» для исполнения такой задачи.

Правительство находило удовольствие в осмеянии Черчилля. Ход дебатов по Индии предоставил новые возможности для насмешек. Черчилль обвинил Министерство по делам Индии в оказании год назад незаконного давления и подделке свидетельств, представленных в объединенный специальный

комитет. Правительство заявило, что это абсурд, свидетельствующий о психическом расстройстве. На самом деле обвинение было обоснованным. Хор, который как министр по делам Индии должен был беспристрастно изучать свидетельства всех заинтересованных групп, смог, благодаря вмешательству лорда Дерби, уговорить Торговую палату Манчестера отозвать свои претензии, критически оценивающие некоторые экономические аспекты законопроекта об Индии, влияющие на хлопковое производство Ланкашира.

Черчилль получил достаточно подробностей и документов, подтверждающих факт подлога. Но его вызов дал обратный результат. Обвинение выглядело настолько невероятным, а участие Министерства по делам Индии настолько неправдоподобным, что его обвинили в желании просто посеять смуту. Но когда он 16 апреля снова поднял этот вопрос в палате общин и представил надежные подтверждения, то правительство вынуждено было назначить для изучения их комитет по привилегиям. Черчилль не мог знать, что одно важнейшее свидетельство, которое могло стать решающим в деле, было сознательно изъято по предложению Хора. Этим свидетельством было требование одного из высокопоставленных чиновников Министерства по делам Индии переписать документ, представленный Манчестером.

После закулисных интриг правительства 9 июня комитет по привилегиям представил свой доклад. В нем говорилось, что объединенный специальный комитет не являлся юридическим лицом и, таким образом, обычные правила судопроизводства по административным нарушениям неприменимы к его заключениям. Следовательно, нет юридических оснований обвинять его членов. В любом случае, говорилось в заключении, то, что было названо «давлением», на самом деле было не более чем советом или убеждением.

Черчилля чрезвычайно расстроили уклончивость и софистика доклада. Он был уверен, что соблюдает основной принцип парламентской демократии, что правительство должно вести себя честно при оценке поступающей информации и принимать решения на основании фактов, сколь бы неудобными и тревожными они ни были, а не искажать их, подгоняя под политическую ситуацию. 13 июня он говорил в палате общин: «В другой стране мира, полагаю, меня бы отправили в концентрационный лагерь, и меня бы навещала компания школьников-переростков. Но здесь у человека есть права, и я бы считал совершенно бесчестным начинать всю эту процедуру, если бы не мог представить серьезные доказательства и факты

в качестве оправдания своих действий».

Черчилль также задумался, какой эффект на министров и тех, кто пристально изучает их действия, может оказать заявление правительства о том, что объединенный специальный комитет не является юридическим лицом. «Многие здесь могут пожалеть, – сказал он, – что стражи прав и привилегий в палате общин решили столкнуться с временными трудностями, взяв такой курс». Он с удовольствием процитировал фразу Хью Сесила о том, что свидетели, вызванные в комитет по привилегиям, «вели себя как оркестр, послушный палочке дирижера».

Через четыре дня Черчилль повторил в палате свои обвинения, но его опять подняли на смех. Один парламентарий-консерватор назвал его «необыкновенным существом, обладающим такой силой, которая представляет реальную угрозу для мирного решения многих проблем, которые в настоящее время стоят перед страной. И сила этой угрозы не ослабевает, а нарастает».

Попытка Черчилля поднять вопрос о подтасовке свидетельств не прошла незамеченной. «Я бесконечно горжусь тобой за твои действия, – написала ему его приятельница леди Лэмбтон 26 июня. – Приятно думать, что есть еще в Англии светлая личность, которая не опустится на колени перед дерзкой силой. На прошлой неделе я встретила сторонников противной стороны и спросила, проиграл ли Уинстон свое дело. Они ответили: «Полностью». Затем я поинтересовалась: а сделают ли Хор и Дерби то же самое еще раз в соответствующих обстоятельствах? Они смутились, и я поняла, что попала в точку. Дальше я спросила: как они могут говорить, что ты проиграл? Он установил, объяснила я, стандарт и утвердил принцип, который продержится намного дольше, чем краткосрочный парламентский успех, и поэтому я и все те, кто любит Англию, можем сказать: «Хвала богу за Уинстона».

В конце июня умер двоюродный брат Черчилля, друг детства Санни. Он был болен раком. В некрологе, опубликованном в Times 1 июля, Черчилль написал: «Санни особо не интересовался симптомами, которые ежедневно наносили ему новые удары. Он жил, не фокусируясь чрезмерно на своем будущем. Но он очень хорошо знал, что конец близок, или, как он говорил, «дошел до точки». И он переносил это испытание с достоинством и простотой, не придавая ему особого значения. Он всегда обладал чрезвычайно привлекательными и благородными манерами. Именно этой свободной учтивости нас учили аристократы ушедшей эпохи. В последний вечер своей

жизни, на званом чае для близких людей, когда силы уже почти покинули его, он развлекал гостей, и беседа с ним не была для них в тягость. Затем последовал дар Божий для тех, кто в таком положении, – сон, после которого в этом мире уже не просыпаются».

«Вокруг вас преданные друзья, – написал ему Арчибальд Синклер, – но никто, я знаю, не может заменить тех двоих, кого вы потеряли недавно». Четырьмя годами ранее умер лорд Биркенхед – Ф. Э. Смит. Черчилль был глубоко опечален этими смертями. Когда он впервые заговорил о собственной старости, леди Лэмбтон написала с упреком: «Прошу, не говори о себе как о старике. Ты нас всех этим чрезвычайно расстраиваешь. Для меня ты все еще многообещающий молодой человек».

30 июня Гитлер расправился с несколькими своими высокопоставленными соперниками по нацистской партии, а также с бывшим канцлером генералом Шлейхером и некоторыми католическими священнослужителями. «На меня произвел глубокое впечатление этот эпизод, – позднее писал Черчилль, – и весь процесс германского перевооружения, свидетельства которого уже стали совершенно очевидны. Все предстало передо мной в безжалостном, зловещем свете». 2 августа, через месяц после «ночи длинных ножей», в возрасте восьмидесяти семи лет скончался президент Гинденбург. На следующий день Гитлер совместил посты канцлера и президента. В тот же день немецкие вооруженные силы дали клятву о безоговорочном подчинении Гитлеру как их новому главнокомандующему.

Летом Черчилль опять говорил о противовоздушной обороне. 7 июля, выступая в своем округе, он сказал, что правительство сначала должно удвоить состав военно-воздушных сил, а затем удвоить его еще раз. Через шесть дней в палате общин Герберт Сэмюэл, не зная, как и Черчилль, о том, что министр авиации безуспешно просил кабинет именно о таком увеличении, назвал предложение Черчилля «скорее речью одержимого малайского шамана, чем ответственного британского государственного деятеля». В ответ Черчилль сказал, что ситуация во многих смыслах гораздо опаснее, чем это было в 1914 г., когда они с Сэмюэлом были коллегами по кабинету. Однако Энтони Иден, недавно назначенный лордом-хранителем печати, заявил: «При всем уважении к моему другу, депутату от Эппинга, он, похоже, убежден, что для того, чтобы мире возникла некая действенная система, все страны должны вооружиться до зубов. Я не согласен. Всеобщее разоружение следует рассматривать

как конечную цель». Позже, во время дебатов, Эттли вообще усомнился в необходимости перевооружения, заявив в палате про Гитлера: «Можно сказать, его диктатура уже постепенно рушится».

В правительственных кругах продолжались дебаты о слабости британской авиации. 16 июля Морис Хенки представил в кабинет записку, в которой отметил, что ежегодный доклад Генерального штаба на 1933 г. обнаружил «существенные недостатки в наших оборонительных силах», возникшие преимущественно из-за правительственной политики по вопросу разоружения с 1929 г. На следующий день в приватном письме Болдуину Лондондерри предупредил, что слабая авиация не является ни сдерживающим фактором для агрессора, ни надежным средством защиты страны: «При отсутствии надлежащей обороны, – написал он, – ничто не помешает противнику обрушить всю свою бомбовую мощь на Лондон и продолжать бомбардировки до достижения поставленной цели».

18 июля кабинет министров одобрил план, согласно которому к марту 1939 г. Британия должна иметь 1465 боевых самолетов. Некоторые считали, что этого недостаточно. Для дебатов по авиации Десмонд Мортон представил Черчиллю записку со сравнительными данными военно-воздушных сил Британии, Германии и других крупнейших стран, а также оценку Министерства авиации производственных мощностей Германии по выпуску самолетов. 30 июля Черчилль заявил в палате общин: «В настоящее время мы являемся пятой или шестой авиационной державой мира. При существующих темпах развития Британия в 1939 г. окажется в относительно худшем положении, чем сейчас, и эта относительность – самое главное».

Далее Черчилль указал, что даже крошечное, робкое, медленное наращивание авиационной мощи, о котором просит правительство, будет «осуждено совместными усилиями социалистов и либералов». Он определил основные факты, которые не могли быть опровергнуты и которые следовало учитывать для срочного наращивания военно-воздушной мощи Британии: «Я утверждаю, что Германия уже, в нарушение Версальского договора, создала военную авиацию, которая почти на две трети сопоставима с нашими собственными военно-воздушными силами. Это первое, над чем я прошу задуматься правительство. Второе: Германия быстро наращивает военную авиацию не только благодаря большим суммам, прописанным в ее бюджете, но и за счет народной подписки, очень часто насильственной, которая проводится уже некоторое время по всей стране. К концу 1935 г., – продолжал Черчилль, – авиация

Германии почти сравняется во всех отношениях с нашей. Кроме того, нельзя недооценивать немецкое качество, поскольку это будет смертельной ошибкой. Как я сказал, к этому времени она почти сравняется с нашей, даже если нынешние предложения правительства будут полностью выполнены. Третье: Германия продолжает наращивание, и если мы будем придерживаться существующей схемы, то в 1936 г. Германия станет безусловно существенно сильнее в воздухе, чем Великобритания. Четвертое – и этот пункт вызывает наибольшую тревогу: после того как они вырвутся в лидеры, мы уже никогда не сможем их перегнать».

Были и другие факты, на важности которых настаивал Черчилль. Парк гражданской авиации Германии втрое превосходит аналогичный парк Британии, и к тому же он организован таким образом, чтобы иметь возможность быстро переориентировать его под военные нужды. Вся схема конверсии тщательно и глубоко продумана заранее. То же самое касалось летчиков гражданской авиации и пилотов-любителей. Германия имела пятьсот квалифицированных летчиков-любителей против пятидесяти британских. Даже этих любителей можно было быстро переучить на военные самолеты. «Слабость в воздухе, – предупреждал Черчилль, – оказывает самое непосредственное влияние на международную ситуацию. Только сильный британский военно-воздушный флот в сочетании с французским мог бы стать сдерживающей силой против немецкой агрессии».

В ходе дебатов некоторые из выступавших насмехались над аргументами Черчилля. По словам Герберта Сэмюэла, «можно было подумать, что он занимается не тем, чтобы дать здравый совет стране, а играет в какой-то безумный бридж, удваивая и утраивая без того безумно высокие ставки. Все эти лозунги очень опасны». Лидер социалистов сэр Стаффорд Криппс заметил: «Когда уважаемый правый депутат от Эппинга с пафосом вещал со своего места, можно было представить пожилого средневекового барона, который высмеивает идею разоружения в его владениях и указывает, что единственный способ, каким он и его союзники-феодалы могут гарантировать безопасность себе и своим коровам, – вооружиться до зубов».

Черчилль не был обескуражен насмешками. 6 августа он сообщил своему другу, что намерен в ноябре инициировать дебаты по противовоздушной обороне. Он намеревался собирать факты и в ходе дебатов постараться вынудить правительство к более решительным действиям. «Будет ли это слишком мало или слишком поздно, – говорил он, – это вопрос, за который я рад не нести ответственности. Я чувствую глубокую и нарастающую тревогу».

В августе 1934 г. Черчилль провел три недели на юге Франции, в поместье Максин Эллиот Шато-де-л'Оризон, близ Канн. Максин, американская актриса, была подругой его матери. Он взял с собой Рэндольфа и Линдеманна, а также множество материалов для третьего тома биографии Мальборо. Большую часть из них собрал Джон Уэлдон, двадцатитрехлетний выпускник Оксфорда, который работал у него в Чартвелле с начала года. С ним была и Вайолет Пирман, которой он ежедневно диктовал страницы будущей книги. Черчилль также надиктовал ей двенадцать статей для News of the World, касающихся различных событий из его жизни с начала века.

28 августа Черчилль, Линдеманн и Рэндольф отправились на автомобиле из Канн в Гренобль по недавно построенной трассе, проложенной по тому пути, которым Наполеон возвращался в Париж после бегства с Эльбы. Клементине, которая осталась в Чартвелле, Черчилль написал: «Я должен написать о Наполеоне, пока жив. Но впереди очень много работы, и не знаю, хватит ли у меня на это времени и сил». На пути домой они с Линдеманном навестили Болдуина в Экс-ле-Бене и обсудили с ним необходимость более активных действий в области авиационных научных разработок и производства. В результате этих бесед Линдеманн был включен в состав исследовательского подкомитета по противовоздушной обороне, который был создан как часть комитета имперской обороны. Там он мог реализовывать свои идеи по научной организации работ.

25 сентября Черчилль с Клементиной отправились в круиз по Средиземному морю на борту яхты «Розаура» лорда Мойна. Доплыв до Бейрута, они направились сушей через Ливан, Сирию, Палестину и Трансиорданию и посетили развалины Петры, где переночевали. Затем самолетом через Синайскую пустыню прибыли в Каир, где Черчилль два дня рисовал у подножия пирамид. Затем на яхте из Александрии поплыли в Неаполь, а оттуда поездом уехали в Париж. Последний участок маршрута из Парижа в Кройдон они тоже проделали самолетом. От Кройдона было уже недалеко до Чартвелла. Черчилль не переставал думать об опасности немецкой воздушной угрозы. На следующий день после приезда он написал председателю компании «Имперские авиалинии»: «Уверен, мы должны делать больше для поддержки гражданской авиации на фоне гигантского превосходства немецких машин и их возможности быть переоборудованными для военных нужд».

Пока Черчилль был за границей, вышел из печати второй том

биографии Мальборо. Среди приславших поздравления был Уильям Дарлинг, консерватор, член городского совета Эдинбурга, некогда воевавший в Галлиполи. «Наверное, вы не знаете, – написал он 3 ноября, – как часто в повседневной жизни люди выжидательно смотрят на вас в эти бестолковые дни».

16 ноября Черчилль выступил по радио. Готовить выступление ему помогал Орм Сарджент, сотрудник Министерства иностранных дел, разделявший его глубокие опасения насчет германских намерений. Черчилль сказал: «Нацисты стремятся покорить другие народы, терроризируя и мучая собственное гражданское население. Но по-прежнему раздаются вопли о разоружении. Однако прочный мир может опираться только на военное превосходство. Безопасность – в количестве. Если с одной стороны восемь или десять участников, а с другой только один или два и если вооруженные силы одной стороны в три или четыре раза превосходят силы противоположной, то в таком случае войны не будет. Мы не можем отделиться от Европы. Боюсь, если вы внимательно вглядитесь в то, что надвигается на Великобританию, вы увидите, что у нас есть только один выбор, старый жестокий выбор, с которым сталкивались и наши предки: покориться более сильной нации или готовиться защищать наши права, наши свободы, в конце концов, наше существование. Если мы готовимся – с приготовлениями нельзя опоздать. Покорение же приведет как минимум к расчленению и растворению Британской империи, а нашему народу придется смириться с тем, что в будущем готовит судьба таким малым странам, как Норвегия, Швеция, Дания, Голландия, Бельгия и Швейцария, когда в Европе установится тевтонское господство».

Обращение Черчилля услышали десятки тысяч людей, никогда не слышавших его парламентских и предвыборных выступлений. Один из них, Александр Фильсон Янг, который в 1900 г. в качестве корреспондента был с Черчиллем в Южной Африке, написал: «Я мучительно жду того дня, когда у вас будет власть, чтобы реализовать ваши убеждения. Когда этот день придет, количество ваших сторонников поразит всех паникеров и изоляционистов. Но – о, эти ушедшие впустую дни и годы!»

Глава 24
Момент истины

Всю осень 1934 г. Черчилль готовил важный парламентский запрос об ускоренном укреплении военно-воздушных сил. За три дня до дебатов Десмонд Мортон отправил ему трехстраничный анализ авиационной программы Германии. Факты, изложенные в нем, были известны правительству, на разведку которого он работал. Черчилль послал Болдуину конспект сообщения, содержащего критику планов правительства по перевооружению авиации, которое он собирался сделать во время дебатов. 24 ноября Черчилль писал Ллойд Джорджу: «Мои поправки вызвали большую тревогу в правительственных кругах. Факты, изложенные мной, не могут, как я полагаю, быть опровергнуты, и кабинет внезапно осознал, что ситуация тяжелейшая, и он застигнут врасплох».

Министры в самом деле были встревожены, но по другому поводу; 25 ноября Хор сказал: «Важнее всего убедить общество, что правительство располагает не меньшей, а даже большей информацией, чем мистер Черчилль». По предложению Хора было решено, что Болдуин обвинит Черчилля в нагнетании паники. Однако на ближайшем заседании кабинета 26 ноября министр авиации также заявил, что для успешного противостояния экспансионистским намерениям Германии развитие британской авиации должно быть ускорено, с тем чтобы существующая программа была завершена уже к концу 1936, а не к 1939 г.

Речь, произнесенная Черчиллем 28 ноября, стала кульминацией его деятельности по активизации правительственной политики в отношении военной авиации. «Ускоренная подготовка к обороне, – говорил он, – не означает признания того, что война на пороге. Наоборот, если война на пороге, подготовка уже опоздала. Война не представляется неизбежностью, но, если Британия не предпримет немедленных шагов, чтобы обезопасить себя, в ближайшем будущем сделать это будет уже не в наших силах. В нарушение Версальского договора Германия, хотя об этом предпочитали умалчивать, создает мощную, хорошо вооруженную армию; производство военной техники и боеприпасов быстро нарастает. Особую опасность представляет модернизация немецкой военной авиации. Даже по самым осторожным прогнозам вероятность нанесения немцами воздушного удара весьма велика».

Черчилль сказал, что «не собирается преувеличивать

опасность и поддерживать огульные заявления паникеров. Тем не менее необходимо понимать, что за неделю или десять дней бомбардировок по самым минимальным оценкам в Лондоне может быть убито или ранено 30–40 тысяч человек, а в случае применения зажигательных бомб – и того больше[33]. В результате гражданское население будет охвачено паникой, и три-четыре миллиона людей бросятся в бегство».

Черчилль предупреждал, что не только Лондон подвергается опасности бомбардировок, но Бирмингем, Шеффилд и вообще большие промышленные города в случае войны также станут целями авиационных налетов. В зоне риска окажутся также все верфи и нефтехранилища. Поэтому жизненно важно разработать меры по минимизации последствий таких атак. «Недостаточно рассредоточить промышленные объекты, – говорил он. – Летающая угроза – не такая угроза, от которой можно улететь. Необходимо обеспечить защиту от нее на месте. Возможности отступать у нас нет. Мы не можем переместить Лондон. Мы не можем переместить огромное количество населения из устья Темзы».

Черчилль просил правительство серьезно отнестись к научным разработкам в вопросах противовоздушной обороны. По его словам, он «уже выслушал много предложений, которые правительству также стоит изучить максимально серьезно. Надеюсь, – продолжал он, – теперь мы не столкнемся с бюрократической волокитой или с разного рода предубеждениями вроде тех, от которых мы пострадали в случае с танками во время Великой войны. Главная задача обороны, – убеждал Черчилль, – это иметь возможность одномоментно нанести по врагу такой же удар, какой тот может нанести нам. В противном случае полное превосходство врага в воздухе приведет к неизбежному поражению. Это новое обстоятельство, к которому привело развитие христианской цивилизации в XX столетии».

Черчилль снова, как и в мае, требовал в ближайшие десять лет любой ценой создать существенно более мощные военно-воздушные силы, чем у Германии. «Если наши силы – какое бы правительство ни было при этом у власти, – хотя бы на один месяц окажутся слабее тех, которыми будет обладать наш противник, это должно считаться высшим преступлением против государства», – заявил он.

Черчилль особо подчеркнул, что вразрез с мирным договором ВВС Германии быстро догоняют британские. «Это, – сказал он, – общеизвестный факт. Но помимо этого есть и кое-что

неизвестное. Со всех сторон мы слышим, что развитие авиации в Германии выходит далеко за рамки того, о чем я сегодня говорил. В связи со всем этим я могу сказать одно: берегитесь! Германия – страна, способная на военные сюрпризы».

Далее Черчилль заговорил о ключевой роли промышленности: «Смешно говорить о выпуске всего лишь 10 000 самолетов. Однако следует иметь в виду ресурс нашей промышленности. А он очень велик. Я помню, что к концу войны организация, которую я возглавлял в Министерстве вооружений, выпускала до 24 000 аэропланов в год, а в последующем планировалось выпускать гораздо больше. Конечно, такое количество аэропланов – даже десятая их часть – не могло бы подняться в воздух одновременно, но эти цифры дают представление об огромных возможностях промышленности, если предварительно проведена длительная подготовка и запущена масштабная производственная программа».

Черчилль напомнил палате общин, как во время мартовских дебатов по авиации Болдуин сказал: «Если вы не удовлетворены, можно решить вопрос голосованием». «Но какая польза, – спросил Черчилль, – раскалывать палату голосованием? Вы можете целый год гоняться по кулуарам за голосами вместо того, чтобы заниматься делом. Хотя в июле правительство объявило, что к 1939 г. ВВС получат еще сорок две эскадрильи, но программа построена таким образом, что к марту 1936 г. полностью могут быть готовы лишь пять новых машин. Несмотря на известные сведения о том, как быстро растет мощь немецкой авиации, работы не были ускорены. Если эта волокита продлится еще хотя бы несколько месяцев, Британия лишится возможности догнать Германию в производстве самолетов».

«Когда Черчилль закончил и сел, – отметил Фрэнсис Стивенсон, – он чуть было не сорвал овации». Отвечая, Болдуин сказал палате, что «не давал оснований думать ни о сокращении, ни об ограничении какого-либо вида вооружений, хотя крайне сложно получить точные данные о реальной мощности немецкой авиации. Однако дело обстоит вовсе не так, будто военно-воздушные силы Германии могут быстро сравняться с нашими. Немецкие ВВС не достигают и 50 % от британских. К концу 1935 г. британские ВВС будут по-прежнему составлять примерно 50 % всей европейской авиации. Следовательно, пока нет оснований бить тревогу и тем более паниковать. В настоящий момент не существует непосредственной угрозы ни нам, ни кому-либо в Европе – ничего по-настоящему критического».

Болдуин ответил Черчиллю словами, которые были предварительно согласованы с кабинетом министров: «Я не могу

заглядывать вперед больше чем на два года. Мой прямой и горячий друг говорит о том, что может случиться в 1937 г. Исследования, которые я смог провести, позволяют мне уверенно утверждать, что приведенные им цифры значительно преувеличены. Правительство его величества полно решимости ни при каких условиях не допустить отставания от военно-воздушных сил Германии».

Приняв заверения Болдуина за чистую монету, Черчилль отозвал свой запрос. Лейбористский проект, содержавший критику правительственных планов перевооружения, был поставлен на голосование и отвергнут 276 голосами против 35. 29 ноября Мортон написал Черчиллю: «Ваше великолепное изложение ситуации вчера вечером несомненно достигло своей цели. По крайней мере, у нас есть заявление премьер-министра, что его правительство обязуется не допустить отставания британских военно-воздушных сил от немецких». Но, по словам Мортона, цифры, доказывающие утрату Британией своего двукратного преимущества, на самом деле были уже известны Болдуину. Комментируя дебаты в письме вице-королю, Хор предположил, что если бы кабинет позволил министрам отвечать на «технические вопросы, то Черчилль выиграл бы с большим преимуществом».

Вечером 29 ноября Рэндольф дал в отеле «Риц» ужин с танцами в честь шестидесятилетия своего отца. При этом, несмотря на возраст, энергия Черчилля была неистощима. 12 декабря, пытаясь добиться от правительства, чтобы было увеличено время на дебаты по биллю об Индии, поскольку, как он заявил, «самоуправление означает лишь свободу одной части индийцев эксплуатировать другую», он получил поддержку 75 парламентариев-консерваторов, однако правительство и по этому вопросу добилось большинства (283 голоса).

В январе 1935 г. Черчилль сделал последнюю попытку изменить билль об Индии, предложив на несколько ближайших лет ограничить ее автономию провинциальными ассамблеями в соответствии с рекомендациями комиссии Саймона. Но ни выступление по радио 29 января 1935 г., ни поддержка сына – противника билля не привели к успеху. Более того, из-за Рэндольфа голоса консерваторов оказались раздроблены, что привело к победе кандидата от лейбористов. Консервативные газеты яростно обрушились на «подрывные действия» уже не одного, а обоих Черчиллей.

11 февраля по завершении второго чтения билля об Индии Черчилль предупредил: передача Индии центрального

самоуправления позволит небольшой группе политически активных людей уничтожить права миллионов неорганизованных индийцев и слабо представленных в политике социальных меньшинств. «Те члены парламента, которые выступят против билля, – сказал он, – надеются похоронить идею, что британцы в Индии – чужаки, которые уберутся из страны, едва только смогут установить собственный вид правления. Они хотят утвердить представление о том, что британцы в Индии – партнеры индийцев, которых мы с полным доверием приглашаем присоединиться к нашим правительственным и административным учреждениям ради их и нашего общего долговременного процветания».

Когда Черчилль закончил, раздались аплодисменты. Но после того как Болдуин пообещал, что «власть закона и порядка», установленная британцами, сохранится под контролем индийцев, билль был принят во втором чтении 404 голосами против 133. При этом против правительства выступили 84 консерватора.

25 февраля, когда билль об Индии еще только рассматривался, индийские князья, собравшись в Бомбее, приняли резолюцию, выражающую резкое недовольство федеральным устройством страны. Это вызвало смятение в Уайтхолле: правительство, рассчитывая на сотрудничество, надеялось на мягкое прохождение билля. 26 февраля, воодушевленный протестом князей, Черчилль заявил, что работа над биллем стала бесполезной. Однако Хор стоял на том, что князья должны принять схему в существующем виде. Вопрос был поставлен на голосование, и предложение Черчилля было отвергнуто 283 голосами против 89.

«Билль об Индии теперь в комитете, а я постоянно в палате, выступая три-четыре раза в день, – писал Черчилль Клементине 2 марта. – Произношу короткие речи по пять, десять, пятнадцать минут, иногда по полчаса, всегда без бумажки, и, думаю, в какой-то мере подчинил себе палату. Я обретаю свободу и легкость, каких у меня никогда прежде не было, и луплю правительство почти как хочу. Сторонники правительства запуганы, обижены и угрюмы. У них в библиотеках и курительных комнатах всегда 250 человек, готовых завалить любую нашу поправку, а в наших боевых порядках около 50, которые держатся сплоченно и со все большей убежденностью. Я вполне успешно вел за собой оппозицию и добился того, что дебаты стали увлекательными. Мы издеваемся над ними, потому что они лакеи и рабы».

Кроме того, Черчилль сообщал Клементине, что не доверяет правительству, в частности, из-за поведения его лидеров и упадка их духа: «Резервы правительства очень невелики.

Оно как большой айсберг, который дрейфовал в теплых морях, где его основание понемногу таяло, так что теперь он неизбежно должен перевернуться. Это и правда очень плохое правительство, хотя в нем есть способные люди. Причина в том, что у него нет руководящего разума. Без эффективного премьер-министра кабинет работать не будет. Бедняга Рамсей почти умалишенный, ему куда лучше было бы в психушке. Болдуин – хитрый, терпеливый, но при этом на удивление ленивый и неэффективный. Почти постоянно они спотыкаются. Кабинет может проводить заседания, только предварительно договорившись обо всем на закрытом совещании, чтобы обеспечить непрерывность слушаний. Безусловно, так долго продолжаться не может. Ллойд Джордж, конечно, был бы рад вмешаться и создать какое-нибудь правительство военного времени, в котором мне, полагаю, предложили бы место. Но я совершенно не расположен связывать свое имя с какой-либо администрацией перед всеобщими выборами».

Когда наконец билль об Индии прошел, Черчилля в Чартвелле посетил Дж. Д. Бирла, один из ближайших друзей Ганди, и написал ему после этого о заинтересованном и дружелюбном отношении Черчилля. «Скажите мистеру Ганди, чтобы он воспользовался предложенными полномочиями и обратил это в успех. Черчилль сказал также, что всегда чувствовал, что есть пятьдесят Индий и только Британия способна поддерживать баланс между ними, во всяком случае, на долгое время вперед. И со своим обычным великодушием он заметил: «Теперь все у вас в руках; добейтесь успеха, и я поддержу вас, чтобы вы добились гораздо большего».

4 марта правительство опубликовало новую «Белую книгу», в которой признало «серьезный дефицит» во всех трех оборонных ведомствах. Военные расходы следовало увеличить на 10 миллионов фунтов стерлингов. Через четыре дня в письме Клементине Черчилль отметил: «Правительство слишком поздно, робко и в недостаточной степени осознало растущую немецкую угрозу. Ситуация с Германией все мрачнее. Вследствие того что правительство заявило, будто десятимиллионное увеличение расходов на вооружение вызвано перевооружением Германии, Гитлер впал в дикую ярость и отказался принимать Саймона, который собирался посетить его в Берлине. Гитлер сослался на простуду, но это очевидный предлог. Подобный жест, которым британского министра иностранных дел оттолкнули от ворот Берлина, убедительно свидетельствует об уверенности Гитлера в превосходстве немецких военно-воздушных сил и армии. Из-за

их изуверского контршпионажа (ты знаешь, на прошлой неделе они со средневековым зверством обезглавили двух женщин), – продолжал Черчилль, – очень сложно точно узнать, что они готовят, но то, что опасность быстро нарастает, – несомненно. Все напуганные страны сбиваются вместе. Мы посылаем Энтони Идена в Москву, и я не могу возражать против этого. Русские, как и французы, и мы сами, хотят, чтобы их не трогали, а нации, которые хотят, чтобы их не трогали и дали им мирно жить, должны объединиться ради взаимной безопасности. Безопасность – только в количестве. Если снова начнется Великая война, – что, я думаю, может произойти в двух– или трехлетний период или даже раньше, – это будет конец света. Я надеюсь и молюсь – да минуют нас эти бессмысленные ужасы!»

16 марта Гитлер объявил о возобновлении всеобщей воинской повинности на всей территории Германии. В результате этого решения дозволенный мирным договором воинский контингент в 300 000 человек мог быть без труда удвоен или даже утроен. В действительности, как заявил Гитлер, у него под ружьем уже 500 000 человек. 19 марта во время дебатов по военно-воздушным силам в палате общин Филипп Сассун сообщил о предстоящем в ближайшие четыре года увеличении авиации на сорок с лишним эскадрилий. Он также сказал: «Тут бросались множеством неточных цифр, рисуя неоправданно черную картину слабости наших ВВС. Тем не менее, – признал он, – количественно мы серьезно слабее и не можем допустить, чтобы это продолжалось. Мы рассчитывали, что к концу этого года, как сказал премьер-министр, будем иметь пятидесятипроцентное преимущество над Германией, однако положение только ухудшилось: Германия, насколько нам известно, резко увеличила производство военных самолетов. Но все же, несмотря на это, к концу года у нас будет преимущество, хотя и не скажу, что на 50 %».

Во время дебатов Черчилль снова поднял вопрос о соотношении британских и германских военно-воздушных сил. Болдуин три с половиной месяца назад заявил, что «реальная мощь» Германии составляет меньше 50 % от британской. «Это заявление, – отметил Черчилль, – как теперь признано, было ошибочным. Премьер-министр, по его словам, был «введен в заблуждение». Нынешние данные правительства показывают, что силы обеих стран равны. Более того, я уверен, что готовность Германии к войне значительно больше нашей. Так что в настоящий момент мы не только не имеем равенства, а, напротив, имеем большое отставание, на что я уже указывал. И за всем этим стоит огромная мощь немецкой промышленности,

которая к началу войны будет задействована на всю силу».

Черчилль опасался, что упущено время, когда Британия могла относительно простыми мерами обеспечить уверенное превосходство в воздухе. «Если бы два года назад, когда опасность уже представлялась очевидной, были приняты необходимые меры, в прошлом году вы увидели бы существенный прогресс, а в нынешнем прогресс был бы очень большим. Если бы в прошлом году, когда я настаивал, чтобы как можно скорее было принято решение удвоить и даже утроить британские военно-воздушные силы, сэр Герберт Сэмюэл из-за этого не отозвался обо мне как о взбесившемся малайце, мы не оказались бы в теперешнем крайне опасном положении».

Комментируя заявление Сассуна, что в течение следующего года Британия получит 151 самолет, Черчилль сказал: «Немцы выпускают не меньше 100–150 машин в месяц, для которых уже подготовлены аэродромы и тренированные, рвущиеся в бой летчики. Следовательно, к концу этого года, когда мы, как нам обещали, достигнем 50 % преимущества над Германией, они будут уже в два-три раза сильнее нас. Британия потеряла паритет как в количестве машин, так и в их качестве. Теперь все видят, в какой опасной ситуации мы оказались. В результате ошибочной политики в области авиации мы стали самой уязвимой страной, и тем не менее даже теперь не принимаем по-настоящему адекватных мер».

После Черчилля выступил лейборист Уильям Коув, язвительно отозвавшийся о «паникерской речи почтенного депутата от Эппинга, который попытался нагнать на нас страха». Но уже через неделю после дебатов Гитлер объявил сэру Джону Саймону и Энтони Идену, которые наконец были приняты в Берлине: «Германия достигла паритета с Великобританией в военно-воздушных силах». На следующий день Черчилль писал Клементине: «Заявление Гитлера, что его военно-воздушные силы уже так же сильны, как наши, стало, конечно, политической сенсацией. Оно выставляет на посмешище Болдуина и, кроме того, подтверждает все сказанное мной. В действительности же я полагаю, что они уже гораздо сильнее нас и скоро наверняка будут по меньшей мере вдвое сильнее. Тогда всем станет очевидно, что слова Болдуина, что мы не уступим ни одной стране, были ложью. Забавно, если наше либеральное правительство ослабит страну перед Великой войной! Я надеюсь довести дело до конца в следующем месяце. Теперь многие из тех, кто оппонировал мне по Индии, обещают поддержку в этом вопросе».

Черчилль получил помощь с неожиданной стороны: 7 апреля

глава центрального департамента Министерства иностранных дел Ральф Уигрэм приехал в Чартвелл с сообщением, что немецкие авиастроительные предприятия уже практически переведены на военное положение. В подготовке этой информации Уигрэму помогал младший служащий его департамента Майкл Кресуэлл. Через неделю после посещения Чартвелла Уигрэм послал Черчиллю самые последние секретные донесения правительству. Из них явствовало, что немецкая авиация располагает по крайней мере 800 машинами против британских 453. Впервые увидев эти цифры, Уигрэм сказал: «Это катастрофа для тех, кто отвечает за оборону нашей страны».

Позже Черчилль, вспоминая об Уигрэме, писал: «Это был обаятельный и бесстрашный человек, убеждения которого базировались на глубоком знании предмета. Положение дел он видел так же ясно, как я, но он располагал более обширной и достоверной информацией об ужасающей опасности, которая нависала над нами. Это сблизило нас. Мы часто встречались в его маленьком доме на Норт-стрит, а он и миссис Уигрэм останавливались у нас в Чартвелле. Как и другие чиновники высокого ранга, он говорил со мной с полной откровенностью».

13 апреля Черчилль писал Клементине: «Главным политическим событием является то, что Германия теперь самая крупная военная держава в Европе. Но, как мне кажется, все союзники резко отворачиваются от нее, а потому я верю, что ее поставят на место и она не осмелится вступить в страшный конфликт. Мои ноябрьские заявления оказались верными, а опровержения Болдуина полностью лживыми. Нет сомнений, что немцы уже существенно превосходят нас в воздухе, а производство у них достигло такого масштаба, что нам их не догнать. Как же это дискредитирует правительство! Оно было введено в заблуждение и ввело в заблуждение парламент. А ведь дело касается безопасности страны».

2 мая Франция и Советский Союз подписали пакт о взаимопомощи. Казалось, воплощается идея Черчилля о союзе «наций, которые хотят, чтобы их не трогали». «Мы никогда не должны отчаиваться, – сказал он в палате общин в тот же день, – никогда не должны сдаваться, но мы должны считаться с фактами и делать из них верные выводы». На следующий день Daily Express извинилась перед Черчиллем за то, что прежде игнорировала его предупреждения о силе немецких ВВС, а 22 мая во время дебатов по обороне в палате Болдуин признал, что «полностью ошибался» в ноябре прошлого года, давая оценку будущей мощи немецкой военной авиации.

Мнение Черчилля о масштабах и скорости производства

военной авиации в Германии, которое до сих пор высмеивалось как паникерское, таким образом получило полное подтверждение. Он тут же предложил провести секретное заседание палаты по обсуждению сил германской авиации и британской политики в сфере авиации, но Болдуин отверг это предложение. «Речь имела успех, – телеграфировал Черчилль Рэндольфу после дебатов, – но правительство, как обычно, ускользнуло». Девять дней спустя, 31 мая, он обратил внимание палаты на усиливающийся дух нацизма среди немецкоговорящих жителей Судетской области Чехословакии. «В результате усиления немецкой армии, – предупредил он, – Австрия, Венгрия, Болгария и даже Югославия начинают смотреть на Германию с восхищением». После окончания дебатов Мортон написал Черчиллю: «Похоже, вы в одиночку оживили палату».

5 июня Рамсей Макдональд последний раз провел заседание своего кабинета: он был болен и не мог больше исполнять свои обязанности. Премьер-министром стал Болдуин, министром иностранных дел – Хор, а Невилл Чемберлен сохранил пост министра финансов.

Друзья Черчилля были разочарованы тем, что в новом правительстве для него не нашлось места. «Я надеялся, что вы станете министром обороны, – написал Черчиллю его бывший летный инструктор Спенсер Грей. – Я думал, они хотят кого-нибудь (а я не вижу никого другого), кто обладал бы необходимым опытом». В день, когда был объявлен состав нового кабинета, Черчилль говорил в палате общин, что не удовлетворен медленным внедрением научных разработок в область противовоздушной обороны. Недавно образованный именно с этой целью правительственный подкомитет за последние три месяца собирался всего дважды. «Поистине, – сказал Черчилль, – все это напоминает замедленную съемку».

11 июля в своей первой речи в качестве министра иностранных дел Сэмюэл Хор сделал неожиданный выпад против Черчилля: «Некоторые, похоже, испытывают нездоровое удовольствие от панических рассуждений. Только вчера, – язвительно продолжал он, – я услышал, как маленькая дочь моих друзей на вопрос няни, зачем ей столько воздушных шариков, ответила: «Я люблю пугаться, когда они лопаются». В случае с ребенком это может быть безвредной привычкой, но, когда речь идет о множестве продавцов паники и страха, для которых предвещать кризисы – удовольствие, а если кризис случается, то представлять его тяжелее, чем он есть на самом деле, это уже – привычка вредная».

За две недели до этого демарша Хора Болдуин пригласил

Черчилля вместе с профессором Линдеманом войти в подкомитет по научным разработкам в области противовоздушной обороны. Черчилль согласился и 25 июля принял участие в первом заседании. Там он впервые услышал об успешном проведении серии экспериментов по обнаружению вражеских самолетов с помощью радиолокации.

Тем временем с каждым месяцем опасность войны возрастала. В августе Муссолини начал угрожать вторжением в Абиссинию. В частной беседе с Хором Черчилль заявил, что «возмущен действиями Италии и настаивает на немедленном усилении британского Средиземноморского флота». Черчилль был уверен, что необходимы коллективные действия против Италии, включая экономические санкции, и призвал Лигу Наций отреагировать. В случае необходимости, считал он, военный флот должен быть готов к любым действиям. «Где наш флот? – спросил он Хора. – Он в хорошем состоянии? Его достаточно? Готов ли он к быстрой и полной концентрации? Он в безопасности? Он получил официальные указания принять необходимые меры?»

В сентябре Черчилль получил поддержку от редактора газеты Observer Дж. Л. Гарвина. «По Индии, – писал тот, – вы не могли рассчитывать больше чем на четверть голосов юнионистской партии. По обороне вы можете уверенно получить по крайней мере три четверти и изменить все, поставив вопрос так, как только вы умеете ставить. Это наша единственная надежда».

Письмо Гарвина застало Черчилля на юге Франции, в замке Максин Эллиотт близ Канн, где он занимался живописью. Гостивший в это же время в замке Винсент Шин позже вспоминал, какие надежды возлагал Черчилль на то, что Лига Наций введет санкции против Муссолини и сможет таким образом предотвратить захват Абиссинии. «Тогда, – утверждал он, – мы все на долгое время станем сильнее и защищеннее». Шин позже отметил: «У него был особый взгляд на вещи, который он старался передать в каждом разговоре об Эфиопии: это представлялось ему очень важным. «Мы возражаем не против *явлений,* – говорил он. – Мы возражаем против *типов* явлений». Тогда я еще не так сильно подпал под влияние его гениального обаяния – это случилось позже – и в целом не соглашался с ним. Я говорил о Красном море, пути в Индию, важности Адена. Мистер Черчилль отмел все это: «Нас не итальянцы должны волновать, – сказал он. – Дело вовсе не в этом. Это не явление. Это *тип* явления».

Когда одна присутствовавшая там француженка возразила, что все страны, включая Британию, в свое время завоевывали территории, а Италии теперь за это угрожают, Черчилль, оглядев

всех сидевших за обеденным столом, с добродушной улыбкой заметил: «Но вы же понимаете, что все это невозвратное прошлое. Мир ушел вперед. Цель Лиги Наций – сделать в наши дни невозможным нарушение прав любой страны. Пытаясь завоевать Абиссинию, Муссолини совершает самую опасную и безрассудную атаку на установившийся миропорядок, и результаты такой атаки непредсказуемы. Кто может сказать, что произойдет через год, два, три? При этом надо иметь в виду, что Германия вооружается с головокружительной скоростью, Англия забылась в пацифистском сне, Франция коррумпирована и погрязла в раздорах, Америка далека и равнодушна. Мадам, моя дорогая леди, вы не дрожите от страха за ваших детей?»

Вернувшись в Чартвелл в конце сентября, Черчилль вступил в переписку с лордом Адмиралтейства адмиралом Чатфилдом, рассчитывая, что демонстрация силы британского флота в Средиземном море может остановить Муссолини. Приехав в Лондон, он обратился к бизнесменам-консерваторам с призывом отговорить Италию от агрессии против Абиссинии. Он также говорил и о быстром вооружении Германии, и о том, что Британия так и не смогла принять соответствующие меры. «В палате общин не хватает всего нескольких членов, – сказал он, – которые были бы достаточно независимы, чтобы говорить министрам и избирателям неприятную правду. Мы не хотели бы, чтобы наша древняя свобода и цивилизация, которую мы сохраняем, повисла на гнилых нитях».

Эту речь широко комментировали. После нее поэт Осберт Ситуэлл, один из публичных критиков Черчилля за интервенцию против большевиков в 1919 г., написал ему письмо, в котором и извинялся «за свою глупость в прошлом», и признавал, что в то время Черчилль говорил «за бесчисленное множество людей».

Два дня спустя Черчилль увиделся с итальянским послом графом Гранди и предупредил его об опасности, которой чревато вторжение в Абиссинию. Сэр Роберт Ванситтарт, сотрудник Министерства иностранных дел, благодарил его за это. Потом, обедая с Ванситтартом и Альфредом Даффом Купером, финансовым секретарем государственного Казначейства, Черчилль выразил готовность отправиться с ними обоими в Рим, чтобы убедить Муссолини не предпринимать нападения. «Из нашего визита ничего не вышло, – писал он позже, – и я очень сомневаюсь, что была возможность просветить его. Он был убежден, что Британия насквозь прогнила».

Муссолини напал на Абиссинию 4 октября. В тот день на конференции Консервативной партии в Борнмуте Черчилль потребовал от правительства реорганизовать британскую

промышленность, чтобы она была готова быстро перестроиться с тем, чтобы с удвоенной энергией заняться установлением паритета с ВВС Германии. Это заявление было единодушно поддержано. Через восемь дней он предложил свои услуги Консервативной партии на период всеобщих выборов, назначенных на середину ноября. Это предложение также было принято.

В палате общин Черчилль продолжал настаивать на ускоренном перевооружении и на подготовке промышленности к войне. «Нападение Италии на Абиссинию, – заявил он палате, – очень маленькая проблема по сравнению с германской угрозой. Не существует большей опасности, чем перевооружение Германии. Мы не можем позволить себе спокойно наблюдать нацизм с его жестокостью и в омерзительном сверкании его вооружений, мощнейших в Европе».

Немецкое правительство выразило протест по поводу речи Черчилля, а также его статьи о Гитлере в журнале Strand. В статье он писал: «Одновременно с созданием новой армии и больших аэродромов возникают концентрационные лагеря, язвами покрывающие немецкую землю. В них содержатся и запугиваются тысячи немцев, подчиненные неодолимой силе тоталитарного государства». Он писал и о жестоких преследованиях евреев: «Ни прошлые заслуги, ни доказанный патриотизм, ни даже раны, полученные на войне, не обеспечивают защиту людям, единственным преступлением которых является то, что родители произвели их на свет. Даже несчастные еврейские дети подвергаются преследованиям в немецких школах. Мир еще надеется, что худшее минует, и мы, быть может, увидим более счастливые времена с более мягким Гитлером. Но хотя Гитлер в Берлине произнес успокаивающие слова, винтовки, пушки, танки, боеприпасы, авиабомбы, контейнеры с отравляющим газом, самолеты, подводные лодки, а теперь еще и корабли зарождающегося флота текут все более широкими потоками с заводов Германии, уже в полной мере поставленных на военные рельсы».

25 октября парламент был распущен, и на 14 ноября назначены всеобщие выборы. Многие верили, что после выборов Болдуин введет Черчилля в кабинет министров. От британского военно-морского атташе в Берлине капитана Джеральда Мюирхед-Гулда пришло сообщение: «Немцы боятся, а я надеюсь, что вы станете первым лордом или министром обороны! Пожалуйста, не выдавайте меня!» 31 октября посол Великобритании в Берлине сэр Эрик Фиппс сообщил, что Гитлер

выразил озабоченность тем, что Черчилль может стать «министром британского флота». А знакомый Черчилля в Министерстве иностранных дел Ральф Уигрэм послал ему копии секретных депеш британского посла в Берлине с прогнозом будущих территориальных претензий Гитлера.

В тот же день, 31 октября, когда избирательная кампания уже набирала обороты, Болдуин объявил: «Я заверяю, что никакого широкого перевооружения не будет». Черчилль, напротив, настаивая на усиленном перевооружении, 12 ноября написал в Daily Mail: «Я не чувствую, чтобы общество полностью осознавало, насколько вероятна опасность всемирного взрыва».

Всеобщие выборы принесли оглушительную победу Консервативной партии, получившей 432 места против 151 у лейбористов и 21 у либералов. Рэндольф проиграл. Черчилль победил с огромным преимуществом и наблюдал за первыми результатами на экране, установленном в Альберт-холле. Чтобы узнать окончательный результат, он приехал к Бивербруку в Сент-Джеймс, где хозяин обескуражил его словами: «Что ж, с вами покончено. У Болдуина такое большинство, что он может обойтись без вас».

Черчилль все же надеялся, что его разногласия с Болдуином закончены и принятие последним его помощи во время предвыборной кампании было сигналом политического примирения. Шесть дней он ждал в Чартвелле звонка от премьер-министра. Но когда был опубликован список министров, имени Черчилля в нем не было. «Это было для меня болезненным ударом и в каком-то смысле оскорблением, – написал он позже. – В прессе было много насмешек. Не хочу делать вид, что я не страдал». Окружение Болдуина было очень довольно. Томас Джонс хвалил своего шефа за то, что тот «поостерегся энтузиазма Уинстона относительно кораблей и пушек». Сам Болдуин писал: «Полагаю, в настоящее время не стоит давать ему пост. За что бы Черчилль ни брался, он вкладывает в дело сердце и душу. Если дело идет к войне, – а никто не может этого отрицать, – мы должны сохранить его свеженьким к тому моменту, когда он станет нашим военным премьер-министром».

Оскорбленный и разочарованный, Черчилль решил отправиться в долгий отпуск сначала на Майорку, а потом в Марокко. Отъезд он отложил на три дня ради участия в заседании подкомитета по разработкам в области противовоздушной обороны, на котором горячо говорил об отставании Британии в авиации и противовоздушной обороне. 10 декабря они с Клементиной улетели из Лондона в Париж. Черчиллю был шестьдесят один год. Прошло пять с половиной

лет с тех пор, как он перестал быть членом кабинета министров.

Из Парижа Черчилли поездом отправились в Барселону, где вместе с присоединившимся к ним Линдеманом сели на пароход до Майорки. Во время их путешествия в Париже произошло поразившее всех событие: Сэмюэл Хор заключил с министром иностранных дел Франции Пьером Лавалем временное соглашение, позволяющее Муссолини удержать его завоевания в Абиссинии (около 20 % территории) в обмен на прекращение войны. Одним росчерком пера Лига Наций была опозорена, санкции растоптаны, а коллективная безопасность стала фикцией. Общественное негодование было таким сильным, что 18 декабря, на десятый день протестов, британский кабинет министров денонсировал «пакт Хора – Лаваля». Хор подал в отставку, и на посту министра иностранных дел его сменил Иден.

Клементина вернулась в Англию, чтобы провести Рождество в Бленхейме, а Черчилль остался на праздники в Танжере. «Назначение Идена не вселяет в меня оптимизма, – писал он Клементине 26 декабря. – Надеюсь, значение его должности поможет ему найти себя». Закончил письмо Черчилль словами «Твой скитающийся, жаждущий солнца, прогнивший, безутешный У.».

Рассчитывая, что в правительстве все еще может найтись пост и для него, Черчилль в тот же день написал Рэндольфу, который стал успешным журналистом: «По моему разумению, в данный момент для меня будет очень вредно, если ты станешь публиковать статьи с критикой министров, особенно Болдуина и Идена. В противном случае я не смогу быть уверенным в твоей лояльности и любви ко мне».

Черчилль переехал в Марракеш, где 30 декабря провел несколько часов в компании еще более безутешного Ллойд Джорджа, который уже тридцать лет находился не у дел. «Что за болван Болдуин! Чтобы в такой ужасной ситуации не собрать в кулак все ресурсы ради общественного блага!» – написал Черчилль Клементине в тот день. В этом письме он с болью отмечал: «Наша оборона запущена, наше правительство – самая бездарная машина для ведения дел, какую я когда-либо видел. Режим Болдуина – Макдональда на самом деле очень сильно ударил по стране и запросто может покончить с ее славой».

Размышляя об очевидном распространении диктаторских режимов и слабой реакции на это демократий, Черчилль 8 января 1936 г. написал Клементине из Марракеша: «Мир, кажется, разделился на уверенные нации, которые ведут себя решительно,

и нации, потерявшие уверенность и ведущие себя глупо». Он еще надеялся, что у него не потеряны шансы войти в правительство, и злился на Рэндольфа, который окончательно решил участвовать в довыборах в Шотландии, в Россе и Кромарти, против сына Рамсея Макдональда Малкольма, который был в кабинете госсекретарем по делам доминионов.

Рэндольф принял решение баллотироваться по своей собственной инициативе, но Черчилль беспокоился, как он сказал Клементине, что Болдуин может увидеть в этом «окончательное объявление войны с моей стороны. Я же прочел, что писал Мальборо в 1708 г., и также полагаю, что ход вещей установлен судьбой. Если ты делаешь все, что можешь, остается только терпеливо ждать результата».

Довыборы прошли 10 февраля. Малкольм Макдональд выиграл, а Рэндольф оказался третьим, уступив и кандидату от лейбористов. «Всю эту коллизию, – писала Edinburgh Evening News, – по-видимому, можно рассматривать как еще один гвоздь в политический гроб мистера Уинстона Черчилля в качестве претендента на Адмиралтейство и на пост в кабинете министров».

Правительство было обеспокоено информированностью Черчилля о сравнительной силе британской и немецкой авиации и точностью его прогнозов. 30 января Хенки в письме спрашивал: «Не можете ли вы конфиденциально сообщить источники, из которых черпаете вашу информацию?» Черчилль отвечал, что представленные им цифры явились исключительно плодом его умозаключений, и напомнил Хенки: «Еще в ноябре 1934 г. я привлек внимание к тайному наращиванию немецких военно-воздушных сил и сделал несколько заявлений об их преимуществе перед нашими. Но эти заявления были опровергнуты мистером Болдуином. А он, как я полагаю, получал информацию от разведки Министерства авиации. Однако всего через несколько месяцев мистер Болдуин был вынужден признать в палате общин, что правительство с его официальной информацией ошибалось, сказав «мы все виноваты». Это был случай, когда независимое внешнее суждение оказалось ближе к истине, чем оценка правительства, основывающаяся на данных разведки. По этой причине, – продолжал Черчилль, – я надеюсь, вы не будете отметать любые мои выводы, несмотря на то что единственное, на чем они основываются, – это мои мысли и наблюдения».

Черчиллю было неизвестно, что 10 февраля новый министр авиации лорд Суинтон поделился своим беспокойством по поводу отставания королевских военно-воздушных сил от немецких и изложил кабинету недостатки программы развития авиации.

Через две недели он предложил новую программу, по которой к 1939 г. должны были быть поставлены 1750 самолетов. Кабинет принял ее.

В тот же день Черчилль получил от Мортона подробные сведения разведки о военном производстве Германии. Из них было очевидно, что производство вооружений Германии поддерживается на очень высоком уровне. Но Черчилль не знал и того, что за четыре дня до этого кабинет отверг новый план по военной промышленности на том основании, что любое вмешательство в экономику якобы отрицательно скажется на благосостоянии страны и вызовет критику в парламенте. Однако в парламенте и в прессе возникало все больше вопросов к министру обороны. Основной подрядчик военных заказов Уильям Ормсби-Гор написал Болдуину: «Надеюсь, вы не станете недооценивать существующее у многих хорошо информированных людей убеждение, что необходимо радикально улучшить организацию дела». Ответом на все это стали очередные дебаты в палате общин 14 февраля.

После дебатов Хенки написал главе Казначейства сэру Уоррену Фишеру: «Полагаю, нам надо достичь соглашения по кандидатуре министра обороны. Я хочу видеть на этом посту такого человека, который не будет нарушать психологическое равновесие и согласие организации». Хенки и Фишер, два высших гражданских чиновника, полагали: «Новый министр не должен оказывать деструктивное действие на согласованную работу кабинета». «Министр должен быть человеком незаинтересованным, – написал Фишер Невиллу Чемберлену 15 февраля, – не размахивающим топором с тем, чтобы расчистить себе поле деятельности». Фишер советовал назначить на этот пост лорда Галифакса. Однако Остин Чемберлен в тот же день писал своей сестре: «По-моему, есть только один человек, который по своим знаниям, специальным навыкам и способностям годится для этого, и этот человек – Уинстон Черчилль! Впрочем, не верю, что Болдуин предложит ему это, и не думаю, что Невилл захочет вернуть его. Но они оба не правы. Он создан для этого поста, а сейчас такие опасные времена, что решающим доводом должна быть разумность».

23 февраля Хор встречался с Болдуином, и после этой встречи разъяснил Невиллу Чемберлену, что Болдуин вовсе не намерен предлагать Черчиллю пост министра обороны. «Ни в каком случае, – сказал Хор, – он не собирается даже рассматривать возможность вхождения Черчилля в правительство – прежде всего из-за риска, который может возникнуть, когда встанет неизбежный вопрос о его преемнике».

«Болдуин всеми способами стремится не дать мне войти в кабинет, – писал Черчилль Клементине. – Теперь я должен это признать». Она ответила сочувственно: «Мой дорогой, Болдуин, видно, сошел с ума, раз не просит тебя помочь ему».

Споры разгорались. 29 февраля журнал Cavalcade написал, что «даже левое крыло Консервативной партии, которое было настроено враждебно по отношению к Черчиллю, когда решался вопрос по Индии, сейчас придерживается мнения, что министром обороны должен быть Уинстон Черчилль». Два влиятельных члена палаты общин от консерваторов, Гарольд Макмиллан и лорд Каслри, также считали, что «Уинстон Черчилль – это тот, кто теперь необходим».

3 марта Черчилль писал Клементине: «Невилл Чемберлен недавно говорил одному общему другу: «Конечно, если речь идет об эффективности военного министерства, Уинстон, несомненно, тот, кто нужен». Сам Чемберлен этот пост не займет, поскольку ему светит место в парламенте. Некоторые кандидаты не подходят, поскольку были пэрами, Хор – потому что общественность не может простить ему пакта Хора – Лаваля, Кингсли Вуд – так как он надеется стать канцлером Казначейства и в любом случае не сможет отличить генерал-лейтенанта от торпеды. Так что в конце концов могут вернуться к твоему бедному… (тут Черчилль нарисовал поросенка*)*. Судьба играет свою партию. Но что бы ни случилось, если я получу этот пост, то буду честно работать перед Богом и людьми ради Мира и ничему не позволю поколебать мой дух. Если же меня не захотят, у нас есть много того, что делает людей счастливыми. Министерство обороны, – продолжал Черчилль, – стало бы, кстати сказать, тяжелейший ношей. Они ужасно отсталые».

3 марта, еще не приняв решение насчет министра обороны, правительство опубликовало свою «Белую книгу», согласно которой предполагался рост вооруженных сил, флота и авиации. Но Суинтон, комментируя данные Министерства авиации о производстве самолетов Германией с 1500 к апрелю 1937 г., а в следующем году 2000, сказал: «Я чувствую себя обязанным выразить обеспокоенность по поводу подобных оценок, как бы тщательно они ни готовились. Следует учитывать, что возможности немецкой авиационной промышленности огромны».

7 марта Гитлер ввел свои войска в Рейнскую область, суверенную территорию Германии, демилитаризованную победившими союзниками в 1919 г. Через два дня, выступая перед лейбористами, Эттли критиковал новые предложения

правительства по обороне как чересчур воинственные. А 10 марта Черчилль в палате общин предложил меры, которые, по его мнению, были необходимы: подготовить промышленность к тому, чтобы ее можно было перевести на производство военной продукции, как он выразился, «нажатием кнопки» и создать структуру будущего министерства боеприпасов.

Говоря о заявленной в «Белой книге» невозможности реорганизации территориальной армии, Черчилль спросил: «Вам нужно что-нибудь еще, кроме этой знаковой фразы, для доказательства того, что промышленность до сих пор не реорганизована? Какое же это разочарование для смелой молодежи нашей страны, когда она увидит, что должен пройти еще длительный период – даже в такое тревожное время, – прежде чем территориальная армия сможет быть реорганизована».

Впрочем, Черчилль и похвалил «Белую книгу» как шаг хотя и запоздалый, но в правильном направлении, и одобрил решение Невилла Чемберлена создать особый финансовый комитет для контроля над расходами. «Когда дело зашло так далеко, – сказал он, – экономия уже невозможна. Это часть цены, которую нации платят за то, что их застигли врасплох. Тем более необходимо приложить максимальные усилия, чтобы предотвратить нынешнее расточительство. Но при всем желании Британия не сможет увеличить выпуск вооружений, предусмотренных новой «Белой книгой», из-за пределов возможностей промышленного производства. Создано впечатление, что мы догоняем Германию и что с каждым месяцем наше положение улучшается. Но это заблуждение. На самом деле все наоборот. Целый год Германия все сильнее и сильнее обгоняла нас, и, по-видимому, эту тенденцию не удастся переломить еще много месяцев в следующем году. Даже если наши новые программы будут выполнены, к концу нынешнего года мы относительно Германии будем выглядеть куда хуже, чем сейчас, несмотря на наши чрезвычайные усилия. Причины этой прискорбной ситуации лежат в прошлом».

Военная слабость страны уже начинала отрицательно влиять и на британскую дипломатию. 12 марта на заседании Комитета по иностранным делам палаты общин Черчилль заявил о необходимости создать координированный план под эгидой Лиги Наций, чтобы помочь Франции противостоять Германии в Рейнской области. Ему ответил Хор, сказавший, что страны, которые могли бы участвовать в этом, «совершенно не готовы с военной точки зрения». Это, как отметил один наблюдатель, «определенно всех отрезвило». На следующий день в Evening Post вышла статья Черчилля, в которой он писал: «Только усиление

отдельных слабых государств может восстановить в Европе власть закона. Только таким путем можно остановить ужасающее, глупое, неуклонное сползание к войне в 1937 или 1938 г. Чтобы сохранить мир, существует только один путь: соединить превосходящие – морально и физически – силы, поддерживающие международное право».

14 марта правительство наконец объявило о создании нового Министерства координации оборонных мероприятий. На пост министра был избран генеральный атторней сэр Томас Инскип. Линдеман назвал это назначение «самой циничной штукой с тех пор, как Калигула назначил консулом своего коня». Сэр Уильям Гуденаф, адмирал в отставке, написал Черчиллю: «То, что после всех великих трудов гора родила настолько маленькую мышь, глубоко разочаровывает. Я надеялся – все мы надеялись – на кого-нибудь, кто понесет факел, чтобы вести нас и освещать нам путь. Это проблема из тех, что решаются только отставкой. ПРОКЛЯТЬЕ».

В своем дневнике Чемберлен отметил: «Милитаризация Рейнской области предоставила отличный повод отказать и Уинстону, и Сэму. Европейская репутация обоих могла сделать опасным их участие в кабинете в критический момент. Инскип не вызовет отрицательной реакции. Он, возможно, не вызовет и энтузиазма, но зато с ним не будет и трудностей».

Вслед за милитаризацией Рейнской области Гитлер предложил провести переговоры по урегулированию англо-германских разногласий. 17 марта кабинет обсуждал будущее отношений с Германией. В протоколе было записано: «Наша цель была – использовать предложения Гитлера для достижения долговременного урегулирования».

После этого те, кто был уверен, что с нацистской Германией невозможно никакое «долговременное урегулирование», стали видеть в Черчилле своего лидера. Уигрэм, разделявший мнение многих сотрудников в Министерстве иностранных дел, считал, что именно Черчилль может успешно возвысить голос против все более активной прогерманской пропаганды. В середине марта он привез в Чартвелл копию секретной депеши сэра Хораса Рамбольда, посла Великобритании в Берлине с того времени, как Гитлер пришел к власти. Дипломат предупреждал о размахе территориальных притязаний Германии. «Станет ли Австрия следующей в списке успехов Гитлера? – задавал вопрос Черчилль. – Возглавит ли Британия эффективный союз государств, напуганных Германией?» Чтобы способствовать созданию такого союза, в начале апреля он с одобрения сэра Роберта Ванситтарта пригласил советского посла Ивана

Майского на обед.

6 апреля в палате общин дебатировался вопрос о продлении экономических санкций против Италии. Черчилль на этот раз выступил против санкций: они не помогли спасти Абиссинию и только увеличили противоречия с Италией, и теперь Британии придется держать больше сил в Средиземноморье. Тем самым санкции привели к большим расходам на флот. По мнению Черчилля, политика санкций лишь отвлекла внимание от немецкой угрозы Европе. «Гитлер, – говорил он, – разорвал все договоры, поставил гарнизоны в Рейнской области и создал там линию новых укреплений». Через шесть месяцев, по его мнению, это позволит немецкой армии напасть на Францию через Бельгию и Голландию. Как только эти две страны у побережья Северного моря будут завоеваны, под угрозой окажется безопасность самой Британии.

Как только Германия, предупреждал Черчилль, почувствует себя достаточно сильной, чтобы бросить вызов Франции, положение Польши, Чехословакии, Югославии, Румынии, Австрии и Прибалтийский государств «резко изменится». Некоторые из них будут вынуждены добровольно примкнуть к Германии, другие будут присоединены силой. «Где тогда будем мы? – спросил он и снова предостерег Британию от любой попытки договориться с Германией от лица Европы. – У нас нет ни солидарности во взглядах, ни достаточных средств национальной обороны, чтобы претендовать на доминирующую роль».

19 апреля Хенки обедал в Чартвелле. Черчилль убеждал его в необходимости создать министерство боеприпасов. «Он просто из кожи вон лез, – написал потом Хенки Инскипу, – доказывая, что не ищет должности для себя». Черчилль предложил Хенки план, который тот назвал фантастическим: отправить часть британского флота в Балтийское море, с тем чтобы она базировалась в одном из русских портов и постоянно обеспечивала британское превосходство над Германией на море. Он также хотел, чтобы Инскип собрал все возможные сведения о военных возможностях России как союзника.

Через два дня после визита Хенки в Чартвелл Черчилль получил секретное официальное письмо от главы департамента информации Министерства иностранных дел Реджинальда Липера с вопросом: не хотел бы он публично выступить с опровержением германской пропаганды и с обоснованием необходимости бороться против тоталитаризма за демократические ценности? Это было беспрецедентное для официального лица обращение к оппоненту. Черчилль

пригласил Липера в Чартвелл, где тот сообщил ему о твердом убеждении Ванситтарта, что именно Черчилль должен выступить от имени разных объединений, которые сознают, что демократию следует защищать созданием коллективной безопасности, производством адекватных опасности вооружений и открытостью информации.

Черчилль согласился выступить перед недавно созданным антинацистским советом, пользовавшимся поддержкой части профсоюзов, а также несколькими влиятельными членами Лейбористской партии. И те и другие были не согласны с правительственной политикой по вопросу перевооружения. Выступая, он потребовал от правительства посвятить профсоюзы в свои планы и, кроме того, предложил меры против спекуляций. «Вы не добьетесь эффективного сотрудничества с трудящимися, – заявил он в палате общин, – пока общество не убедится, что тут нет жадных пальцев, загребающих комиссионные. Правительство должно создать либо министерство поставок, либо министерство боеприпасов. Если требуемые заводы по производству пушек, снарядов и, самое главное, самолетов не могут быть созданы в условиях мирного времени, правительство должно ввести если и не военное положение, то такие условия, которые позволят ему регулировать производителей».

Спустя пять дней Инскип заявил, что поддерживает Черчилля и его идею создания министерства перевооружения и поставок с широкими полномочиями. Но Чемберлен возразил, что он «не расположен учреждать такое министерство, пока большинство в правительстве не примет соответствующего решения».

Непонимание между теми, кто верил в отсутствие агрессивных намерений Гитлера, и теми, кто видел в его действиях агрессию, росло. 4 мая лорд Лондондерри, недавно побывавший в Берлине и встречавшийся с Гитлером, написал Черчиллю: «Мне хотелось бы изменить ваше настроение, очень смахивающее на устойчивую антигерманскую одержимость». «Лондондерри ошибается, полагая, что у меня антигерманская одержимость, – возразил Черчилль. – Четыреста лет суть британской политики состояла в том, чтобы путем создания союзов дипломатически противостоять сильнейшим державам Европы. Иногда это была Испания, иногда французская монархия, иногда Французская империя, иногда Германия. И у меня нет сомнений в том, кто это сейчас. При этом если бы Франция решила заявить претензии на европейское господство, я точно так же употребил все силы на борьбу с ней. Именно таким образом на протяжении столетий мы берегли наши свободы и сохраняли свою жизнь и могущество».

Черчилль написал Лондондерри, предостерегая его: «Надеюсь, и вы не усвоите прогерманских взглядов. Если я правильно понимаю будущее, гитлеровское правительство, опираясь на постоянно растущую военную мощь, бросит вызов Европе серией провокаций. Я говорю о таких действиях, из которых станет очевидно, что нам угрожают, хотя для некоторых этот урок будет запоздалым».

Многие правительственные чиновники разделяли тревогу Черчилля и, невзирая на риск, обращались непосредственно к нему. Бывший глава авиационного отдела Адмиралтейства капитан Мэйтленд Баучер послал ему записку о состоянии военно-воздушного флота и его проблемах. Баучер подчеркивал недостаточное обучение личного состава, нехватку аэродромов, отсутствие согласованности между флотом и авиацией и неспособность Министерства авиации обеспечить военно-воздушные силы современными самолетами. «Я не считаю себя экспертом в этих вопросах, – сказал после этого Черчилль в палате общин 14 мая, – но я привык доверять мнению экспертов».

19 мая, согласившись на просьбу друзей, сотрудников Министерства иностранных дел, Черчилль выступил на завтраке, организованном Антинацистским советом. Среди присутствующих был Хью Далтон, председатель национального исполнительного комитета Лейбористской партии. Выступая, Черчилль предложил «воспользоваться возможностью и объявить, что здесь находятся люди всех классов, профессий и достатка, от скромнейшего рабочего до самого воинственного полковника, которые объединились с общей целью противодействовать агрессивной тирании». Дочери Асквита Вайолет, которая спросила Черчилля, что конкретно он может предложить, он ответил: «Я бы объединил все страны, включая Советскую Россию, – от Балтики до бельгийского побережья – всех, кто готов, невзирая ни на какие жертвы, бороться против неспровоцированной агрессии. Я бы оказывал совместное давление на любую страну, соседствующую с Германией, чтобы она присоединилась к нам и гарантировала определенную квоту вооруженных сил для данной цели. Это обеспечило бы непреодолимые силы для сдерживания агрессии».

Аргументы Черчилля были направлены на избежание и предупреждение войны. «Утверждение, что я за войну, – это грязный прием, – сказал он на заседании палаты общин 21 мая. – Найдется ли здесь хоть один человек, который пожертвует руку в доказательство того, что в Европе ближайшие двадцать лет не будет войны?»

По мере того как росло влияние Черчилля, увеличивалось и стремление Болдуина дискредитировать его. 22 мая Томас Джонс записал в своем дневнике слова Болдуина. «На днях, – сказал премьер-министр, – я собираюсь неформально высказаться по поводу Уинстона. Это будет не речь, не выступление, просто несколько слов как бы между прочим. У меня уже все готово. Я хочу сказать, что, когда Уинстон родился, масса фей слетелась к его колыбели, принеся ему воображение, красноречие, изобретательность и прочие таланты. А потом явилась еще одна фея и сказала: «Никто не имеет права на столько талантов». И она схватила его и стала так трясти, что при всех своих талантах он лишился здравомыслия и мудрости. Вот почему, восторгаясь его красноречием, мы не должны прислушиваться к его советам».

Однако мнения Черчилля разделяли многие даже в правительственных кругах. Хенки давил на кабинет, указывая на недостатки в обороне. 22 мая он написал Инскипу: «Я вынужден поделиться с вами своим беспокойством относительно того, как осуществляются наши оборонные программы. Анализ их с того момента, как год назад начался процесс реорганизации, показывает, что эффективностью они похвалиться не могут. Обстоятельства складываются таким образом, – подчеркивал Хенки, – что вопросы обороны стоило бы перевести на военные рельсы».

Вечером того же дня, выступая в оксфордском Родс-хаусе, Черчилль напомнил собравшимся студентам и преподавателям: «Когда я последний раз выступал в Оксфорде и сказал, что Британия должна перевооружаться, меня высмеяли. Когда я сказал, что мы должны обезопасить себя в нашем островном доме, смех стал еще громче. Надеюсь, теперь вы стали мудрее».

25 мая руководитель военной программы Министерства авиации майор Чарльз Торр Андерсон посетил Черчилля. Он привез семидесятистраничный доклад, который с совершенной очевидностью доказывал, что для подготовки королевских ВВС к войне сделано недостаточно. Кроме этого он привез еще сорок страниц статистических данных, свидетельствующих о неготовности к войне летчиков и о несовершенстве их тренировочных программ.

Летом в Чартвелле Черчилль закончил третий том биографии Мальборо. Молодой преподаватель Оксфорда Билл Дикин согласился помочь ему систематизировать необъятный исторический материал. Это было исключительно напряженное время. «Я никогда не видел его усталым, – вспоминал позже Дикин. – Он всегда был организован и точен как часы. Он умел экономить энергию, знал, как и когда ее тратить. Его режим был

диктаторским. Он ежедневно составлял себе безжалостный рабочий график и приходил в страшное волнение и даже ярость, если тот нарушался».

Черчилль начинал свой рабочий день в восемь утра, еще в постели читая гранки нового тома. Потом начиналось чтение корреспонденции. Вслед за этим он просил Дикина проверить некоторые факты и детали либо прочитать ему исправленный вариант написанного. Эта работа продолжалась до обеда. К обеду он не спускался, пока не соберутся гости. Но обед полностью все менял. «Его застольные разговоры были великолепны, – писал Дикин. – Он полностью отключался от политики и от своей книги. Если гости оставались, он прогуливался с ними в саду. Если гостей не было, бездельничал у себя в комнате».

После полудня Черчилль не работал. Иногда ненадолго ложился отдохнуть. Потом, в пять часов, подписывал письма, которые продиктовал утром, и разбирал почту, пришедшую в течение дня. К работе над книгой не возвращался, но Дикин должен был передать ему записку со своими замечаниями и мыслями. Около шести Черчилль мог поиграть в карты с Клементиной или Рэндольфом. В семь принимал ванну: он любил, чтобы вода была максимально горячей, и с силой тер себя щеткой. Затем одевался к ужину. «Ужин, – по словам Дикина, – был событием, завершением дня. Черчилль был в прекрасной форме и мог долго беседовать на любую тему – будь то воспоминания о Харроу, о Западном фронте – смотря кто был у него в гостях. Когда дамы удалялись, он засиживался с мужчинами до полуночи. О работе, которой он был занят, говорил редко, хотя случалось, рассказывал о событии, которое его заинтересовало. В полночь все гости уходили. Тогда-то он приступал к работе и работал до трех-четырех часов утра. Отчасти секрет был в его феноменальном умении концентрироваться – фантастической способности сосредоточиться на том, что делал в данный момент. В какой-то степени это передавалось и нам. Мы тоже полностью погружались в работу».

Во время этой ночной работы либо Вайолет Пирман, либо заменявшая ее Грейс Хэмблин, жившая в Чартвелле с 1932 г., были всегда готовы записывать под его диктовку. Записка, подготовленная Дикином за пять-шесть часов до того, была уже прочитана, осмыслена и переработана. «Фактический материал был подготовлен мной, но он видел его совсем другими глазами – глазами политика, – вспоминал Дикин. – Моя записка служила ему как бы рамкой. Она возбуждала его воображение».

Многие из корреспондентов Черчилля по-прежнему считали, что ему следовало быть членом кабинета министров. «При нынешнем положении дел, – писал он одному из них 3 июня, – у меня нет желания занимать какой-либо пост. Если наши опасения беспочвенны и ближайшие годы все будет спокойно, о чем надо молить Бога, во мне нет надобности. Если же наступят опасные времена, я буду вынужден принять участие в делах. Только при таких условиях у меня есть желание служить».

По иронии судьбы, именно в этот день Инскип написал Черчиллю письмо с просьбой дать совет, как лучше организовать оборонные мероприятия. Черчилль немедленно откликнулся: «Похоже, ваша работа, как Галлия, делится на три части, – написал он. – 1) Координация стратегии и урегулирование разногласий между ведомствами; 2) контроль распределения и 3) создание структуры военной промышленности и ее организация». Затем Черчилль подробно изложил, как можно создать «мощную машину», которая бы с каждым месяцем непрерывно усиливалась, надежно обеспечивая необходимые для каждого из трех ведомств поставки. «Мой опыт показал, – писал он, имея в виду 1914 г., – что если люди противятся мерам предосторожности в мирное время, то те же самые люди полностью меняются с началом войны и приходят в ярость из-за нехватки любой мелочи. Надеюсь, это не ваш случай. Лично я, – продолжал Черчилль, – очень симпатизирую вам и вашей деятельности. Сам я никогда бы не взялся за это дело, зная по опыту, какое ожесточение вызывают такие мероприятия, когда нация встревожена. Это ужасно – руководить в такое время массами, не имея при этом четко определенных полномочий».

Инскип действительно был разочарован. 11 июня он потребовал от правительства чрезвычайных полномочий, чтобы иметь возможность заставить некоторые предприятия перейти на выпуск военной продукции. Его поддержал министр авиации лорд Суинтон. Но и Сэмюэл Хор, вернувшийся в кабинет в качестве первого лорда Адмиралтейства, и Невилл Чемберлен высказались против. «Вовсе не очевидно, – сказал Чемберлен, – что действия Германии ведут нас к войне. Нарушение же экономического уклада может быть оправдано только чрезвычайными условиями».

Страх расстроить экономику определял все мысли и действия правительства. 12 июня изобретатель радара Роберт Уотсон-Уотт обратился напрямую к Черчиллю с просьбой повлиять на Министерство авиации, которое не желало принять срочные

меры по внедрению его изобретения. Министерство не разрешило даже испытать его.

В публичных речах Черчилль по-прежнему призывал оказывать давление на промышленность с целью увеличения объемов и усовершенствования военной продукции. Кроме того, он требовал ускорить подготовку армии и летчиков. «Последние три с лишним года я делал все, что мог, – сказал он 20 июня своим избирателям, – дабы предупредить внешнюю угрозу, хотя нас постоянно убаюкивали иллюзией безопасности. Это было не слишком приятным занятием. Более того, это определенно было очень неблагодарным делом. Это привело меня к конфликту со многими друзьями и коллегами. Меня высмеивали и осуждали как паникера и даже поджигателя войны те люди, благодушие и инертность которых сделали нас ближе к войне, а войну – ближе ко всем нам. Но мне приятно сознавать, что я говорил правду и выполнял свой долг, и до тех пор, пока у меня есть ваша поддержка, я доволен. Я больше горжусь длинным рядом речей об обороне и международной политике, которые я произнес за последние четыре года, чем всем остальным, что сделал за сорок лет своей общественной жизни».

Выступая через три недели в Бирчингтоне, Черчилль процитировал заявление Инскипа, что Британия «достигла запланированного уровня вооружений». При этом он акцентировал внимание слушателей на том, что Германия «достигла своего запланированного уровня еще три года назад и что вся ее промышленность давно и в максимальной степени работает на войну. Наш долг, – заявил он, – продолжать безжалостное давление на правительство, чтобы оно повернулось лицом к реальному положению дел и предприняло адекватные усилия». Сам Черчилль именно это и делал, каждые две недели публикуя статьи в Evening Post, у которой в Лондоне было больше трех миллионов читателей. Однако 20 июля он вынужден был заявить в палате общин: «Влияние Консервативной партии со всей мощью ее бюрократической машины свелось к распространению по тысячам каналов убаюкивающих посланий: дескать, тревожиться не о чем, делается все возможное и необходимое, и никто не смог бы сделать больше».

Черчилль же был убежден, что сделать надо больше. «Сосредоточение власти у Гитлера, – говорил он, – наращивание им производства вооружений и самолетов, его растущее давление на Австрию и Чехословакию означают, что общественное мнение нашей страны, а также наше перевооружение следует поднять до высочайшего уровня, даже если ради этого придется отказаться от комфорта и налаженной жизни».

Черчилль еще раз попросил созвать закрытую сессию палаты общин, но получил отказ. Взамен Болдуин согласился принять лишь группу влиятельных депутатов Консервативной партии, включая Черчилля, Остина Чемберлена и Эмери, чтобы приватно обсудить оборонную политику. Встреча состоялась 28 июля. «Одна мысль преследует меня, – сказал Черчилль на этой встрече. – Пролетают месяц за месяцем, и, если мы слишком затянем с усилением обороны, завершить этот процесс мы ни при каких условиях не успеем». Он подробно и точно изложил проблему, опираясь на данные, предоставленные ему Андерсоном, Мортоном, Уигрэмом и Уотсоном-Уоттом. Говорил он о необходимости ускорить и усовершенствовать подготовку летного состава, увеличить снабжение Лондона и других городов на случай войны, защитить склады от немецких воздушных атак и более энергично, чем это делается сейчас, заняться разработкой радара – этого, по его словам, «мощного изобретения».

Сравнивая силу британских и немецких ВВС, Черчилль обратил внимание на то, какие силы и средства вкладывает Германия в подготовку личного состава, в частности в тренировку ночных полетов в боевых условиях, и отметил, что все будет зависеть от ума, смелости и твердости духа военных летчиков. По его мнению, следовало создать постоянные комиссии и принимать больше кандидатов с высшим образованием, тогда как в тот момент принималось лишь пятьдесят человек в год, что явно недостаточно.

«Где полностью укомплектованные военно-воздушные эскадрильи? – спрашивал Черчилль. – Многие наши эскадрильи не укомплектованы, значительная, если не бульшая, часть их запасного парка либо вообще отсутствует, либо лишена необходимого оборудования, а в некоторых случаях даже и моторов. Когда слышишь такое о нашей авиации и сравниваешь ее с немецкой, поневоле приходишь в замешательство».

Черчилля беспокоило многое, в частности временной разрыв между разработкой самолета и его поставками авиации, задержки в снабжении запчастями и другое. «Я должен подчеркнуть, – сказал он, – что в такой сверхтонкой области, как авиация, самолет, полностью не обеспеченный всем необходимым, практически не является самолетом. Он может числиться в ваших списках, но он не станет реальным фактором войны. Я заявляю, что положение чрезвычайное. Мы в такой опасности, в какой еще никогда не были, даже если вспомнить угрозу немецких подводных лодок в Первую мировую войну».

На второй встрече, 29 июля, Черчилль говорил о военных поставках, в том числе о боеприпасах, танках, грузовиках

и броневиках, к массовому изготовлению которых, как заявил он, «должна быть готова наша промышленность, достаточно для этого гибкая».

Он был озабочен всем – нехваткой пулеметов, бомб, отравляющих газов, противогазов, прожекторов, минометов и гранат. «Поскольку Адмиралтейство, – сказал Черчилль, – по ряду позиций зависит от Министерства обороны, любая нехватка может нанести тяжелый урон военно-морскому флоту. В нынешних условиях даже два года непрерывных поставок едва ли покроют наши военные нужды. Меланхолия в таком вопросе совершенно недопустима, но она результат того, что кое-кто заложил еще во вполне мирное время. Жаловались, – продолжал Черчилль, – что страна безразлична к национальным потребностям, а профсоюзы бесполезны. Теперь же мы видим даже социалистов, голосующих против проекта бюджета. До тех пор пока правительство будет уверять народ, что ничего чрезвычайного не происходит, ситуация не изменится. Но я верю, что если будет публично объявлено о вооружении некоторых государств и, главное, если будет занята верная позиция, и эта верная позиция проявится не на словах, а на деле, то в возможностях государства сделать все необходимое. Я вовсе не имею в виду переводить страну на военное положение, но, по моему мнению, чтобы добиться прогресса, мы должны без колебаний замахнуться на 25–30 % роста по отношению к обычному уровню производства вооружений и, учитывая нынешнее время, заставить промышленность и самих себя пойти на определенные жертвы».

Черчилль не знал, что в тот же день Инскип снова запросил у правительства особых полномочий, разъяснив коллегам, что недостаток их у Министерства обороны подрывает программу модернизации всех родов войск. И снова его просьба была отклонена. Отвечая депутатам-консерваторам, Болдуин не упомянул, что Инскип добивался тех самых особых полномочий, на которых настаивал и Черчилль. Он даже не счел нужным прокомментировать доказательства Черчилля. Вместо этого он заговорил о том, какой урон понесет экономика Британии, если в мирное время ее, хотя бы наполовину, перевести на военное положение. Этот вопрос, по его словам, он обсуждал с канцлером Казначейства Невиллом Чемберленом, и оба они сочли, что «административное вмешательство в производство может отбросить экономику страны на много лет назад и нанести ей очень серьезный вред в то время, когда нам нужно полное доверие страны».

Болдуин даже высказал сомнение в существовании самой

опасности, конкретно – в возможности войны между Британией и, по его мнению, «находящейся в изоляции Германией». Он спросил депутатов, готовы ли они объявить народу, что Германия вооружается для войны с Британией. «Не так-то легко, – сказал он, – когда вы на трибуне, сказать людям, какие опасности им угрожают. Я старался подготовить народ, но никогда не видел достаточно четкой черты, переступив которую имею право пугать людей. Все мы знаем, что Германия стремится на Восток. Гитлер достаточно ясно выразил это в своей книге. И надо признать, что, если она двинется на Восток, я не буду в отчаянии. Я не верю, что она пойдет на Запад, потому что Запад стал бы для нее тяжелой задачей. Я не собираюсь втягивать страну в войну с кем бы то ни было ради Лиги Наций и вообще ради кого бы то или чего бы то ни было. Есть одна опасность, которую, разумеется, вы все держали в голове: если начнется война между русскими и немцами и французы станут союзниками России в силу того ужасного пакта, который они подписали, не почувствуете ли вы себя обязанными прийти на помощь Франции? Так или иначе, если в Европе должна случиться какая-нибудь война, я предпочел бы, чтобы воевали большевики и нацисты».

После каждой встречи Болдуин предоставлял записи своих речей Министерству авиации, Адмиралтейству и Министерству обороны. Один из ответов Министерства авиации начинался прямо: «Все согласны с тем, что потенциал британского авиастроения не равен немецкому». Его меморандум подтверждал неспособность авиационной промышленности выполнить программу поставок. Меморандум Министерства обороны также выражал согласие с большинством утверждений Черчилля, касающихся военной промышленности, назвав их «безупречно точными». По вопросу национальной обороны было отмечено: «Нынешнее положение неудовлетворительно. Мистер Уинстон Черчилль высказал мнение, что колоссальные приготовления Германии к войне позволят ей осуществить первое наступление в масштабах 1918 г., благодаря чему она сможет избежать позиционной войны. Следовательно, у нас не будет передышки, которая позволит нам мобилизовать нацию, как это было в 1915 г. И хотя никто не в силах сказать, сбудется это или нет, опасность достаточно велика, чтобы можно было не принимать ее в расчет».

В августе Черчилль осмотрел оборонную линию Мажино на франко-германской границе. «Офицеры французской армии впечатляют своей серьезностью, – написал он Клементине. – Сразу чувствуешь, что сила нации – в ее армии». В середине

сентября Черчилль снова был в Чартвелле. Он готовил речь, с которой по просьбе своих друзей из Министерства иностранных дел собирался выступить в Париже, чтобы дезавуировать немецкую пропаганду. В Париже он говорил о пороках тоталитаризма и достоинствах демократии. «Как мы можем выносить, – спросил он, – что с нами обращаются, как со школьниками, тогда как мы взрослые люди? Почему нам показывают парады, где десятки тысяч людей маршируют и аплодируют лозунгам, в то время как философов, учителей и писателей хватают и заставляют работать до смерти в концентрационных лагерях? Почему от нас постоянно скрывают плоды человеческого интеллекта и биение человеческого сердца? Почему, спрашиваю я, не желая покоряться всему этому, мы все же так пассивны и инертны перед лицом угрозы? Наряду с учениями товарища Троцкого и доктора Геббельса, – продолжал он, – должно найтись место и для вас, и для меня, и для некоторых других, где мы могли бы исповедовать собственные взгляды. Агрессивные действия надо оценивать не по традиционным понятиям «правого» и «левого», а по понятиям правильного и ложного. Вокруг нас большие и все время растущие угрозы, мы стоим на страже таких важных для мира ценностей, что должны, как сказано в Библии, «свергнуть с себя всякое бремя» и готовиться денно и нощно выполнить свой долг».

Парижская речь Черчилля стала трубным гласом в защиту демократических ценностей. Речь вызвала множество откликов. «Вы никогда не произносили ничего лучшего», – написал Черчиллю один из его бывших коллег по либеральному кабинету министров Герберт Фишер. Лондонская вечерняя газета Star отмечала: «Мы были бы рады услышать, как защита демократических ценностей мистером Черчиллем отзовется в нашем руководящем органе».

15 октября на собрании Антинацистского совета Черчилль одобрил призыв конгресса профсоюзов к партии лейбористов поддержать перевооружение «с тем, чтобы свободные страны не были растоптаны».

Через восемь дней, отвлекшись от политики, Черчилль отметил выход третьего тома биографии Мальборо рассылкой подписанных им семидесяти с лишним экземпляров. Но праздник был несколько омрачен: за месяц до того его дочь Сара объявила о своем намерении заключить брак с австрийским евреем Виком Оливером, артистом мюзик-холла, который уже был дважды женат. Некоторые газеты довольно бесцеремонно обсуждали это.

Черчилль был против этого брака, но Сара настояла на своем и сбежала в США, где вышла замуж за Вика Оливера. «Я собирался послать вам несколько слов в прошлом месяце, но не решился, – написал Черчиллю Болдуин 9 октября. – Тем не менее хочу, чтобы вы знали: я всем сердцем был с вами, когда прочитал в газетах о некоторых семейных неурядицах, которые, наверное, причинили вам боль. Я достаточно хорошо знаю вас, чтобы понимать, как сильно задевают вас такие вещи».

Черчилль, сочувствуя переживаниям Сары, все же благословил брак дочери. Два года спустя он обратился к главе Министерства внутренних дел сэру Александеру Максвеллу с целью убедиться, что немцы не имеют возможности предъявить зятю претензии в связи с его происхождением во время их путешествия с Сарой в Нью-Йорк на немецком корабле. «Хотя поначалу, как вы, должно быть, слышали, – писал он Максвеллу, – я был против его брака с моей дочерью, впоследствии он стал вызывать у меня приязнь и большое уважение».

На собрании 15 октября Антинацистский совет решил учредить движение «Защита свободы и мира», целью которого было «поддерживать демократическое движение и законность в обществе, отражать атаки на свободу, проявляющиеся в виде насилия внутри страны или нападения извне, и способствовать объединению с другими подвергающимися опасности нациями ради сохранения мира и противостояния агрессии». Черчилль сказал присутствующим: «Мы приложим все возможные усилия, чтобы привлечь к нашему движению любую помощь от любой группы, невзирая на то, из какой она партии или страны. У нас достаточно возможностей, чтобы быть во главе широкого общественного движения, стоящего на страже наших прав».

Первое публичное собрание новой организации должно было пройти в Альберт-холле при поддержке союза Лиги Наций. Она видела своей целью собрать вместе все организации, которые стоят за коллективную безопасность и перевооружение страны. Таким образом, идея, предложенная Черчиллю Ванситтартом и Липером в начале года, стала реальностью. 21 октября Черчилль разъяснил Ричардсу, секретарю Антинацистского совета, свою позицию: «Я не рассматриваю возможность строительства какого-нибудь нового, соперничающего с другими общества, а лишь сплочение существующих организаций, чтобы активизировать их, придать им эффективность». Описывая впечатления от работы совета, Черчилль написал Остину Чемберлену: «Для меня стали сюрпризом и позиция коллег по Лейбористской партии, и их резолюция, и проявленная в ней

ясность мышления, и глубокое ощущение надвигающейся угрозы».

8 ноября Черчилль снова озвучил свои опасения в палате общин. «Пока не будет единого фронта против потенциальной агрессии, не будет и согласия, – сказал он. – Все европейские государства продолжат пятиться по дипломатической шахматной доске, пока не исчерпают возможностей отступления. И тогда от безысходности и, возможно, в самом неожиданном месте произойдет военный взрыв в условиях, которые, по всей вероятности, будут не самыми благоприятными для тех, кто отступал».

Тем временем Черчилль готовился к выступлению по предстоящим дебатах по обороне. За две недели до дебатов один офицер ВВС, только что вернувшийся из поездки в Германию, майор Герберт Роули, посетил его и предоставил сведения об отставании британской авиационной программы. На следующий день командир танковой бригады бригадир Перси Хобарт сообщил Черчиллю о проблемах в сфере его деятельности. Дебаты начались 11 ноября с выступления Инскипа, который заявил, что Британия уже располагает 960 самолетами, и уверял, что в подготовке обороны все идет хорошо.

На следующий же день Черчилль предложил поправку, в которой говорилось, что средства британской обороны, особенно воздушной, в таком состоянии, что не способны обеспечить мир, безопасность и свободу британскому народу. «В 1937 г., – предупредил он, – нас ждет резкое нарастание неблагоприятных факторов. А между тем во многих составляющих национальной обороны до сих пор отмечается серьезное отставание. Это касается и территориальной армии, и военно-воздушных сил. Армии не хватает едва ли не всех видов вооружений, которых требует современная война. Где противотанковые пушки, где беспроводные средства связи, где полевые зенитные орудия?»

Далее, опираясь на личный опыт, Черчилль напомнил парламенту: «Идея создания танков, которая произвела революцию в современной войне, была британской, а в ее обоснованности Военное министерство убедили совершенно невоенные люди. Позвольте вас заверить, что сегодня им с таким же трудом пришлось бы пробивать и новую идею. Я знаю, чту говорю. Во время той войны у нас была чуть ли не монополия, мы были единоличными лидерами в производстве танков и несколько лет потом занимали в этом ведущее место. Все глаза были обращены на Англию. Теперь все это в прошлом. Ничего не было сделано, чтобы обеспечить танковые войска новыми

машинами. Тучные годы пожрала саранча. Теперь должен пройти очень долгий период, прежде чем мы сможем ожидать существенного увеличения производства вооружений. Нам же до сих пор твердят, что нет необходимости в создании министерства поставок и нет ничего срочного, что должно заставить нас изменить нормальный ход экономики».

Возвращаясь к возражениям правительства относительно увеличения поставок в рамках программы перевооружения 1933–1935 гг., Черчилль заявил: «Как я слышал, говорили, что у правительства не было мандата на перевооружение до всеобщих выборов. Подобные аргументы абсолютно неприемлемы. Ответственность министров за безопасность общества неограниченна и не требует специального мандата. У премьер-министра есть огромное большинство в обеих палатах парламента, готовое проголосовать за любые необходимые меры по обороне. Страна еще никогда не пренебрегала своим долгом, если ей представляли истинные факты, и я не вижу оправданий для проволочек».

Правительство продолжает настаивать на том, что, мол, опасно превращать Британию «в огромный склад боеприпасов», – продолжил Черчилль и резко осудил эту демагогию, заявив парламенту: «Первый лорд Адмиралтейства в своей речи вчера вечером пошел даже дальше. Он заверил нас: «Мы постоянно пересматриваем свою позицию. Все полностью подвижно». Я верю, что так и есть, но никто не может понять, в чем заключается эта подвижность. Правительство либо не может ни на что решиться, либо не может заставить решиться премьер-министра. Правительство в парадоксальном положении: оно твердо в своей мягкотелости. Так что мы по-прежнему тратим месяцы и годы – бесценные, возможно, жизненно важные – на корм саранче. Мне говорят: «Министр поставок не нужен, потому что все идет хорошо». Я отрицаю это. Это неправда».

Свою речь Черчилль закончил обращением к коллегам-парламентариям: «Я был ошеломлен неспособностью палаты общин решительно реагировать на угрозы. Должен сказать, этого я не ожидал. Мне никогда не пришло бы в голову, что мы позволим втягивать себя в такое положение месяц за месяцем, год за годом и что даже признание правительством собственной ошибки не приведет в парламенте к единению, способному действовать адекватно критическому положению. Я заявляю, что, если палата не решится посмотреть правде в глаза, это будет означать пренебрежение своим долгом, что не имеет аналогий в ее долгой истории».

Times, так долго и враждебно критиковавшая Черчилля,

назвала его речь «блестящей». Многих парламентариев все больше начинало тревожить, что кабинет министров не контролирует ситуацию. «Стиль Черчилля стал более взвешен и спокоен, чем обычно, – написал в своем дневнике член палаты общин от Лейбористской партии Гарольд Николсон, – однако он словно кувалдой вколачивает свои тезисы».

Ответил Черчиллю сам Болдуин, попытавшийся объяснить, почему с осени 1933 г. до всеобщих выборов лета 1935 г. он не мог энергичнее заниматься перевооружением: «Я излагаю перед палатой свои взгляды с абсолютной искренностью. Вспомните время, когда в Женеве заседала Конференция по разоружению. Вспомните, что тогда в стране царили сильнейшие за всю послевоенную эпоху пацифистские настроения. На довыборах в Фулхэме осенью 1933 г. правительство потеряло место, и его занял кандидат-пацифист. Настроение, которое проявилось на выборах в Фулхэме, было общим для всей страны. Я спрашивал себя: каковы шансы, что в ближайшие год-два отношение общества настолько изменится, что страна даст мандат на перевооружение? Предположим, я обратился бы к стране и сказал, что Германия перевооружается, и мы тоже должны перевооружаться. Кто-нибудь может представить, какой крик в ответ на это подняла бы пацифистская общественность? Я не мог не думать о том, что это неизбежно привело бы к поражению на выборах. Мое положение как лидера большой партии вовсе не было комфортным».

Полемика Черчилля и Болдуина вызвала много комментариев. «Я не могу припомнить, видел ли когда-нибудь палату в таком смущении», – написал Черчиллю один молодой парламентарий-консерватор. По поводу речи Болдуина Лондондерри написал: «Мы говорили ему и Невиллу о существующих рисках, но их слишком пугало поражение на выборах. Невилл в этой пьесе играл роль злодея, потому что, будучи лордом-канцлером, он финансово блокировал все решения». Еще один член палаты от Консервативной партии сэр Арчибальд Бойд-Карпентер написал Черчиллю: «Должен поздравить вас с прекрасной вдохновляющей вчерашней речью. Я сказал себе: «Слава богу, у кого-то есть отвага». И я еще сильнее почувствовал это после ответа Болдуина, от которого мне почти стало плохо». Черчилль ответил: «Никогда еще не слышал такого отвратительного признания от публичного человека, как то, которое сделал вчера Болдуин».

Осознавая, что призыв Черчилля к бдительности встречает растущую поддержку в парламенте, Болдуин согласился принять вторую группу депутатов. За пять дней до этой встречи Андерсон

представил Черчиллю последние отчеты о производстве военной авиации в Германии, подготовленные разведкой министерства. Из этих сведений было ясно, что, если война случится в 1937 или 1938 г., у Британии не хватит ни средств противовоздушной обороны, чтобы отразить нападение с воздуха, ни возможностей авиации для ответного удара или хотя бы для того, чтобы проводить политику невмешательства. Что касалось ключевого вопроса о соотношении сил, то, по оценке Министерства авиации, в июне 1937 г. у Британии могло быть 372 бомбардировщика против 800 немецких. За три дня до встречи депутатов с Болдуином еще один человек, имевший доступ к секретной информации, майор Дж. П. Майерс, написал Черчиллю, что из 89 истребителей «хокер фьюри», заказанных правительством, в оговоренный контрактом срок готовы лишь 23.

23 ноября вторая парламентская группа депутатов призвала Болдуина обсудить состояние британской обороны. И снова, хотя пришел Инскип, ни один из трех военных министров – ни Хор, ни Суинтон, ни Дафф Купер – не явился на встречу, чтобы лично выслушать критику их ведомств и прямо ответить на нее. Болдуина сопровождали Невилл Чемберлен и лорд Галифакс. Депутатов, как и в прошлый раз, возглавляли Остин Чемберлен и лорд Солсбери. В ходе дискуссии стало ясно, что многие опасения и оценки Черчилля теперь разделяют и в министерских кругах. В течение двух прошедших лет масштаб военного производства оставался недостаточным, чтобы противостоять нападению Германии, если оно произойдет в 1937 или 1938 г. Пытаясь объяснить, почему до сих пор нет резервов для защиты Лондона, Инскип сказал депутатам: «Пока что нам несомненно не хватает боевой техники».

Дискуссия 23 ноября, запись которой заняла пятьдесят восемь машинописных страниц, состояла главным образом из настойчивых вопросов Черчилля. «Я безусловно могу назвать с дюжину эскадрилий, – сказал он, в частности, – в которых у самолетов нет ничего из необходимого оборудования. В других много летчиков, но так мало самолетов, что пилотам не на чем заниматься летной подготовкой. Факт остается фактом: мы так и не получили восемьдесят боеспособных эскадрилий для защиты столицы в следующем году». На это Инскип ответил лишь одно: «Я бы уточнил понятие «боеспособных».

25 ноября, за пять дней до шестидесятидвухлетия, Черчилль получил послание от своего кузена Фредерика Геста, который сообщал, что его усилия по привлечению широкой общественности на сторону Черчилля возымели успех. «Эттли

поддержит вас по любым вопросам перевооружения, – писал Гест. – Он восхищается вами и любит вас. Если вы хотите поговорить с ним, двери открыты». Воодушевленный этим, Черчилль подготовил очередное обращение, о котором просил его Антинацистский совет, однако его политическую позицию ослабили неожиданные события.

В январе 1936 г., после внезапной смерти Георга V, принц Уэльский был провозглашен королем Эдуардом VIII. Черчилль был знаком и дружен с новым монархом в течение двадцати пяти лет. В первые же месяцы правления Эдуарда слухи связали его с некой Уоллис Симпсон, американкой, разводившейся уже со вторым мужем. Черчилль узнал, что Эдуард собирается жениться на миссис Симпсон, как только развод будет оформлен официально. Он совершенно не одобрял выбор короля и поддержал тех, кто, оставаясь в тени, старался убедить миссис Симпсон отказаться от этого брака. Но 16 ноября король сообщил Болдуину о своем намерении жениться на ней.

В результате разразился конституционный кризис. Болдуин, поддержанный кабинетом министров, предложил королю альтернативу: отказ от миссис Симпсон или отречение от престола. Тот ответил, что готов выбрать второе. Два дня спустя, получив одобрение премьер-министра, Черчилль встретился с королем, чтобы попытаться убедить его не спешить с отречением. Король попросил Черчилля дать ему время на принятие решения – еще две недели, «чтобы все взвесить». Черчилль послал Болдуину отчет о своем разговоре с королем, отметив «душевное изнеможение» последнего. «Сочетание общественного и семейного давления, – написал он, – выдержать тяжелее всего. Я сказал королю, что ему необходимо запросить у вас время, чтобы прийти в себя и осознать, что ситуация тяжела не только для него, но и для всей страны. Я сказал, что вы настроены по отношению к нему доброжелательно и уважительно и не откажете. Было бы крайне жестоко и неправильно вырывать у него решение в его нынешнем состоянии».

Уверенный, что Болдуин даст королю по крайней мере месяц, Черчилль сказал Эдуарду VIII: «Ваше величество, не беспокойтесь. В стране нет сил, которые хотели бы и могли отказать вам». Однако он ошибался: 6 декабря на встрече с влиятельными министрами кабинета Болдуин сказал: «Это дело следует закончить до Рождества». По мнению же Невилла Чемберлена, даже этот срок – три недели – был чрезмерным, поскольку, заявил он, длительная неопределенность наносит ущерб рождественской торговле.

Черчилль не знал и того, что в действительности королю

времени и не требовалось: Эдуард твердо решил жениться на миссис Симпсон, даже если это будет означать потерю трона. Тем не менее Черчилль после воскресной встречи в Чартвелле с Арчибальдом Синклером и Робертом Бутби еще надеялся, что король останется на престоле. Необходимо было только, чтобы он согласился сделать короткое публичное заявление, которое сочинил Черчилль с двумя коллегами и 6 декабря послал королю. Суть его заключалась в следующем: «Король не вступит ни в какие брачные отношения, противоречащие рекомендации своих министров».

Все еще веря, что король согласится, если ему будет предоставлено время для размышления, Черчилль 7 декабря выступил в палате общин с просьбой «не совершать непоправимых действий, пока не будет получен текст заявления короля». К его удивлению, тут же раздались насмешливые крики: «Довольно об этом!», «Лгун!» – неслось со всех концов палаты. Он продолжал стоять, пытаясь объяснить, что королю надо дать немного времени, чтобы собраться с мыслями, но издевательские выкрики не стихали, так что он не слышал собственного голоса. Уходя из палаты, он бросил горькие слова Болдуину: «Вы не удовлетворитесь, пока не сломите его, верно?»

Парламентарии были уверены, что Черчилль старается дискредитировать Болдуина и возглавить оппозицию против него. Но это было не так: он лишь пытался оставить короля на троне и тем самым предотвратить конституционный кризис, в то время как премьер-министр оказывал на короля давление, чтобы тот быстро принял судьбоносное для страны решение. Однако у всех сложилось превратное впечатление, что Черчилль хочет воспользоваться кризисом и тем самым создать проблемы правительству. Times назвала это противостояние в палате общин «самым жестким эпизодом в современной истории парламента». Вечером Гарольд Николсон записал в дневнике: «В пять минут разрушены плоды терпеливой двухлетней работы». 11 декабря Spectator написала: «Черчилль абсолютно не учел как характер страны, так и характер парламента, и слава своенравного, но бесполезного гения, которая начала было забываться, возродилась вновь».

Таким было всеобщее ощущение, которое правительство вовсе не пыталось развеять. Однако уже через несколько часов после фиаско в палате общин Черчилль выступил на собрании парламентариев-консерваторов с речью, в которой обрисовал отставание британской военной авиации. Его кузен Фредерик Гест сказал ему, что речь была «замечательной, и ее хорошо приняли». Другой член палаты общин писал Инскипу,

что замечания Черчилля были «приняты хорошо». Сам Черчилль спустя четырнадцать лет в письме Брендану Брекену вспоминал: «Естественно, осознавая, каково было преобладающее мнение парламента, в тот день я обратился к большому собранию консервативного комитета по обороне. Я говорил, думаю, около часа, и меня слушали с величайшим вниманием».

Когда через три дня Болдуин объявил палате общин, что король подписал акт об отречении, речь Черчилля, в которой он подчеркивал опасность каких бы то ни было взаимных обвинений, слушали уже с уважением. «То, что сделано или осталось несделанным, принадлежит истории, – сказал он. – Что же касается моего мнения по этому вопросу, оно уже не имеет значения». Слова о том, что короля особенно будут вспоминать его «беднейшие подданные», вызвали аплодисменты. «Но мы, – заключил свою речь Черчилль, – теперь должны думать о нависшей над нами угрозе. Мы не можем, не имеем права позволить себе оглядываться назад. Мы обязаны смотреть вперед. Мы должны услышать призыв премьер-министра». Эти слова, как было отмечено в официальном парламентском отчете, также встретили овацией. Эмери тогда же записал в дневнике: «Лицом к лицу с враждебно настроенной палатой Уинстон в блестяще составленной короткой речи осуществил стратегическое отступление».

Неделю спустя в письме герцогу Вестминстерскому Черчилль заметил: «Поразительно, что Болдуин становится сильнее всякий раз, как нокаутирует кого-то или что-то важное для нашей страны». Ллойд Джорджу, который проводил Рождество в Вест-Индии, Черчилль написал: «Я пережил здесь тяжелое время и глубоко опечален случившимся. Я уверен, что отречение было слишком поспешным и, вероятно, совершенно ошибочным. Тем не менее абсолютное большинство не на моей стороне. Вы правильно сделали, что не присутствовали при этом».

1 января 1937 г. Черчилль писал Бернарду Баруху: «Я не нахожу, что мое собственное политическое положение сильно пошатнулось от той позиции, которой я придерживался. Как вам известно, в политике я всегда предпочитаю руководствоваться сердцем, а не подстраиваться под общественные настроения».

Глава 25
Для Черчилля места нет

2 января 1937 г. Черчилль находился в Чартвелле, где встречал Новый год. Там он узнал, что его друг, сотрудник Министерства иностранных дел Ральф Уигрэм, который снабжал его информацией и который в последнее время болел, скончался в возрасте сорока лет. Черчилль сразу же написал вдове Уигрэма Аве: «Я всегда восхищался его мужеством, целеустремленностью, высочайшей прозорливостью. Он был одним из очень немногих, кто охранял Британию. Он ушел как раз накануне нынешнего судьбоносного года. Это удар по всем нам и по всему лучшему, что олицетворяет Англию. Всего неделю назад или около того он позвонил мне и попросил, чтобы я сказал слово о покойном короле. Его голос до сих пор звучит у меня в голове. А вы?.. Представляю, каково вам потерять его. Вы оберегали это яркое пламя, горевшее в разбитой теперь лампе. Если бы не вы, оно погасло бы гораздо раньше и не освещало бы нам путь вплоть до этого дня».

«Он так восхищался вами, – ответила Ава Уигрэм. – Он всегда говорил, что вы – величайший из живущих ныне англичан». 4 января Черчилль на машине приехал из Чартвелла в Акфилд на похороны Уигрэма. «Вдова была опустошена горем, – написал он Клементине через три дня. – Это было душераздирающе. Кажется, в Министерстве иностранных дел не предусмотрено пенсий или чего-то подобного для вдов. Но она говорит, что проживет на свои сбережения. Ее будущее представляется мне унылым. Что за печальный мир!»

После похорон Черчилль пригласил собравшихся на скромный завтрак в Чартвелл. Клементина, уехавшая на Рождество в Швейцарию, осознавала, какую боль причинила ее мужу эта смерть. «Он был твоим верным другом, – написала она ему 5 января. – В его глазах ты видел искры горевшего в нем внутреннего огня». Через четыре дня она вернулась к этой теме: «Я чувствую, что смерть мистера Уигрэма принесла тебе горе. Боюсь, тебе будет его очень не хватать».

В первые месяцы 1937 г. Черчилль стал снова получать известия о бездеятельности правительства в том, что касалось укрепления обороны. Новыми информаторами его были бывший эксперт по вопросам национального страхования в Министерстве торговли сэр Уильям Беверидж и – также бывший – основной организатор строительства флота и один из изобретателей танка

сэр Юстас Теннисон д'Эйнкорт. Но Черчилль больше не видел смысла в постоянных публичных выступлениях. «В настоящее время неофициальные лица не имеют почти никакого веса, – писал он 13 января лидеру либералов лорду Дэвису. – Несчастный одиночка быстро выбьется из сил, даже не сумев создать легкую рябь в потоке общего мнения».

Черчилль частным образом связывался с министрами, стараясь побудить их действовать энергичнее и ответственнее. Так, 14 января он написал Инскипу, что нежелание правительства сильнее загружать отечественные обрабатывающие предприятия военными заказами вызывает у него опасения: «Имея надлежащую систему контроля, следовало бы пересмотреть весь потенциал британской промышленности. При этом правительство, размещая заказы за рубежом, могло бы гарантировать британским фирмам, производящим жизненно необходимое для обороны, что их продукция будет востребована. Вы говорите, что не вмешиваться в экономику – правительственная политика. Но политика может быть правительственной и при этом неправильной. Вы находитесь во власти предубеждения, когда утверждаете, будто я прошу, чтобы промышленность отказалась от всего, что она обычно производит. Я был бы вполне удовлетворен, если бы вместо «всего» вы написали «всего, что требует правительство».

Кроме того, Черчилль сообщил Инскипу, что, по его данным, британская программа перевооружения отстает все сильнее, а слабость британской авиации в сравнении с немецкой совершенно очевидна. «Я не спешил писать вам, – заканчивал он, – пока с радостью не услышал, что вы быстро выздоравливаете после гриппа. Я велел вашему секретарю не показывать вам мое письмо, пока вы полностью не оправитесь. Надеюсь, времени на поправку оказалось достаточно. Как бы ни были тяжелы нынешние времена, но для полного выздоровления требуется некоторое время отдыха от любой работы. Все мои домашние тоже свалились от этой напасти. То, что я до сих пор жив и пока еще не заболел, приписываю как своему здравому смыслу, так и здоровой конституции».

27 января, выступая на дебатах по противовоздушной обороне, Инскип отстаивал существующую программу развития авиации. «К июлю 1938 г. будут готовы как минимум 120 из обещанных 124 эскадрилий, – сказал он, – хотя и не все будут полностью укомплектованы». После Инскипа взял слово Черчилль. Он сказал: «Из 124 эскадрилий, обещанных к 31 марта, на самом деле готовы будут лишь около ста, но даже из этой сотни далеко не все будут боеспособны. Так что в реальности мы будем иметь только около семидесяти восьми эскадрилий.

Поэтому, – продолжил он, – я заявляю, что мы не достигли паритета, который был нам обещан. Мы даже не приблизились к нему. Мы не достигнем его и в 1937 г., и я сомневаюсь, что получим хотя бы нечто похожее на него в 1938-м».

Через два дня после этой речи Черчилль получил от Андерсона обстоятельный доклад, написанный полковником авиации Лахланом Маклином, старшим штабным офицером 3-й бомбардировочной авиагруппы. В документе содержалась критика развития ВВС, включая средства дальней навигации, ремонтные работы и летную подготовку. Черчилль попросил Маклина встретиться с ним.

2 февраля Черчилль писал Клементине, которая на праздники отправилась в круиз по Вест-Индии, что Болдуин, похоже, собирается сложить с себя полномочия премьер-министра в мае, сразу после коронации Георга VI, и что Невилл Чемберлен, который «по сути, и так делал всю работу, без сомнения сменит его». Клементина в ответном письме заметила: «Это принесет большое облегчение и упростит наши дела, потому что в любом случае устранит неопределенность».

Черчилль, который еще не справился с финансовыми проблемами, вызванными падением его акций при обрушении американского фондового рынка, задумался о продаже Чартвелла. «Если нам не дадут хорошей цены, мы спокойно протянем еще год-два, – писал он Клементине. – Но хороших предложений отвергать не будем, учитывая, что почти все наши дети уже разлетелись, а моя жизнь, вероятно, вступила в завершающую фазу».

4 марта, участвуя в дебатах по обороне, Черчилль поддержал недавно принятое правительством увеличение оборонных расходов на ближайшие пять лет, но все же спросил: «Когда весь континент лихорадочно вооружается, когда мощные страны отказываются от комфорта, когда для войны готовят миллионы людей и массу вооружений, когда целые нации существуют в условиях крайнего напряжения, когда даже самые самоуверенные и надменные диктаторы вынуждены считаться с состоянием своих финансов, можете ли вы быть уверены, что все ваши программы, принятые так поздно, будут исполнены вовремя?»

Черчилль закончил воззванием к патриотизму британцев и оптимистической оценкой нравственных сил нации. «Не будем смеяться над этим, – сказал он, – потому что нравственные силы наверняка на нашей стороне. Не смейтесь, потому что теперь, возможно, именно такое время, когда это станет нашим главным

стратегическим оружием. Не смейтесь, потому что сейчас, как ни странно и даже дико это может показаться, Право может идти рука об руку с Силой».

16 марта умер Остин Чемберлен. Его дружба с Черчиллем началась еще на рубеже веков, и все четыре года со времени прихода Гитлера к власти их взгляды на германскую угрозу были близки. 18 марта Черчилль написал вдове Остина: «Я был потрясен и поражен до глубины души, когда узнал об этом. Я просто молюсь, чтобы у вас нашлись душевные силы вынести этот страшный удар. Ничто не может смягчить одиночество или заполнить пустоту. Все его друзья, принадлежностью к которым я горжусь, будут горько переживать эту потерю. В этот последний год я виделся и работал с ним теснее, чем когда-либо за сорок с чем-то лет. И я чувствую, что порвалась едва ли не единственная моя связь со старыми великими временами».

«Я знаю, что вы любили Остина, – ответила 20 марта леди Чемберлен. – Он также всегда любил вам и восхищался вами, даже когда вы не соглашались друг с другом! Я буду очень сильно ощущать его потерю».

В конце марта Черчилль снова уехал во Францию, позволив себе девятидневный отдых в Кап-Мартене. «Я целый день занят живописью, – написал он бывшему королю, а ныне герцогу Виндзорскому, – а когда темнеет, играю, насколько позволяют средства». Кроме этого, он снова проинформировал Инскипа о возможностях британской авиации.

Через неделю после отъезда Черчилля во Францию Инскип заявил в палате общин, что после 1 апреля в Соединенном Королевстве будут базироваться 103 эскадрильи. Но в частном письме Черчиллю он сообщил: «В десяти из этих эскадрилий будет недокомплект машинами вплоть до следующей поставки, а в некоторых, недавно сформированных, вспомогательных эскадрильях, скорее всего, будет некомплект личного состава. Я чувствую себя обязанным, – писал Инскип, – сообщить вам эту конфиденциальную информацию, как своему советнику, тем более что вы уже располагаете большим количеством секретных сведений».

Отвечая, Черчилль изложил свое видение того, как следует браться за решение проблем, вскрытых Маклином: «Почему бы вам не обзавестись списком всего, что должна иметь авиационная эскадрилья? Это летчики, самолеты, запасные двигатели, запчасти, пушки, прицелы для бомбометания и т. п. А потом, вооружившись этим, нагрянуть вместе с тремя-четырьмя компетентными людьми – как бы совершенно случайно и неожиданно – в какую-нибудь эскадрилью ВВС. Если в течение

дня ваши люди исследуют все, согласно этому списку, а вы в это время опросите офицеров, то получите информацию, на которую сможете надежно опереться. Причина, по которой я публично не затрагиваю эти вопросы, – опасение обнаружить нашу слабость еще больше, чем о ней известно за рубежом».

Прочитав это письмо, Мортон написал Черчиллю: «Как часто бывало и раньше, я поражен, насколько детально вам известны вопросы обороны».

Лейбористская партия выступила с запросом: почему ВМФ Британии не охраняют суда, пытающиеся доставлять продовольствие испанским республиканцам? В запросе отмечалось, что, в то время как Британия и Франция придерживаются договора о невмешательстве, Германия и Италия его игнорируют. Под недовольные крики со скамей лейбористов Черчилль выступил в поддержку правительства, заявив, что нужно продолжать политику невмешательства. «Разве не отраден тот факт, – спрашивал он, – что немецкие, французские, русские, итальянские и британские военно-морские силы официально сотрудничают, пусть и недостаточно, в рамках того, что отдаленно напоминает Священный союз, и поддерживают, хотя лишь в виде бледной, уродливой тени, идею власти закона и коллективной воли, что многие из нас считают жизненно важным?»

Черчилль считал необходимым сохранять нейтралитет по отношению к Испании. «Я не считаю возможным стать на какую-либо сторону, – заявил он. – Я не могу сказать, что если бы пришлось выбирать между коммунизмом и нацизмом, то выбрал бы коммунизм. Надеюсь, мне не придется выбирать. Я не испытываю ни малейшей симпатии к обеим этим соперничающим идеологиям. Но я ощущаю безграничное сочувствие к их жертвам».

Призвав все зарубежные державы к последнему усилию, чтобы отказаться от конфликта и искать примирения, Черчилль под конец сказал парламентариям: «Кажется, мы движемся, сползаем – непрерывно и неуклонно, против своей воли, против воли народа и всех классов общества – к ужасной катастрофе. Каждый хочет остановить это, но никто не знает как. Мы болтаем о Восточных и Западных пактах, но они больше не гарантируют безопасности. Все озабочены вооружением и контрвооружением, но мы должны найти что-то новое».

Даже критики Черчилля признали остроту его ума. Парламентарий от Консервативной партии, Генри Ченнон, выступавший против присутствия Черчилля в правительстве,

написал в своем дневнике: «Уинстон Черчилль произнес жутковатую, но блестящую, убедительную, неопровержимую речь. Его «акции» подскочили, и сегодня люди покупают «черчилли» и снова говорят, что ему следует быть в правительстве и что недопустимо держать такого блестящего человека не у дел. Но с другой стороны, получи он пост, что бы это означало? Вспышку в самом скором времени? Войну с Германией? Место для Рэндольфа?»

В письме из Министерства иностранных дел от 16 апреля Иден поблагодарил Черчилля за поддержку: «Могу заверить вас, что ваши слова по достоинству были оценены тем, кто занимает этот беспокойный пост. Позвольте мне сказать, я считаю всю вашу речь прекрасной. Я даже слышал от многих, что она должна считаться одной из ваших лучших. Трудно иметь дело с палатой, когда она в таком бурном и сумасбродном состоянии, но вы умудрились обуздать их и заставить мыслить».

В апреле Болдуин объявил, что в конце мая подаст в отставку с поста премьер-министра. Черчилль, отклонив предложение герцога Виндзорского посетить его в мае во Франции, объяснил, почему не считает правильным покидать Англию в такое время: «Правительство целиком будет в процессе перестройки, и, хотя я не слишком стремлюсь занять в нем пост, мне бы хотелось помочь в вопросе обороны».

Взгляды Черчилля к тому времени стали известными Европе. Тридцатитрехлетний венгерский еврей Эмери Ривз создал в Берлине, а позже и в Париже издательство. Он публиковал статьи Черчилля для Evening Standard на следующий день после их появления в европейских газетах – в Варшаве, Праге, Белграде, Бухаресте, Хельсинки – всего в двадцати шести городах. В этих статьях Черчилль призывал находящиеся в опасности страны объединиться, чтобы предотвратить агрессию Гитлера.

Но если Черчилль выступал адептом коллективной безопасности, то Джеффри Доусон, редактор Times, думал иначе. 23 мая он написал одному своему другу: «Я бы с удовольствием присоединился к немцам. Просто не понимаю, почему они сейчас вроде бы так раздражены публикациями в нашей газете. Я ночами напролет убираю все, что, по моему мнению, заденет их чувства, и подбрасываю идеи, призванные успокоить их».

Через три дня после этого признания Доусона Невилл Чемберлен сменил Болдуина на посту премьер-министра. Как и Доусон, он был настроен искать возможности примирения с Германией, надеясь отвести Европу от края пропасти не путем создания системы коллективной безопасности и перевооружения,

а переговорами по урегулированию германских претензий. В чемберленовской политике Черчиллю места не было. Десять лет они расходились едва ли не по всем серьезным вопросам, начиная с 1927 г. и до последнего времени. Политические разногласия усугублялись и личной неприязнью.

В тот день, когда Чемберлен стал премьер-министром, лорд Дерби спросил Черчилля, поддержит ли он резолюцию собрания консерваторов, провозглашающую Чемберлена лидером партии. Черчилль, как старший теневой советник палаты общин от Консервативной партии, не мог игнорировать это. Готовя речь, он просмотрел список назначений в новый кабинет министров и телеграфировал Даффу Куперу, ставшему первым лордом Адмиралтейства: «Сердечнейшие поздравления с вашим большим продвижением». Инскип остался министром обороны, Хор возглавил Министерство внутренних дел, Лесли Хор-Белиша стал государственным секретарем по военным делам.

В новое правительство вошел один молодой парламентарий, Роберт Бернейс, который после выборов 1935 г. сидел рядом с Черчиллем «за проходом» – в дальней части палаты общин. «Мои поздравления», – также телеграфировал ему Черчилль, узнав о назначении Бернейса парламентским секретарем Министерства здравоохранения. «Я сожалею только об одном, – отвечал Бернейс, – а именно о том, что теперь я слишком далеко от вас, чтобы слышать ваши негромкие едкие комментарии о происходящем в парламенте, которые всегда вносили столько свежести. Я всегда буду вам благодарен, как был бы благодарен любой молодой человек в сегодняшней палате, за то, как вы постоянно демонстрируете, каких высот может достигать искусство парламентских дебатов».

Черчиллю, который, по просьбе лорда Дерби, 31 мая выступил на собрании консерваторов в Каксton-холле, не был предложен ни один пост. Упомянув достижения Чемберлена на посту канцлера Казначейства, когда тот восстановил финансовую стабильность Британии и стимулировал внешнюю торговлю, Черчилль напомнил собранию, что лидерство в партии никогда не понималось «в диктаторском или деспотическом смысле», и потребовал признавать право на собственное мнение тех, кто не согласен с политикой партии. «Палата общин, – сказал он, – все еще сохраняется как арена свободной дискуссии. Мы уверены, что лидер, которого мы изберем, не будет ущемлять тех, чьи взгляды не совпадают с линией партии, но кто честно стремится к общей цели, и что их частное мнение будет уважаться».

В своем дневнике Ченнон охарактеризовал речь Черчилля

как «искусную, яркую, с привкусом горечи». Чемберлен не обязан был объявлять всеобщие выборы до 1940 г.

Выступая на дебатах по бюджету 1 июня, Черчилль начал с шутливого приветствия Чемберлену, вызвавшего в парламенте смех. «Я принимаю дружеское участие в этом новом правительстве, – сказал он. – Сам не понимаю почему. Я не могу даже назвать это отеческим участием, потому что, откровенно говоря, это совсем не то правительство, которое я себе представлял. Но если мое участие и не отеческое, то я бы, пожалуй, мог назвать его дядюшкиным». Затем Черчилль изложил свои замечания по поводу введения нового оборонного налога, тяжесть которого ложилась на промышленность. «Это налоговое бремя, – сказал он, – будет сдерживать предпринимательство, не способствуя росту поступлений в бюджет. Наоборот, оно откроет широкие возможности для злоупотреблений и рисков. А если правительство не сумеет поддерживать тесные и взаимовыгодные связи с производителями оружия, оно может столкнуться с еще более серьезными трудностями». Затем, подробно проанализировав эти возможные трудности, Черчилль призвал Чемберлена проявить «гибкость и необходимую беспристрастность в решении ведомственных вопросов и отказаться от схематичности». Выступление имело успех. «Одна из лучших ваших речей, – написал ему 2 июня бывший член парламента от Лейбористской партии лорд Мельчетт, – и, думаю, именно изложенные вами факты и манера обращения к премьер-министру, тактичная, серьезная и живая, придала ему смелость отказаться от оборонного налога. Вы действительно великий человек, – продолжал Мельчетт, – и бог знает почему вас нет в кабинете министров, чтобы руководить страной в нынешние тяжелые времена».

Черчилль прекрасно сознавал, какая пропасть разделяет его и Чемберлена. «Я не горю желанием войти в правительство, пока оно не готово предложить мне настоящее дело, – отвечал он. – Но пока что они очень довольны собой».

Летом источники информации Черчилля стали обширнее, и он еще больше узнал о пропасти между производством вооружений и потребностями всех трех оборонных ведомств. В июне к нему по этому вопросу приехали полковник Генри Хилл, бывший командир лондонской бригады противовоздушной обороны, и адмирал Бертрам Рамсей, бывший начальник штаба флота. 14 июня он снова дал завтрак для членов Антинацистского совета. Бежавший из Германии еврей Ойген Шпир, присутствовавший на этом завтраке, позже вспоминал слова Черчилля о том, что «безопасность Британии находится

под серьезной угрозой и что нехватка вооружений и бездействие правительства поддерживают у немцев опасную самоуверенность, что они могут не опасаться вмешательства, что бы они ни делали».

Через две недели после выступления Черчилля комитет по вооружению обсуждал обороноспособность страны. Выводы комитета полностью подтверждали опасения Черчилля. Во время обсуждения председатель комитета сэр Артур Робинсон заявил: «Из-за отсутствия четких приказов Военного министерства промышленность не может эффективно осуществлять свои задачи. Министерство авиации, – сказал Робинон, – обнаружило огромный разрыв между реальными и необходимыми объемами военного производства. При нынешнем состоянии дел программа вооружений не может быть завершена к ноябрю 1939 г.».

Помимо вопросов обороны Черчилль занимался работой над последним томом «Мальборо». Дикин часто приезжал в Чартвелл помогать ему. Вайолет Пирман и Грейс Хэмблин сменяли друг друга в ночные смены. «Мы по очереди работали с ним далеко за полночь, – вспоминала позже мисс Хэмблин. – Он приходил из столовой около 10 часов – бодрый и зачастую веселый. Совершенно очевидно, что это было его излюбленное время для работы. Он полностью погружался в нее и диктовал до 2–3 часов утра – иногда очень медленно, всегда взвешивая каждое слово, бормоча про себя фразы, пока они не начинали его удовлетворять. Потом он произносил их вслух, все время пристально глядя на секретаршу. Часто один из его литературных помощников, так называемых «молодых людей», а иногда кто-то из друзей, например профессор Линдеман или мистер Брекен присутствовали при этом. Я уверена, ему нравилось, что в эти часы при нем был человек – лучше двое».

«Что и говорить, – продолжала Грейс Хэмблин, – он был очень требовательным начальником. Он подгонял нас и очень редко хвалил. Но он умел тонко выказывать нам свое одобрение, а ни на что другое мы и не рассчитывали. Он сам так напряженно работал и был настолько погружен в дело, что ожидал того же от других. Он считал, что это его право. И со временем мы, работавшие на него, понимали, что в награду за это напряжение и усталость мы имеем редкую возможность узнать необыкновенную привлекательность этого необыкновенно эмоционального, но благородного характера».

Корреспонденция и литературный труд стали занимать у Черчилля все больше времени, и 6 июля он в помощь Вайолет Пирман и Грейс Хэмблин нанял Кэтлин Хилл на должность секретаря с проживанием. «Когда босса не было в Чартвелле, –

вспоминала позже миссис Хилл, – в доме стояла полная тишина. В его присутствии все гудело». В то же время, по ее воспоминаниям, это был «разочарованный человек, ждавший, когда его призовут послужить своей стране».

9 июля Черчилль с разрешения Суинтона посетил базу королевских ВВС в Биггин-хилле, чтобы понаблюдать за тренировками. Вскоре после этого Андерсон переслал ему письмо Маклина, речь в котором шла о высоких потерях среди летчиков, а потом привез и самого Маклина в Чартвелл. После визита Андерсон написал Черчиллю: «Скажу откровенно, я был очень впечатлен тем эпизодом из жизни герцога Мальборо, который вы прочитали, и вашими мыслями насчет силы влияния личного примера. Именно такого влияния сейчас катастрофически не хватает военно-воздушным силам. Мы особенно нуждаемся в лидере, он необходим нам больше чем флоту и армии, потому что на войне наша работа делается главным образом личностями».

17 сентября в статье, написанной для Evening Standard, Черчилль призвал Гитлера прекратить преследование иудеев, протестантов и католиков. В противном случае, писал он, Германия не может рассчитывать ни на возврат своих довоенных колоний, ни на британскую финансовую помощь. Впрочем, закончил он примирительно: «Можно не любить систему, созданную Гитлером, но нельзя не восхищаться его патриотизмом. Если бы наша страна потерпела поражение, надеюсь, у нас нашелся бы такой же неукротимый борец, который возродил бы в нас смелость и вернул на прежнее место в ряду наций».

Он выражал надежду, что «фюрер Германии теперь станет «мирным Гитлером», поскольку, – разъяснял Черчилль, – когда человек ведет отчаянную борьбу в условиях конфликта, он сжимает зубы и сверкает глазами. В борьбе гнев и ненависть придают ему силу. Но успех смягчает, а новые условия требуют сохранить то, что было завоевано в борьбе».

Впрочем, из частной переписки Черчилля видно, что он совершенно не верил в «смягчение» Гитлера и считал ситуацию очень серьезной. 23 сентября он писал из Чартвелла лорду Линлитгоу: «В 1938 г. мы увидим Германию еще сильнее в сравнении с британскими военно-воздушными силами и французской армией, чем сейчас. Хотя не думаю, что в этом году будет большая война, поскольку французская армия сейчас столь же сильна, как немецкая, и гораздо опытнее. Но в следующем году или еще через год находящиеся под властью

диктаторов страны вооружатся до такой степени, что смогут решить свои внутренние проблемы. К этому времени мы должны уже быть готовы. Что касается лично меня, то я живу совершенно безмятежно. Занимаюсь живописью и работаю над Мальборо, почти не выходя из сада с тех пор, как закрылась сессия парламента».

3 октября Черчилль пригласил Идена с его группой «За свободу и мир» на завтрак в «Савой». Многие из этой группы имели влияние в лейбористских и либеральных кругах. «Конечно, – иронизируя, написал Черчилль, – у нас всегда был некоторый процент живых консерваторов. Тем не менее без поддержки профсоюзов наша программа вооружения не может быть выполнена. Этот аспект исключительно важен. Вполне возможно, что в будущем профсоюзы отмежуются от политических партий, и это станет огромным выигрышем для нашей политической жизни».

4 октября собрание журнальных статей Черчилля вышло отдельной книгой под названием «Великие современники». Она охватывала всю его жизнь и содержала глубокие и увлекательные очерки о таких влиятельных персонажах, как Розбери, Бальфур, Асквит или бывший кайзер. По просьбе Министерства иностранных дел он смягчил очерк о Гитлере для журнала Strand. Но ни это, ни вполне миролюбивая статья в Evening Standard не означали перемен во взглядах Черчилля. 23 октября он написал Лондондерри, который уверял, что дружба с Германией по-прежнему возможна: «Не ждите, что для английского народа станет сколько-нибудь привлекательна нацистская нетерпимость, даже если со временем она несколько стихнет. С другой стороны, все мы хотим жить в дружбе с Германией. Мы знаем, что лучшие немцы стыдятся нацистского варварства и не признают его языческой жестокости».

«Мы, разумеется, не хотим вести политику, враждебную законным интересам Германии, – говорил Черчилль одному своему старому другу, – но вы должны осознавать, что, когда немецкое правительство говорит о дружбе с Англией, оно имеет в виду, что мы вернем им их бывшие колонии, а заодно согласимся предоставить им свободу действий в Центральной и Восточной Европе. Это означает, что они поглотят Австрию и Чехословакию в качестве предварительного шага по созданию гигантского центральноевропейского блока. Очевидно, что не в наших интересах потворствовать подобной агрессивной политике. Было бы крайне ошибочно и цинично покупать

безопасность для себя за счет малых стран Центральной Европы. Не говоря уже о том, что способствовать установлению нацистской тирании над демократическими странами противоречит общественному мнению Британии и Соединенных Штатов».

Лондондерри Черчилль писал: «В настоящее время Германия, судя по всему, ведет такую политику, результатом которой станет агрессия и затем неизбежная аннексия своих маленьких соседей. Этим я не готов восхищаться. Германии очень легко добиться лояльности Британии: для этого ей просто не следует совершать преступлений. Остается только надеяться, что по прошествии времени диктаторы исчезнут, как и другие уродливые порождения катастрофы», – заключил Черчилль.

12 октября на обеде в Лондоне Черчилль в частной беседе выразил общее беспокойство по поводу слабости противовоздушной обороны. Присутствовавший на обеде Хенки написал Инскипу: «По тому, что я слышал от мистера Уинстона Черчилля, витийствовавшего на обеде в Тринити-хаус, я бы сказал, что у него довольно тонкое понимание ситуации, хотя позже он сказал мне, что не может использовать свои данные в парламенте при нынешнем опасном положении в мире».

В тот же день Черчилль получил письмо от полковника авиации Маклина, в котором сообщалось о предстоящем визите в Британию германской авиационной миссии во главе со статс-секретарем Министерства авиации генералом Мильхом. Маклин отправил Черчиллю и официальную записку с директивой главного маршала авиации Эдгара Ладлоу-Хьюитта о том, что собираются показать Мильху: «Мы должны собрать достаточно самолетов и устроить своего рода спектакль».

Министерство авиации решило позволить немецкой миссии проинспектировать по одному экземпляру каждого современного самолета. Так как ни один из них не был полностью укомплектован ни приборами ночного видения, ни турелями, министерство приняло меры, чтобы, во-первых, получить по одной полностью оборудованной машине каждого типа и, во-вторых, специально подготовить летчиков для демонстрационных полетов. «Вот дивная демонстрация состояния вооружений и летной подготовки!!!» – заметил Маклин.

Вдохновленный интересом, проявленным Хенки во время обеда, Черчилль послал ему копию письма Маклина, которого, не называя имени, назвал «высокопоставленным штабным офицером королевских ВВС». Сделав на письме пометку: «Секретно. Лично», Черчилль написал: «Как малую толику

сведений о состоянии наших ВВС, посылаю вам приложенный текст. Это только для вашего личного осведомления, а наша дружба и ваша честь порукой, что происхождение его останется тайной. Но взгляните на факты! Мы пригласили к себе немецкую миссию – не представляю зачем. Прибывают весьма компетентные люди, а нами прилагаются отчаянные усилия, чтобы устроить мистификацию. Надо показать турель, как будто производство таких вещей у нас обычное дело. Нужно ли вообще ее показывать? Вы увидите, что была послана телеграмма одному из немногих, кто знаком с этой турелью, чтобы он организовал демонстрацию. Вы также узнаете, какие чувства испытывали высшие офицеры, которые должны в этом участвовать. Из заявления, сделанного офицером ВВС, вы узнаете, что его заставили взяться за подготовку этого спектакля, узнаете, как сложно поднять в воздух чуть больше ста самолетов, подавляющая часть которых (как без труда заметят немцы) вряд ли сможет достичь берегов Германии с грузом бомб».

Призывая Хенки принять меры, Черчилль писал: «Я помню, что вы сыграли существенную роль в спасении страны посредством создания системы конвоев. При удобном случае я мог бы раскрыть вам ужасающее состояние военной авиации, и никто не был бы рад больше меня, если бы мои сведения были опровергнуты. Но на вас лежит большая ответственность, возможно уникальная, вот почему я передаю дело в ваши руки. Пожалуйста, – закончил он, – верните мне документы, когда закончите работать с ними, поскольку я намерен подготовить меморандум премьер-министру. Разумеется, это не для публичного рассмотрения».

Хенки на некоторое время озаботился недостатками в программе перевооружения. Но главным образом он был возмущен, что Черчилль имеет доступ к секретной информации. Его ответ представлял собой развернутый, на восьми страницах, упрек: «Не стану в нынешних обстоятельствах выяснять, кто был вашим информатором, – написал Хенки, – но, не скрою, весьма встревожен тем фактом, что вы получаете так много закрытых сведений. Мы с вами старые друзья, – продолжал Хенки. – Мы вместе охотились в опасных и трудных условиях. Я всегда ценил вашу дружбу. Частые похвалы от того, кем я безмерно восхищаюсь, были и остаются для меня огромной поддержкой, тем более в такие тревожные времена, которые мы переживаем. Поэтому я чувствую, что могу совершенно прямо сказать вам, что думаю по данному поводу. Меня поражает, что высшие офицеры непосредственно общаются с одним из ведущих государственных деятелей, который, при всем его патриотизме,

ни у кого не вызывающем ни малейшего сомнения, тем не менее рассматривается всеми как критик тех ведомств, в которых служат эти офицеры. Закулисная информация может только подпитывать недоверие и оказывать разрушительное действие на дисциплину». Он предложил Черчиллю дать своим информаторам «дружеский совет»: во-первых, в интересах армии, а во-вторых, их собственной карьеры и репутации, чтобы они обращались не к нему, а к своим непосредственным начальникам. Обескураженный отповедью Хенки, Черчилль коротко ответил: «Мой дорогой Морис, я, по правде говоря, не ожидал получить от вас многословного поучения, тем более что, вопреки своему обыкновению, строго конфиденциально передал вам сведения в интересах общества. Благодарю вас за то, что вернули бумаги, и можете быть уверены, что я больше не побеспокою вас таким образом. Искренне ваш, Уинстон С. Черчилль».

Черчилль отправил свой ответ Хенки 21 октября. Ему было неизвестно, что за девять дней до этого секретный документ о состоянии британской авиации вызвал панику в правительственных кругах и привел к внутреннему конфликту. Это был меморандум штаба ВВС, который Суинтон раздал членам кабинета министров. В нем сообщалось, что к декабрю 1939 г. Германия будет располагать 3240 самолетами против всего лишь 1736 британских. Суинтон отмечал: «Всем совершенно очевидно, что британские противовоздушные комплексы не будут оснащены согласно программе до 1941 г. Причем, по оценке подкомитета по обороне, даже выполнение этой программы не обеспечит достаточной безопасности. Таким образом, к 1939 г. мы не достигнем паритета с Германией в ВВС, что провозглашалось целью правительства его величества и было обещано стране мистером Болдуином».

Убедившись, что Британия не сможет догнать Германию в авиационной гонке, Черчилль направил всю свою энергию на создание единого фронта против нацизма. Присутствуя на завтраках неформальной организации «Свобода и мир», он расширил контакты как среди лейбористов, так и среди соратников по Консервативной партии. 2 ноября он свел в отеле «Савой» министра иностранных дел Энтони Идена и мэра Манчестера, социалиста Джозефа Тула. «У нас тут маленький «центр», – объяснял Черчилль лорду Дерби, – который добивается, чтобы все партии, особенно левые, выступили за перевооружение Британии, объединение западных демократий (Франции и Британии) и обеспечение мира посредством усиления британского военного могущества».

В письме лорду Линлитгоу от 3 ноября Черчилль с горечью отмечал: «Смертельными для нашей политики были 1934 и 1935 гг. Я ожидаю, что в ближайшем будущем мы испытаем последствия этих лет». Но он не собирался предаваться отчаянию. «Наш народ един, дух его крепок и здоров, – писал он. – Народ готов защищать дело Свободы ценой жизни. Соединенные Штаты, насколько можно судить, подают нам обнадеживающие сигналы. Мы должны отстаивать свое дело изо всех сил, каждый на своем месте, большом или маленьком. Я хочу, чтобы Британская империя еще несколько поколений сохраняла свою мощь и блеск. Но только чудо и британский гений позволят добиться этого», – добавил он.

В конце ноября лорд Галифакс посетил Гитлера. Этот визит обозначил поворот в правительственной политике миротворчества. Отчитываясь перед кабинетом министров 24 ноября, Галифакс отметил, что «встретился с дружелюбием и хорошим отношением». Впрочем, он допустил, что его оценка может быть ошибочной. «Немцы, – отметил он, – не сторонники политики быстрых авантюр, и с Чехословакией все будет хорошо, если она с пониманием отнесется к их желанию восстановить свои границы». В заключение Галифакс сказал коллегам, что предвидит «настойчивость Германии в преследовании своих целей в Центральной Европе, но не в такой форме, которая дала бы другим странам повод вмешаться. Гитлер, – заявил он, – предложил двигаться к разоружению и резко критиковал распространенные разговоры о неминуемой катастрофе, поскольку он не считает, что мир находится в опасности».

Чемберлен поддержал Галифакса, сказав, что по отношению к Лиге Наций он придерживается того же взгляда, что и Гитлер: «В настоящее время она выглядит мошенницей, в частности делая вид, что способна навязать свою точку зрения силой».

Обеспокоенный нарушением баланса сил, Черчилль сказал генералу Айронсайду, заехавшему к нему в Чартвелл 5 декабря: «Хотя в настоящий момент французская армия представляет собой великолепную машину и останется таковой и в 1938 и 1939 гг., но в 1940 г. призыв в Германии будет вдвое большим, чем во Франции». Черчилль и Айронсайд сошлись на том, что 1940 г. будет «очень тяжелым для нас периодом».

Черчилль произвел на Айронсайда большое впечатление. «Возраст не сказался на его пламенной энергии и ясности сознания, – записал он в своем дневнике. – Его совершенно не пугают наши трудности. Он говорит, что наши правители испуганны. Он сказал, что иногда ночью не может заснуть из-за

мыслей о том, что нам угрожает, о том, что наша прекрасная империя, строившаяся так долго и упорно, может быть в одну минуту уничтожена».

Визит Галифакса к Гитлеру обсуждался в палате общин 21 декабря. Чемберлен не считал это обсуждение необходимым. «Так трудно сказать что-нибудь приятное и так легко наговорить кучу такого, что приносит боль», – сказал он. Черчилль же выказал недовольство визитом Галифакса в Берлин и заговорил о преследовании евреев в Германии. «Это ужасно, – заявил он, – что целую человеческую расу пытаются выкинуть из общества, в котором эти люди родились. Нам надо помнить, насколько остра сейчас ситуация. Если кто-то думает, что мы создадим себе благоприятные условия либо за счет маленьких стран, либо идей, которые дороги миллионам людей в любой стране, надо иметь в виду, что в Европе звучит набат. Именно поэтому визит лорда Галифакса вызвал, как всем известно, большое беспокойство в самых разных странах, перед которыми у нас нет иных обязательств, кроме тех, которые предписывает устав Лиги Наций».

Для любой страны, объяснял Черчилль палате, было бы роковой ошибкой «подбрасывать часть своей территории в топку кипящего нацистского котла». После этого он вернулся к теме отношений с Францией как краеугольному камню безопасности Великобритании. «Наши отношения, – заявил он, – основываются на мощи французской армии и мощи британского флота. Британия и Франция, несмотря на отставание в перевооружении авиации, представляют собой такую силу, которая, вероятнее всего, останется непревзойденной, во всяком случае в обозримое время». В конце своей речи Черчилль вновь подчеркнул, что недопустимо игнорировать нравственные силы общества: «Пять лет подряд я просил парламент и правительство ускорить производство оружия, но при этом я совершенно уверен, что одно лишь оружие никогда не защитит нас от испытаний, которые нам, вероятно, предстоят».

Правительство Чемберлена проводило политику, диаметрально противоположную той, к которой призывал Черчилль. 22 декабря Инскип излагал кабинету, какую опасность несет рост расходов на оборону. «Жизненно важно, – сказал он, – сохранить британскую систему кредитования и сальдо торгового баланса. В перспективе экономическая стабильность страны может рассматриваться как четвертый род вооруженных сил, без которого чисто военные действия будут невозможны». Другим доказательством вредности увеличения военных расходов, убеждал Инскип, является британская внешняя политика,

направленная на изменение нынешних приоритетов в отношении потенциальных врагов. В противоположность сотрудничеству с Францией, на чем настаивал Черчилль, это означало отказ от какой-либо роли континентальной армии, основной задачей которой должна была стать оборона метрополии и колоний. В довершение всего Инскип утверждал: «Германия гарантировала нерушимость и целостность бельгийской территории, и, похоже, нет серьезных оснований сомневаться, что в ее интересах не придерживаться этой договоренности».

Чемберлен поддержал Инскипа: он больше не считал, будто равенство с Германией в воздухе необходимо, аргументируя это тем, что, по его словам, «ни одно обязательство не бывает вечным». Таким образом, обещание Болдуина официально, хотя и тайно, было отменено. А после того как сэр Джон Саймон выступил против вложения денег в «избыточное производство», Галифакс подвел итог дискуссии, объявив коллегам, что «чрезвычайно важно добиваться дальнейшего прогресса в отношениях с Германией».

Черчиллю было шестьдесят три года. 2 января 1938 г. он снова покинул Англию, чтобы провести праздник у Максин Эллиотт в ее замке Шато-де-л'Оризон. Там он продиктовал последние главы заключительного, четвертого тома биографии Мальборо. По свидетельству Вайолет Пирман, работал он так напряженно, что у него даже не было времени на живопись. Отправляясь во Францию, он выглядел очень усталым, но во время работы, казалось, к нему возвращались силы. «Мистер Черчилль выглядит лучше даже после такого короткого отдыха», – писала Вайолет Пирман Линдеману.

Когда Черчилль вернулся в Чартвелл, его ждала новая информация о проблемах подготовки летчиков. Ее сообщил ему Маклин, которого он снова пригласил к себе. Друг Уигрэма Майкл Кресуэлл, два с половиной года проработавший в британском посольстве в Берлине, тоже просил о встрече, чтобы обсудить последние данные о состоянии немецкой армии.

В конце января полковник авиации Фрэнк Дон, три с половиной года отслуживший атташе в берлинском посольстве, сумел в обход Министерства авиации передать Черчиллю новейшие сведения о подготовке Германии к войне в воздухе. Кабинет министров, правда, тоже располагал этими сведениями, но тем не менее отверг предложения Суинтона перестроить в связи с этим работу штаба ВВС.

27 января в качестве первого шага, направленного на то, что он называл «общим успокоением» напряженности в Европе,

Чемберлен предложил комитету по внешней политике при кабинете министров «абсолютно новую главу», как он выразился, в развитии африканских колоний: Германию, по его выражению, следовало «втянуть» в урегулирование ситуации, придав ей статус одной из колониальных держав в Африке.

Чемберлен, кроме того, надеялся завоевать и дружбу Муссолини. На заседании кабинета министров 16 февраля стало ясно, что Иден с его жесткой позицией по отношению к Италии не получит поддержки Чемберлена. Разногласия, ставшие известными многим парламентариям, достигли кульминации 17 февраля на заседании «заднескамеечного» Комитета по иностранным делам. Черчилль участвовал в нем, выступив в поддержку Идена. По воспоминаниям последнего, он предложил комитету «в трудное время сплотиться вокруг» Идена и сказал коллегам по палате общин: «Если сейчас мы проявим слабость, то в будущем риск войны неизмеримо вырастет».

Упорно стремясь добиться дружбы с Италией, Чемберлен решил начать переговоры с Муссолини. Оказавшись в одиночестве, Иден подал в отставку. Черчилль в это время был в Чартвелле и как раз беседовал с полковником авиации Доном, когда пришло известие об отставке Идена. «Должен признаться, – писал он позже, – что сердце у меня упало. На мгновение захлестнуло темное отчаяние». Иден, легковесности которого он прежде опасался, теперь был единственной сильной фигурой, противостоящей зловещей, унылой беспомощности и неизбежной сдаче позиций. В ту ночь Черчилль не смог заснуть. «С полуночи до рассвета лежал в постели, – вспоминал он, – снедаемый чувством горечи и страха. Я глядел, как в окна медленно просачивается дневной свет, и перед моим мысленным взором возникало видение Смерти».

Хенки смотрел на вещи совсем иначе. Он сказал одному своему другу, что в то утро проснулся «со странным чувством облегчения», и объяснил, что Чемберлен «стремится улучшить отношения с Италией и по возможности с Германией». 21 февраля на обсуждении отставки Идена Черчилль говорил и об Италии, и о том, что 16 февраля Гитлер вынудил австрийское правительство поручить Министерство внутренних дел австрийскому нацисту. «Эта неделя была хорошей для диктаторов, – сказал он. – Одна из лучших во все времена. Немецкий диктатор наложил свою тяжелую руку на маленькую, но имеющую великую историю страну, а итальянский диктатор завершил свою вендетту победой над моим почтенным другом, бывшим министром иностранных дел. Конфликт между итальянским диктатором и моим почтенным другом был долгим.

Однако нет сомнения в том, кто победил. Победил синьор Муссолини. Вся мощь и величие Британской империи не обеспечили защиту моему другу. Синьор Муссолини заполучил его скальп».

Черчилль заявил палате общин, что Чемберлен действует, «надеясь смирением, затрагивающим даже не эмоции и гордость нации, но чисто материальные интересы, сохранить мир». Продолжая свою речь, он сказал: «Какую цену мы все заплатим за это? Никто не может подсчитать. Но малые страны Европы сделают выводы и встанут на сторону силы. Я предсказываю, что раньше или позже придет день, когда вам придется подниматься на борьбу, и я молю Бога, чтобы, когда этот день придет, не оказалось, что из-за неумной политики мы останемся в одиночестве». Эти заключительные слова многих заставили содрогнуться.

Yorkshire Post писала, что «Черчилль, как и во многих других случаях, вызвал у людей по всей стране чувство тревоги и растерянности». A Evening Standard не только не поддержала призыв Черчилля к коллективным действиям, чтобы предотвратить агрессию Германии, но, напротив, даже расторгла договор с ним на две статьи в месяц. Зато Daily Telegraph, выступавшая против правительственной политики и принадлежавшая другу Черчилля лорду Кэмрозу, согласилась раз в две недели печатать тексты Черчилля.

26 февраля Чемберлен назначил Галифакса преемником Идена на посту министра иностранных дел. После этого Гитлер стал еще сильнее давить на Австрию, стремясь включить ее в состав Германского рейха. В ответ на это давление премьер-министр Австрии Курт фон Шушниг назначил плебисцит: Австрия должна была ответить, хочет она сохранить свою независимость или нет. 11 марта Галифакс телеграфировал Шушнигу: «Британия не может взять на себя ответственность за советы, способные поставить страну под угрозу, защиту от которой правительство его величества гарантировать не может». Во второй половине того же дня, после того как Италия объявила, что не предпримет ничего в поддержку независимости Австрии, Шушниг подал в отставку, а в десять часов вечера немецкие войска пересекли австрийскую границу. В течение двадцати четырех часов были арестованы и отправлены в концлагеря тысячи противников нацистского режима. Сотни были расстреляны. Десятки тысяч либералов, демократов, социалистов и евреев вынуждены были бежать.

14 марта во время дебатов по Австрии в палате общин

Чемберлен пообещал коренной пересмотр британских оборонных программ. Черчилль приветствовал обещание, но предупредил: «Если это слишком затянется, есть риск дойти до такой точки, когда продолжительное сопротивление и подлинная коллективная безопасность станут невозможны. Тяжесть событий 11 марта нельзя преуменьшать, – продолжал он. – Европа столкнулась с хорошо продуманной и рассчитанной программой агрессии, и выбор может быть один – не только для нас, но и для других стран, которые имели несчастье быть втянутыми в это, – либо подчиниться, как Австрия, либо, пока еще остается время, принять действенные меры, чтобы предотвратить опасность. А если предотвратить ее уже не удастся, то справиться с ней».

Дальше Черчилль заговорил о Чехословакии, стране, которая, похоже, станет следующей жертвой и которая производит вооружения, необходимые для обороны Румынии и Югославии. В результате аннексии Австрии Чехословакия оказалась в политической и экономической изоляции. Теперь она окружена Германией с трех сторон, и ее коммуникации, ее торговля под угрозой. «Для английского уха, – сказал он, – слово «Чехословакия» звучит чужеродно. Разумеется, это всего лишь маленькое демократическое государство, но у нее есть мужественный народ, у нее есть договорные права и линия укреплений и твердая воля жить свободно».

Черчилль опасался, что одного лишь обещания Чемберлена ускорить перевооружение будет недостаточно для сохранения мира. Он считал, что маленькие европейские государства должны быть включены в систему коллективной безопасности и должны ощущать, что могут положиться на слово Британии. Обращаясь к скамьям консерваторов, Черчилль сказал: «Я знаю, некоторые из моих уважаемых друзей с этой стороны палаты будут смеяться, когда я предложу им этот совет. Тем не менее я говорю: «Смейтесь, но выслушайте». Я заявляю, что правительство должно самым твердым образом выразить нашу приверженность уставу Лиги Наций и нашу решимость добиваться в Европе власти закона».

Черчилль призвал к заключению договора о взаимной защите от агрессии, организаторами которого выступят Британия и Франция. «Если будут согласованные планы, – сказал он, – если они будут соответствовать уставу Лиги Наций и способствовать выполнению задач и принципов, заявленных ею; если все это будет опираться, как и должно, на нравственное чувство всего мирового сообщества и если это будет сделано в 1938 г., – а поверьте мне, сейчас у нас, возможно, последний шанс сделать

это, – тогда я скажу, что даже теперь вы смогли бы остановить приближающуюся войну. Пока еще есть надежда реализовать этот план, в котором, чего я вовсе не намерен скрывать, имеется элемент риска, пусть те, кто отвергают его, хорошо и честно обдумают, что случится с нами, если мы останемся в одиночестве».

«Уинстон произнес речь своей жизни», – записал вечером в дневнике Гарольд Николсон, а газета Star заявила в редакционной статье: «Мы благодарны, что хотя бы один человек громко высказался в парламенте, и его речь соответствовала моменту».

В то самое время, когда Германия аннексировала Австрию, правительство открыто дезавуировало обещание Болдуина, гарантировавшего паритет военно-воздушных сил. Относительно того, что к 1937 г. будут готовы 1500 самолетов, Инскип сказал в палате общин: «Это обещание не сопровождалось другим обещанием – что машины эти будут современными. Все отлично знали, что они будут устаревшими». Инскип также раскрыл решение кабинета министров не отождествлять общий паритет в воздухе с паритетом первой линии обороны.

Пораженный этим признанием Инскипа, Черчилль заявил: «Я считаю совершенно недопустимым, что после того, как все было тщательно продумано и принято правительством, теперь нам предлагают абсолютно новый и нечеткий план. Я убежден, что не следует принимать этот план, пока правительство не докажет, что не способно выполнить свое прежнее обещание».

18 марта в последней статье для Evening Post Черчилль призвал правительство присоединиться к недавнему заявлению Франции, что она поможет Чехословакии, если та станет жертвой агрессии. Но у британского правительства были иные планы. В тот же день на заседании правительственного Комитета по иностранным делам Инскип назвал Чехословакию «неустойчивым образованием в Центральной Европе» и сказал, что «не видит причин, по которым Британия должна предпринимать какие-либо шаги, чтобы сохранить существование подобного образования».

Комментируя заявление Франции в поддержку территориальной целостности Чехословакии, Чемберлен, как было записано в протоколе, задал вопрос: «Нельзя ли прийти к соглашению, более приемлемому для Германии?» Чехословакию, по его мнению, следовало просить пойти на некоторые территориальные уступки Германии за счет приграничных немецкоговорящих районов – Судетских гор, хотя

эти горы образовывали естественную линию обороны Чехословакии и обеспечивали ей значительную долю полезных ископаемых и соответственно промышленных ресурсов.

Несмотря на значительные разногласия между Черчиллем и Чемберленом, некоторые в Уайтхолле считали, что теперь следовало бы предложить Черчиллю министерский портфель. Ходили слухи о назначении его министром авиации. Среди сторонников этого был Томас Джонс, бывший заместитель секретаря кабинета министров. 20 марта он написал одному из своих друзей, что «могучую энергию Черчилля скоро почувствуют все в департаменте вплоть до машинисток и курьеров. Но что касается политики, – уточнил Джонс, – его следовало бы держать на цепи».

Чемберлен, однако, не собирался вводить Черчилля в правительство. Они с Галифаксом единодушно отвергли и его призыв к союзу с Францией. 21 марта Галифакс заявил на заседании комитета по внешней политике: «Абсолютное большинство ответственных людей в стране было бы против новых назначений». Того же мнения держался и Чемберлен. Черчилль же, после того как Гитлер стал хозяином Австрии, вслед за чем разразился шквал античешской пропаганды, уверился, как он заявил в палате общин 24 марта, что мир в Европе можно сохранить, лишь «наращивая средства устрашения агрессора». Комментируя сделанное ранее в ходе дебатов заявление Чемберлена, что Франция и Великобритания будут сотрудничать в интересах взаимной безопасности, он спросил: «Идет ли речь о полноценном союзе? Если да, то почему бы не сказать об этом? Почему бы не сделать его эффективным, подписав военный договор? Или мы снова получим все невыгоды союза, без обязательств и без гарантий?»

Черчилль верил, что англо-французское соглашение о взаимной обороне обеспечит безопасность как Британии, так и Франции, и обратился к правительству: «Подходите к оборонным задачам обеих стран так, будто это одна страна. Тогда будут реальные возможности предотвращения агрессии, а если они и не предотвратят ее, у вас будет высокоорганизованный военный механизм для борьбы. Нынешним правителям Германии придется основательно подумать, прежде чем напасть на Британскую империю и Французскую Республику, если они объединятся в одно мощное образование». Затем он перешел к Чехословакии и заявил, что, если не оказать сопротивления Германии, «Чехословакия будет обречена. Она потеряет суверенитет, территориальную целостность и будет уничтожена. Сложилась ситуация, когда

победители побеждены, а те, кто капитулировал и умолял о мире, теперь движутся к всемирному господству».

Галифакс опять с ним не согласился. За неделю до этого он говорил коллегам: «В глубине души я понимаю стремление Германии к объединению нации. Против этого никто не может возражать. В страсть же к завоеваниям в наполеоновских масштабах я не верю».

На следующий день после своего выступления Черчилль улетел в Париж и к неудовольствию Галифакса заявил всем ведущим французским политикам о необходимости заключить между странами союз, который стал бы опорой для центральноевропейских и Балканских государств. «Если сломается Франция, – написал он 14 апреля в первой из своих статей для Daily Telegraph, – сломается все, и тогда нацистское владычество в Европе, а возможно, и во всем мире, станет неизбежным».

Спустя месяц Черчилль принял Конрада Хенлейна, лидера судетских немцев. Хенлейн сказал Черчиллю, что готов согласиться с автономией Судет в существующих границах Чехословакии: в этом случае сохранялась бы территориальная целостность страны. Тремя днями позже, выступая в Бристоле, Черчилль заявил, что не видит причин, по которым судетские немцы не могли бы стать «надежными и уважаемыми партнерами в составе прогрессивного и демократического европейского государства».

В мае, невзирая на постоянное давление Суинтона и Даффа Купера, правительство отклонило план ускоренной реорганизации Министерства авиации – даже такой, которая не дотягивала до минимально необходимых, по мнению штаба ВВС, потребностей. 16 мая, не сумев убедить Чемберлена, а также из-за обвинений в некомпетентности своего министерства Суинтон подал в отставку. Через две недели, выступая в Шеффилде, Черчилль сказал: «Теперь признано, что такая жизненно важная область, как военно-воздушные силы и армия, находится в удручающем состоянии и не соответствуют сложившейся ситуации. Министра авиации лорда Суинтона вынудили подать в отставку, но я скажу вам: по моему мнению, среди всех ответственных лиц он единственный, кто меньше всего заслуживает упреков. Он работал днем и ночью. Он сделал великое дело, и его вклад в перевооружение куда больше, чем у некоторых, которые теперь занимают высокие государственные посты».

19 августа Черчилль принял в Чартвелле майора немецкой армии Эвальда фон Клейста, принадлежавшего к тем

антинацистски настроенным офицерам, которые выступали против нападения Германии на Чехословакию. Фон Клейст попросил Черчилля написать письмо, которое он мог бы показать своим товарищам-офицерам. «Я уверен, что пересечение немецкой армией чехословацкой границы приведет к новой мировой войне, – написал Черчилль. – Я уверен в этом, так же как был уверен в конце июля 1914 г., что Британия выступит вместе с Францией. К тому же Соединенные Штаты, несомненно, придерживаются антинацистских позиций. Если начнется война, она, как и предыдущая, приведет к горькому финалу. Нам теперь надо думать не о том, что может случиться в следующие несколько месяцев, а о том, где мы окажемся по истечении трех-четырех лет».

Что касается немецких бомбардировок с воздуха и отказа Болдуина перевооружать британскую армию, то, как объяснял Черчилль Клейсту: «Было бы большой ошибкой полагать, что гибель гражданского населения помешает Британской империи на полную мощь развернуть свою военную программу. Конечно, поначалу нам будет тяжелее, чем в прошлый раз. Но научные достижения позволят нам доминировать под водой, и у нас будет свобода действий на воде, а также поддержка большей части мира. Чем более массовой станет гибель людей, тем более непримиримой будет становиться война. Очевидно, что в нее будут втянуты все великие державы, а втянувшись, они будут сражаться до победы или гибели».

В течение лета 1938 г. Черчилль работал в Чартвелле, заканчивая четвертый, последний том «Мальборо». Он также завершил первую главу «Истории англоязычных народов». 20 августа он жаловался Галифаксу, что «ужасно запутался в древних бриттах, римлянах, англах, саксах и ютах, с которыми, как полагал, навсегда распрощался, закончив школу!».

Неделю спустя, когда продолжились переговоры между чехами и судетскими немцами, Чемберлен написал Черчиллю: «Последние сведения из Праги несколько обнадеживают». Черчилль не разделял его оптимизма. «Фальсифицированные истории о каком-то марксистском заговоре в Чехословакии, – сказал он 27 августа, выступая перед избирателями, – и призывы к судетским немцам вооружаться для самозащиты – это тревожные знаки, напоминающие то, что предшествовало захвату Австрии. Если это произойдет и немцы вторгнутся в Чехословакию, будет совершено преступление против цивилизации и всего мира. В каждой стране будут спрашивать себя: «Кто следующий?» Черчилль полагал, что Хенлейн

и президент Чехословакии Бенеш, если им не мешать, смогут уладить свои разногласия без всякой уступки земель в пользу Германии. Однако он опасался, что некие активные внешние силы со своими целями могут помешать соглашению. Переговорщик от Великобритании, бывший коллега Черчилля по Либеральной партии лорд Ренсимен, находился в Праге как посредник между обеими сторонами.

30 августа Галифакс сообщил кабинету министров, что обсуждал ситуацию с Черчиллем, который говорил о возможности совместной ноты ряда держав Берлину. Галифакс против этого резко возражал. «Если мы станем предлагать разным странам подписать совместную ноту, – говорил он, – то спровоцируем их на неудобные вопросы. Например, как мы поступим в случае немецкого вторжения в Чехословакию?»

Чемберлен поддержал Галифакса. «Политика экстраординарных заявлений или тем более угроз, – заявил он, – приведет к разобщению страны и всей империи. Война не является надежным средством решения сложных вопросов, и министры оборонных ведомств не должны рассматривать ее в этом смысле».

Потом перед членами правительства выступил Инскип. «Говоря о войне, нужно иметь в виду следующее, – сказал он. – Британия не достигла максимальной готовности и не достигнет еще год или даже больше. Мы не сможем выставить армию в течение многих месяцев. Не говоря уже о том, что в некотором смысле мы никогда не будем готовы к ней из-за естественной уязвимости нашего положения».

2 сентября вышел четвертый том книги Черчилля «Мальборо: его жизнь и время». В тот же день в Германии была объявлена мобилизация. Гитлер заявил, что судетские немцы нуждаются в защите от их чешских правителей. Черчилль написал журналисту Ричарду Фройнду: «У меня отчетливое убеждение, что вето Франции, Британии и России наверняка предотвратило бы катастрофу». Во второй половине дня советский посол Иван Майский приехал в Чартвелл и сообщил Черчиллю, что советское правительство намерено прибегнуть к статье 11 Устава Лиги Наций, в соответствии с которой страны – члены Лиги обязаны провести совместные консультации в случае угрозы войны.

Майский сообщил, что Советский Союз стремится обсудить с Британией и Францией меры по защите Чехословакии от нападения Германии. 3 сентября Черчилль послал Галифаксу отчет об этой беседе, однако два дня спустя в своем ответе

Галифакс выразил сомнение, что действия, предусмотренные статьей 11, принесут пользу. Воодушевление Черчилля не повлияло на правительство: оно не желало сотрудничать с Россией.

7 сентября, к изумлению и возмущению Черчилля, Times выступила за переговоры с Гитлером, исключив участие в них чехов. Не зная об этом, Черчилль в тот день приехал на Даунинг-стрит. «Он явился, – вспоминал позднее Хор, – с требованием немедленно объявить Гитлеру ультиматум. Он был убежден, что это наш последний шанс предотвратить катастрофу. По его сведениям, которые противоречили нашим, и Франция, и Россия были готовы напасть на Германию».

Уже ночью Черчилль позвонил Галифаксу и снова потребовал предъявить ультиматум. Ему не было известно, что накануне вечером Галифакс предупредил французское правительство, что «Британия не желает автоматически оказаться в состоянии войны с Германией из-за того, что Франция может быть вынуждена выполнять обязательства, которые Великобритания на себя не брала и которые значительная часть общества никогда не одобряла». Черчилль хотел, чтобы франко-советский пакт о взаимопомощи послужил краеугольным камнем для трехсторонних акций против Германии. Галифакс же был полон решимости избежать этого.

11 сентября Черчилль снова явился на Даунинг-стрит и сказал Чемберлену и Галифаксу, что необходимо проинформировать Германию о том, что, если она вступит на территорию Чехословакии, Британия немедленно объявит ей войну. Черчилль был уверен, что подобное заявление остановит Гитлера. Галифакс и Чемберлен опять не согласились. Они разделяли мнения автора передовицы в Times от 7 сентября по вопросу плебисцита в Судетской области, полагая, что его следует провести и признать результат, даже если он покажет желание большинства населения отделиться от Чехословакии. Вернувшись к себе, Черчилль написал лорду Мойну: «Из-за легкомысленного отношения к обороне и вообще ошибочного взгляда на германскую проблему в течение последних пяти лет мы, судя по всему, очень скоро окажемся перед безрадостным выбором между войной и позором. По моим ощущениям, правительство выберет позор, но затем, немного позже, получит и войну – только в еще более неблагоприятных условиях, чем нынешние».

Чемберлен считал, что войну можно предотвратить, если чехословацкое правительство пойдет на потерю Судет. 15 сентября он вылетел в горную резиденцию Гитлера,

Берхтесгаден в Баварских Альпах, где сказал тому, что в принципе ничего не имеет против отделения Судет от Чехословакии и поддержит плебисцит, который выразит настроение большинства ее жителей. «Если, как я того опасаюсь, правительство готово позволить, чтобы Чехословакию резали на куски, – написал Черчилль Ричардсу 17 сентября, после возвращения Чемберлена из Берхтесгадена, – нас, по моему мнению, ждет очень тяжелое время».

Черчиллю не сообщили, что утром того же дня Чемберлен предупредил членов правительства о нежелательности огласки того, что в последние дни судетские лидеры, которые ранее стояли за автономию, теперь фактически получают приказы из Берлина. «Если озвучить это в парламенте, – сказал Чемберлен, – то дискуссия приведет к срыву очень деликатных переговоров». Эти переговоры не касались собственно раздела Чехословакии – на это Чемберлен уже пошел в Берхтесгадене, речь теперь шла лишь о деталях организации плебисцита и сроках передачи территории.

21 сентября в условиях строжайшей секретности правительства Великобритании и Франции убеждали Бенеша согласиться на передачу Судет Германии. В случае отказа, говорили они ему, возникнет ситуация, за которую Франция и Великобритания не смогут нести ответственность.

Не подозревавший об этом Черчилль был уверен, что, если Бенеш примет решение сопротивляться немецкому вторжению, Великобритания и Франция окажут поддержку. В тот же день он даже собирался отправить Бенешу телеграмму: «При необходимости открывайте огонь. Все будет хорошо». Телеграмма эта все же не была послана, поскольку, как позже объяснил Черчилль, он «понял, что вторгается в вопросы, ответственность за которые брать на себя не имеет ни права, ни власти».

Этой же ночью Черчилль набросал заявление для прессы. «Гибель Чехословакии, – писал он, – поставит Великобританию и Францию в очень уязвимое и опасное положение. Разрушение Чехословакии означает высвобождение двадцати пяти немецких дивизий, которые будут угрожать Западному фронту. К тому же это откроет нацистам путь к Черному морю. Под угрозой не только Чехословакия, но свобода и демократия во многих странах. Рассчитывать, что можно обезопасить себя, бросив маленькую страну на растерзание волкам, – это роковое заблуждение. К тому же надо иметь в виду, что военный потенциал Германии вырастет быстрее, чем Франция и Великобритания смогут завершить оборонные мероприятия».

22 сентября Чемберлен снова вылетел в Германию. В Бад-Годесберге на Рейне он сообщил Гитлеру о разработанном в Лондоне англо-французском плане, предполагавшем проведение плебисцита и передачу Судетской области Германии в случае положительного решения населения. О деталях этого плана Черчилль узнал, приехав во второй половине того же дня на Даунинг-стрит. Тогда он пригласил на встречу нескольких друзей из числа пэров и членов парламента, среди которых были лорд Ллойд, Арчибальд Синклер, Брендан Брекен и Гарольд Николсон, также предчувствовавшие, что Чехословакию собираются бросить на произвол немцам. «Жду лифта, чтобы подняться, – позже записал в дневнике Николсон. – Из такси выходит Уинстон. Поднимаемся вместе. «Это ад», – говорю я ему. На что он отвечает: «Это конец Британской империи». Во время нашей встречи Черчиллю позвонил Клемент Эттли и сообщил, что оппозиция готова действовать заодно с нами, если мы хотим. Продолжаем беседу. Все сводится к одному: либо Чемберлен возвращается с миром и честью, и тогда мы его поддерживаем, но, если он возвращается с позором, мы прерываем переговоры и выступаем против него. «Давайте сформируем центр силы», – говорит Уинстон».

В Бад-Годесберге Гитлер потребовал от Чемберлена согласия на немедленную передачу Германии Судетской области. Тот пытался настаивать, что сначала надо провести плебисцит, но на второй день уступил требованию Гитлера: на территориях, где этнические немцы составляют больше 50 % населения, плебисцита вообще не должно быть. Чемберлен согласился и на передачу Германии всех чехословацких укреплений, вооружений и боеприпасов, находящихся в Судетской области.

Обещав Гитлеру настаивать, чтобы чехословацкое правительство приняло эти условия, Чемберлен вернулся в Англию и заявил ведущим министрам своего кабинета: «В определенной степени я добился влияния на Гитлера и удовлетворен тем, что он, дав слово, не берет его назад». Гитлер заверил Чемберлена, что не желает «иметь чехов» в Германии.

26 сентября Черчилль снова явился на Даунинг-стрит к Чемберлену и Галифаксу с идеей совместного заявления Великобритании, Франции и России о том, что они не позволят Гитлеру вторгнуться в Чехословакию. Как раз в этот момент Чемберлен давил на чехов, чтобы они удовлетворили требования Гитлера. Утром 28 сентября, когда выяснилось, что Чехословакия отвергла эти требования, Чемберлен отправил Гитлеру телеграмму с предложением организовать новую конференцию.

После полудня Чемберлен отчитывался в палате общин.

Во время выступления ему передали бумагу. Премьер-министр прервал речь и сообщил, что это послание от Гитлера, который приглашает его в Мюнхен на четырехстороннюю конференцию с участием Германии, Италии, Франции и Британии. Поднялся всеобщий шум, раздались аплодисменты. Чемберлен объявил, что принимает приглашение и летит в Мюнхен. Большинство парламентариев в восторге вскочили со своих мест. Черчилль, Иден, Эмери и Николсон остались сидеть. Когда Чемберлен уходил, Черчилль лишь пожал ему руку и пожелал счастливого пути.

29 сентября премьер-министр вылетел в Германию и к полудню был в Мюнхене. Он первым делом спросил Гитлера, будет ли участвовать в дискуссии чешская делегация, которая тоже прибыла в Мюнхен. Гитлер ответил отрицательно. Чехам пришлось ждать в отдельной комнате, пока за них решали их судьбу. Двенадцать часов Гитлер, Чемберлен, Даладье и Муссолини обсуждали детали и сроки передачи Судетской области Германии. Вскоре после полуночи чехам представили готовые договоренности, которые им оставалось принять или отвергнуть. Обсуждение условий не предполагалось.

Германская оккупация Судет должна была начаться на следующий день – незамедлительно и без плебисцита. Там, где немецкоязычное население не было преобладающим, следовало провести плебисцит. В передаваемых районах Германия получала все укрепления, вооружения и промышленные объекты.

Ночью, еще до того как новость о Мюнхенском соглашении дошла до Лондона, Черчилль находился в отеле «Савой» на ужине Другого клуба. Среди присутствующих был первый лорд Адмиралтейства Дафф Купер. Первые подробности из Мюнхена в «Савое» стали известны ранним утром. После этого Дафф Купер заявил, что выходит из правительства.

На улице Черчилль остановился у дверей какого-то ресторана, откуда доносилась музыка и смех. Повернувшись, он тихо сказал одному из знакомых: «Бедняги! Они не подозревают о том, что их ждет». В течение нескольких дней после возвращения Чемберлена из Мюнхена публика ликовала.

Через три дня в палате общин обсуждалось Мюнхенское соглашение. Подавший в отставку Дафф Купер выступал первым с разъяснением причин своего решения: «Премьер-министр считает правильным обращаться с Гитлером мягко, так сказать, на языке благоразумия. Я же полагаю, что он гораздо лучше понимает язык бронированного кулака». Чемберлен ответил:

«С тех самых пор, как я занял свой нынешний пост, главной моей целью стало умиротворение Европы, устранение подозрений и враждебности, которые так долго отравляли ее воздух. Путь, ведущий к успокоению, долог и тернист. Чехословацкий вопрос был последним и, возможно, самым опасным. Теперь, когда нам удалось решить его, я вижу возможность добиться дальнейшего прогресса на этом пути».

Однако не все члены парламента рассматривали Мюнхен как триумф. Лидер Лейбористской партии Клемент Эттли назвал его «унижением» и «победой грубой силы». Лидер либералов Арчибальд Синклер сказал: «Несправедливость по отношению к маленькой слабой стране и тирания свободного народа никогда не сможет стать основанием для прочного мира». Более тридцати консерваторов также выступили против соглашения; среди них были Иден, Эмери и сын Бонара Лоу Ричард.

Когда 5 октября Черчилль встал, чтобы выступить, он знал, что выразит недовольство многих людей. «Все кончено, – начал он. – Безмолвная, скорбная, брошенная, сломленная Чехословакия погружается во мрак. Она пострадала из-за своей связи с западными демократиями и Лигой Наций, положений и принципов которой всегда придерживалась. Мюнхенское соглашение – полный и безнадежный разгром. Чехословакия поглощена нацистским режимом. Когда Гитлер решит повернуть на Запад, Британия и Франция горько пожалеют о потере чехословацкой укрепленной линии обороны. Многие наверняка искренне полагают, что пожертвовали лишь интересами Чехословакии, в то время как мы серьезно затронули, а возможно, поставили под угрозу безопасность и даже независимость Великобритании и Франции».

Черчилль отказался принять декларацию, согласно которой Мюнхенское соглашение называлось триумфом британской дипломатии и, как полагал Чемберлен, открывало путь к снижению напряженности в Европе и даже к сближению Британии и Германии. Он резко заявил: «Мы стали свидетелями и участниками огромного бедствия, которое постигло Великобританию и Францию. Не будем же слепы. Следует признать, что страны Центральной и Восточной Европы, с которыми Франция связывала свою безопасность, сметены, и я не вижу средств, которые позволят им восстановиться. Дорога вниз по Дунаю к Черному морю, к зерновым и нефтяным ресурсам, дорога, ведущая к самой Турции, – все это открыто».

Гитлеру не придется сделать «ни единого выстрела», чтобы распространить свою власть на бассейн Дуная, предрекал Черчилль. «Вы будете наблюдать – день за днем, неделя

за неделей – полное отчуждение этих регионов. Во многих из этих стран, живущих теперь в страхе перед ростом нацистского могущества, уже есть прогерманские политики и правительства, но в Польше, Румынии, Болгарии и Югославии всегда были мощные народные движения, ориентировавшиеся на западные демократии и отвергавшие саму мысль, что на них может распространиться деспотическое тоталитарное правление. Они надеялись на поддержку, но их предали. Премьер-министр желает иметь сердечные отношения между нашей страной и Германией. Что ж, вовсе не трудно иметь сердечные отношения с немецким народом. Мы всем сердцем с ним. Но у него нет власти. Дипломатические и корректные отношения с Германией, конечно, возможны, но никогда не может быть дружбы между британской демократией и нацистской властью, властью, которая, забыв христианскую нравственность, бахвалится своим варварством, насаждает дух агрессии, получает извращенное наслаждение от преследования инакомыслящих и, как мы видели, не стесняется беспощадно и грубо угрожать силой. Эта власть не может быть другом британской демократии. Для меня нестерпимо сознание, что наша страна оказывается теперь под влиянием нацистской Германии, а наше мирное существование в значительной степени зависит от ее доброй воли или прихоти. Именно чтобы не допустить этого, – продолжал Черчилль, – я изо всех сил бился за укрепление нашей обороны – во-первых, за создание современных военно-воздушных сил, а во-вторых, за создание союзов и военных соглашений с целью соединить все возможности, чтобы остановить наступление этой власти – разумеется, в рамках Устава Лиги Наций. Все оказалось тщетным. Все было дискредитировано под благовидными и убедительно звучащими предлогами».

Свою речь Черчилль тем не менее закончил оптимистично: «Я не обвиняю наш храбрый народ, который готов любой ценой исполнить свой долг и который никогда не опускал руки. Я не могу обвинять его за естественное, спонтанное проявление радости и облегчения, когда он узнал, что в ближайшее время его не ждут суровые испытания. Однако он должен знать правду. Он должен знать, что нашей обороной недопустимо пренебрегали и что ей не хватает очень многого; он должен знать, что мы без войны потерпели поражение, последствия которого будут долго преследовать нас; он должен знать, что мы пережили ужасный этап нашей истории, когда равновесие Европы было полностью нарушено и западным демократиям были сказаны ужасные слова: «Ты взвешен на весах и найден очень легким». И не считайте, что это конец. Это лишь начало расплаты.

Это лишь первый глоток горькой чаши, которую мы будем пить год за годом, если только не встанем, как встарь, на защиту свободы, могучим усилием вновь обретя нравственное здоровье и энергию».

Один из министров Чемберлена, Малкольм Макдональд, позже вспоминал, как вспотели у него руки, когда он слушал эти слова Черчилля. Когда после дебатов объявили голосование, тридцать членов парламента от Консервативной партии воздержались. Тринадцать, включая Черчилля, демонстративно остались сидеть.

Торжествующий после аннексии Судетской области Гитлер теперь публично атаковал Черчилля, сказав на приеме в Мюнхене, устроенном в связи с годовщиной его первой попытки захватить власть: «У мистера Черчилля, может быть, 15 000 или 20 000 избирателей. А у меня их 40 миллионов. Мы требуем, чтобы к нам раз и навсегда перестали относиться как к дитяти, которого может отшлепать гувернантка».

Вернувшись в Чартвелл, Черчилль почувствовал себя разбитым. Полю Рейно, который ушел с поста министра юстиции французского правительства в знак протеста против Мюнхена, он написал: «Вы заразились нашей слабостью, не укрепившись нашей силой. Политики по очереди сломили дух обеих наших стран». Далее он спрашивал: «Можем ли мы бороться с нацистским господством, или нам стоит поодиночке как можно лучше приспосабливаться к нему – одновременно пытаясь перевооружаться? Или еще возможны совместные усилия? Я не знаю, на чем сегодня остановиться», – признался он Рейно. А 11 октября он написал одному канадскому знакомому: «Я ошеломлен происходящим, и это меня очень мучает. До сих пор миролюбивые силы были безусловно сильнее, чем диктаторы, но в следующем году мы можем ожидать другого соотношения сил».

Глава 26
От Мюнхена до войны

Неприятие Черчиллем Мюнхенского соглашения привело его к полному разрыву с консерваторами. 29 октября 1938 г. он написал одному из активных сторонников партии сэру Генри Пейджу Крофту: «Можно вести борьбу, оставаясь консерватором, но сплотятся ли силы партии, чтобы защитить наши права и владения, чтобы пойти на жертвы и лишения во имя нашей безопасности, или под влиянием премьера все пойдет коту под хвост, как было в деле с Индией? Но в любом случае я исполню свой долг».

Среди тех, кто критиковал мюнхенскую речь Черчилля, был парламентарий-консерватор сэр Гарри Гошен, который написал председателю избирательного округа: «Не могу не думать о том, как печально, что своей речью он разрушил согласие в палате общин. Ведь он не какой-нибудь рядовой парламентский болтун, и телеграф разнес его слова по всему континенту и по Америке, так что, по-моему, он поступил бы куда лучше, если бы сидел спокойно и вообще не брал слова».

Но, несмотря на инспирированную партией критическую кампанию против Черчилля, кульминацией которой стало публичное собрание в Винчестер-хаусе в Сити, 4 ноября избиратели выразили ему доверие. Со стороны многих парламентариев, которые были его потенциальными союзниками, Черчилль ощущал некоторую сдержанность. Когда 12 сентября секретарь Антинацистского совета Ричардс предложил пригласить на обед Идена, Черчилль ответил: «Сомневаюсь, что мистер Иден придет. Он в последнее время очень застенчив».

На письмо редактора Sunday Referee Р. Дж. Минни с призывом начать кампанию выступлений, чтобы вывести общественное мнение из «апатии», Черчилль 12 ноября ответил пессимистично: «Боюсь, произнесение речей в этой стране больше не приносит прежнего результата. Они не обсуждаются и не находят отклика, как это было до войны. Я провел то ли пять, то ли шесть встреч в марте и апреле, чтобы предупредить страну о том, что может произойти осенью. Везде они были многолюдными, в лучших залах, с представительством всех трех партий, и, хотя была проделана огромная подготовительная работа, это, похоже, не дало ни малейшего результата».

6 ноября, выступая в Веймаре, Гитлер предупредил демократические страны об «опасностях, которые несет свобода

слова, особенно свобода подстрекательства к войне». Имея в виду обращение Черчилля к противникам нацизма внутри Германии, он заявил: «Если бы мистер Черчилль меньше имел дела с предателями и больше с немцами, он увидел бы, насколько безумны его речи. Я могу заверить этого человека, который живет словно на Луне, что в Германии нет сил, противостоящих режиму, – есть только сила национал-социалистического движения, его вожди и его последователи, находящиеся в боевой готовности».

В тот же вечер Черчилль ответил Гитлеру, который, по его выражению, «докатился» до того, что стал оскорблять «всякую мелочь» в британской политике. «Я удивлен, что глава великого государства лично нападает на членов британского парламента, которые не занимают официальных постов и даже не являются лидерами партий, – заявил Черчилль. – Подобные действия с его стороны могут только увеличить авторитет «мелочи», поскольку мои соотечественники не нуждаются в руководстве из-за рубежа».

17 ноября, через неделю после Хрустальной ночи (ночи еврейских погромов по всей Германии, Австрии и Судетской области), Черчилль обратился к палате общин: «Разве не настал момент, когда все должны услышать звук набатного колокола и понять, что это призыв к действию, а не похоронный звон по нашей расе и нашей репутации?» Он предложил поддержать резолюцию Либеральной партии, призывающую к созданию министерства поставок. Пытаясь нивелировать впечатление от речи Черчилля, Чемберлен прибег к сарказму. «Я испытываю глубочайшее восхищение перед множеством блестящих достоинств моего почтенного друга, – сказал он. – Он блистает на всех направлениях. Помню, однажды я спросил чиновника одного из доминионов, много лет занимавшего высокий пост: каким главным качеством должен обладать государственный деятель? Ответ его был – здравомыслием. Если бы меня спросили, является ли здравомыслие главным из множества великолепных качеств моего почтенного друга, я бы просил палату не настаивать на ответе».

Черчилль не знал, что 31 октября Чемберлен сказал в кабинете министров: «Много патетических слов звучало по поводу перевооружения, словно одним из результатов Мюнхенского соглашения стала необходимость интенсифицировать наши программы перевооружения. Но ускорение выполнения существующих программ – это одно, а расширение их, которое привело бы к новой гонке вооружений, – совсем другое». Чемберлен предложил не отходить от мюнхенского курса, поскольку, как он сказал коллегам,

они «направлены на укрепление хороших отношений».

Не знал Черчилль и того, что в секретном меморандуме от 25 октября, распространенном среди членов кабинета, новый министр авиации сэр Кингсли Вуд сообщил своим коллегам: «Совершенно ясно, что нашим программам развития не хватало перспективного анализа и мы недооценивали возможности и намерения Германии».

17 ноября, выступив за создание министерства поставок, Черчилль призвал парламентариев-консерваторов «заднескамеечников» присоединиться и поддержать резолюцию Либеральной партии. «Досточтимые джентльмены сзади, – сказал он, – связанные обязательствами и лояльные правительству его величества в любых обстоятельствах, видимо, не представляют себе, насколько большая возложена на них власть и ответственность. Выскажись они всего лишь три года назад – и насколько другой была бы у нас сегодня ситуация с производством вооружений! Увы, они этого не сделали. Создание министерства поставок никак не заденет правительство, – продолжал он, – но побудит его действовать. Это будет по-настоящему энергичное движение вперед. Это не партийный вопрос, это не имеет ничего общего с партией; это затрагивает безопасность страны в самом широком смысле».

Призыв Черчилля не был услышан. Не пятьдесят, а всего лишь два парламентария поддержали его: Брендан Брекен и Гарольд Макмиллан. Пять дней спустя Черчилль с горечью писал Даффу Куперу: «Чемберлен сегодня вывернулся, ничего не потеряв. Мюнхен мертв, наша неготовность к войне очевидна, и никаких подлинных, серьезных усилий по вооружению страны не ожидается. Даже добытая отвратительными средствами передышка будет растрачена впустую».

1 декабря, на следующий день после своего шестидесятичетырехлетия, Черчилль завершил первый том «Истории англоязычных народов», а четыре дня спустя уже критиковал в палате общин состояние противовоздушной обороны Лондона. Позже, 9 декабря, все еще уязвленный выпадом Чемберлена во время дебатов, он сказал избирателям: «Премьер-министр недавно заявил в палате общин, что при всех моих блестящих способностях я лишен способности здраво мыслить. Я с удовольствием предлагаю вам сравнить мои суждения по иностранным делам и национальной обороне за последние пять лет и его собственные. Так, в феврале премьер-министр сказал, что напряженность в Европе значительно ослабела. Однако через несколько недель нацистская Германия завладела

Австрией. Я предсказывал, что он будет утверждать то же самое, как только пройдет шок от захвата Австрии. И он действительно заявил то же самое в конце июля, а уже в середине августа Германия поглотила Чехословацкую республику, поставив нас тем самым на грань мировой войны. На ноябрьском банкете у лорд-мэра в Гилдхолле он снова утверждал, что Европа приходит в более мирное состояние. Не успел он произнести эти слова, как цивилизованный мир потрясли нацистские зверства в отношении еврейского населения».

Черчилль упомянул и предшественника Чемберлена: «В 1934 г. я предупреждал мистера Болдуина, что немцы тайно создают военно-воздушные силы, которые быстро догоняют наши. Я представил точные цифры и расчеты. Разумеется, власть постаралась это опровергнуть. Меня окрестили паникером. Но меньше чем через шесть месяцев мистеру Болдуину пришлось явиться в палату общин и признать, что он ошибался. Он тогда заявил: «Вина лежит на всех нас», и все сказали: «Очень честно с его стороны признать свои ошибки». Совершив эту ошибку, которая, возможно, станет роковой для Британской империи, он сорвал больше аплодисментов, чем простые люди, сослужившие великую службу нашей стране. А ведь мистер Чемберлен, наряду с мистером Болдуином, был тогда самым влиятельным членом правительства. Он был министром финансов. Ему были известны все факты. Его мнение тоже оказалось ошибочным, как и суждение мистера Болдуина. И последствия этих ошибок мы сегодня пожинаем. Четыре года назад, – напомнил он, – когда я призывал удвоить и учетверить наши военно-воздушные силы, лорд Сэмюэл счел мое суждение настолько идиотским, что сравнил меня с малайцем, впавшим в состояние слепой ярости. Было бы хорошо и для него, и для всех нас, если бы тогда прислушались к моему совету. Мы не находились бы в ситуации, в которой пребываем теперь. Вот поэтому, учитывая все очевидные ошибки, совершенные в прошлом, – закончил Черчилль, – я сейчас и привлекаю ваше внимание к некоторым высказываниям, касающимся нашего будущего».

Через четыре дня после этой речи Черчилля Ричардс написал ему: «Чувствую, что этот год был для вас очень напряженным, но работа не была напрасной. Наблюдаются признаки того, что своими отважными и неустанными действиями вы собираете вокруг себя решительные и энергичные силы». Спустя восемь дней Ричардс сообщил, что пятнадцать городов обратились с просьбой, чтобы Черчилль выступил у них. «Вращаясь среди множества людей самых разных классов,

я больше, чем когда-либо, замечаю: общее настроение все больше сводится к тому, что, если бы мы вовремя обратили внимание на ваши мудрые советы, которые вы так часто и так решительно повторяли последние пять лет, мы не оказались бы теперь в такой ужасной опасности».

Клементине, которая совершала круиз по Вест-Индии, Черчилль написал 22 декабря: «Все указывает на то, что наши интересы во всей Европе терпят фиаско и что в феврале – марте Гитлер сделает следующий ход, возможно, против Польши». В Рождество личный секретарь Галифакса Оливер Харви записал в своем дневнике: «Правительство, в частности Инскип, не слишком спешит с перевооружением, как того требует ситуация. На этом месте была бы нужна более сильная личность с большим воображением. Очевидная кандидатура – Уинстон, но, полагаю, премьер-министр скорее умрет, чем возьмет его».

Оставаясь в Чартвелле, Черчилль писал о Войне Алой и Белой розы и Жанне д'Арк. Как-то утром, прочтя в газетах, что в возрасте шестидесяти восьми лет умер человек, который в 1903 г. был влюблен в Клементину, он написал ей: «Моя дорогая Клемми, ты огорчишься, узнав, что умер Сидни Пир. Отчего, мне неизвестно. Сейчас умирают многие из тех, кого я знал во времена нашей молодости. Это поразительно – дойти до конца жизни и чувствовать себя так же, как пятьдесят лет назад. Всегда стоит надеяться на внезапный конец, пока не начнется упадок. Но это слишком мрачная концовка для моего письма. Мне нравится представлять тебя сияющей. Я надеюсь и молюсь, чтобы твое самообладание и сила духа дали тебе надежную опору».

Неделю спустя родилась первая внучка Черчилля – Эдвина, дочь Дианы и Дункана Сэндиса. «Она явилась на свет совершенно неожиданно, – написал Черчилль жене, – будучи меньше восьми месяцев от роду и весом всего четыре с половиной фунта. Я видел ее после полудня. Ребенок крохотный, но, как мне сказали, здоровый и вполне цветущий».

7 января 1939 г. Черчилль улетел в Париж, где обедал с Рейно, повидался с бывшим премьер-министром Леоном Блюмом, после чего ночным поездом отправился на юг Франции, чтобы провести две с половиной недели в замке Оризон у Максин Эллиотт. Оттуда он писал Клементине, рассказывая о своих беседах с французскими политиками в Париже: «Все они подтверждают, что во время кризиса у немцев вообще не было солдат на границе с Францией. И, как сказали мне и Блюм (это секрет), и генерал Гамлен, и генерал Жорж, все уверены,

что могли бы прорвать незаконченную и почти неохранявшуюся немецкую линию обороны за неделю, самое большее за пятнадцать дней. Продержись чехи всего лишь пару недель, немецким армиям пришлось бы уже отражать вторжение. Впрочем, тут витает дух самодовольства, и то, что слышишь, не слишком отражает реальность. В действительности все зависит от твоего собственного здравого взгляда на положение дел. Я не сомневаюсь, – продолжал Черчилль, – что твердая позиция Англии и Франции предотвратила бы войну, и, полагаю, будущее заставит всех понять, что тогда в любом, даже самом худшем варианте наше положение было бы куда лучше, чем, возможно, станет в один прекрасный день».

Он делился с ней и своими перспективами относительно поста в правительстве: «Не думаю, что было бы так уж весело и приятно взвалить на свои плечи сложные и запущенные проблемы, тем более без необходимых полномочий». Однажды, когда бывший премьер-министр Северной Ирландии сэр Джеймс Крейг прислал ему серебряный кубок с выгравированными на нем именами сэра Рэндольфа, самого Черчилля и его сына, он написал: «Вот бы этот кубок смогли увидеть некоторые из грязных консервативных заправил, которые мечтают выкинуть меня из партии».

Черчилль вернулся в Англию в последнюю неделю января. «Никогда не видела вас в такой хорошей форме, – написала ему Максин Эллиотт, когда он уехал. – Помню, как мы с вами без конца хохотали. Ваша joie de vivre[34] – чудесный дар, сочетающийся с другими удивительными дарами. Вы чрезвычайно одаренное существо, и, когда вы уезжаете, словно гаснет солнечный свет».

Среди избирателей Черчилля по-прежнему слышались голоса, осуждавшие его за критику Мюнхенского договора. «Если нетерпимость в некоторых партийных кругах не встретит твердого отпора, – предупредил он на встрече 5 января, – это уничтожит престиж палаты общин. Для безопасности страны надо еще много сделать. Можно сказать, что мы примерно пять месяцев копали траншеи, но с тех пор ни у кого не нашлось ни мозгов, ни решимости, чтобы либо засыпать их, либо укрепить. Теперь они зияют как свидетельство административной немощи. И боюсь, это далеко не единственный пример».

Некоторые надеялись, напомнил Черчилль своим избирателям, что Британия благодаря Мюнхенскому договору добилась хотя и высокой ценой, но длительного мира. В то же время другие чувствовали, что получена в лучшем случае передышка. «Так давайте же добьемся того, чтобы эта передышка

не была растрачена бессмысленно», – заявил он. Но «передышка» пропадала впустую. 26 января, отвергнув предложение Хор-Белиши по увеличению численности армии в начавшемся году, Чемберлен заявил в правительстве: «Нельзя игнорировать финансы, поскольку в любой сколько-нибудь длительной войне наша финансовая мощь была едва ли не важнейшим оружием. Сейчас же ситуация в этой области представляется крайне опасной».

Боязливое отношение к расходам на оборону многими виделось по-разному. 1 января 1939 г. консультативная группа промышленников, созданная несколькими месяцами прежде для выявления недостатков в перевооружении и задержек в поставках, в докладе Чемберлену отметила: «Промышленность по-прежнему функционирует в режиме мирного времени». Предложив убрать эту фразу из окончательного варианта доклада, глава аппарата правительства и близкий друг Чемберлена сэр Хорас Вильсон 27 января писал: «Ссылки на режим мирного времени уже звучали, и я не вижу никакого смысла в пережевывании этого. Повторение, скорее всего, самым отличным образом поставит страну на порог войны, чего нам совсем не хочется».

На той же неделе Инскип оставил Министерство обороны и стал министром по делам доминионов. Многие активно поддерживали назначение на освободившийся пост Черчилля, однако должность досталась лорду Чатфилду, бывшему лорду Адмиралтейства.

Чемберлен по-прежнему был уверен, что Мюнхен стал шагом не к войне, а к успокоению и мирным переговорам. 19 февраля он писал своей сестре: «У меня гораздо легче на сердце, чем было долгое время прежде. Все, о чем мне сообщают, кажется, предвещает мир. Повторю еще раз: я верю, что мы наконец справились с диктаторами. Конечно, это не значит, что я собираюсь пугать их, как они пытались напугать нас. Напротив, я думаю, у них есть хорошая возможность потребовать, чтобы их претензии были приняты во внимание. Попроси они это вежливо, прежде чем я явился на политической сцене, какое-то удовлетворение они уже, наверное, получили бы. Теперь же понадобится некоторое время, чтобы атмосфера улучшилась, но события развиваются в правильном направлении. Полагаю, стоило бы наладить отношения с Франко, который, похоже, хорошо относится к нам. А потом, если итальянцы будут расположены, мы могли бы запустить франко-итальянские переговоры и при их разумном дружелюбии двигаться к разоружению. По крайней мере, таковой мне представляется

ситуация в мире, и, если у меня будут еще три-четыре года, полагаю, я смогу уйти в отставку со спокойной душой».

18 февраля британский посол в Берлине сэр Невилл Хендерсон проинформировал Министерство иностранных дел, что Геринг, главнокомандующий немецкими военно-воздушными силами, спросил его: «Какие у Германии есть гарантии, что мистер Чемберлен останется на своем посту и что на смену ему не придет правительство мистера Черчилля или мистера Идена? Этот вопрос заботит Германию больше всего».

22 февраля в ходе дебатов Черчилль снова потребовал создать министерство поставок, но Чемберлен заявил на это, что он является «главным пугалом для некоторых стран Европы». Это быстро подхватили некоторые избиратели Черчилля, которые хотели теперь, чтобы его сменил кто-нибудь, более приверженный миру в Европе.

10 марта, выступая перед избирателями, Черчилль вновь отстаивал свое убеждение, что любые попытки иметь дело с Гитлером обречены на провал. «Я не занимаюсь раскольнической деятельностью, – сказал он. – Я не размахиваю топором, круша все вокруг. Я всего лишь способствую тому, чтобы страна была хорошо вооружена, надежно защищена и вела внешнюю политику, которая приведет к миру, сохраняя при этом честь».

Незачем делегировать в парламент людей, которые «говорили бы только то, что популярно в настоящий момент», заявил Черчилль четырьмя днями позже на второй встрече с избирателями. «Какова будет ценность наших парламентских институтов и парламентаризма вообще, если избиратели получат ручных депутатов, которые подавят любое независимое мнение? Я не нахожусь на государственной службе уже десять лет, но больше доволен работой, которую сделал за последние пять лет как независимый депутат, чем за любой другой период своей общественной деятельности. Я уверен, что этим заслужил гораздо больше доброго отношения своих дорогих соотечественников, чем когда-либо прежде».

Один из постоянных критиков Черчилля Колин Торнтон-Кемсли высказал на этом собрании мнение Консервативной партии: «Полагаю, что, хотя мистер Черчилль готов работать с партией, правительством страны и нашим великим премьер-министром, он не должен прикрываться именем Консервативной партии». Избиратели тем не менее выразили поддержку Черчиллю.

9 марта Чемберлен заявил, что «международное положение, кажется, дает меньше оснований для беспокойства, чем совсем

недавно». На следующий день Хор сказал в ассоциации консерваторов Челси: «Вернулась уверенность, почти угасшая в конце осени из-за пораженческих настроений. Вместо страха пришла надежда, и, если все три диктатора захотят целеустремленно работать с премьер-министрами Великобритании и Франции, Европу может ожидать золотой век.

Однако через четыре дня Германия начала выдвигать войска к границам Чехословакии, что совершенно очевидно предвещало аннексию. «Чехословацкую республику разрушают на наших глазах», – сказал в тот день своим избирателям Черчилль.

На следующее утро немецкие войска вторглись в Чехословакию. Гитлер переночевал в Президентском дворце в Праге, а на рассвете объявил немецкий протекторат над Богемией и Моравией. Чехословакия перестала существовать. Словакия провозгласила независимость и полную поддержку нацистской Германии. «Мне кажется, – написал 19 марта Черчилль бывшему британскому послу в Берлине сэру Хорасу Рамбольду, – Гитлер не задержится на пути к Черному морю, если его не остановит угроза глобальной войны или реальные боевые действия».

21 марта Черчилля посетил высокопоставленный чиновник Министерства внутренних дел Форбс Лит Фрейзер, начальник разведки департамента по предотвращению воздушных налетов, который подробно проинформировал его о проблемах своего ведомства. Черчилль сразу же написал Чемберлену, призвав немедленно привести британскую противовоздушную оборону в состояние боевой готовности и объяснив, почему он считает это необходимым: «Подобный шаг не может считаться агрессивным, но он подчеркнет серьезность, с какой правительство относится к происходящему на континенте. В результате этого боеготовность офицеров и солдат будет повышена, а в стране это скорее вызовет чувство уверенности, чем тревоги».

Призывая укомплектовать британские силы противовоздушной обороны, Черчилль объяснил Чемберлену, что мысли его прежде всего связаны с Гитлером. «Сейчас он, по-видимому, в большом напряжении. Он знает, что мы стараемся сформировать коалицию и предотвратить его дальнейшую агрессию. От такого человека можно ожидать всего. Искушение совершить неожиданную атаку на Лондон или наши авиационные заводы, чего я больше всего опасаюсь, отпало бы, если бы стало известно, что у нас все готово. Стимулы для проявления агрессии исчезли бы, и возобладали более разумные подходы. В августе 1914 г. я убедил мистера Асквита дать мне разрешение на отправку флота в Северное море, и тот успел пройти Ла-Манш

и Дуврский пролив *до того*, как дипломатическая ситуация стала безнадежной. Мне кажется, сейчас также важно укомплектование противовоздушной обороны. Надеюсь, то, что я ставлю перед вами этот вопрос, не вызовет у вас возражений».

«Мой дорогой Уинстон, – ответил Чемберлен в тот же день. – Благодарю за вашу записку. Я посвятил кучу времени затронутой вами теме, но она не так проста, как кажется». Однако уже десять дней спустя, потрясенный оккупацией Праги, Чемберлен от лица Великобритании предоставил Польше гарантии независимости. При этом не говорилось, касалась ли гарантия Данцигского коридора с преимущественно немецкоговорящим населением, который был отделен от Германии в 1919 г. В редакционной статье одного из апрельских номеров Times отмечалось: «Новые обязательства, принятые на себя нашей страной, не обязывают Великобританию защищать каждый дюйм нынешних границ Польши. Ключевое слово в этом документе – не целостность, а независимость».

Черчилль был встревожен. «В субботней редакционной статье Times был зловещий пассаж, – сказал он в палате общин 3 апреля, – напоминающий тот, что предвещал крушение Чехословакии». Опасения имели серьезные основания. В тот же день Чемберлен написал сестре, что британские гарантии Польше были «не провокативными по тону, но твердыми и ясными, подчеркивающими тот важный смысл, который уловила только Times: мы озабочены не территориальной целостностью государств, а покушениями на их независимость. И именно мы будем судить, существует угроза этой независимости или нет».

7 апреля, в Великую пятницу, итальянские войска вторглись в Албанию. В тот день Черчилль находился в Чартвелле. Среди его гостей был Гарольд Макмиллан. Позже он вспоминал, как Черчилль то и дело звонил по телефону и искал карты, чтобы узнать местонахождение британских военных кораблей в Средиземном море. «Я навсегда в памяти сохранил картину этого весеннего дня, – пишет Макмиллан, – а также ощущение силы и энергии, какого-то мощного потока, исходившего от Черчилля, притом что он не занимал никакого государственного поста. Казалось, он один стоит у руля, тогда как все остальные растеряны и не знают, что делать».

На следующий день Черчилль несколько раз звонил Чемберлену с просьбой на следующий же день созвать парламент. Он также требовал от Чемберлена отдать приказ военно-морскому флоту об оккупации греческого острова Корфу и тем самым дать понять Муссолини: дальше ни шагу. «Счет идет на часы, – заявил Черчилль премьер-министру. – Нам необходимо

перехватить дипломатическую инициативу».

Чемберлен этого не сделал. 13 апреля в палате общин Черчилль критиковал правительство за ошибочный подход к ситуации в Европе и Средиземноморье. «Как вышло, – говорил он, – что накануне богемского преступления министры потакали этому и предсказывали Европе золотой век? Почему рассматривались рутинные вопросы прошедшей праздничной недели в то время, как было совершенно очевидно, что надвигается нечто совершенно чрезвычайное, последствия чего невозможно измерить? Я не понимаю. Мне известен патриотизм правительства, его искреннее стремление работать во благо страны, и я хочу знать, не вмешивается ли в это дело чья-то рука, из-за которой министры не получают достоверных данных разведки». Многие из тех, кто слушал Черчилля, решили, что речь идет о сэре Хорасе Вильсоне.

«Подобное, – продолжал Черчилль, – происходило и в 1934 г. с разведданными о состоянии немецкой военной авиации. Прежде чем дойти до министров, они искажались настолько, что уже не вызывали тревоги. Было бы крайне рискованно, если бы теперь министры опирались только на те обрывки информации, которые им предоставляют и которые отвечают их желаниям». У Черчилля было два предложения: первое – полноценное включение Советского Союза в оборонительный блок с участием Великобритании, Франции и Польши – и второе – создание на Балканах «союза самозащиты» при участии Румынии, которой Великобритания только что предоставила такие же гарантии, что и Польше. «Опасность совсем близко, – сказал он. – Большая часть Европы в значительной степени мобилизована, и миллионы людей готовятся к войне».

После окончания дебатов Черчилль увиделся с партийным лидером Дэвидом Маргессоном. Он пришел в парламент, рассказывал потом Маргессон премьер-министру, не для того, чтобы критиковать правительство, а чтобы заявить о своем «твердом намерении» войти в кабинет министров. «В этот момент, – написал Чемберлен сестре, – мне действительно нужна была помощь, но тем не менее я решил ничего не делать поспешно. Вопрос вот в чем: станет ли Уинстон, безусловно полезный на правительственной скамье в палате общин, поддержкой или помехой в кабинете министров или в совете? Например, в прошлую субботу он весь день просидел на телефоне, убеждая всех, что парламент должен собраться в воскресенье и что флот ближайшей ночью должен захватить Корфу! Не отнимет ли он у меня все силы на сопротивление поспешным предложениям такого рода?»

18 апреля, уступив давлению группы советников-промышленников, Чемберлен наконец согласился создать Министерство снабжения. «Уинстон выиграл свою долгую битву, – написал Брендан Брекен другу. – Наше правительство наконец-то принимает курс, который он предлагал три года назад. Ни один общественный деятель нашего времени не обладает бульшим даром предвидения, и я уверен, что его долгая одиночная борьба за демонстрацию опасностей диктатур окажется лучшей главой в его насыщенной жизни».

Новым министром снабжения стал бывший министр транспорта Лесли Бургин, ставший членом парламента в 1929 г., почти на тридцать лет позже Черчилля. В связи с его назначением многие газеты выступили с требованием включить Черчилля в кабинет министров. 22 апреля Evening News высказала предположение, что Черчилль должен быть назначен либо первым лордом Адмиралтейства, либо министром авиации. 26 апреля издатель Sunday Pictorial Перси Кадлипп в письме сообщил ему, что из 2400 писем, поступивших в редакцию, «только в 73 возражают против того, чтобы вы вошли в состав кабинета. Некоторые из них просто психи. Более серьезные винят вас за Галлиполи».

27 апреля Черчилль в палате общин раскритиковал Чемберлена за нерешительность во введении воинской повинности, на которой безуспешно настаивал Хор-Белиша в кабинете министров. Когда правительство постепенно решило установить призыв, был создан регистр подлежащих воинской службе, в которых люди указывали свое желание служить. Но этого было мало. «Этого недостаточно. Нам нужна армия, и она может понадобиться очень скоро». Даже этот регистр следовало принять немедленно после Мюнхена. Импульс оказать сопротивление принципам нацизма, говорил Черчилль, «исходит от народных масс». Газета Times назвала речь Черчилля «одним из лучших его парламентских выступлений», которое слушали множество парламентариев.

10 мая News Chronicle опубликовала обзор, согласно которому 56 % опрошенных заявили, что хотят видеть Черчилля в составе кабинета министров, 26 % высказались против и 18 % не определились в своем мнении. За четыре дня до этого Эмери Ривз сказал ему, что его выходящие два раза в месяц статьи отныне запрещены к публикации в Польше, Румынии и Греции «из страха перед Германией». Черчилль не был уверен, что процесс умиротворения завершился: об этом, по его мнению, свидетельствовало недавнее решение правительства сократить

еврейскую иммиграцию в Палестину, и 22 мая, выступая в палате общин в связи с предложением арабов наложить вето на всю еврейскую иммиграцию после 1944 г., он заявил: «Нет, это несправедливо. Это – нарушение обещания, это отказ от декларации Бальфура, это конец мечты и надежды».

Черчилль, как объяснил он в палате общин, опасался, что «нарушение» обещания евреям может подвигнуть потенциальных противников Британии в Европе «предпринять некие непоправимые действия, а затем – слишком поздно – выяснится, что они выступают не против этого правительства с его утомленными министрами и вялыми намерениями, а против могущества Британии и самой ее сущности». Обернувшись к министрам правительства на передней скамье, Черчилль провозгласил: «никогда потребность в верности и твердости не была так насущна, как сейчас. Вам не удастся найти и сформировать сильный союз против агрессии, кроме как постоянной демонстрацией примеров вашей твердости в выполнении обещаний, которые вы дали».

Тем летом Черчилль с Иденом и Ллойд Джорджем оказался среди самых активных сторонников вовлечения Советского Союза в тесный альянс с Британией и Францией. Впрочем, у Чемберлена были не только сомнения относительно советской военной мощи, но и, как он говорил сестре, серьезные опасения, что «такой альянс послужит укреплению противостоящих блоков и объединений, что сделает любые переговоры с диктаторами трудными, если не невозможными».

Переговоры с Советским Союзом начались, но без ощущения необходимости. Для их ведения в Москву был отправлен не Галифакс, а один из высокопоставленных дипломатов. Русские, с подозрением относясь к намерениям Запада и озабоченные созданием защитной буферной полосы на территории Прибалтики и Польши, начали секретные переговоры с Германией. В течение лета Черчилль начал испытывать нарастающее беспокойство по поводу настроений пораженчества и отчаяния, охватывающих его окружение. 11 июня Галифакс говорил в палате лордов об англо-германских отношениях. В какой-то момент своего выступления он указал на «реально опасный момент в нынешней ситуации, а именно на то, что немецкий народ в целом начнет склоняться к мнению, что Великобритания отказалась от стремления достичь взаимопонимания с Германией и что любые дальнейшие попытки в этом отношении не имеют значения».

В тот же день Черчилль в письме Галифаксу объяснил, почему его «немного встревожило» это выступление. «Уверен,

вы понимаете, что разговоры о возвращении колоний, или о Lebensraum[35], или о концессиях в то время, когда девять миллионов чехов по-прежнему томятся в неволе, вызовут серьезные разногласия среди нас. Из Богемии и Моравии поступают очень тревожные сообщения о серьезных репрессиях и терроризме нацистского режима в отношении этих покоренных народов. Подобная ситуация разворачивается и в Словакии. В любой момент может пролиться кровь; говорят, что гестапо уже устраивает многочисленные расправы. Таким образом, мне лично кажется невозможным в настоящий момент вступать даже в дискуссии с Гитлером».

Через два дня, оказавшись на приеме рядом с американским журналистом Уолтером Липпманом, Черчилль был потрясен, узнав от того, что посол Соединенных Штатов Джозеф Кеннеди говорил своим друзьям, что, когда начнется война, Британия, опасаясь поражения, капитулирует перед Гитлером. Гарольд Николсон, присутствовавший на приеме, вспоминал, что Черчилль, услышав слово «капитулировать», повернулся к Липпману и заявил: «Нет, мистер Липпман, послу не следует так говорить; он не должен употреблять такое ужасное слово. Даже допуская (а я не допускаю этого ни на секунду), что мистер Кеннеди окажется прав в своем трагическом высказывании, я лично с готовностью пожертвую своей жизнью в бою, нежели, под страхом поражения, капитулирую перед угрозами этого злодея. И тогда вам, американцам, предстоит сохранять и приумножать великое наследие англоязычных народов».

22 июня Черчилль опубликовал в Daily Telegraph статью о том, что Германия усиливает притязания на Польшу и что она требует сделать Данциг «свободным городом» и создать Польский коридор, который отрежет Польшу от моря. Спустя пять дней вышла его книга, озаглавленная «Шаг за шагом» (Step by Step), в которую он включил свои газетные статьи, опубликованные в 1938 и 1939 гг. «С печальным удовлетворением можно констатировать, насколько вы были правы тогда», – написал ему Клемент Эттли. Иден прокомментировал так: «Читать это в известном смысле больно, но безусловно полезно».

Активизировались призывы включить Черчилля в состав кабинета министров. 21 июня Галифакс в частном разговоре отметил необходимость «пригласить Черчилля». Малкольм Макдональд позже вспоминал, что несколько младших министров призывали Чемберлена сделать Черчилля «военным министром, или министром для будущей войны, но Невилл колебался». По сведениям Star, многие «заднескамеечники» убеждали главного «кнута» Дэвида Маргессона, что назначение Черчилля

«на один из ключевых постов в кабинете привнесет необходимую уверенность». 2 июля Sunday Graphic высказала предположение, что он вскоре станет первым лордом Адмиралтейства. Д. Л. Гарвин из Observer заметил: «Сам факт того, что он, обладая столь глубоким пониманием европейской политики, не входит в состав кабинета, должен в той же степени изумлять иностранцев, в какой вызывать глубокое сожаление у большинства его соотечественников».

Чемберлена это не убеждало. Он говорил лорду Камрозу, одному из газетных магнатов, наиболее активно настаивавшему на приглашении Черчилля, что польза от идей и советов Черчилля ему кажется «недостаточной, чтобы уравновесить раздражение и беспокойство, причиной которых он обязательно станет». Во время этой беседы с Камрозом Чемберлен также выразил точку зрения, согласно которой с Гитлером «можно было бы договориться», если бы он попросил Данциг «нормальным образом». Чемберлен, по его собственному признанию, не мог поверить, что Гитлер всерьез желает войны или что тот будет сожалеть о компромиссе, «если сможет добиться его без того, что может счесть унижением».

Стаффорд Криппс, один из крайне левых, тоже присоединился к тем, кто требовал включения Черчилля в кабинет. Но Чемберлен не уступил. «Если Уинстон войдет в правительство, – написал он сестре 8 июля, – мы вскоре окажемся на грани войны».

За два дня до этого письма британский военный атташе в Берлине известил Министерство иностранных дел, что министр финансов Гитлера граф Лутц Шверин фон Крозиг посоветовал посетившему его британскому генералу: «Возьмите Уинстона Черчилля в кабинет. Черчилль – единственный англичанин, которого боится Гитлер. Он не воспринимает всерьез ни премьер-министра, ни Галифакса, а Черчилля зачисляет в одну категорию с Рузвельтом. Уже сам факт предоставления Черчиллю ведущего министерского поста может убедить Гитлера, что мы действительно готовы противостоять ему».

Чемберлен все еще надеялся, что Польша может согласиться отдать Гитлеру Данциг, и это удовлетворит его до того, как начнутся переговоры по более широкому кругу вопросов. Он также был убежден, что кампания «Верните Черчилля» стихает. На самом деле она только набирала ход. 13 июля кандидат от либералов Т. Л. Хорабин победил представителя консерваторов на дополнительных выборах в Северном Корнуолле, преимущественно используя платформу «Верните Черчилля».

Черчилль оставался в Чартвелле, работая над «Историей англоязычных народов». «В этот тревожный год я нахожу утешение только в возвращении в прошлое», – написал он своему издателю сэру Ньюмэну Флауэру. 24 июля его посетил Айронсайд. Черчилль сказал генералу, что «говорить о каком-то умиротворении уже поздно. Акт подписан. Гитлер намерен начать войну». Через три дня Айронсайд записал в дневнике: «Продолжаю думать об Уинстоне Черчилле. Он полон патриотизма и идей по спасению империи. Он знает: чтобы победить – надо действовать. Нельзя лежать на спине и позволять себя бесконечно избивать. Уинстон раздражен от бездействия. Вспоминаю, как он безостановочно ходил по кабинету».

В этот момент было объявлено, что парламент уходит на летние каникулы с 4 августа по 3 октября. 2 августа в ходе разгоряченных дебатов Эттли, Синклер, Иден, Макмиллан и Черчилль были среди тех, кто возражал против столь длительного перерыва и выступал за то, чтобы парламент собрался вновь в третью неделю августа. «Очень странный момент, – говорил Черчилль, – для ухода палаты представителей в двухмесячный отпуск. Это лишь случайность, что наши летние каникулы совпадают с опасными месяцами в Европе, когда наступило время сбора урожая и когда силы зла выходят на максимальный уровень».

Черчилль продолжал: «В данный момент своей долгой истории для палаты общин будет катастрофой, будет жалким и позорным поступком отказаться от своей роли как эффективного и мощного фактора, влияющего на ситуацию, или ослабить свое влияние, которое она может оказать для укрепления фронта, который стране предстоит создать против агрессии. Это очень трудный момент, и я надеюсь, что правительству не придется сказать парламенту: «Убирайтесь! Бегите, занимайтесь своими играми, заберите с собой свои маски. Можете не беспокоиться о государственных делах. Оставьте их одаренным и опытным министрам», которые в конце концов в вопросах, касающихся нашей обороны, привели нас туда, где мы оказались в сентябре прошлого года и кто в конце концов – я делаю скидку на множество трудностей – во внешней политике привел нас в данный момент к тому, что мы, после того как потеряли Чехословакию и не приобрели Россию, дали гарантии Польше и Румынии».

Чемберлен не только отказался сократить парламентский отпуск. Он сказал, что голосование будет рассматриваться как вотум доверия. В результате правительство осталось при своем. После голосования молодой парламентарий

от консерваторов Рональд Картленд, который через год погибнет в боевых действиях при отступлении из Дюнкерка, сказал Черчиллю: «Что ж, мы больше ничего не можем сделать». Черчилль возразил: «Больше ничего, мальчик мой? Нет, мы можем сделать гораздо больше. Пришло время бороться, говорить, наступать!»

8 августа, когда парламент готовился к двухмесячному отпуску, Черчилль выступил с пятнадцатиминутным обращением к гражданам Соединенных Штатов. «Время отпусков, леди и джентльмены! – начал он. – Время отпусков, мои друзья по ту сторону Атлантики! Время отпусков, когда лето зовет трудящихся всех стран хотя бы на время покинуть свои конторы, фабрики и скучную рутину повседневной жизни и заботы о хлебе насущном, и направляет их искать если не покоя, то по крайней мере смены обстановки, чтобы они вернулись посвежевшими и продолжали вращать мириады шестеренок цивилизованного общества. Позвольте мне обернуться в прошлое. Как мы провели летние отпуска двадцать пять лет назад? Ба, это же были те самые дни, когда германские передовые части вломились в Бельгию и растоптали ее народ на своем марше на Париж! Это были те самые дни, когда прусский милитаризм – я цитирую – «прорубал себе путь через маленькую, слабую соседнюю страну», чей нейтралитет и независимость они клялись не просто уважать, но и защищать».

Черчилль говорил своим американским слушателям, что во всей Европе воцарилось молчание. «Это молчание напряженного ожидания, и во многих странах это молчание страха». Но можно расслышать топот армейских сапог. Это армии Германии и Италии. «В конце концов, диктаторы должны готовить своих солдат. Они едва ли способны на меньшее из соображений обычной предусмотрительности, когда датчане, голландцы, швейцарцы, албанцы и, конечно, евреи могут наброситься на них в любой момент и отнять у них их жизненное пространство».

Через два дня после этого выступления Черчилль по приглашению Кингсли Вуда посетил авиабазу в Биггин-хилл, недалеко от Чартвелла. Там он наблюдал тренировки летчиков-истребителей. 14 августа он улетел в Париж, собираясь посетить линию Мажино. Французское военное командование, демонстрируя уверенность в своих силах, показало ему участки линии обороны, которые еще не видел ни один иностранный политик, в том числе подземные железные дороги в секторе, противостоящем линии Зигфрида.

Черчилль поинтересовался, как выглядит французская линия обороны от того места, где заканчивается линия Мажино,

до побережья Дюнкерка. Генерал Жорж сообщил, что этот разрыв в три сотни километров прикрывают «полевые укрепления». Луис Спирс, который сопровождал Черчилля, позже вспоминал, что у того «улыбка сползла с лица» и он «зловеще качал головой, говоря, что он надеялся увидеть надежные полевые укрепления и что было бы неразумно полагать, будто Арденны непреодолимы для мощных вооруженных сил. «Не забывайте, – сказал Черчилль, – нам придется иметь дело с новым оружием, мощной бронированной техникой, на создании которой, безусловно, Германия сконцентрировала все усилия, а леса будут особенно привлекательны для этой техники, поскольку они предоставляют хорошее укрытие от атак с воздуха».

Через три дня Черчилль вернулся в Париж. 17 августа он уехал в Дрё, в замок Сен-Жорж-Мотель[36], чтобы позаниматься живописью. В этот же день Times опубликовала обращение, подписанное 375 сотрудниками британских университетов, с призывом вернуть Черчилля в правительство. На Стрэнде появился большой плакат: «ГДЕ ЖЕ ЧЕРЧИЛЛЬ?»

Четыре дня Черчилль рисовал в Сен-Жорж-Мотеле. В один из дней он заметил художнику Полю Мазу, работавшему рядом с ним: «Это наши последние картины в мирное время. Такого долго не будет». Говоря о размерах и качествах немецкой армии, он заметил Мазу: «Они сильны. Поверьте мне, они сильны». Затем, как вспоминал Маз, «он с силой сжал зубами свою большую сигару, и я почувствовал его решимость. Он словно бы хотел сказать: «…но мы его все равно одолеем».

23 августа Черчилль вернулся в Лондон, где узнал о предстоящем договоре между Германией и Россией. На следующий день Чемберлен созвал парламент, и флот получил приказ сосредоточиться на военных базах. 25 августа состоялось формальное подписание англо-польского военного альянса.

Пять дней Гитлер колебался. Черчилль работал в Чартвелле над историей англоязычных народов. «Как вы знаете, я не жалею ни одной минуты жизни и сил на завершение нашего контракта», – сообщал он Ньюмэну Флауэру. 31 августа он написал историку Д. М. Янгу, что еще «не до конца разобрался с королевой Елизаветой», но с гордостью отметил, что уже напечатано 530 000 слов: «В такое время, как сейчас, огромное облегчение иметь возможность сбежать в другие века. К счастью, есть большая надежда, что Чемберлен будет держаться твердо».

В эту ночь армии Гитлера вторглись на территорию Польши. 1 сентября в 8:30 утра посол Польши в Великобритании граф Рачинский позвонил Черчиллю, чтобы сообщить эту новость.

В шесть вечера того же дня состоялось заседание палаты общин. Черчилль приехал в Лондон. По просьбе Чемберлена он сначала направился на Даунинг-стрит. Черчилль пригласил его войти в состав военного кабинета. «Я согласился с его предложением без комментариев, – позже вспоминал Черчилль, – и на этой основе у нас состоялся продолжительный разговор о людях и мерах».

Чемберлен и Черчилль пришли к соглашению, что кабинет должен быть небольшим, состоящим из шести членов, причем все три силовых министра в его состав не войдут. Черчилль станет членом Военного кабинета в качестве министра без портфеля. Но этого назначения не последовало. Не был и направлен ультиматум Германии – несмотря на недавно подписанный англо-польский договор о взаимопомощи. Выступая вечером в палате представителей, Чемберлен пояснил, что Британия направила не ультиматум, а ноту, требующую «удовлетворительных заверений», что правительство Германии «остановит все агрессивные действия против Польши» и в ближайшее время будет готово вывести свои войска с польской территории.

Немцы не ответили. Вскоре после полуночи Черчилль написал Чемберлену: «Я остаюсь в вашем распоряжении». 2 сентября он все утро провел у себя дома, ожидая приглашения на Даунинг-стрит в Военный кабинет. Приглашения не поступило. Кэтлин Хилл позже вспоминала, что он «ходил по комнате как лев в клетке. Он ждал звонка, но звонка не было». Утром к Черчиллю зашел Морис Хенки, которого тоже пригласили в состав Военного кабинета. «Насколько я мог понять, – написал он жене на другой день, – моей основной задачей было не спускать глаз с Уинстона! Вчера утром я провел с ним полтора часа. Он был полон идеями – и хорошими, и не очень, но весьма сильными и вдохновляющими. Я только хотел, чтобы ни у кого не сложилось представления, что он очень хорошо себя чувствует».

Кабинет собрался во второй половине дня без Черчилля. Члены кабинета единодушно решили, что Германии следует направить ультиматум, срок действия которого должен истекать в полночь. Но вечером, когда Чемберлен выступал в палате общин, он говорил уже не об ультиматуме, который так и не был направлен, а о компромиссной формулировке, при которой Британия может избежать объявления войны. «Если правительство Германии согласится отвести свои войска, – говорилось в ней, – то правительство его величества будет занимать ту же позицию, какую занимало до того, как германские войска пересекли польскую границу».

Эмери позже вспоминал: «Палата была поражена. В течение

целых двух суток несчастных поляков нещадно бомбили и уничтожали, а мы все еще обсуждали, в какое время следует пригласить Гитлера, чтобы он сообщил нам, не собирается ли он отпустить свою жертву!» Черчилль позже вспоминал: «Никакого сомнения, что настроение палаты было за войну. Мне показалось оно даже более решительным и единым, чем в похожей сцене 3 августа 1914 г., в которой я тоже принимал участие».

Пять членов кабинета Чемберлена – Саймон, Хор-Белиша, сэр Джон Андерсон, Уолтер Эллиот и граф де ла Уорр – немедленно направились в отдельное помещение, где договорились о том, что в случае непредъявления ультиматума, о котором шла речь ранее, они подают в отставку. Тем временем несколько парламентариев, в том числе Дафф Купер, Иден и Брекен, отправились к Черчиллю. Он позже вспоминал: «Они решили выразить свою глубокую озабоченность тем, что мы можем не выполнить наших обязательств перед Польшей». Дафф Купер записал в дневнике: «Мы были в состоянии ярости и недоумения». Черчилль сообщил гостям, что предыдущим вечером дал согласие войти в состав Военного кабинета, но с тех пор не слышал от Чемберлена ни слова. Если бы он не чувствовал себя уже «почти членом правительства», сказал Черчилль, он бы обязательно выступил в палате общин после того, как Чемберлен зачитал условия возможного компромисса.

Черчилль обсуждал с гостями критическую обстановку до полуночи. Разговор перемежался ударами грома яростной осенней грозы. Затем, с их одобрения, он написал Чемберлену: «Складывается ощущение, что после того, как вы сказали мне «жребий брошен», возобладали совершенно иные идеи». Он чувствовал право просить премьер-министра дать ему знать, «в каком положении – публично или приватно – мы находимся», до возобновления дебатов в полдень следующего дня. «Мне кажется, – продолжал он, – что если Лейбористская партия и, насколько я понимаю, Либеральная партия устранятся, то будет очень сложно сформировать правительство военного времени».

Выражая беспокойство не только своих друзей, но и почти всех, кто слышал заявление Чемберлена об очередной отсрочке, Черчилль писал: «Сегодня вечером в палате сложилось ощущение, что этим ослаблением нашей решимости нанесен ущерб духу народного единства». Затем он попросил Чемберлена сделать объявление о составе Военного кабинета или о его личном месте в нем «до того, как мы начнем дальнейшие переговоры». Это не было угрозой. «Как я писал вам вчера вечером,

предоставляю себя целиком в ваше распоряжение с искренним желанием помочь вам в выполнении ваших задач».

Черчилль не знал, что ближе к полуночи группа членов кабинета министров посетила Чемберлена. Они договорились между собой о том, что Британия должна безотлагательно выдвинуть ультиматум Германии. Он уступил их требованию, поскольку Гитлер так и не ответил, согласен ли он отвести войска к границе – таково было условие Британии для начала переговоров. 3 сентября в девять утра британский ультиматум был направлен в Берлин. В нем говорилось, что Германия имеет два часа на то, чтобы остановить свое вторжение в Польшу. К одиннадцати утра ответа не поступило. Британия и Германия оказались в состоянии войны.

Глава 27
Возвращение в Адмиралтейство

В 11 часов 15 минут утра 3 сентября 1939 г. Черчилль в своей квартире в Морпет-мэншн слушал по радио заявление Чемберлена о том, что Британия объявила войну Германии. Сразу же после выступления Чемберлена прозвучала сирена воздушной тревоги. Черчилль поднялся на крышу посмотреть, что происходит. На него большое впечатление произвел вид тридцати или сорока висящих в небе аэростатов заграждения. Затем, как он вспоминал позже, «вооружившись бутылкой бренди и прочими соответствующими медицинскими удобствами», он с Клементиной отправился в подвальное убежище на улице. «Все были жизнерадостны и веселы – английская манера встречать неизведанное».

Предупреждение о воздушном налете оказалось ложной тревогой. Когда прозвучал отбой, Черчилль отправился в палату общин. Там ему передали записку от Чемберлена с просьбой встретиться после завершения дебатов. Выступил Чемберлен. За ним Артур Гринвуд от Лейбористской партии. Авторитет Черчилля, несмотря на то что он более десяти лет оставался не у дел, был настолько высок, что его попросили выступить следующим. «Это не вопрос борьбы за Данциг или борьбы за Польшу, – сказал он. – Мы боремся за спасение всего мира от чумы нацистской тирании и в защиту всего самого святого для человечества. Это не война за господство или расширение империи или за материальные выгоды; это не война за то, чтобы лишить какую-либо страну солнечного света и средств к процветанию. Это война в ее исконном смысле за утверждение на незыблемой основе прав личности, и это война за утверждение и восстановление авторитета человека».

Эмери в этот день записал в дневнике: «Думаю, к концу года на фоне всего этого Уинстон станет премьер-министром». Но пока у Черчилля не было никакого поста в кабинете. После дебатов он направился в кабинет Чемберлена. Тот предложил ему пост, который он занимал с 1911 по 1915 г., – первого лорда Адмиралтейства и место в Военном кабинете. Черчилль согласился, а затем направил депешу в Адмиралтейство с извещением о том, что прибудет на место и приступит к исполнению обязанностей во второй половине дня. Совет Адмиралтейства немедленно дал сигнал всем кораблям: «Уинстон вернулся».

В пять часов дня Черчилль был на заседании Военного кабинета. Затем отправился в дом Адмиралтейства с Кэтлин Хилл. Позже она вспоминала, как он вошел в кабинет первого лорда и подошел к серванту в панельной обшивке. «Я затаила дыхание. Он театральным жестом распахнул дверцу – а за панельной обшивкой оказалась большая карта с расположением всех немецких кораблей на тот день 1915 г., когда он покинул Адмиралтейство». Вечером Черчилль встретился с руководством своего ведомства. «Он критически оглядел всех нас по очереди, – вспоминал потом один из них, – а затем, сказав, что позже встретится с каждым лично, закрыл встречу. «Джентльмены, – произнес он, – возвращайтесь к своим обязанностям». Позже Черчилль описал свою встречу с первым морским лордом сэром Дадли Паундом: «Мы с сомнением смотрели друг на друга. Но с самых первых дней наша дружба и уверенность друг в друге стали крепнуть».

В первые две недели после начала войны Черчилль получил письмо от Колина Торнтон-Кемсли, который полгода назад безуспешно боролся с ним за место в парламенте в его избирательном округе. «Вы неоднократно предупреждали нас о немецкой опасности, и вы были правы, – написал Торнтон-Кемсли из армейского лагеря. – Кузнечик в траве уже не гордится тем, что оглашал поле своим стрекотом. Прошу не утруждать себя ответом – вы, несомненно, чрезвычайно заняты на своем посту, который, к нашей всеобщей радости, заняли в это опасное для Британии время».

Черчилль ответил, написав своему бывшему оппоненту: «Я твердо уверен, что англичане обязаны быть честными друг перед другом с самого начала этой тяжкой борьбы, и, на мой взгляд, с прошлым покончено».

Утром 4 сентября на совещании Военного кабинета Черчилль, в надежде ослабить огромное давление немецкой военной мощи на польском фронте, предложил нанести совместный удар французской армии и британской авиации по линии Зигфрида, вынудив немцев оборонять свою западную границу. Его предложение не прошло. Но это стало постоянной целью Черчилля: искать любую возможность для активных действий, ускорять любые меры, не допускать рутины и проволочек. Каждый день он диктовал десятки записок своим подчиненным с предложениями о новых действиях или с вопросами. Вечером 4 сентября он говорил своим советникам: «Первый лорд направляет эти записки своим морским коллегам для рассмотрения, критики и корректировки и надеется получать

предложения к действиям в желаемом смысле». Когда вопрос оказывался срочным, Черчилль наклеивал на свою записку ярко-красную полоску, на которой были напечатаны два слова: «ВЫПОЛНИТЬ СЕГОДНЯ».

Немецкие подводные лодки начали систематически топить британские торговые суда. Черчилль сделал предложение, пометив его как «чрезвычайно важное», чтобы сводки новостей Адмиралтейства «поддерживали репутацию его правдивости». Область его ответственности быстро вышла за пределы войны на море. 6 сентября Чемберлен назначил его в комитет Военного кабинета, чтобы оценить количество британских сухопутных войск и время, за которое они будут полностью укомплектованы. Это решение неоднократно откладывалось довоенным правительством. «Мы должны занять свое место в строю, – заявил Черчилль своему комитету 8 сентября, – если хотим сохранить альянс и выиграть войну». Он поставил задачу сформировать к марту 1940 г. двадцать британских дивизий, готовых к боевым действиям вместе с французами, и еще пятьдесят пять, полностью экипированных и готовых к боевым действиям, – к концу 1941 г. Но против ускоренной подготовки новых сухопутных дивизий выступило Министерство авиации на том основании, что это может негативно сказаться на темпах самолетостроения. Мобилизация заводов, на которой Черчилль неоднократно настаивал в годы пребывания не у дел, проходила слишком медлительно, чтобы соответствовать военным нуждам Британии в самый нужный момент.

Черчилль продолжал настаивать на строительстве теневых фабрик[37], которые, если их не создать заранее, нельзя построить внезапно, когда в них возникнет срочная надобность. 9 сентября Черчилль написал Кингсли Вуду, который не верил в возможность создания пятидесяти пяти армейских дивизий в течение двух лет без ущерба для военно-воздушных сил: «Простите меня, если я предлагаю к вашим услугам свой опыт и знания, обретенные на практике». Черчилль уже предполагал худшее, обусловленное нехватками и задержками довоенного времени, но внешне демонстрировал полную уверенность. Узнав, что посол Британии в Риме сэр Перси Лорен уже выступал за возможность мирных переговоров после поражения Польши, Черчилль записал: «Похоже, Лорен недооценивает нашей решительности. Ему следует вернуть более бодрое расположение духа».

9 сентября в обстановке строжайшей секретности первые части британского экспедиционного корпуса без потерь переправились во Францию. Черчилль, чьи боевые корабли сопровождали их, повторил одно из своих величайших

достижений августа 1914 г. Дважды за двадцать пять лет он обеспечил благополучную переброску британской армии во Францию.

В этот же день для облегчения изучения массы технических материалов, поступающих к нему ежедневно, и для проведения научно-исследовательской проверки новых научных идей Черчилль назначает Линдемана «личным советником первого лорда по научным вопросам». Через месяц он делает его руководителем специального статистического отдела в своем личном кабинете с задачей предоставления «еженедельной картины процесса всего нового производства с демонстрацией отставания от сроков контрактов». Линдеман и команда, работавшая под его руководством, также представляли еженедельные доклады о производстве боеприпасов, торпед и поставках топлива. Через короткое время доклады Линдемана стали неотъемлемой частью повседневной работы Адмиралтейства. Черчилль каждое утро тщательно изучал их, высматривая слабые места или потенциальные опасности, чтобы бороться с ними.

Как и в августе 1914 г., первый наступательный план Черчилля для британского флота предполагал вторжение на Балтику. Он предложил провести морскую экспедицию в составе двух линкоров, вооруженных 15-дюймовыми пушками, для обозначения угрозы морскому побережью Германии. 12 сентября он изложил свою идею советникам, указав датой желательного осуществления этого плана март 1940 г. «Я предлагаю эти идеи к вашему рассмотрению, – написал он, – в надежде на готовность преодолеть все трудности». Через два дня он настоятельно просил Военный кабинет использовать всю наступательную мощь британской авиации для ударов по немецким предприятиям, производящим синтетическое горючее, которые расположены «в удалении от гражданского населения». Кингсли Вуд в ответ заявил о необходимости держать «малые и разрозненные военно-воздушные силы» Британии в неприкосновенности до тех пор, пока нет угрозы самой Британии. Он сказал, что к марту 1940 г. положение «неизмеримо улучшится».

15 сентября Черчилль доложил Чемберлену об обнаружении «большого количества артиллерии военного времени», которое он сам отправил на хранение в 1919 г. Пушки и боеприпасы, которые он, как министр вооружений, в то время направил на склады, теперь могли представлять «серьезное подспорье не только для наших небольших экспедиционных сил, но и для великой армии». Вечером Черчилль на поезде

отправился на военно-морскую базу в Скапа-Флоу, где в очередной раз убедился в очень медленном процессе предвоенной подготовки. Оборонительные сооружения Скапа не могли быть подготовлены ранее весны 1940 г. Он также выяснил, что во флоте недостаточно эсминцев для сопровождения каждого линкора.

Черчилля беспокоило то, что немцы осуществляют жизненно необходимые поставки железной руды из Швеции железной дорогой в норвежский порт Нарвик, откуда по норвежским территориальным водам перевозят ее на юг, в Германию. 19 сентября на совещании Военного кабинета Черчилль предложил заминировать прибрежные воды Норвегии, чтобы вынудить корабли с железной рудой выходить в открытое море, где их легко было топить. Никакого решения принято не было, но в ходе дискуссии о возможном действии британской авиации против Германии Сэмюэл Хор сообщил коллегам: «при существующей программе должно пройти значительное время, прежде чем мы достигнем хотя бы паритета с Германией». Пять лет назад Хор был среди тех, кто самым активным образом оспаривал мнение Черчилля о том, что Британия не имеет с Германией паритета в воздухе.

Тем временем на востоке Россия, действуя в соответствии со своим августовским пактом с Германией, быстро вошла на территорию Польши, уничтожив все возможности ее восточных провинций к сопротивлению. У поляков, зажатых между превосходящей мощью немецкой военной машины и наступлением русских, не осталось иного выхода, кроме как признать поражение и расчленение страны. Видя активное взаимодействие России и Германии, Черчилль отказался от своего плана направить британский флот на Балтику. «Но, – сказал он Паунду, – поиск возможностей морского наступления должен быть продолжен».

26 сентября Черчилль выступил в палате общин с кратким обзором войны на море. Он сказал, что система конвоев уже действует, но нельзя забывать, что «война полна неприятных сюрпризов». Он повторил тему своего выступления в Мэншн-хаусе в октябре 1914 г. «Мы должны стремиться к победе». После его выступления Гарольд Николсон записал в дневнике: «За эти двадцать минут Черчилль стал ближе к посту премьер-министра, чем когда-либо ранее. В кулуарах даже сторонники Чемберлена говорили: «теперь мы нашли своего лидера». Ветераны парламента признавались, что никогда еще не видели, как одна-единственная речь может изменить настроение всей палаты».

Бывшие критики теперь увидели достоинства Черчилля.

«Уинстон – единственный министр в кабинете, способный убедить и вдохновить наш народ, – написал 30 сентября Томас Джонс другу. – Премьер заторможенный, тупой и говорит о стойкости и победе в самых пораженческих тонах».

1 октября Черчилль первый раз за время войны выступил по радио. О поражении Польши он сказал: «Она поднимется снова как скала, которую на время накрыло приливом, но она остается скалой». Что касается флота, он уже начал вести активные боевые действия против немецких подводных лодок и «охотится за ними днем и ночью. Я не скажу безжалостно – упаси Бог нас от такого отношения, – но ревностно и не без удовольствия». Война может продлиться как минимум три года, но Британия будет сражаться до конца «с убеждением, что мы являемся защитниками цивилизации и свободы».

«Слушал по радио вдохновляющую речь Уинстона Черчилля, – записал в дневнике младший личный секретарь Чемберлена Джок Колвилл. – Он безусловно вселяет уверенность и, подозреваю, станет премьер-министром до окончания войны». Через пять дней Гитлер выступил в Берлине, заявив о готовности вести переговоры с Британией и Францией в обмен на «полную гегемонию» над Чехословакией и Польшей. Черчилль предложил коллегам не соглашаться ни на какие переговоры, пока не будут предложены репарации «государствам и народам, которые были столь противоправно завоеваны» и пока не будут восстановлены их «нормальная жизнь и суверенитет». Он также посоветовал попробовать найти способ, пока Италия остается нейтральной, каким-то образом отдалить Муссолини от Гитлера.

4 октября Черчилль смог на некоторое время отвлечься от военных проблем. На Смит-сквер, в церкви Сент-Джонс, состоялось бракосочетание его сына Рэндольфа и девятнадцатилетней Памелы Дигби. Тем, кто говорил, что у пары недостаточно денег, чтобы жениться, Черчилль ответил: «Что им нужно? Сигары, шампанское и двуспальная кровать».

8 октября Черчилль предложил создать, как он назвал их, «войска местной обороны» в количестве полумиллиона человек из мужчин старше сорока лет, «опытных, полных сил и энергии», многие из которых прошли Первую мировую, но в настоящее время оказались невостребованными. Они могли оборонять внутреннюю территорию и высвободить молодых людей для службы в подразделениях, готовящихся к отправке на континент.

Обращаясь к проблемам флота, он, помня свое посещение базы в Скапа-Флоу, сказал, что флот не должен оставаться

«на привязи». «Ближайшие несколько дней очень опасны» – предупреждение оказалось своевременным, но его не успели реализовать. Через два дня, 14 октября, немецкая подводная лодка преодолела оборонительные заграждения Скапа-Флоу и потопила линкор «Роял Оук», стоявший на якоре. Погибли более восьмисот офицеров и матросов. «Когда я сообщил эту новость Черчиллю, – позже вспоминал один из его личных секретарей Джон Хайэм, – на его глаза навернулись слезы, и он пробормотал: «Бедные парни, бедные парни остались в этих мрачных глубинах».

31 октября Черчилль снова приехал в Скапа-Флоу. Первым делом он распорядился замаскировать имеющиеся емкости для хранения горючего и создать муляжи нефтехранилищ, которые немецкие летчики могли бы легко обнаружить и израсходовать на них свой боезапас. Через два дня, после возвращения в Лондон, он отправился на эсминце во Францию, в свой первый визит военного времени, чтобы предложить французскому флоту новейшее британское устройство для обнаружения подводных лодок и обучить французов им пользоваться. Главнокомандующий французским флотом адмирал Дарлан, которому он сделал это предложение, был явно тронут таким жестом. В Париже Черчилль встретился с премьер-министром Даладье, которому сказал, что Британия хочет «пойти дальше наших договоренностей» в части количества войск, направляемых во Францию.

7 ноября, после возвращения в Лондон, Черчилль выступил в палате общин. Он сообщил о потере «Роял Оук» и продолжающихся потерях британских торговых судов от торпедных атак немецких подводных лодок. Демонстрируя поразительный баланс между реализмом и уверенностью, который станет отличительной чертой всех его выступлений военного времени, Черчилль сказал: «В этой войне не будет периода, когда моря станут полностью безопасны. Но и не будет периода, я в этом глубоко убежден, когда мы не сможем продолжать необходимое движение через Атлантику. Мы будем страдать, и страдать непрерывно, но благодаря нашему упорству и широкомасштабным мерам мы в итоге свернем им шеи. Я в этом не сомневаюсь».

12 ноября, когда по дипломатическим и агентурным каналам стало известно, что немцы готовятся к наступлению на западе, он в радиообращении снова выразил уверенность в исходе войны. «Насилие и тяжкие события вполне возможны», впереди у нас «суровое ненастье». Но «вполне вероятно, что окончательное уничтожение зловещего господства приведет к такой широкой

солидарности всех стран и народов, о какой мы и не могли думать, если бы не прошли все вместе через огонь».

С начала ноября потери британских судов в Северном море увеличились в основном благодаря использованию немцами новых магнитных мин, противодействия которым пока не было найдено. Специалисты Адмиралтейства трудились днями и ночами, пытаясь раскрыть секрет новых мин. Вечером 22 ноября поиск, похоже, должен был увенчаться успехом. «В данный момент установлено расположение некоторого количества магнитных мин, – объявил Черчилль спустя два дня. – Одна из них оказалась в иле у побережья Шубаринесса, где ее и обнаружили во время отлива».

Морские офицеры рассмотрели мину. От нее отсоединили два выступа, предположительно детонаторы, и все увезли для дальнейшего исследования. В одиннадцать часов вечера 23 ноября лейтенант-коммандер Роджер Льюис, один из четверых, кто обнаружил мину, прибыл в Адмиралтейство. «Я собрал человек восемьдесят или сто офицеров и сотрудников в нашем самом большом помещении, – позже вспоминал Черчилль, – и восторженная публика слушала всю историю, очень хорошо понимая, что за ней стоит».

Когда Льюис завершил отчет, Черчилль прокомментировал: «В результате вы препарировали этого монстра, разделали его на куски и теперь можете изучать в свое удовольствие. Вы сможете выяснить всю историю жизни этой твари!» Настала полночь. «Мы получили добычу, – сказал Черчилль собравшимся морякам, – не менее ценную, чем любой корабль, когда-либо ходивший по морям, и в огромной степени обязаны патриотизму лейтенант-коммандера Льюиса и его коллеги лейтенант-коммандера Оуври, которые преодолели сегодня большие трудности». Одним из результатов обнаружения мины стало вручение, по настоянию Черчилля, первых пяти военных морских наград – двух орденов «За боевые заслуги», одного креста «За выдающиеся заслуги» и двух медалей «За выдающиеся заслуги». Награды вручил лично король Георг VI.

30 ноября Черчиллю исполнилось шестьдесят пять лет. Дочь Асквита Вайолет написала ему: «Вам не требуется вливание свежей крови, как некоторым из наших коллег!» Через неделю он сделал в палате общин очередной доклад о состоянии войны на море. «Оценивая наш морской тоннаж, – заметил Гарольд Николсон, – он добавил суда, действующие на канадских озерах. Но он энергичен и красноречив».

Через несколько дней у Черчилля вызвало гнев возражение

Министерства авиации против его плана сбросить несколько тысяч мин в Рейн с целью нанести урон одному из основных немецких транспортных путей поставок сырья и вооружений. Когда Министерство авиации начертало на его предложении «невыгодно», Черчилль прокомментировал на полях: «Не раздражай их, дорогой!», а в письме Кингсли Вуду, стремясь найти поддержку идее минирования, отметил: «Наступать в три или четыре раза труднее, чем пассивно терпеть день за днем. К тому же это требует всесторонней помощи на ранних стадиях. Нет ничего проще, чем задушить в зародыше. И возможно, это гарантирует безопасность».

30 ноября Советский Союз напал на Финляндию. Многие англичане желали прийти на помощь финнам. Черчилля в их числе не было. Для него Германия была главным врагом, борьба с которым требовала концентрации всех усилий. «Я до сих пор надеюсь, что войны с Россией можно избежать, и моя задача – постараться избежать ее», – объяснял он Дадли Паунду, когда война в Финляндии стала набирать обороты. Базы, которые Россия сможет отвоевать у Финляндии, указывал он, «нужны только против Германии». Его главной заботой была не Балтика, а Атлантическое побережье Норвегии. За одну неделю семь немецких судов с железной рудой прошли по территориальным водам Норвегии. «Теперь мы должны выступать за активные действия», – писал он Паунду 7 декабря. 11 декабря он сообщил коллегам по кабинету, что послание из Вашингтона дало понять, что реакция президента Рузвельта на минирование норвежских вод «оказалась более благоприятной, чем он надеялся».

Черчилль призвал Военный кабинет принять решение в срочном порядке. Помимо минирования норвежских вод, он предложил высадку морского десанта в Норвике с дальнейшим продвижением по суше в Швецию, чтобы захватить железные рудники. Начать операцию следовало 29 декабря. Но Военный кабинет, в принципе согласившись с его планом, отказался определить дату, заявив, что нужно провести дополнительные расчеты, особенно в части того, как сухопутная операция в Швеции может повлиять на мнение нейтральных стран.

В Южной Атлантике немецкий карманный линкор «Адмирал граф Шпее» почти ежедневно отправлял на дно торговые суда. 13 декабря англичанам сопутствовал первый серьезный успех на море, когда три британских крейсера атаковали линкор. Он получил более пятидесяти пробоин и был вынужден искать убежища в территориальных водах Уругвая. «Было чрезвычайно увлекательно следить из Военного кабинета Адмиралтейства за тем, как разворачивается эта блестящая драма», – писал

впоследствии Черчилль.

Через четыре дня «Адмирал граф Шпее» был отведен от берега и взорван. Выступая по радио этим вечером, Черчилль рассказал всей стране подробности этого события и выразил уверенность, что «в конце концов будут преодолены все трудности, решены все проблемы и мы исполним свой долг». Один парламентарий от консерваторов, Вивиан Адамс, написал ему: «Хотелось бы, чтобы вы могли разговаривать с нами каждый вечер!» – и добавил: «Вы совершенно правы, если можно так сказать, подчеркивая трудности, которые нас ждут впереди». В этом же месяце Черчилль написал Дэвиду Маргессону, у которого недавно умерла сестра: «По мере того как мы сталкиваемся с миром, он становится все отвратительней».

Незадолго до Рождества сотрудники Черчилля нашли способ размагничивать корабли, чтобы они могли проходить над смертоносными магнитными минами без какого-либо вреда. «Похоже, мы схватили их за хвост», – телеграфировал Черчилль президенту Рузвельту 24 декабря.

В Рождество Черчилль очередной раз напомнил Чемберлену, что все его советники «категорически за» захват шведских железных рудников и «считают, что это может оказаться кратчайшим и вернейшим путем к концу». Через два дня он заявил, что, как только Военный кабинет даст санкцию, Адмиралтейство направит военно-морские силы для прекращения движения кораблей с железной рудой на юг. В очередной раз решено было отложить решение. 29 декабря, в день предполагавшегося начала боевых действий, Черчилль сообщил, что из рудников в Нарвик ежедневно стало ходить восемнадцать железнодорожных составов с железной рудой вместо десяти, как было раньше. «Таким образом, поток немецкой руды усиливается, а недовольство британцев остывает».

Черчилль предложил новый срок начала захвата немецких судов с рудой – 4 января 1940 г. Он предупредил: слишком длительная отсрочка может привести к тому, что немцы «опередят нас». Тем не менее Генеральный штаб был скорее за проведение более масштабной операции в Швеции в марте, нежели за прибрежные действия в Норвегии в январе. Это повергло Черчилля в уныние: «Боюсь, все это приведет только к негативным последствиям, и ничего сделано не будет».

6 января Черчилль уехал в Дувр, откуда на эсминце «Кодрингтон» отплыл во Францию. С ним был «проф» Линдеман, знающий «все мои тайны», как сказал Черчилль командующему британским экспедиционным корпусом лорду Горту. Кроме того,

его сопровождали его сын Рэндольф, секретарша Кэтлин Хилл, морской адъютант лейтенант-коммандер «Томми» Томпсон, который будет сопровождать его на протяжении всей войны, два инспектора полиции и его бывший детектив Уолтер Томпсон, снова вернувшийся к нему и тоже остававшийся с ним до окончания войны. Утром Черчилль на машине отправился в Венсен, чтоб обсудить с генералом Гамеленом и адмиралом Дарланом возможность минирования Рейна с воздуха. Дарлан был склонен приступить к действиям как можно раньше.

Затем Черчилль поехал на линию Мажино, оттуда – в Ла-Ферте, расположение штаба французской армии, и провел ночь в ближайшем отеле. На следующий день он посетил расположение британских передовых авиационных ударных сил близ Реймса, где проинспектировал артиллерийские позиции и аэродромы и остался на ночлег. 8 января он был в Аррасе, где пообедал с лордом Гортом и посетил различные войсковые соединения. «Всем, кто дома чувствует уныние или раздражение, – сказал он в заявлении для прессы на следующий день, – следовало бы провести несколько дней в расположении французской и британской армий. Они нашли бы здесь и тонизирующее, и успокаивающее. К несчастью, Адмиралтейство не может гарантировать предоставление транспорта для всех желающих».

Вернувшись в Лондон 9 января, Черчилль стал настаивать на повышении качества зенитной артиллерии в британском секторе. Его по-прежнему, как и в августе 1939 г., волновал трехсоткилометровый разрыв между северной оконечностью линии Мажино и Северным морем. Этот разрыв приходился на Бельгию. Но, несмотря на давление и Чемберлена, и Черчилля, бельгийский король отказывался пустить на свою территорию британские войска, чтобы закрыть его. Он хотел, чтобы ответственность за нарушение бельгийского нейтралитета была возложена на Гитлера.

Это было не единственное негативное решение, которое расстроило Черчилля на этой неделе. 12 января Военный кабинет решил, вопреки его настойчивым призывам, что «не следует предпринимать никаких действий» для прекращения поставок в Германию железной руды из Норвика. Его разочарование было безмерным. 15 января в письме Галифаксу он написал о «чудовищных трудностях, которые представляет наша военная машина для ведения позитивных боевых действий. Я вижу гигантские стены предосторожности, все растущие и растущие, так что уже начинаю сомневаться, сможет ли хоть какой-то план преодолеть их». Он продолжал продвигать несколько проектов,

в том числе минирование Рейна и норвежских прибрежных вод. «Боюсь, – сказал Черчилль, – все они не устоят перед огромной массой негативных аргументов и сил». Одно, по его словам, можно было утверждать с абсолютной уверенностью: «Победа никогда не будет достигнута при выборе линии наименьшего сопротивления».

18 января Черчилль узнал, что комитет Министерства снабжения, чьей задачей была координация производства боеприпасов в районе Бирмингема, приступит к работе только на следующий день, что его функции будут исключительно рекомендательными и что у него не будет полномочий размещать конкретные заказы на вооружение. Это привело его в ярость. Впервые он выступил за наделение Министерства снабжения реальной властью 23 апреля 1936 г. Теперь он узнал, что оно до сих пор не обладает властью принуждать производителей соответствовать потребностям вооруженных сил.

20 января в своем четвертом выступлении по радио Черчилль говорил про финнов, которые все еще упорно сопротивлялись русским армиям. «Только Финляндия, – сказал он, – превосходно, нет, безукоризненно, перед лицом опасности Финляндия показывает, как должен действовать свободный человек». Затем язвительно отозвался о нейтральных странах: «Каждая надеется, что, если досыта кормить крокодила, этот крокодил съест ее последней». Они все надеются, что гроза минует «раньше, чем придет их очередь быть съеденными. Но я опасаюсь – глубоко опасаюсь, – что гроза не пройдет. Она будет бушевать и грохотать еще более громко, еще более страшно. Она распространится на юг; она распространится на север». Нет никакого способа «быстро закончить» войну, кроме как совместными активными действиями. Если в какой-то момент Британия и Франция, «изможденные борьбой, захотят заключить позорный мир, малые страны Европы, с их флотами и ресурсами, будут разорваны и разделены антагонистическими и одновременно очень сходными режимами нацизма и большевизма».

Однако закончил Черчилль выступление на оптимистичной ноте: «И пусть такие великие города, как Варшава, Прага и Вена, не впадают в отчаяние даже в тисках страданий. Освобождение придет. Настанет день, когда по всей Европе снова зазвучит праздничный колокольный звон, и торжествующие народы, победившие не только своего врага, но и самих себя, начнут планировать и строить – в духе справедливости, традиций, в духе свободы – большой многоквартирный дом, где найдется место для каждого». Решающим фактором победы станет не количество, «а идея, которая вызовет спонтанный всплеск духа человечности

в миллионах сердец». Если бы этого не произошло, «каким бы образом человеческая раса возвысилась над обезьянами, каким бы образом она смогла победить и уничтожить драконов и чудовищ, каким бы образом вообще возникла идея нравственности?».

Миллионы слушателей вдохновились словами Черчилля. Его слушали не только в Британии и Франции, но и тайком в уже завоеванных странах. Однако в нейтральных странах, таких как Норвегия, Голландия, Дания и Швейцария, зазвучали протесты против его призыва присоединиться к союзникам. Один из таких протестов Галифакс передал Черчиллю. Он ответил так: «То, что говорят нейтралы, сильно отличается от того, что они думают, или от того, что за этим последует. Впрочем, это касается всех пророчеств». Галифакс не сказал Черчиллю, что французское правительство сочло его призыв к нейтралам «своевременным и тщательно сформулированным» и высоко оценило саму речь за «реализм и решительность».

«Просить меня не произносить речи, – добавил Черчилль, – все равно что просить сороконожку повременить и не ставить лапку на землю».

Через неделю Черчилль выступил с новой речью по радио, описав некоторые злодеяния, которые творили нацисты в Польше, устраивая кровавые бойни, в которых погибли тысячи мирных граждан. «По этим позорным свидетельствам, – сказал он, – мы можем представить собственную судьбу, если окажемся у них в лапах». Однако из этих же свидетельств можно «почерпнуть силу и решимость, с которыми должны двинуться вперед, без остановок и передышек – до тех пор, пока не наступит освобождение и не будет восстановлена справедливость».

После оккупации Польши прошло более трех месяцев. Британия все еще занимала выжидательную позицию. Черчилль был убежден, что необходимо принимать активные действия против немецких судов, беспрепятственно доставляющих железную руду из Нарвика в Германию. 5 февраля на совещании высшего военного совета в Париже, на котором он присутствовал, наконец было принято решение установить контроль над шведскими железными рудниками.

В тот же день совет решил помочь Финляндии в войне против России и направить в Скандинавию более 30 000 французских и британских солдат. Начальник штаба британской армии назвал датой высадки в Нарвике 20 марта.

Вскоре после того, как Черчилль вернулся из Франции, в норвежских территориальных водах было замечено немецкое грузовое судно «Альтмарк». В его трюмах находились 299 британских пленных. Большинство из них – члены экипажей

торговых судов, потопленных в Южной Атлантике линкором «Адмирал граф Шпее». Теперь их интернировали в Германию. «Альтмарк» выследил в норвежских водах британский эсминец «Коссак». Черчилль лично направил распоряжение командиру эсминца капитану Филиппу Виану: «Вам следует взять «Альтмарк» на абордаж, освободить пленных и завладеть судном». Если норвежские торпедные катера, сопровождающие «Альтмарк», откроют огонь, добавил Черчилль, «вам следует защищаться, применяя не больше силы, чем необходимо, и прекратить огонь, когда они прекратят».

Всю ночь Черчилль с тревогой ждал вестей о том, что произошло. Десантная группа с «Коссака» высадилась на борт «Альтмарка». В завязавшейся перестрелке четверо немцев были убиты, остальные сдались или сбежали на берег. Все британские пленные были освобождены. «Уинстон заслуживает большого доверия», – написал лорд Ллойд в частном письме от 18 февраля. Через пять дней Черчилль выступил в ратуше с поздравлением экипажей боевых кораблей, которые положили конец бесчинствам линкора «Адмирал граф Шпее». Это блестящая морская победа, сказал он. «Мрачной холодной зимой она согрела британские сердца».

«Уинстон перебивает цену на рынке речей», – прокомментировал Хор. Но для британской публики было что-то особенное в языке Черчилля, в его тоне и настроении, которые придавали и продолжат придавать его выступлениям свойство тонизирующего средства. 27 февраля он выступил вновь, впервые после 1914 г. представив в парламенте проект бюджета флота. В своем выступлении он привел подробности «возмутительных действий», которые совершали немецкие моряки против рыболовных судов, небольших невооруженных торговых судов и плавучих маяков. После этого суда рыболовного и торгового флота стали оснащать вооружением, «поскольку ничто не дает лучшего результата в противостоянии рейдерам, чем немедленный ответный огонь».

Секретарь Черчилля довоенного времени Вайолет Пирман прислала письмо с благодарностью за его «вдохновляющую» речь. «Я считаю, страна надеется, что вы лучше, чем любой другой член кабинета, в состоянии выразить национальное чувство так, как только и может понять немец: не спасовать перед хулиганом и доказать ему, что он трус».

Галифакс, более десяти лет критиковавший Черчилля, записал в дневнике 28 февраля: «Он – экстраординарная личность, но должен сказать, чем больше я его понимаю, тем больше он мне нравится. Эта комбинация простоты, энергии

и интеллектуальной гибкости чрезвычайно увлекательна».

Начальник штаба назначил на 20 марта десант в Нарвике с дальнейшим продвижением войск к шведским железным рудникам. Черчилль предложил в качестве предварительной меры перед десантированием заминировать норвежские территориальные воды. Но 29 февраля Чемберлен заявил в Военном кабинете, что лидеры лейбористов Клемент Эттли и Артур Гринвуд высказали мнение, что Британия «не будет оправдана в случае принятия действий, способных нанести ущерб третьей стороне». По мнению Чемберлена, Соединенные Штаты тоже могут быть против установки мин в нейтральных водах. Соответственно, в данный момент операцию следует отложить. Черчилль пришел в ярость. Он сказал, что этот план «должен был быть выполнен три месяца назад». И сейчас еще не поздно. Он способен «сделать больше для ускорения поражения Германии, чем любая другая отдельная мера, на которую мы способны в настоящее время».

Черчилль ничего не мог сделать против сопротивления Чемберлена и нежелания Военного кабинета придерживаться четкого плана или установить определенный график. Только 12 марта кабинет согласился с проведением высадки в Нарвике и последующей высадкой десанта южнее. Но на следующий день финны подписали договор с Советским Союзом, уступив значительную часть своей территории и укреплений. Вечером Чемберлен дал распоряжение «остановить» экспедицию в Нарвик.

Чрезвычайно раздосадованный, Черчилль вечером написал Галифаксу: «Учитывая лишения и жертвы, которые вынужден нести наш народ, общественный деятель, наделенный ответственностью за ведение войны, должен жить в постоянном душевном напряжении. Добросовестное исполнение долга – не оправдание для министров: мы должны строить и осуществлять планы для победы». Британия потерпела «крупную катастрофу», не предприняв военных действий на севере, «и это как никогда развязало руки немцам. Есть ли у них собственный определенный план действий против нас – сказать не могу. Я был бы очень удивлен, узнав, что такового нет». Немцы обязаны думать, что делать дальше. «Наверняка у них есть план. У нас нет».

26 марта Генеральный штаб, членом которого был Паунд, вновь поднял вопрос о проведении акции, которая должна положить конец поставкам шведской руды в Германию. Через два дня в Лондоне состоялось совещание Верховного военного совета, на котором согласились с предложением Чемберлена

«предпринять все возможные шаги», чтобы лишить Германию шведской руды. Таким образом, предложение Черчилля, выдвинутое еще 19 сентября, наконец сдвинулось с мертвой точки и стало общим планом союзников. Было решено, что 8 апреля в норвежских территориальных водах будут установлены минные поля, после чего следует установить контроль над береговой линией и осуществить высадку в Нарвике. Черчилль испытал облегчение. Переводчик секретариата кабинета министров капитан Беркли записал в дневнике, что после принятия решения «Уинстон громко фыркнул». Наконец его энергия сможет быть направлена на реализацию плана, имеющего конкретные сроки. В выступлении по радио 30 марта он предсказал «активизацию борьбы» и добавил, что «мы, безусловно, ни в коей мере не склонны от нее уклоняться».

2 апреля Чемберлен в публичной речи уверенно заявил, что «поезд» Гитлера «ушел». Но как предсказывал Черчилль в письме Галифаксу, у немцев тоже был план. Ему суждено было поставить под угрозу и спутать все действия, которые с таким опозданием согласился предпринять Военный кабинет. Согласно этому плану, именно 8 апреля, когда британский флот начал минировать фьорд, ведущий к Нарвику, немецкие вооруженные силы были переброшены морем в шесть различных точек на норвежском побережье, включая Осло. На следующее утро немецкий десант высадился в Нарвике.

Несмотря на неоднократные призывы Черчилля к активным действиям, британское правительство колебалось слишком долго. Немцы за сорок восемь часов оккупировали Осло. Дания была оккупирована без сопротивления. Вечером 10 апреля генерал-майор Макеси, недавно объявленный назначенным командующим[38] британской действующей армией, находящийся в Лондоне, получил указание «вышибить немцев из Нарвика и установить контроль над Нарвиком». Его войска будут готовы отправиться из Британии не ранее чем через тридцать шесть часов.

Но было слишком поздно; в сражениях на севере Норвегии, как и на юге, немцы приобрели доминирующее положение и превосходство в воздухе. «Нет ни малейшего смысла винить союзников, – сказал Черчилль в палате общин 11 апреля, – за то, что они не смогли оказать существенной помощи и защитить нейтральные страны, если сами нейтральные страны держали нас на расстоянии вытянутой руки до тех пор, пока не подверглись нападению Германии, имеющей тщательно продуманный план». Он никак не упомянул о своих просьбах разработать

соответствующий план еще более полугода назад и о том, что Военный кабинет последовательно менял, откладывал, колебался и переносил решения.

13 апреля у берегов Нарвика было потоплено семь немецких военных кораблей, но город оставался в руках немцев. Британцы провели успешные десантные операции южнее – к северу и югу от Тронхейма, стремясь взять его в клещи, на чем особенно настаивал Галифакс, хотя это и отвлекло силы от предполагавшегося штурма Нарвика. Генерал Макеси, находясь на подступах к Нарвику, решил, что непосредственный штурм города «нереален». Тем не менее его войска высадились в трех других точках, ближайшая из которых была в пятидесяти километрах от Нарвика, и стали ждать подходящего момента для наступления. К середине апреля подходящий момент так и не наступил. Глубокий снег и ночные температуры ниже минус двадцати градусов по Цельсию вынудили Макеси 17 апреля предложить перенести наступление на конец месяца.

Все складывалось так, что к списку предыдущих неудач Черчилля должно было прибавиться слово «Нарвик». Но общество больше не обращало внимания на отдельные эпизоды. Обществу был нужен лидер. Мужчины и женщины из всех политических партий, самого различного общественного положения считали, что Черчилль может стать таким лидером. Как заметил Колвилл 26 апреля, его положение в стране было «неоспоримым». Через три дня, когда германские войска вынудили британцев разжать «клещи» вокруг Тронхейма и оставить два своих прибрежных плацдарма, депутация старших членов парламента отправилась к Галифаксу выразить недовольство «недостатком инициативы», демонстрируемым правительством почти во всех областях военной политики.

Среди многих консерваторов в палате общин, так долго сохранявших лояльность к Чемберлену, неудача в Норвегии вызвала раздражение и даже стремление к смене премьер-министра. Генри Ченнон, верный сторонник Чемберлена, записал в дневнике 30 апреля мнение многих парламентариев, что «премьер-министром должен стать Уинстон, потому что у него больше сил и страна его поддерживает».

Правительственная школа кодирования и шифрования, расположенная в Блетчли, к северу от Лондона, в период с 19 апреля по середину мая дешифровала более тысячи совершенно секретных немецких радиосообщений, приказов, инструкций докладов и пр., передаваемых шифровальной машиной «Энигма», которой пользовались немецкая авиация

и армия в Норвегии для передачи наиболее срочных и важных материалов. Возможность дешифровки этих засекреченных радиосообщений стала триумфом британской разведки. Это было прямое подслушивание противника. Но эта возможность появилась так внезапно и неожиданно, что на создание надежной и безопасной системы для передачи этой ценной информации командирам британской действующей армии времени уже не было.

Несмотря на настоятельные просьбы Черчилля, генерал Макеси 5 мая снова отказался штурмовать порт. У Черчилля не было власти приказать ему и не было способа объяснить, что его увещевания основаны на точном знании сил и намерений противника.

Продолжающиеся отступления и неудачи в Норвегии начали вызывать беспокойство в обществе. Все громче звучали насмешки над сделанным два месяца назад заявлением Чемберлена, что «поезд Гитлера ушел». В лейбористской и либеральной оппозиции многие высказывались за то, чтобы Черчилль возглавил парламентский бунт против Чемберлена. Он отказывался это сделать. Он был членом Военного кабинета и намеревался работать в команде, не строя заговоров. Его задачей было найти способ захвата Нарвика. Ради этого он посвящал все свое время разработке сложных сухопутных и морских операций.

Несмотря на продолжающиеся просьбы Черчилля, который благодаря дешифровке сообщений «Энигмы» знал планы и слабости немцев, лорд Корк, командующий операцией в Норвегии, сомневался в возможности изгнания немцев из Нарвика. 1 мая, в надежде придать новый импульс военным действиям, Чемберлен назначил Черчилля председателем военного координационного комитета, состоящего из трех силовых министров и наделенного большими полномочиями давать «наставления и указания» Генеральному штабу. Но изменения произошли слишком поздно. 3 мая начальник имперского Генерального штаба генерал Айронсайд записал в дневнике: «Слышал, в палате начинается первоклассная ссора. Усиливается движение за избавление от премьера. Естественно, единственный, кто может его заменить, – Уинстон. Но он слишком неуравновешен, хотя и обладает талантом положить конец этой войне».

6 мая в кабинете министров Галифакс проявил неожиданную инициативу. Позже он записал: «Я предложил единственный способ выиграть время – обмануть немцев, предложив им мирные переговоры». Черчилль вспыхнул от ярости и обвинил Галифакса

в предательстве. Затем Галифакс передал ему записку: «Вы очень несправедливо отнеслись к моим безответственным идеям. Они могут быть глупыми, безусловно опасными, но в них нет предательства». Черчилль вернул записку Галифаксу с извинением: «Дорогой Эдвард, у меня случился приступ страха. Прошу прощения, если оскорбил вас. Это была очень опасная мысль в нынешней атмосфере отчаяния. Вы не могли этого предвидеть. Простите меня. У.».

Чемберлен совершил еще одну ошибку, заявив в палате общин, что в битве за Норвегию «баланс преимущества» остался за Британией. Это было явной неправдой. Чувствуя злость и неопределенность, кое-кто даже заговорил о возвращении к власти Ллойд Джорджа, которому к этому времени было семьдесят семь лет. Парламент собрался обсуждать норвежские события 7 мая. Этим утром лорд Корк телеграфировал Черчиллю, что способен в конце концов атаковать Нарвик с «хорошими шансами» на успех. Телеграмма пришла в Лондон только к вечеру. Тем временем парламент в атмосфере раздражения начал дебаты.

7 мая одним из главных объектов критики стал Черчилль как министр, ответственный за деятельность флота. Сохраняя лояльность правительству, он приготовился защищать его действия, даже те, против которых он возражал на закрытых заседаниях кабинета. Его задачей было как-то свернуть бурные дебаты, в ходе которых он в основном хранил молчание. Когда в палате появился Чемберлен, чтобы выступить в защиту норвежской кампании, его встретили возгласами: «Ваш поезд ушел!» Когда же он, непонятно почему, сослался на удовлетворенность британского народа, со всех сторон послышались громкие ироничные выкрики.

За ним выступил Эмери. Консерватор и бывший министр, друг и политический коллега Чемберлена на протяжении двух десятилетий, он повернулся к премьер-министру и процитировал слова Кромвеля, с которыми тот обратился к Долгому парламенту почти триста лет назад: «Вы слишком долго заседали для того добра, которое сделали. Уходите, я говорю, пора покончить с вами. Во имя Бога, уходите!»

8 мая дебаты продолжились. Вечером Ченнон записал в дневнике: «Атмосфера напряженная, повсюду слышен шепот: «Что будет делать Уинстон?»

Второй день дебатов по Норвегии выдался столь же бурным, как и первый. Высказывались опасения, что слабое правительство может привести к военной катастрофе, даже к поражению. Когда

лейбористская оппозиция призвала закончить дебаты голосованием за вотум недоверия правительству, Чемберлен ответил, что у него есть «друзья» в палате. Его замечание встретили смехом. «Вопрос не в том, кто является друзьями премьер-министра, – заметил Ллойд Джордж. – Вопрос гораздо более важный». И потребовал отставки Чемберлена.

Ллойд Джордж также заявил парламентариям, что Черчилля нельзя винить во всех неудачах, случившихся в Норвегии. Черчилль немедленно поднялся со своего места и сказал: «Я несу полную ответственность за все, что было сделано в Адмиралтействе, и несу свою долю всей ноши». Затем Ллойд Джордж наэлектризовал палату, заявив Черчиллю, что тот «не должен позволять превращать себя в бомбоубежище, чтобы защитить собой коллег от падающих на них обломков».

Вскоре собрался выступать Черчилль. Перед этим он коротко переговорил с Гарольдом Макмилланом. «Я пожелал ему удачи, – позже вспоминал Макмиллан, – и добавил, что надеюсь, что его выступление окажется не слишком убедительным. «Почему?» – спросил Черчилль. «Потому что нам нужен новый премьер-министр, и им должны стать вы».

Черчилль понял озабоченность друга. «Он мрачно ответил, – вспоминал Макмиллан, – что пустился в это плавание и не оставит корабль».

В своем выступлении Черчилль не только выступил в защиту действий флота в Норвегии, но и, как опасались Ллойд Джордж с Макмилланом, обосновал цель правительства отогнать немцев от норвежского побережья. «Сразу стало видно, – записал Ченнон в дневнике, – что он в воинственном духе. Оживленный, довольный собой, получающий удовольствие от положения, в каком оказался, то есть в роли защитника своих врагов и дела, в которое не верит». На самом деле Черчилль надеялся, что ситуацию в Норвегии еще можно исправить. Он знал, хотя и не стал говорить об этом, что лорд Корк попытается захватить Нарвик, и даже начал строить соответствующие планы.

Комментируя замечание Чемберлена о том, что у того в палате есть «друзья», Черчилль сказал: «Он считает, что у него есть друзья, и я надеюсь, что у него есть друзья. У него, безусловно, их было очень много, когда дела шли хорошо». При обычном голосовании Чемберлен и консерваторы могли рассчитывать на большинство с перевесом в пару сотен голосов. Этим вечером их перевес составил всего 81 голос. Это была бесплодная победа. Когда объявили результаты голосования, многие парламентарии, демонстрируя враждебное отношение к премьер-министру, запели «Правь, Британия», и, когда

Чемберлен покидал палату, это пение потонуло в криках: «Уходи, уходи, уходи». Дэвид Маргессон, выходя вместе с ним, даже опасался за физическую безопасность своего начальника.

Чемберлен был в отчаянии. Вечером он отправился в Букингемский дворец для встречи с королем. Он говорил не об отставке, а о том, что попробует сформировать коалиционное правительство, пригласив в его состав лейбористов и либералов. Но ненависть, которую теперь испытывали оппозиционные партии к Чемберлену, была слишком велика, чтобы ее можно было загладить. Для них он стал воплощением бездеятельности и провалов. На следующее утро, 9 мая, он сказал одному из своих ближайших доверенных лиц, сэру Кингсли Вуду, что, если лейбористы не захотят работать под его началом, он уйдет в отставку. В этот же день Черчилль обедал с Кингсли Вудом, который не только рекомендовал ему четко обозначить свое желание сменить Чемберлена, но и предупредил, что сам Чемберлен видит своим преемником Галифакса. Совет Вуда Черчиллю был тверд: «Не соглашайтесь».

Днем Чемберлен пригласил Черчилля и Галифакса на Даунинг-стрит. «Самое главное», сказал он им, сохранить национальное единство. Лейбористы должны войти в состав правительства. Если лейбористы не захотят с ним работать, он «вполне готов подать в отставку». Затем он пригласил на Даунинг-стрит лидеров Лейбористской партии Эттли и Гринвуда. Есть ли у них желание, спросил он в присутствии Галифакса и Черчилля, войти в состав правительства, в котором он, Чемберлен, будет премьер-министром? Или, если они не хотят работать с ним, согласятся ли они работать с другим представителем Консервативной партии?

Лидеры лейбористов пояснили, что ответ на любой из этих вопросов зависит от мнения партии. Они могут довольно быстро выяснить это мнение, поскольку сейчас проходит партийная конференция в Борнмуте. Впрочем, они полагают, что ответ на первый вопрос, скорее всего, будет «нет», а на второй – «да». С этими словами они отправились на южное побережье, оставив Чемберлена, Черчилля и Галифакса на Даунинг-стрит. Было ясно, что скоро премьер-министром станет либо Черчилль, либо Галифакс. Было также ясно, что Чемберлен предпочтет Черчиллю Галифакса – своего коллегу на протяжении последнего десятилетия.

Чемберлен сказал претендентам, что Галифакс «упоминается как наиболее приемлемый». Однако Галифакс пояснил, что ему не хотелось бы распоряжаться военными действиями из палаты лордов. Он сказал, что на нем будет лежать вся ответственность,

но он «не будет иметь власти руководить собранием, от доверия которого зависит жизнь любого правительства». Не имея возможности стать лидером в палате общин, сказал Галифакс: «Я буду фикцией». Черчилль промолчал. Затем Галифакс сказал, что, по его мнению, «Уинстон стал бы лучшим вариантом». Черчилль не возражал. Он был, как записал Галифакс через несколько часов, «очень мягок и вежлив, но дал понять, что считает это правильным решением».

Черчилль заверил Чемберлена и Галифакса, что до тех пор, пока король не попросит его сформировать правительство, он не будет вступать в контакты с лидерами лейбористов и либералов. На этом встреча завершилась. Надежды Чемберлена на то, что удастся избежать премьерства Черчилля, похоже, растаяли. Уже главный правительственный «кнут» Дэвид Маргессон, глаза и уши Чемберлена в палате общин, сказал ему, что мнение парламентариев «повернулось в пользу Черчилля».

Вечером Черчилль ужинал с несколькими близкими друзьями-политиками, в том числе с Синклером и Иденом. Он демонстрировал уверенность, говорил гостям, что не сомневается в том, что Чемберлен посоветует королю послать за ним, поскольку Галифакс «не захотел стать преемником». За столом даже начались разговоры о составе его нового кабинета. Предполагалось, что Черчилля попросят сформировать его. Черчилль сказал, что хотел бы сохранить Чемберлена в кабинете, сделать Идена военным министром, а себе, помимо должности премьер-министра, взять еще пост министра обороны.

Вечером Черчиллю позвонил Рэндольф, который находился в военном лагере на севере Англии. Рэндольф поинтересовался последними новостями. «Думаю, завтра я стану премьер-министром», – ответил отец.

На рассвете 10 мая гитлеровские войска нанесли удары по территории Голландии, Бельгии и Франции. Чемберлен узнал об этом, проснувшись, и решил, что такой критический момент – не время для смены премьер-министра. Он должен остаться. Его место у штурвала.

Первая встреча Черчилля состоялась в шесть утра. С Оливером Стенли, военным министром, и Хором, министром авиации, он обсудил срочные меры в области армии, авиации и флота, необходимые в свете немецкого наступления. «Черчилль, – вспоминал Хор, – чей дух, на который не действовали ни неудачи, ни катастрофы, только укреплялся во время кризиса, был, как всегда, готов давать уверенные

советы». Черчилль с Хором и Стенли позавтракали вместе. «Мы почти не спали в ту ночь, – позже вспоминал Хор, – а новости были хуже некуда. А он, покуривая свою длинную сигару и поглощая яичницу с беконом, выглядел так, словно вернулся с ранней утренней прогулки».

В семь утра снова позвонил Рэндольф. Он только что услышал по радио о наступлении немцев. «Что происходит?» – спросил он. «Немецкие орды затапливают нижние страны[39]», – ответил отец. «А что ты сказал мне вчера вечером, – продолжал Рэндольф, – по поводу того, что сегодня станешь премьер-министром?» – «Об этом я пока ничего не знаю, – ответил Черчилль. – Сейчас ничто не имеет значения, кроме победы над врагом».

Так же думал и Чемберлен. В восемь утра, когда члены Военного кабинета собрались на Даунинг-стрит, он, как обычно, уже сидел в кресле. Когда Хор через час зашел к нему, он обнаружил, что Чемберлен склоняется «повременить с отставкой, пока не закончатся военные действия во Франции». Утром члены Консервативной партии постепенно узнавали, что Чемберлен остается. Многих это разозлило, даже возмутило. Один из них позже записал, что уважаемый консерватор лорд Солсбери, чьим мнением поинтересовались недовольные коллеги, сказал: «Мы должны отстаивать свою точку зрения, а именно что в течение дня Уинстон должен стать премьер-министром».

Вскоре после десяти утра к Чемберлену на Даунинг-стрит пришел Кингсли Вуд. Премьер-министр, вспоминал он, сказал, что «склонен полагать, что перед лицом великой битвы, которая нас ждет, он чувствует необходимость оставаться на своем посту». На это Вуд заметил, что «новый кризис делает еще более необходимым создание правительства народного единства, которое только и может противостоять ему».

Второе заседание Военного кабинета было назначено на одиннадцать утра. Его члены встретились, чтобы под председательством Чемберлена обсудить немецкое наступление. По предложению Черчилля сэр Роджер Киз, один из самых ярых критиков Чемберлена в ходе норвежских дебатов, состоявшихся двумя днями ранее, был направлен в Бельгию для укрепления твердости духа бельгийского короля. Днем, в четверть пятого, Военный кабинет собрался вновь. Поступило сообщение, что немецкие парашютисты захватили аэродром в Роттердаме и что Голландии угрожает скорый захват. Посыльный из Военного министерства передал записку Айронсайду. Тот зачитал ее вслух. Немецкие парашютисты высадились на территории Бельгии. Возникла дискуссия

о необходимости предупредить войска, дислоцированные в Британии, о возможности противостояния воздушному десанту на английской территории.

Очередной посыльный доставил сообщение Чемберлену. Премьер-министр взял его, но ничего не сказал, некоторое время дожидаясь окончания дискуссии. Затем он прервал ее. Он объявил, что получил сообщение из Борнмута с ответом на два вопроса, которые он задал предыдущим днем. Сообщение было четким: ни один член Лейбористской партии не готов работать «с действующим премьер-министром». Тем не менее лидеры лейбористов готовы сотрудничать с новым премьер-министром. После этого краткого, но яркого сообщения премьерство Чемберлена практически завершилось. Через час он уже был в Букингемском дворце и объявил королю о своей отставке. Вечером король записал в дневнике: «Я спросил у Чемберлена совета, и он сказал, что Уинстон – тот человек, за которым следует послать».

Ранним вечером 10 мая Черчилль прибыл в Букингемский дворец.

«Полагаю, вы не знаете, почему я послал за вами?» – с улыбкой спросил король. «Сир, я просто не могу представить», – ответил Черчилль. Король рассмеялся, после чего объявил: «Я хочу просить вас сформировать правительство».

Восемь с половиной месяцев разочарований Черчилля закончились. Цель всей его жизни была достигнута. Перед тем как покинуть Букингемский дворец, он назвал королю имена тех, кого хотел бы видеть в новом правительстве, в том числе четверых видных лейбористов – Клемента Эттли, Артура Гринвуда, Эрнста Бевина и Герберта Моррисона. Это будет правительство всех партий, или, как он любил говорить, «великая коалиция».

Пока Черчилль беседовал с королем, его сыну Рэндольфу, находящемуся в армейском лагере, передали записку с просьбой позвонить в Адмиралтейство. Его соединили с одним из личных секретарей отца, который был краток: «Сообщаю только, что ваш отец уехал во дворец и вернется премьер-министром».

Глава 28
Премьер-министр

Вечером 10 мая 1940 г. Черчилль стал премьер-министром. Позже он записал, что в эту ночь ложился спать с чувством глубокого облегчения: «Наконец у меня появилась власть распоряжаться всей сценой. Было ощущение, что мне это предназначено судьбой и что вся моя предыдущая жизнь была не более чем подготовкой к этому часу и к этому испытанию». Но в рядах консерваторов все-таки существовала оппозиция назначению Черчилля премьер-министром. 11 мая лорд Дэвидсон написал Стенли Болдуину: «Тори не доверяют Уинстону. После того как первые военные стычки закончатся, возможно, появится более сильное правительство».

Семья, друзья, многочисленные сторонники ликовали по поводу премьерства Черчилля. «Я всю жизнь знала, что ты станешь премьер-министром, еще со времен конных карет, – написала Памела Литтон, его приятельница сорокалетней давности. – Но все-таки, когда это случилось, новость заставила биться сердце как от неожиданной радости. Перед тобой задачи огромной важности». Рэндольф прислал слова сыновнего одобрения: «Наконец у тебя появились сила и власть, которых кокус[40] жульническим образом лишал тебя и Англию долгих девять лет! Не могу передать, как я счастлив и горд. Надеюсь, что это не слишком поздно. Ты пришел в потрясающий момент. От всей души желаю удачи в тревожные дни, которые нас ждут впереди».

С самого начала премьерства Черчилля опасности ежедневно угрожали выживанию Британии. Чтобы ликвидировать недостаток самолетов, Черчилль назначил лорда Бивербрука министром авиационной промышленности, Идена – военным министром, Синклера – министром авиации. Это были друзья, на которых он мог рассчитывать и которые были способны заниматься своим делом без постоянных понуканий. Его предложение Ллойд Джорджу стать министром сельского хозяйства было отвергнуто. Ллойд Джордж утратил уверенность в победе. Эрнст Бевин стал министром труда и трудовой и воинской повинности, Герберт Моррисон – министром снабжения. Черчилль был уверен, что эти лейбористы способны приложить огромные усилия, необходимые для наращивания военного производства и сохранения единства нации.

Во второй половине дня 13 мая Черчилль собрал всех своих

министров в Адмиралтействе и сказал им: «Я могу предложить вам только кровь, тяжелый труд, слезы и пот».

Он повторил эти слова через несколько часов, выступая в парламенте, где заявил: «Вы спросите: какова наша политика? Я скажу: вести войну на море, на суше и в воздухе со всей нашей мощью и силой, какими наделил нас Бог; вести войну против чудовищной тирании, непревзойденной в мрачном и скорбном каталоге человеческих преступлений. Такова наша политика. Вы спросите: какова наша цель? Я могу ответить одним словом: победа, победа любой ценой, победа, несмотря на весь ужас, победа, какой бы тяжелой и долгой ни был путь к ней, поскольку без победы нет жизни. Это необходимо понять: нет жизни для Британской империи, нет жизни для всего, что отстаивает Британская империя, нет жизни для всех побуждений и порывов, которые веками вдохновляли человечество на его пути вперед к своей цели. Но я берусь за свое дело с оптимизмом и надеждой. Я уверен, что наше дело не пропадет даром. И я чувствую, что в такое время имею право обратиться за помощью ко всем, и я говорю: «поднимайтесь, давайте идти вперед вместе, объединив наши силы».

Вернувшись на Даунинг-стрит, Черчилль узнал, что армии Гитлера вторгаются все глубже на территорию Голландии, Бельгии и Франции. Он хотел немедленно проявить инициативу и организовать воздушные бомбардировки Германии, но пренебрежение военно-воздушными силами Британии в предвоенный период стало одной из причин, по которым Военный кабинет 13 мая решил, что это сделать невозможно. Лорд Галифакс высказался прямо, назвав Британию «страной в слабой позиции». Через два дня, пока еще Италия сохраняла нейтралитет, Галифакс предположил, что, может быть, Черчиллю стоит направить персональное обращение к Муссолини.

Черчилль согласился. В своем обращении, отправленном на следующий день, он спрашивал: «Не поздно ли еще предотвратить реку крови, которая может пролиться между британским и итальянским народом?» Вне зависимости от исхода битвы во Франции, продолжал он, «Англия пойдет до конца, даже в полном одиночестве, как мы это делали ранее, и я с определенной уверенностью могу сказать, что в этом нам в значительной степени будут помогать Соединенные Штаты и весь американский народ». Эта тема прозвучала и в телеграмме Рузвельту, которую он отправил 15 мая. В ней прозвучало мрачное пророчество: «Если придется, мы продолжим войну одни, и нас не страшит это. Но я надеюсь, вы понимаете, господин президент, что голос и сила Соединенных Штатов могут

не сыграть никакой роли, если их сдерживать слишком долго. Вы можете получить полностью покоренную нацистскую Европу, созданную с невероятной быстротой, и это бремя может оказаться нам не по силам».

Утром 16 мая немецкие войска прорвали линию Мажино. В Лондоне стало известно о неизбежном отступлении французов, что подвергало непосредственной опасности британский экспедиционный корпус. Стремясь своим личным влиянием предотвратить отступление, Черчилль полетел в Париж. Там он обнаружил, что у высшего военного командования французов нет никаких планов на контрнаступление. Вечером он отправил телеграмму Военному кабинету в Лондоне с вопросом: можно ли удовлетворить просьбу французов о дополнительной помощи британскими истребителями и бомбардировщиками. «С исторической точки зрения будет неверно, если просьба будет отклонена, что приведет к их краху». Военный кабинет дал согласие.

Утром 17 мая Черчилль самолетом вернулся в Лондон. «Уинстон в подавленном настроении, – записал его младший личный секретарь Джок Колвилл. – Он говорит, что французы полностью разваливаются, как поляки, и что наши силы в Бельгии необходимо отводить, чтобы сохранить контакт с французами». На заседании Военного кабинета 18 мая Невилл Чемберлен, которого Черчилль назначил лордом – председателем тайного совета, предложил Черчиллю следующим вечером выступить с радиообращением к нации, чтобы показать, «что мы едины и что никакие личные соображения не должны помешать принятию мер, необходимых для победы».

Черчилль принял предложение Чемберлена. Это стало его первым выступлением по радио в качестве премьер-министра с тех пор, как он девять дней назад вступил в эту должность. «Разве это не час, когда всем нам следует напрячь все наши усилия? – задал он вопрос и продолжил говорить о «группах изможденных стран и избитых народов, чехах, поляках, норвежцах, датчанах, бельгийцах, – над которыми сгущается долгая ночь варварства, в которой нет даже проблеска надежды, если мы не победим, а мы должны победить и победим безусловно».

Выступление Черчилля вдохновило нацию. «Вчера вечером слушал ваш хорошо знакомый голос, – написал Болдуин из своего дома в Вустершире, – и мне бы очень хотелось пожать вам руку и сказать, что от всего сердца желаю вам всего самого лучшего, – здоровья, физических и душевных сил – чтобы вы смогли справиться с невероятной ответственностью, которая ныне лежит

на вас». Капитан Беркли, который десять дней назад записал в дневнике, что «Уинстон лишен здравого смысла», отметил 20 мая: «Премьер вчера вечером сделал великолепное обращение по радио. Он был безупречен во всем, и после того, как успел предотвратить серьезный коллапс в Париже четыре дня назад, сумел оживить всех здесь».

Ответственность, лежавшая на Черчилле в этот вечер, была так же велика, как и любая другая, с которой ему приходилось иметь дело. Она проявилась немедленно после выступления по радио в его решении, принятом после мучительных консультаций с главным маршалом авиации сэром Эдгаром Ладлоу-Хьюиттом, главнокомандующим бомбардировочной авиацией. Было решено, несмотря на настоятельные просьбы французов, больше не направлять британские бомбардировщики в небо Франции. Каждый из них мог вскоре понадобиться для отражения нападения Германии на саму Британию. Тем же вечером, предполагая, что по мере отступления британских сил на континенте вскоре может возникнуть необходимость выводить их из Франции, Черчилль попросил Адмиралтейство «держать в готовности большое количество мелких судов, которые можно будет направить в порты и бухты на французском побережье».

Мощную и срочную помощь могли бы оказать Соединенные Штаты. Черчилль намеревался использовать пятьдесят эсминцев времен Первой мировой, которые простаивали в американских доках. Но Рузвельт не соглашался отдать их. Его советники опасались, что в случае поражения Британии эти эсминцы окажутся в руках немцев. Как выяснил Черчилль 20 мая, Джозеф Кеннеди, посол США в Лондоне, сообщил Рузвельту, что Британия может пойти на мирные переговоры с Гитлером. Он телеграфировал американскому президенту: «Наше намерение, несмотря ни на что, защищать до конца наш Остров, а при условии, что получим запрашиваемую помощь, надеемся вести с ними войну в воздухе, полагаясь на индивидуальное превосходство».

Черчилль добавил: «Члены действующей администрации, скорее всего, уйдут, если этот процесс даст негативные результаты, но ни при каких мыслимых обстоятельствах мы не смиримся с поражением. Если с членами нынешней администрации будет покончено, и вести переговоры среди руин придут другие, вы не должны игнорировать тот факт, что козырем при игре с Германией останется флот. Если Соединенные Штаты оставят страну на произвол судьбы, невозможно будет винить тех, на ком лежит ответственность, за то, что они станут как можно лучше торговаться, чтобы спасти жизнь ее обитателей. Простите,

господин президент, что я прямо говорю о подобном кошмаре. Очевидно, я не могу отвечать за моих преемников, которые от крайнего отчаяния и бессилия вполне могут подчиниться воле Германии».

Поражение британских войск во Франции может навести Гитлера на мысль о быстрой победе над самой Британией. Ввиду вероятного нападения немцев, Черчилль этим вечером распорядился, чтобы все уязвимые аэродромы, то есть те, у которых не было доступных сил обороны, охранялись добровольцами из местного населения и все солдаты в учебных пехотных частях, еще не прошедшие стрелковую подготовку, получили хотя бы по нескольку обойм для тренировки в стрельбе. Ровно в то время, когда Черчилль раздавал эти указания, передовые части наступающих немецких войск достигли Аббевиля, вбив клин между британскими и французскими войсками на севере Франции. Летом 1918 г. Черчилль предупреждал Ллойд Джорджа о возможности точно таких действий. Он даже конкретно назвал Аббевиль как точку у моря, к которой будут стремиться немцы, чтобы разделить армии союзников.

От Аббевиля немецкие войска двинулись дальше на север вдоль берега Ла-Манша. Через двадцать четыре часа они подошли к Булони. Черчилль решил вернуться во Францию, чтобы убедить французов попробовать восстановить контакт с изолированными британскими частями. Оказавшись в Париже вскоре после полудня 22 мая, он спросил у нового главнокомандующего французской армией генерала Вейгана, смогут ли французские войска вместе с англичанами нанести удар с юга и севера в основание немецкого клина, чтобы отрезать немецкие части, вышедшие к морю, тем самым восстановив контакт союзнических армий. «Я постараюсь», – ответил Вейган. Как заметил генерал Айронсайд, Черчилль вернулся в Лондон «почти в жизнерадостном настроении». Но через несколько часов начали поступать сообщения, что боевой дух французов «плох».

Вейган не пошел на север. 24 мая британцы были вынуждены оставить Булонь. Британские войска в Кале подвергались артиллерийским обстрелам. Черчилль был разочарован недостаточной, как ему казалось, энергичностью британского военачальника, не оказывающего помощь войскам в Кале, и рассерженно написал начальнику своего личного штаба генерал-майору сэру Гастингсу Исмею: «Разумеется, если одна сторона сражается, а другая – нет, война обречена стать неравной». Позже он узнал, что в Кале на самом деле было направлено подкрепление, но главной задачей к этому времени

было удержать Дюнкерк доступным для войск и кораблей, поскольку немцы все сильнее затягивали узлы вокруг портов на берегу Ла-Манша.

На этой неделе в обстановке строжайшей секретности дешифровщики из Блетчли, чей невероятный успех во время операции в Норвегии оказался невостребован, сумели взломать коды шифровальной машины «Энигма», которой пользовались военно-воздушные силы Германии во Франции. Этот шифр оказался сложнее, чем тот, которым пользовались в Норвегии. Именно им были зашифрованы тысячи секретных сообщений, которыми ежедневно обменивался штаб немецких ВВС со своими подразделениями во Франции и Фландрии. Эти сообщения проливали значительный свет на действия немецкой армии и авиации. 24 мая англичанам стало известно о плане немцев отрезать британские части от моря. Впрочем, эти сведения поступили из реальных документов, захваченных на поле боя. Сознавая необходимость принятия срочных контрмер, Черчилль вечером отдал распоряжение о «продвижении на север к портам и побережью».

Армию следовало выводить и по возможности возвращать домой. Флот подготовился «всеми возможными способами» забирать армейские подразделения «не только из портов, но и с побережья». Черчилль сказал министрам, что благодаря вернувшейся из Франции армии «мы сможем удержать страну». Через два дня в Лондон прилетел премьер-министр Франции Поль Рейно. Встретившись с Черчиллем в Адмиралтействе, он сказал, что у него не остается надежды, что «у Франции достаточно сил для сопротивления». Капитан Беркли записал: «Рейно не произвел впечатления. Уинстон был ужасен, он рвал и метал, вгонял сотрудников в безнадежную путаницу, ни слова не говоря, носился по Даунинг-стрит, кричал, что мы никогда не сдадимся и т. п.».

Вечером появился приказ об эвакуации морем максимально возможного количества солдат с пристаней, молов и берегов Дюнкерка. Британским войскам в Кале был отдан приказ держаться, чтобы предотвратить подход немецких войск к Дюнкерку с запада. Их эвакуировать не собирались. Одобрив решение, которое Исмей назвал «жестоким», Черчилль за ужином был «необычно молчалив» и «ел и пил с видимым отвращением». Потом, встав из-за стола, он сказал Идену, что чувствует себя «физически плохо». Через два месяца в парламенте он сказал, что солдаты, оставшиеся в Кале, «проявили мужество, которое спасло нас».

27 мая Соединенные Штаты попросили Британию сдать им в аренду аэродромы на Ньюфаундленде, Бермудах и Тринидаде. Черчилль, так и не получивший эсминцы, жизненно необходимые Британии, отказался. В этот же день он заявил на военном совете, что США не оказывали Британии «практически никакой помощи в войне», а теперь, «когда они увидели, насколько велика опасность, хотят сохранить все, что могло было быть нам полезно, ради собственной безопасности». Ему сообщили, что на восточном фланге обороны Дюнкерка бельгийский батальон, защищающий важнейший участок, «был уничтожен налетом шестидесяти вражеских бомбардировщиков». Вечером король Бельгии призвал к прекращению огня начиная с полуночи.

В далекой Скандинавии давно ожидавшаяся, но уже почти забытая норвежская кампания вечером 27 мая достигла своего пика. Британские, французские и польские войска овладели Нарвиком. Победители не знали, что их командование, в связи со срочной необходимостью усиления обороны Британии, уже получило приказ покинуть Нарвик в течение недели. Тем же вечером из Дюнкерка было эвакуировано 11 400 британских солдат. 200 000 британцев и 160 000 французов все еще оставались в окружении.

28 мая Черчилль в палате общин говорил о том, что бельгийская армия «очень храбро сражалась, понеся и нанеся тяжелые потери». Тем не менее их сдача «заметно» усилила опасность для войск в Дюнкерке, чья ситуация «чрезвычайно тяжелая». Палата должна приготовиться к «трудным и тяжелым событиям». Тем не менее все, что может произойти в Дюнкерке, «никоим образом не может освободить нас от исполнения своего долга защищать дело мира, в котором мы поклялись сами себе. Ничто не может поколебать нашу уверенность в нашей способности идти своим путем – как и в предыдущих случаях в нашей истории – через катастрофы и беды к безоговорочному поражению наших врагов».

В тот день, дожидаясь новостей с французского побережья, Черчилль в тесном кругу пяти членов Военного кабинета выслушал предложение Галифакса о том, что Британии следовало бы принять предложение Муссолини начать переговоры о всеобщем мире. Чемберлен был готов поддержать Галифакса, сказав коллегам, что «мы готовы бороться до конца, чтобы сохранить нашу независимость, но надо быть готовыми рассмотреть достойные условия, если таковые будут нам предложены». Черчилль пришел в смятение и раздражение. «Народы, которые борются до конца, поднимаются снова, а те, кто покорно сдаются, – исчезают». Его поддержали лейбористы

Эттли и Гринвуд. Укрепленный их твердостью, Черчилль, через некоторое время выступивший перед всем составом кабинета министров в количестве двадцати пяти человек, повторил свою мысль о том, что Британия скорее погибнет в борьбе, чем пойдет на мирные переговоры. «Он был просто великолепен, – записал в дневнике Хью Далтон, недавно назначенный министр военной экономики. – Необходимый и единственный, кто у нас есть для решения этой задачи».

Черчилль сказал на заседании кабинета министров, что в последние два дня глубоко размышлял над тем, «является ли частью моего долга рассматривать возможность переговоров с Тем Человеком». Немцы могут потребовать британский флот, военно-морские базы и многое другое. Британия окажется подчиненным государством с марионеточным правительством «под руководством Мосли[41] или ему подобного». Однако Британия пока обладает «огромными резервами и преимуществами». Завершил он свое выступление так: «Убежден, что каждый из вас готов сбросить меня с моего места, если я хоть на мгновение допущу мысль о переговорах или сдаче. Если долгой истории нашего острова суждено подойти к концу, пусть она закончится лишь тогда, когда каждый из нас упадет, захлебываясь собственной кровью».

Тут же со всех сторон стола послышались одобрительные возгласы. Министры Черчилля продемонстрировали единство и воодушевление. «Многие, – позже записал он, – были готовы вскочить со своих мест, с криками подбежать к моему креслу и похлопать по плечу». Он добавил, что не было сомнений в том, что «если бы я в этот решающий момент не проявил твердости в руководстве нацией, меня бы вышвырнули из кресла. Уверен, каждый министр был готов скорее погибнуть, потерять всю семью и имущество, чем сдаться». Когда через некоторое время члены Военного кабинета собрались вновь, Черчилль сказал им, что на его памяти не было другого случая, когда «собрание людей, занимающих столь высокие места в политической жизни, так решительно высказывало свои взгляды».

Способность Черчилля поверить, что каждый из его министров готов скорее погибнуть, чем сдаться, и его способность убедить других, что так оно и есть, стали мощным фактором, укрепившим решимость нации стойко встретить пугающие перспективы вторжения врага и жестокую реальность воздушных налетов. Однако в Военном кабинете кое-кто хотел продолжить обсуждение возможности мирных переговоров. Впрочем, Чемберлен, изменив свое предыдущее мнение, вечером высказал мысль о том, что Британии следует убедить Рейно, что «ему стоит

продолжать борьбу». Галифакс в этом сомневался. Он вновь предложил попробовать провести переговоры с итальянцами. Он также хотел публичной декларации британских целей в этой войне, хотя бы для того, чтобы заручиться поддержкой американцев. Черчилль заметил, что на американцев может произвести впечатление только «четкая антигерманская позиция».

Позже этим же вечером, в поисках дополнительного противовеса колебаниям Галифакса, Черчилль предложил Ллойд Джорджу место в Военном кабинете. Но бывший премьер-министр, чьей стойкостью во время Первой мировой войны так восхищался Черчилль, отказался. «Несколько архитекторов этой катастрофы по-прежнему ведущие члены вашего правительства, – ответил он Черчиллю, – и двое из них в кабинете, который руководит войной».

Это было правдой. Черчилль не осмелился посягнуть на чувство национального единства и удалить из Военного кабинета Галифакса и Чемберлена. Он был уверен, что способен создать такую сильную атмосферу решимости во всем обществе, на какую не смогут повлиять никакие сомнения колеблющихся.

К полуночи 28 мая с побережья Дюнкерка было снято еще 25 000 солдат. На следующий день за час берег покинули еще 2000. Огромная армада судов, больших и малых, в том числе колесные пароходы и прогулочные катера с десятков морских курортов пересекали в обе стороны Северное море, спасая армию. Многие затонули, сотни солдат и спасателей погибли от непрекращающихся налетов немецкой авиации. Этим вечером, в стремлении укрепить решимость своих министров и высших государственных чиновников, Черчилль написал на одной страничке призыв, в котором говорилось: «В эти мрачные дни премьер-министр будет благодарен, если все его коллеги в правительстве, равно как и высокопоставленные чиновники, сумеют поддержать высокий моральный дух в своем окружении – не преуменьшая тяжесть событий, но демонстрируя уверенность в нашей несокрушимой решимости и способности продолжать войну до тех пор, пока не сломим желание врага установить свое господство над Британией. Мысль о том, что Франция способна заключить сепаратный мир, недопустима. Но что бы ни случилось на континенте, мы не имеем права сомневаться в нашем долге, и мы безусловно приложим все силы для защиты Острова, Империи и нашего Дела».

Это послание было распространено среди всех тридцати пяти членов Военного кабинета и других министров, среди всех тридцати девяти младших министров, сорока шести «высших чиновников» и шести представителей доминионов.

Утром 30 мая Черчилль отдал распоряжение брать на борт доступных транспортных средств в Дюнкерке французских военных. Он сказал, что даже при том, что это может сократить количество эвакуируемых британских солдат, «это следует сделать ради общего блага». К середине дня в целом с начала эвакуации с берега было снято более 100 000 человек, несмотря на продолжающиеся воздушные налеты немцев. В операции на данный момент было задействовано более 860 судов. Каждый час они увозили около 4000 человек. Черчилль, следивший за ситуацией, не переставал напоминать, что эвакуации подлежат и французы. В ином случае, говорил он, британско-французским отношениям будет нанесен «непоправимый ущерб».

Сколько времени может продолжаться эвакуация, было неясно. Днем 30 мая Черчилль проинформировал главнокомандующего британскими экспедиционными силами лорда Горта, что, поскольку дальнейшее сопротивление невозможно, он имеет право «официально капитулировать, чтобы избежать бесполезных потерь». Опасаясь, что вслед за эвакуацией может сразу же начаться вторжение и захват немцами большого количества британского военного снаряжения, Черчилль заявил на заседании Военного кабинета, что Британия «без колебаний должна залить газом побережье, если это принесет пользу». В этот же день, в последней надежде стимулировать французское сопротивление, Черчилль снова решил слетать в Париж. Его сопровождали Эттли, генерал Дилл и Исмей. Присутствие немецких истребителей в небе к северу от города вынудило сделать большой крюк. Сначала они отправились в Веймут, чтобы взять эскорт из девяти «харрикейнов», затем через Ла-Манш перелетели в Джерси, потом пересекли французское побережье западнее Сен-Мало, затем направились в Виллакубле близ Версаля, где на некоторое время самолет буквально затерялся в неиспользуемом конце обширного аэродрома.

В Париже Черчилль и Эттли встретились с Рейно и Петеном. Последний, в гражданской одежде, выглядел «дряхлым, скучным и смирившимся с поражением», как позже записал Исмей. Беркли отметил, что «французы не выказали ни малейшей бодрости духа».

Черчилль сказал французским лидерам, что в течение сорока восьми часов начнется эвакуация из Нарвика. 16 000 французов и поляков будут направлены во Францию для обороны Парижа. Затем британские войска вместе с канадскими двинутся в Западную Францию для формирования дополнительных сухопутных сил и для обороны Парижа. На западе Франции уже находились две британские дивизии, хотя в самой Британии были

готовы к боевым действиям всего три. Иной помощи взять было неоткуда. Еще четырнадцать британских дивизий, вооруженных только винтовками, проходили учебную подготовку и «были абсолютно не готовы к современной войне». Во Франции воевали десять британских авиаэскадрилий. Оставшиеся двадцать девять эскадрилий были крайне необходимы для защиты британских авиастроительных заводов от налетов немецкой авиации. Если их привлечь к боевым действиям, «ситуация может оказаться безнадежной».

Черчилль сказал, что Британия и Франция должны сохранять теснейшее взаимодействие. Ради этого он отдал приказ в первую очередь эвакуировать французские войска из Дюнкерка. Он был «абсолютно убежден», что обеим странам необходимо «продолжать борьбу, чтобы победить». Даже если одна из них потерпит поражение, другая не должна выходить из борьбы. «Выживший партнер должен продолжать». Если в случае какой-то катастрофы Британия погибнет, правительство готово «продолжать войну из Нового Света». Если один из союзников потерпит поражение, Германия «пощады не даст: они навсегда будут низведены до положения вассалов или рабов».

Слова Черчилля явно подействовали на Рейно, но не на Петена. Луис Спирс позже вспоминал, как, слушая, как Черчилль прощался с ними, почувствовал по его интонации: «Он в душе осознал, что французы потерпят поражение и что они сами это понимают и готовы к поражению». После ночи, потревоженной налетом немецкой авиации, «небольшим налетом», как сказал Черчилль, англичане приготовились возвращаться в Лондон. «Уинстон был полон энергии, как всегда, – записал Беркли. – Когда мы собрались возвращаться, он настоял, чтобы мы пешком прошлись по аэродрому и осмотрели девять наших «харрикейнов». Он тяжело ступал по высокой траве, стелющейся под ветром пропеллеров, со своей сигарой как с вымпелом».

Без приключений добравшись до Лондона, Черчилль узнал о появившемся предложении при угрозе вражеского вторжения эвакуировать королевскую семью и правительство в Канаду. Он сказал, что даже «само обсуждение» этого вопроса недопустимо. Нельзя доставить немцам удовольствия от такого рода эвакуации. «Уверен, мы заставим их пожалеть о том дне, когда они попробуют вторгнуться на наш остров». Вечером ему сообщили, что немцы готовятся захватить побережье Дюнкерка. Утром они потопили шесть судов. Утонуло много солдат. Первой его реакцией было желание продлить эвакуацию еще на сутки, но он согласился с аргументами Генерального штаба,

что дальнейшая эвакуация невозможна.

Черчилль и его советники были уверены, что в тот момент, когда закончится эвакуация из Дюнкерка и Германия овладеет французским побережьем Ла-Манша, Гитлер может начать вторжение в Британию. Однако после того, как с берега Дюнкерка были сняты последние солдаты союзников и немецкие войска готовились взять в плен всех, кто не имел возможности бежать, Черчилль смог вздохнуть с облегчением. 1 июня разведка Военного министерства, перехватившая и дешифровавшая сообщения «Энигмы», выяснила, что немцы, прежде чем нанести удар по Соединенному Королевству, намерены полностью овладеть Францией. Благодаря достижениям разведки Черчилль понял, что для Британии наступает передышка, пусть и ненадолго. В тот же день директор Национальной галереи выступил с предложением переправить наиболее ценные экспонаты в Канаду. Черчилль ответил: «Нет, спрячьте их в пещерах и подвалах. Ничего никуда не повезем. Мы победим их».

На рассвете 3 июня эвакуация из Дюнкерка закончилась. Вывезено было 224 318 британских и 111 172 французских солдат, а также 71 тяжелое орудие и 595 единиц транспорта, хотя немцам досталось большое количество военного снаряжения. Из 222 кораблей королевского флота, принимавших участие в эвакуации, 30 было потоплено, в том числе 6 эсминцев. Но после того, как Черчилль и Генеральный штаб узнали, что опасность немедленного вторжения миновала, было принято решение направить на запад Франции две британские дивизии. За ними должна была последовать третья. В то же время английские бомбардировщики должны были начать работать по обозначенным французами целям.

Черчилль был в боевом настроении. 3 июня он сказал Колвиллу, что «устал постоянно обороняться» и намерен обдумать «нападения на вражескую территорию». Это настроение нашло отражение в записке Исмею, направленной на следующий день. «Было бы замечательно заставить немцев гадать, где мы нанесем очередной удар, вместо того чтобы они вынуждали нас обносить стеной и накрывать крышей наш остров. Необходимо предпринять усилия, чтобы стряхнуть моральную и психическую зависимость от воли и инициативы противника, от которой мы страдаем». В этот же день Рэндольф навестил отца. Вернувшись в расположение своей части, он написал ему: «Не могу передать, каким вдохновляющим стимулом стала для меня наша встреча и возможность увидеть тебя таким полным мужества и решимости». Черчилля беспокоило даже малейшее ослабление

общих усилий. Он написал Линдеману: «Вы не представляете, как бы мне хотелось, раз в несколько дней или хотя бы еженедельно краткие четкие отчеты об уменьшении или наращивании военного производства. Без этого я не могу иметь ясного представления о положении дел».

На этой неделе главной заботой Черчилля стала война в воздухе. За три предыдущие недели в воздушных боях над Францией и Фландрией было потеряно 436 самолетов. За это же время построено 435 новых. Тем не менее битва в небе над Францией стала первой победой Британии в воздухе. Над побережьем Дюнкерка было сбито 394 немецких самолета. Британцы потеряли 114 машин. С учетом почти трехкратного превосходства численности немецкой авиации британцы несли очень тяжелые потери, но 4 июня Бивербрук смог заверить Черчилля, что отныне выпускается по 35 истребителей в сутки; еженедельное производство превышает две сотни машин. В тот же день Черчилль узнал от Артура Парвиса, главы британской закупочной комиссии вооружений в Вашингтоне, что полмиллиона американских винтовок и пятьсот полевых артиллерийских орудий готовы к отправке. Но эсминцы они не отдадут. Таково было решение Рузвельта.

Выступая 4 июня в палате общин, Черчилль признался, что неделю назад, когда была назначена дата этого выступления, «опасался, что мне суждено будет объявить о величайшей военной катастрофе в нашей истории». Он не надеялся, что из Дюнкерка будет эвакуировано больше 20–30 тысяч человек. То, что произошло, стало «чудесным спасением», но, предупредил он, «мы должны быть очень осторожны и не приписывать этому спасению качеств победы. Эвакуациями войны не выигрываются».

В речи, которая, как он объяснял Рузвельту, была адресована «преимущественно Германии и Италии», Черчилль заявил:

«Даже при том, что обширные европейские территории и многие древние и славные государства попали или могут попасть во власть гестапо и других отвратительных организаций нацистов, мы не сдадимся и не отступим.

Мы пойдем до конца. Мы будем сражаться во Франции, мы будем сражаться на морях и океанах, мы будем сражаться с растущей уверенностью и растущей силой в воздухе, мы будем защищать наш остров любой ценой. Мы будем сражаться на пляжах, мы будем сражаться на посадочных площадках, мы будем сражаться в полях и на улицах, мы будем сражаться на холмах; мы никогда не сдадимся. И даже если, хотя я в это ни секунды не верю, наш остров или большая его часть будет

покорена и станет голодать, то наша Империя за морями, под защитой оружия британского флота продолжит борьбу до той поры, когда в момент, угодный Богу, Новый Свет со всей своей силой и мощью выступит во имя спасения и освобождения Старого Света».

Палата общин была глубоко взволнованна. «Это стоило тысячи пушек и всех речей за тысячу лет», – высказался лейборист, член парламента Джосайя Веджвуд. «Даже в повторении диктора, – написала мужу Вита Сэквилл-Уэст, – она вызывает дрожь (не от страха) в спине. Думаю, одна из причин, по которой каждого волнуют его елизаветинские фразы, в том, что каждый чувствует мощную силу и решительность, стоящие за ним как величественная крепость: в них нет ничего, сказанного ради красного словца».

Черчилль не строил иллюзий насчет сложности стоящих перед ним задач. Даже при том, что Германия решила не нападать на Британию, пока не покончит с Францией, поражение Франции было не за горами. Вечером он написал Болдуину в ответ на его добрые пожелания: «Нам предстоят очень тяжелые времена, и я ожидаю худшего. Но я абсолютно уверен, что лучшее время придет, хотя доживем ли мы до него – большой вопрос». Черчилль закончил письмо так: «Я не чувствую, что эта ноша слишком тяжела, но не могу сказать, что должность премьер-министра пока что доставляет мне особое удовольствие».

5 июня, через двадцать шесть дней после пересечения французской границы, немецкие войска начали наступление на Париж. В этот день в поисках всех возможных способов помочь Франции Черчилль предложил ряд «безжалостных и быстрых» рейдов на захваченное немцами побережье, на плоскодонных судах, груженных танками, чтобы они «могли бы прямо с борта выйти на берег, совершить глубокий рейд в глубину территории, перерезать важнейшие коммуникации, а затем вернуться, оставив за собой гору немецких трупов». Поскольку лучшие войска направлены на штурм Парижа, то во многих городах должны остаться «только заурядные немецкие части». И «их жизнь следует превратить в бесконечное мучение».

Впрочем, немецкое наступление разворачивалось настолько быстро, что на подготовку таких молниеносных рейдов просто не оказалось времени. Британская дивизия под командованием генерала сэра Виктора Форчуна, расположенная на севере Франции, была вынуждена отойти к берегу Ла-Манша, понеся большие потери. У берегов Нарвика в последний день эвакуации затонули три британских военных корабля. 1500 членов экипажа

и эвакуируемых погибли. В отчаянии от ежедневных докладов об отступлениях и задержках, Черчилль 6 июня написал Паунду: «Кажется, мы совершенно не способны к *действиям*». В тот же день он написал Идену по поводу задержек с возвращением британских войск из Палестины и Индии: «Мы становимся жертвами невнятной и раздражающей ведомственности». Его также нервировали продолжающиеся требования Рейно о более интенсивной поддержке британской авиации. Пришлось не только напомнить ему, что накануне в небе Франции действовали 144 британских истребителя, но и дать согласие на отправку из Британии в Париж 24 аэростатов заграждения с экипажами для обороны французской столицы.

Это была вся помощь, которую могла предоставить Британия. Вечером 8 июня Черчилль, Синклер и Бивербрук решили, что больше нельзя отправлять во Францию истребители «без подрыва боеспособности нашей страны», как было заявлено Рейно. На следующий день Рейно направил в Лондон недавно назначенного заместителя министра национальной обороны генерала Шарля де Голля с просьбой привлечения всей британской авиации к битве за Францию. Черчилль объяснил де Голлю, что после того, как вся эта авиация будет выведена из строя, у Британии не останется средств защитить себя от воздушных налетов, которые будут предшествовать возможному вторжению немцев. Де Голль с пониманием отнесся к дилемме и британским приоритетам. «Говоря от себя лично, он согласился с нашей политикой», – сообщил Черчилль в Военном кабинете после того, как де Голль улетел обратно, и добавил, что молодой генерал произвел «более благоприятное впечатление в плане морального духа и решительности».

Это оказалось слишком поздно. Даже начавшееся с 9 июня минирование с воздуха реки Рейн по схеме, предложенной Черчиллем еще в Адмиралтействе, хотя и серьезно затруднило движение по Рейну, не смогло повлиять на исход битвы за Францию. В этот же день британские войска под командованием генерала Форчуна были выведены к морю в районе Сен-Валери-ан-Ко. Туман помешал эвакуации. Затем, одновременно с наступлением немцев на Париж, Италия объявила войну Франции и Британии. «Люди, которые ездили в Италию любоваться руинами, – прокомментировал это Черчилль, – больше не увидят ни Неаполя, ни Помпеи».

10 июня Черчилль снова решил слетать во Францию, чтобы подбодрить защитников Парижа. Собираясь в полет, он узнал, что французское правительство отдало распоряжение об эвакуации Парижа. «Что за черт!» – в сердцах воскликнул он.

«Было ощущение, – записал Колвилл, – что он лишился насеста, на котором мог бы угнездиться». Французский кабинет отправился на юг, к Луаре. 11 июня в Шато-дю-Мюге, недалеко от Бриара, он встретился с французскими лидерами, пребывавшими в полном смятении. Рейно и де Голль были за продолжение борьбы, Вейган и Петен были уверены, что война уже проиграна. Черчилль говорил о готовности Британии оказать помощь, если французы продержатся «считаные недели». Этой ночью во Франции высадилась канадская дивизия. Одна из британских дивизий, выведенных из Дюнкерка, могла прибыть в девятидневный срок. Войска, эвакуированные из Нарвика, были на подходе. Британцы готовы направить и третью дивизию, если французы обеспечат ее артиллерией. Если Франция продержится девять месяцев, до следующей весны, британцы успеют подготовить и экипировать двадцать пять дивизий и направить их «в распоряжение французского командования для использования где угодно».

Но весна 1941 г. казалась Вейгану и Петену слишком далекой; почти так же думали Рейно и де Голль. Но это было серьезное предложение, сделанное для укрепления уверенности. Когда заговорил Вейган, показалось, что он уже ни на что не надеется – ни в отношении Парижа, ни какого-либо иного крупного города на юге: «У меня нет резервов. Резервов вообще нет». Черчилль вновь призвал французов продержаться «еще три-четыре недели», пока британские и канадские войска сосредоточатся на западе Франции, чтобы нанести немцам удар во фланг. Вейган ответил, что это вопрос не дней или недель, а часов. Черчилль сказал, что яростная оборона Парижа, отказывающегося признать поражение, способна поглотить огромную армию. «При этом французы замерли», – отметил Спирс. «Превращение Парижа в руины не повлияет на исход дела», – ответил маршал Петен. На маршала даже не подействовало напоминание о его мужестве в тяжелой обстановке марта 1918 г., когда Черчилль и Клемансо посетили его в Бове.

Затем Черчилль предложил, что если «координированная оборона» не даст результатов, то Британия сможет помочь Франции «развернуть партизанскую войну в гигантском масштабе». С нескрываемой яростью Петен сказал Черчиллю, что это будет означать «разрушение страны». Его поддержал Рейно. После этого Черчилль попытался нарисовать долгосрочную обнадеживающую перспективу. «Возможно, что нацисты установят господство в Европе, – сказал он. – Но это будет бунтующая Европа, и очевидно, что в итоге режим,

чьи победы в основном обеспечены техникой, рухнет. Техника победит технику». Иден впоследствии заметил, что при этих словах Петен «скептически усмехнулся». Никто из французов, за исключением де Голля, не откликнулся на последнее предложение Черчилля о возможности удержания Бретани, куда могут быть направлены дополнительные британские войска, а также французские войска из Северной Африки. Вечером Рейно сказал Черчиллю, что Петен уже проинформировал его о том, что «необходимо искать перемирия».

Черчилль переночевал в Шато-дю-Мюге и утром 12 июня улетел в Британию. С высоты двух с половиной тысяч метров он увидел порт Гавр, охваченный пламенем пожаров. В этот же день генерал Форчун, уступая превосходящей авиационной и артиллерийской мощи немцев, распорядился о капитуляции своей дивизии в Сен-Валери-ан-Ко. Вечером Рейно по телефону сообщил Черчиллю, что французское правительство покинуло Бриар и перебралось в Тур, и спросил, не может ли тот вернуться во Францию. Черчилль согласился и утром на автомобиле отправился в аэропорт Хендон с членом секретариата Министерства обороны полковником Лесли Холлисом. «Очень хорошо помню это утро, – потом записал Холлис. – Был теплый, солнечный день. Я наслаждался окружающим спокойствием и умиротворенностью, а затем с ужасом осознал, что едва ли кто-нибудь из толпы, выбравшейся погреться на солнце, – клерки, машинистки в летних халатиках, покупатели – осознают, какая страшная опасность грозит Британии. Я уже настолько привык жить рядом с катастрофой, что мне казалось, остальные думают так же, как я».

Черчилль оказался в Хендоне в 11 утра. Там он узнал, что прогноз предвещает резкое ухудшение погоды в течение дня. В связи с этим авиационное командование предложило отложить полет. «Черта с два, – сказал Черчилль Холлису. – Я лечу – будь что будет. Ситуация слишком серьезная, чтобы обращать внимание на погоду!» В Хендоне Черчилля дожидались Бивербрук, Исмей, Галифакс, старший советник Галифакса Александр Кадоган и главный переводчик Военного совета капитан Беркли. Британская миссия разместилась в двух самолетах. Они пересекли Ла-Манш от Веймута до Нормандских островов, откуда взяли курс на Тур. «Мы приземлились на изрытом выбоинами аэродроме в сильную грозу», – записал позже в дневнике Кадоган. Исмей позже вспоминал, что предыдущей ночью аэродром в Туре «подвергся сильной бомбардировке. Но мы сели благополучно и покатили мимо воронок в поисках кого-нибудь, кто мог помочь нам. Не было

никаких признаков жизни. Только несколько французских летчиков слонялись возле ангаров. Они не знали, кто мы, и их это не интересовало. Премьер-министр вышел и представился. Он произнес на своем лучшем французском, что его имя Черчилль, что он премьер-министр Великобритании и что он будет благодарен за voiture[42]».

Машину нашли, и Черчилль уехал в Тур, в префектуру. Рейно еще не прибыл, и группа британцев решила пообедать в Гранд-отеле. В это время приехал секретарь французского Военного кабинета Поль Бодуэн и тут же, как записал потом Черчилль, «заговорил в своей мягкой обволакивающей манере о безнадежности французского сопротивления». Пессимизм Бодуэна был дурным предзнаменованием, но тем не менее, воспоминал Холлис, «Черчилль не обратил внимания на этот поток обреченности. Он словно слушал актера из какой-то трагедии, заявляющего о крушении надежд. Для себя он уже все решил; пораженческие настроения других не могли изменить его планов».

Обед закончился, и англичане вернулись в префектуру. Рейно еще не появился, и никто не знал, где он. Время пребывания Черчилля в Туре было ограниченно. Поскольку аэродром не имел освещения, изрытая воронками взлетная полоса делала невозможным вылет в темноте. Наконец прибыл Рейно, а также двое англичан – посол сэр Рональд Кэмпбелл и генерал Спирс. Группа поднималась по лестнице, Черчилль поотстал, чтобы расспросить Спирса о Бодуэне. «Я сказал, – позже вспоминал Спирс, – что он делает все возможное, чтобы уговорить Рейно выбросить белый флаг». Он действует «в интересах Вейгана и Петена». Черчилль зло проворчал, что ему это вполне удается.

Британских и французских представителей провели в комнату на первом этаже. Там был только письменный стол, за которым сидел министр внутренних дел Жорж Мандель. Генерал Исмей позже описал Черчиллю эту встречу с Манделем: «Мы встретились с ним в его кабинете в префектуре после обеда в отеле. Он был воплощением энергии и непримиримости. Перед ним на подносе стоял нетронутый обед, в каждой руке у него было по телефонной трубке, в которые он выбрасывал решительные распоряжения. Он был единственным лучом света, – за исключением вас, убеждавшего Рейно сохранять мужество, – который мы видели на французской стороне».

Черчилль был рад повидаться и поговорить с Манделем, своим другом межвоенного периода. Но Мандель, который позже погиб от рук француза-нациста, не был членом Высшего военного совета, и должен был почти сразу же удалиться. После этого

место Манделя за столом занял Рейно, который мрачно объявил Черчиллю, что французское правительство в ближайшее время будет вынуждено просить перемирия. Британию попросят освободить Францию от данного ранее обещания не заключать сепаратного мира с Германией. Бывший премьер-министр Франции Эдуар Эррио, который в этот день присутствовал в префектуре, позже узнал, что после этих слов Рейно «по лицу мистера Черчилля потекли слезы».

Черчилль призывал Рейно отложить решение просить перемирия. «Возможно ли еще на неделю или меньше?» – спросил он. Рейно не ответил. Впрочем, он согласился на то, что не будет заключать сепаратный мир по крайней мере до тех пор, пока Рузвельта не попросят сделать «еще один шаг вперед». Черчилль пообещал немедленно телеграфировать Рузвельту. С учетом «немедленной помощи» от Америки, «возможно, даже объявления войны», сказал он Рейно, победа «будет не за горами». Его воинственные слова произвели должный эффект. «По окончании встречи Рейно пришел в более уверенное расположение духа, чем можно было ожидать сначала, – записал в дневнике капитан Беркли. – Он явно вел отчаянную борьбу против большинства своего кабинета, Вейгана и бессчетного количества других тайных сил, и смелая уверенность Черчилля приободрила его».

По дороге к аэродрому Черчилль упрашивал Рейно: «Не сдавайтесь, не переходите на сторону врага. Боритесь!» В этот день немцы вошли в Париж – шестую европейскую столицу, которая пала под их натиском за девять месяцев. Варшава, Копенгаген, Осло, Гаага и Брюссель уже были под нацистским господством.

В тот момент на территории Западной Франции находилось более 150 000 британских и канадских солдат. Новые части высаживались в Шербуре. Они могли помочь французам отстоять Бретань или даже двинуться вперед, угрожая флангу немецких войск западнее Парижа. Но днем 14 июня в Лондоне стало известно, что Вейган отказался от продолжения сопротивления в Бретани. Черчилль немедленно распорядился остановить дальнейшую высадку британских войск, однако надеялся, что те, кто уже находятся в Западной Франции, смогут организовать наступление. Вечером он разговаривал по телефону с их командующим, генералом Аланом Бруком, которому высказал свои мысли о наступлении. Но через полчаса самой настойчивой аргументации за активные действия Черчилль принял точку зрения Брука, что британские войска следует возвращать в Британию.

Рано утром 15 июня Черчилль узнал, что Соединенные Штаты не придут на помощь Франции. Позже, при полной поддержке Чемберлена, он направил телеграмму Рузвельту, призывая того подумать еще раз. Декларация Соединенных Штатов о том, что «в случае необходимости они вступят в войну», может, как сказал Черчилль, спасти Францию. При отсутствии подобного заявления «в ближайшие несколько дней французское сопротивление будет подавлено и нам придется остаться одним». Черчилль добавил: «Если мы проиграем, вы можете получить Соединенные Штаты Европы под нацистским господством, гораздо более многочисленные, более сильные, гораздо лучше вооруженные, чем Новый Свет».

Несмотря на вторую убедительную телеграмму, направленную Рузвельту в тот день, Черчилль не смог добиться от США заявления о вступлении в войну. 15 июня он еще подумывал о новом полете во Францию, в Бордо, куда уже успело перебраться французское правительство, чтобы договориться о переводе французского флота в Британию в случае поражения Франции. Но он этого не сделал, опасаясь, что его призывы к французам продолжать сопротивление на данной стадии будут отвергнуты. Через семь месяцев он говорил эмиссару Рузвельта Гарри Гопкинсу, что, если бы он все-таки полетел в Бордо «в эти последние судьбоносные дни», ему, возможно, удалось бы «качнуть баланс в сторону дальнейшего сопротивления за границей».

Утром 16 июня Черчилль узнал, что Франция готова запросить перемирия. Этим же утром на заседании Военного кабинета было решено освободить Францию от данного ранее обязательства не вступать в сепаратные переговоры с Гитлером, «при условии, но только при условии, что французский флот незамедлительно направится в британские порты». Черчилль и его советники опасались, что Германия использует множество современных боевых кораблей французского флота для вторжения в Британию, но у них не было никаких способов обеспечить выполнение этого условия, и французский флот остался на своих базах.

Можно ли было что-нибудь сделать для предотвращения капитуляции Франции? Член французской экономической миссии в Британии Рене Плевен, который спустя много лет, уже в мирные годы, станет премьер-министром, предложил создать политический союз Франции и Великобритании. Их суверенитет будет объединен, и обороноспособность усилится. Не будет двух государств, отдельно борющихся за выживание и терпящих поражение одно за другим. Даже если новый союз потерпит

поражение от немцев во Франции, он продолжит борьбу в Британии. Таким образом, не будет отдельной капитуляции. 250 000 французских войск, находящихся на западе Франции и далеко не готовых сложить оружие, будут эвакуированы в Британию и продолжат борьбу как неотъемлемая часть нового союза. Французский флот перейдет в британские порты также как составная часть союзного флота.

Впервые услышав идею о создании англо-французского союза, Черчилль отнесся к ней пренебрежительно. Но многим его советникам она понравилась, и в течение 16 июня он изменил свое мнение. Возможно, это в самый последний час поможет Рейно выдержать давление Петена и Вейгана. Идею поддержал Чемберлен, а также генерал де Голль, который днем ранее прибыл в Лондон, чтобы официально разрешить переадресовать груз оружия, отправленный из Соединенных Штатов для Франции, в Британию. «Подобный сильный ход необходим», – сказал он Черчиллю, который уже согласился поддержать идею союза. Быстро стали составлять декларацию. Она была готова в 4:30 пополудни. Де Голль хотел, чтобы Черчилль на следующее утро полетел в Бордо и вручил ее Рейно, будучи уверенным, что это поможет Рейно удержать Францию в войне. Военный кабинет предложил Черчиллю, Эттли и Синклеру, как представителям трех крупнейших политических партий, отправиться во Францию и обсудить декларацию с Рейно.

Специальный поезд должен был отправиться из Лондона в Саутгемптон в 9:30 вечера. В Саутгемптоне готовили крейсер, который должен был доставить Черчилля в Конкарно, на побережье Бретани, где в полдень он должен был встретиться с Рейно. На выходе с Даунинг-стрит в сопровождении Клементины, которая хотела проводить его на вокзал, Черчилля застала телеграмма: «Встреча отменяется, подробности следуют». Капитан Беркли записал в дневнике: «Черчилль отказался останавливаться и поехал на Ватерлоо, где просидел полчаса, пока Исмей и Паунд по очереди уговаривали его проявить благоразумие. В итоге он вернулся на Даунинг-стрит и стал ждать новостей». Новости пришли вскоре после полуночи. На кризисном совещании французского правительства в Бордо все старания Рейно отложить заключение перемирия оказались тщетны. Петен и Вейган одержали верх. Декларация о союзе больше не имела значения для судьбы Франции. Ее даже не опубликовали.

Ночью Рейно подал в отставку. Петен сформировал новое правительство и через несколько часов запросил у немцев перемирия. Британия осталась одна. «Отныне мы стали

единственными борцами, с оружием в руках продолжающими отстаивать дело мира, – заявил Черчилль в двухминутном выступлении по радио днем. – Мы будем защищать наш родной остров, и мы будем сражаться со всей несокрушимой мощью Британской империи до тех пор, пока проклятье Гитлера не будет стерто с чела человечества. Мы уверены, что в конце все будет хорошо».

В течение 17 июня британские войска выводились из Франции. У Сен-Назера лайнер «Ланкастрия» был разбомблен немецкой авиацией. Погибли почти три тысячи военных и гражданских лиц, находившихся на его борту. Черчилль запретил публикацию информации о крупнейшей морской катастрофе с начала войны, сказав советникам: «По крайней мере, на сегодня газетчикам достаточно катастроф». В этот же день ушедший в отставку Рейно написал Черчиллю из Бордо: «Проект франко-британского союза достоин вашего воображения и вашей смелости. Именно на нем зиждется будущее наших двух стран». Вечером в Лондон прилетел активный сторонник союза генерал де Голль. В стремлении сделать его центром французского Сопротивления, Черчилль одобрил предложение Десмонда Мортона выделить деньги на специалиста по общественным отношениям для пропаганды имени и дела де Голля.

Теперь Черчиллю нужно было поднять и поддерживать моральный дух нации. В рамках этой задачи он прикладывал все усилия, чтобы прекратить нарастающее желание найти виновных в довоенном пренебрежении обороной Британии. 18 июня он заявил в палате общин: «Есть много таких, кто хотел бы начать расследование поведения предыдущих правительств – и парламентов, ибо они тоже к этому причастны – в те годы, которые привели нас к этой катастрофе. Они хотели бы взвалить вину на тех, кто несет ответственность за наши дела. Это был бы глупый и пагубный процесс. Слишком многое так сложилось. Пусть каждый обратится к своей совести и к собственным выступлениям. Я лично часто так делаю». И закончил Черчилль предупреждением: «Уверен в одном: если в настоящем мы начнем поливать грязью прошлое, может случиться так, что мы потеряем будущее».

В этом же выступлении Черчилль сообщил парламентариям, что под энергичным руководством Бивербрука производство самолетов в Британии выросло с 245 до 363 в неделю. Теперь, сказал Черчилль, летчикам предстоит снискать «славу спасителей родной земли, своего острова, всего, что они любят, от самых смертоносных из всех нападений». То, что Вейган назвал «битвой за Францию», закончилось. «Я жду, что скоро начнется битва

за Британию. От этой битвы зависит жизнь самой Британии, непрерывности существования нашей империи и всей нашей системы. Скоро враг обрушится на нас со всей своей силой и яростью. Гитлер понимает, что ему придется сломить нас на нашем острове или проиграть войну. Если мы сумеем ему противостоять, вся Европа может вновь обрести свободу, и жизнь во всем мире двинется к залитым солнцем высотам. Но если мы уступим, тогда весь мир, включая Соединенные Штаты, и все, что нам близко и дорого, рухнет в пропасть новых Темных веков, более зловещих и, возможно, более продолжительных вследствие влияния извращенной науки. Поэтому давайте соберемся с духом, исполним свой долг и поведем себя так, что, если Британская империя и Содружество простоят еще тысячу лет, люди все равно будут говорить: это был их звездный час».

Через четыре часа Черчилль повторил эту речь по радио. Он устал, и для тех, кто слышал его раньше в палате общин, по радио она прозвучала гораздо менее убедительно. Но для тех, кто сидел у радиоприемников и слушал ее впервые, она стала источником вдохновения. Это были «только слова», позже вспоминал он. Иностранцы, которые не понимали «характер распространившейся по всему миру британской расы, когда у ее предстателей вскипает кровь, возможно, предполагали, что это лишь смелый фасад, выстроенный как хорошая прелюдия для мирных переговоров». Он понимал, что «риторика – не гарантия выживания». Под множеством «благовидных предлогов» можно предложить различные условия мира. Многие, вероятно, задавались вопросом, почему бы Британии не присоединиться к «зрителям» из нейтральной Японии, Соединенных Штатов, Швеции, Испании и не наблюдать с отстраненным интересом или даже с удовольствием за «битвой на взаимное уничтожение между нацистской и коммунистической империями».

Этой ночью 120 немецких бомбардировщиков совершили налет на Восточную Англию. Погибли девять гражданских лиц. Началась новая фаза войны. «К этому надо привыкнуть, – сказал Черчилль на секретном заседании палаты общин 20 июня. – Змеи привыкли менять кожу». Постоянные и временами интенсивные бомбардировки стали «обычным состоянием» британской жизни. Исход битвы будет зависеть от «мужества простых мужчин и женщин».

Из Западной Франции были эвакуированы более 111 000 британских солдат. Около 16 000 оказались в плену. «Вполне возможно, – сказал Черчилль на секретном заседании, – что наши доблестные армии еще не сказали «прощай» континентальной

Европе». Британия уже строила планы «на 1941 и 1942 гг.». Сможет ли она продержаться так долго? Выходные дни, проведенные в Чекерсе, прошли под знаком мучительной озабоченности, которую вызывали и медленная скорость поставок из Соединенных Штатов, и судьба Франции, и хранящееся в тайне знание слабости самой Британии в случае немецкого вторжения. Каждый, кто имел представление о степени грозящей опасности, испытывал невероятное напряжение. Больше всего оно сказывалось на Черчилле, чья ответственность, так недавно приобретенная, была велика, а власть, которой он так долго был лишен, быть может, недостаточна для предотвращения угрозы.

Настроение Черчилля, связанное с суровостью момента, проявлялось даже в его поведении, так что один из друзей в выходные пожаловался Клементине, которая написала мужу:

«Дорогой мой!

Надеюсь, ты простишь меня, если скажу тебе кое-что такое, что тебе следует знать. Один верный друг из твоего окружения сказал мне, что твоих коллег и подчиненных обижает твоя грубая, саркастичная и властная манера – кажется, твои личные секретари согласились вести себя как школьники и «принимают то, что им достается», а затем в твое отсутствие пожимают плечами. Более того, если выдвигается какая-то идея (скажем, на конференции), ты относишься к ней с таким презрением, что скоро не будут выдвигать никаких идей, ни плохих, ни хороших. Я была удивлена и расстроена, потому что за все годы я привыкла к тому, что все, кто работает с тобой или под твоим руководством, любят тебя. Я так и сказала, а мне ответили: «Несомненно, это напряжение». Мой дорогой Уинстон, должна признаться, я заметила изменение к худшему в твоем поведении: ты стал не так добр, как раньше. Твое дело отдавать приказания, и, если они плохо исполняются, ты можешь уволить любого и каждого, за исключением короля, архиепископа Кентерберийского и спикера. Следовательно, с этой огромной властью ты должен сочетать вежливость, доброту и, если возможно, олимпийское спокойствие. Ты привык цитировать: «On ne règne sur les âmes que par le calme»[43], и мне невыносимо думать, что те, кто служит стране и тебе, могут не любить тебя, равно как и не восхищаться тобой и не уважать тебя. Кроме того, вспыльчивостью и грубостью ты не добьешься лучших результатов. Они породят либо неприязнь, либо подобострастность – о бунте в военное время речь не идет! Прости, пожалуйста, твою любящую, верную и бдительную Клемми».

Под письмом Клементина нарисовала кошку. Затем

порвала его, а через четыре дня собрала обрывки и отдала мужу. Нервное напряжение Черчилля было хорошо понятно. «Последние две недели наверняка стали для вас настоящим кошмаром», написал Сэмюэл Хор из Мадрида неделю спустя.

21 июня Черчилль узнал, что в результате перехвата и дешифровки секретных радиопереговоров немецких военно-воздушных сил обнаружена система пересекающихся лучей, которые используют немецкие ночные бомбардировщики для точного выхода на цель, после чего бомбы сбрасываются автоматически. Зная, что британские ночные истребители почти беспомощны, новость об этих лучах, как он вспоминал позже, оказалась «одним из мрачнейших моментов войны». Но молодой ученый Р. В. Джонс, который их обнаружил, нашел и противодействие им. Лучи можно искривлять, сбивая бомбардировщики с курса. Соответственно, им придется сбрасывать бомбы в безлюдной местности.

В течение последней недели июня и первой недели июля Черчилль ежедневно обсуждал со своими советниками планы противостояния вторжению противника, предлагал области, требующие срочного изучения и немедленной подготовки, посещал участки побережья, на которые могут высадиться немцы, и встречался с командирами дивизий, в задачу которых входило отражение наступления. На него большое впечатление произвела проведенная генералом Монтгомери учебная атака на прибрежный аэродром, якобы захваченный противником. Вечером в Брайтоне за ужином они в окно наблюдали за взводом солдат, которые устраивали пулеметное гнездо в будке на причале. Черчилль рассказал Монтгомери, что в 1880-х гг., когда учился в школе неподалеку, он ходил сюда наблюдать за дрессированными блохами, которых показывали тут в каждой будке.

Как и опасался Черчилль, Гитлер в качестве одного из условий перемирия потребовал от французов сдачи военно-морского флота. Французские боевые корабли, находившиеся в Александрии, легко могли быть захвачены британским флотом, базировавшимся в Египте. Те, что стояли в Тулоне и Дакаре, британцам оказались недоступны, а оставшиеся на французской военно-морской базе Марс-эль-Кебир в порту Оран, в том числе два линейных крейсера и четыре крейсера, были в пределах достижимости британских кораблей, находившихся в Средиземном море. Черчилль и его начальники штабов решили, что эти корабли не должны достаться немцам, даже если для этого потребуется открыть огонь по недавним союзникам.

Но сначала они решили направить в Оран адмирала Филлипса и лорда Ллойда уговорить французское морское командование не допустить попадания кораблей в руки немцев. Они должны были предложить французскому командующему адмиралу Жансулю три варианта: направить его корабли в британский порт и присоединиться к королевскому флоту в качестве союзника по войне с Германией; направить корабли в британский порт и передать их английским экипажам; отправить их в один из портов Французской Вест-Индии[44], провести демилитаризацию и немедленно репатриировать экипажи во Францию, если они того пожелают. Четвертый вариант должен был быть предложен, если три первых окажутся неприемлемыми: затопить корабли в бухте Марс-эль-Кебир.

Несмотря на долгие переговоры в течение всего дня 3 июля, адмирал Жансуль отказался отступить от условий франко-германского перемирия. Он не примет ни одно из британских предложений, даже последнее. В этом его поддержал бывший начальник военно-морского штаба адмирал Дарлан, который стал министром морского флота. Дарлан, верный правительству Петена, которое было создано с одобрения немцев в Виши, настаивал на полном соблюдении условий перемирия. В телеграмме он сообщил, что Жансуль и его люди не должны обращать «никакого внимания» на требования англичан и должны «показать себя достойными французами».

Указание Дарлана было передано Жансулю по радио. Подобное указание, переданное по радио французскому адмиралу в Дакаре, стало известно англичанам. Военный кабинет понял, что указание, направленное в Дакар, не должно отличаться от того, что направлено в Оран. Жансуль утратил свободу действий. В 5:55 британский адмирал, пришедший в Оран, сэр Джеймс Соммервиль, отдал приказ своим кораблям открыть огонь. Через пять минут он отменил приказ. Но один из двух французских линейных крейсеров выбросился на берег, один крейсер взорвался. 1200 моряков погибли. Второму линейному крейсеру под покровом темноты удалось выскользнуть из бухты и благополучно уйти в Тулон. «Должен с трудом признать, – сказал Черчилль в палате общин на следующий день, – что французские корабли сражались, пусть и в столь неестественной ситуации, с присущим французскому флоту мужеством». Дадли Паунду он с горечью признался: «Вот теперь французы сражаются со всей силой – впервые после начала войны».

В течение нескольких дней «Оран» стал символом британской безжалостности и решимости. Спустя полгода Черчилль скажет

эмиссару Рузвельта Гарри Гопкинсу, что Оран стал «поворотным пунктом в нашей судьбе, он заставил мир осознать, что мы совершенно искренни в нашей решимости идти до конца». 4 июля он сказал в палате, что «уже нет времени для сомнений или слабости; настал решающий час, к которому мы все призваны». Он предупредил, что вторжение, судя по всему, неминуемо, и правительство делает все возможные приготовления. «Чувствую, мы имеем право рассчитывать на уверенность парламента и не имеем права оступиться в исполнении своего долга, как бы мучительно это ни было». Несмотря на утверждения немецкой пропаганды о том, что Британия готова вступить в переговоры о компромиссном мире, война будет вестись «с предельной решимостью и всеми доступными нам средствами до тех пор, пока не будут достигнуты справедливые цели, ради которых мы в это ввязались».

Черчилль говорил почти полчаса. Когда он сел, вся палата встала, аплодируя. В это время его глаза увлажнились. «До этого момента, – позже вспоминал он, – Консервативная партия относилась ко мне с определенной сдержанностью, и именно со скамей лейбористов я получал самую теплую поддержку, когда приходил в палату или выступал по серьезным случаям. Но теперь все слились в торжественном громогласном аккорде».

Подготовка к отражению вражеского наступления теперь занимала все часы бодрствования Черчилля. В отличие от Парижа, заверял он Джосайю Веджвуда, Лондон будет защищать каждую улицу, каждый квартал. Оборона «поглотит вторгнувшуюся армию, если она еще сумеет сюда добраться. Мы надеемся большую ее часть утопить в соленом море». Черчилль отдал распоряжение уничтожить нефтехранилища на восточном побережье, если враг сумеет приблизиться к ним. В основном это были те же нефтехранилища, за оборону которых он отвечал в 1914 г. Через месяц, подготавливая инструкцию для полисменов, солдат и участников народного ополчения, которые могут оказаться в городах, захваченных немцами, он написал: «Они могут сдаваться в плен и подчиняться наряду с остальными жителями, но в данных обстоятельствах не должны оказывать никакой помощи врагу в исполнении приказов или каким-то иным образом. Кроме того, они должны оказывать всю возможную помощь гражданскому населению».

В поисках способов ведения активных военных действий против Германии Черчилль 8 июля сказал Бивербруку, что «одним из верных путей» к победе Британии должны стать авиационные бомбардировки вражеской территории. Если

Гитлера не допустят на побережье Британии или он вообще не станет планировать вторжение, он «развернется на восток». Хотя Британия никак не может воспрепятствовать ему в этом, «есть одно, что заставит его вернуться и сломает его, и это – абсолютно разрушительные удары самых тяжелых наших бомбардировщиков по родине нацизма». На той же неделе Черчилль сказал Колвиллу: «Даже если Этот Человек доберется до Каспия, он вернется, чтобы обнаружить пожар в собственном доме. Ему ничто не поможет, даже если он дойдет до Великой Китайской стены».

В июле инициатива авианалетов оставалась за Германией. 9 июля подверглись бомбардировке девять судоверфей в Южном Уэльсе. За неделю погибли 88 гражданских лиц, но по решению Военного кабинета цифры потерь держались в тайне. «В прошлой войне у меня не было ненависти к гуннам, – сказал Черчилль одному генералу на восточном побережье 11 июля, – но теперь они отвратительны мне не меньше чем уховертки». Если немцы решатся на наступление, сказал он на следующий день, народному ополчению следует раздать оружие и позволить сражаться даже женщинам.

Немецкие бомбардировщики активизировали налеты на Британию. Но летчики королевских военно-воздушных сил мужественно и умело давали им отпор. Выступая по радио 14 июля, Черчилль сказал нации: «Мы без дрожи ждем предстоящего наступления. Возможно, оно начнется сегодня ночью. Возможно, на следующей неделе. Возможно, не начнется никогда. Мы должны показать себя в равной степени способными встретить внезапный жестокий удар или – что, возможно, более суровое испытание – находиться в состоянии постоянной боевой готовности. Но каким бы ни оказалось испытание – резким или продолжительным, – мы не будем искать никаких условий, мы не допустим переговоров; мы способны проявить милосердие, но не будем просить его для себя. Не только в Британии, но и в каждой стране есть множество людей, которые готовы честно исполнить свой воинский долг, но чьи имена нигде не будут записаны. Это война Неизвестного Воина; мы все будем бороться, исполняя свой долг, не теряя веры и присутствия духа, и мы избавим наш век от мрачного проклятия Гитлера».

Вечером Черчилль предупредил Исмея, что «отныне каждый должен следить за своим противогазом». Многие противогазы требовали ремонта, а боевые действия могли начаться внезапно. На следующий день, полный решимости не оставлять в покое оккупационные войска Гитлера, он предложил Хью Далтону создать «новый инструмент войны» – управление специальных

операций, вскоре ставшее известным под аббревиатурой СОЭ[45], для координации диверсионных операций и саботажа в оккупированных немцами странах. «Отныне, – сказал Черчилль Далтону, – Европа должна заполыхать». Это оказалось трудной, опасной и часто неблагодарной работой. Немцам нередко удавалось успешно противодействовать ей, но тем не менее за три года огромная сеть агентов охватила почти все регионы оккупированной Европы. Они создавали маршруты спасения для экипажей сбитых самолетов и солдат, выполняли спасательные и разведывательные операции в сотрудничестве с местными патриотами, организовывали и вооружали местные саботажные группы. Они готовили местные силы Сопротивления к моменту, когда союзнические войска высадятся на материке – в Италии, или Северной Европе, или в Бирме, Малайе и в Нидерландской Вест-Индии – и потребуется активное участие местных жителей в борьбе за линией фронта.

24 июля в Вашингтоне было подписано соглашение, по которому Соединенные Штаты обязывались произвести для Британии 14 375 самолетов в течение двадцати одного месяца. Переговоры по аналогичным соглашениям шли в области производства винтовок, полевых орудий, противотанковой артиллерии и снарядов к ним. Эти соглашения, державшиеся в строжайшей тайне, дали Черчиллю дополнительную уверенность в долгосрочной перспективе ведения наступательной войны. В этом же месяце в Британию поступили первые 26 из 238 самолетов-разведчиков, построенных в Соединенных Штатах. Но американцы по-прежнему не хотели отправлять эсминцы. Чтобы подтолкнуть их, Черчилль с неохотой согласился на полный обмен техническими секретами, предоставив американцам информацию о радаре и новейших разработках в системах связи «воздух – воздух» и «земля – воздух».

31 июля Черчилль направил Рузвельту персональную просьбу о «пятидесяти или шестидесяти ваших самых старых эсминцах», закончив телеграмму такими словами: «Господин президент, со всем уважением к вам, должен сказать, что в долгой истории человечества настал момент, когда нужно *действовать*. Нам предстоит расширенное производство в 1941 г., но кризис может наступить задолго до 1941 г. Уверен, вы сделаете все, что в ваших силах, но я чувствую право и обязанность донести до вас всю тяжесть и безотлагательность положения. Уверен, что вы, с вашим глубоким пониманием ситуации на море, не допустите нежелательного исхода сражения из-за недостатка этих эсминцев».

Но Рузвельт все еще колебался, опасаясь, что в случае

поражения Британии Германия захватит не только британский флот, но и американские корабли, направленные в Британию, как того хотел Черчилль. Господство Германии в Атлантике будет представлять серьезную угрозу для Америки. Но укрепление флота становилось насущной необходимостью, поскольку потери кораблей увеличивались. 7 августа Черчилль с огорчением узнал, что в Северной Атлантике немецкая подводная лодка потопила «Мохаммед али эль-Кебир», на борту которого находилось 723 британских армейских и флотских специалиста. Только когда ему доложили, что шестьсот человек удалось спасти, он немного успокоился. Но это сделало его просьбу о предоставлении американских эсминцев еще более настоятельной. Он высказал идею о предоставлении Америке возможности пользоваться британскими военно-морскими базами в Вест-Индии в обмен на лизинг эсминцев. В то же время, демонстрируя уверенность и изобретательность, которые всегда поражали тех, кто его знал, он сообщил своим гостям, приехавшим на выходные дни в Чекерс, что в течение года он надеется организовать «внушительные» рейды на территорию захваченной немцами Европы. Он говорил о 10 000 солдат, которым предстояло захватить Шербурский полуостров, вторгнуться в Италию или высадиться в Голландии для нанесения «разрушительного» удара по Рурской области.

Дешифровка сверхсекретных сообщений немецкой «Энигмы» от 10 августа показала, что по крайней мере в ближайший месяц вторжение не планируется. Это дало Черчиллю, начальникам штабов и советникам дополнительный месяц для подготовки к нему и возможность сосредоточить внимание на войне в воздухе. Предыдущие три дня немецкие бомбардировщики не прилетали. «Свинье понадобилось три дня, чтобы зализать раны, прежде чем появиться вновь», – прокомментировал Черчилль. 11 августа состоялся новый налет. 62 бомбардировщика были сбиты. Британцы потеряли 25 машин. Немецкие летчики, оставшиеся в живых, были взяты в плен. Английские летчики, потерявшие машины над родной землей и оставшиеся в живых, могли и продолжали воевать. Некоторые – даже через несколько часов. Но в боевых действиях июля – августа погибли 526 британских летчиков. Этим вечером в Чекерсе Черчилль сказал своим гостям, что отныне жизнь Британии зависит от бесстрашных авиаторов. Он добавил дрогнувшим от волнения голосом: «На какой тонкой нити могут висеть величайшие дела».

14 августа немцы возобновили дневные бомбардировки. Они нанесли большой ущерб заводам и верфям, но над Британией было сбито 78 немецких машин, в то время

как британцы потеряли только трех летчиков. Этим вечером Черчилль получил еще одну хорошую новость: Рузвельт согласился на сделку «эсминцы в обмен на базы» – базы на Ньюфаундленде, Бермудах, Багамах, в Вест-Индии, предложенные в аренду Соединенным Штатам на девяносто девять лет. Когда Колвилл заметил, что ответ Рузвельта «имеет привкус русских требований к Финляндии», Черчилль ответил: «Стоимость каждого эсминца измеряется кровью». Но в то же время Черчилль сообщил британскому послу в Вашингтоне, что любое публичное раскрытие условий сделки окажет «катастрофическое воздействие» на моральный дух британского общества. Следовало сохранять иллюзию самодостаточности Британии.

Блиц был в разгаре. 15 августа сотня немецких бомбардировщиков нанесла удары по верфям, заводам и аэродромам северо-запада. В то же время, в рамках того, что позже получило название «битва за Британию», 800 немецких самолетов на юге постарались уничтожить английские истребители на земле и разбомбить аэродромы. На северо-востоке были сбиты 30 немецких бомбардировщиков из 100 – ценой всего двух раненых английских летчиков. На юге были сбиты 46 немецких самолетов. Британцы потеряли 24 истребителя. Погибли всего восемь летчиков. Этим вечером на Даунинг-стрит Черчилль «с жадностью поглощал» поступающие новости о боевых успехах. В результате он отправился в штаб истребительной авиации в Стэнморе, чтобы наблюдать за ходом сражения из мозгового центра. К концу дня немцы потеряли 76 самолетов. Черчилль позвонил Чемберлену, который, тяжелобольной, находился в своей загородной резиденции, чтобы сообщить хорошие новости.

16 августа Черчилль следил за ходом боев из командного центра 11-й группы истребительной авиации в Аксбридже. В этот день в воздух поднимались почти все британские истребительные эскадрильи. Но 47 самолетов немцы успели уничтожить еще на земле. Уезжая из командного центра, Черчилль обернулся к Исмею со словами: «Не говорите со мной. Я никогда еще не был так тронут». Примерно через пять минут он снова обратился к Исмею и произнес: «Никогда еще в истории человеческих конфликтов столь многие не были так обязаны столь немногим». Он повторил эти слова четырьмя днями позже, когда делал в палате общин обзор боевых действий. Эти слова «запомнятся навсегда, – написала ему дочь Асквита Вайолет и добавила: – Ничего более простого, более величественного и более истинного не произносилось в столь великий момент истории человечества.

Вы полностью превзошли своих прежних противников! Даже мой отец бы это признал. Ему бы это очень понравилось!».

В выступлении Черчилля 20 августа было еще несколько фраз, отразивших общественное настроение непокорности и уверенности. Раскрыв сделку «эсминцы в обмен на базы» с Соединенными Штатами, которая означала, что две страны в ближайшие годы «в некоторых вопросах будут действовать заодно для взаимной и общей пользы», Черчилль сказал, что это – процесс, который он уже не может остановить, даже если бы хотел: «Никто не может остановить его. Как Миссисипи, он уже течет сам по себе. Пусть течет. Пусть течет полноводной рекой, неумолимо, неодолимо, благотворно в обширные земли и лучшие дни».

Черчилль подкреплял свои слова делом. Месяцем ранее Рузвельт согласился, при условии соблюдения строжайшей секретности, направить миссию высокого уровня в Лондон для обсуждения возможных областей совместной англо-американской стратегии. Истинная цель миссии была скрыта под названием «Комитет по стандартизации вооружений». 22 августа Черчилль дал обед в честь трех членов миссии, прибывшей в Британию. Его личное влияние само по себе было важным фактором военной мощи Британии. Месяц назад, когда генерал Пакенхэм-Уолш направлялся с миссией в Соединенные Штаты, постоянный заместитель военного министра попросил Черчилля встретиться с ним перед отъездом, чтобы «над ним было сияние горы Синай, когда он прибудет в Вашингтон». Свои личные мысли Черчилль высказывал в узком кругу друзей. В конце августа он сказал им, что Соединенные Штаты «с энтузиазмом аплодируют героическим поступкам, которые совершают другие».

Пришло время скорректировать военную политику, выработанную в мае в тяжелой и неопределенной ситуации. Став премьер-министром, Черчилль назначил себя также министром обороны, сделав главой секретариата своего ведомства Исмея. Министр обороны являлся председателем Комитета начальников штабов. Три начальника штабов – адмирал флота сэр Дадли Паунд, генерал сэр Джон Дилл и главный маршал авиации сэр Сирил Ньюэлл – встречались ежедневно, чтобы принимать решения как по непосредственным боевым действиям, так по планированию будущих операций. Когда Черчилль не мог присутствовать, его представлял Исмей.

Отношения между Черчиллем и начальниками штабов строились на основе взаимного уважения, подкрепленного

необходимостью тесного сотрудничества против безжалостного врага. Каждое решение в области ведения войны должно было быть одобрено всеми тремя начальниками штабов; если они не соглашались с каким-либо предложением Черчилля, оно продолжения не имело. Но вопросов, по которым достигалось взаимное согласие, было гораздо больше, чем тех, которые вызывали споры. В целом их отношения были тесными, конструктивными и дальновидными, выкованными в горниле опасности и борьбы за выживание.

Лидерская роль Черчилля была примечательна даже на уровне начальников штабов. «Он обеспечивал поток идей, стимулирующую энергию и политическое руководство, – позже записал член секретариата Министерства обороны полковник Иэн Джейкоб. – Они все превращались в последовательную военную политику, и оказывалось, что все планы соответствуют ресурсам». Один из личных секретарей Черчилля Джон Пек позже вспоминал «их глубокое уважение, даже в нередких случаях, когда они не соглашались, к его *военным* талантам, если не гениальности». Пек добавил, что бывали случаи, когда начальники штабов обращались к Черчиллю за военными советами. Те, кто имел возможность наблюдать Черчилля и начальников штабов за работой, соглашались с тем, что, как написал Джейкоб, они представляли собой «великолепную команду».

24 августа Черчилль подготовил документ, определяющий дальнейшие отношения между уже существующими группами, формирующими военную политику. Комитет объединенного планирования, состоящий из высшего военного командования и руководства разведки, должен представлять планы операций на суше, на море и в воздухе. Комитет объединенного планирования должен был также «прорабатывать в деталях те планы, которые направлялись ему министром обороны», то есть самим Черчиллем. Все эти планы затем направлялись в Комитет начальников штабов и, в случае одобрения, начинали реализовываться без дальнейших консультаций. Если же у Комитета начальников штабов возникали «сомнения или разногласия», планы возвращались во вновь созданный комитет обороны при Военном кабинете. В комитет входили Черчилль, Эттли, Бивербрук и три министра-силовика – Иден, Синклер и А. В. Александер. На обсуждениях в комитете обороны присутствовали начальники штабов и Исмей.

Объясняя цель создания комитета обороны, Черчилль сказал Идену, что чувствует «наверняка», что может полагаться на руководителей силовых министерств в их способности «помогать мне определять энергичное и позитивное направление

ведения войны и преодолевать мертвый груз инерции и торможения, из-за которого пока противник опережает нас по всем пунктам». Комитет обороны быстро стал арбитром всех военных операций, а Военный кабинет – всех решений вне сферы военных операций. Сам кабинет министров оказался важнейшим инструментом реализации политики, определяемой Комитетом обороны и Военным кабинетом; каждый министр, не входящий в состав комитета, был наделен широкой зоной ответственности. Ожидалось, что они будут исполнять свои задачи энергично и без постороннего вмешательства.

Координация всех этих действий была возложена на секретариат кабинета министров под руководством секретаря сэра Эдварда Бриджеса, который также был секретарем Военного кабинета. «Его советы были честными и бесстрашными, – позже вспоминал один из личных сотрудников Черчилля Джон Мартин, – и он был готов спорить с Черчиллем, если не был согласен с ним. В свою очередь, премьер-министр относился к его суждениям с огромным доверием и обращался к нему, чтобы убедиться в правильности направления своих решений». Среди задач Бриджеса было обеспечение высочайшей степени секретности в структуре администрации. Это он делал умело и тактично.

Надежный инструмент ведения войны был создан; Черчилль, с его неукротимой энергией, огромным опытом и неколебимой верой в победный исход обеспечивал его движущей силой и огнем.

24 августа Черчилль обратился с предложением присвоить майору Джеффрису, с которым познакомился в Адмиралтействе, когда планировалось минирование Рейна, звание подполковника. Джеффрис, который произвел большое впечатление на Черчилля своей изобретательностью и энергичностью, руководил экспериментальным армейским учреждением в Уайтчерче, расположенным в 15 километрах от Чекерса. Позже Черчилль взял его под свой личный контроль в Министерство обороны. Линдеман навещал его каждые две недели. Иногда образцы экспериментальных новейших бомб, мин и взрывчатых веществ привозили в Чекерс, чтобы продемонстрировать премьер-министру.

24 августа немецкие бомбы впервые обрушились на Центральный Лондон днем. На следующий день 80 британских бомбардировщиков ответили ударом по Берлину. 26 августа Черчилль увидел записку министра авиации, что следующей целью станет Лейпциг. Он этого не одобрил. «Теперь, когда они

начали досаждать столице, – сказал он начальникам штабов, – я хочу, чтобы вы ударили по ним как следует, и Берлин – самое подходящее место для этого».

На протяжении следующих двенадцати дней не менее шестисот немецких бомбардировщиков ежедневно бомбили британские города и аэродромы. Черчилль часто следил за налетами с крыши одного из правительственных зданий в Уайтхолле. Но он понимал, как мало может сделать один человек, чтобы повлиять на исход войны в воздухе, в битве летчиков один на один. «Каждый вечер, – сказал он Колвиллу 27 августа, – я подвергаю себя суду военного трибунала, чтобы понять, сделал ли я что-то эффективное за день. Я не имею в виду копать землю. Предложения может делать любой. Я говорю о чем-то действительно эффективном».

28 августа Черчилль посетил береговые укрепления в Дувре и Рамсгейте. Увидев результаты бомбардировок, он распорядился, чтобы все гражданские лица, чьи дома пострадали или были разрушены, «получили полную компенсацию». Он также распорядился быстрее заделывать воронки от бомб на прибрежных аэродромах. Он был строг, но не груб или мрачен. Один из членов американской миссии, которого он взял с собой на побережье, поблагодарил его не только за поездку, но и за то, что «человек с таким грузом ответственности может в то же самое время быть столь дружелюбным хозяином».

В выходные в Чекерсе Черчилль снова обсуждал возможные наступательные действия с членами комитета объединенного планирования. Одна идея, которую он предложил, заключалась в захвате Осло, чтобы лишить Гитлера «его первого крупного достижения». Другая – в захвате какой-то территории Северной Германии, «чтобы враг почувствовал войну на собственной территории». Эти идеи, добавил он, «только для рассмотрения». Черчилль всю жизнь был сторонником классического афоризма «все средства хороши». Но он понимал, насколько зависит от энергии и инициативы других. «Очень убедительные аргументы часто приводят в оправдание безделья», – записал он 5 сентября.

5 сентября, выступая в палате общин, Черчилль скрыл подробности о самых недавних британских потерях. Потери были тяжелыми. За одну неделю погибли 50 летчиков-истребителей и 469 гражданских лиц, многие из которых работали на авиастроительных предприятиях. Был и крупный успех, который тоже держался в тайне. Из Гибралтара вышли четыре военных корабля с зенитными пушками и боеприпасами.

Они должны были пройти через Мальту, которая подвергалась бомбардировкам итальянской авиации. Адмиралтейство противилось этой операции и по-прежнему не соглашалось сделать то же самое в отдаленной перспективе в отношении Египта. «Естественно, – записал Черчилль на следующий день, – они все поддерживают друг друга, как врачи в случае неверного лечения. Но факт остается фактом: операции препятствует преувеличенный страх перед итальянской авиацией».

7 сентября из-за неправильно понятых разведданных ожидалось вторжение немцев в Британию. В 8 часов 7 минут вечера всем войсковым подразделениям было послано кодовое слово «Кромвель», по которому они должны были быть приведены в полную боевую готовность. Тревога оказалась ложной. Гитлер даже не определился с датой начала вторжения в Британию. В эту ночь планировалось лишь нанести мощнейший бомбовый удар по Лондону. В налете участвовали 200 бомбардировщиков. Три сотни лондонцев были убиты. На следующее утро Черчилль посетил руины бомбоубежища, в котором погибли 40 человек. Когда он вышел из машины, оставшиеся в живых и родственники погибших просто ошеломили его криками: «Мы знали, что вы приедете. Мы выдержим. Отомстите им!»

Исмей, сопровождавший Черчилля, позже написал ему, вспоминая об этом инциденте: «Вы потеряли самообладание». В то время, как он пытался провести Черчилля сквозь толпу, чтобы усадить обратно в машину, одна женщина крикнула: «Смотрите, ему не все равно, он плачет!» Вернувшись на Даунинг-стрит, Черчилль узнал из расшифрованного сообщения «Энигмы», что планы германского вторжения еще настолько не проработаны, что даже не завершена учебная подготовка и не принято никакого «жесткого и срочного решения о проведении боевых действий в каком-либо направлении». Почувствовав облегчение, но не умиротворение, он тут же предложил нанести бомбовые авиаудары по портовым сооружениям захваченных немцами Кале, Булони и другим, в которых могут происходить последние приготовления к вторжению, чтобы «подорвать боевой дух» сосредоточенных там немецких войск и вывести из строя как можно больше из 1700 самоходных барж и двух сотен морских судов, замеченных там благодаря фоторазведке.

Блиц продолжался. Еженедельные потери в Лондоне достигали тысячи человек. 1 сентября Черчилль обратился по радио к своим слушателям с жесткими и решительными словами:

«Эти жестокие, варварские, рассчитанные на массовые убийства бомбардировки Лондона являются, безусловно, частью

гитлеровского плана вторжения. Погубив множество мирных жителей, женщин и детей, он надеется терроризировать и запугать население великого города, возложить еще одно беспокойное бремя на правительство и тем самым отвлечь наше внимание от дикой и беспощадной бойни, к которой готовится. Он просто не представляет себе дух британской нации и стойкость лондонцев, чьи предки сыграли ведущую роль в установлении институтов парламентаризма и кто воспитан ценить свободу гораздо выше собственной жизни.

Этот мерзавец, хранилище и олицетворение всех форм самой тупой ненависти, чудовищный продукт преступлений и позора прошлого, вознамерился сломить наш славный народ процессом массовых убийств и разрушений. Но ему удалось только разжечь огонь в британских сердцах, здесь и по всему миру, который будет долго гореть после того, как будут ликвидированы следы всех пожаров, которые он устраивал в Лондоне. Он разжег огонь, который будет гореть устойчивым и пожирающим пламенем, и в нем сгорят последние остатки нацистской тирании в Европе, а Старый Свет, рука об руку с Новым, примется за восстановление храмов человеческой свободы и человеческого достоинства на фундаменте, который нельзя будет легко или быстро разрушить».

13 сентября, в связи с интенсификацией бомбардировок Лондона немецкой авиацией, совещание Военного кабинета и Комитета обороны состоялось в специально укрепленном подземном помещении. Известные как Центральные военные комнаты, позже – как военные комнаты кабинета, они располагались под старым зданием Министерства торговли, напротив парка Сент-Джеймс. Это было массивное здание, построенное перед Первой мировой войной. Необходимость в таком убежище стала очевидной через пару дней, 15 сентября, когда в течение одного дня побережье Британии пересекли 230 бомбардировщиков и 700 истребителей для нанесения ударов по Лондону.

Это был воскресный день. Еще утром, когда поступило сообщение о первой волне воздушного налета, стало ясно, что начинается массированное наступление. Вскоре после полудня Черчилль отправился из Чекерса с Клементиной и своей снохой Памелой в штаб 11-й авиагруппы в Аксбридже, чтобы наблюдать за ходом воздушного сражения. Когда он приехал, общее руководство из подземного центра управления осуществлял командир авиационного крыла[46] Эрик Дуглас-Джонс. Это был критический момент. Черчилль даже сказал ему: «Господи, все ваши силы в воздухе. Что делаем дальше?» Если

на Британию пойдет еще одна волна немецких бомбардировщиков и истребителей, не будет никаких резервов, чтобы их встретить. Дуглас-Джонс уверенно ответил: «Сэр, остается надеяться, что эскадрильи смогут максимально быстро заправить топливом, и они снова поднимутся в воздух».

Очередная волна немецких бомбардировщиков и истребителей пересекла береговую линию. Все лампочки на панели Дугласа-Джонса горели красным: все доступные истребители были подняты в воздух для отражения врага. Повернувшись к вице-маршалу авиации Парку, Черчилль спросил: «Какие у нас еще есть резервы?» – «Резервов больше нет», – ответил Парк.

Отбой тревоги прозвучал в 3:50. Покидая центр управления, Черчилль похлопал офицера по плечу и сказал: «Отличная работа, Дуглас-Джонс». Памела Черчилль позже вспоминала, что на обратном пути в Чекерс «он выглядел абсолютно – полностью – изможденным. Казалось, он лично отражал атаки бомбардировщиков». Добравшись через полчаса до Чекерса, Черчилль натянул на глаза черную атласную повязку, которой пользовался, когда хотел вздремнуть, и крепко уснул.

К восьми вечера, когда Черчилль проснулся, уже стало ясно, что немцам не только не удалось преодолеть истребительное заграждение британцев, но и что их собственные потери оказались настолько велики (только бомбардировщиков было сбито 59), что дальнейшие воздушные сражения такого масштаба нанесут урон им самим. Битва за Британию, памятный день которой стали отмечать 15 сентября, была выиграна. Налеты немецкой авиации продолжались, но отныне защитники Британии сражались с все нарастающим мастерством и уверенностью.

Поскольку пребывание на Даунинг-стрит, 10, стало считаться небезопасным, Черчилль с женой и сотрудниками 16 сентября переселились в помещения в здании Министерства торговли. Они располагались не под землей, как Центральные военные комнаты, а выше уровня земли и смотрели на парк Сент-Джеймс. Помещения были укреплены изнутри стальными балками, а снаружи – стальными ставнями, которые закрывали при опасности воздушного налета. Этот ряд комнат, получивший название «Филиал номера 10», одну из которых Черчилль превратил в картографический кабинет, стал его рабочим штабом до конца войны. Там он и ел, и спал. Известно, что он уходил ночевать в подземелье только три раза.

«Теперь у нас по ночам страшная артиллерийская канонада из всех пушек, – записал капитан Беркли в дневнике

17 сентября. – За это мы должны благодарить премьер-министра, который неделю назад топал ногами и кричал, что мы должны что-то сделать, иначе моральный дух будет подорван. Прожектора оказались крайне неэффективны, и люди отчаянно прислушивались к гулу бошей, безнаказанно шныряющих в лондонском небе. Поэтому решили задействовать пушки».

17 сентября, на следующий день после переселения в пристройку дома 10, Черчилль выступил в палате общин: «Я не сомневаюсь в нашей победе так же, как в том, что завтра взойдет солнце». Никакие военные или гражданские неудачи не могли поколебать уверенности Черчилля. Но каждый день приходили суровые вести. В этот день в Северной Африке итальянские войска пересекли ливийскую границу и продвинулись на сто километров в Египет. На море был торпедирован корабль «Бенарес», на котором эвакуировали детей в Канаду. 77 детей и 72 сопровождающих их взрослых и членов экипажа погибли.

Ночью 16 сентября немецкая авиация предприняла новый злодейский способ бомбардировки Лондона: мины стали сбрасывать на парашютах. Их никак нельзя было прицельно направить на военные или стратегические объекты. В ночь на 18 сентября снова сыпались парашютные мины. На следующий день Колвилл записал в дневнике, что Черчилль, «тронутый бесстрашием немцев в Уондсуэрте, свидетелем которого он был, теперь относится к ним все хуже и хуже и говорит, что большинство их надо кастрировать!».

Через два месяца после того, как Черчилль стал премьер-министром, началась подготовка к первой наступательной операции под знаменем генерала де Голля и его движения «Свободная Франция» на город и порт Дакар во Французской Северной Африке. Черчилль надеялся, что французские власти в Дакаре откажутся от своей лояльности вишистам и перейдут на сторону де Голля, обеспечив первый заморский успех «Свободной Франции». «Следует всячески помогать генералу де Голлю в его попытке закрепиться в Северной Африке», – сказал Черчилль начальникам штабов, которые после небольшого колебания согласились с тем, что наступление должны возглавить британские войска. 15 сентября, узнав, что гарнизон в Дакаре получил подкрепление в виде военных кораблей вишистов, Черчилль отложил было предприятие, но через два дня на совещании Военного кабинета Чемберлен и Иден выступили за реализацию наступления. Как и в случае ряда других инициатив периода войны, Черчиллю позже предъявили

обвинение в недостатке осторожности, что совершенно не соответствовало его взглядам того периода.

Наступление, начатое 23 сентября, провалилось. Силы вишистов оказали упорное сопротивление. Их артиллеристы подбили британский линкор «Резолюшн» и крейсер «Камберленд». Экспедицию пришлось отменить. Черчилль, хотя и обескураженный, остался непреклонен. Этим вечером, отдав приказ сотне тяжелых бомбардировщиков нанести удар по Берлину и еще пятидесяти – атаковать немецкие баржи и портовые сооружения на берегу Ла-Манша, он сказал Колвиллу: «Пусть получат. Запомни: с врагом нельзя бороться вполсилы».

Глава 29
Британия на краю

В конце сентября 1940 г. Черчилль узнал, что в течение месяца от немецких бомб погибли 6954 человека гражданского населения. Под его бдительным наблюдением продолжались приготовления к отражению вторжения и поиск более эффективных мер воздушной обороны. Он не забывал и о моральной поддержке народов оккупированной немцами Европы. 30 сентября он обратился по радио к народу Чехословакии: «Не теряйте бодрости. Час вашего освобождения придет. Дух свободы бессмертен; он не может исчезнуть и никогда не исчезнет».

В первую неделю октября в Лондоне и некоторых других городах под бомбами погибли еще 2000 человек. Но, выступая в палате общин 8 октября, Черчилль указал, что при нынешних темпах разрушений потребуется десять лет, чтобы разрушить половину домов столицы. «Однако, – заявил он, – очень многое произойдет с герром Гитлером и нацистским режимом гораздо раньше, чем пройдут эти десять лет». Что касается разрушенных домов, продолжал он, «мы перестроим их так, что будем ими гордиться». Лондону, Ливерпулю, Манчестеру, Бирмингему, возможно, предстоит пострадать еще больше, но, выразил уверенность Черчилль, «они восстанут из руин – более процветающими и, надеюсь, более прекрасными».

В день этого выступления Черчилля его сын Рэндольф в результате безальтернативных дополнительных выборов стал членом парламента от Консервативной партии. Он появился в Вестминстере в исторический момент политической карьеры отца. Невилл Чемберлен вышел из состава Военного кабинета в связи с резким ухудшением здоровья. К Черчиллю обратились с просьбой стать лидером Консервативной партии – партии, от которой он сорок лет назад, в правление королевы Виктории, впервые стал парламентарием, но которую через четыре года покинул на долгие два десятилетия.

Клементина хотела, чтобы муж отказался от лидерства в партии. Как вспоминала их дочь Мэри, она аргументировала это тем, что «он был призван голосами всей нации, безотносительно одной партии» и что, приняв предложение, он может «оскорбить широкое общественное мнение». Но Черчиллю для работы нужны были коллеги по партии. Как писала его дочь, «в эти тяжелые времена их надежная поддержка постоянно придавала ему сил

и уверенности». 9 октября он стал лидером партии. На следующий день родился его внук Уинстон, сын Рэндольфа. Памела в это время жила в Чекерсе. В следующий визит туда Черчилль заметил, что, если бы немцы решили в этот момент разбомбить Чекерс, они могли бы «одним махом покончить с тремя поколениями. Видимо, они считают, что я не настолько глуп, чтобы приезжать сюда». Колвилл записал: «Он не против случайности, но считает ошибкой стать жертвой умысла». Далее Черчилль решил проводить выходные, приходящиеся на полнолуние, когда Чекерс особенно хорошо виден с воздуха, подальше от Лондона в поместье Дичли-парк, к северо-западу от Оксфорда.

В этот уик-энд Черчилль был оживлен и общался с гостями Чекерса в неформальной обстановке. 13 октября он сказал им: «Живой гунн – это война в перспективе». Он также заметил, что «нынешняя война очень подойдет англичанам, как только они к ней привыкнут. Они предпочтут все пойти на фронт и принять участие в обороне Лондона, нежели безнадежно наблюдать за массовой бойней, как при Пасхендале». Когда стала ощущаться нехватка снарядов, он распорядился, чтобы зенитки стреляли холостыми зарядами, издающими очень громкий звук, дабы «избежать удручающей население тишины». Холостые заряды должны были также сбивать с толку немцев «вспышками на земле» и в то же время заставить их «меньше думать о наших атакующих истребителях».

Немецкие налеты продолжались. 14 октября, когда Черчилль ужинал в небольшой комнате, специально выделенной для него на Даунинг-стрит, 10, бомба упала на Плац-парад конной гвардии. Он немедленно приказал дворецкому, повару и прислуге перенести всю еду в столовую, покинуть кухню и укрыться в подвальном убежище. Через три минуты от второй бомбы, упавшей в пятидесяти метрах во дворе со стороны здания, выходящего на Казначейство, кухня разрушилась. Предчувствие Черчилля спасло его штат. Через два дня еще от одной бомбы, упавшей во двор, погибли четыре человека, укрывавшиеся в подвале Казначейства. 17 октября, когда количество только гражданского населения, погибшего в Лондоне, достигло 10 000, один парламентарий в курительной комнате палаты общин обратился к Черчиллю с просьбой предпринять ответные действия. Он ответил: «Это военные действия, а не гражданская война. Вы и кто-то еще, возможно, хочет убивать женщин и детей. Мы хотим (и преуспеем в нашем желании) уничтожать немецкие военные объекты. Я уважаю вашу точку зрения. Но мой девиз – дело прежде всего».

21 октября Черчилль узнал, что потоплено 500-е британское торговое судно. В пересчете на тоннаж Британия потеряла 2 миллиона тонн. «Это сильно угнетает премьер-министра», – записал Колвилл. В этот день в Атлантике немецкая авиация атаковала два грузовых конвоя, идущие из Канады, потопив 17 кораблей в одном и 14 – в другом. В этот вечер, выступая с радиообращением к французам, он сказал: «Мы в Лондоне ждем давно обещанного вторжения. И рыбы тоже».

Говоря о Франции, Черчилль заявил: «Я никогда не поверю, что она *навсегда* потеряла свое место среди великих мировых держав». Французы должны восстановить боевой дух, пока не стало слишком поздно. «Вскоре вы почувствуете тяжесть руки, которая борется за вас». Британия думает только об одном: «Вышибить жизнь и дух из Гитлера и гитлеризма. Только об этом, все время и до конца. Нам не нужно ничего ни от какого народа, кроме уважения». Свое выступление он закончил так: «Спокойной ночи. Спите, чтобы к утру набраться сил. Ибо утро настанет. Оно ярко высветит смелость и правду, согреет добром страдающих за наше дело, славой покроет могилы героев. Наступит рассвет. Vive la France![47] Да здравствует марш простого народа всех стран к справедливому и заслуженному будущему, вперед, к свободной и полнокровной жизни!»

На этой неделе и следующей Лондон подвергался ожесточенным бомбардировкам. За последнюю неделю октября в Британии погибло более 800 гражданских лиц, в том числе 50 лондонцев, укрывшихся под железнодорожным мостом, принявшим на себя основной удар. Число месячных потерь перевалило за 6000. В этот момент непрестанных и разрушительных бомбежек вторжение немецких войск представляло наибольшую опасность. Тем не менее 27 октября немецкое командование направило совершенно секретную директиву всем войскам, сосредоточенным у берегов Ла-Манша, «продолжать подготовку согласно плану». Сообщение, зашифрованное «Энигмой», было немедленно перехвачено британской радиоразведкой и через несколько часов расшифровано в Блетчли-парк. Изучавшие это сообщение пришли к выводу, что вторжение вряд ли состоится в ближайшее время, если все еще продолжается «плановая подготовка».

28 октября воздушная фотосъемка, существенный компонент всех разведывательных действий, зафиксировала заметное перемещение немецкого флота к востоку, прочь от Британии. Это, в сочетании с сообщением предыдущего дня, стало решающим. Гитлер не планировал вторжение в Британию в этом месяце, а с учетом приближающейся зимы, вероятно, не собирался этого

делать как минимум в ближайшие четыре-пять месяцев. 2 ноября в Чекерсе Колвилл, которому не были известны подробности, записал, что Черчилль «считает, что вторжение отменяется».

Черчилль испытал существенное облегчение, но в этот же день, 28 октября, когда появилось второе подтверждение, что Гитлер не строит планов вторжения, войска Муссолини вторглись в Грецию. Итальянская авиация бомбила Афины. «Значит, мы должны бомбить Рим», – немедленно отреагировал Черчилль в записке новому начальнику штаба авиации сэру Чарльзу Порталу. На самом деле через три дня бомбардировке с воздуха подверглись военные объекты в Неаполе. Был нанесен удар и по Берлину. «Бомбардировки Германии прискорбно малы», – отметил Черчилль.

Угроза непосредственного вторжения миновала, и Черчилль начал прилагать все усилия для поиска людей, самолетов и снаряжения для Греции, которой Британия дала гарантии в марте 1939 г. Иден обращал внимание на опасность отправки слишком большого контингента войск из Египта, опасаясь, что Италия может продвинуться еще ближе к Каиру. Но 3 ноября, в тот день, когда первые британские части высадились в Греции, Черчилль убедил его «крепко держать ситуацию в руках, отбросить страхи и нерешительность и воспользоваться возможностью, которая нам представилась». Черчилль добавил: «Безопасность прежде всего – этот лозунг ведет к проигрышу войны, даже если бы вы могли обеспечить безопасность, которой на самом деле нет». На следующий день Черчилль заявил в Военном кабинете: «Если Греция проиграет, будут говорить, что мы, несмотря на гарантии, позволили проглотить еще одного мелкого союзника».

Комитет объединенного планирования и начальники штабов одобрили решение «временно ослабить Египет» ради помощи Греции. Как и Черчилль, они полагали, что нехватка военного снаряжения во многих областях не может стать причиной приостановки мер, считающихся необходимыми для ведения войны. Но были и обнадеживающие, и тревожные признаки. 3 ноября, впервые почти за два месяца, немецкие бомбардировщики пролетели мимо Лондона. «Очевидно, им не нравится оказываемый здесь прием, – заметил Черчилль на следующий день, – или ответные удары по Берлину». 5 ноября Рузвельт во второй раз был избран президентом на четырехлетний срок. Затем, утром 6 ноября, штаб 16-й армии немцев направил совершенно секретное указание соответствующим командирам, что часть оборудования для оснащения десантных барж, расположенных в Бельгии

и Северной Франции, «следует вернуть на берег», оставив лишь то, что необходимо для «тренировок». Указание перехватили и дешифровали в Блетчли-парк. Вечером 6 ноября Черчиллю передали экземпляр в запертом ящике, ключ к которому был только у него. Гитлер решил продолжать завоевания где-то в ином направлении.

7 ноября Черчилль получил еще одну хорошую новость. Пять британских военных кораблей доставили по Средиземному морю в Египет продукцию военного назначения, чего он требовал уже некоторое время. Днем позже он узнал, что главнокомандующий британскими войсками на Ближнем Востоке генерал Уэвелл закончил разработку плана вытеснения итальянской армии из Египта. «Я урчал, как шесть кошек», – позже вспоминал Черчилль. «В конце концов, – сказал он своим советникам, – мы можем сбросить ненавистные оковы обороны. Войны выигрываются превосходством силы воли. Теперь мы перехватим инициативу у врага и навяжем ему свою волю». Теперь Черчиллю нужно было найти тонкий баланс между военными поставками, необходимыми для Египта и Греции. Ресурсов на оба направления не хватало, но защищать надо было и то и другое. Он также хотел быть уверенным, что британские города обладают адекватной противовоздушной обороной. 8 ноября, встревоженный нехваткой зенитной артиллерии в Ковентри, военные заводы которого уже шестнадцать раз подвергались бомбежкам, он дал указание усилить противовоздушную оборону Ковентри. Такого рода инструкции выполнялись немедленно; он наклеивал на них специальные красные полоски со словами «выполнить сегодня».

11 ноября общество с воодушевлением восприняло известие о том, что британская военно-морская авиация провела торпедную атаку против итальянского флота, стоявшего на якоре в Таранто. Затонули три из шести итальянских линкоров. Это стало первой победой британцев на море за время премьерства Черчилля. Он немедленно направил отчет об этом Рузвельту, чей министр военно-морских сил Фрэнк Нокс предложил срочно принять меры предосторожности для защиты Перл-Харбора. Он считал, что самую «большую опасность могут представлять самолеты-торпедоносцы». И Нокс оказался прав. Японцы тоже усвоили урок Таранто. Через год их торпеды, сбрасываемые с самолетов, нашли флот, стоявший на якоре в том самом Перл-Харборе.

Вечером после победы при Таранто Черчилль готовил парламентский некролог Невиллу Чемберлену, который скончался днем ранее. Его речь стала трогательной попыткой

объяснить все, за что боролся Чемберлен. «Все очень хорошо», – сказала Кэтлин Хилл после того, как он продиктовал ей текст. Черчилль ответил: «Разумеется, я мог бы сделать это совершенно иначе».

Черчилль говорил в парламенте, что во время одного из тяжелейших мировых кризисов на Чемберлена выпала доля «вступать в спор с событиями, разочаровываться в надеждах, быть обманутым и введенным в заблуждение злодеем. Но каковы были его надежды, в которых он разочаровался? Каковы были его желания, которые он не смог воплотить? В чем была его вера, над которой надругались? Безусловно, это одни из самых благородных и благотворных порывов человеческой души – любовь к миру, упорный труд ради мира, борьба за мир, стремление к миру – даже при огромной опасности и, конечно, с крайним пренебрежением к популярности или протестам».

14 ноября Черчилль принял непосредственное участие в похоронах Чемберлена в Вестминстерском аббатстве. Вернувшись на Даунинг-стрит и к войне, он телеграфировал Уэвеллу: «Пришло время рискнуть и нанести удар по итальянцам с моря, суши и воздуха». Затем, пообедав, он на автомобиле отправился в Дичли-парк. Машина не проехала и пяти минут, когда Черчилль, просматривая срочные материалы, которые передал ему личный секретарь перед отъездом, прочитал последнее сообщение авиационной разведки о предполагаемых целях ближайшего налета немецких бомбардировщиков. В сообщении утверждалось с высокой долей вероятности, что мощный удар следует ожидать ближайшей ночью. Цель его пока была неизвестна. Но, судя по нескольким предыдущим сообщениям, предполагалось, что следующий массированный удар будет нанесен по Лондону. Черчилль тут же дал указание шоферу развернуться и доставить его обратно на Даунинг-стрит. Он не собирался проводить «спокойную ночь за городом, – как записал его секретарь, – в то время, когда столица будет подвергаться тяжелому удару».

Однако целью бомбардировочной авиации в ту ночь стал не Лондон, а Ковентри. Если бы это стало известно заранее, были бы сделаны все возможные усилия, чтобы направить силы пожаротушения и гражданской обороны на помощь городу, которому угрожала такая опасность. Спустя много лет появились безосновательные утверждения, что из-за отказа разведки точно указать цель не было предпринято никаких усилий по укреплению обороны и оказанию помощи обреченному городу. Но на протяжении нескольких дней поступала противоречивая информация о цели следующего большого воздушного налета.

В ряду вероятных целей назывался не только Лондон, но и долина Темзы, побережье графств Кент и Эссекс, Ковентри и Бирмингем. В сообщении авиационной разведки, которое получил Черчилль, говорилось о том, что целью налета в эту ночь могут также стать объекты «поблизости от Лондона». К сообщению прилагалась записка о том, что, если дальнейшая информация точно укажет «Ковентри, Бирмингем или другое место», есть надежда, что указания по организации контрмер будут выданы вовремя.

Вернувшись на Даунинг-стрит в ожидании воздушного налета, Черчилль дал распоряжение распустить по домам весь женский обслуживающий персонал. Позже он отправил двух дежурных личных секретарей в глубокое бомбоубежище на Пикадилли со словами: «Вы слишком молоды, чтобы погибать». После этого стал с нетерпением ждать налета – сначала в подземных центральных военных комнатах, а потом – на крыше здания Министерства авиации.

Днем, без десяти четыре, воздушная разведка получила информацию, что обнаружены лучи для ночной бомбардировки. Они указывали на Ковентри. Британские бомбардировщики были немедленно подняты в воздух с указанием нанести удары по аэродромам, с которых может начаться атака. Истребители постоянно патрулировали небо над Ковентри. Через три с половиной часа три сотни немецких бомбардировщиков нанесли удар. Это стало самым мощным налетом на центр производства боеприпасов. Противовоздушная оборона города, недавно усиленная по инициативе Черчилля и приведенная в состояние боевой готовности, вынуждала атакующие самолеты держаться очень высоко. Плотность зенитного заградительного огня была больше, чем даже при защите Лондона. Тем не менее оружейные заводы понесли тяжелый урон, в центре города вспыхнул сильнейший пожар. Был разрушен кафедральный собор. Погибло 568 гражданских лиц.

Возобновленные налеты немецкой авиации продолжались в течение недели. В Лондоне погибло 484, в Бирмингеме – 228 гражданских лиц. Благодаря достижениям радиотехнической разведки в каждом случае определялись наводящие лучи и принимались упреждающие оборонительные меры, такие же, как были предприняты в Ковентри. Но масса сброшенных бомб была огромной. В Лондоне пострадало также семь больничных зданий. Возмездие не заставило себя ждать: 16 ноября был нанесен бомбовый удар по Берлину, через два дня – по Гамбургу. Там погибло 233 мирных жителя.

«Уинстон рвет и мечет, но с прежней гениальностью, –

записал капитан Беркли в дневнике 12 ноября. – Он настоящий диктатор, и лишь изредка какой-нибудь особо храбрый министр осмеливается возражать. Во всяком случае, начальники штабов вполне ему подчиняются и полностью вовлечены в поиски путей и средств». Через две недели Черчилль скажет Идену, что никогда в жизни еще не чувствовал себя так адекватно своей работе. 30 ноября он отметил шестьдесят шестой день рожденья. «Очень мало кому в истории доставалась такая ноша, какую вы несете в последние шесть месяцев, – написал ему Иден в этот день. – И поистине удивительно, как в результате всего этого вы лучше, энергичнее и больше, чем когда-либо, способны направлять и вдохновлять всех нас».

А руководства и вдохновения требовалось все больше. 8 декабря в результате воздушного налета погибло 85 гражданских лиц; была разрушена часть здания палаты общин. Но через два дня Черчилль смог объявить об успехе наступления Уэвелла в Западной пустыне[48]. В плен было взято более 500 итальянских солдат. Через сутки количество пленных возросло до 7000 человек. Среди них оказались и три генерала. «Нарастает ощущение, – телеграфировал Черчилль фельдмаршалу Смэтсу, – что злодейство не восторжествует».

16 декабря Черчилль настойчиво убеждал Уэвелла нанести «сильнейший удар по итальянской армии и максимально освободить от них африканские берега». На следующий вечер, после обсуждения с двумя государственными чиновниками «достоинств и недостатков» Черчилля, капитан Беркли записал в дневнике: «Если бы было хотя бы еще несколько таких, как он! Даже впечатляюще успешная кампания в Египте, скорее всего, не состоялась бы, если бы он постоянно не подталкивал Уэвелла. Слава богу, он оказался прав».

18 декабря, посетив свою старую школу в Харроу, Черчилль прослезился, слушая, как мальчики исполняли патриотические песни. В следующий вечер он говорил Идену о мрачных летних днях: «Обычно я просыпаюсь, с бодростью встречая грядущий день. Тогда я просыпался с ужасом в душе». Хотя месяцы отчаяния уже миновали, впереди была еще долгая и трудная борьба.

Черчилль не переставал искать способы оказывать влияние на ход событий. 23 декабря он направил личное послание Петену и Вейгану в Виши, призывая их сбросить немецкое ярмо, поднять, при военной поддержке британцев, знамя французского Сопротивления в Северной Африке и предложив вступить в секретные штабные переговоры. Этим же вечером он обратился по радио к итальянскому народу. Он говорил о своей вере в то,

что настанет день, «когда итальянский народ снова возьмет в собственные руки свою судьбу».

На следующий день, 24 декабря, пожелав своему штату «делового Рождества и яростного Нового года», Черчилль отбыл в Чекерс, чтобы встретить Рождество в семейном кругу. Поначалу, следуя собственному напутствию, данному сотрудникам, он надиктовал несколько записок, но постепенно погрузился в праздничную атмосферу. После ужина, записал Колвилл, «стенографист был отпущен, и мы до полуночи распевали песни. ПМ пел охотно, хотя не всегда чисто». Когда муж Сары, Вик Оливер, уже получивший прозвище «любимого американского комика англичан», начал играть венские вальсы, Черчилль «резво принялся танцевать один посреди зала».

28 декабря, вернувшись в Лондон, Черчилль сразу же потребовал от начальников штабов изучить возможность захвата итальянского острова Пантеллерия, расположенного между побережьем Туниса и Сицилией. Он написал, что «захват поднимет градус и существенно повысит наше стратегическое влияние в Центральном Средиземноморье. Это также самый важный шаг к открытию Сицилийского пролива для прохода торговых и военных конвоев, посредством чего будет достигнуто значительное облегчение для нашего судоходства». Комитет объединенного планирования, так же как и начальники штабов, изучил идею, но лишь для того, чтобы ее отвергнуть. Остров захватить легко, но слишком дорого будет его снабжать и оборонять. Черчилль уступил их аргументам.

29 декабря немецкие бомбардировщики обрушили мощный груз зажигательных бомб на судоверфи и железнодорожные станции Лондона. Среди сотен разрушенных зданий оказалось и восемь церквей. «Прошлой ночью они сожгли большую часть лондонского Сити, – телеграфировал Черчилль Рузвельту на следующий день. – Картины широкомасштабных разрушений и здесь, и в наших провинциальных центрах ужасающие. Я сегодня посетил догорающие руины. Моральный дух лондонцев высок так же, как в первые дни массированных бомбардировок в сентябре, четыре месяца назад». По совету британского посольства в Вашингтоне этот параграф не был отправлен президенту из опасения, как объяснили в посольстве, что он может «возродить пораженческие настроения предыдущих месяцев».

Отношения с Рузвельтом становились напряженными, чуть не до разрыва. Многие наиболее срочные запросы Черчилля о поставках военного снаряжения не получали одобрения

президента. Камнем преткновения стала невозможность Британии платить. Вооружение, приобретаемое для декабря, января и февраля, стоило 1 миллиард долларов; но золотые резервы и долларовые запасы за год военных расходов сократились до 574 миллионов. Американцы предложили поставить снаряжение для десяти британских дивизий, но, как сказал Черчилль коллегам по Военному кабинету, хотели получить аванс в 257 миллионов из этого быстро тающего золотого резерва. Рузвельт зашел настолько далеко, что направил американский военный корабль к военно-морской базе Саймонстаун близ Кейптауна, чтобы забрать 50 миллионов долларов из британского золотого запаса, хранящегося в Южно-Африканской Республике.

Первой реакцией Черчилля было резкое возражение. Такой ход, написал он в черновике письма Рузвельту, которое в итоге не было отправлено, «напоминает действия шерифа, отнимающего последнее имущество у беспомощного должника». «Недопустимо, чтобы какая-то страна полностью отдавала себя в руки другой». Послание, отправленное в последний день 1940 г., было жестким, но примирительным по тону. Британия должна – и в ближайшее время – знать, каким образом Америка хочет получить оплату. Через два дня после отправления этого обращения Черчилль узнал, что судно с грузом 7 500 000 американских патронов затонуло в результате столкновения с другим судном конвоя. Этот «тяжелый удар», как выразился Черчилль, почти свел на нет радость и облегчение от очередной победы Уэвелла, который 4 января взял ливийский порт Бардиа, захватил 45 000 пленных и 462 тяжелые пушки. Через два дня Уэвелл подошел к окраинам Тобрука.

Общественность узнала о победе, Черчилль узнал об очередной опасности. Перехваченное и дешифрованное секретное сообщение немецкого авиационного командования, показанное ему 9 января, говорило о подготовке вторжения Германии в Грецию. До сих пор грекам удавалось отражать атаки итальянцев и даже оттеснить агрессора за албанскую границу. Но после вмешательства Германии баланс сил на Балканах, в Эгейском море и в Восточном Средиземноморье изменится. Даже нейтральная Турция может встать на сторону Германии, к чему ее давно призывали. Британии для защиты союзников вновь придется забирать ресурсы у победоносной армии Уэвелла, которая может оказаться в опасности. «Продолжение кампании в Ливии отныне должно отойти на второй план», – объявил Черчилль коллегам. Иден с ним согласился.

Все военные планы Британии отныне оказались в зависимости от отношения Соединенных Штатов к оплате

поставок вооружения. 8 января в Лондоне появился эмиссар Рузвельта Гарри Гопкинс. Через два дня Черчилль провел с ним три часа наедине на Даунинг-стрит. Дружба, зародившаяся в тот день, стала быстро крепнуть, что принесло чрезвычайную пользу Британии. Отныне Черчилль был так же откровенен с Гопкинсом, как со своими ближайшими советниками. «Он считает, что Греция потеряна, – сообщил Гопкинс Рузвельту, – хотя в данный момент поддерживает греков и ослабляет свою африканскую армию». Гопкинс добавил, что Черчилль находится в «тесном контакте» с Петеном, надеясь побудить французов-вишистов выступить против Германии в Северной Африке.

В выходные Черчилль отвез Гопкинса в Дичли-парк, где они обсудили потребности Британии. Один из советников Черчилля сказал Гопкинсу, что помощь в размере менее 24 миллионов тонн военного снаряжения и 16 миллионов тонн продовольствия «сведет на нет наши военные усилия». Пока Черчилль и Гопкинс беседовали, Рузвельт объявил условия решения финансового вопроса. Соединенные Штаты построят все, что требуется Британии, и передадут на условиях аренды; оплата будет отложена до окончания войны. Но прежде, чем договор о ленд-лизе вступит в силу, Британия должна расплатиться со всеми долгами, с какими может, своим золотым запасом и продать Соединенным Штатам свои коммерческие активы. Это была суровая сделка, лишающая Британию остатков ее экономической мощи, но говорящая о решимости американцев обеспечивать военные нужды Британии на долгосрочной основе. Ее еще должен был одобрить конгресс, и на это потребуется время, но принципы помощи уже были заложены. Рузвельт не кривил душой, когда сказал в своем ежегодном радиообращении, что «мы должны стать великим арсеналом демократии».

Гопкинс отправился с Черчиллем в поездку по Шотландии. 17 января он слышал, как Черчилль говорил своим слушателям в Глазго: «Моя единственная цель – искоренить гитлеризм в Европе». Вечером, за ужином, Гопкинс спросил у собравшейся компании: «Полагаю, вы хотели бы знать, что я намерен сказать президенту по возвращении?» И ответил, что процитирует ему строки из Библии: «Куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог – моим Богом». Гопкинс сделал паузу и добавил негромко: «До самого конца». Черчилль прослезился. Слова американского эмиссара, записал один из присутствовавших, «были похожи на спасательный круг, брошенный утопающему».

Черчилль свозил Гопкинса в Дувр показать артиллерийские батареи и скалы оккупированной немцами Франции. Черчилль

сказал своему гостю, что, если бы ему пришлось произносить речь после немецкого вторжения в Британию, он бы в заключение сказал: «Час настал. Убей гунна». На самом деле секретное сообщение немецкого командования, направленное с помощью машины «Энигма» и дешифрованное в Блетчли 12 января, подтвердило, что в планах немцев больше не стоит вторжение в Британию. Это конкретное сообщение содержало информацию для немецких радиостанций, которые были бы необходимы для организации перемещения оборудования в случае нападения, что они перестают обслуживаться после 10 января.

22 января Черчилль перед палатой общин раскрыл подробности управления производством для «стимулирования» производства и управления импортом, чтобы очертить распределение британского импорта. «Наша великая нация переходит на военный марш, – сказал он. – Завершается переход от дней мира и комфорта к дням чрезвычайных, организованных, упорных усилий». В этот же день австралийские и британские войска под командованием Уэвелла заняли Тобрук, взяв в плен 25 000 итальянских солдат. Настроение Черчилля улучшилось. Спустя пять дней в Чекерсе Колвилл записал в дневнике: «ПМ последнее время чрезвычайно занимателен и демонстрирует лучшие черты своего характера». В предыдущий день за ужином он сказал своим гостям, среди которых был и Гопкинс, что он «ни к кому не испытывает ненависти и не чувствует, что у него есть враги – за исключением гуннов, но это профессиональное!».

В целом Гопкинс провел двенадцать вечеров с Черчиллем. В своем докладе Рузвельту он подчеркнул, что Черчилль – не только премьер-министр. «Он – направляющая сила стратегии и тактики ведения войны во всей своей сущности. Он имеет поразительное влияние на британский народ всех групп и классов. У него особая поддержка в военных кругах и среди рабочего класса». Из Чекерса Гопкинс вернулся в Лондон, где заключил два соглашения – одно о том, что «в случае крайней необходимости» американские авианосцы доставят в Британию самолеты, и другое – о совместной деятельности британской и американской разведки в «оккупированных врагом странах». В тот же день, 27 января, в Вашингтоне открылось совещание высшего руководства страны, чтобы определить «лучшие способы», благодаря которым британские и американские вооруженные силы могут нанести поражение Гитлеру, «если Соединенные Штаты будут вынуждены вступить в войну». Целью переговоров было обеспечение «единства военного командования» в стратегических и тактических совместных боевых действиях. Они пришли к заключению: даже в случае

развязывания войны на Тихом океане Европейско-атлантический театр военных действий все равно останется решающим.

Гопкинс готовился к возвращению в Вашингтон. В это время американцы прислали британцам японский эквивалент немецкой машины «Энигма» – машину «Перпл», благодаря которой можно было дешифровать десятки тысяч совершенно секретных японских дипломатических, консульских сообщений, переговоров военно-морского и торгового флота, перехватываемых постами радиопрослушки в Британии и за рубежом. Эту машину в сопровождении двух специалистов технической радиоразведки доставили в Блетчли. Отныне две страны, одна в состоянии войны, другая – в состоянии мира, начали действовать согласованно, словно уже воевали вместе.

В последний вечер в Чекерсе Гопкинс привез большую коробку граммофонных пластинок, «все американские мелодии или те, что имели англо-американское значение, – написал домой Эрик Сил, главный личный секретарь Черчилля. – Мы слушали их далеко за полночь, ПМ ходил кругами, иногда проделывая сольные танцевальные па. Мы все стали несколько сентиментальными и англо-американскими – под влиянием хорошего ужина и музыки. Иногда ПМ прерывал хождение и комментировал ситуацию – как замечательно, что два народа так тесно сближаются в такой критический момент, как много у нас общего и т. п.».

В Западной пустыне продолжалось наступление на запад. В сражении при Беда-Фомм в первую неделю февраля в плен было взято 130 000 итальянских солдат. К 8 февраля в руках британцев оказалась вся Киренаика. В этот же день в палате представителей прошел законопроект о ленд-лизе. 260 депутатов поддержали его, 165 – высказались против. Оставалось голосование в сенате. Выступая по радио 9 февраля, впервые за пять месяцев, Черчилль говорил о «могучей волне» американской симпатии, доброй воли и эффективной помощи, которая «уже идет» по Атлантике. Он сказал, что дал понять Рузвельту: «Положитесь на нас. Поверьте в нас и благословите, и с Божьей помощью все будет хорошо. Мы не оступимся и не уступим. Мы не ослабнем и не устанем. Ни внезапное потрясение битвы, ни длительное испытание нашей бдительности и усилий не лишат нас сил. Дайте нам инструменты, и мы *завершим* эту работу».

Из Южной Африки от фельдмаршала Смэтса пришло сообщение: «Каждое выступление – битва». 11 февраля Черчилль написал Комитету начальников штабов, что планирует превратить Киренаику в «начало свободной Италии» при британском руководстве и под флагом свободной Италии.

Она должна стать «отправной точкой для реального раскола в Италии и начала пропаганды против Муссолини». Здесь можно подготовить 4–5 тысяч итальянских солдат, «поклявшихся освободить Италию от ига Муссолини и Германии». На следующий день после того, как Черчилль представил свой план на обсуждение начальникам штабов, немецкий генерал Эрвин Роммель прибыл в Триполи с указанием выгнать британцев из Киренаики.

Немецкий план завоевания Греции тоже продвигался вперед. Многие оперативные распоряжения, отправляемые совершенно секретным шифром, расшифровывались в Блетчли. Черчиллю и его ближайшим советникам было трудно определить важность направления британской военной помощи Греции. Нужды армии в Западной пустыне нелегко было оставить без внимания. Но Иден хотел направить помощь Греции. Его в этом поддерживали Уэвелл, с которым он побывал в Афинах в конце февраля, и начальник имперского Генерального штаба генерал Дилл. Черчилль склонялся к осторожности. «Не считайте себя обязанными участвовать в греческой операции, если в душе вы чувствуете, что она может обернуться очередным норвежским фиаско, – телеграфировал он Идену и Уэвеллу 20 февраля. – Если не будет хорошего плана, так и скажите. Но, конечно, вы понимаете, насколько важен для нас успех».

24 февраля в Военном кабинете Черчилль попросил всех шестерых министров – Эттли, Бевина, Гринвуда, Кингсли Вуда, Бивербрука и сэра Джона Андерсона – высказать свое мнение. Все шестеро склонялись в пользу военной помощи Греции. «Не строя никаких иллюзий, – телеграфировал Черчилль Идену, – мы все даем вам команду: полный вперед!»

Предметом гораздо большего беспокойства, чем сухопутное сражение в Греции, стали успехи немецких подводных лодок в Атлантике. Битва за Атлантику угрожала перекрыть жизненно важную для Британии линию поставок продовольствия и вооружений. Один из сотрудников Черчилля, сообщая об особо тяжелой катастрофе конвоя 26 февраля, назвал ее «печальной». Черчилль откликнулся: «Это не печально! Это ужасно! Если так будет продолжаться, нам конец». Начиная с марта в течение трех месяцев в результате воздушных налетов ушло на дно полмиллиона тонн грузов. Каждый день Черчиллю представляли новейшую статистику потерь: какой груз, какой эскорт потерян, что еще находится в пути. «С какой охотой я предпочел бы полномасштабное вторжение, – написал он позже, – этому бесформенному, неизмеримому риску, выраженному в графиках, кривых и цифрах. Эта смертельная угроза нашей дороге жизни

просто гложет мне сердце».

1 марта в Чекерсе Черчилль сказал премьер-министру Австралии сэру Роберту Мензису, что немецкие атаки на торговые суда являются «высшей опасностью» войны. «В разговоре ПМ может нагнать на себя (и на вас) тоску», – записал Мензис в дневнике. Но следующим вечером отметил: «Курс Черчилля тверд. В его душе нет места поражению».

3 марта в качестве неожиданного напоминания о том, что положение Британии в Северной Африке не столь надежно, как думалось британцам, немецкая авиация забросала минами Суэцкий канал, полностью перекрыв движение на неделю. На следующий день первые британские части отправились из Египта в Грецию. По плану, разработанному Иденом, Уэвеллом и Диллом, за ними должны были отправиться австралийские и новозеландские части, чтобы занять оборону на линии Алиакмон. К ужасу Идена, главнокомандующий греческой армией изменил этот план, заявив, что войска Англии и стран Содружества должны быть направлены на северную границу. Несмотря на связанную с этим опасность, Иден в частном послании Черчиллю сказал, что не видит «альтернативы и постарается довести дело до конца».

Черчилль думал иначе. 5 марта на заседании Военного кабинета он сказал, что, если Германия предъявит Греции ультиматум, последняя «сочтет невозможным продолжение борьбы», и тем самым «мы мало или ничего не сможем сделать, чтобы оказать им помощь вовремя». Кабинет согласился. Тем не менее Иден и Дилл в Афинах, как и Уэвелл в Каире, были решительно настроены воплотить в жизнь британское обещание об оказании помощи. Как бы поддерживая эту решительность, греки даже согласились с первоначальным планом направить силы союзников на линию Алиакмон, менее открытую, чем приграничная территория. 7 марта Военный кабинет принял окончательное решение. Перед министрами лежала телеграмма, отправленная Иденом, перебравшимся в Каир: «Бороться и страдать в Греции будет для нас менее мучительно, чем бросить ее на произвол судьбы». Иден сказал, что с ним согласны и Уэвелл, и Смэтс, только что прибывший в Каир из Южной Африки.

Совместная позиция Идена, Дилла, Уэвелла и Смэтса оказалась решающей. 7 марта в Военном кабинете первым из министров выступил Эрнест Бевин, поддержавший оказание военной помощи Греции. Черчилль сказал, что, по его мнению, следует «не падая духом идти вперед». Присутствовавший

на заседании Роберт Мензис согласился с Черчиллем; это было совсем не похоже на отказ Австралии участвовать в Чанакских договоренностях 1922 г. Разногласий не возникло. Более 60 000 британских, австралийских и новозеландских солдат должны были получить приказ отправиться морем из Египта в Грецию. Вечером Колвилл записал в дневнике: «ПМ очень доволен. Он испытывает облегчение оттого, что важнейшее решение принято бесповоротно». Этим вечером Черчилль испытал облегчение и от звонка Гопкинса из Вашингтона. Он сказал, что сенат принял закон о ленд-лизе 60 голосами против 31. «Слава Богу за вашу добрую весть», – телеграфировал Черчилль Гопкинсу на следующий день, а Рузвельту написал: «Вся Британская империя будет молиться за вас и американский народ за эту очень существенную помощь в тяжелые времена».

За последующие шесть месяцев Британии было «выделено» 4 736 000 долларов для продолжения «сопротивления агрессии». Это сумма, составляющая долг Британии за оружие, боеприпасы, самолеты и транспортировку всего произведенного в Соединенных Штатах за этот период. При этом в частной беседе с коллегами Черчилль заметил, что вынужденная продажа британских активов в Соединенных Штатах означает, что «нас не просто раздели, но ободрали как липку», хотя американская программа кораблестроения покрывает «менее половины наших потребностей». В это же время на немецкой шифровальной машине «Энигма» сменили код, и в Блетчли больше не могли расшифровывать секретные сообщения немецкого флота. В результате немцы обрели решающее преимущество в битве за Атлантику.

«Потери кораблей велики, и на море нарастает напряженность», – пояснял Черчилль Рузвельту 10 марта. Через неделю специальный посланник Рузвельта в Лондоне Аверелл Гарриман был приглашен в Чекерс. Как и Гопкинс, он пользовался полным доверием Рузвельта; как и Гопкинс, он был решительно настроен на то, чтобы все британские потребности были удовлетворены. «Мы принимаем вас как друга, – сказал Черчилль. – Мы ничего не скроем от вас». Через три недели после прибытия Гарримана в Лондон Рузвельт согласился предоставить 10 американских морских катеров в распоряжение Британии для проводки конвоев.

19 марта Черчилль пригласил Гарримана на ужин на Даунинг-стрит. Вечером произошел очередной воздушный налет. Черчилль провел Гарримана на крышу здания Министерства авиации посмотреть на происходящее. «Это был фантастический подъем, – написал Эрик Сил, – по одной

лестнице, потом по другой, длинной винтовой, через узкий люк прямо на крышу башни». В эту ночь погибло более пятисот лондонцев.

Немцы завершали планы вторжения в Грецию и собирались заключить альянс с Югославией. 22 марта Черчилль направил доктору Цветковичу, югославскому премьер-министру, многословное и пылкое послание, призывающее сохранять нейтралитет и, соответственно, подлинную независимость Югославии. «Этих злобных гуннов всего 65 миллионов, – писал Черчилль, – и большинство из них уже заняты покорением австрийцев, чехов, поляков и многих других древних народов, ныне запуганных и ограбленных. В Британской империи и Соединенных Штатах – почти 200 миллионов». Призыв не был воспринят. Через два дня доктор Цветкович отправился в Берлин и подписал пакт с Гитлером. Черчилль немедленно одобрил усилия СОЭ по активизации антигерманских настроений в Белграде и дал указание британскому посольству сделать все, что в их силах, чтобы предупредить прогерманские элементы о безрассудности их поведения. «Продолжайте докучать, приставать и кусать, – сказал он 26 марта послу мэру Рональду Кэмпбеллу. – Требуйте аудиенций. Не принимайте «нет» в качестве ответа. Вцепляйтесь в них, указывайте, что немцы уже начинают порабощать страну». Этим вечером власть в Белграде захватили антигерманские силы. «Югославия нашла в себе мужество», – отметил Черчилль.

Успехи и неудачи сменяли друг друга. В марте резко усилились налеты немецкой авиации на Британию. Погибло 4258 гражданских лиц. Но в последнюю неделю марта, благодаря перехвату и расшифровке совершенно секретных переговоров итальянской армии, британские войска нанесли поражение итальянцам в Эритрее и Южной Эфиопии. В ту же неделю, тоже благодаря взлому высококачественного итальянского шифра и с помощью авиации, недавно прибывшей в Грецию, британский флот потопил у Матапана три итальянских тяжелых крейсера и два эсминца. Но за одну неделю в Атлантике союзники потеряли 60 000 тонн грузов. В конце месяца в Средиземноморье затонул крейсер «Йорк». К счастью, из 600 членов экипажа погибли только два человека.

В последнюю неделю марта в результате того, что британцы могли читать сверхсекретные дипломатические телеграммы японцев, Черчилль получил возможность следить за перемещениями и переговорами японского премьер-министра Есукэ Мацуока в Риме, Берлине и Москве. В Берлине Мацуока

под нажимом Гитлера дал согласие в самом ближайшем будущем атаковать британские владения на Дальнем Востоке. Ему было сказано, что нападение на Сингапур станет решающим фактором для «быстрого поражения Англии». Прочитав отчет Мацуока об оказанном на него давлении, Черчилль решил направить ему послание, которое премьер-министр мог изучить во время своего возвращения в Японию из Москвы по Транссибирской магистрали. В послании содержалось восемь вопросов, призванных склонить японцев взять паузу, прежде чем направить свой флот и армию против Британии. Вопросы, как написал Черчилль, «заслуживают внимания» японского правительства и народа. Выглядели они следующим образом:

1. Будет ли Германия, не обладая господством на море или в дневном небе Британии, способна совершить нападение и победить Великобританию весной, летом или осенью 1941 г.? Будет ли Германия пытаться это сделать? Не в интересах ли Японии подождать, пока ответы на эти вопросы появятся сами собой?

2. Смогут ли атаки Германии на британские суда помешать американской помощи достигать британских берегов, учитывая, что Великобритания и Соединенные Штаты сориентируют всю свою промышленность на военные нужды?

3. Более или менее вероятным сделает ли присоединение Японии к Тройственному союзу вступление Соединенных Штатов в нынешнюю войну?

4. Если Соединенные Штаты вступят в войну на стороне Великобритании, а Япония присоединится к государствам оси, не позволит ли морское превосходство двух англоязычных стран нанести поражение государствам оси в Европе, после чего направить все свои силы против Японии?

5. Является Италия усилением или обузой для Германии? Так ли хорош итальянский флот на море, как на бумаге? И так ли он хорош на бумаге, как раньше?

6. Будут ли британские военно-воздушные силы сильнее военно-воздушных сил Германии к концу 1941 г. и гораздо сильнее к концу 1942 г.?

7. Больше или меньше станут с течением времени любить Германию страны, ныне удерживаемые в подчинении немецкой армией и гестапо?

8. Правда ли, что производство стали в Соединенных Штатах в течение 1941 г. достигнет 75 миллионов тонн, а в Великобритании 12 миллионов тонн, что в целом составит почти 90 миллионов тонн? Если Германии суждено потерпеть поражение, как в прошлый раз, будет ли 7 миллионов тонн стали,

производимой в Японии, достаточно для ведения самостоятельной войны?

«Ответы на эти вопросы, – добавил Черчилль, – способны помочь Японии избежать серьезной катастрофы и существенно улучшить отношения между двумя великими морскими державами Запада». Сэр Чарльз Портал сказал Черчиллю, что в качестве дополнительного аргумента для японцев он уже распорядился «нанести мощный бомбовый удар по Берлину в ту ночь, когда мы ожидаем появления там Мацуока».

У Черчилля не было иллюзий относительно намерений японцев. «Доложите мне, – написал он Исмею месяц спустя, – об уровне подготовки артиллеристов и обслуживающего персонала 15-дюймовых батарей и прожекторных установок в Сингапуре». Он спрашивал, оснащены ли они радаром. Оборона Сингапура должна быть эффективной, но туда не планировалось направлять ни дополнительных армейских подразделений, ни авиации. Комитет обороны это дал ясно понять в ответ на запрос австралийцев о срочной отправке морского и воздушного подкрепления в Сингапур. Черчилль отметил, что в случае «серьезного, мощного нападения» Японии на Австралию «мы бросим все, чтобы прийти ей на помощь». Впрочем, это «не означает, что мы откажемся от наших серьезных интересов на Ближнем Востоке из-за нескольких рейдов японских крейсеров». С таким трудом выстроенная военная мощь Британии на Ближнем Востоке не должна подвергаться опасности.

В течение нескольких месяцев немецкая армия концентрировала силы вдоль германско-советской границы. Чтобы принудить Югославию заключить пакт с Германией, некоторые части были переведены на Балканы. Когда пакт был подписан, был отдан приказ вернуть эти части к советской границе. После свержения прогерманского правительства в Белграде Гитлер, обманувшийся уступчивостью Югославии, начал строить планы вторжения, в том числе отменил предыдущий приказ о переводе трех танковых дивизий к советской границе. Этот приказ был передан секретной радиограммой. Черчилль прочитал ее, как только она была дешифрована в Блетчли. Поскольку из нее явно следовало, что немцы заняты наращиванием своих сил на советской границе, он решил поделиться информацией со Сталиным. «Ваше превосходительство легко оценит значение этих фактов», – написал ему Черчилль. Чтобы не раскрывать свой самый секретный источник, он сообщил, что сведения получены от «надежного агента».

Черчилль понимал, что после того, как Гитлер захватит

пшеничные нивы Украины и нефтяные месторождения Кавказа, он сможет бросить все свои ресурсы на вторжение в Британию. Способность России оказать сопротивление и отразить нападение Германии безусловно отвечала ключевым интересам Британии. Черчилль позаботился о том, чтобы Сталин и в дальнейшем получал информацию о концентрации немецких войск на Востоке. Тем временем начиная со 2 апреля немцы перехватили инициативу в Западной пустыне. Роммель начал теснить войска Уэвелла к египетской границе. Перехваченные в это же время секретные немецкие сообщения ясно показывали, что вторжение Германии в Грецию и Югославию неизбежно. Черчилль немедленно поделился этой информацией с новым премьер-министром Югославии генералом Симовичем, сообщив, что сведения получены от «наших агентов» во Франции и от «разведки нашей африканской армии». 5 апреля из радиоперехвата стало ясно, что наступление намечено на следующий день. Эта информация тоже была передана югославскому руководству.

6 апреля, в Вербное воскресенье, немецкая авиация нанесла удар по Белграду. В ходе этого одного из самых жестоких за всю войну авианалетов погибло несколько тысяч гражданских лиц. Бомбардировке подвергся также греческий порт Пирей. Шесть кораблей с британским военным снаряжением затонули. Седьмой, с двумя сотнями тонн взрывчатых веществ на борту, получил прямое попадание авиабомбы и взорвался, нанеся сокрушительный ущерб всему порту. Восьмой корабль с грузом материалов, необходимых для греческого завода боеприпасов, затонул в море. Когда Черчилль 9 апреля появился в палате общин, его встретили радостными возгласами, но новости у него были плохие. Этим утром немецкие войска захватили город Салоники.

Черчилль хотел, чтобы Британия не теряла бдительности. 8 апреля он дал указание Бриджесу обеспечить, чтобы на Пасху в работе министерств не возникло «значительного перерыва». Он написал, что министры должны быть доступны по телефону «в кратчайшие сроки» и проводить выходные по очереди. «Мне сказали, что Пасха – очень удачное время для вторжения». С начала года не прекращались удары немецкой авиации по Британии. 9 апреля было официально объявлено, что с начала войны от бомбежек погибло почти 30 000 гражданского населения Британии. 11 апреля очередной налет на Ковентри стал причиной серьезного спада производства самолетов. Следующим вечером Черчилль с Клементиной, Мэри, Авереллом Гарриманом, Исмеем и Колвиллом отправился на поезде

в Бристоль для участия в церемонии присуждения почетной ученой степени; последние пятнадцать лет он являлся почетным ректором университета. Он и все его спутники ночевали в поезде, отведенном на боковую ветку на окраине города. Было еще темно, когда их разбудили звуки массированного авианалета на Бристоль.

Утром Черчилль посетил места разрушений; он был потрясен до глубины души. Колвилл записал в дневнике, что люди в районах, пострадавших от бомб, пребывали в «растерянности», но пришли в «радостное возбуждение при виде Уинстона, который проезжал мимо в открытой машине, размахивая шляпой». Исмей в письме Черчиллю, написанному после войны, заметил: «В одном из центров поддержки, куда вы заглянули, была несчастная пожилая женщина, которая потеряла все свое имущество и сидела, оплакивая свою судьбу. Но когда вы вошли, она тут же отняла от глаз носовой платок и, размахивая им, стала выкрикивать: «Ура! Ура!» Этим же вечером в Чекерсе Черчилль узнал, что Рузвельт готов расширить зону действия американского военного конвоя до 25-го меридиана и сообщать британцам расположение всех «кораблей и самолетов агрессора», которые будут замечены патрулем. Таким образом, перспективы американской помощи смягчили горечь утренних впечатлений.

13 апреля немецкие войска оккупировали Белград; в Греции они начали наступление на линию Алиакмон; в далеком Ираке прогермански настроенный Рашид Али, десять дней назад захвативший власть в Багдаде, взял в осаду британскую авиабазу в районе Хаббании и угрожал перекрыть возможность поставки британской нефти с Ближнего Востока. В Ливии войска Роммеля подходили к Тобруку. 16 апреля подверглись воздушному налету судоверфи Белфаста. Был нанесен значительный урон и самому городу. Погибло 675 мирных жителей. На следующую ночь 450 немецких бомбардировщиков нанесли удар по Лондону. Это был один из самых мощных ударов по столице. 1180 человек погибли, более десяти тысяч получили серьезные ранения.

17 апреля, после одиннадцати дней борьбы с превосходящими силами противника, югославская армия капитулировала. На следующий день в Афинах премьер-министр Греции покончил жизнь самоубийством. Британский Военный кабинет уже согласился с тем, что, если британские не смогут удерживать линию Алиакмон, их следует эвакуировать из Греции и переправить на Крит, тем самым создав пятую зону военных действий в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Когда командующий британской авиацией на Ближнем Востоке спросил, какую из пяти зон следует считать приоритетной для его

истребителей, Черчилль, при поддержке начальников штабов, ответил: «Ливия – на первом месте, эвакуация войск из Греции – на втором, снабжение Тобрука, необходимое для победы, должно поддерживаться в удобных случаях, Ирак можно игнорировать, а с Критом решим позже».

Эвакуация британских войск из Греции началась 24 апреля. В течение семи дней немецкие пикирующие бомбардировщики топили транспорты с войсками. Погибло несколько тысяч человек, в том числе 650 на борту двух эсминцев, которых ранее спасли из моря. В целом эвакуировано было 50 000 солдат; 11 500 человек оказались в плену. «Боюсь, последнее время у вас выдалось очень тревожным, – написала Черчиллю пятнадцатилетняя принцесса Елизавета 23 апреля, – но я уверена, что скоро ситуация улучшится». Через четыре дня, в самый мрачный с прошлого лета период, Черчилль выступил по радио из Чекерса с полной уверенностью в окончательном результате. «Ни один разумный и дальновидный человек не сомневается, – сказал он, – что в свете заявленных решений британской и американской демократии грядущее и полное поражение Гитлера и Муссолини неизбежно». Британская империя и Соединенные Штаты обладают «бульшими богатствами, бульшими ресурсами и производят больше стали, чем весь остальной мир вместе взятый». Они уверены, что «преступным диктаторам не удастся растоптать дело свободы и повернуть вспять волну мирового прогресса». Вечером за ужином, когда руководитель военных операций Военного министерства генерал Кеннеди предположил, что Британии, возможно, придется проводить эвакуацию из Египта, Черчилль, как записал один из присутствовавших, «настолько взъярился, что «нам пришлось приложить немало усилий, чтобы его успокоить».

Черчилль понимал, что Египет может быть потерян, хотя и надеялся, что войска будут сражаться до последнего. «Каждый, кто убьет гунна или даже итальянца, сделает доброе дело», – написал он в Директиве по обороне Египта 28 апреля. Четырьмя днями позже он предупредил Рузвельта, что если Египет будет потерян, то продолжение войны против немецкого триумфального шествия по Европе и большей части Азии и Африки «станет трудной, длительной и суровой задачей». Черчилль призывал Рузвельта немедленно объявить войну. «Только вы можете не допустить немцев в Марокко», – написал он. Ситуация в Египте становилась опасной. «Лично я думаю, что мы победим, несмотря на физические трудности с подкреплением танками и авиацией. Но заклинаю вас, господин президент, не преуменьшать тяжесть последствий, которые могут

возникнуть вследствие ближневосточного коллапса. В этой войне каждая позиция – решающая, и сколько еще мы готовы потерять?»

Немецкие бомбардировки Британии продолжались с прежней интенсивностью. 2 мая Черчилль посетил разбомбленные кварталы Плимута. За пять дней бомбардировок Ливерпуля затонуло двадцать торговых судов. Однако на публике Черчилль продолжал демонстрировать уверенность. 7 мая в палате общин он заявил, что, когда оглядывается на все трудности, которые пришлось преодолеть, и вспоминает все, что было сделано неправильно, и все, что было сделано правильно, он «чувствует, что нам нет нужды опасаться бури. Пусть ревет и бушует. Мы все преодолеем».

10 мая произошел самый мощный воздушный налет на Британию за все время блица 1941 г. Погибло более 1400 человек, большинство из них – лондонцы. Среди разрушенных зданий оказалась и зал палаты общин. «Гунны любезно выбрали время, когда там никого из нас не было», – написал Черчилль Рэндольфу, служившему в Каире специальным представителем Генерального штаба. Шоферу, который вез его посмотреть сгоревшее здание палаты, он заметил: «Больше мне никогда не заседать в палате общин».

Три ночи зарево пожаров освещало лондонское небо. Но в ночь этого сокрушительного удара Черчилль узнал, что Соединенные Штаты готовы предоставить Британии треть своих летных учебно-тренировочных центров. Через неделю итальянские войска в Итальянской Северной Африке сдались, а войска Роммеля были оттеснены на 50 километров. Но Черчилль и его ближайшие советники знали из перехваченных вражеских сообщений, что главные усилия немцев теперь будут направлены против Крита. Наступление на Крит началось 20 мая. Пока там шли сражения, «Принц Уэльский» и «Худ» в Северной Атлантике начали погоню за «Бисмарком» и «Принцем Ойгеном».

Черчилль в Чекерсе дожидался новостей о ходе боев на острове и в океане. В первые часы 24 мая он узнал, что «Худ» затонул, унеся с собой жизни более 1500 моряков. Тремя днями позже, буквально через несколько минут после завершения его выступления перед парламентариями, которые собрались в Черч-хаус[49], поскольку здание палаты превратилось в руины, ему передали записку. Он встал снова и заявил: «Я только что получил известие, что «Бисмарк» потоплен». Погибло почти 2000 немецких моряков.

В этот же день Уэвелл отдал приказ об эвакуации с Крита. Несмотря на блестящее и упорное сопротивление войск союзников, мощь немецкой авиации, базировавшейся в Греции,

оказалась решающим фактором для исхода сражения, в ходе которого более 4000 его защитников были убиты. Многих буквально разнесло в клочья 200-килограммовыми немецкими бомбами. За четверо суток эвакуации с острова было снято 16 500 человек, но в результате того, что налеты немецкой авиации на порты усилились, у 5000 человек не осталось иного выбора, кроме как сдаться в плен. В сражениях на море погибло более 2000 офицеров и матросов королевского военно-морского флота. Морские силы союзников тоже понесли тяжелые потери.

В поисках уединения Черчилль провел вечер 1 июня в Чартвелле. К нему быстро вернулся прежний боевой настрой, и он с облегчением узнал, что Рузвельт согласился и с американской оккупацией Исландии, тем самым освобождая британских солдат для войны на Ближнем Востоке, и с направлением в Египет необходимого Британии военного снаряжения. Это снаряжение составили 200 танков американского производства, 24 зенитных орудия, 700 десятитонных грузовиков, боеприпасы и оборудование для водоснабжения.

6 июня на аэродроме в Южной Англии Черчилль с радостью наблюдал за благополучной и долгожданной посадкой первого бомбардировщика «Летающая крепость» из США. Через два дня появились и другие хорошие новости: союзные войска вступили в занимаемую вишистами Сирию. «Я более уверен, чем когда-либо, – написал он в тот день сыну, – что мы вышибем дух из Гитлера и его нацистской банды». Сражение на Крите, сказал он парламентариям 10 июня, продемонстрировало такое «серьезное и яростное сопротивление, с каким немцы еще не сталкивались в своем марше по Европе».

В этот день Черчиллю показали результаты разведданных, полученных после перехвата секретных радиосообщений немцев. Они показали точное расположение значительного количества немецких войск, концентрирующихся вдоль советской границы. Он решил поделиться информацией со Сталиным. Ее передали 11 июня. На следующий день Черчилль, выступая перед представителями доминионов и союзников, сказал: «Мы сведем на нет все усилия, которые прилагает Гитлер для систематизации и консолидации своего нашествия. Ему не будет ни покоя, ни отдыха, ни передышки, ни переговоров». Передача Сталину военных секретов немцев была частью этого плана, хотя Черчилль об этом умолчал. «Расположение звезд говорит об освобождении человечества, – сказал он в радиообращении к американцам 12 июня. – Процесс дальнейшего порабощения народов не будет таким простым. Не так просто будет погасить огни свободы».

Даже если Гитлер вторгнется в Британию, заявил он накануне представителям доминионов и союзников, «мы не отступим от своей высшей цели».

15 июня Уэвелл предпринял новое наступление против Роммеля в Западной пустыне, но после первоначального успеха был вынужден отступить, потеряв сотню танков. Черчилль снова отправился в Чартвелл – второй раз за три недели. Ему хотелось побыть в одиночестве. За прошедшие два с половиной месяца на океанское дно ушли полмиллиона тонн грузов, и никакого успеха тут не предвиделось. Однако 18 июня, после возвращения Черчилля из Чартвелла, Колвилл нашел его бодрым: «Он активно обдумывал, где нанести очередной удар». В стремлении найти «свежий взгляд» на события на Ближнем Востоке, он решил заменить Уэвелла, который хотел продолжать оборону Киренаики. Его преемником Черчилль выбрал Окенлека, который привлек его внимание своими энергичными и эффективными действиями по переброске войск из Индии в Басру во время восстания Рашида Али в Ираке. Именно Окенлеку предстояло разработать план следующей наступательной операции в Западной пустыне. «Считаю мудрым ваше решение произвести изменения, – телеграфировал Уэвелл Черчиллю 22 июня, – и привнести новые идеи и действия в разрешение ближневосточных проблем. Уверен, Окенлек станет удачным выбором».

Выходные Черчилль проводил в Чекерсе. Пристальное отслеживание сообщений немецкой «Энигмы» показало ближайшему, посвященному в тайны, окружению Черчилля, где будет нанесен следующий удар. «ПМ говорит, что нападение Германии на Россию предрешено, – записал Колвилл в дневнике 21 июня, – и Россия, несомненно, потерпит поражение». Этой ночью, пока Черчилль спал, немецкие войска перешли советскую границу.

Глава 30
Война расширяется

Черчиллю сообщили о нападении Германии на Россию в восемь утра 22 июня 1941 г. Его первой реакцией было: «Передайте, что я выступлю по радио в девять вечера». В течение дня он, советуясь с коллегами, готовил выступление. Многие считали, что русские быстро потерпят поражение. Сэр Джон Дилл и американский посол Джон Гилберт Уайнант, присутствовавшие в Чекерсе в тот день, полагали, что Россия не продержится и шести недель. Другие, в том числе Иден и сэр Стаффорд Криппс, думали примерно так же. Черчилль выслушал их, после чего резюмировал: «Ставлю обезьяну против мышеловки, что русские будут сражаться, причем успешно, минимум два года».

Премьер-министр предложил ставку 500 против 1 на то, что Россия будет воевать долго: на жаргоне игроков на скачках «обезьяна» означала купюру в 500 фунтов, а «мышеловка» – 1 соверен, золотую монету достоинством в 1 фунт стерлингов. «Я сразу же записал ваши слова, – написал ему Колвилл девять лет спустя, – потому что почувствовал в них смелое пророчество и потому, что ваша позиция так резко отличалась от мнения, высказываемого всеми остальными». А ведь еще накануне Черчилль тоже высказывал мнение, что Россия будет быстро побеждена.

У Черчилля не было сомнения, какой должна быть реакция Британии на нападение немцев на Россию. «Никто более меня не был последовательным противником коммунизма последние двадцать пять лет, – заявил он по радио этим вечером. – И я не откажусь ни от одного своего слова, высказанного по этому поводу. Но все меркнет перед драмой, которая разворачивается ныне. Прошлое с его преступлениями, глупостями и трагедиями испарилось. Гитлер надеется покорить Россию до наступления зимы, а затем бросить все свои силы на Британию прежде, чем смогут вмешаться Соединенные Штаты. Угроза для России – это угроза и для нас, и для Соединенных Штатов, и дело каждого русского, дело всех свободных людей и свободных народов в любой точке земного шара – беззаветно защищать свой дом. Каждый, кто сражается против нацизма, получит нашу поддержку. Из этого следует, что мы окажем России любую возможную помощь».

Черчилль был верен своему слову. 23 июня, чтобы

максимально снизить давление на русский фронт, он распорядился усилить бомбардировки немецких объектов в Северной Франции. Эти действия, как сказал советский посол Иван Майский, принесли «удовлетворение» русским. «Черчилль действует с огромной скоростью, чтобы предотвратить любое двоемыслие в правительстве и парламенте», – записал в дневнике капитан Беркли.

27 июня специалисты в Блетчли взломали шифр, которым пользовалась немецкая армия на Восточном фронте. В тот же день Черчилль распорядился, чтобы Сталину предъявили результаты блестящей работы британской военной разведки. Это было сделано таким образом, чтобы не раскрыть и тем самым не подвергнуть риску источник информации. Сведения, переданные Сталину, имели огромное значение для советских военачальников, которые благодаря им смогли в ближайшие месяцы предупреждать некоторые из наиболее опасных действий немцев.

По мере продвижения немецких войск в глубь России Черчилль начал строить планы противодействия двум наиболее вероятным ударам Германии, в случае, если Россия потерпит поражение. Первой опасностью, по его выражению, был «внеочередной штурм» самой Британии. «Я все привожу в повышенную готовность к 1 сентября», – говорил он Роберту Мензесу 29 июля. Другой потенциальной опасностью было возможное продвижение немцев через Кавказ, Турцию, Сирию и Палестину к Суэцкому каналу. Чтобы максимально повысить обороноспособность ближневосточных сил, Черчилль назначил специального государственного министра в Каир и направил туда Гарримана, эмиссара Рузвельта, чтобы определить наиболее удобные способы доставки американской помощи непосредственно в Египет.

30 июня, не упуская из виду возможное поражение России, Черчилль распорядился усилить готовность Британии на случай массированного десанта немецких парашютистов. Он предполагал, что такой десант может составить до четверти миллиона человек. «Каждый, носящий форму, – написал он, – и любой другой, кто пожелает, должен выслеживать их, находить и атаковать». Среди всех военнослужащих, особенно в учебных частях и школах подготовки, необходимо непрестанно внедрять лозунг: «Убить гунна – долг каждого».

В целях отвлечения немецкой авиации с русского фронта 3 июля был совершен первый из серии налетов британских бомбардировщиков на Рурскую область и долину Рейна. На следующий день Черчилль предложил разбомбить русские

нефтяные промыслы на Кавказе, чтобы нефть не досталась немцам. Опасность, которой грозило поражение русских, он видел отчетливо и 6 июля предупредил Окенлека: «Если это произойдет, баланс сил в Западной пустыне может вскоре измениться не в вашу пользу, и угроза нападения на Британию отнюдь не уменьшится». В телеграмме Сталину 7 июля он пообещал: «Мы сделаем все, что позволит время, география и наши нарастающие ресурсы, чтобы помочь вам. Накануне было совершено 400 налетов на Северную Францию, и тогда же 250 бомбардировщиков нанесли удар по Германии. Это будет продолжено. Таким образом мы надеемся вынудить Гитлера перевести часть своей авиации на Запад и постепенно снять с вас часть нагрузки». Телеграмма Черчилля заканчивалась словами, уже знакомыми британцам и американцам: «Мы будем сражаться до тех пор, пока не вышибем дух из этих негодяев».

10 июля, предлагая начать совместные действия британского и русского флотов в Арктике, Черчилль говорил коллегам: «Если русские смогут продержаться хотя бы до зимы, выгода, которую мы сможем получить, неизмерима. Досрочное же заключение мира Россией стало бы огромным разочарованием. Пока они держатся, не имеет никакого значения, где проходит линия фронта. Этот народ показал, что достоин поддержки, и мы обязаны идти на жертвы, идти на риск, на некоторые неудобства, что, по моему мнению, поддерживает их дух». Через два дня в Москве было подписано англо-советское соглашение о взаимопомощи в борьбе с Германией и отказе от заключения сепаратного мира.

Налеты немецких бомбардировщиков на Британию продолжались. Продолжались и британские бомбардировки территории Германии. В ночь на 7 июля бомбардировке подвергся Франкфурт, 11 июля – Вильгельмсхафен, 14 июля – Ганновер. Выступая этим вечером, Черчилль заявил: «Мы будем отвечать немцам в той же мере, и даже гораздо жестче по сравнению с тем, что они творят с нами». Его выступление прервали громкие и продолжительные аплодисменты. Через два дня британцы ночью бомбили Гамбург.

19 июля, когда немецкие войска были уже на полпути к Москве, Сталин обратился к Черчиллю с просьбой рассмотреть возможность высадки морского десанта в Норвегии и на севере Франции, чтобы уменьшить давление на восточном фронте. Черчилль изложил оба плана начальникам штабов, но они отвергли их как слишком рискованные. Черчилль не сомневался в правоте своих советников. 20 июля он написал Сталину: «Попытка высадиться с боями на севере Франции вызовет

жестокий отпор, а мелкие операции нанесут нам обоим больше вреда, чем пользы. Но все будет сделано для того, чтобы им пришлось снять хотя бы одну часть с вашего фронта. Вы должны помнить, что мы ведем войну в одиночестве уже более года и что, несмотря на наши растущие ресурсы, нам приходится прилагать максимальные усилия как дома, так и на Ближнем Востоке. Битва за Атлантику, от которой зависит наша жизнь, а также движение конвоев под непрекращающимися атаками авиации и подводных лодок до крайнего предела истощают наши военно-морские силы, какими бы значительными они ни были».

Делается все, что можно, заверял Черчилль Сталина. Британские подводные лодки и минные заградители уже идут в Арктику. Эскадрильи истребителей тоже скоро отправятся в путь. Через пять дней Военный кабинет дал согласие передать России 200 истребителей, 60 из которых было выделено из резервов, предоставленных Соединенными Штатами. «Самолеты будут направлены, – объявил Черчилль Сталину, – несмотря на то, что это может серьезно ослабить нашу истребительную авиацию. Британия направит также от трех до четырех миллионов пар обуви, значительные объемы резины, олова, шерсти, тканей, джута и свинца. Там, где нам не хватит своих резервов, мы обратимся за помощью к Соединенным Штатам». Оказание помощи России прибавляло трудностей, а возможность поражения русских порождала новые тревоги. Британский министр-резидент на Ближнем Востоке Оливер Литтлтон 21 июля предупреждал Черчилля, что, «если Россия скоро рухнет», британцы могут быть выдавлены из Египта и будут вынуждены вести оборонительные бои на территории Палестины и даже Сирии.

Последняя неделя июля стала сотой неделей войны. Несмотря на сокращение числа налетов немецких бомбардировщиков, за месяц погибло более пятисот британских граждан. 28 июля поздно вечером Черчилль, диктуя своей секретарше Элизабет Лейтон, заметил: «Мы должны идти вперед и вперед, как лошадь, пока не упадем». Но в начале августа наступило облегчение: в результате невероятных усилий в Блетчли сумели взломать военно-морской шифр немцев. Появилась возможность читать, хотя и с незначительным запозданием, все инструкции немецким подводным лодкам. Таким образом трансатлантические конвои получили возможность уходить от подводных лодок. Если в мае те потопили более 90 торговых судов, то в августе количество сократилось до 30.

2 августа Черчилль спросил у Окенлека, специально

вызванного им в Чекерс, возможно ли в сентябре или октябре провести новую наступательную операцию на Ближнем Востоке. Командующий объяснил, что необходимое для этого двукратное превосходство сил в регионе может быть обеспечено не раньше ноября. Черчилль согласился с его аргументами. 3 августа, впервые после падения Франции, премьер-министр отправился за пределы Британии. В шотландском порту он поднялся на борт «Принца Уэльского». «Сегодня двадцать семь лет с того дня, как гунны развязали Первую мировую войну, – телеграфировал он Рузвельту с борта корабля 4 августа. – На этот раз мы должны справиться лучше».

Пунктом назначения Черчилля был Ньюфаундленд, целью путешествия – встреча с Рузвельтом. 7 августа Клементина писала мужу, который еще был на борту корабля: «Очень надеюсь, мой дорогой, что эта важная поездка, помимо того что придаст решительность американцам, освежит тебя и даст возможность отдохнуть».

Через два дня Черчилль сошел с «Принца Уэльского», чтобы встретиться с Рузвельтом на борту тяжелого крейсера «Огаста». На следующий день Рузвельт посетил богослужение на «Принце Уэльском». Днем для британцев устроили небольшую экскурсию по берегу. Полковник Джейкоб записал в дневнике: «Мы поднимались на скалы, и премьер-министр, как школьник, спихивал вниз большие булыжники». 11 августа начались переговоры между президентом и премьер-министром при участии дипломатов и начальников штабов.

Соединенные Штаты дали пять важных обещаний. Они в «гигантском масштабе» окажут помощь России, координируя эту помощь с Британией; они выделят значительно больше грузовых судов для перевозки бомбардировщиков и танков через Атлантику в Британию; они обеспечат сопровождение из пяти эсминцев и крейсера или иного крупного корабля всем североатлантическим конвоям, идущим в Британию; американские летчики перегонят бомбардировщики в Британию и Западную Африку, многие из которых останутся в качестве инструкторов; и они будут осуществлять морское патрулирование на востоке вплоть до Исландии. Состоялось подписание еще двух важных соглашений. «Страны будут уважать права всех народов выбирать себе форму правления» – этот документ позже стали называть Атлантической хартией. Сформулирована настоятельная просьба к Японии вывести свои войска из Французского Индокитая и прекратить агрессию в юго-западной части Тихого океана.

Черчилль подготовил специальное предупреждение, которое

должно было быть направлено Японии: «В случае продолжения агрессивных действий правительство Соединенных Штатов будет вынуждено принять контрмеры, даже если это может привести к войне между Соединенными Штатами и Японией». На встрече Рузвельт с этим согласился, но по возвращении в Вашингтон все же решил войной не угрожать.

Результаты переговоров в определенной степени разочаровали членов британской делегации. «Самое печальное», – сказали они Черчиллю, это сокращение поставок Британии тяжелых бомбардировщиков, обусловленное трудностями производства и прочим дефицитом. Кроме того, записал в дневнике один из членов делегации полковник Джейкоб, «ни один из американских армейских офицеров не выразил ни малейшей заинтересованности в участии в войне на нашей стороне». Зато присутствовавшие американские военные моряки, как рассказал Черчилль по возвращении Военному кабинету, «не скрывали своего стремления вступить в войну». Но еще более важно, отметил он, что ему удалось «установить теплые личные отношения с нашим великим другом». Этот «друг» пошел и дальше: Черчиллю было обещано, что американскому сопровождению конвоев будет приказано атаковать любую немецкую подводную лодку, которая обнаружит себя, даже если это произойдет в 200 или 300 милях от конвоя. Рузвельт даже дал понять, сообщил Черчилль, «что будет искать малейшей возможности, чтобы оправдать враждебные действия».

В то время как Черчилль пересекал Атлантику, чтобы встретиться с Рузвельтом, Гитлер прилетел в Борисов, расположенный посередине между его штаб-квартирой в Восточной Пруссии и Москвой, желая проинспектировать свои победоносные войска и понять: может ли Россия быть повержена, пока Соединенные Штаты сохраняют нейтралитет? Стенограммы Военного кабинета от 25 августа отразили опасения и сомнения Черчилля: «Осознает ли президент риск, которому подвергаются Соединенные Штаты, придерживаясь нейтралитета? Кроме того, если Россия будет разгромлена, существует огромная опасность, что война может повернуться исключительно против нас. Несомненно, мы можем продолжать борьбу, но в таком случае навязать нашу волю нацистской Германии будет гораздо труднее».

Вернувшись со встречи в Ньюфаундленде, Рузвельт поспешил заверить американский народ, что Соединенные Штаты не стали ближе к войне. «Должен сказать вам, – телеграфировал Черчилль Гопкинсу, – что в кабинете и других информированных кругах царит разочарование по поводу многочисленных заверений

президента о неучастии, неприближении к войне и пр.». Рэндольфу, который все еще был в Каире, он написал 29 августа: «Все тут в полном недоумении и тупике. Непонятно, как заставить Соединенные Штаты смело включиться в войну». 30 августа гостям в Чекерсе Черчилль говорил, что без объявления войны Соединенными Штатами «мы, конечно, не потерпим поражения, но война может продлиться еще четыре-пять лет, что нанесет тяжелейший урон культуре и цивилизации. Если Америка выступит сейчас, война может закончиться в 1943 г. Но уже в марте может быть слишком поздно».

Черчилль проявил собственную инициативу. В конце августа для обеспечения безопасного маршрута поставок американской помощи России британские и советские войска вошли в Персию. Россия оккупировала север страны, включая столицу Тегеран, британцы – южную половину, в том числе нефтяные месторождения, которые Черчилль приобрел для Британии в 1914 г. Но оставалось неясным, не запоздала ли эта операция. К 1 сентября немецкие войска были уже в 300 километрах от Москвы. В послании Сталину 6 сентября Черчилль пообещал отправить половину запрошенных Россией самолетов и танков собственного производства, а вторую половину постараться добыть в Соединенных Штатах. А пока, писал он, «мы будем молотить Германию с воздуха с нарастающей жестокостью, сохранять моря свободными, а себя – живыми».

Одна фраза в послании Черчилля могла показаться стремлением выдать желаемое за действительное или просто моральной поддержкой. «Информация, которой я обладаю, – написал он, – создает у меня впечатление, что кульминационный момент немецкого нашествия уже миновал и что наступающая зима даст вашим героическим армиям возможность перевести дух». Черчилль добавил, что это его «личное мнение». Но это было не так: его «личное мнение» основывалось на тщательном изучении радиоперехватов переговоров между Берлином и Восточным фронтом. Из переговоров было видно, что военно-воздушные силы немцев испытывают серьезные трудности по части снабжения и обслуживания, что Германию тревожит упорное сопротивление русских, что победу до наступления зимы одержать не удастся.

6 сентября, отправив телеграмму Сталину, Черчилль посетил Блетчли и поблагодарил сотрудников за их огромный вклад в дело войны. Через шесть недель, узнав, что нехватка машинисток задерживает исполнение работ, он направил записку: «Считать все их пожелания высшим приоритетом и сообщать мне лично, что сделано». Черчилль назвал

сотрудников Блетчли «курами, которые несут золотые яйца и никогда не кудахчут». В переписке с Рузвельтом и другими он говорил о десятках тысяч дешифрованных ими сообщений, называя это «информацией», полученной от «Бонифация» – якобы некоего сверхсекретного британского агента в Европе.

Выяснив, что немцы уже далеко не так уверены в разгроме русских до наступления зимы, когда условия ведения войны станут значительно тяжелее, Черчилль активизировал усилия по оказанию в кратчайшие сроки максимально возможной помощи России. Начиная с 20 сентября в Россию еженедельно отправляли все выпущенные за это время британские танки.

На следующий день Черчилль получил известие от Рузвельта, что в ближайшие девять месяцев Соединенные Штаты поставят в Британию как минимум 6000 танков. «Ваша вдохновляющая телеграмма насчет танков, – ответил он, – пришла в тот момент, когда мы с грустью размышляли о том, как еще поддержать Россию. Перспектива удвоения предыдущих поставок всех весьма ободрила. Если Германия не одолеет Россию до наступления зимы, вторжение в Британию, которого опасались больше всего, в этом году окажется невозможным».

Датой максимальной готовности Британии к отражению врага было назначено 1 сентября. После этого срока прошло уже три недели, и Черчилль предложил, если Сталин попросит, направить значительные военные силы под командованием Уэвелла на Кавказ, чтобы помочь русским предотвратить попытку немцев захватить нефтяные промыслы Каспия. Однако перехваченные в последнюю неделю сентября секретные сообщения немцев показали, что их главной целью к этой зиме является не Кавказ, а Москва. В первые четыре октябрьских дня Черчилль распорядился направить Сталину девять предупреждений. В них, на основании дешифровки приказов немецкого командования, сообщались детальные подробности о дислокации немецких войск и их намерениях. У Сталина не было возможности получать подобную информацию из других источников.

2 октября, прочитав очередные немецкие радиограммы, представляющие подробности о сосредоточении немецких армейских частей и авиации на московском направлении, Черчилль написал полковнику Мензису, руководителю британской разведки и контрразведки: «Вы предупреждаете о продолжении концентрации войск? Представьте мне пять последних сообщений по этой теме». Тогда же в Лондоне Клементина начала кампанию «Помощь России», в ходе которой за первые двенадцать дней было собрано большое количество

медикаментов, в том числе миллион доз фенацетина – на то время самого эффективного обезболивающего. В Москве Бивербрук и Гарриман обсуждали условия поставки усиленной военной помощи на ближайшие девять месяцев: 1800 британских истребителей, 900 американских истребителей и 900 американских бомбардировщиков, а также морских артиллерийских орудий, приборов обнаружения подводных лодок, зенитных пушек и бронемашин. Каждый месяц планировалось поставлять более миллиона метров армейской ткани. Для доставки всего этого в Россию собирались использовать не только трансперсидский маршрут, но и более короткий, хотя и гораздо более опасный арктический.

«Мы намерены организовать непрерывный цикл конвоев каждые десять дней», – сообщил Черчилль Сталину 4 октября. Первый из этих конвоев с двадцатью тяжелыми танками и 193 истребителями должен был прибыть в Архангельск 12 октября. Он пришел вовремя. Через восемь дней, когда немецкие войска находились уже в ста километрах от Москвы, с одобрения Черчилля было дано указание обеспечивать каждый танк, отправляемый в Россию, трехмесячным боезапасом, «каких бы жертв от нас это ни потребовало».

Чтобы помочь России и увидеть британские войска в действии, Черчилль выступил с предложением о проведении двух больших операций – одной в Норвегии как можно раньше, другой – на Сицилии, в случае долгожданного успеха будущего наступления Окенлека в Западной пустыне, намеченного на середину ноября. Начальники штабов воспротивились проведению обеих операций. 27 октября, когда был отвергнут план по Сицилии, дипломат сэр Александр Кадоган отметил в дневнике: «Бедняга Уинстон крайне расстроен». Через четыре дня Черчилль написал Рэндольфу: «Адмиралы, генералы и маршалы авиации действуют под впечатляющим лозунгом «Безопасность превыше всего». О себе он написал так: «Приходится сдерживать мою природную воинственность и наступать на горло собственной песне. Отвратительно!»

Раздумывая, кто мог бы помогать ему в подготовке максимально активных действий, Черчилль 16 ноября предложил генералу Алану Бруку стать преемником генерала Дилла на посту начальника Генерального штаба и представителем армии в Комитете начальников штабов. Брук согласился. Сорок пять лет назад его брат Виктор был одним из близких фронтовых друзей Черчилля. Виктор погиб в 1914 г. при отступлении из Монса. Его брат Рональд был с Черчиллем в Ледисмите в 1900 г., когда была снята осада города. Рональд скоропостижно скончался

в 1925 г. Теперь третьему брату суждено было стать компаньоном, советником и коллегой Черчилля на ближайшие три с половиной года, в течение которых они сообща несли тяжелую ответственность и плодотворно сотрудничали. «Я не ожидаю, что вы будете благодарны или чрезмерно обрадованы трудным и беспокойным делом, которое я предлагаю вам, – написал Черчилль Бруку 18 ноября, – но чувствую, что моя давняя дружба с Ронни и Виктором, товарищами некоего веселого субалтерна по предыдущим войнам, создает между нами личные отношения, на которых будет строиться совместная работа».

Этим же утром Окенлек в Западной пустыне начал наступление на армию Роммеля. К вечеру он продвинулся на 80 километров навстречу британским частям в осажденном Тобруке. Перехваченные сообщения Роммеля говорили о серьезной нехватке у последнего топлива и танков. Черчилль не только сам читал расшифровки, поступающие из Блетчли, но и распорядился, чтобы их обзоры секретным шифром ежедневно переправлялись Окенлеку. Это позволило Окенлеку активизировать наступление, даже когда его собственные ресурсы существенно истощились. На пятый день боев из перехваченных немецких сообщений стало известно, что на помощь Роммелю вышли два танкера с авиационным топливом. Через сутки оба были потоплены, и 29 ноября войска Окенлека подошли к Тобруку. Осада была снята. В тот же день в низовье Дона русские войска перешли в наступление, вынудив немцев отступать вдоль берега Азовского моря. Ни о каком прорыве немцев на Кавказ этой зимой уже не могло быть и речи. Южный фронт русских устоял.

На следующий день Черчиллю исполнилось шестьдесят семь лет. Среди ста с лишним телеграмм и писем было поздравление и от Сталина. Через четыре дня, после того как стабилизировался фронт в Западной пустыне, Черчилль озаботился отправкой трех дивизий, общей численностью в 12 000 человек, на южный фронт русских. Комитет обороны, однако, не пожелал выводить никакие части из Западной пустыни, предпочитая продолжать наступательные операции там. Черчиллю пришлось согласиться с их коллективным мнением, которое поддержал и Военный кабинет. «Сейчас самое главное, – телеграфировал он Окенлеку 4 декабря, – вышибить дух из Роммеля и компании».

Однако эта неделя принесла плохую новость из Средиземноморья: затонули два корабля, причем на одном погибло более 500 моряков, на втором из экипажа в 700 человек в живых остался только один. Потеря последнего была особенно

тяжелой: он подорвался на мине как раз тогда, когда должен был выйти на перехват чрезвычайно важного для армии Роммеля конвоя. Получив подкрепление, тот смог избежать дальнейшего отступления. К тому же 5 декабря Черчиллю стало известно, что один авиационный корпус немцев получил приказ перебазироваться из России в Средиземноморье, чтобы обеспечить Роммелю дополнительную поддержку с воздуха, которой он настойчиво добивался. Таким образом боевые действия Британии в Западной пустыне вынудили немцев отвлечь значительные силы с Востока.

Ободряющие новости из России контрастировали с возникшими опасениями относительно Японии. Предполагалось, что она планирует начать военные действия на Дальнем Востоке. Британские, голландские и сиамские территории находились в пределах достижимости японской авиации и флота. 30 ноября Черчилль обратился к Рузвельту с просьбой «предотвратить расширение войны». Следовало, по его мнению, предупредить Японию, что любая ее агрессия может привести к тому, что Америка объявит войну. В ответе Рузвельт пояснил, что согласно конституции он не может давать гарантии другим государствам, но призвал Черчилля от имени Британии дать гарантии Сиаму. Он сообщил, что гарантия будет полностью поддержана Соединенными Штатами, хотя не уточнил, в чем будет заключаться эта поддержка. 2 декабря Черчилль на заседании Военного кабинета заявил, что политика Британии должна заключаться в том, чтобы «не рваться вперед, опережая Соединенные Штаты».

Ни Лондон, ни Вашингтон не сделали никаких публичных заявлений о поддержке Сиама. Но утром 7 декабря в Чекерсе Черчилль согласился, что, в случае приближения японцев к Сиаму, уже представлявшегося вполне вероятным, британские ВВС совместно с военно-морским флотом атакуют транспорты с войсками. Чуть позже ему стало известно, что Рузвельт в трехдневный срок, до 10 декабря, намерен заявить, что если Япония нападет на британские, голландские или сиамские территории, Соединенные Штаты будут «однозначно расценивать это как враждебный акт по отношению к Америке». «Огромное облегчение, – телеграфировал Черчилль Окенлеку. – Меня давно страшила перспектива вступления в войну с Японией прежде Соединенных Штатов».

Еще за шесть недель до этого Военный кабинет Британии пришел к выводу, что только присутствие сильного американского флота на Гавайях способно удержать японцев от серьезных действий в Сиамском заливе. Тем не менее, зная,

что значительные силы японцев готовы перейти к активным действиям, Черчилль после полудня телеграфировал премьер-министру Сиама: «В ближайшее время не исключена возможность нападения японцев на вашу территорию. В таком случае – защищайтесь. Сохранение независимости и суверенитета Сиама в интересах Британии, и мы будем рассматривать нападение на вас как нападение на нас самих».

Вечером за ужином в Чекерсе гостями Черчилля были Гарриман и Гилберт Уайнант, американский посол в Британии, а в это же время японская авиация атаковала американский флот в Перл-Харборе. В течение полутора часов авиация буквально утюжила верфи торпедами и бомбами и оставила после себя четыре уничтоженных линкора и 2000 убитых американцев. В девять часов вечера по британскому времени Черчилль включил небольшой радиоприемник послушать новости. Они начались с сообщений с русского и ливийского фронтов. Затем, как он вспоминал позже, прозвучало несколько фраз «насчет нападения японцев на американские корабли на Гавайях, а также на британские корабли в Голландской Ост-Индии».

За этим последовал звонок Рузвельту. «Господин президент, – спросил Черчилль, – что там с Японией?». – «Они атаковали Перл-Харбор, – ответил Рузвельт. – Теперь мы вместе».

Вскоре из Адмиралтейства в Чекерс поступила информация, что японцы пытаются высадиться в Малайе. Враг одновременно атаковал и Британию, и Соединенные Штаты. Помимо этого существовала вероятность, что в этот же день произойдет нападение на Голландскую Ост-Индию и Сиам. «Враг атакует с дерзостью, которая не может быть обусловлена ничем иным, кроме как безрассудством, – говорил Черчилль в палате общин 8 декабря, – либо убежденностью в своих силах». В этот же день конгресс Соединенных Штатов проголосовал за объявление войны Японии. «Сегодня все мы в одной лодке, и она не может и не должна потонуть никогда», – телеграфировал Рузвельт Черчиллю, как только стали известны результаты голосования.

Опасаясь, что война на Тихом океане может привести к уменьшению американской помощи Британии и к некоторому свертыванию участия Америки в атлантических конвоях, 8 декабря Черчилль решил отправиться в Соединенные Штаты. «Британия должна позаботиться, – сказал он королю, – чтобы наша доля военного снаряжения и прочей помощи, которую мы получаем от Америки, сильно не пострадала, что, как я опасаюсь, неизбежно». Но Рузвельт как минимум месяц не имел возможности встретиться с ним, и визит пришлось отложить. Разочарованный Черчилль написал Рузвельту: «Никогда не был

более уверен в нашей победе, но только согласованными действиями мы можем достичь ее».

После выхода из строя такого количества американских кораблей в Перл-Харборе англо-американское военное превосходство на Дальнем Востоке растаяло. Даже с учетом недавнего прихода в Сингапур британских линкоров «Принц Уэльский» и «Рипалс», направленных туда Черчиллем еще до Перл-Харбора в надежде удержать японцев от агрессии, баланс военно-морских сил изменился от соотношения 11 к 10 в пользу англо-американцев до 10 к 4 в пользу японцев. Вечером 9 декабря Черчилль со своими советниками обсуждал, что могут сделать два британских линкора, ставшие существенной частью военно-морских сил союзников. Черчилль сделал два предложения: они могут либо «затеряться в океанских просторах, представляя собой блуждающую угрозу и ведя себя как дикие слоны», либо присоединиться к американскому флоту в Перл-Харборе.

К окончательному решению не пришли, сочтя, что «утро вечера мудренее». Утром, однако, стало известно, что два линкора сами выбрали свою судьбу, решив перехватить японские войска, которые, как сообщалось, намеревались высадиться на побережье Малайи. Сообщение оказалось ложным, а оба корабля оказались на маршруте возвращающихся после нападения на Сингапур японских бомбардировщиков-торпедоносцев. В Лондоне наступило утро 10 декабря. Черчилль, еще лежа в постели, работал с документами, когда у кровати зазвонил телефон. Звонил Дадли Паунд. Черчилль позже вспоминал: «Его голос звучал странно. Он словно кашлял и захлебывался, и поначалу я его не очень хорошо слышал. «Премьер-министр, должен сообщить вам, что японцы потопили «Принц Уэльский» и «Рипалс» – мы полагаем, самолетами. Том Филлипс утонул». «Вы уверены?» – спросил я. – «Никаких сомнений». После этого я положил телефонную трубку. Слава богу, никого рядом не было. За всю войну я не получал столь сильного удара».

Черчилль был не один, в комнате находилась еще Кэтлин Хилл. «Я молча и незаметно сидела в углу, – позже вспоминала она. – Если он расстраивался, я старалась быть невидимой. Когда те два корабля погибли, я была у него. Это был ужасный момент. «Бедняга Том Филлипс», – только и произнес он».

Потеря «Принца Уэльского» и «Рипалса» стала тяжелым ударом для Британии. Погибло 600 офицеров и матросов, и дальневосточные воды оказались открыты все более усиливавшемуся превосходству Японии на море. Но удар от этой

потери частично был компенсирован на следующий день, когда Италия, а вслед за ней и Германия без всяких провокаций объявили войну Соединенным Штатам. Рузвельт, поглощенный войной на Тихом океане, не строил планов войны с Гитлером, как и в первые дни после Перл-Харбора. Теперь сам Гитлер привел Германию к войне с Соединенными Штатами. Отныне можно было не опасаться, что основные усилия американцев будут направлены против Японии и Британия лишится поступлений значительного количества военных ресурсов из США.

В результате самонадеянного заявления Гитлера Америка после двух с половиной лет нейтралитета внезапно стала воюющей стороной в Европе. «Испытываю огромное облегчение от поворота в развитии событий», – телеграфировал Черчилль Рузвельту 11 декабря. Идену, который направлялся в Москву, он сообщил: «Подключение к войне Соединенных Штатов все меняет, и наше терпение со временем безусловно приведет к победе».

Америка оказалась в состоянии войны с Германией и Италией, и Рузвельт согласился как можно скорее встретиться с Черчиллем. 12 декабря Черчилль ночным поездом отправился из Лондона в Клайд, где поднялся на борт линкора «Герцог Йоркский» для путешествия через Атлантику. На борту он каждый день узнавал об успехах контрнаступления русских под Ленинградом, Москвой и на Азовском море. «Невозможно передать чувство облегчения, с которым я каждый день слышу о замечательных победах на русском фронте, – телеграфировал он Сталину 15 декабря. – Никогда не был так уверен в окончательном исходе войны». Облегчение Черчилля объяснялось пониманием, что Гитлер увяз в России, его армии сражаются далеко на востоке в тяжелейших зимних условиях, несут огромные потери, и поэтому любые планы вторжения в Британию в 1942 г. он будет вынужден отложить.

Во время штормового плавания Черчилля на Запад японские силы атаковали Гонконг. «Следует ждать тяжелых потерь в этой войне с Японией, – написал он Клементине 21 декабря, – и нет смысла критикам вопрошать «Почему мы оказались не готовы?», когда сейчас задействовано все, что у нас есть. Вступление Соединенных Штатов в войну во много раз перевешивает все потери, которые происходят на Дальнем Востоке. Тем не менее эти потери очень болезненны, и их будет крайне трудно восполнить». Начальникам штабов, которые сопровождали его в плавании, Черчилль с горечью заметил: «Американцы с гораздо большей вероятностью будут готовы к высадке в Европе в 1944 г.,

нежели в 1943 г. По нашим расчетам, вероятность этого составляет 10 к 1». Что касается ночных налетов британских бомбардировщиков, которые начальники штабов рассматривали как один из основных способов поставить Германию на колени, Черчилль полагал, что они не будут иметь решающего значения. «Ход событий, – говорил он, – заставит нас выработать гораздо более сложную стратегию».

22 декабря, после десятидневного плавания, Черчилль оказался в Хэмптон-Роуд, откуда самолетом перебрался в Вашингтон. «Президент ждал в своей машине, – позже вспоминал он. – Я с удовольствием пожал его крепкую руку». В течение трех недель Черчилль был гостем Рузвельта в Белом доме. Переговоры начались в первый же день. Было заключено соглашение по разработке плана совместной высадки англо-американских войск во Французской Северной Африке – «по приглашению или без оного» от вишистов. В этот же день британские начальники штабов и их американские коллеги под сильным нажимом Паунда, Брука и Портала и к огромному облегчению Черчилля пришли к общему решению. Отныне основным театром военных действий решено было считать Евроатлантический, а ключом к победе по-прежнему Германию: поражение Германии должно предшествовать поражению Японии.

22 декабря, пока продолжались переговоры Черчилля с Рузвельтом, японские войска высадились на Филиппинах и стали теснить там американцев. Еще через три дня, после семидневной обороны, сложили оружие британские, канадские и индийские защитники Гонконга. Черчилль и Рузвельт продолжали строить стратегические планы совместных боевых действий. Американские бомбардировщики будут действовать против Германии с баз Соединенного Королевства. Американские войска разместятся в Северной Ирландии, освободив тем самым британские войска для действий на Ближнем Востоке. Если Филиппины падут, американские войска будут переведены в Сингапур. Существенные вооруженные силы США будут направлены для обороны Австралии. 26 декабря, после одобрения и принятия всех этих решений, Черчилль обратился к обеим палатам конгресса. «Не могу не думать, – между прочим сказал он, – что, если бы мой отец был американцем, а мать британкой, а не наоборот, я сегодня мог бы вполне быть среди вас».

Днем Черчилль с Рузвельтом обсуждали проблемы морских перевозок, которые усложнились в результате принятых ими решений. Вечером Черчилль сказал своим начальникам штабов, что размышляет над соглашением, согласно которому общее

руководство военными действиями на Тихом океане будет осуществляться из Вашингтона, а действия в Атлантике, Европе и Северной Африке – из Лондона. Когда Черчилль ложился спать в своих апартаментах в Белом доме, ему было так жарко, что он решил открыть окно в спальне. «Оно оказалось очень тугим, – рассказывал он наутро своему врачу Чарльзу Уилсону. – Мне пришлось приложить значительные усилия, и я сразу почувствовал, что задыхаюсь. Возникла тупая боль в области сердца, она распространилась в левую руку».

У Черчилля произошел легкий сердечный приступ. «Классическое лечение, – записал в дневнике Уилсон, будущий лорд Моран, – требует постельного режима как минимум на шесть недель. Это стало бы известно всему миру, а американские газеты обязательно расписали бы, что премьер-министр – инвалид с больным сердцем и неопределенным будущим». Врач решил скрыть информацию от всех, в том числе и от пациента. «У вас немного слабое кровообращение, – сказал он ему. – Ничего серьезного. Вам требуется покой, но не лежачее состояние. Просто некоторое время лучше не делать лишних усилий».

Конференция продолжилась. Утром 27 декабря Черчилль обсуждал с генералом Маршаллом, начальником штаба армии США, вопрос о главнокомандующем союзными войсками на Дальнем Востоке. Маршалл высказался в пользу Уэвелла. Вечером Черчилль обсудил этот же вопрос со своими начальниками штабов. Они согласились, что этот пост получит Уэвелл, а его заместителем станет американец. «Действия американцев, – телеграфировал Черчилль Военному кабинету, – продемонстрировали широкий подход и отсутствие эгоизма». Но один из членов британской команды переговорщиков в частном разговоре сообщил Черчиллю: «Американцы порой крайне резко винят нас в неблагополучном развитии ситуации».

Несмотря на плохое самочувствие, Черчилль из Вашингтона поездом отправился в Оттаву, где 30 декабря выступил в канадском парламенте. Вспомнив высказывание Вейгана в 1940 г., что Британии свернут шею, как цыпленку, он заметил, к удовольствию слушателей: «Тот еще цыпленок!» А когда смех стих, добавил: «Та еще шея!»

Вернувшись поездом в Вашингтон, Черчилль согласился на то, чтобы в первый день нового, 1942 г. подготовленная Рузвельтом декларация была опубликована от имени «объединенных наций» – двадцати шести стран, либо ведущих войну против Германии и Японии, либо находящихся под немецкой или японской оккупацией. В ней выражалась

решимость добиться полной и окончательной победы над Германией и Японией. «Декларациями войны не выигрывают, – позже написал Черчилль, – но они объясняют, кто мы есть и за что мы боремся».

На следующий день Черчилль и Рузвельт вместе председательствовали на встрече, где определялись масштабы американского военного производства на 1942 и 1943 гг. 5 января Черчилль улетел из Вашингтона во Флориду, чтобы отдохнуть и восстановить силы. На третий день он телеграфировал в Военный кабинет: «Отдыхаю на юге по совету Чарльза Уилсона после весьма напряженного периода».

Черчилль провел во Флориде пять дней. Он купался в теплом море и диктовал записки о военной политике, в том числе свое возражение на требование Сталина о присоединении Прибалтийских стран к Советскому Союзу после окончания войны. По возвращении в Вашингтон он с Рузвельтом договорился о том, что каждая страна подготовит девяностотысячный контингент войск для высадки во Французской Северной Африке и что в случае движения японцев к Австралии Рузвельт направит 50 000 американских солдат для ее обороны. Два лидера также создали несколько комитетов: Объединенный комитет начальников штабов для определения широкой программы действий, основанной на стратегической политике; Объединенный комитет по сырьевым материалам для создания общего фонда военного снаряжения и Объединенный комитет по регулированию судоходства, основанный на постулате, что ресурсы обеих стран и в дальнейшем будут составлять общий фонд.

Конференция завершилась 12 января. На прощание Рузвельт сказал Черчиллю: «Верьте мне до последнего вздоха». Когда через две недели Черчилль поздравлял президента с шестидесятилетием, Рузвельт ответил: «Очень приятно оказаться с вами в одном десятилетии». Их союзник Сталин тоже оказался в этом десятилетии; он недавно отметил свой шестьдесят второй день рождения.

14 января Черчилль самолетом отправился из Вашингтона на Бермуды. Во время четырехчасового перелета он двадцать минут сам управлял машиной. Тогда, как позже записал летчик, «премьер-министр спросил, можно ли ему выполнить несколько поворотов с креном, и выполнил их очень успешно». С Бермуд он планировал отправиться в Британию морем, но из-за ухудшения ситуации в Малайе было решено продолжить маршрут по воздуху. За восемнадцать часов предстояло преодолеть 3365 миль. Когда самолет приближался к месту назначения,

оказалось, что он немного сбился с курса и очутился в пяти-шести минутах летного времени от немецких зенитных батарей в Бресте. «Мы немедленно поворачиваем на север», – сказали Черчиллю, как только ошибка была обнаружена. Когда самолет приближался к Плимуту, британский радар зафиксировал «вражеский бомбардировщик», летящий из Бреста. Шесть истребителей были подняты в воздух с приказом сбить его. Эта ошибка тоже была обнаружена вовремя, и самолет благополучно приземлился.

Черчилль отсутствовал более месяца, а через два дня после возвращения впервые узнал от Уэвелла, что на северной, обращенной к материку стороне острова Сингапур не проводилось никаких серьезных работ по укреплению обороны. Все основные оборонительные укрепления были размещены таким образом, чтобы отражать возможное нападение с моря, между тем как японцы продвигались по суше, приближаясь к острову с севера. Тем не менее Черчилль решил, что им следует оказать решительное сопротивление. «Все мужское население, – объявил он начальникам штабов 19 января, – должно быть задействовано на строительстве земляных укреплений. Сам город Сингапур нужно превратить в крепость, которую следует защищать насмерть. Ни о какой сдаче не может быть речи».

Однако Уэвелл больше не находился в распоряжении Британии. В результате заключенных в Вашингтоне соглашений его деятельность как командующего перешла под контроль Соединенных Штатов. Черчилль мог отправлять ему лишь «предложения». Это он объяснил Уэвеллу в телеграмме от 20 января и добавил: «Я дал совершенно ясно понять: я ожидаю, что будет защищаться каждый дюйм, что все снаряжение и все оборонительные сооружения должны быть взорваны в клочья, чтобы не достаться врагу, и что вопрос о сдаче может подниматься только после продолжительных боев среди руин города Сингапур».

27 января в палате общин Черчилль потребовал провести вотум доверия правительству, потому что, как он сказал парламентариям, «дела идут плохо, а дальше будет еще хуже». Дебаты длились три дня; на третий день он сказал в палате: «Я ни в коей мере не преуменьшаю опасность и возможные неудачи. Но в то же время заявляю, что уверен – и в данный момент как никогда раньше, – что мы положим конец этой войне таким образом, который соответствует интересам нашей страны и будущему всего мира». Черчилль получил доверие 464 голосами против одного.

Во время голосования объявили, что японцы в 30 километрах от Сингапура. «Худшее началось», – таковы были слова Черчилля.

Через четыре дня после того, как он произнес их, командование немецкого подводного флота в целях усиления внутренней безопасности изменило код шифровальной машины, и британская разведка снова потеряла возможность читать зашифрованные сообщения. Так продолжалось до конца года. Когда в момент самого бедственного положения в Сингапуре Черчилль узнал об утрате этой драгоценной возможности, он смог поделиться этой обескураживающей новостью только с ближайшим кругом коллег. Но никто из них не знал, что именно теперь немецкая разведка взломала британский шифр, которым передавалось большинство сигналов от североатлантических конвоев. Битва за Атлантику, которая предыдущей осенью, после громадных потерь и трудностей, казалось, была уже выиграна Британией, вновь стала непредсказуемой.

5 февраля по мере продвижения японских войск к Сингапуру под сомнением оказалась способность к сопротивлению даже Бирмы. В поисках новых альянсов и договоренностей Черчилль выдвинул идею слетать в Индию, встретиться с лидером китайских националистов Чан Кайши и постараться выработать англо-китайскую стратегию действий на севере Бирмы, а также предложить Индии провести ассамблею по обсуждению новой конституции с перспективой полной независимости страны после войны. «Какое сильное решение и насколько силён сам старик!» – записал секретарь Идена Оливер Харви. Эпизод в Вашингтоне вынудил личного врача Черчилля попытаться отговорить его от такого рода поездки. «Если бы не его сердце, – сказал Иден Харви, – не возникло бы и вопроса, что ехать должен именно он». Впрочем, не болезнь, а ощущение, что он должен находиться в Британии, когда падет Сингапур, убедило Черчилля отказаться от этой поездки.

Утром 14 февраля Уэвелл проинформировал Черчилля, что, по мнению командующего в Сингапуре генерала Персиваля, «войска не способны к дальнейшему сопротивлению». Черчилль немедленно разрешил Уэвеллу дать указание Персивалю сложить оружие. На следующий день в плену у японцев оказалось 16 000 британских, 14 000 австралийских и 32 000 индийских военнослужащих. «Наступил момент, – сказал Черчилль, выступая с радиообращением, – выказать то спокойствие и самообладание, в сочетании с суровой решимостью, благодаря которым мы не так давно вырвались из объятий смерти. Мы должны доказать, как это не раз бывало в нашей богатой истории, что в состоянии встречать неудачи с достоинством и с новыми силами. Кроме того, необходимо помнить, что мы теперь не одни. Три четверти человечества идут с нами бок о бок. Будущее может зависеть

от наших действий и от нашего поведения. Пока мы не проиграли. И мы не проиграем. Двинемся же непреклонно все вместе навстречу буре – и пройдем через бурю».

Колвилл, который в это время находился в авиационных частях в Южной Африке, прокомментировал: «Все величие его риторики сохранилось, но появилась новая нота – отсутствие былой уверенности». Гарольд Николсон записал: «Его выступление вчера вечером не понравилось. Страна слишком взволнованна и раздражена, чтобы поддаться на красивые фразы. Хотя что еще он мог сказать?» Черчилль не мог сказать то, что сообщил ему Уэвелл о войсках, сражающихся как в Малайе, так и в Бирме: «Ни британцы, ни австралийцы, ни индийцы не проявляют необходимой физической и моральной стойкости». Это сильно встревожило Черчилля, но поделиться своей тревогой он мог только с ближайшим окружением, как и в случае с немецкими кодами.

Несмотря на успех Черчилля по вотуму доверия, в обществе нарастало критическое отношение к внутренней политике в военное время. Тревоги приходилось переживать практически в одиночку. «Он говорит, что устал от всего этого, – записал 18 февраля капитан Ричард Пим, глава картографического кабинета Черчилля, – и намекает, что очень серьезно размышляет над тем, чтобы переложить груз ответственности на другие плечи». На следующий день Черчилль назначил Эттли заместителем премьер-министра, но тем, кто требовал, чтобы он отказался от своего второго поста – министра обороны, – заявил в палате общин 24 февраля: «Когда впереди так много проблем, кому-то может показаться очень соблазнительным ловко отойти в сторону и дать другому принимать на себя удары, тяжелые и непрестанные удары, но я не намерен поступать столь малодушно». Двумя неделями позже Клементина написала кузену Черчилля Освальду Фривену: «Он очень храбрый. Нападки его не испугают, и, даже учитывая трагедию Сингапура, надеюсь, его смелости не убавится».

На публике прежняя воинственность Черчилля возвращалась, но семья видела его душевные страдания. «Папа в упадке, – записала Мэри в дневнике 27 февраля. – Не очень хорош физически и измучен постоянным давлением неблагоприятных событий». Не слишком большим утешением стал и успешный налет британских десантников на радарную станцию немцев на берегу Ла-Манша. Им удалось захватить компоненты радарной установки, в результате чего выяснилось, что в некоторых аспектах немецкие радары превосходят британские. Публика радовалась успешной операции, но Черчилль знал ее обратную

сторону, как и многие другие опасности, о которых люди не подозревали.

28 февраля японские войска вторглись на остров Ява. В последовавшем морском сражении британский флот понес тяжелые потери. «Это мучительные дни для Уинстона, полного сил и в то же время неспособного остановить этот кошмар на Дальнем Востоке», – написала Клементина кузену в этот день. Мэри записала в дневнике: «Отец опечален, потрясен событиями и чрезвычайно утомлен». Прошло почти три месяца после Перл-Харбора. «Когда я вспоминаю, как хотел и молился за вступление Соединенных Штатов в войну, – написал Черчилль в телеграмме Рузвельту 5 марта, – даже трудно осознать, насколько сильно ухудшились наши британские дела после 7 декабря».

В тот день, когда Черчилль отправил эту телеграмму, старший британский чиновник в Бирме генерал сэр Гарольд Александер, который руководил эвакуацией Дюнкерка, дал распоряжение оставить Рангун. Через три дня на Яве капитулировали голландцы. Более 10 000 британских и австралийских солдат оказались в плену. Пытаясь каким-то образом исправить ситуацию, Черчилль решился на кадровые перестановки. Так, он предложил генералу Бруку стать председателем Комитета начальников штабов. Кроме того, назначил на должность начальника общевойсковых операций лорда Луиса Маунтбеттена, сына принца Луиса Баттенбергского, бывшего первым морским лордом в 1914 г. Черчилль также предложил, что встретится со Сталиным либо в Тегеране, либо в Астрахани, чтобы завершить переговоры по англо-советскому договору. «И это, – записал Оливер Харви, – человек, у которого в любую минуту может остановиться сердце. Какое мужество, какая смелость! Но стоит ли это делать?»

Впрочем, визит в Россию не состоялся. Черчилль не готов был предложить Сталину то, на чем тот настаивал: высадку в этом году союзного десанта в Северной Европе, чтобы оттянуть немецкие войска с Восточного фронта, и открытие так называемого второго фронта. 8 марта Черчилль получил от Рузвельта анализ возможности десантной операции американцев. Президент назвал июнь 1944 г. датой, к которой американский флот готов будет перевозить 400 000 человек. К июню 1943 г. это число может составить лишь 130 000. Этого было явно недостаточно для крупной десантной операции в Северной Европе, особенно учитывая, что удар затем будет направлен на саму Германию. Для десантной операции в сентябре 1942 г., как того хотел Сталин, Америка могла предоставить только 40 % десантных судов и 700 из 5700 необходимых боевых

самолетов. Неудивительно, что месяц спустя Клементина отметила, что ее муж «тянет на себе ношу не только своей страны, но и не готовой на данный момент Америки».

Неготовность Америки, о чем говорил и сам Рузвельт, сделала невозможным проведение масштабной десантной операции в Северной Европе в 1942 г. Поэтому активные боевые действия на Западе против Германии свелись в основном к бомбардировкам немецких городов и промышленных объектов. «Это не самое главное, но лучше, чем ничего, – говорил Черчилль Порталу 13 марта, – и все-таки наносит внушительный ущерб врагу».

Появились новые расшифровки немецких радиограмм. Из них стали известны детали очередного наступления немцев в России, планирующегося на лето. Черчилль сразу предложил организовать самые массированные – «какие только возможны» – налеты британской авиации на территорию Германии. Начальники штабов с этим согласились, но отвергли желание Черчилля направить в помощь России британских летчиков. Брук пояснил, что нельзя снимать истребители с Ближнего Востока, поскольку существует возможность возобновления там немецких наступательных действий.

Падение Сингапура доставило Черчиллю сильнейшую душевную боль. В выступлении 26 марта он назвал это «величайшей катастрофой в истории британского оружия». Но наступление японских войск оказалось слишком стремительным, а военно-воздушные силы слишком мощными, чтобы их можно было остановить. 3 апреля бомбардировкам с воздуха подвергся бирманский город Мандалай. Погибло 2000 гражданских лиц. 4 апреля в результате налета японской авиации на Цейлон были потоплены четыре британских военных корабля и погибло более 500 военнослужащих. 6 апреля японские войска высадились на Соломоновых островах, находящихся под тихоокеанским мандатом Австралии. Отвечая на возобновившиеся упреки в том, что при планировании не была проявлена достаточная дальновидность, Черчилль сказал 13 апреля в палате общин: «Этим прискорбным событиям предшествовало огромное количество дискуссий, но дискуссий самих по себе недостаточно, чтобы отразить нападение превосходящих сил противника». Четырьмя днями ранее американские войска на полуострове Батаан на Филиппинах прекратили сопротивление. 35 000 военнослужащих оказались в плену у японцев. Это была катастрофа, по масштабу сопоставимая с сингапурской. «Самое лучшее, на что можно надеяться, – сказал Черчилль на закрытом заседании палаты

общин, – что отступление будет по возможности медленным».

Каждый день приносил сообщения о новых катастрофах, и Черчиллю требовалось хотя бы час-другой бывать в одиночестве. «Я был в Чартвелле на прошлой неделе, – написал он Рэндольфу 2 мая, – и обнаружил там весну во всей красе. Гусь, которого я называл морским адъютантом, и один лебедь пали жертвами лисы. Рыжий кот, однако, проявил ко мне дружеское отношение, которое сохранилось, хотя мы с ним не виделись восемь месяцев».

В течение апреля британские конвои в Россию несли жестокие потери от непрестанных налетов немецкой авиации, базирующейся на севере Норвегии. В одном из конвоев этого месяца только 8 судов из 23 дошли до России. Одно было потоплено, остальные были вынуждены вернуться. 2 мая Рузвельт попросил увеличить количество конвоев, чтобы компенсировать потери. Черчилль ответил: «Прошу вас не требовать от нас больше в ситуации, которую мы изучили досконально, и при том крайнем напряжении, в котором мы пребываем».

«Крайнее напряжение» действительно ощущалось повсюду. Бирманский Мандалай прекратил сопротивление 3 мая, и вся богатая страна, которую еще отец Черчилля присоединил к Британской империи в 1886 г., оказалась под контролем японцев. В Средиземном море Мальта подвергалась разрушительным бомбардировкам с воздуха. На Филиппинах американские войска, оборонявшие остров Коррехидор, сдались 6 мая. В ходе ожесточенных боев погибло 800 человек. На следующий день после двухдневных боев части британской армии и флота, высадившиеся на контролируемом вишистами Мадагаскаре, захватили важнейший порт Сан-Диего и вынудили к сдаче французский гарнизон. «Эта операция, – сказал Черчилль в палате общин, – хотя и не без риска, была проведена благодаря величайшему мужеству».

15 мая, выступая в Лидсе, Черчилль говорил перед огромной толпой, собравшейся послушать его: «Мы находимся в таком периоде войны, когда еще преждевременно говорить, что поднялись на вершину, но вершина уже видна впереди». Одна из его секретарш, Элизабет Лейтон, на следующий день написала родителям: «Не может быть никакого сомнения, люди все как один считают его *своим* премьер-министром. Он привлекает как простой народ, так и «элиту». И безусловно заслуживает этого. Он такой сердечный, кто-то называет его даже милым».

Летом Черчилль постоянно размышлял над планами будущей десантной операции в Северной Европе с целью нанесения удара Германии на суше. 26 мая он изложил свои мысли о создании

плавучих причалов, необходимых для разгрузки десантных кораблей, переправившихся через Ла-Манш. «Они должны подниматься и опускаться с приливом, – написал он. – Проблема с якорями должна быть решена. Представьте мне наилучшее решение. Не спорьте по существу. Трудности сами будут спорить с нами».

Задача была поставлена перед инженером-строителем Тейлором Вудроу. Две бетонные гавани, каждая размером с гавань Дувра, должны были быть построены так, чтобы их можно было провести на буксире через Ла-Манш. Но ни о каком форсировании Ла-Манша и наступлении на суше нельзя было думать, пока в Северной Африке у немцев было достаточно сил, чтобы перехватить инициативу. В ту самую ночь, когда Черчилль писал свою записку, Роммель начал наступление в Западной пустыне. «Отступление станет фатальным, – телеграфировал Черчилль Окенлеку. – Это вопрос не только брони, но и силы воли. Храни вас всех Бог».

В то время как армии Роммеля и Окенлека сражались в Западной пустыне, британские бомбардировщики 30 мая нанесли удар по Кельну. Впервые за войну в налете приняли участие 1000 бомбардировщиков. Немецким промышленным предприятиям был нанесен большой урон, но 39 самолетов были сбиты. На этой же неделе произошло очередное столкновение, оказавшее еще большее влияние на исход войны. На Тихом океане, в результате совместных англо-американских усилий по дешифровке японских радиограмм, 4 июня флоту Японии, направлявшемуся для захвата острова Мидуэй – перевалочного пункта на пути к Перл-Харбору, – был навязан бой. Все четыре японских авианосца были выведены из строя. При таком множестве зон боевых действий и военных планов Черчилль решил отправиться через Атлантику на вторую встречу с Рузвельтом.

В Западной пустыне Роммель успешно продвигался к Тобруку. 15 июня Черчилль телеграфировал Окенлеку, что местный гарнизон должен быть усилен, чтобы иметь возможность «наверняка удержать город». Через два дня он поездом отправился из Лондона в шотландский город Странраер. Там он пересел на тот же самолет-амфибию, на котором вернулся в Англию пятью месяцами ранее.

«ПМ в потрясающей форме, – записал Брук в дневнике, пока они летели через Атлантику, – и радуется, как школьник». После суточного перелета с посадкой для дозаправки на Ньюфаундленде приводнились на базе морской авиации менее чем в пяти километрах от Белого дома. Переночевав в британском

посольстве в Вашингтоне, Черчилль самолетом морской авиации США был доставлен на ближайший к дому Рузвельта аэродром в Гайд-парке, на реке Гудзон. Рузвельт уже ждал его на летном поле.

Рузвельт повез Черчилля показать свое поместье с видом на Гудзон. «В этой поездке для меня было несколько содержательных моментов, – вспоминал Черчилль. – Физический недостаток Рузвельта не позволял ему ногами управлять педалями, но оригинальное приспособление давало возможность все делать руками, поразительно сильными и мускулистыми. Он предложил мне пощупать его бицепсы и сказал, что им позавидует и знаменитый боксер. Это обнадеживало, но, должен признаться, когда в нескольких случаях машина кренилась и ныряла у края обрыва над Гудзоном, я только надеялся, что механика и тормоза в исправности. Все это время мы говорили о делах, и, хотя я старался не отвлекать его от управления, мы добились большего прогресса, чем могли бы на официальной конференции».

20 июня во время беседы с Рузвельтом Черчилль подчеркнул, что, поскольку «ни один ответственный британский военачальник» не видит шансов на успех десантной операции в Ла-Манше в сентябре 1942 г., этой осенью новой зоной боевых действий должна стать Атлантика и Средиземноморское побережье Французской Северной Африки. Рузвельт согласился. Неспособность Америки подготовить достаточное количество боевых самолетов и десантных судов делает полномасштабную десантную операцию невозможной. Заглядывая дальше, они пришли к совершенно секретному соглашению: Соединенные Штаты и Британия станут равными партнерами в исследованиях по созданию и производству атомной бомбы.

Вечером Черчилль с Рузвельтом президентским поездом отправились в Вашингтон. Черчилль стал гостем Рузвельта в Белом доме. На следующее утро, когда они беседовали в Овальном кабинете, Рузвельту передали листок розовой бумаги. Он прочитал и молча передал его Черчиллю. В сообщении говорилось: «Тобрук сдался. 25 000 взяты в плен». Черчилль не поверил и попросил Исмея позвонить в Лондон. Но прежде чем Исмей успел это сделать, пришло второе сообщение – от командующего военно-морскими силами Британии в Средиземном море. Оно начиналось словами: «Тобрук пал».

Сомневаться больше не приходилось. «Поражение – это одно, – позже писал Черчилль. – Бесчестье – совсем другое». Некоторое время никто не произносил ни слова. Затем Рузвельт повернулся к Черчиллю и спросил: «Чем мы можем помочь?»

В течение дня выяснилось, что количество пленных приближается к 33 000. Также стало ясно, что Роммель продолжает движение к египетской границе и может даже войти в Египет. Вечером Рузвельт предложил направить американскую бронетанковую дивизию вокруг мыса Доброй Надежды в Египет. Черчилль телеграфировал Окенлеку: «Что бы я ни думал по поводу ведения боевых действий и о том, как следовало бы воевать, я полностью доверяю вам и полностью разделяю с вами ответственность».

Второй раз за два года возникла необходимость защищать Египет. «Вы в такой же ситуации, – телеграфировал Черчилль Окенлеку, – в какой мы можем оказаться в случае вторжения в Англию, и необходим такой же твердый и решительный настрой». В этот день он узнал, что проблемы американского судоходства делают невозможной отправку обещанной бронетанковой дивизии в Каир, который оказался в опасности из-за успешного прорыва Роммелем египетской границы. Вместо этого американцы предложили 300 танков и 100 самоходных гаубиц; они могли быть отправлены на двух сухогрузах, предназначенных для перевозки сахара, специально реквизированных у Гаваны.

Вечером 23 июня Черчилль отправился из Вашингтона поездом в Южную Каролину. Там, утром 24 июня, он наблюдал за десантированием американских парашютистов. «Никогда не видел, как с неба валится сразу тысяча человек», – позже написал он. Днем он наблюдал за учебными стрельбами армейской бригады, после чего самолетом вернулся в Вашингтон и около полуночи 25 июня поднялся на борт своей амфибии в Балтиморе. Пожимая на прощание Гопкинсу руку, Черчилль сказал: «Теперь в Англию, домой – и в прекрасную драку». Он только что узнал, что в палате общин решили голосовать за вотум недоверия к нему. Дебаты начались 1 июля, в тот самый день, когда немецкие войска достигли Эль-Аламейна, пройдя 400 километров по территории Египта. До Каира оставалось немногим более трехсот. Как сказал один из самых ярых критиков Черчилля, лейборист Бивен, «премьер-министр выигрывает дебаты за дебатами и проигрывает битву за битвой. Страна начинает говорить, что он ведет дебаты как войну и войну как дебаты».

В свою защиту Черчилль сказал, что действовал заодно с военным кабинетом при принятии всех крупных решений и что непосредственное оперативное управление действующими частями осуществляют начальники штабов. Он не просил ни о каком «одолжении»; он сказал, что занял пост премьер-

министра после того, как «всеми силами» защищал своего предшественника, Чемберлена, в то время, когда жизнь империи «висела на волоске». Черчилль добавил: «Я ваш слуга, и у вас есть право уволить меня, когда пожелаете. Но у вас нет права требовать от меня исполнять обязанности, не имея власти на эффективные действия». Далее Черчилль сказал палате, что, если вотум недоверия не пройдет, «это обрадует всех друзей Британии и всех верных слуг нашего дела и прозвучит погребальным звоном в ушах тиранов, которых мы стремимся низвергнуть».

Вотум недоверия провалился. За него проголосовали всего 25 человек, против – 475. Черчилль вернулся на Даунинг-стрит, 10, где встретился с сыном Эмери, Джулианом, который только что вернулся из Западной пустыни и стал уговаривать его посетить войска для поднятия боевого духа.

«Вашего присутствия в районе боевых действий будет достаточно», – сказал Чериллю Эмери. «Вы имеете в виду, просто явиться там и поговорить с ними?» – спросил тот. «Да, с офицерами и рядовыми», – ответил Эмери.

Черчиллю понравилась мысль посетить зону боевых действий, но Иден сказал, что, на его взгляд, премьер-министр может стать «помехой». «Я буду как навозная муха над коровьей лепешкой?» – уточнил Черчилль.

Пока планировалась эта поездка, очередной арктический конвой в Россию получил сильнейший удар. Из 34 грузовых судов были потоплены 23. Из почти 600 танков, которые направлялись в Россию, 500 были утрачены. В августе и сентябре конвои решено было отменить. 14 июля Черчилль узнал, что только за одну неделю в Арктике и Атлантике было потеряно почти 400 000 тонн грузов. «Беспримерное количество как для этой войны, так и для прошлой, – сказал он Рузвельту. – Если так продолжится, любое возмещение бессмысленно».

Черчилль относился к неудачам без паники. Генерал-майор Джон Кеннеди, руководитель военных операций в Военном кабинете, записал в дневнике 17 июля: «Уинстон безусловно внушает уверенность. Я восхищаюсь его неспешной манерой. Он справляется с колоссальным объемом работы, и при этом никогда не выглядит напряженным. Сегодня он был особенно доброжелательным и жизнерадостным. Хорошо понимаю его окружение, которое покоряется ему. Помню, Дадли Паунд однажды сказал: «Этого человека нельзя не любить», и теперь понимаю, что он прав».

Президент Рузвельт надеялся провести хотя бы ограниченную операцию по переброске десанта через Ла-Манш в сентябре

1942 г., возможно, на Шербурском полуострове. В последнюю неделю июля он отправил в Лондон Гопкинса и двух представителей Комитета начальников штабов – генерала Маршалла и адмирала Кинга. Но Черчилль и его начальники штабов настаивали на том, что шербурский план недостаточен, чтобы помочь России, и слишком слаб, чтобы отвоевать и удержать полуостров. После трех дней напряженных дискуссий американцы согласились отказаться от шербурской операции, считать приоритетным направлением на 1942 г. высадку войск в Северной Африке и постараться подготовиться к широкомасштабной десантной операции в районе Ла-Манша в 1943 г.

Черчилль сообщил Сталину телеграммой о приостановке арктических конвоев и временной отмене десантной операции в районе Ла-Манша. Сталин пришел в негодование, усугублявшееся тем, что армии Гитлера на юге России пробивались с боями к Кавказу, угрожая захватить важнейшие для России нефтяные промыслы. Британский посол в Москве сэр Арчибальд Кларк Керр настаивал на скорейшей встрече Черчилля со Сталиным, придавая ей «огромную важность»: Черчилль смог бы объяснить не только причины изменений, но и планы дальнейших действий и помощи. Черчилль решил из Каира лететь в Россию. «Мы сможем вместе обсудить ход войны и сообща принять решения», – телеграфировал он Сталину 31 июля.

Впервые в жизни Черчиллю предстояло лететь в негерметизированной кабине американского бомбардировщика на высоте четырех с половиной тысяч метров. Чтобы набраться опыта, вечером 31 июля он отправился в Фарнборо проверить специально сделанную для него кислородную маску. Перед этим он поинтересовался у специалистов, нельзя ли сделать так, чтобы в маске можно было курить сигару. Необходимые усовершенствования были сделаны, и на следующий день в сопровождении генерала Брука и Чарльза Уилсона Черчилль вылетел в Каир. «Постоянно думаю о тебе, дорогой мой, – написала Клементина через три дня, – и молюсь, чтобы ты смог вникнуть и разрешить проблему ближневосточной деградации, разочарования или что там творится. Первая часть твоей поездки менее драматична и сенсационна, чем последующий визит к Людоеду в его Логово; но хочется надеяться, он окажется более плодотворным по результатам».

В Каире Черчилль сразу почувствовал недостаток энергичности, которым там отличалось все военное планирование. Генерал Брук настойчиво призывал сменить

Окенлека, но он колебался. «ПМ категорически против идеи убрать одного из своих военачальников», – записал Чарльз Уилсон в дневнике 4 августа. Однако в конце концов Черчилль согласился с тем, что Окенлек должен уйти. «Именно то, о чем я говорил ему с самого начала», – прокомментировал Брук. Командование 8-й армией от Окенлека должно было перейти к генералу Готту, а пост главнокомандующего ближневосточной группировкой – к генералу Александеру. Именно Александер блестяще справился с задачей вывода британского экспедиционного корпуса из Дюнкерка в мае 1940 г. и британских и имперских войск из Бирмы в мае 1942 г. Как и Черчилль, он был выпускником Харроу. Черчилль сказал Клементине, что почувствовал уверенность в его «великолепных военных способностях». Про генерала Готта, как предупреждал Брук Черчилля, говорили, что он «утомился». Чтобы это проверить, Черчилль самолетом отправился в расположение 8-й армии под Эль-Аламейном лично поговорить с Готтом. «Он сразу воодушевил меня своей уверенностью», – написал Черчилль три недели спустя.

На обратном пути в Каир Черчилль проинформировал Военный кабинет о предполагаемых изменениях в командовании, а вечером 7 августа узнал, что Готт разбился в авиакатастрофе: самолет, летевший в Каир тем же маршрутом, что двумя днями ранее Черчилль, был сбит немецкими истребителями. Вместо Готта был назначен генерал Монтгомери, чьи энергичные действия накануне ожидаемого вторжения в Британию произвели большое впечатление на Черчилля в июне 1940 г. Известная неуживчивость Монтгомери – не обязательно негативный фактор, считал он. «Если он суров к тем, кто его окружает, – написал Черчилль Клементине 9 августа, – то он также суров и к врагам».

За девять дней пребывания в Каире Черчилль посетил все части 8-й армии и выступал перед ними. «В одном месте, – рассказывал он Клементине, – почти все оказались из Олдэма. Они выказали величайший энтузиазм». Олдэм был избирательным округом, от которого Черчилль баллотировался сорок два года назад. Везде его радостно приветствовали и внимательно слушали. Он рассказывал о скором подкреплении американскими танками и перспективах на победу. «Чем глубже я вникаю в ситуацию на месте, – писал он Клементине, – тем больше убеждаюсь, что решающая победа может быть одержана только в том случае, если желание соответствует возможностям».

10 августа Черчилль направил Александеру директиву, формально датированную двумя днями ранее, в которой

определил, что от него требовалось: «Ваша главная и основная задача – при ближайшей возможности захватить или уничтожить германско-итальянскую армию под командованием фельдмаршала Роммеля вместе со всем ее снаряжением и оборудованием в Египте и Ливии». 10 августа он написал Исмею: «Уверен, что сейчас необходимы простота поставленной задачи и четкость цели».

Вскоре после полуночи 10 августа Черчилль вылетел из Каира на восток, в Тегеран. Маршрут протяженностью 2000 километров занял шесть часов. Когда летели над горами Западной Персии, понадобилась кислородная маска. 12 августа из Тегерана он вылетел в Москву. Самолет сопровождали десять американских истребителей, поставленных Британии по ленд-лизу. Перелет из Тегерана длился десять с половиной часов. С московского аэродрома Черчилля отвезли на загородную виллу, где его ждали горячая ванна и обильное угощение, – как позже писал он, «далеко превосходящее наше настроение и потребительские способности». Через два часа Черчилль на машине отправился в Москву, в Кремль.

Советский лидер был мрачен. В начале беседы он сообщил Черчиллю, что немецкие войска прилагают огромные усилия, чтобы овладеть Сталинградом на Волге и Баку на Каспии, а на юге Красная армия не смогла остановить немецкое наступление. Затем Черчилль объяснил Сталину, что в 1942 г. десант через Ла-Манш невозможен, поскольку в Британию пока прибыли только две с половиной дивизии американцев. Еще двадцать семь дивизий смогут прибыть не раньше декабря. По англо-американскому плану операция по вторжению на территорию оккупированной Франции может состояться в 1943 г., но тогда может оказаться, что у немцев на Западе более сильная армия, чем сейчас. В этот момент, как было отмечено в британском официальном протоколе, «Сталин сурово нахмурил брови».

Черчилль сказал Сталину, что, если высадка 200 000 человек на берег Франции могла бы отвлечь «значительные немецкие силы с русского фронта, он бы незамедлительно это сделал, невзирая на потери. Но если это не отвлечет ни одного человека и сведет на нет перспективы 1943 г., это станет большой ошибкой». Сталин на это презрительно заметил: «Тот, кто не готов идти на риск, не может выиграть войну» – и поинтересовался, почему британцы «так боятся немцев». В ответ Черчилль напомнил о 1940 г., когда Гитлер, по его словам, побоялся вторгаться в Британию. Если бы Гитлер не испугался, то он, Черчилль, «не сидел бы здесь и не говорил об этом».

Сталин был зол и мрачен. Зол оттого, что в сентябре не состоится десантная операция в Ла-Манше, и мрачен, потому что все выглядело так, будто Британия и Соединенные Штаты вообще не собираются предпринимать никаких действий, чтобы оттянуть немецкие войска и авиацию со стремительно рушащегося Восточного фронта. Черчилль заговорил о британских бомбардировках Германии. «Они уже значительны, – сказал он, – и будут усиливаться. Британия рассматривает моральный дух немецкого гражданского населения как военный объект. Мы не ждали милосердия и не намерены проявлять его сами. Британия намерена уничтожить двадцать немецких городов. Несколько уже превращены в руины. Если понадобится в ходе войны, мы рассчитываем превратить в руины большинство домов в большинстве немецких городов».

В этот момент, было отмечено в британском протоколе, «Сталин улыбнулся и сказал, что это было бы неплохо». Обещание массированных бомбардировок немецких городов «оказало положительное действие на ход встречи, и с этого момента атмосфера стала заметно более сердечной». Черчилль также сказал Сталину, что в данный момент готовится новая десантная операция, деталями которой Рузвельт дал ему право поделиться. В этот момент, как отмечено в протоколе, «Сталин оживился и усмехнулся». Черчилль рассказал о десантной операции в Северной Африке. Это станет «вторым фронтом» в Африке в 1942 г., и проведена операция будет силами всего семи американских и пяти британских дивизий – четвертью того, что необходимо для проведения операции в Ла-Манше. На Сталина это произвело благоприятное впечатление. «Да поможет Бог успеху этого предприятия», – сказал он.

Но на следующий день он опять пребывал в мрачном настроении. Он сказал Черчиллю: «Вы, британцы, боитесь воевать. Не надо считать немцев сверхчеловеками. Рано или поздно вам придется вступить в бой. Без сражений войну не выиграть». На другой день Черчилль сказал Эттли: «Я отклонил его претензии жестко, но без какой-либо язвительности». Когда Сталин повторил, что британцы не готовы действовать на континенте, потому что боятся вступать в бой с немцами, Черчилль ответил: «Я извиняю это замечание, только учитывая храбрость русских солдат».

Черчилль искал способы как-то изменить враждебную атмосферу. «Я воскликнул, – рассказывал он потом Эттли, – что в его отношении не чувствуется духа товарищества. Я проделал долгий путь, чтобы установить хорошие рабочие отношения. Мы делаем все, что в наших силах, чтобы помочь

России, и будем продолжать в том же духе. Мы целый год оставались практически наедине с Германией и Италией. Теперь, когда три великих страны стали союзниками, победа обеспечена наверняка, мы не развалимся и так далее. Я довольно энергично произнес эту тираду, и, прежде чем она была переведена, он сказал, что ему нравится темперамент (или дух?) моего высказывания. После этого разговор продолжился в менее напряженной атмосфере».

Далее Черчилль со Сталиным обсудили военные поставки и производство. Когда Черчилль спросил о Кавказском фронте, Сталин показал рельефную карту и объяснил на ней оборонительный план русских. Вечером Сталин дал банкет в честь Черчилля, но у того настроение было отнюдь не праздничным: он только что узнал о потере трех боевых кораблей, восьми грузовых судов и шести самолетов из средиземноморского конвоя, доставлявшего ресурсы из Гибралтара на Мальту. «Премьер-министр несколько приободрился, – заметил один из присутствовавших, – когда репортеры начали фотографировать их со Сталиным, сидящими на диванах». Затем Сталин предложил Черчиллю посмотреть кинофильм, но он устал и попросил его извинить. «После сердечного рукопожатия, – рассказывал он Эттли, – я собрался уходить и прошел некоторое расстояние по многолюдному залу, но он поспешил за мной и проводил по многочисленным коридорам и лестницам до парадной двери, где мы еще раз обменялись рукопожатиями». Жест Сталина был оценен. «Этот долгий проход, свидетелями которого мы стали, – записал британский посол, – или, скорее, пробежка, потому что Сталину пришлось идти очень быстро, чтобы поспевать за мистером Черчиллем, был, насколько я понимаю, беспрецедентным явлением в истории советского Кремля».

Заключительный разговор состоялся 15 августа. Черчилль сообщил Сталину о запланированной на ближайшее время операции, во время которой 8000 человек и 50 танков закрепятся на берегу Ла-Манша на ночь, перебьют как можно больше немцев, а затем ретируются. Это будет «разведка боем», и ее, пояснил Черчилль, можно сравнить «с ванной, в которую опускаешь руку, чтобы проверить, не горяча ли вода». Атака на Дьеп состоялась 17 августа.

Затем Сталин пригласил Черчилля в свои кремлевские апартаменты «выпить на посошок». «Посошок» оказался банкетом, растянувшимся на шесть часов. Единственный напряженный момент возник при разговоре об арктических конвоях.

«Разве у британского флота нет чувства гордости?» – спросил

Сталин. «Можете мне поверить, все, что делается, делается правильно, – ответил Черчилль. – Я очень хорошо разбираюсь во флоте и войне на море». «То есть я совсем не разбираюсь?» – парировал Сталин. – «Россия – сухопутное животное, – сказал Черчилль. – Британцы – животные морские».

Сталин помолчал, но потом к нему быстро вернулось хорошее настроение. Остаток вечера прошел в дружественных беседах на разные темы, в частности, Сталин вспоминал свою поездку в Лондон в 1907 г. для участия в конференции большевиков. Черчилль вернулся в загородную резиденцию в 3:15 ночи, чтобы уже в 4:30 ехать в аэропорт. В 5:30 утра самолет был в воздухе. В этот день советские войска были вынуждены оставить Майкоп, центр нефтедобычи на Северном Кавказе. Но линия обороны, которую Сталин показывал ему на рельефной карте, устояла.

17 августа Черчилль вернулся в Каир. Там у него состоялся длительный разговор с Александером и Монтгомери о готовящемся наступлении. На следующий день с Александером и Бруком он отправился на машине в штаб Монтгомери, расположенный в 200 километрах на берегу моря. Там, обсудив особенности войны в пустыне, он принял ванну. На следующий день снова говорили о том, как победить Роммеля. «Перед тем как лечь спать, – записал в дневнике Брук, – ПМ повел меня на пляж, где превратился в мальчишку, желающего побегать по морю. В результате он довольно сильно вымок».

В этот день канадские войска при поддержке нескольких американских и британских частей высадились в Дьепе. Рейд, как доложили Черчиллю, оказался успешным. Он «ошеломил» немцев. Было сбито 96 немецких самолетов. Британцы, правда, потеряли 98, но Черчилля заверили, что «тридцать пилотов спаслись». 20 августа, выступая на заседании военного кабинета, командующий операцией заявил, что опыт Дьепа окажется неоценимым при планировании будущего наступления через Ла-Манш.

20 августа Черчилль провел в Западной пустыне. Утром он плавал в море, затем посетил оборонительные укрепления Монтгомери, против которых, как было известно из перехваченных немецких сообщений, Роммель собирался вести наступление. «В тот день я повидал множество солдат, – позже вспоминал Черчилль, – которые приветствовали меня улыбками и радостными криками. Я инспектировал мой собственный полк, 4-й гусарский. Собралось около пятидесяти или шестидесяти человек рядом с полевым кладбищем, на котором недавно похоронили их боевых товарищей. Все это было очень трогательно, и вместе с тем нарастало ощущение

возрождающегося энтузиазма в армии. Все говорили, что изменения произошли после назначения Монтгомери. Я с радостью и утешением почувствовал, что это правда».

Вечером 24 августа Черчилль вернулся в Англию. В аэропорту его встречали Клементина и Рэндольф, а в Лондоне уже ждало сообщение от генерала Дугласа Макартура, командующего американскими войсками на Филиппинах. Теперь в Австралии он ждал подходящего момента, чтобы приступить к возвращению утраченных островов. «Если бы Провидение сегодня дало мне в руки все награды союзнических армий, – сказал Макартур старшему британскому офицеру своего штаба, – первым делом я бы наградил Крестом Виктории Уинстона Черчилля. Ни один из его кавалеров не заслужил его больше Черчилля. Пролететь шестнадцать тысяч километров по враждебным и незнакомым небесам, возможно, долг для молодых пилотов, но для государственного мужа, обремененного заботами мира, это проявление вдохновляющего мужества и героизма».

28 августа 1942 г. после перехвата секретных немецко-итальянских переговоров и дешифровки их в Блетчли британцы потопили три итальянских танкера, которые должны были доставить в Западную пустыню жизненно необходимое немецкой авиации горючее. Роммель, опасаясь столкнуться с нехваткой топлива, решил ускорить события и 30 августа перешел в наступление на оборонительные рубежи генерала Монтгомери. Но дефицит горючего оказался слишком серьезной помехой для прорыва грамотно выстроенных оборонительных укреплений. Каир и Александрия оказались вне пределов его досягаемости. Война приняла другой оборот.

В начале сентября Черчилль согласился направить Сталину арктический конвой, который был отменен ранее. Сталин впервые предложил обеспечить прикрытие конвоя бомбардировщиками дальнего действия к востоку от острова Медвежий. Еще одна опасность уменьшилась.

Каждый вторник Черчилль приглашал на ужин в свою резиденцию Эйзенхауэра и Кларка, американских генералов, отвечающих за высадку десанта в Северной Африке. 12 сентября он пригласил их в Чекерс, где обсуждение продолжилось при участии британских начальников штабов. Черчилль излучал бодрость и уверенность и вникал во все подробности. Ему по-прежнему приходилось нести груз плохих новостей из всех районов боевых действий. В этот день он узнал о потере 13 из 40 судов арктического конвоя, хотя их сопровождали 77 военных кораблей. Единственной компенсацией стало то, что эскорт

истребителей британской морской авиации уничтожил 40 самолетов противника, потеряв при этом только четыре машины. Потеряны были всего два корабля эскорта.

Голосом из прошлого прозвучали для Черчилля слова поддержки от его восьмидесятитрехлетней тетушки Леони. 14 сентября она написала: «Я раздуваюсь от гордости за твои великие достижения – да, раздуваюсь, как старый зобастый голубь». Черчилль откликнулся: «С огромным удовольствием узнал, что ты следишь за моими трудами. Мне кажется, что судьба постепенно поворачивается лицом к нам, хотя путь предстоит еще долгий и тяжелый». Несколькими днями ранее он получил телеграмму от Уэвелла с обескураживающей новостью: долгожданное наступление на японцев в Бирме в этом году не состоится. Массовое заболевание малярией и нехватка британских военных кораблей сопровождения вынудили Уэвелла свернуть планы.

Читая дешифрованные немецкие сообщения о дефиците и болезнях в Западной пустыне, Черчилль распорядился отправлять Александеру не обычные их пересказы, а точные тексты, чтобы он и Монтгомери со своими разведслужбами смогли оценить слабости Роммеля и выбрать наилучший момент для наступления. Кроме всего прочего он ездил по стране, инспектируя военные базы и заводы по производству вооружений. 12 октября он посетил базу флота. «Ваше присутствие ободрило и вдохновило всех нас», – написал ему адмирал, командующий флотом.

В октябре Иден пытался добиться от Черчилля его мнения о послевоенной организации, состоящей из четырех великих держав. Черчилль раздумывал. «Выглядит на первый взгляд очень просто, – написал он. – Четыре державы – Соединенные Штаты, Британия, Китай и Советский Союз. Однако мы не можем знать, с какой Россией и с какими требованиями русских нам придется столкнуться. Будет громадной катастрофой, если русское варварство накроет культуру и независимость древних европейских народов». Черчилль говорил Идену, что, исключая Россию, надеется увидеть после войны «Соединенные Штаты Европы», где барьеры между странами будут в значительной степени минимизированы и возникнут неограниченные возможности путешествий. Новую Европу будут охранять международные полицейские силы, одной из задач которых будет держать Россию под контролем. Но пока ему не хотелось тратить время на такого рода вопросы. «К сожалению, – сказал он Идену, – война требует приоритетного внимания и от вас, и от меня».

23 октября Монтгомери начал наступление на германо-итальянские войска. Четыре обстоятельства сложились в его пользу. Роммель находился в Германии, войсками командовал менее харизматичный генерал Штумме. Все секретные переговоры немцев об их расположении, планах, дефиците регулярно расшифровывались. Разведывательная аэрофотосъемка также оказалась чрезвычайно эффективной. Войска Монтгомери, хорошо вооруженные, активные, уверенные в своем командующем, были полны решимости выбить врага из Египта.

Генерал Штумме погиб в первый же день боев. Из Германии срочно вызвали Роммеля, но союзники неудержимо продвигались на запад. За три дня в плен было захвачено 1500 немецких и итальянских солдат. 27 октября, когда Роммель попытался организовать контрнаступление, британские бомбардировщики буквально стерли с лица земли район сосредоточения немцев, вывалив за два с половиной часа 80 тонн бомб. В результате, как доложил Александер Черчиллю, «контрнаступление захлебнулось раньше, чем завершилось формирование их войска».

Сражения были ожесточенными. После десяти дней боев союзники потеряли более 1700 человек убитыми. Но 2 ноября Роммель отправил радиограмму в Берлин, в которой доложил, что его армия не в состоянии противостоять танковому прорыву противника. Он даже не мог отступить в организованном порядке из-за недостатка транспорта и горючего. Сообщение было дешифровано в Блетчли и этим же вечером направлено Черчиллю. Копия была послана и Александеру. Стало ясно, что настал момент для решающего удара. За сорок восемь часов британские танковые части прорвали немецкий фронт и, как написал Александер Черчиллю, «ныне действуют в тылах противника. Те вражеские части, которым удалось ускользнуть, бегут, но их преследуют наши танковые и мобильные подразделения и авиация».

В этот же день Черчиллю доложили, что в плен попало 9000 вражеских солдат, захвачено или уничтожено 260 немецких и итальянских танков. На следующий день король собственноручно написал ему: «Оглядываясь назад и вспоминая, какое огромное количество времени и сил вы вложили, какое огромное количество миль преодолели, чтобы довести это сражение до успешного завершения, могу сказать: у вас есть полное право торжествовать. Наш народ когда-нибудь будет очень благодарен вам за то, что вы сделали».

4 ноября Черчилль написал Александеру: «Впервые за всю войну я хотел бы устроить колокольный перезвон по всей

Британии». «Звоните во все колокола! – телеграфировал Александер через два дня. – Пленных 20 000, танков 350, пушек 400, автомобильного транспорта несколько тысяч». Черчилль был готов отдать такое распоряжение. Два года назад все колокола должны были зазвучать только в случае нападения Германии на Британию. Но теперь он решил подождать до следующего дня, когда должна была состояться высадка десанта в Северной Африке «на случай, – как он объяснил Александеру, – какого-либо инцидента».

Черчилль отправил эту телеграмму Александеру 6 ноября. Тогда же он направил Сталину предупреждение, основанное на дешифровке сообщений немцев: Гитлер, отказавшись от захвата бакинских нефтяных промыслов, теперь намерен был уничтожать их ударами с воздуха. Черчилль добавил: «Прошу вас, верьте мне». Сталин поверил, поблагодарил Черчилля за предупреждение и принял необходимые меры.

8 ноября британские и американские войска с боем высадились в Алжире, Оране и Касабланке. Среди них был и сын Черчилля. «Мы в полном благополучии стоим на якоре к западу от Алжира, – написал он отцу этим утром. – Почти все прошло по плану. Каждый считал за честь принять участие в таких великих событиях». Кроме того, Рэндольф сообщил: «Мы вполне ладим с американцами». Морским планированием британского десанта занимался адмирал Бертрам Рамсей, который перед войной посвящал Черчилля во все недостатки флота.

После ожесточенных боев, в ходе которых войска вишистов оказали упорное сопротивление, все три порта были захвачены. Неожиданным бонусом оказалось то, что главнокомандующий вишистскими силами адмирал Дарлан, который, навещая заболевшего сына, случайно оказался в Алжире, заявил о своей поддержке союзников и приказал местным войскам сложить оружие.

Черчилль был крайне воодушевлен успехами в Северной Африке. Его секретарша Элизабет Лейтон вспоминала, что в тот вечер он, диктуя ей что-то, вдруг начал браниться, быстро одернул себя и произнес: «Нет, нет. Все хорошо, *все* хорошо. Сегодня можно радоваться. Сегодня – праздник».

9 ноября Черчилль заявил начальникам штабов: «Учитывая успех десантной операции в Северной Африке, необходимо совершенно по-новому рассмотреть возможность нападения на Гитлера в 1943 г.». Материковая Европа, по его мысли, должна была быть атакована из Средиземноморья. Вместо того чтобы ограничиться захватом Сицилии или Сардинии, как предполагалось ранее, он уже хотел планировать вторжение

в саму Италию «с целью подготовки в 1943 г. самого крупномасштабного наступления в подбрюшье оси или, еще лучше, вторжения в Южную Францию». Двумя неделями позже он говорил начальнику управления перевозок Министерства обороны: «Я никогда не считал, что англо-американская армия застрянет в Северной Африке. Это трамплин, а не диван». 10 ноября, выступая на обеде у лорд-мэра Лондона в Мэншн-хаусе, он сказал: «Это не конец. Это даже не начало конца. Но это, возможно, конец начала».

В своем выступлении Черчилль отметил, что в Западной пустыне отступающие войска Роммеля подвергались «гибельным атакам» британской авиации и безуспешно пытались спастись бегством. «Читая эти сообщения, – говорил он, – я не мог не вспоминать дороги Франции и Фландрии, забитые не вооруженными людьми, а беспомощными беженцами – женщинами и детьми со своими жалкими тележками с домашним скарбом, которых совершенно безжалостно уничтожали. У меня, надеюсь, гуманный характер, но не могу отделаться от ощущения, что всё происходящее в Африке, как это ни печально, лишь акт Справедливости, беспощадно восстанавливающей свои права».

Речь Черчилля 10 ноября знаменита фразой: «Я стал первым министром короля не затем, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи». Но редко цитируется ее продолжение: «Если бы была предписана такая задача, то для выполнения ее следовало бы поискать кого-то другого». Это была его персональная декларация веры в империю. «Важно еще то, – продолжал Черчилль, – что Британия не думает о территориальной экспансии. Ее единственная цель в войне – способствовать освобождению европейских народов из пучины страданий, в которой они оказались по своей недальновидности и по жестокому принуждению врага». Говоря 11 ноября в палате общин о своей роли в войне, он заявил: «Я, безусловно, не из тех, кого требуется подталкивать. Если уж на то пошло, я сам – толкач. Трудность для меня состояла, скорее, в том, чтобы набраться терпения и выдержки на протяжении многих тревожных недель и ждать достижения результатов».

11 ноября, в то время как союзники консолидировали силы в Северной Африке, гитлеровские войска вошли в неоккупированную зону Франции. Через два дня в Западной пустыне войска Монтгомери заняли Тобрук, а 15 ноября Черчилль распорядился устроить колокольный звон по всей Англии в честь победы в Западной пустыне. «Впереди еще долгий путь, – телеграфировал Черчилль королю Абдулле, которого он в 1921 г. сделал правителем Аммана, – но конец ясен».

Глава 31
Планирование победы

19 ноября 1942 г. Красная армия начала окружение группировки немецких войск, осаждающих Сталинград. «Операция разворачивается неплохо», – телеграфировал Сталин Черчиллю на следующий день. Через три дня немецкие войска оказались в котле. Их командующий, генерал фон Паулюс, предложил прекратить осаду и прорывать окружение. Гитлер приказал остаться и продолжать сражение. Фон Паулюс подчинился, в результате чего его армия медленно и неуклонно уничтожалась. Как предсказывал Черчилль Сталину во время их встречи в Москве, англо-американская операция в Северной Африке сыграла в этом свою роль. Из 500 транспортных самолетов, которые немцы перебросили в Тунис, чтобы предотвратить наступление союзных войск из Алжира, 400 было снято с Восточного фронта, где они осуществляли снабжение войск, окруженных под Сталинградом.

Британцы по-прежнему не могли читать секретные сообщения немецких подводных лодок в Атлантике. В ноябре они пустили на дно 721 700 тонн различного груза – больше, чем в какой-либо из военных месяцев. Это вызывало серьезную обеспокоенность тех, кто занимался обеспечением Британии продовольствием и снаряжением. «Вам, у кого такая огромная территория, – телеграфировал Черчилль Сталину 24 ноября, – наверное, трудно представить, что мы в состоянии жить и воевать только в зависимости от состояния морских коммуникаций». 30 ноября, в шестьдесят восьмой день рождения Черчилля, немцы все еще господствовали в Атлантике. Но через три недели состоялся очередной триумф дешифровщиков: код немецких подлодок был взломан. Оставались некоторые недочеты и задержки, но отныне и до конца войны немецкое командование, направляя свои подлодки на цели, выдавало все их секретные перемещения.

Перехват сообщений также показал интенсивное наращивание немцами своих сил в Тунисе. Черчилль понял, что попытка захвата Туниса может оказаться гораздо более длительным мероприятием, чем думалось изначально. Кроме того, операция в Тунисе и наступление на немцев в Африке могло помешать осуществлению десантной операции в Ла-Манше в 1943 г. Ему этого не хотелось, равно как и не хотелось бесконечной подготовки самой операции. Читая сообщения о серьезных изменениях в проектировании десантных судов

с учетом уроков, полученных в Дьепе, он заметил: «Принцип «ничто не годится, кроме совершенства» можно сформулировать одним словом: «паралич».

Черчилль требовал от своих советников разработать план, который позволил бы осуществить переброску десанта через Ла-Манш в августе или сентябре 1943 г. Но все зависело от успеха операции в Тунисе: сможет ли Монтгомери нанести поражение Роммелю в Ливии к концу января или началу февраля 1943 г. и быстро продвинуться на запад. Сам Монтгомери, в отличие от Черчилля, был в этом уверен. «Было бы хорошо, – говорил Черчилль Александеру, – если бы вы по-дружески намекнули от меня генералу Монтгомери, что заявления об уверенности в победе неуместны, прежде чем произойдет планируемое сражение». Планируемое сражение должно было состояться к западу от Тобрука, на приморской дороге, ведущей через столицу Ливии Триполи в Тунис. «Не будет ли Монтгомери выглядеть глупо? – спрашивал Черчилль. – Существует ли возможность, что сражение не состоится и Роммель ускользнет?» В действительности так и произошло. Роммель без существенных затруднений бросил свои позиции и приготовился защищать ливийскую столицу.

12 декабря к западу от Туниса потерпели поражение войска генерала Эйзенхауэра. Контрнаступление его было отбито, а дальше все остановилось из-за сильных и продолжительных дождей. Битва за Тунис грозила растянуться надолго. Гитлер, который требовал от своих армий под Сталинградом сражаться до последнего, также приказал удержать Тунис любой ценой, чтобы вынудить союзников проводить конвои длинным и затратным маршрутом вокруг мыса Доброй Надежды. Черчилль все еще надеялся, что победа в Тунисе будет одержана вовремя и не помешает провести десантную операцию в Ла-Манше осенью 1943 г. Однако на конференции 16 декабря начальники штабов утверждали, что это невозможно. Объем и скорость увеличения контингента американских войск в Британии не соответствовали поставленным задачам. Германия же благодаря своим прекрасным железным дорогам имела возможность быстро перебросить эшелонами значительные силы, чтобы противостоять союзным войскам, высадившимся на берег. С военной точки зрения было бы разумнее в течение 1943 г. вынудить Италию капитулировать и, возможно, занять Балканы. Поражение Италии могло бы заставить немцев направить войска для удержания Балкан.

Черчилль, которого поддерживал Иден, настаивал на приоритете десантной операции в Ла-Манше в 1943 г.

Но начальники штабов указали, что американцы больше не планируют держать в Британии достаточно войск для осуществления этой операции. Под строжайшим секретом Маунтбеттен сообщил Черчиллю и начальникам штабов: «Несмотря на договоренности, американцы свои десантные суда оснащают хорошими двигателями, а на наши ставят двигатели неудовлетворительного качества». Кроме этого было известно, что множество десантных судов американцы направляют на Тихоокеанский театр военных действий, который и без того поглотил уже так много военных кораблей, что следующий арктический конвой в Россию пойдет без американского сопровождения. Надежды Черчилля на осуществление десантной операции в Ла-Манше в 1943 г. оказались подорваны американской политикой.

17 декабря Лондон, Вашингтон и Москва одновременно выпустили весомую декларацию; Черчилль лично ее одобрил. В декларации было заявлено, что «систематическое массовое убийство миллионов евреев, о чем свидетельствует появление все новых фактов, является зверской политикой хладнокровного геноцида». В ней также указывалось, что виновные в совершении этих преступлений после войны будут преследоваться и предаваться суду. Черчилль лично настаивал, что убийцы не должны избежать справедливого наказания. Кроме этого он пристально следил за помощью еврейским беженцам. Узнав на этой неделе о благополучном спасении с Балкан 4500 еврейских детей и сопровождавших их 500 взрослых, он записал: «Браво!»

Четвертое военное Рождество Черчилль встречал в Чекерсе, в кругу семьи. В день Рождества он узнал, что адмирал Дарлан, бывший главнокомандующий войсками вишистского режима, ставший верховным представителем Франции в Марокко и Алжире, был убит в собственной штаб-квартире французским студентом. «Убийство Дарлана, – позже записал он, – безусловно преступное, освободило союзников от неловкости сотрудничества. В то же время за нами остались все выгоды сотрудничества с ним во время чрезвычайно важных часов высадки». На место Дарлана Черчилль и Рузвельт назначили генерала Жиро, недавно бежавшего из немецкого плена.

Стремясь разработать и согласовать англо-американскую стратегию на 1943 г., Черчилль решил снова встретиться с Рузвельтом, на этот раз – в Северной Африке. Мэри Черчилль

написала в дневнике 3 января 1943 г.: «Похоже, у него *может* случиться коронаротромбоз. Это может произойти отчего угодно, например от долгого полета на большой высоте. Вопрос в том, следует его предупреждать или нет. Мама думает, что не следует. Я с ней согласна».

Через девять дней Черчилль полетел в Касабланку с начальниками штабов, членами комитета объединенного планирования и Маунтбеттеном. 14 января эта внушительная команда встретилась с Рузвельтом и американским Комитетом начальников штабов. Дискуссии длились восемь дней, и в результате был принят ряд важных договоренностей. Главным стало решение о приоритетности действий в Средиземноморье над десантной операцией в Ла-Манше. С учетом нехватки транспортных судов и боевых кораблей сопровождения было также определено, что наиболее реалистичной целью десантной операции после захвата Туниса является Сицилия. Войска не придется перебрасывать через Атлантику, их можно взять в Северной Африке. Для проведения же десантной операции в Ла-Манше в 1944 г. в Британии к концу 1943 г. должно быть сосредоточено 938 000 американских войск. Но уже в середине 1943 г. должно прибыть достаточное количество войск, чтобы проводить рейды на материк с целью спровоцировать войну в воздухе. Если сокращение материальных ресурсов и упадок морального духа немцев позволят, следует занять укрепленный плацдарм на Шербурском полуострове.

Снова были расставлены приоритеты: прежде всего – победа над Гитлером, затем – над Японией. После того как Германия будет «поставлена на колени», заверил Черчилль Рузвельта, Британия продолжит войну с Японией всеми имеющимися в ее распоряжении средствами. Чтобы снять какие-то сомнения в том, что Британия готова на это, Черчилль согласился сделать публичное заявление, что Соединенное Королевство и США будут вести войну до тех пор, пока не добьются безоговорочной капитуляции Германии и Японии. Не будет ни перемирия, ни мирных переговоров, ни сделок: только полная и безоговорочная капитуляция обеих армий.

Чтобы обмануть немцев относительно начала десантной операции в Ла-Манше и успокоить русских, требовавших открытия второго фронта в 1943 г., в Касабланке был выработан план отвлекающего маневра. Он состоял из трех компонентов: американский десант на побережье Бретани, англо-российская наступательная операция в Норвегии и англо-американский десант в районе Па-де-Кале. Последнему было решено придать дополнительную достоверность с помощью британских агентов

и французского движения Сопротивления: им следовало имитировать подготовку к встрече десанта таким образом, чтобы немцы всерьез отнеслись к надвигающейся угрозе. К несчастью, немцев обмануть не удалось, и четыре сотни агентов были арестованы.

23 января, в последний день конференции, части 8-й армии вошли в Триполи. «Роммель все еще летит перед ними», – сказал Черчилль корреспондентам газет на следующий день. Затем он в компании с Рузвельтом отправился в Марракеш, чтобы показать ему свое любимое место отдыха в 1936 г. На машине до него было пять часов езды. Вечером оба любовались отблесками заката на заснеженных вершинах Атласских гор. «Самое красивое место в мире», – заметил Черчилль. На следующее утро Рузвельт уехал, а Черчилль остался еще на день, послав телеграмму Клементине: «Хочу днем немного порисовать». Вид Атласских гор стал единственной картиной, написанной Черчиллем за всю войну.

Из Марракеша Черчилль улетел в Каир, где 27 января после переговоров с полковником Киблом, руководителем отдела специальных операций на Ближнем Востоке, и своим прежним помощником Биллом Дикином, тоже работавшим в этом отделе, решил направить делегацию к лидеру партизан в Югославии, коммунисту Иосипу Брозу, известному среди своих сторонников как Тито. Дикин первым вызвался отправиться к нему в компании с капитаном Уильямом Смитом и двумя радистами.

30 января Черчилль вылетел из Каира. Полет вдоль побережья Палестины и Сирии в город Адана на юге Турции продлился четыре часа. Оттуда на поезде он проехал около десяти километров до того места, где на боковом пути стоял другой поезд, в котором находился президент Турции Исмет Инёню. В первый день переговоров Черчилль пытался уговорить турок принять британскую и американскую помощь в случае агрессии Германии против Турции. Инёню не стал делать никаких обещаний, подчеркнув, что Турция «на данный момент нейтральна».

На следующее утро Черчилль сказал Инёню, что в случае благоприятного стечения обстоятельств в интересах Турции будет «сыграть свою роль». Договорились, что офицеры британского штаба незамедлительно отправятся в турецкую столицу, чтобы совместно с турецким Генеральным штабом разработать планы по «перемещению и обеспечению британских войск в Турции, если страна окажется втянутой в войну». Из Аданы Черчилль за полчаса перелетел на Кипр. Переночевав там, он утром пообщался с офицерами и солдатами 4-го гусарского полка, почетным командиром которого он являлся. «Уинстон был

великолепен, – написал командир полка жене. – Излучал уверенность и произнес очень зажигательную речь». В тот же день Черчилль узнал, что окруженная под Сталинградом немецкая группировка прекратила сопротивление; 45 000 человек были взяты в плен. «Поистине изумительный успех», – телеграфировал он Сталину.

Вечером Черчилль ужинал в британском посольстве в Каире. На ужине присутствовал и Рэндольф. «Отец с сыном вели перебранку через меня, что вызывало заметную неловкость, – заметил сэр Александр Кадоган. – Тем не менее нам удалось навести Уинстона на разговор об Омдурманской кампании, за который он ухватился и проговорил за столом до 11:30». Следующим утром Черчилль вылетел из Каира в Триполи. Полет протяженностью 2200 километров проходил над пустыней, еще недавно находившейся в руках немцев, и продлился почти шесть часов. В Ливии он выступил перед военнослужащими 8-й армии. «Когда напишут историю войны и станут известны все факты, – сказал Черчилль, – о ваших подвигах будут складывать песни и рассказывать легенды, которые надолго переживут всех нас, собравшихся здесь».

Ночь Черчилль провел в одном из армейских грузовиков, оборудованных для жилья, а 4 февраля приехал в Триполи. Со слезами на глазах он наблюдал за маршем 51-й горной шотландской дивизии и других подразделений союзных войск. Его военный секретарь полковник Джейкоб записал: «Горечь падения Тобрука перекрыла радость этого утра в Триполи». Во время пикника, устроенного Монтгомери, в небе появились клубы разрывов – зенитчики заметили немецкий самолет-разведчик и отогнали его. Днем Черчилль побывал с инспекцией в Новозеландской дивизии, после чего понаблюдал за ходом восстановительных работ в гавани Триполи, поужинал с Монтгомери, а спал уже в бомбардировщике, который вылетел в Алжир под утро 5 февраля.

После пятичасового полета в девять утра он уже был в Алжире. День провел в переговорах с новой французской администрацией. В частности, Черчилль выступил за то, чтобы были аннулированы все установленные режимом Виши законы, попирающие права алжирских евреев. В полночь он поднялся на борт своего бомбардировщика, чтобы вернуться в Англию. Но из-за каких-то технических проблем двигатели не завелись. Просидев два с половиной часа у летного поля, он среди ночи вернулся в Алжир, где утром 6 февраля встретился с двумя бывшими высокопоставленными чиновниками правительства Виши. Они теперь работали в алжирской администрации.

«Я сказал, что, если они готовы быть с нами, мы не будем обращать внимания на прошлые разногласия», – позже вспоминал он.

Днем Черчилль поиграл в безик с Рэндольфом, после чего вернулся на аэродром. Там выяснилось, что один из двух бомбардировщиков, на котором возвращались из Касабланки участники конференции, потерпел крушение, и два человека погибли. Сидя в своем самолете и ожидая взлета, Черчилль заметил Джейкобу: «Было бы жаль уйти в середине такой интересной драмы, не увидев финала. Впрочем, сейчас уже не самый плохой момент для ухода. Дальше прямая дорога, и даже правительство справится!»

После восьми с половиной часов полета, почти в полночь, самолет приземлился в Англии. К часу ночи Черчилль на поезде прибыл в Лондон и обнаружил, что на перроне кроме жены его встречают тринадцать членов его правительства. Он отсутствовал почти четыре недели. «Пожалуйста, позволь мне зайти в вагон до того, как ты выйдешь, – заранее написала ему Клементина. – Хочу неофициально поцеловать моего снегиречка и не быть при этом сфотографированной!» Из Лондона они с Клементиной уехали в Чекерс, где вечером того же дня он отчитался перед военным кабинетом о своей поездке.

Через четыре дня, 11 февраля, Черчилль, выступая в палате общин, объявил: «Главная цель англо-американской политики – любыми возможными способами заставить врага гореть и истекать кровью так же, как он горит и истекает кровью на всем обширном русском фронте от Белого до Черного моря».

Черчилль был недоволен трехмесячной паузой между захватом Туниса и вторжением на Сицилию. Эйзенхауэр хотел увеличить ее еще на месяц. 13 февраля Черчилль отправил телеграмму Гопкинсу: «Считаю отвратительным, что в апреле, мае и июне мы не убьем ни одного немецкого или итальянского солдата, в то время как русские гонят 185 дивизий».

После возвращения из Северной Африки 7 февраля Черчилль чувствовал себя неважно. 16 февраля выяснилось, что у него воспаление легких. В течение недели он лежал в постели с высокой температурой и в плохом состоянии. «Очень печально, что он болен, особенно зная, что он терпеть не может такое состояние, – написала Элизабет Лейтон родителям. – Он очень любезен, когда к нему кто-то приходит, и явно рад с кем-нибудь повидаться». Черчилля подбодрила телеграмма от Монтгомери: 8-я армия вытеснила немцев из Бен-Гардана, на территории Туниса, и захватила аэродромы в Меденине. Он также узнал, что порт

Триполи, после возмутившей его волокиты с восстановлением, уже полностью функционирует. Он немедленно попросил передать солдатам, работающим в порту, что они «разгружают историю».

На западе Туниса войска Эйзенхауэра опять потерпели поражение от немцев, потеряв 170 танков, и задержав по крайней мере на месяц освобождение Туниса. Тем самым была поставлена под сомнение назначенная дата вторжения на Сицилию. 19 февраля все еще больной Черчилль предложил, не дожидаясь американцев, самостоятельно начать операцию на Сицилии, если Монтгомери сможет один справиться в Тунисе. 20 февраля войска Роммеля оттеснили американцев от перевала Кассерин. Мэри, встретившись с отцом на следующий день, записала: «Я была потрясена, увидев его. Он выглядел таким старым и усталым, лежа на спине в постели».

20 февраля Черчилль был еще слишком плох, чтобы работать с документами. Но через два дня, при температуре 38,9°, он продиктовал семистраничное письмо королю, отвечая на его озабоченность англо-американским сотрудничеством в Тунисе. Черчилль написал, что его это «не сильно беспокоит», но сообщил, что во время сражения за перевал Кассерин он читал немецкое сообщение, дешифрованное в Блетчли, в котором предписывалось возобновить наступление «с учетом», как там было сказано, «низкой боевой ценности противника». Тем не менее Черчилль был уверен в американцах, и написал королю, что они «умеют извлекать уроки из поражений, а неудачи только закаляют их боевой дух». Американцы восстановили контроль над перевалом 24 февраля.

К 3 марта Черчилль достаточно окреп, чтобы вернуться в Чекерс. Там с генералом Исмеем, которого дружески называл «Мопсом», он принялся за разборку множества скопившихся телеграмм. Медицинская сестра, которая поехала с ним, позже вспоминала: «Я была просто поражена его энергией и решимостью как можно скорее преодолеть болезнь. Он говорил мне, что слишком много пьет и ест (ростбиф на завтрак), совершенно не занимается физическими упражнениями, но намного здоровее, чем «старик такой-то, который на два года меня моложе». Он любит смотреть кино, особенно выпуски новостей, и радуется, увидев себя в кадре: «Смотри, Мопс, это же мы!» Со мной он очень любезен. Заинтересовался, узнав, что мой муж – лейтенант медицинской службы на эсминце, который сопровождает конвои в Россию».

На третий день пребывания в Чекерсе Черчилль писал другу: «Мне уже намного лучше, но хочу остаться здесь еще

на несколько дней. Разумеется, я работаю, где бы ни был и в любом состоянии. Это мне помогает». 21 марта он выступил с радиообращением из Чекерса. Это было его первое выступление более чем за год. Черчилль говорил о планах построения послевоенной Британии, опираясь, как и в далеком 1908 г., на идеи Уильяма Бевериджа. Именно «Отчет» Бевериджа лег в основу новой схемы. Черчилль говорил о необходимости создания прочной системы здравоохранения на основе обязательного государственного страхования «от колыбели до могилы»; обеспечении более широких возможностей получения образования и честной конкуренции, чтобы в Британии могли появляться лидеры «из любого типа школ и в самых разных галстуках». Традиции, конечно, должны играть свою роль, но необходимо, чтобы государственные и частные предприятия «вместе тащили национальную телегу».

Во время выступления Черчилля перед ним положили листок бумаги. «Я только что получил сообщение от генерала Монтгомери, – прочитав, сказал он своим слушателям. – 8-я армия наступает. Бог в помощь им в их борьбе, и давайте направим все усилия на войну, на еще более энергичное достижение нашей высшей цели». Бои продолжались более недели. Итальянские и немецкие войска, теперь под командованием генерала Мессе, отбили лобовое наступление Монтгомери, вынудив того перейти к альтернативному плану – широкому фланговому обходу. 27 марта, когда стал очевиден успех этого маневра, Черчилль телеграфировал Монтгомери: «Абсолютно уверен, что вы с ними справитесь».

На следующий день Монтгомери телеграфировал, что сопротивление противника разваливается. «Браво! – откликнулся Черчилль. – Я в этом не сомневался. Теперь только осталось их сцапать». Но противник отступал очень организованно, а поскольку Монтгомери проявлял крайнюю осторожность, то пленных было немного.

Немецкие и итальянские войска не собирались так просто оставлять тунисские берега. «Гитлер с его обычным упрямством направляет в Тунис дивизию «Герман Геринг» и 999-ю дивизию, в основном воздушным транспортом. Задействовано как минимум сто тяжелых машин», – объяснял Черчилль Сталину замедление разгрома немецких и итальянских войск в Северной Африке.

В результате дешифровки сотен немецких секретных сообщений он по-прежнему получал точные сведения обо всех намерениях Гитлера. Черчилль тратил огромное количество времени и сил на тщательное изучение всей этой информации. Черчилль объяснял своей новой секретарше Мариан Холмс:

«Вы не должны бояться меня, когда я ругаюсь. К вам это не относится, я думаю о работе». Мисс Холмс записала в дневнике, что все это было сказано «с ангельской улыбкой».

После пневмонии Черчилль иногда впадал в задумчивое настроение. Редактору Times Робину Баррингтон-Уорду, который говорил, что «нашел его румяным, со свежим цветом лица, почти без морщин, с твердым голосом, обычной жестикуляцией и выразительностью», он сказал: «Я выйду из войны стариком. Мне будет семьдесят. Мне больше не о чем просить». Черчилль размышлял о возможном установлении господства России в Европе. «Я обхаживаю Сталина как невесту», – признавался он и, размышляя о создании после войны конфедерации небольших европейских государств, говорил: «Я не хочу остаться в Европе один на один с медведем».

6 апреля Монтгомери продолжил наступление. К вечеру 7 апреля он захватил 6000 пленных. Этим же вечером Черчилль узнал, что американские войска, продвигающиеся вперед от Западного Туниса, «обменялись рукопожатиями» с 8-й армией. Оставалось только выбить немецкие и итальянские войска на «тунисский верх». Но на следующий день ему сообщили, что Эйзенхауэр не желает развивать успех и вторгаться на Сицилию, поскольку на остров ожидается прибытие двух немецких дивизий в дополнение к шести итальянским, уже дислоцированным там. Все, что сделал Эйзенхауэр, – это поддержал мнение, высказанное три месяца назад британским комитетом объединенного планирования, но уже отвергнутое Александером и теми, кто планировал вторжение. Черчилль возмутился. «Надеюсь, начальники штабов не поддержат трусливые и пораженческие доктрины, от кого бы они ни исходили», – написал он. Такое отношение командования союзников «сделает нас посмешищем для всего мира». У Эйзенхауэра, продолжал он, следует поинтересоваться, «что будет, если две немецкие дивизии встретятся с ним в любом другом месте по его выбору».

«Вот образец глупости аппарата планирования, – добавил Черчилль, – играющего на страхах друг друга. Каждая служба представляет по максимуму свои трудности, американцы и англичане соперничают в этом друг с другом при полном отсутствии одного руководящего ума и господствующей силы воли. Русским сказали, что следующий арктический конвой придется отменить, потому что корабли сопровождения нужны для вторжения на Сицилию. Теперь Эйзенхауэр артачится, потому что, видите ли, там будет две немецкие и шесть итальянских дивизий. Что подумает об этом Сталин, перед которым на фронте

185 немецких дивизий, я даже не могу представить».

Британские начальники штабов, так же как и Комитет начальников штабов США, разделяли гнев Черчилля. Десантная операция, считали они, должна быть проведена даже при том, что с итальянцами будут сражаться две немецкие дивизии. Ощущение победы буквально висело в воздухе: 11 апреля Черчилль сообщил Сталину, что Монтгомери захватил в Тунисе 25 000 пленных и что массированные бомбардировки немецких промышленных предприятий идут без передышки. Он умолчал, правда, о том, что по решению начальников штабов для осуществления десанта на Сицилию будут задействованы те корабли, которые предполагалось использовать для ограниченной десантной операции в Ла-Манше. Для обеспечения успеха сицилийской операции даже ограниченные планы высадки десанта на французской территории в 1943 г. пришлось отменить. Впрочем, Черчилль рассчитывал, что успех в Тунисе и на Сицилии даст впоследствии существенные результаты.

20 апреля он сообщил Сталину: «Сражение в Тунисе началось. При неослабном натиске оно должно положить конец всем вопросам». Однако через десять дней Александер сообщил, что наступление временно отложено в силу плотной концентрации немецкой артиллерии в прибрежном секторе и ожесточенного сопротивления противника. В Вашингтоне кое-кто настолько активно стремился сделать приоритетным направлением летние операции союзников на Тихом океане, что американцы даже прекратили переброску необходимых для сицилийской операции десантных кораблей с Дальнего Востока.

Чтобы сицилийский план не оказался совсем заброшенным, Черчилль решил лично поговорить с Рузвельтом. «Чувствую серьезные скрытые расхождения, – телеграфировал он Гопкинсу 2 мая, – которые, если их не уладить, приведут к большим затруднениям и, как следствие, невыразительным действиям летом и осенью. Эти затруднения мы должны предотвратить». Через два дня он поездом отправился в Клайд, а на следующий день поднялся на борт «Куин Мэри». Так началось его третье трансатлантическое путешествие за годы войны. На второй день плавания он узнал, что Александер возобновил наступательные действия в Тунисе. Ему также сообщили, что, по данным разведки, курс корабля в 15 милях впереди, вероятно, должна пересечь немецкая подводная лодка. Он тут же распорядился поставить пулемет в спасательную шлюпку, которой собирался воспользоваться, если корабль начнет тонуть. Гарриман, который сопровождал его, записал слова Черчилля: «Меня в плен

не возьмут. Лучший способ погибнуть – в азарте схватки с врагом. – Затем, немного подумав: – Может быть, это не очень вежливо, если они попытаются меня подобрать из воды».

Но подводная лодка не появилась. Все мысли о ней были забыты, когда на «Куин Мэри» пришло несколько сообщений о том, что 1-я британская армия вошла в город Тунис, а затем – что американцы захватили город Бизерту. На следующий день Александер доложил о 20 000 пленных. «Вы осчастливили меня превосходными вестями, – ответил Черчилль. – История будет восхищаться вашим руководством этими великими армиями». Через два дня в плену оказалось еще 30 000, в том числе девять немецких генералов. Черчилль снова дал распоряжение звонить во все церковные колокола.

После трех лет ожесточенной войны и переменных успехов вся Северная Африка оказалась в руках союзников. Когда «Куин Мэри» вошла в американские воды, Александер триумфально сообщил Черчиллю: «Общее число немецких и итальянских военнопленных, скорее всего, превысит 100 000 человек. Никому не удалось сбежать, за исключением горстки тех, кто скрылся на самолетах». К концу месяца стало известно, что союзники захватили более 240 000 пленных.

Ночь Черчилль провел в Белом доме, где начиная со следующего утра они с Рузвельтом начали строить военные планы. Несмотря на сомнения Эйзенхауэра, они пришли к единому мнению, что приоритетным направлением станет Сицилия, за чем последует вторжение в Италию. Если к августу Италия рухнет, дальнейшие операции могут происходить либо на Балканах, либо на юге Европы. В ноябре же все ресурсы союзников необходимо переключить на крупнейшую по масштабу десантную операцию в Ла-Манше, которая должна произойти до мая 1944 г. Оставив Объединенный комитет начальников штабов прорабатывать детали, Рузвельт повез Черчилля в загородную президентскую резиденцию в горах Мэриленда, ныне известную как Кэмп-Дэвид.

По возвращении в Вашингтон 14 мая Черчилль предложил провести десантную операцию силами британцев против японцев на Суматре. Его поддержал Уэвелл, который должен был ее возглавить. Рузвельт предпочитал, чтобы удар был направлен через Северную Бирму на Китай, но Уэвелл предупредил, что Бирма – «самая малярийная страна в мире». Черчилль согласился с Уэвеллом, сказав Рузвельту, что «не готов совершать глупости ради умиротворения китайцев». К досаде Черчилля, никакого решения принято не было. Узнав, что серьезно затягивается строительство британских авиабаз в индийском

штате Ассам, с которых можно было проводить наступательные операции, он телеграфировал Эттли: «Меня беспокоит то, как решаются наши дела на этом театре. Следует искать возможность взять ситуацию под свой контроль и придать новую энергию всему происходящему».

19 мая, выступая в конгрессе США, Черчилль предупредил: «Любые разногласия или усталость среди союзников могут придать Германии и Японии силы и поставят нас перед новыми страшными фактами. Мы преодолели многие серьезные опасности, – продолжал он, – но есть одна самая главная опасность, которая будет преследовать нас до самого конца: опасность непомерного продления войны. И никто не может сказать, какие новые трудности и беды могут возникнуть еще за четыре или пять лет войны. Именно продолжение войны до тех пор, пока демократии не устанут, не заскучают или не расколются, – единственная надежда, которую теперь могут питать Германия и Япония». Клементина слушала трансляцию выступления Черчилля в Англии. «Стало очень тепло, когда я услышала твой сильный, звучный и решительный голос», – написала она ему.

Теперь Черчиллю предстояло заняться одним очень деликатным вопросом. 15 мая он получил тревожную телеграмму от сэра Джона Андерсона, министра, ответственного за исследования по атомной бомбе, который работал в тесном контакте с профессором Линдеманом, ныне – лордом Черуэллом. Он сообщал, что четыре месяца назад американцы прекратили обмениваться информацией о бомбе, хотя об этом была достигнута договоренность между Черчиллем и Рузвельтом в июне 1942 г. «Будет печально, если нам придется работать порознь», – предупреждал Черчилль Гопкинса еще в начале апреля, но американцы тем не менее отказывались делиться информацией. Тогда Черчилль решил, что необходимо создавать собственную атомную бомбу. Это может потребовать огромных ресурсов и даже продления войны, но, если Британия хочет иметь такую бомбу, она должна ее создать сама. Это было вполне реально: недоступные в Британии компоненты, такие как уран и тяжелая вода, можно было купить в Канаде.

Однако из телеграммы Андерсона выяснилось, что канадское правительство уже согласилось в ближайшие два года продавать Соединенным Штатам все добытое в урановых рудниках сырье, а также всю произведенную в Канаде тяжелую воду. Теперь Британия не могла и мечтать о создании собственной атомной бомбы. Черчилль собирался поставить этот вопрос перед Рузвельтом и согласиться на условия, которые могут выдвинуть

американцы. В последний день переговоров в Вашингтоне Черчилль и Рузвельт договорились, что Британия и Соединенные Штаты будут совместно работать над созданием атомной бомбы. Обмен информацией, приостановленный ранее, должен быть продолжен. Черчилль сообщил Андерсону: «Отныне предприятие будет считаться совместным, и обе страны будут вкладывать в него свои лучшие силы. Предполагается, – добавил Черчилль, – что это оружие может быть разработано в течение войны».

Встреча в Вашингтоне завершилась 25 мая. Единственное, что заботило Черчилля, – это желание американцев после Сицилии нанести удар по Сардинии и только потом думать о вторжении в саму Италию. Черчилль считал это пустой тратой времени и отвлечением сил от главной цели. Он решил лететь в Северную Африку, чтобы обсудить вопрос с Эйзенхауэром и другими старшими американскими офицерами, которым предстояло выполнение этих задач. 27 мая он вылетел на Ньюфаундленд, а оттуда – в Гибралтар. В целом полет занял семнадцать часов. На пути к Гибралтару в самолет ударила молния, что вызвало некоторое беспокойство у пилотов, но, как позже написал Черчилль, «никаких последствий это не имело, что, в конце концов, самое главное при воздушных путешествиях». 28 мая он перелетел из Гибралтара в Алжир на специально оборудованном бомбардировщике «Ланкастер». «Очень комфортно, – отметил Брук в дневнике, – специальная каюта для ПМ, столовая, койки для четверых, помимо ПМ, и туалет». Этот полет продлился всего три часа. За ужином в Алжире Брук обратил внимание, что Черчилль использует все свое красноречие, «пытаясь убедить Эйзенхауэра, каких преимуществ можно добиться, исключив Италию из войны». На следующий день Эйзенхауэр уже был готов согласиться, что, если Сицилия окажется «легкой проблемой», следующий удар будет нанесен против материковой Италии.

1 июня Черчилль из Алжира самолетом отправился на полевой аэродром в пустыне, где присутствовал на инструктаже американских летчиков по бомбардировке острова Пантеллерия, расположенного на полпути между тунисским полуостровом Бон и Сицилией. Посмотрев, как бомбардировщики уходят на задание, он вылетел в Тунис. В городе Карфаген, в римском амфитеатре, он выступил перед войсками. На следующий день, возвращаясь в Алжир, сам на некоторое время сел за штурвал «Ланкастера» и «несколько раз немного покачал нас», – записал в дневнике Брук.

В Алжире Черчилль выяснил, что соперники за лидерство

во французских вооруженных силах, неподконтрольных режиму Виши, генералы Жиро и де Голль, согласились стать сопредседателями только что образованного Французского комитета национального освобождения. «Жених и невеста наконец обнялись, – телеграфировал Черчилль Рузвельту 4 июня. – Я развлекаюсь новым комитетом сегодня за обедом, но не намерен портить их блаженство своим вмешательством».

После обеда Черчилль улетел в Гибралтар. Поскольку погода испортилась, он решил не пересаживаться в Гибралтаре на амфибию, как предполагалось ранее, а продолжить полет на «Ланкастере». В тот же день другая амфибия, летящая по сходному маршруту из Лиссабона в Плимут, была сбита, и все пассажиры погибли.

Черчилль вернулся в Лондон утром 5 июня. Сделав отчет военному кабинету о поездке, он во второй половине дня отправился в Чекерс, где приступил к подготовке заявления, с которым собирался выступить в палате общин 8 июня. Там, говоря об отношениях между британскими и американскими политиками, он заявил: «Любые расхождения, мелкие недоразумения, любого рода различия во взглядах случаются неизбежно, когда мы тяжело движемся вперед по ухабистой и разбитой дороге войны. Но все это ни в малейшей степени не повлияет на наше согласие и единство. Нет ничего, что нельзя было бы решить, сидя лицом к лицу, откровенными разговорами и спокойным убеждением».

11 июня войска Эйзенхауэра захватили Пантеллерию. Неделю назад в Алжире Черчилль сказал, что на острове всего три тысячи итальянцев, и предложил Эйзенхауэру по пять сантимов за каждого пленного сверх этих трех тысяч. Поскольку там оказалось 9500 итальянцев, Черчиллю пришлось выплатить шестьдесят пять франков. 13 июня сдались еще два маленьких итальянских острова – Лампедуза и Линоза. Путь для вторжения на Сицилию был открыт. Тем временем бомбардировки Германии становились все более интенсивными. 20 июня в результате налета на промышленный город Вупперталь погибло 3000 мирных жителей. Неделю спустя, в Чекерсе, посмотрев фильм о бомбардировке немецких городов, Черчилль внезапно выпрямился и спросил соседа: «Неужели мы звери? Неужели мы зашли слишком далеко?»

Через два дня Черчиллю представили данные разведки и фотографии, из которых стало ясно, что немцы разрабатывают новое оружие – ракету, способную донести снаряд со стартовой площадки на побережье Франции до Лондона. Материалы привез Черчиллю его зять, Дункан Сандис. Он был тяжело ранен

в норвежской кампании, а сейчас отвечал за разработку нового оружия. «Пришел к заключению, что определенная угроза действительно существует, – записал Брук в дневнике, – и что нам необходимо в самое ближайшее время разбомбить опытный полигон в Пенемюнде».

3 июля авиация союзников в качестве прелюдии к наступлению начала интенсивные бомбардировки аэродромов Сицилии. Через четыре дня Черчилль телеграфировал Александеру: «Вам известно, на что я надеюсь: в ближайшее время вы должны наложить руку на материк. Мишень – Рим». 9 июля он провел в Чекерсе, ожидая новостей о десанте на Сицилию. Клементина к вечеру почувствовала себя усталой и попросила невестку Памелу посидеть вместо себя с Черчиллем.

Морской частью операции опять командовал генерал Рамсей. Высадка десанта должна была начаться на рассвете 10 июля. «Мы собрались поиграть в безик, который он очень любил, – вспоминала позже Памела. – В это время вошел один из его личных секретарей и сказал, что там поднялся сильный ветер, десант откладывается, и они не знают на сколько. Мы всю ночь играли в безик; время от времени он откладывал карты и произносил: «Как много молодых храбрых парней погибнет этой ночью. Какая тяжелая ответственность». Всю ночь он думал об этой операции. Уверена, он связывал ее с Галлиполи и Дарданеллами, думал, не случится ли очередное фиаско; потом снова брался за карты, разговаривал на другие темы, затем снова их откладывал и говорил о молодых людях и жертвах. Для него это была очень напряженная и мучительная ночь. Время от времени он уходил в маленькие служебные комнаты, что-то проверял, потом возвращался. Наконец в четыре утра поступила информация, что все прошло успешно. Он хотел немедленно отправиться в кабинет и выяснить, как все происходило, сколько самолетов потеряно и так далее. Он желал знать все подробности».

Первая подробность, которую узнал Черчилль, – что порт Сиракуз находится под контролем союзных войск. «Потрясающее мастерство, – телеграфировал он Эйзенхауэру, – высадить на берег почти 200 000 человек».

16 июля, на шестой день сражения за Сицилию, Черчилль решил, что должен еще раз обсудить с Рузвельтом следующий шаг – высадку на материковую часть Италии в самой северной ее части. «Должен заметить, ПМ не ждет у моря погоды, – записал Оливер Харви в дневнике 16 июля. – Он намерен дожать американцев прежде, чем, как обычно, обнаружится их нежелание

проводить какие-то операции в Европе и они опять отправят десантные и боевые корабли на Тихий океан».

Черчилль собирался в четвертый раз за войну совершить трансатлантическое путешествие. Он надеялся убедить американцев в необходимости сразу же после захвата Сицилии начать вторжение в Италию, дойти по крайней мере до Рима, после чего оказать помощь авиацией, оружием и небольшими десантными отрядами югославским, греческим и албанским партизанам в освобождении Балкан. Немцы теперь уже были вынуждены держать на Балканах пятнадцать дивизий. Хорошо организованное партизанское движение могло потребовать и гораздо больше. Вечером 24 июля в Чекерсе Черчилль обсуждал ход войны с Гаем Гибсоном и его женой Эвой. «Нам показали фильм, захваченный у немцев, запечатлевший их злодейства против евреев и жителей оккупированных стран, – вспоминала Эва Гибсон. – На это было просто жутко смотреть. ПМ очень разволновался. Он сказал мне, что фильм должны увидеть все американские военнослужащие».

Следующим вечером пришло сообщение: 25 июля Муссолини был смещен с поста главы правительства. Король Виктор Эммануил взял на себя командование итальянскими вооруженными силами, премьер-министром назначен маршал Бадольо. Фашистская партия распущена. «Теперь, когда Муссолини ушел, – телеграфировал Черчилль Рузвельту 26 июля, – я готов иметь дело с любым нефашистским итальянским правительством, которое может принести добро». Под «добром», как пояснил Черчилль Рузвельту в тот же день, он понимал вступление войск союзников в Италию и их право использовать итальянскую территорию и транспортную систему в борьбе с Германией.

Вскоре начались мирные переговоры с Италией. В Британии было с восторгом воспринято известие о конце Муссолини как военного лидера. Но Черчилль сказал в палате общин 27 июля, что «главный и основной враг – не Италия, а Германия». Тем не менее его уверенность в скором окончании войны крепла. В результате дешифровки секретных переговоров в июле было уничтожено 35 немецких подводных лодок. А всего, начиная с 1 мая, ко дну было пущено 85 субмарин.

В полночь 4 августа, в двадцать девятую годовщину вступления Британии в Первую мировую войну, Черчилль ночным поездом покинул Лондон. В Шотландию вместе с ним отправились Клементина, дочь Мэри и еще три сотни человек – участников Квебекской конференции. Днем 5 августа они покинули Клайд на борту «Куин Мэри». Во время пятидневного

плавания Черчилль лично в своем походном кабинете каждый день отмечал на карте продвижение союзных войск на Сицилии. Капитан Пим, начальник кабинета картографии, позже вспоминал: «Премьер-министр однажды после завтрака вошел в своем цветастом халате и сказал: поставь палец на Адерно и Патерно – два города на Сицилии, которые только что захвачены у врага». От Адерно оставалось всего 80 километров до Мессинского пролива.

9 августа Черчилль прибыл в канадский порт Галифакс, откуда поездом направился в Квебек. На каждой станции поезд встречали многолюдные толпы народа. Широко распространились слухи, что в поезде едет «важная персона». Кто-то говорил, что это папа римский, другие – что Сталин. В Квебеке Черчиллю вручили телеграмму от Сталина, поздравляющего его с победоносным маршем по Сицилии. В ответ Черчилль послал Сталину маленький стереоскопический аппарат вместе со слайдами разрушений немецких городов в результате бомбардировок британской авиацией. «Они дают гораздо более живое представление, чем обычные фотографии», – написал Черчилль. В результате налета на Гамбург, произошедшего две недели назад, погибло 42 тысячи человек и была уничтожена треть всех зданий города.

Из Квебека Черчилль отправился в резиденцию Рузвельта в Гайд-парке. Там они договорились, что Маунтбеттен, которого Черчилль ранее охарактеризовал как «молодого энтузиаста, способного вести войну на суше, на море и в воздухе», станет верховным главнокомандующим войсками в Юго-Восточной Азии. «Нет сомнений, – телеграфировал Черчилль в Военный кабинет, – что нам нужен молодой, энергичный ум на этой погруженной в летаргию и стагнацию индийской сцене». Что касалось атомной бомбы, то был заключен договор: «Соединенные Штаты и Британия никогда не применят это устройство друг против друга». Проведя две ночи в резиденции президента, Черчилль вернулся в Квебек. Там 17 августа он получил телеграмму от Александера. Тот сообщал: «Последний немецкий солдат выброшен с Сицилии, и весь остров в наших руках». Завоевание длилось тридцать восемь дней. В эту ночь же около шестисот британских тяжелых бомбардировщиков нанесли удар по немецкому научному центру в Пенемюнде, на много месяцев приостановив производство новых реактивных снарядов.

Через два дня конференция в Квебеке завершилась, а еще через пять дней Объединенный комитет начальников штабов выработал резолюцию. Она соответствовала плану Черчилля и была одобрена Рузвельтом. Согласно ей «основные усилия

англо-американских войск в 1944 г. должны быть направлены на десантную операцию в Ла-Манше. Цель – не только высадка войск на севере Франции, но и последующий удар в сердце Германии и уничтожение ее вооруженных сил. Любой конфликт приоритетов между операциями в Средиземноморье и в Ла-Манше следует решать в пользу Ла-Манша». Уступив сильному давлению американского Комитета начальников штабов, решено было в качестве отвлекающего маневра провести десантную операцию на юге Франции, облегчающего высадку десанта в Ла-Манше. Американцы были уверены, что это должно заставить немцев передислоцировать войска с севера Франции.

Наступление в Италии предполагало, как того и хотел Черчилль, захват Рима. Однако ради накопления ресурсов, необходимых для операции в Ла-Манше, союзным войскам следовало остановить продвижение на линии Пиза – Аскона; они не должны стремиться выйти на север Адриатики или в Южную Австрию. Действия на Балканах должны ограничиться поставками морем и воздухом снаряжения партизанам и использованием небольших сил коммандос.

20 августа Черчилль с Рузвельтом провели на рыбалке, во время которой обсуждали и относительные преимущества Суматры и Бирмы как следующей цели Британии на Дальнем Востоке, Рузвельт отдавал предпочтение Бирме. Вернувшись в Квебек, он взялся объяснять свой принцип послевоенной организации международной безопасности: организацию, по его мысли, следовало учредить после победы, но до подписания мирных договоров. Когда его государственный секретарь Корделл Халл около полуночи поднялся, чтобы отправиться спать, Черчилль был поражен. Халл заметил ему, что уже очень поздно. Черчилль воскликнул: «Послушайте, мы же на войне!»

23 августа оба лидера приняли план Объединенного комитета начальников штабов, согласно которому победа над Японией должна была быть одержана не позже чем через двенадцать месяцев после разгрома Германии. Тем самым приоритетность военных действий в Европе была подтверждена. Черчилль беспокоился, что первого эшелона войск союзников, перебрасываемых через Ла-Манш, может оказаться недостаточно для закрепления на берегу. Генерал Маршалл согласился увеличить число дивизий с трех до четырех с половиной.

Квебекская конференция завершилась 24 августа. После этого Иден заметил, что Черчилль «плохо выглядит». Черчиллю же не давало покоя, что переговоры с Италией затягиваются. В результате мог возникнуть слишком большой временной разрыв между победой на Сицилии и высадкой войск в материковой

Италии. Были тревоги и другого плана. Узнав, что Иден, Брук, Портал и Маунтбеттен собираются возвращаться в Англию на амфибии, он сказал Идену: «Не знаю, что буду делать, если потеряю вас всех. Наверно, перережу себе глотку. Дело не в любви, хотя и это имеет место. Вы – моя военная машина: Бруки, Портал, вы и Дики. Мне будет просто некем вас заменить».

В этот же день Черчилль отправился отдохнуть в рыбацкий лагерь в горах Лаврентия, предоставленный в его распоряжение канадским промышленником полковником Фрэнком Кларком. «Когда стемнело, – записал врач Черчилля, – Уинстон вышел на деревянный причал посмотреть полярное сияние. Спокойствие и тишина подействовали на него хорошо, но он чувствовал себя прогульщиком». На другой день они с Мэри ловили рыбу в озере, потом он работал над речью, с которой собирался обратиться к канадскому народу. Члены британской делегации, разместившиеся в соседних домиках, приезжали к нему на обед или на ужин. 29 августа один из них записал в дневнике: «Уинстон в потрясающей форме. Поет песенки различных звезд мюзик-холла – и сорокалетней давности, и новые». Через два дня Черчилль вернулся в Квебек, где выступил с речью. Он, в частности, сказал: «Здесь, в Канаде, на ее величественных просторах, которые никогда не знали и не узнают тирании Гитлера и Муссолини, нашел себе прочный и надежный дом дух свободы».

Из Квебека Черчилль поездом прибыл в Вашингтон. Здесь 1 сентября он узнал, что итальянское правительство согласилось с условиями капитуляции, выдвинутыми союзниками. Тем временем немецкие войска заполоняли Северную Италию. «Итальянский десант – самый большой риск, на который мы когда-либо шли, – телеграфировал Черчилль военному кабинету 2 сентября, – но я полностью его поддерживаю». Через два дня, в четвертую годовщину объявления Британией войны Германии, британские и канадские войска пересекли Мессинский пролив и высадились в материковой Италии. Черчилль немедленно сосредоточился на этой заключительной стадии войны, сообщив Идену и Эттли, что хочет созвать трехстороннюю конференцию, чтобы обсудить вопрос: «Если мы победим, что делать с Германией? Будет ли она разделена, а если да, то как?» Он думал о том, чтобы пригласить Сталина и Рузвельта в Лондон или Эдинбург.

С этого времени мысли Черчилля занимало будущее советской державы. «Думаю, неизбежно, – телеграфировал он фельдмаршалу Смэтсу 5 сентября, – что Россия станет величайшей сухопутной державой мира после того, как эта война

избавит ее от Германии и Японии, которые на нашей памяти нанесли ей два тяжелейших поражения. Впрочем, надеюсь, что «братский союз» Британского Содружества наций и Соединенных Штатов, учитывая наше полное превосходство на море и в воздухе, может обеспечить нам хорошие условия договора и вполне дружественный баланс с Россией по крайней мере на восстановительный период. Дальше этого я, как простой смертный, заглядывать не могу, а насчет того, что скажут звезды, не слишком информирован».

Вечером 5 сентября Черчилль ночным поездом выехал из Вашингтона в Бостон, где должен был получить почетную ученую степень Гарварда. Выступив 6 сентября при вручении степени, он тут же отправился обратно в столицу, куда прибыл на следующее утро. Кадоган в дневнике писал, что на обратном пути «Уинстон вовсю развлекался, показывая пальцами знак победы машинистам и пассажирам встречных поездов. Во время остановок он без всякой необходимости выходил в своем шелковом халате на заднюю площадку вагона, чтобы привлечь внимание и поболтать с каждым, кто оказывался неподалеку на платформе».

8 сентября Черчилль узнал об официальной капитуляции итальянской армии, а ночью немецкие войска стали занимать Рим. На следующее утро союзные войска высадились в Салерно. Но план Эйзенхауэра по высадке воздушного десанта в окрестностях Рима пришлось отменить. «Есть основания полагать, – телеграфировал Александер Черчиллю, – что немцы занимают аэродромы». Вторую половину дня 9 сентября Черчилль провел, совещаясь с Рузвельтом. Оба пришли к выводу, что в случае быстрого успеха союзных войск в Италии можно будет направить существенную помощь боеприпасами и снаряжением партизанским отрядам на Балканах. Черчилль говорил и о 75 000 военных польской армии, которые горят желанием схватиться с врагом и которых можно высадить на далматинское побережье Югославии. Безусловно, считал он, размещение войск на Балканах с небольшим участием наших мобильных частей будет иметь большое значение. Рузвельт согласился, что на Балканах необходимо использовать любую представившуюся возможность.

Черчилля серьезно беспокоила весть о неудаче в Салерно. «Премьер-министр крайне расстроился, – вспоминал Исмей. – Салерно напомнил ему о десанте в заливе Сувла во время Галлипольской кампании. Тогда тоже войска успешно высадились на берег, но в течение двух или трех дней не смогли продвинуться в глубь материка, что дало возможность

противнику сосредоточить против них значительные силы». Еще одно воспоминание о заливе Сувла не давало покоя Черчиллю. Он телеграфировал Александеру: «То сражение было проиграно потому, что сэр Иэн Гамильтон послушался совета своего начальника штаба, оставался далеко от центра событий и не имел возможности следить за всем происходящим. Если бы он оказался на передовой, все могло бы закончиться иначе. С тех пор прошло слишком много времени, и я не могу быть судьей, но считаю своим долгом поделиться с вами опытом далекого прошлого». Но когда пришла телеграмма, Александер уже отправился на береговой плацдарм в Салерно. «Уверен, вы будете рады узнать, что я уже предвосхитил ваш мудрый совет», – ответил он.

12 сентября у Черчиллей была годовщина свадьбы. За ужином Рузвельт произнес тост за их здоровье, после чего все поездом отправились в Галифакс. Поездка заняла тридцать семь часов. В это время немецкие парашютисты вывезли Муссолини из его убежища в Апеннинах и доставили к Гитлеру, который назначил его главой фашистского правительства Северной Италии.

14 сентября Черчилль приехал в Галифакс и поднялся на борт линкора «Реноун», как записала его дочь Мэри, «в расслабленном и благодушном настроении». Вечером в адмиральской каюте он попросил коробок спичек и продемонстрировал присутствующим диспозицию войск Китченера в битве при Омдурмане в 1898 г. Мэри на следующий день исполнялся двадцать один год. Узнав, что отец оказался под огнем в свой двадцать первый день рождения, она заметила, что опередила его на год: зенитная батарея, в которой она служила, год назад уже принимала участие в отражении налетов немецкой авиации на Лондон. «Разумеется, совершенно неэффективно», – прокомментировала она.

Через пять дней «Реноун» вошел в гавань Клайда. Во время поездки здоровье Дадли Паунда, и без того неважное, сильно ухудшилось, так что в поезде по пути в Лондон он передал премьер-министру просьбу об отставке. На вокзале, по воспоминаниям капитана Пима, Черчилля «приветствовали коллеги по кабинету и радостная толпа. Он был в прекрасной форме». На вокзале ждала и карета скорой помощи, которая доставила Паунда в госпиталь.

Через три дня после возвращения в Лондон Черчилль уже отвергал обвинения палаты общин в том, что задержка наступления в Италии происходит из-за неоправданно затянувшихся переговоров. «Единственным сдерживающим

фактором, – сказал он, – была подготовка необходимого количества десантных судов. Когда я слышу, как люди с легкостью рассуждают о высадке десанта, словно речь идет о тюках с товарами, которые можно выбросить на берег и забыть, я просто изумляюсь отсутствию грамотных представлений о характере современной войны».

Черчилля заботила еще одна проблема. Он объяснял Джону Андерсону, что к концу года не исключено возобновление обстрелов дальнобойной артиллерией или ракетами. Целью снова может стать Лондон. Что касается здания на Даунинг-стрит, говорил он, то «оно такое старое и ветхое, что даже близкое попадание тяжелой бомбы запросто его разрушит».

Однако, несмотря на беспокойство, Черчилль понимал, что силы союзников на подъеме. 25 сентября советские войска освободили Смоленск, который был захвачен немцами еще осенью 1941 г., а через четыре дня маленькие британские подводные лодки вывели из строя немецкий линкор «Тирпиц», стоявший на якоре у берегов Норвегии. Это позволило возобновить проводку арктических конвоев. 1 октября союзнические войска вошли в Неаполь и почти без сопротивления оккупировали Корсику и Сардинию. Но в Атлантике немецкие подводные лодки, оснащенные новыми акустическими торпедами, продолжали представлять серьезную опасность кораблям сопровождения, хотя те благодаря радиоперехватам получали все сведения об их расположении и имели возможность выслеживать противника.

7 октября, учитывая вероятность быстрого развития событий в Средиземноморье, Черчилль предложил начальникам штабов, в том числе преемнику Паунда адмиралу сэру Эндрю Каннингэму, рассмотреть возможность проведения операции по захвату острова Родос в Эгейском море. Накануне комитет объединенного планирования уже предлагал это, но при условии отказа от захвата соседнего острова Кос. Черчилль приветствовал план по Родосу, но начал готовить свой собственный. Он собирался полететь в Тунис и встретиться с генералом Эйзенхауэром и решить, какой контингент войск необходим, но не оставил надежды захватить и Кос. Кадоган вечером записал: «Он мечтает о Косе и хочет возглавить экспедицию на Родос!»

Брук был раздосадован энтузиазмом Черчилля. «Я больше не в состоянии его контролировать, – отметил он в дневнике. – Он так возбудился по поводу десанта на Родос, настолько преувеличивает его значимость, что больше ничего не видит и намерен сам захватить его, даже за счет ухудшения отношений с Рузвельтом и будущего всей итальянской кампании.

Он отказывается выслушивать любые аргументы и видеть какие-либо опасности». Вечером Черчилль диктовал Мариан Холмс, которая позже вспоминала: «ПМ сказал, что у него выдался плохой, очень плохой день. Доверительным тоном он произнес: «Трудность не в том, чтобы выиграть войну, а в том, чтобы убедить людей дать тебе ее выиграть, – убедить дураков». Он выглядел расстроенным и сказал, что «почти готов все бросить». Он пытался убедить американцев атаковать Родос».

На следующее утро Черчилль получил телеграмму от Рузвельта, категорически не согласного с проведением операции на Родосе. «Нельзя допустить отвлечения сил и средств, – писал президент, – которое может повлиять либо на продвижение к Риму, либо на операцию в Ла-Манше». Черчилль ответил, что десантные суда, которые будут использованы при атаке на Родос, смогут вернуться в Британию за полгода до того, как понадобятся для операции в Ла-Манше. Но Рузвельт не изменил своей точки зрения.

Во второй половине дня Черчилль отправился в Чекерс. По пути он заехал в госпиталь, где, по распоряжению короля, вручил Дадли Паунду орден «За заслуги». Паунд, переживший два удара, не мог говорить, но узнал Черчилля и молча пожал ему руку. Через тринадцать дней, в день Трафальгарской битвы, он умер.

Советское правительство настаивало, чтобы Британия признала границы Советского Союза по состоянию на июнь 1941 г. Прибалтийские страны и восточная часть Польши должны считаться частью России. Черчилль не возражал. 6 октября он сказал Идену: «Думаю, нужно сделать все, что в наших силах, чтобы убедить поляков согласиться с русскими насчет их восточной границы в обмен на то, что Польше будут отданы в качестве компенсации Восточная Пруссия и Силезия. Это может стать основой конференции трех держав, запланированной в Тегеране». Сталина же больше всего интересовал вопрос о дате и масштабе десантной операции в Ла-Манше.

Впрочем, в начале октября, за месяц до предполагаемой тегеранской конференции, Черчилль изменил мнение о дате начала высадки союзных войск в Европе. Дешифровка немецких радиосообщений показала, что Гитлер, до сих пор явно желавший перебрасывать немецкие войска на север Италии, не ввязываясь в крупное сражение, теперь настаивал, что линия фронта должна быть южнее Рима. Италию он предполагал защищать так же решительно, как и Тунис. Ничто нельзя отдавать без ожесточенных боев. Из этого стало ясно, что чем больше сил

и средств будет задействовано союзниками в итальянской кампании, тем больше будет выставлено против них немецких дивизий и тем больше немецких сил здесь будет впоследствии разгромлено. Даже русский фронт сможет выиграть в результате переброски немецких дивизий в центр Италии.

В Италии находилось 11 дивизий союзников. Им противостояли 25 немецких. Еще 22 дивизии союзников формировались в Британии для операции в Ла-Манше. Черчилль считал, что их будет недостаточно для операции в Северной Европе, если же они будут переброшены в Италию, это потребует от Германии привлечения большего количества войск, и она понесет более тяжелые потери. Исходя из этого, 19 октября он высказал начальникам штабов свои опасения: «Мы таким образом можем дать возможность противнику, используя великолепные железнодорожные и автомобильные коммуникации, быстро сосредоточить против нас огромные силы и устроить нам военную катастрофу посильнее Дюнкерка. Такая катастрофа может реанимировать Гитлера и нацистский режим».

Начальники штабов согласились, что Британия должна максимально укрепить Итальянский театр военных действий. Сосредоточив усилия на войне в Средиземном море, можно будет войти на Балканы и укрепить позиции на Эгейских островах. При этом англо-американская бомбардировочная авиация, базирующаяся теперь не только в Британии, но и на юге Италии, должна усилить воздушные удары по Германии.

Черчилль объяснил свои новые планы Идену, который в то время находился в Москве. 20 октября он написал об «опасной приверженности договору по проведению в мае операции в Ла-Манше. Из-за этого мы можем упустить наши возможности в Италии и на Балканах и в то же время иметь недостаточно сил в Северной Франции, чтобы продержаться после тридцатого или сорокового дня». И хотя Иден ответил, что русские не согласятся с отменой или хотя бы отсрочкой операции в Ла-Манше, Черчилль продолжал настаивать. 22 октября он указал Рузвельту, что две британские дивизии на Сицилии, которые должны присоединиться к сражению за Италию, собираются передислоцировать в Британию в рамках подготовки к операции в Ла-Манше. Тем самым они будут выключены из боевых действий более чем на шесть месяцев. 24 октября он телеграфировал генералу Маршаллу: «Спинным мозгом чувствую, что переброска наших лучших 50-й и 51-й дивизий с передовой в Италии не отвечает интересам будущей операции в Ла-Манше. Мы, разумеется, выполним наши договоренности, но я молю Бога, чтобы это не обошлось нам слишком дорого».

По настоянию американцев перебрасывались не только эти две британские дивизии, но еще четыре американские, лучшие на итальянском фронте. 26 октября Черчилль написал Идену: «Битва за Италию должна быть доведена до победы. Время для подготовки десанта через Ла-Манш еще останется. Сталину следует четко дать понять, что заверения, данные в мае 1944 г., могут видоизмениться под влиянием изменившихся обстоятельств битвы за Италию». И Черчилль с горечью резюмировал: «Вот что происходит, когда сражения даются исходя из юридических соглашений, сделанных пусть и из лучших побуждений, но много месяцев назад, и война ведется без учета постоянно изменяющихся обстоятельств. Британия сделает все, что в ее силах, но нет никакого смысла заниматься планированием поражения ради получения временной политической выгоды». Британские начальники штабов были согласны с Черчиллем и настаивали, чтобы американский Комитет начальников штабов также считал Италию приоритетным направлением как минимум до захвата Рима. Тем временем британские и американские десантные суда, которые могли быть использованы для высадки войск на итальянское побережье близ Рима, уже готовились покинуть Средиземноморье и отправиться в Британию. 27 октября на совещании военного кабинета Черчилль заявил, что подаст в отставку, если его требование насчет Италии будет отвергнуто. Брук тоже требовал, чтобы в Италию было направлено достаточно сил для закрепления успеха.

Чтобы успокоить Сталина, Черчилль направил 29 октября телеграмму Идену, особо подчеркнув, что операция в Ла-Манше не отменяется, но задержка десантных судов в Средиземноморье ради того, чтобы не проиграть битву за Рим, может привести к небольшой отсрочке, возможно до июля. В поддержку Черчилля выступил Эйзенхауэр. Он заявил, что если десантные суда будут передислоцированы из Италии как планируется, то его наступление на Рим может быть отложено до января или даже февраля 1944 г. Черчилль попросил Рузвельта учесть эту точку зрения, и американский Комитет начальников штабов согласился, чтобы десантные суда задержались еще на месяц. Но после этого они должны будут уйти. Операция в Ла-Манше не должна быть осуществлена позже назначенного на май срока. 50-я и 51-я дивизии должны немедленно вернуться в Британию, равно как еще две британские и четыре американские дивизии.

Черчилль и Рузвельт пришли к выводу, что им следует обсудить ситуацию один на один до встречи со Сталиным.

11 ноября, простуженный, с больным горлом и ослабленный после прививок от холеры и тифа, Черчилль уехал из Лондона в Плимут. Там он снова поднялся на борт того же линкора, на котором два месяца назад уже пересекал Атлантику. Капитан Пит подсчитал, что начиная с сентября 1939 г. и до этого момента Черчилль преодолел 111 000 миль по воздуху и по морю, проведя 792 часа на кораблях и 339 часов в самолетах.

В Гибралтаре, не сходя на берег, Черчилль имел продолжительную беседу с министром-резидентом в Северо-Западной Африке, членом парламента от Консервативной партии Гарольдом Макмилланом. Он выразил ему свою озабоченность тем, что выгодная позиция в Средиземноморье используется недостаточно энергично и гибко. Вечером Макмиллан записал: «Разумеется, все это приводит Уинстона в ярость. Он чувствует, что всю войну борется как человек со связанными за спиной руками, и тем не менее никто, кроме него, с его невероятной выдержкой и тактом, вообще был бы не в состоянии вовлечь американцев в европейскую войну».

16 ноября линкор вошел в порт Алжира. Черчилль опять не стал сходить на берег, проведя ряд бесед с высокопоставленными чиновниками на борту. Когда кто-то положительно отозвался о системе начальников штабов, он язвительно заметил: «Возьмите самого доблестного моряка, самого бесстрашного летчика, самого отважного пехотинца, посадите их вместе за стол – и что вы получите? Общую сумму их страхов».

17 марта Черчилль добрался до Мальты, но чувствовал он себя настолько плохо, что двое суток провел в постели. На Мальте выяснилось, что немцы захватили остров Лерос и взяли в плен 5000 британских солдат. Он сказал по этому поводу, что это – «первый успех» немцев после Аламейна. Его усилия активизировать действия союзников и направить более существенные силы в Эгейское море были сведены на нет американцами. Британскому командующему войсками в Восточном Средиземноморье генералу сэру Уилсону он сказал: «Как и вы, я ощущаю это как серьезную потерю и отступление, и, как вы, я сражался с руками, связанными за спиной». От Клементины пришло письмо сочувствия и поддержки. «Никогда не забывай, – писала она, – что История будет выносить оценку, твоя проницательность и пробивная энергия вместе с твоей терпеливостью и великодушием станут частью твоего величия. Так что не позволяй себе сердиться. Я часто вспоминаю твои слова: хуже, чем иметь дело с союзниками, может быть только одно: *не иметь* союзников!»

21 ноября линкор вошел в порт Александрии. Черчилль самолетом вылетел в Каир, где на следующий день в аэропорту встречал Рузвельта. Каирская конференция открывалась 23 ноября. Узнав, что Рузвельт никогда не видел Сфинксов и пирамид, Черчилль с Сарой повез его к ним, чтобы президент смог увидеть все из машины. «Это была замечательная поездка, – написала Сара матери. – Президент очарователен, был очень прост и всем восторгался. Похоже, он получал удовольствие помимо всего прочего и от того, что папа взял на себя такой труд».

На конференции Черчилль продолжал настаивать на приоритете итальянской кампании, не отвлекая от нее никаких сил до января, когда планировалось взять Рим. В феврале планировался захват Родоса. Необходимо было также направить подкрепление югославским партизанам. Затем все усилия следовало направить на десантную операцию в Ла-Манше, начало которой следовало перенести с мая на июль. Эйзенхауэр поддержал мысль Черчилля о приоритетности Итальянского театра военных действий, но считал, что необходимо продвинуться севернее Рима. Эйзенхауэр сказал на конференции, что, на его взгляд, Италия – «правильное место для использования наших главных сил. Целью должна стать долина реки По. Ни в какой иной области мы не сможем эффективнее угрожать всей немецкой структуре, включая Францию, Балканы и сам рейх. Кроме того, здесь наши воздушные силы будут ближе к жизненно важным объектам в Германии».

Эйзенхауэр даже хотел отложить операцию в Ла-Манше. В стенограмме конференции от 26 ноября отмечено, что он подчеркнул «жизненную важность продолжать максимально интенсивные операции на существующем театре военных действий, поскольку при смене места неизбежна большая потеря времени». Никаких решений на конференции принято не было, за исключением одного: вернуться к обсуждению всех вопросов после встречи со Сталиным. 27 ноября разными самолетами они отправились в Тегеран. Полет продолжался пять с половиной часов, Черчилль слишком устал и не смог, как надеялся, поужинать со Сталиным и Рузвельтом. Утром он узнал, что за час до официального начала конференции Рузвельт и Сталин беседовали один на один. На этой встрече Рузвельт дистанцировался от позиции Черчилля и Эйзенхауэра относительно приоритетности итальянской кампании. «Вместо этого он дал понять, – рассказывал Гопкинс врачу Черчилля, – что очень заинтересован снять напряжение на русском фронте наступлением во Франции».

Во время первой встречи Большой тройки, состоявшейся 28 ноября, Черчилль, выступая перед тремя делегациями, сказал, что они представляют, вероятно, «наибольшую концентрацию мировых сил за всю историю человечества». В ходе дискуссий в этот день Рузвельт говорил о возможности наступления союзных войск через Италию к Северной Адриатике и Истрии, а оттуда на северо-восток, к Дунаю. Позднее эту идею приписали Черчиллю, но Черчилль предлагал в качестве следующего шага после победы в Италии произвести высадку десанта на юге Франции, причем, по его мысли, это следовало сделать одновременно с десантной операцией в Ла-Манше. Сталин склонялся к этой точке зрения. Его не привлекала возможность выхода англо-американских войск к Дунаю.

Вечером Рузвельт, дававший ужин в честь Сталина и Черчилля, почувствовал себя нездоровым и рано ушел спать, а двое его гостей остались обсуждать будущее побежденной Германии. Черчилль сказал, что хотел бы запретить немцам всю авиацию, как военную, так и гражданскую, но добавил, что не имеет ничего против немецких трудящихся. Сталин на это заметил, что русские расстреливают любого военнопленного из рабочих, если на вопрос, почему он воевал, тот отвечает, что выполнял приказ. Вернувшись к вопросу о польской границе, Черчилль предположил: «Польша может подвинуться, как солдат, делающий два шага влево». Россия тем самым приобретет восточную треть Польши, а Польша подвинет Германию. «Если Польша наступит на ногу Германии, – сказал Черчилль, – ничего не поделаешь, Польша должна стать сильной. Этот инструмент необходим в европейском оркестре». Сталин был доволен.

На следующем пленарном заседании конференции Сталин жестко выступил против откладывания десантной операции в Ла-Манше на более поздний срок. На следующий день советники Черчилля сообщили ему, что единственными подходящими условиями проведения операции в оговоренный ранее период будут пять ночей после 8 мая и пять дней после 10 июня. Утром 30 ноября во время личной встречи со Сталиным Черчилль еще раз объяснил причины, по которым он хотел продолжить действия в Италии. «Вывод четырех британских дивизий из Италии ради операции в Ла-Манше, – сказал он, – вполне может до некоторой степени обескуражить остающиеся войска, и мы упустим преимущества от крушения Италии». Но при этом указал, что вывод этих частей «подтверждает искренность нашей подготовки к операции в Ла-Манше». Днем на пленарном заседании было достигнуто соглашение, что датой начала операции станет май.

Вечером Черчилль устроил ужин. Поскольку это совпало с его шестьдесят девятым днем рождения, с самого начала и до конца звучали тосты. В какой-то момент Черчилль поднял свой бокал и сказал: «Я пью за пролетарские массы». После этого поднял бокал Сталин и произнес: «Я пью за Консервативную партию». Черчилль сказал Сталину: «Англия розовеет», на что Сталин откликнулся: «Это признак хорошего здоровья».

На следующий день обсуждались границы послевоенной России и присоединение к Польше немецких территорий в качестве компенсации. Черчилль заявил, что готов объяснить полякам, что это «хороший план, лучшее из того, что они могут приобрести, и что правительство его величества не будет спорить с Россией за столом мирных переговоров». Кроме того, Черчилль сказал, что «не будет сильно расстраиваться из-за передачи части Германии полякам или из-за передачи России Львова», на чем настаивал Сталин. Польше придется признать линию Керзона, предложенную Британией еще в 1920 г., и отказаться от трети восточной территории, которую она присоединила в 1921 г. Поляки, добавил Черчилль, «поступят мудро, приняв наш совет. Они получат территорию площадью почти 800 квадратных километров». Польша также получит часть Восточной Пруссии. Согласятся ли они с такими потерями и приобретениями, неясно. Стенограмма зафиксировала слова Черчилля: «Поляков ничто не удовлетворит». Но он вызвался донести до них, что следует принять предложение».

Что касается Германии, все пришли к соглашению, что она должна быть раздроблена на более мелкие государственные образования. Черчилль подчеркнул и необходимость изоляции Пруссии. Он также предложил сделать земли Южной Германии частью дунайской конфедерации, в которую могут войти Бавария, Австрия и Венгрия. «Широкая, мирная, похожая на корову конфедерация», – сказал он.

В результате переговоров Большой тройки Сталин получил, что хотел: дату начала англо-американской десантной операции на севере Франции и согласие с определением западной границы Советского Союза. 2 декабря Черчилль улетел в Каир, где попытался убедить президента Турции Исмета Инёню вступить в войну. Черчилль полагал, что в случае вступления в войну Турции, Болгария, Румыния и Венгрия, до сих пор лояльные Германии, могут, как он выразился, «упасть к нам в руки». Но Инёню не поддался на уговоры: Турция, как и Аргентина, вступит в войну только перед самым крушением Германии.

9 декабря Черчилль снова почувствовал себя плохо.

«Он выглядел очень плохо, – записал Брук, – и говорил, что чувствует себя опустошенным, уставшим, у него болит поясница». Черчилль действительно настолько устал, что после ванны у него хватало сил только обернуться полотенцем и, не вытираясь, лечь в постель. Но тем не менее каждый день он проводил по нескольку встреч с экспертами и советниками, обсуждал помощь партизанам Югославии, Греции и Албании и другое. Среди тех, кто обычно ужинал с ним, был Эмери, работавший за немецкой линией фронта в Албании. 10 декабря после ужина он в письме отцу передал ответ Черчилля на вопрос о планах дальнейших поездок: «Я жертва капризов и путешествую на крыльях фантазии». И в самом деле, уже через час Черчилль отправился самолетом в Тунис. После восьми с половиной часов полета самолет приземлился не в том аэропорту. «Его вывели из самолета, – вспоминал позже Брук, – он сел на свой чемодан под леденящим утренним ветром и выглядел – ну совершенно никаким. Мы просидели так довольно долго, прежде чем двинулись дальше, и он совершенно продрог». Нужный аэродром находился в 60 километрах, близ Карфагена, где его ждал Эйзенхауэр. Черчилль собирался оттуда вылететь в Италию, чтобы встретиться с британскими войсками, но у него уже не было сил. «Боюсь, придется остаться с вами дольше, чем планировал, – сказал он Эйзенхауэру. – Я совершенно дошел до точки и не смогу поехать на фронт, пока не наберусь сил».

11 декабря Черчилль провел в постели. На следующее утро у него поднялась температура до 38,3°. Из Каира прилетел врач; из Туниса прислали портативный рентгеновский аппарат. У Черчилля диагностировали воспаление легких. Он оставался в постели, но продолжал принимать посетителей и диктовать телеграммы стенографисту. Врачи возражали, но тщетно.

В ночь на 14 декабря сердце Черчилля стало давать перебои. Лорд Морган опасался, что он может умереть. Черчилль относился ко всему философски и сказал Саре: «Если умру, не переживай – война выиграна».

Глава 32
Болезнь и выздоровление

15 декабря 1943 г. к заболевшему Черчиллю в Карфаген прилетел из Каира бригадир Бедфорд, специалист-кардиолог. «Он дает ему дигиталис», – записал Макмиллан. Позже в этот же день из Италии прилетел подполковник Баттл, эксперт по новому антибиотику – сульфонамиду M&B. «Я долго с ним разговаривал, – записал Макмиллан, – упрашивал проявить твердость и *запретить* телеграммы и посетителей». Вечером Черчилль позвал лорда Морана и сказал: «Мне нехорошо. С сердцем творится что-то странное, оно словно подпрыгивает». У него случился легкий сердечный приступ, «так называемая мерцательная аритмия, – отметил Макмиллан на следующий день. – Это не очень страшно, но всех нас напугало». 16 декабря из Каира прилетел профессор Джон Скаддинг, специалист по грудным заболеваниям. К тому времени пульс Черчилля выровнялся, легкие прочистились. Он лежал в постели, слабый, но жизнерадостный. Сара читала ему роман Джейн Остин «Гордость и предубеждение».

17 декабря в Карфаген прибыла Клементина, чтобы быть рядом с мужем. Вечером они ужинали вдвоем. Прошло почти шесть недель с тех пор, как они виделись в последний раз. После ужина к ним присоединились Сара и Рэндольф. Лорд Морган был недоволен, что разговоры затянулись, но, как написала Клементина Мэри, «у папы никаких признаков слабости, и пару раз, когда я вставала, чтобы уйти спать, он не отпускал меня». Однако ночью у Черчилля случился второй сердечный приступ. «Папа очень расстроен, – написала Клементина Мэри 18 декабря. – Он начинает понимать, что в ближайшие дни не поправится и ему придется вести кошмарную для него монотонную жизнь без эмоций и возбуждения».

Черчилль продолжал принимать гостей, правда только по одному. Он переписывался телеграммами с начальниками штабов, обсуждая высадку десанта с моря на итальянское побережье к югу от Рима. 23 декабря к нему приехали Эйзенхауэр и Александер, тоже для обсуждения деталей предстоящей операции. Ее целью был захват Рима с последующим продвижением на север до линии Пиза – Римини. 24 декабря Черчилль впервые за две недели встал с постели ради устроенного в канун Рождества совещания с Александером и некоторыми другими военачальниками и членами комитета

военного планирования. Темой была подготовка операции в Анцио к намеченной дате 20 января. В день Рождества пять главнокомандующих, созванных телеграммами, собрались в Карфагене для выработки окончательного плана действий в Анцио, важность которых Эйзенхауэр подчеркивал с самого начала. Он и до сих пор был уверен, как сказал собравшимся, «что правильным является продолжение давления на Италию, где немцы все еще очень сильны».

Ничто не должно было помешать назначенной на май операции в Ла-Манше. Но десант в Анцио теперь стал ближайшей крупной военной целью союзников, и рождественское совещание, на котором Черчилль присутствовал в своем шелковом халате с драконами, подтвердило ее важность. Адмирал сэр Джон Каннингэм был уверен, что сумеет осуществить морское десантирование. Все были согласны, что успешная высадка может привести не только к скорейшему захвату Рима, но и к уничтожению существенной части немецких сил в Италии. «Мы не можем позволить себе двигаться дальше, оставляя за спиной множество незавершенных дел, – телеграфировал Черчилль Рузвельту по окончании конференции. – Если не использовать эту возможность, можно ожидать краха всей средиземноморской кампании 1944 г.».

Черчилль дал пятерым главнокомандующим рождественский обед. С начала болезни он впервые сидел за столом. «Врачи почти не в состоянии его контролировать, – написал домой в этот день его главный секретарь Джон Мартин. – Вернулись и сигары, и пр. Я был поражен, обнаружив, что он диктует им бюллетень о своем здоровье». Черчилль продиктовал не только бюллетень, но и резюме для начальников штабов и для Рузвельта по всем решениям, принятым на утреннем совещании.

Вечером у него состоялся продолжительный разговор с Макмилланом о Французском национальном комитете. Черчилль был недоволен тем, что де Голль выступил против ряда бывших высокопоставленных чиновников правительства Виши, которые ранее дали согласие сотрудничать с союзниками, и даже не хотел с ним встречаться. Макмиллан пытался его переубедить. «Возможно, вы правы, – сказал Черчилль. – Но я с вами не согласен». «Затем, – вспоминал Макмиллан, – он как-то очень по-отечески взял меня за руку и сказал: «Зайдите ко мне еще раз, пока я не покинул Африку, и мы вернемся к этой теме». Это в самом деле поразительный человек. Он может быть утомителен и упрям, но он ни на кого не похож. Его преданность работе и долгу поистине необычайны».

Утром 27 декабря Черчилль вылетел из Карфагена

в Марракеш. Несмотря на предупреждения врачей об опасности полета на высоте более трех тысяч метров, что было необходимо для пересечения гор, и необходимости пользоваться кислородной маской на протяжении всего полета, коммодор авиации Келли и главный врач авиации в Северной Африке, который специально сопровождал Черчилля, позже вспоминали, что «ПМ был в прекрасной форме». Во второй половине дня он был на вилле Тейлор, которая стала его домом на ближайшие восемнадцать дней.

29 декабря Рузвельт дал знать, что одобряет операцию в Анцио. Черчилль ответил: «Сегодня сияет солнце, но еще приятнее было получить вашу телеграмму, демонстрирующую, как легко мы можем находить общий язык». Александер сказал ему, что в первом отряде десанта пойдут одна британская и одна американская дивизии. «Я рад этому, – написал Черчилль Рузвельту. – Очень хорошо, что мы в равной степени будем делить переживания, риск и славу».

31 декабря в Марракеш прибыли Эйзенхауэр с Монтгомери, чтобы обсудить с Черчиллем планы операции в Ла-Манше. В этот день он сказал Клементине: «У меня еще нет сил, чтобы рисовать». Джок Колвилл, который вернулся в личный кабинет Черчилля после двух лет службы в авиации, вспоминал: «К встрече Нового года был сварен пунш, ПМ произнес небольшую речь, появились клерки, машинистки, кое-кто из прислуги, мы встали в круг и спели «Доброе старое время».

В первый день 1944 г. Черчилль вошел в комнату жены в более жизнерадостном настроении. «Я просто счастлив, – сказал он. – Чувствую себя намного лучше». В этот день он с Монтгомери отправился в двухчасовую поездку. Они устроили пикник, потом поднялись на машине в гору, в живописное место, которое Черчилль запомнил с 1936 г., когда был в отпуске в этих местах. «Он был в прекрасном настроении, – позже написал Монтгомери. – Прыгал по скалам, как антилопа, и у меня появилась полная уверенность, что все будет хорошо».

4 января Черчилль отправил телеграмму Сталину, чьи войска, тесня немцев, вышли к русско-польской границе 1939 г., поздравил его с успехом и сообщил, что подготовка к операции идет полным ходом. «Монтгомери, – добавил он, – рвется в бой и не сомневается в результате». В этот же день Черчилль узнал, что после высадки первого отряда в Анцио две трети десантных судов сразу же будут отправлены в Британию, а оставшихся может не хватить для отражения неизбежной контратаки противника. Он немедленно решил слетать на Мальту, чтобы переговорить с Александером, но тому удалось

убедить его принять в Марракеше американских генералов Смита и Гейла, которые были в курсе всех подробностей.

Командующие войсками в Анцио со своими штабными офицерами прилетели в Марракеш 7 января на два дня. Они заверили Черчилля, что передислокация судов будет проводиться поэтапно, чтобы избежать опасности. «Все в бодром настроении, – сообщил Черчилль Рузвельту, когда совещание закончилось. – Похоже, ресурсов достаточно».

Каждое утро Черчилль работал. Днем, если позволяла погода, уезжал на пикник. 12 января его гостем был генерал де Голль. Черчилль призывал его избегать конфронтации с бывшими сторонниками режима Виши. «Это может привести к такому расколу во Франции, – говорил он, – что любые трения на какой-либо освобожденной территории могут помешать нашим военным операциям и создадут дополнительные проблемы». В какой-то момент, когда де Голль заупрямился, Черчилль сказал ему: «Послушайте! Я – лидер сильной, непобедимой нации. Но каждое утро, просыпаясь, я сначала думаю о том, как удовлетворить президента Рузвельта, а потом – как умиротворить маршала Сталина. У вас совершенно иная ситуация. Так почему вы каждое утро думаете только о том, каким образом еще наплевать на британцев и американцев?»

Друг Черчилля Луис Спирс еще раньше говорил, что самый тяжелый крест, который вынуждена нести Британия, – Лотарингский[50]. Но в тот день все прошло благополучно. Де Голль пригласил Черчилля посетить расположение войск Марракешского гарнизона, и утром они стояли рядом на трибуне, принимая парад. После парада Черчилль отправился на очередной пикник. «Уинстон в превосходном настроении, – записал один из присутствовавших. – Очень веселый и очень довольный».

На следующий день Черчилль улетел из Марракеша в Гибралтар, где поднялся на борт линкора «Кинг Джордж V». Во время плавания он зашел в кают-компанию младших офицеров и больше часа отвечал на вопросы. Один из офицеров написал родителям: «Он очень хорошо выглядел и прямо-таки излучал необыкновенную внутреннюю силу». В тот день Черчилль признался Колвиллу, своему соученику по Харроу, что строчка одного школьного гимна – «Бог нам дает ворота, чтобы защищать и осаждать» – всегда вдохновляла его, несмотря на то что терпеть не может футбол.

Вскоре после полуночи линкор пришел в Плимут. Король прислал за Черчиллем свой личный поезд. «В отличие от предыдущих возвращений на родину, – вспоминал секретарь

Черчилля Джон Пек, – не было никаких политических, стратегических или дипломатических драм. Ощущалась атмосфера огромного облегчения оттого, что ПМ вернулся живой и здоровый и полностью контролирует ситуацию».

В расписании Черчилля не было времени для отдыха. Приехав в Лондон утром 18 января, он через два часа отправился в палату общин – традиционное время вопросов премьер-министру. Затем, в полдень, в своем кабинете в здании палаты отчитался перед военным кабинетом о поездке и, как записал Колвилл, «в 1:28 ушел оттуда на обед с королем, назначенный на 1:30».

В надежде на скорый успех операции в Анцио 19 января Черчилль предложил начальникам штабов провести следующие операции: одна – высадить 2000 десантников на далматинское побережье с тем, чтобы «очистить все острова, занимаемые немцами, уничтожить или взять в плен местные гарнизоны». Другая – наступление в Северной Италии, с целью выдавить немцев на другую сторону Альп, чтобы затем иметь возможность «повернуть налево, во Францию, или преследовать немцев до Вены, или повернуть направо, на Балканы».

Реализация этих планов зависела от быстрого успеха в Анцио. Высадка десанта началась в первые часы 22 января. Когда Александер доложил, что непосредственно после высадки он направил вперед мощные мобильные патрули, которые должны были вступить в бой с немецкими войсками, Черчилль ответил: «Очень рад, что вы сразу обозначили наши намерения, а не закопались на берегу». Но через четыре дня стало ясно, что немцы в состоянии удерживать десант на побережье и не будет ни быстрого прорыва, ни быстрого соединения с мощными силами союзников на юге Италии. «Немцы сражаются великолепно, – говорил Черчилль одному другу за ужином 27 января. – Они даже не помышляют о поражении. Их штабисты работают очень грамотно. Они импровизируют, создают подразделения из остатков старых, которые сражаются так же хорошо, как новые».

К 28 января стало ясно, что цель операции в Анцио не достигнута. «Ситуация на данный момент, – телеграфировал Черчилль сэру Джону Каннингему, – не имеет никакого отношения к молниеносному натиску, который виделся в Марракеше». 29 января он сказал начальникам штабов: «Мы надеялись высадить дикого кота, который выпустит кишки из бошей, а вместо этого вытащили на берег кита, чей хвост еще плещется в море». Через два дня, когда американские генералы

Кларк и Лукас смогли овладеть ситуацией в месте высадки, Черчилль сказал в военном кабинете, что Анцио стал «американской операцией без драки». Помимо этого, него не было возможности влиять на американский Объединенный комитет начальников штабов, который 3 февраля решил перебазировать свои истребители из Средиземноморья в Китай исключительно на основании предположения, что союзные войска в Италии отныне будут играть лишь оборонительную роль.

Черчилль был глубоко разочарован этим. «Предположение об оборонительных действиях в Италии – это катастрофа, – сказал он своим начальникам штабов 3 февраля. – Даже представить себе не мог, что Александер не будет иметь возможности продвинуться на север и войти в долину По. Остановка в Италии, – предупредил он, – крайне недальновидное решение, которое позволит противнику быстро перебросить дивизии с севера Италии, чтобы противодействовать операции «Оверлорд».

Для помощи в проведении этой крупнейшей десантной операции всех времен – высадке через Ла-Манш в Нормандии – Черчилль возглавил в военном кабинете комитет под тем же кодовым названием, что и сама операция – «Оверлорд». В задачу комитета входило следить, чтобы не были упущены никакие мелочи и чтобы не происходило никаких задержек. «Его бьющая через край энергия и неоспоримый авторитет определяли стиль работы, – позже вспоминал Исмей. – Инертность или непродуктивность категорически пресекались, непримиримые противоречия улаживались, определялись приоритеты, трудности, которые поначалу казались непреодолимыми, преодолевались, и решения немедленно претворялись в действия».

В Польшу должно было быть заброшено британское оружие. 3 февраля на совете обороны Черчилль говорил, что по мере приближения Красной армии к ее границам в интересах Британии укрепить ее. «Если слабую Польшу захватят наступающие советские армии, в результате может возникнуть огромная опасность для будущего англоязычных народов».

Сталин был великим обманщиком. 5 февраля он заверил Черчилля, что «Польша, разумеется, станет свободной и независимой и что он не будет пытаться влиять на то, какое правительство она изберет после войны». На следующий день Черчилль призывал польское правительство в Лондоне принять эти заверения и уступить Восточную Польшу России в обмен на немецкие территории Восточной Пруссии, Силезию и Балтийское побережье Померании. Через десять дней,

16 февраля, на встрече с лидерами польского правительства он сказал: «Поляки должны радоваться наступлению русских армий, каким бы опасным это им ни казалось. Это их единственная надежда освободиться от немцев. Нет оснований полагать, что Россия вслед за Германией захочет установить господство в Европе. После войны Великобритания и Соединенные Штаты Америки будут иметь достаточно сил, чтобы на Земле на ближайшие тридцать-сорок лет, а может, и дольше воцарился мир. Но если Польша не согласится с предлагаемыми границами и выступит против России, сомнительно, чтобы Соединенные Штаты еще несколько лет продолжали войну в Европе ради освобождения Варшавы. Нет смысла ожидать от нас больше, чем мы можем».

Аргументы Черчилля не помогли. Польское правительство в Лондоне было готово рассматривать вопрос об уступке территорий России только в случае гарантии того, что сразу же после освобождения в стране будет создано многопартийное правительство. Но Сталин не собирался давать такие гарантии. У него уже были собственные кандидаты – поляки, готовые сформировать коммунистическое правительство в первом же городе, освобожденном от нацистов.

22 февраля в палате общин Черчилль сделал обзор общего хода войны. В ответ на упреки в бомбардировке немецких городов он объяснил, что англо-американские бомбардировки Германии являются «нашим главным оборонительным оружием в настоящее время». С начала войны погибло 38 300 британских военных летчиков и членов экипажей; потеряно более 10 000 самолетов. Но за предыдущие сорок восемь часов на Германию сброшено 9000 тонн бомб. «Воздушная мощь – оружие, которое страны-агрессоры избрали главным инструментом завоевания, – сказал он парламентариям. – В этой области они надеялись одержать победу. Именно таким способом они завоевывали страны. Не морализируя долго, скажу, что есть странная и жестокая справедливость в таком повороте событий».

Воздушная мощь, равно как и крепнущая решимость России установить свое господство в Восточной Европе, вопреки недавним заверениям Сталина, занимали мысли Черчилля. 4 марта в Чекерсе он сказал своим гостям, что жить ему осталось недолго, но у него есть политическое завещание на послевоенное время: «Гораздо важнее Индии, колоний или платежеспособности является *Воздух*. Мы живем в мире волков – и *медведей*». Через два дня Черчилль сказал в военном кабинете, что, исходя из последних свидетельств, в вопросе независимости Польши «на Сталина вряд ли подействуют аргументы». 10 марта Черчилль

предупредил Сталина: «Отношение России к Польше станет пробным шаром и может существенно осложнить многие другие, гораздо более важные дела». В сопроводительной записке британскому послу в Москве сэру Арчибальду Кларку Керру он заметил: «Попустительство дало плоды».

До начала десантной операции в Ла-Манше оставалось менее трех месяцев. Наряду с председательством в комитете «Оверлорд» Черчилль регулярно встречался с Эйзенхауэром и его начальником штаба генералом Смитом. С последним он тщательно изучал все аспекты будущей операции, в том числе искусственные причалы, воздушный десант, бомбардировку с моря, авиационную поддержку и многое другое. «Я доволен. Все идет хорошо», – телеграфировал он Маршаллу 11 марта. Благодаря непрерывному чтению секретных немецких сообщений и другим разведывательным данным британский штаб составил полноценную картину расположения и численности всех немецких частей и подразделений в Северной Европе.

Благодаря плану дезинформации, разработанному полковником Джоном Беваном и сотрудниками военного кабинета, немцы должны были думать, что основная наступательная операция произойдет в районе между Дьепом и Кале. Дешифровки немецких сообщений показали, что противник поверил дезинформации. Истинное место высадки, побережье Нормандии, осталось для них тайной, так же как и условие, выдвинутое начальниками штабов: если к началу высадки десанта у немцев во Франции будет 20 мобильных дивизий, которые они смогут перебросить для подкрепления на побережье, операция будет отложена.

Чтобы решить, что делать, если у немцев во Франции действительно окажется 20 дивизий, Черчилль предложил слетать на Бермуды и обсудить ситуацию с Рузвельтом. Однако, тогда как лорд Морган тщетно пытался отговорить премьер-министра от полета, врачам Рузвельта удалось убедить президента, у которого была тяжелая простуда, не рисковать здоровьем. Черчилль узнал об этом с облегчением. «Сегодня утром ПМ признался, что устал, – записал Кадоган 21 марта. – Он едва держится на ногах».

Десантная группировка в Анцио по-прежнему находилась в окружении противника. Основные силы союзников, расположенные в 80 километрах к востоку, не могли воссоединиться с ней из-за упорного сопротивления немцев. Таким образом не представлялось никакой возможности весной взять Рим, не говоря уже о дальнейшем продвижении на север.

В этом году единственным местом давления на Германию оставался запад – Нормандия.

23 марта Черчилль с Эйзенхауэром отправился в двухдневную инспекционную поездку к американским войскам, дислоцированным в Британии, которым предстояло участвовать в десантной операции в Нормандии. Вернувшись в Чекерс, он два дня работал над первым за целый год радиообращением. «ПМ выглядит очень усталым, но мягок и заботлив», – записала его секретарша Мариан Холмс. В выступлении, зачитанном из Чекерса вечером 26 марта, Черчилль, знавший, насколько продвинулись немцы в разработке реактивных снарядов, предупредил о возможности нового «вида нападения» со стороны Германии. Но, заявил он, «Британия с этим справится. Она не испугается и не отступит. И все нации в едином порыве поднимутся, чтобы отомстить врагу и уничтожить жесточайшую тиранию, вознамерившуюся остановить прогресс человечества».

Многие из слушавших Черчилля почувствовали, что он устал. «Люди могут подумать, что вчерашнее выступление делал изможденный и раздраженный старик», – записал в дневнике Гарольд Николсон. Черчилль действительно был совершенно изможден. Через два дня Брук записал после штабной конференции: «Мы обнаружили его чрезвычайно обессилевшим. Боюсь, он быстро сдает. Казалось, он совершенно не способен сосредоточиться хотя бы на пару минут на чем-то одном, и пребывал в какой-то рассеянности. Часто зевал и говорил, что безумно устал». Усталость усугубляли внутриполитические трения: 29 марта правительству пришлось пойти на уступку в законодательстве об образовании из-за бунта консерваторов-заднескамеечников, которые выступали за равную оплату труда учителей – мужчин и женщин. Черчилль поставил вопрос о вотуме доверия. «Он выглядел усталым, обиженным и весьма невнятным», – заметил Генри Ченнон. В курительной комнате Николсон сказал ему, что считает неразумным настаивать, чтобы бунтовщики отозвали свои требования. «Нет ли другого способа усмирить их?» – спросил он. «Нет. Категорически нет, – ответил Черчилль. – Я не намерен скакать в своей клетке как подбитая канарейка. Вы сбили меня с насеста. Теперь вы должны вернуть меня на этот насест. В противном случае я не смогу петь».

Голосование состоялось 31 марта. «Правительство получило большинство в 400 голосов, – записал Колвилл. – ПМ сияет. Я считаю, это было просто, как расколоть орех кувалдой». А Черчилль снова был в форме. Вечером он отправился в Йоркшир, чтобы встретиться с британскими войсками, готовящимися к высадке в Нормандии. Там ему, в частности,

продемонстрировали плавающий грузовик.

7 апреля, в Страстную пятницу, Черчилль выступил перед старшими британскими и американскими офицерами, участвующими в операции в Нормандии. Брук записал: «Он выглядел старым и лишенным своей обычной энергичности». Начальник отдела военных операций Военного министерства генерал Кеннеди прокомментировал: «Уинстон говорит, но вяло. Он плохо выглядит. Привычные яркие фразы, но в них нет прежнего огня. Мне даже показалось, что он готов расплакаться, когда сел рядом с Эйзенхауэром и начальниками штабов, ожидая, пока офицеры покинут помещение. Но потом я узнал, что те, кто видел и слышал его в тот день впервые, находились под огромным впечатлением».

Черчилль был физически истощен. «Поражен, каким уставшим и изнуренным сегодня выглядит ПМ», – записал Колвилл 12 апреля. На этой же неделе Черчилль испытал огромное разочарование, узнав от Александера, который прилетел в Лондон, что плацдарм в Анцио, хотя и надежно защищенный, до сих пор не может соединиться с основными силами и не сможет даже попытаться это сделать в ближайший месяц. Тем не менее он гарантировал, что никакие части из Италии выводиться не будут. «Хотя сражения на плацдарме и приносят много разочарований, – говорил Черчилль генералу Маршаллу 12 апреля, – вы, полагаю, должны признать, что как минимум восемь немецких дивизий были дополнительно переброшены в Италию южнее Рима и теперь несут там значительные потери. Судя по расшифровкам сообщений, – сказал Черчилль, – Гитлер считает, что поражения на юге России произошли из-за предательской бездеятельности Бадольо в Италии, что потребовало задействовать дополнительно тридцать пять дивизий. В любом случае, – добавил Черчилль, – уверен, что наши действия в Италии сыграли значительную роль в том, что чрезвычайно важное наступление на юге России оказалось успешным». Кроме того, Черчилль сказал Маршаллу, что теперь размышляет над тем, какие возражения будут у союзников против просьбы Британии передислоцировать десантный флот с Тихоокеанского театра в Средиземноморье. «В данный момент моя позиция заключается в следующем, – говорил он. – Мы должны прежде всего разгромить немцев южнее Рима и воссоединить наши армии. Ничто не должно этому помешать. Мы не можем знать, в каком состоянии выйдут из этой схватки наши армии и армии противника, пока сама схватка не кончится. Может быть, противник будет разбит, и тогда это откроет перед нами большие возможности. А может быть, немцы

удержат позиции к югу от Рима существующими силами. С другой стороны, они могут подумать и об отводе некоторых своих дивизий для участия в важнейшем сражении во Франции. Мне кажется, мы должны строить планы и вести подготовку с учетом всех этих возможностей. Если наступление на Рим окажется удачным, – продолжал Черчилль, – я бы не исключал ни решительное преследование отступающего на север противника, ни десантную операцию, чтобы задержать его или отрезать. Следует разработать планы и вести подготовку к тому, чтобы была возможность высадки морского десанта либо к северу от Рима, либо на юге Франции. Если 34 немецких дивизии удастся удержать на Средиземноморском театре военных действий, – объяснял он, – это будет огромным вкладом в успех операции «Оверлорд». Черчилль сказал Маршаллу, что «всегда твердо стоял за «Оверлорд», и еще больше укрепился в своем мнении, почувствовав уверенность Эйзенхауэра, Брука и Монтгомери».

По мере проработки операции в Нормандии Черчилль начал беспокоиться о масштабах потерь среди гражданского населения Франции, неизбежных при запланированных воздушных налетах на железнодорожные станции и пути перед началом операции. Возможные потери оценивались в пределах от 20 до 40 тысяч. «Учитывая, что они наши друзья, – написал Черчилль Эйзенхауэру, – это может выглядеть как акт величайшей жестокости и вызовет ненависть к союзникам». Эйзенхауэр признал его аргументы и согласился сократить масштабы бомбардировок.

Черчилль занимался как обеспечением высадки десанта в Нормандии, так и сокращением бомбардировок в Северной Франции. Те, кто работал с ним в это время, чувствовали, в каком огромном напряжении он пребывает. «Боюсь, ПМ сдает, – записал Кадоган после заседания Военного кабинета 19 апреля. – Он говорит без остановок, но при этом мы никуда не продвигаемся. Я очень переживаю за ПМ. Он совсем не тот, каким был двенадцать месяцев назад. Просто не представляю, сможет ли он продолжать». Но он продолжил, и с новой энергией. В дебатах 21 апреля об отношениях Британской империи и Содружества, на которых он высказал идею превращения Индии после войны в самоуправляемый доминион, его речь звучала «более энергично, чем раньше», – отметил Колвилл.

В начале мая Британия выразила протест России, войска которой вошли на территорию Румынии и начали массово арестовывать как фашистских лидеров, так и антикоммунистов.

Россия тут же заявила о вмешательстве Британии, что дало повод Черчиллю заметить Идену 2 мая: «Нельзя забывать, что большевики – крокодилы». Когда через неделю из Москвы вновь послышались несправедливые упреки в том, что Британия якобы вмешивается в дела Румынии, Черчилль сказал в военном кабинете, что эти упреки «вызывают у него сомнения в сохранении хороших отношений с Россией». Он опасался, что и в Греции наступает решающий момент из-за «коммунистических интриг». «Мы должны тщательно следить за этим, – говорил он Идену 4 мая. – В конце концов, мы потеряли в Греции 40 000 человек, и вы тоже имели к этому отношение. Не думаю, что мы должны уступать России в Греции».

Приступы слабости стали у Черчилля регулярными во время рабочего дня. «Он выглядит сильно постаревшим и усталым, – записал Брук 7 мая. – Черчилль говорит, что по-прежнему хорошо спит, хорошо ест, особенно хорошо пьет, но больше не в состоянии, как раньше, спрыгивать по утрам с кровати и вполне склонен провести весь день в постели. Никогда еще не слышал, – добавил Брук, – чтобы он признавался в своей слабости». Черчиллю было шестьдесят девять лет. 10 мая была четвертая годовщина его премьерства; более двухсот недель ответственности и тревог. Теперь предстояла опасная десантная операция в Нормандии. Своему американскому гостю Джону Д. Макклою, помощнику министра обороны США, Черчилль признавался: «Если вам кажется, что я медлю, то это не потому, что боюсь потерь, а потому, что опасаюсь их масштаба». Затем он рассказал Макклою о множестве его современников, которые были убиты, как он выразился, в «гекатомбах» Первой мировой войны. Он сам, по его словам, был «своего рода «игрой» природы, поскольку большая часть его поколения покоится на полях под Пасхендале и на Сомме. Целое поколение потенциальных лидеров Британии оказалось выбито, и Британия не может себе позволить потерять еще одно поколение».

12 мая Черчилль на три дня покинул Лондон, чтобы вновь проинспектировать концентрирующиеся войска. Эйзенхауэру, который часть времени провел с ним, он сказал, что необходимо предоставить дополнительный транспорт дивизии Свободной Франции, которая была придана атакующим силам союзников. Черчилль подкрепил свою просьбу указанием на то, что в Анцио 125 000 человек и 23 000 транспорта продвинулись лишь на двадцать километров, после чего были остановлены немцами.

Бдительность и энергия Черчилля были решающим вкладом в способность Британии вести войну. «Какие бы ни были недостатки у ПМ, – записал Колвилл 13 мая, – нет сомнений,

что именно он обеспечивает общее руководство. Он определяет цели как начальников штабов, так и Министерства иностранных дел в вопросах, которые без него погрязли бы в лабиринтах межведомственных отношений или вообще развалились из-за излишней осторожности и компромиссов. Более того, у него есть два качества – воображение и решительность, которых явно не хватает министрам и штабистам». Генерал Кеннеди отметил в дневнике: «На последней встрече со старшими офицерами 15 мая Черчилль говорил в грубоватой и юмористической манере и закончил энергичным выражением уверенности в исходе дела и пожеланием успеха. Он выглядел намного лучше, чем на предыдущей конференции, говорил очень сильно, призывал к наступательным действиям и особо отмечал стремление сражаться, которое, по его мнению, испытывает каждый военнослужащий».

20 мая Черчилль получил определенное подтверждение, что немцам не удастся собрать 20 дополнительных дивизий в Западной Европе. Это означало, что операцию в Нормандии не придется откладывать. Партизаны Тито, с помощью британского военного снаряжения, которое сбрасывали им на парашютах, удерживали в Югославии 25 немецких дивизий. Одним из офицеров связи при Тито служил Рэндольф Черчилль. Еще двадцать три немецкие дивизии были связаны в Италии, где 14 мая Александер возобновил наступление и наконец взял Кассино. Еще несколько немецких дивизий располагались на побережье Ла-Манша около Булони, поскольку их командование из-за дезинформации полагало, что основной удар будет нанесен именно здесь. Численность и расположение этих дивизий были известны благодаря ежедневным перехватам немецких секретных сообщений, агентам, а также бдительности самолетов-разведчиков. Дочь Черчилля Сара служила в подразделении, занимавшемся анализом данных разведывательной аэрофотосъемки в Медменэме, к западу от Лондона.

24 мая, выступая в палате общин, Черчилль опять выглядел усталым. «Его обаяние и юмор остались неизменными, – писал Гарольд Николсон сыновьям, – но голос уже не такой мощный, так что парламентарии три раза выкрикивали «громче!». Через пять дней, отвечая на просьбу написать его портрет, Черчилль, криво усмехнувшись, сказал: «Боюсь, в военное время не могу обещать, да и вряд ли буду достойным натурщиком, если только война скоро не закончится».

24 мая Черчиллю сообщили о нехватке оборудования для насосов, необходимых для поднятия бетонных кессонов

в гавани Малберри, чтобы отбуксировать их через Ла-Манш. Этот важнейший пробел требовалось срочно восполнить. И именно Черчилль предложил обратиться за насосами в лондонскую пожарную команду.

Последнюю неделю перед началом высадки в Нормандии Черчилль провел в Чекерсе. Там он узнал, что Рэндольфу вместе с Тито удалось ускользнуть от немецких парашютистов, атаковавших штаб-квартиру партизан. 28 мая Черчилль написал сыну: «А у нас тут прекрасный день, и в великолепии лета все хорошо. Война яростная и ужасная, но на наших залитых солнцем газонах и лугах, усыпанных лютиками, трудно постичь ее кошмары». На следующий день, прочитав о больших жертвах среди мирного французского населения в результате интенсивных бомбардировок союзниками железнодорожных узлов, Черчилль выразил командующему авиацией сомнение, что были выбраны «лучшие цели». «Это порождает огромную ненависть», – написал он.

Александер доложил, что войска в Анцио наконец смогли соединиться с основной армией и все готово к наступлению на Рим. «Как хорошо, – телеграфировал ему Черчилль 31 мая, – что мы твердо выступили против наших американских друзей из Объединенного комитета начальников штабов и тем самым не лишили вас полного триумфа!»

Александер готовился к наступлению на Рим, а адмирал Рамсей был назначен командующим всеми военно-морскими силами в Ла-Манше. Черчилль выехал из Лондона, чтобы лично проверить места сосредоточения войск в Южной Англии. 3 июня в Саутгемптоне он наблюдал за погрузкой солдат на десантное судно. На следующий день он продолжил осмотр. Его секретарша отметила: «По возвращении он выглядел озабоченным, но был любезен».

Вечером 4 июня Черчилль вернулся в Лондон. «Вошла к ПМ в 10:30 вечера и не выходила до 3:45 утра, – записала Мариан Холмс в дневнике. – Он загоняет себя и чуть ли не засыпает над бумагами». Во время этой ночной работы Черчилль отправился в картографический кабинет, и, пока рассматривал карты, пришла весть о взятии Рима.

Высадка в Нормандии намечалась на 5 июня, но непогода вынудила отложить операцию на день. 5 июня из дешифрованных немецких сообщений стало известно, что в силу плохой погоды немцы не ждут начала операции в ближайшие четыре-пять дней. Роммель даже улетел в Германию. Это определило решение Эйзенхауэра начать операцию на следующий день, невзирая

на неблагоприятный прогноз погоды.

Утром 5 июня у Черчилля не было посетителей. Он занимался диктовкой секретарям, когда принесли записку от Клементины. Она писала: «Очень сочувствую тебе в этот мучительно напряженный момент ожидания, даже не дающий возможности порадоваться вестям из Рима!»

«Сегодня ночью мы начинаем, – телеграфировал Черчилль Сталину днем 5 июня. – Мы задействовали 5000 судов и 11 000 самолетов».

Вечером 5 июня Черчилль с Клементиной ужинали вдвоем. Затем он ушел в картографический кабинет еще раз взглянуть на расположение войск союзников и противника. Перед сном Клементина зашла к нему. Он сидел и думал о тех, кто через несколько часов окажется у берегов захваченной немцами Франции. «Ты понимаешь, – сказал он ей, – что, когда ты утром проснешься, уже могут погибнуть двадцать тысяч человек?»

Глава 33
Нормандия и вокруг нее

Рано утром 6 июня 1944 г., пока Черчилль еще спал, первые планеры с десантниками приземлились в Нормандии. Когда он проснулся, ему доложили, что войска не встретили сопротивления. Утро он провел в картографическом кабинете. По мере поступления новых данных ход операции отображался перед ним на карте. В полдень он отправился в палату общин, где сообщил затихшим в ожидании парламентариям: «Эта крупнейшая операция, безусловно, самая сложная и трудная из всех, что проводились». Он еще раз посетил палату вечером и сказал, что все идет «вполне удовлетворительно». На следующее утро последние очаги сопротивления немцев на берегу были подавлены. В первые двадцать четыре часа боев погибло 3000 человек. «Мы ожидали потерь в 10 000», – телеграфировал Черчилль Сталину.

Публика пришла в такой восторг от первых успехов, что 8 июля Черчилль, выступая в палате, счел необходимым посоветовать парламентариям «предупредить против чрезмерного оптимизма», когда они будут выступать перед своими избирателями, и бороться с мыслью, что «все дела и дальше пойдут как по маслу. Главная опасность уже позади, но нам предстоят еще гигантские усилия».

9 июня Черчилль узнал о реальном масштабе этих усилий, когда ему сообщили, что британские и американские войска объединили свои плацдармы, но американцы уже на сутки отстают от графика, а по всему британскому фронту немцы оказывают ожесточенное сопротивление. На самом деле британский фронт уже сутки стоял, и Кан, важнейшая цель, определенная на день, оставался недостижимым. Хуже всего оказалось то, что было освобождено недостаточно территории для создания взлетно-посадочных полос, и вся поддержка с воздуха осуществлялась с английских авиабаз. Это был удар. Черчилль уже стал задумываться, не хотят ли американцы на некоторое время ограничиться захватом Шербурского и Брестского полуостровов и создать там «маленький и большой люнеты[51]».

Несмотря на упорное сопротивление немцев, к середине дня 10 июня на французский берег высадилось уже почти 400 000 солдат. «Одно совместное усилие, – телеграфировал в этот день Черчилль Тито, – и мы сможем избавиться от мучений войны

и угрозы тирании». В Италии Александер теснил на север остатки 23 немецких дивизий. В России Сталин начал первую фазу обещанного летнего наступления. Утром 12 июня Черчилль поездом отправился в Дувр, пересек Ла-Манш на эсминце, затем сел на катер командующего британскими военно-морскими силами адмирала Виана, командира знаменитого эсминца «Казак». На борту катера он запел песню, выученную в годы учебы в Харроу. Песня посвящалась испанской Армаде, и в ней были такие строки:

> Но в улье уютном Королева жила,
> И мирно жужжал островок[52].

Моряки слушали, но, к разочарованию Черчилля, ни один из них не знал слов. С катера он перебрался на американский армейский грузовик-амфибию, который доставил его на берег. Там его встретил Монтгомери и на своем джипе отвез в штаб-квартиру, расположенную в восьми километрах от побережья и в трех от фронта. В предыдущую ночь поместье подверглось сильной бомбардировке. «Я сказал, что он сильно рискует, если возьмет в привычку подобную практику, – позже написал Черчилль. – На короткое время можно поступать как угодно, но обычаев, повторов и продолжений на войне следует избегать». Вернувшись к берегу, Черчилль стал свидетелем налета немецкой авиации на гавань. Затем снова поднялся на борт адмиральского катера, и они двинулись вдоль берега, наблюдая за выгрузкой с десантных судов грузовиков, танков и пушек. К западу от Амеля он увидел подготовку искусственной гавани, оборудованной кессонами, волногасителями и плавучими причалами. Неподалеку стоял монитор[53] с 14-дюймовыми пушками. Он вел огонь в глубь территории. «Уинстон сказал, что никогда не был на корабле его величества, ведущем боевые действия, и стал настаивать, чтобы мы поднялись на борт, – записал в дневнике сопровождавший его Брук. – К счастью, подняться было невозможно из-за водорослей на днище, иначе это стало бы очень громким развлечением. Потом мы вернулись на наш эсминец и направились туда, где несколько кораблей вели артиллерийский обстрел немецких позиций».

Когда эсминец был готов возвращаться, Черчилль сказал адмиралу Виану: «Если уж мы так близко, почему бы нам самим не ударить по ним перед тем, как уйти домой?»

«Запросто», – ответил адмирал, и через несколько мгновений все его пушки открыли огонь по побережью. «Мы были вполне в зоне достижимости артиллерии немцев, – позже написал

Черчилль, – и сразу же после залпа Виан дал команду эсминцу разворачиваться и уходить на полной скорости. Вскоре мы были вне опасности. Я впервые оказался на борту военного судна, которое вело огонь «в сердцах», если можно так выразиться. Я был восхищен азартностью адмирала».

Три часа обратного пути до Плимута Черчилль проспал. В Лондоне стало известно, что уже 13 000 немецких солдат захвачено в плен. Однако вечером, когда он ужинал с Клементиной и Мэри, пришел капитан Пим и сообщил о приближении самолетов-снарядов. Всего за вечер через Ла-Манш их было запущено 27. Четыре достигли Лондона. Погибли два человека. Черчилль и начальники штабов решили снять часть самолетов, задействованных в Нормандии, чтобы разбомбить пусковые установки, которых к 14 июня было обнаружено 67. Но погодные условия в районе Кале помешали проведению атаки. В следующую ночь в районе Лондона взорвались 50 летающих снарядов. Один из личных секретарей Черчилля Кристофер Доддс вышел на улицу. «ПМ, – позже написал он, – уже был на улице, чтобы видеть все своими глазами. Вот пример энергичности ПМ и (просто волосы дыбом!) его пренебрежения своей безопасностью». Черчилль в телеграмме Сталину прокомментировал это так: «У нас выдалась шумная ночь».

18 июня 63 военнослужащих и 58 гражданских лиц погибли от самолета-снаряда, попавшего в Гвардейскую часовню во время утренней службы. Вечером, на штабном совещании, и на следующий вечер, на специально созванном комитете военного кабинета, Черчилль с советниками обсуждали меры, необходимые для предотвращения паники среди мирных жителей. «Он был великолепен, – вспоминал первый морской лорд адмирал Каннингем. – Он сказал, что населению нужно твердо заявить: их страдания – это часть битвы за Францию, и они должны быть горды, что разделяют опасности, которым подвергаются солдаты». На совещании была также достигнута договоренность не включать на полную громкость сирены воздушной тревоги во время очередных налетов. «Премьер-министр сказал, что людям нужно спать, – записал Каннингем. – В любом случае утром ты проснешься либо хорошо отдохнувшим, либо в мире ином!»

В Нормандии уже высадилось более полумиллиона войск союзников. Но немцы продолжали удерживать Кан. В Лондоне за неделю погибло 525 гражданских лиц. Шли почти непрерывные совещания, каким образом наиболее эффективно противодействовать этим обстрелам. Из 700 самолетов-снарядов, выпущенных немцами за неделю, 200 были сбиты – часть

зенитной артиллерией, часть истребителями. Чтобы избежать опасности, так сказать, наложения одного способа на другой, Черчилль предложил, чтобы днем работали истребители, а ночью – зенитная артиллерия. Новое оружие немцев представляло собой постоянную опасность. 20 июня, диктуя телеграмму Рузвельту о послевоенной англо-американской политике по нефти, Черчилль прервался на полуслове и продиктовал: «В данный момент к нашему зданию приближается летающий снаряд». Он продолжил диктовку, а потом добавил: «Снаряд упал далеко».

Между британцами и американцами развернулись ожесточенные споры по поводу зоны военных действий в Италии. Из армии Александера собирались забрать четыре французские и две американские дивизии. Они должны были участвовать в десанте на юг Франции 15 августа. 15 июня британский комитет объединенного планирования на основании перехвата секретных донесений немецкого командования сообщил начальникам штабов, что операция на юге Франции будет менее эффективна, чем десант в Адриатике с последующим продвижением на север Югославии. На штабном совещании 22 июня Черчилль поддержал эту мысль. Он сказал начальникам штабов, что, на основании секретной информации о собственных планах Германии, для отвлечения сил из Нормандии морской десант в Адриатике в районе Триеста окажется более эффективным, чем высадка на юге Франции. Из дешифрованных сообщений было понятно, что немцы не будут защищать юг Франции во что бы то ни стало, но проход между Италией и Австрией будут оборонять любой ценой и ради этого направлять туда все больше и больше войск, чтобы предотвратить прорыв союзников с юга.

Александер стремился продолжить наступление на север Италии. Генерал Мэйтланд Уилсон, командующий британскими войсками на Ближнем Востоке, был очень заинтересован провести десантную операцию на севере Адриатики и нанести удар на восток, сначала в направлении Загреба, а потом – Австрии и Дуная. Черчилль и британские начальники штабов призывали Рузвельта провести десантную операцию в Адриатике. 28 июня они получили подтверждение своей позиции из перехваченного сообщения немцев, отправленного ночью и дешифрованного в Блетчли уже утром. Это была директива Гитлера, в которой он требовал любой ценой удержать Апеннины. «У нас появилась бесценная информация, – записал в дневнике Брук, – доказывающая, что Гитлер придает особую важность северу Италии». Брук, Портал и Каннингем в этот же день направили

телеграмму американскому Комитету начальников штабов. В ней говорилось: «Будет большой стратегической ошибкой не воспользоваться возможностью продолжать давление на немецкие войска, находящиеся в Италии, и тем самым втягивать все больше их резервов на этот фронт».

В этот же день Черчилль также отправил телеграмму Рузвельту, в которой напоминал, о чем он «говорил в Тегеране насчет Истрии», а кроме этого копии дешифрованных немецких сообщений. Но на следующий день Рузвельт отверг план по Адриатике, сообщив Черчиллю, что «из чисто политических соображений» он не может допустить даже малейшего ослабления в Нормандии. Он просто «не переживет, если в Соединенных Штатах станет известно, что очень большие силы перебрасываются на Балканы». Черчилль поспешил уточнить, что новый план не имеет никакого отношения к Балканам. «На Тегеранской конференции, – написал он, – вы обратили мое внимание на возможность продвижения на восток после поражения Италии, и конкретно упомянули Истрию. Никто из участников этого обсуждения не думал о продвижении армий на Балканы, но Истрия и итальянский Триест – стратегически и политически важные позиции, которые, как вы сами хорошо видите, могут вызвать широкую реакцию, особенно сейчас, после наступления русских».

Рузвельт предложил обсудить вопрос со Сталиным. Черчилль был против. Он указал, что Сталин предпочтет, чтобы британские и американские войска продолжали воевать во Франции, а в результате «Восточная, Центральная и Южная Европа сами естественным путем упадут к нему в руки».

Черчилль решил лично встретиться с Рузвельтом, чтобы изложить адриатический план. 30 июня он распорядился подготовить амфибию и «Ланкастер» для полета через Атлантику. Но Рузвельт решил по-своему: высадка в Южной Франции состоится. Тем самым армия Александера в Италии неизбежно должна была быть сокращена. «Что я могу сделать, господин президент, – телеграфировал ему Черчилль 1 июля, – если ваш Комитет начальников штабов настаивает на том, чтобы отменить наступательную операцию в Италии со всеми ее ослепительными возможностями, и тем самым освободить Гитлера от всех его забот о долине По, рассчитывая, что это через несколько месяцев принесет эффективную пользу Эйзенхауэру далеко на севере? Уверен, – добавил Черчилль, – если бы мы встретились, как я неоднократно предлагал, то обязательно пришли бы к удовлетворительному соглашению».

Рузвельт не изменил свою точку зрения. Черчилль,

британские начальники штабов и два главнокомандующих войсками в Средиземноморье вынуждены были отказаться от своего стратегического плана. Александеру не позволили воспользоваться слабостью немцев и открывавшейся возможностью. Так возникло охлаждение в англо-американских отношениях военного времени.

К 28 июня количество погибших в союзных войсках с начала операции в Нормандии составило 7704 человека, из них 4868 американцев, 2443 британца и 393 канадца. Немецкие самолеты-снаряды продолжали наносить тяжелый урон Лондону. За первые шестнадцать дней обстрелов погибло 1935 гражданских лиц. 30 июня Черчилль с женой провели день на позициях зенитной артиллерии, чьей задачей было сбивать эти снаряды. Секретарша Элизабет Лейтон записала: «Это было очень забавно: господин и госпожа сидят в пшеничном поле, со всех сторон щелкают камеры, а кругом бегают встревоженные генералы».

На следующий день Черчилль узнал, что советские войска, продолжающие наступление на всех фронтах, в одном сражении за Бобруйск убили 16 000 и захватили в плен 18 000 немцев. «Подходящий момент, – написал он Сталину, – сказать, какое глубокое впечатление производит на нас могучее наступление русских. Вы, набрав ход, сотрете в порошок немецкие армии, стоящие между вами и Варшавой, а впоследствии и между Берлином». Кроме того, Черчилль сообщил, что в Нормандии уже задействовано три четверти миллиона человек и взято в плен 50 000 немцев. «Враг истекает кровью одновременно на всех фронтах, и я согласен с вами, что так должно продолжаться до самого конца».

6 июля количество погибших от самолетов-снарядов достигло 2752 человек. В этот день Черчилль в палате общин назвал это оружие «поистине оружием массового поражения». Вечером, из опасения новых обстрелов, штабное совещание проходило в подземном убежище. «Никто не сомневался, что ПМ не в настроении что-либо обсуждать, – записал Эндрю Каннингем в дневнике. – Усталость и слишком много алкоголя». Иден, присутствовавший на совещании, назвал вечер «прискорбным». Когда же Черчилль принялся критиковать Монтгомери, заметив при этом, что и Эйзенхауэр называл его «сверхосторожным», Брук даже разозлился. По завершении совещания Черчилль поднялся наверх для ночной диктовки. «ПМ в расслабленном настроении и довольно болтлив для себя, – записала Мариан Холмс. – Масса работы. Ушел спать в 3:40 утра».

Размышляя, как заставить немцев прекратить запуски самолетов-снарядов, а кроме того, и о средствах возмездия, Черчилль вечером продиктовал записку начальникам штабов с предложением рассмотреть возможность использования газа. «Я готов сделать что угодно, – написал он, – что может поразить немцев. Возможно, я попрошу вас поддержать меня по вопросу применения отравляющего газа. Мы можем залить немецкие города и пресечь всю их деятельность и на стартовых площадках».

Черчилль имел в виду не смертельный горчичный газ. Он готов был применить его, если это станет вопросом жизни и смерти или сократит войну на год; газ можно было бы применить и в Нормандии. «Говорить о морали в этом случае – абсурд, – написал он. – В прошлой войне его использовали все, и ни один религиозный моралист не выступил против. С другой стороны, бомбардировки городов считались тогда недопустимыми, а сейчас это само собой разумеется. Это просто вопрос смены моды, как переход от коротких женских юбок к длинным». Черчилль оговорился: «Возможно, пройдет несколько недель или даже месяцев, прежде чем я попрошу вас залить газом Германию. В настоящее время необходимо организовать изучение этого вопроса хладнокровными, разумными людьми, а не псалмопевцами-пораженцами в военной форме, с которыми каждый из нас сталкивается время от времени».

Изучение вопроса было проведено. Оказалось, что главный штаб авиации уже провел расчеты по использованию для этой цели пятой части всех британских бомбардировщиков. Но военные эксперты, которым Черчилль передал вопрос на рассмотрение, выразили сомнение, что газ несмертельной концентрации, на чем настаивал Черчилль, окажет необходимый эффект, и решение не было поддержано. «Я не могу идти против пасторов и воинов одновременно», – заметил он.

До Лондона дошли вести о массовых убийствах более 2 500 000 евреев в газовых камерах Аушвица, который прежде считали лишь лагерем рабского труда. В начале июля стало известно, что туда готовится отправка более 500 000 венгерских евреев. Лидер сионистского движения доктор Вейцман обратился к Идену с просьбой разбомбить железнодорожные пути, ведущие в лагерь. Иден показал записку Черчиллю. Тот немедленно ответил: «Добейтесь этого, а при необходимости подключайте меня». Вейцман также попросил организовать максимально громкий публичный протест. «Я полностью за самый громкий публичный протест», – откликнулся Черчилль.

Протесты были организованы немедленно. Пресса стала

широко писать об этих убийствах. Из Лондона было зачитано обращение к венгерским железнодорожникам с предупреждением, что, если они продолжат участие в депортации, их будут считать военными преступниками. В результате через сорок восемь часов венгерское правительство настояло, чтобы немецкие власти прекратили депортацию. Спасено было более 100 000 человек.

Еще до того, как стало известно о прекращении депортации, Черчилль отверг предложение гестапо о переговорах по освобождению миллиона венгерских евреев в обмен на грузовики, продовольствие и деньги. На самом деле предложение имело целью внушить венгерским евреям ложную надежду на спасение: оно было сделано в то самое время, когда более 400 000 человек уже отправляли на смерть. «Неприкрытый шантаж по поводу условий убийства, – сказал Черчилль Идену и добавил: – Никакого сомнения, что это величайшее, самое ужасное преступление в истории человечества. И оно совершается научными методами, якобы цивилизованными людьми во имя идеи величия государства и одной из ведущих наций в Европе. Безусловно, что все, причастные к этому преступлению, которые попадут нам в руки, в том числе и те, кто лишь подчинялся приказам, должны быть приговорены к смерти после того, как их связь с убийствами будет доказана».

10 июля союзные войска заняли Кан. В этот день Брук нашел Черчилля «в добром и приветливом настроении». Но с «домашнего фронта» поступили неутешительные вести: за один месяц атаками самолетов-снарядов было уничтожено десять тысяч домов. Черчилль писал Сталину, что за весь период 1940–1941 гг. было разрушено 63 000 домов. Вечером он заявил на совещании комитета военного кабинета, что готов «пригрозить максимально возможной массированной газовой атакой на Германию, если это злодейство не будет прекращено». Впрочем, он не был уверен, что нынешний масштаб ударов по Лондону сможет послужить оправданием «столь серьезного шага».

18 июля разведка доложила Черчиллю, что немцы разработали еще более эффективное оружие – ракету, способную нести бомбовую нагрузку весом более 11 тонн со скоростью 6500 километров в час и достигать Лондона за четыре минуты после старта с территории Северной Франции. Летающий снаряд, или Фау-1, оснащенный авиационным двигателем и крыльями, был в десять раз медленнее, и его было гораздо легче перехватить, чем новый реактивный снаряд, получивший

название Фау-2.

Помимо этой опасности оставались и постоянные политические заботы. Советские войска сражались в Центральной Польше. Черчилль хотел встретиться с Рузвельтом и Сталиным, чтобы в какой-либо форме обеспечить послевоенной Польше демократическое устройство. «Меня не пугают ни вашингтонские репортеры, ни москиты Аляски!» – говорил он Рузвельту, стремясь убедить его согласиться на встречу. Одним из возможных мест он предложил шотландский порт Инвергордон. «Погода в это время в Шотландии должна быть хорошей», – написал он, но Рузвельт, поначалу проявивший было интерес, отклонил предложение, озабоченный предстоящими президентскими выборами. «Как вам известно, – пояснил он Черчиллю, – в ближайшие три месяца у меня, к сожалению, серьезные внутренние проблемы».

В Нормандии совместные действия британских и американских сил были направлены на прорыв с прибрежного плацдарма. Почувствовав некоторое облегчение от перспективы ускоренного наступления на севере Франции, Черчилль 20 июля прилетел в Шербур. Ему показали недостроенную площадку для запуска самолетов-снарядов, нацеленных на Бристоль. Он посетил и места высадки десанта. В это же самое время в 1500 километрах к востоку Гитлер в своей штаб-квартире был ранен в результате взрыва бомбы, спрятанной под столом, на котором он изучал карту боев. Заговор армейских генералов провалился. Жестокие репрессии обрушились на всех, кто принимал в нем участие или подозревался в сочувствии тем, кто хотел отстранения Гитлера от власти. Майор Эвальд фон Клейст, который посещал Черчилля в Чартвелле в 1938 г., был арестован. Среди его бумаг нашли письмо Черчилля, и Клейст был казнен. Роммелю, раненному после атаки истребителя союзников на его машину в Нормандии и косвенно причастному к заговору, был предложен выбор: казнь или самоубийство. Он выбрал самоубийство.

Во время посещения Нормандии Черчилль провел ночь на борту легкого крейсера «Энтерпрайз». 21 июля он побывал в штаб-квартире Монтгомери, посетил полевой госпиталь и полевую пекарню, артиллерийскую батарею, где, как зафиксировано в истории полка, «произвел несколько выстрелов, пока не разобрался, как управляться с пушкой». В истории также записано: «Он доставил огромную радость ординарцам, поварам и нестроевым бойцам 276-й батареи, остановившись на обратном пути и сфотографировавшись с ними». После отъезда Черчилля командир артиллерийского

полка написал ему: «Знаю, какое удовольствие вам доставляет находиться поблизости от боевых действий, но хотел бы сказать, что все солдаты были невероятно рады, воодушевлены и польщены вашим визитом. Для них имело очень большое значение, что вы пожелали приехать к ним и посмотреть их в деле в окопах».

Ночь Черчилль опять провел на борту «Энтерпрайз». Потом сошел на берег, позавтракал с Монтгомери, осмотрел взлетно-посадочные площадки. Его даже прокатили на трофейном немецком самолете. Вечером он улетел в Лондон, где узнал, что Сталин создал Польский комитет национального освобождения в Люблине, который должен был после войны отойти к Польше. Польское правительство в изгнании в Лондоне не вошло в этот комитет. «Для нас крайне важно, – телеграфировал Черчилль Рузвельту, – не бросить признанное польское правительство».

31 июля части Красной армии были в 25 километрах от Варшавы. В городе началось восстание против немецких оккупантов. Многие поляки мечтали установить независимую власть в столице до прихода русских. 4 августа немецкие войска приступили к подавлению восстания. Из Италии дополнительно была переброшена дивизия «Герман Геринг», также были направлены две дивизии СС. В этот день русская авиация прекратила боевые действия в небе над Варшавой. Черчилль, который только что согласился на просьбу поляков помочь восставшим вооружением и боеприпасами, призвал Сталина также поддержать восставших. Но Сталин отказался, скептически отозвавшись о способности поляков к сопротивлению. Однако поляки продержались больше месяца.

4 августа Эйзенхауэр за обедом с Черчиллем представил ему предложение об отмене отвлекающей десантной операции на юге Франции, которая должна была начаться через одиннадцать дней. Она позволяла задействовать все имеющиеся силы в Бретани. 5 августа Черчилль улетел во Францию, намереваясь изложить американский план Монтгомери, наступление которого в случае принятия этого плана получало значительную поддержку. Но над Шербурским полуостровом самолет потребовали развернуть. Туман на аэродроме, где он должен был сесть, стал причиной крушения предыдущего самолета. Все находившиеся на борту погибли.

Черчилль полетел обратно, на юг Англии, в командный пункт Эйзенхауэра в Портсмуте. Там вскоре выяснилось, что Эйзенхауэр неожиданно изменил точку зрения и теперь хочет, как планировалось, провести операцию в Южной Франции, хотя

начальник его штаба генерал Смит склоняется в пользу Бретани. Черчилль обратился к Гопкинсу, чтобы получить одобрение Рузвельта на Бретань. На следующее утро, ожидая ответа от Гопкинса, он снова улетел в Нормандию, чтобы снова поделиться новыми планами с Монтгомери. Но, добравшись до штаба Монтгомери, обнаружил там сражение в полном разгаре и, не пробыв и часа, вернулся в Британию.

Там Черчилля ждала телеграмма от Гопкинса. Тот еще не получил ответа Рузвельта, но был уверен, что ответ будет отрицательным. Днем британская миссия начальников штабов в США поставила перед американским Комитетом начальников штабов вопрос о наступлении в Бретани. «Мы не в состоянии их сдвинуть», – сообщили они позже в Лондон. Через день Рузвельт телеграфировал Черчиллю, что не желает никаких изменений. Таким образом, высадка в Бретани отменялась. Подготовка к высадке на юге Франции должна была продолжаться в соответствии с планом.

В результате концентрации сил на юге Франции армия Александера в Италии сократилась до семи дивизий. Но он тем не менее продолжал наступательные действия и 10 августа вынудил немецкие войска оставить Флоренцию. Ночью Черчилль отправился самолетом в Алжир, собираясь затем в Италию. Ему хотелось встретиться с Александером, посмотреть, как идут бои, и обсудить множество проблем, осложняющих проведение боевых действий в Средиземноморье. «Надеюсь, вы немного отдохнете как с кистью, так и с биноклем», – написал ему Оливер Литтлтон.

В Алжире Черчилль долго беседовал с Рэндольфом, который еще не оправился от травмы, полученной при аварии самолета во время его второй поездки к югославским партизанам. Кроме того, он страдал из-за разрыва с женой. «Мы не затрагивали семейные проблемы, – написал Черчилль Клементине. – Он одинок и еще совершенно не пришел в себя физически. Мы говорили о политике, французской и английской, дружески шутили и спорили по этому поводу». Рэндольф призывал отца пересмотреть свой недавний отказ встречаться с де Голлем. «В конце концов, – написал он несколькими днями позже, – генерал – несчастный человек, представляющий побежденную страну. Ты, как неоспоримый лидер Англии и главный архитектор победы, можешь позволить себе быть великодушным, не опасаясь быть неправильно понятым».

Из Алжира Черчилль прилетел в Неаполь. Его принимал генерал Уилсон на вилле Ривальта с видом на Неаполитанский залив. Там Черчилль получил очередную просьбу поляков,

все еще сражающихся за Варшаву, которым Сталин не оказывал никакой поддержки. «Они умоляют о пулеметах и боеприпасах, – телеграфировал Черчилль Сталину из Неаполя 12 августа. – Не могли бы вы оказать им посильную помощь, поскольку из Италии делать это намного дольше?» Сталин отказался. В этот день двадцать восемь британских и польских летчиков совершили четвертый вылет протяженностью более двух тысяч километров из Южной Италии в Варшаву. Три самолета были потеряны, поскольку ближайший действующий аэродром советской авиации находился в 80 километрах.

12 августа Черчилль на вилле Ривальта встретился с Тито, призвав того установить демократическую систему правления в Югославии, а днем отправился на адмиральском катере в небольшую бухту, где купался в горячих источниках. На обратном пути его узнали военные на кораблях, готовящихся к отплытию в Южную Францию. Проходя мимо, он направил им послание с пожеланием удачи. «Они и не догадывались, – позже написал он, – что, если бы мне удалось настоять на своем, они сейчас бы плыли в другом направлении».

Вечером Черчилль получил предложение Рузвельта провести в сентябре встречу в Квебеке – вдвоем, без Сталина. Черчилль согласился. На следующий день он на катере отправился на Капри, посмотреть скалу Тиберия, с которой римский император сбрасывал своих жертв, и посетил Лазурный грот, цвет воды в котором его просто поразил. Затем, под охраной американских военных полицейских, поплавал в море. За обедом в ресторане на острове он был в «отпускном настроении, – как написал один из присутствовавших англичан, – не прекращая беседы, показывал, как раскуривать сигару, и интересовался организацией водоснабжения Капри». Вернувшись в Неаполь, он председательствовал на встрече Тито и его друга доктора Ивана Шубашича, правителя Хорватии, и склонял их к объединению и прекращению гражданской войны.

14 августа Черчилль снова плавал в море, на этот раз в районе Кум. Уезжая, он показал восторженным итальянцам, собравшимся на пирсе, двумя пальцами знак победы, а потом спросил одного из англичан на борту: «Как вы думаете, им понравилось?» – «Да, хотя этот знак имеет и непристойную коннотацию в Средиземноморье». – «Это мне известно, но я заменил ее. V значит «виктория».

Пообедав в Неаполе, Черчилль полетел на Корсику. Там, в бухте Аяччо, он поднялся на борт бывшего торгового судна, на котором теперь размещалось шесть штурмовых десантных судов. Ночью, пока он спал, одиннадцать дивизий союзников

высадились на юге Франции. В восемь утра 15 августа Черчилль перешел на эсминец «Кимберли», который направился к побережью. «Вскоре после полудня мы оказались среди огромного скопления кораблей, – написал Черчилль Клементине, – рассредоточившихся на 30 километров вдоль береговой линии с несчастным Сен-Тропе посередине. Ожидалось, что бомбардировки продлятся весь день, но авиация и корабли к 8 утра практически подавили пушки противника. Это сделало весь процесс достаточно скучным. Прекрасная панорама берега была затянута дымами множества пожаров, которые, впрочем, прикрывали десант на берегу».

Противодействие в воздухе и на суше было слабым, на море – вообще никакого. С точки зрения того, чего ожидали американцы от этой высадки, – отвлечения крупных немецких сил с севера Франции – эта операция стала крупнейшей ошибкой в войне на Западе. Черчилль позже сказал королю: «Ваше величество знает мое мнение насчет этой стратегии».

Вернувшись в Неаполь морем, утром 16 августа Черчилль приступил к изучению секретных радиограмм. Из них стало очевидно, что вывод немецких войск из Греции неизбежен. Он немедленно заручился поддержкой начальников штабов о направлении в ближайший удобный момент британских вооруженных сил в Афины, чтобы опередить греческих коммунистов. Затем, обсудив это решение с Рузвельтом, снова отправился купаться в море. «Мы купались четыре раза, – написал он Клементине, – и это очень хорошо на меня подействовало. Чувствую себя значительно посвежевшим и гораздо менее усталым, чем когда уезжал из Англии».

17 августа Черчилль проехал по разрушенному городу Кассино, потом пролетел над монастырем, который был просто стерт с лица земли бомбардировками союзников. Затем самолетом отправился в штаб-квартиру Александера в Сиене. Поскольку погода была слишком плоха и на линии фронта ничего разглядеть было невозможно, он три дня разъезжал по тыловым частям. Близ Ливорно выстрелил из гаубицы по позициям немецкой артиллерии к северу от Пизы. 20 августа погода улучшилась, и Александер повез его на передовой наблюдательный пункт примерно в трех километрах от линии фронта на реке Арно. Затем Черчилль улетел в Неаполь.

Он по-прежнему считал, что ослабление армии Александера ради высадки десанта на юге Франции – глупость. Позже он написал: «С половиной того, что забрали у Александера, союзники могли прорваться в долину По со всеми вытекающими из этого блестящими перспективами и призами, которые лежали

совершенно доступно на дороге к Вене. Александер, как подобает солдату, проявлял стойкость, но я ушел спать в грустном настроении. В таких серьезных делах невозможность идти своим путем не избавляет от ответственности за неправильные решения».

21 августа Черчилль вылетел из Неаполя в Рим, чтобы обсудить предлагаемую британскую военную экспедицию в Грецию. «Уинстон очень доброжелателен», – записал Макмиллан. На другой день состоялась дискуссия о политическом будущем Италии. «Уинстон был как собака, ворчащая над костью, – записал Макмиллан. Черчилль выступил за «процесс постепенной релаксации и контроля в Италии, которая теперь является не оккупированным враждебным государством, а союзником в войне».

«Мы наконец завершили в 7 вечера, – записал Макмиллан. – Все, за исключением Уинстона, абсолютно измучены». Вечером после ужина Черчилль долго беседовал с бригадиром Морисом Лашем из союзной контрольной комиссии, который нашел премьер-министра вполне жизнерадостным, «поскольку на следующий день ему предстояло участвовать в сражении». Черчилль сказал Лашу, что «очень надеется принять участие в первой стадии осеннего прорыва, который даст возможность Александеру развернуться, захватить Австрию и тем самым изменить историю. Потом, – записал Лаш, – он весело пожелал мне спокойной ночи».

На следующий день Черчилль телеграфировал начальникам штабов, что, если Александеру удастся прорваться в долину реки По, «я буду всерьез рассматривать поход на Адриатику». Через два дня он признавался Смэтсу, что по-прежнему надеется, что армия Александера сумеет добраться до «великого города – Вены. Даже если война внезапно закончится, нет причин, по которым наши танки не смогли бы рвануть и оказаться там как можно быстрее». Он говорил и Александеру: «Даже в случае неожиданного окончания войны необходимо быть готовым к броску, поскольку Вена – желанная добыча».

23 августа Черчилль прилетел в Сиену, в штаб армии, где санкционировал учреждение Еврейской бригады, которая будет воевать как неотъемлемая часть армии Александера. «Когда об этом станет известно, это принесет огромное удовлетворение еврейскому народу, – написал он. – Безусловно, они больше, чем другие, имеют право нанести свой собственный удар по немцам». 25 августа, когда он работал в штабе, де Голль вошел в Париж.

В этот день Александер возобновил наступление. Черчилль

отправился с ним на господствующую высоту. «Был виден весь фронт наступления 8-й армии, – позже записал он. – Но помимо клубов дыма от беспорядочно рвущихся в шести-семи километрах от нас снарядов, смотреть было не на что». После завтрака они несколько продвинулись вперед, к старому замку с видом на долину. «Отсюда, конечно, можно было все рассмотреть лучше, – вспоминал Черчилль. – Немцы стреляли из винтовок и пулеметов из густого кустарника примерно в полукилометре от нас. Линия фронта была под нами. Стрельба была беспорядочной и прерывистой. Но это было ближайшее расстояние, на котором я был от противника».

27 августа Черчилль самолетом вернулся в Неаполь для двухдневных переговоров насчет планируемой британской экспедиции в Грецию. Он написал обращение к итальянскому народу, предложив, как он выразился, «несколько очень простых тестов, благодаря которым каждый сможет ответить на вопрос: что такое свобода? Это всего семь вопросов, своего рода документ, на основании которого может быть создана новая Италия».

Вопросы были следующие:

1. Существует ли право на свободу выражения своих мыслей и критики существующего правительства?

2. Имеют ли люди право сместить правительство, в котором они разочаровались, и существуют ли конституционные методы, которыми они могут выразить свою волю?

3. Свободны ли их судебные органы от давления исполнительной власти, от угрозы насилия толпы и от любых связей с конкретными политическими партиями?

4. Будут ли суды открыто проводить в жизнь законы, которые в человеческом сознании ассоциируются с основными принципами достоинства и справедливости?

5. Будут ли соблюдаться равные права для бедных и для богатых, а также для рядовых граждан и правительственных чиновников?

6. Будут ли соблюдаться, укрепляться и расширяться права личности, исполняющей свой долг перед страной?

7. Избавлен ли рядовой человек, тяжелым трудом зарабатывающий на жизнь и содержание семьи, от опасности, что какая-то полицейская организация, подконтрольная одной партии, типа гестапо, может в любой момент схватить его без справедливого и открытого суда?

Газета Times отметила, что эти вопросы выражают «как поддержку, так и предупреждение. Они выражают также суть политической философии Черчилля».

В этот же день Черчилль вылетел из Неаполя в Лондон, но из-за грозы, бушующей на севере, пришлось направиться в Рабат, где он и провел ночь. Утром 29 августа из Рабата он полетел в Лондон. В полете он почувствовал себя плохо, температура поднялась до 39,4°. Он снова заболел воспалением легких. Вызвали двух медсестер, пульмонолог сделал рентгеновский снимок и анализ крови, снова ему был прописан антибиотик. «Будет трагедия, если с ним сейчас что-то случится, – записал в дневнике сэр Эндрю Каннингем, который повидался с ним вечером. – При всех его ошибках (а он чрезвычайно раздражающий человек) он сделал великое дело для нашей страны, и, кроме него, никого другого нет».

Черчилль выздоравливал медленно. За это время немцы были выбиты с большей части территории Северной Франции и оттеснены до бельгийской границы. «Как прекрасно видеть, что наш народ после всей тяжелейшей борьбы наконец распрямился и рвется вперед», – написал он 2 сентября Монтгомери, которому недавно присвоили звание фельдмаршала.

В этот день в Италии войска Александера вошли в Пизу и в некоторых местах прорвали оборону, но столкнулись с сопротивлением восьми свежих немецких дивизий, спешно переброшенных туда для предотвращения дальнейшего продвижения союзников на север. Италия продолжала поглощать немецкие ресурсы.

Варшавские повстанцы продолжали сражаться вопреки всем трудностям и без советской помощи. 3 сентября Черчилль предложил Рузвельту вместе заявить Сталину, что если тот наконец не позволит британским и американским самолетам использовать советские аэродромы близ Варшавы для переброски помощи, Британия и США «будут вынуждены принять решительные действия в отношении наших собственных поставок в Россию». Но Рузвельт не хотел раздражать Сталина. Он, без ведома Черчилля, просил у него разрешения использовать аэродромы в Сибири в качестве перевалочных баз для американских бомбардировщиков, совершающих рейды на Японию.

Черчилль же был так разъярен отказом Советов помочь Варшаве, что 4 сентября, несмотря на очередное повышение температуры, встал с постели и спустился в убежище в подвале. Весь Военный кабинет разделял его негодование, но вместе с тем никому не хотелось разрушать и без того хрупкое сотрудничество между союзниками. Они ограничили свой протест коллективной телеграммой Сталину, в которой констатировалось,

что в советском бездействии по оказанию помощи Варшаве «видится противоречие духу сотрудничества, которому вы и мы придаем такое большое значение в настоящем и будущем».

Варшавское восстание было жестоко подавлено. Тысячи поляков были казнены. Русские войска вступили в столицу только через четыре месяца.

Утром 5 сентября Черчилль поездом уехал из Лондона, а днем уже поднялся на борт «Куин Мэри» в Клайде. Вместе с ним отправилась медсестра Дороти Пью. Во время плавания Черчилль узнал, что военнослужащие на борту, которым предстояло увольнение, были вынуждены потерять неделю, потому что ждали прибытия премьер-министра. Он сразу же направил телеграмму Рузвельту с просьбой возместить им эту неделю. «Буду рад, если об этом объявят до конца рейса, и их тревога уляжется», – написал Черчилль. Рузвельт согласился.

Черчилль не очень хорошо себя чувствовал. Во время пребывания в Италии ему прописали двухнедельный курс таблеток от малярии, и эти таблетки, видимо, плохо на него подействовали. 8 сентября, после совещания на борту, Брук записал, что Черчилль «выглядел старым, нездоровым и подавленным. Ему явно было трудно сосредоточиться, он постоянно поддерживал голову двумя руками». На совещании Черчилль сказал начальникам штабов, что его беспокоит их предложение о переброске войск из Италии на Дальний Восток. Это основывалось на предположении, что Германия, скорее всего, рухнет до конца 1944 г. Он сказал, что это опасное предположение, поскольку «немецкие гарнизоны оказывают упорное сопротивление в большинстве портов. Американцы не смогли захватить Сен-Назер и застряли перед Нанси. Немцы также ожесточенно сопротивляются в фортах, окружающих Антверпен, а он нам крайне нужен».

Пока «Куин Мэри» плыла на запад, британские войска вошли в Брюссель. Но были и другие новости, которые подтверждали опасения Черчилля. Немцы продолжали удерживать Булонь, Кале и Дюнкерк и вновь захватили Мец. На востоке сталинские войска не знали неудач. 9 сентября они вступили в Болгарию. На следующий день Болгария капитулировала. Румыния уже бросила Германию и присоединилась к союзникам. Теперь у русских возникла возможность быстрого продвижения через Балканы в Венгрию.

10 сентября «Куин Мэри» вошла в порт Галифакса. Оттуда Черчилль сутки поездом добирался до Квебека, где на соседнем пути его уже ждал поезд Рузвельта. 12 сентября они узнали,

что американские войска перешли немецкую границу к западу от Ахена. Но сообщение из Лондона гласило: «Сопротивление противника усиливается по мере приближения союзников к границе Германии».

Рузвельт наконец согласился с тем, что армия Александера больше не должна сокращаться. Американцы даже были готовы выделить для нее десантные суда, необходимые для высадки на Истрии. Черчилль испытал большое облегчение. На совещании он сказал, что его «всегда привлекало правостороннее движение с целью всадить Германии клинок в адриатическую подмышку. Нашей целью должна стать Вена».

13 сентября министр финансов Рузвельта Генри Моргентау заявил, что в послевоенной Германии вообще не должно быть никакой промышленности. Рур следует закрыть, а судоверфи демонтировать. Поначалу Черчиллю от этого стало не по себе. «Я полностью за разоружение Германии, – сказал он Моргентау, – но мы не должны препятствовать ее достойной жизни. Существует определенная солидарность между трудящимися, и народ Англии не поддержит политику, которую вы предлагаете. Я согласен с Бурком. Нельзя обвинять всю нацию. То, что необходимо сделать, следует сделать быстро. Казнить преступников, но не растягивать это дело на годы».

Через два дня, сообщая о плане Моргентау военному кабинету, Черчилль, однако, написал: «Поначалу он меня сбил с толку, но теперь считаю, что аргумент о разоружении решающий, и последствия этого для нас будут выгодны». Часть экономической выгоды от демилитаризованной Германии заключалась, по его мнению, в том, что Британии придется обеспечивать ее, а это должно стимулировать промышленный рост самой Британии. 15 сентября Черчилль и Рузвельт подписали соглашение о «преобразовании Германии в страну по преимуществу сельскохозяйственную и крестьянскую». Однако государственный департамент США отверг это соглашение раньше, чем его успели обсудить в военном кабинете в Лондоне.

17 сентября, когда Черчилль был в Квебеке, три парашютно-десантные дивизии британцев и американцев, а также польская парашютная бригада, общей численностью 35 000 человек, десантировались в немецком тылу на территории Голландии с задачей захватить мост через Рейн. Когда началась операция, Черчилль уехал из Квебека в резиденцию Рузвельта. Два дня он был гостем президента. Клементина была с ним. В письме Мэри она отмечала: «Президент, при всех своих талантах, не работает. Он не может (отчасти по состоянию здоровья, отчасти по складу характера) работать круглые сутки, как твой отец. Не думаю,

что его мозг сосредоточен на войне больше четырех часов в день, чего, разумеется, недостаточно для верховного главнокомандующего».

Черчилль с Рузвельтом говорили об атомной бомбе, которая, как им сообщили, «почти наверняка» будет готова к августу 1945 г. На этой неделе было совершено 2600 вылетов, сброшено 9360 тонн бомб на Германию и потеряно более ста самолетов. При этом одна атомная бомба, доставленная одним самолетом, была бы эквивалентна как минимум 20 000 тонн взрывчатки. Они оба отвергли соображение, что «мир должен быть информирован об атомной бомбе и что для ее применения может потребоваться международное соглашение». Они также решили, что после того, как такая бомба окажется в их распоряжении, ее, «возможно, по зрелом размышлении, следует использовать против японцев, которых следует предупредить, что такие бомбардировки продолжатся, пока они не сдадутся».

Черчилль не был уверен в необходимости применения атомной бомбы: он считал вполне вероятным, что нынешние тяжелые, систематически усиливающиеся бомбардировки японских городов и без того могут заставить Японию выбросить белый флаг. «Люди готовы терпеть тяжелые бомбардировки, – говорил он, – если надеются, что рано или поздно они закончатся. Такой надежды у Японии не должно быть. Все, на что они должны рассчитывать, – только на увеличение количества бомб, обрушивающихся на их населенные пункты».

19 сентября Черчилль ночным поездом отправился в Нью-Йорк. Утром он уже был на борту «Куин Мэри». «ПМ в прекрасной форме, – заметил Каннингем, – и интересно рассказывает о своей работе в Адмиралтействе в прошлую войну». Во время плавания Черчилль в основном занимался подготовкой речи, которую собирался произнести по возвращении. «Работает яростно, – записала Мариан Холмс в дневнике 24 сентября. – Надиктовал еще 2000 слов. Имела прекрасную возможность наблюдать за ним. Не прерывая диктовки, он встал с постели, даже не обратив внимания, что на нем слишком короткая пижамная куртка. Тем не менее был в добродушном и умиротворенном настроении, от него исходили волны благожелательности».

26 сентября «Куин Мэри» вошла в порт города Гринок. Черчилля встречал Джон Пек со свежими и срочными телеграммами. Самые плохие новости пришли из Голландии. Попытка захватить и удержать мост через Рейн провалилась. Погибло 1400 десантников. По дороге в Лондон поезд Черчилля остановился, чтобы захватить мешок со срочной почтой. Пришло тягостное известие о том, что последние очаги сопротивления

польских патриотов в Варшаве подавлены и десятки тысяч жителей города подверглись жестоким репрессиям.

В десять утра поезд пришел в Лондон. Через полтора часа Черчилль уже был в палате общин на традиционном часе вопросов премьер-министру. Был поднят вопрос о будущей судьбе тех, кто виновен в злодеяниях нацизма. Правительство, заявил Черчилль, «решительно настроено сделать все возможное, чтобы не дать нацистским преступникам найти убежище в нейтральных странах и избежать ответственности за свои преступления». Черчилля очень заботила война на Дальнем Востоке. В телеграмме Сталину он написал, что начало военных действий России против Японии, особенно в воздухе, существенно ускорит их поражение.

Черчилль решил встретиться со Сталиным. Вечером он попросил Портала заняться подготовкой визита в Москву. У него был ряд причин, чтобы по возможности ускорить этот визит. Опасаясь чрезмерных финансовых расходов, которых может потребовать от Британии затянувшаяся война с Японией, он хотел убедить Сталина объявить войну Японии сразу же после поражения Германии. Он рассчитывал обсудить политическое устройство Греции и Югославии, которые надеялся вывести из-под контроля коммунистов, а также и Польши. Он чувствовал личную моральную ответственность за судьбу этой страны. «Не понимаю, почему невозможно, – говорил он в этот день в палате общин, – найти разумный компромисс в этом вопросе. Россия получит безопасность, на которую она имеет полное право и ради которой мы должны сделать все, что в наших силах, а польский народ – суверенитет и независимость, за что он не переставал бороться на протяжении столетий».

Перед отлетом в Москву Черчилль дважды сводил Клементину в театр. 3 октября они посмотрели пьесу Шоу «Оружие и человек», на другой день – «Ричард Третий» Шекспира. 4 октября, вернувшись вечером после спектакля, он узнал, что британские войска успешно вступили в Грецию, высадились в Патрах и в Коринфском заливе, выбив оттуда немцев. Однако из Польши продолжали поступать самые неутешительные вести. «Когда союзники одержат окончательную победу, – заявил он в палате 5 октября, – варшавская трагедия не будет забыта. Она навсегда останется в памяти поляков и сторонников свободы во всем мире».

Через два дня, по-прежнему глубоко озабоченный политическим будущим Польши, Черчилль вылетел из Лондона в Неаполь. Там ему доложили, что уставшие армии Александера застряли в Апеннинах и не могут ни единым солдатом

участвовать в десанте на севере Адриатики. Проведя четыре часа в Неаполе, он отправился в Москву. В полдень 9 октября его самолет по ошибке приземлился не на том аэродроме, снова поднялся в воздух и сел в другом аэропорту, где его ждали Майский, Вышинский и воинский почетный караул. Черчилля отвезли на дачу Молотова, которую предоставили в его полное распоряжение. Вечером его отвезли в Москву.

В первой беседе со Сталиным он подтвердил данное в Тегеране согласие на установление западной границы России по линии Керзона. Черчилль пообещал «оказать давление» на поляков сделать то же самое. Затем разговор зашел о Южной Европе и Балканах. Черчилль сказал Сталину, что Британия имеет «особые интересы» в Греции, а в Румынии Россия «может иметь полную свободу действий». Кроме того, он сказал, что не хочет употреблять выражение «раздел сфер влияния», поскольку американцы «могут быть шокированы», но, так как они со Сталиным «понимают друг друга», он готов объяснить им это.

Затем Черчилль показал Сталину, как он выразился, «рискованный документ». В нем были обозначены «пропорциональные интересы» России и Британии в пяти странах. Черчилль предложил, чтобы в Румынии Россия имела 90 % влияния, Британия соответственно 10 %. В Греции он предложил 90 % влияния Британии (в согласии с США) и 10 % – России. Югославию и Венгрию предлагалось поделить пополам, в Болгарии 75 % отдать России и 25 % – «остальным».

Сталин изучил листок, после чего, как вспоминал потом Черчилль, «взял синий карандаш, поставил большую галочку и вернул. Затем наступила тишина. Листок с карандашной пометкой лежал посреди стола». Наконец Черчилль произнес: «Не может ли показаться несколько циничным, что мы так грубо решаем столь судьбоносные для миллионов людей вопросы? Давайте сожжем бумагу». – «Нет, сохраните ее», – возразил Сталин.

После этого дискуссия коснулась Турции. Черчилль сказал Сталину, что склоняется в пользу того, чтобы Россия имела свободный проход в Средиземное море через Дарданеллы для торговых и военных кораблей. Поскольку Россия имеет на это и право, и «моральные основания», он это поддерживает. Затем Черчилль попросил Сталина не поощрять участие греческих коммунистов в гражданской войне и не «разжигать», как он выразился, коммунизм в Италии. Сталин на это согласился. Говоря о Тольятти, с которым Черчилль встречался в августе в Риме, Сталин назвал его «мудрым человеком, не экстремистом, который не пойдет на авантюры в Италии».

Черчилль вернулся на предоставленную ему дачу в 3:10 утра. Он был в дороге и работал уже 60 часов, и спал только урывками в пути. «Я подала ему несколько документов, – вспоминала Мариан Холмс, которая ждала диктовки, – но он сказал, что устал и работать сейчас не может». Черчилль лег спать, а утром 10 октября, проснувшись, сразу начал диктовать, еще лежа в постели. Вскоре после полудня его снова повезли в Кремль, где Сталин дал в его честь обед, продолжавшийся четыре часа. В конце приема Черчилль заявил: «Я уезжаю в посольство за моей юной леди». Его отвезли в британское посольство, он попросил Элизабет Лейтон сесть к нему в машину. «Мы едем на дачу, – сказал он. – Думаю, я буду диктовать в темноте». Вдоль всей дороги, на протяжении 37 километров стояли вооруженные военные, которые отдавали честь проезжающей мимо машине.

Черчилль решил послать Сталину официальную записку по поводу судьбы Балкан. «Эти проценты, которые я предложил, – объяснял он, – не более чем способ, благодаря которому мы можем понять, насколько близки наши позиции, а затем решить, какие шаги приведут нас к полному взаимопониманию. Опубликованные, эти проценты могут показаться грубыми и даже бессердечными, но они могут представлять собой хорошее основание дальнейших переговоров. И если все пройдет благополучно, мы способны предотвратить несколько гражданских войн и большое кровопролитие в странах, о которых идет речь. Главный принцип, – пояснил Черчилль, – дать возможность каждой стране установить такую форму правления, какую желает ее народ. Никакая идеология не должна быть навязана ни одной малой стране. Пусть они сами определяют свою судьбу в предстоящие годы».

Гарриман, который присутствовал на переговорах как эмиссар Рузвельта и которому Черчилль показал письмо, сказал, что Рузвельт и государственный секретарь США Халл наверняка «не признают» это. В результате письмо не было отправлено, хотя в нем и утверждался принцип самоопределения. 11 октября Черчилль вспомнил, что из списка «процентовок» выпала Албания. Он предложил поделить ее поровну, как Югославию и Венгрию. Но Молотов настаивал на резком изменении процента влияния относительно Венгрии: от 50:50 до 80:20 в пользу России. Иден был с этим согласен.

В телеграмме военному кабинету Черчилль объяснял, что эти проценты – лишь временное руководство на ближайшее послевоенное будущее и они будут еще рассматриваться великими державами, включая, разумеется, и Соединенные Штаты, когда они встретятся за мирными переговорами, чтобы

прийти к общему соглашению по Европе. «Но русские, – написал он, – сильно настаивают на своем доминировании в причерноморских странах – Румынии и Болгарии». В действительности же никаких переговоров не состоялось. За исключением Греции, степень контроля Россией определялась не процентами Черчилля, а мощным наступлением Красной армии.

Вечером Черчилль пригласил Сталина на ужин в британское посольство, располагавшееся напротив Кремля на другом берегу Москвы-реки. Когда Черчилль сказал, что его враждебное отношение к итальянцам изменилось благодаря восторженному приему, который они оказали ему в ходе последнего визита, Сталин заметил, что те же самые толпы приветствовали и Муссолини. Ужин растянулся до четырех утра, поэтому Черчилль ночевал в центре города, в доме 6 по улице Островского, предоставленном ему Сталиным. «Я очень хорошо побеседовал со Старым Медведем, – написал Черчилль Клементине 13 октября. – Чем больше я с ним вижусь, тем больше он мне нравится. *Теперь* они нас уважают, потому что, я уверен, хотят с нами сотрудничать».

Вечером в центре Москвы в особняке на Спиридоновке Черчилль и Сталин провели длительные переговоры с ведущими членами польского правительства в изгнании. Черчилль настоятельно рекомендовал им прилететь из Лондона в Москву и так же настоятельно советовал примириться с потерей довоенных территорий в обмен на участие в коммунистическом правительстве Польского комитета национального освобождения, которое Сталин учредил в Люблине. Но «лондонские поляки» не желали признавать линию Керзона. Черчилль предложил сделать это темой окончательных соглашений на будущей мирной конференции, но против этого возразил Сталин: поляки должны признать новую границу без всяких условий. В этот момент, как зафиксировано в стенограмме встречи, Черчилль сделал «жест разочарования и безнадежности».

Позже этим же вечером, когда небо над Москвой расцветилось залпами салюта в честь вступления советских войск в столицу Латвии Ригу, Черчилль и Сталин встретились на Спиридоновке с «люблинскими поляками». Те послушно поддержали мнение Сталина. Через два дня Черчилль телеграфировал королю: «Позавчера был «день всех поляков». Группа из Лондона, как известно вашему величеству, славные, но слабосильные дураки, а делегаты Люблина выглядят самыми отъявленными негодяями, каких только можно себе представить». 14 октября Черчилль два часа беседовал с «лондонскими

поляками» в британском посольстве. Когда их премьер-министр Станислав Миколайчик сказал, что польское общественное мнение не смирится с потерей восточных территорий, Черчилль возразил: «Что такое общественное мнение? Право быть раздавленным! Разумеется, ничто не может помешать Польше объявить войну России, но в таком случае Польша лишится всего, и поддержки других стран».

Но Миколайчик все равно не готов был признать линию Керзона. Днем в течение полутора часов Черчилль снова безуспешно пытался его переубедить. «Британия, – сказал он ему, – бессильна перед Россией в отношении формирования будущего польского правительства». Затем Черчилль отправился к Сталину в Кремль, чтобы предложить компромиссную формулу: «лондонцы» согласятся с границей по линии Керзона в обмен на пятидесятипроцентное участие в будущем правительстве Польши. После часа переговоров Сталин согласился. Теперь Черчиллю оставалось уговорить другую сторону.

Вечером Сталин пригласил Черчилля в Большой театр. Они опоздали к началу вечерней программы. Первый акт балета «Жизель» уже начался. В антракте, когда зажгли свет, публика увидела Черчилля. Как он позже сообщил королю, была «продолжительная овация, а когда в ложе появился Сталин и встал рядом, овация стала почти неистовой». После антракта выступал Ансамбль песни и пляски Красной армии. «Я обратила внимание, что ПМ получал большое удовольствие от песен, – записала Мариан Холмс, – и отбивал ритм рукой. Сталин сидел с неизменным выражением лица».

Из Большого театра Черчилль на некоторое время вернулся в городской дом, а потом поехал в Кремль обсуждать со Сталиным военные вопросы. Сталин сказал, что Красная армия не намерена занимать Западную Югославию, а предпочтет соединиться с армией Александера в Австрии. Черчилль на это пообещал, что Александер начнет движение к Вене как можно раньше.

Утром 15 октября Черчилль снова принимал лондонских поляков. Он попросил их принять условия, с которыми накануне согласился Сталин. Но они отказались смириться с потерей Львова, расположенного чуть восточнее линии Керзона. Тогда Черчилль вышел из себя. Меряя шагами кабинет, он заявил: «Я больше ничего не могу для вас сделать. Мне все равно, что с вами будет. Вы достойны только ваших Припятских болот. Я вас осуждаю». Оливер Харви записал в дневнике: «Мучительная сцена. ПМ совершенно прав, а поляки совершенные глупцы –

как Бурбоны, ожидающие, что все само к ним вернется». В конце встречи Черчилль выдвинул очередной компромисс: он отправится к Сталину с предложением в интересах англо-советских отношений и ради формирования позитивного «мнения мирового сообщества» о России позволить полякам оставить за собой Львов. Но он обратится к Сталину с этой просьбой лишь при условии, что в случае его несогласия поляки согласятся с разграничением по линии Керзона без дальнейших поправок. Поляки снова отказались.

Днем у Черчилля поднялась температура. Никаких встреч в этот день уже не было. Когда температура поднялась до 37,8°, из Каира вызвали двух врачей и двух медсестер. Но на следующее утро температура вернулась к норме, и вызов отменили. Температура, как объяснил он Клементине, «поднялась из-за желудка, а не из-за груди, и я уже снова вполне здоров». Днем 16 октября он вернулся в Кремль с формулировкой линии Керзона, придуманной Иденом и принятой «лондонскими поляками». Согласно ей, спорная линия должна называться не «пограничной», а «демаркационной». Два часа Черчилль пытался убедить Сталина, но безуспешно. «Премьер-министр использовал все возможные аргументы, – телеграфировал Иден военному кабинету, – но не смог его сдвинуть».

Целый день Черчилль курсировал между поляками и Сталиным, до которого старался донести их позицию. Но Сталин теперь уже определенно объявил, что, невзирая ни на какие формулировки относительно новой границы, учрежденное им польское правительство в Люблине должно иметь большинство.

17 октября состоялась последняя, шестичасовая встреча Черчилля со Сталиным. Она продлилась с десяти вечера до четырех утра. По-прежнему стремясь найти какую-то форму соглашения между Сталиным и лондонскими поляками, Черчилль пытался уговорить Сталина согласиться с названием линии Керзона как «основание для разграничения» вместо «границы». Но Сталин не уступил: лондонские поляки могут участвовать в правительстве, но не на равных.

Обсуждая будущее Германии, Черчилль сказал Сталину, что Рур и Саар должны быть «навсегда выведены из игры», а деятельность немецкой металлургической, химической и электротехнической промышленности заморожена до соответствующего разрешения как минимум на одно поколение. Сталин не возражал. Когда Черчилль предложил лишить Германию всей авиации, Сталин и с этим согласился, а кроме того, заметил, что нужно закрыть все школы гражданских

и военных летчиков. Черчилль также сказал Сталину, что хотел бы видеть Польшу, Чехословакию и Венгрию таможенным союзом без торговых или коммерческих барьеров. И по этому вопросу, ради которого в принципе Черчилль и прилетел в Москву, не возникло разногласий. Сталин согласился и с тем, что после уничтожения немецких армий Россия объявит войну Японии. «Мы не должны забывать особую важность этого решения в свете быстрейшего завершения войны», – телеграфировал Черчилль Рузвельту вскоре после отъезда из Москвы.

18 октября в семь вечера Черчилль последний раз встретился с лондонскими поляками, но так и не смог убедить их принять формулировку, с которой был согласен Сталин. Он сообщил им о готовности Сталина назначить Миколайчика главой польского Временного правительства национального единства, но при условии установления границы по линии Керзона и признания Львова советским городом. Многочасовые переговоры закончились ничем. Таким образом, поляки лишились возможности определять судьбу своей страны.

Вечером Сталин дал Черчиллю прощальный ужин в Кремле. Он продлился шесть часов. Во время ужина пришло известие, что советские войска вошли в Чехословакию, и в Москве снова был устроен многоцветный салют. Утром Сталин приехал в аэропорт проводить Черчилля. Черчилль задержался, и Сталину пришлось ждать его под дождем. Затем, во время краткой прощальной церемонии, Черчилль сообщил переводчику Сталина Владимиру Павлову, что тот стал командором ордена Британской империи, поскольку, как пояснил Черчилль, «посвящен теперь в самые глубокие государственные тайны». Знаки отличия будут доставлены позже. Затем Сталин поднялся на борт самолета Черчилля, где ему продемонстрировали помещение премьер-министра, после чего вернулся на взлетную полосу и оттуда платком махал взлетающему самолету.

Из Москвы Черчилль отправился в Крым и через пять часов ужинал в аэропорту Симферополя. Далее ему предстоял шестичасовой ночной перелет в Каир. Из Каира утром он улетел в Неаполь. В полете пришлось сделать значительный крюк через Бенгази, чтобы не пролетать над Критом, которым все еще владели немцы. В Неаполе Черчилль провел день. Там он предложил, чтобы теперь, когда большая часть Франции освобождена, воюющие в Италии британские солдаты, которым полагался отпуск, могли пользоваться поездами Марсель – Париж и Париж – Гавр.

Утром 22 октября Черчилль вылетел из Неаполя в Лондон.

Через шесть с половиной часов он уже был дома. Добираясь из Москвы до Лондона, он провел в воздухе более двадцати четырех часов. В аэропорту его ждала Клементина. Оттуда они отправились в Чекерс, где среди встречающих были Сара и Диана. «Он выглядит не хуже, чем после других путешествий, – написал Джон Мартин Рэндольфу, – и, на мой взгляд, вернулся из Москвы бодрее и крепче, чем был раньше».

27 октября, отчитываясь в палате о своей поездке, Черчилль сказал: «Я перемещался от двора ко двору, как бродячий менестрель, всегда с одной и той же песней или с набором одинаковых песен». Гарольд Николсон, который слушал его выступление, написал в этот день сыновьям: «Несколько месяцев назад он выглядел больным, усталым и не так легко, как обычно, подбирал слова. Но сегодня он превосходен. Пухлый, розовощекий, уверенный и громкоголосый».

Через пять дней Черчилль попробовал еще раз уговорить польское правительство в Лондоне согласиться с восточной границей страны по линии Керзона, поехать в Москву, сказать об этом Сталину и принять участие в совещаниях с люблинскими поляками. Когда поляки сказали, что хотят «заверений» о сохранении территорий восточнее линии Керзона, Черчилль заявил им: «Это чушь, полнейшая утопия!» Кадоган записал в дневнике: «ПМ серьезно им врезал – и справедливо. В итоге дал им сорок восемь часов, чтобы решить – «да» или «нет». Думаю, он прав».

Через двадцать четыре часа поляки сказали «нет», и длительные поиски компромисса завершились ничем.

Мысли Черчилля занимал мир, который должен наступить «в марте, апреле или мае». Он сказал в палате общин 31 октября, что, если после поражения Германии Лейбористская партия пожелает выйти из коалиции, многие будут об этом сожалеть, но это не вызовет «ни горечи, ни обид». Будут назначены всеобщие выборы. Черчилль сказал, что сомневается в возможности существования этого парламента по окончании войны с Германией и сохранения системы правления, которую он поддерживал и в которой принимал участие на протяжении полувека. Он заявил в парламенте: «Любая демократия основана на том, что люди имеют право голоса. Лишить их этого права – превратить в пародию все громкие фразы, которые произносятся слишком часто. Демократия – это маленький человек в маленьких ботинках с маленьким карандашом, ставящий маленький крестик на маленьком листочке бумаги. Никакая риторика и никакие многословные дискуссии не заменят важность этого момента.

Люди имеют право выбирать своих представителей в соответствии со своими чувствами и пожеланиями».

Вечером Гарольд Николсон записал в дневнике: «Никогда еще так не восхищался нравственной позицией Уинстона, как сегодня утром».

Глава 34
Война и дипломатия

Среди проблем, с которыми столкнулся Черчилль по возвращении из Москвы, была судьба будущего Палестины. Несколько месяцев назад он отказался выполнять решение палестинской Белой книги 1939 г., которое предполагало наложение арабского вето на всю еврейскую иммиграцию начиная с мая 1944 г. Эта Белая книга вызывала резкую критику Черчилля уже при ее публикации. 4 ноября 1944 г., через две недели после возвращения из Крыма и Каира, он пригласил в Чекерс доктора Вейцмана, лидера сионистов. В беседе Черчилль сказал ему: «Если евреи смогут получить всю Палестину в качестве своего государства, это будет хорошо, но если придется выбирать между отсутствием государства вообще и разделением Палестины на два государства – арабское и еврейское, – то следует выбрать разделение».

Стремясь ускорить формирование еврейской государственности, Черчилль посоветовал Вейцману отправиться в Каир и обсудить будущее Палестины с новым государственным министром по делам Ближнего Востока лордом Мойном, одним из его ближайших друзей, с которым он общался в Каире две недели назад. Черчилль объяснил Вейцману, что известная неприязнь Мойна к сионизму «дело прошлое», что за последние два года взгляды Мойна изменились. Вейцман начал подготовку к поездке в Каир, но опоздал. Через двадцать четыре часа лорд Мойн вместе с шофером был застрелен двумя еврейскими террористами.

Черчилль был глубоко потрясен, но репрессиям воспротивился. Министр по делам колоний настаивал на немедленном приостановлении еврейской иммиграции в Палестину, но он отказался это сделать. Он также не захотел назначить в качестве преемника Мойна ни одного из двух предложенных кандидатов, поскольку знал их враждебное отношение к сионизму. Но в дебатах по поводу убийства Мойна он сказал в палате общин: «Если сионизму суждено потонуть в дыму пистолетных выстрелов убийц и наша борьба за его будущее приведет только к появлению новых гангстеров, достойных нацистской Германии, то многим, подобно мне, придется пересмотреть позицию, которую мы так упорно отстаивали многие годы. Если есть надежда на мирное и благополучное развитие сионизма, эта подлая деятельность

должна быть пресечена, а те, кто за ней стоит, лишены корней и ветвей». Черчилль сказал депутатам, что надежда есть: «Я получил письмо от доктора Вейцмана, президента Всемирной сионистской организации и моего очень давнего друга. Он недавно прибыл в Палестину и заверяет меня, что палестинское еврейство сделает все, что в их силах, чтобы уничтожить это зло на корню». Вейцман обратился к еврейскому населению с просьбой «оказывать всю необходимую помощь властям в предотвращении террористических актов и истреблении террористических организаций».

Убийцы Мойна, члены экстремистской «Банды Штерна»[54], были казнены в Каире, на месте их преступления. Еврейское агентство и британские власти Палестины объединили усилия в поиске других членов «Банды Штерна» и их тайников с оружием. Поддержка Черчиллем создания еврейского государства в Палестине осталась твердой и бескомпромиссной.

В первые недели после возвращения из Москвы Черчилль занимался утверждением «процентных договоренностей», достигнутых со Сталиным. Узнав в начале ноября, что руководитель британской военной миссии в Румынии протестовал против усиления советского влияния, он написал Идену: «Мы оставили себе только десять процентов интересов в Румынии, и теперь не более чем зрители. Если не позаботиться, мы получим то же и в Греции, которую все еще надеемся спасти». Через неделю Черчилль объяснял Идену: «Каждая освобожденная страна бурлит коммунизмом. Все оказалось связано, и только наше влияние на Россию мешает ей активно стимулировать эти движения, смертельно опасные, как я считаю, для свободы человечества».

10 ноября Черчилль снова отправился в путь. Он полетел в Париж, где последний раз был незадолго до его падения в 1940 г. 11 ноября, в День перемирия (последний день Первой мировой войны), он в качестве гостя генерала де Голля приехал к Триумфальной арке, где они возложили венки к Могиле Неизвестного Солдата, после чего принимали торжественный парад войск, продлившийся час. «Его принимали замечательно, – записал в дневнике Брук. – Парижане от него без ума». Через четыре дня Черчилль телеграфировал Рузвельту, что восстановил дружеские отношения с де Голлем и «ощущает стабильность во Франции, несмотря на коммунистические угрозы. Надеюсь, вы не подумаете, что я нарядился во французские цвета, рассказывая об этом». Французские политики, с которыми встречался Черчилль, произвели на него хорошее впечатление.

Чтобы помочь де Голлю в внутрифранцузских делах, Черчилль дал указание Исмею как можно быстрее отправить две тысячи винтовок и сотню пистолетов-пулеметов «Стен» в распоряжение французского Министерства внутренних дел для вооружения полиции.

Из Парижа Черчилль с де Голлем ночным поездом отправились в Безансон, откуда при сильном снегопаде проехали сто километров до передовой к наблюдательному посту французской артиллерии. Снег валил так густо, что ничего нельзя было разглядеть. Даже наступление французских войск, запланированное на этот день, пришлось отложить. На обратном пути у машины Черчилля два раза оказалось пробито колесо, а один раз они застряли в придорожной канаве. «Он приехал абсолютно промерзший, свернувшийся клубком, как еж, – позже вспоминал Брук. – Его усадили в кресло, в ноги положили бутылку с горячей водой, другую подложили под спину. Одновременно в горло влили добрую порцию хорошего бренди, чтобы согреться изнутри. Результат получился замечательный. Он быстро оттаял и произнес одну из неописуемо смешных речей по-французски, от которой все буквально полегли».

Вечером Черчилль вернулся в Париж на поезде де Голля. «Уинстон в прекрасной форме, – записал Брук в дневнике, – и даже де Голль немного распрямился». В Париже вагоны Черчилля отцепили и направили обратно на восток, на этот раз – в Реймс. Там ждал его Эйзенхауэр, чтобы отвезти в штаб и рассказать о планах наступления на Рейн. Вернувшись в Лондон, Черчилль узнал, что русская «индифферентность» по отношению к Греции произвела отрезвляющее действие на греческих коммунистов. «Эта «индифферентность» русских, – сказал он Идену, – показывает, что они придерживаются общего курса, о котором мы договорились в Москве. Это хорошо доказывает, что Сталин соблюдает правила игры».

По крайней мере один из членов секретариата Черчилля заметил, что после возвращения из Франции ему стало хуже. «В последнюю неделю тратит себя по мелочам, – записал Колвилл в дневнике 30 ноября. – Кажется, не хочет, или не может, или слишком устал, чтобы сосредоточить внимание на сложных вопросах. Он читает первый параграф и после этого направляет документ другим не вникая. Результат – хаос». Однако 29 ноября, когда Черчилль выступал в палате общин, его речь была хорошо принята. Николсон записал: «Он говорил о потребности в молодежи. Молодежь, молодежь, обновление и энергия, безграничная энергия. Произнося эти слова, он стал молотить по воздуху, как боксер. И полемика, здоровая полемика.

Я не боюсь этого в нашей стране. Потом, сняв очки, улыбнулся и, глядя в сторону скамей консерваторов, сказал улыбаясь: Мы – достойная компания. Поклонился в сторону лейбористов и добавил: Все мы. Вся нация». Николсон заметил: «В утренних газетах это читалось очень сдержанно. Однако это было великолепным образцом ораторского искусства».

30 ноября Черчилль встречал свой семидесятый день рождения с Клементиной, тремя дочерьми – Дианой, Сарой и Мэри, братом Джеком и зятем Дунканом Сэндисом. Были также трое близких друзей – Иден, Бивербрук и Брекен. Мэри записала, что после того, как Бивербрук произнес тост, «папин ответ заставил меня заплакать. Он сказал, что мы самые дорогие, что он чувствует тепло и поддержку нашей любви, а потом, очень медленно, почти торжественно, чокнулся с каждым из нас». На следующий день Черчилль уехал в Харроу на актовый день послушать школьные гимны. Затем был прием с хересом, во время которого он, как записал Колвилл, «долго и приветливо беседовал со старостами классов – увлекательно и без превосходства».

На этой неделе главным предметом беспокойства Черчилля стало явное нарушение достигнутой со Сталиным договоренности о разделении влияния в Югославии в равных пропорциях. «Тито оказался очень скверным, – говорил он Смэтсу, – и явно намерен прибрать Триест, Истрию, Риеку и т. д. в коммунистическую Югославию. Я сталкиваюсь с большими трудностями в реализации движения справа. Все очень медленно». «Движением справа» Черчилль называл правофланговое наступление с севера Адриатики через Люблянский проход на Загреб, а оттуда на север, в Австрию. Это наступление генерал Мэйтланд Уилсон предлагал еще пять месяцев назад.

3 декабря Черчилль выразил протест Тито в связи с его отказом допустить британские военные корабли в доки Сплита и Шибеника, двух далматинских портов, находящихся под контролем партизан. Он также возражал против просьбы Тито вывести британские военные подразделения, оказывающие помощь партизанам в районе Дубровника. Черчилль явно проигрывал борьбу за сохранение паритета влияния в Югославии. Кроме того, под угрозой было и доминирование Британии в Греции, правительство которой оказалось не способно демобилизовать партизанские отряды коммунистов. «Необходимо ясно дать понять, – сказал Черчилль Идену, – что в случае гражданской войны в Греции мы будем на стороне правительства, которое учредили в Афинах, и без колебаний применим силу».

Черчилль так яростно выступал против нарастающего

влияния коммунистических сил в Афинах, что утром 4 декабря получил предупредительную записку от Клементины: «Дорогой Уинстон, прошу, пока не выяснишь все факты, не повторяй каждому, с кем будешь встречаться, то, что ты сказал мне утром, то есть что коммунисты в Афинах демонстрируют свою обычную трусость и выставляют перед собой под пули женщин и детей. Конечно, коммунисты опасные, может быть, даже страшные люди, но в войне на континенте они проявили мужество. Пишу это потому, что до завтра мы можем с тобой не увидеться, а я беспокоюсь (может, излишне). Твоя любящая и верная Клемми. Tout savoir, c'est tout comprendre; tout comprendre, c'est tout pardonner»[55].

4 декабря Черчиллю стали известны подробности волнений в Афинах, организованных коммунистами, в том числе убийство множества полицейских и захват полицейских участков. Вечером он телеграфировал британскому военному представителю в Греции, генералу Скоби: «Без колебаний применяйте оружие против всех вооруженных мужчин в Афинах, угрожающих британским властям или греческим, с которыми мы сотрудничаем. Смело ведите себя как в захваченном городе, где местные подняли мятеж. Вы должны преподать некоторым такой урок, чтобы остальным было неповадно». Телеграмма Черчилля заканчивалась так: «Было бы прекрасно, если бы вам удалось сделать это без кровопролития, но, если будет необходимо, делайте с кровопролитием».

Скоби арестовал 1800 коммунистов. На следующий день в палате общин зазвучали протесты против британских действий. Развернувшиеся дебаты Черчилль потребовал считать вотумом доверия. «Люди должны уважать демократию и не употреблять это слово всуе, – сказал он. – Последнее, что имеет отношение к демократии, – это закон толпы, вооруженные банды, захватывающие полицейские участки и государственные учреждения, мечтающие насадить тоталитаризм и заявляющие, как сейчас, что, придя к власти, будут убивать всех, кто их политически не устраивает. Демократия – не шлюха, – продолжал Черчилль, – чтобы ее подбирал на улице человек с автоматом. Если депутаты в ходе голосования выскажутся против таких действий в Греции, я с готовностью приму отставку, но, если я не уйду в отставку, не обольщайтесь по этому поводу: мы продолжим очистку Афин и всего Афинского региона от тех, кто выступает против власти конституционного правительства Греции». В результате голосования 279 парламентариев высказались за действия правительства, 30 – против. Вечером Черчилль пригласил к себе Макмиллана. «Он много говорил

обо всем этом, выглядел грустным и подавленным, – вспоминал Макмиллан. – Дебаты явно его очень утомили, мне показалось, он понимает опасности, связанные с той политикой, которую мы сейчас проводим в Греции. Он выиграл дебаты, но не битву за Афины».

9 декабря Черчилль распорядился «без малейшего промедления» направить из Италии в Грецию военное подкрепление. В этот день Скоби доложил, что применил пулеметы и танки против укрепленных опорных пунктов коммунистов в Афинах. 14 «бунтовщиков» были убиты, 250 – арестованы. Больше всего беспокоила Скоби активность советской военной миссии в Афинах, которую возглавлял полковник Григорий Попов. Черчилль не воспринял сигнал тревоги. Ведь, в конце концов, Сталин ничего не говорил про Грецию. «Помните проценты, которые были на том листке? – спросил Черчилль Идена 11 декабря. – Думаю, у нас вполне хорошие отношения со Сталиным, во всяком случае, намного лучше, чем с американцами».

В тот же день начальник штаба военно-морских сил США отменил приказ, согласно которому 7 американских десантных судов выделялось для переброски в Грецию британских войск и вооружений. В Соединенных Штатах неодобрительно отнеслись к указанию Черчилля вести себя в Афинах как в «захваченном городе». Информация об этом указании случайно просочилась во время его секретной передачи в Италию, а Washington Post опубликовала ее.

12 декабря войска под командованием Александера, направленные из Италии, прибыли в Афины. Он телеграфировал Черчиллю, что ситуация оказалась намного серьезнее, чем он себе представлял. В этот день Военный кабинет принял решение оказать Александеру всю необходимую помощь, какая ему потребуется. Греческие правительственные войска под командованием генерала Пластираса тоже старались стабилизировать обстановку. Скоро пришли и позитивные новости от Александера: «Сегодня встретился с полковником Поповым из русской военной миссии. Мы прошлись с ним по улице, ведя дружественную и оживленную беседу, как полагаю, на благо грекам. Надеюсь, они будут довольны». Сталин держал октябрьское обещание.

Макмиллан, прибывший в Афины, и британский посол Реджинальд Липер рекомендовали назначить регентом архиепископа Дамаскина и поручить ему сформировать правительство, которое удовлетворило бы и коммунистов. Поначалу Черчилль отнесся к этому негативно, опасаясь,

что архиепископ установит «левую диктатуру». «Если в Греции одержат верх силы зла, – сказал он, – нас может ждать квазибольшевистский Балканский полуостров под руководством русских, и это может распространиться на Венгрию и Италию». Тем временем Макмиллан, Липер и Скоби в Афинах пытались уговорить греческих коммунистов войти в многопартийное правительство, возглавляемое архиепископом Дамаскином.

Вечером 22 декабря Черчилль обсуждал с Мартином и Колвиллом возможность поездки в Афины, чтобы «утрясти вопрос». Но до глубокой ночи никакого решения принято не было. Разговоры так затянулись, что Черчилль не поехал в Чекерс, как планировал. На следующий день он работал в постели до пяти вечера. С полей сражений пришла весть о том, что в Арденнах немцы перешли в контрнаступление, американцы потерпели поражение и окружены. Вечером Черчилль приехал в Чекерс, где уже собралась вся семья, готовясь встречать Рождество. Однако по приезде он сразу же предупредил Клементину, что на праздник не останется, а полетит в Афины. Она очень расстроилась, поднялась к себе в комнату и расплакалась.

Вечером Черчилль попросил Колвилла организовать подготовку к полету в Афины. Единственное, чего я опасаюсь, – сказал Черчилль Колвиллу, – это плохой погоды, которая может нас задержать». Утром 24 декабря Иден предложил отправиться в Афины вместо него, но после долгого обсуждения по телефону решили лететь вместе. Они собрались вылететь вечером, в канун Рождества. «Двое ваших друзей, – телеграфировал Черчилль Александеру, – один из которых я, надеются завтра быть в Афинах».

За полтора часа до полуночи, когда вся Британия праздновала Рождество, Черчилль выехал из Чекерса. В 1:05 он уже был в воздухе. Его самолет, американский транспортный С-54 «Скаймастер», переоборудованный специально для премьер-министра, только накануне прошел окончательные летные испытания. «Более роскошного судна даже невозможно представить, – написали Мариан Холмс и Элизабет Лейтон в совместном дневнике. – Спальные места на восемь человек, не считая ПМ, обеденный салон, вращающиеся стулья и шелковые занавески по всему самолету». Снежная буря над Францией вынудила «Скаймастер» подняться на высоту четыре тысячи метров. Черчилля разбудили, чтобы он надел кислородную маску.

Утром 25 декабря приземлились в Неаполе для дозаправки. «Люблю и думаю только о тебе, – телеграфировал Черчилль Клементине. – Очень жалею, что не увидел елку». В 10:45 самолет

снова поднялся в воздух. В полете Черчилль продиктовал телеграмму Рузвельту: «Мы с Энтони решили посмотреть, что можно сделать, чтобы распутать этот греческий клубок. Мы не можем бросить тех, кто поддерживал нас с оружием в руках, и должны, если понадобится, сражаться вместе с ними».

В два часа дня 25 декабря «Скаймастер» приземлился в аэропорту Каламаки близ Афин. Черчилль не стал выходить из самолета. Под охраной британских солдат он провел конференцию на борту, пригласив Александера, Скоби, Макмиллана и Липера. Снаружи задувал ветер, и в салоне становилось все холоднее. Было решено пригласить греческих коммунистов к диалогу со всеми партиями Греции с целью положить конец вооруженным конфликтам и создать многопартийное правительство во главе с архиепископом Дамаскином. Черчилль начал готовить коммюнике. Элизабет Лейтон записала: «Пока он диктовал, самолет сотрясало от порывов ветра. Ему было холодно, неуютно, он закутался в несколько пальто. Казалось, у него поднимается температура». В какой-то момент он прервал диктовку и сказал ей: «Пушка стреляла – слышали?»

В четыре часа дня Черчилля повезли на машине на военно-морскую базу в заливе Фалерон. По пути они проехали место, которое рано утром было обстреляно коммунистами. На базу прибыли после заката. Катером его доставили на крейсер «Аякс», флагман средиземноморского флота. Через несколько часов на борт прибыл архиепископ. Когда адмирал и Колвилл сопровождали его в каюту Черчилля, они столкнулись с компанией ряженых, которая бродила по палубам, празднуя Рождество. Гуляки приняли архиепископа, в его черном облачении и высокой шапке, за предводителя конкурирующей веселой компании, но, к счастью, адмирал вовремя успел вмешаться и «предотвратил катастрофу».

Дамаскин произвел сильное впечатление на Черчилля. В тот день, возмущенный злодеяниями коммунистов, архиепископ выпустил против них послание. Черчилль спросил, есть ли у него желание быть председателем конференции, в которой примут участие все греческие партии, включая коммунистов. Дамаскин дал согласие и отбыл в город.

Утром 26 декабря Черчилль вышел на палубу, откуда можно было разглядеть дым уличных боев к западу от Пирея, слышать непрестанные разрывы снарядов и пулеметные очереди. Четыре британских истребителя на бреющем полете атаковали укрепленный пункт коммунистов на склоне одного из холмов, окружающих Афины. Позже, когда Черчилль вернулся в каюту

и принялся диктовать Мариан Холмс, рядом с крейсером разорвались несколько снарядов. «Черта с два, промахнулись! – воскликнул Черчилль. – Попробуйте еще раз!»

Когда Черчилль собирался сойти с «Аякса», корабль снова подвергся артиллерийскому обстрелу коммунистов. Потом несколько снарядов разорвались недалеко от адмиральского катера, на котором плыл Черчилль. На берегу его ждали бронированный автомобиль и военный эскорт. Он направился в британское посольство, где, по словам Колвилла, «произнес вдохновенную речь» перед секретаршами, машинистками и шифровальщиками, поблагодарив их за блестящую работу в тяжелейших условиях.

«Я обратился ко всем смелым женщинам, сотрудницам посольства, которые на протяжении многих недель терпели неудобства и подвергались опасностям, но совершенно не утратили бодрости духа», – написал Черчилль Клементине. Затем, в начале шестого вечера, он на том же бронированном автомобиле отправился в конференц-зал Министерства иностранных дел Греции. Среди ожидавших его был и полковник Попов, представитель Сталина.

Делегация коммунистов еще не прибыла. Было непонятно, собираются ли они вообще появиться. В отдалении слышались разрывы снарядов и ракет, выпускаемых британскими истребителями. В помещении, освещавшемся только несколькими светильниками «молния», архиепископ произнес вступительную речь. Он сказал, что готов сформировать правительство и, если необходимо, даже без участия коммунистов. Потом заговорил Черчилль. Он дошел до середины своего выступления, когда, как потом записал Колвилл, «послышался какой-то посторонний шум, и в тускло освещенном конференц-зале появились три разбойника в лохмотьях, предварительно тщательно обысканные, для этого чуть ли не раздетые». Это была делегация коммунистов. Вся процедура началась заново.

После того как архиепископ повторил свою речь, Черчилль сказал делегатам: «Мы с мистером Иденом, несмотря на сражения, бушующие в Бельгии и на границе с Германией, проделали столь долгий путь, чтобы спасти Грецию от несчастной судьбы и вернуть ей былую славу. Мы готовы к консультациям в любое время. Останется Греция монархией или станет республикой – это решать исключительно грекам». Пока Черчилль говорил, снаружи постоянно доносились звуки выстрелов. «В какой-то момент, – записал Колвилл, – рев ракет, выпущенных британскими истребителями по позициям коммунистов, почти заглушил его слова».

Это был, как рассказывал Черчилль Клементине, «крайне драматичный момент. Изможденные лица греков вокруг стола и архиепископ в своем огромном головном уборе, отчего он казался более двух метров ростом. Что касается делегатов от коммунистов, то они выглядели гораздо лучше, чем люблинские самозванцы». Когда заговорили греки, дискуссия стала жаркой. В какой-то момент Черчилль встал и сказал: «Я предпочел бы уйти. Мы начали работу – надеюсь, вы ее доведете до конца». Уходя, он пожал руки трем делегатам от коммунистов. Полковник Попов, присутствовавший на конференции, никак не вмешивался и не комментировал.

«Греческие делегаты, – сообщил Черчилль жене, – очень достойные. Мы оставили их одних, поскольку это их греческие дела. Они могут развалиться в любой момент. Мы подождем день, если понадобится – два. По крайней мере, мы сделали все, что могли». Черчилль вернулся на крейсер, который отошел еще на милю от берега, чтобы не подвергаться периодическому минометному обстрелу коммунистов. Днем, на короткое время поднявшись на мостик с командиром корабля, он видел в отдалении разрывы снарядов в море. Командир спросил, не стоит ли открыть ответный огонь. Черчилль ответил: «Я приехал в Грецию с миссией мира, капитан. Я держу оливковую ветвь. Но я отнюдь не намерен вмешиваться в ваши военные дела. ОТКРЫВАЙТЕ ОГОНЬ!»

Ночь Черчилль снова провел на борту «Аякса». Опасаясь подводной атаки, с крейсера всю ночь сбрасывали глубинные бомбы. На следующий день в полдень, 27 декабря, он вернулся в британское посольство. В тот момент, когда они со Скоби собирались покинуть здание, чтобы осмотреть британские позиции в городе, пулеметная очередь, выпущенная с расстояния полутора километров, врезалась в стену дома в десяти метрах от них. Было выпущено несколько очередей. Погибла одна женщина на улице.

Посетив войска, Черчилль вернулся в посольство пообедать, после чего встретился с послом Соединенных Штатов и, как записал Колвилл, «высказал ему все, что думает, о совершенно неадекватной поддержке, которую оказывают нам США во всем этом деле». Затем он устроил пресс-конференцию. Разговор неоднократно прерывался свистом летящих мин. Черчилль заявил, что, если греки сами не сумеют найти «удовлетворительного и надежного демократического решения, они могут попросить на некоторое время международную опеку какого-то рода. Мы не можем позволить себе наблюдать, как вся страна сползает в анархию».

После этого Черчилль еще раз встретился с архиепископом и узнал, что коммунисты выдвигают очень жесткие условия своего вхождения в правительство. Два делегата-коммуниста хотели бы с ним встретиться, но архиепископ был категорически против. Черчилль заколебался. «Уинстон был весьма склонен встретиться с ними, – записал Макмиллан в дневнике, – но я убедил его (и Энтони поддержал меня), что, если мы хотим делать ставку на архиепископа, мы должны дать ему возможность поступать так, как он считает нужным». Макмиллан добавил: «Уинстон хотел встретиться с ними отчасти как журналист, отчасти по своей наивности, которая поистине очаровательна, но порой опасна. Он полагал, что сможет их победить. Но я чувствовал, что гораздо вероятнее они его обманут и предадут».

Черчилль послушался совета Макмиллана и Идена. Он написал записку двум коммунистам, в которой объяснил, что, поскольку конференция целиком и полностью греческая, он не может встретиться с ними, но тем не менее надеется, что состоявшиеся дискуссии и налаженные контакты приведут к скорейшему завершению печального конфликта между соотечественниками. Он никому не предъявлял никаких обвинений. «Ненависть между этими греками ужасна», – написал он Клементине.

Вечером Черчилль вернулся на «Аякс». Макмиллан заметил: «Он до сих пор переживает, что отказался встретиться с делегатами-коммунистами». Но было поздно. Его греческая миссия завершилась. Теперь архиепископу Дамаскину предстояло найти премьер-министра, который смог бы сформировать коалиционное правительство – с коммунистами или без оных. Британия будет поддерживать позицию этого правительства, по крайней мере в Афинах. Вечером Черчилль направил телеграмму начальникам штабов с просьбой направить армейскую бригаду из Палестины в Афины. Они согласились. Он также обратился с просьбой включить в новогодний наградной список пятнадцать женщин – сотрудниц британского посольства в Афинах. Одна из названных им женщин была награждена орденом Британской империи за «неустанное исполнение долга под огнем».

Утром 28 декабря, все еще на борту «Аякса», Черчилль раздумывал о том, чтобы на день задержаться в Афинах и провести еще одно заседание конференции. Макмиллан отметил в дневнике: «Ему не нравится мысль о возвращении домой без заключения мира или хотя бы перемирия». Но к середине дня он все же согласился покинуть Афины. Перед отъездом в аэропорт он направил Рузвельту полный отчет

о проделанной работе, сообщив президенту: «Я вовсе не считаю архиепископа левым с коммунистическим уклоном. Напротив, он, похоже, решительно настроен создать компактную сильную исполнительную власть в Греции, чтобы предотвратить продолжение гражданской войны. Это было тяжелое зрелище, – добавил Черчилль, – видеть в городе яростные уличные бои и несчастных людей, обитающих в различных сараях и выживающих только за счет продуктовой помощи, которую мы им поставляем. Вооруженный конфликт, по-видимому, продолжится. Огромное большинство мечтает о соглашении, которое избавило бы их от коммунистического террора».

На борту «Аякса» Черчилль получил телеграмму от Монтгомери. Тот сообщил, что немецкое контрнаступление в Арденнах на Антверпен захлебнулось. Выступив перед экипажем корабля, он на адмиральском катере отплыл в гавань, откуда процессия джипов и бронеавтомобилей направилась в аэропорт. После короткого выступления перед служащими британских военно-воздушных сил он поднялся на борт «Скаймастера». Самолет уже выруливал на взлетную полосу, как Черчилль вдруг крикнул: «Остановите машину!» Он в этот момент читал черновик заключительного коммюнике, и в нем было сказано, что он, Иден, Макмиллан и Александер уже покинули столицу. Черчиллю показалось, что это может создать впечатление, что Британия бросила Грецию на произвол судьбы. Самолет остановился. Коммюнике с поправкой передали одному из провожавших британских дипломатов.

«Скаймастер» поднялся в воздух в 2:30. Черчилль надеялся вечером уже быть в Англии, но после посадки в Неаполе выяснилось, что весь юг Англии накрыл густой туман. Пришлось заночевать в Италии. «Надеюсь, завтра будем с тобой ужинать, – телеграфировал он Клементине. – Мне уже одиноко».

Утром 29 декабря самолет Черчилля вылетел из Неаполя в Лондон, и в 3:30 пополудни приземлился на авиабазе Бовингдон. Клементина приехала его встречать. Через два с половиной часа на Даунинг-стрит они с Иденом отчитывались перед военным кабинетом о поездке. Затем, в 10:30 вечера, у них состоялось двухчасовое совещание с королем Греции Георгом II, который не хотел назначать регентом Дамаскина. В 1:30 ночи они снова встретились с Георгом. «Мне пришлось сказать королю, что, если он не согласится, вопрос будет решен без него, и мы признаем пришедшее ему на смену новое правительство», – сообщил Черчилль Рузвельту. Наконец в четыре утра король Греции согласился с регентством Дамаскина. Только после этого

Черчилль отправился в постель – через двадцать два часа после того, как проснулся в Неаполе.

В Афинах коммунисты продолжали выдвигать условия, на которые Дамаскин не был готов пойти. В итоге он попросил генерала Пластираса сформировать правительство, в которое не будут включены коммунисты. В Вашингтоне и Лондоне поднялась волна критики по поводу британской политики вмешательства в дела Греции. «Ожесточенное недопонимание в Соединенных Штатах и дегенеративных кругах у нас дома, – сказал Черчилль Клементине, – лишь начало той ярости, с которой будут встречать каждый шаг к мирному соглашению. Уверен, в Греции я принял оптимально возможное решение».

В это время возникла вероятность, что Сталин признает в качестве правительства Польши лишь люблинских поляков, исключив из него поляков лондонских. Узнав об этом, Черчилль стал настаивать на скорейшей встрече лидеров трех держав. Сталин сказал, что врачи не разрешают ему покидать страну, и предложил в качестве места встречи Ялту. Больному Рузвельту в таком случае предстояло преодолеть около десяти тысяч километров, а семидесятилетнему Черчиллю – почти шесть с половиной. «Можно искать десять лет, – сказал Черчилль Гопкинсу, – и худшего места для встречи все равно не найти». Рузвельт собирался морем добраться до Мальты, затем продолжить путь по воздуху. Черчилль решил лететь. Предварительно они с Рузвельтом договорились встретиться на Мальте. «Я буду ждать на пристани», – телеграфировал Черчилль президенту в первый день нового, 1945 г.

Почти весь день 1 января Черчилль проработал в постели. А 3 января, через пять дней после возвращения из Греции, опять покинул Англию. Сначала он вылетел во Францию, где посетил штаб-квартиру Эйзенхауэра под Парижем, а следующим вечером ночным поездом отправился в штаб-квартиру Монтгомери в Гент. Проведя утро с Монтгомери, он съездил в Брюссель, откуда вернулся в Англию. Переговоры дали ему ясное представление о следующей фазе войны – продвижении к Рейну. Черчилль сообщил Рузвельту, что в ходе переговоров не было ни малейших разногласий, но «есть один жестокий факт: для продолжения наступления нам нужны новые силы».

Стремясь несколько снять озабоченность Эйзенхауэра, Черчилль отправил телеграмму Сталину, в которой поинтересовался временем ближайшего наступления русских. Свой интерес он объяснил желанием придать Эйзенхауэру уверенность в том, что немецкие силы будут разделены между

двумя «полыхающими фронтами». Сталин проинформировал его, что советское наступление начнется не позднее второй половины января. Черчилль ответил: «Чрезвычайно признателен вам за потрясающие новости».

11 января был подписан договор между Тито и бывшим правителем Хорватии доктором Шубашичем, согласно которому в будущее правительство Югославии войдут как коммунистическая, так и не коммунистические партии. Тем самым договоренность о равноправном разделении сфер влияния в Югославии, достигнутая со Сталиным, казалась, была соблюдена. «Мы должны настаивать изо всех сил, – написал Черчилль Рузвельту, – на проведении честных выборов, на которых решится судьба будущего режима, народа или народов Югославии».

Крайнее недовольство Черчилля вызвало публичное выступление Монтгомери 12 января, в котором тот принизил вклад американцев в битву за Арденны. «Считаю его выступление крайне неудачным, – сказал Черчилль начальникам штабов. – В нем прозвучали покровительственные нотки и полностью проигнорирован тот факт, что Соединенные Штаты там потеряли около 80 000 человек, а мы – от двух до трех тысяч. Впрочем, не наша вина, что мы принимали столь незначительное участие в этом сражении, которое стало великой американской битвой, одновременно катастрофической и славной».

Теперь Черчилль начал готовиться к Ялте. Тем для обсуждения становилось все больше. 15 января он телеграфировал Рузвельту о нарастающем советском давлении в Персии, где Россия, как он выразился, надеется «приобрести все, что хочет, с помощью большой палки». Перед отъездом он сделал в палате общин обзор текущего военного положения. Колвилл записал: «Это была его лучшая речь с 1941 или даже с 1940 г.». Николсон тоже отметил «потрясающую живость, убедительность и юмор».

Говоря в палате об англо-американских требованиях безоговорочной капитуляции Германии, которые широко критиковались как слишком суровые, Черчилль подчеркнул, что немцы очень хорошо знают, «насколько строги моральные принципы, которые ограничивают наши действия», после чего напрямую обратился к врагу: «Мы не занимаемся уничтожением наций и народов. Мы не торгуемся с вами. У вас нет никаких прав. Прекращайте сопротивление безоговорочно. Мы останемся верны нашим традициям и характеру».

Николсон отметил, что перед тем, как произнести последнюю

фразу, Черчилль снял очки и сопровождал каждое слово «ударяя себя кулаком в грудь, как орангутанг». Это был мощный и впечатляющий жест. Британия будет вести себя гуманно, даже по отношению к поверженным тиранам.

20 января Венгрия подписала перемирие с союзниками. В этот же день Красная армия перешла границу Германии в Восточной Пруссии и Силезии. Лондон ликовал. В этот день Черчилль получил письмо Эттли, обратившего внимание на то, что в кабинете скопилось слишком много документов, которые он не читал, и слишком много вопросов, которые он не дал себе труда рассмотреть. Черчилль пришел в раздражение. Колвилл записал: «Как бы глубоко я ни любил и ни восхищался ПМ, боюсь, во многом Эттли прав, и я восхищен тем, что он набрался мужества сказать это. Многие консерваторы и такие чиновники, как Кадоган и Бриджес, чувствуют то же самое».

Черчилль ответил очень кратко: «Уверяю, мне всегда на пользу ваши советы». Затем он пригласил своих сотрудников пойти с ним в Министерство авиации посмотреть кинофильм, предложив, как записал Колвилл, «отложить в сторону заботы». Машинистки, водители, прислуга и другие отправились смотреть выпуск новостей, где было показано, как немецкая авиация в новогодний праздник бомбила британские аэродромы в Голландии, а потом – американский фильм «Победить темноту» (Dark Victory) о молодой светской красавице, которая узнает, что умирает от опухоли мозга. В эпизодах снимались Хамфри Богарт и Рональд Рейган.

29 января Черчилль отправился в первую часть своего путешествия по маршруту Лондон – Ялта. 30 января в четыре часа утра самолет приземлился на Мальте, но Черчилль чувствовал себя настолько больным, что оставался в постели на борту самолета в течение шести часов. Затем нашел в себе силы перебраться на крейсер «Орион», где снова сразу лег. Вечером за ужином ему стало лучше, и он даже провел, как выразился Иден, «некоторое предварительное обсуждение проблем будущей конференции».

В последующие два дня обсуждение продолжалось с Иденом и начальниками штабов. Было время и для размышлений. «Должен признаться, – написал он Клементине 1 февраля, – душа моя в глубокой печали от рассказов о множестве немецких женщин и детей, бредущих многокилометровыми колоннами по всем дорогам на Запад перед наступающими армиями. Глубоко убежден, что они это заслужили, но закрывать глаза на это нельзя. Страдания мира потрясают меня, и возникает все более

четкое ощущение, что после нашего успешного завершения борьбы могут возникнуть другие конфликты».

Утром 2 февраля прибыл на Мальту Рузвельт. Физическая слабость его была очевидна, так же как и угасающая энергия. На встречах американский президент почти ничего не говорил, однако были приняты важнейшие решения о судьбе Европы и демократии. Вся тяжесть проблем, как американских, так и британских, легла на плечи Черчилля. И он взвалил ее на себя не раздумывая. Днем, на встрече с Объединенным комитетом начальников штабов, он сказал: «Необходимо оккупировать максимум территории Австрии, поскольку нежелательно, чтобы русские заняли больше Западной Европы, чем необходимо». С этим никто не спорил. Вечером на корабле Черчилль заглянул в офицерскую кают-компанию. Мариан Холмс записала: «Он встал у бара и выпил с окружившими его офицерами. Он просто неотразим в этих импровизированных беседах». На прощание Черчилль сказал молодым офицерам: «Надеюсь, вы позаботитесь о моих молодых леди. Они везде ездят со мной и давно смирились с моим дурным характером».

Вскоре после полуночи Черчилль, его дочь Сара и Иден поехали в аэропорт Мальты. Через три часа самолет поднялся в воздух, а еще через семь приземлился в аэропорту крымского города Саки. Здесь они стали ждать самолет Рузвельта. Президент стал «трагической фигурой, – позже записал Черчилль. – Он не смог выйти из открытого автомобиля, и я шел рядом с ним, пока он объезжал почетный караул».

Из аэропорта Черчилль более семи часов добирался на машине через Крымские горы до Ялты. Местом его пребывания на ближайшие восемь дней стал величественный Воронцовский дворец на берегу Черного моря. Построенный в шотландском «баронском» стиле для бывшего посла царской России в Великобритании, он был подарен Гитлером фельдмаршалу фон Манштейну после завоевания Крыма в 1942 г.

Днем 4 февраля Черчилля во дворце навестил Сталин. Первым делом Черчилль поспешил вручить знаки отличия командора ордена Британской империи переводчику Сталина Павлову, о чем говорил в Москве три с половиной месяца назад. Затем он проинформировал Сталина о том, что в ближайшие четыре дня начнется англо-американское наступление, целью которого является выход к Рейну, и показал ему свой картографический кабинет, в котором на карте отражалась вся новейшая информация со всех фронтов. Через час Сталин уехал, а Черчилль по горной дороге отправился на машине в Ливадийский дворец, бывший когда-то летней резиденцией

императора Николая II. Там остановился Рузвельт, и там же должна была проходить конференция. Первая встреча началась в пять часов. «У нас под ногами лежал весь мир, – позже вспоминал Черчилль. – Двадцать пять миллионов человек подчинялись нашим приказам на суше и на море. Мы казались друзьями».

На первом пленарном заседании Черчилль предложил провести штабное совещание о возможной англо-американской наступательной операции на севере Адриатики через Люблянский проход с целью соединиться с левым флангом русских войск. Он также попросил, чтобы русские атаковали Данциг, где немцы строили подводные лодки нового типа, «опережающие британские по некоторым техническим характеристикам» и уже потопившие 12 судов поблизости от Британских островов. Сталин не возражал. Вечером за ужином Рузвельт внезапно согласился со Сталиным, который предложил, чтобы условия мирных соглашений определяли только великие державы без участия малых стран. Черчилль на это заметил: «Орел должен позволять петь мелким пташкам и не раздражаться их пением».

5 февраля на объединенной встрече начальников штабов русские отметили, что несколько дивизий немецких войск передислоцируются обратно из Европы на Восточный фронт, и попросили союзников срочно нанести интенсивные воздушные удары по коммуникациям в районе Берлин – Лейпциг – Дрезден и по самим этим городам. Предложение было принято, указания о проведении воздушных налетов сделаны.

В тот же день Большая тройка обсуждала политическое будущее Германии. Сталин представлял себе расчленение Германии на пять самостоятельных государств, как предлагал Рузвельт еще в Тегеране. Слушая его, Черчилль заметил Идену: «Единственное, что объединяет победителей, – их общая ненависть». Он добавил, что для безопасности Британии в будущем «она должна стать ответственной за безопасность группы слабых государств». К недовольству Сталина, Черчилль высказался за осторожность в отношении слишком быстрого «расчленения» Германии.

Говоря об оккупационных зонах союзников на территории Германии, Черчилль настоял на предоставлении одной из таких зон Франции. Его обеспокоило заявление Рузвельта, что американская оккупация будет «ограничена двумя годами». Обсуждая репарации, Черчилль выступил против слишком высоких требований к Германии, вспомнив неудачу репараций, предъявленных после Первой мировой войны. Он сказал Рузвельту и Сталину: «Если вы хотите, чтобы лошадь тащила

вашу телегу, ей надо давать сено». Все пришли к соглашению, что определение окончательных сумм должно быть сделано специальной репарационной комиссией. Вечером перед сном Черчилль сказал Саре: «Не думаю, что мировая история знает времена более тяжких всеобщих мучений. Сегодня под солнцем страданий больше, чем было когда-либо».

6 февраля Большая тройка обсуждала создание Всемирной организации по решению международных споров. Ее главным инструментом должен стать Совет Безопасности, в который войдут представители великих держав. Черчилль заметил, что британское правительство не оправдает ожиданий, «если не будут в полной мере учитываться обиды и жалобы многих небольших стран. Ни одна великая держава не должна иметь права вето по вопросам, в которых другая великая держава является заинтересованным лицом». Он привел в пример Китай, претендующий на возвращение Гонконга. Обе стороны должны обосновать свою позицию, и только в этом случае Совет Безопасности примет решение.

Затем дискуссия перешла на Польшу. Эта тема оказалась доминирующей на Ялтинской конференции. Рузвельт сказал, что привез из Америки «отдаленный взгляд на польский вопрос: в Соединенных Штатах пять или шесть миллионов поляков, в основном во втором поколении». Черчилль заявил о праве поляков жить свободно и самим определять свой образ жизни в новых, сдвинутых к западу границах, на чем настаивал Сталин. Британия, по его словам, вступила в войну ради того, чтобы Польша стала свободной и независимой. В Польше необходимо провести свободные выборы; должно быть выражено свободное волеизъявление польского народа о своей будущей конституции и администрации.

Когда Сталин поддержал требование люблинских поляков на доминирование в любом временном правительстве, Черчилль возразил, что люблинское правительство не имеет оснований утверждать, что представляет всю польскую нацию. Рузвельт несколько раздражительно заметил, что «Польша была источником проблем на протяжении 500 лет», на что Черчилль сказал: «Мы должны сделать все возможное, чтобы положить конец этим проблемам». В последующие пять дней Черчилль потратил много времени и сил, настаивая на необходимости проведения в Польше свободных выборов и на «реальном представительстве» лондонских поляков в любом временном правительстве, а также на участии лидеров независимых партий – тред-юнионистов и социалистов, которых хотели подключить американцы.

7 февраля, направляясь с Сарой из Воронцовского дворца в Ливадию на очередную встречу Большой тройки, Черчилль, глядя на искрящееся под солнцем море, заметил: «Адская Ривьера». В этот день на официальном заседании он поддержал предложение Молотова о том, что Советский Союз, будучи единой страной, должен иметь трех представителей в Организации Объединенных Наций: от России, Белоруссии и Украины. «С удовольствием сделал дружественный жест в отношении России по этому вопросу, – телеграфировал Черчилль военному кабинету, – имея в виду перспективу более важных уступок с их стороны, на которые можно рассчитывать». Таким образом СССР получил три места, которые сохраняет и в настоящее время.

В тот же день обсуждался вопрос о том, где должна быть проведена западная граница Польши. Сталин хотел, чтобы в территорию новой Польши были включены немецкий город Бреслау и значительная часть земель между реками Восточная и Западная Нейсе[56]. Черчилль же полагал, что это слишком далеко на запад и что западной границей Польши должна стать Восточная Нейсе. «Будет очень жаль, – заметил он, – если мы накормим польского гуся немецкой пищей до такой степени, что он умрет от несварения». Сталин сказал, что в этом регионе немцев уже не осталось, потому что «они все сбежали». В очередной раз мнение Сталина восторжествовало, поскольку его армии уже овладели большей частью того региона, о котором шла речь.

Физически конференция оказалась не такой тяжелой, как Тегеранская. Сара рассказывала матери: «Они не встречаются до четырех часов дня. Затем огромное заседание, которое длится четыре-пять часов, потом прощаются и обычно возвращаются каждый в свое логово. Мы ужинаем тихо, обычно папа, Энтони и я. Разумеется, это блаженство. К сожалению, почта прибывает только к полуночи, что не дает ему лечь в постель до двух часов». Утром Черчилль вставал поздно, обедал рано, работал, днем немного спал, после чего был готов к пленарному заседанию, начинавшемуся в четыре часа дня.

8 февраля на заседании Сталин заявил, что на первую конференцию Объединенных Наций, назначенную на 25 апреля, должны быть приглашены только те страны, которые объявили войну Германии. Черчилль спросил, будет ли приглашена Турция, если, как он выразился, «она уже готова сделать предсмертное признание и объявить войну». Сталин согласился. Турки с готовностью ухватились за предложение и 23 февраля объявили войну Германии. Заявление должно было вступить в силу

с 1 марта.

Дискуссия вновь обратилась к Польше. Поскольку Сталин не был готов предоставить лондонским полякам равноправия во временном правительстве Польши, Черчилль предложил другое решение: Британия перестанет беспокоиться по этому поводу, если в Польше пройдут свободные выборы на основе всеобщего избирательного права и со свободными кандидатами. Как только такие выборы состоятся, Британия будет приветствовать любое польское правительство безотносительно к правительству в Лондоне. В этот же день Черчилль сообщил о своих требованиях военному кабинету.

К его удивлению, Сталин пообещал, что будут проведены свободные выборы. Когда Рузвельт спросил, как скоро они могут состояться, Сталин обезоруживающе ответил: «Их возможно провести в течение месяца». Черчиллю ничего не оставалось, кроме как поверить этому обещанию. Когда же на протяжении последующих недель оно медленно, уклончиво, но систематически стало нарушаться, англо-советский альянс военного времени начал разваливаться.

В завершение заседания этого дня участники кратко коснулись ситуации в Греции. Сталин сказал Черчиллю, что «не хотел вмешиваться». Черчилль ответил: «Премного обязан».

Вечером Сталин принимал Черчилля и Рузвельта в своей резиденции в Юсуповском дворце. В краткой речи Черчилль напомнил участникам банкета, что в прошлом страны, бывшие товарищами по оружию, обычно расходились через пять-десять лет после окончания войны. «Таким образом, миллионы трудящихся шли по порочному кругу, то скатываясь в яму, то ценой огромных жертв вылезая из нее. Теперь у нас есть шанс избежать ошибок предыдущих поколений и установить прочный мир».

По ходу вечера Черчилль произнес тост за переводчиков. Он сказал: «Переводчики всех стран, соединяйтесь! Вам нечего терять, кроме своей аудитории». Эта пародия на Карла Маркса, по словам Портала, «прошла на ура». Сталин развеселился.

9 февраля в ходе пленарного заседания Черчилль и Рузвельт получили заверение Сталина, что британские и американские наблюдатели получат возможность следить за выборами в Польше и что лидер «лондонских поляков» Станислав Миколайчик, наряду с другими кандидатами от Польской крестьянской партии, получит возможность участвовать в выборах. Сталин в очередной раз заверил в скорейшей организации свободных выборов. Он также заверил Черчилля,

что использует все свое влияние, чтобы убедить Тито выполнить соглашение, достигнутое с Шубашичем 11 января, о проведении Ассамблеи национального освобождения и свободно избранной Конституционной ассамблеи, в которой примут участие все довоенные партии и которая должна будет утвердить законодательство. Когда Черчилль сказал, что знал, что «может положиться на добрую волю маршала Сталина попросить Тито дать такого рода гарантии», Сталин, как было зафиксировано в стенограмме заседания, твердо заявил, что, когда он делает заявление, он его выполняет.

Последней темой дня стало отношение к военным преступникам. В Тегеране Сталин предлагал взять 50 000 немцев и расстрелять их без суда и следствия. Черчилль, который тогда был настолько возмущен этим предложением, что в знак протеста покинул зал заседаний, сейчас сказал, что следует все же составить список военных преступников, после чего их судить, хотя лично он более склонен к тому, чтобы «расстрелять всех, как только они будут пойманы и их личности установлены». Сталин, прежде бывший сторонником массовых казней, теперь высказался в пользу судебного процесса. Рузвельт заметил, что процесс не должен быть «чрезмерно судебным». Журналистов и фотографов на него нельзя допускать, пока преступники не будут казнены.

На этом пленарное заседание закончилось. Вернувшись по горной дороге в Воронцовский дворец, Черчилль обнаружил там дожидавшуюся его телеграмму от Монтгомери: британские и канадские войска прорвали линию обороны Зигфрида, захвачено семь немецких городов и поселков, в плен взято 1800 солдат. На западном берегу Рейна к югу от Страсбурга немцы прекратили сопротивление. Вечером Черчилль был в благодушном настроении. «ПМ выглядит хорошо, – заметил Кадоган, – хотя выпивает корзины кавказского шампанского, что подорвало бы здоровье обычного человека».

Днем 10 февраля на частной встрече со Сталиным в Юсуповском дворце Черчилль согласился репатриировать в Россию тех русских военнопленных, которых освободили англичане в ходе боев с немцами. Сталин особо подчеркнул, чтобы британцы «хорошо обращались» с этими людьми, пока не отправят на родину. Затем Черчилль, в свою очередь, «упросил» Сталина хорошо обращаться с британскими военнослужащими, которых советские войска освободили из лагерей для военнопленных на востоке. Он сказал советскому лидеру: «Каждая мать в Англии волнуется о судьбе своих пленных сыновей».

Так оказались связаны судьбы сотен тысяч русских, из которых как минимум десять тысяч были казнены после их насильственного возвращения, и сотен тысяч британцев, которых на родине встретили с радостью и любовью.

В конце встречи Черчилль сказал Сталину, что будет «приветствовать появление русских кораблей на Тихом океане» и что в связи с этим русским военным кораблям должен быть разрешен свободный проход через Дарданеллы, несмотря на статью конвенции Монтрё 1936 г., запрещающую это. «Это нетерпимо, – сказал Черчилль, – что Россия должна зависеть от милости Турции не только в военное, но и в мирное время». Затем Черчилль и Сталин в разных машинах из Юсуповского дворца отправились в Ливадийский дворец на завершающее пленарное заседание. Там Черчилль, ссылаясь на телеграмму из военного кабинета, вновь выразил свое беспокойство слишком большим перемещением западной границы Польши, на чем настаивали русские. Но компромисс был найден: Польша получит существенные территориальные компенсации на западе, а реальная граница будет определена позже. На самом деле окончательная граница установилась на том рубеже, до которого дошла Красная армия, то есть именно там, где хотел Сталин.

На последней встрече Сталин согласился не настаивать на слишком высоком уровне репараций, которые он хотел получить от Германии. Дать такое обещание тоже было легко: зато в ближайшие шесть лет Сталин получит от всех стран, оказавшихся под его военным и политическим влиянием, все, чего пожелает. В Ялте в обстановке строжайшей секретности Сталин дал еще одно обещание и честно его выполнил: Советский Союз вступит в войну с Японией в самое ближайшее время после поражения Германии.

Вечером Черчилль принимал в Воронцовском дворце Рузвельта и Сталина. После ужина он провел гостей в свой картографический кабинет. На картах были показаны советские войска, стоявшие на восточном берегу Одера, в 60 километрах от Берлина; британские и канадские – на западном берегу Рейна; американские войска, вернувшиеся на Филиппины, – в Маниле.

В картографическом кабинете произошел небольшой неприятный инцидент. При обсуждении различных наступательных операций Сталин предположил, что Британия может захотеть заключить перемирие раньше русских. Черчилль, крайне оскорбленный, отошел в угол кабинета и, засунув руки в карманы, начал напевать. Сталин был озадачен. Рузвельт с широкой улыбкой сказал русскому переводчику: «Скажите своему шефу, что пение премьер-министра – это британское

секретное оружие».

На следующий день, 11 февраля, Большая тройка собралась в полдень, чтобы подписать Декларацию освобожденной Европы, утверждающей «право всех народов выбирать форму правления, при которой они хотят жить, и восстановление суверенных прав и самоуправления народов, которые были насильно лишены их странами-агрессорами. При необходимости оказания помощи в создании временных правительств с широким представительством всех демократических элементов населения Большая тройка приложит совместные усилия для проведения свободных выборов».

В отдельном коммюнике также было подтверждено, что в Польше будут проведены выборы для формирования польского временного правительства. Внешне могло показаться, что Польша стала главным бенефициаром встречи в Ялте. Это произошло благодаря формуле, предложенной Черчиллем для выхода из тупика: люблинские поляки станут главной движущей силой в новом правительстве, «реорганизованном на широкой демократической основе с участием лидеров как из самой Польши, так и поляков, находящихся за границей».

Однако, несмотря на обязательство проведения «свободных выборов в самое ближайшее время на основе всеобщего избирательного права и тайного голосования», польское коммюнике давало понять, что лондонские поляки, за которых так долго боролась Британия и лично Черчилль, получили статус «поляков, находящихся за границей». Этот статус отнюдь не был равен статусу люблинских поляков. Коммюнике отражало в этом вопросе жесткую позицию, на которой еще раньше стоял Сталин. При обмене последними официальными словами в Ялте Черчилль сказал Сталину, что его «будут жестко критиковать дома, говоря, что мы полностью уступили позиции русским». Черчилль оказался прав. В Британии действительно выражали сильное недовольство тем, что лондонские поляки оказались на заднем плане и что ничего не было сделано для гарантии создания демократической и независимой Польши. Но с того момента, как советские войска вышли на берега Одера, что произошло на этой неделе, и овладели Варшавой тремя неделями ранее, никакие коммюнике или обещания не могли уже повлиять на исход дела.

Ялтинское коммюнике было подписано. Черчилль в последний раз покинул Ливадийский дворец и вернулся в Воронцовский. Было чуть больше пяти часов. Он собирался остаться переночевать, но, когда машина миновала величественные ворота в готическом стиле, он вдруг повернулся

в Саре и сказал: «А зачем нам оставаться? Почему бы не уехать сегодня? Не вижу причин задерживаться здесь ни минуты – мы уезжаем».

Затем Черчилль резко вышел из машины и быстро направился в свой личный кабинет, где объявил секретариату: «Не знаю, как вы, а я уезжаю! Уезжаю через пятьдесят минут». Сара рассказывала матери: «После минутного ошеломленного молчания все занялись лихорадочной деятельностью. Дорожные сундуки и какие-то загадочные большие бумажные мешки, которые выдали нам русские, заполнили зал. Стираное белье вернулось чистым, но сырым. Были бесконечные противоречивые предложения – отправляться морем либо по воздуху в Афины, Стамбул или Каир, но папа, веселый и энергичный, как школьник, закончивший домашние задания, переходил из комнаты в комнату и подгонял: «быстрее, быстрее».

В 5:30 кавалькада машин направилась на запад вдоль скалистого побережья, под высокими голыми утесами, а затем, когда уже стемнело, повернула в сторону от моря и через горный перевал покатила к Севастополю. Там Черчилля ждало судно «Франкония». «Показалось, премьер-министр выглядел уставшим, – позже записал капитан корабля Гарри Граттидж, – но он первым делом спросил, не прибыл ли курьер, чтобы можно было начать работать».

На следующий день Черчилля свозили на места сражений Крымской войны. В небольшой гавани, которая в те далекие дни была базой британских войск, Черчилля поразило, как он записал позже, «большое количество военнопленных – славян, румын и др., занимавшихся каким-то тяжелым трудом». Русские уже начали использовать труд людей из побежденных стран для восстановления своих разрушенных городов. По возвращении на «Франконию» Черчилль спросил капитана: «Нельзя ли прожарить одежду, чтобы избавиться от паразитов? А то они нас победят».

13 февраля «Франкония» простояла на якоре в Севастопольской бухте. Черчилль работал. Ночью, когда он спал, более восьмисот британских бомбардировщиков нанесли удар по Дрездену. На город было сброшено около 1500 тонн фугасных бомб и 1175 тонн зажигательных. Через несколько часов американские бомбардировщики сбросили еще примерно 700 тонн на горящий город. Цель русских, которую они объяснили в Ялте восемью днями ранее, была достигнута: огромные массы беженцев на дорогах, движущихся на запад, помешали немецким дивизиям пройти через город к Восточному фронту. Но цена была очень велика – более 60 000 погибших

мирных граждан.

14 февраля Черчилль сошел на берег и отправился на аэродром Саки. Дорога заняла три часа. Позже он вспоминал: «Во время поездки видели колоссальную груду паровозов – тысячу или больше, – которые немцы, отступая, столкнули в ущелье. Поразительное зрелище». После краткой прощальной речи перед русским почетным караулом в аэропорту, в которой он сказал об «освобожденном Крыме, очищенном русским мужеством от грязного присутствия гуннов» и об их «великом вожде» Сталине, Черчилль в последний раз покинул русскую землю.

Самолет взял курс на Афины, где архиепископ Дамаскин уже был регентом. Столкновения в столице Греции прекратились, и Черчилль ехал с архиепископом по улицам, где звучали не разрывы мин, а радостные приветствия стоявших вдоль дороги людей. Затем на площади Конституции, на фоне залитого вечерним светом Парфенона, он обратился к самой большой аудитории, какую когда-либо видел. Макмиллан, присутствовавший при этом, оценил количество собравшихся в 40 000 человек. «Пусть умрет взаимная ненависть, – сказал Черчилль. – Да здравствует единство. Да здравствует неколебимое братство». Когда уходили с площади, оркестр заиграл «Боже, храни короля», но он не узнал гимна в греческом исполнении и продолжал идти, пока не обратил внимания на генерала Скоби, который встал по стойке «смирно».

Вечером архиепископ нанес визит Черчиллю и просил не забывать о древних притязаниях греков на Константинополь. «Выбросьте эти мечты из головы», – ответил Черчилль. Затем незадолго до полуночи он из британского посольства уехал на корабль, где переночевал, а 15 февраля с рассветом вылетел из Афин в Каир. Из каирского аэропорта он прямиком направился в Александрию, а оттуда катером на борт американского тяжелого крейсера «Куинси». Там его ждал Рузвельт. «Я почувствовал, что он уже не жилец», – позже вспоминал Черчилль. Это была их последняя встреча.

Затем Черчилль улетел обратно в Каир, а 17 февраля отправился в пустыню, в Фаюмский оазис, где дал банкет в честь правителя Саудовской Аравии короля Ибн Сауда. Затронув тему Палестины, Черчилль попросил помощи короля «в заключении прочного и долговременного соглашения между евреями и арабами». Он думал о создании Ближневосточной федерации во главе с Ибн Саудом, в которой еврейская Палестина стала бы неотъемлемой, но в то же время независимой частью.

Позже, в своих военных мемуарах, Черчилль написал,

что перед банкетом его предупредили, что король не позволяет при себе курить и употреблять алкоголь. Но он не считал себя обязанным соблюдать арабские традиции. «Я был принимающей стороной и заявил, что если его религия не позволяет таких вещей, то моя религия предписывает соблюдать как абсолютно священный ритуал курение сигар и употребление алкоголя до, после, а при необходимости и во время приема всех блюд, а также в перерывах между ними. И я полностью ей подчиняюсь». Но король оказался не промах. «Нам предложили какой-то напиток, – писал Черчилль. – Не понял, что это было. По вкусу весьма мерзкий коктейль. Потом выяснилось, что это афродизиак».

Вернувшись в Каир, Черчилль отправил телеграмму Клементине, в которой сообщал о «чрезвычайно интересных беседах с одним императором, двумя королями и одним президентом». Он имел в виду императора Абиссинии Хайле Селассие, короля Саудовской Аравии Ибн Сауда, короля Египта Фарука и президента Сирии Шукри Куатли.

18 февраля Черчилль провел в Каире, в полночь уехал в аэропорт и поднялся на борт «Скаймастера». Но самолет еще не был готов к вылету. «Иногда премьер-министр начинал напевать отрывки песенок, а то песни целиком, – написала Элизабет Лейтон родителям. – Он был в прекрасном настроении, сонный и весьма забавный. И, должна признаться, даже довольно симпатичный». В два часа ночи самолет был готов к вылету. Теперь предстоял беспосадочный перелет длительностью тринадцать часов сорок минут. Черчилль отсутствовал в Англии три недели.

Плохая погода в Лондоне вынудила «Скаймастер» совершить посадку в графстве Уилтшир. Оттуда Черчилль машиной три часа добирался до Ридинга, где в привокзальном отеле подождал Клементину. Из Ридинга они поехали в Лондон. На Даунинг-стрит его уже ждали члены военного кабинета. Черчилль отчитался о Ялтинской конференции. «Он удивительно хорош, – сообщила в этот день Клементина Мэри. – Гораздо, гораздо лучше, чем когда уезжал на эту самую изнурительную и трудную конференцию». Вечером они ужинали с королевской четой в Букингемском дворце.

После возвращения самые серьезные претензии Черчиллю были предъявлены в связи с будущим Польши. Многие консерваторы сомневались, что Сталин сдержит слово о свободных выборах. «Чтобы судить о пудинге, надо его отведать, – написал Черчилль премьер-министру Новой Зеландии. – Мы пришли к договоренности лишь на основе доброй

воли, что отражено в коммюнике. Я лично, несмотря на свои антикоммунистические убеждения, питаю большие надежды на то, что Россия, или, по крайней мере, Сталин, желает действовать в гармонии с западными демократиями. В ином случае перспективы долгосрочного мира могут вызвать отчаяние. Но мы до последних жизненных сил должны следовать нашему долгу, как мы его понимаем».

«Если Сталин не выполнит свои обещания насчет выборов в Польше, – говорил Черчилль в военном кабинете 21 февраля, – наши отношения изменятся. Британия в этом случае продолжит считать законным польское правительство в Лондоне до тех пор, пока в Польше не будет создано правительство на основе ялтинского коммюнике: свободные выборы и тайное голосование». Колвилл двумя днями позже отметил: «За ужином в Чекерсе ПМ был весьма подавлен. Он размышлял, насколько вероятно, что в какой-то день Россия выступит против нас. Он говорил, что Чемберлен доверял Гитлеру так же, как он сейчас доверяет Сталину (хотя обстоятельства совершенно различны), но утешается в отношении России немецкой пословицей: «деревья до неба не растут». Потом он задумчиво спросил: когда закончится разрушение Германии, что останется между белыми снегами России и белыми скалами Дувра? Впрочем, возможно, что русские не захотят выходить к Атлантике, или что-нибудь их остановит, вроде того как случайная смерть Чингисхана остановила монголов, которые ретировались и больше никогда не вернулись».

24 февраля у Черчилля в Чекерсе побывали находящиеся в эмиграции президент Чехословакии Бенеш и премьер-министр Масарик. Черчилль сказал им, что маленький лев ходил между огромным русским медведем и гигантским американским слоном, но, возможно, окажется, что лев лучше знает, как надо действовать».

Через три дня, обсуждая итоги Ялтинской конференции в палате общин, Черчилль попытался снизить озабоченность будущим Польши. Он сказал, что, по его мнению, Сталин и другие советские лидеры «хотят установить уважительные, дружеские и равноправные отношения с западными демократиями. Я чувствую также, что они держат свое слово. Но по сравнению с 1940 и 1941 гг. времена сильно изменились. Если из-за моря идет человек, который хочет тебя убить, ты делаешь все, что в твоих силах, чтобы он умер раньше, чем закончится его путешествие. Это может быть трудно, это может быть мучительно, но, по крайней мере, это очевидно. С тех пор прошло четыре года. Теперь мы вступаем

в непредсказуемый мир, который постоянно требует анализа. Ошибкой будет заглядывать слишком далеко вперед. Только с чем-то одним можно разбираться в конкретный момент».

Черчилль закончил тем, что великие державы «должны стремиться служить, а не править». В заключении, которое он в последний момент решил не произносить, было написано: «Никто не может гарантировать будущее мира. Есть те, кто опасается, что он сам развалится на куски и что в истории человечества может произойти чудовищный провал. Я в это не верю. Всегда должна быть надежда. Альтернатива – отчаяние, а это безумие. Британский народ никогда не поддавался отчаянию».

Вечером в курительной комнате разговоры шли исключительно о Польше. Поговорив с Черчиллем, Николсон позже записал: «Он очень разумен. Он говорит, что не видит, что еще мы могли сделать. Русские не только очень сильны, они уже на месте. Даже всего могущества Британской империи не хватит, чтобы сдвинуть их со своего места». Колвилл на следующий день записал: «ПМ пытается убедить себя, что все хорошо, но мне кажется, в душе он переживает за Польшу и не уверен в прочности своей моральной позиции».

Черчилль действительно сознавал обоснованность ощущения, что Польша предана. «Обе партии чувствуют огромную неловкость из-за того, что мы бросаем поляков», – написал он Рузвельту 28 февраля. Черчилль также сообщил Рузвельту, что ходит множество рассказов о массовой депортации поляков русскими и о казнях люблинскими поляками тех «элементов, которые им не нравятся». Он писал, что у него нет способа подтвердить или опровергнуть эти утверждения. Вечером Черчиллю стало известно о массовых акциях устрашения, которые проводятся в Румынии с помощью советских войск для установления коммунистического правительства. Московская договоренность о «процентах» не допускала британского вмешательства. Но Польша не входила в это соглашение. Ее демократическое будущее было гарантировано Ялтинским коммюнике. Раздраженный и разочарованный упорством Сталина, Черчилль сказал Колвиллу: «У меня нет ни малейшего желания быть обманутым насчет Польши, даже если из-за этого мы окажемся на грани войны с Россией».

Глава 35
«Вперед, Британия!»

2 марта 1945 г., через одиннадцать дней после возвращения из Ялты, Черчилль вылетел из Лондона в Брюссель. Там пообедал с Мэри, которая служила на зенитной батарее, потом самолетом отправился в голландский Эйндховен, поужинал с Монтгомери и на машине уехал в Гелдроп. Утром 3 марта он впервые с 1932 г. пересек границу Германии, побывал на позициях 9-й американской армии и осмотрел линию Зигфрида. «По прибытии, – вспоминал генерал Брук, – наша колонна из двадцати или тридцати машин остановилась, мы вышли и торжественно выстроились вдоль линии. Когда фотографы рванулись вперед, он повернулся к ним и сказал: «Это одна из тех операций великой войны, которую нельзя запечатлеть фотографически». Надо отдать им должное, они подчинились и упустили возможность запечатлеть величайшие кадры военного времени! Никогда не забуду его довольную мальчишескую усмешку, которая осветила его лицо, показывая, с каким пренебрежением он относится к этой суете».

Ночь Черчилль провел в поезде Эйзенхауэра, 4 марта снова вернулся на территорию Германии, посетил 1-ю канадскую армию, а затем в деревне Гох выстрелил из 8-дюймовой пушки. «Уинстон недоволен, что его не пускают ближе к фронту», – записал Брук в дневнике. Ночевал он опять в поезде Эйзенхауэра, который за это время переместился в Реймс. В штабе Эйзенхауэра на окраине города он провел целый день, наблюдая в картографическом кабинете за ходом боев.

Из Реймса Черчилль телеграфировал Идену, что «чрезвычайно обеспокоен Польшей». Поэтому он даже не хотел, чтобы Британия выражала какой-то протест против советских действий в Румынии, чтобы у Сталина не было никаких оснований, сославшись на «процентные договоренности», достигнутые в прошлом октябре, упрекать Британию в нарушении взаимопонимания в тот самый момент, когда борьба за Польшу достигла предела. Во второй телеграмме Идену, отправленной в тот же день, Черчилль написал, что «собирается приложить максимум усилий, чтобы Польша сама решала свои проблемы и польские солдаты, служащие у нас, могли бы туда вернуться».

Четвертую ночь подряд Черчилль провел в поезде Эйзенхауэра и утром 6 марта улетел в Лондон. В первом письме, написанном в этот день и адресованном парламентарию

от Консервативной партии, он снова выразил озабоченность Польшей. «Мы сейчас стараемся сделать так, чтобы соблюдались не только буква, но и дух Ялтинских соглашений относительно Польши», – написал Черчилль. Однако в тот же день он узнал, что только московским кандидатам будет позволено стать членами правительства Польши. «Теперь очевидно, – сказал Черчилль коллегам, – что русские не собираются выполнять условия, о которых мы договорились». Таким образом, Ялтинские соглашения по Польше оказались фактически аннулированы спустя двадцать три дня после их принятия.

7 марта пришли зловещие вести из самой Польши. Два железнодорожных состава с запломбированными вагонами, в которых находились две тысячи польских священников, интеллигентов и учителей, были отправлены в советские трудовые лагеря. Было арестовано 6000 польских офицеров, которые сражались против немцев в частях, верных польскому правительству в Лондоне. Многие из них были убиты. Прочитав эти сведения, Черчилль попросил переслать их Рузвельту.

В тот же день Кельн был оставлен немцами и части американской армии перешли Рейн. Но радость от этих успехов была омрачена тем, что советские оккупационные власти в Румынии стали угрожать, что заберут бывшего премьер-министра генерала Радеску из убежища, которое он нашел в здании британской военной миссии. Вечером Черчилль сказал в военном кабинете, что британская военная и авиационная миссии в Румынии намерены открыть огонь по русским, если они попытаются захватить Радеску силой. Военный кабинет согласился, что военные миссии должны «при необходимости открыть огонь», чтобы защитить беженца.

У Черчилля к этому времени уже развеялись все иллюзии относительно Сталина. Он больше не собирался позволять русским свободно хозяйничать в Румынии в обмен на их признание некоммунистического правления в Греции. «Отказ в праве на существование оппозиционных партий и депортация противников коммунизма, усилившаяся в последние недели, – телеграфировал он Рузвельту 8 марта, – превращает в фарс Ялтинскую декларацию свободной Европы». Он также сообщил президенту, что «все партии и классы Британии всей душой против советского господства в Польше. Лейбористы выступают не меньше консерваторов, и социалисты не меньше католиков. Как только выяснилось, что нас вводят в заблуждение и что хорошо известная коммунистическая практика применяется в Польше либо непосредственно русскими, либо их люблинскими марионетками, в британском обществе сложилась очень тяжелая

ситуация».

Черчилль призывал Рузвельта соединиться и «оказать упорное давление» по вопросу сохранения свободы Польши. Но здоровье Рузвельта не позволяло ему не только ответить, но даже прочитать телеграмму Черчилля. Он умирал, но его состояние скрывалось даже от ближайшего союзника и партнера. 18 марта в обращении к Рузвельту Черчилль выражал надежду, что его телеграммы по поводу Польши, Румынии и прочих не вызывают скуку, и добавил: «Наша дружба – скала, на которой я строю мир будущего, пока являюсь одним из его строителей. Мир с Германией и Японией не принесет особого покоя ни вам, ни мне (если я еще буду иметь к этому отношение). Я замечаю в последнее время, что, когда завершается война гигантов, начинается война пигмеев. А измученный и голодный мир способствует их наступлению. Как отреагирует Сталин или его преемник, – спрашивал Черчилль президента, – на наше отношение к этому?»

В тот день, когда была отправлена эта телеграмма, Черчилль узнал, что с момента высадки в Нормандии погибла 71 000 американцев. Потери британцев и канадцев за тот же период составили 33 000 человек. Тем временем Монтгомери готовился к новому наступлению. 23 марта Черчилль на самолете «Дакота» вылетел в Голландию и приземлился на изрытом воронками от снарядов аэродроме в Венло. Оттуда на машине он пересек границу Германии и прибыл в штаб-квартиру Монтгомери. «Есть надежда форсировать реку сегодня ночью, – телеграфировал Черчилль Сталину, – и завтра утром закрепиться на плацдарме».

В предутренние часы 24 марта Черчилль из артиллерийского наблюдательного пункта следил за началом наступления Монтгомери. В нескольких километрах к востоку на противоположный берег Рейна был сброшен парашютный десант.

Кадоган, сидя в Лондоне, записал в дневнике: «Монти атаковал прошлой ночью и, похоже, удачно. ПМ, разумеется, там». Более двух тысяч самолетов пролетели за реку. Позже Черчилль вспоминал, что в то же время «самолеты парами и тройками возвращались как-то неровно, охваченные дымом и даже огнем. С неба падали обломки. Воображение, основанное на опыте, рисовало жестокую и мучительную картину».

Черчилль с Бруком объехали весь фронт Монтгомери – сначала в Ксантен, затем через Мариенбаум на высоту к югу, откуда наблюдали за переправой 51-й дивизии. На следующее утро Черчилль более чем на полтора часа поднялся в воздух

на маленьком самолете Монтгомери «Мессенджер». Он пролетел 220 километров на высоте всего полутора сотен метров. Пилот самолета капитан Мартин позже вспоминал, как они на маленьком самолете, без радиосвязи с землей, осматривали оборонительные позиции немцев к востоку от Рейна и видели вспышки британской артиллерии к западу. «Я опасался, – записал Мартин, – в первую очередь американцев, которые не могли знать, что это наш самолет».

Благополучно вернувшись, Черчилль отправился в штаб-квартиру Эйзенхауэра. Оттуда он, Эйзенхауэр и Монтгомери поехали в Бюдерих, на западный берег Рейна. Потом Эйзенхауэр уехал. Черчилль с Монтгомери собрались двигаться дальше, но тут Черчилль заметил поблизости небольшой катер. «Может, нам переправиться и посмотреть, что на том берегу?» – спросил он. «Почему бы и нет?» – неожиданно быстро согласился Монтгомери.

В компании нескольких старших офицеров-американцев они переплыли на восточный берег. «Мы высадились на залитый солнцем, абсолютно мирный немецкий берег, – позже вспоминал Черчилль, – и совершенно спокойно погуляли там с полчаса». Переправившись назад, они снова поехали в Бюдерих. Там Черчилль зачем-то решил полазить в руинах разбитого дорожного моста. В это время примерно в километре от них в реку стали падать немецкие снаряды. Постепенно они стали падать ближе. Потом один пролетел у них над головами и врезался в воду. Снаряды взрывались от удара о дно и поднимали огромные фонтаны. Еще несколько снарядов упало среди автомобилей, которые стояли недалеко от них под прикрытием берега. Тогда генерал Симпсон, командующий этим участком фронта, подошел к Черчиллю со словами: «Премьер-министр, перед вами снайперы. Они простреливают обе стороны моста. Я не могу взять на себя ответственность за вашу безопасность здесь и должен просить вас уйти».

Черчилль схватился за одну из искореженных балок моста. «Выражение лица Уинстона, – позже вспоминал Брук, – напоминало лицо ребенка, которого нянька уводит от его песочных замков на пляже!»

Черчилль вернулся в штаб-квартиру Монтгомери, где, продолжая думать о политическом будущем Европы, сказал Колвиллу, что ему «очень не нравилась мысль о расчленении Германии до тех пор, пока не рассеялись все сомнения о намерениях русских».

На следующий день Черчилль снова переправился через Рейн, на этот раз по понтонному мосту, и провел более полутора часов

на восточном берегу. Это был момент глубочайшего удовлетворения после пяти с половиной лет ожесточенной борьбы, неудач, несбывшихся надежд и бесконечного напряжения. Затем он переправился обратно, на этот раз на барже для перевозки танков. На западном берегу реки они с Бруком и Монтгомери устроили обед, после чего Черчилль записал в особой тетради Монтгомери: «Рейн и все его укрепления уже за спиной 21-й группы армий. Разбитая армия, не так давно господствующая в Европе, отступает. Цель, еще недавно казавшаяся недостижимой, достигнута теми, кто славно сражался под командой преданного своему делу и вызывающего чувство гордости военачальника. Вперед, на всех крыльях к окончательной Победе!»

Днем Черчилль вылетел в Англию. «ПМ работал в самолете, хотя в салоне временами становилось то очень холодно, то очень жарко», – записал Колвилл. Вечером Черчилль ужинал вдвоем с Клементиной. Потом она написала Монтгомери: «Уинстону очень понравился визит к вам. Он говорит, что у него изменился характер и что, если бы он раньше чаще общался с вами, у меня была бы гораздо более легкая жизнь, имея в виду свою хроническую непунктуальность и привычку менять свое мнение (по мелочам!) каждую минуту! Я была чрезвычайно тронута и сказала, что вполне в состоянии сносить все как есть. Тогда он спросил: может, ему больше не надо стремиться к улучшению? Но я ответила: «Пожалуйста, улучшайся, наша жизнь еще не кончается».

Через два дня Клементина на «Скаймастере» Черчилля вылетела из Лондона в Москву через Египет. Это стало началом напряженного пятинедельного путешествия ради посещения госпиталей в Советском Союзе, которым оказывал помощь ее фонд Красного Креста. Черчилль поехал в Нортхолт проводить ее. «Ты непрестанно в моих мыслях», – написал он ей после того, как она улетела.

Этим же вечером стали кристально прозрачны советские намерения относительно Польши. Четырнадцать польских лидеров, представляющих все некоммунистические партии, под предлогом обеспечения их безопасности были переправлены на советскую военную базу под Варшавой и арестованы.

Вернувшись в полночь из Нортхолта в Лондон, Черчилль еще два часа диктовал парламентский некролог Ллойд Джорджу, который скончался накануне в возрасте восьмидесяти двух лет. «Не было человека более одаренного, более красноречивого, более убедительного, который бы так хорошо знал жизнь народа. Когда я стал другом Ллойд Джорджа и его активным

сотрудником, а это было около сорока лет назад, его искренняя любовь к людям, понимание непомерного и незаслуженного напряжения, которое им приходилось терпеть, неизгладимо запечатлелись в моем сознании». Говоря о назначении Ллойд Джорджа премьер-министром в 1916 г., Черчилль процитировал вердикт Карлейля Кромвелю: «Он жаждал этого места; возможно, это место – его».

«Многое из его работы, – закончил свою речь Черчилль, – сохраняет значение, а что-то обретет еще большую ценность в будущем. Те, кто придет после нас, обнаружат прочные, мощные и непоколебимые опоры в его трудах, и мы, собравшиеся сегодня здесь, поистине должны быть благодарны тому, что он шел вместе с нами сквозь бури и волнения, одаряя нас помощью и советами».

Клементина написала мужу из Каира: «Очень понравилась твоя речь про ЛД. Она напомнила о его заботах и его щедрости, которыми он одарял кротких и скромных».

В конце марта серьезный стратегический спор нарушил гармонию англо-американского военного планирования. Эйзенхауэр проинформировал Монтгомери телеграммой, что англо-американские войска не будут наступать, как предполагалось ранее, на Берлин, а двинутся в южном направлении через Лейпциг к Дрездену. По мнению Эйзенхауэра, Берлин был менее важен, чем южные города – центры немецкой промышленности и сопротивления, – даже учитывая, что такое изменение плана оставит Берлин русским. Эйзенхауэр, не проконсультировавшись и даже не проинформировав Объединенный комитет начальников штабов, даже связался по этому вопросу со Сталиным и получил от него одобрение.

30 марта британские начальники штабов выразили резкое несогласие с новым планом Эйзенхауэра. Черчилль их поддержал. «Пренебрежение Берлином и предоставление возможности русским взять его не кажется мне правильной, – написал он 31 марта. – До тех пор пока Берлин будет держаться и продолжать борьбу, что он в состоянии сделать, немецкое сопротивление не ослабнет. Падение же Берлина может повергнуть всех немцев в отчаяние».

Разрабатывая свой план, Эйзенхауэр утверждал, что его цель – встретиться с русскими войсками на Эльбе южнее Берлина, но не переходить Эльбу. Черчилль пришел в негодование и направил телеграмму лично Эйзенхауэру: «Почему бы нам не форсировать Эльбу и не продвинуться как можно дальше на восток? Это имеет важное политическое значение, поскольку русские уже явно готовы занять Вену. Если мы сознательно

оставим им еще и Берлин, хотя он должен быть в наших руках, это двойное событие может укрепить их в убеждении, которое и так уже очевидно, что они все сделали сами». В следующей телеграмме Эйзенхауэру от 2 апреля Черчилль подчеркивал важность вступления в Польшу, которая вполне может быть открыта союзникам, если Эйзенхауэр продолжит наступление к востоку от Эльбы. «Я придаю большую важность тому, – писал он, – чтобы мы обменялись рукопожатиями с русскими как можно восточнее».

В разгар обмена телеграммами с Эйзенхауэром Черчилль узнал, что четырнадцать польских лидеров, арестованных русскими в Варшаве, исчезли. Он немедленно выразил протест Сталину, предупредив, что поднимет вопрос в парламенте об этом серьезном нарушении Ялтинского соглашения, и напомнил советскому лидеру: «Никто не поддерживал Россию с таким старанием и убежденностью, как я. Я первым поднял голос 22 июня 1941 г. Более года назад я заявил ошеломленному миру о справедливости линии Керзона в качестве западной границы России. Эта граница теперь признана как британским парламентом, так и президентом Соединенных Штатов. Как искренний друг России, лично призываю вас не препятствовать Польше найти общий язык с западными демократиями и не отвергать протянутую сейчас руку дружбы в будущей организации мирового пространства».

Ни Сталин, ни Эйзенхауэр не поддадутся увещеваниям Черчилля. Польша не получит независимое правительство, а англо-американские войска не форсируют Эльбу и не войдут в Берлин. «Никоим образом нельзя рассчитывать, – говорил Черчилль 3 апреля представителям доминионов, – что Россия будет нашим активным партнером в поддержании мира во всем мире. Однако в конце войны Россия останется в положении господствующей державы, оказывающей влияние на всю Европу».

Война в Европе явно близилась к завершению. Форсировав Рейн и продвигаясь в Рурскую область, войска Монтгомери ежедневно брали от 15 до 20 тысяч военнопленных. 19 апреля в Италии возобновили наступление войска Александера. Через два дня войска Эйзенхауэра вышли к Эльбе. Хотя им оставалось пройти всего около ста километров до Берлина, они не сделали больше ни шагу к разбомбленной столице Германии. В тот же день, как знак новой политической реальности, Советский Союз подписал договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве с Югославией Тито.

12 апреля Черчилль узнал о гибели в ходе боевых действий двух близких друзей семьи – кузена Клементины Тома Милфорда

и Бэзила Дафферина. В этот же день Мэри была награждена орденом Британской империи за службу на зенитной батарее. Вечером 12 апреля Черчилль сообщил все эти новости Клементине, которая все еще находилась в России. В полночь, когда он продолжал работать, ему сообщили, что умер Рузвельт. «Помимо того что нас тесно связывала наша общая деятельность, для меня это очень болезненная личная утрата, – телеграфировал он Гопкинсу. – Я испытывал огромную симпатию к Франклину».

Черчилль решил было немедленно лететь на похороны Рузвельта. Он собирался вылететь в 8:30 вечера 13 апреля. Все было готово к отлету, но еще в 7:45 он не мог определиться, лететь или нет. «ПМ сказал, что определится на аэродроме», – записал Кадоган. В последний момент Черчилль отказался от полета, объяснив королю, что сейчас, когда так много членов кабинета министров находятся за границей, Иден уже отправился в Вашингтон, а также из-за необходимости сочинить парламентский некролог, «что, разумеется, является моим делом», он должен остаться в Британии.

17 апреля американские войска вошли в Нюрнберг, город довоенной триумфальной победы Гитлера на выборах. На следующий день в палате общин Черчилль зачитал некролог Рузвельту. Было объявлено, что Рузвельт «заканчивал разбирать почту», когда его настигла смерть. Черчилль сказал: «Дневная порция работы была сделана. Как говорится, он умер на боевом посту, как на боевом посту сейчас его солдаты, летчики и моряки, бок о бок с нашими по всему миру выполняющие свой долг. Он провел страну через все опасности и через самые тяжкие труды. Победа осветила его деятельность. Завидная смерть».

Теперь Черчиллю предстояло выстраивать отношения с преемником Рузвельта, Гарри Трумэном, с которым он никогда раньше не встречался. Благодаря ежедневному обмену подробными телеграммами у Черчилля сложилось впечатление, как он сказал Идену 20 апреля, что «этого нового человека Советы не запугают». Но неумолимое продвижение Красной армии нельзя было остановить. 21 апреля передовые части советских войск подошли к пригородам Берлина. В этот же день правительство СССР подписало договор о взаимопомощи с люблинским правительством. В отношении Польши, как и в отношении Югославии двенадцать лет назад, ялтинские соглашения оказались перечеркнуты.

Неизбежное поражение Гитлера вызывало противоречивые чувства. По мере того как американские войска продвигались в глубь Германии, они встречали концентрационные лагеря с тысячами трупов и тысячами изможденных, голодающих

и измученных людей, свидетельствующих о зверствах нацизма. Как только Эйзенхауэр сообщил об этом по телефону Черчиллю, тот направил многопартийную парламентскую делегацию в крупнейший из обнаруженных на тот момент концлагерей – Бухенвальд, а 24 апреля обеспечил распространение сделанных там фотографий в кабинете министров. «Мы все здесь в потрясении от кошмарных свидетельств немецких зверств», – написал он Клементине.

25 апреля Черчиллю передали, что ближайший сотрудник Гитлера Генрих Гиммлер желает начать переговоры с союзниками за спиной Гитлера. Черчилль тут же позвонил Трумэну. Они впервые разговаривали напрямую. Оба согласились, что никакого «поэтапного» прекращения войны с немцами не будет. Германия должна прекратить войну с Британией, Соединенными Штатами и Советским Союзом одновременно. В этот же день американские и советские войска встретились на Эльбе. Третий рейх оказался разрезан пополам. На следующий день, узнав из доклада посла, что британские войска в Бельгии пытаются захватить наследника Габсбургов, Черчилль телеграфировал послу, что в задачи британской политики не входит «охота» за эрцгерцогом и объявление бывшей австрийской монархии «преступной организацией».

Черчилль также написал в телеграмме: «Я лично, пережив все эти европейские волнения и тщательно изучив их причины, пришел к выводу, что если бы союзники за столом мирных переговоров в Версале не решили, что свержение династий – это путь к прогрессу и если бы они позволили Гогенцоллерну, Виттельсбаху и Габсбургу вернуться на свои троны, то не было бы и Гитлера». Черчилль добавил, что «для немецких военных после Версаля «коронованный Веймар», в отличие от Веймарской республики, мог бы в 1919 г. представлять символический центр».

29 апреля Черчилль сделал последнюю попытку уговорить Сталина не навязывать свою волю Польше и Югославии. «Не самое приятное ощущение, – написал он, – вызывает будущее, в котором вы и страны, в которых вы доминируете, плюс коммунистические партии во многих других странах окажутся на одной стороне, а те, кто поддерживает англоязычные страны, их союзников или доминионы, – на другой. Совершенно ясно, что это расколет мир и что все мы, лидеры каждой из сторон, окажемся опозоренными перед лицом истории. Наступление длительного периода подозрений, взаимных оскорблений и враждебной политики станет катастрофой, подрывающей перспективы развития и процветания народов всего мира,

достижимого только благодаря нашему триединству».

Черчилль надеялся, что в его телеграмме нет ничего, что могло бы невольно задеть Сталина. «Прошу вас, друг мой Сталин, не умалять значения расхождений, появляющихся в результате событий, которые вы можете посчитать незначительными для вас, но которые являются символически важными для англоязычных демократий».

Вечером московское радио объявило, что после вступления советских войск в Вену создано временное австрийское правительство. С западными союзниками никто не советовался по его составу; им даже не позволили направить делегацию в город. Черчилль в очередной раз выразил протест, и его поддержал Трумэн.

Вечером в Чекерсе после ужина Черчилль смотрел фильм «Микадо», когда позвонил генерал Александер. Он сообщил, что немецкие армии в Италии безоговорочно капитулировали. Война в Италии закончилась. В Центральной Европе войска Эйзенхауэра вышли к Дунаю в районе Линца. Черчилль призвал Трумэна позволить им продолжить движение дальше, в Чехословакию. «Нет сомнений, – телеграфировал он американскому президенту 30 апреля, – что освобождение вашими войсками Праги и максимально возможной территории Западной Чехословакии будет иметь решающее значение для послевоенной ситуации в ней и окажет влияние на судьбу соседних стран. С другой стороны, если западные союзники не сыграют значительной роли в освобождении Чехословакии, эта страна пойдет по пути Югославии».

Призыв Черчилля опять запоздал. Эйзенхауэр уже проинформировал советское верховное командование, что дальше Линца не пойдет. Американцы также обещали отвести свои войска в Германии на 220 километров от их передовых позиций, поскольку они оказались на территории, определенной в Ялте как советская зона оккупации. 30 апреля в телеграмме Трумэну Черчилль попытался по возможности отсрочить этот отвод. Кроме того, он настаивал, чтобы западные союзники заняли Истрию, которая в противном случае окажется под влиянием коммунистического режима Тито. Трумэн, не отступая от соглашений, определяющих будущие зоны оккупации Германии, согласился с предложением Черчилля в отношении Истрии. Войска западных союзников сделают все возможное, чтобы занять Триест и удержать его: «Нет необходимости получать предварительное согласие русских», – сказал Трумэн Черчиллю. Но в этот день югославские партизаны уже вели бои в Триесте; первые новозеландские части могли оказаться там

не ранее чем сорок восемь часов. «Никакого насилия нельзя допустить, за исключением самообороны, – телеграфировал Черчилль Александеру. – Разбирательства с Тито должны происходить за столом мирных переговоров, а не на поле боя».

В то время как последний уголок довоенной Италии оказался под контролем югославов и англо-американцев, Муссолини, некогда старший партнер итало-германской оси, был пойман итальянскими партизанами и казнен. Через два дня, вечером 1 мая, радио Гамбурга объявило, что Гитлер мертв. Черчиллю незамедлительно доложили об этом. «Как видишь, – телеграфировал он Клементине, все еще находящейся в Советском Союзе, – оба наших главных врага мертвы». Гитлер покончил жизнь самоубийством.

Вечером 2 мая Черчилль спокойно ужинал с двумя подругами довоенных лет – леди Джульет Дафф и Венецией Монтегю. Еще одним гостем был Ноэль Коуард. Он позже вспоминал, как ближе к концу ужина, во время которого Черчилль пребывал в самом благодушном настроении, его и обеих леди внезапно поразила мысль, что они находятся в обществе человека, благодаря предвидению, мужеству и гениальности которого победоносно заканчивается эта война. «Эмоции захлестнули нас, – писал он. – Не обменявшись ни словом, но одновременно, словно долго репетировали, мы все втроем встали и выпили за здоровье мистера Черчилля».

На следующий день у Черчилля было несколько поводов испытать удовлетворение. Утром пришел капитан Пим сообщить, что британские войска взяли Рангун. Позже в этот же день войска Монтгомери стремительно вышли к Балтийскому морю в районе Любека, отрезав русских от Дании. Дело было в том, что на основании ряда разведывательных данных стало ясно, что Дания является кульминационной точкой наступления Красной армии на Балтике. Черчилль сообщил Идену, что Монтгомери занял Любек, имея в запасе «всего 12 часов». К вечеру пришли еще более захватывающие новости. Адмирал фон Фридбург, представляющий преемника Гитлера адмирала Деница, вместе с тремя другими представителями немецких вооруженных сил, прибыл в штаб-квартиру Монтгомери в Люнебург, к югу от Гамбурга, чтобы вести переговоры о капитуляции Германии.

Полное поражение Германии стало очевидным. 3 мая более 500 000 немецких солдат сдались Монтгомери, а 4 мая Черчилль телеграфировал Клементине, что «их примеру сегодня последовало еще более миллиона. В Италии Александер тоже взял миллион военнопленных. Все немецкие войска на северо-

западе Германии, в Голландии и Дании готовы сдаться завтра утром. Тем не менее, – добавил Черчилль, – за всеми этими триумфами кроется опасная политика и смертельные международные распри».

Стало очевидно, что, если есть желание решать эти распри, необходима еще одна встреча Большой тройки. «Тем временем, – телеграфировал Черчилль Трумэну 6 мая, – мы должны твердо держаться за занятые или занимаемые нашими армиями позиции в Югославии, Австрии и Чехословакии, на основном центральном американском фронте и на британском фронте вплоть до Любека, включая Данию».

Ночью, пока Черчилль спал, начальник немецкого Генерального штаба генерал Йодль в штаб-квартире Эйзенхауэра в Реймсе подписал акт о капитуляции Германии. Все сопротивление должно быть прекращено в полночь с 7 на 8 мая. Под утро Эйзенхауэр сам сообщил эту новость Исмею. Исмей, в свою очередь, тут же позвонил Джону Мартину на Даунинг-стрит. Мартин решил не будить Черчилля, а сообщить новость, как только тот проснется. Черчилль узнал об этом от капитана Пима. «Пять лет, – заметил он, – вы приносили мне плохие новости, а порой и совсем плохие. Наконец-то вы исправились».

7 мая Черчилль призвал Эйзенхауэра двинуть войска к Праге. Эйзенхауэр так и сделал, и некоторые его подразделения вошли в чешскую столицу раньше русских. В тот же день, советуя Александеру продолжить движение на восток от Триеста и на юг в Истрию, Черчилль телеграфировал: «Дайте мне знать, что вы делаете для наращивания сил против щупальцев этих московитов, среди которых мошенник Тито».

В Британии ликовали в предвкушении грядущей победы. Днем 7 мая Черчилль попытался уговорить Трумэна объявить этим вечером, что в Европе победа. Трумэн не согласился: Сталин просил отложить торжества до 9 мая, поскольку его войска все еще вели бои на территории Чехословакии и в Прибалтике. В 5 часов дня 7 мая Черчилль второй раз за час позвонил в кабинет Трумэну и сказал, что «толпы празднующих на улицах Лондона вышли из-под контроля» и что он должен сделать объявление о победе самое позднее в полдень 8 мая. Одновременно он готовил короткое победное заявление, с которым надеялся выступить по радио этим вечером. Он закончил диктовать текст около шести вечера. Но телефонный звонок из Вашингтона убедил его отложить выступление до следующего дня.

В краткий перерыв между обменом телефонными

и телеграфными сообщениями Черчилль пригласил трех начальников штабов выйти в сад здания на Даунинг-стрит, чтобы сделать групповую фотографию. Перед ними уже стоял поднос с бокалами и напитками. Черчилль провозгласил тост за них как за «архитекторов победы». Исмей, присутствовавший при этом, позже записал: «Я надеялся, что они поднимут свои бокалы за шефа, который был главным архитектором, но, вероятно, они были слишком взволнованны и побоялись не справиться с голосом».

Утром в четверг 8 мая Черчилль работал в постели над своим выступлением. Он также направил запрос, желая убедиться, что в ходе вечерних торжеств в столице не возникнет дефицита пива. В какой-то момент он вышел из спальни и направился в картографический кабинет с шампанским, большим куском швейцарского сыра грюйер и запиской: «Капитану Пиму и его сотрудникам от премьер-министра в честь Дня Победы в Европе». От Клементины из Москвы пришла поздравительная телеграмма: «В этот необыкновенный день все мои мысли с тобой. Без тебя его бы не было».

Вскоре после часа дня Черчилль отправился с Даунинг-стрит в Букингемский дворец, где обедал с королем. «Мы поздравили друг друга с окончанием европейской войны, – записал король в дневнике. – День, которого мы так ждали, наконец-то настал, и мы можем возблагодарить Бога за то, что наши бедствия уже позади». Вернувшись на Даунинг-стрит, в три часа дня Черчилль выступил по радио с обращением к британскому народу, описал переговоры о капитуляции и объявил: «Война с немцами закончена». В какой-то момент Черчилль упомянул о «преступниках, которые простерлись ниц перед нами». При этих словах толпа, собравшаяся на Трафальгарской площади послушать трансляцию, судорожно вздохнула. Затем он напомнил, что еще надо выиграть войну с Японией. «Япония, – сказал он, – со своим вероломством и жадностью, остается пока непокоренной». Завершил выступление Черчилль словами: «Вперед, Британия!»

Рэндольф слушал выступление отца на высоте 2500 метров, в самолете на пути из Белграда в Кампанью. «Восхищен твоей великолепной речью», – телеграфировал он, прилетев в Италию. Клементина слушала выступление мужа по радио в британском посольстве в Москве. С ней был бывший премьер-министр Франции Эдуар Эррио, который последний раз видел Черчилля в Туре в июне 1940 г. Там Черчилль прослезился, когда узнал, что французское правительство намерено прекратить борьбу. Теперь прослезился Эррио.

Завершив выступление, Черчилль на машине сквозь огромную толпу поехал в палату общин. «Каждый из нас совершает ошибки, – сказал он парламентариям. – Но сила парламентских институтов проявила себя в самый нужный момент, когда шла самая жестокая и затяжная война, и отстояла все основополагающие принципы демократии». Затем Черчилль вспомнил, как двадцать шесть лет назад он слушал в палате общин объявление об условиях капитуляции Германии в ноябре 1918 г. Тогда был организован благодарственный молебен в церкви Святой Маргариты. Он предложил сделать то же самое во время перерыва и повел парламентариев через двор Старого дворца в церковь. Позже в этот же день он выступил с балкона здания Министерства здравоохранения перед огромной толпой, собравшейся на улице Уайтхолл. «Это ваша победа», – сказал он, на что толпа взревела: «Нет, ваша!»

Вечером, пока в Лондоне продолжались торжества, Черчилль снова вышел на балкон и произнес еще одну краткую речь. «Враг повержен, – сказал он, – и ждет нашего суда и нашей милости». Затем принялся разбирать стопку телеграмм толщиной сантиметров пятнадцать. Это была его обычная вечерняя работа. Одна из телеграмм была от британского поверенного в делах в Москве Фрэнка Робертса. Тот сообщал, что русские крайне раздраженно реагируют на британскую озабоченность судьбой четырнадцати польских политиков, которых под предлогом обеспечения безопасности вывезли в пригород Варшавы и арестовали. «Нас совершенно не интересует, что говорит советская пропаганда, – ответил Черчилль. – У нас больше нет никакого желания вести с советским правительством подробные дискуссии по поводу их взглядов и действий».

Эта телеграмма была послана в Москву за два часа до полуночи. Через час пришла телеграмма от Идена из Сан-Франциско: «Все мои мысли с вами в этот день, который, по существу, ваш день. Именно вы вели, ободряли и вдохновляли нас в самые трудные дни. Без вас этого дня не было бы».

Глава 36
«Железный занавес»

Среда 9 мая 1945 г. стала первым мирным днем в Европе. Все утро Черчилль работал в постели, в постели же и обедал. В середине дня с дочерью Мэри он съездил в американское, французское и советское посольства, в каждом из которых произнес тосты за победу. В Москве, где Днем Победы определили 9 мая, Клементина была в английском посольстве, откуда послала телеграмму мужу: «Мы все собрались здесь, пьем шампанское в двенадцать часов и поздравляем тебя с Днем Победы».

Вечером Черчилль, как и накануне, вышел на балкон Министерства здравоохранения, выходящий на Уайтхолл, где произнес перед собравшейся толпой: «Лондон – как гигантский носорог, как гигантский бегемот, говорит: «пусть делают что хотят – Лондон выдержит», Лондон может выдержать все». Он поблагодарил всех за то, что «ни разу не оступились в эти долгие чудовищные дни и в долгие ночи, черные как преисподняя».

Торжества на этой неделе были омрачены вестями с Востока. В телеграмме Идену от 11 мая Черчилль выражал опасения, что советские посягательства в Центральной Европе и на Балканах, о которых он получал ежечасные сообщения, могут привести к «попустительству», за которым последует «третья мировая война». Он был убежден, что «огромному русскому злу легче противостоять, если мы сохраним единство», но не видел способов остановить мощное советское давление, особенно при эйфории победы. Когда в Министерстве иностранных дел сообщили, что четырнадцать поляков, захваченных ранее в окрестностях Варшавы, оказались в Москве пленниками, он ответил: «Не вижу, что мы можем теперь сделать в этой веселой интермедии».

Встревоженный газетными сообщениями об отправке в ближайшее время как минимум половины американских войск из Европы на Тихий океан, 12 мая Черчилль направил телеграмму Трумэну. Он предупредил его, что у русских хватит сил держать «очень большие армии в боевом состоянии длительное время». Кроме того, глубокую обеспокоенность у него вызывало искаженное толкование русскими ялтинских договоренностей, их отношение к Польше и стремительно усилившееся влияние на Балканах. «Сочетание русской мощи, – говорил он, –

и территорий, попавших под их влияние или оккупацию вкупе с коммунистическими настроениями во многих других странах, и более всего возможность русских держать очень большие армии в боевом состоянии длительное время представляется чрезвычайно опасными. Какова будет ситуация в Европе через год-другой, когда британские и американские армии расформируют, а французскую еще не успеют создать? У нас будет горстка дивизий, в основном французских, а русские смогут поставить под ружье две или три сотни в полной боевой готовности».

Новая карта Европы заставляла Черчилля беспокоиться о советских намерениях. «Железный занавес» опущен, – говорил он Трумэну. – Мы не знаем, что за ним происходит. Трудно сомневаться, что скоро весь регион Любек – Триест – Корфу окажется полностью в их руках. К этому будет добавлена огромная территория, которую американцы намерены покинуть в Центральной Германии – между Эйзенахом и Эльбой. Как только это произойдет, широкая полоса, многие сотни километров оккупированной русскими территории, изолирует от нас Польшу. Затем, пока внимание западных союзников будет сосредоточено на вынесении приговора Германии, перед русскими откроется возможность в самое ближайшее время продвинуться при желании до Северного моря и Атлантики».

Черчилль призывал Трумэна принять участие в «поисках взаимопонимания» с Россией, прежде чем основная масса англо-американских войск будет выведена из Европы. Это может быть сделано только при личной встрече со Сталиным. «Вопрос достижения договоренностей с Россией, пока наши силы еще в Европе, – говорил Черчилль, – на мой взгляд, затмевает все остальные». Трумэн согласился. Возник план трехсторонней встречи в Потсдаме через два месяца.

Вечером 13 мая Черчилль выступил с радиообращением к британскому народу. «В прошлый четверг, – сказал он, – король предложил мне сформировать национальное правительство на многопартийной основе. Пять лет – большой срок в человеческой жизни, особенно если нет отпуска за безупречную службу. Хотелось бы сказать, что все наши тяготы и невзгоды позади. В таком случае я мог бы с легкостью завершить свои пять лет службы, и, если вы сочтете, что вам меня уже довольно и пора отпускать меня на подножный корм, признаюсь вам, я приму это с великой готовностью. Но впереди еще много дел. На Европейском континенте мы должны еще убедиться, что благородные принципы, ради которых мы вступили в войну и победили, не будут проигнорированы в ближайшие месяцы

после нашего успеха и что не будет искажен подлинный смысл слов «независимость», «демократия» и «освобождение», как мы его понимаем. Будет мало пользы от наказания гитлеровцев за их преступления, если не восторжествуют закон и справедливость и если на место немецких захватчиков придут тоталитарные или полицейские режимы».

В частных беседах Черчилль говорил, что предвидит «решающий поединок» с Россией за суверенитет и независимость Польши, Чехословакии, Австрии и Югославии. Но теперь, после поражения Германии, он также хотел скорейшего вступления России в войну с Японией, что было обговорено в Ялте. Вернувшись на Даунинг-стрит 14 мая, Колвилл записал в дневнике: «Объем работы, кажется, стал еще больше. Победа не дала передышки. ПМ выглядит усталым, у него, кажется, не хватает энергии справляться с проблемами, которые стоят перед ним».

Черчилль надеялся сохранить правительственную коалицию до победы над Японией. Надежда эта укрепилась 18 мая, когда Эттли пришел к нему и сообщил, что ему удалось убедить лейбористов остаться в коалиции до победы над Японией. Трое лидеров лейбористов, Бевин, Александер и Моррисон, каждый из которых занимал высокий министерский пост с 1940 г., были также расположены сохранить коалицию. Черчилль предложил провести национальный референдум, чтобы проверить, какова по этому вопросу воля народа. Эттли предложил включить в опрос обещание, что правительство сделает все возможное, чтобы реализовать планы по социальному страхованию и полной занятости. Черчилль согласился. Четырехлетний план социальных реформ был разработан по его же просьбе его помощником Бевериджем еще перед Первой мировой войной.

Как в мае 1940-го, так и в мае 1945 г. Лейбористская партия как раз перед принятием политического решения решила провести ежегодную конференцию. В 1940 г. лейбористы, собравшиеся в Борнмуте, отказались работать с Чемберленом, что фактически привело Черчилля к власти. Теперь же у членов партии, собравшихся на этот раз в Блэкпуле, возникло сильное желание попытаться впервые с 1931 г. сформировать первое лейбористское правительство, что означало конец коалиции. Со времени предыдущих всеобщих выборов прошло десять лет. Многие политики-лейбористы, занявшие правительственные посты при Черчилле, набрались опыта и хотели, помимо всего прочего, воплотить в жизнь свои социалистические идеалы. 21 мая Эттли позвонил Черчиллю из Блэкпула, чтобы сообщить эти новости.

Черчилль понял, что теперь ничто не может спасти коалицию. В полдень 23 мая он отправился в Букингемский дворец с тем, чтобы предложить королю свою отставку. Король попросил его сформировать переходное правительство на период проведения выборов и подсчета голосов всех военнослужащих, находящихся за границей. На это потребуется как минимум два месяца. Черчилль согласился остаться премьер-министром и сформировать консервативную администрацию. «Мы должны надеяться на воссоединение, – написал он Бевину, – когда немного улягутся партийные страсти».

Утром 26 мая Черчилль сделал некоторые последние перестановки в кабинете министров, после чего с Клементиной отправился в свой избирательный округ на первое выступление в новой избирательной кампании. Он заявил, что «необходимо сохранить у власти переходное правительство консерваторов, поскольку все, что благотворно сказывается на состоянии Британии и всех классов общества, требует максимальной заботы».

Через два дня он устроил на Даунинг-стрит прощальный банкет уходящему в отставку коалиционному правительству. Когда он произносил прощальную речь, слезы катились по его лицу. «Свет истории будет сиять на ваших шлемах», – сказал он.

В саду собирались члены кабинета, собираясь фотографироваться на память. Пока фотограф устанавливал камеру и выстраивал группу, начался дождь. Черчилль заметил: «Пора скорее заканчивать, иначе мои политические оппоненты скажут, что я специально подстроил все это, чтобы они заболели ревматизмом». Фотографии были сделаны, Черчилль уехал в Букингемский дворец на церемонию целования руки в связи с его переназначением на пост премьер-министра.

Кампания всеобщих выборов началась основательно. Основной темой выступлений Черчилля были опасности, которые несет с собой социализм. Наблюдая, как Советский Союз начинает насаждать свой режим в странах Восточной Европы, он заявил 4 июня по радио: «Ни одно лейбористское правительство не допустит свободного и резкого выражения общественного несогласия. Ему придется прибегнуть к какой-то форме гестапо – разумеется, с очень гуманными целями на начальном этапе. Это пресечет на корню выражение общественного мнения и положит конец любой критике. Вся власть сосредоточится у правящей партии и ее лидеров, возвышающихся над огромной бюрократической машиной государственных служащих – уже, впрочем, не служащих и не государственных. И где тогда окажутся обыкновенные люди,

«простые люди», как говорят американцы? Где они окажутся, когда этот могущественный организм сожмет их в своем кулаке?»

Черчилль не только предупреждал, что лейбористское правительство создаст «какую-то форму гестапо». Он утверждал: «Социализм неразделен с тоталитаризмом и поклонением государству; фундаментальные идеи социализма направлены не только против частной собственности, но и против свободы во всех ее формах».

«Гестаповская речь», как ее немедленно окрестили, вызвала мощную волну критики. Сара с одобрением написала отцу, что, если бы она была «думающим» избирателем, речь его заставила бы ее задуматься о совершенно новых чертах социализма, но при этом заметила, что не вполне уверена, что избиратели-лейбористы поймут, почему может произойти то, о чем он говорил. «Социализм во время войны, – написала она, – никому не принес вреда, а многим людям принес только хорошее. Дети в нашей стране никогда не получали такого хорошего и здорового питания, молоко распределялось поровну, богатые вовсе не умирали оттого, что их рацион не превышал рацион бедных, и нет сомнений, что коллективизм и готовность к самопожертвованию были сильнейшими узами, которые нас тогда связывали. Так почему, спросят они, это не принесет такую же пользу в мирное время?» На всякий случай Сара добавила: «Не думай, что я бунтарь!»

В следующем выступлении по радио 13 июня Черчилль подчеркнул конструктивность политики консерватизма и по предложению Сары обратил особое внимание на четырехлетний план коалиционного правительства, разработанный Бевериджем и опубликованный два года назад. Согласно этому плану правительство намеревалось создать систему социального страхования, страхования от несчастных случаев на производстве и систему государственного здравоохранения, которые «сыграют большую роль в жизни и благополучии каждой британской семьи». Он заявил, что консерваторы обеспечат бесплатное молоко всем нуждающимся и всем детям моложе пяти лет. Но тем не менее он все равно чувствует необходимость осудить самым суровым образом насильственно внедряемые в сознание людей фантазии и утопии социалистов. Он также предупредил, повторяя мотивы «гестаповской речи», что если социалистическая система восторжествует, то «естественная периодическая смена партий у власти неизбежно придет к краху, и потому для упрочения абсолютной и неизменяемой системы власти в стране неизбежно понадобится политическая полиция».

Выступление Черчилль завершил рассуждениями о социальной политике, что тоже подсказала ему Сара. Он говорил о программе жилищного строительства, целью которой будет строительство домов для всех. «Для строительства, – сказал он, – будут задействованы все государственные и частные структуры, а все препятствия, будь то искусственное завышение цен, монополии или другие помехи, будут преодолены силой парламента и всей нации». Однако, несмотря на это обещание, речь в целом была принята не очень хорошо. Среди тех, на кого собиралось опираться консервативное большинство, ссылка на политическую полицию кому-то показалась оскорбительной, кому-то даже и нелепой. Кроме того, в обоих выступлениях чувствовалась усталость, и это не прошло незамеченным. «Ни в одном из двух выступлений нет настоящего ПМ, – сказала лорду Моргану одна из сотрудниц Черчилля, Эдит Уотсон. – В них нет огня».

В ходе избирательной кампании Черчилль не переставал думать о событиях в Восточной Европе. 14 июня московское радио сообщило, что четырнадцать польских политических лидеров, арестованных под Варшавой, предстанут перед судом в Москве. В то же время, несмотря на протест, выраженный Черчиллем лично Эйзенхауэру, американцы начали отводить войска с обширной территории в Центральной Германии и Чехословакии к той границе, о которой ранее была достигнута договоренность с Россией. Там советские власти уже устанавливали свой контроль. Черчилль полагал, что конфликта с Россией можно избежать. Он сказал Идену: «Пропасть между Британией и Россией не может быть преодолена иначе, как дружественными дипломатическими отношениями». Он также подчеркивал, что «сходство и единение между Британией и Соединенными Штатами отныне не только будут усиливаться, но они необходимы для общей безопасности».

Шла подготовка и к заключительной конференции Большой тройки, которая должна была состояться в Потсдаме через месяц. 14 июня Черчилль сказал в палате общин, что хочет взять с собой Эттли на тот случай, если кто-нибудь вдруг скажет: «Почему вы решаете эти вопросы, если в избирательных урнах окажется то, что лишит вас всех полномочий?» В этот момент парламентарий-лейборист выкрикнул: «А уважаемый джентльмен справа не собирается брать с собой гестапо?»

Несмотря на нестихающее эхо «гестаповской речи», популярность Черчилля оставалась огромной. Это почти везде подтверждалось огромным количеством людей, которые приходили приветствовать его во время предвыборных

выступлений. Складывалось впечатление, что лидер нации в годы войны и лидер партии, погрязшей в предвыборной борьбе, – два совершенно разных человека. «Вчера вечером по дороге в Чекерс, – написал Джон Мартин жене 17 июня, – машина ПМ застряла в пробке в районе Уайт-Сити. Народ как раз расходился после собачьих бегов. Его немедленно окружила чрезвычайно возбужденная толпа, все улыбались, приветственно махали руками, кричали – ни малейшего признака недружелюбия или неприязни. Замечательная демонстрация отношения того самого «простого народа».

18 июня в Москве начался суд над четырнадцатью польскими политическими лидерами. Опять внимание Черчилля было приковано к коммунистической тирании на Востоке. Но его третье предвыборное выступление, состоявшееся через два дня, имело успех не больший, чем два предыдущих. «Он очень подавлен, бедняжка, – написала Клементина дочери Мэри. – Говорит, что потерял навык и очень переживает по этому поводу». Выступая, Черчилль объяснял, что ни одно социалистическое правительство не может допустить никаких возражений со стороны парламента, поскольку это может в любой момент привести его к поражению. При этом критика социализма не заставила его отказаться от тех радикальных взглядов, которые он активно выражал тридцать пять лет назад. В письме Идену от 23 июня он заметил: «Нет ничего безнравственного в национализации, если честно расплачиваться с людьми, которым изначально принадлежала собственность».

21 июня избирательная кампания достигла апогея. В этот же день из Москвы пришло известие о том, что двенадцать из четырнадцати польских политических лидеров приговорены к тюремному заключению на сроки до восьми лет. Для Черчилля, который так долго и упорно боролся за демократическое будущее Польши, новость стала окончательным подтверждением того, что повсюду, где коммунисты устанавливают свою власть, насаждается тирания.

Но больше всего тревожило Черчилля не возникновение социалистических идей в Британии, а то, что руководство парламентской Лейбористской партией будут осуществлять партийные функционеры – «нерепрезентативные личности», как он назвал их в выступлении по радио 20 июня, которые будут «делиться тайнами и отдавать распоряжения руководящим министрам – так называемым министрам короны». Это опасение подкрепилось заявлением председателя исполкома Лейбористской партии Гарольда Ласки. Он сказал: несмотря на то что Эттли поедет с Черчиллем в Потсдам, Лейбористская партия

не утвердит ни одно решение, принятое там, без предварительного обсуждения на исполкоме партии.

30 июня, в своем последнем предвыборном выступлении по радио, Черчилль заявил, что влияние руководства Лейбористской партии на министров «несовместимо с принципами, которые до сих пор господствовали в общественной жизни Британии, и подрывает все наши парламентские институты». Тем, кто полагал, что можно проголосовать за лейбористов или либералов, но при этом оставить прежнего премьер-министра, Черчилль сказал: «Совершенно недостоверны домыслы, которые сейчас стали появляться, что вы можете на этих выборах проголосовать за моих политических оппонентов и при этом не проголосовать за мое отстранение от власти. Вы можете так поступить не раздумывая, если считаете это правильным и что так будет лучше для страны. Все, о чем я прошу вас, – сделать это с открытыми глазами».

В записке от 3 июля коллегам по кабинету Черчилль подчеркнул: необходимо приложить максимум усилий в области жилищного строительства. К этому надо подойти точно с такой же энергией, какая вкладывалась «в каждое выигранное нами сражение». Он также попросил их подготовить проект законодательства по национальному страхованию и по национальной службе здравоохранения. Этим вечером он выступал в Уолтемстоу, где лейбористы представляли большинство и были особенно активны. Его речь была встречена таким гулом и свистом, что он едва мог говорить.

В выборах участвовали три сотни кандидатов от либералов во главе с сэром Арчибальдом Синклером, которого Черчилль призывал войти в парламент после Первой мировой войны. Еще одним либералом – другом Черчилля была Горация Сеймур, у которой был коттедж на территории поместья Чартвелл. Вечная либералка, она написала ему 3 июля, что собирается и в этот раз голосовать за либералов, поскольку не может найти кого-либо из партии, кто был бы готов уступить свое место в пользу кандидата от консерваторов, как того хотел Черчилль. «Трезвость и мудрость Консервативной партии вызывали очень большие сомнения до 1939 г., – написала она ему. – Никто не смог бы опровергнуть эти сомнения лучше, чем ты, дорогой Уинстон!»

5 июля был днем голосования. Чтобы посчитать голоса военнослужащих за рубежом, перед объявлением результатов сделали трехнедельную паузу. Черчилль запланировал десятидневный отпуск между днем голосования и началом Потсдамской конференции. 7 июля он с дочерью Мэри улетел в Бордо, а оттуда уехал на юг, в Шато-де-Бордаберри, близ

испанской границы, где собирался неделю отдохнуть. По утрам он купался в Атлантическом океане, а в середине дня рисовал. «Сначала он бывал подавленный и усталый, – позже вспоминала Мэри. – Но как скоро магия живописи овладевала им, он на несколько часов погружался в нее целиком и отстранялся от тревожных мыслей о настоящем и будущем».

За время отпуска Черчилль отправил только одну официальную телеграмму – фельдмаршалу Монтгомери, ныне главнокомандующему Британской оккупационной армией. «Прошу проследить, – написал он, – чтобы не разрушались научно-исследовательские учреждения и предприятия. Наши инженеры и ученые смогут воспользоваться многими наработками». Небольшую записку он отправил и канцлеру Казначейства сэру Джону Андерсону с пожеланием провести «безжалостную чистку» армии таким образом, чтобы, не подрывая эффективность наступательных действий против Японии, высвободить человеческие ресурсы, необходимые для наших «гражданских потребностей».

15 июля Черчилль с дочерью вылетел из Бордо в Берлин. Неделя отдыха закончилась. В Потсдаме, в особняке на Рингштрассе, 23, предоставленном Черчиллю, его встречали Иден, Эттли, Александер и Монтгомери. «ПМ выглядит стариком, – написал Монтгомери другу. – Я был в шоке, увидев его. Он постарел на десять лет с тех пор, как я его в последний раз видел».

На следующее утро состоялась первая встреча Черчилля с Трумэном. Резиденция американского президента находилась в четырехстах метрах от его особняка. Черчилль провел там два часа. «Он сказал, что президент ему очень понравился и что они нашли общий язык, – написала Мэри матери. – Говорит, уверен, что они сработаются». Днем Черчиллю показали развалины рейхсканцелярии Гитлера. На площади собралась толпа немцев. «За исключением одного пожилого мужчины, который неодобрительно качал головой, – позже вспоминал Черчилль, – все приветствовали меня. Моя ненависть умерла вместе с их поражением, и я был чрезвычайно тронут таким проявлением чувств, а также их изможденным видом и изношенной одеждой».

На второй день пребывания в Потсдаме Черчилль пригласил на обед Трумэна и его военного министра Генри Стимсона, который положил перед Черчиллем листок бумаги со словами: «Дети родились удовлетворительно». Он не понял, что это значит. «Это значит, – пояснил Стимсон, – что эксперимент в американской пустыне завершен. Атомная бомба стала реальностью».

Сталину еще не сообщали о столь важном событии. Первое пленарное заседание состоялось после обеда со Стимсоном. Черчилль настаивал на «скорейшем проведении свободных выборов в Польше, которые отразят пожелания польского народа», – одном из принципиальных решений, которое было принято в Ялте. В частной встрече со Сталиным после заседания Черчилль заговорил о немецком народе: «Они всегда верили в символ. Если бы Гогенцоллерну позволили править после Первой мировой войны, не было бы Гитлера». Он не упомянул, что впервые увидел Гогенцоллерна, императора Вильгельма II, пятьдесят четыре года назад в Хрустальном дворце в мае 1891 г.

В какой-то момент светской беседы Сталин признался Черчиллю, что стал курить сигары. Черчилль сказал, что, если фотография Сталина, курящего сигару, «станет известна миру, это будет гигантская сенсация».

18 июля гостем Черчилля на обеде был Трумэн. Два часа они провели наедине. По ходу разговора Черчилль поинтересовался, нельзя ли «безоговорочную капитуляцию Японии оформить таким образом, чтобы мы получили все гарантии будущего мира и безопасности и в то же время оставили японцам некую видимость воинской чести и уверенности в их существовании после выполнения всех мер безопасности, которые потребуют победители». Трумэн, как зафиксировала стенограмма, не считал, что «после Перл-Харбора японцы должны сохранять какую-то воинскую честь».

Черчилль, кроме того, сказал Трумэну, что рассчитывает на максимальное послевоенное сотрудничество между их странами. Когда же Трумэн заметил, что даже двухсторонние соглашения необходимо проводить через Организацию Объединенных Наций, Черчилль возразил, что такие вещи бессмысленны. «Мужчина, – сказал он, – может предложить девушке вступить в брак, но от этого будет мало толку, если ему ответят, что она всегда будет ему как сестра. Мне бы хотелось сохранить существующую систему взаимодействия между Британией и Соединенными Штатами, предполагающую общее использование каждой стороной военной инфраструктуры, как, например, военные базы и пр.». Трумэн полностью согласился с его предложением, оговорив только, что «идею нужно представить в соответствующей форме, чтобы она не выглядела как грубая форма альянса a deux[57]».

В конце Трумэн, по словам Черчилля, «отреагировал самым обнадеживающим образом на предложение о сохранении Объединенного комитета начальников штабов до тех пор, пока мир не придет в себя после страшной бури», и в конце беседы

сказал, что для него это был «самый приятный обед за многие годы». Однако днем Черчилль узнал, что американские начальники штабов, выражая полное согласие консультироваться со своими британскими коллегами по общим стратегическим вопросам, заявили, что в отношении Японии готовы на это лишь при условии, что в случае каких-либо разногласий окончательное решение останется прерогативой начальников штабов США». Британии пришлось принять, по сути дела, ультиматум американцев, как приходилось делать то же самое и в Европе.

Второе пленарное заседание состоялось днем 18 июля. Когда Черчилль спросил Сталина про Польшу, советский лидер заверил его, что временное правительство никогда не препятствовало проведению свободных выборов. Через час и двадцать минут заседание закончилось «к большому неудовольствию ПМ, – как записал сэр Александр Кадоган, – поскольку он хотел продолжать непринужденную беседу и был крайне разочарован – как ребенок, у которого отняли игрушку. Но Трумэн закрыл заседание».

Вечером Черчилль ужинал вдвоем со Сталиным. Они провели вместе пять часов. «Русскому народу, – сказал Сталин Черчиллю, – не хватает образования и воспитания, и ему еще предстоит долгий путь». Он также предсказал, что на всеобщих выборах консерваторы победят с перевесом в 80 голосов. Возвращаясь к глобальной политике, Черчилль сказал, что «будет рад приветствовать Россию как великую морскую державу в Дарданеллах, на Тихом океане и в Кильском канале, который должен получить международный статус, как Суэцкий канал». Говоря о государствах Центральной Европы, Сталин в очередной раз заверил Черчилля, что он «против советизации любой из этих стран. В них должны пройти свободные выборы». Как и заверение насчет Польши, сделанное в этот день, это оказалось ложью.

Утром 21 июля в Берлине состоялся британский Парад Победы. К центральной трибуне Черчилль и Эттли ехали в разных джипах вдоль колонн приветствовавших их войск. Личный секретарь Черчилля Джон Пек позже вспоминал: «Меня, как, наверное, всех остальных, хотя никто не сказал об этом вслух, поразило очень странное явление: Уинстон Черчилль, лидер великой войны, без которого мы вообще никогда не оказались бы в Берлине, получал гораздо менее громогласные приветствия, чем мистер Эттли, который – сколь бы ни был велик его вклад – не оказал никакого заметного личного влияния на ход войны».

Днем на очередном пленарном заседании Черчилль и Эттли выразили протест Сталину в связи с тем, что новая польская

граница отнесена слишком далеко на запад и к Польше присоединена четверть пахотных земель довоенной Германии. Их протест поддержал Трумэн. Но Сталин вовсе не собирался возвращать Силезию Германии. Также на следующем пленарном заседании, где главной темой опять стала Польша, он не согласился с возвращением Германии городов Штеттин и Бреслау[58]: новая польско-германская граница должна проходить по Одеру и Западной Нейсе. Черчилль и Трумэн совместными усилиями не смогли убедить его изменить решение.

Американцы узнали больше о характере испытаний атомной бомбы в пустыне штата Нью-Мексико. Утром 22 июля Сипмсон пришел к Черчиллю рассказать подробности. Внутри окружности диаметром два с половиной километра разрушения оказались тотальными. Черчилль тут же отправился к Трумэну. Позже он вспоминал: «Возникло ощущение, что такое оружие может дать японцам повод сохранить честь и освободит их от обязательства сражаться до последнего солдата».

23 июля Черчилль дал банкет в честь Сталина и Трумэна. В ходе застолья Сталин неожиданно поинтересовался, как Черчилль относится к идее создания Россией базы в Эгейском море, в районе греческого порта Дедеагач на выходе из Дарданелл. Черчилль, который ранее в этот же день негативно отреагировал на вопрос Сталина о возможности создания советской военно-морской базы в Мраморном море или в Дарданеллах, ответил уклончиво: «Я буду всегда поддерживать Россию в ее стремлении круглогодично свободно пользоваться морями».

Черчилль и Эттли запланировали 25 июля вернуться в Лондон, чтобы узнать итоги выборов. Победителю через два дня предстояло вернуться в Потсдам и продолжить участие в конференции. Вечером Черчилль спросил Идена: «Что сейчас говорят о результатах выборов?» Иден сказал: «Партия рассчитывает на победу с перевесом примерно в 70 мест».

За день до возвращения в Лондон Черчилль встретился с восьмеркой польских коммунистов, которые специально ради этого прилетели из Варшавы в Берлин. Тщетно он пытался уговорить их позволить Германии сохранить части Силезии. Но когда он стал призывать их провести в Польше свободные выборы и создать многопартийный парламент в соответствии с достигнутыми в Ялте соглашениями, их лидер, Болеслав Берут, заверил его, что политическое устройство Польши «будет основано на принципах западной демократии». Это заверение оказалось пустышкой. Беруту суждено будет стать лидером такой же жесткой сталинской системы, как и всех остальных

в Восточной Европе.

Днем 24 июля на пленарном заседании Черчилль отверг запрос Сталина о создании советской военно-морской базы в Мраморном море. Он также отказался принудительно репатриировать в Советский Союз более 10 000 украинских военнопленных, которые служили в немецкой армии, а теперь оказались у британцев.

После победы над Германией прошло два с половиной месяца. Победа над Японией теперь, похоже, зависела не столько от подключения к войне Советского Союза, сколько от атомной бомбы. В конце пленарного заседания 24 июля Трумэн отвел Сталина в сторону, чтобы сообщить ему о новом оружии. Черчилль позже описал реакцию Сталина: «Новая бомба! Невероятной мощности! Вероятно, решающее оружие для всей войны с Японией! Какая удача!»

Вечером Черчилль ужинал вдвоем с адмиралом лордом Луисом Маунтбеттеном, главнокомандующим войсками в Юго-Восточной Азии, которого приглашал на Даунинг-стрит, когда тот был в Лондоне, чтобы поговорить о его будущем. «У меня гигантские планы», – сказал ему Черчилль. Маунтбеттен, совсем недавно находившийся в Индии в войсках, принимавших участие в выборах, позже вспоминал: «У меня было грустное и даже мрачное настроение: я сидел и разговаривал с человеком, который строил планы и был абсолютно уверен, что победит, а я был в той же степени уверен, что через двадцать четыре часа он лишится своего поста».

Черчилль и Эттли собирались покинуть Потсдам днем 25 июля. Утром у Черчилля состоялась вторая встреча с Берутом, который снова заверил его, что послевоенная Польша не собирается копировать советскую систему, а постарается перенять английскую модель демократии. «Польша, – говорил он, – станет одной из самых демократических стран Европы, советская армия уйдет, и выборы в Польше будут даже более демократичными, чем в Англии». Но Черчилль знал, что демократической Польши, за которую Британия вступила в войну в сентябре 1939 г. и надеялась сохранить в Тегеране и Ялте, больше не существует.

На утреннем пленарном заседании Черчилль вновь призывал Сталина не отодвигать польскую границу слишком далеко на запад. Его снова поддержал Трумэн, и Сталин снова отверг их просьбу. Он выдвинул свою: уголь, добываемый немцами в Рурском бассейне, должен направляться в советскую зону оккупации Германии и в Польшу. Черчилль сказал, что это можно будет сделать только в обмен на поставки продовольствия

в Германию. Сталин с этим не согласился и сказал Черчиллю: «В Германии все еще остается слишком много жира».

Никаких соглашений достигнуто не было, кроме того, чтобы отложить решения до следующей встречи. Девятое пленарное заседание Потсдамской конференции закончилось в 12:15 дня. Казалось, прощаться нет необходимости. И Сталин, и Трумэн ожидали, что Черчилль вернется через сорок восемь часов по-прежнему в должности премьер-министра и главы британской делегации на переговорах. Черчилль через несколько минут уехал на машине на аэродром в Гатов. В 1:23 его самолет взял курс на Британию. Через два часа и двадцать минут он приземлился в Нортхолте, где ему сообщили, что в штаб-квартире Лейбористской партии царит уныние: они считают, что консерваторы одержат победу с перевесом в тридцать мест. Хотя это было на сорок меньше, чем предполагал Иден, все равно составляло большинство.

Вечером за ужином Черчилль узнал, что его дочь Диана и ее муж Дункан Сэндис «очень пессимистично настроены относительно шансов Дункана» в выборном округе Южного Лондона. Ночью, перед рассветом, Черчилль, как он записал позже, «проснулся от резкого приступа почти физической боли, после чего возникло и уже не отступало подсознательное убеждение, что мы проиграли, что я буду лишен возможности влиять на будущее; что знания, опыт, авторитет и добрые отношения, которые я заслужил во многих странах, окажутся не нужны».

Во вторник 26 июля в десять утра капитан Пим получил первые результаты голосования. Консерваторы уступили десять мест лейбористам. Он немедленно отправился к Черчиллю. «Премьер-министр принимал ванну, – позже вспоминал он, – и, разумеется, был удивлен, если не шокирован. Он попросил меня подать полотенце и через несколько минут, с сигарой во рту, уже сидел в кресле в картографическом кабинете. Там он оставался весь день». К полудню стало ясно, что лейбористы одерживают оглушительную победу. Среди парламентариев-консерваторов, потерявших свои места, были и Рэндольф Черчилль, и Дункан Сэндис. «До самой смерти, – написал присутствовавший на обеде Дэвид Маргессон Черчиллю шесть лет спустя, – не забуду мужества и выдержки, которые вы проявили за этим разнесчастным обедом после того, как стало известно о поражении. Потрясающий пример того, как нужно не падать духом при любых обстоятельствах».

«Может, не было бы счастья, да несчастье помогло?» – предположила Клементина. «В данный момент это просто

несчастье», – откликнулся Черчилль.

Лейбористы получили 393 места в парламенте. Они превзошли все остальные партии на 146 голосов. Количество мест консерваторов в парламенте сократилось с 585 в 1935 г. до 213. Впервые в британской истории за лейбористов было отдано больше голосов, чем за консерваторов. Когда Морган заговорил о «неблагодарности» британцев, Черчилль возразил: «Я бы это так не называл. У них были очень тяжелые времена».

По конституции Черчилль мог вернуться в Потсдам как премьер-министр и уйти в отставку только через несколько дней, когда будет созван новый парламент. Но он решил немедленно принять вердикт избирателей и в семь вечера отправился в Букингемский дворец, чтобы подать королю прошение об отставке. Теперь он стал лидером оппозиции. Через два часа по радио прозвучало заявление, которое он продиктовал по возвращении из дворца. «Огромная ответственность за внутренние и международные дела ложится на новое правительство, – сказал он, – и мы все должны надеяться, что оно успешно с ней справится».

Утром 27 июля Эттли улетел в Потсдам в качестве нового премьер-министра. Черчилль, уже не лидер нации, остался в Лондоне. Утром он попрощался с начальниками штабов. «Это была очень грустная и очень трогательная короткая встреча, на которой я почти не мог говорить, опасаясь не совладать с собой, – записал Брук в дневнике. – Он поразительно хорошо держит удар». Далее начались прощания с личным секретариатом, затем – с уходящим вместе с ним кабинетом. Когда все кончилось, Черчилль позвал к себе Идена. «Он выглядел довольно несчастным, бедняга, – записал Иден в дневнике. – Сказал, что утром нисколько не успокоился, напротив, боль стала сильнее, как рана после первого шока».

Спустя сорок лет Элизабет Лейтон вспоминала про вечер 27 июля: «Мэри была в слезах, миссис Ч. рано отправилась в постель, а мистер Ч. оставался спокоен». Черчилль собрался принять ванну и позвал капитана Пима. «Он был очень бледен в ванне, – позже вспоминал Пим. – Мне казалось, он может потерять сознание. Но потом он повернулся ко мне и сказал: «Они в полном праве голосовать как пожелают. Это – демократия. За это мы и боролись».

В эти выходные в Чекерсе не было коробок с телеграммами, которые могли бы занять мысли Черчилля. Вечером 28 июля Мэри с Сарой ставили его любимые пластинки Гилберта и Салливана, но это не помогало. Затем несколько французских и американских маршей пробудили, как они вспоминали, «нотку

надежды, и, наконец, «Беги, кролик, беги» и «Волшебник из страны Оз» ободрили». На следующий день Черчилль из Чекерса написал Хью Сесилу, своему другу, консерватору-бунтовщику сорокалетней давности: «Должен признаться, я нахожу события четверга довольно странными и причудливыми, особенно после того прекрасного отношения, которое демонстрировали по отношению ко мне представители всех классов. Видимо, у людей за двадцать лет накопилось что-то такое, что потребовало выплеска. Словно повторился 1906 г. Но моя вера в гибкость нашей конституции и в качества британского народа не пошатнулась. Наверное, следует ожидать каких-то серьезных изменений, к которым будет трудно приспособиться уходящему поколению. Ближайшие два года принесут беспрецедентные трудности, и вполне возможно, что у администрации лейбористов будет больше шансов справиться с ними, чем у меня».

Черчилль был последователен в своих взглядах, говоря Брекену, что намерен поддерживать «крепких» людей в Лейбористской партии и сдерживать «диких». Про нового военного министра Д. Д. Лоусона он написал Бруку: «Уверен, вам понравится ваш новый министр. Он абсолютно честный и достойный парень, но ему понадобится ваша помощь и помощь всего вашего департамента». 3 августа он написал Эттли: «Надеюсь поговорить с вами о многих вещах, когда откроется сессия. Впереди много общих дел, по которым у нас есть согласие и которые мы обещали выполнить». Двумя днями ранее Мариан Холмс, оставшаяся при Эттли, записала в дневнике: «Работа с новым ПМ совсем иная. Он вызывает нас, только когда нужно что-то продиктовать. Никаких разговоров, любезностей, шуток или капризов. Только четкие распоряжения. Идеальная вежливость, я уверена, он добрый христианин и джентльмен. Но разница – как между водой и шампанским».

Черчиллю оставалось четыре месяца до семьдесят первого дня рождения. Почти шесть лет прошло с окончания его опалы и возвращения в центр военного и политического руководства. Он никогда не щадил себя, никогда не отдыхал, никогда не смирялся с поражением или безвыходным положением. Жена опасалась, что, если он снимет с себя все свои ноши, он попросту угаснет. Он сохранял потрясающую энергию, сохранял ясность и четкость мыслей, но ему было очень трудно смириться с тем фактом, что он утратил возможность оказывать влияние на события. В Потсдаме Трумэн уступил и под давлением Сталина подтвердил границу Польши по Западной Нейсе. Эттли подчинился американцам. Через год Черчилль прокомментировал

это так: «Я бы никогда не согласился с Западной Нейсе и оставил бы это для последнего противостояния».

6 августа на Хиросиму была сброшена атомная бомба. Эффект оказался сокрушительным. Количество только опознанных жертв составило 138 690 человек. Через год Черчилль скажет Маунтбеттену: «Решение применить атомную бомбу, возможно, единственное, к чему у истории будут серьезные вопросы». И добавит: «Возможно, Создатель спросит, зачем я это сделал, но я буду яростно защищаться и спрошу его: «А зачем ты дал нам это знание, когда человечество погрязло в ожесточенных битвах?» В августе 1946 г. он напишет Джорджу Бернарду Шоу: «Не кажется ли вам, что архитектор вселенной устал писать свой бесконечный сценарий? Применение этой бомбы, видимо, его очередной поворот».

На следующий день после бомбардировки Хиросимы Черчилль сказал одному другу: «Если бы я остался премьер-министром, то наверняка смог бы убедить американцев использовать свое новое оружие для сдерживания русских. Я не побоялся бы выяснения отношений со Сталиным и сказал бы ему, что в Европе нужно вести себя разумно и прилично; при необходимости я мог бы стать даже грубым и злым. Трумэн же и его советники продемонстрировали «слабость своей политики».

Через два дня после бомбардировки Хиросимы Советский Союз объявил войну Японии. На другой день еще одна бомба была сброшена на Нагасаки. Погибло 48 857 японцев. «Вполне возможно, – написал Черчилль Эттли 10 августа, – что эти события ускорят выход Японии из войны. На самом деле я очень на это надеюсь, поскольку это означает значительное облегчение ноши, которую мы взялись нести». В этот же день, направляясь в Чекерс со своей секретаршей Элизабет Лейтон и проезжая мимо многолюдных толп, празднующих неминуемую победу над Японией, Черчилль сказал ей: «Знаете, с тех пор, как мы покинули кабинет, не было принято ни одного решения, которое это приблизило бы». Не зная, что сказать, мисс Лейтон пробормотала, что, может, ему лучше бы отдохнуть. «Нет, – ответил он. – Я хотел заниматься и мирными делами».

15 августа Япония подписала акт о безоговорочной капитуляции перед союзными державами. Вторая мировая война закончилась. Миротворческую деятельность, в которой Черчилль так хотел принимать участие, теперь предстояло осуществлять другим. Клементина писала Мэри, что он порой «грустит», порой «бодрится». Через неделю после поражения на выборах он написал Гарриману: «Это была самая длинная неделя в моей

жизни, но сейчас я уже в полном порядке».

2 сентября Черчилль на личном самолете премьер-министра, который предоставил в его распоряжение Эттли, улетел в Италию. Клементина осталась в Англии, стремясь одновременно привести в обитаемый вид Чартвелл, заброшенный в годы войны, и их новый лондонский дом на Гайд-парк-гейт, 28. Черчилль полетел с Сарой. Он также взял с собой и начал читать уже в самолете отпечатанный экземпляр его записок начальникам штабов, сделанных за время войны. Он уже сосредоточился на новой работе, которая займет более пяти лет, – военных мемуарах. «Даже за обедом он продолжал читать, – описывал лорд Моран полет в Италию, – и отрывал взгляд от текста, только чтобы раскурить сигару».

Черчилль направлялся на виллу Роза, на озере Комо. Александер выбрал ее для него как идеальное место для отдыха и занятий живописью. Возвышающаяся над озером, с садами, спускающимися к самой воде, видом на противоположный берег с деревушками, лесами и горами, эта вилла стала домом Черчилля на семнадцать счастливых дней. В первый день его повезли по горам на озеро Лугано, где он увидел место, которое ухватил его взгляд художника, и немедленно принялся рисовать. На следующий день, после трех часов занятий живописью на берегу Комо рядом с виллой, он сказал Саре: «У меня выдался счастливый день». Сара написала матери: «Даже не припомню, когда я последний раз такое от него слышала».

В письме Клементине от 5 сентября он сообщал: «Мне стало гораздо лучше, и я ни о чем не переживаю. С тех пор как покинули Англию, мы не читаем газет, и у меня больше нет прежнего острого желания листать их. Впервые за очень многие годы я полностью отключился от мира. Война с Японией закончилась, победа и окончательный мир достигнуты, и я чувствую огромное облегчение, которое только нарастает. Пусть другие решают разные кошмарные проблемы, которые неизбежно последуют. На их плечах и на их совести теперь груз ответственности за то, что происходит в Европе. Наверное, действительно, «не было бы счастья, да несчастье помогло».

Один из офицеров, находившихся на вилле, бригадир Гарольд Эдвардс, записал в дневнике: «У Черчилля совершенно изумительный смех, а лицо, когда он чем-то доволен, морщится, как у младенца, как у шекспировского Пака. Взгляд может быть жестким и нежным, как у женщины, на глазах легко появляются слезы. Теперь я поверил, что он плакал, когда понял, что во Франции все пропало. Он эмоционален – но не «по-ирландски». Думаю, правильно будет сказать, что он позволяет

себе реагировать, не сдерживая себя и не думая о том, какое впечатление производит на окружающих. Он не актер и не позер».

6 сентября на виллу приехал фельдмаршал Александер. Два дня они с Черчиллем рисовали, плавали по озеру на катере, забираясь в разные тихие бухточки. «Живопись доставляла мне огромное удовольствие, – написал Черчилль жене после отъезда Александера, – и я совершенно забыл обо всех неприятностях. Это прекрасное средство, потому что просто не можешь думать о чем-то ином». Вечером 8 сентября, за четыре дня до годовщины свадьбы, которая состоялась в 1908 г., возвращаясь на виллу, он сам управлял катером. «Когда я вел катер обратно, – написал он Клементине, – вспомнил, как ты много лет назад пела мне «В сумерках». Какая милая песня и мелодия, и ты прекрасно с большим чувством ее пела. От мысли, что ты рядом, душа переполнилась любовью. Я чувствую такую нежность к тебе, моя дорогая, и чем больше я вспоминаю о прошлом, тем больше мне хочется, чтобы ты была здесь, тоже почувствовала это и поцеловала меня».

За неделю на вилле Черчилль нарисовал три картины и принялся за четвертую. «Я рисую целыми днями каждый день, – написал он Мэри 10 сентября, – и отложил в сторону все заботы и разочарования». Но мировые заботы невозможно было забросить. Пока он был в Комо, Эттли обратился к нему за советом насчет необходимости заключения международного соглашения по применению атомной бомбы. В ответ Черчилль написал об эффекте сдерживания с учетом «решимости всех стран, обладающих или способных обладать атомным оружием, применить его сразу и совместно против любой страны, которая использует ее в войне». В связи с этим, написал он, «чем больше будет могущество Великобритании и США в ближайшие годы, тем больше будет надежд. Следовательно, Соединенные Штаты не должны делиться своими преимуществами, иначе как в обмен на создание четкой системы контроля за наращиванием этого и других видов вооружений во всех странах».

19 сентября Черчилль уехал с озера Комо на Средиземное море, на виллу Пирелли в 30 километрах от Генуи. «Предмет моих поисков – солнце», – сообщил он жене. В первый день на вилле он купался в море. На другой день отправился в соседнюю деревушку Рекко, где начал рисовать железнодорожный виадук и разрушенные бомбами дома. Местным жителям это не понравилось, они стали гудеть и грозить кулаками. Местный начальник британского военного гарнизона полковник Уотен впоследствии написал: «Мистер Черчилль без лишних слов собрался и вернулся домой. Инцидент

огорчил его, но он с готовностью признал свою бестактность и сказал, что ему бы и самому чертовски не понравилось, если бы Гитлер приехал рисовать последствия бомбардировок Лондона».

Из Генуи Черчилль на автомобиле отправился на запад вдоль побережья Монте-Карло – той дорогой, по которой они с Клементиной ехали в 1921 г. после Каирской конференции. Два дня он провел в Монте-Карло, в отеле «Париж», где они останавливались в 1932 г. «Еда великолепная, вина самые лучшие. Все как в давние времена», – написал он жене, а 23 сентября поехал дальше на запад, в Антиб. Там Эйзенхауэр предоставил ему виллу с полным штатом обслуживающего персонала.

Черчилль звал Клементину присоединиться к нему на юге Франции, но она сочла, что не может этого сделать из-за нескончаемых хлопот по приведению в порядок Чартвелла и нового лондонского дома. 24 сентября, прочитав о притязаниях русских на морские и авиационные базы в Средиземноморье, в бывшей итальянской колонии Триполитании, Черчилль написал ей: «Их требование странное и очень напоминает грубую и архаичную политику царского империализма. В этих вопросах они отстали лет на сорок, но у меня не было бы серьезных возражений против предоставления им этих мест, если бы они вели себя разумнее в других вопросах. Все флоты, морская торговля, заграничные морские и авиационные базы – всего лишь заложники самой сильной на море и в воздухе державы. Однако не сомневаюсь, что их претензии вызовут большой шум. Большевизация Европы идет быстро, все правительства Центральной, Восточной и Южной Европы, за исключением афинского, под советским контролем. Этот образ у меня сложился после поджога на Рождество. Мало что известно о происходящем за «железным занавесом», но очевидно, что полякам и чехословакам приходится особенно тяжко».

После двадцати пяти дней наслаждения солнцем, с пятнадцатью законченными картинами Черчилль вернулся в Лондон, в новый дом на Гайд-парк-гейт. Среди множества приглашений, ожидавших его, было и приглашение, переданное через президента Трумэна, в котором его просили прочитать курс из трех-четырех лекций в Вестминстерском колледже города Фултон в штате Миссури. «Чудесное заведение в моем родном штате», – написал Трумэн. Но Уинстон и Клементина уже запланировали провести зиму в Майами-Бич.

21 октября Черчилль говорил в своем избирательном округе, что после возвращения из Потсдама собирался приложить все свои силы на реализацию задач мирного времени –

демобилизацию, жилищное строительство, перевод промышленности на гражданское производство и «высвобождение британских талантов и энергии от долгой военной зависимости». Но теперь, добавил он, «это пустые слова».

Несмотря на то что Черчилль оказался отрезан от ежечасного притока информации из мировых столиц, который определял его стиль работы, он жадно следил за газетными сообщениями об активности Советов в Европе и мире. Задержание в октябре в Канаде крупного советского шпиона дало ему повод 26 октября сказать канадскому премьер-министру Кингу: «Нам ничего не выиграть, если не дать русским понять, что мы их не боимся. Русские – реалисты-ящерицы и принадлежат к семейству крокодилов. Они будут с тобой максимально любезны, между тем как будут готовиться тебя уничтожить. Необходим, – объяснял Черчилль Кингу, – постоянный альянс между Соединенными Штатами и Британией. Это не надо прописывать, это надо понимать».

Перед отъездом в Соединенные Штаты Черчилль проводил еженедельные совещания в теневом кабинете, вырабатывая политику оппозиции и координируя публичную и парламентскую деятельность. Но он старался максимально возможное время проводить в Чартвелле, где постепенно восстанавливался довоенный комфорт. Были наняты немецкие военнопленные для очистки рыбного пруда и бассейна, с такой любовью созданных Черчиллем двадцать лет назад. Заброшенные во время войны, они замусорились и заросли травой.

Клементина в Чартвелле никогда не чувствовала себя непринужденно. Мэри позже вспоминала, что она там страдала от «депрессии и нервозности. Нагромождение забот вызывало приступы слабости, что делало ее нетерпимой и раздражительной по отношению к мужу; он, в свою очередь, мог быть нереалистично требовательным. В эти месяцы между ними часто происходили сцены. После каждой ссоры оба страдали угрызениями совести и раскаянием и всегда стремились помириться. Но для них это были трудные дни».

В ноябре Черчилль побывал с кратким визитом в Париже и Брюсселе. Повсюду его встречали радостные, восторженные толпы. «Никогда не видел такого возбуждения и энтузиазма, – вспоминал британский посол в Брюсселе. – Люди прорывали полицейские заграждения и, едва уворачиваясь от эскорта мотоциклистов, бросали букеты цветов в машину, если им не удавалось вручить их лично мистеру Черчиллю. Одна девушка прыгнула на подножку, обвила его руками за шею и страстно поцеловала».

В выступлении на совместном заседании бельгийского сената и палаты 16 ноября Черчилль объяснял причины и истоки, как он выразился, «необязательной войны». «Если бы союзники, – говорил он, – решительно противостояли Гитлеру в начальный период его власти и вплоть до ремилитаризации рейнских земель в 1936 г., он был бы вынужден отступить. Тогда был бы шанс возобладать настроениям, особенно сильным среди высшего военного командования, которые избавили бы Германию от его маниакального правительства и той системы, из-за которой она в конце концов рухнула. Большинство немецкого народа дважды до 1933 г. проголосовало против Гитлера, – напомнил он слушателям, – но союзники и Лига Наций действовали вяло и с полным непониманием политической перспективы. Таким образом, все посягательства Гитлера оборачивались для него триумфом над умеренными и сдерживающими силами, что привело к мощному наращиванию вооружений Германией и, наконец, развязыванию войны. Перед войной я тщетно пытался обратить внимание на это. Так давайте хотя бы извлечем пользу из этого кошмарного урока», – призвал Черчилль.

Он не сказал, что уже начал готовить первые главы своих военных мемуаров, в которых собирался проанализировать годы между двумя мировыми войнами и представить читателям свои мысли, опасения и предположения в тот период. В брюссельской речи он призвал к созданию «Соединенных Штатов Европы», которые могли бы объединить континент, чего еще не бывало после падения Римской империи. Внутри этого континента все народы могли бы существовать в процветании, справедливости и мире».

Через три месяца после капитуляции Японии и полгода после поражения Германии Черчилля больше всего занимали три темы: тесное сотрудничество между США и Великобританией по сдерживанию советской экспансии, объединение всех демократических стран под эгидой ООН для предотвращения новой войны ввиду их слабости перед тиранией и создание объединенной Европы. Он был убежден, что Второй мировой войны можно было избежать. Он был настолько в этом уверен, что, когда ему предложили направить поздравительный адрес Болдуину в связи с его восьмидесятилетием, он отказался. Вместо этого он написал тем, кто сделал это предложение: «Желаю Стенли Болдуину не болеть, но для нашей страны было бы гораздо лучше, если бы он вообще не появлялся на свет».

30 ноября Черчиллю исполнился семьдесят один год. «Тем, кто тебя любит, – написала дочь Мэри в канун нового 1946 г., –

а таких очень и очень много, очень обидно и грустно видеть тебя в стороне. И печаль тем сильнее оттого, что мы мало чем можем тебе помочь». В новогоднем списке пожалованных королем почетных званий и титулов Черчилль был награжден орденом «За заслуги». «Я испытала восторг и гордость, – написала Мэри, – когда прочитала сегодня утром в газетах об очередном знаке признания твоей деятельности». «Орденом «За заслуги» награждает лично король, им не награждают по представлению министров, – объяснял Черчилль одному из тех, кто прислал поздравления. – Этим он для меня особенно ценен».

8 января он съездил в Букингемский дворец получить его, а на следующий день с Клементиной отправился из Саутгемптона на лайнере «Куин Элизабет» в Соединенные Штаты. Вместе с ним был один из его секретарей военного времени Джо Старди. Новая секретарша Элизабет Джилльет осталась дома разбираться с массой писем, чтобы держать Черчилля в курсе событий. Кроме того, он решил опубликовать в одном томе воспоминаний свои выступления на секретных заседаниях во время войны. Печатание этих выступлений стало первоочередной задачей мисс Джилльет.

Путешествие носило грустный оттенок. Брак Рэндольфа закончился разводом. «Я глубоко опечален, – написал Черчилль матери Памелы, леди Дигби, за два дня до отъезда. – Это положило конец многим надеждам. Война вмешалась в жизнь миллионов людей. Но мы не должны падать духом среди руин».

Вечером 14 января Черчилль и Клементина прибыли в Нью-Йорк и сразу же поездом уехали в Майами-Бич. По приезде, утром 16 января, Черчилля попросили дать пресс-конференцию. Она состоялась во внутреннем дворике дома по Норт-бей-роуд, 5905, у которого был собственный выход на океан и в котором ему предстояло прожить почти три недели. Когда кинооператор попросил его произнести десять слов в микрофон, Черчилль ответил: «Меня попросили сказать всего десять слов, но не сказали о чем. Десять слов, которые первыми пришли мне в голову, таковы: «Я чувствую огромное удовольствие, наслаждаясь нежарким приятным солнцем Майами-Бич». Затем уже всерьез Черчилль объяснил журналистам, почему он поддержал просьбу лейбористского правительства к Соединенным Штатам о выделении четырехмиллиардного займа. «Если нам не дадут возможность снова встать на ноги, – сказал он, – мы можем никогда снова не занять свое место среди других стран».

Местные журналисты были от него в восторге. Один из них отметил «взгляд веселого проказника» и добавил: «Юмор, который облегчает ему жизнь, светится на лице и искрится

на языке. Кто, боровшийся так, как он, смог бы вообще выжить, если бы не спасительный юмор, позволяющий ему сохранять равновесие?»

Прибытие Черчилля в Соединенные Штаты вызвало огромный поток корреспонденции. В среднем ему приходило по три сотни писем за день. Чтобы разбираться с ними, потребовались три секретарши. Лоррен Бонар, которая ждала в этом доме его приезда, написала матери: «Приехал великий человек. Он просто замечательный. Полностью покорил меня отсутствием какой-либо претенциозности и обаянием». Она добавила, что он «любит поддразнивать, но бывали и времена, – вспоминала она уже позже, – когда он становился очень трудным и упрямым и между ним и миссис Черчилль возникали перебранки, и он орал «Клемми!» через весь зал. Однажды они целых два дня разговаривали между собой только по необходимости».

В письме своему старому армейскому другу генералу Тюдору Черчилль описывал трудности, с которыми столкнулся после поражения на выборах полгода назад: «Мне оказалось не очень легко быстро переключиться с жизни, полной интенсивной, насыщенной деятельности и ответственности, к жизни, в которой есть только свободное время и нечего искать, кроме разочарований. К счастью, у меня есть живопись, в которую я погружаюсь, и множество других развлечений, так что время проходит быстро и приятно».

В первую неделю в Майами-Бич у Черчилля поднялась температура и держалась высокой несколько дней. Потом она упала, и он не только рисовал, но и купался в океане. 30 января у него состоялся длительный разговор с Эмери Ривзом, который перед войной занимался распространением его речей в Европе. Теперь они говорили об издательских проблемах публикации его военных мемуаров. «Я не забыл, что вы сделали для меня перед войной, – сказал Черчилль Ривзу, – и хочу, чтобы и этим занялись вы». На протяжении последующих десяти лет Ривз обеспечивал широкое распространение мемуаров, перевод их на иностранные языки, а также занимался финансовыми вопросами.

1 февраля Черчилль с Клементиной и Сарой улетели из Майами в Гавану. Это был его первый визит на Кубу с 1895 г. После встречи с кубинским президентом он дал пресс-конференцию. Как-то Эттли попросил его оценить нынешнее правительство. Он ответил: «Я не обсуждаю правительство моей страны, когда нахожусь за ее пределами». А на вопрос о результатах всеобщих выборов ответил так: «В моей стране люди могут делать то, что им нравится, хотя случается и так,

что им не нравится то, что они сделали».

После шести дней наслаждения солнцем, природой, купанием и рисованием Черчилль 8 февраля вернулся в Майами, а через два дня улетел в Вашингтон и ужинал с Трумэном в Белом доме. Там он попробовал обкатать речь, которую собирался произнести в Фултоне. При этом присутствовал госсекретарь Джеймс Бирнс. Черчилль написал Эттли: «Им обоим, похоже, очень понравилось. Здесь очень опасаются проблем от России в будущем. Позиция Бевина в ООН в этом отношении принесла нам большую пользу». «Уверен, ваша речь в Фултоне принесет пользу», – ответил Эттли.

12 февраля Черчилль дал обед в честь Эйзенхауэра в британском посольстве, а затем улетел обратно в Майами. Через неделю, беседуя со своим американским другом финансистом Бернардом Барухом и Бирнсом, которые специально прилетели из Вашингтона, чтобы повидаться с ним, он изложил мнение британского правительства насчет того, что американский заем должен быть беспроцентным.

На следующий день он выступал перед 17 000 собравшихся на «Бердайн стэдиум» в Майами. Вспоминая о своих неудачах на школьных экзаменах и затем о присуждении ему почетных ученых степеней, он сделал заключение: «Ни один мальчик или девочка не должны опускать руки из-за отсутствия успехов в юности. Напротив, нужно неутомимо и упорно добиваться своего и наверстывать упущенное время».

1 марта Черчилль поездом отправился из Майами в Вашингтон, где сначала показал свою фултонскую речь адмиралу Лейхи, старшему военному советнику Трумэна. Тот отнесся к ней с «энтузиазмом», как сообщил Черчилль Эттли и Бевину. Бирнс, который тоже ее прочитал, «пришел в восторг и не предложил никаких изменений». В этот день в Вашингтоне стало известно, что Россия не намерена выводить свои войска из Северной Персии, о чем шестью месяцами ранее договорились Бевин с Молотовым. Это добавило вес призывам Черчилля продемонстрировать жесткость позиции со стороны Британии и Соединенных Штатов.

4 марта Черчилль перебрался из британского посольства в Белый дом, откуда вместе с Трумэном и Лейхи отправился в двадцатичетырехчасовое путешествие на поезде в Миссури. Он с удовлетворением узнал от них, что как демонстрация решимости Америки не допустить советской экспансии в Эгейское или Средиземное море в этот регион скоро будет направлен линкор «Миссури» в сопровождении тактической группировки боевых кораблей.

Черчилль сообщил Эттли и Бевину, что во время поездки на запад Лейхи сказал, что в эту тактическую группировку войдут «еще один мощный линейный корабль, два новейших авианосца, несколько крейсеров и около десятка эсминцев». Трумэн и Лейхи упомянули также, что корабли класса «Миссури» оснащены 140 зенитными орудиями. Черчилль прокомментировал: «Сказанное я считаю чрезвычайно важным. Можно предположить, что Россия поймет необходимость разумной дискуссии со странами западной демократии. Я уверен, что нахождение столь мощного американского флота в проливах должно принести большую пользу как в плане поддержки Турции и Греции, так и в плане реакции на создание советской военно-морской базы в Триполи – того, что Бевин назвал перекрытием нашей жизненно важной транспортной артерии в Средиземноморье».

В поезде Черчилль продолжал готовиться к выступлению. Когда поезд мчался вдоль широкой реки Миссури, он показал речь Трумэну. «Он сказал, что считает ее замечательной, – написал Черчилль Эттли и Бевину, – и что она может принести большую пользу, хотя и вызовет много шума».

Фултонская речь транслировалась на всю Америку. «Главная задача и долг американской демократии и всего англоязычного мира, – говорил Черчилль, – уберечь простых людей от ужасов и страданий новой войны. Организация Объединенных Наций должна стать действенной силой, а не пустой говорильней. Каждая страна-участница должна предоставить ей авиационную эскадрилью, которой при необходимости будет распоряжаться сама ООН. Я хотел, чтобы она была создана еще после Первой мировой войны, – сказал он, – и глубоко убежден, что ее необходимо создать в ближайшее время. Но атомная бомба должна принадлежать только США, Британии и Канаде. Не думаю, что мы сможем спать спокойно, если ситуация в мире изменится и какое-нибудь коммунистическое или неофашистское государство будет обладать этим смертоносным устройством».

Затем Черчилль заговорил о своем восхищении военными успехами России и заявил: «Мы приветствуем Россию на ее законном месте среди ведущих держав мира. Мы приветствуем ее флаг во всех морях. Более всего мы приветствуем частые и растущие контакты между русским народом и нашими народами по обе стороны Атлантики. Однако, поскольку я уверен, что вы хотите, чтобы я оперировал перед вами фактами, считаю своим долгом представить вам некоторые факты современного положения в Европе так, как я их вижу. От Штеттина на Балтике и до Триеста на Адриатике над континентом опущен «железный занавес». За ним находятся столицы всех старых государств

Центральной и Восточной Европы. Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест и София – все эти знаменитые города находятся в советской сфере, и все они подвержены не только советскому влиянию, но и очень сильному, а во многих случаях еще и усиливающемуся контролю со стороны Москвы. Только Афины – Греция со своей бессмертной славой вольна решать свое будущее на свободных выборах под британским, американским и французским прикрытием».

Затем Черчилль сказал о господстве коммунистических партий в Восточной Европе, власть которых абсолютна, и о стремлении установить тоталитаризм в их странах. «Это, – сказал он, – безусловно, не та освобожденная Европа, за которую мы сражались. И не та, которая в самой себе содержит основы устойчивого мира. Сейчас требуется новое единство Европы внутри структуры ООН и ее Устава; единство, при котором ни одна страна не должна быть изгоем. Потребность в таком единстве назрела. В странах, находящихся вблизи «железного занавеса», таких как Италия и Франция, равно как и в далеких от российских границ по всему миру, коммунистические партии или коммунистические пятые колонны представляют собой нарастающий вызов и опасность для христианской цивилизации. При этом новая война не является неизбежной или близкой. У нас есть силы спасти будущее в сложившихся условиях. Я не верю, что Советская Россия стремится к войне. Она стремится воспользоваться плодами войны и неограниченно распространять свою власть и свою идеологию. С Россией необходимо заключить соглашение. Чем дольше это будет откладываться, тем большая угроза возникнет. Пообщавшись с нашими русскими друзьями и союзниками во время войны, я убедился, что они ничем так не восхищаются, как силой, и ничто не уважают меньше, чем слабость, особенно слабость в военном отношении. А это вызывает искушение. Если западные демократии будут держаться вместе, никто не захочет испытывать их силу. Но если возникнет раскол или колебания, тогда действительно нас ждет губительная катастрофа».

Затем Черчилль вспомнил горькие годы перед войной: «В то время я видел ее приближение и громко предупреждал об этом и своих соотечественников, и весь мир, но никто не обратил внимания. Вплоть до 1933 и даже 1935 г. Германию можно было спасти, и мы все могли быть избавлены от страданий, которые Гитлер причинил всему человечеству. Никогда в истории не было более легкой возможности своевременно предотвратить войну, которая в результате опустошила огромные территории. Убежден, ее можно было предотвратить без единого выстрела, и Германия

могла бы сейчас быть могучей, процветающей и уважаемой страной. Но никто не захотел слушать, и один за другим мы все оказались втянуты в этот страшный водоворот. Нельзя допустить, чтобы такое произошло снова; это можно предотвратить и теперь достижением хорошего взаимопонимания с Россией по всем пунктам».

Черчилль призывал американцев не недооценивать силу Британии и Британского Содружества. «Если, – говорил он, – эту силу объединить с американской, то наше сотрудничество в воздухе, на море, в науке и промышленности, в силе духа не допустит ни у кого попытаться реализовать какие бы то ни было амбиции или авантюры. Напротив, возникнет огромная уверенность в безопасности. Если Британия и Америка объединят свои моральные и материальные ресурсы, то можно с уверенностью сказать, что широкая дорога в будущее откроется не только для нас, но и для всех, не только на ближайшее время, но и на грядущее столетие».

Черчилль сначала собирался назвать свою речь «Мир во всем мире», но в итоге дал ей название «Средства к миру». Речь была выдающимся предвидением, но от нее опять, как бывало и в прошлом, отмахнулись как от «алармистской». Лондонская Times назвала «в малой степени удачным» его противопоставление западной демократии и коммунизма, заявив, что двум системам «есть чему поучиться друг у друга: коммунистической – в деятельности политических институтов и обеспечении прав человека, западной демократии – в совершенствовании экономического и социального планирования». Речь «Средства к миру» получила гораздо более широкую известность под названием «Железный занавес», словно она действительно создала этот железный занавес. Wall Street Journal высказалась таким образом: «Соединенные Штаты не желают альянса или чего-либо подобного ни с одной страной».

Черчилль по возвращении в Вашингтон 7 марта сказал Эттли и Бевину: «Убежден, что для хорошего соглашения с Россией необходима некоторая демонстрация силы и способности дать отпор. – И добавил: – Предполагаю, что в ближайшем будущем эта точка зрения станет доминирующей в Соединенных Штатах».

Уже на следующий день мнение Черчилля по поводу военного альянса против России вызвало бурю негодования, в то время как его призыв к «хорошему взаимопониманию» с Россией был проигнорирован. Трумэн дал пресс-конференцию, на которой отрицал, что заранее знал, о чем будет говорить Черчилль. В этот же день, уехав ночным поездом из Вашингтона, Черчилль повторил свою тему в университете штата Вирджиния. Там,

в присутствии Эйзенхауэра, он сказал слушателям: «Мир не сохранить благими пожеланиями, банальными фразами, официальными ужимками и дипломатической корректностью, хотя и это может быть необходимо время от времени. Требуется серьезное намерение. Требуется неколебимое упорство и умение смотреть вперед. Рыцарь должен иметь меч и кольчугу, чтобы охранять в пути пилигримов. Что же касается англоязычных народов, то они должны быть едины, имея общие убеждения и идеалы».

12 марта, когда Черчилль был в Вашингтоне, Москва через газету «Правда» обрушилась на него за «старые клеветнические измышления относительно экспансионистских устремлений» Советского Союза. Кроме того, Черчилль узнал, что днем ранее два парламентария-лейбориста обратились к Эттли с требованием «отречься» от фултонской речи. После того как Эттли отказался, девяносто три депутата-лейбориста выступили с предложением вынести вотум недоверия Черчиллю, назвав его речь «вредной для дела мира». Они возражали против идеи военного альянса между Британским Содружеством и Соединенными Штатами «с целью борьбы с распространением коммунизма». Среди подписавших был и будущий премьер-министр, лейборист Джеймс Каллаган.

Не подозревая обо всем этом, Черчилль продолжал помогать Эттли и его правительству в получении американского займа. 11 марта, на встрече в Национальном пресс-клубе в Вашингтоне, и после этого еще раз, на частном обеде с несколькими ведущими американскими финансистами в Нью-Йорке, он призвал американцев смягчить отношение к этому вопросу. Эттли оценил помощь, прислав записку со словами «искренней благодарности».

Сталин был сильно задет фултонской речью. 14 марта в «Правде» была опубликована статья, в которой он заявлял, что речь рассчитана на то, чтобы «посеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничество. Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны, и у него имеются единомышленники не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки. Так же как Гитлер, – говорилось в статье, – начал процесс развязывания войны, выдвинув свои расовые теории, так и Черчилль начинает развязывание войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира».

Черчилль проигнорировал обвинения Сталина. Однако в своем последнем выступлении в Нью-Йорке 15 марта он ответил

на основной упрек американцев к его фултонской речи: «Я никогда не призывал к англо-американскому военному альянсу или договору. Я призывал к другому, и в каком-то смысле даже к большему. Я призывал к братскому объединению – свободному, добровольному, братскому единению. И мы к этому придем, я не сомневаюсь в этом так же, как в завтрашнем восходе солнца».

20 марта Черчилль покинул Соединенные Штаты. Через двое суток вслед за ним из Нью-Йорка в Стамбул вышел линкор «Миссури». В этот же день Советский Союз объявил, что советские войска будут выведены из Персии. New York Times связывает изменение поведения русских с двумя твоими выступлениями», – телеграфировал Рэндольф отцу из Нью-Йорка 24 марта. Из Лондона пришло поздравление с фултонской речью от дочери Асквита, Вайолет, которая написала: «События убедительно подтверждают ваши слова». Благодаря за совместное путешествие, дочь Сара написала отцу: «Понимаю, что для тебя это далеко от совершенства, но ты внес вклад в дело мира, не говоря уж о том, что ты сделал для доброй старой Англии».

Глава 37
Путеводитель по прошлому, ориентиры будущего

29 марта 1946 г., через три дня после возвращения в Лондон из Соединенных Штатов, Черчилль пригласил своего литературного помощника с довоенных лет Билла Дикина на ланч в доме на Гайд-парк-гейт. Так было положено начало образованию группы помощников по работе над военными мемуарами, которые изначально задумывались объемом в четыре или пять томов, но позже увеличились до шести. Дикину было поручено заняться изысканиями в архивах Черчилля военных лет, хранящихся в сейфе Уайтхолла, и извлечь оттуда важнейшие записки и распоряжения. Ему также было поручено готовить планы и черновики каждой главы, особенно тех, которые касались дипломатии и политики.

По армейским вопросам Черчилль пригласил в помощники бывшего начальника штаба Монтгомери, генерала сэра Генри Паунолла, военно-морские были доверены коммодору Аллену. Генерала Исмея, бывшего министра обороны, Черчилль попросил бегло просматривать написанное. Исмей охотно согласился, и часто дополнял собственными воспоминаниями те события, которые Черчилль не мог вспомнить в деталях. Десятки современников присылали Черчиллю выписки из дневников о каких-то конкретных эпизодах, которые он хотел описать.

Одна лишь подготовка к написанию мемуаров потребовала гигантских затрат времени и сил. Для работы в личном архиве Черчилля в Чартвелле был нанят молодой адвокат Денис Келли. К секретарям Джо Старди и Элизабет Джиллиат прибавились два новых – Летиция Марстон и Чипс Джеммел.

Работа над мемуарами стала постоянной и неотъемлемой частью жизни Черчилля, где бы он ни был – в Чартвелле, в Лондоне или в поездках. 31 марта по просьбе Эттли он изложил свою точку зрения на необходимость и в мирное время координации поставок оборонным министерствам. Он обратил внимание Эттли не только на собственную позицию по этому вопросу, высказанную в 1936 г., но и на записку своего отца, датированную 21 марта 1890 г. В ней обосновывалась необходимость в специальном человеке, который действовал бы как «торговец, у которого руководители армии и флота могли бы приобретать большинство необходимых им припасов».

«Возникновение авиации, – заметил Черчилль, – делает этот проект жизненно необходимым».

Черчилль изыскивал возможности повторить в Британии основную тему фултонской речи. 7 мая, выступая на церемонии присвоения ему звания почетного гражданина Вестминстера, он заявил: «Главная надежда и главная задача – достижение взаимопонимания с Советской Россией». Это не помешало ему 5 июня в палате общин предупредить, что «советизация, а во многих случаях и коммунизация стран Восточной и Центральной Европы, вопреки воле подавляющего большинства населения, не сможет быть проведена без злодеяний, масштаб которых даже страшно себе представить». Подавление Венгерского восстания в 1956 г. советскими войсками произошло при жизни Черчилля; «Пражская весна» 1968 г., таким же образом задушенная Советами, случилась уже через три года после его смерти.

Черчилль начал было изучать литературу, в которой выдвигалась идея создания Соединенных Штатов Европы, но, когда ему сказали, что главной целью идеологи этой идеи видят «обуздание России», он немедленно написал одному из тех, кто приглашал его присоединиться: «Думаю, я пожалею, если присоединюсь к организации, имеющей столь явный антирусский уклон». Он планировал изложить свое видение объединенной Европы во время выступления в Цюрихе, и 23 августа уехал из Чартвелла в Швейцарию. Он поселился на вилле Шуази, расположенной на берегу Женевского озера. Там, в идиллическом уединении и покое, он готовил речь, продолжал работать над военными мемуарами и рисовал. Черчилль провел на вилле Шуази четыре недели. С ним были Клементина, Мэри и две секретарши – Элизабет Джилльет и Летиция Марстон. «Мы чудесно проводим время в полном комфорте и строжайшем уединении, – писал Черчилль одному из друзей. – Я нашел здесь много сюжетов для картин».

19 сентября, выступая в университете Цюриха, Черчилль призывал к созданию «своего рода Соединенных Штатов Европы». «Но с чего начать?» – спросил он слушателей, после чего сказал, что у него есть предложение, которое их «поразит». «Первым шагом по воссозданию европейской семьи должно быть установление партнерских отношений между Германией и Францией, – объявил он. – Не может произойти никакого возрождения в Европе без духовно великой Франции и духовно великой Германии».

Призыв к примирению между Францией и Западной Германией как прелюдии к объединению Европы, сказал он,

сделан под «зловещей тенью ужасного средства уничтожения – атомной бомбы. Если она будет применена какими-то воинствующими странами, это не только приведет к концу всего того, что мы называем цивилизацией, но и, возможно, к уничтожению самой планеты». Отсюда он выводил срочную потребность покончить с давней враждой между двумя великими государствами Западной Европы. Но он не считал правильным ограничивать процесс примирения только Европой. Эта работа, по его выражению, требовала «друзей и спонсоров» – Британского Содружества, «могучей Америки» и Советской России. В таком случае, полагал он, все будет хорошо.

Черчилль вновь говорил о России, но не как о вечном противнике, а как о потенциальном партнере. По поводу франко-германского примирения Эмери сказал ему: «Французы были поражены этой идеей, чего и следовало ожидать, но она тем не менее запала».

Осенью Рэндольф сообщил отцу о возможной национализации земель. Черчилль ответил: «Я против государственного владения всей землей, но надо признать, что мы станем гораздо сильнее, если земля нашей страны будет поделена между двумя или тремя миллионами человек, вместо двадцати или тридцати тысяч. Человек – земное животное. Даже кроликам и лисам позволено иметь свои норы».

Личной «норой» Черчилля был Чартвелл. Осенью, опасаясь, что доходов окажется недостаточно, чтобы содержать поместье, он мрачно признавался своему другу лорду Камрозу в том, что, возможно, придется выставить его на продажу. Когда Камроз спросил, устроят ли его 50 000 фунтов (миллион фунтов в ценах 1990 г.), Черчилль со смешком ответил, что за такую сумму он еще «добавит и свой труп в придачу». Камроз тут же предложил следующее: консорциум состоятельных людей выкупит поместье за эти деньги, разрешит Черчиллю жить в нем до конца дней за номинальную ежегодную арендную плату в 350 фунтов, а после его смерти передаст его в Национальный трест[59], и в нем будет устроен постоянно действующий мемориал. Черчилль был польщен. Он сказал, что в таком случае оставит в доме множество бумаг и документов, что всегда хотел быть похороненным в Чартвелле и что сделанное предложение окончательно укрепило его в этой мысли.

Деньги были собраны быстро среди семнадцати благотворителей, включая и самого Камроза. Затем, пока Черчилль работал в Чартвелле над военными мемуарами, Камроз, специально прилетевший в Нью-Йорк, и Эмери Ривз договорились о продаже мемуаров в Соединенных Штатах. Черчилль должен

был получить 1 400 000 долларов (в ценах 1990 г. – 5 600 000 долларов). Его заботы о деньгах кончились, особенно в отношении наследства, которое он сможет оставить внукам. «Ничем невозможно ответить на такое великодушие, – позже написала ему Мэри, – кроме как нашей любовью и признательностью, которая не знает границ, и попыткой передать нашим детям такую же широту души и постоянство в любви, которую ты всегда проявляешь к нам».

К работе над мемуарами были привлечены семь секретарей. Билл Дикин регулярно курсировал между подвалами Уйатхолла и Чартвеллом. «Все было посвящено его мемуарам, – позже вспоминал Дикин. – Он сосредоточился на них целиком и полностью. Он чувствовал, что настал его момент». Однако политика тоже требовала постоянного внимания. Черчилль не собирался пренебрегать ролью лидера оппозиции. 5 октября в Блэкпуле он заявил, что поддерживает привлечение рабочих и служащих к участию в прибылях и их консультации с работодателями с целью превращения работников в партнеров. Он также вернулся к своей идее создания Соединенных Штатов Европы, которые должны раскинуться, как он сказал, «от Атлантики до Черного моря». Это произойдет не скоро, но начало может быть положено в Западной Европе. «Россия, – говорил он Эттли 19 октября, – не пойдет на запад к Северному морю или Атлантике по двум причинам: первая – чувство собственного достоинства и самообладание. Вторая – наличие у Соединенных Штатов атомной бомбы».

Одному знакомому, который опасался, что объединенная Европа станет лишним вызовом советскому блоку, Черчилль написал 19 октября: «Меня не привлекает западный блок как окончательное решение. Идеал – ЕВРОПА. Деление Европы на два противостоящих блока – это зло. Без примирения в Европе миру не на что надеяться». Генералу де Голлю, который стал частным лицом, но чьей помощи в продвижении своей любимой идеи Черчилль искал, он писал 26 ноября: «Убежден, что Франция может взять Западную Германию за руку и, при полной поддержке Англии, ввести ее в европейскую цивилизацию. Это стало бы поистине славной победой, исправило все, что мы натворили, и, возможно, спасло бы нас от того, что можно натворить в будущем». Де Голль ответил, что призыв Черчилля во Франции «плохо воспринят».

В то же время Эттли не позволил небольшой межпартийной группе, которую только что сформировал Черчилль, официально ассоциироваться с Лейбористской партией, чтобы заручиться парламентской поддержкой идеи Европейской Федерации.

Но Черчилль не сдавался. «Жизнь уходит, – писал он, – но человек борется изо всех оставшихся сил за то, что ему дорого».

30 ноября Черчиллю исполнилось семьдесят два года. Из того, что ему оставалось дорого, было сохранение британского суверенитета в Индии и создание еврейского государства по крайней мере на части Палестины. Правительство лейбористов было против того и другого. Оно также выступало против компромиссного предложения, сделанного Черчиллем в палате общин, согласно которому для решения палестинского и индийского вопросов Британия должна «обратиться за помощью» к ООН.

Зиму Черчилль в основном провел в Чартвелле, работая над мемуарами. «Это колоссальный труд, и я могу рухнуть раньше, чем втащу этот груз на гору, – написал он Эттли 28 декабря. – Тем не менее неплохо было бы собрать некоторое количество материалов, которые если и не станут историей, то хотя бы окажутся вкладом в нее».

11 февраля 1947 г. Черчилль и Клементина присутствовали в церкви Святой Маргариты в Вестминстере на бракосочетании их дочери Мэри с Кристофером Соумсом, гвардейским офицером, с которым она познакомилась, когда он служил помощником военного атташе в Париже. С этого времени Соумс станет не только его приятным собеседником, но и помощником по управлению хозяйством, и спутником в многочисленных заграничных путешествиях.

Радость от свадьбы младшей дочери омрачилась печалью: умирал брат Джек. 20 февраля Черчилль говорил другу: «Моего дорогого Джека с каждым днем несет все ближе к рифу, на который он смотрит бесстрашным взором». Через три дня Джек умер. «Знаю, ты очень любил его, – написала Сара отцу. – Он питал к тебе любовь, не замутненную завистью к твоим триумфам, яркости и к твоему высокому предназначению в жизни». Бывшему свидетелю на собственной свадьбе лорду Хью Сесилу, ныне лорду Квиксвуду, Черчилль написал в ответ на соболезнование: «Мы всегда были очень привязаны друг к другу. В войну, после того как его дом был разрушен бомбой, он жил у меня. Он жил без страха и почти без боли. Смерть кажется очень легкой в конце пути. Единственное, что его беспокоило, – судьба нашей страны. Я сказал ему, что все будет хорошо».

Черчилль поддержал представленный лейбористами

законопроект о воинской повинности, направленный на обеспечение обороноспособности Англии. Согласно ему все мужчины в возрасте от 18 до 26 лет подлежали призыву на восемнадцать месяцев. Но, выступая в палате 31 марта, не смог не съязвить по поводу Эттли и А. В. Александера: «Поистине ирония судьбы в том, что премьер-министр и министр обороны оказались теми, кто представил билль о воинской повинности сейчас, после двух мирных лет, когда все наши враги безоговорочно капитулировали. Эти же самые политики за четыре месяца до войны вместе со своими сторонниками возглавили лобби против обязательной военной повинности, а потом имели наглость представить «виновниками» консерваторов».

Под давлением левого крыла правительство сократило срок службы до двенадцати месяцев. Черчилль в связи с этим сказал в палате: «Пост министра обороны следует переименовать. Он должен называться «министром обороны до нападения». В каком жалком виде он себя выставил!» Еще больше разгневало Черчилля заявление Эттли, что Британия отказывается от роли защитницы Греции и Турции и сделает это не позже чем через тридцать восемь дней. Тем более он был рад тому, что Трумэн немедленно заявил о поддержке «свободных наций в стремлении защищать свою независимость от агрессивных поползновений со стороны тоталитарных режимов». Доктрина Трумэна, как ее стали называть, вступила в силу 22 мая. «Не могу удержаться, – написал Черчилль Трумэну через десять дней, – чтобы не выразить свое восхищение тем, сколько вы сделали для свободы и мира во всем мире за год, прошедший с тех пор, как мы были вместе».

Черчилль написал это письмо на следующий день после возвращения из Парижа, куда ездил на вручение одной из высших наград Франции – Воинской медали. Клементина советовала не надевать на церемонию военную форму коммодора авиации, написав ему перед отъездом: «Хочу убедить тебя во время визита в Париж быть в цивильной одежде. Для меня летная форма, если ее не носят военные летчики, выглядит фальшиво. И войну ты выиграл не как коммодор авиации, а благодаря способностям государственного деятеля. Превратности судьбы в годы изгнания из политической жизни подготовили тебя к высшей власти, когда ты принял на себя руководство Нацией. Тебе нет нужды носить медали, демонстрируя свой героизм. Твоя синяя форма мне кажется маскарадным костюмом, а я горжусь моим простым Цивильным Поросенком».

Поначалу Черчилль решил прислушаться к совету Клементины и сказал камердинеру: «Я поеду в гражданском

костюме и не буду брать с собой форму». Но в итоге форму все-таки взял и был в ней и на церемонии во Дворце инвалидов, где ему вручали медаль, и у Триумфальной арки, где возложил венок к Могиле Неизвестного Солдата.

20 мая Эттли обратился к Черчиллю с просьбой поддержать политику в отношении Индии. Правительство лейбористов намеревалось разделить Индию на два государства – индуистскую Индию и мусульманский Пакистан. Каждому государству будет предоставлен статус доминиона с правом на последующую независимость. План разделения, на котором настаивали лидеры мусульманского меньшинства, оказался приемлем и для лидеров Индийского национального конгресса, и для вице-короля лорда Маунтбеттена. 20 мая Маунтбеттен с Эттли навестили Черчилля, который согласился с просьбой лейбористов: Консервативная партия не будет возражать против закона, необходимого для предоставления Индии статуса доминиона.

Тем самым была похоронена надежда Черчилля, за которую он так долго бился: сохранить в Индии некоторую форму британского правления, по крайней мере в центре. Черчилль сдержал слово. 4 июля, когда билль о независимости Индии был представлен в палате общин, консерваторы его поддержали. 4 августа, в качестве еще одного жеста доброй воли, на сей раз по отношению к коммунистической Восточной Европе, он сказал на съезде консерваторов в Бленхейме: «Мы не желаем ничего плохого тем, кто живет к востоку от железного занавеса, к созданию которого мы непричастны. Напротив, мы желаем и им, и себе счастья и процветания». Далее он произнес пожелание, которое сбудется только через четверть века после его смерти: «Пусть светит солнце по обе стороны «железного занавеса». И если когда-нибудь оно будет светить одинаково для обеих сторон, занавес перестанет существовать. Он рассеется, как утренний туман, растает под теплыми лучами счастливых дней и дружбы».

Осенью Черчилль возглавил попытку объединить консервативные и либеральные силы в борьбе с лейбористским правительством, которое предложило национализировать сталелитейную промышленность. «Прошел сорок один год, – говорил он, выступая в политической программе на радио 16 августа, – с тех пор как я, молодой министр-либерал в правительстве мистера Асквита, выступая против такого же заблуждения социалистов, говорил: «Существующая организация общества приводится в действие одной главной пружиной – конкурентным отбором. Возможно, это очень несовершенная организация, но это единственное, что отделяет нас

от варварства». Сегодня к этому следует добавить тоталитаризм, который на самом деле есть всего лишь государственно организованное варварство».

Черчилль в основном жил в Чартвелле и продолжал работать над двумя первыми томами мемуаров. Одновременно он настойчиво убеждал коллег по партии выступить против билля о независимости Бирмы. Сам он выступил 5 ноября. Комментируя недавнее заявление Эттли по поводу билля о независимости Индии, против которого консерваторы не возражали, он сказал о «впечатляющей сцене, когда тихий маленький человек с тихим слабым голосом сметает наше положение в Индии. Но Индия, по крайней мере, осталась в Содружестве. Цель же нового законопроекта – навсегда отрезать Бирму от империи, превратив ее в иностранное государство».

Черчилль был категорически против этого. Он опасался, что после ухода британцев в стране быстро воцарится анархия. Когда Артур Хендерсон, выступая от правительства, сказал о необходимости дать возможность Бирме пользоваться «теми же демократическими свободами, которыми мы пользуемся сами», он возразил, ссылаясь на гражданскую войну в Индии между индусами и мусульманами: «А как насчет полумиллиона погибших в Индии? Они хорошо воспользовались демократическими свободами!»

К концу дебатов мнения в палате разделились. 288 парламентариев высказались за независимость Бирмы, 114 – против. Черчилль был недоволен тем, что так мало парламентариев, едва ли половина палаты, потрудились явиться на «столь радостное, должно быть, для лейбористов событие».

30 ноября Черчиллю исполнилось семьдесят три года. Вечером был устроен званый ужин. «Уинстон в мрачном настроении, он убежден, что нашей стране суждено пережить самый тяжелый экономический кризис, – записал в дневнике Колвилл. – Говорит, что тревога, которую он испытывал во время битвы за Атлантику, «просто мелочь» в сравнении с этим и что мы сможем преодолеть его, только если проявим силу духа и единство при отсутствии зависти, злобы и ненависти, с чем сейчас явные проблемы. Никогда в жизни он не чувствовал такого отчаяния, и винит он в этом правительство, чье «ненасытное вожделение власти сопоставимо лишь с их неизлечимой импотенцией в ее использовании. Яркие фразы и эпиграммы проскальзывали по-прежнему, но мне не хватало неукротимой веры и убежденности, которые были характерны для премьер-министра в 1940–1941 гг.».

6 декабря, на церемонии по поводу присвоения ему звания

почетного гражданина Манчестера, Черчилль открыто говорил о своих опасениях. Он предупреждал, что социализм, то есть контроль государственных чиновников над частным бизнесом, приведет к тому, что Британия не сможет обеспечивать жизнь людей. Как минимум четверти населения придется «исчезнуть тем или иным образом, когда упадет уровень жизни. Эмиграция, даже в невообразимых ранее масштабах, не успеет предотвратить этого печального упадка».

Через четыре дня после манчестерской речи Черчилль, стремясь к солнцу и с намерением активизировать работу над мемуарами, вылетел в Париж, а оттуда – в Марракеш, где и провел месяц. Впрочем, тревоги трудно было отложить в сторону. Клементине, у которой не нашлось сил на эту поездку, он написал 12 декабря: «Продолжаю переживать по поводу будущего. Действительно не понимаю, как наш несчастный остров будет существовать, когда вокруг так много проблем и так много недоброжелательности и разногласий. Тем не менее надеюсь выбросить все это из головы на несколько недель».

И работать, и рисовать удавалось хорошо. Почти ежедневно приходили пакеты с версткой и историческими заметками. Потом у Черчилля начался сильный кашель, и он попросил приехать лорда Морана. Тот так и сделал, захватив с собой Клементину. Оба с облегчением узнали, что воспаления легких нет. Черчилль, тоже этим обрадованный, быстро встал с постели и вернулся к столу и к мольберту.

4 января 1948 г. Бирма стала независимой республикой. В этот день к Черчиллю в Марракеш вылетел лорд Черуэлл. Он вез с собой восемь глав военных мемуаров, тщательно выверенных Эдвардом Маршем. Новые заметки и предложения прислал из Оксфорда философ Исайя Берлин. Не вся критика воспринималась Черчиллем одинаково хорошо. Когда Ривз написал, что, по его твердому убеждению, в повествовании цитируется слишком много документов и требуются существенные изменения, чтобы органично вплести их в текст, Черчилль впал в уныние. Сара решила его успокоить. «Ты лучший историк, лучший журналист, лучший поэт, – написала она. – Молчи, слушай очень немногих и при этом пиши от своего сердца о том, что знаешь, и пусть оценивают читатели. А они оценят, все будут слушать твою историю. Невыносимо видеть тебя бледным и не получающим удовольствия от работы».

Впрочем, некоторые советы Ривза принимались благосклонно. 14 января тот возразил против названия, которое Черчилль дал первому тому мемуаров – «Путь вниз». Он сказал,

что это «звучит пессимистично», и прислал на выбор несколько вариантов. Черчилль решил, что книга будет называться «Надвигающаяся буря».

18 января Черчилль уехал из Марракеша, и через четыре дня уже выступал в палате общин в дебатах по международным делам. Он заявил, что единственный способ избежать конфликта с Россией – перейти к решающим переговорам с советским правительством и путем формального, секретного и серьезного дипломатического диалога прийти к длительному соглашению. Именно это слово – «соглашение» – он использовал в фултонской речи.

Но Советский Союз, похоже, не был настроен на компромисс. 21 февраля Чехословацкая коммунистическая партия при поддержке Москвы получила власть в Праге. Четверо чешских беженцев, включая генерала Ингра, бывшего во время войны министром обороны чехословацкого правительства в изгнании, приехали за советом к Черчиллю. После встречи Черчилль попросил Бевина и американского посла Льюиса Дугласа принять их. Кроме того, он сообщил своему бывшему военному секретарю Иэну Джейкобу, который недавно был назначен руководителем службы заграничного вещания компании BBC, что, по словам одного из чехов, «BBC сейчас слушают в Чехословакии даже больше, чем во время войны, но есть ощущение, что радиостанция не использует по максимуму свои огромные возможности».

Узурпация коммунистами власти в Чехословакии привела Черчилля в ярость. 17 апреля Дуглас после разговора с ним сообщил в Вашингтон: «Черчилль считает, что пришло время прямо сказать Советам, что, если они не уйдут из Берлина и вообще из Восточной Германии за польскую границу, мы сотрем в порошок их города».

19 апреля журнал Life начал частями публиковать первый том военных мемуаров Черчилля. У журнала была огромная читательская аудитория, которая сильно выросла, когда вышел из печати целиком первый том, и росла с появлением каждого из пяти последующих томов. Это было первое полностью документированное свидетельство о войне и единственное, написанное одним из участников Большой тройки. Продажи были гигантскими, как дома, так и за рубежом. Центральной темой первого тома была слабость демократии перед лицом тирании до 1939 г. и нарастание вражды в годы между мировыми войнами.

7 мая на инаугурационном заседании Конгресса Европы

в Гааге Черчилль сделал сильное заявление о необходимости прекращения «межнациональной ненависти». Он призвал к «активному стиранию границ и барьеров, которые обостряют и замораживают наши противоречия». Приветствуя делегатов Конгресса из Западной Германии, он заявил, что «немецкая проблема» заключается в восстановлении экономики Германии и возрождении «древней славы немецкого народа без угрозы соседям. Нам же, – сказал Черчилль в Гааге, – следует задаться вопросом: почему в миллионах домов по всей Европе, при всей ее просвещенности и культурности, люди должны дрожать, опасаясь стука полиции в дверь? Это вопрос, на который мы должны ответить здесь и сейчас. Это вопрос, на который у нас есть возможность ответить. В конце концов, Европа просто должна подняться во всем своем величии, чтобы противостоять любого вида тирании – древней или современной, нацистской или коммунистической. У нас есть сила, которую невозможно преодолеть и которая, будучи примененной в нужное время, может больше никогда не понадобиться».

Через два дня уже в Амстердаме Черчилль говорил, что понимает страдания, выпавшие на долю немцев, русских и японцев. «Мы не выступаем против какой-то расы или какого-то народа, – сказал он. – Мы выступаем против тирании во всех ее видах». В связи с этим Черчилль поддержал предложение Франции о созыве Европейской ассамблеи, впервые озвученное в Гааге три месяца назад, и был очень недоволен, когда Эттли в частном письме сообщил ему, что, по мнению Бевина, министр иностранных дел «не может в данное время принять окончательного решения» по этому поводу. В ответ Черчилль выразил надежду, что правительство «найдет возможность больше учитывать мнение западных европейцев». Но лидеры лейбористов уклонялись от ориентации на Европу, поскольку это было непопулярно среди рядовых членов партии.

Дважды за это лето Черчилль вступал в конфликт с партией, которую возглавлял. В палате общин он потребовал, чтобы Британия признала недавно провозглашенное Государство Израиль. 2 июня Генри Ченнон после обеда, устроенного в честь Черчилля в отеле «Савой», записал в дневнике: «Отношение к нему было сдержанным, но его ни в коей мере нельзя назвать недружественным. Однако прошлогодний восторг улетучился. Думаю, партия недовольна его просионистскими взглядами».

Однако, невзирая на такое отношение, Черчилль продолжал настаивать, что Британия должна признать Израиль, и критиковал политические решения, с которыми был

не согласен. Но для тех, кто работал над черновыми главами его мемуаров, он написал летом: «К оппонентам необходимо относиться с полной справедливостью». И он действительно старался, чтобы в повествовании были представлены взгляды тех, с кем он не был согласен. «Вы должны понять, – писал он Исмею, – что я вовсе не собираюсь проявлять недоброжелательность к людям, которых мы в свое время выбрали и которые, без сомнения, старались сделать все как можно лучше».

Но без обид, разумеется, все равно не обошлось. Несколько оскорбленных генералов потребовали внести изменения в последующие издания, на что Черчилль согласился. Когда вышел из печати второй том, запротестовали три французских генерала и сын четвертого. Направляя их протесты Черчиллю, Эмери Ривз заметил: «По-видимому, ваши мемуары пробудили воинственный дух французских генералов, которого им так не хватало в 1939 г. Возможно, следовало бы опубликовать этот том в самом начале войны».

Черчилль не стал отметать с ходу критику французских генералов. Напротив, он думал о них, когда в специальном предисловии к французскому изданию написал: «Факты, о которых я свидетельствую, говорят о том, что политики и палата депутатов не дали французской армии перед войной хорошей возможности проявить себя. А кроме того, она была разорвана таким мощным вторжением немецких танков, какое мало кто из нас, сидя в своих служебных кабинетах, мог предвидеть. Следовательно, несмотря на всю храбрость ее солдат и профессионализм ее командиров, она просто не имела возможности на равных сопротивляться немцам».

Политические события лета вмешались в работу Черчилля. 24 июня советские войска в Восточной Германии полностью блокировали Берлин. Сообщение автомобильным и железнодорожным транспортом стало невозможно. Эрнест Бевин выступил с критикой, но, разумеется, тщетно. Был организован воздушный мост, по которому круглосуточно доставлялось в Берлин все необходимое. «Бевин имел право говорить от всей Британии», – сказал Черчилль в своем избирательном округе 10 июля. Ощущалось растущее беспокойство. «События вызывают тревогу, – написал он Монтгомери 18 июля. – Надеюсь, мы не приближаемся к очередному Мюнхену. В случае повторения такого преступления британскому правительству не будет прощения».

Позже, обдумывая перспективы возникшего кризиса, он написал Эйзенхауэру, который принял решение не участвовать

в президентской гонке: «Для предотвращения третьей мировой войны необходимо такое соглашение с Советской Россией, в результате которого они уйдут в свою страну и, надеюсь, будут там благополучно существовать. Для будущего жизненно важно, – добавил Черчилль, – чтобы соглашение было заключено в такой момент, когда они поймут, что Соединенные Штаты и союзники обладают сокрушительной силой».

22 августа Черчилль с Клементиной уехали во Францию, в Экс-ан-Прованс. Там, в отеле «Руа Рене», он продолжил работу над мемуарами. Он также обдумывал резолюцию в связи с блокадой Берлина. Одному другу, навестившему его, Черчилль сказал: «Я должен разобраться с ними. Если этого не сделать сейчас, может начаться война. Я хочу заявить им абсолютно вежливо: «В тот день, когда мы оставим Берлин, вам придется оставить Москву». Идену он сказал, что демонстрация силы должна быть отложена на год, «когда американские военно-воздушные силы будут иметь на треть больше атомных бомб и более качественные, более эффективные средства доставки – как самолетами, так и с баз, крупнейшая из которых в Восточной Англии». Черчилль не знал, что правительство лейбористов уже санкционировало начать создание собственной британской атомной бомбы.

20 сентября Клементина вернулась в Лондон. Черчилль из Экса перебрался на виллу Бивербрука на Лазурном Берегу, а 2 октября вернулся в Чартвелл. Отсюда он совершил несколько поездок с выступлениями, в которых постоянно говорил о необходимости сопротивляться тирании «во всех ее формах»; это же он повторил 5 октября, выступая перед личным составом 615-й эскадрильи, а спустя четыре дня – в Северном Уэльсе, на съезде Консервативной партии. Говоря о русских, он сказал: «Пусть они ослабят свою хватку в европейских странах. Пусть вернутся в свою страну, которая составляет шестую часть суши всей планеты. Пусть уйдут и освободят одиннадцать древних европейских столиц, которые зажали в тиски». Черчилль добавил, несколько изменив совет, который он дал относительно Германии в 1932 г.: «Западные страны гораздо вероятнее достигнут длительного соглашения без кровопролития, если сформулируют свои требования, пока обладают атомной бомбой, которой Россия пока не обзавелась».

27 ноября, за три дня до своего семьдесят четвертого дня рождения, Черчилль, как сообщила Times, «облачившись в бриджи и подкрепившись глотком рома, галопировал верхом

на лошади, сопровождаемый собаками». Через месяц он снова покинул Лондон и отправился в Париж, а затем в Монте-Карло, где провел две недели в отеле «Париж». Именно там он прочитал в мемуарах одного американского офицера, что в 1944 г. «полномасштабное вторжение на Балканы уже не рассматривалось». Черчилль, уже ставший жертвой ряда неверных интерпретаций, в свою очередь, написал: «Никто и никогда не рассматривал идею полномасштабного наступления на Балканах. Это одна из глупостей, которые распространяют американцы. Я лично не думал ни о чем ином, как об операциях коммандос и помощи партизанам».

13 января 1949 г. Черчилль вернулся в Англию, а через полтора месяца снова отправился в Европу, чтобы выступить в Брюсселе в поддержку создания Европейского суда по правам человека. Выступая 26 февраля, он сказал, что должны существовать какие-то средства, с помощью которых такие события, как недавний арест и тюремное заключение кардинала Миндсенти в Венгрии, должны подвергаться независимому расследованию. «Сторонники объединения Европы, – сказал он, – не могут быть удовлетворены разделением Европы на свободную и несвободную: в Европе, к которой мы стремимся, должна быть объединена *вся* Европа».

В марте Черчилль планировал посетить Соединенные Штаты. У него было приглашение выступить в Массачусетском технологическом институте. По пути он хотел с лордом Бивербруком заглянуть на Ямайку. Но Клементина воспротивилась поездке на Ямайку, как она написала ему 5 марта, «в момент сомнений и разочарований наших сторонников». Действительно, рядовые члены Консервативной партии все громче выражали недовольство правлением лейбористов; было недовольство и Черчиллем как лидером партии. Многие тори считали, что его руководство недостаточно твердое и решительное. Это выяснилось в результате множества ланчей, которые устроила Клементина, специально чтобы муж имел возможность встретиться с возможно большим числом «заднескамеечников». «Поездка с Бивербруком, – предупреждала она, – приведет к нарастанию разочарований. Это расценят как циничное оскорбление партии. Ты часто дразнишь меня, – продолжала Клементина, – но, поверь, я очень хорошо чувствую такие вещи. Я не против того, чтобы ты отказался от лидерства в партии, когда дела идут хорошо, но мне очень неприятно, когда к тебе относятся с недоверием и недовольством. Своими скромными средствами я пыталась

помочь – ланчами с политиками, визитами в Вудфорд, присутствием на твоих встречах с избирателями. Но сейчас меня охватывает разочарование. Я все отчетливее понимаю, что ты делаешь только то, что необходимо, чтобы пребывать во власти. Но этого уже недостаточно в наши трудные, тревожные времена».

Черчилль прислушался к совету жены. «Сейчас непростая политическая ситуация, – написал он Бивербруку пятью днями позже, – и, похоже, мне нельзя уезжать слишком надолго». 18 марта на лайнере «Куин Элизабет» он отправился в Нью-Йорк. Прошло почти ровно пятьдесят пять лет с тех пор, как он впервые пересек Атлантику.

Выступая в Нью-Йорке 25 марта, Черчилль высоко отозвался о недавно подписанном Атлантическом пакте, предшественнике Организации Североатлантического договора – НАТО. «Американский народ, – сказал он, – принял его, потому что понял, что обратного пути нет. Если мы объединим нашу удачу и наши судьбы, думаю, у вас не будет повода пожалеть об этом. Пакт необходим, потому что вам нужно не только убедить советское правительство, что вы являетесь превосходящей силой, но что вас, в случае необходимости, не удержат никакие моральные соображения от применения этой силы с полной безжалостностью. И это величайший шанс на сохранение мира, вернейший путь к миру. Коммунистам придется пойти на сделку».

Черчилль сказал, что Европа могла «коммунизироваться» уже некоторое время назад, и тогда Лондон мог опять подвергнуться бомбардировкам, если бы не сдерживающий эффект атомной бомбы в руках Соединенных Штатов. Он повторил эту мысль через несколько дней в частной беседе с Трумэном в Белом доме. Он призывал президента объявить публично, что Соединенные Штаты действительно готовы применить атомную бомбу для защиты демократии. 31 марта, перебравшись в Бостон, он выступил в Массачусетском технологическом институте, ради чего, собственно, и приехал в Америку. «Мало кто мог предположить, – говорил он, вспоминая 1900 г., – что в век «простого человека», как его называли, самой характерной чертой станет такое массовое убийство простыми людьми друг друга и такими изощренными средствами, каких не было и за пять веков человеческой истории. Коммунизм, – сказал он, – сейчас произвел фундаментальный раскол с остальным человечеством. Но я не верю, что какой-то народ можно вечно удерживать в рабстве. Пропагандистская машина может забить ложью мозги нескольких поколений, но душу человека, находящуюся в трансе или замороженную в течение долгой ночи, может разбудить одна

искра, прилетевшая бог знает откуда, и тогда в один момент рухнет структура, основанная на лжи и насилии».

«Целью и идеалом нашего времени, – продолжал Черчилль, – являются дружеские отношения с Россией. Однако, если начнется война нервов, пусть наши нервы окажутся крепче, а наша убежденность – сильнее. Если мы будем вместе настойчиво двигаться вперед, не будем давать никаких поблажек тирании и злодеяниям в любой форме, то выяснится, что наши нервы и наша цивилизация крепче – и мир будет сохранен».

7 апреля, когда Черчилль возвращался в Британию на борту «Куин Мэри», Трумэн сделал заявление, которое просил Черчилль. Он сказал, что «без колебаний» применит атомную бомбу, если это будет необходимо для безопасности Соединенных Штатов или если на кону будет судьба демократии во всем мире. «Это заявление, – сказал Черчилль одному другу по возвращении в Лондон, – будет способствовать делу мира, я в этом не сомневаюсь». Трумэну же через два месяца он написал: «На меня произвело глубокое впечатление ваше заявление о том, что вы не побоитесь применить атомную бомбу в случае необходимости. Уверен, это лучше, чем что-либо другое, послужит предотвращению катастрофы третьей мировой войны».

Необходимость объединения демократических сил повлияла даже на отношение Черчилля к Индии. Менее чем через два года после принятия билля о независимости Индии он согласился с новым предложением лейбористов: Индия может остаться в Содружестве как независимая республика. «Не сомневаюсь, – писал Черчилль одному из старейшин Консервативной партии лорду Солсбери 28 апреля, – что наш долг – сделать все возможное для успеха новой системы наших взаимоотношений». В этот же день в палате он говорил о том, что «вполне возможно создать новые гармоничные отношения с Индией и, возможно, с большей частью Азии».

Партия одобрила решение и приветствовала Республику Индия в составе Содружества. Фельдмаршалу Смэтсу, который возражал против этого, Черчилль написал месяц спустя: «Когда я задаю себе вопрос, хочу ли я, чтобы они были с нами, или лучше отпустить их на все четыре стороны, мое сердце отвечает: «я хочу, чтобы они были с нами». Неру действительно демонстрирует благородство после шестнадцати лет тюрьмы». Он полагал, что даже Бирма, против независимости которой он еще сравнительно недавно выступал, может сейчас найти место при новом раскладе сил. «Возможно, Бирма сможет вернуть билет второго класса, – писал он лорду Солсбери. – Я бы это приветствовал. Вероятно, вы помните трудности, с которыми я

столкнулся, призывая партию голосовать против закона о независимости Бирмы. И сейчас, после всех своих трагедий и страданий, многие бирманцы, наверное, должны пожалеть о счастливых днях королевы Виктории. Впрочем, – добавил Черчилль, – возможно, это пустые мечты старика».

Летом Черчилль отправился в Италию в компании большого количества секретарей и коробок с бумагами, чтобы продолжить работу над четвертым томом мемуаров. С ним поехали Клементина, генерал Исмей и Билл Дикин. Сначала они обосновались в Гардоне на озере Комо, а потом в Карецце. Но рабочий отпуск пришлось прервать в середине августа: Черчилль поехал на инаугурационное заседание Совета Европы как глава британской секции парламентской оппозиции. Правительственную секцию возглавлял Герберт Моррисон. Один из делегатов, коллега Черчилля по партии Гарольд Макмиллан, был поражен тем, насколько легко Черчилль освоился в новых условиях и вписался в самый дух политических дебатов. «Он ходил, со всеми беседовал, заходил в курительную комнату, и постоянно старался завоевать симпатии своих новых коллег – парламентариев». Четыре дня Черчилль развлекал французских, бельгийских, голландских и итальянских делегатов на своей вилле. Затем, выступая с речью 17 августа, он призвал Совет Европы действовать как «европейское объединение в Организации Объединенных Наций». Потом, оглядев зал, он театрально воскликнул: «А где же немцы?»

Черчилль призывал Совет пригласить делегацию западных немцев как можно скорее присоединиться к дискуссиям. Это можно было сделать до конца месяца. «Предстоящий год слишком дорог, – сказал он, – чтобы его терять. Если его потерять, может оказаться, что эта потеря навсегда. Это может быть не *просто* год. Это может быть *решающий* год. Только благодаря усиливающемуся и крепнущему чувству европеизма, – говорил он, – мы сможем преуспеть если еще и не в принятии административных решений, то хотя бы в возрождении величайшего континента, который пережил тяжелейшие страдания». Как и предлагал Черчилль, Западная Германия была приглашена присоединиться к Совету Европы. Но решение было принято уже на следующей сессии, которая состоялась в Париже в начале ноября. А через два года Германия стала полноправным членом с решающим голосом.

Из Страсбурга Черчилль уехал на юг, на Французскую Ривьеру с Дэнисом Келли в качестве помощника. Несколько дней он работал над мемуарами, после чего вернулся в Страсбург.

Гостьей сессии была кинозвезда Мерл Оберон. Днем 23 августа Черчилль совершал кульбиты в море, чтобы повеселить ее. Келли позже вспоминал: «Потом мы сидели, завернутые в полотенца, и пили сухой мартини. Он вдруг поставил свой стакан с виски, разбавленным содовой, на стойку бара, оглядел мое костлявое тело и фыркнул: «Дэнис, вы – позор Британской империи».

Вечером Черчилль играл в карты с Бивербруком. В какой-то момент он встал из-за стола и почувствовал, что правая нога словно отнялась. Он продолжал играть, но потом ощутил «спазм» правой руки. Ближе к ночи, не подозревая, что с ним что-то серьезное, Черчилль обсуждал с Келли свои переживания по поводу «антиамериканизма» Бивербрука. «Эти люди ничего не понимают», – заметил он, плескаясь в ванне. Однако утром Черчилль понял, что все не очень-то хорошо. Спазм не проходил, он был не в состоянии нормально мочиться. Из Лондона вызвали лорда Морана. Тот сразу же прилетел. У Черчилля был легкий инсульт. Оказалось, что он не может даже написать свое имя. Возвращение в Страсбург пришлось отменить, равно как поездку в Швейцарию для занятий живописью. На три дня он прервал работу, только тренировался делать подпись, и все спрашивал Элизабет Джилльет: «Ну как, теперь хорошо?» На четвертый день он уже был в состоянии немного подиктовать.

Раздраженный и обеспокоенный тем, что инсульт, который держали в строгом секрете, мог повлиять на походку, Черчилль 31 августа самолетом вернулся в Англию. Самолет приземлился в Биггин-хилл, откуда его прямиком увезли в Чартвелл. 3 сентября он отправился в Эпсом, где осмотрел Колониста Второго, скаковую лошадь, которую недавно купил. Но от публичных выступлений воздерживался до 13 октября. В этот день он произнес речь на конгрессе тред-юнионистов в Лондоне, а на следующий день – на ежегодной конференции консерваторов, тоже проходившей в Лондоне. Через шесть дней уже в Бристоле, как почетный глава университета, он произнес речь на церемонии вручения почетных ученых степеней. 21 октября выступил на ежегодной встрече ветеранов в Альберт-холле.

Всю осень Черчилль по возможности старался оставаться в Чартвелле. Там 16 сентября он подписал семилетний договор в пользу жены лорда Морана, согласно которому она должна была получать 500 фунтов ежегодно, не платя налог. Это был второй семилетний договор, подписанный в ее пользу. По курсу 1990 г. это составляло примерно 8000 фунтов стерлингов. Зная, что его доктор не богат, он настоял на этой помощи. «Надеюсь, вы не запретите мне сделать это», – написал он.

Вообще Черчилль часто помогал людям – не только финансово, но и морально. На протяжении более двадцати лет он оплачивал значительные порой долги сына, а когда первый брак Рэндольфа распался, он хорошо обеспечил Памелу. Он позаботился и о двух дочерях своей секретарши Вайолет Пирман, которая умерла вскоре после войны в возрасте сорока с небольшим лет. В 1930-х и 1940-х гг. несколько министров, у которых были личные проблемы, в том числе Иден, обращались к нему за помощью и получали ее. В 1937 г. Этель Сноуден, вдова одного из самых яростных его критиков, лейбориста Филиппа Сноудена, написала Черчиллю, прочитав его некролог ее мужу: «Ваше великодушие по отношению к политическим оппонентам навсегда сделало вас в моих глазах великим джентльменом. Нет никого, к кому бы я могла обратиться в случае серьезных проблем с большей уверенностью, что получу добрый прием».

В сентябре и октябре продолжалась работа над военными мемуарами. Шла постоянная правка уже написанных глав в соответствии с критическими замечаниями, которые присылали Черчиллю по его просьбе участники описываемых событий. Десятки писем с предложениями и ответами на вопросы тщательно изучались Келли и Дикином, после чего вместе с автором в текст вносились соответствующие поправки. 2 ноября в Лондоне Черчилль выступил на Национальной книжной выставке. «Писать книгу – это приключение, – сказал он. – Сначала работа – это игрушка и развлечение. Потом она превращается в хозяйку, затем – в господина, а потом в тирана. На последнем этапе, когда вы уже почти готовы смириться со своим рабством, вы убиваете этого монстра и выбрасываете его публике». «Вы должны признать, я проделал грандиозную работу», – позже, когда мемуары были уже окончательно завершены, сказал Черчилль издателю Десмонду Флауэру.

В ноябре Черчиллю исполнилось семьдесят пять лет. Четвертый том военных мемуаров был почти завершен. Небольшая задержка произошла лишь во вторую неделю декабря, когда жестокая простуда уложила его на неделю в постель в доме на Гайд-парк-гейт. Но 19 декабря он вернулся в Чартвелл «в прекрасной форме», как рассказывал Арчибальд Синклер другу. «Так же бодро и непрестанно говорит, как в былые дни, ест, пьет и курит так же ненасытно, как всегда. – Синклер добавил: – Он провел меня по фермам, показал шортгорнских и джерсейских коров, потом огромный кирпичный птичник – «Чикенгемский дворец». Рядом с ним – зловонная и грязная площадка. «Какая порода кур?» – спросил я. «Я не вдаюсь

в детали», – ухмыльнулся Уинстон».

29 декабря Черчилль снова покинул Англию, отправившись в четвертую заграничную поездку за год. На этот раз он поехал на Мадейру, которую последний раз видел пятьдесят лет назад по дороге на войну в Южной Африке. Он намеревался пробыть там несколько недель, чтобы закончить четвертый том мемуаров. В начале нового года к нему присоединился Дикин. Но в первую же неделю работы Эттли объявил, что на 23 февраля назначено проведение всеобщих выборов. Черчиллю пришлось спешно возвращаться в Англию. Он улетел 12 января 1950 г. и уже на следующий день в Чартвелле провел ряд консультаций по поводу предвыборного манифеста консерваторов. Черчилль хотел особо выделить два слова: «побуждение» и «стимул».

16 января он отправил телеграмму Клементине, которая осталась на Мадейре: «Надеюсь, все приятно. Здесь сплошная работа». В тот же день он уехал в Лондон. В доме на Гайд-парк-гейт тоже ежедневно проходили консультации. «В один из дней мы провели в столовой девять часов», – рассказывал Черчилль жене 19 января. Через два дня он сделал первое предвыборное политическое выступление по радио. Он сказал слушателям, что перед ними стоит выбор: «Либо совершить очередное погружение в социализм, либо, приложив большие усилия, восстановить свободу, инициативу и предприимчивость британской жизни».

Утром 24 января Черчилль опять почувствовал себя плохо. «Все как в тумане», – пожаловался он лорду Морану. Тот заверил его, что это не инсульт. «Из-за сильного переутомления, – сказал он, – у вас происходят артериальные спазмы».

Предвыборная кампания продолжалась. Чтобы готовить выступления, Черчилль пригласил в помощь двух молодых людей – Реджинальда Модлинга, будущего канцлера Казначейства, и Джорджа Криста, редактора еженедельника Консервативной партии. Они помогли ему подготовить речь для выступления в его избирательном округе 28 января, в которой он обрушился на национализацию, проведенную лейбористским правительством. В 1945 г. был национализирован Английский банк, в 1946-м – уголь, гражданская авиация и транспорт, в 1947-м – электричество, в 1948-м – газ. Билль о черной металлургии, принятый во втором чтении в ноябре 1948 г. и для вступления в силу ожидавший лишь победы лейбористов, «мы аннулируем», заявил Черчилль. Это обещание он повторил 4 февраля в Лидсе.

Из Лидса Черчилль переехал в Кардифф, где процитировал

слова Ллойд Джорджа, сказанные двадцать пять лет назад: «Социализм – это общность в оковах». Из Кардиффа Черчилль уехал в Девонпорт, чтобы выступить в предвыборной кампании Рэндольфа. Потом отправился в Эдинбург, где 14 февраля говорил о своей надежде найти «более возвышенное и благородное основание для мира», чем атомная бомба. Он сказал, что «не может не возвращаться к мысли о новых переговорах с Советской Россией на самом высоком уровне». Затем, впервые употребив слово «саммит», в смысле переговоров мировых лидеров, он сказал: «Меня привлекает мысль приложить максимум усилий для наведения мостов между двумя мирами, чтобы каждый жил своей жизнью, если не в дружбе, то, по крайней мере, без ненависти холодной войны. Постарайтесь запомнить мои слова, потому что я не всегда оказываюсь не прав. Невозможно представить, что можно ухудшить положение дел переговорами».

Выразив надежду, что переговоры на саммите могут способствовать окончанию холодной войны, Черчилль вернулся в Лондон, а оттуда – в Чартвелл. На следующий день, 16 февраля, широко распространилось известие о его смерти. Он немедленно сделал заявление для прессы: «Из многих источников меня проинформировали, что сегодня утром я умер. Это абсолютная ложь, но яркий пример развернувшейся ныне клеветнической кампании. Было бы куда профессиональнее попридержать эту дезинформацию до дня выборов».

В предвыборном политическом обращении Консервативной партии по радио 17 февраля Черчилль призвал Британию «одним движением плеч стряхнуть с себя» социализм. Затем уехал в Манчестер и последний раз выступил перед днем голосования. 23 февраля он проголосовал в своем избирательном округе и вернулся домой на Гайд-парк-гейт, чтобы следить по радио за первыми итогами голосования. Их начали объявлять под утро, а к полудню 24 февраля стало ясно, что лейбористы остаются у власти. Но, принимая во внимание девять мест либералов, лейбористы сохранили перевес всего в шесть голосов.

Оба зятя Черчилля, Дункан Сэндис и Кристофер Соумс, победили в своих округах. Рэндольф проиграл, хотя и немного. Это была его четвертая неудачная попытка пройти в парламент. Черчилль остался лидером оппозиции. В консервативных кругах начались разговоры о замене его на более молодого, скорее всего – на Энтони Идена. Но Черчилль был уверен, что сумеет привести партию к победе на следующих выборах, ждать которых оставалось недолго. Один проигравший кандидат, Энтони Барбер, который через двадцать лет станет канцлером Казначейства,

написал ему: «Для большинства молодых кандидатов, таких как я, является источником огромного вдохновения иметь у руля человека таких личных качеств и с таким опытом, как вы. Надеюсь, вы не сочтете дерзостью или банальностью, если я скажу, что ваше руководство после окончания войны было одним из важнейших факторов, которые вернули нашу партию на ее нынешнюю позицию».

Черчилль вернулся в Чартвелл, чтобы успеть закончить четвертый и пятый тома мемуаров до следующих выборов, и оставить заключительный том на потом. Часто работая до позднего вечера, он диктовал большие куски текста своей новой секретарше Джейн Портал, вместе с тем продолжая в парламенте активно критиковать правительство Эттли. Он выступал 7 и 16 марта. Генри Ченнон записал в дневнике 16 марта: «Уинстон говорил в дебатах по обороне более часа и, похоже, находится в прекрасной форме. Вовсе не потухший вулкан». 28 марта Черчилль снова выступил в парламенте, настаивая, что пришло время включать Западную Германию в оборонительную систему Запада. «Британия и Франция вместе, – сказал он, – должны протянуть руку дружбы Германии и тем самым наконец оживить всю Европу».

16 мая Черчилль был почетным гостем на обеде, который устраивал «Комитет-1922» – консерваторов-заднескамеечников. Он понимал, что его речь станет проверкой, насколько они желают и дальше видеть его лидером партии. Он тщательно готовился, выбирая наиболее важные, на его взгляд, аспекты внутренней и международной политики партии. «Право личности на свободу, – говорил он, – прекращение национализации, сотрудничество с либералами против лейбористов, стремление к объединенной Европе, возвращение Германии в семью европейских государств, твердость в отношениях с Россией. Слово «умиротворение» непопулярно, – сказал он, – но в политике умиротворению есть место. Будет ужасно, если такая великая страна, как Британия, ошибется в выборе».

Черчилль был благодарен за оказанный ему теплый прием. Он сказал заднескамеечникам: «Надеюсь, вы дадите мне, как вашему лидеру, уверенность и поддержку, в которых я нуждаюсь. Ваш теплый прием сегодня снял сомнения, которые возникли у меня в мыслях». Он также сказал, что будет чаще приходить на их собрания и надеется регулярно встречаться с их руководством; что намерен создать в теневом кабинете комитет для подготовки к следующим выборам. Через два дня в Эдинбурге он раскритиковал политику лейбористского правительства

за высокие налоги и штрафное налогообложение, а также «полный провал» национализации. «Мы утверждаем, что государство – слуга народа, а не его господин», – сказал он.

Как и раньше, в подготовке выступлений ему помогал Джордж Крист, хотя Черчилль и не всегда пользовался его заготовками. Однажды, благодаря Криста за работу, он извинился: «То, что я их не использовал, ни в коей мере не умаляет значимость помощи, которую вы мне оказываете. Она дает мне веревку, по которой я могу выбраться на берег, чтобы потом пойти своими ногами». Количество речей, которые готовил Черчилль, потрясающе для человека семидесяти пяти лет. «Я был в огромном напряжении, – написал он Рэндольфу 21 мая. – Три речи и две ночи в поезде».

Возраст, однако, давал о себе знать. 25 мая известный невролог сэр Рассел Брейн сказал Черчиллю, что «зажатость» в плечах, которая стала усиливаться, происходит от отмирания клеток мозга, которые получают сенсорные сигналы от плечевых мышц. Через месяц другой специалист, сэр Виктор Негус, подтвердил, что он страдает прогрессирующей глухотой, и сказал, что ему больше не слышать «щебета птиц и детского писка». Но Черчилль не сдавался. Весь июнь он работал над мемуарами. Помогавшие ему Дикин и Келли менялись через неделю. Дикин позднее вспоминал его «гигантскую жизненную энергию и высочайшую концентрацию».

26 июня Черчилль был в Лондоне. Выступая в палате общин, он раскритиковал отказ лейбористского правительства принять участие в конференции в Париже, на которой должны были создать общий фонд угля и стали для Западной Европы. «Отсутствие Британии, – сказал он, – может перечеркнуть надежды на окончательное соглашение и нарушить баланс в Европе». Он объяснял: «Я полностью за примирение между Францией и Германией, за возвращение Германии в европейскую семью, но это предполагает, как я всегда настаивал, что Британия и Франция должны действовать сообща, чтобы на равных условиях вести дела с Германией, которая гораздо сильнее, чем одна Франция». Отказ лейбористского правительства от участия в конференции продемонстрировал, по его словам, «подлое отношение». В том же выступлении он одобрил действия ООН, последовавшие за вторжением Северной Кореи на территорию Южной. 5 июля со стороны консерваторов поддержал намерение правительства послать войска, чтобы противостоять неспровоцированной агрессии северных корейцев.

27 июля выступил за проведение секретного заседания палаты, чтобы обсудить наращивание присутствия советских

вооруженных сил по всему миру. Эттли был против. Палата проголосовала, и предложение Черчилля не прошло, хотя недостало всего одного голоса: 295 против 296. Теперь Черчилль начал готовиться к выступлению на ассамблее Совета Европы, где собирался призвать к созданию Европейской армии. 6 августа он вылетел в Страсбург и там на протяжении четырех дней работал над речью. Макмиллан, который был с ним, записал в дневнике 10 августа: «Нельзя не восхищаться его необычайным вниманием к деталям и стремлением к совершенству».

Черчилль выступил 11 августа, призвав западноевропейские страны «сделать максимум» для обеспечения безопасности Европы. Его очень радует, сказал он, что немцы, «невзирая на собственные проблемы, прибыли сюда, чтобы разделить наши тревоги и умножить наши силы. Свобода и западноевропейская цивилизация оказались под угрозой русской коммунистической агрессии, подкрепленной гигантскими вооружениями. Если немцы соединят свою судьбу с судьбой Западной Европой, мы будем отстаивать их безопасность и свободу так же свято, как и собственную. В Европе, – говорил он, – должен быть создан реальный оборонительный фронт. Те, кто служит высшим целям, должны думать не о том, что они могут получить, а о том, что они могут дать. Пусть в этом заключается наше соперничество в ближайшие годы».

Резолюция Черчилля о создании европейской армии была поддержана 89 голосами. 5 делегатов высказались против, 27 воздержались – в основном делегаты от британской Лейбористской партии. Западная Германия согласилась выделить в европейскую армию пять или шесть дивизий. Франция не возражала. «Окончание распрей между Францией и Германией, – написал Черчилль Трумэну 13 августа, – является тонким ходом со стороны французских лидеров и очевидно доказывает уверенность Западной Германии в нашей – и вашей – добросовестности и доброй воле. Я рассматриваю это как огромный шаг вперед к тому миру, за который вы и я боремся. Это укрепляет надежду на избежание третьей мировой войны».

Вернувшись в Англию, Черчилль 26 августа выступил по радио с политическим заявлением от имени партии, в котором выразил сожаление, что правительство проигнорировало сделанное им в феврале 1949 г. в Эдинбурге предложение организовать встречу с советскими лидерами на саммите. «Единственный способ иметь дело с Россией, – сказал он, – это обладать превосходящими силами, но при этом действовать разумно и честно». 12 сентября в палате он раскритиковал

правительство за разрешение продолжать продажу станков России. «Является нелепостью, – заявил он, – что британские войска отправляются воевать на край света в Корею, а мы поставляем или намерены поставлять, если не реальное оружие, то средства для его создания тем, кто их убивает или намерен убивать. Я надеюсь, – продолжал Черчилль, – что у подавляющего большинства в палате сложилось такое же мнение: наша страна не должна поставлять Советской России или советским странам-сателлитам никаких станков, способных производить вооружение, никаких механизмов или двигателей, которые могут быть использованы в военных целях, до тех пор, пока продолжается нынешняя напряженная обстановка». Обращение Черчилля имело успех, и продажа станков прекратилась. Но через неделю ему не удалось убедить правительство не вводить в действие закон о национализации черной металлургии, поскольку страна разделилась практически поровну по отношению к этому вопросу. Правительство же сочло, что «волнения в ровно и эффективно работающей отрасли промышленности негативно скажутся на оборонной программе».

1 октября Черчилль отметил редкий юбилей для политика: пятьдесят лет со дня первого избрания в парламент. Через десять дней он улетел в Данию получать почетную научную степень в университете Копенгагена. Выслушав чрезвычайно высокую оценку своей роли лидера в годы войны, Черчилль сказал: «Я всего лишь служил своей стране. Если бы в какой-то момент мне не удалось проявить решимости сражаться и побеждать, меня тут же и совершенно справедливо отодвинули бы в сторону».

Снова Черчилль вспомнил о войне в конце октября, когда палата общин наконец вернулась в свое довоенное помещение в Вестминстерском дворце, которое пострадало от бомбежек в мае 1940 г. Выступая после Эттли, Черчилль назвал себя «ребенком палаты общин» и добавил: «Премьер-министр сказал, что палата общин – мастерская демократии. Это совершенно верно. Но у нее есть и другая, не менее важная функция. Она – защитница народа от насилия власти. Я не имею в виду партийную принадлежность, это крайне неуместно в данном случае. Но палата общин всегда контролировала и при необходимости меняла правителей и министров, назначенных короной. Она всегда выступает против олигархии и единоличной власти. Все эти традиции, которые столетиями формировали нас, в огромной степени отражают господствующую мысль человечества. Все эти традиции питались идущими из общества жизненными соками. Как результат избирательное право расширялось, пока наконец не стало всеобщим. Палата общин выступает за свободу и закон».

Эттли решил назвать одну арку в палате, не пострадавшую от бомб, «аркой Черчилля». Черчилль был тронут. Через неделю в результате простого голосования в палате образовалось антиправительственное большинство в шесть голосов. «Сахар для птичек», назвал его Черчилль. Но поскольку это голосование не было вотумом доверия, правительству не пришлось уходить в отставку.

30 ноября Черчиллю исполнилось семьдесят шесть лет. В этот день, в дебатах по международным делам, он опять выступил за встречу в верхах. Он сказал, что «такая встреча, даже сам процесс подготовки к ней является лучшим способом избежать третьей мировой войны не умиротворением оппонентов с позиции слабости, но разумными мерами, честной игрой с позиции силы и проявлением нашей решимости». Через две недели, в ходе очередных дебатов, он с энтузиазмом поддержал Эттли по вопросу тесных англо-американских отношений и одобрил его намерение помочь с перевооружением Западной Германии. Решение принять Западную Германию как неотъемлемую часть западноевропейской оборонительной структуры было принято Эттли и Бевином вопреки желанию большинства их коллег по кабинету. Но они знали, что, несмотря на враждебное отношение к этому их партии и Министерства иностранных дел, они могут положиться на Черчилля, который обеспечит поддержку консерваторов, составляющих половину электората, и решение тем самым станет двухпартийным. Черчилль уже поступал таким образом по вопросу о независимости Индии.

Через три дня после выступления в поддержку оборонительной стратегии Эттли Черчилль улетел из Лондона в Касабланку, оттуда машиной добрался до Марракеша, где надеялся завершить пятый том военных мемуаров. «Я работаю по восемь часов в день, не вставая с постели, что весьма удобно», – сообщил он Клементине накануне Рождества. Помимо работы над мемуарами, он почти ежедневно совершал вылазки на пикники и для рисования. «Я приехал сюда развлекаться, – добавил он в грустном постскриптуме, – но пока – исключительно работа, правда в очень благоприятных условиях».

В первый день нового, 1951 г. Черчилль отправился на машине искать, как он выразился, «живописный рай, залитый солнцем». Он нашел его в Тинерире, за хребтом Высокий Атлас, и оставался там пару дней. По возвращении в Марракеш Келли, который был с ним, вернулся в Лондон. Но 5 января прилетел Дикин вместе с дочерью Черчилля Дианой, а еще через два дня

к ним присоединилась и Клементина – как раз ко второй экспедиции через горы в Тинерир. Между этими приятными путешествиями шла работа по завершению не только пятого, но и шестого, заключительного тома.

20 января, проведя почти два месяца под солнцем, Черчилль вернулся в Лондон, где сразу с головой окунулся в политическую борьбу, стараясь подорвать хрупкое лейбористское большинство в парламенте. Но большинство из шести голосов не могло себе позволить допустить ошибку, особенно как при голосовании за вотум недоверия 15 февраля, когда Черчилль возглавил наступление консерваторов, и шестеро из девяти либералов проголосовали за правительство. На этот раз правительство обеспечило себе большинство в восемь голосов.

В марте Эрнест Бевин по болезни был вынужден уйти в отставку. 17 марта, выступая по радио с заявлением от имени партии, Черчилль высоко оценил его «непреклонное сопротивление коммунистической агрессии и значительную роль в укреплении англо-американских отношений».

И в палате, и в поездках по стране Черчилль не уставал критиковать политику лейбористов. 18 мая в Глазго, когда войска ООН продолжали воевать в Корее, он упрекнул их за прокитайскую и антиамериканскую позицию, «хотя, – сказал он, – именно китайцы убивают наших людей и американцев».

7 июня Черчилль возглавлял оппозицию в дебатах, которые длились двадцать один час. Гарольд Макмиллан отметил: «Понимая, что для многих он слишком стар, чтобы формировать правительство, и что это, скорее всего, будет использовано против него на выборах, он постоянно демонстрирует свою жизнеспособность и энергию. Он принимает участие в каждом голосовании, произносит множество блестящих маленьких речей, использует весь свой юмор и сарказм. Вершиной же всего был замечательный завтрак (в 7:30 утра), состоящий из яиц, бекона, колбасы и кофе, за которыми следовал большой стакан виски с содовой и огромная сигара. Последняя черта вызывает всеобщее восхищение. Газеты лорда Бивербрука ежедневно хвалят его за это. А он проезжает по Дворцовой площади туда и обратно мимо восхищенных и приветствующих его людей, и при этом кажется, самое важное для него, возьмет ли принадлежащий ему Колонист Второй сегодня вечером Золотой кубок Аскота».

Клементина не одобряла увлечение мужа скачками. «Это какая-то странная очередная грань в разнообразной жизни Уинстона, – написала она подруге в мае, и добавила: – До того как он купил лошадь (не могу понять зачем), вряд ли он вообще

когда-либо бывал на скачках. Должна сказать, не нахожу это увлекательным». Но для Черчилля это было новое удовольствие. Когда в этом году на скачках в Херст-парке его Колонист пришел первым, обогнав Эбав-Борда, выступавшего под королевскими цветами, он написал принцессе Елизавете: «Мне бы очень хотелось, чтобы мы оба победили, но тогда не было бы повода для переживаний и веселья в клубе Терф».

Летом лейбористы все еще оставались у власти. 27 июня теневой кабинет обсуждал национализацию иранской нефти новым премьер-министром Ирана доктором Моссадыком. Моссадык завладел нефтяными скважинами и перерабатывающими мощностями Англо-персидской компании, которую Черчилль приобрел для Британии еще в 1914 г. Теперь Черчилля беспокоило, не попытается ли Советский Союз извлечь выгоду из непростой ситуации, сложившейся в Иране. «Неограниченные запасы нефти, – телеграфировал он Трумэну 29 июня, – способны снять основной сдерживающий фактор агрессии русских». Черчилль показал текст телеграммы новому министру иностранных дел Герберту Моррисону, который написал в ответ: «Думаю, это послание может оказаться очень полезным, и я рад, что вы его отправили».

30 июля, выступая в палате общин, Черчилль приветствовал решение Трумэна направить посредника в Тегеран. Он сказал, что «крайне заинтересован в намерении военно-морских сил Соединенных Штатов сыграть ведущую роль в Средиземноморье. С тех пор как закончилась война, я всегда хотел, чтобы Соединенные Штаты проявляли больше интереса к тому, что происходит в Персии и Египте». Затем он раскритиковал британское правительство за нежелание выступить против Египта, запретившего пропускать корабли, направляющиеся в Израиль, через Суэцкий канал. «Британии следовало еще два года назад поддержать это требование Израиля. Почему бы, – спросил он, – нам не приостановить весь экспорт вооружений и все выплаты по стерлинговым счетам до благополучного разрешения проблемы?»

«Он в потрясающей форме, – записал Макмиллан в дневнике и добавил: – Этой речью он утвердил свое полное господство в партии и, по существу, в палате».

Черчилль действительно был энергичен. 3 августа Times в передовой статье высоко оценила только что вышедший из печати четвертый том мемуаров. Процитировав одну из телеграмм Рузвельта Черчиллю военного периода – «очень приятно находиться в одном десятилетии с вами», отметила:

«Многие читатели испытают чувство возбуждения, перелистывая страницы этой чрезвычайно яркой и откровенной автобиографии». В это время автор был занят внесением последних штрихов в верстку пятого тома. В день публикации статьи в Times он писал Клементине: «По мере чтения я практически переписывал первые главы пятого тома. На главу требовалось четыре-пять часов, а всего глав двадцать. Можешь представить, как мало у меня остается времени на другие дела – по дому, на рыбу, ферму и дрозда (который куда-то пропал). Тем не менее сплю хорошо, в среднем по девять часов».

Клементина отдыхала во Франции в Анси. 15 августа Черчилль присоединился к ней. Там, без помощи «молодых джентльменов», он неделю работал над пятым томом, диктуя поправки Джейн Портал. «У него было предчувствие, – позже вспоминала она, – что после следующих выборов он станет премьер-министром; очень сильное предчувствие, что он вернется. Он постоянно об этом говорил». Через неделю плохая погода заставила Черчилля покинуть Анси и отправиться южнее. Он выбрал Венецию, где была возможность поплавать в теплых водах, окружающих остров Лидо.

Там Черчилль закончил вносить правку в верстку пятого тома. 12 сентября он вернулся в Англию. Через восемь дней он получил короткую записку от Эттли: «Мой дорогой Черчилль. Я решил провести всеобщие выборы в октябре. Объявлю об этом сегодня вечером после девятичасовых новостей. Искренне ваш, К. Р. Эттли». Черчилль сразу начал помогать готовить манифест партии. Он сказал коллегам по партии, что очень хорошо сознает все трудности, с которыми придется столкнуться правительству консерваторов – и дома, и за рубежом, – заметив при этом с обезоруживающей прямотой, что «не может ничего добавить к своей репутации, может только ее подорвать».

Кампания всеобщих выборов 1951 г. стала шестнадцатой, в которой принял участие Черчилль с 1899 г. 2 октября он выступил с первой предвыборной речью в Ливерпуле. На следующий день был опубликован манифест консерваторов. В нем содержался сюрприз: обещание ввести дополнительный налог на сверхприбыль производителей оружия на период перевооружения. Этот налог был личной идеей Черчилля; он не забыл свое негативное отношение к высоким доходам военной промышленности во время Первой мировой войны и перед 1939 г. и не хотел, чтобы подобное повторилось при его администрации.

Предвыборная кампания набирала обороты. В Daily Mirror появилась фраза, которая глубоко огорчила Черчилля. «Чей палец

на спусковом крючке вам нравится больше, – спрашивала газета читателей, – Эттли или Черчилля?» Черчилль ответил на этот выпад, выступая в своем избирательном округе 6 октября: «Уверен, мы не хотим никакого пальца ни на каком крючке. Но еще меньше мы хотим, чтобы это оказался чей-то неумелый палец». Он не верил в неизбежность третьей мировой войны, но был уверен, что если это и произойдет, то не Британия начнет ее, нажав на спуск. «Это может оказаться палец русских, – говорил он, – или американцев, или Организации Объединенных Наций, но это будет не британский палец». Влияние Британии в мире стало иным, чем прежде, но ему хотелось, чтобы оно еще усилилось, поскольку считал, что это может предотвратить очередную смертельную схватку народов.

8 октября Черчилль сделал первое в ходе этой предвыборной кампании политическое заявление по радио от имени Консервативной партии. «Различие во взглядах консерваторов и социалистов, – сказал он, – это различие между лестницей и очередью. Между движением вверх и спокойным ожиданием. Мы за лестницу. Они – за очередь. Они считают, что нужно спокойно сидеть и чего-то ждать». Комментируя его выступление, Дэвид Батлер, эксперт по предвыборным технологиям, отметил: «По своей сдержанности и энергичности, по своей четкости и искусности изложения мистер Черчилль представил лучшее радиообращение Консервативной партии, возможно, даже лучшее для любой партии. Многие считают его самым значительным за все послевоенное время».

Черчилль почти ежедневно выступал на встречах с избирателями. 23 октября он говорил в Плимуте, что если останется в общественной жизни, то постарается внести «весомый вклад в предотвращение третьей мировой войны и установление мира, которого страстно желает любая страна», и что он молится за то, чтобы у него появилась такая возможность. «Это последний приз, который я хочу выиграть», – сказал он.

Голосование состоялось 25 октября. Утром Daily Mirror опубликовала фотографию человека с сигарой с подписью: «Чей палец на спусковом крючке?» Обвинение, за которое Черчилль, впрочем, быстро получил официальное извинение, не помешало ему вернуться к власти. Консервативная партия получила в парламенте 321 место против 295 у лейбористов. У либералов вместо девяти осталось шесть.

Вечером 26 октября Черчилль отправился в Букингемский дворец, где в очередной раз, как в мае 1940 и в мае 1945 г., король попросил его сформировать правительство. «Очень

надеюсь, что Уинстон сможет помочь стране, – написала Клементина подруге. – Это будет тяжелая работа, но он стремится к ней всей душой».

Глава 38
Премьер-министр мирного времени

Черчилль не потратил много времени на формирование администрации. Как и в мае 1940 г., он назначил себя министром обороны. Энтони Иден, который в 1945 г. надеялся унаследовать от него пост лидера партии, в третий раз за свою карьеру стал министром иностранных дел. Батлер, сыгравший ведущую роль в возрождении авторитета Консервативной партии в избирательных округах, стал канцлером Казначейства. Гарольду Макмиллану было предложено «строить дома для людей». Он стал министром жилищного строительства. «Очень интересно было вернуться на старую сцену, где все напоминало мне Черчилля военных лет, – позже вспоминал он. – Дети, друзья, министры, личные секретари, машинистки – все в страшном возбуждении и все искренне рады возвращению на сцену».

Первое заседание кабинета министров Черчилля мирного времени состоялось 31 октября 1951 г. Первой его задачей стало запустить процесс денационализации черной металлургии. Это было предвыборным обещанием. Было также решено, что перед лицом глубокого экономического кризиса, с которым столкнулась страна, министры немедленно пойдут на сокращение жалованья. Черчилль предложил сократить полагающуюся премьер-министру зарплату с 10 тысяч фунтов до 7. На втором заседании кабинета 1 ноября он поддержал предложение Батлера о существенном сокращении всех правительственных расходов. Через четыре дня, обращаясь к международным делам, Черчилль сказал в палате общин, что они с Иденом вынашивают идею «приложить максимальные усилия для наведения мостов между двумя мирами, чтобы каждый жил своей жизнью, если не в дружбе, то по крайней мере без страха, ненависти и непомерных трат холодной войны».

30 ноября Черчиллю исполнилось семьдесят семь лет. В этот день его дежурным личным секретарем был Дэвид Хант, который потом вспоминал: «После ужина он, как обычно, вернулся работать в кабинет и со своей обычной внимательностью предложил мне выпить с ним». Черчилль сказал Ханту: «Вы, наверное, никогда не видели семидесятисемилетнего премьер-министра». Хант ответил: «Я – нет. А вы видели?» Последним действующим премьер-министром в возрасте Черчилля был Гладстон.

Но не был ли Черчилль слишком стар, чтобы выдержать все

тяготы премьерства? Клементину чрезвычайно беспокоило его возвращение на этот пост в таком возрасте. Даже сам Черчилль понимал, что ноша будет трудной. Колвиллу, которого он пригласил в свой личный кабинет в качестве главного персонального секретаря, он признавался, что намерен поработать премьер-министром только год, а потом передать пост Идену. Он объяснил это тем, что хочет «получить время на восстановление тесных отношений с Соединенными Штатами, что было ключевым моментом его политики во время войны, и восстановить дома демократические свободы, которые были урезаны ограничениями военного времени и послевоенными социалистическими мерами правительства».

Стремясь достичь первой из обозначенных задач, Черчилль проинформировал 11 декабря кабинет, что намерен в ближайшее время посетить Соединенные Штаты. У него была и практическая цель – попросить помощи в виде оборудования или материалов для британской оборонной программы. Перед визитом в США он с Иденом отправился в Париж, где заверил французов, что Британия выступает за создание Европейского оборонительного сообщества даже при том, что сама может и не войти в него. Британия готова к максимально тесной ассоциации с ним на всех стадиях его политического и военного развития. В частном порядке Черчилль признавался, что предпочел бы создание, как он выразился, «большого альянса» национальных армий, а не «грязной смеси» различных сил. «Но, что бы ни получилось, – сказал он 22 декабря в своем первом радиообращении в качестве премьер-министра, – мы будем всеми нашими силами защищать свободный мир от коммунистической тирании и агрессии, сотрудничая в деле создания объединенной Европы. Цель – предотвратить войну и укрепить мир. Возможно, именно нашей стране выпадет честь помочь цивилизации, борясь за мир так же, как мы боролись против войны».

В последний день 1951 г. Черчилль поездом отправился из Лондона в Саутгемптон, где снова поднялся на борт «Куин Мэри». Первый день нового, 1952 г. он встретил в море. Во время плавания Колвилл предложил было Черчиллю почитать подготовительные материалы для переговоров с американцами, но он отказался, заявив, что отправился в Америку «восстанавливать отношения, а не заключать сделки». Однако экономист Дональд Макдугалл, показавший Черчиллю конспект экономической части переговоров, был весьма польщен тем, что Черчилль, просмотрев его, «вернул мне с мастерским комментарием в истинно черчиллевском стиле».

4 января 1952 г. «Куин Мэри» вошла в порт Нью-Йорка. Из Нью-Йорка Черчилль на президентском самолете улетел в Вашингтон. Вечером они с Трумэном ужинали на борту яхты. Черчилль высоко оценил действия американцев в Корее и проводимое ими перевооружение. «Теперь свободный мир – не голый мир, – сказал он, – а перевооружающийся мир». Он надеялся, что американцы присоединятся к Британии и направят свои силы для обеспечения свободы судоходства в Суэцком канале. Собираясь после ужина в британское посольство, Черчилль сказал Дину Ачесону, государственному секретарю Соединенных Штатов: «У вас нет ощущения, что сегодня за столом собрались мировые правительства не для того, чтобы установить господство над миром, а чтобы спасти его?»

Переговоры в Вашингтоне продлились два дня. Говоря о НАТО, Черчилль пообещал, что Британия внесет максимальный вклад, на какой только будет способна. «Наша цель, – сказал он Трумэну на первом официальном заседании конференции, – добиться того, чтобы усиление Запада уменьшило советские страхи по поводу дружбы между Британией и Соединенными Штатами; чтобы они больше опасались нашей вражды, чем дружбы и, соответственно, сами стремились к дружбе с нами». Идеи Черчилля были глубоко продуманы и четко выражены. Тем не менее один из присутствовавших британских дипломатов записал в дневнике: «Трумэн несколько раз был весьма резок с беднягой Уинстоном, и после одной из наиболее эмоциональных деклараций старика о вере в англо-американское сотрудничество оборвал его: «Спасибо, господин премьер-министр. Мы можем передать это для работы нашим советникам». Немного обидно».

На четвертом заседании Черчилль выступил за создание европейской армии как единственный способ интегрировать немецкие вооруженные силы в систему западноевропейской безопасности. Но предупредил, что продолжающаяся война во Французском Индокитае, где французы сражаются, отстаивая свою дальневосточную империю, означает, что Франция делает не все возможное ради создания европейской армии. «Если бы не это, – сказал он, – Франция была бы сильнее и, соответственно, более охотно разрешила и немцам стать сильнее».

Во время переговоров в Вашингтоне Трумэн и Черчилль подтвердили соглашение, ранее заключенное Трумэном с Эттли, насчет того, что американцы не станут наносить атомные удары с американских военных баз в Новой Англии без согласия Британии.

Позже, сообщая об этом соглашении в палате общин, Черчилль упомянул и о собственной британской атомной бомбе. «Я был не в курсе, пока не занял этот пост, – сказал он, – что правительство социалистов не только заказало исследования по разработке атомной бомбы, но и создало, израсходовав миллионы фунтов, серьезное предприятие для ее регулярного производства. Это оружие будет испытано в 1952 г. по соглашению с правительством Австралии в подходящем месте на их континенте».

9 января Черчилль уехал из Вашингтона в Нью-Йорк, а через двое суток отправился в Оттаву, где выступил на банкете, устроенном в его честь канадским правительством. Он сказал, что, несмотря на безоговорочную капитуляцию Германии и Японии, мир не спокоен. Что сейчас лишь Организация Североатлантического договора является надежным гарантом не только предотвращения войны, но и победы в случае, если наши надежды на мир не оправдаются.

После банкета Черчилль вернулся в Вашингтон, где два дня в британском посольстве готовил речь, с которой собирался выступить в конгрессе. Большую часть работы он проводил в постели. 17 января в 11:20 утра он еще не вставал, хотя через сорок минут его ждали в Капитолии. Только благодаря сверхъестественным усилиям и эскорту мотоциклистов он успел вовремя. «Под давлением и под угрозой коммунистической агрессии, – сказал он, – только единство Соединенных Штатов с Британией и Британским содружеством, а также новое единство, складывающееся в Европе – и особенно обнадеживающее согласие между Францией и Германией, – все это определит, возможно, через несколько поколений, судьбу мира. Если это оправдается, а пока, безусловно, оправдывается, то кремлевским архитекторам придется строить совсем иную и более совершенную мировую конструкцию, чем они планировали».

Черчилль говорил в конгрессе и о Ближнем Востоке. Он сказал, что одной Британии невозможно нести ответственность за обеспечение свободы вокруг важнейшей водной артерии – Суэцкого канала, что это должно стать делом международного сообщества. В данный момент в зоне Суэцкого канала находится более 80 000 британских войск. Даже символическое участие США, Франции и Турции может подать знак единства, который нас вдохновит. И он не считал бы преувеличением, что эти символические силы приведут к тому, что миролюбивая политика четырех держав может сыграть решающую роль и положить конец массовым волнениям на Ближнем Востоке, где кроются опасности не меньшие, чем те,

с которыми Соединенные Штаты столкнулись в Корее.

Затем Черчилль коснулся Ближневосточного региона, где, как он выразился, «солнце по-прежнему пополам с тенью». Он сказал в конгрессе: «Со времени декларации Бальфура у меня было желание, чтобы евреи обрели национальный дом, и я приложил к этому немало усилий. Я с удовольствием отдаю дань уважения тем, кто основал Государство Израиль, кто упорно защищает себя и предлагает убежище огромному числу еврейских беженцев. Надеюсь, с помощью новых переселенцев они смогут превратить пустыни в сады. Но если они стремятся к миру и процветанию, они должны приложить все усилия для возобновления и поддержания дружественных отношений с арабским миром, без чего нам всем грозят огромные беды».

Обратившись к Европе, Черчилль заговорил о предотвращении третьей мировой войны объединенными вооруженными силами. «Чем раньше это будет сделано, – сказал он, – тем раньше мы почувствуем себя в безопасности. А страшные возможности атомной бомбы представляют в настоящий момент наиболее эффективное средство сдерживания и самую эффективную гарантию победы, если война начнется».

Днем, во время пятого, заключительного заседания вашингтонской конференции, Черчилль объяснил Трумэну свое нежелание встречаться с советскими лидерами: «До тех пор пока они не продемонстрируют, что готовы к достижению взаимопонимания с миром демократии, есть опасность, что, если такая конференция состоится, а затем развалится, люди уверятся, что война неизбежна. Но если демократические страны предпримут активные усилия, чтобы донести до людей за «железным занавесом» подлинные факты, то кремлевские вожди, опасаясь недовольства масс, которые они держат в кулаке, могут согласиться возобновить конференцию, которая может возродить большие надежды».

Черчилль был полон решимости найти выход из тупика холодной войны. На следующий день он поездом отправился из Вашингтона в Нью-Йорк. «У меня только что завершились самые напряженные на моей памяти две недели, – написал он Клементине из Нью-Йорка 20 января, – и я остаюсь здесь на 48 часов, чтобы прийти в себя. Никогда не было такой круговерти людей и проблем, а эти две речи стали весьма тяжелым испытанием». Через два дня он отплыл в Англию и прибыл в Саутгемптон 28 января.

6 февраля скончался король Георг VI. Выступая по радио на следующий день, Черчилль очень тепло говорил о нем:

«В течение последних недель король ходил рука об руку со смертью, словно она была компаньонкой, знакомой, которую он узнал и не боялся. В конце смерть пришла как подруга. В последний солнечный день он приятно провел время, потом пожелал спокойной ночи своим любимым и заснул, как любой человек, который стремится жить в страхе Божьем и ни о чем другом в мире не думать». О новой королеве, «второй королеве Елизавете», Черчилль сказал: «Я, чья юность прошла в благородном и безмятежном великолепии Викторианской эпохи, с особым трепетом ощущаю возрождение молитвы и гимна «Боже, храни королеву».

Со здоровьем самого Черчилля дело обстояло неважно. 21 января у него произошел небольшой артериальный спазм. Лорд Моран опасался, что за ним может последовать инсульт. Сказывалась напряженность работы премьер-министра, и ее следовало уменьшить. Несколько старейших членов партии, с которыми проконсультировались, высказали предположение, что Черчилль может подать в отставку сразу после коронации, в мае 1953 г. Один полагал, что он может перейти в палату лордов, сохранив пост премьер-министра, и отдать Идену управление палатой общин. Тем временем Черчилль отправился в Чартвелл набираться сил. Он также готовил выступление в ответ на предложение лейбористов о вынесении вотума недоверия. Те обвинили его в желании развязать войну с Китаем, чтобы способствовать выходу из военного тупикового противостояния в Корее.

26 февраля Черчилль со своей обычной энергией выступил в дебатах. Он не только опроверг обвинения, но и указал, что правительство лейбористов дважды, в мае и сентябре 1950 г., согласилось с Соединенными Штатами, что в определенных условиях и при непредвиденных обстоятельствах военные действия могут не ограничиться Кореей. Лейбористы были потрясены, консерваторы – в восхищении. Гарольд Николсон отметил: «Насколько лучше он в палате, чем на трибуне! Как ему это нравится! Он выглядит бледным, растолстевшим, очень нездоровым, но каким-то образом эта болезненная гора рождает вулканический взрыв».

Главной заботой Черчилля оставалась национальная оборона и задача четко дать понять России, что Британия не беззащитна. По его инициативе в отряды местной самообороны было зачислено более 30 000 человек. В то же время из военнослужащих в учебных частях были организованы пятьсот мобильных отрядов, способных, как он говорил позже в палате общин, «дать весомый отпор любой воздушно-десантной

авантюре». Заглядывая далеко вперед, 20 февраля он попросил начальников штабов обеспечить надежную защиту Фолклендских островов. Для этого, в частности, предлагалось направить в этот район на сторожевом корабле подразделение морской пехоты.

5 марта Черчилль представил палате общин проект бюджета Министерства обороны, сказав депутатам, что еще в октябре его первым впечатлением как министра обороны и премьер-министра было «ощущение крайней наготы, какого я никогда не испытывал ни в войну, ни в мирное время, словно оказался в обществе нудистов». Теперь все это необходимо было исправлять. Однако по финансовым соображениям траты на оборону следовало замедлить и даже сократить. «Мы не должны вызывать в обществе ожидания сверх тех, на которые способна страна», – заявил он.

Стремясь сократить рабочую нагрузку, Черчилль попросил фельдмаршала Александера занять пост министра обороны. Но вопросы обороны по-прежнему оставались в сфере его внимания. 19 марта, когда комитет обороны кабинета министров обсуждал предложение американцев расширить зону конфликта в Корее за счет бомбардировок портов и линий коммуникаций в Китае, он выступил против. «Глупо зря тратить бомбы, – сказал он, – и напрасно убивать тысячи людей».

Лейбористская оппозиция организовала серию поздних вечерних и даже ночных заседаний в надежде подорвать силы консерваторов. Черчилль часто на них присутствовал, но это было невеселым занятием. «Что может быть отвратительней, – записал Ченнон в дневнике 9 апреля, – чем полдюжины крепких молодчиков-социалистов, воплями заглушающих мистера Черчилля, глумящихся над его произношением, над его появлениями и уходами из палаты и даже над его преклонным возрастом и прогрессирующей глухотой?»

Через неделю Черчилль заболел. «Несчастная простуда поселилась в моей груди», – сказал он Морану. Он поправлялся в Чартвелле, но 25 апреля вернулся в Лондон, чтобы выступить в палате. «Не могу припомнить другого периода, а у меня большой опыт, – сказал он, – когда напряженность в обществе и межпартийная борьба одновременно взлетали бы до таких высот».

3 мая Черчилль выступил по радио с обзором первых шести месяцев деятельности его администрации. Он сказал, что потребуется три или четыре года стабильной, спокойной, настойчивой работы правительства, чтобы устранить дисбаланс, возникший за годы правления лейбористов с их «расточительством и жизнью на американские деньги». Он уже

заявил о полной поддержке проекта первого бюджета Батлера и о том, что будет поддерживать министра финансов в его поисках экономии средств. 7 мая на заседании правительства Черчилль активно поддержал идею Батлера сократить стоимость содержания британских войск в Германии, обходившееся тогда в 130 миллионов фунтов ежегодно. Черчилль предложил создать специальный комитет при кабинете министров, который нашел был способ снизить эту сумму до 70 миллионов фунтов. Предложение было принято.

Черчилль посещал каждое заседание кабинета, председательствовал в комитете обороны, но ему становилось все труднее и труднее прочитывать массу материалов, представлявшихся ему на рассмотрение, и следить за перипетиями дискуссий. «Яркие и искрометные моменты еще случаются, и они по-прежнему бесподобны, – записал Колвилл 16 мая, – но возраст начинает давать о себе знать». Этим вечером Черчилль заговорил с Колвиллом о возможности создания коалиционного правительства ради преодоления финансовых трудностей. «Он готов даже уйти в отставку, чтобы это оказалось возможным, – записал Колвилл. – Он может потребовать этого в качестве основания для своего ухода. Достоинства коалиции, создание которой он предлагал еще в 1910 г. в период политических волнений, заключаются в том, что подавляющее большинство населения страны поддержат четыре пятых всего, что будет сделано».

Но с интеллектом все было в полном порядке. 21 мая, выступая в дебатах по вопросам транспорта, Черчилль охарактеризовал Герберта Моррисона как «любопытную смесь доброты и злости. Доброта у него, – сказал Черчилль, – от природы, а злость – приобретенная, чтобы иметь дело с лейбористами-заднескамеечниками». Говоря об отказе правительства консерваторов денационализировать железные дороги, он заметил: «Меня никогда не шокировала мысль о национализации железных дорог. На самом деле я сам предлагал это сделать еще в те времена, когда большинство членов палаты общин даже не задумывались о том, чтобы стать парламентариями. Я ни в коем случае не уверен, что был прав. Быть всегда правым – это не про меня. Однако необходимо учитывать факты. Железные дороги есть и будут национализированными».

Черчилль готовился к выступлениям заранее и с обычной тщательностью. Но вечером 23 мая на ужине налоговых инспекторов в Лондоне он произнес речь, почти полностью написанную Колвиллом. Черчилль позволил себе это впервые

более чем за полвека публичных выступлений. «Это признак наступающей старости, – отметил Колвилл, а через неделю записал в дневнике: – Миссис Черчилль не думает, что он долго продержится в должности премьер-министра». Но запас жизненных сил у Черчилля еще был велик. 11 июня, присутствуя в качестве почетного гостя на обеде в Ассоциации прессы, он энергично говорил о том, что Британия борется не за «тщеславие имперской роскоши, а за выживание как независимая самостоятельная нация».

Продолжалась работа и над завершающим томом военных мемуаров. 13 июня Дикин приехал в Чартвелл и сообщил Черчиллю, что все его помощники, в том числе генерал Паунолл, коммодор Аллен и Денис Келли, работают успешно и что уже почти закончены приложения и карты. Черчилль был согласен, чтобы помощники полностью взяли на себя завершение работы. Через три дня Колвилл записал: «Премьер-министр в расстройстве и замешательстве. Сегодня вечером он сказал мне: «Энергия уходит». По-моему, это больше чем просто невозможность увидеть свет в конце туннеля. Я тоже не могу. Но ведь это в половине второго ночи – в период, когда жизненные силы на самом низком уровне».

Черчилль не знал, что в этот же день, 16 июня, четверо членов его правительства встретились в Лондоне и решили просить его либо уйти в отставку немедленно, либо назначить дату своей отставки. Это были лидер палаты общин – лорд-хранитель печати Гарри Крукшенк, министр по делам Содружества лорд Солсбери, министр по делам Шотландии Джеймс Стюарт и Патрик Бачан-Хепберн. Последний был личным секретарем Черчилля после поражения на выборах 1929 г., и именно он взял на себя труд доставить просьбу, что и сделал вечером 23 июня, но получил холодный прием. Тремя днями ранее Черчилль говорил лорду Морану: «Чувствую, появилось желание от меня избавиться».

Теперь Черчилль узнал это, но тем не менее нашел силы, необходимые для руководства партией и кабинетом министров. 1 июля оппозиция выступила с критикой правительства за то, что не было заранее известно о недавних бомбардировках американцами северокорейских гидроэлектростанций. Эти электростанции на реке Ялу располагались вдоль границы с Китаем. Черчилль выступил в защиту правительства. Ченнон записал в дневнике: «Старый лев, одетый в легкие светло-серые брюки и короткую куртку, запросто разметал нападавших. Редко он бывал столь сокрушителен. Возможно, он в курсе растущего недовольства тори».

Ответственность за тяжелое положение Британии давила на Черчилля тяжелым грузом. 11 июля он написал Клементине, которая отдыхала в Италии: «Все выглядит весьма безрадостно. Необходимость еженедельно оплачивать неподъемные счета подвергает опасности наше могущество, величие, господство и власть. Никогда ситуация не была столь запутанна и утомительна. Но мы должны держаться». Через десять дней он сообщил Клементине, что «к тяготам» добавилось отсутствие Идена из-за желтухи. Возникла проблема и с лордом Солсбери, который «очень утомителен и к тому же в связи с денационализацией сталелитейной промышленности пребывает в самом пораженческом настроении».

Предложения Черчилля в кабинете министров, как правило, бывали решающими. 24 июля он поддержал просьбу Макмиллана не сокращать государственные расходы на жилищное строительство; через пять дней предложил провести амнистию дезертирам военного времени. «Очень печально, – сказал он, – что столько мужчин до сих пор живет в Британии на положении изгоев и преступников». Предложение со временем было принято, и амнистия проведена. 30 июля в выступлении, которое подготовил сам, Черчилль отстаивал необходимость поддерживать обороноспособность Британии «в пределах экономических возможностей». Его авторитет в палате общин оставался значительным, но напряжение сказывалось. «Восстанавливаюсь после выступления», – телеграфировал он Клементине следующим вечером.

14 августа Черчилли устроили прием в честь свадьбы племянницы Черчилля Клариссы и Энтони Идена. Через три дня было еще одно семейное торжество – крещение внука Черчилля в Вестерхэмской церкви. 9 сентября Черчилль с Клементиной уехали отдыхать на юг Франции, на виллу Бивербрука. «Воспользоваться виллой – отличный способ провести несколько спокойных мирных дней», – написала ему королева, одобрив отъезд своего премьер-министра. Отпуск совпал с выходом из печати пятого тома военных мемуаров; была возможность поработать над шестым, заключительным томом. Для этого с ним полетели Элизабет Джилльет и Джейн Портал. Черчилль провел на вилле две недели, рисуя, купаясь в море и работая над книгой. Типичная записка, отправленная в это время Дикину, начиналась так: «Смерть президента Рузвельта. Как мне стало об этом известно? Как скоро я выступил в парламенте? Что я сказал?»

25 сентября Черчилль вернулся в Англию, а через шесть дней улетел в Шотландию. Королева пригласила его в Шотландию,

в королевскую резиденцию замок Балморал. Когда он гостил у королевы, рано утром поступило известие об успешном испытании британской атомной бомбы, проведенном на острове Монте-Белло у северо-западного побережья Австралии. Новому личному секретарю Черчилля Брауни посоветовали позвонить в Балморал, разбудить премьер-министра и сообщить ему новость. «Но я решил, что, даже учитывая сенсационность события, это было бы неблагоразумно», – позже вспоминал тот.

На следующий день Черчилль вернулся в Лондон. По возвращении он написал королеве: «На меня произвело глубокое впечатление развитие принца Чарльза с тех пор, как я его видел в Виндзоре. Он молод для своих мыслей». Принцу Чарльзу в это время не исполнилось и четырех лет.

Через неделю после возвращения в Лондон Черчилль снова отправился на север, на этот раз в Скарборо, чтобы выступить на конференции Консервативной партии. Там 11 октября он говорил о необходимости экономии правительственных расходов. То же он повторил и в палате общин 4 ноября, и на следующий день в комитете обороны. Семьдесят лет назад эта тема была очень важна для его отца. В том же месяце Черчилль писал Батлеру, который только что похоронил своего отца: «Помню, чем стала для меня потеря отца, хотя я его и мало видел. Я поклонялся ему и восхищался им на расстоянии, за исключением нескольких случаев. И я всегда старался защитить его память».

4 ноября генерал Эйзенхауэр был избран президентом Соединенных Штатов Америки. Публично Черчилль приветствовал его избрание, хотя его это совсем не обрадовало. Через пять дней он сказал Колвиллу: «Я очень встревожен. Думаю, это значительно повышает вероятность войны». Черчилль осознал свою новую миссию и вновь испытал чувство предназначения: использовать свой огромный авторитет, чтобы попытаться восстановить дружественные отношения между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Но хватит ли сил добиться этой цели? В тот же день Колвилл записал в дневнике: «Он быстро устает и заметно стареет. Ему становится трудно составить речь, мысли больше не текут рекой».

Черчилль снова, как и в мае, начал думать о возможности отставки. 28 ноября помощник заместителя министра иностранных дел Ивлин Шакбург, доверенное лицо Идена, записал в дневнике: «ПМ сказал Клариссе, что хочет уйти. Она говорит, он ищет возможности, и Энтони следует быть с ним помягче». Черчилль в этот день беседовал и с самим Иденом. По словам Шакбурга, он просил Идена «позволить ему оставить

службу как можно тише. Только одну речь». Через два дня Черчиллю должно было исполниться семьдесят восемь лет. Но Гладстон оставался премьер-министром и в восемьдесят семь…

7 декабря Черчилль говорил с Иденом о своих выступлениях: «Мне было бы гораздо легче произносить их, если бы я не был премьер-министром». Иден просил Черчилля сказать, когда он намеревается подать в отставку, но он не дал обещания и не назначил дату. Он все еще думал о визите к Эйзенхауэру. Он хотел полететь самолетом, но Моран предупредил его о риске столь длительного перелета. Даже в герметичной кабине, сказал он, может быть нарушено кровообращение. Черчилль решил отправиться морем, и вечером 30 декабря с вокзала Ватерлоо специальным поездом уехал в Саутгемптон, где, как обычно, поднялся на борт «Куин Мэри». В первый день нового, 1953 г. он сказал Колвиллу, что тот «наверняка доживет до тех времен, когда Восточная Европа станет свободна от коммунизма». Но Колвилл умер в 1987 г., за два года до падения Берлинской стены.

5 января «Куин Мэри» прибыла в Нью-Йорк. Поскольку до инаугурации Эйзенхауэра оставалось более двух недель, Черчилль решил встретиться с ним частным порядком в Нью-Йорке. Они встретились и провели два часа наедине. В Нью-Йорке Черчилль посетил и родной дом своей матери в Бруклине.

Во время второй встречи с Эйзенхауэром 7 января Черчилль убеждал избранного президента после инаугурации вместе с ним как можно скорее встретиться со Сталиным. Эйзенхауэр вежливо отказался, сказав, что Черчилль может поехать в Москву, но сам он предпочел бы встретиться с советским вождем на нейтральной территории, например в Стокгольме. Эйзенхауэр также поинтересовался у Черчилля, не возражает ли он против его встречи со Сталиным один на один. «Это было бы категорически невозможно во время войны, – ответил Черчилль, – когда наши с вами силы были примерно равны. Теперь я не возражаю. Но не торопитесь. Сначала проведите разведку».

Утром 8 января Черчилль на президентском самолете улетел в Вашингтон и был гостем на званом ужине в британском посольстве. 9 января он отправился на Ямайку, где пробыл почти три недели. Там, помимо рисования и плавания, он продолжал работу над заключительным томом военных мемуаров и размышлял о своем американском визите. Однажды за ужином он назвал Эйзенхауэра «реальным человеком ограниченных достоинств».

Пока Черчилль пребывал на Ямайке, Иден признался

Шакбургу, что «не думает, что старик когда-нибудь уйдет». 29 января, проигнорировав советы своих врачей, Черчилль самолетом вернулся в Англию. Одним из первых вмешательств его в деятельность кабинета министров после возвращения стало выступление за отмену нормирования продажи шоколада и сладостей. Министр, отвечающий за это, сказал, что тогда запасы сахара быстро иссякнут, но Черчилль не уступил, и нормирование было отменено. Через шесть месяцев сахара стало в избытке.

5 марта московское радио сообщило о смерти Сталина. Черчилль немедленно увидел возможность начать нечто вроде диалога с преемниками Сталина, которым он направил телеграмму соболезнования в связи с кончиной их лидера. «У меня есть ощущение, – телеграфировал он Эйзенхауэру 11 марта, – что нас обоих, вместе или по отдельности, могут призвать к ответу, если не будет сделана попытка перевернуть страницу, чтобы начать с чего-нибудь более разумного, чем серия случайных и опасных инцидентов в различных точках соприкосновения двух миров». Но телеграмма Черчилля пересеклась с письмом Эйзенхауэра: президент отвергал любую встречу на высшем уровне из опасения, что это «прольет воду на очередную пропагандистскую мельницу» нового советского правительства.

Подобное отношение Эйзенхауэра не помешало Черчиллю. 28 марта он показал Идену черновик письма, которое хотел отправить в Москву Молотову, чтобы договориться о встрече хотя бы на уровне министров иностранных дел. В черновике Черчилль местом встречи предложил Вену. Он сообщил об этом Эйзенхауэру, но тот отнесся скептически даже к такой ограниченной инициативе. 11 апреля Черчилль отправил третью телеграмму Эйзенхауэру, стремясь убедить его в необходимости встречи в верхах. «В мире зарождается большая надежда, – написал он, – что в душах российского населения происходят перемены, которые могут унести их далеко, вплоть до революции». Через день Черчилль телеграфировал снова: «Чувствую, новая надежда зародилась в нашем несчастном, запутавшемся мире. Есть возможность заявить о нашей непреклонной решимости противостоять коммунистической тирании и агрессии и в то же время заявить, что мы будем рады увидеть реальные изменения».

17 апреля на конференции шотландских консерваторов в Глазго Черчилль озвучил свои надежды: «Не чувствуется ли ветер перемен в измученном мире?» – спросил он. Через три дня

его ободрило заявление Вашингтона, что Эйзенхауэр готов рассмотреть возможность переговоров с русскими на реальной основе. «Это смелая и вдохновляющая инициатива», – сказал он в палате общин. Однако в тот самый момент, когда показалось, что в международных делах открываются новые перспективы, Иден тяжело заболел в результате неправильно сделанной операции. После второй операции, проведенной 29 апреля, он чуть не умер, и в отчаянии улетел в Бостон, чтобы сделать третью операцию. Черчилль решил взять на себя обязанности министра иностранных дел, как это уже делал во время предыдущей болезни Идена.

Весной Черчилль принял предложение королевы стать кавалером ордена Подвязки. Отныне он стал «сэром» Уинстоном. В ответ на письмо Памелы Литтон с поздравлениями он написал: «Я принял его, поскольку это было желание королевы. Считаю ее великолепной».

5 мая Черчилль проинформировал Эйзенхауэра, что если тот не собирается в Москву, то он, Черчилль, готов поехать один. «Меня не пугает «одиночное паломничество», если я чувствую в душе, что это способно помочь делу мира, – написал он. – Самое худшее, что может произойти, – это что я нанесу вред своей репутации. Но у меня сильное убеждение, что русские будут руководствоваться собственной выгодой. Полагаю, в их собственных интересах упростить состояние наших взаимоотношений. Мне очень хочется познакомиться с этими людьми, поговорить с ними по-дружески и на равных. Я это умею. Только приехав в Москву, я смогу всех их увидеть».

11 мая Черчилль изложил в палате общин причину своего желания попытаться начать переговоры с преемниками Сталина, и сделать это «не откладывая надолго». «Вполне возможно, – сказал он, – что никаких прочных и быстрых соглашений достичь не удастся, но, полагаю, у них может возникнуть общее ощущение, что они способны сделать нечто лучшее, чем разорвать в клочья все человечество, в том числе и себя».

Заявление Черчилля вызвало негодование в Министерстве иностранных дел, «поскольку там показалось», как впоследствии вспоминал Колвилл, «что дружелюбный подход к России может обескуражить европейские державы, работающие над вопросом объединения Запада». Через полтора года Иден вспоминал, как был разозлен, читая об этом на больничной койке. Но заместитель министра иностранных дел Селвин Ллойд, напротив, отнесся к этому с энтузиазмом. Премьер-министр Франции Рене Мейер, заботясь о том, чтобы не быть

выключенным из встреч на высшем уровне, попросил Эйзенхауэра о встрече перед саммитом лидеров Западной Европы. 20 мая Эйзенхауэр позвонил Черчиллю и спросил, не возражает ли он против присутствия Франции на встрече лидеров Запада. Черчилль без колебаний согласился и предложил в качестве места встречи Бермуды. Но политический кризис во Франции не позволил Парижу принять решение раньше чем через три недели.

В последнюю неделю мая внутриполитические и международные дела были отложены: Британия готовилась праздновать коронацию Елизаветы II. 27 мая Черчилль, великолепный в мантии кавалера ордена Подвязки, устроил по этому поводу ужин на Даунинг-стрит. Коронация состоялась 2 июня. «Он чувствовал себя очень уставшим в этот день и почти не хотел ехать», – позже вспоминала Джейн Портал. Но Черчилль все-таки нашел в себе силы и в закрытой карете отправился с Клементиной в Вестминстерское аббатство. Когда церемония завершилась, он, утомленный, оставил процессию, направлявшуюся во дворец, и развернул карету на Даунинг-стрит.

Но работа не давала передышки. Днем 3 июня Черчилль председательствовал на открытии совещания премьер-министров Содружества. Он приветствовал их в Лондоне и сделал обзор ситуации в мире. Он сказал, что советские лидеры сильно обеспокоены угрозой ядерной войны, поскольку, если она будет развязана, «гигантский сухопутный океан России и Сибири станет неуправляемым. А как только люди осознают, что свободны, они могут предпочесть жить сами по себе, не демонстрируя верность Советскому государству. Самое главное, – сказал Черчилль, – выяснить намерения советских политиков. Для этого и необходимо как можно скорее провести с ними неформальные переговоры».

5 июня в отсутствие Идена Черчилль выступил хозяином на банкете, который устроило Министерство иностранных дел в честь королевы. 8 и 9 июня он вновь председательствовал на совещании премьер-министров Содружества, и только 12 июня смог выбраться в Чартвелл. Предстояло еще доработать план саммита на Бермудах, где он надеялся убедить американцев и французов поддержать его желание переговорить с новыми советскими лидерами. 20 июня на Даунинг-стрит он обсуждал эти планы с Селвином Ллойдом и Пирсоном Диксоном. «Психологически он даже более бодр, чем перед окончанием войны, – записал Диксон в дневнике. – Как всегда, всю работу делает сам. Принимает решения, после чего диктует телеграммы».

Через три дня Черчилль присутствовал на ужине в честь премьер-министра Италии Альчиде Де Гаспери. Это должно было стать его последним официальным мероприятием перед отъездом на Багамы. В конце ужина он произнес небольшую речь, в основном про Юлия Цезаря и завоевание римлянами Британии. Затем, когда гостям пришло время покинуть обеденный зал, он встал, чтобы проводить их в гостиную, но, сделав несколько шагов, рухнул в ближайшее кресло.

С Черчиллем случился удар. Один из гостей, встревоженный его бледностью, привел Мэри. Позже она вспоминала: «Отец выглядел несчастным, неуверенным и говорил бессвязно». Но на следующее утро, к полному изумлению своего окружения, он настоял на проведении заседания кабинета – «даже при том, – вспоминал Колвилл, – что губы заметно опустились, и он с трудом мог пользоваться левой рукой». Заседание началось в полдень. Никто из министров ничего особенного не заподозрил. Только Батлер позже написал, что Черчилль был «странно и неожиданно молчалив». Макмиллан отметил, что он был «бледен и говорил очень мало».

После заседания Черчилль пообедал с Клементиной, Мэри и Кристофером Соумсом. «Отец был крайне уставшим, – вспоминала Мэри, – и с трудом встал с кресла». На следующее утро состояние ухудшилось. До последнего момента он рассчитывал пойти на утреннее заседание кабинета, но к полудню осталось одно желание – добраться до Чартвелла. Там к вечеру, как записал Колвилл, «его физическое состояние значительно ухудшилось».

На следующий день, 26 июня, у Черчилля оказалась частично парализована вся левая сторона. Левой рукой он совсем не мог двигать. Лорд Моран, который видел пациента днем, сомневался, что он переживет уик-энд. Но к вечеру тот настолько оправился, что смог продиктовать телеграмму Эйзенхауэру, в которой откладывал встречу на Бермудах. Вечером лорд Моран и сэр Рассел Брейн сделали заявление для прессы, объявив, что Черчилль нуждается в «полном отдыхе». Причина не объяснялась.

Процесс восстановления должен был стать трудным и долгим. Но он начался почти сразу, опровергнув опасения Морана. К воскресенью Черчилль чувствовал себя уже настолько хорошо, что за обедом сидел во главе стола. Главным гостем был лорд Бивербрук. Обсуждая проблемы коммерческого телевидения, Черчилль сказал, что для этого следует провести свободное голосование в палате общин. «Сегодня он бодрее, – записала в дневнике Мэри. – Заметное улучшение». Разговаривая

на следующий день с Колвиллом, Черчилль сказал, что «вероятно, случившееся должно было бы означать отставку, но он чувствует улучшение, и если восстановится достаточно, чтобы выступить на съезде партии тори в октябре, то продолжит работу».

Черчилль поставил себе задачу оправиться за четыре месяца. 30 июня, через неделю после удара, он пригласил в Чартвелл секретаря кабинета министров сэра Нормана Брука. «Он был в кресле-каталке, – вспоминал позже Брук. – После ужина, перебравшись в гостиную, сказал, что хочет встать на ноги. Мы с Колвиллом просили его этого не делать, но он настаивал, и тогда мы решили стоять с двух сторон, чтобы поддержать его, если он начнет падать. Но он замахнулся на нас тростью и сказал, чтобы мы отошли. Затем опустил ноги на пол, крепко ухватился за подлокотники кресла и неимоверным усилием – все лицо покрылось потом – вытолкнул себя из кресла и встал прямо. Продемонстрировав, на что способен, он сел обратно в кресло и закурил сигару. Брук отметил: «Он твердо решил восстановиться».

Глава 39
Восстановление, последние планы, отставка

Восстанавливаясь после инсульта, Черчилль все чаще стал приглашать друзей и коллег в Чартвелл. Гарольд Макмиллан, обедавший у него 2 июля 1953 г., позже вспоминал свое удивление: «Как человек, переживший такую болезнь, может оставаться настолько веселым и мужественным. Атмосфера за ужином была почти оживленной».

4 июля Черчилль уже мог самостоятельно пройти небольшое расстояние. Через два дня он даже был в состоянии принять гостя из Министерства иностранных дел сэра Уильяма Стрэнга, с которым обсудил желание французов организовать трехстороннюю встречу министров иностранных дел, чтобы заручиться поддержкой военных действий Франции в Индокитае. «Сегодня, – сказал он Стрэнгу, – мы должны были быть на Бермудах». По-прежнему держа в голове перспективу встречи с русскими, 17 июля Черчилль направил телеграмму Эйзенхауэру, объясняя, почему он предпочитает проведение четырехсторонних переговоров на уровне министров иностранных дел перед встречей глав государств и премьер-министров. «Прежде всего, – написал он, – полагаю, что мы с вами должны сформировать свое мнение о Маленкове, который никогда не встречался с людьми не из России. Только после этого можно будет дать поручение государственным секретарям разработать обнадеживающую линию поведения».

Эйзенхауэр все еще не желал думать о встрече в верхах; Черчилль в равной степени не хотел отказываться от этой идеи. Колвилл, обедая с ним вдвоем 24 июля, записал в дневнике: «По-прежнему очень увлечен мыслью добиться каких-нибудь успехов с русскими и идеей встречи с Маленковым с глазу на глаз. Очень разочарован Эйзенхауэром, которого считает слабым и глупым». Днем Черчилль почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы отправиться в трехчасовую поездку из Чартвелла в Чекерс.

27 июля в Чекерс к Черчиллю приехал еще очень слабый Иден, только что вернувшийся из Бостона после третьей операции. В этот день подписанием соглашения о перемирии закончилась корейская война. Надежды на саммит возросли. Через три дня Элизабет Джилльет сказала лорду Морану, что его пациент «требует работы». В августовский День отдыха Иден

снова приехал в Чекерс. Колвилл записал в дневнике: «Уинстон твердо надеется на переговоры, которые могут привести к снятию напряженности холодной войны и к передышке, во время которой наука сможет сотворить чудеса в улучшении судьбы человека, и, как он выразился, «неработающие классы его юности смогут уступить дорогу неработающим массам завтрашнего дня». Иден же настаивает на поддержании мощи западного альянса, благодаря чему Россия уже существенно ослабела. Уинстон был расстроен позицией Идена, отражающей отношение МИДа, потому что, по его мнению, это обрекает нас на годы ненависти и вражды». Еще больше огорчило Черчилля сообщение лорда Солсбери, недавно вернувшегося из Вашингтона: он нашел в Эйзенхауэре «яростного русофоба, гораздо более жесткого, чем Даллес, и считал президента лично ответственным за проведение бесполезной политики мелких уколов и тактики раздражения, которую проводят США против России в Европе и на Дальнем Востоке».

8 августа Черчилль почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы председательствовать на совещании министров в Чекерсе при обсуждении ответа СССР на приглашение трех держав принять участие в конференции министров иностранных дел. «Помимо нетвердой походки, – записал в дневнике Колвилл, – все внешние последствия инсульта исчезли, хотя все еще быстро устает».

Через четыре дня русские заявили о создании атомной бомбы. «ПМ по-прежнему склонен думать, что мы должны сделать еще одну попытку в поисках взаимопонимания», – записал Колвилл. Черчилль сказал ему: «Мы не должны идти дальше по тропе войны, пока не убедимся, что нет другого пути к миру».

После инсульта прошло восемь недель. «Невозможно передать радость от этого чудесного выздоровления», – написал Брекен Бивербруку 14 августа. Через четыре дня Черчилль на машине поехал в Лондон, где провел совещание кабинета министров. Последний раз он это делал утром 24 июня, после первого приступа. На другой день он встречался с британским послом в Москве. В этот же день заложил основу очередного литературного труда – переписывание «Истории англоязычных народов», которая была подготовлена к печати накануне войны, но не была опубликована. Его главным помощником стал Алан Ходж, редактор ежемесячного журнала History Today. «Я жил Второй мировой войной, – сказал Черчилль лорду Морану в этот день. – Теперь буду жить этой историей. Буду откладывать по яйцу в год – один том за двенадцать месяцев не предполагает большого труда».

По возвращении в Чартвелл Черчилль продолжил работу над завершением последних глав шестого тома военных мемуаров. Помогать ему приехали коммодор Аллен и Дэнис Келли. Уолтер Гребнер из Time-Life, посетивший Черчилля в тот день, когда он работал над описанием сражения в заливе Лейте на Тихом океане, позже вспоминал: «Работа началась за обеденным столом после того, как была осушена вторая бутылка шампанского и раскурены сигары. «Теперь приступим», – сказал Черчилль. Мы просидели почти до пяти, Черчилль внимательно просматривал рукопись, проверяя, правильно ли он понял историю сражения, ясно ли и самыми ли точными словами изложил ее. За все годы моего знакомства с ним его мозг никогда не был столь ясен, как в тот серый августовский день 1953 г.».

Черчилль уже достаточно окреп, чтобы при необходимости ездить в Лондон. 25 августа он был на дневном заседании кабинета министров, после чего до ужина читал верстку шестого тома мемуаров. На следующий день он почти до двух часов ночи беседовал с Иденом и Макмилланом. Впрочем, не все было совсем благополучно. Клементина написала Мэри 5 сентября: «Папа меня расстраивает. Несмотря на весь бравый вид, который он на себя напускает, очень быстро устает, после чего впадает в депрессию. Он действительно слишком много работает и так и не научился когда надо останавливаться. Прогресс есть, но незначительный. Если не будет осложнений, для полного выздоровления может понадобиться до двух лет. Надеюсь, ты из газет знаешь о потрясающем va-et-vient[60] министров. Папу это очень развлекает. Между прочим, они устают гораздо больше, чем он, сидя за ужином далеко за полночь!»

8 сентября Черчилль вернулся в Лондон. Кабинет собрался обсуждать возможные силовые действия Египта против британских войск в зоне Суэцкого канала. Была мысль о военном противодействии, но Черчилль призывал к осторожности. «Не следует забывать, – сказал он, – о возможности применения экономических и финансовых санкций, которые могут быть наложены, не прибегая к вмешательству британских вооруженных сил». Он указал, что у Британии всегда есть возможность заморозить египетские счета, чтобы контролировать поток нефти в Каир.

11 сентября, вопреки совету Клементины, Черчилль уехал на скачки в Донкастер, а оттуда на королевском поезде перебрался в Балморал. В воскресенье он сопровождал королеву в церковь Крати-Кирк, которую в последний раз посещал с королем Эдуардом VII сорок пять лет назад, когда еще был министром торговли. «Сколько времени прошло!» –

прокомментировал лорд Моран. Вернувшись в Лондон и проведя еще одно заседание кабинета министров, Черчилль 17 сентября отправился в двухнедельный отпуск на юг Франции, где опять остановился на вилле Бивербрука. Сначала все складывалось неудачно. «ПМ пребывал в глубокой депрессии, – написала Джейн Портал Батлеру, своему дядюшке, и объяснила причину: – Непрестанно размышляет, уходить ему в отставку или нет. Он утомился после Балморала, заседаний кабинета и путешествия. Порой появляется мысль, что ему было бы лучше заняться своей историей англоязычных народов, которая так замечательна. Ему очень нравятся твои послания, передающие все новости. Он очень хорошо к тебе относится. Готовит речь для конференции на Маргите (остров на Дунае между двумя частями Будапешта – Будой и Пештом), но сомневается, сможет ли простоять на ногах все выступление. Нарисовал одну картину темперой – вид из окна спальни».

Мало-помалу настроение Черчилля улучшалось. «Котята очень добры ко мне, – написал он Клементине 21 сентября, – но, очевидно, они не видят для меня особой перспективы. Я выполняю ежедневную работу, изучаю клубок мрачных мировых противоречий, надиктовал около 2000 слов предполагаемой речи для Маргита, чтобы понять, как она в законченном виде подействует на аудиторию. Все еще размышляю о будущем и не хочу ничего решать, пока не приду к окончательному убеждению. Сегодня был в Монте-Карло и купил мрачную книгу автора «На Западном фронте без перемен». Она о концентрационных лагерях, но шрифт хорошо читается, что для меня важно. Это все равно что найти спасение от меланхолии в кошмаре. Она дает общий фон. Прочитал почти три четверти «Конингсби», но шрифт бледный и мелкий. Хорошо, что не пришлось жить в этом искусственном мире герцогов и будущих герцогинь с их Тэдпоулами и Тейперами». Мрачная книга – роман Ремарка «Искра жизни», а «Конингсби» – один из романов предшественника Черчилля на посту премьер-министра консерватора Дизраэли.

Колвилл, прилетевший к Черчиллю 23 сентября, позже вспоминал, что премьер-министр «часами рисовал скалы и сосны». «Живопись, – написал Черчилль Клементине 25 сентября, – прекрасное отвлечение и небольшой насест для усталой птички». На следующий день, перечитав часть еще довоенной верстки «Истории англоязычных народов», он написал Бивербруку: «В целом я, пожалуй, охотнее пережил бы трудности нашей судьбы, чем чьей-то иной, хотя должен констатировать мое сожаление, что человеческая раса научилась летать».

Черчилль посоветовал Бивербруку быть «осторожнее» в своем негативном отношении к немецкой армии. «Хотя армии больше не являются инструментом, с помощью которого решается судьба наций, – написал он, – германская армия должна существовать непременно, и, я надеюсь, на нашей стороне, а не на противоположной. Это необходимо не для противодействия, а, напротив, в качестве помощи в установлении дружеских отношений с медведем».

30 сентября Черчилль улетел в Англию. Через девять дней он отправился на Маргит для выступления, реакция на которое могла решить его политическую судьбу. Он говорил пятьдесят минут стоя, ни на мгновение не потеряв концентрации. Во время выступления повторил, что надеется на встречу в верхах с русскими. Он также сказал собравшимся консерваторам, что организация НАТО существует «не для настраивания России против Германии или Германии против России, а для того, чтобы обе страны чувствовали, что могут существовать, не опасаясь друг друга, несмотря на серьезные проблемы и различия. Роль же Британии – использовать свое растущее влияние для того, чтобы избавить их от этих опасений». Он лично «приветствует возвращение Германии в ряды ведущих мировых держав». Речь имела успех, но стала, по воспоминаниям Джейн Портал, «тяжелейшим испытанием». Хотя перенесенный инсульт держался в тайне, ходили разные слухи о его плохом самочувствии. «Каждый, – добавила мисс Портал, – искал в нем признаки слабости. Пройти через это стало триумфальным достижением».

16 октября Черчилль узнал, что ему присуждена Нобелевская премия по литературе. Это стало достойной наградой тому, чья первая книга была опубликована более пятидесяти лет назад, чья пятитомная история Первой мировой войны стала классикой и чья шеститомная история Второй мировой войны уже была почти завершена. Через четыре дня он вернулся в палату общин впервые после перенесенного инсульта, чтобы принять участие в традиционном часе вопросов премьер-министру. «Он выглядит очень уверенным в себе, – записал Ченнон, – хотя слегка глуховат, несмотря на слуховой аппарат, но явно гораздо энергичнее, чем раньше». Впрочем, Ченнон сомневался, «долго ли он продержится».

Давление на Черчилля по поводу отставки возобновилось. Клементина хотела, чтобы он передал пост Идену, который очень хотел быть назначенным на его место. Но 3 ноября, выступив с первой после инсульта речью в парламенте, Черчилль ощутил такой прилив сил, что это укрепило его уверенность не уступать.

По поводу этого выступления в парламенте Ченнон записал в дневнике: «Блестящий, полный лукавства и обаяния, мудрости и энергии, он изливал свои фразы в стиле Маколея на затаившую дыхание и изумленную аудиторию. Это был олимпийский спектакль. Исполнение высочайшего класса, которого мы больше никогда не увидим ни от него, ни от кого-то другого. За восемнадцать лет в этом благородном собрании я никогда не слышал ничего подобного».

Черчилль покинул палату и самостоятельно перешел в курительную комнату, где, как отметил Ченнон, «переполненный гордостью, довольством и чувством победы, просидел два часа, прихлебывая бренди и принимая комплименты. Он сиял, как школьник». Ни Ченнон, ни все остальные, окружившие оратора-триумфатора, не подозревали, что он все еще восстанавливается после инсульта – такого серьезного, что все, в том числе лечащие врачи, должны были прийти к заключению, что ему уже никогда не выступить в палате общин. «Это последний чертов барьер, – сказал он лорду Морану, вернувшись из палаты. – Теперь, Чарльз, можно думать и о Москве».

Первым этапом вояжа в Москву должна была стать предварительная встреча с американцами и французами. Через сорок восемь часов после триумфального выступления в парламенте Черчилль снова пригласил Эйзенхауэра на Бермуды. Было решено, что они проведут там четыре дня начиная с 4 декабря вместе с новым премьер-министром Франции Жозефом Ланьелем. Черчилль был решительно настроен найти пути восстановления отношений с Россией. По его предложению Колвилл и Соумс отправились в советское посольство на приватные переговоры о возможности détente[61]. Но телеграмма нового британского посла в Москве Уильяма Хейтера не сулила ничего хорошего: «Советы рассматривают сосуществование, – написал Хейтер 24 ноября, – как отношения удава и кролика. Новый советский лидер Маленков, похоже, решил, что сталинские методы слишком грубы. Соответственно, следует использовать более тонкие методы ослабления Запада».

Столь откровенная оценка не смутила Черчилля. 1 декабря, на следующий день после своего семьдесят девятого дня рождения, он улетел на Бермуды. Это был долгий и тяжелый перелет продолжительностью семнадцать часов. Его сопровождал лорд Черуэлл. Черчилль на протяжении более десяти лет с начала войны чувствовал особую ответственность за применение атомной бомбы. «Я хочу обсудить с вами наш «сговор» по поводу атома и пр., – написал он Эйзенхауэру. – Это может усилить

впечатление, что наша встреча не просто реакция на переписку с Советами. Полагаю, вас это должно устроить».

На следующий день после прибытия на Бермуды Черчилль отправился в аэропорт встречать премьер-министра Франции Ланьеля и его министра иностранных дел Жоржа Бидо. На другой день он встречал в аэропорту Эйзенхауэра и Даллеса. В частной беседе Эйзенхауэр сказал Черчиллю, что, если коммунисты сознательно нарушат перемирие в Корее, от Соединенных Штатов «можно ждать применения атомного оружия против военных объектов». Черчилль не возражал. Как зафиксировано в стенограмме, он сказал Эйзенхауэру, что «вполне это приемлет». «Затем, – позже вспоминал Колвилл, – он вышел на пляж, где уселся как король Кнуд Великий, собравшийся остановить прилив (и в результате промочил ноги)».

В этот же день состоялось первое пленарное заседание конференции. Говоря о Советском Союзе, Бидо выразил сомнение, что там появился «новый взгляд». Черчилль возразил: «Давайте не будем с легкостью отметать такую возможность. Я бы не спешил поверить, что от такой могучей ветви человеческого рода не произрастает ничего, кроме зла, и что из огромного сухопутного океана, которым управляет такой малоизвестный и малопонятный круг лиц, не может выйти ничего, кроме опасности и угрозы». К изумлению Черчилля, Эйзенхауэр предпочел охарактеризовать новую Россию как шлюху: «Несмотря на ванну, парфюм или кружева, она по-прежнему та же старуха. Но, возможно, нам удастся прогнать ее с главной улицы и запрятать на задворки». Эйзенхауэр сказал, что не хочет «подходить к этой проблеме с позиции того, что в советской политике, направленной на уничтожение свободного капиталистического мира любыми средствами – силой, хитростью или ложью, – произошли какое-то изменения. Это их долгосрочная цель. Судя по тому, что там пишут, со времен Ленина никаких изменений не произошло».

Эйзенхауэр попросил Черчилля «поправить его», если он ошибается, а затем закрыл заседание. Вечером, в разговоре с Черчиллем и Иденом, он вновь поднял вопрос о дальнейших американских действиях в Корее в случае нарушения договора. Черчилль, активно поддержанный Иденом, выступил резко против предложения Эйзенхауэра, что в случае нового проявления враждебности Америке следует использовать атомную бомбу.

На следующее утро, снова встретившись с Черчиллем, Эйзенхауэр сказал, что в будущем выступлении в ООН намерен поднять вопрос об «устаревших колониальных шаблонах»,

которые уже разрушаются. Во второй половине дня Черчилль убедил его выбросить эту фразу, которую Иден назвал «оскорбительной». Более того, ему удалось уговорить Эйзенхауэра заменить слова, что Соединенные Штаты «свободны использовать атомную бомбу», на более мягкие: «оставляют за собой право использовать атомную бомбу». Но главная идея Эйзенхауэра – контроль международного сообщества над атомной энергией – была горячо поддержана Черчиллем. Это выглядело шагом назад от края пропасти.

Остальная часть конференции была во многом посвящена вопросам коллективной европейской безопасности. Черчилль неоднократно обращался к французам с призывом признать немецкий военный контингент неотъемлемым компонентом обороны Западной Европы. Когда Бидо со страстью начал говорить о нынешних франко-германских территориальных противоречиях по вопросу Саарской области, Черчилль, как зафиксировано в стенограмме, «упрашивал и заклинал французских друзей не допустить, чтобы несколько полей в Саарской долине стали вопросом жизни и смерти и расколом великой конструкции, на которой основано так много надежд. Если Германия останется полностью безоружной, она в любой момент может оказаться во власти России».

Французов это не убедило. Американцы, в свою очередь, не согласились с предложением Черчилля совместно патрулировать зону Суэцкого канала и к перспективе встречи в верхах тоже остались непреклонны: из этого ничего не выйдет, кроме пропагандистской победы Советов. Черчилль был очень разочарован. Он совершил длительное путешествие, преодолел болезнь, но поддержки не получил.

Вечером 10 декабря Черчилль самолетом покинул Бермуды. Через одиннадцать дней он объяснял бывшему министру труда лейбористу Ричарду Стоксу: «Приходится учитывать обеспокоенность американцев перевооружением русских, поскольку без них нам никуда». В начале нового года его расстроило известие, что американцы намерены оказать военную помощь Пакистану и инициировать военное сотрудничество между Пакистаном и Турцией. 7 января в кабинете министров он сказал, что это «в данный момент никак не способствует повышению военной мощи Запада и будет неизбежно расценено советским правительством как провокация».

21 января Черчилль из газет узнал о смерти своего сослуживца по Южной Африке Ричарда Молинье. Именно ему, получившему ранение в бою, Черчилль отдал для пересадки кусок своей кожи. «Он унес с собой в мир иной кусок моей кожи,

как авангард», – прокомментировал Черчилль смерть друга. Собственный переход Черчилля в мир иной теперь казался не столь близким, как многие опасались. Арчибальд Синклер, встретившись с ним 28 января в Другом клубе, написал Бивербруку: «Ни вечером, ни в разгар своей утренней работы я не заметил и следа усталости, не говоря уж о слабости или апатии. Он по-прежнему излучает веселость и энергию, и авторитет его неколебим».

3 февраля на заседании кабинета министров Черчилль впервые заговорил о проблеме, которая уже грозно вставала на политическом горизонте – о возможности юридического ограничения иммиграции из стран Содружества. «Быстрое совершенствование средств сообщения и связи, – сказал он, – с большой вероятностью приведет к постоянному увеличению количества цветных, приезжающих в нашу страну. А это рано или поздно начнет вызывать протест в широких слоях британского населения. Впрочем, – оговорился он, – вполне вероятно, что эта проблема еще не достигла такого накала, чтобы правительству требовалось принимать контрмеры».

В феврале появилось два сообщения об отставке Черчилля: одно в Daily Mirror, другое в Punch. В этом же месяце разочарованием для него стало известие, что на долгожданной четырехсторонней встрече министров иностранных дел, состоявшейся в Берлине, русские проявили упрямство и непреклонность. Но 25 февраля, выступая в палате общин, он дал понять, что все еще надеется на разрядку. «Терпение и настойчивость, – сказал он, – никогда не бывают лишними, если речь идет о мире во всем мире. Даже если нам придется пройти через десятилетия холодной войны, это предпочтительнее невообразимых кошмаров, которые могли стать альтернативой. Мы не должны отказываться от использования любых средств. Более того, мы должны смягчить оборонительные меры, хотя и жизненно необходимые для нашей безопасности».

«Нет никакого противоречия, – сказал Черчилль, – между политикой наращивания средств обороны Западного мира против потенциальной вооруженной советской агрессии и попыткой в то же время создать условия, при которых Россия может существовать легко и свободно бок о бок с нами. Мир – наша цель, а сила – единственный способ достичь его. Нас не должны сдерживать насмешки по поводу того, что мы стремимся к тому и другому одновременно. На самом деле, именно идя двумя путями сразу, у нас появится шанс достичь хоть чего-нибудь».

Жизненная энергия Черчилль не переставала изумлять тех, кто знал о его инсульте. 4 марта, после четырехчасового

заседания кабинета министров, лорд Моран спросил, не устал ли он. «Совсем нет, – ответил Черчилль. – Я собираюсь еще поужинать с американским послом». Моран отметил: «Это поразительное создание не подчиняется никаким законам и не признает никаких правил». Впрочем, через неделю, ужиная с Батлером, Черчилль сказал своему министру финансов: «Чувствую себя как аэроплан в конце полета, в сумерках, на остатках горючего подыскивающий, куда бы благополучно приземлиться». Черчилль признавался, что у него остался один интерес в политике: переговоры на высшем уровне с русскими.

Между тем голоса тех, кто желал его отставки, звучали все громче и агрессивнее. Гарри Крукшенк 22 марта в дневнике назвал его «старым маразматиком». Но через несколько дней Джейн Портал сказала лорду Морану, что он «вполне бойкий».

Черчилль продолжал активно убеждать Эйзенхауэра попробовать организовать еще одну конференцию на высшем уровне с русскими и расширить торговые отношения между Западом и Востоком. Но в ответ на предложение о расширении торговли с Россией Эйзенхауэр заявил, что не желает, чтобы русские извлекали выгоду из западных производственных возможностей.

Взорванная в этом месяце американцами водородная бомба у многих вызвала чувство паники. Однако Черчилль сказал Эйзенхауэру 27 марта, что не оставил надежды на улучшение отношений с Советским Союзом. В числе средств он видел помощь в повышении качества жизни русского населения путем более широких поставок потребительских товаров. В условиях холодной войны такие мысли были весьма дальновидными. Но с каждой телеграммой, отправленной Черчиллем Эйзенхауэру, Энтони Иден все сильнее ощущал, что его роль министра иностранных дел недооценивается. Напряженность между ними почти достигла разрыва. 31 марта Иден в отчаянии сказал одному из своих советников: «Так дальше продолжаться просто не может. Он в маразме. Он не в состоянии закончить фразы».

В этот день New York Times, как показалось, подкрепила мнение Идена. «Впервые после начала осенней сессии парламента, – говорилось в статье, – сэр Уинстон показался неуверенным в себе и усталым. Это не тот Черчилль, который был два года назад, а лишь слабая тень той великой фигуры, которую он представлял в 1940 г.». Daily Mirror с удовольствием перепечатала этот текст, сопроводив его подписью: «Что Америка сейчас говорит о Черчилле».

Возможно, по сравнению с 1940 г. он и стал «тенью», однако New York Times была не в курсе, насколько бдительно он

продолжает следить за международной ситуацией. Накануне он написал своему другу лорду Бивербруку, владельцу Daily Express: «Считаю, «Экспресс» занимает очень разумную позицию, не пытаясь выступить против экспериментов с водородной бомбой. Разрыв с Соединенными Штатами может оказаться фатальным для судеб всего мира и для нашего выживания. Они способны действовать в одиночку, а наше географическое положение гораздо уязвимее. Сожалею, – добавил Черчилль, – что вы так активно выступаете против перевооружения – разумеется, в известных пределах – Западной Германии. Это все равно произойдет, и будет гораздо лучше, если они окажутся с нами, а не против нас».

Несмотря на слабость, Черчилль готовил речь по поводу водородной бомбы, которую он произнес в палате общин 5 апреля. «Ничто не может быть более катастрофичным для Западной Европы и безопасности Британии, – предупреждал он, – чем серьезные разногласия между Британией и Соединенными Штатами». Он также повторил мысль, высказанную им почти год назад, о возможности встречи в верхах.

Черчилль сказал в палате: «Если Россия, Британское Содружество и Соединенные Штаты соберутся за круглым столом для обсуждения коммерческого использования атомной энергии, то не должно показаться странным, что вопрос о водородной бомбе, которая может превратить в пыль все наши прекрасные планы, выходит теперь на передний план. Я надеюсь, что переговоры на важнейшие темы между главами государств и правительств могут оказаться не столь невероятными, как раньше. Британская политика в данный момент преследует две цели, – сказал он. – Первая – не упустить возможность убедить советских лидеров и, если удастся, советский народ, что западные демократии не строят против них агрессивных планов. Вторая – чтобы до тех пор, пока не будет достигнута первая цель, у нас было достаточно сил, необходимых для сдерживания любой агрессии с их стороны и отражения ее, если это все же произойдет».

Пока Черчилль произносил эти слова, его речь перебивалась криками «Отставка!» со скамей лейбористской оппозиции. Крики были такими громкими, что порой перекрывали голос Черчилля. Впрочем, основные комментарии вызвали не эти выкрики, а реакция на них Черчилля. «Злобность нападок не стимулировала его, как раньше, дать отпор, – написал парламентский корреспондент Times. – Похоже, они лишили его сил возражать и заставили лишь упорно стараться завершить

речь».

Выступление Черчилля 5 апреля стало поворотным пунктом. «Впервые, – позже записал один из его личных секретарей Брауни, – я отчетливо осознал, насколько истощились его силы. В прежние времена он отложил бы в сторону бумаги и сокрушил оппозицию, потому что за ним была сила». «Возникло ошеломительное ощущение, – записал Ивлин Шакбург, – что ПМ совершил серьезный промах и продемонстрировал палате свою старческую слабость».

Несмотря на неудачу 5 апреля, Черчилль, опасаясь, что мир будет втянут в ядерный конфликт, выразил свою озабоченность на банкете Королевской академии 28 апреля, а двумя днями позже – в Альберт-холле. В Чекерсе 26 апреля он постарался внушить представителю Эйзенхауэра адмиралу Рэдфорду, который надеялся на готовность Британии принять участие в войне в Индокитае, насколько «опасна война на окраинах, где русские сильны и могут использовать энтузиазм националистически настроенных и угнетенных народов. Моя политика совершенно иная, – сказал он адмиралу. – Ее суть – переговоры в центре». Такие переговоры не должны быть умиротворением или ультиматумом. Они должны довести до сознания русских полное представление о силе Запада и убедить их в безрассудности войны».

В тот день, когда адмирал Рэдфорд был в Чекерсе, в Лондоне вышел из печати шестой том военных мемуаров Черчилля. Поздравляя его, Брендан Брекен написал: «Никогда еще не было такого животного, как УСЧ». Но Черчилль уже называл июль как возможную дату своей отставки. «Он проходит, так сказать, через Долину Определения даты, когда он должен уступить власть, – написала Вайолет Картер подруге после визита к Черчиллю в Чартвелл, – и я чувствую, что это доставляет ему огромные душевные страдания. Я призывала его – правильно или нет – остаться. А он мне сказал: «Вы и Бивербрук – единственные, кто искренне хочет, чтобы я остался». Брекен тоже склонялся к тому, чтобы Черчилль не оставлял свой пост. В этом месяце он написал Бивербруку: «Черчилль единственный, кто имеет возможность удержать за фалды легковозбудимого Дядю Сэма».

27 мая Черчилль выступал на съезде женщин-консерваторов в Альберт-холле. «Не буду скрывать от тебя, что сочинение речи теперь гораздо более тяжелый труд, чем раньше, – написал он Клементине двумя днями ранее, – хотя я и по-прежнему не люблю, когда кто-то пишет за меня». Черчилль работал более двух дней, а выступал более сорока минут. Он говорил, что верит

в то, что «мы – или, по крайней мере, вы доживете до тех дней, когда наука, вызнавшая у природы ее ужасные тайны, начнет служить человечеству, а не губить его, и положит конец войнам».

Черчилль запланировал полет в Вашингтон, чтобы обсудить с Эйзенхауэром англо-американский обмен информацией в области мирного использования атомной энергии. Для этого он снова решил взять с собой лорда Черуэлла. Узнав о планах Черчилля, Иден воспользовался возможностью и в письме от 7 июня предложил ему оставить пост премьер-министра сразу же после возвращения из поездки. «Мой дорогой Энтони, – ответил Черчилль, – не могу обещать сделать то, что вы предлагаете». Он объяснил свою позицию: «Я глубоко обеспокоен напряженностью международных отношений. И я бы предал свой долг, если бы не использовал все свое влияние для решения дела, которому мы с тобой оба преданы всей душой». Впрочем, он написал, что не собирается «продолжать позже осени».

После письма Идена Черчилль обсудил вопрос о своей отставке с Макмилланом, которому сказал, что хочет уйти осенью. Через несколько дней он получил от Макмиллана ответ, в котором говорилось, что лучше, если бы новая администрация была сформирована в текущем году, «чтобы министры заняли свои новые должности до, а не после летних отпусков». Черчилль был недоволен. «Мой дорогой Гарольд, – ответил он 20 июня, – вчера утром получил ваше письмо. Вашу позицию понял. Искренне ваш, Уинстон С. Черчилль».

Черчилль был уверен, что все еще может склонить американцев к политике разрядки в отношении России на основе создания «мирового фронта против коммунистической агрессии», о чем и написал Эйзенхауэру 21 июня. По мнению Черчилля, этот фронт могли бы составить Греция, Турция, Ирак, Пакистан и Югославия (в 1948 г. Тито порвал с Москвой). «Как вам известно, – написал он, – я надеюсь убедить Россию, что для нее есть гораздо более легкий путь, на котором ее энергичный народ может зажить более полноценной и счастливой жизнью».

Вечером 24 июня Черчилль, Иден и Черуэлл вылетели из Лондона в Вашингтон. После инсульта прошел год. «Главной целью визита, – записал Колвилл во время полета, – было убедить президента, что мы должны более плодотворно сотрудничать в атомной и водородной сферах. Что мы, британцы и американцы, должны начать диалог с Россией, чтобы ослабить холодную войну, предотвратить войну горячую и обеспечить десятилетний период «спокойствия», за который мы сможем перенаправить наши материальные ресурсы и научные знания на нечто более плодотворное, чем производство катастрофических вооружений».

В Вашингтонском аэропорту Черчилля встречали Даллес и вице-президент Ричард Никсон. Оттуда они направились в Белый дом, который станет резиденцией Черчилля на время переговоров. К его удивлению, на первой же встрече Эйзенхауэр согласился с идеей встречи с русскими на высшем уровне. После этого Черчилль предложил провести «разведку боем» в Москве, возможно, им лично. Эйзенхауэр не возражал, чтобы Черчилль поехал в Москву один. Впрочем, он сам не поедет «никуда, где господствуют Советы». Черчилль предложил, что они с Маленковым и Эйзенхауэром могут встретиться либо в нейтральном Стокгольме, либо в Лондоне. Эйзенхауэр согласился. Что же касалось «разведки боем» в Москве, то Черчилль сказал Эйзенхауэру: «Клянусь, ни в чем вас не скомпрометирую».

Еще до отъезда Черчилля в Вашингтон комитет по оборонной политике кабинета министров, председателем которого он был, решил, что Британия должна вплотную заняться созданием собственной водородной бомбы. Решение осталось в тайне от остальных членов кабинета, однако Черчилль сообщил об этом Эйзенхауэру и сказал, что Британия будет производить ее на собственной территории. Они обсудили «опасности, которые теперь грозят миру в результате упрощения способов доставки бомб». Общий мораторий на испытания водородных бомб, впрочем, они сочли «неразумным» в свете трудности сокрытия любого взрыва.

На встрече с общественностью 26 июня Черчилль выступил перед ведущими сенаторами и конгрессменами. «Коммунисты – это тираны, – сказал он, но встречаться с ними, чтобы поболтать, лучше, чем воевать». Этот подход не казался убедительным Даллесу, который в неофициальной беседе с Черчиллем на следующее утро выразил свои сомнения по поводу любой предварительной встречи Черчилля с русскими. После разговора Даллес записал: «Я заметил, что, если мистер Черчилль хочет отправиться в разведывательную миссию один, в нашей стране это не встретит одобрения, и к тому же мы должны четко дать понять, что мистер Черчилль ни в коей мере не говорит или действует от имени Соединенных Штатов. Сэр Уинстон сказал, что прекрасно это понимает. С другой стороны, он ни в коей мере не собирается быть посредником между Соединенными Штатами и Советским Союзом, а хочет лишь представить дух и цели «нашей стороны». Я подчеркнул, что перед принятием какого-либо положительного решения необходимо все тщательно взвесить».

Вашингтонские переговоры завершились 29 июня.

В заключительном коммюнике Черчилль и Эйзенхауэр объявили о своем согласии с тем, что Западная Германия, которая к этому времени уже стала Федеративной Республикой Германией, «должна занять место равноправного партнера в сообществе западных стран, где может внести достойный вклад в обеспечение безопасности свободного мира». Так была реализована идея, высказанная Черчиллем еще в Цюрихе восемь лет назад. Днем за обедом обсуждался вопрос англо-американского сотрудничества в ядерной сфере. Результаты этого обсуждения остаются тайной по сей день. Из Вашингтона Черчилль улетел в Оттаву, где сообщил премьер-министру и министру обороны Канады о решении Британии производить водородные бомбы.

Днем 30 июня в Оттаве Черчилль выступил с радиообращением к канадскому народу, затем поужинал с премьер-министром, после чего сразу уехал в аэропорт и улетел в Нью-Йорк. Приземлившись после полуночи, он уехал в порт и поднялся на борт «Куин Элизабет». В полдень он уже был на пути домой. Во время плавания он, как записал Колвилл, «окончательно решился на экспедицию в Россию, где собирался заявить, что освобождение Австрии является основой улучшения отношений».

Иден, бывший с ним на борту, настойчиво уговаривал Черчилля принять окончательное решение об отставке. Черчилль согласился. 2 июля он сказал, что в начале августа съездит в Москву, а 21 сентября передаст бразды правления Идену. В этот же день Черчилль продиктовал телеграмму Молотову, в которой указал, что хочет встречи с советскими лидерами «в качестве прелюдии для широкого соглашения, которое может быть достигнуто». Получив текст этой телеграммы, Эйзенхауэр откликнулся: «Вы не теряете времени даром!»

Иден был недоволен, что Черчилль собирался послать телеграмму с борта корабля, не посоветовавшись с кабинетом министров. «После серьезного разговора, – записал Колвилл, – вызвали Идена, и постепенно был достигнут компромисс: Черчилль отправит телеграмму кабинету, как того хотел Иден, получив право сказать, что Иден в принципе согласен (чего, разумеется, не было). Иден бессильно уступил». К удивлению и удовлетворению Черчилля, на предложенный текст телеграммы откликнулся Батлер, сообщив, что он «в принципе доволен основной идеей». В результате телеграмма ушла в Москву. Впрочем, никто из членов кабинета министров, кроме Батлера, ее не видел.

6 июля «Куин Элизабет» прибыла в Саутгемптон. На следующий день Черчилль сообщил кабинету министров

о решении производить британскую водородную бомбу. «Нет сомнений, – сказал Черчилль, – что лучшая гарантия сохранения мира – четко дать понять потенциальным агрессорам, что у них нет шансов уберечься от сокрушительного возмездия». Вечером Черчилль получил ответ Молотова на телеграмму. Тот очень благожелательно отнесся к предложению о встрече в Москве между ним и Маленковым. Казалось, все складывается благополучно для последнего великого государственного акта Черчилля. Но 8 июля на заседании кабинета выяснилось, что многие министры против инициативы Черчилля и глубоко оскорблены тем, что она была предпринята без консультаций с ними.

Лорд Солсбери и Гарри Крукшенк заявили о своем несогласии с телеграммой Черчилля Молотову. Сокрушительный удар инициативе Черчилля нанес Батлер. Он сказал, что телеграмму получил во второй половине дня в субботу 3 июля, будучи в Норфолке, и она была адресована ему лично. «В ней не было сказано, – заявил Батлер, – что требуется мнение членов кабинета. Более того, прежде чем он успел отправить свои комментарии, от премьер-министра пришла вторая телеграмма с запросом, передано ли сообщение в Москву. Это, – сказал Батлер, – укрепило меня в том, что мнения коллег-министров не ждут. Впрочем, это в любом случае было бы слишком сложно, поскольку министры уже разъехались на уик-энд».

Заявление Батлера шокировало министров. Стало ясно, что большинство из них не поддерживает визит в Москву. Черчилль попытался найти выход, сказав, что предварительно проконсультируется с Эйзенхауэром. Это было принято. Но он не собирался отказываться от идеи трехсторонней встречи, сообщив Эйзенхауэру 9 июля: «Я не намерен ехать в Москву. Мы можем встретиться только на равных, либо в Стокгольме, как вы предлагали еще до того, как заняли свой пост, либо в Вене. Оба варианта приемлемы. Энтони предложил третий, по-моему, самый лучший, а именно Берн. Маленков мог бы приехать в Берн после завершения Женевской конференции, Молотов – прямо из Женевы, и мы с Энтони коротко пообщались бы с ними на одном уровне». Затем в Лондоне в сентябре могла бы состояться конференция трех или четырех держав.

«Конечно, – признавал Черчилль, – все это, возможно, несбыточные фантазии. Советы могут не захотеть встречаться нигде, кроме Москвы. В таком случае на данный момент придется все отложить. Либо они ничего не предложат, а просто постараются расколоть англо-американское единство. Я лелею надежду. В конце концов, я лишь «расходный материал» и вполне

готов быть им ради столь великого дела».

Иден в кабинете энергично выступал против инициативы Черчилля. Опасность предлагаемой встречи, объяснял он коллегам 9 июля, «кроется в отсутствии конкретной повестки дня и в тех вопросах, которые, вполне вероятно, могут быть подняты русскими. «Например, в виде альтернативы Европейскому оборонительному сообществу, – сказал Иден, – они могут предложить включение в состав НАТО объединенной Германии и расширение НАТО до такой степени, чтобы в нее вступил и Советский Союз. Что касается встречи в более широком масштабе, – предупредил Иден, – Британия должна быть готова к тому, что русские могут настаивать на том, чтобы она стала пятисторонней, с подключением коммунистического Китая».

Хотя Черчилль все еще не мог отказаться от надежды встретиться с Маленковым, общее мнение кабинета министров было против него. 16 июля Макмиллан встретился с леди Черчилль сообщить ей, что кабинет «на грани раскола» по этому вопросу. Некоторые старшие министры усмотрели в телеграмме, отправленной Черчиллем Молотову с борта корабля, антиконституционный характер. 23 июля на заседании кабинета было принято решение, что в дальнейшем при отправке телеграмм такой важности необходимы консультации с министрами. По существу же Иден откровенно и эмоционально заявил, что «в настоящее время не верит в полезность двухсторонних встреч с русскими». Впрочем, он весьма уклончиво добавил, что, если Черчилль, «со всем его огромным опытом» настолько уверен в необходимости этого, он «готов уступить – с условием, что встреча состоится не на русской территории». В результате кабинет отложил принятие окончательного решения на три дня, до следующего заседания. 26 июля стало ясно, что большинство по-прежнему против встречи Черчилля с Маленковым, где бы она ни состоялась. Черчиллю пришлось отозвать свое предложение.

Но фактор водородной бомбы убеждал его, что для окончания холодной войны необходимо предпринимать усилия. 29 июля, когда в палате общин раскритиковали англо-египетское соглашение, подписанное двумя днями ранее в Каире, согласно которому британские войска должны быть выведены из зоны Суэцкого канала, Черчилль попросил парламентариев рассмотреть этот вопрос в более широкой перспективе. «Из отношения к Суэцкому каналу и положению, которое мы занимаем в Египте, – сказал он, – вырисовываются страшные последствия, которые подбрасывает нам воображение». Он пояснил: «Если попробовать представить в общих чертах

первые несколько недель войны в условиях, которые нам неизвестны и о которых нам никто не расскажет, уверен, это убедит уважаемых джентльменов в устарелости их взглядов. А между тем это жизненно важно в настоящее время – и не только в военном отношении, но и для установления гуманных отношений между народами».

Обращение Черчилля произвело эффект. «Прежде чем он сел на свое место, – записал лорд Моран, – палата осознала пропорции возможных событий. Депутаты смогли сопоставить значимость Суэца с невероятными бедствиями войны на уничтожение». Но, несмотря на успех выступления в парламенте, продлившегося всего четыре минуты, все больше и больше министров присоединялись к негласному, но решительному движению за его отставку. Не называл ли он июнь, затем июль, затем сентябрь как месяц, в котором собирается уйти? Не может ли он определить дату сейчас? «Черчилль – это чудо и тайна, – записала его дочь Мэри в дневнике 29 июля. – Никто из нас *на самом деле* не знает его намерений. Возможно, даже он сам!»

Черчилль уехал в Чартвелл. К ужасу кабинета, он решил не передавать власть Идену в сентябре. Иден спрашивал, может ли смена произойти хотя бы в октябре, чтобы он предстал на партийной конференции, назначенной на этот месяц, как премьер-министр или как будущий премьер-министр. Черчилль и на это не согласился. Он сказал, что хочет оставаться у руля до весны 1955 г. «Я много размышляю сейчас, – написал он 10 августа Клементине, которая отдыхала на юге Франции, – и не все мои мысли в равной степени веселые». Особенно его расстроило сообщение, что Эттли собрался посетить Москву. «Я был бы очень рад встретиться с Маленковым, – говорил он Морану 12 августа. – Теперь это сделает Эттли».

Черчилль упорно цеплялся за надежду встретиться с русскими. Он излагал свои аргументы сначала Батлеру, потом Макмиллану. Макмиллан после визита в Чартвелл записал 24 августа в дневнике: «Он предполагает оставаться так долго, как только сможет. У него уникальное положение. Он может вести переговоры с кем угодно по обе стороны «железного занавеса», либо в личной переписке, либо с глазу на глаз. Здоровье его полностью восстановилось, и он не может отказаться от своих обязанностей».

Черчилль сказал Макмиллану, что тот «огрызок» правительства, который придется возглавить Идену, если он оставит свой пост до выборов, «никогда не добьется успеха. Такие блестящие фигуры, как лорд Розбери и Артур Бальфур, при всех

их талантах и обаянии, были сметены после того, как унаследовали пост от Гладстона и Солсбери. Черчилль добавил, что он является премьер-министром и ничто не сдвинет его с этого поста, пока он в состоянии формировать правительство и управлять им и пока пользуется доверием парламента. Непрекращающаяся болтовня в кулуарах и в прессе об отставке нестерпима. Она возникла, разумеется, после прошлогодней болезни. Но он полностью восстановился. Естественно, как каждый человек на пороге восьмидесятилетия, перенесший два инсульта, он может умереть в любой момент. Но он не может взять на себя обязательство умереть в конкретный момент! А пока что он в отставку не собирается».

Черчилль показал Макмиллану письмо, которое он писал Идену, объясняя, что намерен оставаться премьер-министром до всеобщих выборов в ноябре 1955 г. Письмо доставило ему душевные страдания, особенно потому, что Клементина очень не хотела, чтобы он оставался на своем посту еще год, а то и больше. «Гарольд посчитал, что я должен его отправить, – написал он Клементине на следующий день. – Оно ушло. Ответственность на мне. Но надеюсь, ты не откажешь мне в своей любви».

27 августа к Черчиллю приехал Иден. Черчилль подтвердил, что не намерен уходить в отставку по крайней мере еще год. «Вы молоды, – сказал он. – Все будет ваше, когда вам не исполнится и шестидесяти. Почему вы так спешите?» Через два дня Черчилль объявил в кабинете министров, что остается. В письме к Бернарду Баруху он сказал, что все еще надеется на встречу с русскими на высшем уровне. Он писал: «Уверен, вы будете рады узнать, что в данное время я не думаю об отставке. Искренне верю, что еще должен кое-что совершить для достижения «мира с позиции силы». Уверен, что меня хорошо понимают на родине моей матери. Похоже, я в этом году восстановил силы и способен ежедневно подолгу работать, особенно если удается хорошенько поспать днем. Мысли мои постоянно заняты термоядерной проблемой, хотя я по-прежнему уверен, что она, скорее, положит конец войнам, нежели человечеству».

В последний день августа Черчилль был поражен, узнав, что Национальное собрание Франции отвергло договор о Европейском оборонительном сообществе 319 голосами против 264. Он немедленно написал канцлеру Германии доктору Конраду Аденауэру с просьбой при заключении будущих соглашений в области обороны не настаивать на увеличении немецких вооруженных сил по сравнению с тем,

что предполагалось по плану ЕОС. «Это гораздо больше поднимет уважение к Германии, – написал он, – чем простое заявление права на создание такого количества дивизий, какое она или какая-либо другая страна пожелает, с последующими бесконечными юридическими тяжбами на эту тему. Этот совет, – пояснил Черчилль, – дает вам человек, который после многих лет борьбы не имеет более сильного желания, чем видеть немецкий народ на его законном месте во всемирной семье свободных наций». 18 сентября в письме Эйзенхауэру Черчилль заметил: «Надеюсь и молюсь, что мы с вами будем продолжать рассматривать Германию как цель № 1, а также стремиться иметь ее на нашей стороне, а не на противоположной».

Художник Грэм Сазерленд в Чекерсе писал портрет Черчилля, который намеревались преподнести ему обе палаты парламента к восьмидесятилетию. 1 сентября Клементина написала Мэри: «Мистер Грэм Сазерленд – чрезвычайно приятный человек, и трудно даже представить, что из-под его кисти выходят такие дикие жестокие вещи, какие он выставляет. Отец уже три раза позировал ему, но никто не видел портрет, кроме него самого, и он очень впечатлен силой его рисунка». Сазерленд после каждого сеанса закрывал холст. Закончив портрет, он увез его, не показав ни Черчиллю, ни Клементине.

9 октября Черчилль выступал на конференции Консервативной партии в Блэкпуле. Он напомнил, что к этому моменту четырнадцать лет является лидером партии. О своем уходе он ни словом не обмолвился. «Во всяком случае, на данный момент, – написал Observer, – рядовые члены партии вполне удовлетворены тем, что он может оставаться сколько пожелает». Журналистам Observer было неведомо, что неделю назад Макмиллан в письме настоятельно просил Черчилля назвать дату своего ухода, причем выбрать ее так, чтобы у Идена было достаточно времени проявить себя перед всеобщими выборами.

Срезу после возвращения из Блэкпула Черчилль пригласил Макмиллана в Чартвелл. После беседы Макмиллан записал: «Он будет оставаться премьер-министром без какого-либо обещания, письменного или устного, определить дату своего ухода». Черчилль предложил Макмиллану возглавить Министерство обороны. Макмиллан согласился. 26 октября Мэри записала в дневнике: «Какой фантастикой сейчас представляется, что кто-то мог подумать и поверить, что папа должен уйти! Он сейчас на полном ходу – перетасовывает правительство».

Черчилль не позволял себе передышки. 9 ноября он выступил в Гилдхолле, 12 ноября – в школе Харроу, 23 ноября –

в Вудфорде, 26 ноября – в Бристольском университете, где, как записал Моран, у студентов «не возникло ощущения, что он старик. Напротив, он казался одним из них, и две тысячи молодых голосов приветствовали его радостными возгласами. Его отношение к их начальству было окрашено озорным юмором». Выступление Черчилля в Бристоле слушал, в частности, бывший британский посол в Вашингтоне сэр Оливер Фрэнкс. Он рассказывал Морану, что несколько дней назад видел Черчилля в Букингемском дворце, «сидящим на диване, явно слишком уставшим, чтобы кого-то слушать; лицо его было бледным и похожим на маску, тело обвисшим, он казался очень старым человеком, которому недолго жить осталось. Но в Бристоле он был румяным, оживленным, глаза блестели».

30 ноября Черчиллю исполнилось восемьдесят лет. Ни один премьер-министр после Гладстона не занимал этот пост в таком возрасте. Ни один действующий член парламента, кроме Черчилля, не избирался еще при правлении королевы Виктории.

Утром, перед большим приемом в Вестминстер-холле, ему поднесли портрет работы Сазерленда; он охарактеризовал его как «замечательный образец современного искусства, который, безусловно, сочетает в себе силу и доброту». Но портрет ему не понравился; ему показалось, что он выражает крайнюю безжалостность в сочетании со старческой немощью. После смерти мужа Клементина распорядилась его уничтожить.

Приятным было поздравление Эттли. Тот высоко оценил большую роль Черчилля в проведении либеральных социальных реформ перед Первой мировой войной и охарактеризовал Дарданелльскую операцию 1915 г. как «единственную оригинальную стратегическую идею за всю войну». Эттли добавил: «Единственное, о чем я сожалею, – что у вас не было полноты власти, чтобы успешно завершить ее». В ответ Черчилль сказал: «Я приближаюсь к концу своего путешествия. Полагаю, у меня осталось еще несколько дел». 7 декабря, отвечая на поздравление Эйзенхауэра, он написал, что у него осталось одно сильнейшее желание: «Все еще надеюсь, что мы сможем провести встречу на высшем уровне с новым советским руководством и что мы оба будем на ней присутствовать».

Оставались ли у Черчилля силы для такой деятельности? В записке, написанной спустя три месяца, Колвилл вспоминал: «Он стареет месяц за месяцем, не хочет читать никаких материалов, только газеты, и не хочет занимать мозг ничем, что ему не кажется развлекательным. Все больше и больше времени он уделяет безику и все меньше – общественной деятельности. Подготовка парламентского вопроса может занять

все утро; из различных правительственных департаментов им могут быть затребованы различные документы, но по прибытии они уже не вызывают никакого интереса (будут помечены буквой R и отправлены гнить в его черный ящик); огромного усилия требует даже подписывать письма и прочитывать телеграммы Министерства иностранных дел. Тем не менее, – добавил Колвилл, – бывают дни, когда возникают былые проблески, искрится остроумие и добрый юмор, проявляется мудрость, гениальность то и дело вспыхивает в каких-то решениях, письме или фразе».

21 декабря Иден пришел к Черчиллю на Даунинг-стрит с просьбой определить дату отставки. Черчилль назвал как возможный вариант конец июня или июль, но не дал никаких гарантий. На следующий день к нему пришла группа старших министров. Он сказал им, как записал в дневнике Иден: «Очевидно, мы хотим, чтобы я ушел». Никто ему не возразил. Он тоже уже больше не выступал против единодушного мнения, что он должен уходить – и не в какой-то неопределенный момент, а так, чтобы у Идена было время провести полноценную предвыборную кампанию. В начале 1955 г. он решил, не проинформировав ни Идена, ни Макмиллана, уйти перед началом пасхальных каникул парламента. В этом году они должны были начаться 7 апреля. «Его единственное желание теперь, – сказал Брекен Бивербруку 17 января, – найти небольшую виллу на юге Франции, где он мог бы проводить зимние месяцы в оставшиеся ему годы».

Решение Черчилля уйти в апреле держалось в строгой тайне. Он все еще не оставил надежды встретиться с русскими. 12 января он говорил премьер-министру Франции Пьеру Мендес-Франсу, что у него «некоторое время было сильное желание установить непосредственные личные контакты с новыми лидерами советского правительства, что могло бы привести к плодотворной конференции четырех держав». Он надеялся и на осуществление некоторых других своих идей, в частности возможность присоединения Израиля к Британскому Содружеству. «Израиль – сила в мире, – написал он Идену 9 февраля, – и связь с США». Через девять дней, на обеде в Букингемском дворце в разговоре с Ивлином Шакбургом, он поднял вопрос о включении Израиля в Содружество, сказав тому: «Не выбрасывайте это из головы. Это может быть замечательно. Многие хотят нас покинуть, но это может оказаться поворотным моментом». 21 февраля премьер-министру Индии Черчилль сказал: «Хотелось бы, чтобы Неру сделал то, что не под силу никому другому: чтобы Индия стала примером

для всей Азии, про крайней мере в духовной сфере, – идеалом свободы и уважения к личности, отличным от того, чему учит коммунистическая партия».

Ровно через месяц после того, как Брекен сказал Бивербруку, что Черчилль собирается уходить в апреле, Макмиллан, который об этом не знал, записал в дневнике: «Думаю, он принял окончательное решение уходить. Он сдался и начинает планировать дальнейшую приятную жизнь». Макмиллан пришел к этому заключению после заседания кабинета, на котором Черчилль пребывал, по его наблюдению, в «очень веселом настроении». В ходе заседания возник вопрос о будущем облике Парламентской площади, ее возможной перепланировке и расширении. «Это, – сказал Черчилль министрам, – стало бы хорошей темой для политиков в отставке». Макмиллан записал, что Черчилль впервые заговорил о времени, когда он может покинуть пост премьер-министра. 26 февраля, когда Макмиллан приехал в Чартвелл, Черчилль сказал, что думает подать в отставку 5 апреля. Он также сказал гостю, что хочет услышать проект следующего бюджета «как ПМ». Поскольку проект бюджета должен был быть представлен 28 марта, это никак не противоречило дате отставки.

Черчилль собирался произнести еще одну важную речь. «Он всю ее диктовал лично», – записала Джейн Портал. Подобно одной из его первых речей в парламенте в 1901 г., она имела отношение к принципиальным изменениям в характере войны. В 1901 г. это была тяжелая перспектива использования всех индустриальных ресурсов страны; в 1955 г. – водородная бомба. «Что мы должны сделать? – спросил Черчилль. – В какую сторону повернуть, чтобы сохранить свою жизнь и спасти мир? Это не имеет особого значения для стариков. Их в любом случае скоро не станет. Но мне мучительно больно смотреть на молодежь, и более всего – на детей, играющих в свои веселые игры, и гадать, что их ждет впереди, если Богу наскучит человечество. Лучшая защита – bona fide[62] всеобщее разоружение. Но история и традиции России делают неприемлемым для советского правительства принятие любой реальной системы международного контроля. Великие державы должны разработать сбалансированную и поэтапную систему разоружения. До тех пор пока она не будет создана, существует единственная здравая политика для свободного мира – политика обороны средствами сдерживания. Такая политика способна однажды привести к разоружению, но лишь при условии, что мир удастся сохранить».

«Водородная бомба, – говорил Черчилль, – с ее огромной

разрушительной силой и еще большей зоной радиоактивного заражения, будет также эффективна против государств, чье население рассеяно на такой большой территории, что у них возникает ощущение, что никакая опасность им не угрожает. Это хорошо понимают лидеры обеих сторон. Вот почему необходимо проведение встречи на высшем уровне, где все эти вопросы могут быть изложены четко и прямо всеми участниками конференции. В ином случае может вполне оказаться так, что мы, по иронии судьбы, сможем достичь той стадии, на которой безопасность станет и прочным щитом устрашения, и братом-близнецом уничтожения. Но если нам хватит мужества и терпения, то появится время и надежда». В этом своем последнем выступлении в палате общин Черчилль заявил: «Может настать день, когда честность, любовь к ближнему, уважение к справедливости и свободе позволят измученным поколениям спокойно и триумфально уйти от страшной эпохи, в которой мы вынуждены существовать. А до тех пор – не отступать, не опускать рук, не отчаиваться».

Черчилль говорил три четверти часа. «Его энергия, – отметила Sunday Times, – остается на высшем уровне, что он столь блистательно продемонстрировал». Газетчики не знали, что Черчилль окончательно решил оставить свой пост. На второй день дебатов, отвечая на критику того, что в вопросе водородной бомбы Британия пошла на поводу у Соединенных Штатов, Черчилль поразил палату, впервые публично упомянув о своем инсульте. «Я был абсолютно готов отправиться на встречу с президентом, – сказал он, вспоминая первые месяцы 1953 г. – Однако меня настигло совершенно неожиданное заболевание, которое меня полностью физически парализовало. Вот почему мне пришлось от этого отказаться».

Через шесть дней, 8 марта, ужиная с Иденом на Даунинг-стрит, Черчилль подтвердил, что 5 апреля, менее чем через месяц, уйдет в отставку. Через три дня ему показали телеграмму британского посла в Вашингтоне сэра Роджера Макинса. Он сообщал о предложении Эйзенхауэра встретиться с Черчиллем и Аденауэром в Париже 8 мая, в десятую годовщину победы в Европе, чтобы ратифицировать новое соглашение по безопасности, призванное заменить Европейское оборонительное сообщество. По словам посла, Эйзенхауэр также сказал, что во время пребывания в Париже он готов «изложить план встречи с русскими, чтобы снять напряженность и уменьшить риск войны».

Черчилль сначала не воспринял смысл предложения Эйзенхауэра. Перечитав телеграмму из Вашингтона и весьма

пренебрежительный комментарий к ней Министерства иностранных дел, он вдруг увидел возможность осуществления своей надежды на встречу в верхах. Но 8 мая настанет более через месяц после того, как он уйдет в отставку. «Предложение Эйзенхауэра, – написал он Идену 12 марта, – следует рассматривать как возникновение новой ситуации, которая повлияет на наши личные планы». Черчиллю показалось, что он увидел свет в конце длинного туннеля. «Значимость готовности Вашингтона к встрече на высшем уровне невозможно переоценить, – пояснял он Идену. – Это важнейший факт. Мы не имеем права недооценивать его или не поддержать его. Телеграмму из Вашингтона необходимо показать кабинету министров, а пока посол должен направить «теплое послание» президенту.

Иден был сильно разочарован намерением Черчилля проявить очередную дипломатическую инициативу, не говоря уже о его желании, в связи с этим, еще месяц оставаться у руля. Вечером 13 марта, вернувшись из Чекерса, Черчилль сказал Идену, что в связи с перспективой парижской встречи, за которой последует саммит в Лондоне, он отменяет свое решение уйти в отставку 5 апреля.

В полдень на следующий день на Даунинг-стрит собрался кабинет министров, чтобы обсудить сообщение из Вашингтона. Иден настаивал, что это не означает никакого нового этапа в отношениях с Россией. Черчилль возражал. Он сказал, что придает первостепенную важность готовности Эйзенхауэра приехать в Европу с целью обсуждения плана четырехсторонней встречи с русскими. «Это, – сказал он, – новая и важная инициатива, и мы должны ее приветствовать».

Кабинет перешел к обсуждению возможности организации четырехсторонней встречи в июне, вслед за парижской встречей с Эйзенхауэром в мае. Черчилль выдвинул предложение, что встреча, на которой будут присутствовать русские, может состояться в Лондоне. Возможно, упоминание июня вынудило Идена внезапно потерять самообладание. К недоумению коллег, которые ничего не знали о том, что назначено на 5 апреля, он медленно и отчетливо произнес: «Означает ли это, премьер-министр, что наши с вами договоренности отменяются?»

Черчилль был крайне недоволен, что Иден таким образом затронул тему отставки. В ответ он невнятно заговорил о «неких национальных интересах» и о том, что «всегда об этом мечтал». Иден прервал его словами: «Я уже десять лет министр иностранных дел. Мне нельзя доверять?»

«Похоже, нам неизвестны некоторые факты», – вмешался лорд

Солсбери и стал настаивать, чтобы кабинету сообщили, что происходит между Черчиллем и Иденом. Но Черчилль отказался. «Я не могу согласиться на такого рода дискуссию, – сказал он. – Я знаю свой долг, и я исполню его. Если кто-то из членов кабинета возражает – он может быть свободен».

Министры покинули Даунинг-стрит в недоумении. «Бедный кабинет. Большинство министров ничего не знает о нашей внутренней истории, и они остались озадаченными и встревоженными, – написал Черчилль Клементине. – Разумеется, как ты знаешь, на меня может повлиять только одно, и это – возможность организовать в ближайшее время встречу с Советами на высшем уровне. В ином случае я вполне готов передать ответственность. Мне показалось, телеграмма Макинса дает новый шанс, и я хочу им воспользоваться».

По иронии судьбы и случайному совпадению сразу же после заседания кабинета 14 марта Черчилль как раз вносил последнюю правку в выступление в палате по поводу предложения лейбористов вынести вотум недоверия правительству именно за недостаточность усилий по организации конференции с Советским Союзом. Предложение было внесено Эттли. К этому времени Маленкова уже сменили Булганин и Никита Хрущев. «Я прилагал максимальные усилия, – говорил Черчилль в палате, – чтобы запустить процесс организации встречи на высшем уровне и добиться реальных результатов. Хотя я затрудняюсь определить, что означают недавние изменения в советской правящей верхушке, – продолжал он, – не думаю, что они должны каким-то образом удержать нас от дальнейших попыток».

Предложение Эттли не прошло, и Черчилль был готов «прилагать усилия» для организации парижской конференции и лондонского саммита. Но через несколько часов после этого выступления на Даунинг-стрит из американского посольства пришло известие о том, что «Эйзенхауэр лично не желает участвовать во встрече с русскими». Это было правдой. 16 марта телеграмма от Макинса подтвердила, что ни президент, ни Даллес не рассматривают возможность «преждевременной» четырехсторонней встречи с русскими и лондонского саммита не будет. Для Черчилля эта новость стала ударом, для Идена – праздником: передача полномочий 5 апреля может состояться. «ПМ выглядит грустным, – записал Макмиллан 17 марта в дневнике после обеда на Даунинг-стрит. – Теперь наверняка кризис нерешительности миновал».

Миновал он не окончательно. 27 марта Черчилль узнал, что Булганин положительно отозвался о перспективе переговоров

четырех держав. Через два дня на аудиенции в Букингемском дворце Черчилль сказал королеве, что думает о перенесении срока своей отставки. «Он спросил, не возражает ли она, – записал Колвилл на следующий день, – и она ответила «нет!». Через несколько дней личный секретарь королевы Елизаветы письменно сообщил Черчиллю, что королева «полностью понимает, почему 29 марта все еще остается некоторая неопределенность относительно будущего». Эта неопределенность не могла и не смогла длиться долго. 30 марта стало ясно, что, несмотря на высказывания Булганина, для проведения конференции на высшем уровне в ближайшем будущем нет реальной перспективы, тем более с учетом негативного отношения Эйзенхауэра, и Черчилль уйдет в отставку 5 апреля, как и планировалось.

30 марта в 6:30 вечера Черчилль попросил прийти Батлера и Идена. «Нас с Энтони пригласили в комнату правительства, – позже вспоминал Батлер. – Уинстон допустил промах, попросив меня сесть справа, но потом поправил себя и подозвал Энтони. Мы смотрели на Плац-парад конной гвардии. Затем Уинстон коротко произнес: «Я ухожу, преемником будет Энтони. Детали обсудим позже». Церемония окончилась. Мы вышли в коридор и обменялись с Энтони рукопожатиями».

Утром 31 марта Черчилль попросил секретаря королевы сэра Майкла Адеана проинформировать ее величество, что он подает в отставку в пятидневный срок. «Она признает вашу мудрость в принятии такого решения, – сообщил в ответ Адеан, – но чувствует глубочайшее личное сожаление. Ей будет особенно не хватать еженедельных аудиенций, которые она находит очень полезными и, если так можно выразиться о государственных делах, очень увлекательными».

Карьера политика подошла к концу. Однако из-за забастовки газетчиков отставка Черчилля слабо освещалась прессой. 4 апреля они с женой дали прощальный ужин для королевы и герцога Эдинбургского. В полдень на следующий день Черчилль провел последнее заседание кабинета министров, пожелав коллегам «удачи в трудной, но обнадеживающей ситуации». Затем он встретился с министрами, не входящими в состав кабинета, и дал на прощание один совет: «Никогда не отдаляйтесь от американцев».

Затем Черчилль на машине отправился в Букингемский дворец, где подал королеве прошение об отставке. «Она спросила, не хочу ли я рекомендовать преемника, – записал он по возвращении на Даунинг-стрит, – а я ответил, что предпочитаю оставить решение за ней. Королева сказала,

что это дело нетрудное и что она вызовет Энтони Идена. В ходе непродолжительного разговора она выразила уверенность, что я захочу остаться в палате общин, но что в ином случае она предложит мне титул герцога. Я сказал, что хотел бы остаться в палате, пока позволят силы, но, если почувствую, что эта работа для меня слишком тяжела, буду очень горд, если она вернется к своему предложению».

Днем, в последний час своего пребывания на Даунинг-стрит, Черчилль устроил чай для обслуживающего персонала. На нем присутствовали более ста человек: секретари, телефонистки, посыльные, водители. Затем, провожаемый собравшимися, он вышел и уехал в Чартвелл.

Уход от дел и преклонный возраст помешали любви Черчилля к путешествиям. Через неделю после отставки они с Клементиной улетели на Сицилию. Когда он садился в самолет, ему передали письмо королевы, написанное собственноручно. «Благодаря вас за все, что вы сделали, – писала она, – я должна была ограничиться личным опытом пребывания на троне, сравнительно небольшим, в течение которого вы были моим Первым министром. Если я не упомянула о предыдущих годах, в которых вы сыграли ведущую роль, то лишь потому, что вы знаете, как высоко ценил вас мой отец. И вы понимаете, что он был заодно со своим народом и народами всего свободного мира в выражении глубокой и искренней благодарности вам. В последнее время вам пришлось столкнуться с холодной войной, с ее опасностями и угрозами, более устрашающими, чем все, с какими вам приходилось иметь дело раньше в военные или мирные годы. Благодаря вашей прозорливости и вашему влиянию на наши судьбы вы смогли усилить, если подобное вообще возможно, восхищение, которое испытывают к вам не только здесь, но и во многих уголках мира. Уходя, вы уносите с собой много самых нежных и добрых чувств. Со своей стороны, я уверена, что, расставаясь, я тем не менее обретаю мудрого советника, который не откажет мне в помощи и поддержке в грядущие дни. И пусть их будет как можно больше».

Две недели Черчилль провел в отеле на Сицилии. Отсюда 18 апреля он отправил ответное письмо королеве. «Начиная с первых дней вашего пребывания на троне, – писал он, – я чувствовал влияние новой личности на историю, которая разворачивается на наших глазах. У нашего острова больше нет того авторитета и власти, какими он обладал при королеве Виктории. Огромный новый мир возник вокруг нас, и после всех наших побед мы не могли больше претендовать на свое прежнее положение из уважения к нашему характеру и здравому смыслу.

Наша система и образ жизни больше не вызывают всеобщего восхищения. Но тем не менее все это возросло и укрепилось в первые годы нынешнего правления. За всю мою долгую жизнь самым очевидным знаком Божественного расположения я вижу то, что обновленное Содружество оказалось объединено и освещено блистательной королевой на его вершине».

Черчилль закончил письмо философски: «Наш отель стоит над страшными карьерами, в которых шесть тысяч пленных афинян в 413 г. до нашей эры погибали от голода и непосильного труда, а я пытаюсь зарисовать вход в пещеру, эхо из которой донесло тайны до ушей Диониса. Это совпадает с психическим и психологическим процессом снятия с себя груза непосредственной ответственности за руководство великими делами и выражается в утешительной мысли: «Я сделал все, что мог».

Глава 40
Последние годы

Черчилль взял с собой на Сицилию двоих близких друзей. С одним, лордом Черуэллом, он был знаком тридцать пять лет, другой, Джок Колвилл, был сотрудником его личного кабинета на протяжении последних восьми. Однажды, беседуя с ними, Черчилль высказал сожаление, что, пока был премьер-министром с 1951 по 1955 г., не принял рекомендацию Черуэлла и некоторых других ликвидировать отставание в подготовке достаточного количества технологов. Черуэлл и Колвилл сказали, что еще не поздно. Так родилась идея создания в Британии учреждения, подобного Массачусетскому технологическому институту, в котором Черчилль выступал в 1949 г. Колвилл вызвался найти инвесторов. По возвращении в Англию он приступил к этому порой весьма трудному делу, которое через пять лет привело к созданию нового учебного заведения – Колледжа Черчилля при Кембриджском университете.

Вернувшись в Лондон 28 апреля 1955 г., Черчилль с одобрением наблюдал за деятельностью Идена как лидера Консервативной партии в подготовке к всеобщим выборам. Он также одобрил заявление, что летом все-таки состоятся переговоры четырех держав – Британии, Франции, Соединенных Штатов и Советского Союза – на уровне министров иностранных дел. В ходе предвыборной кампании он несколько раз выступил в своем избирательном округе и один раз в Бедфорде в поддержку своего зятя Кристофера Соумса. Он не делал никаких попыток вмешиваться в политику консерваторов или влиять на проведение предвыборной кампании. «В данный момент у меня лишь одно огромное желание: стоять в стороне и ничего не делать», – написал он Бернарду Баруху 26 мая.

Итоги выборов стали убедительной победой консерваторов. В день обнародования результатов секретарь кабинета министров сэр Норман Брук написал Черчиллю: «Во время этих выборов я постоянно думал о вас и рад направить вам мои искренние поздравления с их результатом. Это самое замечательное доказательство успешной деятельности и достижений вашего правительства за последние три с половиной года. Главный вопрос – довольны ли были люди правительством, которое избрали. Стало совершенно очевидно, что да. Падение популярности лейбористов поистине значительное. Уверен, вы должны быть удовлетворены».

После выборов Черчилль пребывал в благостном настроении. 29 мая в Чартвелле лорд Моран записал комментарий Элизабет Джилльет: «Он очень добродушен. Даже когда ему надо было готовить три выступления и мы ожидали бурь, не прозвучало ни одного упрека. Вы знаете, лорд Моран, как ему не нравятся новые секретари. Сейчас у него их две, и он очень мил с ними. Этим утром я была непунктуальна, и, когда попросила прощения, вы же слышали, как он был добр». Новыми секретарями стали Дорин Пью и Джилиан Мэтьюрин. Планировалось, что они поработают у Черчилля, пока не разберутся со всей корреспонденцией, связанной с выборами. Считалось, это должно занять три-четыре недели. На самом деле мисс Мэтьюрин осталась на три с половиной года, а мисс Пью – почти на десять.

30 мая в длинном дружеском письме Иден рассказал Черчиллю, что он намерен в июле провести встречу с русскими на высшем уровне. «Жаль, не удалось уговорить Айка в 1953 г. проверить «новый взгляд» Маленкова, – ответил Черчилль и добавил: – У Хрущева есть армия, какой не было у Маленкова, так что если это действительно «новый взгляд», то он может оказаться плодотворным. Не думаю, что русская армия хочет войны. Уже нет такого понятия, как воинская слава. Оценивая ситуацию со своей отстраненной позиции, полагаю, что поворот постепенно произойдет, и человеческая раса может подвергнуться новому испытанию – высочайшим уровнем благосостояния».

В Чартвелле Черчилль работал над историей англоязычных народов. В этом ему помогали Денис Келли и Алан Ходж. 2 июня работа остановилась: у Черчилля произошел артериальный спазм, и несколько дней ему было трудно писать, поднимать чашку и держать во рту сигару. Но через шесть дней он уже чувствовал себя настолько хорошо, что смог отправиться в Лондон на открытие парламентской сессии, и был очень доволен, войдя в зал заседаний, услышать возгласы «Черчилль!», аплодисменты с гостевой галереи и видеть парламентариев, с энтузиазмом приветствовавших его.

Черчилль вернулся в Чартвелл к работе над «Историей». 15 июня он узнал от Макмиллана, что может продолжать пользоваться услугами одного из своих бывших личных секретарей Энтони Брауни. «Прошу использовать его как угодно и сколь угодно долго», – написал Макмиллан. А самому Брауни написал так: «Я одалживаю вас Уинстону, поскольку ему кто-нибудь нужен. Судя по всему, это всего лишь на год-другой». На самом деле Брауни проработал секретарем Черчилля более десяти лет. «С 1955-го и до последнего вздоха отца, – позже вспоминала Мэри, – Энтони практически никогда не покидал его.

Почта шла потоком. Энтони организовывал отцовские дела и его личную жизнь, руководил, советовал, помогал. Его знания, его профессиональные навыки, его преданность были чрезвычайно важны в последние десять лет жизни отца».

21 июня Черчилль вернулся в Лондон, чтобы выступить в лондонской ратуше – Гилдхолле на открытии его статуи. Ее создал бежавший из Югославии еврей Оскар Немон. «Признаюсь, – сказал Черчилль, – я, как Дизраэли, на стороне оптимистов. Я не верю, что человечество способно себя уничтожить. Я всегда считал, что было бы полезно лидерам великих держав общаться в неофициальной обстановке между собой. И очень рад, что это скоро случится».

Из Гилдхолла Черчилль вернулся в Чартвелл. «Я заметно старею, – писал он Памеле Литтон 30 июня, – лишившись ответственности и власти, и потихоньку ковыляю в тени отставки». 18 июля он написал Эйзенхауэру: «Странное и пугающее ощущение – снять с себя ответственность и позволить бремени власти упасть с твоих плеч. Бывает ощущение не только психологического, но и физического расслабления, чувство облегчения и раздетости. Я даже не понимал, насколько устал, пока не перестал работать». Через месяц своему другу генералу Тюдору он написал, размышляя об уходе с поста: «Самое худшее в том, что, когда снимаешь с себя всяческую ответственность, видишь, как одновременно тебя покидают силы, которыми она поддерживалась».

15 сентября Черчилль с Клементиной улетели на юг Франции, на виллу Бивербрука. Они собирались пробыть там долго. Это стало началом нового образа жизни – проводить как можно больше времени под солнцем в комфорте Французской Ривьеры. Большую часть времени он занимался живописью. Он также диктовал предисловие к новой книге. В октябре прилетели Ходж и Келли, чтобы помогать ему. Клементина 16 октября вернулась в Англию. Он написал ей, что для пяти коротких выступлений, которые он согласился сделать по возвращении, Джордж Крист прислал «прекрасный комплект заметок». 28 октября из Англии прилетел Дикин и присоединился к команде. Перед возвращением в Лондон Черчилль начал искать, как он выразился, «виллу мечты», которую хотел бы приобрести. Но он ее так и не нашел.

14 ноября Черчилль вернулся в Англию. Пять раз он коротко выступил – в своем избирательном округе, перед учащимися школы в Харроу, перед молодыми консерваторами в Дрейперс-холл и в Мэншн-хаус. В последнем случае его удостоили звания почетного гражданина Белфаста и Лондондерри. 30 ноября он

отпраздновал восемьдесят первый день рождения. Затем во вторую неделю января 1956 г. снова улетел на юг Франции, на этот раз на виллу Эмери Ривза и его жены Венди, расположенную в Рокбрюне, в горах среди оливковых рощ. Она и стала «виллой мечты» Черчилля последних лет его жизни. Там были комфорт, тишина и спокойствие, а также величественные пейзажи для живописи. «Пока я еще не покинул этот роскошный дом, – написал он Клементине 15 января, – и провожу время в основном в постели, пересматривая Книгу». Через два дня он написал снова: «Ривз и Венди чрезвычайно любезны. Они приглашают гостей, какие мне нравятся, и пока мне нравятся все».

Из писем Черчилля видно, какое удовольствие он получал от нового образа жизни. Клементине, которая осталась в Лондоне из-за плохого самочувствия и планировала длительное путешествие на Цейлон, он написал 30 января: «Дни я провожу в основном в постели, встаю к обеду и ужину. Мои хозяева читают мне курс по Моне, Мане, Сезанну и пр. Оба сведущи в современной живописи и работают в студии, теперь частично превращенной в кабинет с мисс Мэтьюрин. У них также есть замечательный граммофон, который непрерывно играет Моцарта и других композиторов и вообще все что угодно, поскольку в него загружается сразу десять дисков. Можно сказать, получаю художественное образование с очень приятными наставниками». Удовольствие от пребывания на вилле сквозит во всех его письмах. «Не считая книги, – написал он Клементине в начале февраля, – я ленюсь и бездельничаю».

Через неделю Черчилль улетел в Лондон. «Было очень приятно провести месяц под вашей заботой, – написал он Венди Ривз на следующий день после возвращения, – и мне, безусловно, это пошло на пользу, хотя и старею с каждым днем». В этом месяце он присутствовал в палате общин на свободном голосовании по вопросу смертной казни через повешение и высказался за сохранение ее. 1 марта улетел обратно на виллу Ривза. Пока он находился там, из печати вышел первый том «Истории англоязычных народов», озаглавленный «Рождение Британии». В это время он с Келли и Ходжем работал над четвертым, завершающим томом. Каждое утро те приходили из своего отеля, а он сидел в постели, обложившись книгами и бумагами. Однажды утром повествование дошло до описания конгресса в Берлине в 1878 г. Указав пальцем на 1878 г., Черчилль сказал Келли: «А я еще жив».

6 апреля Клементина, возвращаясь из путешествия на Цейлон, оказалась в Марселе. Черчилль позвонил на корабль

и спросил, не желает ли она присоединиться к нему. «Не в состоянии разобраться с одеждой, – телеграфировала она в ответ, – поэтому отправляюсь сразу домой». Через пять дней, когда Клементина еще была в море, он неожиданно улетел в Англию, чтобы встретить ее. Его возвращение совпало с обострением кризиса на Ближнем Востоке. Египет настаивал на закрытии Суэцкого канала для судов, идущих в Израиль.

На Израиль было оказано давление с тем, чтобы он не предпринимал ответных действий. 13 апреля, через два дня после возвращения из Франции, Черчилль упомянул об этом в Альберт-холле, выступая на встрече Лиги подснежника, Великим магистром которой был. Он сказал, что если Израиль «отговорят ценой жизни его людей держаться от Египта на расстоянии, пока египтяне не научатся пользоваться русским оружием, а потом Египет нападет, то станет не только вопросом благоразумия, но и делом чести сделать так, чтобы они не оказались из-за этого в проигрыше».

Ближний Восток стал одной из тем, которых Черчилль коснулся в письме Эйзенхауэру 16 апреля. «Очень рад, что вы так откровенно признаете значимость ближневосточной нефти, – писал он президенту. – Когда я работал в Адмиралтействе в 1913 г., я приобрел контроль над англо-персидской компанией примерно за 3 миллиона фунтов и как метод решения этого вопроса использовал большой флот, который тогда создавал. Это была хорошая сделка, если можно так выразиться». Обращаясь к конфронтации между Египтом и Израилем, Черчилль написал: «Убежден, что если мы будем действовать сообща, то предотвратим реальную войну между Израилем и Египтом. Я, разумеется, сионист и являюсь таковым со времен декларации Бальфура. По-моему, замечательно, что небольшая колония евреев стала местом прибежища для всех их соплеменников со всех концов света, где их жестоко преследовали, и в то же время утвердила себя как наиболее эффективная военная сила в регионе. Уверен, Америка не останется в стороне, наблюдая, как они будут погибать от русского оружия, тем более если мы уговорим их не давать воли рукам, пока остается какой-либо шанс».

В апреле в Лондон с визитом прибыли советские лидеры Хрущев и Булганин. 17 апреля Иден пригласил Черчилля с супругой на обед с ними в резиденцию премьер-министра на Даунинг-стрит. «Я сидел рядом с Хрущевым, – рассказывал Черчилль Морану. – Русские были обрадованы, увидев меня. Энтони сказал им, что я выиграл войну».

Война во многом занимала мысли Черчилля и три недели

спустя, когда он полетел в Ахен получать международную премию имени Карла Великого. Церемония состоялась 10 мая, спустя шестнадцать лет после того дня, когда во время войны с Германией он стал премьер-министром. Его речь на вручении премии имела две цели: повысить восприимчивость немцев к любым возможным послаблениям в советской политике и в то же время предупредить о недопустимости спешки в стремлении к воссоединению страны. Брауни, имея в виду эти темы, написал речь, которую затем озвучил Черчилль. «Это была его личная идея, – позже вспоминал он. – Она вызвала у меня дрожь».

В последующие три дня Черчилль посещал британские военные базы и шесть раз выступал с импровизированными речами. Ужин с британскими военными в Целле имел «огромный успех, – записал позже Брауни. – Солдаты приняли его прекрасно. Он был в совершенно своей атмосфере». 13 мая во второй половине дня он улетел в Биггин-хилл с эскортом истребителей 615-й эскадрильи. «В целом визит оставил очень приятные воспоминания, – написал он Эйзенхауэру, – и я был рад почувствовать, что, несмотря на неумолимое время, я все еще в состоянии четыре дня подряд заниматься трудной работой». В конце мая Черчилль вернулся во Францию. С ним поехали Клементина и Сара. В июле он слетал в Германию, в Дюссельдорф, на конноспортивные соревнования.

Вскоре после его возвращения в Англию президент Насер национализировал Суэцкий канал. «Я лично считаю, что Британия и Франция должны вместе предпринять решительные действия, – написал он Клементине 30 июля, – и, при необходимости, применить силу. Америка в это время будет бдительно следить за Россией. Не думаю, что у русских есть желание быть втянутыми в серьезную войну».

Иден начал подготовку возможного вторжения в Египет и направлял Черчиллю большое количество секретных телеграмм, чтобы держать его в курсе дела. 30 июля он встретился с Черчиллем в кабинете премьер-министра в палате общин и посвятил его в подробности. «Я доволен политикой, которая проводится в отношении Суэца, – написал Черчилль Клементине 3 августа. – Мы намерены действовать решительно. Энтони мне все рассказал, и я даже начал подумывать о выступлении, но во время вторничных дебатов все прошло так хорошо, что это показалось мне необязательным. Я очень хорошо информирован, но не могу сообщить тебе все в незащищенном письме, но можешь быть уверена, что ни у кого не будет оснований обжаловать наши будущие действия». Через два дня Чартвелл

посетил Макмиллан. За ужином они с Черчиллем обсуждали вероятное британское вторжение в Египет. «Разумеется, если мы там высадимся, – говорил Макмиллан, – мы должны будем разбить египетские воинские части и свергнуть правительство Насера». «Черчилль после этого достал какие-то карты, – вспоминал Макмиллан, – и пришел в возбуждение».

Стремясь оказать помощь Идену, 6 августа Черчилль отправился на машине из Чартвелла в Чекерс. Он взял с собой Дорин Пью и диктовал ей по дороге. Затем они остановились, чтобы она смогла напечатать то, что он надиктовал: «Военная операция – это очень серьезно. Мы должны взять большую паузу после того, как станут известны наши намерения. Наши газеты и иностранные корреспонденты публикуют все, что пожелают. Следует ввести цензуру. Вполне возможно, что в течение месяца сливки египетской авиации и танков будут управляться как минимум тысячью русских и им подобных добровольцев. В результате мы можем столкнуться с гораздо более серьезным сопротивлением. Чем больше думаю о захвате Ла-Манша, тем меньше нравится эта идея. Длинную дамбу легко защитить минными полями».

Черчилль был рад узнать от Идена, что в операции будут задействованы бронетанковые дивизии при «соответствующей поддержке с воздуха». Добравшись до Чекерса, он передал записку и после краткого разговора вернулся в Чартвелл. Через три дня он написал Клементине, отдыхавшей в Швейцарии: «Единство ислама поразительно. Никакого сомнения, что Ливия, которой мы платим 5 миллионов фунтов ежегодно, и Иордания, которой мы платим 10 миллионов или больше, совершенно искренне демонстрируют враждебность».

12 сентября Черчилль с Клементиной отметили сорок восьмую годовщину свадьбы, а через пять дней он снова улетел на юг Франции. Клементина осталась в Лондоне. За компанию с Черчиллем полетел лорд Черуэлл, чтобы работать над последним томом «Истории». Ходж уже был там, а также молодой преподаватель Оксфорда Морис Шок, помогавший писать разделы о Гладстоне и Дизраэли. В середине октября Ходж со своей женой Джейн вернулись в Лондон. Джейн написала Черчиллю, что, когда ее дочери спросили, где она была, «я сказала им, что была в гостях у добрейшего в мире великого человека». 19 октября у Черчилля появилась «черная пелена» перед глазами, он упал и на двадцать минут потерял сознание. Это был очередной инсульт. Через девять дней он достаточно оправился, чтобы вернуться в Британию.

Еще через два дня израильские войска пересекли границу, вошли в Синайскую пустыню, разгромили египетскую армию и остановились в нескольких километрах от Суэцкого канала. Далее последовал англо-французский ультиматум Египту: если через двенадцать часов англо-французским войскам не будет позволено «временно войти» в зону Суэцкого канала, то британские бомбардировщики нанесут удары по египетским аэродромам, а британские войска, дислоцированные на Мальте, займут Порт-Саид на северной оконечности канала.

3 ноября, в то время как британские войска все еще были на пути в Египет, Черчилль сделал публичное заявление, поясняющее «причины, которые заставили меня поддержать правительство в египетском вопросе». Он написал, что, несмотря на все усилия Британии, Франции и Соединенных Штатов, «Израиль подвергается вооруженным нападениям, ведущим к гибели людей. Египет – главный подстрекатель этих инцидентов – отказывается их прекратить. Израиль в результате величайшей провокации взорвался против Египта. Британия намерена восстановить мир и порядок на Ближнем Востоке, и я убежден, что мы добьемся своей цели. Уверен, наши американские друзья придут к пониманию того, что мы уже не впервые действуем в одиночку ради всеобщего блага».

Заявление Черчилля было опубликовано в газетах утром 5 ноября, в тот самый момент, когда британские и французские парашютисты-десантники, опережая войска, все еще находящиеся в море, высадились на северной оконечности Суэцкого канала и захватили Порт-Саид. «Мой дорогой Уинстон, – написал ему в этот день Иден, – не могу вполне передать вам свою благодарность за ваше чудесное заявление. Оно произвело огромный эффект, и уверен, что в США оно окажет, возможно, даже большее влияние. Сейчас трудные дни, но альтернативой им могла стать лишь медленная смерть от потери крови». – «Спасибо за добрые слова, – откликнулся Черчилль. – Рад, что смог быть полезен».

Утром 6 ноября военно-морские силы Британии и Франции наконец добрались до Порт-Саида, высадились и продвинулись вдоль Ла-Манша. Однако в этот же день, после недели интенсивного американского давления, подкрепленного отказом многих членов кабинета министров поддержать его, Иден согласился на прекращение огня. На следующий день, 7 ноября, Черчилль присутствовал на Парламентской площади на церемонии открытия памятника фельдмаршалу Смэтсу. Выступая, он заявил, явно имея в виду победу Насера: «Сегодня, помимо множества волнений и стрессов, которые переживает

мир, нас осаждает узкий, бесплодный, но внушительно сильный национализм. Для Смэтса, великого патриота, каким он был, это явление было бы неприятным и чуждым». 20 ноября Колвилл ужинал с Черчиллем у него дома на Гайд-парк-гейт. Решение о возможном выводе англо-американских сил было вынужденно принято Иденом как единственное условие, при котором Соединенные Штаты будут продолжать поддерживать Британию. Говоря о решении Идена напасть на Египет, Колвилл спросил Черчилля:

– Если бы вы были премьер-министром, вы бы так же поступили?

– Я бы ни за что не осмелился, а если бы осмелился, то ни за что не осмелился бы остановиться, – ответил Черчилль.

Другому своему другу Черчилль резко заметил: «Этого никогда бы не произошло, если бы Эйзенхауэр был *живым*».

9 января 1957 г. Иден, измученный болезнью и яростью критики, обрушившейся на него за действия в Суэце, подал в отставку. Восьмидесятидвухлетнего Черчилля любезно пригласили в Букингемский дворец дать совет по выбору преемника Идену. Он, как и трое других членов Тайного совета, с которыми были проведены консультации, рекомендовал Макмиллана. Уже вечером тот стал премьер-министром.

Черчилль снова собрался покинуть Англию и опять выбрал виллу Ривза. Последний том «Истории» был почти завершен. Келли, Ходж и Брауни поехали с ним уточнять последние детали. Через три недели работа была завершена, и 13 февраля Черчилль вернулся в Англию, где его ждало множество мероприятий, в том числе обед с Макмилланом, ужин в Другом клубе и тихий вечер с Рэндольфом. После всего этого он собирался с Клементиной вернуться во Францию. «Он постарел, – записал Макмиллан, – но по-прежнему очень хорошо информирован и следит за всем, что происходит».

Жизнь Черчилля во Франции в основном была посвящена живописи. Среди его гостей был греческий судовладелец Аристотель Онассис, личность и рассуждения которого очень понравились Черчиллю. «Мы говорили о политике и нефти, – написал Черчилль Клементине, которая уже вернулась в Англию. – Я напомнил ему, что сорок или пятьдесят лет назад купил для Адмиралтейства Англо-персидскую компанию, и принес хорошую прибыль британскому правительству – около 3 или 4 сотен миллионов! Он сказал, что знает. Все это напомнило мне беднягу Гопкинса. Я думаю, мы это сделали вместе. Я воспользовался заслугой». Гопкинс, в 1913 г.

тридцатитрехлетний сотрудник министерства финансов, скончался в 1955 г.

Проведя пять недель на вилле Ривза, Черчилль вернулся в Англию. Преклонный возраст постепенно давал о себе знать. В апреле, после ужина в Чартвелле, Макмиллан записал в дневнике: «Он в хорошей форме, хотя все сильнее глохнет. Теперь говорит немного, впервые больше слушает. Все это довольно грустно – его покидает боевой дух. Очаровательный, любезный старикан».

Но у Черчилля еще оставались силы для публичных выступлений по особым случаям. Например, в мае он выступил в Альберт-холле на ежегодной встрече Лиги подснежника. Ему по-прежнему хотелось как можно больше времени проводить на юге Франции. Этим летом он прожил там месяц и почти каждый день рисовал. Читал романы. Продолжал поиски «виллы мечты». Но все больше и больше предавался рефлексии. «Я устал от работы, которая завершена, – написал он в одном из писем домой этим летом. – Надеюсь, я не исчезну, когда будут подведены итоги. Единственное желание – мирно прожить оставшиеся годы, если это годы».

Фраза об оставшихся годах отмечена печалью о смерти близких друзей. В июле 1957 г. в возрасте семидесяти одного года скончался ближайший друг и советчик лорд Черуэлл. Он был ровесником Клементины. Именно он, Проф, вместе с Черчиллем перед войной изучал слабости и достижения оборонительной политики Британии. Именно ему Черчилль доверял секреты британской политики в области ядерных вооружений во время пребывания на посту премьер-министра в военные и послевоенные годы. Он приехал в Оксфорд на похороны Черуэлла. «Когда мы вошли в придел собора Крайст-Черч, – вспоминал один из присутствовавших, – все прихожане встали. После отпевания поехали на кладбище. Черчилль шел с процессией по кладбищу, но в стороне от дорожки, по траве, твердой, хотя и старческой походкой к могиле своего близкого старого друга».

В октябре вышел из печати третий том «Истории англоязычных народов». Подготовка четвертого тома была завершена. «Я ухожу от литературы, – написал Черчилль Бернарду Баруху, – и приступаю к поиску способов приятно провести оставшиеся годы». Осенью они с Клементиной три недели провели на вилле Бивербрука. Одному из гостей за обедом, обсуждая индийские дела, он сказал, подмигнув: «Я уже просто отставной и усталый старый реакционер». Через

несколько дней он заметил Брауни: «Думаю, Земля скоро будет уничтожена кобальтовой бомбой. На месте Бога я бы не стал ее восстанавливать, чтобы они в следующий раз не уничтожили его». Вскоре Черчилль уехал на виллу Ривза. «Я начал писать новую картину – цветы в саду», – написал он Клементине, которая вернулась в Англию.

В октябре, пока Черчилль пребывал на вилле, Советский Союз запустил первый искусственный спутник. «Сам спутник и пр. не огорчает меня, – написал он Клементине. – Вызывает огорчение доказательство того, что советская наука опережает американцев. Проф всегда был очень бдителен в этом отношении. Мы неоднократно предупреждали об опасности отставания в техническом образовании, но все равно безнадежно отстали. Сейчас век механизации – и где мы? Необходимая питательная среда отсутствует. Мы должны продолжать борьбу и искать союза с Америкой».

Через месяц после возвращения в Англию Черчиллю исполнилось восемьдесят три года. По-прежнему неукротимый, он посетил несколько заседаний в палате общин, а в начале нового, 1958 г. вернулся во Францию. Рисовал, читал романы и продолжал посылать Клементине рукописные отчеты о своей деятельности. Но в феврале 1958 г. Черчилль заболел бронхитом. Когда он поправился, палата общин прислала ему поздравление. Так же поступил Брендан Брекен, который написал: «Испытал огромное облегчение и радость, узнав о вашем быстром выздоровлении. Если бы вы написали книгу «Здоровье без правил», она стала бы таким же бестселлером, как все ваши другие книги».

В марте, все еще находясь на юге Франции, Черчилль перенес несколько приступов лихорадки. После возвращения в Англию в апреле приступ повторился. Для ухода за ним были вызваны две медсестры. Они стали его постоянными спутниками наряду с медбратом Роем Хоуэлсом. Такова была грустная реальность старости. Но к концу месяца, будучи еще очень слаб, Черчилль нашел в себе силы поужинать в Другом клубе и занять свое место в палате общин.

В июле восстание в Ираке привело к гибели короля, его семьи и премьер-министра. В Ливане просьба к США о помощи привела к появлению американских войск в Бейруте. В Британии правительство поддержало действия американцев, но лейбористская оппозиция, все еще разгневанная вмешательством в Египет, выступила против. Черчилль решил произнести речь в парламенте по поводу этих событий

и поддержать правительство. Сообщив Макмиллану о намерении принять участие в дебатах, он набросал на листочке основные положения выступления, как делал на протяжении более полувека.

«Америка и Британия должны действовать вместе с целью достижения *Единства*.

Сложности могут быть решены, только *если* их решать объединенными средствами и на общих принципах, а не просто наращиванием силы.

Когда мы разделены, мы уступаем.

Вопрос материальной силы не первостепенен.

Энтони Иден и Суэц. Он был *прав*. Недавние события это подтвердили. Возможно, его действия оказались *преждевременными»*.

Черчилль собирался сказать, что было бы «слишком легко посмеяться над США за их действия в Ливане, но сейчас не время выставлять счет Америке. Счета сбалансируются сами собой. Но по-настоящему глупо для таких стран, как Англия и США, искать точки разногласий. Американцы во всех смыслах правы, введя войска в Ливан. Им не нужна наша материальная или военная помощь. А если бы потребовалась, уверен, они бы ее получили».

Набрасывая детали своего выступления, Черчилль засомневался. Он был слишком слаб и слишком устал, чтобы произнести целую парламентскую речь. «Я час или два размышлял над тем, что хочу сказать, – написал он Макмиллану 15 июля, – и пришел к заключению, что не скажу ничего ценного. Я лучше поддержу вас в кулуарах. Простите за изменение планов».

Летом Черчилль вернулся во Францию, снова гостем лорда Бивербрука. Пробыв там неделю, он узнал, что умер Брендан Брекен. Он был знаком с ним, как и с лордом Черуэллом, с 1920-х гг. и назначил его главой секретариата кабинета министров во время войны. Он охотно прислушивался к его советам и получал удовольствие от общения с ним. Он сразу стал готовиться к полету в Англию. Но ему сообщили, что Брекен специально просил не устраивать «никаких церемоний», и он остался во Франции. «Я знаю, как вы любили Брекена, – написал Колвилл, – и понимаю, что означает для вас этот разрыв с прошлым». Тем временем Бивербрук улетел в Канаду. «Очень рад, что вам нравится мое общество, – написал ему Черчилль

через несколько дней. – Оно становится очень слабым, но не менее теплым. Наши связи, которые сформировались много лет назад и укрепились в дни войны, сохранятся до конца жизни».

12 сентября Уинстон и Клементина на вилле Бивербрука отметили золотую свадьбу. Поздравить их прилетел Рэндольф с дочерью Арабеллой. Через десять дней Черчилль решился на новое приключение – круиз на яхте «Кристина» в качестве гостя Онассиса. Дни на яхте проходили в полной безмятежности благодаря внимательному и занимательному хозяину. Черчилль отдыхал или играл в безик. Каждый вечер показывали кинофильм. Через десять дней «Кристина» пришла в Гибралтар, откуда Черчилль улетел в Англию, а 12 октября вернулся на виллу Ривза. Он планировал порисовать, «но, – как написал Клементине, – весь в сомнениях, вялости и лени». Далее в этом же письме он написал: «Последние дни или годы жизни серые и тусклые, но мне повезло, что у меня есть ты».

Здоровье Клементины постоянно занимало мысли Черчилля, когда ее не было рядом. Его тревожило и благополучие троих детей. Диана часто впадала в депрессию и обращалась за помощью к благотворительному обществу «Самаритяне». У Рэндольфа был буйный характер, он растерял много друзей. Сара, как и Рэндольф, страдала алкоголизмом и подвергалась нападкам прессы. Трудная судьба детей, каждый из которых был по-своему талантлив, была источником постоянной боли для Черчилля.

Но жизнь во Франции позволяла отвлечься и даже развлекаться. Он никогда раньше не летал на вертолете и с удовольствием принял приглашение командира американского авианосца «Рэндольф» посетить корабль. Полет на вертолете стал «бодрящим экспериментом», сказал он Венди Ривз, которая сопровождала его. 6 ноября он полетел в Париж, чтобы получить из рук де Голля орден Освобождения – высшую государственную награду, которой удостаивались те, кто воевал в армии Свободной Франции или в рядах Сопротивления. Благодарственную речь, подготовленную в Англии, Черчилль начал словами: «Я часто выступал с речами во Франции, но то были военные годы, и я не хочу снова подвергать вас испытаниям тех мрачных дней».

Вернувшись в Лондон, Черчилль почти ежедневно посещал палату общин и даже собирался выступить, но опять передумал. 30 ноября ему исполнилось восемьдесят четыре. Через пять недель они с Клементиной отправились в Марракеш провести пять недель под североафриканским солнцем, которое он так любил. После этого они вместе отправились в круиз вдоль

марокканского побережья на Канарские острова. Оттуда в марте 1959 г. он улетел в Лондон на четыре очень бурных дня, в течение которых навестил Чартвелл, поужинал в Другом клубе, после чего вернулся во Францию.

Там он продолжал заниматься живописью. Тридцать пять лет назад он написал в журнале Nash's Pall Mall: «Живопись – подруга, которая не выдвигает непомерных требований, не побуждает к утомительным занятиям; она верно шагает рядом даже на слабых ногах и держит свои холсты как ширму между нами и завистливыми глазами Времени или неизбежным наступлением Дряхлости. Счастливы художники, ибо они никогда не будут одиноки. Свет и цвет, мир и надежда будут составлять им компанию до конца или почти до конца их жизни».

Когда Черчилль был во Франции, Сара, в то время игравшая в театре Ливерпуля, однажды вечером была задержана после того, как заблудилась, возвращаясь в отель. Утром она предстала перед административным судом, была оштрафована на 2 фунта за пребывание в нетрезвом состоянии и отпущена из-под стражи. Некоторые газеты порадовались. «Считаю, в Ливерпуле с ней обошлись очень грубо и пробудили ее бунтарский дух, – написал Черчилль Клементине. – Очень сожалею, что на твои плечи выпала такая ноша, и надеюсь, Мэри и Кристофер облегчат твои трудности. Мои мысли всегда с тобой, дорогая. «Бедная козочка!» При всей своей любви остаюсь развалиной (хотя флаг еще реет надо мной)».

В начале апреля Черчилль вернулся в Лондон. Через неделю с ним случился новый небольшой удар, но в очередной раз воля и решительность помогли преодолеть болезнь. Уже вскоре он отправился в свой округ на встречу с избирателями, где его должны были в очередной раз номинировать как их кандидата. Речь ему подготовил Брауни, но зачитал он ее сам, говоря более двадцати минут, медленно и порой едва слышным голосом. Это стоило ему огромного усилия. Затем, покинув трибуну, он повернулся к Брауни и сказал: «А теперь в Америку».

Ничто не могло удержать Черчилля от очередного пересечения Атлантики. «Он решил посетить Америку – и точка!» – сказал Брауни другу. Клементина не очень хорошо себя чувствовала и не имела сил на подобное путешествие. Черчилль 5 мая написал ей из канцелярии Белого дома (он был личным гостем Эйзенхауэра): «Моя дорогая Клементина, вот я и здесь. Все идет хорошо, президент – настоящий друг. Вчера вечером очень приятно поужинали, и я отдал свой долг сну в 11 (одиннадцать) часов. Мне предложили оставаться в постели все утро, а в обед я собираюсь встретиться с мистером Даллесом».

Когда он встретился с Даллесом, внешний вид государственного секретаря его шокировал; через две недели Даллес умрет от рака.

В разговорах с Эйзенхауэром Черчилль затронул несколько вопросов, которые его просил поднять британский МИД в связи с дискриминацией американцами британских подрядчиков. В конце визита, по дороге в аэропорт, он сказал британскому послу: «Надеюсь, вы представите премьер-министру благоприятный отчет о моем визите и скажете, что я вел себя хорошо».

Вернувшись в Британию в середине мая, Черчилль вскоре опять покинул ее ради более солнечных мест. На борту «Кристины» он совершил круиз по греческим и турецким водам, после чего несколько недель провел на юге Франции. Его любимая вилла в течение четырех лет была для него местом мира и спокойствия.

Слабый, но упрямый, 29 сентября Черчилль выступил перед своими избирателями, соглашаясь баллотироваться от их округа. Через несколько дней он выступил в соседнем округе Уолтемстоу в поддержку местного кандидата. После всеобщих выборов, состоявшихся 3 октября, консерваторы победили с еще большим перевесом. 30 ноября Черчиллю исполнилось восемьдесят пять. Как обычно в поисках солнца он с Клементиной отправился в Монте-Карло. Там они остановились в пентхаусе с роскошным видом на Средиземное море. В этом же году он совершил еще один круиз на «Кристине» – в Вест-Индию. Вернувшись в Англию, он сказал дочери Диане: «Моя жизнь подошла к концу, но еще не закончена».

За неделю до восемьдесят шестого дня рождения Черчилль пережил еще один небольшой инсульт, но в день рождения смог встать и пообедать в окружении семьи. Через три месяца он снова был в пути: самолетом улетел в Гибралтар, чтобы отправиться в очередной круиз в Вест-Индию на «Кристине» с Онассисом. Во время плавания он написал Клементине, которая не чувствовала в себе сил на такое путешествие:

> *«Моя дорогая Клемми,*
>
> *эти строки держат нас на связи, написаны моей собственной рукой – я все делаю сам! И хочу сказать, как я тебя сильно люблю: мы шли благополучно по бескрайним морям совершенно спокойно неделями, и теперь через пару дней встретимся с Ари и его семьей. Для меня это предлог показать тебе, что все еще обладаю даром письма и продолжаю им пользоваться.*

Но не буду злоупотреблять им.

Неизменно тебе преданный У.».

Из Вест-Индии «Кристина» направилась вдоль Атлантического побережья Америки в Нью-Йорк. Оттуда Черчилль самолетом вернулся в Лондон. Проведя два месяца дома, он до конца зимы снова отправился в Монте-Карло. На живопись уже не было сил. Свободное время он посвящал чтению романов и общению с семьей и друзьями. Среди тех, кто находились с ним рядом, был и его внук Уинстон. Черчилль иногда еще мог написать своей рукой несколько строк жене. В одном из писем он сообщал: «Моя дорогая Клемми! Все очень хорошо, и дни летят. Мы отдаем долги старой дружбе обедами и ужинами. Мне очень трудно написать хорошее письмо, и я поражаюсь скорости, с какой мои друзья совершают свои повседневные дела. Поразительно, как у них хорошо получается. Но сейчас я пишу, чтобы выразить тебе свою любовь. Дорогая, когда я был молод, я писал очень хорошо, но сейчас тешу себя тем, что у тебя есть моя глубочайшая любовь. Твой преданный Уинстон. P. S. Ежедневно поражаюсь развитию моего тезки. Он чудесный мальчик. Очень рад, что познакомился с ним».

В начале сентября 1961 г. Черчилль покинул Францию и вернулся в Чартвелл. 30 октября он присутствовал на официальном открытии сессии парламента. Через месяц ему исполнилось восемьдесят семь. Вечером он дома ужинал с Бивербруком, откуда на следующий день опять улетел в Монте-Карло. Там же во время следующего визита в июне 1962 г. он упал и сломал бедро. Ему приготовили палату во французской клинике, но он сказал Брауни: «Я хочу умереть в Англии». Когда эти слова передали на Даунинг-стрит, Гарольд Макмиллан послал за ним лайнер военно-воздушных сил, чтобы доставить в Лондон. Когда его выносили на носилках из самолета, он показал собравшимся знак V.

1 апреля Клементине исполнилось семьдесят восемь лет. В этот день ее восьмидесятивосьмилетний супруг послал ей записку, написанную собственной рукой:

«Моя дорогая,

это чтобы передать тебе мою глубочайшую любовь и поцелуи, повторенные сотни раз. Я весьма скучный и жалкий писака, но мое перо, пока я пишу это, передает тебе мою душу.

Неизменно и всегда твой У.».

Позже в апреле Черчилль на две недели вернулся в Монте-Карло, а потом улетел в Лондон. В результате значительных усилий Клементины он согласился больше не избираться в парламент. В июне он снова побывал в Монте-Карло, затем на борту «Кристины» в круизе, которому суждено было для него стать последним, Черчилль побывал на Сардинии, Корфу и в Афинах. В июле, вернувшись в Лондон, он еще раз появился в палате общин. Парламентариев поразила его хрупкость. Через две недели у него опять случился инсульт. В октябре покончила с собой Диана. Ей было пятьдесят четыре, и она долгие годы страдала депрессией. «Летаргия крайне преклонного возраста притупляет чувства, – записала Мэри, – и отец лишь медленно воспринял то, что я говорила ему, после чего погрузился в глубокое и отстраненное молчание».

За два дня до восемьдесят девятого дня рождения Черчилль снова побывал в палате общин. В зал его привезли в инвалидном кресле. Вечером он ужинал в Другом клубе. Палату общин он посетил еще дважды; последний раз – 27 июля 1964 г. В середине октября он в последний раз уехал из Чартвелла в Лондон.

30 ноября ему исполнилось девяносто лет. Его подвезли к окну дома на Гайд-парк-гейт, чтобы он мог ответить на приветствия собравшейся перед домом толпы. Он поднял руку и показал знак V. 8 декабря пообедать с ним зашел Дикин. Через два дня они вместе отправились в Другой клуб. «Стало невероятно трудно пробудить искру, ранее столь яркую, – записал один из присутствовавших в клубе в тот вечер. – Можно сказать одно: он понимал, где находится, и был очень рад этому». Через месяц, 10 января 1965 г., произошел очередной, на этот раз обширный инсульт, и через две недели Черчилля не стало.

Нация погрузилась в траур. Более трехсот тысяч человек прошли через Вестминстер-холл, где был выставлен гроб с телом. Впервые после смерти герцога Веллингтона, более века спустя, рядовому члену палаты общин были устроены официальные похороны как государственному деятелю. Мужчины и женщины не скрывали слез, когда гроб на пушечном лафете провозили по улицам Лондона. За ним шла семья Черчилля во главе с Клементиной и Рэндольфом. На отпевании в соборе Святого Павла присутствовало шесть тысяч человек, в том числе шесть монархов и пятнадцать глав государств. По завершении трубач, находившийся высоко на «галерее шепота», исполнил сигналы «последние почести» и «подъем». Затем гроб на барже доставили

по Темзе к вокзалу Ватерлоо, откуда поездом в приходскую церковь в Блэдоне, где тело Черчилля предали земле рядом с родителями и братом Джеком, недалеко от Бленхеймского дворца, где он появился на свет.

В послании парламенту королева назвала Черчилля «национальным героем». Эттли, его помощник в военные годы и преемник в послевоенные, назвал его «величайшим англичанином нашего времени – и даже величайшим гражданином мира нашего времени». На следующем собрании Другого клуба, которое Черчилль надеялся посетить и которое было единственным мероприятием, отмеченным в его календаре на февраль, Макмиллан сказал присутствовавшим: «Наш лучший час и наш величайший момент был во время работы с ним». Лорд Чендос, бывший Оливер Литтлтон, вспоминал личные качества Черчилля как государственного деятеля: «Он получал удовольствие от конфликтов идей, а не от конфликтов между людьми. Его силой были воображение, опыт и великодушие. Возможно, его великодушие не было оценено должным образом. Он относился к человеку как к благородному, а не как к злому существу. Единственными, кого он не мог простить, были те, кто, как он часто говорил, «падают ниже уровня событий».

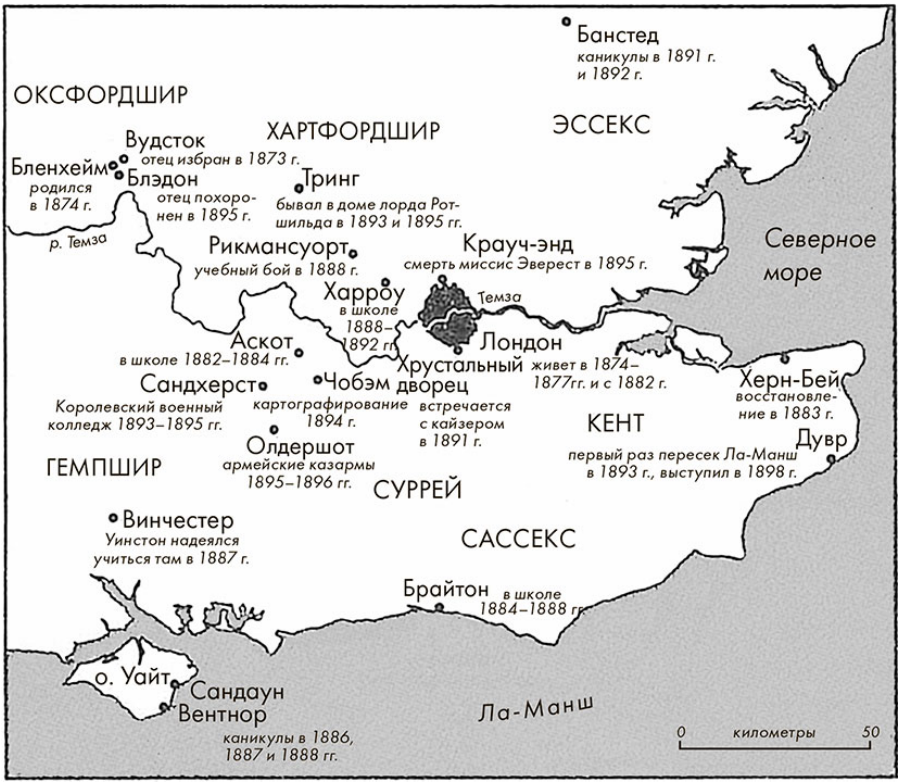
Каждое поколение по-своему оценит карьеру Черчилля. «Очень трудно опровергать клевету, – написал он в феврале 1942 г., – но правда тоже очень сильна».

Со временем, когда исторические документы будут исследованы без предвзятости, цели и поступки Черчилля оценят как гуманные и дальновидные. Его патриотизм, чувство справедливости, вера в демократию, его надежды на человечество будут сопоставлены с его огромным трудом, мыслями, проницательностью и дальновидностью. Его путь нередко был отмечен противоречиями, разочарованиями и обидами, но все это никогда не влияло на его чувство долга и его веру в британский народ.

«Вряд ли в природе вещей, – писала дочь Мэри отцу в 1951 г., – чтобы твои потомки унаследовали твой гений, но я искренне надеюсь, что они в какой-то степени унаследуют черты твоей души». Спустя четыре года Рэндольф написал ему: «Власть может пройти и исчезнуть. Слава, которая обретается гением, тяжелым трудом, мужеством и самопожертвованием, – остается всегда. Твоя слава стоит на нетленном постаменте твоих достижений и никогда не потускнеет и не исчезнет. Она останется на века». Так сын подбадривал отца в момент окончательного принятия решения об отставке. Девять лет спустя, когда огромная жизненная сила отца стала таять, Мэри

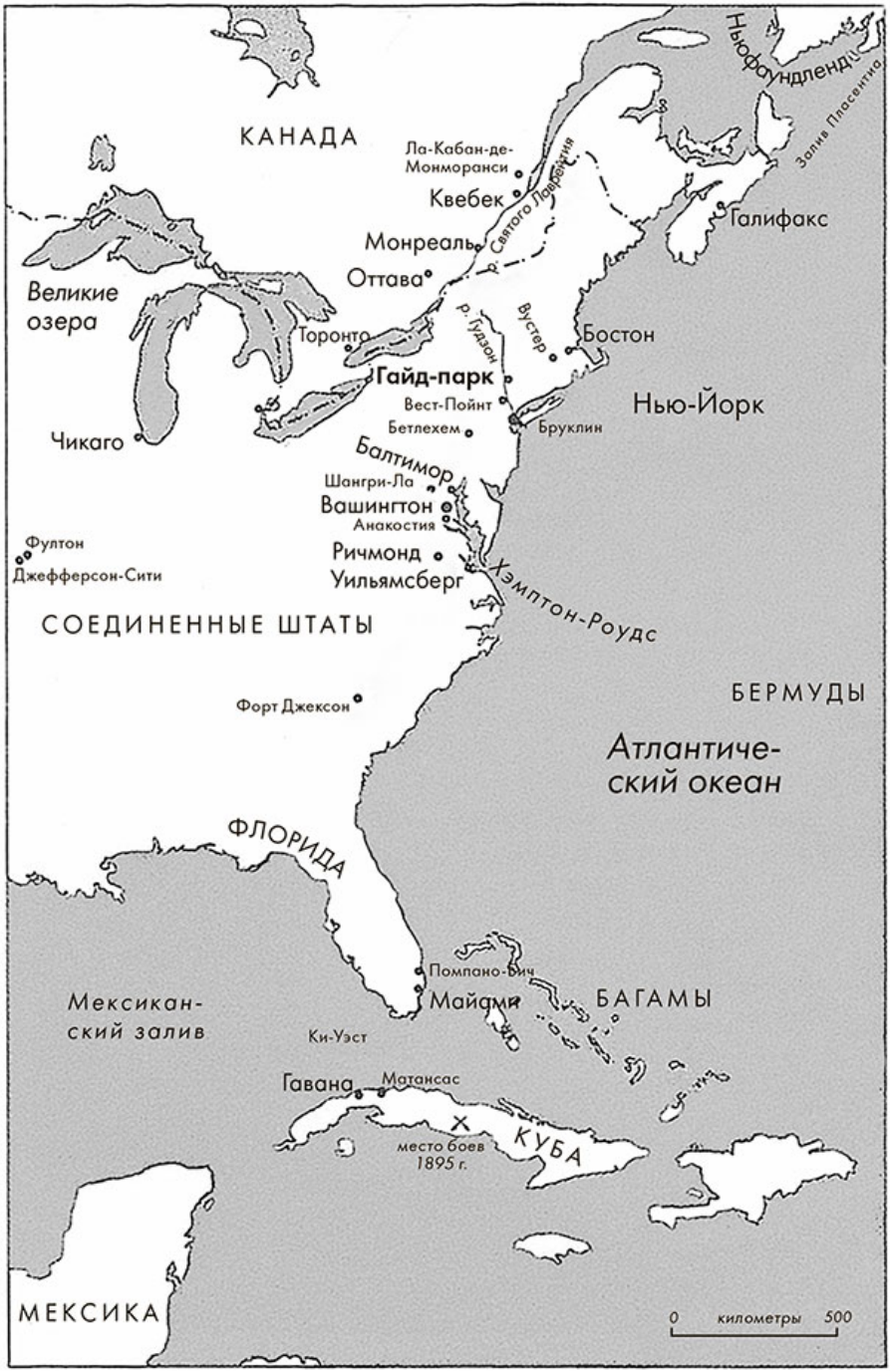
обратилась к нему со словами утешения: «Вдобавок ко всем чувствам, которые испытывает дочь к своему любящему, великодушному отцу, я обязана тебе тем, чем и все англичане, мужчины, женщины и дети, – самой Свободой».

Карты

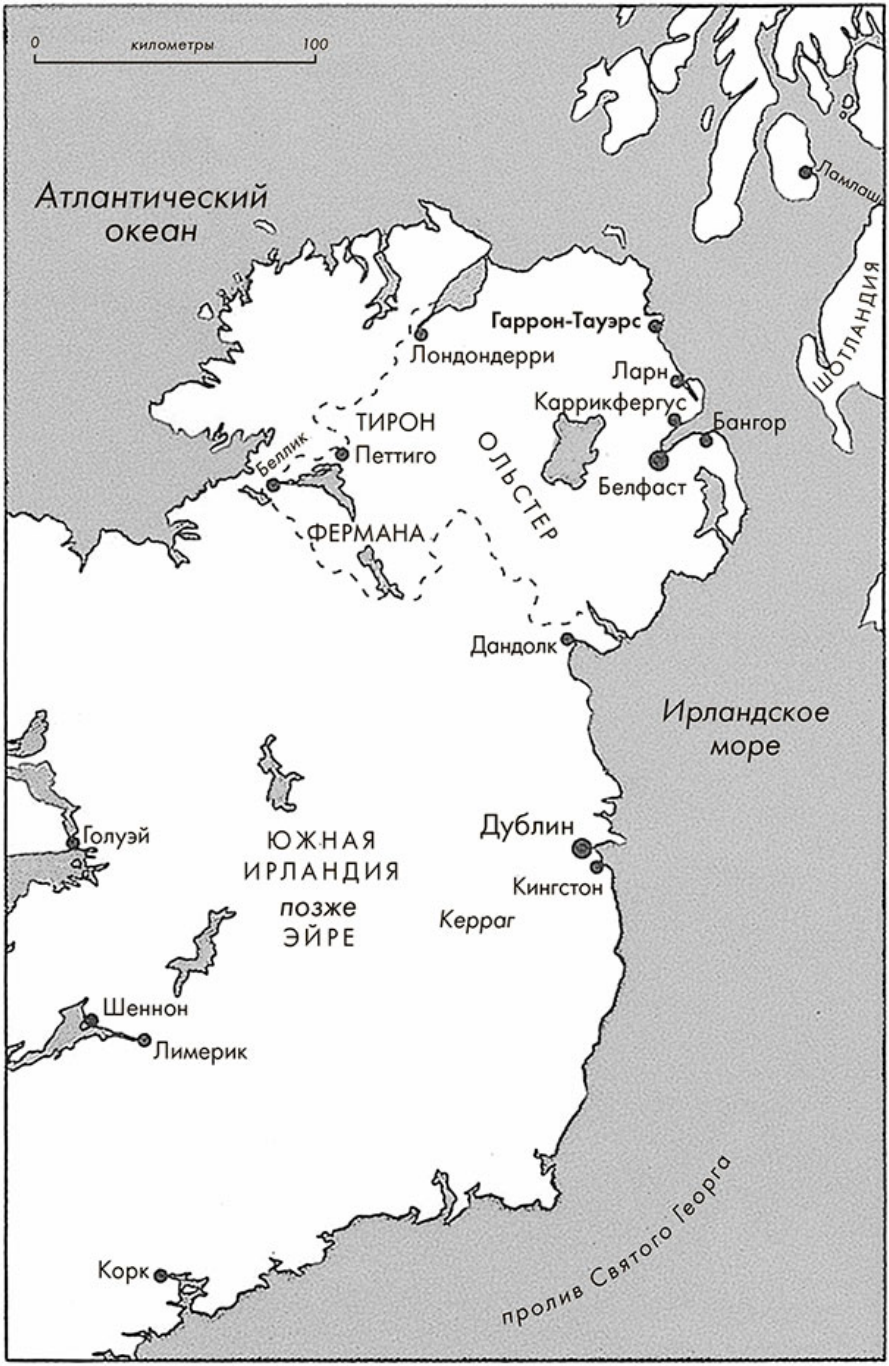


Южная Англия, 1874–1897 гг.

Южная Англия, после 1897 г.



Визиты в Новый Свет, 1895–1961 гг.


0
километры
100
Атлантический океан
Ламлаш
ШОТЛАНДИЯ
Гаррон-Тауэрс
Лондондерри
Ларн
Каррикфергус
Бангор
ТИРОН
Петтиго
Беллик
ОЛЬСТЕР
Белфаст
ФЕРМАНА
Дандолк
Ирландское море
Голуэй
ЮЖНАЯ ИРЛАНДИЯ
позже ЭЙРЕ
Дублин
Кингстон
Керраг
Шеннон
Лимерик
Корк
пролив Святого Георга

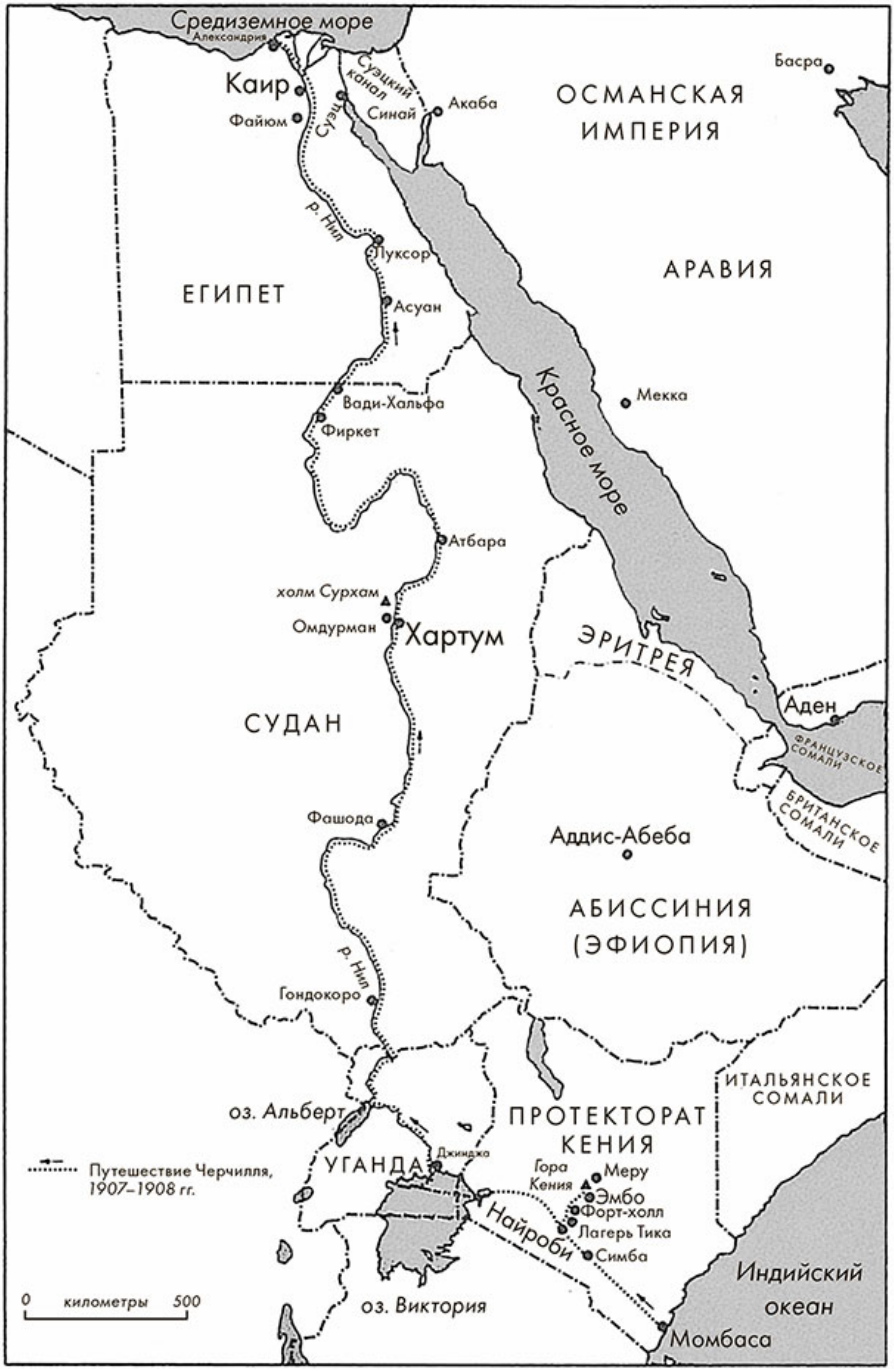
Ирландия

Британская Индия

Северо-западная граница Индии, 1897 г.

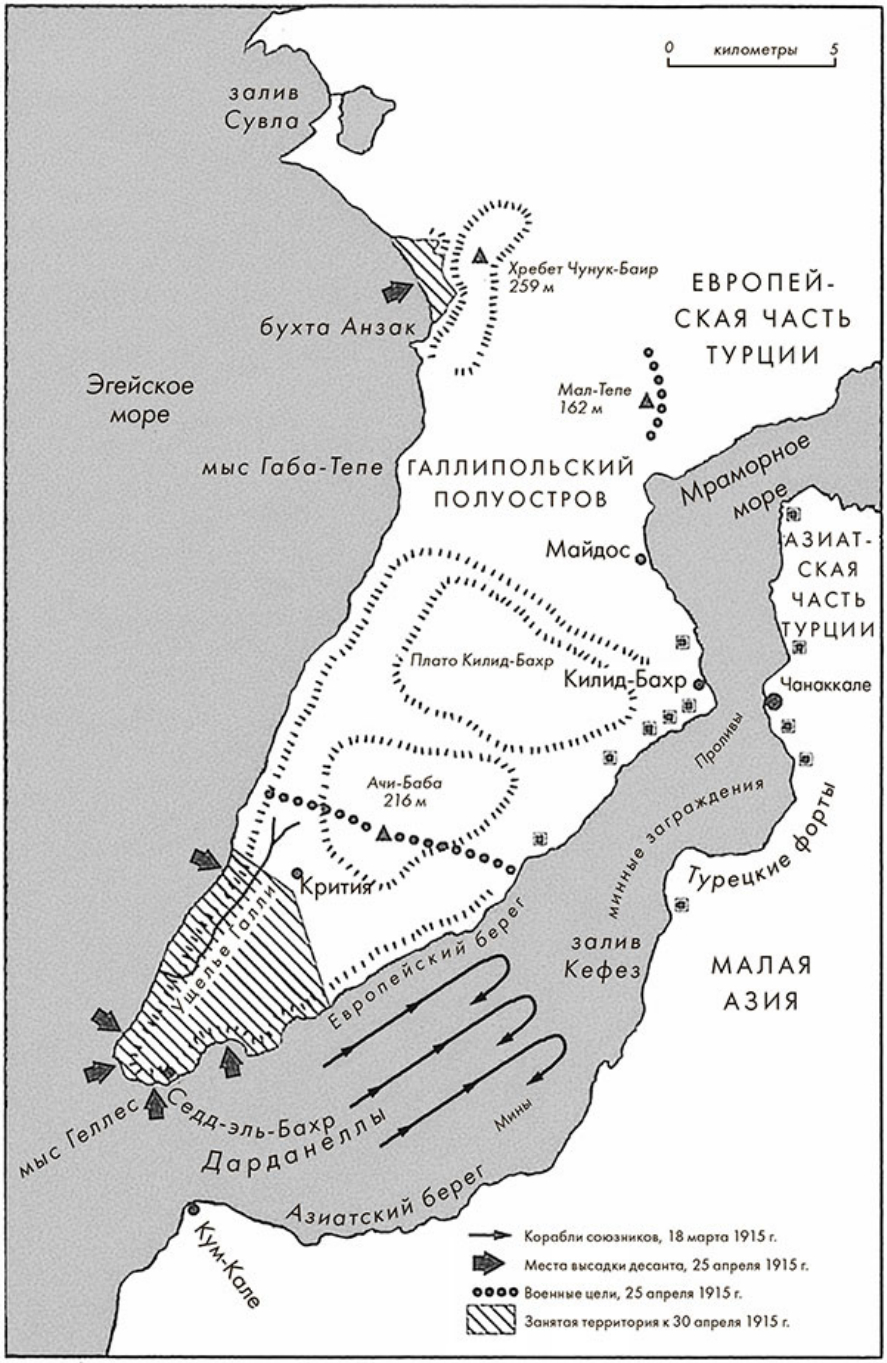
Южная Африка, 1899–1900 гг.

От Дурбана до Ледисмита



Египет, Судан и Восточная Африка

Европа, 1914–1918 гг.



Дарданеллы и Галлиполи, 1915 г.

Западный фронт

Боевая подготовка, 1915 г.

Командир батальона, 1916 г.

Деревня Плугстерт, 1916 г.

Россия: интервенция

Средний Восток

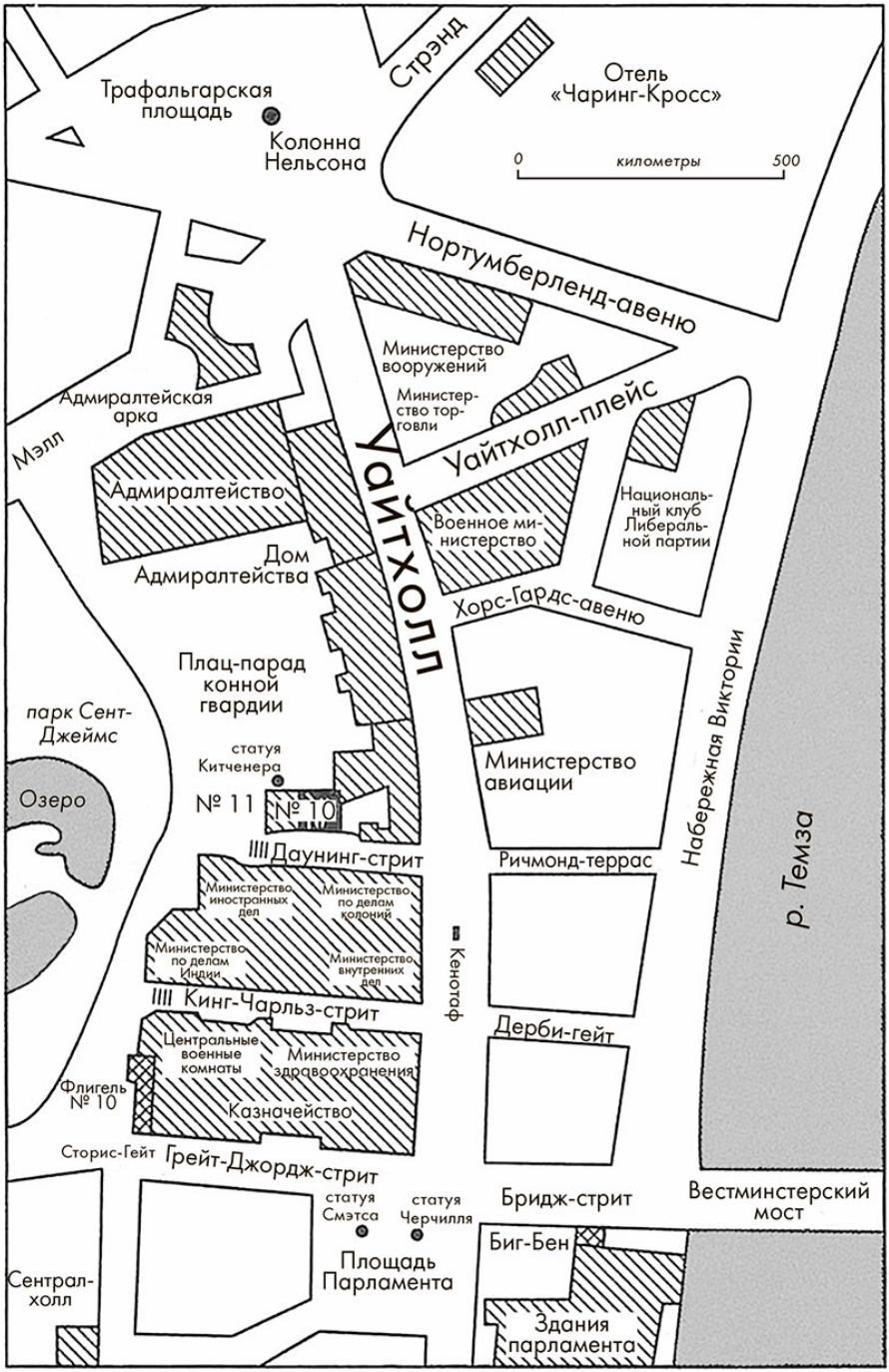
Чанаккале, 1922 г.

Западная Европа, 1939–1945 гг.

Нормандия, 1944 г.

Форсирование Рейна, март 1945 г.

Британия в годы войны, 1939–1945 гг.


Трафальгарская площадь
Колонна Нельсона
Стрэнд
Отель «Чаринг-Кросс»
0 километры 500
Нортумберленд-авеню
Министерство вооружений
Министер-ство тор-говли
Уайтхолл-плейс
Адмиралтейская арка
Мэлл
Адмиралтейство
Уайтхолл
Военное ми-нистерство
Националь-ный клуб Либераль-ной партии
Дом Адмиралтейства
Хорс-Гардс-авеню
Плац-парад конной гвардии
парк Сент-Джеймс
статуя Китченера
Озеро
№ 11
№ 10
Министерство авиации
Набережная Виктории
р. Темза
Даунинг-стрит
Министерство иностранных дел
Министерство по делам колоний
Министерство по делам Индии
Министерство внутренних дел
Ричмонд-террас
Кенотаф
Кинг-Чарльз-стрит
Центральные военные комнаты
Министерство здравоохранения
Дерби-гейт
Флигель № 10
Казначейство
Сторис-Гейт
Грейт-Джордж-стрит
статуя Смэтса
статуя Черчилля
Бридж-стрит
Вестминстерский мост
Биг-Бен
Площадь Парламента
Сентрал-холл
Здания парламента

Уайтхолл

Западная пустыня, 1940–1943 гг.

Средиземноморье

Центральная, Восточная Европа и Италия, 1939–1945 гг.

Европейские поездки

Юг Франции

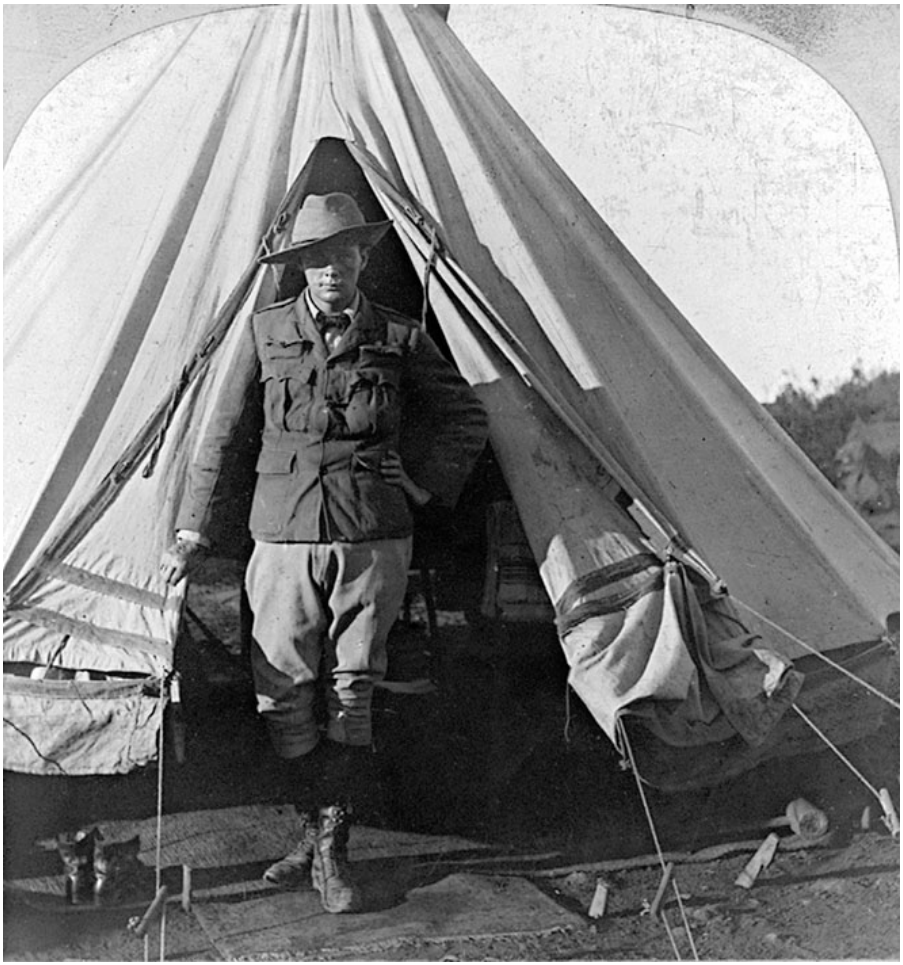
Фотоматериалы

Четырехлетний Уинстон с матерью, леди Рэндольф Черчилль (слева). 1878 г. Двенадцатилетний Черчилль во время учебы в Харроу (справа). 1886 г.

Library of Congress Prints and Photographs Division Washington / Reproduction Number: LC-DIG-ppmsca-04654

Леди Рэндольф Черчилль. Около 1895 г.
Cassell's Universal Portrait Gallery, published in 1895

Двенадцатилетний Черчилль во время учебы в Харроу. 1886 г.



Известный военный корреспондент на службе в Южной Африке. Блумфонтейн, 1900 г.

Library of Congress Prints and Photographs Division Washington / Reproduction Number: LC-USZ62–65632

Молодой парламентарий от консерваторов. 1900 г.

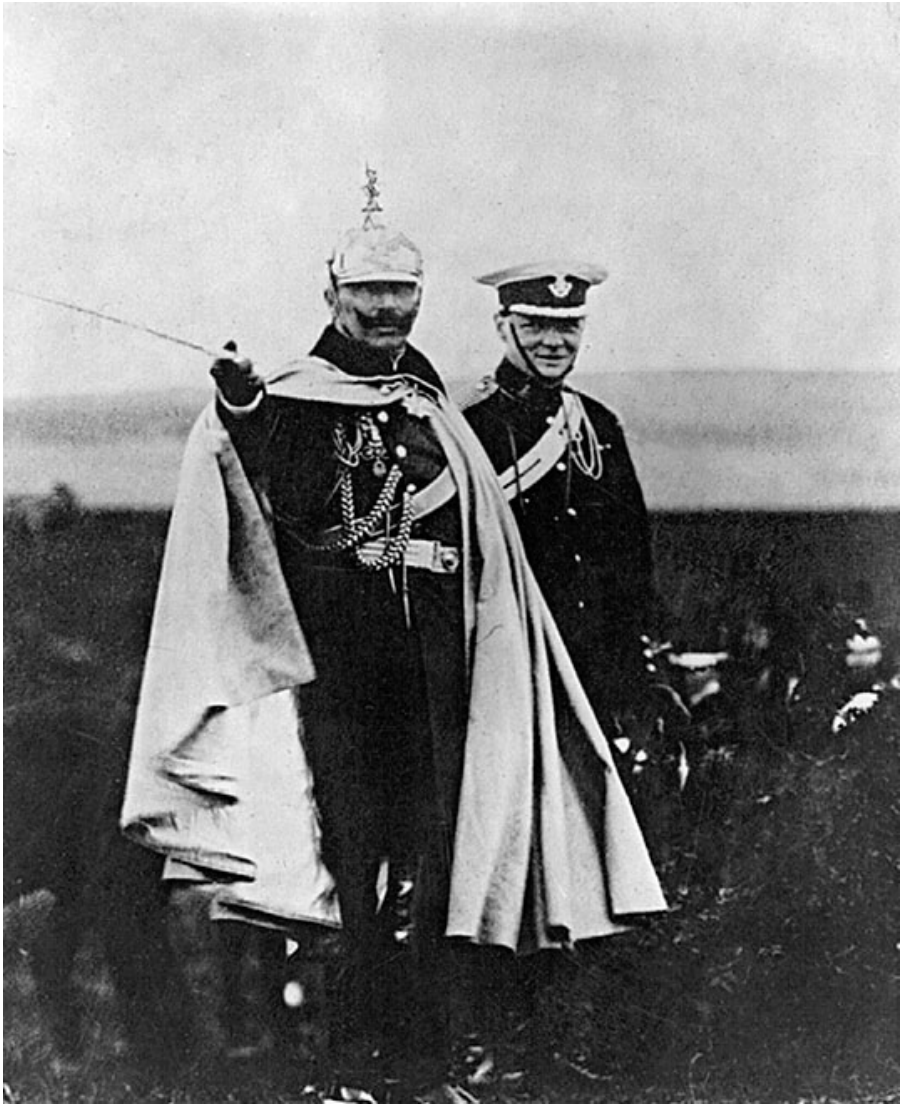
Library of Congress Prints and Photographs Division Washington / Reproduction Number: LC-USZ62–75523

Начинающий политик и популярный лектор. 1900 г.

Library of Congress Prints and Photographs Division Washington / Reproduction Number: LC-USZ62–65636

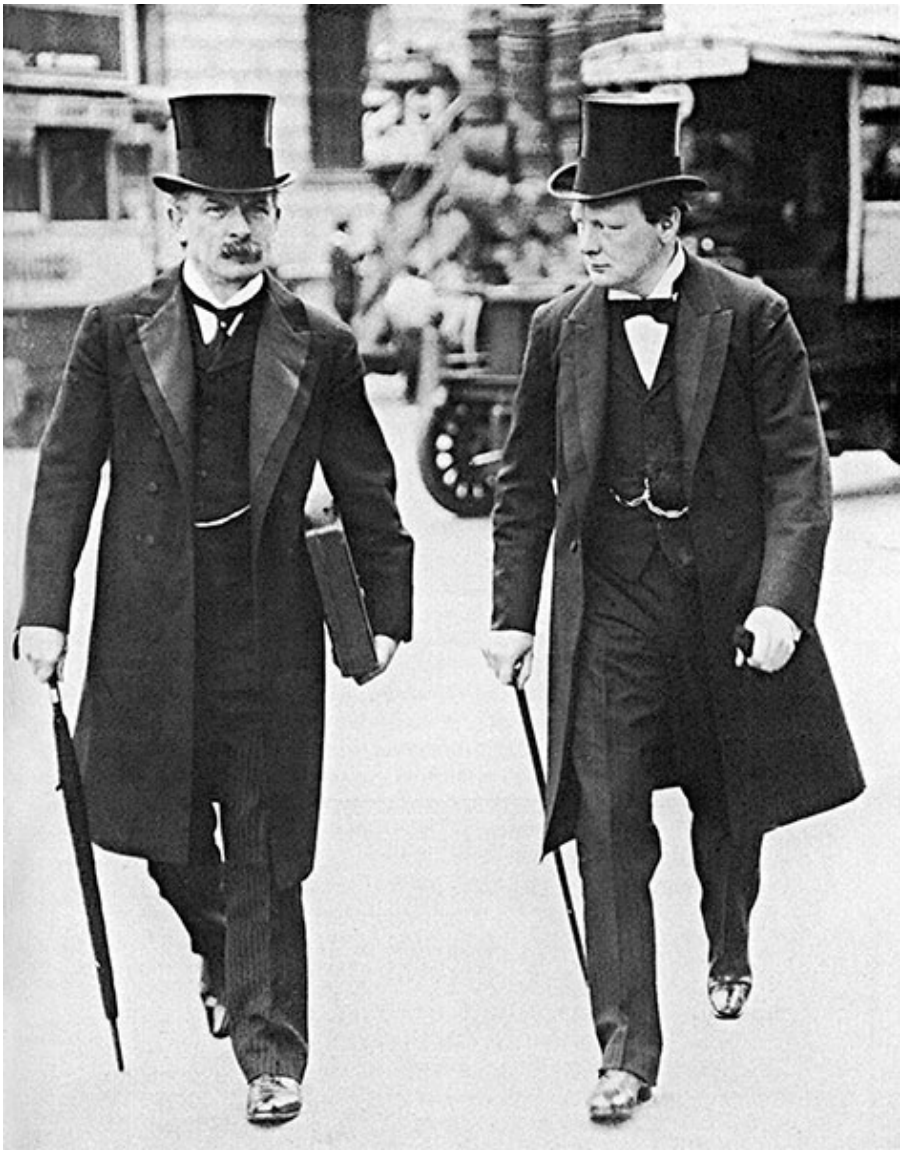
Заместитель министра по делам колоний. Около 1907 г.

Library of Congress Prints and Photographs Division Washington / Reproduction Number: LC-DIG-ggbain-04739



С кайзером Вильгельмом II на маневрах германской армии в Силезии. 1906 г.

Library of Congress Prints and Photographs Division Washington / Reproduction Number: LC-USZ62–75524



Дэвид Ллойд Джордж, канцлер Казначейства, и Уинстон Черчилль, министр торговли. 1910 г.

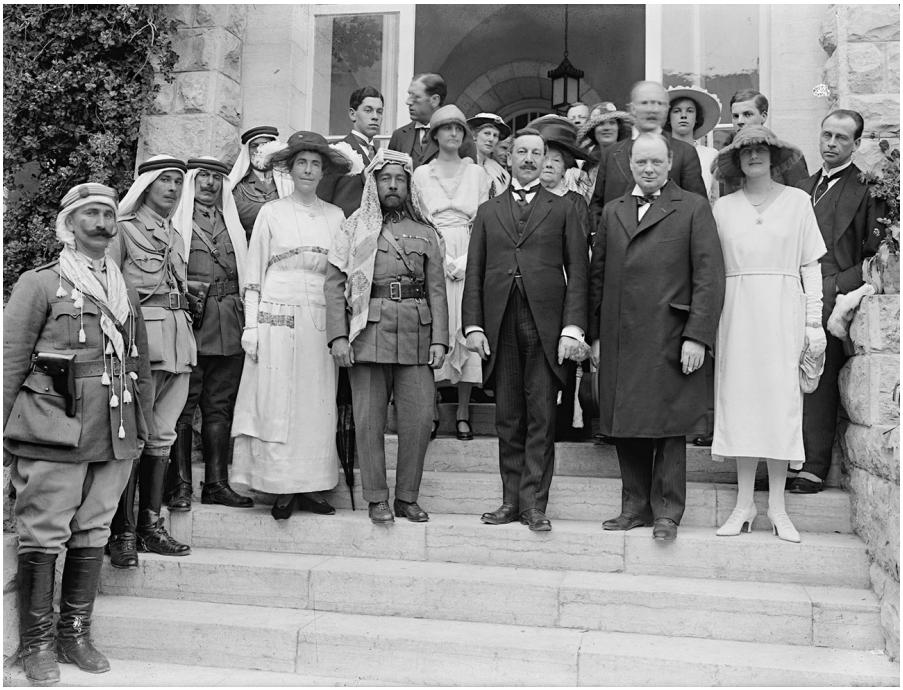
Клементина, жена Уинстона Черчилля. 16 февраля 1915 г. Library of Congress Prints and Photographs Division Washington / Reproduction Number: LC-USZ62–75526

Клементина Черчилль. Около 1915 г.

Library of Congress Prints and Photographs Division Washington / Reproduction Number: LC-DIG-ggbain-04621

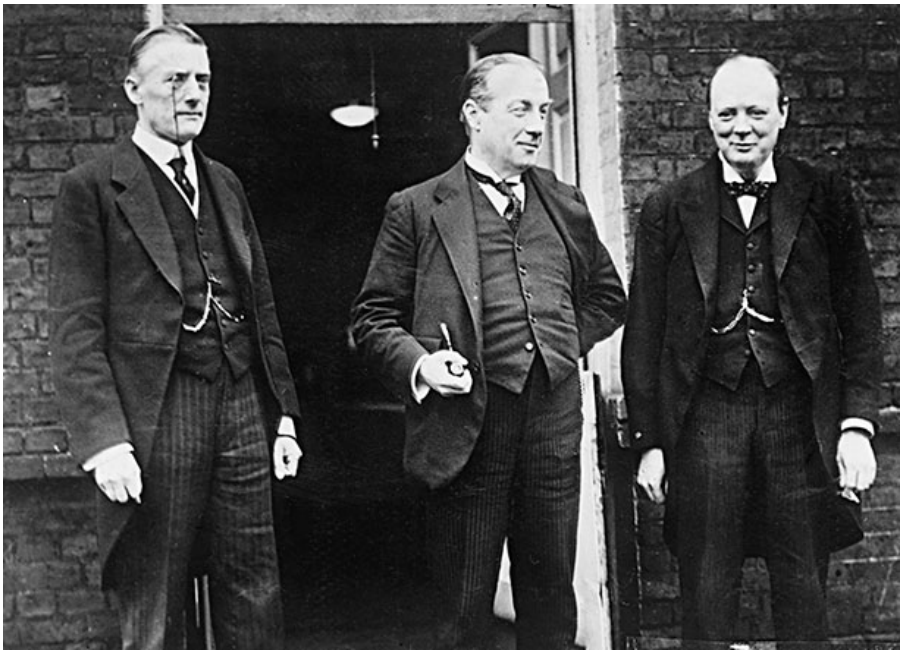
Черчилль, Т. Э. Лоуренс (Лоуренс Аравийский) и эмир Абдулла в Иерусалиме. Март 1921 г.

Library of Congress Prints and Photographs Division Washington / Reproduction Number: LC-USZ62–65460



Гертруда Белл, эмир Абдулла, Т. Э. Лоуренс (Лоуренс Аравийский), Герберт Сэмюэл, верховный комиссар Палестины, Уинстон и Клементина Черчилль у резиденции губернатора в Иерусалиме. 28 марта 1921 г.

Library of Congress Prints and Photographs Division Washington / Reproduction Number: LC-DIG-matpc-04380



Остин Чемберлен, министр иностранных дел, Стэнли Болдуин, премьер-министр, и Черчилль, канцлер Казначейства. 1925 г.

Photo Central News from Underwood and Underwood / Library of Congress Prints and Photographs Division Washington / Reproduction Number: LC-USZ62–111781

Черчилль во время поездки по Канаде и Соединенным Штатам. 19 октября 1929 г.

Library of Congress Prints and Photographs Division Washington / Reproduction Number: LC-DIG-hec-35556

Премьер-министр в самые тяжелые годы Второй мировой войны. 1941 г.

Library of Congress Prints and Photographs Division Washington / Reproduction Number: LC-USZ62–64419

Подписание Атлантической хартии: Черчилль и Рузвельт на борту американского тяжелого крейсера «Огаста». Август 1941 г.

U. S. Naval Historical Center Photograph

Черчилль возвращается из поездки на Атлантическую конференцию в Ньюфаундленде. 1941 г.

Library of Congress Prints and Photographs Division Washington / Reproduction Number: LC-DIG-ppmsca-05407

Уинстон Черчилль отдает честь своей дочери Мэри на борту линкора «Герцог Йоркский». Декабрь 1941 г.

Library of Congress Prints and Photographs Division Washington / Reproduction Number: LC-DIG-ppmsca-05357

Черчилль, Аверелл Гарриман, специальный представитель президента США в Великобритании и СССР, Сталин и Молотов в Кремле. Август 1942 г.

Library of Congress Prints and Photographs Division Washington / Reproduction Number: LC-USE6-D-006414

В поисках союзников: Черчилль и министр иностранных дел Турции Нуман Менемеджиоглу. Адана, 30 января 1942 г.

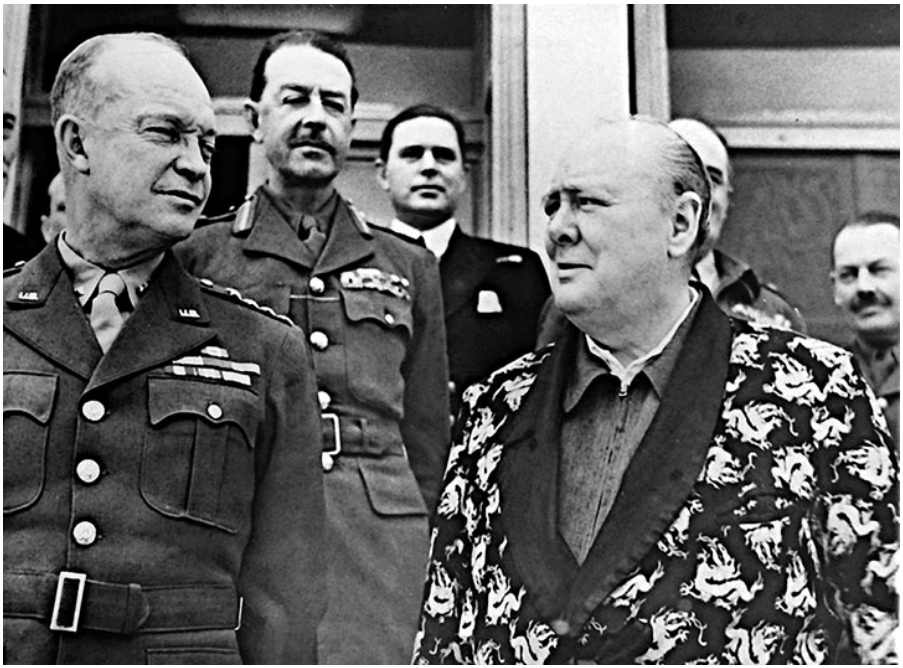
Library of Congress Prints and Photographs Division Washington

/ Reproduction Number: LC-USZ62–138234

Уинстон Черчилль. 1942 г.

Library of Congress Prints and Photographs Division Washington / Reproduction Number: LC-USW33–019093-C

Рузвельт и Черчилль на Каирской конференции. 1943 г.
U. S. National Archives and Records Administration



Слева направо: генерал Эйзенхауэр, генерал Александер и выздоравливающий после тяжелой болезни Уинстон Черчилль. Коринф, декабрь 1943 г.

Library of Congress Prints and Photographs Division Washington

/ Reproduction Number: LC-DIG-ppmsca-04649

Конференция в Квебеке. Премьер-министр Черчилль, президент Рузвельт и премьер-министр Канады Макензи Кинг. Сентябрь 1944 г.

U. S. National Archives and Records Administration

Рузвельт и Черчилль встречаются на Мальте перед Ялтинской

конференцией. 2 февраля 1945 г.

U. S. National Archives and Records Administration

Черчилль, Рузвельт и Сталин на Ялтинской конференции. Февраль 1945 г.

Army Signal Corps Collection in the U. S. National Archives

Президент США Гарри Трумэн и Уинстон Черчилль во время Потсдамской конференции. 18 июля 1945 г.

U. S. National Archives and Records Administration

Черчилль с президентом Трумэном перед Блэр-хаусом в Вашингтоне во время визита в США. 24 марта 1949 г.

U. S. National Archives and Records Administration

Снова премьер-министр: с Трумэном в Овальном кабинете Белого дома. 5 января 1952 г.

U. S. National Archives and Records Administration

Черчилль с сыном Рэндольфом (слева) и внуком Уинстоном (справа) в церемониальной одежде в день коронации Елизаветы II. Июнь 1953 г.

Library of Congress Prints and Photographs Division Washington / Reproduction Number: LC-DIG-ppmsca-05370

После отставки: Черчилль отдает честь приветствующим его американским морякам во время визита на авианосец «Рэндольф». 26 октября 1958 г.

J. C. Ricks / Naval Historical Center

Уинстон Черчилль со своим старым американским другом финансистом Бернардом Барухом в машине перед домом Баруха во время поездки в США. 14 апреля 1961 г.

Library of Congress Prints and Photographs Division Washington / Reproduction Number: LC-DIG-ppmsca-05374 / World Telegram and Sun

notes

Сноски

1

Фении – ирландские революционеры-республиканцы 2-й половины XIX – начала XX в.

2

Хрустальный дворец – выставочный зал в Лондоне, сгоревший в 1936 г.

3

Немного больше денег *(фр.)*.

4

В день (*лат.*).

5

Великая война – так до Второй мировой войны называли Первую мировую.

6

Пройдохи и развратницы *(фр.)*.

7

Ремесло, профессия *(фр.)*.

8

Главный редактор и издатель газеты Truth, Генри Лабушер, заслужил широкую известность благодаря «Поправке Лабушера», или Акту от 1885 г. о поправках к уголовному кодексу, позволивших привлекать уличенных в гомосексуализме мужчин к уголовной ответственности (поправка отменена Актом о половых преступлениях 1967 г.).

9

«Терф» – лондонский аристократический клуб завсегдатаев скачек.

10

Британский мир (*лат.*) – период доминирования Британской империи на море и в международных отношениях начиная с битвы при Ватерлоо 1815 г. и заканчивая Первой мировой войной.

11

Неожиданные развязки (*фр.*).

12

Нужно жить (*фр.*).

13

По существу (*фр.*).

14

Ради славы (*фр.*).

15

Гартакнут (Хардекнуд) – король Дании и Англии (ок. 1019–1042).

16

Мягко в обращении, твердо на деле (*лат.*).

Ослабление напряжения (*фр*.).

Здесь: (внезапные) налеты, вылазки (*фр*.).

19

При смерти (*лат.*).

20

Свершившийся факт (*фр.*).

21

Дуврский пролив – пролив Па-де-Кале.

22

Доггер-банка – гигантская песчаная отмель в южной части Северного моря.

23

Точки опоры (*фр.*).

24

Цистерна по-английски tank.

25

Налет, (военное) предприятие (*фр.*).

Вошь европейская (*лат.*).

27

Вот уже кое-что (*фр.*).

28

Какое восхитительное мгновение! (*фр.*)

29

Подвиг (*фр*.).

30

Кухня (*фр.*).

31

«Кнут» (Whip) – так в английском парламенте называли заместителя лидера фракции.

32

До победного конца (*фр.*).

33

При бомбардировке англичанами и американцами Гамбурга в 1943 г. погибло более 42 000 гражданских лиц и десятки тысяч были ранены в ходе лишь одного налета, длившегося сорок три минуты. – *Авт.*

Жизнерадостность (*фр.*).

Жизненное пространство (*нем.*).

36

Замок Сен-Жорж-Мотель принадлежал Консуэло Бальзан.

37

Теневые фабрики – предприятия, строящиеся специально для работы во время войны, «законсервированные» производственные мощности.

38

Назначенный командующий – выдвинутый на должность, но еще не вступивший в нее.

39

Нижние страны – исторический термин для обозначения земель в низменностях Рейна, Шельды и Мёза. Приблизительно соответствует территории современных Бельгии, Люксембурга, Нидерландов, Северной Франции.

40

Кокус – в Британии: верхушка партийного руководства (обычно неодобрительно).

41

Сэр Освальд Мосли – политик, основатель Британского союза фашистов.

Автомобиль (*фр.*).

43

Власть над сердцами дается лишь хладнокровным (*фр.*).

44

Французская Вест-Индия, или Французские Антильские острова, – историческое название островов в Карибском море, принадлежащих Франции.

СОЭ – Special Operations Executive (SOE).

46

Командир авиакрыла – воинское звание в ВВС Великобритании, среднее между майором и полковником авиации.

47

Да здравствует Франция! (*фр.*)

48

Западная пустыня – египетское название Ливийской пустыни, северо-западной части пустыни Сахара к западу от Нила в Египте, в Ливии и на северо-западе Судана.

49

Черч-хаус (Дом Церкви) – главное здание Национальной ассамблеи Англиканской церкви в Лондоне.

50

Лотарингский крест – символ Жанны д’Арк. Во Вторую мировую войну стал символом войск Свободной Франции под командованием генерала де Голля.

51

Люнет – открытое с тыла укрепление, рассчитанное, как правило, на несколько пехотных рот.

52

Строки из популярной песни Томаса Д. Дибдина (1771–1841) «Уютный маленький остров» (The Snug Little Island).

53

Монитор – тяжелый военный корабль с малой высотой надводного борта для ведения прибрежных операций.

54

«Банда Штерна» (Stern Gang) – английское название сионистской террористической группировки «Борцы за свободу Израиля».

55

Знать – значит понять; понять – значит простить *(фр.)*.

56

Речь идет о реке Одра (Одер) и ее левом притоке Нейсе.

Вдвоем (*фр*.).

Соответственно польские города Щецин и Вроцлав.

59

Национальный трест – организация по охране исторических памятников и достопримечательностей; финансируется в основном за счет частных пожертвований. Основан в 1895 г.

60

Движение туда-сюда (*фр.*). Речь идет о том, что министры постоянно приезжали к Черчиллю в Чартвелл.

61

Разрядка, ослабление политической напряженности между странами (*фр.*).

По совести, честно (*лат.*).